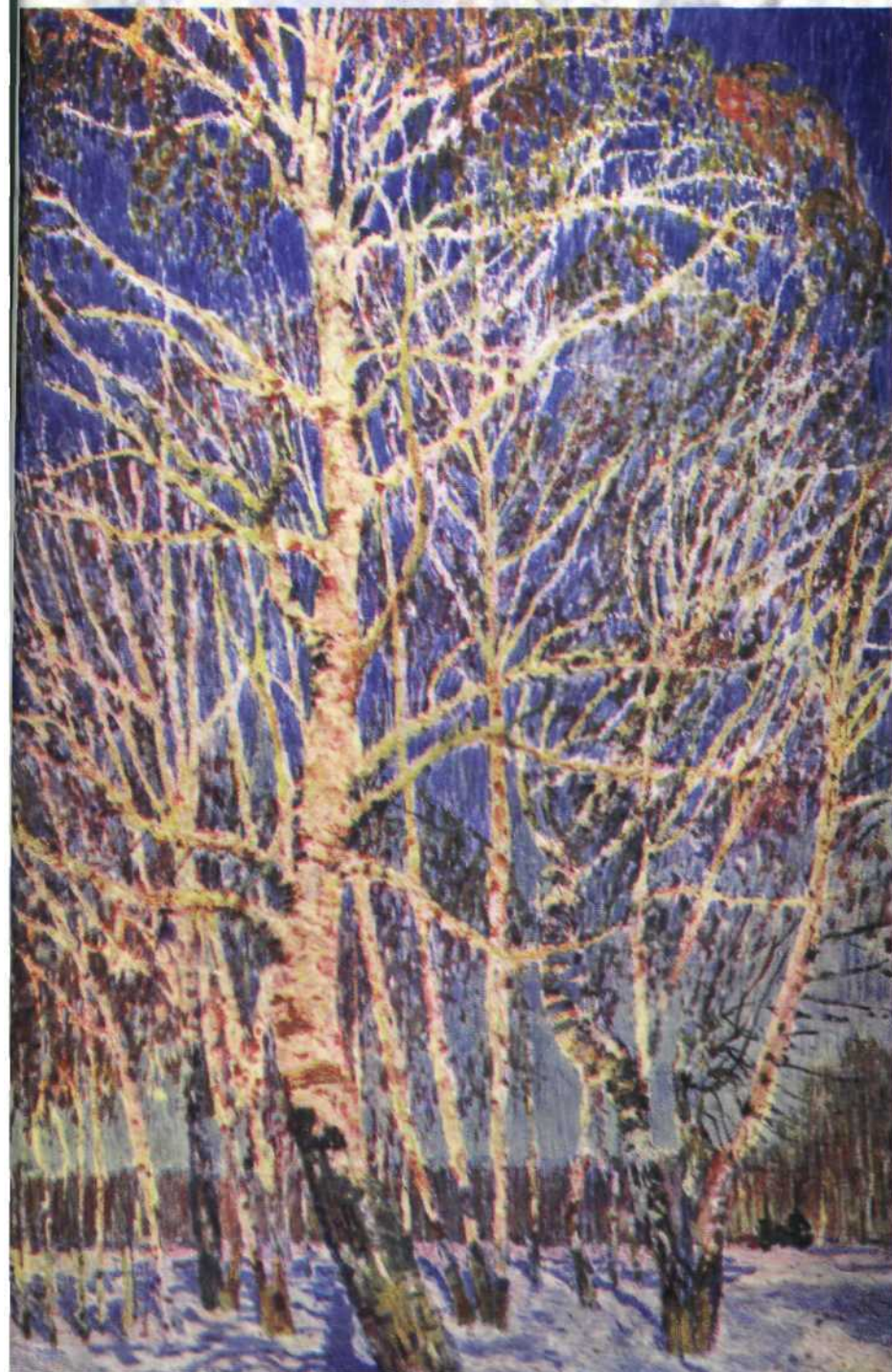

О. Н. Селиверстова

**ТРУДЫ
ПО СЕМАНТИКЕ**

STUDIA PHILOLOGICA

S T U D I A P H I L O L O G I C A

О. Я. Селиверстова

ТРУДЫ
ПО СЕМАНТИКЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 81.031
С 29

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 03-06-87043

Селиверстова О. Н.

С 29 Труды по семантике.-М.: Языки славянской культуры, 2004.-960 с—
(Studia philologica). (Вклейка после с. 320)

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0020-2

В книге представлены наиболее значительные монографические работы О. Н. Селиверстовой, вышедшие в свет с 1975 по 1998 годы. Они посвящены фундаментальным общетеоретическим и методологическим проблемам семантики: значению, верификации семантических гипотез, компонентному анализу. Наряду с этим они включают комплексное описание различных микросистем языка: местоимений, глаголов мышления и восприятия, бытийных и possessивных моделей, предлогов, а также углубленный анализ коммуникативной структуры высказывания. В семантических исследованиях широко используется разработанная и обоснованная автором экспериментальная методика. В совокупности работы представляют современную семантическую теорию, построенную на основании анализа обширного языкового материала. Разнообразие научной проблематики, глубина и оригинальность подхода автора делают книгу неоценимой для лингвистов самых разных направлений.

ББК 81.031

*В оформлении переплета использована картина
И. Э. Грабаря, «Февральская лазурь», 1904 г.*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshchelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-9551-0020-2

© О. Н. Селиверстова, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

9785 55 100203

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	11
1. ОБОБЩЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ И АДЕКВАТНОСТИ ЕЕ ОПИСАНИЯ.....	25
Библиография.....	55
2. НЕКОТОРЫЕ ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ГИПОТЕЗ И ИХ ВЕРИФИКАЦИЯ.....	57
Гипотезы, не проверяемые в рамках лингвистики.....	62
Аспекты лингвистических гипотез, не связанные с экспериментальной проверкой.....	71
Компонентный анализ и его обоснование.....	81
Эксперименте семантике.....	92
Библиография.....	108
3. КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ.....	111
От автора.....	113
Глава I. Теоретические предпосылки исследования.....	114
Выделение объекта исследования.....	115
Метод исследования.....	125
Методы проверки результатов исследования.....	126
Полисемантность и многовариантность.....	131
Глава II. Глагол <i>иметь</i> и конструкция типа <i>Уменя (есть)</i>	134
Описание глагола <i>иметь</i> в лингвистической литературе.....	135
Признаки экзистенциональности.....	139
Информация о наличии свойства, чувства, представления (вариант а ₁).....	145

Информация о наличии действия или его результата в сфере «существования» производителя этого действия (вариант a ₂).....	155
Сочетания типа <i>иметь возможность, иметь основание</i> (вариант a ₃).....	159
Информация о наличии действия или его результата в сфере «существования» адресата действия (вариант a ₄).....	161
Информация о наличии объекта, одно из свойств которого есть отношение к другому объекту (вариант a ₅).....	162
Информация о наличии элемента собственности (вариант a ₆).....	164
Информация о нахождении в физическом пространстве и в пространствах типа «институт» (варианты a ₇ и sa).....	165
<i>Глава III. Глагол принять</i>	168
Информация о наличии свойства, чувства, представления (вариант a ₁).....	170
Информация о наличии действия или его результата в сфере «существования» производителя действия (вариант a ₂).....	178
Сочетания типа <i>принять командование, принять совет</i> (вариант a ₃).....	186
Информация о наличии действия или его результата в сфере «существования» адресата действия (вариант a ₄).....	191
Информация о наличии объекта, одно из свойств которого есть отношение к другому объекту (вариант a ₅).....	196
Информация о наличии элемента собственности и о нахождении в физическом пространстве (варианты a ₆ и a ₇).....	197
Информация о нахождении в системе или классе, представителем которого является денотат подлежащего (вариант sa).....	201
Информация о включении в системы отображения (вариант a ⁵).....	213
<i>Глава IV. Глагол получить</i>	220
Информация о наличии свойства, чувства, представления (вариант a ₁).....	220
Информация о наличии действия или его результата в сфере «существования» производителя действия (вариант a ₂).....	230
Сочетания типа <i>получить право, получить возможность</i> (вариант a ₃).....	231
Информация о наличии действия или его результата в сфере «существования» адресата действия (вариант a ₄).....	232
Сочетания типа <i>получить выгоду, получить деньги</i> (варианты a ₅ и a ₆).....	234
Информация о нахождении в физическом пространстве (вариант a ₇).....	240
<i>Глава V. Глагол дать</i>	245
Информация о наличии свойства, чувства, представления (вариант a ₁).....	247
Информация о наличии действия или его результата (варианты a ₂ и a ₄).....	250
Сочетания типа <i>дать возможность, дать на анализ, дать на рецензию</i> (варианты a ₃ и a ₅).....	256
Информация о наличии элемента собственности (вариант a ₆).....	256

<i>Глава VI. Глагол <i>взять</i> (<i>брать</i>)</i>	265
Информация о наличии свойства (вариант <i>a</i> ₁).....	266
Сочетания типа <i>взять слово</i> и типа <i>взять на себя хлопоты</i> (варианты <i>a</i> ₂ и <i>a</i> ₃).....	268
Сочетания типа <i>взять обещание</i> , <i>взять на поруки</i> (варианты <i>a</i> ₄ и <i>a</i> ₅).....	270
Информация о наличии элемента собственности (вариант <i>a</i> ₆).....	271
Информация о нахождении в физическом пространстве (вариант <i>a</i> ₇).....	276
Информация о нахождении в системе, в которую входит или представителем которой является денотат подлежащего (вариант <i>sa</i>).....	284
Информация о включении в систему отображения (вариант <i>a</i> ⁸).....	288
Заключение.....	293
Основные результаты.....	293
Выводы.....	297
4. КОНСТАНТНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ ТИПА <i>TAKE</i>	305
Глагол <i>take</i> в группе глаголов мышления.....	312
Глагол <i>take</i> и признак «фактивности/нефактивности».....	312
Признак «лично/нелично-обусловленного суждения».....	316
Глаголы <i>take</i> , <i>assume</i> и глагол <i>полагать</i>	322
Понятие вторичного внутреннего восприятия.....	326
Типы высказываний.....	329
Способ построения отображения.....	336
Глагол <i>take</i> как глагол внутреннего восприятия.....	338
Информация о включении в мироощущение, видение мира.....	345
Общие признаки анализируемых значений.....	349
Признак «нахождение в пространстве, связанном с X тем или иным отношением» (<i>Ex</i> ₂ <i>SX</i>).....	349
Другие признаки анализируемых слов.....	364
Библиография.....	373
5. МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ.....	375
Введение.....	377
<i>Глава I. Общетеоретические предпосылки исследования</i>	380
1. Значение и денотат.....	380
2. Коммуникативная структура высказывания.....	392
3. Семантическое представление актанта ситуации.....	399
Заключение.....	404
<i>Глава II. Семантические и референциальные свойства местоимений</i>	406
1. Общая трактовка местоименного значения местоимения <i>я</i> , <i>ты</i>	406
2. Местоимения третьего лица, местоимение <i>это</i>	418

3. Языковое понятие существования и квантор существования.....	429
Заключение.....	435
<i>Глава III. Местоимения с -нибудь и -то.....</i>	<i>437</i>
1. Обзор литературы.....	437
2. «Местоименность» -то и -нибудь.....	447
3. Местоимения с -то и -нибудь в высказываниях, соотносимых с планом будущего.....	450
4. Местоимения с -то и -нибудь в высказываниях, описывающих многократное событие.....	465
5. Местоимения с -то и -нибудь в высказываниях, описывающих однократное реализованное событие.....	476
6. Местоимения с -то и -нибудь в обобщенных высказываниях.....	484
7. Местоимения с -нибудь и ни-.....	491
Заклучение.....	502
<i>Глава IV. Местоимения с -one и -body.....</i>	<i>507</i>
1. Концепция Д. Болинджера.....	507
2. Someone/somebody при описании однократного реализованного события.....	512
3. Someone/somebody при описании других типов событий.....	516
4. Типы денотации.....	518
5. Другие производные с -one и -body.....	523
Заклучение.....	528
<i>Глава V. Любой и any.....</i>	<i>529</i>
1. Обзор литературы и постановка задач.....	529
2. Признак заполнения актантной позиции в значении слова <i>любом</i>	531
3. Обобщенные высказывания.....	539
4. Сопоставление <i>any</i> и <i>любой</i>	544
Заклучение.....	547
Общие выводы.....	549
Библиография.....	552
6. КОНТРАСТИВНАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА.	
ОПЫТ ОПИСАНИЯ.....	557
Введение.....	559
<i>Глава I. Экзистенциальность, локативность и посессивность</i>	
в русском языке. Типы предикатов.....	563
1. Экзистенциальность и пространственность.....	564
2. Понятие посессивности.....	577
3. Типы предикатов с глаголами <i>быть</i> и <i>иметь</i> в рамках лексико-грамматической классификации предикатов.....	585
Заклучение.....	602

<i>Глава II. Понятие синтаксической модели и актуальное членение</i>	605
1. Синтаксическая модель.....	605
2. Коммуникативная перспектива высказывания. Актуальное членение ...	613
Заключение.....	627
<i>Глава III. Модели с <i>есть</i> и нулевой связкой</i>	628
1. Различие по признаку наличие Y-а/качественная идентификация Y-а ...	628
2. Наличие в множестве/наличие вне множества.....	633
3. Кванторно-экзистенциальное значение.....	641
4. Контрастивная функция модели « <i>У X-a Y</i> ».....	645
5. Признак «протекание/наличие».....	648
Заключение.....	652
<i>Глава IV. Общая характеристика экзистенциальности и посессивности</i> <i>в английском языке</i>	654
1. Конструкция с <i>there</i> в сопоставлении с русскими экзистенциальными предложениями.....	655
2. Общая характеристика модели « <i>X has Y</i> » и ее сопоставление с моделью « <i>there is Y</i> ».....	666
Заключение.....	676
<i>Глава V. Конструкция «<i>there is Y(Loc)</i>»</i> <i>и нелокативная модель «<i>У V(Loc)</i>» в их противопоставлении</i>	679
1. Признак «включенность Y-а в пространство в качестве его составной части».....	680
2. Фактор времени в значении конструкции « <i>there to be</i> ».....	686
3. Различия в коммуникативной перспективе.....	688
4. Модель « <i>Loc is Y</i> ».....	699
5. Модель « <i>Y is Loc</i> ».....	700
Заключение.....	702
Общее заключение.....	704
Библиография.....	710
Summary.....	715
7. РУССКИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ДИСТАНЦИОННЫЕ ПРЕДЛОГИ И НАРЕЧИЯ	719
Предисловие.....	721
<i>Введение. Обзор литературы и постановка задач исследования</i>	724
1. Синтагматический/парадигматический подходы.....	724
2. Представление об инвариантности/полисемантической как отправная точка исследования.....	727
3. Описание в системе геометрических и функциональных понятий.....	730
4. Когнитивная/концептуальная лингвистика.....	735
5. Ситуационная семантика.....	743
6. Задачи исследования.....	745

<i>Глава I. Подгруппы пространственно-дистанционных предлогов и наречий в русском языке</i>	754
1.1. Семантика дистанционных наречий <i>близко/далеко</i>	754
1.2. Семантика пространственно-дистанционных наречий <i>вдали, вблизи, невдалеке</i>	762
1.3. Семантика предлога <i>близ</i>	785
1.4. Семантика слова <i>поодаль (от)</i> и предложной группы <i>в отдалении (-нье)</i>	795
Заключение.....	813
<i>Глава II. Пространственно-посессивные отношения.</i>	
Понятие «области» ориентира (релятума).....	816
2.1. Семантика предлога <i>у</i>	816
2.2. Семантика слова <i>возле</i>	850
2.3. Семантика слова <i>около</i>	878
Заключение.....	901
<i>Глава III. Понятия «рядности» и «окрестности»</i>	903
3.1. Семантика слова <i>рядом</i>	903
3.2. Семантика слова <i>поблизости</i>	922
Заключение.....	930
<i>Заключение. Основные результаты</i>	931
Библиография.....	942
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ О. Н. СЕЛИВЕРСТОВОЙ.....	946
ДИССЕРТАЦИИ, ВЫПОЛНЕННЫЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ	
О.Н.СЕЛИВЕРСТОВОЙ.....	950
УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ.....	952
ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	954

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ольга Николаевна Селиверстова была выдающимся русским лингвистом, оставившим после себя фундаментальные труды по многим, в том числе общетеоретическим и методологическим, проблемам семантики. В ее работах формулируются проблемы, рассматриваются явления и понятия, составляющие базис современной общесемантической теории. Это—объект лингвистической семантики, верификация семантических гипотез, многозначность слов, константность и вариативность в семантической структуре слова, синтаксическая семантика и др. Широкую известность в России и за рубежом получили ее труды по семантическому анализу многозначных слов, семантике предикатов и местоимений, контрастивной синтаксической семантике, пространственно-дистанционным предлогам и наречиям, семантике совершенного вида. Многие из поставленных ею задач предвосхищают современные продуктивные направления лингвистических исследований. Одной из первых она обратилась к изучению семантики особых классов слов—местоимений, предлогов. Пионерскими являются ее работы в области синтаксической семантики, теории коммуникативной перспективы. Она в значительной степени оживила интерес к сопоставительной семантике. Особенностью ее творчества было применение к лингвистическому материалу исследовательских принципов, воспринятых из естественных наук. Она считала, что лингвистика должна брать пример с физики, в которой базовые законы остаются неизменными, и развитие представлений о природе в результате получения новых данных лишь надстраивается

над этими законами, корректирует, но не отменяет их. Она писала, анализируя положение в лингвистике [Селиверстова // Вопр. языкознания. 2002. №6]: «Если не считать открытий нового предмета исследования, смена парадигм (во всяком случае в точных науках), как правило, происходит в результате разработки более тонких методов исследования, которые позволяют получить новые данные... В отличие от этого, весьма частые смены парадигм в лингвистике XX века в значительной степени (не всегда, конечно) были вызваны не получением новых данных о языке, а сознательным или бессознательным стремлением упростить объект исследования с тем, чтобы к нему были применимы более точные методы». Ольга Николаевна с самого начала своей научной деятельности считала, что упрощение такой сложной системы как язык недопустимо и что лингвистика остро нуждается в надежных данных, которые можно получить только с помощью экспериментальной работы с живым языком. Следовательно, считала она, необходимо создавать методики, дающие точное описание языковых явлений, и эти описания должны иметь предсказательную силу. Непременным условием повышения точности семантического описания она считала тщательную разработку понятийного аппарата. Одной из причин указанной выше частой смены научных парадигм в лингвистике XX века была, среди прочего, и неопределенность понятийного аппарата «традиционных» лингвистических теорий.

Ольга Николаевна разработала экспериментальные методы исследования, имеющие много общего с методами естественных наук. Она считала, что лингвистические исследования должны строиться следующим образом: постановка задачи, сбор языкового материала, и построение гипотезы, описывающей изучаемое явление (его компоненты). Затем—поиск «отрицательного» материала (в терминологии Л. В. Щербы), который используется как основной инструмент для обнаружения недостатков постулируемой гипотезы. С помощью «отрицательного» материала производится коррекция гипотезы, и, наконец, объяснение новых сторон явления в свете скорректированной гипотезы, т. е. демонстрация ее предсказательной силы. Полученные таким образом в рамках экспериментальной семантики материалы позволяли Ольге Николаевне чувствовать себя уверенно и независимо от различных «лингвистических мейнстримов», время от времени шумно возникавших и постепенно исчезающих из поля зрения ученых. Она всегда занимала независимую позицию в науке и в каждом вновь возникающем направлении стремилась прежде всего оценить его сильные и слабые стороны и его место в общем русле лингвистики. Созданные ею экспериментальные методики позволяли получать данные такой глубины и полноты, которые делали их фундаментальными. Ольга Николаевна была убеждена, что семантика должна стать точной наукой и пока ею не стала лишь вследствие невероятной сложности предмета.

Ольга Николаевна обладала не только глубоким аналитическим умом, но и необычайной языковой интуицией. Она никогда не останавливалась на очевидных семантических противопоставлениях, но стремилась объяснить все, что этими противопоставлениями не объяснялось, и находила в этой работе драматизм и захватывающий интерес первоиспытателя. Только тогда, говорила она, когда будут учтены все мельчайшие детали и объяснены все кажущиеся несуразности, возникнет ясная теория и задача будет решена. Становится все более несомненным, что только такой подход и определяет высокий уровень и научную достоверность лингвистических исследований.

Предлагаемые в данном издании монографии и статьи О. Н. Селиверстовой—лишь часть ее научного наследия. Прежде чем несколько более подробно остановиться на этих работах, расскажем здесь о ней самой.

Родители Ольги Николаевны принадлежали к старой русской интеллигенции. Отец, Николай Александрович Селиверстов, окончил историко-филологический факультет Московского университета. Он был широко образованным человеком, как и многие интеллигенты его поколения. Историк по первой своей профессии, он скоро понял, что нормальной работы по истории в тогдашних условиях быть не может, и в начале 30-х гг. заочно окончил МВТУ и стал инженером. В 1941 г. он был призван на фронт, был командиром роты саперов и погиб в 1943 г. на Курской дуге. Мать—Нина Николаевна Скибневская, окончила биолого-почвенный факультет Московского университета и всю жизнь проработала во Всесоюзном институте растениеводства. Она выводила новые сорта картофеля и районировала их. Один из сортов был назван «Ольга»—в честь дочери. Дедушка, Александр Николаевич Селиверстов, инженер-технолог, был одним из основателей промышленной вентиляции в России. Вместе со своим братом Глебом Николаевичем до революции владел фирмой, пользовавшейся высокой репутацией. Жена Александра Николаевича, Нина Васильевна, в девичестве Залуцкая, происходила из среды украинского духовенства. Ее брат, Леонид Васильевич Залуцкий, был, до своей смерти в блокадном Ленинграде, бессменным директором Института мер и весов.

Знакомыми и близкими друзьями родителей Ольги Николаевны были Петр Саввич Кузнецов, Владимир Иванович Ньюберг, Александр Иванович Смирницкий и многие другие. Отец Ольги Николаевны и его брат, Глеб Александрович (математик, репрессированный перед войной и также погибший на фронте в 1943 г.), в юности дружили с Андреем Николаевичем Колмогоровым.

Ольга Николаевна была жизнерадостным, увлеченным человеком. Она много и напряженно работала, а отдых находила в новых впечатлениях, встречах с друзьями, интересных путешествиях. Она любила летние туристические походы. Вместе с мужем и друзьями, в 60-е гг. много ходила и ездила по Русскому северу (Мариинская система, Кирилло-Белозерский монастырь, Ки-

жи, Валаам, Соловки), ходила в горные походы—через кавказские перевалы Донгуз-Орун, Алибек, Клухор, Морды (от аула Хурзук в Сванетию), Кулак (на плече пика Тихтинген),—к Черному морю. В 70-х были пройдены на байдарках маршруты по рекам Молога, Свольня, Великая, Жиздра, по реке Сиг на Кольском полуострове и далее, вдоль побережья по Белому морю, а также по Волге—вниз от Волгограда.

Ольга Николаевна была интеллигентным, разносторонне образованным, тонким и обаятельным человеком. Дома у нее часто собирались друзья, и она была душой всякой беседы, умея находить общечеловеческое в частном и превыше всего ставя основные жизненные ценности—добро и сострадание к слабейшим. Ко всем, кто составлял ее круг общения—родным и друзьям, ученикам (часто становившимся друзьями) и соседям по дому—она относилась с исключительным теплом и участием.

Вся ее жизнь была отдана науке.

При составлении *curriculum vitae* в конце девяностых, Ольга Николаевна так писала о себе: «Тридцать пять лет работы в области семантических исследований, посвященных: а) общетеоретическим и методологическим проблемам, б) описанию различных семантических микросистем (местоименных, глагольных и предложных групп, синтаксических моделей), в) анализу коммуникативной структуры высказывания. Около 70 публикаций, в том числе 6 монографий, две из них с соавторами. Некоторые работы опубликованы во Франции, Германии, Австрии, Венгрии. В течение ряда лет сотрудничаю с французскими лингвистами. В настоящее время—руководитель (с русской стороны) русско-французского проекта „Служебные слова в русском языке“ (1999—2002 г.). Регулярно веду семинары в Институте языкознания РАН по экспериментальной семантике, периодически читаю лекции в институтах Москвы и других городов (Курск, Ижевск, Минск, Вильнюс). Отдельные лекции читала во Франции (Paris-7, INALCO, Университет AIX en Provence) и Италии (Университет Флоренции).

Научные интересы: 1) Природа языкового значения и типы его семантической структуры, проблема разграничения денотата (референта) и значения, полисемия и ее типы, лексическое и грамматическое значение. 2) Организация информации высказывания (коммуникативная перспектива, членность/слитность, фокус контраста). 3) Методы верификации (эксперимент в семантике). 4) Семантика различных микросистем (предлогов, местоимений, экзистенциальных и посессивных моделей, и т. д.)...

Основные достижения и результаты: 1) Развитие и внедрение экспериментальной методики исследования семантики. 2) Применение компонентного анализа не для извлечения системных данных из словарных статей, а как

часть исследовательской процедуры, включающей в себя экспериментальную проверку постулируемых компонентов. 3)...». Дальше написать она не успела.

Ольга Николаевна обладала редким качеством — соединением таланта и творческого созерцания. Именно это качество, как отмечал замечательный русский философ И. А. Ильин, рождает выдающихся ученых, поэтов, писателей, художников. Ей был близок тип ученого, который годами, иногда всю жизнь, вынашивает свои идеи. Она была строга к себе и не позволяла ни себе, ни своим ученикам публиковать работы, если результаты недостаточно проверены и доказаны. Работа велась постоянно: в отпуске, во время прогулок, в беседах с учениками и друзьями. Для учеников она не жалела сил и времени. Под ее руководством были защищены 18 кандидатских и две докторские диссертации. Ее учениками были начинающие лингвисты из Москвы и Подмосковья, Прибалтики, Украины, Средней Азии, Вьетнама. По-разному сложилась их судьба, но нет ни одного, кто бы ни сохранил чувства радости и благодарности судьбе за встречу и работу с таким талантливым, светлым человеком и ученым. Как истинный ученый, она заражала и других исследовательским азартом. Но при этом она всегда подчеркивала необходимость самого ответственного отношения к предмету исследования. На своем примере она показывала, как важно уметь быть настойчивым и терпеливым при получении и проверке научных результатов. Для Ольги Николаевны каждый аспирант был прежде всего личностью. Она вообще умела уважать и ценить индивидуальность другого человека. В то же время каждый новый ученик осознавал, что он включается в ее научную школу.

О. Н. Селиверстова начала свой путь в науке в начале 1960-х гг., когда семантика еще только складывалась в самостоятельную лингвистическую дисциплину и основополагающие для нее понятия, такие, как значение и структура языкового знака, принципы организации значения, методика семантического исследования, способы семантического описания и др. были еще не выработаны, либо не были общепринятыми и подвергались постоянному пересмотру. Уже в первых ее публикациях и в теоретической части кандидатской диссертации, посвященной описанию значений местоимений, защищенной в 1965 году, разрабатываются теоретические основы семантических исследований. Анализ этих фундаментальных проблем, определяющих подход к частным исследованиям, в той или иной степени присутствует и во всех ее последующих работах. Она периодически возвращалась к ним, углубляя и уточняя их понимание. Основной задачей семантики она считала открытие и точное описание сложных концептов, заключенных в словах. Это позволило бы создать адекватные действительности словари и грамматики. Она полагала, что в семантике нет так называемых «узких» и «широких» тем. Ей были близки

идеи Л. В. Щербы, считавшего, что описание значения даже одного слова может быть предметом монографии. Оценивая пути, пройденные лингвистикой в XX веке и ее задачи на будущее, она приравнивала открытие сложных концептов, заключенных в семантике слов, к открытию частных законов в естественных науках. Она была убеждена, что глубокие теоретические обобщения невозможны без того, что иногда называют «практическими» исследованиями, относя к ним все конкретные языковые исследования и их результаты. Она считала, что в семантике, так же как и в точных науках, следует говорить об общей теории и о частных теориях, описывающих ограниченное число явлений, поскольку адекватное описание семантики определенной группы слов (или даже слова) имеет несомненное теоретическое значение и служит основой для теоретических обобщений. Она любила говорить, что появление большого числа таких частных семантических исследований, выполненных учеными-единомышленниками, создаст базу для качественного скачка в теоретической лингвистике, определяемого в конечном счете осмыслением и обобщением этих исследований. В этом она видела путь развития не только семантики, но и всей лингвистики в новом столетии.

Трудно кратко охарактеризовать научную значимость работ, вошедших в публикуемые труды. Возможно, они будут по достоинству оценены лишь в будущем. Ольга Николаевна несомненно опережала в своем творчестве время, в которое жила. Но не менее важно, что в ее трудах прослеживается духовная связь с такими выдающимися русскими лингвистами, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Потебня, М. М. Покровский, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий.

Избранные труды О. Н. Селиверстовой включают наиболее значительные публикации, вышедшие в свет с 1975 по 1998 г. Это монографии и статьи, посвященные общетеоретическим и методологическим проблемам семантики. Открывают избранные труды три разные по объему, но не уступающие друг другу по значимости работы: «Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания», «Некоторые типы семантических гипотез и их верификация» и «Компонентный анализ многозначных слов». Центральное место в них занимают такие основополагающие для семантики проблемы, как значение, методика его исследования, многозначность.

То или иное понимание значения, как всегда считала Ольга Николаевна, оказывается решающим фактором для каждой семантической теории и неизбежно сказывается на выборе предмета и методики исследования, и на его результатах. Понимание ею значения языкового знака как определенного смысла, содержания, закрепленного за означающим (в других терминах—концепта, «наивного» понятия), совпадает со взглядами таких лингвистов, как А. А. Потебня, Ф. де Соссюр, А. И. Смирницкий, Д. Н. Шмелев и ряда других. Однако

она внесла важные уточнения в теорию значения, предложив рассматривать значение под углом зрения того, как оно реализуется при употреблении знака в речи. Смысл, закрепленный за языковым знаком в речи, составляет информацию, которую знак передает о своем денотате. Обоснованное в ее трудах понимание значения как информации, или определенного набора сведений, содержащихся в языковом знаке, оказалось принципиально важным для практических семантических исследований. Такое понимание значения позволяет решить вопросы разграничения значения и понятия, значения и денотата, значения и контекста, значения и экстралингвистических знаний. Это разграничение позволяет отделить объект семантики от связанных с ним, но не равнозначных сущностей. На примере исследования разнообразных групп слов, Ольга Николаевна показала необходимость последовательного разграничения значения и денотата, как принципиально разных явлений. При семантическом исследовании это разграничение необходимо проводить не только теоретически, но и практически (что гораздо сложнее), чтобы не подменить описание значения описанием денотативной ситуации. Такой подменой грешат, в той или иной степени, многие семантические работы. Денотативная способность слова понималась ею как производная от значения. Только те объекты или явления могут быть денотатами слова, свойства которых соответствуют информации, заключенной в слове. Отводя проблеме денотации важное место, она все же считала, что для лингвистики важно не то, чем в действительности является денотат, а как говорящий представляет его в речи. На протяжении всей жизни ее интересовал вопрос организации и формирования значения. Опыт работы убедил ее, что в основе языковых значений лежат очень сложные концепты, которые остаются не раскрытыми во многих «обедненных» семантических описаниях. Чрезвычайно сложной представляется и проблема формирования значения. В своих поздних работах, посвященных главным образом семантике предлогов, Ольга Николаевна пришла к выводу о существовании «промежуточного» уровня, на котором происходит формирование значения. Она считала справедливыми взгляды лингвистов психологической школы конца XIX—начала XX века, в частности, А. А. Потебни, в соответствии с которыми образование концептов (значения) происходит не на уровне восприятия, а на более высоком уровне переосмысления получаемой извне информации. Именно на этом втором уровне концептуализации (формирования значения) могут осуществляться конвенциональные осмысления денотативной ситуации. О такой возможности узуального видения какой-либо ситуации Ольга Николаевна говорила еще в ранних своих работах, задолго до появления понятия «лингвокультурного предвыбора», введенного Талми. В пользу существования «промежуточного» этапа, с ее точки зрения, говорит не только указанная возможность закрепления в языке узуального осмысления каких-либо классов объектов, си-

туаций, но и возможность описания одной и той же денотативной ситуации иногда через целый набор синонимических выражений. Последнее, по ее мнению, свидетельствует о том, что «говорящий знает» о денотативной ситуации больше, чем сообщает о ней в каждом отдельном высказывании. Введение этапа доязыковой концептуализации позволяет объяснить многие особенности поведения языковых знаков в речи. Однако детально разработать этот вопрос Ольга Николаевна уже не успела.

Важное место в предлагаемых публикациях занимает методика семантических исследований. Для анализа семантики многих групп слов, в частности синонимов, актуальным является компонентный анализ, хотя, конечно, этот метод не универсален. В трудах Ольги Николаевны дается обоснование компонентного анализа и указываются ошибки, связанные с его применением. Применение метода, существующего в большом количестве вариантов, зависит от понимания природы значения, цели использования метода и понимания необходимости соединения его с верификационными процедурами. Опыт работы Ольги Николаевны убедил ее в том, что интегрально-дифференциальный принцип построения семантических микро- и макросистем (с которым и связана необходимость применения компонентного анализа) не является единственным. В одном из своих последних докладов, посвященных компонентному анализу, она говорила, что «интегрально-дифференциальные системы редко существуют в чистом виде. Другим важным принципом является холистическая противопоставленность, т. е. противопоставление одного значения другому, или другим значениям как целого. Взаимодействие этих двух принципов приводит к тому, что структура семантических групп не может, в большинстве случаев, быть описана полностью в виде „графа-дерева“».

Тем не менее, она считала, что интегрально-дифференциальный принцип все же играет огромную роль в организации семантических систем, что и определяет объяснительную силу компонентного анализа. Его последовательное применение привело Ольгу Николаевну к выводу, что даже отдельные компоненты, а не только значение в целом, могут соответствовать очень сложным концептам, объединенным в языковом значении с помощью внутреннего синтаксиса. В отличие от многих лингвистов, она никогда не связывала компонент значения с понятием примитива.

Выше говорилось, что Ольга Николаевна считала обязательным наличие объяснительной и предсказательной силы у семантических описаний. Не отрицая важной роли интуиции и интроспекции при семантическом анализе, она считала их недостаточными. Уже говорилось также, что она ориентировалась в своих исследованиях на строгость и точность естественных наук. Она детально разработала экспериментальную методику в семантике, соединив ее с другими методами, в частности, с компонентным анализом. Эксперимент в

семантике строится на целенаправленном варьировании разнообразных условий употребления и на поиске запретов в употреблении («отрицательного» материала). Обращение к эксперименту необходимо на всех этапах семантического исследования. Эксперимент должен быть не только средством получения точного описания значения, но и средством проверки достоверности и предсказательной силы полученных семантических описаний. Проблема организации эксперимента занимала ее на протяжении всей научной деятельности. Обоснованию применения в семантике экспериментальной методики отводилась значительная часть во многих ее работах. Научная значимость и необходимость эксперимента в семантике наглядно доказывается теми глубокими и оригинальными семантическими данными, которые установлены в ее работах с помощью этой методики. При этом Ольга Николаевна никогда не переоценивала возможностей формализации лингвистического анализа и математизации процедур описания. Как человек, тонко чувствующий богатую и сложную природу языка, она понимала, что формализованные описания зачастую дают упрощенное представление о языковой реальности, хотя и не исключала возможностей создания в будущем таких формализованных систем описания, которые не будут искажать языковую реальность. Основным критерием оценки той или иной модели семантического описания для нее было точное соответствие эмпирическим данным.

Следующая группа публикуемых в сборнике работ—это «Константность и вариативность в семантической структуре многозначных слов типа *take*», «Местоимения в языке и речи» и «Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания». Первую из этих работ, опубликованную в 1978 году, можно считать программной в области семантики глаголов мышления, восприятия. В ней Ольга Николаевна внесла существенные изменения в трактовку широко вошедшего в лингвистику понятия фактивности Кипарских. Здесь впервые было показано, что за этим признаком стоят два различных по своей сути явления. Во-первых, это понятие о разных типах мыслительных процессов, представление о которых закреплено в семантике глаголов мнения и восприятия. Во-вторых, различие в истинностных характеристиках высказываний. Причем, последние являются производными от типа мыслительного процесса. Фактивные глаголы (например, *понимать*, *understand*, *воспринимать*, *знать*) указывают на такой процесс формирования мнения, который сводится к построению в сознании готового объекта отображения (строится как бы проекция, мысленная копия этого объекта). Нефактивные глаголы (*думать*, *think*, *считать*, *полагать*, и др.) сообщают о конструировании мнения из отдельных элементов ситуации (обычно, с помощью предшествующего опыта, знаний, представлений).

На истинностные характеристики также влияет целевая установка высказывания с этими группами глаголов. В работе впервые выделяются три целевых

типа высказываний, в которых могут употребляться глаголы мнения, восприятия. Введенные и обоснованные в этой работе лишь только для некоторых ведущих глаголов семантические признаки—«лично/нелично-обусловленно-го» суждения, понятие «вторичного» восприятия и его виды—являются фактически основными и приложимы для описания семантики данной группы слов в разных языках. Полученные результаты по существу указывают на направление дальнейших исследований в этой области.

Монография «Местоимения в языке и речи» явилась результатом обобщения многолетнего опыта, накопленного автором при исследовании семантики местоимений. Она содержит решение проблем, поставленных автором еще в кандидатской диссертации. Уже тогда Ольга Николаевна считала, что значение местоимений сложно, своеобразно, трудноуловимо, и не должно подменяться изучением их денотативных возможностей; оно, в частности, не более изменчиво, чем значение других слов. В монографии она выдвигает и обосновывает оригинальную концепцию местоименного значения, в соответствии с которой собственно лексическая часть значения местоимений складывается из двух компонентов: 1) из информации об уровне характеристики, или способе представления актанта ситуации с разной полнотой учета его свойств, и 2) из указания на «адрес» идентификации, т. е. указания на того или иного участника акта речи, или на элемент контекста, необходимых для характеристики актанта ситуации в соответствии с заданным способом его представления. Что же касается своеобразия местоимений в денотативном плане, то оно выступает по преимуществу лишь как следствие их семантических особенностей. Предложенная концепция местоименного значения является результатом тонкого, глубокого анализа микросистемы личных, неопределенных, кванторных и других местоимений в русском и английском языках.

Монография «Контрастивная синтаксическая семантика» написана на основе докторской диссертации «Экзистенциальность и посессивность в языке и речи», защищенной в 1983 году, и включает в себя ее основные положения и результаты. Как и в предыдущих монографиях, в ней обобщаются и углубляются результаты многолетних исследований автора, на этот раз в области синтаксической семантики, в частности, в семантике таких фундаментальных категорий, как категории экзистенциальности, посессивности и связанных с ними предикативных типов и синтаксических моделей в английском и русском языках. В монографию также вошли в качестве ее существенной части разработанные Ольгой Николаевной семантическая классификация предикатов и теория актуального членения. Среди наиболее важных теоретических достижений монографии, являющихся необходимым элементом общей теории семантики, можно назвать следующие: а) пространственная интерпретация экзистенциальных и экзистенциально-посессивных моделей и их детальное

семантическое описание; б) глубокая трактовка посессивности и разработка понятийного аппарата для описания этой категории; в) введение новых признаков в число классификационных оснований семантических типов предикатов и их семантическое описание; г) разработка теории актуального членения и понятийного аппарата для его описания, а также многие другие важные для семантики положения.

Следует особо остановиться на разработанной Ольгой Николаевной теории актуального членения. Она придала семантический статус объекту теории актуального членения, вследствие чего эта теория получила в ее работах содержательную интерпретацию. Важнейшим положением теории является разделение объекта теории актуального членения на ряд гетерогенных явлений, которые сложным образом взаимодействуют между собой. Как составляющие этой теории, выделены следующие явления: 1) функциональная перспектива, 2) «информативная» структура (соотношение 'известное/новое'), 3) акцентное выделение, 4) соотношение 'членимость/слитность'. Для описания коммуникативной перспективы было введено, в частности, понятие характеристики. Введение этого основного понятия позволяет показать, что в построении коммуникативной перспективы участвуют все члены предложения.

Последняя большая монография «Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках», опубликованная в серии SLAVISTISCHE BEITRÄGE издательства Otto Sagner, Мюнхен 1998, была написана совместно с Татьяной Николаевной Маляр. В этой работе Ольге Николаевне принадлежит первая часть: «Русские пространственно-дистанционные предлоги и наречия». В исследование включена обширная группа дистанционно-пространственных предлогов и наречий, большинство из которых долгое время оставались вне поля зрения лингвистов: *у, возле, около, рядом, неподалеку* и др. Близость значений этих слов и их использование для описания аналогичных денотативных ситуаций делает задачу исследователя особенно сложной и интересной и неизбежно связывает анализ языкового материала с решением центральных проблем семантики. В монографии дается детальный критический обзор существующих представлений о семантике пространственных предлогов и наречий и формулируются принципы их адекватного семантического описания. Ольга Николаевна считала, что при исследовании семантики предлогов особенно остро стоит уже упоминавшаяся задача разграничения значения и внеязыковых знаний о денотате, для чего необходима точная методика исследования, основанная на гипотетико-дедуктивном методе с верификацией гипотез на основе специально разработанных тестов. Она отмечала, что в ряде работ, посвященных семантике предлогов, происходит подмена языкового значения описанием различных денотативных ситуаций, к которым приложимы предложные сочетания. В монографии разработана стройная система

выделения значения предложно-наречных слов, учитывающая сложное соотношение языкового значения и его актуализации в речи; раскрыто построение семантической структуры исследуемой пространственной области; описаны прагматические факторы, сказывающиеся на условиях употребления предлогов; определена корреляция между типами высказывания и семантикой пространственного предлога и наречия.

Результаты проведенного исследования значительно расширили существующие представления о наборе понятий, необходимых для описания семантики пространственных предлогов и наречий. Наряду с традиционно используемыми в лингвистике концептами — поверхность, граница и т. п. — введены новые метапонятия, отражающие разные способы вычленения учитываемого в описании пространства. В работе сделаны важные для семантики этой группы слов выводы о разной роли концептов «пространство» и «расстояние» в семантической структуре различных предлогов и наречий, о переплетении пространственных и непространственных отношений в определении местонахождения объекта.

После написания монографии, Ольга Николаевна продолжала заниматься предложно-наречными словами и опубликовала несколько важнейших статей по этой тематике. Свой интерес к словам этого класса она объясняла не только своеобразием и богатством их семантики; она рассматривала предлоги как материал, «полигон», для разработки и проверки общетеоретических положений. В своих последних работах она непосредственно связывает анализ значения предлогов с общими проблемами семантики. Так, традиционный вопрос о наличии у предлогов лексического значения она решает, вводя разные уровни описания. Используя конкретный языковой материал и надежную верификационную процедуру, она не только доказывает оправданность разграничения лексического и грамматического значений в семантической структуре предлогов, но и вскрывает сложный механизм их взаимодействия. Предложенная Ольгой Николаевной модель группировки значений предлогов по семантическим осям помогает увидеть связи между отдельными значениями и специфическое для каждого предлога соотношение лексических и грамматических значений. Эта модель в целом представляет общую семантическую структуру этих полисемантических слов более обоснованно и индивидуализировано, чем другие виды сетевой модели.

Под руководством О. Н. Селиверстовой написан ряд работ, исследующих семантику предлогов в русском, английском и вьетнамских языках. Не будет преувеличением сказать, что сложилась школа исследователей, которая в значительной степени обогатила существующие знания о способах и особенностях описания пространства в разных языках, о возможностях преобразования пространственных значений, о семантической структуре служебных слов.

Избранные труды О. Н. Селиверстовой включают лишь часть ее богатого творческого наследия. К сожалению, в них не вошли публикации, в которых наиболее полно освящается разработанная ею теория актуального членения. Не вошли в эту книгу глубокая и оригинальная работа об инвариантном значении совершенного вида—плод многолетних раздумий над этой сложной проблемой, а также статьи и большие работы последних лет ее жизни. Среди них важное место занимают статьи с анализом общетеоретических основ одного из ведущих направлений современной лингвистики—когнитивизма, и основных достижений и упущений семантики XX века. Кроме того, в трудах не представлены многочисленные статьи, опубликованные в разное время и посвященные, казалось бы, частным семантическим проблемам. Однако заинтересованный читатель, несомненно, не пройдет мимо и этих, на наш взгляд, бесценных для семантики работ.

1.

ОБ ОБЪЕКТЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
И АДЕКВАТНОСТИ ЕЕ ОПИСАНИЯ

Раздел в коллективной монографии «Принципы и методы семантических исследований». М.: Наука, 1976. С. 119—146.

Одна из особенностей лингвистики заключается в трудности выделения самого объекта исследования. Споры о том, где проходит граница между языком и речью, что представляет собой язык, ведутся до настоящего времени. От ответа на эти вопросы во многом зависят и те цели, которые будут ставиться перед языкознанием, и те методы, которые при этом будут выбираться.

1.1. В своей статье «Логические основы лингвистической теории» Н. Хомский [Хомский 1965] писал о том, что в настоящее время четко выделяются две противоположных точки зрения на язык: 1) язык понимается как систематизированный инвентарь единиц (эта точка зрения, связанная, в частности, с именем Ф. де Соссюра, разделяется сейчас многими лингвистами); 2) язык отождествляется с системой порождающих процессов. Эта последняя точка зрения, восходящая к некоторым положениям гумбольдтовской концепции языка, поддерживается Н. Хомским и его последователями. Используемый ими термин «порождение» давал основание предположить, что Хомский считает главной задачей лингвистики описание процесса порождения речи, включающее, в частности, описание тех психо-физиологических процессов, которые происходят в говорящем или слушающем при осуществлении речевой деятельности. Однако поясняя содержание данного термина, вызвавшего столько споров и противоречивых истолкований, Хомский писал о том, что он не ставит своей целью моделирование процесса говорения или восприятия речи, что порождающая грамматика «стремится охарактеризовать в наиболее нейтральных терминах знание языка, которое дает основу для действительного использования языка говорящим—слушающим. Когда мы говорим о грамматике, что она по-

рождает предложение с определенным структурным описанием, мы просто имеем в виду, что грамматика приписывает предложению это структурное описание» [Хомский 1972: 14].

Действительно, в работах Хомского не строится реальная модель процесса говорения и восприятия: он не пытается воссоздать верную и полную картину психо-физиологического механизма этих процессов и, кроме того, исключает из рассмотрения денотат речевого сообщения, отношение к которому и лежит в основе речевого акта [Звегинцев 1973]. Тем не менее возникновение противоречивых пониманий исходных положений Н. Хомского не является, как нам кажется, случайным. И объясняется оно не столько тем, что лингвисты могут не понимать точного математического смысла термина «порождение» (в работах Н. Хомского этот термин получает и чисто лингвистический смысл, связанный с определенной содержательной концепцией языка), сколько тем, что в его работах часто фактически описываются те или иные аспекты речевой деятельности, а не сам язык, а также тем, что его собственные утверждения иногда страдают нечеткостью, а иногда и противоречивостью. Например, в некоторых работах он прямо пишет, что «задачей лингвистической теории является построение и точное описание двух абстрактных устройств, из которых первое является моделью использования языка, а второе — моделью усвоения языка... Модель использования языка A — это устройство, которое ставит в соответствие предъявляемому высказыванию V структурную характеристику D , используя при этом порождающую грамматику G , которая в свою очередь порождает фонетическое представление R для высказывания V со структурной характеристикой D ... Модель обучения языку B — это устройство, которое на выходе дает теорию G , т. е. порождающую грамматику для некоторого языка» [Хомский 1965: 480—481].

Таким образом, здесь основным объектом лингвистики объявляется использование языка и обучение языку, а не сам язык. В других работах есть утверждения, в соответствии с которыми теория употребления выводится за рамки лингвистики и основным объектом исследования признается язык [Хомский 1972: 14—15]. Именно это последнее понимание выделяемого объекта исследования и позволяет Хомскому противопоставлять свою точку зрения соссюрговской. Однако в действительности даже в тех случаях, когда Н. Хомский говорит о языке, он часто наделяет его теми характеристиками, которые присущи речевой деятельности. Так, язык действительно используется в процессе порождения речи, но назвать сам язык процессом порождения — это значит отождествить средство с процессом его применения. Нет сомнения в том, что речевая деятельность носит творческий характер. Однако этот творческий характер нельзя приписать самому языку, как это делает Хомский.

В интерпретации Хомского, который исключает из своего рассмотрения отношение сообщения к денотату, обедняется сама суть творческого процесса: элемент творчества, если не считать возможность языкотворчества, которое, как справедливо считает Хомский, следует рассматривать отдельно,— вносится в речевую деятельность прежде всего в процессе отбора говорящим таких языковых знаков, которые передавали бы информацию, наиболее точно соответствующую свойствам описываемого объекта, тому, что говорящий хочет сообщить об этом объекте, а также согласующуюся с переданными ранее сведениями.

1.2. Наряду с определением языка как системы порождающих процессов в работах Хомского дается и другое истолкование языка, которое очевидно не тождественно первому. В соответствии с этим вторым пониманием язык есть порождающая грамматика, представляющая собой систему правил, «которые могут итерировать и породить при этом бесконечно большое число структур» [Хомский 1972: 19].

Из предположения о том, что язык есть только система правил, следует, что все то, что до сих пор рассматривалось в качестве языковых единиц, в действительности создается в процессе речи, а не просто воспроизводится. Спор о том, что именно воспроизводится, а что создается в процессе речи, уже давно ведется в лингвистике. Однако никогда не возникали сомнения относительно того, что языковой код включает определенную систему единиц. Прежде всего, совершенно очевидно, что большинство слов не создается в речи, а используется в виде готовых единиц. По существу и в той модели языка, которую пытается построить Н. Хомский, слова представлены в качестве инвентаря знаков, задаваемых в словаре: его лексические правила оперируют с уже готовыми единицами, показывая, по каким критериям нужно отобрать из словаря лексическую единицу для того или иного порождаемого предложения.

Таким образом, фактически вторая концепция языка Хомского отличается от сосюрдовской не тем, что язык вообще не признается системой, включающей инвентарь единиц, а тем, что языковым единицам отводится гораздо меньшее место, и язык в основном предстает как система правил. Само представление о том, что в язык входит некоторый инвентарь правил нельзя считать новым. Однако их роль и место иначе оценивается в других языковых концепциях.

Понимание языка в основном как системы правил связано в концепции Хомского прежде всего с тем, что синтаксические модели рассматриваются как порождаемые определенной системой правил. Так, задаются правила расщепления некоторой единицы S , которая фактически в системе Хомского со-

ответствует замыслу создания предложения, на именную и глагольную группы ($S \rightarrow Np + Vp$) или же на именную группу, показатель грамматических характеристик глагола (*Aux*) и глагольную группу ($S \rightarrow Np + Aux + Vp$); далее вводятся правила членения глагольной группы на глагол плюс именная группа или глагол 'быть' плюс предикат и т. д.

Однако утверждение о том, что в языковом коде говорящих содержатся только правила создания синтаксических моделей, а не сами эти модели, не строится на психо-физиологических исследованиях и носит чисто произвольный характер. Возможно, данная гипотеза возникла под влиянием анализа формализованных языков, в которых синтаксис сводится к правилам оперирования с языковыми единицами. Однако это представление не может быть перенесено на естественные языки, в которых синтаксис имеет свою семантику. Отсюда следует, во-первых, что в языковом коде говорящих хранятся смысловые единицы, представляющие собой значения синтаксических моделей. Во-вторых, наличие синтаксических значений делает маловероятной гипотезу о том, что означающие этих единиц создаются только в акте речи¹. Скорее всего, они уже заданы в языковом коде, как и полагают многие современные лингвисты.

Синтаксические правила в концепции Н. Хомского делятся на два типа: это, во-первых, базовые правила, которые задают структурное описание так называемых ядерных предложений (к этому типу относятся рассмотренные выше правила), а, во-вторых, трансформационные правила, которые позволяют преобразовывать ядерные предложения. Например, строятся правила преобразования предложений с активным залогом в предложения с пассивным залогом. Сама по себе гипотеза о том, что существуют ядерные предложения и их трансформы является вполне возможной. Например, можно предположить, что в языковом коде говорящих «записаны» модели утвердительных предложений и есть правила преобразования этих предложений в вопросительные и отрицательные. Однако вероятной является и гипотеза о том, что структурные схемы всех типов предложений даны в готовом виде в языковом коде говорящих.

Таким образом, выделение ядерных предложений и их трансформ, является только гипотезой, которая нуждается в доказательстве. Больше того, есть много фактов, свидетельствующих о том, что даже если и существуют такие предложения, которые представляют собой трансформы других, их количест-

¹ Н. Хомский относит образование предложения к области языка, а не к области речи [например, Хомский 1956: 479], причем он имеет в виду не только создание структурной схемы предложения, но и заполнение синтаксических позиций соответствующими словами. Вероятно, это утверждение связано с пониманием языка, как системы порождающих процессов, о чем мы говорили выше. Из утверждения о том, что язык есть система правил, следует, как нам представляется, что образование с помощью этих правил предложений не принадлежит языку.

во очень невелико и, следовательно, невелико количество трансформационных правил. Гипотеза о трансформах была связана с представлением о том, что при формальном различии многие предложения тождественны по значению². Однако весь языковой опыт, а также проводимые в настоящее время исследования в области синтаксической семантики говорят против этого предположения. Вероятно, в синтаксисе так же редко встречаются абсолютные синонимы, как и в лексике. Отсутствие абсолютных синонимов не опровергает прямо гипотезу о существовании трансформ, но делает ее менее вероятной и требует внесения корректив в само понятие трансформы: трансформой можно было бы назвать такую синтаксическую модель, которая не входит в языковой код, а образуется в акте речи из другой синтаксической модели с помощью определенных правил преобразования этой последней модели, причем данные правила могут затрагивать не только поверхностную структуру, но и значение³.

Отсутствие параллелизма в условиях образования тех предложений, которые считаются ядерными, и тех предложений, которые рассматриваются, как их трансформы, также свидетельствует о том, что их действительно связывают трансформационные отношения. Полного параллелизма нет даже в условиях образования активных и пассивных предложений. Например, фраза *Он был убит на фронте* не соответствует какому-либо предложению, в котором денотатом подлежащего был бы субъект действия.

Таким образом, можно утверждать, что синтаксис — это во всяком случае не только система правил, но и система единиц; в работах Хомского нет экспериментального доказательства того, что разрабатываемая им система правил имеет языковую реальность, и существует ряд косвенных данных, говорящих в пользу гипотезы о том, что большинство синтаксических моделей (структурных схем предложений) хранится в языковых кодах говорящих в уже готовом виде, а не образуется с помощью определенных правил в акте речи. Однако гипотеза о характере языковой структуры, предложенная Н. Хомским, представляется интересной и полезной: она заставляет еще раз пересмотреть основы лингвистической теории, искать новые доказательства для ее обоснования и, в частности, обратиться к психо-физиологическим исследованиям; она заставляет также точнее определить место языковых правил в общей системе языка.

Именно из этого предположения и исходят многие представители трансформационной грамматики, см. об этом [Мойн 1970].

³ Мы не учитываем другие возможные истолкования понятия трансформы (например, как синтаксической модели, возникающей позже ядерной и образующейся из нее в процессе фило- или онтогенеза), так как для нашей цели важно только то понимание, которое позволяет противопоставить рассматриваемую концепцию сосюрговской.

1.3. Причиной интерпретации языка как в основном системы правил, а не системы единиц, послужила не только гипотеза о том, что синтаксические модели создаются с помощью набора правил в акте речи, а не берутся готовыми из языкового кода. Вторая причина заключается в неразграничении языка и речевой деятельности. Так, в основе многих правил лежит логическое требование не строить высказывания, которые передавали бы абсурдные сведения, т. е. чтобы части высказывания не противоречили друг другу или же чтобы передаваемые сведения соответствовали тому, что известно о внеязыковой действительности⁴. Например, Хомский считает, что адекватная теория языка должна включать такие правила, в соответствии с которыми предложения (1) *The boy may frighten sincerity* 'Мальчик может испугать искренность'; *Sincerity may admire the boy* 'Искренность может восхищаться мальчиком' и т. д. признавались бы аномальными в отличие от предложений (2) *Sincerity may frighten the boy* 'Искренность может испугать мальчика'; *The boy may admire sincerity* 'Мальчик может восхищаться искренностью' и т. д. [Хомский 1962: 71—73].

Однако восприятие предложений (1) как аномальных определяется не нарушением какого-либо собственно языкового правила, как полагает Хомский, а тем, что они передают сведения, противоречащие тому, что слушатель знает о внеязыковой действительности: свойства не могут испытывать те или иные чувства. По существу аномальность предложений (1) объясняется той же причиной по которой большинство говорящих сочтет неправильным утверждение типа *Шекспир плохой писатель*. Разница фактически заключается лишь в том, что предложения (1) воспринимаются как абсурдные всеми говорящими, что и придает им аномальный характер. Установление соответствия или несоответствия тех или иных утверждений действительности не входит в компетенцию лингвистики, поскольку оценка сообщения под этим углом зрения зависит не от знания языка, а от знания мира. Знание языка является лишь тем необходимым условием, которое требуется для того, чтобы понять, что именно сообщается в предложении.

Поскольку аномальность предложений (1) определяется тем, что они передают сведения, противоречащие действительности, человеку, изучающему английский язык не нужно знать специального правила, разрешающего, например, употребление в функции дополнения при глаголе *frighten* только одушевленного существительного для того, чтобы не строить сообщения типа *The boy may frighten sincerity*. Для этого ему достаточно знать значения лексем *boy*, *sincerity*, *frighten*, а также те значения, которые закреплены за позицией до сказуемого и после него.

⁴ К данному типу правил принадлежит также правило проекции Дж. Каца и Дж. Фодора [Кац, Фодор 1963].

Выводя семантический компонент из синтаксиса, Хомский почти не рассматривает в своих работах синтаксические значения. Однако именно эти значения определяют при речевой деятельности выбор говорящим той или иной синтаксической модели. Например, знание тех значений, которые выражаются в русском языке с помощью структурной схемы «сказуемое + прямой объект» в отличие от структурной схемы «сказуемое + косвенный объект», заставит говорящего — в зависимости от того, что он хочет сказать — выбрать первую или вторую форму построения предложения. Так, если говорящий хочет сообщить, что некоторое лицо стало объектом описания, он обозначит это лицо с помощью прямого дополнения, которое в русском языке выражается именем в винительном падеже: *Он описал его* (в своем романе, мне и т. д.). Напротив, если данное лицо было адресатом речи, выбирается конструкция с косвенным дополнением: *Он описал ему* (случившееся, меня и т. д.). Подобно этому говорящий на суахили будет руководствоваться тем значением, которое в этом языке передается с помощью модели «сказуемое + прямой объект». Поскольку это значение несколько отличается от значения, выражаемого в русском языке, модель «сказуемое + прямой объект» часто выбирается говорящим на суахили в тех условиях, в которых она не была бы выбрана, если бы сообщение делалось на русском языке⁵. Например, предложение *Мать подрезает ребенку волосы* нужно перевести на суахили с помощью конструкции с двумя прямыми объектами.

Из сказанного видно, что язык регулирует речевую деятельность с помощью своих значений. Это проявляется прежде всего в том, что говорящий не может по произволу выбирать языковые средства, если он хочет выразить эту и именно эту, а не какую-либо другую мысль. Кроме того, сама характеристика денотата хотя бы частично зависит от тех смысловых признаков, которые вошли в систему языка. Вследствие этого неверно утверждать, как это делает Хомский, что Ф. де Соссюр представлял себе построение предложений как свободное и произвольное творчество [Хомский 1975: 479]. Из соссюрковского понимания языкового знака [Соссюр 1916: 102] следует, что само содержание языковых единиц управляет речевой деятельностью.

Синтаксические значения в модели Н. Хомского не вводятся ни с помощью базовых правил, задающих структурное описание ядерных предложений, ни с помощью трансформационных правил. Тем не менее многие вопросы, трактуемые в рамках синтаксического компонента, в действительности связаны с семантическими характеристиками синтаксических моделей. Например, синтаксические правила оперируют с такими понятиями, как локативный член, определительное придаточное, которые, как представляется, должны приписываться предложению на основании семантических соображений.

О значении данной конструкции в суахили см. [Аксенова 1972].

Нам представляется также, что более полное описание тех сведений, которыми в действительности располагает говорящий при построении и интерпретации речевого высказывания, заставит отказаться от понятия поверхностной и глубинной структуры и вернуться к старому представлению о существовании в языке трех знаковых уровней: синтаксического, морфологического и лексического, каждый из которых имеет свой план выражения и свой план содержания.

Будущие достижения лингвистики будут связаны, по-видимому, не с кардинальной перестройкой этого традиционного представления о языке, а с его углублением, уточнением, конкретизацией и, вероятно, также с выделением нескольких подуровней в морфологии и синтаксисе. В частности, особый подуровень составят, возможно, те средства, которые используются как показатели актуального членения предложения⁶.

Итак, мы полагаем, что в лингвистике не высказано никаких серьезных возражений против понимания языка как системы знаков, которые распределяются по нескольким уровням, причем знаки высших уровней часто строятся из знаков низших уровней, а также из единиц дознакового уровня (фонологического). Кроме правил, регулирующих образование языковых единиц (действие этих правил обычно предшествует акту речи; исключения составляют лишь случаи образования в процессе речевой деятельности окказиональных языковых единиц), существует, по-видимому, небольшое количество языковых правил, которые наряду с языковыми единицами регулируют речевую деятельность.

Из сказанного следует, что основной задачей языкознания остается, как и прежде, описание языковых знаков, а задачей лингвистической семантики — описание означаемых этих знаков, причем эти означаемые должны быть выделены как при исследовании лексического и морфологического уровней, так и при изучении синтаксического уровня.

Получение адекватного описания языковых единиц и собственно языковых правил не позволит полностью воссоздать способность говорящего—слушателя строить и понимать предложения. Таким образом, сформулированная задача уже той цели, которую ставят перед языкознанием Дж. Кац и Дж. Фодор — воспроизвести способность носителей языка понимать предложения — [Кац и Фодор 1963] и которую фактически пытается достигнуть Н. Хомский, хотя и не всегда говорит об этом в явном виде. Отказ от их определения цели исследования обусловлен тем, что в рассматриваемой способности говорящих проявляется не только знание языка, но и умение непротиворечиво его использовать, а также знание внеязыковой действительности.

⁶ Вопрос о том, какое место в структуре языка занимает актуальное членение и вообще принадлежит ли оно языку или речи, остается до сих пор спорным, см. об этом [Лаптева 1972].

В заключение первого раздела следует также отметить, что критические замечания, высказанные по адресу Н. Хомского, касаются развиваемой им содержательной концепции языка. Однако его работы могут рассматриваться и в плане поиска формального аналога различных лингвистических понятий. В этом плане работы Н. Хомского являются, по-видимому, важным вкладом в развитие лингвистики.

2. Рассмотрение языка как систематизированного инвентаря единиц не решает, однако, полностью вопрос о выделении объекта лингвистики. В области семантики решение этого вопроса в значительной степени зависит от того, как будет определено значение.

2.1. Де Соссюр, как мы уже говорили выше, отождествлял означаемое языкового знака с понятием: «Языковой знак соединяет не предмет с именем, а понятие с акустическим образом» [Соссюр 1916: 100]. Определение значения как более или менее верного отображения класса реалий в сознании представляется совершенно оправданным и сейчас разделяется многими лингвистами (см., например, [Арнольд 1973: 102; Апресян 1964: 57]). Однако, такое определение недостаточно. Во-первых, оно не дает критерия для разграничения значения и собственно понятия. Пояснения типа: значение — это такое понятие, которое «имеет лингвистическую природу» или которое «выражено в языке» очевидно не показывают, как определить, выражено или не выражено то или иное содержание в языке. Во-вторых, приведенное определение дано по отношению к языковому знаку, рассмотренному в качестве элемента кода, хранящегося в сознании. Однако язык существует также в акте коммуникации, и значение может быть определено по отношению к этой форме существования языка. Такое определение особенно важно, поскольку при семантическом анализе исследователь имеет дело именно с речью: он должен вывести значение из наблюдаемых фактов употребления (см. об этом 5.1).

При рассмотрении существования языка в акте коммуникации значение можно определить через понятие информации при условии принятия следующих ограничений: 1) значение слова есть знаковая информация, т. е. та информация, которую звуковая или графическая последовательность, представляющая данную языковую единицу, передает не о себе самой, а, прежде всего, о денотате этой языковой единицы; 2) значение — это информация, передаваемая только через те элементы звуковой или графической последовательности, которые имеют языковую релевантность, т. е. иными словами, это информация, сообщаемая через означающее языкового знака; 3) значение — это та информация, которую получит любой носитель данного языка или, во всяком случае, представитель достаточно большой группы говорящих при восприятии того

или иного означающего; 4) значение — это та информация, которую получит слушатель через означающее языкового знака и только через него: различные дополнительные сведения, которые могут возникнуть в отдельном акте речи в сознании слушателя, например, на основании того, что он уже знал о денотате языковой единицы или на основании общего смысла высказывания, не принадлежат значению языковой единицы. Последнее ограничение по существу предопределяется предшествующими, и вследствие этого могло бы не вводиться. Однако мы включаем его для того, чтобы акцентировать внимание на проблеме разграничения языковой информации и различных речевых информации, которые может получить слушатель через контекст или на основании своего предшествующего внеязыкового опыта. Существование речевых информации приводит к необходимости при выявлении значения устанавливать зависимость между возможностью реализации той информации, которая, как предполагает исследователь, входит в означаемое, и возможностью использования языкового знака (см. об этом 5.6)⁷.

2.2. Определение означаемого языкового знака через понятие информации в последнее время становится все более распространенным. При этом, однако, часто имеются в виду разные информации. Так, значение иногда отождествляется с тем набором сведений, который имеет говорящий или слушатель о классе реальных, обозначаемом языковым знаком, т. е., иными словами, с понятием. Об этом, например, пишет Ю. Д. Апресян: «Под семантикой в большинстве случаев понимаются сведения о классе называемых знаком вещей с общими свойствами или о классе внеязыковых ситуаций инвариантных относительно некоторых свойств участников и связывающих их отношений» [Апресян 1974: 56]. Понятно, что приведенное толкование значения представляет собой фактически иную формулировку определения значения, как отображения класса вещей, явлений и т. д. в сознании⁸, и является верным, но недостаточным. Кроме того, при этом значение рассматривается под углом зрения ла-

⁷ Излагаемое здесь понятие значения уже рассматривалось в предшествующих работах автора [Селиверстова 1965, 1968, 1975].

⁸ Однако определение значения, а также понятия, как набора сведений о классе объектов иногда противопоставляется пониманию значения, понятия как образа, хранящегося в памяти. Такое противопоставление не обязательно вытекает из приведенной формулировки: образ можно также рассматривать как определенную форму хранения информации. Вопрос о том, в какой именно форме «записана» информация о классе реальных в сознании (см. об этом, например, [Мельников 1974]), является чрезвычайно интересным. Ответ на этот вопрос может, вероятно, быть получен лишь в результате специальных психо-физиологических исследований. В данной работе он не рассматривается.

тентной формы существования языка, с которой нельзя работать при проведении практических исследований.

Не менее часто значение отождествляется с той или иной информацией, связанной с шенноновским понятием количества информации (см. об этом [Селиверстова 1968]). Так, например, семантическая информация иногда оценивается под углом зрения того, насколько получаемое сообщение уменьшает неопределенность представлений слушателя об описываемой реалии. Данное понятие действительно является важной характеристикой текста. Однако нам представляется неоправданным идентифицировать его со значением языковой единицы: количество новых представлений слушателя, возникающих после получения сообщения, зависит не только и не столько от знания языка, сколько от суммарной информации текста и исходных знаний слушателя об обозначаемой реалии. При лингвистическом анализе, напротив, необходимо установить тот набор сведений, который получит слушатель об описываемой реалии, независимо от того, будут ли эти сведения новыми или нет. Поскольку связь означающего и означаемого в языковом знаке является конвенциональной, или производной⁹, слушатель для того, чтобы получить передаваемую информацию, должен владеть тем языковым кодом, с помощью которого составлено сообщение, т. е. получение тех сведений, которые несет означающее, зависит от знания языка и представляет собой процесс актуализации этих знаний.

Принимаемое определение значения полностью согласуется с другими представлениями о языке и, прежде всего, с представлением о знаковой природе языка: знак потому и является знаком, что несет некоторую информацию не о себе самом. Это определение позволяет также отграничить значение от других связанных с ним, но не тождественных ему ингредиентов, присутствующих в речи¹⁰.

2.3. Введенное определение помогает найти тот угол зрения, выбор которого позволяет разграничить значение и денотат: значение — это то, что языковой знак сообщает о своем денотате, а не то, что он обозначает. Хотя в своих тео-

⁹ Тезис Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака стал предметом длительной лингвистической дискуссии (см. об этом [Бенвенист 1974: гл. VI и комментарий к ней Ю. С. Степанова]). Эта дискуссия во многом была связана с разным пониманием термина «произвольность» (см. об этом там же). Говоря о произвольности или конвенциональности связи означающего и означаемого, мы имеем в виду тот факт, что между ними не существует причинной (речь идет о непрямых языковых знаках) или образной связи: информация, передаваемая через означающее, как правило, не объясняется его звуковыми или графическими особенностями. Даже значение слов, которые обычно называют звукоподражательными, лишь частично обусловлено звучанием этих слов.

¹⁰ Поскольку речь строится с помощью языка, мы считаем оправданным говорить о значении не только как о составной части языкового знака, но и как об ингредиенте речи.

ретических постулатах большинство лингвистов не отождествляет значение и денотат, на практике эти два принципиально разных явления очень часто смешиваются. В своих предыдущих работах мы приводили много примеров такого смешения [Селиверстова 1965, 1968б, 1975]. Так, например, было показано, что представление об изменчивости местоименного значения в зависимости от контекста сложилось главным образом в результате того, что исследователи рассматривали денотаты местоимений, а не передаваемую информацию.

Проблема разграничения денотата и значения сохраняет свою актуальность и для самых последних семантических направлений. Так Ч. Филлмор [Филлмор 1966], иллюстрируя утверждение о несоответствии между глубинной и поверхностной структурой на примере предложений: *The door will open ~ Дверь откроется* и *The janitor will open the door ~ Швейцар откроет дверь*, пишет, что отношение существительного *the door ~ дверь* к глаголу одинаково в обоих предложениях, несмотря на то, что в первом — оно подлежащее при непереходном глаголе, а во втором — дополнение при переходном. Денотативные отношения, описываемые этими предложениями, могут быть действительно тождественными. Однако информация, передаваемая ими, неодинакова. В первом предложении описываемое движение представлено как действие самой двери. Во втором, напротив, как действие лица. Поэтому именно первая модель будет выбрана в тех случаях, когда говорящий хочет сообщить о том, что описываемое движение обусловлено свойствами самой двери, а не только приложением к ней какой-либо внешней силы (например: *Just give a little push and the door will open ~ Толкни слегка, и дверь откроется*), а также в тех случаях, когда для говорящего неважно, вызвано ли описываемое движение постоянным приложением внешней силы или нет. Например: *And I keep on thinking — Any minute the door will open and he'll come. (~ Ия все думаю — вот откроется дверь, и он войдет)*.

Таким образом, различие в формальном построении приведенных предложений служит средством выражения разной информации, т. е. различия в поверхностной структуре соотносятся с различиями в их глубинной структуре, во всяком случае, если под этим последним термином понимать значение синтаксической модели¹¹.

Принятое определение значения помогает также увидеть различие между означаемым и тем, что говорящий знает и думает о его денотате, а также между означаемым и тем понятием, которое имеет говорящий о классе объектов,

¹¹ Термины «поверхностная структура» и «глубинная структура» не получили четкого определения и понимаются разными лингвистами неоднозначно. Однако чаще всего они используются синонимично выражениям «формальное построение синтаксической модели» и «значение синтаксической модели».

обозначаемых данным знаком: в значение знака входит только та часть сведений говорящего об индивидуальном денотате или о классе денотатов, которая будет передана слушателю, владеющему данным языком, при появлении в речи означающего этого знака.

В соответствии с принимаемым здесь пониманием значение не должно также отождествляться с тем набором сведений, который, хотя и может возникнуть в сознании слушателя при восприятии означающего того или иного языкового знака, в действительности не передается через него, а определяется общим смыслом высказывания, экстралингвистическим контекстом, предшествующим внеязыковым опытом слушателя (например, актуализируется на основании того, что адресат речи уже заранее знал о данном денотате употребленного языкового знака). Выделить набор сведений, передаваемый языковым знаком, из той общей информации, которую может получить слушатель при его восприятии, но не только через него, далеко не всегда просто. Для этого требуется применение особой методики исследования (см. 5.6). Однако в ряде случаев принадлежность той или иной информации языку или, напротив, только речи очевидна. Так, например, информация, возникающая при так называемой «смещенной» речи (см., например, [Фриз 1962]), является чисто речевой: она зависит, прежде всего от того, что слушающий знает о говорящем или вообще о какой-либо внеязыковой ситуации.

Таким образом можно утверждать, что принимаемое определение значения помогает отделить объект лингвистического исследования от связанных с ним, но не тождественных ему явлений.

3.1. Остановимся теперь на вопросе о построении языкового значения. Начиная с 30-х годов в семантике под влиянием фонологических работ Трубецкого и Якобсона начала получать все более широкое распространение гипотеза о том, что значение, как лексическое, так и грамматическое, строится главным образом из различительных признаков. Эта гипотеза привела к применению метода компонентного анализа, элементы которого встречаются и в более ранних работах, однако полное и широкое использование он получает лишь в связи с развитием общей идеи о различительном характере построения языковых единиц. Проведенные исследования показали справедливость данной гипотезы по отношению ко многим языковым группам и позволили уточнить их семантическое описание, см., например, [Гуденаф 1956; Лаунсбери 1956, Потье 1965; Толстой 1968; Матьо 1968].

Наряду с этим были выделены и такие группы слов, значения которых не полностью или почти совсем не раскладываются по дифференциальным признакам [Шмелев 1964]. К числу таких семантических групп относятся, например, слова, обозначающие фрукты: семантическая структура этой группы не

могла бы быть изображена в виде графа-дерева. По-видимому, принцип «различительности» играет важную роль в построении большинства семантических групп и, в частности, таких групп, которые не представляют собой замкнутые системы. Так, например, исследование русских глаголов: *иметь*, *получать*, *давать*, *брать*, *принимать* показало, что, хотя значения этих глаголов не исчерпываются различительными признаками, эти признаки составляют основу их знаковой информации [Селиверстова 1975]. Тем не менее важно подчеркнуть, что в значении языковых единиц, наряду с различительными, выделяются и **избыточные**¹², или — в терминологии некоторых авторов [Толстой 1968; Шмелев 1969] — интегральные признаки. Избыточные признаки иногда оказываются неустойчивыми и реализуются лишь в некоторых условиях употребления [Селиверстова 1965: 14; 1975: 157 и сл.]. Наряду с собственно избыточными можно выделить групповые дифференциальные признаки, т. е. такие признаки, которые отличают одну семантическую группу от другой, но не исчерпывают различия между какими-либо двумя языковыми единицами [Селиверстова 1968].

В число избыточных признаков мы не включаем ассоциативные признаки (в терминологии некоторых авторов — потенциальные [Гак 1972: 382] или латентные [Телия 1976: 264]), так как считаем, что они не входят в языковое значение, а только связаны с ним по ассоциации. При семантическом анализе очень важно не смешивать эти признаки с компонентами значения. Однако ассоциативные признаки могут лечь в основу образования переносных значений и идиоматических оборотов (см. об этом статьи Телии и Гака).

3.2. Значительная часть лингвистов считает, что не все семантические компоненты значения равнозначны и что структура означаемого может строиться с помощью подчинительных связей, см. об этом [Апресян 1974: 9, 77]. Очень интересно поставлен вопрос о неравнозначности входящих в значение элементов в тех работах, в которых идеи компонентного анализа соединены с понятием **пресуппозиции**¹³ утверждаемого [Арутюнова 1973а, 1973б]. Так, например, в одной из работ Ч. Филлмора [Филлмор 1969] указывается, что из четырех компонентов, образующих слово *холостяк* — 1) человек; 2) взрослый;

¹² Употребляя термин «избыточные», мы не хотим сказать, что данные признаки не существенны для языкового значения. Мы используем этот термин для того, чтобы показать, что некоторое различие в значении языковых единиц дополняет еще какое-то различие в значении этих единиц. Часто, но не всегда, оказывается безразличным, какой из двух (или больше) признаков признать различительным, а какой избыточным.

¹³ Понятие пресуппозиции не имеет однозначного определения в лингвистике, см. [Арутюнова 1973а]. Однако чаще всего под этим понятием понимается тот набор сведений, который предполагается заранее известным слушателю.

3) мужского пола; 4) никогда не состоявший в браке,—только последний обладает коммуникативной релевантностью. Напротив, три других компонента не входят в утверждаемое, они принадлежат пресуппозиции высказывания и, как считает Ч. Филлмор, определяют лишь правильное отнесение имени к референту (=денотату).

Мысль о том, что компоненты значения часто могут занимать разное место в сообщаемом в зависимости от того, выступают ли они как уже известное или, напротив, как такие, которые составляют утверждаемое, представляется совершенно справедливой и ее необходимо принимать во внимание при семантическом анализе. Например, при исследовании предложений, построенных по модели «У X Y» (*У меня в сумке книга*) и «У X есть» (*У меня в сумке есть книга*) мы обнаружили, что предложения первого типа могут сообщать о том, какой именно Y есть у X (т. е. наличие некоторого качественного или количественного Y-a уже задано); напротив, в предложениях, построенных по модели «У X есть», эта информация не предполагается заранее известной [Селиверстова 1973]. Однако пресуппозиционные элементы в тех случаях, когда они действительно входят в значение¹⁴, не только определяют отнесенность имени к референту, но и входят в ту информацию, которую несет языковой знак, занимая в ней иное место, чем компоненты утверждаемого. Очень часто место пресуппозиционных элементов в структуре сообщаемого может быть выражено с помощью использования в метаязыке описания придаточного определительного.

Говоря о делении компонентов информации на элементы утверждаемого и пресуппозиции, важно отметить, что это деление не всегда служит инвариантной характеристикой языкового знака и иногда изменяется в зависимости от контекста. Например, в предложении *Он холостяк* информация о том, что речь идет о мужчине, заранее известна. Однако эта информация является элементом утверждаемого во фразе *Вчера у меня собирались старые холостяки*. Ср. *Вчера у меня собирались старые девы*. Компонент «мужчина» может составлять содержание отрицаемого, например: *Но ведь это старые девы, а не старые холостяки*. Таким образом, необходимо различать случаи, когда та или иная коммуникативная значимость компонентов информации выступает как дифференциальный или, по крайней мере, инвариантный признак языковой единицы, и случаи, когда эта характеристика языкового знака контекстно обусловлена.

Различие по месту компонента значения в структуре означаемого не всегда связано с делением на утверждаемое — пресуппозицию. Так, исследование

¹⁴ Пресуппозиционная информация часто возникает на основании внеязыкового опыта слушающего, вытекает из контекста и не составляет элемент языкового значения. Однако эта информация может принадлежать значению.

модели «There is Y + Part. I», проведенное автором, показало, что эта модель отличается от предложений типа *Some boys were playing football outside the village* (~*За деревней мальчики играли в футбол*) прежде всего по следующему признаку: она сообщает о том, что происходит в данном месте, а не о том, что происходит плюс где происходит. Иными словами, в значении рассматриваемой конструкции информация о том, где осуществляется событие, не вычленяется в отдельный самостоятельный компонент значения. Вследствие этого данная модель употребляется в тех случаях, когда слушателю известно место действия, а также в тех случаях, когда место действия заранее неизвестно, но цель говорящего заключается в том, чтобы сообщить, что происходит именно в данном месте (описываемое событие интересует говорящего в связи с местом его осуществления). Так, конструкция «There is Y + Part. I» выбиралась информантами при переводе следующего русского предложения: *Вчера рядом с моим домом мальчики играли в футбол и совершенно не давали мне работать* — *Yesterday there were some boys playing football near my house. They completely prevented me from working.* Напротив, эта конструкция не использовалась при переводе, например, следующего предложения: *Вчера за деревней несколько мальчиков играло в футбол, и один из них сломал ногу* (в этом предложении информация о том, что произошло представляет интерес независимо от места осуществления; вследствие этого указание на место составляет независимый, отдельный предмет сообщения).

Различия по месту в структуре означаемого можно, по-видимому, рассматривать как более общие по сравнению с различиями в коммуникативной значимости компонентов значения и, следовательно, более важные для понимания организации элементов означаемого.

3.3. Существование подчинительных связей в построении структуры означаемого, слияние компонентов, свидетельствующие о некоторой несамостоятельности отдельного компонента, может привести к постановке вопроса об оправданности их выделения при семантическом анализе. Нам представляется, что в тех случаях, когда сопоставление языковых единиц позволяет обнаружить в их структуре общие и различающиеся элементы, сводимые к значениям одного и того же признака, эти элементы необходимо выделять, даже если в конце анализа они будут все объединены, и общее семантическое определение будет дано, например, в форме придаточно-подчинительного предложения или даже простого предложения с деепричастным оборотом, т. е. в той же форме, которую имеют многие словарные толкования. Без предварительного выделения компонентов, общее определение почти неизбежно будет неполным и в большей или меньшей степени неверным [Селиверстова 1975: 18—19 и др.]. Кроме того, определенная спаянность семантических компонентов не означает, что в языковом коде носителей

языка они полностью растворены в общей структуре означаемого: сама повторяемость компонентов в разных комбинациях с другими свидетельствует об их вычленимости. При этом, вероятно, степень осознаваемости деления означаемого на составляющие может быть различной — владение языком вообще лежит на грани сознательного и бессознательного.

И, наконец, не следует забывать, что многие компоненты значения связаны между собой конъюнктивно.

Выделение компонентов значения необходимо также для того, чтобы понять характер построения семантической группы в целом.

4.1. Вся информацию, передаваемую через языковой знак, можно разделить на четыре типа: 1) смысловая; 2) стилистическая; 3) экспрессивная; 4) конфигуративная. Смысловая часть значения — это та информация, которую языковой знак передает о своем денотате минус стилистическая и экспрессивная информация. Смысловая информация практически исчерпывает содержание языкового знака в тех случаях, когда знак имеет нулевую стилистическую и экспрессивную характеристику (стилистика и экспрессивно нейтральный знак). Интерпретация стилистических признаков, принимаемая в данной статье, почти полностью совпадает с их истолкованием в работах Д. Н. Шмелева, а также Н. Н. Семенюк [Шмелев 1973: 254—257; Семенюк 1972].

Стилистическая характеристика знака — это, во-первых, информация о принадлежности описываемого события к числу возвышенных, торжественных, по самой своей природе или в силу социальной значимости участника события, или, наоборот, низменных, обыденных, при условии, что информация по указанному признаку не исчерпывает те сведения о денотате, которые передает данный языковой знак: этот знак несет также такие сведения о своем денотате, которые не связаны с признаком «возвышенности—сниженности» и, чаще всего, совпадают с информацией, входящей в означаемое некоторого другого знака, имеющего, однако, иную стилистическую характеристику. Для обозначения информации рассмотренного типа обычно пользуются пометами «высокий», «сниженный».

Во-вторых, стилистическую характеристику языкового знака может составлять информация о принадлежности сообщения, в котором будет использован данный знак, к тому или иному типу речи при условии, что эта информация не выводится из тех сведений, которые этот знак несет о своем денотате, и служит дополнением к ним.

4.2. Сущность экспрессивной характеристики показана во многих лингвистических работах (см., например, [Матезиус 1942: 457—460]). В предлагаемой статье мы хотели бы обратить внимание на существование двух типов экс-

прессивных признаков: экспрессивно-содержательных и экспрессивных. Признаки первого типа составляет информация об эмоциональном отношении (обычно положительном или отрицательном) к тому свойству или совокупности свойств, сведения о котором или которой образуют смысловую часть значения экспрессивной единицы. Эти признаки входят в значение таких слов, как *тепленький, нытик, дурак*. Признаки второго типа не имеют содержательной интерпретации и возникают фактически только в речи как следствие использования языковой единицы для обозначения такой реалии, которая обычно входит в денотативный план некоторой другой языковой единицы¹⁵. Чисто экспрессивные признаки не должны учитываться при описании языковых знаков как элементов системы языка. Однако они важны для определения нормативного употребления. Вероятно, иногда в словарях и грамматиках следует указывать не частотность использования языкового знака (см. о ней 4.4), а отмечать, что данный языковой знак при обозначении такого-то класса реалий в любых или в определенных условиях получает экспрессивную характеристику. Признаки первого и второго типа могут переплетаться.

4.3. Сочетаемость языкового знака с другими знаками в речи зависит, с одной стороны, от языка, и с другой — от того, что хочет сообщить говорящий об описываемой реалии. Когда рассматриваешь синтагматические возможности знака под углом зрения языка, обнаруживается, что они не всегда полностью предопределяются смысловыми, стилистическими и экспрессивными признаками. Так, например, глагол *перестать* не может иметь при себе дополнения, выраженного отглагольным существительным. После этого глагола должен стоять инфинитив (*Он перестал читать*, а не: *Он перестал чтение*). Такие произвольные особенности в сочетаемости мы называем конфигуративными признаками [Селиверстова 1965]. Запрет на сочетаемость может иногда носить не абсолютный, а относительный характер: говорящие могут избегать употребления языкового знака в данном окружении, хотя и признавать его допустимым. Наличие в языке произвольных ограничений в сочетаемости отмечается очень многими лингвистами, однако роль и место этих ограничений в языковой системе не всегда принимаются одинаково (см. об этом [Селиверстова 1975: 12—14]).

При восприятии языкового знака его конфигуративные признаки скорее всего не актуализируются в сознании слушателя. Актуализация имеет место, вероятно, только тогда, когда говорящий употребляет языковой знак, нарушая

¹⁵ Роль момента неожиданности в подборе языковых знаков для стилистической характеристики текста рассматривалась в лингвистической и литературоведческой литературе (см., например, [Арнольд 1974]).

запреты на сочетаемость, накладываемые конфигуративными признаками. Вследствие этого конфигуративные признаки можно рассматривать не как элементы значения, а как произвольные особенности в сочетаемости, внешние по отношению к значению (=означаемому). Однако условно мы включаем конфигуративные признаки в число компонентов, образующих означаемое языкового знака.

Таким образом, при семантическом описании языкового знака должны быть выделены смысловые, стилистические, экспрессивные и конфигуративные признаки.

4.4. В настоящее время некоторые лингвисты обращают внимание на то, что денотативная отнесенность слов, имеющих одинаковое значение, не всегда полностью совпадает, см., например, [Гак 1972]. Эта особенность употребления языкового знака связана с тем, что хотя объективные свойства денотатов часто могли бы быть по-разному восприняты, все члены одного языкового общества иногда воспринимают их одинаково, причем отлично от членов некоторого другого языкового общества. Поэтому для того, чтобы предсказать все факты употребления, общие для носителей того или иного языка, нужно установить не только значение, но и принятое в данном языковом обществе осмысление «двусмысленных» денотатов. Однако особенности в восприятии денотата обычно проявляются в синтагматике соответствующих языковых знаков. Вследствие этого данные особенности часто можно отобразить через выделение конфигуративных признаков.

Если денотат может восприниматься по-разному, одно из допустимых восприятий иногда предпочитается другому. Вследствие этого при семантическом анализе необходимо установить частотность использования языкового знака, если в языке имеется некоторый другой знак, обозначающий тот же класс денотации. Например, при описании слова *to sleep* и сочетания *to be asleep* в английском языке, первое из которых представляет сон как действие, а второе — как состояние, следует определить, является ли их выбор равновероятным в тех контекстах, в которых указанное смысловое различие не должно влиять на возможность их использования.

5. Переходим к вопросу о методике семантического описания и критериях правильности полученных результатов.

5.1. Так называемые «концептуальные» определения значения, к числу которых можно отнести рассмотренное выше определение (2.1), часто критиковались за то, что они якобы делают объект семасиологии недоступным для объективных методов исследования. Например, В. Хаас писал: «Эмпириче-

ская наука не может удовлетвориться процедурой самонаблюдения исследователя над тем, что происходит в его сознании» [Хаас 1954: 74]. Однако если существует зависимость между непосредственно не ненаблюдаемыми явлениями и явлениями наблюдаемыми, первые всегда могут быть описаны через вторые. Именно такое отношение обнаруживается между значением языкового знака и его употреблением. Вследствие этого значение того или иного знака должно выводиться из наблюдаемых фактов его употребления. О необходимости выбора именно такого пути исследования писал, например, Б. Рассел: «Слово имеет значение (более или менее неопределенное), но это значение можно установить только через наблюдение над его употреблением, употребление дано первым и значение извлекается из него» [Рассел 1940: 256].

Однако употребление не зависит однозначно от значения. Оно является также функцией от осмысления говорящим денотата языкового знака и всей описываемой денотативной ситуации, от того, что хочет сообщить говорящий об обозначаемом, и, наконец, от того, насколько точно и непротиворечиво он умеет выразить свою мысль. Вследствие этого из адекватного семантического описания не вытекают все особенности употребления языкового знака в речи отдельных говорящих. Такое описание должно, прежде всего, предсказывать те факты речи, в которых проявляется и реализуется языковой код говорящих, т. е. прежде всего он предопределяет тот набор сведений, который получает любой слушатель, владеющий данным языком, при восприятии исследуемой единицы, причем только через нее¹⁶.

Семантическое описание предсказывает также, какие свойства, характеристики должны быть приписаны объекту (предмету, действию, ситуации и т. д.) для того, чтобы его можно было сделать денотатом описываемой языковой единицы. Зависимость между значением и его реализацией в отдельных актах речи носит скорее абсолютный, чем вероятностный характер. Однако возможны отдельные случаи искажения этой зависимости, вызванные афазией речи или временным нарушением речи, возникающим в результате переутомления, перевозбуждения говорящего и т. д. С помощью математической теории ошибок (см., например, [Румшицкий 1971]) можно, вероятно, проверить, носят ли наблюдаемые отклонения от постулируемого значения случайный характер, связанный с указанными факторами, или же они ставят под сомнение его истинность.

Неслучайные отклонения не всегда свидетельствуют о неправильности проверяемой гипотезы. Они могут быть следствием несовпадения языковых

¹⁶ Мы уже говорили выше, что вслед за многими другими лингвистами считаем, что язык существует и в речи и, следовательно, некоторые факты речи являются одновременно фактами языка.

кодов у отдельных групп говорящих. Кроме того, некоторые языковые единицы (например, книжные, поэтические слова) не входят в языковые коды всех говорящих или же представлены в их кодах в таком значении, которое не полностью соответствует общепринятому. При исследовании таких слов возникают сложности при отборе информантов.

Как уже было сказано выше, значение языкового знака определяет то, какие свойства будут приписаны реалии, если она будет обозначена данным языковым знаком. Однако каким объектам будут приписаны эти свойства, зависит не от языка. Таким образом, распределение объектов реального мира по денотативным классам различных языковых единиц не предопределяется однозначно значением этих единиц. Например, то, что один говорящий назовет *прекрасным*, другой назовет *отвратительным*. Однако многие языковые единицы сообщают о таких свойствах объектов, наличие или отсутствие которых воспринимается одинаково всеми говорящими или, во всяком случае, почти всегда воспринимается одинаково. Вследствие этого денотативные классы этих слов совпадают у всех носителей одного языка и, таким образом, однозначно обусловлены значением этих слов. Здесь, правда, также могут быть некоторые отклонения от употребления, предопределяемого значением, связанные либо с тем, что говорящий имеет неправильные сведения об обозначаемом (например, потому, что он не разглядел описываемый предмет), либо с тем, что он сознательно желает передать о нем неверные сведения. Такие отклонения носят характер случайных и оцениваются как неправильные другими говорящими, а также — при том или ином изменении условий речи — даже теми, кто их допускает. Итак, в указанных условиях адекватное семантическое описание должно предсказывать, какое употребление, рассмотренное под углом зрения соответствия значения и свойств денотата, будет оцениваться носителями языка как правильное, а какое — как неправильное (см. об этом подробнее [Селиверстова 1968]).

В той степени, в какой знание внеязыковой действительности и логические требования совпадают у всех говорящих, значения языковых единиц предопределяют допустимую сочетаемость этих единиц.

Таким образом, существуют такие факты употребления, которые практически однозначно зависят от значения и, следовательно, значение может выводиться из этих фактов употребления.

Наличие зависимости между значением и употреблением позволяет утверждать, что семантическое описание каждого языкового знака должно по существу иметь характер закона, объясняющего и предсказывающего бесконечное количество случаев употребления и восприятия языкового знака в речи. Адекватное семантическое описание отличается от частных законов естественных наук только тем, что, во-первых, истинность семантического описания ограниче-

на во времени (значения языковых единиц могут изменяться) и, во-вторых, тем, что зависимости, которые оно предсказывает, могут нарушаться, что, однако, воспринимается именно как нарушение, т. е. получаемое при этом речевое произведение относится к категории неправильных.

5.2. Выведение значения из наблюдаемых фактов употребления может быть осуществлено с помощью того метода исследования, который в философии называется гипотетико-дедуктивным. В общем виде эта процедура исследования разделяется на четыре основных этапа: «1) сбор фактов и их индуктивное обобщение, 2) выдвижение теории в виде гипотезы для их объяснения и уточнение ее в сопоставлении и частичном противопоставлении с существующими теориями, 3) выведение дедуктивным путем различных следствий из выдвинутой теории, 4) проверка теории путем сопоставления дедуктивно полученных следствий с фактами» [Степанов 1974]. Впервые о необходимости сознательного и последовательного применения гипотетико-дедуктивного метода в практике лингвистических исследований было сказано в 1931 г. Л. В. Щербой в его статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» [Щерба 1931]. Л. В. Щерба, правда, не употреблял термин «гипотетико-дедуктивный». Однако фактически он выделяет именно те этапы исследования, которыми характеризуется этот метод (сбор материала, построение гипотезы, проверка истинности построенной гипотезы на новых фактах, выводимых из гипотезы)¹⁷.

Принципиально важное значение имеет также идея Л. В. Щербы о применении эксперимента в языкознании, т. е. иными словами, о целенаправленном создании в ходе лингвистического эксперимента фактов употребления, проверяющих постулируемую гипотезу. Создание таких фактов употребления помогает включить в процедуру семантического анализа тот общенаучный метод исследования, который можно назвать методом варьирования одного параметра¹⁸ при фиксации остальных. Его использование является неперенным условием установления зависимости явлений. Так, если исследуют зависимость некоторого явления А от параметров а, b, с, при которых оно было обнаружено, то начинают поочередно варьировать каждый из этих параметров, сохраняя остальные неизменными, и смотрят, варьирование какого именно параметра приведет к исчезновению А. Таким образом, доказывается наличие зависимо-

¹⁷ Термин «гипотетико-дедуктивный» не использовался также в предшествующих работах данного автора, в которых уже рассматривалась описываемая здесь процедура исследования [Селиверстова 1965, 1968а, 1975].

¹⁸ Под параметром понимается любая характеристика условий, при которых имеет место изучаемое явление (например, температура, давление, наличие или отсутствие того или иного вещества и т. д.).

сти — независимости от каждого из параметров. Применение эксперимента в языкознании позволяет построить денотаты или денотативные ситуации с заданными характеристиками и затем, изменяя каждую из них в отдельности, установить, от какой именно из этих характеристик зависит выбор изучаемого языкового знака. Введение метода варьирования одного параметра при фиксации других является обязательным условием для того, чтобы гипотетико-дедуктивная процедура исследования приобрела доказательную силу.

5.3. Остановимся теперь более подробно на различных этапах исследования.

Семантический анализ, как и всякая гипотетико-дедуктивная процедура исследования, начинается со сбора материала и построения первоначальных гипотез.

Количество собранных случаев употребления анализируемых единиц должно быть достаточно большим. Примеры могут выбираться как из устной, так и из письменной речи. Особенно полезными для выработки первоначальной гипотезы обычно оказываются предложения, взятые из художественных произведений: никто так точно не употребляет языковые знаки, как хороший писатель, умеющий выбирать именно тот языковой символ, информация которого наиболее точно соответствует свойствам денотата и цели **сообщения**¹⁹.

Уже на первом этапе работы полезно получить не только положительный материал, но и отрицательный, т. е. найти достаточное количество лингвистических и экстралингвистических контекстов, в которых анализируемая единица не должна использоваться. Правильность или неправильность употребления устанавливается с помощью информантов. Например, исследователь может спросить у информантов, какое слово нужно употребить для обозначения такого-то предмета или для описания такой-то денотативной ситуации. Исследователь может также предложить информантам ряд предложений и попросить оценить правильность каждого из них. Например, если носителям русского языка прочесть следующие предложения: 1) *У меня есть родители*; 2) *У меня есть старые родители*; 3) *У меня есть горб*; 4) *Уэтого животного есть зубы*; 5) *Уэтого животного есть острые зубы*; 6) *У меня есть шерстяное платье*, то они отнесут к категории правильных (1), (4), (6), а к категории неправильных — (2), (3), (5). При отборе случаев **правильного—неправильного** употребления нужно учитывать не только ближайшее окружение, т. е. остальные члены словосочетания или предложения, в которое ставится анализируемая единица, но и более широкий контекст. Так, при анализе конструкций типа У {меня}

¹⁹ Следует, однако, отметить, что в художественных произведениях встречаются случаи окказионального употребления, являющиеся следствием либо языкотворчества писателя, либо необычного осмысления денотативной ситуации. Поэтому необходимо с помощью информантов проверить, являются ли отобранные случаи употребления общепринятыми.

есть... нужно знать не только о том, что, например, по-русски нельзя сказать: *Уменя есть тиф, Уменя есть серые глаза* и т. д., но и о том, в какие более широкие контексты могут или, напротив, не могут быть поставлены предложения, построенные по данной модели. Например, нельзя сказать: *Я не могу ехать. Уменя есть бабушка* (ср. правильное: *Я не могу ехать. Уменя бабушка*), хотя фраза *Уменя есть бабушка*, взятая вне данного контекста, относится к категории правильных.

Ответы информантов, оценивающих правильность или неправильность того или иного употребления, не всегда совпадают. Эти расхождения могут быть обусловлены, во-первых, тем, что значение, закрепленное в языковых кодах одних говорящих за данным означающим, не тождественно тому значению, которое составляет означаемое рассматриваемого языкового знака в кодах других говорящих. Во-вторых, эти расхождения могут быть вызваны экстралингвистическими причинами: неодинаковым осмыслением самого денотата или того, что нужно о нем сообщить в связи с общим коммуникативным «заданием» или представлением о том, что уже знает слушатель. В первом случае разброс в оценках будет, как правило, характеризовать многие разнообразные условия употребления и будет повторяться на последующих этапах опроса. Исключения составляют только те расхождения в оценках, которые вызваны различиями в конфигуративных или в стилистически-экспрессивных признаках при тождественности смысловых признаков. Неодинаковая оценка, вызванная экстралингвистическими причинами, напротив, будет, как правило, касаться немногих, особых случаев употребления. Большие расхождения могут возникать лишь при установлении денотативной отнесенности слов типа *красивый, справедливый* и т. д. Однако границы их допустимой сочетаемости с другими классами слов будут приблизительно совпадать в речи различных говорящих.

Если большинство фактов употребления одинаково воспринимается всеми информантами, в начале исследования следует отбросить те случаи использования языкового знака, которые получили неодинаковую оценку. К ним можно вернуться в конце анализа и посмотреть, вызвана ли разная оценка индивидуальными особенностями в употреблении языкового знака или обусловлена факторами, одинаковыми для больших групп говорящих.

Если большое число случаев употребления, взятых в самых различных условиях, оценивается неодинаково, информантов нужно разделить на группы, члены каждой из которых дают одинаковые оценки, и попытаться получить отдельное описание для различных групп говорящих.

В связи с необходимостью отбора фактов употребления, общих для всех носителей данного языка или данной группы говорящих, встает вопрос о количестве информантов, которых нужно опросить для того, чтобы можно было

оценить значимость результатов опроса. По-видимому, в большинстве случаев желательно и достаточно опросить человек 15: математическая теория ошибок, позволяющая установить, является ли полученный результат характеристикой явления или следствием случайных ошибок (например, афазии речи), обычно может быть применима, если число измерений (т. е. в нашем случае — число сопоставляемых ответов) равно 12—15. При большом разбросе в результате опроса число информантов нужно увеличить. Если все опрашиваемые принадлежат к одной социальной или территориальной группе, результаты опроса считаются значимыми для данной группы говорящих. Однако практически часто можно работать и с одним-двумя информантами [Селиверстова 1974].

Наряду с очевидно положительным и отрицательным материалом встречаются также такие случаи употребления, оценка которых вызывает затруднения у информантов. Эти затруднения могут быть связаны, например, с тем, что объект описания не имеет четко выраженных свойств, вследствие чего его принадлежность к денотативному классу той или иной языковой единицы не очевидна. Для учета указанных случаев употребления удобно ввести балльную шкалу оценок.

5.4. На основании обобщения собранных фактов употребления строится гипотеза о значении анализируемой языковой единицы. Построение этой гипотезы представляет собой наиболее сложный и наиболее творческий этап семантического исследования. Вследствие этого попытки установить значение языковой единицы с помощью прямого опроса информантов («Что значит это слово?»), как правило, не результативны.

Характерные особенности всякого явления часто легче установить при сопоставлении его с другими явлениями. Поэтому построение семантической гипотезы облегчается при сопоставлении значения описываемого знака с другими знаками той же семантической группы. Такой путь построения необходим, если появляются основания предполагать, что анализируемое значение складывается из набора различительных признаков. В этом случае для полного описания языковой единицы нужно рассмотреть ее в сопоставлении со всеми близкими ей по значению языковыми знаками, т. е., иными словами, нужно прибегнуть к методу компонентного анализа (3.1). Понятно, что на стадии выдвижения гипотез все утверждения относительно полноты рассмотрения, неизменности контекста и т. д. носят предположительный характер.

5.5. В семантических толкованиях могут быть использованы единицы естественных языков, искусственные слова и символы, введенные исследователем или заимствованные им из других наук, а также средства «изобразитель-

ного языка» (рисунки, графы²⁰ и т. д.). Все единицы метаязыка описания можно разделить на два типа: те, которые нельзя использовать без предварительного определения, и те, которые не нуждаются в дефиниции. Мы предлагаем следующий критерий для их разграничения: единица метаязыка может не иметь определения, если ее употребление в контексте семантического толкования (большинство словарных толкований должно быть построено в форме высказывания, состоящего из одного или более простых или сложных предложений) не препятствует однозначности понимания этого толкования теми, кому оно предназначено²¹. Критерий однозначности понимания может использоваться и для оценки удовлетворительности определения единицы метаязыка.

В тех случаях, когда содержание смысловых признаков языковых единиц не удастся интерпретировать с помощью перечисленных средств метаязыка или же когда возникает потребность в использовании других приемов, можно построить такое определение, которое мы бы назвали операционным. Это определение может быть сформулировано в следующей форме: описываемая языковая единица имеет значение, допускающее ее сочетаемость с такими-то языковыми знаками; это значение включает компоненты, которые делают возможной замену данной языковой единицы на некоторую другую единицу при таких-то условиях и т. д. Операционное определение, вероятно, наиболее пригодно при работе с машиной. Однако в словарях и грамматиках толкования языковых значений лучше давать в другой форме. Кроме того, получить действительно исчерпывающее операционное определение чрезвычайно трудно.

5.6. После того, как с помощью выбранного языка описания сформулированы предположения о содержании смысловых, стилистических или экспрессивных признаков, входящих в означаемое анализируемой языковой единицы, исследователь переходит к проверке достоверности сделанных предположений. Методы проверки подробно рассматривались в предыдущих работах автора [Селиверстова 1975: 19—25; 1968]. Здесь мы перечислим только некоторые положения.

Если семантическую гипотезу удастся сформулировать с помощью естественного языка, постулируемую информацию можно проверять не только через выводимые из нее следствия, но и непосредственно. При этом опрашиваемым предлагают ряд предложений, которые бы различались только по одному знаку, и просят выделить фразы, содержащие проверяемую информацию. Ответы опрашиваемых, подтверждающие сделанное предположение, не служат еще

²⁰ Об одной из форм использования изобразительных средств см. [Селиверстова 1970].

²¹ О проверке однозначности понимания семантической формулировки см. [Селиверстова 1975: 20].

его доказательством. Информанты могут не обратить внимание на неточность предложенной формулировки или на то, что она соответствует ассоциативному признаку, а не компоненту значения. Кроме того, замена исследуемого слова другим или другими иногда приводит к изменению значения слов контекста. Вследствие этого отсутствие проверяемой информации в предложениях, в которых заменено исследуемое слово, необязательно означает, что в исходных фразах она вносится именно исследуемым знаком, а не словами окружения. Однако применение рассмотренного вида проверки помогает установить степень осознаваемости проверяемого признака, а также провести различие между смысловым и конфигуративным признаками.

Другие приемы проверки строятся в соответствии с гипотетико-дедуктивной процедурой исследования. Из проверяемой гипотезы дедуктивным путем выводятся те особенности употребления, которые должны характеризовать исследуемую единицу, если она действительно несет постулируемую информацию. В проверке семантической гипотезы используются два типа следствий: денотативные и синтагматические. Денотативные следствия — это те особенности в денотативной отнесенности, которые должны быть присущи языковому знаку, имеющему постулируемое значение. Синтагматические следствия — это те особенности в сочетаемости, которые должен иметь языковой знак с данным значением. Истинность выводимых следствий устанавливается с помощью опроса информантов. Верность выделяемых признаков в основном доказывается с помощью «отрицательных» следствий, т. е. с помощью нахождения тех условий употребления, в которых языковой знак не должен использоваться, если он имеет проверяемое значение или проверяемый компонент значения. Напротив, полнота—неполнота описания обычно устанавливается через «положительные» следствия.

В своих предыдущих работах мы обсуждали различные трудности, возникающие при проверке истинности семантической гипотезы [Селиверстова 1975: 19—26]. Среди них наиболее общей является трудность нахождения таких следствий, которые бы однозначно зависели от проверяемой гипотезы, т. е. зависимость которых от постулируемой информации могла бы быть доказана с помощью метода варьирования одного параметра при фиксации остальных.

Несмотря на то, что различные приемы использования гипотетико-дедуктивного метода в семантике нуждаются в усовершенствовании и пополнении, уже сейчас очевидно, что его применение внесет существенный вклад в решение той задачи, которая, как нам представляется, является главной проблемой современного языкознания, а именно: в создание адекватных действительности словарей и грамматик. Прогресс в остальных областях лингвистики в значительной степени будет зависеть от решения этой проблемы. О ее важности и актуальности для современного языкознания писал еще Л. В. Щерба [Щерба 1945].

Недостаток существующих словарей и грамматик заключается не только в том, что содержащиеся в них сведения недостаточно обобщены и систематизированы²², но, прежде всего, в том, что в них дается много неточных, неполных или вообще неверных семантических толкований. Для преодоления этого недостатка необходимо сознательное и последовательное применение гипотетико-дедуктивного метода.

В заключение перечислим основные положения настоящей статьи.

1. Язык есть систематизированный инвентарь единиц, с помощью которого порождается речь, а не система порождающих процессов.

2. В основном язык представляет собой систему знаков, а не инвентарь правил. Языковые правила в большинстве случаев регулируют образование языковых единиц, а не построение речевых произведений. Порождение речи зависит, хотя и неоднозначно, от значения языковых единиц.

3. Значение языковой единицы составляет знаковая информация, передаваемая через означающее этой единицы. Знаковая информация складывается из смысловых, стилистических, экспрессивных и конфигуративных признаков.

4. Выделение смысловых, стилистических, экспрессивных и конфигуративных признаков и составляет основную цель частной семасиологии независимо от того, какой уровень языка она описывает (морфологический, лексический или синтаксический).

5. Неразрывная связь между языком и речью, постулируемая в теории, но пренебрегаемая в практике выявления значений, будет восстановлена, если семантическое описание получит силу частного закона, предсказывающего общие для всех носителей языка или для членов достаточно большой группы говорящих факты употребления.

6. Для получения адекватного семантического описания необходимо использовать гипотетико-дедуктивную процедуру исследования, которая может включать в себя другие более специфические или более узкие методы выведения семантических признаков и установления их истинности.

²² Такой точки зрения придерживаются, например, Дж. Кац и Дж. Фодор [1963].

Библиография

- Аксенова И. С.* Значение направительного суффикса в языках банту // Типология глагола в африканских языках. М., 1972.
- Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М., 1974.
- Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка. Л., 1973.
- Арнольд И. В.* Стилистика декодирования. Л., 1974.
- Арутюнова А. Д.* Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1973. № 1.
- Арутюнова Н. Д.* Проблема синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора // Вопр. языкознания. 1973. № 1.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Гак В. Г.* К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972.
- Латтева О. А.* Нерешенные вопросы теории актуального членения // Вопр. языкознания. 1972. № 2.
- Матезиус В.* Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Мельников Г. П.* Типы означаемых языкового знака и детерминанта языка // Проблемы семантики. М., 1974.
- Мойн Дж.* Введение в теорию трансформационных грамматик. М., 1970.
- Румшицкий Л. З.* Математическая обработка результатов эксперимента. М., 1971.
- Селиверстова О. Н.* Семантический анализ слов типа *все*, *all* и типа *кто-нибудь*, *some* в русском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.
- Селиверстова О. Н.* Значение и информация // Теория речевой деятельности. М., 1968.
- Селиверстова О. Н.* Опыт семантического анализа группы русских и английских глаголов с общим компонентом «излучать свет» // Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. М., 1970.
- Селиверстова О. Н.* Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом *быть* // Вопр. языкознания. 1973. № 5.
- Селиверстова О. Н.* К вопросу об определении значения и методах его описания // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания: Тезисы докладов. М., 1974.
- Селиверстова О. Н.* Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.

- Семенюк Н. Н.* Из истории функционально-стилистической дифференциации немецкого литературного языка. М., 1972.
- Степанов Ю. С.* Проблема общего метода современной лингвистики // Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания: Тезисы докладов. М., 1974.
- Толстой Н. И.* Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. М., 1968.
- Фриз Ч.* Значение и лингвистический анализ. Новое в лингвистике. Т. II. М., 1962.
- Хомский Н.* Логические основы лингвистической теории // Новое в лингвистике. Т. IV. М., 1965.
- Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.
- Шмелев Д. Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
- Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1969.
- Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973
- Щерба Л. В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.
- Щерба Л. В.* Очередные проблемы языкознания // *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.
- Bendix E. H.* Componential analysis of general vocabulary // International Journal of American Linguistics. 1966. Vol. 32. №2.
- Fillmore Ch.* Toward a modern theory of case // Research foundation. Ohio State University, 1966. №13.
- Fillmore Ch.* Types of lexical information // Studies in syntax and semantics. Dordresht, 1969.
- Haas W.* On defining linguistic units // Transactions of the philological society. Oxford, 1954 (цит. по *Ullmann St.* Semantics // Current Trends in Linguistics. 1972. №9).
- Katz J., Fodor J.* The structure of semantic theory // Language. 1963. Vol. 39. №2. Pt. 1.
- Mathiot M.* An approach to the cognitive study of language // International Journal of American Linguistics. 1968. Vol. 34. №1.
- Pottier B.* La definition semantique dans les dictionnaires // Travaux de linguistique et de litterature... III. 1965. №1.
- Russell B.* An inquiry into meaning and truth. N. Y, 1940 (цит. по: *Ullmann St.* Semantics // Current Trends in Linguistics. 1972. №9).
- Saussure F. de.* Cours de linguistique générale. Lausanne; Paris, 1916.

2.

**НЕКОТОРЫЕ ТИПЫ
СЕМАНТИЧЕСКИХ ГИПОТЕЗ
И ИХ ВЕРИФИКАЦИЯ**

Раздел в коллективной монографии «Гипотеза в современной лингвистике». М.: Наука, 1980. С. 262—318.

Особенность современного состояния лингвистики, объединяющая ее со многими другими гуманитарными дисциплинами, заключается в том, что в ней не проводится четкого различия между гипотезами и доказанными положениями или результатами. Сказанное относится и к общей теории лингвистики, и к описанию отдельных языков. Такое состояние лингвистики сильно тормозит ее развитие. Прежде всего оно приводит к многократному повторению лингвистических открытий, поскольку верные положения, установленные одним поколением лингвистов, не получают в их работах исчерпывающего обоснования, и, кроме того, эти положения перемешаны с неверными, следующие поколения лингвистов часто вынуждены вновь их открывать.

Отсутствие четкой грани между гипотезой и уже доказанной теорией и между гипотезой и доказанным результатом способствует также возникновению впечатления, что в лингвистике почти нет достоверных общих теорий и даже конкретных результатов. Такая психологическая установка в свою очередь приводит к тому, что иногда положения, которые фактически уже получили многократное подтверждение и требуют лишь отдельных уточнений, отбрасываются полностью и лишь через какой-то период времени вновь восстанавливаются. И, наконец, отсутствие неукоснительного требования глубокого обоснования вводимых новых представлений является причиной того, что в лингвистике накапливается большое количество произвольных или вообще не проверяемых положений, которые, однако, в течение какого-то времени могут оказывать существенное влияние на ее развитие.

Отсутствие определения статуса вводимого утверждения (а именно: является ли она только гипотезой, аксиомой или теорией, доказанным результатом)

не было случайным. Оно обусловлено трудностью построения доказательств в лингвистике. Эти трудности связаны с тем, что, во-первых, не все лингвистические гипотезы могут быть доказаны в рамках самой лингвистики. Во-вторых, в объекте исследования лингвистики, в отличие от других наук (например, физики), имеется огромное количество разнообразных качеств, и основная задача лингвистики заключается именно в установлении этих разнообразных качеств, а не в выявлении чисто количественных зависимостей и соотношений. Наконец, в качестве прибора лингвистического эксперимента часто выступает человек (информант — носитель языка), который фиксирует возможность или невозможность употребления языковой единицы в тех или иных заданных экспериментом условиях.

Однако существование многих трудностей не снимает необходимости доказательства лингвистических гипотез.

Необходимость разделения существующих лингвистических представлений на положения, очевидно истинные (аксиоматические), положения, фактически уже доказанные, и положения, требующие доказательства, а также необходимость поиска методов лингвистических доказательств осознается многими лингвистами и логиками.

Попытки описать значения через форму или вообще дать описание языка без семантики, характерные для 50—60-х годов, во многом были обусловлены именно стремлением получить объективное описание языка, поддающееся проверке. Однако путь для достижения этой цели был выбран неверно.

Принципиальная важность введения эксперимента в лингвистику (чему придавал огромное значение Л. В. Щерба) заключается прежде всего в том, что эксперимент позволяет проверять лингвистические гипотезы. В настоящее время существует целый ряд работ, специально посвященных проблеме верификации лингвистических гипотез (см., например, [Botha 1977; Cohen 1975]). Способы проверки гипотез о значении отдельных языковых единиц рассматриваются в целом ряде частных исследований, например, [Bendix 1966] и исследований, обобщающих опыт словарных и грамматических описаний, например, [Wahrig 1967; Coseriu 1966]. В настоящее время делаются также интересные попытки установить аксиоматические положения лингвистики и знаковых систем вообще (см., например, [Лосев 1976]).

В данной главе мы попытаемся установить, от чего зависит проверка тех или иных лингвистических представлений. Под этим углом зрения лингвистические гипотезы расклассифицированы на три вида: гипотезы, не проверяемые в рамках самой лингвистики; гипотезы, доказательство которых зависит от общелогических рассуждений (для этих гипотез экспериментальные данные либо очевидны, либо фактически давно получены; к числу этих гипотез, как мы попытаемся показать ниже, относятся многие гипотезы, связанные с

границами и сущностью языка); и, наконец, гипотезы, проверка которых и само их выдвижение требует получения нового лингвистического экспериментального материала.

В этой главе выдвигается и обосновывается ряд гипотез. Особое внимание уделяется обоснованию применения компонентного анализа. Устанавливаются особенности лингвистического эксперимента, выявляются трудности его осуществления и предлагаются некоторые пути их преодоления. Решение многих поставленных проблем оказывается зависимым от ряда еще более общих проблем и, в частности, от того, как понимается различие между лингвистическим, логическим и психологическим. Поэтому здесь будет затронут вопрос о характере их соотношения.

ГИПОТЕЗЫ, НЕ ПРОВЕРЯЕМЫЕ В РАМКАХ ЛИНГВИСТИКИ

Существует большое количество лингвистических гипотез, для проверки которых требуется обращение к другим наукам и прежде всего к нейрофизиологии. К их числу относятся многие гипотезы, связанные с такими особенностями организации языкового кода, которые не находят непосредственного проявления в конечном продукте речевой деятельности—в **тексте**¹. Наблюдая со стороны акты речи, можно легко установить, что звуковые последовательности несут определенную информацию, причем эта информация относится не к самим последовательностям, а к чему-то другому, т. е. последовательности звуков играют роль знаков. Знаки эти произвольны в том смысле, что человек, не знающий языка, на котором ведется разговор, не может, исходя из характера их звучания, понять, какую информацию несут звуковые комплексы. Однако не все особенности построения языковых единиц отражаются в текстах. Например, в последнее время в лингвистике ставится интересный вопрос о том, как именно «записаны» значения языковых единиц в памяти говорящих

¹ Слово *текст* употреблено здесь в том широком значении, в котором в русской лингвистической традиции чаще употребляется слово *речь*, т. е. для обозначения любого продукта речевой деятельности, в том числе и отдельной фразы, отдельного высказывания. Так этот термин используется в работах Л. В. Щербы [1974], Э. Косериу [1977] и др. Мы отдали предпочтение термину «текст» поскольку термин «речь» часто используется и для обозначения самого акта создания текстов. Термины «речь» и «речевая деятельность» употребляются в данной работе для описания всей совокупности явлений, которые участвуют в актах создания текстов. Напротив, термин «язык» (*langue*) служит для обозначения только самой системы знаков, используемых в речевой деятельности и хранящихся в памяти говорящих. Термины «речь» и «речевая деятельность» четко не дифференцируются.

[Мельников 1974]: «записаны» ли они в форме образов, в форме перечисления признаков или еще в какой-то форме.

Как представляется, на этот вопрос можно получить ответ только в результате нейрофизиологических исследований. Лингвисты могут только строить более или менее вероятные гипотезы на основании актов самонаблюдения. Так, наиболее вероятным представляется наличие по крайней мере двух форм записи языковых значений — образной и необразной. Образная форма присуща скорее всего в основном тем словам, значения которых представляют собой отображения классов объектов, объединенных на основании зрительно воспринимаемых свойств (например, слова, обозначающие виды животных, растений и т. п.). Если данное предположение верно, то принятое во многих словарях истолкование этих значений с помощью рисунка наиболее соответствует тому, как представлены эти значения в сознании².

Одной из важнейших проблем лингвистики и наук, связанных с познанием человека вообще, является вопрос о соотношении языка и мышления³ или, точнее, языка и различных мыслительных процессов, протекающих в мозгу. Этой проблеме посвящено большое количество работ (см., например, [Потебня 1913; Выготский 1934; Lee-Worf 1957; Жинкин 1958; ЯМ 1967; Колшанский 1965; Панфилов 1963; Леонтьев 1967; Крушельницкая 1970; см. также Прибрам 1974]).

Решение многих вопросов, возникающих в рамках данной проблематики, также невозможно без обращения к нейрофизиологическим исследованиям. Без этих исследований, в частности, нельзя ответить на вопрос, какие именно виды мыслительных процессов могут протекать без включения языковой системы. Например, когда человек слышит звонок и «узнает» его как звонок телефона, обязательно ли при этом в его сознании или подсознании (часто человек совершенно автоматически реагирует на услышанный звонок) строятся фразы *Звонит телефон* или *Телефон*? Или, например, если человек, услышав телефонный звонок и оценив ситуацию, решает, что ему самому неудобно подходить к телефону, и обращается к кому-нибудь из присутствующих со словами: *Подойди, пожалуйста, к телефону*, то в каждой ли мыслительной операции, предшествующей акту речи, участвовал язык или нет? Имели ли место акты внутренней речи или нет?

² В словарях рисунок скорее понимается как изображение реального объекта, обозначаемого словом. Однако рисунок можно рассматривать и как метаязык описания образа, хранящегося в сознании.

³ Термин «мышление» не имеет четкого определения и неодинаково используется разными авторами, см. об этом [ОЯ 1970, гл. V]. Чаще всего вкладываемое в него содержание не покрывает всех видов мыслительных процессов, протекающих в мозгу. Например, он обычно не используется для обозначения процесса восприятия, который предполагает не только регистрацию внешних явлений мозгом, но и их узнавание как членов тех или иных классов.

Можно представить себе такую модель речевого акта, в соответствии с которой при восприятии объекта сразу же происходит возбуждение нервных связей, ответственных за хранение соответствующего слова, т. е. объект сразу же воспринимается как денотат той или иной языковой единицы. Эта модель логически соприкасается с гипотезой **Сепира—Уорфа**. Если само восприятие действительности уже с самого начала обязательно связано с введением в действие языковой системы, то, очевидно, эта система должна предопределять само восприятие действительности, и, следовательно, это восприятие должно быть в какой-то мере различным у носителей разных языков. Однако большинство лингвистов и логиков допускают (в явной или неявной форме) существование «промежуточного» отображения объекта или представления об объекте, которое предшествует обозначению его тем или иным языковым знаком. Г. Фреге называл это «промежуточное» отображение (представление) внутренним образом [Frege 1892]. Современные логики иногда используют термин «переживание» говорящего [Тондл 1975: 52]. В этой модели речевого акта связь между **объектом** и языковой единицей рассматривается как опосредованная, предполагающая наличие промежуточной ступени.

Можно, наконец, предположить и третье, а именно, что связь восприятия объекта и языка бывает различной: чем более непосредственно отображается в значении языковой единицы реалія, тем чаще сливаются акт ее восприятия и акт возбуждения нервных связей, ответственных за хранение в памяти соответствующей языковой единицы.

Интересная попытка рассмотрения языковых единиц под углом зрения их более или менее опосредованного отображения действительности была сделана У. Чейфом [Чейф 1975].

Для проверки всех перечисленных моделей также требуется обращение к нейрофизиологии. Полученные в последние десятилетия экспериментальные данные свидетельствуют скорее в пользу гипотезы о существовании «промежуточного отображения» (см. обзор нейрофизиологических и психологических работ по этому вопросу в работе И. Н. Горелова [1977]). Однако скольнибудь детального механизма речевого акта не удалось установить.

Кроме вопроса о том, обязательно ли участвует язык в первичном акте **отображения**, возникает также проблема соотношения означающего языковой единицы с абстрактным обобщенным отображением, соответствующим классу объектов, и с конкретным образом представителя данного класса. Можно принять как очевидное, что в памяти хранятся отображения и первого и второго типа. Так, наряду с некоторым абстрактным представлением⁴ 'стол' в памяти

⁴Термин «представление» использован здесь не в том значении, которое он имеет в психологии: под ним понимается некоторая форма, в которой образы, идеи хранятся в памяти.

может храниться и некоторый конкретный образ, например, того стола, который стоит в квартире говорящего. Звуковая последовательность *стол* может вызывать в сознании как абстрактное представление, так и конкретный образ. При этом для понимания языкового значения важно, может ли звуковая последовательность непосредственно вызывать конкретный образ или всегда первоначально происходит процесс возбуждения нервных связей, ответственных за хранение абстрактного отображения, а затем уже, после актуализации абстрактного отображения, всплывает в сознании конкретный образ. Например, встает вопрос, может ли звуковой комплекс *стол* при декодировании предложения *Когда я вошел, врач сидел за столом* вызвать непосредственно образ конкретного стола, который слушатель видел во врачебных кабинетах, или же этот образ может возникнуть только на какой-то следующей ступени «усвоения» полученного сообщения, на которой сведения, полученные через звуковой комплекс *стол*, дополняются и корректируются сведениями, полученными из всего контекста. Если означающее языковой единицы может вызвать непосредственно и конкретные образы, то тогда значение языковой единицы представляет собой множество отображений, которые подводятся под некоторое общее абстрагированное отображение или, во всяком случае, обнаруживают определенные общие обязательные признаки. Если значение языковой единицы действительно представляет собой множество отображений, элементы которого могут соответствовать конкретным образам, то тогда очевидно, что эти элементы множества у разных говорящих должны часто не совпадать, хотя то абстрагированное отображение, к которому они сводятся, обычно идентично у всех говорящих. Существование таких различий очевидно может приводить к неполному соответствию переданного и полученного сообщения.

Если, напротив, конкретный образ, представление не возникает непосредственно при декодировании языкового знака и всегда имеет место промежуточный этап возбуждения абстрактного отображения, то именно это абстрактное отображение и соответствует языковому значению, поскольку оно непосредственно и всегда связано с означающим. Если это предположение верно, то языковые системы могут быть абсолютно идентичными у разных говорящих. Такая гипотеза о построении языковой системы, однако, не означает, что при общении должно возникать полное понимание между говорящим и его собеседником. Во-первых, если верно предположение о том, что при первоначальном отображении действительности, которое определяет замысел речи, не включается языковая система, то отсюда следует, что не обязательно должно быть однозначное соответствие между тем, что хочет сказать говорящий, и тем, что он действительно говорит слушающему: говорящему не всегда удастся отобразить языковые единицы, которые в своей совокупности передавали бы информацию, совпадающую с тем, что он хотел выразить. Во-вторых, в процессе деко-

дирования участвует не только знание языковой системы, но и другие факторы, или — точнее — процесс понимания переданного сообщения не сводится только к декодированию. Слушающий может осуществлять целый ряд логических операций, в которых участвуют не только сведения, непосредственно содержащиеся в сообщении, но и предшествующие знания слушающего, не связанные с языковой системой (например, знание характера говорящего, того, о чем он может говорить, и т. д.). Таким образом, конечный набор сведений, который получает слушающий, не зависит только от языка и не является только продуктом декодирования.

Наряду с вопросом о соотношении конкретного отображения, абстрактно-обобщенного отображения и означающего в лингвистике и в логике давно дискутируется проблема существования в памяти разных абстрактно-обобщенных отображений и их отношения к означающему, т. е. иными словами, проблема значения и понятия. Следует, однако, заметить, что термин «понятие» не всегда одинаково используется в логике и лингвистике. В лингвистике этот термин обычно служит для обозначения некоторого любого отображения класса объектов в сознании, который не является или возможно не является означаемым языковой единицы, т. е. по отношению к нему дискутируется вопрос о том, тождественно ли оно означаемому или нет. Таким образом, в лингвистике проблема значения и понятия сводится к тому, существует ли в сознании наряду с отображением класса объектов, составляющим означаемое языковой единицы, другое отображение того же класса объектов, которое прямо не соотносится с означающим. Напротив, в логике термин «понятие» относится к особому виду отображения действительности, а именно: только к такому отображению, которое включает в себя существенные признаки объекта [Кондаков 1971: 394]. Это разное употребление терминов и послужило, как представляется, причиной возражений Н. И. Кондакова против разграничения формального понятия, которое, по мнению С. Д. Кацнельсона [Кацнельсон 1965], составляет значение, и содержательного понятия, не соотносимого с отдельным означающим языковой единицы [Кондаков 1971: 398]. Мы сохраняем за термином «понятие» содержание, обычно вкладываемое в него в лингвистике, хотя, возможно, следовало бы ввести какой-то новый термин.

Если не рассматривать те случаи, когда с одним означающим могут быть связаны отображения, не сводимые к одному абстрактному отображению, т. е. не рассматривать проблему многозначности, то очевидно, что, в какой бы реально форме ни были связаны с означающим различные отображения, соотносимые с членами одного и того же класса объектов, все же главным объектом исследования лингвистики должно быть то общее, что объединяет эти отображения у всех представителей некоторой социальной или территориальной группы или у всех носителей языка. То, что это общее, как правило, существует, не

ставится под сомнение ни логиками, ни лингвистами: именно наличие этого общего и делает возможным использование языка как средства общения. Однако только нейрофизиологические исследования могут ответить на вопрос о том, как реально представлено это общее: соответствует ли оно отдельно существующему отображению и строится ли связь означающего с другими соответствующими отображениями только через него или нет.

Нерешенность многих вопросов, связанных с реальной организацией языкового кода, не влияет, таким образом, на постановку задач семантических исследований.

Нейрофизиологические исследования должны сыграть важную роль в уточнении лингвистических представлений о языковых единицах и, в частности, о единицах синтаксической области языкового кода. В настоящее время большинство лингвистов разделяет ту точку зрения, что главной единицей или, во всяком случае, одной из главных единиц синтаксического уровня является структурная схема, формула или модель предложения (см., например, [Шведова 1969; Шмелев 1961; Белашапкина 1977]). Действительно, по крайней мере основные структурные схемы имеют свое означаемое, их значение не предопределяется значением их элементов или их суммированием, причем некоторые из этих элементов вообще не имеют своего значения, и, следовательно, структурные схемы предложений образуют особые знаки языка. Сравним, например, значение моделей с конструкцией *there to be* и без нее. На основании проведенного исследования, включающего работу с информантами (было опрошено шесть человек, англичане в возрасте от 25—30 лет, имеющие высшее образование), мы пришли к выводу, что эти модели различаются по нескольким признакам. Укажем на два основных. Модель с конструкцией *there to be* несет информацию о том, что происходит, наличествует в определенном месте в определенное время; напротив, модель без этой конструкции выбирается, если в центре внимания стоят сами действия, само нахождение где-то, указание на место при этом выступает как одна из характеристик действия (данный признак формулировался нами раньше несколько иначе [Селиверстова 1977]). Одним из условий, способствующих такому распределению акцентов, служит перечисление серии событий, действий некоторые из которых не связаны с местом осуществления других. Например, следующий контекст характерен для употребления модели без конструкции *there to be*: А. *You 've had a whole week to do your home work. Why haven't you done it?* — В. *Yesterday some boys were playing football outside my house and they kicked a ball through the window and it knocked a bottle of ink all over my essay.* 'А. «У тебя была целая неделя на подготовку домашнего задания. Почему ты его не сделал?» — В. «Вчера мальчики играли в футбол рядом с моим домом, и мяч попал в окно, перевернул чернильницу и залил чернилами мою домашнюю работу»'. Ср. так-

же: *Look! A monkey is on a roof and it wants to get down. What does it have to do?* 'Представьте, обезьяна на крыше. Она хочет спуститься вниз. Что она должна для этого сделать?' Выбору данной модели в последнем контексте способствует также неопределенность места и времени. Отметим, однако, что многие контексты, даже при описании больше одного действия (особенно двух) допускают разбиение как бы на два сообщения: что происходит в описываемом месте в некоторый момент времени и какие действия, события после этого имеют место.

Отметим еще один различительный признак: артикль *a* в модели с конструкцией *there to be* выполняет включающую функцию: в этой модели сообщается, что происходит, и указывается, что субъект действия относится к некоторому классу. Напротив, во второй модели артикль *a* имеет выделительную функцию, т. е. из класса выделяется отдельный член, который и является субъектом действия. В результате этого различия при описании многократных ситуаций, допускающих возможность смены участника события, выбор модели без конструкции *there to be* показывает, что участник события один и тот же. Например: *If a woman is in one's thoughts all day one should not have to dream of her at night* (G. Greene, *The End of the Affair*) 'Если целый день думаешь о женщине, то нельзя, чтобы она еще и снилась по ночам'. Преобразование предложения с помощью конструкции *there to be* приводит к восприятию слова *a woman* как обозначающего не один и тот же денотат во всех случаях реализации действия. Проявлением указанного различия является также следующее: по-видимому, модель без конструкции *there to be* не употребляется, если действие не может рассматриваться как выделяющее его субъект из класса однородных с ним объектов, т. е. осуществление данного действия не должно быть обычным для членов данного класса. Так, в контексте: А. *How do you know about the accident?* — В. *Well, a woman was going past yesterday so I invited her in and she told me all about it* 'А. «Откуда вы знаете о том, что случилось?» — В. «Вчера мимо моего дома проходила женщина. Я пригласила ее к себе, и она мне все рассказала»' большинство опрошенных предпочитали либо добавлять конструкцию *there to be*, либо заменять слово *woman* на другие слова, имеющие более узкий класс денотации, например на слово *policeman*, указывая при этом, что появление здесь полицейского менее обычно. Возможно, именно эта выделительная функция делает странными предложения типа **Look, a man is drowning in the lake*. 'Посмотри! Человек тонет!'. Здесь требуется указание на само наличие события в данном месте, в данное время, что согласуется с выбором конструкции *there to be*.

Однако в рамках самой лингвистики нельзя ответить на вопрос о том, в какой именно форме представлены в памяти структурные схемы. Например, можно предположить, что они хранятся в свернутом виде: задаются более мелкие единицы (некоторые из которых могут быть дознаковыми) и правила

их развертывания в структурную схему, которая выступает как носитель определенного значения. Если это предположение верно, то поиски правил, которые бы задавали структурные схемы, соответствуют природе языка. Однако в какой бы форме ни хранились в памяти структурные схемы, они все-таки в конечном счете выступают как особые знаки, если имеют свое значение. То же самое относится и к единицам других уровней. Поэтому определение языка как в основном системы знаков, а не системы порождающих процессов или системы правил, является, очевидно, верным. Правила, предлагаемые порождающими грамматиками, если они вообще имеют определенные соответствия в реальном построении языкового кода, будут характеризовать только форму «записи» языковой единицы в памяти и процесс ее актуализации в речи. Точно так же на основании только лингвистических данных трудно ответить на вопрос о том, как соотносятся схемы и члены предложений⁵. Следует ли считать, что члены предложения существуют в языковом коде только как части схем, т. е. что в рамках тех или иных схем морфологические единицы типа $N_{им.п.}$ (имя в именительном падеже), $V_{лич.ф.}$ (глагол в личной форме) приобретают характеристики, превращающие их в члены предложения. Например, можно предположить, что в языковом коде существует модель « $N_{им.п.} V_{лич.ф.}$ », в которой имя и глагол согласуются. Эта модель служит для передачи информации о том, что денотат имени является производителем того действия или носителем того процесса, состояния, которое обозначает глагол (здесь возможны различные варианты в зависимости от лексических значений слов, заполняющих первую и вторую позиции). В этом случае такие единицы, как подлежащее и сказуемое, отдельно не представлены в языковом коде. Мысль об избыточности таких понятий, как подлежащее, сказуемое, была высказана Н. Хомским [Хомский 1972]. Он сделал также попытку построить синтаксическую модель, не пользуясь понятиями членов предложения. С другой стороны, можно предположить, что в синтаксической области языкового кода содержатся такие единицы, как обстоятельство места, прямое дополнение. Их особенность, однако, заключается в том, что они не имеют своих означающих; они могут содержать лишь указание на то, какие единицы других уровней должны быть выбраны для их выражения. Так, можно предположить, что в языковом коде носителей русского языка знак «прямое дополнение» имеет указание, в соответствии с которым этот знак должен быть выражен формой вин. падежа или, при определенных условиях, формой род. падежа.

Нейрофизиологические исследования должны пролить новый свет на характер членений внутри языкового кода, а также помочь установить критерии

⁵ Хотя в последнее время сделаны многообещающие попытки в этом направлении, см. [Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980].

отнесения языковых единиц к той или иной его области. Например, в лингвистике давно дискутируется проблема так называемых грамматических слов (предлоги, связочные глаголы и т. д.). В последнее время стал также употребляться термин «синтаксические слова», или «синтаксические лексемы» (см., например, [Падучева 1974, гл. XI]). Данная проблема в основном обсуждалась под углом зрения того, имеют ли подобные слова лексическое значение. Отсутствие самостоятельного значения действительно может служить критерием отнесения слова к синтаксической (или вообще грамматической) области языкового кода. Примером слова, не имеющего своего значения, может служить лексема *there* в таких предложениях, как *There is a man in the garden* 'В саду какой-то человек'. Однако отсутствие значения не является обязательным для того, чтобы считать слово синтаксическим. Вторым лингвистическим критерием может служить характер оппозиций, в которые вступает лексико-синтаксическая модель, содержащая рассматриваемое слово: если эта модель находится в прямой оппозиции с «чисто» синтаксической моделью, то она тоже принадлежит синтаксической области языкового кода. Например, конструкции с глаголом *have* могут находиться в прямой оппозиции с моделью *there to be* (см. с. 87). Однако можно предложить и некоторые критерии, основанные на нейрофизиологических данных. Исследования афазии показали, что владение синтаксисом связано с одними участками головного мозга, а владение лексикой — с другими [Лурия, Цветкова 1966]. На основании этого можно выдвинуть следующий критерий: если знание какого-либо слова теряется при тех видах афазии, при которых затронуты участки мозга, ответственные за владение синтаксисом, то это слово является синтаксическим.

Пространственное размежевание синтаксической и лексической областей языкового кода не означает, что не могут существовать элементы, которые одновременно принадлежат к лексической и синтаксической области. Новейшие исследования по нейронным механизмам памяти показывают, что «запись» информации в долговременной памяти носит функциональный характер и охватывает значительные участки коры головного мозга, которые могут взаимодействовать между собой, см. [Ливанов 1972, 1975]. В соответствии с этим можно предположить, что хранение некоторых языковых единиц связано сразу с несколькими участками головного мозга. Например, возможно, что именно к такому типу единиц относятся слова типа 'иметь'.

Все упомянутые (и многие другие) семантические гипотезы возникают в рамках лингвистики, выражая насущные запросы лингвистов. Но доказательство, зачастую и более или менее полное обоснование их, может быть получено лишь за пределами лингвистики в собственном смысле слова, на пути ее контактов с другими науками.

АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ГИПОТЕЗ, НЕ СВЯЗАННЫЕ С ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПРОВЕРКОЙ

Все лингвистические гипотезы требуют экспериментальной проверки, если употреблять термин «эксперимент» в широком смысле, включая и те случаи, когда эксперимент не надо специально ставить, т. е. когда данные получаются в результате простого наблюдения. Однако при специальном рассмотрении многих из этих гипотез обнаруживается, что экспериментальный материал фактически уже имеется, а главная задача заключается в установлении логических связей между этим материалом и теоретическими положениями. К этому типу доказательств можно отнести рассуждения Г. Фреге о необходимости разграничения значения и денотата (Sinn и Bedeutung, в терминологии Фреге). См. также обоснования необходимости такого разграничения в работах А. И. Смирницкого [Смирницкий 1955: 87].

О понятии языка. Отсутствие единого представления о сущности и границах языка в значительной степени также обусловлено не недостатком знаний об объекте, а разной направленностью интересов (например, у лингвистов и логиков), разными общими, часто априорными концепциями, в частности относительно науки, а также существованием того, что А. А. Потебня называл научными предрассудками, т. е. такими положениями, которые односторонне неполно, иногда приблизительно освещают объект исследования, но которые впоследствии принимаются как абсолютно справедливые и превращаются в первоисточник суждений об объекте [Потебня 1976].

Рассмотрим известный тезис Ф. де Соссюра о том, что язык в отличие от речевой деятельности однороден: «В то время как речевая деятельность в це-

лом имеет характер разнородный, язык, как он нами определен, есть явление по своей природе однородное—это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти компонента знака в равной мере психичны» [Соссюр 1977: 53]. Это положение Ф. де Соссюра можно понять в том смысле, что явления, из которых складывается речевая деятельность, входят в объекты разных наук (например, акустики, физиологии и т. д.). Напротив, сущность элементов, из которых складывается язык, одна и та же. И действительно, в курсе Ф. де Соссюра есть много утверждений, заставляющих думать, что он пытается вывести, удалить из языка все, что делает его неоднородным. Так, фонацию он считает не принадлежащей языку. Попытка свести понятие языка к чистой форме, предпринятая Л. Ельмслевым, представляется нам обусловленной именно стремлением буквально следовать данному тезису. Во всяком случае логически она вытекает не столько из представления о том, что важны только отношения внутри системы (эти отношения, как отмечал и сам Л. Ельмслев, могут быть субстанциональными), сколько из положения об однородности языка.

Действительно, если включить в язык ту субстанцию, в которой представлены означаемые и означающие и учесть существование языка не только в памяти говорящих, но и в текстах (эти две формы существования языка признавались и Ф. де Соссюром), то язык уже нельзя рассматривать как однородное явление. Так, значение, если оно строится из набора признаков, тождественно по своей природе ненаучному понятию, так как в его формировании участвуют процессы анализа, обобщения, абстрагирования и выделения существенных признаков, хотя эти признаки необязательно совпадают с существенными признаками соответствующего научного понятия. Подобное значение, являясь фактом языка вследствие связи с означающим, с которым оно образует языковую единицу, одновременно выступает и как логическая сущность. Значение, «записанное» в форме образа, также принадлежит не только лингвистике, но и входит в ведение других наук и прежде всего психологии. К совсем иному типу явлений относится «субстанция» означающего, особенно если принять во внимание его существование в виде последовательности звуков. Таким образом, если включить в понятие языка и «субстанцию» означающего, и «субстанцию» означаемого, то язык предстанет как объединение неоднородных элементов, что, вероятно, вообще характерно для всех знаковых систем.

Большинство лингвистов никогда не исключало субстанцию из языка, а в последнее время в лингвистике и в целом произошел поворот в сторону «субстанционального» рассмотрения языка, что было следствием созревшего понимания невозможности свести язык к чистой форме. Поэтому здесь мы не будем обсуждать вопрос о неправомерности исключения из языка субстанции. Для нас важно только подчеркнуть, что интерпретация языка как чистой

формы, по-видимому, возникла как следствие существования определенного лингвистического «предрассудка». Отметим, однако, что рассматриваемый тезис Ф. де Соссюра можно понять или, во всяком случае, свести только к положению о целостности языка в отличие от речевой деятельности — Соссюр часто, характеризуя язык, использует наряду с определением *однородность* определение *целостность*.

Утверждение о разнородной сущности элементов, из которых складывается язык, не противоречит тезису Ф. де Соссюра о целостности языка, о том, что язык образует единый объект: отношения, связывающие эти разнородные элементы и вырастающие из той функции, которую выполняет язык в целом, объединяют их в единую сложную систему. Таким образом, логические, психические, акустические и т. д. сущности могут получать лингвистическую значимость, если они участвуют в образовании языковых знаков.

Положение о том, что речевая деятельность в отличие от языка не составляет единого объекта — она распадается на несколько объектов, — до сих пор еще не получило общего признания.

Э. Косериу писал о том, что многие трудности и противоречия современной лингвистики во многом обусловлены именно тем, что не всегда показывается, к какому именно объекту относятся те или иные полученные лингвистами результаты, а именно: относятся ли они к языку как к системе, к текстам или же к речи [Косериу 1977]¹. Ниже мы отметим те противоречия, которые возникают, если понятие значения включает и само означаемое, и класс денотации, причем эти явления не вычленяются как особые объекты. Дополнительные аргументы в пользу необходимости вычленения в речевой деятельности нескольких объектов внесла сама лингвистика речи: рассмотрение ее результатов показывает, что в ней не предлагаются новые пути описания традиционного объекта языкознания, а исследуется новый объект, при изучении которого сведения, касающиеся языка, берутся как исходные. Так, например, при описании семантики языка задача исследования может заключаться в том, чтобы установить, какое значение имеет данная языковая единица. Напротив, в лингвистике речи одну из целей исследования составляет задача выявления тех психических факторов, которые могут обуславливать выбор в определенных условиях речи языковой единицы с данным значением в отличие от некоторой другой или других единиц, которые также могли бы служить для обозначения заданного денотата.

¹ Нам осталось не совсем ясным, в каком именно смысле Э. Косериу употребляет термин «речь». Возможно, этот термин наиболее близко соответствует тому, что Л. В. Щерба называл речевой деятельностью, которая предопределяется работой сложного психофизиологического механизма [Щерба 1974].

Таким образом, нам представляется справедливой точка зрения тех лингвистов, которые считают необходимым вычлнять в речевой деятельности ряд объектов, только один из которых (система используемых знаков) составляет язык.

Касаясь терминологической стороны вопроса, отметим, что следуя принципу «материальной адекватности» [Lyons 1963], языком можно называть и систему знаков, и всю совокупность явлений, составляющих речевую деятельность: обе традиции употребления термина «язык» достаточно сильны. Мы отдали предпочтение той традиции, в соответствии с которой термин «язык» относится именно к системе знаков по следующим признакам. Во-первых, в рамках самой лингвистики (в отличие от логики) под языком все-таки обычно интуитивно понималась именно система знаков, хотя отсутствие четкого определения исходных положений приводило часто к нарушению целостности объекта исследования. Во-вторых, языком естественно называть главный объект исследования лингвистики, многие же стороны речевой деятельности вообще не могут исследоваться в рамках собственно лингвистики.

Приняв то определение языка, в соответствии с которым язык есть система знаков (причем знак представляет собой двустороннюю единицу), или, во всяком случае, в основном система знаков плюс некоторый набор правил, остановимся на некоторых характеристиках языка, которые продолжают быть предметом дискуссии. Выше (с. 67) мы уже рассмотрели аргументы в пользу той точки зрения, что **синтаксис** — в основном система единиц, а не система правил. Это позволяет утверждать, что и язык в целом представляет собой в основном систему единиц, хотя сами эти единицы могут быть построены по определенным правилам.

Предметом обсуждения является также вопрос об оправданности рассмотрения языка как кода. Такое толкование языка часто критиковалось на том основании, что существует много принципиальных различий между языком и искусственными кодами. Так, например, Э. Косериу обращал внимание на то, что языки в отличие от искусственных кодов постоянно изменяются [Косериу 1963]. Если принять фактически очевидное допущение, что первоначальный замысел речи формируется без участия языка или почти без участия языка и затем уже подбираются языковые единицы для языкового выражения этого замысла, то важное различие между языком и искусственными кодами будет также заключаться в том, что в процессе подбора этих единиц точнее понимается сам замысел речи и расщепляется на составные элементы. Напротив, при использовании искусственных кодов объект кодирования представлен уже в готовом виде и не изменяется в процессе кодирования. Однако использование системы знаков для выражения определенного содержания, т. е., следовательно, сам акт кодирования составляет то общее, что объединяет язык с искусственными кодами. Еще очевиднее это общее выступает при рассмотрении актов

слушания. Поэтому употребление термина «код» для раскрытия сущности языка представляется нам вполне закономерным, если принять во внимание, что при этом не ставится знака равенства между языком и искусственными кодами и если данный термин употребляется как родовое понятие, соотносимое с отдельными видами, существенно различающимися между собой. Именно так используется термин «код» в данной главе. Он особенно часто употребляется в тех случаях, когда язык рассматривается под углом зрения его существования в памяти и речи отдельных говорящих.

Языковые коды отдельных говорящих могут, как известно, не полностью совпадать. Они часто различаются по объему (более или менее полные коды) и по составу языковых единиц (у одних говорящих могут отсутствовать одни языковые единицы или группы единиц, а у других — другие). При этом, однако, языковые единицы, обнаруживаемые в коде одного говорящего, как правило, имеются и в кодах многих других говорящих, но необязательно всех. Эти общие языковые единицы и составляют предмет лингвистики, причем они либо полностью, либо почти полностью исчерпывают языковые коды отдельных говорящих (могут существовать, однако, искусственно созданные отдельным говорящим знаки, которые обычно получают в его речи очень широкое оценочное значение, например, в речи одного говорящего использовалось слово чеховского персонажа *тарабумбия* для обозначения чего-то неважного, несущественного). Таким образом, предметом лингвистики является не абстракция, а реально существующий язык, представленный в кодах отдельных говорящих и существующий в текстах, записанных с помощью этих кодов, как уже неоднократно отмечалось в лингвистике и, в частности, в курсе Ф. де Соссюра.

Этому утверждению не противоречит сделанное выше (с. 65) крайнее допущение, в соответствии с которым значения всех или почти всех языковых единиц у разных говорящих не полностью тождественны. Даже если это допущение верно, очевидно, что значения, закрепленные за одним и тем же означающим, в основном совпадают если не у всех говорящих, то у отдельных групп говорящих. Общие обязательные признаки значений реально существуют и в актах речи, и в памяти говорящих. Поэтому, даже если лингвист отбрасывает какие-то дополнительные признаки, входящие в то или иное значение в коде отдельного говорящего, он описывает не абстракцию, а реально существующие общие, обязательные признаки различных языковых значений.

Таким образом, сделанное крайнее допущение не превращает описываемый лингвистами объект в абстракцию. Данное положение нам особенно важно подчеркнуть в связи с тем, что ниже (с. 93) мы обосновываем применение экспериментальных методов в лингвистике, оправданность использования которых иногда оспаривается, исходя из понимания языка как абстракции, реально не существующей в актах речи.

О понятии значения. Успешному развитию науки в сильной степени препятствует отсутствие единой четко определенной терминологии. Именно такое положение наблюдается в современной лингвистике (как уже неоднократно отмечалось многими авторами). В употреблении термина «значение» можно указать на две основные тенденции.

Во-первых, этот термин используется как термин речевой деятельности, объединяющий как языковые, так и неязыковые сущности. Так, Дж. Лайонз в определении понятия дескриптивного значения вводит следующие аспекты: смысл т. е., по-видимому, то, что соответствует означаемому языкового знака, референция, денотация [Lyons 1977]; Дж. Хьюсон постулирует наличие трех элементов в лингвистическом значении: 1) глубинное значение, которое он поясняет через понятие обозначаемого де Соссюра и рассматривает его как элемент собственно языка (*langue*); 2) поверхностное значение, элемент речи, это значение имеет широкую область варьирования, и 3) референция, т. е. использование языка для обозначения какого-то элемента опыта [Hewson 1977]. Такое употребление термина «значение» имеет давнюю традицию. В известной работе И. Ричардса и С. Огдена [Ogden, Richards 1936] значение репрезентировалось треугольником, связывающим между собой символ, который приравнивается к фонетическому слову, референт и мысль о референте.

Во-вторых, термин «значение» служит для обозначения только означаемого языкового знака. Нам представляется, что есть основания для того, чтобы отдать предпочтение именно этому второму употреблению. Во многих работах показано, что неразграничение означаемого и денотата, означаемого и речевых флуктуаций приводит к внутренним противоречиям. Эти противоречия отмечались многими лингвистами и логиками, начиная от указанной работы Г. Фреге [Frege 1892] и кончая некоторыми докладами на последнем XII конгрессе лингвистов (например, цель доклада Дж. Хьюсона состояла в том, чтобы показать необходимость разграничения перечисленных трех видов значения, см. также [Coseriu 1969]). Покажем на примере важность рассматриваемого разграничения.

Неоднократно ставившийся в пушкиноведении вопрос о том, какое значение имело слово *чернь* в языке Пушкина, фактически соответствует двум разным вопросам: какое значение имело это слово у Пушкина? кого понимал Пушкин под чернью, т. е. кого он обозначал словом *чернь*?

Именно на этот последний вопрос постарался найти ответ А. Блок, считавший, вероятно, очевидным, что Пушкин употреблял слово *чернь* в том же значении, что и он сам (см. [Блок А. Собр. соч. Т. 8. М.; Л., 1963]). Это значение приблизительно можно сформулировать так: слово *чернь* характеризует свой денотат как группу невежественных, духовно-ограниченных людей, т. е. людей, занимающих низшее положение по своему духовно-нравственному развитию.

Эмоциональный пафос возражений А. Блока против предположения о том, что Пушкин употреблял слово *чернь* для обозначения простонародья, связан именно с таким пониманием значения этого слова.

Статья Чернь «Словаря языка Пушкина» [Т. 4. М., 1961] отвечает, хотя и неполно, на оба поставленных вопроса, но эти вопросы в статье четко не разграничиваются. В словаре у слова *чернь* выделяется одно значение и три его оттенка (точнее — два оттенка и один подоттенок): зн. Простонародье, городские низы, уличная толпа, сброд; | *Благородная чернь* (о родовитом, но обедневшем дворянстве в противопоставлении неродовитой придворной аристократии); | Презрительно о совокупности рядовых представителей какой-либо среды || О невежественной духовно-ограниченной среде, толпе. Из словарных толкований и приводимых примеров видно, что Пушкин действительно употреблял слово *чернь* в том значении, из которого исходил А. Блок, анализируя вопрос — в современной терминологии — о денотативной отнесенности слова *чернь* в авторской речи Пушкина. Однако это значение в языке Пушкина (представляется более оправданным здесь говорить именно о значении, а не об оттенке значения, как оно дается в словаре) не является единственным. Второе значение, изменив словарную формулировку, можно приблизительно определить так: слово *чернь* характеризует свой денотат как группу людей, занимающих низшее положение в иерархической организации общества вообще или в какой-то части общества (например, среди дворянства — *благородная чернь*). Возможно, однако, здесь следует говорить не об одном, а о двух значениях: основном {*чернь* как обозначение низшей социальной группы вообще) и производном {*чернь* как обозначение низшей социальной подгруппы внутри некоторой социальной группы общества).

Предложенное в словаре толкование основного значения оставляет много неясного. Во-первых, неясно, было ли это значение экспрессивно нейтральным или же оно указывало на несколько презрительное отношение говорящего к той группе людей, которую он обозначает словом *чернь*. В словаре в явной форме экспрессивный элемент значения не выделяется. Однако если считать, что значение определяемого слова соответствует произведению тех слов, которые используются в его толковании, то употребление слова *сброд* в определении должно служить указанием на наличие данного компонента. Если же толкование представляет собой просто перечисление некоторых пониманий денотата этого слова в тех или иных контекстах, то остается нерешенным вопрос о том, что же именно значило это слово (в частности, какое различие существует между выражением *простой народ*, также употребляемым Пушкиным, и словом *чернь*).

Во-вторых, даже после окончательного решения вопроса об основном значении, необязательно отпадает задача уточнения его денотативной отнесенности

в текстах Пушкина и, в частности, в его авторской речи. Так, например, может оказаться, что Пушкин чаще всего употреблял слово *чернь* не для обозначения простого народа в целом, а для обозначения именно городских низов (но не крестьянства) или, например, для обозначения тех или иных социальных групп народа только в тех случаях, когда речь шла об их функционировании как целого (а не как объединения индивидуумов). Таким образом, при анализе слова *чернь* в текстах Пушкина возникают две взаимосвязанные, но разные проблемы: проблема значения и проблема денотативной отнесенности².

Итак, поскольку необходимо различать означаемое языкового знака и его денотативную отнесенность и между ними не существует однозначного соответствия, использование термина «значение», объединяющего эти явления, ведет к появлению противоречий в исследовании. Употребление общего родового термина с добавлением видовых спецификаций, например, глубинное значение (=означаемое), денотативное значение (=денотативная отнесенность) и т. д., представляется также не совсем удачным, поскольку означаемое, денотативная отнесенность, информации, определяемые лингвистическим или экстралингвистическим контекстом, не соотносятся между собой как виды одного и того же родового явления. Они представляют собой разнородные сущности. Поэтому мы употребляем разные термины для обозначения рассматриваемых явлений, причем термин «значение» относим к означаемому языковой единицы как к главному объекту семантики.

Мы, как и многие другие лингвисты, определяем значение (=означаемое) как знаковую информацию (набор сведений), которую несет означающее языковой единицы (см. подробнее: [Селиверстова 1976]).

Рассмотрим возражения, которые может вызвать данное определение. Эти возражения могут быть обусловлены тем, что слушающий уже знает значение языковой единицы. Так, например, В. М. Солнцев пишет: «Говорящий собственно не передает значения или идеи: он пробуждает в сознании слушателя аналогичное значение с помощью знака» (под знаком здесь понимается только означающее. ~О. С.) [Solntsev 1977]. Такой механизм реализации значения в акте речи не противоречит рассмотрению тех идей или образов, которые составляют значение как информации: языковой знак в речи используется для обозначения какого-либо объекта, явления и т. д.; поэтому образ, идея, которые он возбуждает в сознании, и составляют информацию, переданную об обозначаемом (денотате).

Воспользуемся для иллюстрации сказанного примером простейшего акта коммуникации, который был приведен У. Чейфом, но интерпретирован им в

² Материалы, касающиеся слова *чернь* в языке Пушкина, взяты из работы Н. Д. Аруповой, в которой рассматривается денотативная отнесенность этого слова [ЯН 1977, гл.V].

несколько ином ракурсе [Чейф 1975: 31]. Жители города знают, что гудок сирены раздаётся только в 12 часов, и у них в сознании за данным гудком закрепляется понятие «полдень». Поэтому каждый раз, когда звучит гудок, жители получают сведения о том (узнают о том), что сейчас полдень, т. е. понятие, закреплённое за гудком сирены, составляет информацию, которую он несёт.

Заметим также, что аргументом в пользу отождествления знака только с означающим не служит тот факт, что на этапе «между говорящим и слушающим» объективно существует только звуковая или графическая последовательность. Этот этап не должен, как представляется, отрываться от предшествующего или последующего, т. е. от (реального или потенциального) восприятия ее слушающим (или читающим): звуковая или графическая последовательность (независимо от того, отождествляется ли она со знаком в целом или с его означающим) приобретает знаковую сущность только в связи с той информацией, которая через нее передается реальному или потенциальному слушателю. При исключении данного аспекта существования звуковой последовательности она вообще перестаёт быть знаком. Поэтому даже при отождествлении знака только с означающим можно говорить, что знак несёт информацию³.

Возражения против определения значения как знаковой информации могут быть также вызваны сомнениями, относительно возможности отделить ту информацию, которая соответствует значению языковой единицы, от различных речевых информаций. Проблема отделения значения от связанных с ним, но не тождественных ему явлений возникает при любом определении значения. При определении значения как знаковой информации решение этой проблемы даже в известной степени облегчается. Так, оно позволяет четко отделить значение от денотата: значение—это то, что знак сообщает о предмете, свойстве и т. д., которые он обозначает. Отделение значения от той информации, которую слушатель может получить о денотате языковой единицы через другие языковые единицы, употребленные в том же высказывании, или от той информации, которая может быть следствием ранее полученной информации, в большинстве случаев не представляет трудности. Однако в целом правильность выделенной информации и то, что она является вкладом именно данного означающего, устанавливается с помощью различных форм проверки (см. ниже, с. 92).

Часто можно дать несколько различных определений одного и того же сложного явления, даже если исключить случаи принципиально разного по-

³ Сам вопрос о том, назвать ли знаком только его означающее или означающее плюс означаемое, является скорее чисто терминологическим. Существенно, однако, что языковую единицу нельзя сводить только к означающему, на что указывают и те лингвисты, которые определяют знак как одностороннюю единицу (например, см. [Solntsev 1977]).

нимания этого явления (например, существует около тридцати различных определений второго закона термодинамики). Как было видно из предыдущего изложения, определение значения (означаемого) как знаковой информации не противоречит его определению как концепта, закрепленного за означающим (например Ф. де Соссюр), или как отображения предмета, явления или отношения в сознании, входящего в структуру слова в качестве так называемой его внутренней стороны [Смирницкий 1955: 89]. Выбор того или иного определения часто зависит от условий его использования, а также от того, удобно ли им оперировать. Поскольку подход к значению как к знаковой информации ориентирован на существование языкового значения в речи, он оказывается плодотворным в тех работах, цель которых — установить значения исследуемых языковых единиц.

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ И ЕГО ОБОСНОВАНИЕ

Выбор методов исследования связан с гипотезами о свойствах и организации объекта. В лингвистике в конце 50-х годов начал интенсивно использоваться метод компонентного анализа¹. Впоследствии этот метод переживал периоды взлетов и падений, но никогда не переставал реально применяться в семантике, выступая при этом под разными названиями (семный анализ, анализ по различительным признакам, анализ по семантическим множителям и т. д., см. обзор этих работ [Гулыга, Шендельс 1976]). С самого начала его широкого использования в лингвистике был поставлен вопрос о том, является ли этот метод просто искусственным приемом исследования или же он соответствует реальной организации языкового значения. Попытаемся рассмотреть вопрос о тех условиях, наличие которых позволяет считать, что значение действительно не представляет собой неделимое целое, а складывается из набора компонентов, обладающих известной самостоятельностью (т. е. выделимых из целого). Сделаем сначала некоторые терминологические пояснения. Под компонентным анализом мы понимаем процедуру расщепления значения на составные части, вычленение которых обусловлено как соотношением элементов внутри отдельного значения (наличие более общих и более частных элементов, т. е. иерархичность организации), так и соотношением этого значения со значениями других языковых единиц (совпадение или нейтрализация элементов верхних уровней и совпадение дифференцирующих признаков нижних уровней). При

¹ Этот метод использовался в лингвистике в отдельных случаях уже давно. Однако его применение стало действительно широким и целенаправленным лишь после того, как сформировалась идея различительных признаков, возникшая первоначально в рамках фонологии, а затем перенесенная в семантику.

наличии перечисленных условий применение компонентного анализа соответствует действительной организации значения.

Мы считаем признак дифференциальным, независимо от того, является ли он единственным признаком, по которому различаются значения по крайней мере двух языковых единиц. Для признания признака дифференциальным достаточно, чтобы его составляла информация о дифференцирующем свойстве, представленном по крайней мере в двух вариантах (например, признак пола, распадающийся на два значения—женский/мужской), причем информация об отдельных вариантах входила бы в разные означаемые. Для краткости термин «признак» мы будем употреблять и для обозначения отдельных значений признака.

Под интегральным признаком мы будем понимать элемент информации, общий по крайней мере для двух языковых единиц и принадлежащий к более высокому иерархическому уровню по сравнению с теми элементами значения, по которым эти единицы различаются между собой, т. е. дифференцирующие элементы этих единиц должны быть более частными по сравнению с общим элементом значения, их объединяющим.

Поскольку означаемые хранятся в памяти, утверждение, что они действительно строятся из набора компонентов, предполагает, что говорящие как-то знают о таком построении. Знание языка принадлежит, по-видимому, частично подсознанию. Так, например, обнаруживаются такие компоненты значения, которые говорящие «знают» только подсознательно, т. е. используют языковые единицы в соответствии с этими компонентами, но сами не осознают, на основании чего они используют языковую единицу так, а не иначе, см. [Селиверстова 1973]. Поэтому характер построения значения также не обязательно должен осознаваться говорящими. О выделенности элементов значения можно судить частично на основании общих представлений о характере мышления и восприятия, а частично—на основании соотношения значений разных языковых единиц: поскольку язык представляет собой систему, говоря о языковой единице, необходимо учитывать ее место в системе.

Сформулируем сначала аксиоматические условия вычлененности некоторой общей части двух объектов. Для вычлененности общей части представляются достаточными следующие условия: 1) совпадающие части объектов А и В должны обладать отграниченностью от других частей; 2) должны существовать предпосылки для сопоставления А и В. Необходимость выдвижения первого положения поясним на следующем примере. Допустим, сопоставляются две геометрические фигуры А и В, причем некоторые части этих фигур одинаковы. Однако если эти части нечетко отделены, отграничены от других (их отделимость от целого может определяться либо общим видом фигуры, либо падающей на них функциональной нагрузкой), то фигуры А и В будут восприниматься как различные в целом, и тот факт, что они различаются лишь частично, может оставаться незамеченным.

Необходимость выдвижения второго требования обусловлена следующим обстоятельством: даже если одинаковые части фигур А и В четко выделимы, но сами эти фигуры никогда не сопоставляются друг с другом, то эти одинаковые части также не будут вычлняться из целого. Понятие интегрального признака, принятое в лингвистике, фактически удовлетворяет указанным требованиям. Во-первых, понятие интегрального признака предполагает, что элемент информации, его составляющий, относится к отдельному иерархическому уровню, что и определяет его отделимость от целого. Во-вторых, из этого понятия вытекает, что общая часть значения рассматриваемых единиц принадлежит к верхнему иерархическому уровню по сравнению с различающимися частями их значения; отсюда следует, что денотаты рассматриваемых единиц входят в один и тот же класс, т. е. создается условие для реального сопоставления этих единиц в речи (например, денотаты слов, объединенных общим признаком родства).

Не всегда очевидно, принадлежит ли элемент значения особому иерархическому уровню и, следовательно, отделим ли от других элементов значения, в сочетании с которыми он уже не будет тождествен соответствующему элементу означаемого другой языковой единицы. Из определения интегрального признака следует, что этот признак должен лежать в основе дифференциальных признаков (одного признака или множества признаков, воспринимаемых как целое). Поэтому правильность выделения интегрального признака определяется в конечном счете через его отношение с дифференциальными компонентами. Вероятно, могут существовать разные показатели неправильности выделения интегрального признака. Отметим наиболее типичный случай.

Общий элемент значения двух языковых единиц неотделим от тех различий, восходящих к информации о некотором более общем дифференцирующем свойстве. И, следовательно, этот элемент не составляет интегрального признака. Поясним сказанное на примере. Слова *диван*, *кровать*, *кресло*, *стул* имеют общий элемент значения — информацию о наличии у обозначаемого предмета мебели спинки. Однако этот элемент не составляет особого интегрального признака значения, который объединял бы данные слова в одну подгруппу. Те различия, которые связываются с представлением о спинке дивана, стула и т. д., не составляют содержания особых различительных признаков (эти слова не различаются только по информации о характере этой части рассматриваемых предметов). Они являются частью более общего различия по форме в целом.

Напротив, если при выделении дифференциального признака обнаруживается, что в его основании лежит выделенный общий элемент, то можно с большой вероятностью утверждать, что данный общий элемент является интегральным признаком (окончательный ответ можно получить лишь в конце

описания, когда выделены все компоненты). Например, компонент «дерево», входящий в значение таких слов, как *береза*, *осина*, может быть выделен именно в качестве интегрального признака, объединяющего данные слова в одну группу: эти слова различаются в зависимости от того, о каком именно виде деревьев идет речь.

Рассмотрим теперь некоторые условия, в соответствии с которыми каждый признак или некоторая совокупность признаков, участвующих в дифференциации значения языковых единиц, могут быть признаны отдельными дифференцирующими компонентами значения (сами эти признаки устанавливаются в процессе экспериментальной работы и/или логического анализа).

Первое условие. Если у некоторых языковых единиц выделяется общий для них интегральный признак, то и те признаки, по которым они различаются (они могут образовывать единство или представлять множество вычленимых компонентов), также составляют по крайней мере один компонент².

Прежде чем формулировать второе условие, дадим следующее пояснение: требованию целостности удовлетворяет не только такой элемент значения, который принадлежит особому иерархическому уровню, но и такой элемент значения языковой единицы, который соотносим с элементом значения другой языковой единицы через наличие общего основания, т. е. если эти элементы сводятся к одному дифференциальному признаку.

Поскольку не всегда очевидно, образуют ли элементы значения разных языковых единиц дифференциальный признак, разделяющий эти единицы на две подгруппы, отметим следующий критерий неотделимости признака в качестве самостоятельного компонента (вероятно, могут быть сформулированы и другие критерии): если языковые единицы различаются по некоторому признаку *I*, но этот признак является частью более общего признака *G* и не существует таких двух единиц, которые бы различались только по *I*, но не по *G*, то признак *I* не выделим в качестве отдельного дифференциального признака. В соответствии с этим критерием в значении слов типа *стул*, *диван*, с одной стороны, типа *тахта*, *табуретка*, с другой, признак «наличия/отсутствия спинки» не выделяется в качестве отдельного дифференциального признака³.

² Вычленение отдельной части значения еще необязательно означает, что оставшаяся часть также образует один или несколько компонентов: может иметь место соотношение части и целого. Например, существование таких выражений, как *спинка стула*, *ножка стула*, свидетельствует о том, что в общем образе, связанном с звуковой последовательностью *стул*, вычленяются отдельные части, однако эти части противопоставляются скорее целому.

³ На недостаточность признака «наличия/отсутствия спинки» для различения денотативных классов таких, например, слов, как *стул*—*табуретка* обратил внимание Д. Н. Шмелев (устное выступление): отсутствие/наличие спинки является лишь ча-

Второе условие. Если две языковые единицы, имеющие общий интегральный признак, различаются по нескольким дифференциальным признакам, относящимся к одному и тому же иерархическому уровню, то каждый из этих признаков вычленим при существовании условий нейтрализации других признаков. В противном случае та совокупность элементов, по которым различаются языковые единицы, выступает как целое, которое может составлять определенный образ. Разновидностью второго условия является такой случай, когда отдельные дифференциальные признаки обычно реализуются в разных контекстах, т. е. они образуют особые варианты значения (о различии между значением и его вариантом см. [Селиверстова 1975: 26—27]). Приведем пример языковых единиц, компоненты значения которых вычленимы в соответствии со вторым условием. Модели «у X есть Y» и «у X Y» различаются по двум признакам [Селиверстова 1973]. Первая модель сообщает: 1) о наличии Y-а у X-а (точнее — о наличии Y-а у X-а и о том, какой Y у X-а) и 2) о том, что Y входит в число однородных с ним объектов, которые имеет или потенциально может иметь X. Вторая модель либо несет информацию о том, какой Y у X-а (наличие неидентифицированного Y-а предполагается заранее известным: *Что у тебя в кармане? У меня в кармане платок*), либо сообщает о наличии Y-а у X-а при условии, что Y не включается в ряд однородных объектов. Например, в контексте *Он не может ехать. У него дети* рассмотрение детей как членов класса «родственники X-а» не требуется общим смыслом сообщения. Ср., напротив, *Он не одинок. У него есть дети, жена*, где такое рассмотрение не противоречит общему смыслу, хотя также не является обязательным. Ср. также: *У верблюда есть горб* (горб — часть тела верблюда) и *У Маши горб⁴* (горб не составляет часть тела человека). Таким образом, рассмотренные признаки реализуются в разных контекстах употребления модели «у X Y» и поэтому каждый из них вычленим.

Третье условие. Если две единицы, имеющие общий интегральный признак, различаются по многим элементам, причем некоторые из этих элементов одной языковой единицы связаны с элементами другой через наличие

стью общего различия по форме; действительно, если стул лишит спинки, то он еще не превратится в денотат слова *табуретка*. Из сказанного не следует, что в «записанном» в памяти образе, например, стула не вычленяется спинка в качестве отдельной части. Это вычленение объективируется в существовании особого слова для обозначения этой части (спинка стула). Однако данное вычленение не служит основанием для подразделения микросистемы, объединенной общим интегральным признаком, на подгруппы.

⁴ Предложение *У него есть горб*, однако, также возможно: модель «у X есть Y» теряет второй признак в тех случаях, когда информация о наличии Y-а у X-а приобретает эмфатическую силу, а именно, когда высказывание с данной конструкцией служит опровержением явного или неявного предположения об отсутствии Y-а у X-а.

общего основания (т. е. представляют собой значения общих для этих двух единиц различительных признаков), а остальные элементы принадлежат к более низкому иерархическому уровню и вычлняются в особый компонент или компоненты в результате соотношения рассматриваемых единиц с некоторыми другими, то вычлняются по крайней мере в один особый компонент и элементы верхнего уровня, причем именно они являются ведущими в различении рассматриваемых единиц. Дифференцирующие компоненты значения, выделение которых предусмотрено третьим условием, фактически являются интегральными для некоторой группы языковых единиц. Однако нам представляется важным рассмотреть их и под углом зрения той дифференцирующей функции, которую они выполняют. Проиллюстрируем третье условие на примере соотношения слов типа *высокий—длинный*⁵. Несколько упрощая действительное положение вещей, скажем, что эти слова, с одной стороны, различаются по признаку «горизонтальности/вертикальности», а с другой стороны, прилагательное *длинный*, в отличие от прилагательного *высокий*, несет информацию о наибольшем из двух размеров. Эта последняя информация выделима на основании соотношения прилагательного *длинный* с прилагательным *широкий*. Следовательно, выделены в отдельные компоненты и значения признака «вертикальность/горизонтальность».

Четвертое условие. Если в значении двух языковых единиц, имеющих общий интегральный признак, но принадлежащих к разным подгруппам, обнаруживаются элементы, представляющие значение одного дифференциального признака, причем другие различия в определенных условиях могут нейтрализоваться, то данный дифференциальный признак выделяется в особый компонент.

Четвертому условию соответствует характер соотношения моделей «there is Y (in S)» и «X has Y (in S)». Эти модели имеют общий интегральный признак: они сообщают о наличии Y в некотором пространстве S, но относятся к разным подгруппам — модель «X has» может сообщать только о нахождении в таком пространстве, которое принадлежит X-у («быть у X-а»); напротив, первая модель является немаркированным членом данного противопоставления. Это различие определяет разные связи этих моделей и многие особенности их употребления. Однако при употреблении модели «there is Y» в контекстах, в которых речь идет о пространстве, принадлежащем X-у, указанное различие нейтрализуется, но сохраняются два других признака, их различающих. Эти

⁵ При рассмотрении пространственных прилагательных мы пользуемся результатами работы Э. Лайзи [Leisi 1953], а также теми дополнениями и уточнениями, которые были внесены в целом ряде последующих работ [Fillmore 1969; Журинский 1971; Тодорова 1972; Исмаилов 1978].

признаки реализуются в разных окружениях. Укажем один из этих признаков (см. подробнее: [Селиверстова 1977]). Модель «X has Y» несет информацию о том, что наличие Y-а у X-а определяется волей X-а; модель «there is Y» является немаркированным членом противопоставления. Вследствие этого, например, в контексте: *What's all this about? There is a sick man in my tent. Who put him there?* 'Что это значит? У меня в палатке больной. Кто поместил его туда?' нельзя заменить модель «there is Y» на модель «X has Y (in S)», хотя в других контекстах предложение / *have a sick man in my tent* оценивается информантами как правильное.

Выделенные условия дают более широкое основание для применения компонентного анализа по сравнению с теми условиями, которые выдвигались раньше. Так, часто говорят, что компонентный анализ необходимо применять, если число компонентов меньше числа значений. Удовлетворение этого условия действительно свидетельствовало бы о том, что значения строятся из компонентов и, кроме того, означало бы, что описание через компоненты является более экономным. Данное условие не является, однако, обязательным для того, чтобы считать, что в значении вычленяются компоненты: выше были рассмотрены условия (второе и четвертое), при которых каждый из нескольких признаков, различающих языковые единицы, вычленяется в отдельный компонент. Если построение значения многих языковых единиц будет соответствовать второму и четвертому условиям вычленения дифференциальных компонентов, то число компонентов необязательно будет меньше числа значений (общее число компонентов может, однако, даже при большом количестве подобных случаев, быть не больше числа значений, вследствие повторяемости интегральных признаков). Необходимым основанием для применения компонентного анализа является вообще не экономность, а адекватность описания: если значения языковых единиц строятся из вычленимых общих и различающихся частей, то эта особенность построения должна быть отражена в описании.

Мы не считаем также обязательным условием применения компонентного анализа разложимость означаемого на компоненты, представляющие собой значения различительных признаков в старом понимании этого термина (в этом смысле мы будем использовать термин «исчерпывающе различительный признак»): несколько признаков, по которым могут различаться языковые единицы, вычленяются по крайней мере в один особый компонент, если эти единицы имеют общий интегральный признак; кроме того, каждый из признаков, по которым различаются языковые единицы, выделяются в отдельный компонент при наличии второго или четвертого условий. Однако основная идея, положенная в основу представления о различительных и интегральных признаках, хотя и была взята в несколько расширенном понимании, сохранилась и в предложенном здесь обосновании компонентного анализа: учитывается распределение

элементов по уровням, принадлежность общих признаков к верхним уровням, а также сводимость несовпадающих семантических элементов к значениям различительных (но необязательно исчерпывающе различительных) признаков.

Исходя из предложенного обоснования компонентного анализа, вычленимые части значения, составляющие отдельные компоненты, могут быть результатом слияния нескольких или даже многих признаков. Кроме того, даже в тех случаях, когда языковые единицы различаются только по одному признаку, этот признак может быть результатом сложного обобщения и абстрагирования⁶. Вследствие этого широко распространенное определение компонентного анализа как процедуры расщепления значения на элементарные смыслы не совсем точно характеризует сущность данной процедуры на современном этапе.

Уже накопленные знания позволяют утверждать, что построение языковых значений часто соответствует перечисленным условиям и, следовательно, в их описании должен участвовать компонентный анализ. Его применение будет тем более интересным и важным, чем больше общих компонентов и признаков имеют языковые единицы, объединенные интегральным признаком (члены микросистемы), и чем чаще общие компоненты и признаки одних членов микросистемы не совпадают с общими компонентами и признаками других и/или чем больше выделяется иерархических уровней внутри микросистемы (два последних условия взаимосвязаны, но не полностью тождественны и могут даже в известной степени замещать друг друга). Применение компонентного анализа, в частности, необходимо для выявления как общих, так и различающихся компонентов синонимических групп. Установление различий между лексическими и грамматическими синонимами, как справедливо отметил Р. А. Будагов [Будагов 1976], является важнейшей и сложнейшей задачей в рамках общей проблемы адекватного описания семантики.

Итак, существуют объективные основания для использования компонентного анализа и существуют задачи, которые не могут быть решены без его применения.

Отметим некоторые типичные недостатки применения компонентного анализа.

1. Во многих работах по компонентному анализу значение слова отождествляется с классом его денотации или, во всяком случае, с теми признаками, по которым денотативный класс одного слова отличается от денотативного класса другого. Именно из такого понимания значения исходили многие американские лингвисты, занимавшиеся компонентным анализом, например, [Lounsbury 1956; Goodenough 1956 и др.]. Их работы получили широкую из-

⁶ На эту особенность семантических признаков обратил, например, внимание М. Бирвиш [Bierwisch 1967].

вестность, и, вероятно, поэтому данный подход к значению стал иногда рассматриваться как обязательная часть компонентного анализа.

Кроме того, что указанное понимание значения было теоретически неточным, оно приводило к некоторым отрицательным практическим следствиям. Во-первых, из-за отсутствия однозначного соответствия между реальными свойствами объектов и их отражением в сознании при установлении различительных признаков денотативных классов могут быть получены результаты, неверные по отношению к значению (однако, разумеется, это следствие не является обязательным, поскольку различительные признаки денотатов могут непосредственно отображаться в компонентах значения). Во-вторых, отождествление значения с денотативным классом приводило к тому, что конкретная методика исследования была ориентирована на денотативные классы. В результате компонентный анализ применялся в основном по отношению к тем словам, денотативные классы которых четко отделимы (например, термины родства), что не является типичным для языка: во многих случаях нельзя предварительно расклассифицировать объекты и затем искать слова, их обозначающие. Вследствие этого данное понимание значения резко ограничивало сферу применения компонентного анализа.

2. Ориентированность на денотативные классы связана и со вторым недостатком применения компонентного анализа. Компонентный анализ стал широко использоваться по отношению к тем словам, значения которых в действительности почти неделимы (вычленяются только общие интегральные признаки и та часть значения, которая остается после их выделения). Именно слова с такой организацией значения часто имеют четко выделяемые денотативные классы. Это слова типа *береза, осина, дуб; роза, ромашка* и т. д.: элементы их значения не распределяются по иерархическим уровням, если не считать вычленения общего интегрального признака; они отличаются друг от друга по множеству признаков, которые реализуются одновременно и не нейтрализуются; в разных противопоставлениях участвует в основании один и тот же набор признаков (ср. *береза—дуб; береза—ясень; береза—ольха*)⁷. Все это свидетельствует о том, что дифференциальная часть значения этих слов не строится из более мелких компонентов: они противопоставлены друг другу как целостности, скорее всего образующие образ. Исследователь имеет безусловное право попытаться установить, из каких признаков складывается лежащий в основе значения образ. Однако это членение будет носить другой характер и не соответствовать компонентам значения. Поэтому оно не должно ставиться в один ряд с теми случаями, когда компоненты представляют части значения, вычленяемые в результате характера построения микросистемы, т. е. опреде-

⁷ О разных типах семантических оппозиций см., например, [Новиков 1973].

ляющие распределение членов группы по подгруппам, вплоть до подгрупп, состоящих только из одного члена.

3. Многие недостатки применения как компонентного анализа, так и любого вообще семантического описания связаны с процедурами проверки семантических результатов (см. с. 92). К этому следует еще добавить, что компонентный анализ вообще часто используется не как исследовательский метод, а как метод систематизации уже имеющихся сведений о значении, т. е. он применяется для препарирования уже содержащейся в словарях информации. Постановка такой задачи, вообще говоря, обоснованна. Однако, поскольку в словарных статьях наряду с верными имеются и неверные сведения и, кроме того, поскольку словарные толкования часто неполны, работа не может сводиться только к систематизации: она должна дополняться проведением верификационных процедур⁸, что во многих случаях не имеет места.

В качестве примера приведем два описания группы пространственных прилагательных. Первое описание представляет собой по существу систематизацию сведений, имеющихся в словарях (см., например, [Greimas 1966: 33]). Второе описание (см. сноску 5 на с. 86) имело своей целью предсказать реальные возможности использования языковых единиц в речи (в той степени, конечно, в какой их употребление зависит от значения, а не от осмысления говорящим денотата или, например, от его желания сказать **правду—ложь**). Остановимся только на различии между прилагательными типа *длинный*, *короткий*, *узкий*, с одной стороны, и прилагательными *высокий*, *низкий*, с другой. В работах, в которых не проверяется предсказательная сила даваемого определения, указывается, что различие между этими прилагательными определяется признаком «горизонтальность/вертикальность». Однако более тщательный анализ

Существование большого количества работ, цель которых заключается в систематизации или фактически сводится к ней, в значительной степени вызвано часто предъявляемым требованием брать в качестве объекта исследования большую группу языковых единиц. Однако дать исчерпывающее описание большого количества единиц в отдельной работе практически невозможно (можно полно описать грамматическое значение больших классов слов, но в этом случае объектом исследования служит небольшое количество форм или словотипов). Приблизительные же описания уже получены. Вследствие этого при такой постановке задачи работа в основном сводится к систематизации старых результатов. Хотя сами работы по систематизации очень важны и в последнее время для решения этих задач начали применяться новые методы и приемы (в частности, чрезвычайно интересным представляется применение для этой цели вычислительных машин — оно демонстрировалось, например, в рабочей группе XII конгресса лингвистов, возглавляемой проф. Варигом), развитие семантики приосуществится, если будет существовать только данное направление в использовании компонентного анализа.

показал, что выделения этого признака недостаточно. Так, прилагательное *высокий* не употребляется для описания большого вертикального размера, например, таких предметов как водосточная труба, картина, зеркало (которое должно висеть) и т. д. Полученные результаты позволяют сделать следующий вывод: прилагательные типа *высокий* в своем основном значении сообщают о вертикальном размере, отсчитанном от плоскости опоры вверх, т. е. прилагательные типа *высокий* показывают, насколько предмет поднимается над некоторой плоскостью, на которой он стоит.

Напротив, прилагательные типа *длинный—короткий* характеризуют размер предмета либо безотносительно к плоскости опоры, либо характеризуют горизонтальный размер, который одновременно является размером, параллельным плоскости опоры (в работах устанавливаются условия реализации того или иного варианта значения).

Кроме того, было показано, что в тех случаях, когда речь идет о вертикально ориентированных предметах (т. е. о предметах, имеющих как-то обозначенный верх и низ), прилагательные типа *высокий* характеризуют именно этот размер. Выделенная информация прилагательных *высокий—низкий* (ее можно разделить на три признака: 1) указание на размер такого предмета, который имеет плоскость опоры внизу; 2) указание на тот размер предмета, который перпендикулярен плоскости опоры; 3) указание на размер «от ног до головы») в большинстве случаев реализуется одновременно. Однако в некоторых условиях указанные признаки приходят в противоречие друг с другом, что приводит либо к запрету на употребление прилагательного, либо к образованию особого варианта его значения. Существенную роль в соотношении прилагательных типа *высокий—длинный* играют также произвольные ограничения в сочетаемости, которые мы называем «конфигуративными признаками» [Селиверстова 1976]. Таким образом, действительное соотношение между данными прилагательными является весьма сложным и не описывается исчерпывающе через признак «горизонтальность/вертикальность».

ЭКСПЕРИМЕНТ В СЕМАНТИКЕ

Компонентный анализ не самостоятелен как исследовательский метод. Он должен быть соединен с другими процедурными исследованиями и прежде всего с гипотетико-дедуктивным методом. Гипотетико-дедуктивный метод в общем виде подробно рассмотрен Ю. С. Степановым [Степанов 1974]. Наиболее эффективное применение этого метода достигается в тех науках, в которых он соединяется с экспериментальной методикой: именно эксперимент позволяет установить истинность и полноту полученных результатов. Об огромной теоретической и практической важности применения эксперимента в семантике писал еще в 1931 г. Л. В. Щерба [Щерба 1974]. Тем не менее существует еще относительно немного работ, в которых бы обсуждались проблемы, связанные с применением гипотетико-дедуктивного метода и эксперимента в лингвистике и в которых в той или иной форме использовался бы эксперимент, например, [Weinreich 1962; Bendix 1966; Wahrig 1967]. Больше того, до настоящего времени высказываются сомнения относительно возможности применения эксперимента в лингвистике вообще (в отличие от психо- и социолингвистики) [Itkonen 1977; Кас 1977]. Эти сомнения обусловлены обычно либо таким пониманием языка, которое отлично от рассмотренного выше (с. 72), либо особыми задачами, которые выдвигаются для исследования. Так, иногда проблема эксперимента обсуждается с позиций трансформационной грамматики [Botha 1977; Ка 1977], основная идея которой не проверяется в рамках самой лингвистики [Селиверстова 1976: 122]. Это не означает, как нам представляется, что идея трансформационной грамматики может быть принята без проверки: всякая, в том числе и формальная теория, претендующая на то, чтобы быть теорией науки, соотносимой с объективно существующей областью

явлений, нуждается в экспериментальной проверке. При отсутствии такой проверки она может рассматриваться либо как гипотеза в рамках этой науки, либо как чисто математическая теория, не имеющая прикладного значения, если, конечно, она не найдет приложения еще в какой-то области науки. Иногда утверждение о том, что лингвистика не экспериментальная наука, вызвано сведением языка к понятию нормы и вытекающим отсюда представлением о том, что язык не существует в конкретном акте речи, относящемся к определенной точке в пространстве и во времени [Itkonen 1977]¹. Из рассмотренного выше понимания языка и языкового значения следует, что язык и языковое значение существуют и в речи. Из этого понимания следует, что каждое конкретное высказывание, произнесенное в определенный момент времени и в определенном месте, строится из языковых единиц и включает их в себя.

Вторая причина, по которой эксперимент еще не получил широкого развития, связана с трудностью постановки эксперимента в лингвистике и отсутствием традиций экспериментальной работы.

В самом общем виде эксперимент можно определить как процедуру преднамеренного воспроизведения явления в таких условиях, которые позволяют обнаружить зависимость существования явления от тех или иных параметров. Эти параметры могут быть внешними по отношению к явлению (например, если явлением считать реализацию значения, то параметры, характеризующие денотативную ситуацию, будут внешними по отношению к нему). Однако если можно логически обосновать существование однозначной связи между внешними условиями и внутренними свойствами явления, то в результате целенаправленного варьирования внешних условий можно проверить гипотезы о внутренних свойствах явления.

Таким образом, важнейшее условие применения эксперимента — воспроизводимость явления и возможность контролировать условия, от которых оно зависит. Воспроизводимость явления в зависимости от условий в свою очередь означает, что существуют определенные законы общего или частного характера, которым подчиняется существование явления. Эти законы и раскрываются с помощью эксперимента.

Языковые единицы огромное количество раз воспроизводятся в речи, причем их воспроизведение не произвольно. Оно подчиняется определенным законам, не зависящим от говорящего и вытекающим из той информации (того

¹ Такое понимание языка Е. Итконен приписывает Ф. де Соссюру. Однако из концепции Ф. де Соссюра скорее вытекает понимание языка как особого вида кода (термин «код» употреблял и сам Соссюр; отметим также, что он возражал против понимания языка как некоторой абстракции), а код, очевидно, существует и в каждом конкретном акте речи.

содержания концепта), которая закреплена за означающим. От говорящего в известной степени зависит отнесение слова к данному денотату. Петручио в «Укрощении строптивой» называет солнце луной, однако он не может сделать так, чтобы слово *луна* стало значить то же, что слово *солнце*, т. е., выбрав звуковую последовательность *moon* 'луна', говорящий передает информацию о том, что это — небесное тело, которое видно обычно ночью и которое светит слабым бледным светом и т. д.

Говорящий, конечно, может заранее договориться со своим собеседником о том, что он будет использовать звуковую последовательность *moon* в том значении, которое в обычном языке закреплено за звуковой последовательностью *sun* 'солнце'. Однако в этом случае он будет пользоваться особым жаргоном, который существует только в памяти и речи двух данных человек, а не общенародным английским языком.

Не является полностью произвольным и отнесение языковой единицы к тому или иному денотату: свойства денотата должны соответствовать той информации, которую несет означающее языковой единицы. Говорящий по той или иной причине может передать в денотате информацию, которая не соответствует действительным его свойствам. Однако возникающее при этом утверждение будет признано остальными носителями языка неправильным, если свойства денотата очевидны и не допускают разной интерпретации (см. подробнее [Селиверстова 1976: 135—136]).

Итак, хотя языковые законы, регулирующие воспроизведение единиц в речи, обладают своеобразием по сравнению с законами природы, они все-таки существуют, и, вследствие этого, описание значения — это всегда выявление некоторого частного закона, предсказывающего условия, в которых может быть воспроизведена языковая единица, и предсказывающего ту информацию, которая обязательно будет передана о денотате или о какой-то ситуации общения в целом, причем будет передана только через означающее данной языковой единицы. Одна из особенностей этих законов заключается в том, что они устанавливают качественные, а не количественные зависимости, а именно: они либо устанавливают возможность появления языковой единицы в зависимости от тех или иных характеристик контекста или денотативной ситуации (внешние зависимости), либо — возможность появления некоторого означающего в зависимости от той информации, которую передает говорящий слушателю (внутренняя зависимость). Таких качественных зависимостей в языках очень много, и они в большинстве случаев не сводимы друг к другу (выше уже отмечалось, что вычленимость компонентов необязательно приводит к более обобщенному описанию языковых единиц). Ср., напротив, законы физики, где одно понятие выражается через количественные соотношения с другими: например, сила, действующая на тело, количественно равняется

произведению массы тела на его ускорение. В связи с этим можно утверждать, что лингвистика будет включать в себя большое количество частных законов, которые не могут быть объединены в более общие без отбрасывания каких-то входящих в них элементов содержания.

Способностью к воспроизводимости обладают только единицы живого языка. Именно в этом и видел Л. В. Щерба огромное теоретическое преимущество описания живых языков по сравнению с мертвыми, преимущество, которое не осознавалось и оставалось неиспользованным. Такое положение дел в известной степени сохраняется и сейчас: живые языки очень часто описываются по тем же принципам, что и мертвые языки, и полученные результаты не проверяются под углом зрения их предсказательной силы.

Итак, возможность воспроизведения языковой единицы и закономерный характер этого воспроизведения и составляет теоретическую основу для применения эксперимента в семантике.

Особенности семантического эксперимента. Одна из главных особенностей лингвистического эксперимента состоит в том, что лингвистическое «явление» воспроизводит человек, носитель языка. Носитель языка (информант) может также оценивать правильное/неправильное воспроизведение языковой единицы кем-то другим. Иными словами, человек является тем инструментом, который создает явление и тем прибором, который его регистрирует.

Проведение лингвистического эксперимента опирается не только на знание испытуемым языка, но и на его знание, умение воспринимать и осознавать мир, а также на его знание и использование логики. Предполагается, что все перечисленные факторы, кроме языка, являются, если специально не оговаривается противное, общими у испытуемого и исследователя. Таким образом, в качестве неизвестного в лингвистическом эксперименте обычно выступает только значение языковых единиц (о некоторых исключениях см. ниже). Принимаемое допущение может показаться неверным: знание мира и его видение не совпадают у разных людей. Однако есть некоторая сумма знаний, одинаковая для всех людей вообще и еще большая сумма знаний, общая для людей, стоящих приблизительно на одном и том же культурном уровне развития. Точно так же сама способность к восприятию, видению мира в известной степени совпадает у всех людей. Так, например, любой человек, не страдающий какой-то особой болезнью, способен увидеть, что излучение света не является постоянным, если частота излучения ниже некоторого общего для всех людей порога восприятия. При лингвистическом эксперименте лингвист имеет дело с очень небольшой частью знаний человека о мире и в большинстве случаев именно с той частью знаний, которая является общей для всех людей или по крайней мере для определенных групп людей, к которым принадлежит и ис-

следователь и испытуемый. Для большей строгости лингвистического эксперимента желательно в каждом конкретном случае подробно описывать постановку и условия проведения эксперимента (в частности, указывать, что предполагается известным испытуемому о той реалии, с которой связан эксперимент, и перечислять те логические операции, умение проводить которые приписывается испытуемому)². Участие человека в качестве инструмента и прибора не означает, что получаемые данные субъективны: человек, создавая явление и регистрируя его, действует не произвольно, а в соответствии с определенными независимыми от него законами, вытекающими из характера значения языковой единицы, свойств объектов и логических взаимозависимостей. Однако так же, как и прибор, человек может давать неверные показания, если он «работает» в неблагоприятных условиях. Эти условия могут быть следствием либо индивидуальных качеств информанта, либо — **неправильной** постановки эксперимента. Отрицательные качества информанта могут быть постоянными или временными. Временные отрицательные качества могут определяться несерьезным отношением к эксперименту, усталостью, плохим самочувствием. Опыт работы с информантами показал, что не все носители языка могут вообще участвовать в некоторых видах эксперимента, что, по-видимому, связано с их неспособностью или неумением осознанно относиться к процессу речевой деятельности. Вследствие этого встает вопрос о том, как проверить достоверность полученных ответов.

Следует подчеркнуть, что обоснование методики эксперимента является важнейшей проблемой и в других науках. При исследовании любого явления в физике, химии, биологии обязательно проводятся оценки погрешностей измерения параметров этого явления и оценка характера и величины искажающих воздействий со стороны исследовательских средств, приборов на само явление.

Для улучшения качества лингвистического эксперимента и уменьшения числа погрешностей необходим определенный отбор информантов. Очевидно, что в простых видах опроса могут участвовать многие носители языка (например, если устанавливается, какие предметы могут или не могут называться тем или иным словом). Однако для более сложных видов опроса (например, если цель **опроса** — **выявить**, является ли использование исследуемой единицы в некотором контексте логически противоречивым или нет) необходимо, чтобы информанты обладали некоторой способностью и привычкой к абстрактному мышлению и логическому анализу. Поэтому для участия в наших

² В своих предыдущих работах при описании условий проведения эксперимента мы в явном виде не писали о тех операциях, которые умеет проводить испытуемый, и о том наборе знаний, которым он обладает и который будет принят во внимание при проведении эксперимента.

экспериментах, как правило, отбирались аспиранты, научные сотрудники различных специальностей (математики, физики, историки, лингвисты и т. д.), преподаватели, редакторы.

Для исключения случайных ошибок и индивидуальных особенностей словоупотребления необходимо опрашивать достаточное количество информантов и проводить повторные опросы. Вероятно, в большинстве случаев достаточно опросить 12—14 человек [Селиверстова 1975, 1976]. Существуют, однако, и другие способы проверки надежности ответа. Поскольку исследователь при работе с такими языками, как русский, английский, начинает работу со сбора материала из художественной, научной литературы и публицистики, он уже заранее знает много условий употребления исследуемой единицы. Поэтому способность информанта к участию в эксперименте можно проверить, задавая ему вопросы, ответы на которые исследователь уже знает. Такие контрольные вопросы можно подготовить и на основании предшествующей работы с большим количеством других информантов. «Надежность» информанта проверяется также в зависимости от того, согласуются ли его ответы, полученные при разных видах опроса. Два последних способа установления достоверности результатов опроса являются в большинстве случаев вполне надежными: многие из полученных таким образом результатов впоследствии проверялись на достаточно большом количестве информантов (всего опрашивалось 12—15 человек), и эти проверки подтвердили первоначальные результаты.

Важную роль играет также проблема обучения информанта. Прежде всего необходимо приучить информанта реагировать на информацию, которая передается о денотативной ситуации, а не на саму денотативную ситуацию. Эта реакция вырабатывается с помощью самой формы опроса. Например, задаются разные способы описания одной и той же денотативной ситуации (протоситуации, в терминологии Ю. К. Лекомцева [Лекомцев 1973: 446]). Кроме того, информанту в явной форме дается инструкция, предлагающая реагировать на то, что сообщается о денотативной ситуации, а не на то, как вообще можно понять, представить себе эту ситуацию.

Другой особенностью лингвистического эксперимента, кроме уже отмеченного особого участия в нем носителя языка, является определенная последовательность проведения эксперимента и специфический характер экспериментального материала.

Лингвистическое исследование начинается со сбора «положительного» материала: из различных текстов устной или письменной речи отбираются случаи употребления изучаемых единиц. После этого с помощью эксперимента лингвист получает «отрицательный» материал исследования (по терминологии Л. В. Щербы). Так, в результате подстановки выражения *X takes it that* в различные контексты, было обнаружено, что это выражение не употребляется, например, в

следующих окружениях: 1) *After much consideration I took it that he was right* 'После долгих размышлений пришел к выводу, что он прав'³; 2) *After having looked into his eyes I took it that he hated me* 'Посмотрев ему в глаза, я поняла, что он ненавидит меня'; 3) *...he stayed waiting dolefully. He took it that it was silly and that he should have left* 'Он продолжал терпеливо ждать. Он понимал, что это глупо и что ему нужно было давно уйти'. Было опрошено 12 информантов-англичан (аспирантов и молодых преподавателей колледжей). Все они нашли неправильными два последних предложения. Первое предложение было оценено как неправильное одиннадцатью информантами⁴.

Установление контекстных и денотативных зависимостей. После получения «отрицательного» и «положительного» материала исследования лингвист либо переходит к обобщению этого материала и выдвижению гипотезы о значении, объясняющей собранный и экспериментально полученный материал (т. е. условия правильного или неправильного воспроизведения языковой единицы), либо переходит к постановке и проведению более тонких экспериментов, позволяющих установить, от какого именно параметра ситуации или лингвистического контекста зависит правильность или неправильность употребления языковой единицы. Этот эксперимент должен быть поставлен таким образом, чтобы варьировался только один параметр при сохранении других. При использовании приборов иногда довольно просто изменять только один параметр, строго фиксируя остальные. Например, при исследовании глаголов *блестеть*, *сверкать*, *мигать*, *мерцать* был поставлен эксперимент, в котором попеременно изменялись то частота появления светового импульса, то его интенсивность (яркость), то скорость изменения освещенности сетчатки глаза [Селиверстова 1970]. Опыт проводился с вращающимся диском, имеющим одну или более щелей (диаметр щели 2,5 см), источник света (электрическая лампочка) помещался позади диска. Когда щель приходилась против лампочки, свет попадал в глаз наблюдателю. Яркость света варьировалась изменением напряжения, частота появления света — изменением числа щелей на диске, скорость изменения освещенности сетчатки глаза — изменением скорости вращения диска. В результате этих экспериментов было, например, установлено, что выбор между глаголами *мерцать* и *мигать* (в описательном стиле речи) зависит от частоты появления светового импульса. Так, если световой импульс появляется и исчезает три раза в секунду и реже (свет отсутст-

³ В русском языке нет языковой единицы, значение которой было бы тождественно значению выражения *X takes it that* (см. об этом с. 100). Поэтому неправильность английских фраз не отражается в переводе.

⁴ Единственная положительная оценка, вероятно, является случайной ошибкой. К сожалению, мы не имели возможности провести повторный опрос.

вовал не менее 0,25 сек.), то все информанты выбирали глагол *мигать*. При увеличении частоты они употребляли оба рассматриваемых глагола, а затем при шести импульсах в секунду — только глагол *мерцать*. Было установлено, что впечатление мерцания зависит от наивысшей, а не средней частоты. Так, это впечатление возникало при появлении света четыре или даже три раза в секунду, если интервал между тремя или по крайней мере двумя из них был маленьким (0,1 сек.).

Однако при постановке большинства лингвистических экспериментов по варьированию отдельного параметра денотативная ситуация или денотат задаются не приборами, а с помощью словесного описания их лингвистом. При таком эксперименте много труднее контролировать неизменность всех параметров, кроме того, который варьируется. Для исключения возможной ошибки, связанной с трудностью такого контроля, в лингвистике нужно экспериментировать с большим количеством разнообразных денотативных ситуаций. Действительно, если во многих разнообразных условиях лингвист варьирует один и тот же параметр и каждый раз получает один и тот же результат, то маловероятно, что каждый раз при этом изменяется еще какой-то параметр, который остается незамеченным.

Иногда вообще трудно задать такие ситуации, контексты, которые бы изменялись только по одному интересующему исследователя параметру: одновременно изменяется еще один или даже большее число параметров. Эта трудность может быть преодолена, если другие изменяющиеся параметры могут быть представлены в некоторых контекстах или ситуациях без изучаемого параметра. В таком случае экспериментирование с этими другими параметрами обычно позволяет установить, влияют ли они на возможность выбора исследуемой языковой единицы. Например, при изучении выражения *X takes it that* лингвист может построить гипотезу о том, что это выражение не должно употребляться в контекстах, в которых речь идет о формировании суждения, основанного на самостоятельном размышлении (первый параметр). И действительно, как указывалось выше, это выражение, например, не употребляется в таком контексте, как *After much consideration I took it that he was right*, хотя предложение / *took it that he was right* соответствует нормам английского языка. Однако первое предложение отличается от второго не только по первому параметру. В частности, первое предложение предполагает, что речь идет не об уже имеющемся, сформулированном суждении, а о результате его выведения (сделать вывод, заключить). Вследствие этого нужно проверить, не определяет ли этот второй параметр неправильность первого предложения. Обследование материала показывает, что выражение *X takes it that* часто встречается в контекстах, в которых речь идет о выведении суждения. Например: *From what he said I took it that she was right* 'Из того, что он сказал, я сделал вывод, что

она права'. Таким образом, второй параметр не препятствует использованию выражения *X takes it that*.

Задание ситуации в форме словесного ее описания часто сопряжено еще с одной трудностью: не всегда можно найти в языке такие единицы, которые позволили бы четко описать тот параметр, по которому будет варьироваться ситуация. Особенно часто такое положение имеет место, когда задается не денотативная ситуация, а возможное ее отображение в сознании. В этом случае лингвисту приходится вырабатывать свой метаязык описания и давать длинные, громоздкие определения. В таком эксперименте могут участвовать лишь немногие информанты, которые в состоянии охватить это определение целиком. Таким образом, отмеченная трудность частично преодолевается с помощью информантов «высшей квалификации». Вторым путем ее преодоления служит расчленение проверяемого параметра (в этих случаях он всегда представляет собой сложное обобщение) на отдельные более частные его проявления. Например, при анализе выражения *X takes it that* мы построили следующую гипотезу: его выбор зависит от того, описывает ли говорящий такую ситуацию, при которой суждение было сформировано либо только на основании сведений, полученных от других, причем субъект суждения не проверяет эти сведения в процессе самостоятельных размышлений или самостоятельного восприятия ситуации, либо только на предшествующих знаниях, которые не дополняются непосредственным анализом той ситуации, о которой строится суждение, либо только на основании тех фактов, которые имеются в самой ситуации и достоверность которых не проверяется субъектом суждения (суждение строится на том, что факты говорят сами о себе). Короче, мы предположили, что данное выражение сообщает о суждении, которое строилось либо на основании сведений, полученных извне (от других людей или из принимаемых как очевидные, на веру фактов самой ситуации) и не проверяемых самим субъектом суждения, либо на основании его предшествующих знаний (т. е. каких-то предшествующих объективных сведений), не дополненных непосредственным анализом ситуации. Поскольку при формировании такого суждения субъект не опирается на собственный анализ ситуации, не проверяет поступивших сведений, не привлекает собственных представлений (например, представлений о том, что хорошо и что плохо, что можно **оценить** как обладающее каким-то свойством, и т. д.), а только делает вывод из принятых на веру или очевидных сведений или объективных предшествующих знаний, мы назвали это суждение **нелично-обусловленным**. При проверке построенного предположения мы брали, например, следующие предложения: / *think that he is right* 'Я думаю, что он прав'; / *take it that he is right* (эта фраза интерпретируется в соответствии с нашим предположением как сообщение о суждении, которое не строится на самостоятельном анализе ситуации или само-

стоятельном анализе тех сведений, которые были сообщены, а либо выводится из каких-то принятых на веру или как очевидных фактов ситуации, либо выводится из самостоятельно непроверяемых сведений, полученных от других); *I consider that he is right* 'Я считаю, что он прав' и просили информантов указать, какое из них они выбрали бы, если бы хотели описать указанную выше ситуацию (точнее — указанное выше отображение ситуации в сознании); какое предложение они использовали бы, если бы, напротив, хотели сообщить о суждении, основанном на самостоятельном восприятии действительности и т. д. Из восьми опрошенных информантов пять человек выбрали предложение с глаголом *take* при ответе на первый вопрос (т. е. подтвердили построенную гипотезу), двое информантов не стали отвечать на вопросы, предложив вместо этого свое собственное истолкование (это истолкование оказалось очевидно неточным), одна информантка выбрала предложение с глаголом *think*. Однако при постановке более конкретных вопросов, связанных с частными проявлениями сформированного признака, ответы всех информантов совпадали. Например, информантов спрашивали, употребили ли бы они предложение / *take it that she was young then*, если бы они были знакомы с тем лицом, о котором строится суждение в описываемый момент времени. Все они признавали такое использование неправильным. Однако данная фраза соответствует норме, если суждение строится на основании сведений, полученных от других (в этом случае суждение строится на сведениях, которые говорящий не получает сам и которые он может принять без самостоятельного анализа). Один из информантов отметил, что он употребил бы выражение / *take it that* в том случае, если бы ему предложили проверить счет в банке, и он сам не стал бы его проверять, а, бросив взгляд на «убедительную» колонку цифр, решил бы, что счет правильный. Информант отметил также, что выбрал бы выражение / *take it that*, если бы строил свое суждение о ситуации на основании знаний о предшествующем поведении объекта суждения. Например: / *take it I'll see you at the football match to day* 'Встретимся сегодня на футболе, да?' (собеседник автора речи всегда ходит на футбол; таким образом, данное суждение вытекает из знаний о его обычном поведении). Этот информант предложил также следующую ситуацию употребления выражения / *take it that*...: если человека просят прокомментировать некоторое утверждение, сделанное специалистом, и он не хочет размышлять над ним самостоятельно, а принимает его как достоверное (на том основании, что оно сделано специалистом), он может сказать: / *take it that he is right*. Когда все перечисленные ситуации были предложены другим информантам, то оказалось, что они также выбирали выражение *I take it that*...

Гипотеза, соответствующая сложному признаку, вообще должна проверяться не только в целом, но и обязательно разбиваться на части: даже если

информант охватывает общее содержание вопроса, он может не обратить внимание на отдельные неточности формулировки. Обычно в процессе исследования устанавливается множество частных зависимостей, затем на их основании делается некоторое обобщение, которое часто позволяет установить новые частные зависимости (их справедливость проверяется независимо от той общей гипотезы, из которой они выведены).

Условия выявления значения. До сих пор мы говорили об установлении внешних зависимостей, т. е. о нахождении тех характеристик денотативной ситуации, денотата и элементов контекста, от которых однозначно зависит возможность выбора языковой единицы. Очевидно, что эти зависимости так или иначе связаны со значением языковой единицы.

Зависимость выбора языковой единицы от некоторой характеристики денотата обязательно предполагает, что эта зависимость как-то отражается в смысловых элементах значения или, во всяком случае, также и в смысловых элементах значения⁵, если эта зависимость устанавливается на уровне восприятия человека⁶. Отражается эта зависимость непосредственно в значении или нет, зависит от трех условий. **Первое**—устанавливается ли денотативная зависимость (связь) между языковой единицей и признаком, по которому предметы, явления, действия и т. д. включаются в денотативный класс этой языковой единицы, а не связь между языковой единицей и предметом или явлением и т. д. **второе**—«знают» ли говорящие о том признаке, который определяет существование данной зависимости. **Третье**—имеет ли эта зависимость обобщающий характер, т. е. объясняет ли она многочисленные частные зависимости, которые сводятся к ней, или, наоборот, она сама является проявлением некоторой общей зависимости. Введение первого условия вызвано тем, что один и тот же предмет может быть осмыслен по-разному. Например, одну и ту же планету можно назвать и просто планетой, и утренней звездой, и вечерней звездой, и звездой, благоприятствующей влюбленным, и т. п. Напротив, один и тот же признак нельзя воспринимать по-разному. Данное утверждение представляется справедливым по крайней мере для большинства слу-

⁵ Есть такие денотативные ситуации, которые сами по себе требуют выбора слов с особой стилистической характеристикой. Однако в этом случае денотат будет несколько отличен от денотата нейтрального слова.

⁶ Необходимость последнего добавления поясним на следующем примере: объективно выбор глагола *светиться* возможен не только при излучении постоянной интенсивности, но и при излучении высокой частоты; однако только в том случае, когда излучение высокой частоты воспринимается как постоянное, вследствие особенностей человеческого глаза как оптического устройства: существует порог частоты, выше которого изменения в интенсивности не фиксируются человеческим глазом.

чаев. Поэтому если исследователь установил тот признак, который обуславливает отнесение объекта к денотативному классу данной языковой единицы, и если этот признак отображается в сознании или подсознании (см. второе из отмеченных условий), то тем самым он установил и признак, который входит в значение языковой единицы: в содержании этого признака непосредственно и однозначно отображается денотативный признак.

При формулировке второго условия мы поставили слово *знают* в кавычки, поскольку здесь не всегда идет речь об обычном знании. Выше уже отмечалось (с. 82), что знание языка частично принадлежит подсознанию. Поэтому могут существовать семантические признаки, которые говорящие не осознают или недостаточно отчетливо осознают, хотя и употребляют языковые единицы в соответствии с этими признаками. Критерием того, что говорящие подсознательно «знают» некоторый семантический признак, может служить само содержание этого признака. Если признак соответствует не объективным свойствам объекта, а таким свойствам, которые могут быть только привнесенными извне, связанными с видением мира воспринимающим, осознающим мир субъектом, то можно утверждать, что говорящие хотя бы в подсознании «знают» этот признак, и, следовательно, этот признак принадлежит значению, если удовлетворяется также и первое и третье из выделенных условий. Точнее, существует два коррелирующих друг с другом признака: **один** — элемент значения, т. е. элемент той информации, которая будет передана об объекте при выборе в речи данной языковой единицы, а **второй** — соответствующее этой информации свойство объекта, которое истинно или ложно приписывается объекту говорящим. Напротив, если неосознаваемый признак связан с объективным свойством денотата или, во всяком случае, и с объективными свойствами денотата, то нет оснований утверждать, что говорящие «знают» его подсознательно (возможно, однако, существуют еще какие-то критерии, позволяющие считать, что некоторый признак отображается в подсознании говорящих). Если признак не отображен ни в сознании, ни в подсознании, то он является только денотативным и не соответствует прямо элементам значения. Таким признаком является, например, частота появления светового импульса, от которой зависит выбор речи глаголов *мигать*, *мерцать* (см. с. 98). Установленная зависимость позволяет сделать только следующее утверждение о значении данных глаголов: эти глаголы сообщают о некоторой различающейся характеристике излучения, которая в действительности оказывается вызванной такими-то различиями в частоте появления светового импульса.

Удовлетворение третьего из отмеченных условий необходимо прежде всего для того, чтобы избежать смешения компонента значения с частным проявлением этого компонента в некоторых контекстах и с возможными ассоциативными признаками. Например, при исследовании конструкции *X takes it that*

мы предположили вначале, что она отличается от моделей с глаголом *think*, *consider* только по информации о том, получены ли сведения, на которых строится суждение самим субъектом суждения или нет. Однако этот признак не объяснял многие особенности восприятия и употребления предложений с данной конструкцией, хотя ее выбор зависел от реализации выделенного признака. Так, например, многие информанты находили несколько смешным предложение / *take it that Mr Smith is going to marry Miss Jones* 'Я думаю, что м-р Смит женится на мисс Джоунз', что не предсказывалось выделенным признаком, и предпочитали заменять в нем глагол *take* на глагол *think*. Тогда была сделана попытка найти признак, объясняющий все установленные особенности употребления, причем частным проявлением этого признака служила бы информация об источнике тех сведений, на основании которых строится суждение. Таким признаком оказался рассмотренный выше признак «нелично-обусловленного суждения» (см. с. 100). В содержание этого признака было включено не только указание на то, что субъект не строит свои суждения на основании самостоятельно полученных сведений о непосредственном объекте суждения, но и указание на то, что полученные извне сведения он принимает как достоверные или на веру (т. е. не получает дополнительных сведений на основании анализа переданных ему сведений), а также что суждение может строиться на знании о предшествующем поведении объекта суждения. Внесенное уточнение (или точнее эксплицитное выражение некоторых моментов, представленных лишь имплицитно в первоначальном определении) позволило объяснить те факты употребления, которые оставались необъясненными. Так, например, восприятие приведенного выше предложения объясняется тем, что выбор выражения / *take it* показывает, что, по мнению говорящего, в денотативной ситуации имеются такие факты или ему сообщены кем-то такие сведения, которые заставляют его заключить, что м-р Смит должен жениться на мисс Джоунз.

Подчеркнем, что обнаружение какой-то особенности употребления, не предсказанной выделенным признаком, не обязательно означает, что еще не сделано какого-то необходимого обобщения: установленная особенность может быть обусловлена не рассматриваемым компонентом значения, а некоторым другим. Выделение каждого компонента значения, как уже говорилось выше, происходит на фоне общего описания значения, в котором учитывается и соотносительность языковой единицы с другими, и распределенность содержания значения по отдельным компонентам.

Итак, если употребление языковой единицы зависит от некоторого признака, причем этот признак не принадлежит денотативному уровню (хотя и может коррелировать с соответствующим денотативным признаком) и не является ассоциацией или частным проявлением другого признака, то этот признак входит в значение языковой единицы.

Признак является смысловым, если он коррелирует с денотативным признаком и не соответствует критериям выделения стилистических и экспрессивных признаков.

Напротив, если устанавливается однозначная зависимость выбора языковой единицы от стиля речи, то эта зависимость непосредственно соответствует стилистической характеристике языковой единицы.

Зависимость выбора от оценочного осмысления денотата при условии, что эта оценка наслаивается на некоторый смысловой признак, не имеющий оценочного характера, соответствует экспрессивному элементу значения.

Несодержательный экспрессивный элемент может также создаваться в результате малой частоты употребления языковой единицы для описания некоторого класса денотатов по сравнению с другими языковыми единицами, описывающими тот же класс денотации.

Зависимость выбора языковой единицы от наличия или отсутствия того или иного элемента контекста, которая никак не коррелирует с денотативной зависимостью, создает конфигуративные признаки, т. е. «произвольные» особенности в сочетаемости, не предопределяемые смысловыми, стилистическими и экспрессивными признаками. Например, выбор глагола *прервать* зависит от наличия существительного. Так, можно сказать: *Он прервал чтение* не **Он прервал читать*.

Правила употребления языковой единицы. Выше мы рассмотрели путь постепенного перехода от установления денотативной зависимости к выявлению компонента значения. Однако семантическая гипотеза может сразу формулироваться на уровне значения и после этого проверяться через свою способность предсказывать денотативные зависимости или сочетаемость исследуемой языковой единицы с другими языковыми единицами⁷.

Но каким бы путем ни шел лингвист (часто оказывается удобным соединять оба аспекта рассмотрения), на самом последнем этапе исследования он обязательно должен установить, достаточно ли полученное определение значения для того, чтобы человек, зная это определение и опираясь на общие для всех знания о реалии и общие законы логики, употреблял бы данную языковую единицу так же, как носитель языка. Рассматривая под этим углом зрения собранные факты употребления, лингвист может обнаружить, что некоторые объекты, явления, ситуации всеми носителями языка описываются или, напротив, не описываются через исследуемую единицу, хотя из свойств этих объектов, явлений не следует однозначно, что они обязательно должны вос-

⁷ В своих предыдущих работах мы по преимуществу описывали именно этот второй путь исследования, см., например, [Селиверстова 1976].

приниматься таким и только таким образом. Например, положение человека, животного и т. д. на ветке дерева могло бы быть воспринято и как нахождение на поверхности дерева и как нахождение внутри некоторого объема, создаваемого кроной дерева. Однако носителями русского языка допускается только первое осмысление данной ситуации {*Птица сидела на дереве*, а не: *в дереве*}, напротив, носителями английского языка — только второе {*in the tree*}.

Таким образом, употребление языковых единиц разных языков, имеющих одно и то же значение, не всегда полностью совпадает. Эти расхождения в употреблении подробно исследовались, например, в работах В. Г. Гака при сопоставлении французского и русского языков [Гак 1967]. Выявление подобных особенностей в употреблении должно обычно составлять конечный этап исследования, посвященного определению значений: тождество значений, которое часто постулируется в современных двуязычных словарях и сопоставительных грамматиках, чаще всего при более тщательном изучении оказывается неполным. Вследствие этого наблюдаемые расхождения в употреблении могут быть обусловлены неполным совпадением значений сравниваемых единиц разных языков.

Установление обязательных особенностей употребления, не вытекающих однозначно из значения языковой единицы и свойств денотата этой единицы или же из значения языковой единицы и логических правил сочетаемости единицы с подобным значением, приводит к созданию правил употребления языковых единиц (в отличие от конфигуративных признаков правила употребления относятся к фактам речи, которые логически мотивированы значением, но не вытекают из него однозначно).

Для того чтобы найти факты употребления, обязательные для всех носителей языка, но неоднозначно вытекающие из значения, необходимо перебрать достаточно большое количество случаев употребления языковой единицы. Количество случаев употребления, которые позволят выявить правила, определяющие употребление, а также вообще их представительность поможет, по видимому, установить математическая статистика.

Итак, рассмотрены различные возможности верификации лингвистических и прежде всего семантических гипотез и, в частности, те возможности, которые возникают при обращении к другим наукам. Перечислены некоторые гипотезы, требующие проверки в рамках нейрофизиологии.

Рассмотрены некоторые лингвистические положения под углом зрения того, относятся ли они к гипотетическим или к фактически уже доказанным или очевидным. Выдвинуты аргументы в пользу того, что определение языка как в основном системы единиц (системы знаков) относится к фактически уже доказанным (могут быть получены новые сведения относительно организации

этих единиц, формы их хранения в памяти и т. д., но эти сведения не изменяют данного общего определения). К этому же типу принадлежит и определение значения как той знаковой информации, которую несет означающее языковой единицы (по крайней мере в качестве одного из возможных определений).

Пересмотрены теоретические предпосылки применения компонентного анализа и показано, что в языке существуют семантические группы (причем, по-видимому, таких групп достаточно много), организация которых делает необходимым использование компонентного анализа при их описании.

Рассмотрены общие условия, необходимые для применения эксперимента, и показано, что живые языки удовлетворяют этим условиям. Вследствие этого при описании живых языков и, в частности, их семантики должен использоваться эксперимент. Проанализированы некоторые особенности и трудности семантического эксперимента. Дано обоснование работы с информантами.

Библиография

- Будагов Р. А.* Из истории разработки понятия о синонимах во Франции // Общее языкознание: Англистика. Кельтология. М., 1976.
- Белошапкова В. А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь. М., 1934.
- Гак В. Г.* Проблемы лексико-семантической организации предложения: Дис. ... докт. филолог. наук. М., 1967.
- Горелов И. Н.* Проблема «глубинных» и «поверхностных» структур в связи с данными психолингвистики и нейрофизиологии // Изв. Отд-ния лит. и яз. 1977. Т. 36. № 2.
- Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.* О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Жинкин Н. И.* Механизмы речи. М., 1958.
- Журицкий А. Н.* О семантической структуре пространственных прилагательных // Семантическая структура слова. М., 1971.
- Исмаилов К. А.* Пространственные прилагательные в английском языке в сопоставлении с каракалпакскими пространственными прилагательными: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.
- Кацнельсон С. Д.* Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965.
- Колишанский Г. В.* Логика и структура языка. М., 1965.
- Кондаков Н. И.* Логический словарь. М., 1971.
- Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
- Косериу Э.* Современное положение в лингвистике // Изв. Отд-ния лит. и яз. 1977. Т. 36. № 6.
- Крушельницкая.* Формы существования, функции, история языка // Общее языкознание. М., 1970. Гл. 5.
- Лекомцев Ю. К.* Психическая ситуация, предложение и семантический признак // Труды по знаковым системам. Т. VI. Тарту, 1973.
- Леонтьев А. А.* Психолингвистика. М., 1967.
- Ливанов М. Н.* Пространственная организация процессов головного мозга. М., 1972.
- Ливанов М. Н.* Нейронные механизмы памяти // Успехи физиологических наук. 1975. Т. 6. № 3.
- Лосев А. Ф.* Проблемы символа и реалистическое искусство. М., 1976.

- Лурия А. Р., Цветкова Л. С.* О некоторых нейропсихологических механизмах речевого высказывания // Семинар по психолингвистике: Тезисы докладов. М., 1966.
- Мельников Г. П.* Типы означаемых языкового знака и детерминанта языка // Проблемы семантики. М., 1974.
- Новиков Л. А.* Антонимия в русском языке. М., 1973.
- Общее языкознание. М., 1970.
- Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Панфилов В. З.* Грамматика и логика. М.; Л., 1963.
- Потебня А. А.* Мысль и язык. Харьков, 1913.
- Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности // *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М., 1976.
- Прибрам К.* Языки мозга. М., 1974.
- Селиверстова О. Н.* Опыт семантического анализа группы русских и английских глаголов с общим компонентом «излучать свет» // Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. М., 1970.
- Селиверстова О. Н.* Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом *быть* // Вопр. языкознания. 1973. № 5.
- Селиверстова О. Н.* Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.
- Селиверстова О. Н.* Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Селиверстова О. Н.* Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций в английском языке // Категория бытия и обладания в языке. М., 1977.
- Смирницкий А. И.* Значение слова // Вопр. языкознания. 1955. № 2.
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.
- Степанов Ю. С.* Проблема общего метода современной лингвистики // Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания: Тезисы докладов. М., 1974.
- Тондл Л.* Проблемы семантики. М., 1975.
- Тодорова Е.* Семантична характеристика на прилагателните за линеен размер // Български език. 1972. XXII. Кн. 1—2.
- Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.
- Чейф У. Л.* Значение и структура языка. М., 1975.
- Шведова Н. Ю.* О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения» // Мысли о современном русском языке. М., 1969.
- Шмелев Д. Н.* Несколько замечаний к построению синтаксической теории // Вопр. языкознания. 1961. № 3.
- Щерба Л. В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.
- Язык и мышление. М., 1967.
- Языковая номинация. М., 1977.
- Bendix E. H.* Componential analysis of general vocabulary // International Journal of American Linguistics. 1966. Vol. 32. № 2.
- Bierwisch M.* Some semantic universals of German adjectives // Foundations of Language. 1967. Vol. 3. № 1.

- Botha R. P.* Linguistics as empirical science // Abstracts of the XIIth International congress of Linguists. Wien, 1977.
- Cohen D.* Testing linguistic hypotheses. London, 1975.
- Coseriu E.* Bedeutung und Bezeichnung im Lichte der strukturellen Semantik // Commentationes Societatis Linguisticae Europaeae III. Sprachwissenschaft und Übersetzen: Symposium an der Universität Heidelberg. München, 1969.
- Greimas A. J.* Sémantique structurale of Recherche de méthode. Paris, 1966.
- Goodenough W.* Componential Analysis and the Study of Meaning // Language. 1956. Vol. 2. № 1.
- Fillmore Ch.* Types of lexical information studies in syntax and semantics // Studies in Syntax and Semantics. Vol. X. Holland, 1969.
- Frege G.* Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. Bd 100. 1892.
- Hewson J.* Underlying meaning, Surface meaning, and Reference // Abstracts of the XIIth International Congress of Linguists. Wien, 1977.
- Itkonen E.* Linguistics: Nonempirical and Empirical // Abstracts of the XIIth International Congress of Linguists. Wien, 1977.
- Kac M. R.* Linguistics a science of relevant parameters // Abstracts of the XIIth International Congress of Linguists. Wien, 1977.
- Lee-Worff B.* Language, Mind and Reality: Selected Writings. N. Y., 1957.
- Leisi E.* Der Wartinhalt, seine Struktur im Deutschen und Englischen. Heidelberg, 1953.
- Lyons J.* Structural semantics. Oxford, 1963.
- Lyons J.* Basic Problems of Semantics // Abstracts of the XIIth International Congress of Linguists. Wien, 1977.
- Lounsbury F.* Semantic Analysis of the Kinship Usage // Language. 1956. Vol. 32. № 1.
- Ogden C. K. and Richards I. A.* The Meaning of Meaning. London, 1936.
- Solntsev V. M.* Sign and Meaning // Abstracts of the XIIth International Congress of Linguists. Wien, 1977.
- Wahrig G.* Neue Wege in der Wörterbucharbeit // Berichte des Institute für Buchmarkt-Forschung. Juni. 1967. Hamburg.
- Weinreich U.* Lexicographic definition in descriptive semantics // International Journal of American Linguistics. 1962. Vol. 28. № 2.

3.

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ
МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ

НА МАТЕРИАЛЕ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

О. Н. Селиверстова. Компонентный анализ многозначных слов. М.: Наука, 1975

От автора

Достижения современной теоретической мысли и большой фактический материал, накопленный в словарях и грамматиках, позволяют приступить к выполнению одной из главных задач лингвистики — созданию адекватных словарей и грамматик. В настоящее время, как известно, не существует таких словарей и грамматик, которые бы точно воспроизводили объект своего описания. Выполнение этой задачи не может быть делом какого-то относительно небольшого авторского коллектива, который поставил бы своей целью за несколько лет создать такой словарь или такую грамматику. Их непосредственному написанию должно предшествовать появление большого количества частных работ, результаты которых (а не только теоретические предпосылки) стали бы объектом обсуждения и были бы апробированы временем.

К числу частных работ принадлежит и предлагаемая монография.

Ее основная цель заключается в том, чтобы, отобрав и развив исходные теоретические предпосылки, найти тот путь, который позволил бы получить адекватное описание выбранных для анализа слов русского языка (*иметь, быть, получать, принимать, брать, давать* и некоторых других). Можно также сказать, что цель исследования состоит в том, чтобы установить «законы», которые предсказывают и объясняют употребление изучаемых слов в речи.

Автор приносит искреннюю благодарность Д. Н. Шмелеву, Ю. К. Лекомцеву, А. А. Леонтьеву, О. А. Смирницкой и И. С. Аксеновой, читавшим работу в рукописи и сделавшим ряд ценных критических замечаний.

Глава I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. В первой главе рассматриваются задачи, которые мы пытались решить в предлагаемом исследовании, а также устанавливаются теоретические предпосылки, которые, с одной стороны, определяют постановку данных задач, а с другой — указывают путь их выполнения.

Много лет назад Л. В. Щерба в своей статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании»¹ писал: «Большинство лингвистов обыкновенно и к живым языкам подходит, однако, так же, как к мертвым, т. е. накапливает языковой материал, иначе говоря — записывает тексты, а потом их обрабатывает по принципам мертвых языков. Я утверждаю, что при этом получают мертвые словари и грамматики. Исследователь живых языков должен поступать иначе. Конечно, он тоже должен исходить из так или иначе понятого языкового материала. Но, построив из фактов этого материала некую отвлеченную систему, необходимо проверять ее на новых фактах, т. е. смотреть, отвечают ли выводимые из нее факты действительности. Таким образом в языкознание вводится принцип эксперимента. Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т. п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило. Утвердительный результат подтверждает правильность постулата и, что любопытно, сопровождается чувством большого удовлетворения, если подвергшийся эксперименту сознательно участвует в нем.

¹ Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. 1931. С. 113 и сл.

Но особенно поучительными бывают отрицательные результаты: они указывают или на неверность постулированного правила, или на необходимость каких-то его ограничений, или на то, что правила уже больше нет, а есть только факты словаря, и т. п. Полная законность и громадное значение этого метода иллюстрируются тем, что когда ребенок учится говорить (или взрослый человек учится иностранному языку), то исправление окружающими его ошибок („так никто не говорит“), которые являются следствием или невыработанности у него, или нетвердости правил (конечно, бессознательных), играет громадную роль в усвоении языка. Особенно плодотворен метод экспериментирования в синтаксисе и лексикографии и, конечно, в стилистике. Не ожидая того, что какой-то писатель употребит тот или иной оборот, то или иное сочетание, можно произвольно сочетать слова и, систематически заменяя одно другим, меняя их порядок, интонацию и т. п., наблюдать получающиеся при этом смысловые различия, что мы постоянно и делаем, когда что-либо пишем <...> В возможности применения эксперимента и кроется громадное преимущество — с теоретической точки зрения — изучения живых языков. Только с его помощью мы можем действительно надеяться подойти в будущем к созданию вполне адекватных действительности грамматики и словаря». Эти мысли Л. В. Щербы мы и пытались положить в основу своей работы.

ВЫДЕЛЕНИЕ ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ

1.2. В приведенной цитате из работы Л. В. Щербы сформулирована и задача исследования, и пути ее выполнения. Остановимся более подробно на первом из затронутых аспектов проблемы. Создать адекватные словари и грамматики — это значит получить такое описание исследуемых единиц, которое бы предсказывало поведение этих единиц в речи, т. е. предсказывало бы условия, в которых могут или не могут быть выбраны исследуемые единицы, а также те сведения, которые получит адресат сообщения об описываемой ситуации, если эти единицы будут выбраны. Получение подобных результатов было бы невозможно без решения ряда общетеоретических проблем. Действительно, исследователь может работать только с текстами, из которых он пытается извлечь «механизм», позволивший построить эти тексты. Однако вычленив те сведения, которые должен иметь говорящий, чтобы построить новые тексты, чрезвычайно трудно. Такое вычленение связано прежде всего с решением вопроса о соотношении языка и речи. Не случайно именно вопрос о выделении аспектов речевой деятельности ставится в упомянутой статье Л. В. Щербы. При семантическом описании слов проблема соотношения языка и речи сводится к разграничению значения слова и его денотативной отнесенности, а также значения и общего

смысла контекста. Поэтому при проведении семантического анализа необходимо ответить на вопрос, что понимает исследователь под значением слова. В данной работе значение слова отождествляется с той знаковой информацией, которую получит человек, владеющий данным языком, при восприятии означаемого слова, представленного в звуковой или графической цепочке, а также — при мысленной речи — в их психическом корреляте. Под знаковой информацией мы понимаем такую информацию, которую лексема² передает о денотате слова или вообще об общей денотативной ситуации, а не о себе самой: знак потому и называется знаком, что он несет информацию о других объектах или явлениях. Ср., например, кучу камней, случайно лежащую в горах, и тур, сложенный специально для того, чтобы показывать путь к перевалу. В первом случае турист может получить сведения о самих наблюдаемых явлениях (он может узнать о породе, структуре камней и т. д.), во втором случае передаются сведения о непосредственно не наблюдаемых явлениях, т. е. возникает знаковая информация.

Под означаемым, лексемой, мы понимаем только фонологически значимые элементы звуковой цепочки. Поэтому, например, сведения о том, кто произнес данный знак, которые могут быть получены при восприятии соответствующей звуковой цепочки, не войдут в значение этого знака. Подобные же ограничения накладываются и на графическую цепочку.

Подчеркнем также, что из приведенного определения вытекает необходимость выявлять, какую именно информацию передает лексема о денотате слова, а не сколько информации вносит слово. Таким образом, в предлагаемой работе не проводится знак равенства между лингвистическим значением и тем понятием количества информации, которое используется в теории связи³. Различие между значением и указанным понятием количества информации заключается также в том, что последнее не разграничивает знаковую и незнаковую информацию. Незнаковой информацией обладает любой воспринимаемый объект, в частности, буквы и фонемы.

Посмотрим теперь, насколько помогает рассматриваемое определение значения в решении конкретных проблем. Как известно, несмотря на то, что большинство лингвистов считает необходимым различать значение слова и его денотат (т. е. тот предмет, качество, действие, явление реальной действительности, которое обозначает слово), в практическом анализе эти понятия

² Термин «лексема» используется для обозначения слова, взятого только в плане выражения, см.: *Н. И. Толстой*. Из опытов типологии славянского словарного состава // *Вопр. языкознания*. 1963. № 1.

³ Как известно, в некоторых лингвистических работах данные понятия отождествляются. См., например: *М. А. Halliday*. *Categories of the Theory of Grammar* // *Word*. 1961. Vol. 17. № 3.

очень часто смешиваются. Истолкование значения через понятие знаковой информации позволяет найти тот угол зрения, при котором четко различаются эти два принципиально разных явления, присутствующие в каждом акте речи. Действительно, если посмотреть на местоимения под углом зрения того, что они сообщают об обозначаемом⁴, а не того, что они обозначают, то станет совершенно очевидно, что их значение не меняется от одного акта речи к другому. Например, местоимение *я* всегда сообщает о том, что участник описываемого события идентичен автору того предложения, в котором это событие описывается⁵; местоимение *все* содержит информацию о том, что количество участвующих в событии равно общему количеству членов обозначаемой совокупности (ср. *некоторые*), причем это количество больше двух (ср. *оба*). Ср., например, следующие предложения: *Все студенты моей группы уехали на практику*; *Некоторые студенты моей группы уехали на практику*; *Оба студента моей группы уехали на практику*.

Проведение исследования под углом зрения того, что сообщается о денотате, позволило бы отбросить очень многие из тех значений, которые выделяются в словарях. Например, в Словаре Вебстера слову *gleam* приписываются значения: 1) появляющийся и исчезающий свет; 2) отраженный свет; 3) слабый свет⁶. Это слово действительно может описывать как постоянный свет, так и прерывистый, как отраженное излучение, так и не отраженное. Однако данное существительное, так же, как и соответствующих глагол, не вносит информацию об этих характеристиках излучения. Поэтому, например, предложение *The lights gleamed in the village*, которое может служить переводом русского предложения *В деревне мелькали огни*, не сообщает о том, что свет появлялся и исчезал.

Посмотрим, как сказывается введение понятия информации на истолковании некоторых теоретических вопросов. В современных лингвистических теориях критерием отнесения некоторого содержания к семантической структуре языка служит ее выражение через формальные средства. В общем виде этот критерий совершенно справедлив. Однако невыясненность самого понятия значения приводит к тому, что утверждение о невыраженности того или иного содержания в языке часто произвольно. Так, некоторые лингвисты считают лексическое значение нелингвистическим, сводя, таким образом, план

⁴ Мы пользуемся здесь несколько неточной формулировкой. Информация — это составная часть слова, его означаемое. Поэтому в буквальном смысле можно говорить только о том, что слово содержит такую-то информацию, сообщает о том-то. Однако часто такие формулировки делают фразу слишком тяжелой. Поэтому иногда мы будем использовать термин «слово» для обозначения его части (его означающего).

⁵ Мы пользуемся определением, данным в статье проф. Якобсона (*R. Jakobson*, *Shifters, verbal categories and the Russian verb*. Cambridge: Harvard Univ., 1957).

⁶ Webster's New World Dictionary (College Edition). Cleveland; N. Y., 1957. P. 615.

содержания языка только к грамматическому значению⁷. Такое противопоставление не отражает связи лексического и грамматического значения с планом выражения языка: значения и первого и второго типа имеют обязательные соответствия в плане выражения языка и не могут не реализоваться при появлении в речи соответствующих означающих. Например, подобно тому, как звук [ы] в сочетании *отцы* вносит информацию о множественном числе, звуковая единица⁸ *от(е)ц + А* (А — то или иное средство выражения окончания) сообщает о прямом родственнике «его» («его» — лицо отсчета), о лице мужского пола, принадлежащем к предшествующему поколению по сравнению с «его».

Рассмотрение лексических значений как элементов плана содержания языка, конечно, необязательно связано с интерпретацией значения при помощи понятия информации. Однако, как нам кажется, такая интерпретация помогает ясно увидеть связь лексического значения с планом выражения языка⁹.

Попытаемся теперь применить приведенное определение значения для разграничения значения и понятия. Из существующих критериев разграничения этих единиц наиболее удачным нам представляется следующий: значение отождествляется только с различительными признаками, по которым отображение класса денотации одного слова отличается от других¹⁰. Этот критерий в большинстве случаев действительно помогает разделить значение и понятие. Вследствие того, однако, что значение складывается не только из различительных признаков, он не всегда справедлив. Если учесть существование значения не только как хранящегося в памяти элемента кода, но и его существование в акте коммуникации, то можно ввести и другой критерий: в значение входит только та часть общего набора сведений о данном классе объектов, которая будет передана слушателю при произнесении соответствующей звуковой цепочки.

Таким образом, истолкование значения как знаковой информации помогает разъяснить другие теоретические понятия и найти тот угол зрения, под которым должно проводиться лингвистическое исследование.

⁷ Мы пользуемся определением, данным в статье проф. Якобсона (см. сноску 5).

⁸ Мы употребляем здесь слово «единица» не в значении «основная единица» плана выражения. Таким образом, данное слово может относиться к любой комбинации основных единиц.

⁹ Заметим, что Ч. Фриз, указывающий на выраженность лексического значения и включающий его в лингвистическое значение, фактически обосновывает данные положения в терминах информации (см.: Ч. Фриз. Значение и лингвистический анализ // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962. С. 112).

¹⁰ См., например, различие между формальным понятием (=значением) и содержательным в работе: С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965.

Остановимся еще на одной характеристике принятого определения. В нем используются в качестве метаязыка слова, которые сами не были определены (информация, набор сведений, сообщение и др.). При истолковании лингвистических понятий этого недостатка нельзя избежать, если пользоваться только языковыми средствами. Использование других средств, например графических или «языка» математики, не всегда возможно и, кроме того, не всегда дает результаты, которые были бы практически применимы. Поэтому достаточным требованием должна быть однозначность понимания предлагаемых формулировок.

Мы полагаем, что принимаемое здесь определение значения удовлетворяет данному критерию: оно понимается достаточно однозначно, чтобы служить непосредственным «руководством к действию». Действительно, если носителя русского языка попросят, например, ответить на вопрос, какой набор сведений он получит через слово *все* в предложении *Мы все рады вас видеть*, то вопрос будет понят однозначным.

Таким образом, первая задача, которую мы перед собой ставили, заключалась в определении той знаковой информации, которую содержат выбранные для исследования глаголы.

1.3. Остановимся теперь на соотношении означаемого знака и его денотативной способности. Поскольку каждое слово включает в себя некоторую определенную информацию, оно должно использоваться для обозначения таких событий или явлений, свойства которых соответствуют этой информации. Поэтому денотативная способность слова в основном предопределяется его значением. Роль говорящего при этом сводится к выбору таких знаков, информация которых наиболее точно отражала бы свойства описываемого. Однако говорящий может употребить слово и для обозначения объекта (события, качества и т. д.), свойства которого не соответствуют значению слова". Это использование языкового знака может быть вызвано либо тем, что у автора речи имеются неправильные сведения о денотате (понятно, что для того, чтобы установить, можно ли передать об участнике описываемого события, месте, времени и т. д. данную информацию, нужно знать, что они собой представляют), либо сознательным желанием автора речи сказать неправду. Таким образом, возникают случаи ложной денотации. В логике термины «ложный» и «истинный» относятся только к утверждениям в целом. Однако в известном смысле можно считать, что, например, в предложении *Мальчик играет в мяч* есть несколько утверждений: 1) объект, осуществляющий событие, принадлежит к классу «мальчик»; 2) событие, которое он осуществляет, относится к классу «играть»

" В известных ограниченных пределах говорящий может также изменять информацию слова (переносные употребления).

и т. д. Вследствие этого удобно ввести термин «ложная—истинная денотация». Истинной денотацией считается такая денотация, при которой информация, заключенная в слове, соответствует действительным свойствам обозначаемого объекта (события) или свойствам, которые на данном уровне развития человеческих знаний приписываются им. Ложной денотацией считается такая денотация, при которой этого соответствия нет.

На основании информации, заключенной в слове, не всегда можно логически предсказать, какие объекты, отношения и т. д. являются его истинными денотатами. Это может происходить потому, что некоторые явления действительности допускают разное осмысление, причем часто оказывается, что язык выбирает только одно из этих осмыслений. Например, положение объекта на ветке дерева можно представить, с одной стороны, как нахождение внутри некоторого объема, создаваемого кроной, а с другой стороны, как нахождение на поверхности дерева. Первый путь выбирает английский язык и поэтому использует здесь предлог *in* 'в', второй—русский (*на дереве*).

Вследствие существования таких «произвольных» осмыслений денотатов, обязательных для всего языкового коллектива, семантическое описание не может исчерпываться только определением значения. Оно должно также выявить такие особенности денотативной отнесенности слова, которые необязательно вытекают из его значения. Такая цель ставилась и в предлагаемой работе¹².

При установлении денотативной отнесенности слова необходимо также установить регулярность или окказиональность его использования для обозначения некоторого класса денотатов.

1.4. До сих пор мы говорили только о смысловой части значения. Однако слово, кроме смыслового содержания, включает стилистические, экспрессивные и конфигуративные признаки.

Конфигуративные признаки определяют возможность/невозможность использования слова в том или ином окружении (как синтаксическом, так и несинтаксическом), если смысловые признаки слова допускают это употребление. Например, при наличии отрицания информация слов с частицей *-нибудь* тождественна информации слов с частицей *ни-*, но условия отрицания в которых встречаются первые, не совпадают с условиями, в которых встречаются вторые. Ср. *Он не мог не только сказать что-нибудь, но даже пошевелиться* и *Он ничего не мог сказать*.

Заметим, что во многих современных работах считается необходимым особо рассматривать проблему денотации (см., например: *J. Lyons. Structural Semantics. Oxford, 1963*). Однако вследствие разного определения значения роль и место вопросов денотации может пониматься **неодинаково**. (см. об этом: *О. Н. Селиверстова. [Рец.] Дж. Лайонз. Семантическая структура слова. М., 1971*).

Итак, возможность/невозможность употребления слов в различных окружениях определяется, во-первых, влиянием смысловых элементов, во-вторых, конфигуративных. Таким образом, те или иные отношения знаков на синтагматической оси могут быть следствием разных причин.

Наличие в языке произвольных ограничений на сочетаемость отмечается очень многими лингвистами, однако роль и место этих ограничений не всегда понимаются полностью одинаково. Так, в работах В. В. Виноградова¹³ данные ограничения связываются только с особым типом смыслового содержания слова — с номинативными значениями, в работах И. А. Мельчука и А. К. Жолковского¹⁴ им приписывается большее место в общей семантической структуре слова по сравнению с тем местом, которое они должны занимать в соответствии с развиваемым здесь пониманием значения и его построения. Принимаемая нами интерпретация конфигуративных признаков в наибольшей степени соответствует оценке места и роли «произвольных» ограничений в сочетаемости, даваемой Д. Н. Шмелевым¹⁵.

Причины появления таких произвольных ограничений могут быть различными, но, вероятно, главной из них является конкуренция других языковых единиц, обслуживающих полностью или частично ту же область денотации. Например, В. Н. Ярцева пишет: «...место инфинитива (так же, как и инфинитивных оборотов) в грамматической системе того или иного языка может быть различным в зависимости от наличия других грамматических структур, грамматически и функционально сходных с инфинитивом»¹⁶. Как будет показано в дальнейшем, большое количество конфигуративных ограничений имеют и выбранные для исследования слова, что также может быть объяснено существованием других языковых средств, описывающих те же типы денотативных отношений, что и глаголы *иметь*, *давать*, *принимать* и т. д. Часто число конфигуративных ограничений так велико, что приходится говорить о фразеологических рядах. Под фразеологическими рядами мы имеем в виду сочетания анализируемого слова с ограниченным числом слов некоторого типа при существовании большого множества других слов этого же типа, которые не могут встречаться с исследуемым. Иными словами, мы имеем в виду такие случаи, когда удобнее перечислить слова, которые сочетаются с исследуемым словом,

¹³ В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова // Вопр. языкознания. 1953. № 5.

¹⁴ И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. 1967. № 19.

¹⁵ Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964. С. 218—219.

¹⁶ В. Н. Ярцева. О глагольных категориях инфинитива индоевропейских языков // Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания: Тезисы докладов. М., 1970. С. 9.

чем слова, которые не могут с ним сочетаться. Если значение одного из членов фразеологического ряда не совпадает с той информацией, которую он несет в других сочетаниях, мы можем говорить об идиоматичности этих фразеологических рядов или отдельных сочетаний.

Стилистическая характеристика слова сводится к указанию на тот стиль речи, в котором это слово должно употребляться.

Проблема выделения стилей речи чрезвычайно сложна и во многом не выяснена.

В лексикологической практике обычно выделяются следующие стилистические градации: 1) возвышенная речь — сниженная — нейтральная; 2) книжная — разговорная — официально-деловая — научная. Первый тип градации связан с отношением говорящего к предмету изложения, а именно: рассматривает ли говорящий этот предмет как нечто низменное или, наоборот, возвышенное. Другие градации менее определены и различаются между собой по совокупности признаков. Прежде, чем устанавливать содержание каждого из приведенных терминов, перечислим некоторые общие условия, определяющие стиль речи. Не учитывая первый тип градации, можно сказать, что стиль речи — это те особенности в отборе языковых средств, которые обусловлены либо формой речи (письменная — устная, монологическая — диалогическая), либо отношениями между собеседниками (официальные — неофициальные; иногда также учитывается наличие или отсутствие конкретного собеседника, а в некоторых языках важным фактором для отбора языковых средств является возраст и пол собеседников), либо условиями речи (непосредственная и опосредствованная речь; к первой относится, например, разговор об операции во время операции), либо, наконец, целью речи¹⁷. В зависимости от цели речи высказывания делятся прежде всего на такие, которые просто что-то сообщают собеседнику, и такие, которые должны его убедить, принудить к чему-то¹⁸. Некоторые исследователи говорят также о теме высказывания как об условии, определяющем стиль речи. Вероятно, это условие должно занимать совершенно особое место по сравнению с перечисленными выше, так как стилистические особенности не должны быть связаны с самой денотативной ситуацией. Однако есть такие темы, которые, как правило, обсуждаются в официальных условиях или, например, составляют предмет письменной речи. Вследствие этого го-

¹⁷ При перечислении условий, влияющих на отбор языковых средств, создающих тот или иной стиль речи, мы в основном опирались на доклад Джин Юа. См.: *Jean Ure. A Comparative Study of Registers // Proceedings of the Xth International Congress of Linguists. Bucharest, 1967.*

¹⁸ См., например: *В. Матезиус. Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 566.*

ворящие привыкают описывать их через языковые средства, характерные для определенного стиля речи, и сохраняют эти языковые средства даже тогда, когда условие, вызывающее данный стиль речи, отсутствует.

При делении речи на разговорную, книжную, научную, официально-деловую обычно учитывается сразу несколько из перечисленных признаков. Выделение стилей речи по нескольким признакам, вероятно, оправданно, так как, по-видимому, они могут заменять друг друга.

В дальнейшем, при описании стилистических особенностей глаголов *иметь, принимать, брать, получать* и т. д., мы будем учитывать следующие стилистические градации: I. Разговорная—неразговорная (книжная); II. Официальная—неофициальная; III. Стилистически нейтральная—возвышенная—сниженная; IV. Опосредствованная—непосредственная; V. Научная—бытовая, а также вообще речь, не связанная с научной тематикой.

Слова, принадлежащие к разговорному стилю речи, должны употребляться в текстах: 1) стилистически нейтральных или сниженных, 2) обращенных к индивидуальному адресату. Как правило, эти слова употребляются в диалогической речи. Последнее условие, однако, является необязательным при сохранении двух первых. Неразговорная речь стилистически нейтральна или возвышенна и не обращена обычно к индивидуальному адресату. Эта речь по преимуществу монологическая. Однако она может быть и диалогической при условии стилистической приподнятости.

В некоторых случаях оказывается существенным не общее деление на разговорную и книжную речь, а только ее характеристика по признаку «сниженность—приподнятость». Поэтому данный стилистический параметр будет рассматриваться также отдельно.

И разговорную, и книжную речь, по-видимому, следует отличать от научной речи, в которой используется ряд совершенно особых приемов, связанных, вероятно, не только с темой сообщения, но и с целью сообщения. Научная речь обычно монологическая и не обращена к индивидуальному собеседнику. Однако она может существовать и в диалогической форме, хотя в этом случае, по-видимому, теряются многие ее особенности.

Разговорная речь подразделяется на официальную и неофициальную, а также на опосредствованную и непосредственную (т. е. такую, при которой место и время речи совпадают с местом и временем описываемого события).

В данной работе мы почти не затрагиваем вопрос об особенностях использования исследуемых слов в социальных диалектах. Отмечены только некоторые вульгарно-просторечные употребления. В работе также установлена принадлежность некоторых вариантов значения анализируемых слов к слою архаических языковых средств, которые в современном языке получают использование в стилистически приподнятой речи.

Кроме стилистической характеристики, слово может иметь экспрессивную окраску. Экспрессивный компонент значения мы определяем как информацию об эмоциональном отношении говорящего (обычно положительном или отрицательном) к тому свойству денотата, о котором сообщает экспрессивное слово (информация об этом свойстве составляет его смысловое содержание). Например, предложение *Комната блистала чистой* сообщает не только о том, что комната была очень чистой, но и о том, что ее чистота произвела определенное эмоциональное впечатление на говорящего, заставившее его выбирать необычные средства выражения. Точно так же предложение *Он просто дурак* передает информацию не только об определенном свойстве денотата подлежащего, его глупости, но и о том, что автор речи относится к данному лицу с некоторой долей неуважения, презрения.

В отличие от неэкспрессивных оценочных средств или знаков, сообщающих о величине того или иного качества, большинство экспрессивных языковых единиц характеризуется относительно малой частотой употребления по сравнению с другими языковыми единицами, обозначающими те же денотативные классы. Ср., например, *домище* и *большой дом*; *блистать {чистой}* и *быть {чистым}*, *малюсенький* и *очень маленький*. Употребление экспрессивных единиц ограничивается некоторыми стилями речи. Так, многие экспрессивные знаки используются только в сниженном стиле речи (*дурак*, *идиот* и т. д.). Эти слова могут иметь довольно большую частоту употребления, но лишь в пределах данного типа речи. Экспрессивные языковые средства почти никогда не встречаются при официально-деловой форме речевого общения.

Класс экспрессивных единиц не имеет четких границ и может постоянно пополняться нейтральными знаками в особых условиях их употребления. Так, слово *вор*, употребленное в юридических текстах, экспрессивно нейтрально. Однако оно приобретает большую экспрессивную силу, когда используется для выражения отношения говорящего к поступкам того или иного лица, положение которого в обществе должно было бы исключать принадлежность к данному классу. Например: *Ты, ты — вор, вот ты кто*¹⁹.

Итак, при семантическом анализе языковой единицы необходимо установить:

- 1) смысловую информацию, которая передается через ее означающее;
- 2) ее стилистическую и экспрессивную характеристику;
- 3) ее конфигуративные признаки.

¹⁹ В своих предыдущих работах мы не давали содержательную интерпретацию экспрессивной характеристике, отмечая только ее зависимость от частоты употребления языкового знака. Принимаемое здесь истолкование экспрессивного компонента наиболее близко к пониманию этого компонента значения Матезиусом (см.: В. Матезиус. Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 457—460).

Кроме того, необходимо рассмотреть те особенности денотативной соотнесенности слова, которые не предсказываются полностью его значением.

Мы полагаем, что перечисленные четыре фактора исчерпывают те сведения, которые должен знать говорящий о слове, чтобы иметь возможность правильно употреблять его в речи.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

1.5. В предыдущем разделе мы установили объект своего исследования. Рассмотрим теперь путь, по которому следует идти для достижения поставленной цели.

Выбор пути исследования во многом определяется гипотезой о построении объекта исследования. В настоящее время широкое распространение получила гипотеза о различительном характере значения. Ее справедливость уже показана для ряда грамматических элементов²⁰, а также для некоторых групп слов (слова, содержащие информацию об отношениях родства, о цвете, местоименные группы и т. д.)²¹. Недавно появилась работа, показывающая, что таким же образом строится значение глаголов типа *to take*, *to give*²².

Исходя из гипотезы о том, что значение в основном складывается из различительных признаков, мы выбрали для исследования не отдельное слово, а группу слов, значения которых — по предварительным наблюдениям — складываются из общих или противопоставленных компонентов. Как мы попытаемся показать в дальнейшем, результаты анализа подтвердили правильность сделанного предположения: хотя значения анализируемых слов не сводятся к различительным признакам, эти признаки играют в их знаковой информации ведущую роль, и выявление дополнительных, избыточных признаков было бы невозможно без установления различительных признаков.

²⁰ Например: *R. Jakobson. Zur Struktur des russischen Verbums // Charistema Mathematico... Prague, 1932.*

²¹ *F. G. Lounsbury. A Semantic Analysis of the Pawnee Kinship Usage // Language. 1956. Vol.32. №1; W. Goodenough. Componential Analysis and the Study of Meaning. Там же; ср. и другие работы лингвистов этой группы (см., например: American Anthropologist. 1965. Vol.67. №5).* См. также: *О. Н. Селиверстова. Семантический анализ слов типа все и типа кто-нибудь II Вопр. языкознания. 1964. №4.*

²² См.: *E. Bendix. Componential Analysis of General Vocabulary // International Journal of American Linguistics. 1966. Vol.32. №2.* Результаты этой работы не всегда представлены в виде набора различительных признаков в том смысле, как это понятие сформировалось в фонологии: в их основании не лежит одно и то же дифференцирующее свойство. Представляется, однако, что они могли бы быть переведены на язык различительных признаков.

Заметим, что недостатки существующих описаний анализируемых слов во многом связаны с невыделенностью различительных признаков и вообще с нерасчлененностью значения на компоненты. Например, словарная статья, посвященная глаголу *принять* в ССРЛЯ, содержит подробный и во многом справедливый анализ этого глагола, который позволил использовать многие результаты и материалы, приведенные в указанной словарной статье.

Однако в этой статье остается нераскрытой пятиэлементная структура значения глагола *принять*, которая и определяет его отличие от глаголов *получить*, *дать*, *взять*. Невыделенность компонентов приводит к тому, что часто исследователь обращает внимание то на один компонент значения, то на другой, несмотря на то что в действительности присутствует несколько компонентов.

Описание значения без подразделения на компоненты приводит также к истолкованию синонимичных слов друг через друга: глагол *принять* описывается часто через глаголы *взять* или *получить*, которые, в свою очередь, определяются через глагол *принять* или друг через друга.

МЕТОДЫ ПРОВЕРКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.6. Одним из основных вопросов исследовательской работы является вопрос о достоверности полученных результатов. Введение принципа эксперимента, сформулированного Л. В. Щербой, указало путь проверки истинности семантического описания²³. Построив на основании собранного материала гипотезу о значении языковой единицы, исследователь начинает проверять ее истинность через установление зависимости между этой гипотезой и возможностью употребления описываемой языковой единицей в речи. Принцип эксперимента лег в основу использованной нами методики исследования. Эта методика предполагает работу с информантами. По-видимому, в большинстве случаев желательно и достаточно опросить 12—15 человек: при таком количестве опрошенных появляется возможность оценить, какие расхождения в ответах информантов являются случайными или же вызванными разным осмыслением денотативной ситуации, а какие свидетельствуют о несовпадении языковых кодов информантов.

Переходим к подробному рассмотрению методики исследования.

²³ Л. В. Щерба. Указ. соч. Следует отметить, что в последнее время проблеме достоверности описания уделяется все больше внимания в лингвистических работах. См., например: U. Weinreich. Lexicographic definition in descriptive semantics // International Journal of American Linguistics. 1962. Vol. 28. № 2; E. Bendix. Указ. соч.

1.7. Одним из основных пороков старых и новых описаний плана содержания языка является расплывчатость семантических определений. Поэтому исследователь должен прежде всего установить, достаточно ли однозначно сформулирована информация, которая приписывается изучаемой единице. Для этого можно применить следующий простой способ: информантам предлагают ряд предложений и просят указать, в каком из них содержится проверяемая информация. Если ответы информантов совпадают и если число высказываний, взятых для опроса, достаточно велико, то предложенная формулировка дана удовлетворительно. Количество разнообразных высказываний играет важную роль: небольшое число выбранных для опроса предложений иногда не раскрывает двусмысленности формулировки вследствие того, что содержание этих предложений может соответствовать нескольким возможным пониманиям заданного вопроса. Наоборот, чем больше число разнообразных высказываний, тем меньше вероятность такого совпадения.

В некоторых случаях несовпадения в ответах информантов могут быть связаны с двусмысленностью самих выбранных для опроса предложений. Поэтому нужно проверить, чем вызван тот или иной ответ информанта²⁴.

Второй этап проверки осуществляется одновременно с первым. Проводя рассмотренный выше опрос информантов, исследователь устанавливает, выделяются ли именно те предложения, которые и должны быть выделены в соответствии со сделанным предположением.

После того, как было установлено, что информанты отмечают именно те предложения, в которые входит исследуемая единица, приступаем к третьему этапу проверки. На этом этапе проверяется, действительно ли рассматриваемая информация есть вклад анализируемой единицы, а не контекста, а также то, определяет ли выделенная информация возможность использования данной единицы или же она является лишь следствием некоторой другой информации, передаваемой через означающее этой единицы. Чтобы ответить на эти вопросы, нужно показать, что употребление анализируемой единицы, по крайней мере иногда, однозначно зависит от возможности реализации проверяемого признака.

²⁴ Можно указать еще на один способ проверки однозначности понимания словарного определения. Полученное определение предлагают информантам, не знающим тот язык, к которому принадлежит описываемая единица, и просят их выделить те денотаты из ряда перечисленных исследователем, которые, по мнению информантов, должна обозначать описываемая единица. Опрос может также строиться на выделении лингвистических контекстов употребления анализируемого языкового знака. Если информанты будут выбирать его в тех условиях, в которых он используется носителями языка, то, следовательно, предложенная формулировка достаточно точна. Этот вид опроса в данной работе не применялся.

Поскольку для признания употребления правильным необходимо, чтобы свойства денотата соответствовали информации, передаваемой о нем языковой единицей, в тех случаях, когда большинство фактов денотативной отнесенности оценивается всеми информантами одинаково, проверку можно строить на экспериментировании с денотатами. При этом объект (предмет, действие, свойство и т. д.), который, по утверждению информантов, может быть денотатом анализируемого знака, изменяется только по одному параметру таким образом, чтобы потерять свойство, соответствующее проверяемой информации. Если после такого изменения употребление языковой единицы будет признано неправильным, то, следовательно, данная информация действительно входит в значение этой единицы или, во всяком случае, является частным проявлением некоторого более общего признака. Например, при изучении глаголов *мерцать*, *мигать* исследователь может сделать предположение о том, что эти глаголы вносят информацию об излучении света с (грубо) периодически меняющейся яркостью. Это предположение подтверждается при проверке через денотативную отнесенность данных глаголов. Так, если информанты видят пульсирующий с определенной частотой световой импульс, то они говорят, что свет мигает или мерцает (выбор того или иного глагола зависит от частоты пульсации)²⁵. Напротив, при постоянном световом импульсе употребление глаголов оценивается как неправильное.

Результаты проверки третьей ступени могут доказывать правильность выделенного значения только в том случае, когда они согласуются с результатами второй ступени проверки. Третья ступень проверки недостаточна вследствие того, что разные денотативные признаки могут иногда восприниматься как тождественные, например, при большом увеличении частоты появления светового импульса употребление глагола *мерцать* признается всеми информантами неправильным. В этих условиях выбираются лексемы *светиться*, *сиять*, *светить* и т. д. Отсюда можно было бы сделать вывод о том, что глагол *мерцать* передает информацию об излучении света с относительно маленькой частотой появления или вообще пульсации светового импульса, а глаголы *светиться*, *сиять* — об излучении с большой частотой пульсации. Однако это предположение не подтвердится на втором этапе проверки. Описанная выше реакция информанта объясняется тем, что, начиная с определенной частоты, человеческий глаз перестает различать отдельные световые импульсы: они сливаются в один непрерывный световой поток с постоянной яркостью.

²⁵ См. об этом подробнее: О. Н. Селиверстова. Опыт семантического анализа группы русских и английских глаголов с общим компонентом «излучать свет» // Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. М., 1970.

Очень часто трудно найти такие условия, при которых можно было бы изменить только параметр, связанный с проверяемой информацией, оставив без изменения все остальные. Например, проверяя предположение о том, что некоторый глагол вносит информацию об излучении света с постоянной яркостью, исследователь, изменив соответствующий параметр денотата, одновременно задает излучение с какой-то определенной частотой пульсаций, которая и может оказаться действительной причиной неупотребления анализируемого глагола для обозначения преобразованного денотата. Поэтому нужно отдельно проверить, не влияет ли частота изменения яркости (интенсивности) светового импульса на выбор исследуемого слова. Таким образом, установление зависимости употребления анализируемой единицы от проверяемого параметра иногда складывается из нескольких этапов.

Если исследователь вообще не имеет возможности строго контролировать сохраняющиеся и изменяющиеся свойства объекта, он должен отобрать большое количество самых разнообразных денотатов анализируемой единицы и посмотреть, приводит ли их изменение по параметру, соответствующему проверяемой информации, к невозможности употребления изучаемой единицы. Если такое употребление действительно оценивается информантами как неправильное, можно с большой вероятностью утверждать, что выбор исследуемой единицы зависит от проверяемого признака: даже если в каждом отдельном случае изменяется, кроме исследуемого, еще один или два невыявленных параметра денотата, маловероятно, чтобы в любых разнообразных условиях эти невыявленные параметры совпадали, т. е. чтобы их наличие или отсутствие влияло на возможность употребления описываемой языковой единицы.

Третья ступень проверки может строиться не только на экспериментировании с денотатом, но и на варьировании лингвистического контекста. При этом исследователь выбирает такой лингвистический контекст, в котором, по утверждению информантов, может стоять анализируемая языковая единица, и затем изменяет его таким образом, чтобы он противоречил предполагаемому содержанию исследуемой единицы. Если полученное высказывание информанты находят неправильным, алогичным и если данное изменение контекста однозначно связано с проверяемой информацией, наличие которой было подтверждено на второй ступени проверки, то, следовательно, эта информация действительно входит в значение анализируемой языковой единицы. Применение рассматриваемой формы проверки вызывает ряд сложностей. Во-первых, очень часто трудно контролировать, действительно ли контекст изменяется только по одному признаку. Во-вторых, нелегко найти такой признак контекста, который был бы однозначно связан с проверяемой информацией, т. е. трудно показать, что алогичность полученного высказывания обусловлена именно проверяемой информацией, а не каким-то компонентом значения исследуемой еди-

ницы, который, возможно, остался невыявленным. В-третьих, неупотребляемость языковой единицы в новом контексте может быть следствием конфигуративного, а не проверяемого смыслового признака. В-четвертых, проведение рассматриваемой формы проверки предполагает знание значений языковых единиц, составляющих лингвистический контекст исследуемой. Первые три трудности могут быть преодолены в результате привлечения большого количества контекстов употребления/неупотребления исследуемой единицы: если, изменяя самые разнообразные контексты таким образом, чтобы они противоречили проверяемой информации, исследователь каждый раз получает неправильные, алогичные высказывания, то можно с большой вероятностью утверждать, что проверяемая информация входит в значение анализируемой единицы²⁶. Что неправильность полученных высказываний зависит от смыслового, а не конфигуративного признака, подтверждается также с помощью проверки второй степени. Четвертая трудность может быть преодолена, если отбирать контексты, построенные из уже описанных языковых единиц (например, таких, значение которых легко проверяется через их денотативную отнесенность). Кроме того, в большинстве случаев исследователю не обязательно знать точное значение слов и синтаксических единиц, составляющих окружение анализируемой. Поэтому, устанавливая смысл контекста или отдельной его единицы, он может ограничиваться первой и второй степенью проверки. Вероятно, существуют и другие пути, по которым можно идти при работе с контекстами, построенными из единиц, не получивших еще точного описания.

Если основная задача третьей степени проверки — доказать необходимость выделенных компонентов, то четвертая степень проверки в основном служит для установления их достаточности. На четвертой степени проверки подыскиваются различные условия как денотативные, так и контекстные, в которых должна употребляться анализируемая единица, если она действительно имеет только выделенные компоненты значения. Полученный отрицательный результат будет свидетельствовать либо о том, что предложенное семантическое описание неполно (например, вследствие того, что остались невыявленными те или иные конфигуративные признаки), либо о том, что оно неверно, т. е. что третья степень проверки была проведена недостаточно корректно. Напротив, если проверка дает положительный результат, причем рассмотрено значитель-

²⁶ Большинство тестов, разрабатываемых Э. Бендиксом (*E. Bendix*. Указ. соч.), принадлежит к проверке через синтагматическую сочетаемость. Однако Бендикс не рассматривает вопрос об установлении однозначной зависимости между отмеченной информантами противоречивостью построенного высказывания и выделенным компонентом значения, что ставит под сомнение достоверность полученных им результатов.

ное количество разнообразных условий употребления, то можно с большой вероятностью утверждать, что полученное описание полно. Четвертая ступень проверки может быть также построена на анализе собранного отрицательного материала: исследователь проверяет, объясняют ли выделенные компоненты значения неправильность всех тех предложений, которые составили отрицательный материал исследования. На четвертой ступени проверки устанавливается также, не получают ли одинаковое описание те языковые единицы, которые не воспринимаются как тождественные. Так, если глаголы *принять* и *получить*, употребленные, например, в предложениях *Я получил подарок* и *Я принял подарок*, описываются с помощью одного и того же набора компонентов, то, следовательно, их семантическое истолкование неверно или неполно: информация приведенных предложений не тождественна.

Поскольку трудно полно перечислить все те условия, в которых должна употребляться анализируемая единица, если она имеет выделенные компоненты значения, желательно использовать все виды четвертой ступени проверки.

Рассмотренная процедура проверки нуждается во многих дополнениях и уточнениях. Тем не менее, совершенно очевидно, что ее применение, даже в той форме, в которой она представлена в данной работе, позволит построить гораздо более близкие к действительности модели значений языковых единиц, что и составляет, как нам представляется, главную задачу лингвистической семантики.

Первоначальным материалом исследования послужили примеры употребления анализируемых слов, выбранные из художественной литературы XIX—XX вв. Просмотрены также некоторые литературно-критические и научные работы. Кроме того, при проверке сделанных выводов строилось большое количество новых предложений, которые предъявлялись для оценки информантам. Обычно опрашивалось 12 человек, четыре из них студенты, остальные — научные сотрудники. Возраст опрашиваемых — от 20 до 50 лет.

ПОЛИСЕМАНТИЧНОСТЬ И МНОВВАРИАНТНОСТЬ

1.8. Слово полисеманлично или многовариантно, если информация, вносимая лексемой этого слова в разных контекстах, неодинакова.

Мы полагаем, что интерпретация **информаций** I_1 и I_2 как особых значений или как вариантов значения зависит главным образом от количества несовпадающих компонентов, а также от количества несовпадающих лексических противопоставлений, т. е. от того, противопоставлено ли слово A_1 при информации I_1 тем же словам, которым оно противопоставлено при информации I_2 .

Ср., например, информацию, которую глагол *стоять* несет в следующих предложениях: *Камень стоит на дороге; Тарелка стоит на столе; Мои часы стоят; Я забыла их завести*. Информации, передаваемые в первых двух предложениях, можно считать вариантами одного значения: 1) они различаются только по одному компоненту (предложение *Камень стоит на дороге* сообщает, что денотат подлежащего занимает такое положение в пространстве, при котором его вертикальный размер больше любого из горизонтальных; напротив, фраза *Тарелка стоит на столе* предполагает такое положение денотата подлежащего, при котором он соприкасается с опорой, специально предназначенной для этого поверхностью); 2) глагол *стоять* и в первом и во втором предложении имеет те же лексические оппозиции. В частности, он сохраняет противопоставление глаголу *лежать*. Напротив, информацию, реализующуюся в высказываниях *Часы стоят; Завод стоит*, вероятно, следует считать особым значением: она отличается по многим компонентам от содержания первого и второго варианта. Кроме того, глагол *стоять* в этих предложениях входит в новую систему оппозиций.

В настоящей работе мы не можем сформулировать в окончательном виде критерий, который позволял бы разграничивать отдельное значение и вариант значения: для этого потребовалось бы обобщить большое количество результатов исследований, проведенных методом компонентного анализа. Вероятно, рассматриваемый критерий может быть выражен в количественной форме, т. е. он может указывать на такое соотношение изменения в компонентном составе и в лексических противопоставлениях, начиная с которого следует говорить об особом значении слова. Если сумма изменений меньше некоторой принятой величины, то проверяемая информация может считаться вариантом значения. Возможно, при выведении критерия, разграничивающего значение и вариант, следует учитывать не только количество изменений в компонентном составе, но и «семантическое расстояние» между сменившимися друг друга компонентами. Так, переносные значения воспринимаются обычно как особые значения, а не варианты, что связано, возможно, с переходом в совсем иную семантическую область. При этом, правда, происходят и существенные изменения в компонентном составе и в лексических оппозициях. Например, глагол *сиять* при указании на душевное состояние теряет противопоставление глаголам *мигать, мерцать, блистать* и т. д. Кроме того, изменение иерархически предшествующего признака обычно влияет на последующие признаки. Так, несмотря на то, что глагол *сиять* сохраняет связь с представлением об интенсивности, это представление относится уже не к излучению света, а к силе внешнего проявления душевного состояния. Вследствие этого в настоящей работе «семантическое расстояние» между сменяющимися компонентами не учитывается в качестве отдельного фактора.

Из предложенного здесь рассмотрения проблемы «значение—вариант значения» следует, что между очевидными вариантами значения и особыми значениями может располагаться множество промежуточных случаев, которые характеризуются как «скорее значение, чем вариант» или наоборот.

В работе, наряду с термином «вариант значения», мы будем использовать термин «вариант компонента» или «вариант признака». Первый из них будет относиться к общей информации, вносимой анализируемым словом, а второй — лишь к составной части этой общей информации.

В заключение следует отметить, что и значение, и вариант значения принадлежат языку. К речевым вариантам можно относить контекстные информации, не удовлетворяющие правилам третьей ступени проверки, а также неустоявшиеся переносные употребления.

Глава II

ГЛАГОЛ *ИМЕТЬ* И КОНСТРУКЦИЯ ТИПА

У МЕНЯ (ЕСТЬ)

Во второй главе излагаются результаты семантического анализа глагола *иметь* и конструкции *У меня (есть)*.

2.1. В соответствии с задачами семантического исследования, сформулированными в первой главе работы, мы пытались дать такое описание выбранных для анализа единиц, которое предопределяло бы их употребление в речи. Мы указали на четыре фактора, определяющих возможность использования значимых единиц языка в речи: 1) смысловая информация, которая составляет большую часть сведений, сообщаемых о денотате; 2) стилистическая и экспрессивная характеристики; 3) различные «произвольные» ограничения на сочетаемость, не являющиеся следствием ни первого, ни второго фактора; 4) особенности осмысления денотативных классов, характерные для всего языкового коллектива или для больших групп говорящих.

Таким образом, мы пытались установить содержательную часть значения глагола *иметь* и конструкции типа *У меня (есть)* и выделить различные правила сочетаемости, определяемые действием третьего и четвертого факторов.

Укажем на те причины, которые затрудняли выполнение поставленной задачи. Как мы увидим ниже, выявление значения исследуемых единиц в значительной степени зависит от понимания той общей семантической характеристики, которой обладают слова, выступающие в функции дополнения при глаголе *иметь* и в функции подлежащего в конструкции с глаголом *быть*, а именно: важно знать, описывают ли эти слова свой денотат как качество, чувство,

ощущение, действие и т. д. Далеко не всегда такая общая семантическая характеристика бывает очевидной. Кроме того, многие слова могут менять свой общий «категориальный признак». Так, слово *работа* может нести информацию о 1) действии; 2) объекте действия; 3) результате действия, продукте труда; 4) месте в учреждении, на заводе и т. д. Поэтому, возможно, предложенное распределение существительных по условиям реализации вариантов значения рассматриваемых единиц потребует некоторого уточнения и перераспределения при более тщательном исследовании значения этих существительных.

Во-вторых, рассматриваемые единицы, как, вероятно, и большинство других единиц с общим значением, имеют огромное число ограничений, связанных с действием второго и третьего факторов или — иными словами — имеют очень много стилистических и конфигуративных признаков. Поэтому было трудно выделить все эти признаки.

В-третьих, анализируемые глаголы в некоторых вариантах значения вступают в дополнительные оппозиции и получают новые смысловые компоненты, для выделения которых требуется исследование противопоставленных им глаголов. Эти дополнительные оппозиции не всегда рассматривались.

ОПИСАНИЕ ГЛАГОЛА *ИМЕТЬ* В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2.2. Остановимся кратко на традициях описания глагола *иметь* и соответствующих ему слов других языков. В большинстве существующих словарей данные глаголы представлены как в высшей степени полисемантические слова. Например, в большом Словаре Вебстера у глагола *to have* выделяется 19 значений¹. Мы уже говорили выше, что в лингвистической теории не выработаны пока четкие критерии разграничения особых значений от контекстных вариантов. Этот недостаток проявляется и в анализе рассматриваемых глаголов: большинство выделяемых значений описывает фактически смысл контекста, а не тот вклад, который вносит в него глагол. Мы увидим впоследствии, что контекстные варианты играют особую роль в описании значения глагола *иметь*. Поэтому их перечисление не было бы недостатком, если бы при этом не стирались границы семантической емкости описываемого глагола. Словарные статьи, предлагая множество не связанных между собою значений, не позволяют понять, при каких условиях данные глаголы не могут употребляться. Это понимание особенно осложнено в результате того, что большинство значений глаголов *иметь*, *to have*, *avoir* и т. д. определяется через синонимичные

¹ Webster's New International Dictionary. 2nd ed. Unabridged; Springfield, Mass., 1946.

им слова, которые, в свою очередь, описываются через рассматриваемые глаголы. Несмотря на указанные традиционные недостатки, словарные статьи раскрывают многие отношения, которые важны для установления семантической емкости глаголов типа русского глагола *иметь* (например, отношение части к целому, отношение действия к его производителю и т. д.). Кроме того, собранный и обобщенный в словарях материал значительно облегчает дальнейшие поиски.

Наряду с рассмотренным путем описания глаголов *иметь*, *to have*, *avoir* в настоящее время наметилось стремление найти то общее, что стоит за всеми контекстными вариантами этих глаголов, установить их собственный вклад в контекст. Это стремление наиболее четко выразилось в работе американского лингвиста Э. Бендикса. В результате исследования Э. Бендикс пришел к выводу, что глагол *to have* имеет всего два подзначения — общее и специальное. По его мнению, общее значение модели «A has B» сводится к указанию на существование отношения между A и B². Такое толкование неточно. Действительно, предложения типа *There is a relationship between Mary and a son* не тождественны предложениям с глаголом *to have*. Ср.: *Mary has a son*. Не совсем удачным является и определение специального значения. Суммируя все сказанное об этом более частном подзначении, которое, по мнению Э. Бендикса, выражает внутренне присущее отношение между денотатом подлежащего и денотатом дополнения, можно выделить следующие его характеристики: 1) отношение, которое предполагает это значение, не дано в непосредственном объективном наблюдении, и в этом смысле оно субъективно; 2) это отношение всегда воспринимается как особое, исключающее другие отношения; 3) это отношение является ранее идентифицированным в пределах данного контекста или в более широком контексте культуры (с. 52—53). Перечисленные характеристики второго подзначения не раскрывают отличия глагола *to have* от других глаголов. Действительно, можно, например, с равным правом утверждать, что и в предложении *John has money*, и в предложении *John hates money* отношения между денотатом подлежащего и денотатом дополнения характеризуются как особые, исключающие другие и, в известном смысле, как такие, которые не даны в объективном наблюдении. Не совсем ясно, что имеет в виду Э. Бендикс под третьей характеристикой отношения, о котором, по его мнению, говорит данное подзначение глагола *to have*, но можно предположить следующее: интуитивно каждый исследователь чувствует, что информация об отношении собственности, которую получает адресат речи через предложение *John has money*, не заключена в самом глаголе *to have*. Она вытекает из знания внеязыковой действительности и, в частности, из знания того, что денотат

слова *money* не может быть частью денотата подлежащего (ср. *John has blue eyes*), его ощущением (ср. *John has a pain in his leg*) и т. д. В этом смысле можно сказать, что спецификация отношения при глаголе *to have* определяется предыдущим контекстом или вообще предыдущим опытом слушателя (т. е. контекстом культуры в широком смысле слова). Однако ограничиться таким утверждением было бы совершенно недостаточно. На основании только своего предыдущего опыта адресат речи не **МОГ** бы заключить, что в приведенных выше предложениях речь идет именно об отношении собственности или об отношении части к целому, или об отношении ощущения к его носителю, поскольку между лицом и денотатами слов *money*, *eyes*, *pain* могут существовать самые разнообразные отношения. Следовательно, в значении самого глагола *to have* содержится какая-то такая информация, которая заставляет понимать приведенные предложения именно таким, а не каким-либо другим образом. Эта информация остается **невывявленной**. Кроме того, как хорошо известно, в истолковании почти любого предложения участвует не только знание языка, но и знание внеязыковой действительности. Эта черта не является отличительной особенностью высказываний с глаголом *to have*.

Выделенные характеристики не более удачны и в качестве признаков, отличающих одно подзначение от другого. Так, если еще можно согласиться, что в предложении *John has a book in his hand*, в отличие от предложения *John has money*, предполагается некоторая видимая, объективно наблюдаемая связь между денотатами подлежащего и дополнения, то остается совершенно неясным, почему — если исключить трансформационные особенности (см. об этом ниже) — предложения *They will have a baby sitter*, *John will have the hardest task* (с. 40—41) следует отнести к первому, а не ко второму типу. В каком смысле отношение, описанное, например, в предложении *John has blue eyes*, является объективно ненаблюдаемым? Возникновение подобных вопросов свидетельствует еще об одном недостатке **работы** — **неопределенности** предложенных формулировок.

2.3. Следует сказать, что сам Бендикс не считает определениями разобранные словесные формулировки. По его мнению, роль формального определения играют те предложения, которые являются перефразировками высказываний с глаголом *to have*. Так, общее значение фразы 'A has B' «определяется через все предложения, удовлетворяющие конструкции 'B is XAY'» (с. 45), где X: а) *with*; б) *for*, в) *to* + глагол; г) предлог места; Y может быть равен нулю. Например: *The list has the name you want* ← *The name you want is on the list*.

Специальное значение определяется в основном предложениями, удовлетворяющими конструкции 'C is A's B', где C может быть равно B. Например: *A has (an) assistant* ← *C is A's assistant*. Выбранная форма определения по существу близка к определению слова через его синоним, столь широко распространенно-

му в существующих словарях. Отличие в основном заключается лишь в том, что берутся синонимические конструкции, а не слова. Отсюда следует, что определения такого рода могут быть точными лишь тогда, когда конструкция-определитель и описываемая конструкция абсолютные синонимы. Случаи абсолютной синонимии встречаются в языке, как известно, чрезвычайно редко. Кроме того, значение конструкции-определителя должно быть либо совершенно очевидным, либо определенным заранее, так как в противном случае имеет место истолкование одного неизвестного через другое. Даже если признать, что значение таких предложений, как *Эта книга моя*, более очевидно, чем значение предложений типа *Я имею эту книгу*, то и тогда нельзя воспользоваться первыми для определения последних, так как их информации не одинаковы (см. об этом ниже). Представляется, что все или во всяком случае большинство перефразировок, рассматриваемых Бендиксом в качестве конструкций-определителей, также нетождественны конструкциям 'Ahas B' (на некоторые отличия указывает сам Бендикс, с. 45—46).

Естественно, что разные значения полисемантического слова могут приводить к разным трансформационным возможностям высказываний, в которых они реализуются. Однако выбор трансформационных различий как самостоятельного средства разграничить значения полисемантического слова не представляется нам вполне удачным: трансформационные особенности могут определяться не исследуемым словом, а тем или иным элементом его окружения, а также той конструкцией, которая должна быть получена в результате трансформации (например, если эта конструкция имеет более узкое значение, то она будет соответствовать лишь контекстному варианту исходной конструкции). Вследствие этого трансформационные различия могут быть непоказательны для значения анализируемого слова. Не всегда показательны они и в работе Э. Бендикса. Например, вряд ли можно согласиться с тем, что возможность перефразировать предложение *John will have the hardest task* в высказывание *The hardest task will be for John* доказывает, что значение глагола *to have* в этом предложении отлично от его значения в предложении *John has work*, не имеющем подобной перефразировки. Следует также заметить, что Э. Бендикс разграничивает значения глагола *to have* фактически на основании предложенных словесных определений, а не трансформаций. В противном случае нельзя объяснить, почему к случаям реализации специального значения относятся высказывания, имеющие различные трансформации (например, *John has strength* → *John is strong*; *John has work* → *John works* и т. д., с. 47).

Таким образом, в работе Э. Бендикса нет таких конечных результатов, которые можно было бы непосредственно использовать в качестве готовых определений того или иного компонента или значения глагола *иметь*. Однако она содержит много интересных наблюдений, которые приближают исследо-

вателя к раскрытию означаемого этого глагола. В частности, совершенно справедливо обращается внимание на известную близость глагола *to have* и притяжательных местоимений. Полезным является и установление трансформационных возможностей, но служит оно, как представляется, не совсем той цели, которую ставит Э. Бендикс. Трансформационные возможности могут быть доказательством правильности или неправильности предложенного определения, данного в форме словесной перефразировки, но не самим этим определением. Кроме того, подобные исследования помогают установить условия взаимозамены синонимических высказываний. И, наконец, интересной и оправданной представляется сама попытка найти некоторый семантический инвариант глагола *to have*. Такая задача ставилась и в предлагаемой работе.

ПРИЗНАКИ ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ

2.4. Переходим к определению глагола *иметь* и конструкции типа *Уменя {есть}*. Для удобства изложения возьмем глагол *иметь* в сочетании с подлежащим и дополнением и запишем обе рассматриваемые конструкции³ в виде следующих выражений: «*X имеет Y*» и «*У X {есть} Y*». Мы полагаем, что эти конструкции можно отнести к классу экзистенциальных. Термин «экзистенциальный» не имеет четкого определения и употребляется в нескольких смыслах. Очень часто он истолковывается через логический квантор существования, который, однако, в логике не определен однозначно и сам иногда интерпретируется через языковые единицы, для определения которых используется в лингвистике (например, через конструкцию *there is*, глагол *to exist* и т. д.)⁴. Несмотря на отсутствие четкого определения понятия экзистенциальности, можно выделить два основных его понимания. В большинстве работ это понятие отождествляется в явной или неявной форме с представлением о принадлежности к элементам действительности, а не фикации, мифа, фантазии⁵. Мы обозначим это первое понимание признака экзистенциальности знаком E_{x_1} . Наряду с этим в лингвистике наметилось и другое понимание признака существования: Ч. Кан высказал предположение о том, что экзистенциальные конструкции типа английской синтаксической модели *there {to be}* указывают на нахождение объекта в пространстве и отличаются от локативных конструкций эмфа-

³ Слово «конструкция» мы употребляем здесь синонимично выражению «модель предложения».

⁴ См., например: *H. Reichenbach. Elements of symbolic Logic. N. Y., 1947.*

⁵ См. об этом: *Ch. Kahn. The Greek verb «to be» and the concept of being // International journal of language and philosophy. 1966. Vol. 3. №2.*

тическим положением глагола в предложении⁶. Мы полагаем, что информация о нахождении объекта в пространстве или, точнее, о том, что положение объекта, представленного графически в виде точки⁷, может быть задано в системе координат данного пространства, действительно входит в значение большинства конструкций, обычно называемых экзистенциальными. Слово *пространство* мы употребляем здесь в широком смысле и относим его не только к физическому пространству, но и к пространству класса, пространству ситуации, пространству функциональной системы типа «завод», «институт» и т. д. Мы обозначим это второе понимание признака экзистенциальности знаком E_{x_2} . Многие синтаксические модели русского языка с глаголом *быть*⁸, а также со словом *нет* включают признак E_{x_2} . Например, предложение *Нет правды на земле, но нет ее и выше* (Пушкин, Моцарт и Сальери) сообщает об отсутствии правды в пределах земного мира, а также в пространстве потустороннего мира. Предложение *Среди них есть много интересных людей* передает информацию о нахождении в пространстве множества «они». Ср. также: *В этой комнате есть умывальник; В ней есть много хорошего.*

Напротив, глагол *существовать* чаще всего служит для передачи информации E_{x_1} . Например: *Троя существовала; Такой человек действительно существовал.* Предложения с глаголом *существовать* могут иметь пространственные ассоциации, указывая на принадлежность объекта миру реального — нереального (E_{x_1} in R, E_{x_1} in R). Например: *Все это существует только в твоей фантазии.* Кроме того, глагол *существовать* может использоваться, если речь идет о принадлежности объекта некоторым большим пространствам (например, язык, микрокосмос, макрокосмос и т. д.), но этот глагол не употребляется при описании ограниченного физического пространства, пространства типа «институт», «завод» и т. д. Таким образом, если в контексте речь идет о пространствах последнего типа, то употребление глагола *существовать* будет вносить дополнительную информацию о том, что описываемый объект есть элемент действительности, а не фикции, фантазий. Такая информация не содержится в предложениях с глаголом *быть* (принадлежность объекта реальному миру воспринимается здесь как само собой разумеющийся, заранее известный

⁶ Ch. Kahn. Указ. соч. Следует отметить, что во многих работах, и в частности, в учебниках конструкция *there is* обычно истолковывается не только через слово «существование», но и через такие слова, как «нахождение», «наличие», «присутствие». Однако само понятие «существование» не получало пространственной интерпретации.

⁷ При истолковании понятия «существование» объект удобно рассматривать в виде графической точки, что позволяет отделить рассматриваемые случаи от информации о положении объекта, передаваемой через глаголы типа *лежат, сидеть, стоять.*

⁸ В данной работе мы рассматриваем лексику *есть* как форму глагола *быть*. Вопрос об оправданности ее интерпретации как отдельного слова здесь не рассматривается.

факт). Действительно, предложения *У меня есть книга; В комнате есть умывальник* не тождественны высказываниям: *Существует книга, причем она находится у меня {принадлежит мне}; Существует умывальник, который находится в этой комнате*. Вследствие этого широко распространенное толкование синтаксических моделей с глаголом *быть* через глагол *существовать* неверно. Глагол *существовать* может здесь употребляться лишь как элемент лингвистического метаязыка, в котором ему можно придать значение E_{X_2} .

2.5.1. Значение моделей «*У X {есть} Y*», «*X имеет Y*» соответствует второму пониманию признака экзистенциональности (E_{X_2}): они сообщают о наличии Y в пространстве « U X -а». Это пространство разделяется на множество частных пространств. Например, предложение *У меня есть часы* сообщает о наличии объекта, относящегося к классу «часы», в множестве «элементы собственности автора речи»; предложение *Она любила Анну, но ей приятно было видеть, что и у нее есть слабости* (Толстой, Анна Каренина) вносит информацию о наличии Y в множестве «свойства данного лица». В настоящей работе мы не рассматривали значение таких синтаксических моделей, как « 5 X (*есть*) Y », «*На X {есть} Y*», «*Около X {есть} Y*» и т. д., что затрудняет нахождение обобщенной характеристики конструкций «*У X {есть} Y*» и «*X имеет Y*». В общем виде, вероятно, можно сказать, что в большинстве случаев эти конструкции несут информацию о наличии Y в пространстве, отличном от самого X , причем предполагается, что связь X с элементами этого пространства не является чисто внешней, т. е. не сводится к связи по местонахождению. Можно также отметить, что конструкции «*У X {есть} Y*», «*X имеет Y*», в отличие от модели «*Среди M есть Y*», не сообщают о том, что Y обязательно входит в непустое множество, т. е. в множество, имеющее и другие элементы, кроме Y . Предложения типа *Среди них есть много хороших людей* предполагают, что точки пространства уже заданы и из этих точек отбираются такие, которые соответствуют Y . Напротив, анализируемые модели обычно показывают, что точка, характеризующая теми или иными свойствами, стоит в пространстве, связанном каким-либо отношением с X , т. е. здесь необязательно сообщается, что точка, соответствующая Y , обнаруживается среди уже имеющихся (выделенных) точек. В некоторых случаях, однако, анализируемые конструкции могут сообщать о наличии Y среди элементов непустого множества⁹. Например: *У меня есть седые волосы*. Ср. также *На складе есть новые товары*.

Для того чтобы конкретизировать представление о тех видах пространства, о нахождении в которых могут сообщать анализируемые конструкции, а так-

⁹ См. об этом: *О. Н. Селиверстова*. Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом *быть* // *Вопр. языкознания*. 1963. № 5.

же о характере связи между X и элементами этих пространств, перечислим конкретные варианты значения рассматриваемых конструкций:

- 1) a_1 — информация о наличии у X -а свойства, объекта, входящего в X как его часть, чувства, мысли, ощущения, состояния или того или иного его проявления;
- 2) a'_1 — информация о наличии отрезка временного существования, имеющего ту или иную качественную характеристику (например, *счастливое время, свободная минута*); информация о наличии места, которое занимает или может занимать X ;
- 3) a_2 — информация о наличии действия, осуществляемого X или результата, продукта действия;
- 4) a_3 — информация о наличии условия, объекта, которые X может использовать при осуществлении действий (информация о наличии элемента, «программирующего» действия X);
- 5) a_4 — информация о наличии действия, направленного на X или результата этого действия, а также информация о наличии объекта воздействия на X ;
- 6) a_5 — информация о наличии объекта, не являющегося продуктом, объектом действия, по крайней мере одно из свойств которого есть отношение к X ;
- 7) a_6 — информация о наличии элемента временной или постоянной собственности X ;
- 8) a_7 — информация о физическом нахождении объекта на, в X ; a_7 — всегда соединяется с информацией о том, что данное положение Y определяется усилием X или его волеизъявлением.

Кроме этого, некоторые из анализируемых моделей могут вносить информацию о нахождении Y в таком пространстве, в котором живет X , или в таком пространстве, членом и представителем которого является X . При этом связь X и Y определяется их отношением к одному и тому же пространству. Мы будем обозначать этот вариант значения анализируемых моделей знаком sa . При реализации информации sa обычно вводится специальный член предложения, обозначающий пространство нахождения Y : модель « $У X \beta P$ (есть) Y ». Например: *У нас в квартире есть дети дошкольного возраста*. Однако само словосочетание « $УX$ » также может обозначать пространство s . Например: *Уменя Маша; Унас (в институте) есть много интересных людей*. В разговорной речи модель « $У X \beta P$ (есть) Y » может использоваться также для указания на нахождение Y в пространстве, связанном с X только наличием в нем Y , который имеет то или иное отношение к X . Например: *Уменя в этой больнице есть знакомый*. В других случаях модель « $У X \beta P$ (есть) Y » может обозначать пространство, которое является частью X (например: *Уменя в руке кни-*

га), элементом его собственности (например: *У меня в сумке есть чистый платок*) и т. д.

В большинстве случаев характеристика Y совпадает с характеристикой пространства, в которое оно входит. Так, если Y — свойство, то конструкции « UX (есть) Y », « X имеет Y » сообщают о наличии Y в множестве «свойства X ». Однако такое совпадение необязательно. Например, предложение *У меня тоска* передает информацию о наличии Y не в множестве «состояния X », а в пространстве «данный временной отрезок существования X ». Состояния, ощущения, действия вообще обычно не осознаются как составляющие единое множество (см. об этом ниже). Это, по-видимому, связано с тем, что они, как правило, не существуют одновременно.

Поскольку в философии в понятии существования выделяется не только понятие бытия, которое приблизительно соответствует признаку Ex_1 , но и понятие субстанции и поскольку в языке глагол *существовать*, кроме рассмотренных значений, имеет значение «функционировать», «жить», мы будем употреблять слово «существование» (Ex_3) для обозначения всех тех видов пространства, о нахождении в которых могут сообщать конструкции « UX (есть) Y », « X имеет Y », а также для обозначения тех отношений между X и Y , которые при этом устанавливаются. Таким образом, в общем виде можно сказать, что модели « UX (есть) Y » и « X имеет Y » несут информацию о наличии Y в том или ином пространстве, входящем в «существование» X ¹⁰. При анализе моделей « X получает Y », « X принимает Y » мы будем говорить о включении Y в «существование» X . Символом этой информации будет служить знак a . В контекстах, в которых важно подчеркнуть, какое именно отношение между X и Y устанавливается при включении Y в «существование» X , мы будем интерпретировать признак a как информацию о том или ином отношении между X и Y (например, информация об отношении свойства к его носителю, действия к его производителю и т. д.). Следует, однако, иметь в виду, что такие толкования неполны: в них опускается указание на информацию Ex_2 . Символ a будет также иногда использоваться для обозначения тех денотативных отношений, которые описывает признак a .

2.5.2. Информация о том, что положение Y , представленного как графическая точка, может быть определено в системе координат некоторого пространства, не исчерпывает значение таких конструкций как « BX (есть) Y », «*there is* Y » и т. д. «Эмфатическое положение» глагола, о котором писал Ч. Кан, служит средством для передачи информации о наличии Y в описываемом простран-

¹⁰ Вместо термина «существование Ex_3 » можно было использовать и другие термины (например, «сфера посессивности»).

ве или о том, какой Y имеется (находится) в описываемом пространстве. Эта информация отличает рассматриваемые модели от предложений типа « Y у X », « Y в X », которые в большинстве случаев сообщают о том, в каком именно пространстве находится Y . Для того чтобы не нарушать традицию и не распространять признак E_{X_2} на модели « Y у X », « Y в X », мы исключим из его содержания информацию о том, какому именно пространству принадлежит Y . Таким образом, E_{X_2} будет представлять собой соединение двух признаков: пространственного признака и признака, обычно трактуемого в рамках теории актуального членения. Напротив, реализация информации E_{X_1} не зависит от того, что принимается за известное (наличие Y где-либо или, напротив, описываемое пространство).

В данной работе мы будем рассматривать то общее, что объединяет конструкции « Y у X есть Y » и « Y у X Y ». Различия между этими конструкциями были определены автором в работе 1973 г.¹¹, в которой было показано, что конструкция « Y у X есть Y » не может употребляться, если наличие качественно идентифицированного Y заранее известно, т. е. она может сообщить только о наличии Y , а не о том, какой именно Y у X или, точнее, к какому именно классу относится тот Y , который есть у X . Эту последнюю информацию может передавать конструкция « Y у X Y ». Например: *Что у тебя в кармане? — У меня в кармане платок*, а не: *У меня в кармане есть платок*. Следует подчеркнуть, что конструкция « Y у X есть Y » может употребляться не только тогда, когда акцентируется внимание именно на наличии Y у X , т. е. когда Y заранее идентифицирован и цель автора речи сообщить или узнать, есть ли данный Y у X , но и тогда, когда одновременно передается информация и о наличии Y и о его идентификации. Например: *А вы знаете, что у Коли есть сестра*. Это предложение не является ответом на явный или неявный вопрос о том, есть ли у данного лица сестра. В работе был выделен также еще один признак, различающий конструкции « Y у X есть Y » и « Y у X Y ». Конструкция « Y у X есть Y » сообщает, что Y входит в множество однородных с Y элементов. Это множество имеет, или по крайней мере обязательно может иметь, одновременно с Y и другие члены. Например, предложение *У меня есть дочь* сообщает о наличии лица, относящегося к классу «дочь», в множестве «родственники автора речи». Напротив, конструкция « Y у X Y » не вносит информацию о нахождении Y в пространстве однородных с ним элементов. См., например: *У меня тоска; У него горб*. Конструкция « Y у X есть Y » может терять второй из выделенных признаков в контекстах, в которых сообщается о наличии уже идентифицированного Y у X . Например: *У него все-таки есть небольшой горбик*. Зависимость употребле-

¹¹ О. Н. Селиверстова. Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом *быть* // Вопр. языкознания. 1973. № 5.

ния слова *есть* от акцентирования внимания на самом наличии отметила также И. Евреинова¹². Однако она не показала, для каких условий эта зависимость существенна.

По признакам, рассмотренным в данном разделе, значение модели «X имеет Y» в большинстве случаев совпадает со значением конструкции «У X есть Y». Однако некоторые предложения, построенные по этой модели, не предполагают нахождения Y в множестве однородных с ним элементов. Например: *Вчера он имел с ним беседу*. Кроме того, иногда модель «X имеет Y» используется для передачи информации не о наличии Y у X, а о том, какой Y имеется у X. Например: *Лоб он имеет высокий* (см. 2.7). В дальнейшем изложении мы не будем специально выделять информацию об идентификации Y и всюду будем говорить о наличии Y в «существовании» X. Переходим теперь к анализу вариантов анализируемых моделей.

ИНФОРМАЦИЯ О НАЛИЧИИ СВОЙСТВА, ЧУВСТВА, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ (ВАРИАНТ А,)

2.6. Как уже было отмечено выше, модели «У X {есть} Y», «X имеет Y» могут сообщать о наличии Y, относящегося к классу свойств, в множестве свойства X. Например: *На них он невольно означил всю силу свою и оттого произведения его, питанные Кавказом, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имели чудную, магическую силу: им изумлялись даже те, которые не имели столько вкуса и развития душевных способностей, чтобы быть в силах понимать его* (Гоголь, Несколько слов о Пушкине; сила представлена здесь как одно из свойств произведений Пушкина; наличие вкуса и развития отрицается среди качеств некоторых из его читателей); *Письмо это подействовало на Николая. У него был тот здравый смысл посредственности, который показывал ему, что было должно* (Толстой, Война и мир).

Информация о наличии того или иного свойства в множестве «свойства X» необязательно предполагает, что это свойство может служить общей характеристикой X. Например, иметь талант—это не значит быть вообще талантливым. Ср.: *У него есть талант* и *Он талантлив*; *У него есть способности* и *Он способный человек*. Однако, данное смысловое различие между анализируемыми моделями и моделью «X (быть) Y» существенно лишь в тех случаях, когда речь идет о свойствах, которые распадаются на много частных вариантов (напри-

¹² J. Evreinova. Die Semantik einer Nullform: Versuch einer neuen Definition der Kopula in Russischen // Linguistics. 1973. №98.

мер, можно иметь много разных талантов), или о свойствах, которые различаются по своей количественной характеристике. Например, предложение: *У него есть мужество* может предполагать меньшую меру мужества, чем предложение *Он мужественный человек*. В большинстве случаев выбор анализируемых конструкций, а не модели «X (быть) Y» определяется конфигуративными и стилистическими признаками. Во-первых, обе анализируемые конструкции используются, если описываемое свойство может быть выражено только существительным. Например: *У нее есть одно замечательное качество* (лексические значения прилагательного *качественный* и существительного *качество* не тождественны); *А в общественной своей деятельности Уваров имел большие заслуги перед родиной*¹³ (В. Соловьев, Судьба Пушкина); *Эта работа имеет большое значение*. Сюда же относятся и слова, обозначающие разнообразные признаки, которые не существуют вне объекта, но в то же время не являются его свойствами в узком понимании этого слова. Мы имеем в виду существительные типа *вид, выражение, характер, признаки*. Например: *Лицо его, несмотря на мелкие круглые морщинки, имело выражение невинности и юности* (Толстой, Война и мир); *Наташа была молчалива и не только не была так хороша, как она была на бале, но она была бы дурна, если бы не имела такого кроткого и равнодушного ко всему вида* (Там же).

Несовпадение в значении существительного и прилагательного может касаться только одного из значений существительного. Например, существительное *вес* может употребляться в переносном значении для указания на «влиятельность» некоторого лица или его поступков (*Его слова имеют большой вес*). Подобного значения нет у соответствующих прилагательных. Правда, следует отметить, что смысловое содержание их прямого значения также не тождественно. По-видимому, прилагательные *легкий* и *тяжелый* обычно характеризуют вес некоторого предмета, с точки зрения ощущения лица, которое несет или держит его на руках. Поэтому эти прилагательные не употребляются для указания на вес безотносительно к возможности ощущения данного свойства некоторым лицом. Так, предложение *Он слишком легок для того, чтобы заниматься этим видом спорта* воспринимается как неправильное. В этих условиях следует употребить слово *вес*: *У него слишком маленький вес для этого вида спорта*. Однако подобные предложения преимущественно встречаются в спортивной терминологии.

Во-вторых, употребление анализируемых конструкций может быть связано со стремлением использовать такие синтаксические связи существительного,

¹³ Представляется, что слово *заслуга* несет информацию именно о качестве, ове- щественном, реализованном в поступках, а не о самом поступке, как утверждается, например, в Словаре русского языка С. И. Ожегова (М., 1952). В противном случае предложения типа *В этом поступке нет большой заслуги* были бы невозможны.

которые отсутствуют у соответствующего прилагательного. Например, прилагательное *прелестный* не может иметь при себе указания на лицо, в восприятии которого денотат подлежащего обладает данным свойством. Так, нельзя сказать: *Она прелестна для меня*. Напротив, при слове *прелесть* может стоять предложное дополнение данного типа. Например: *Его беседы имели для меня неизъяснимую прелесть; Роскошь все еще имела для него прелесть новизны*¹⁴.

В настоящей работе мы не смогли выделить синтаксические условия, которые делают возможным употребление анализируемых конструкций при существительных, обозначающих качество. По-видимому, все эти условия связаны с книжным стилем речи. Например: *Ежели бы князь Василий обдумывал вперед свои планы, он не мог бы иметь такой естественности в обращении, такой простоты и фамильярности в сношении со всеми людьми, выше и ниже себя поставленными* (Толстой, *Война и мир*; в разговорной речи скорее была бы употреблена фраза типа: *Он не был бы так естествен и прост, если бы заранее обдумывал, как следует себя вести*); *Я переходил в другой мир, бывал у Рудольфи и стал встречать писателей, из которых некоторые уже имели крупную известность* (Булгаков, *Театральный роман*; в разговорной речи предпочтение было бы отдано конструкции с прилагательным или с другим глаголом. Например: *Некоторые из этих писателей уже пользовались известностью*).

В художественных произведениях выбор тех или иных конструкций может быть также обусловлен общим ритмическим рисунком текста. Вследствие этого возможны различные окказиональные образования.

В-третьих, конструкция «У X (*есть*) Y» выбирается, если свойство, которое приписывается X, составляет особое его достоинство, преимущество перед другими. Например, можно сказать: *У нее есть молодость; У нее есть красота; У нее есть изящество*, но предложения *У нее есть старость; У нее есть уродство; У нее есть бездарность* воспринимаются как неправильные. Есть свойства, которые обычно рассматриваются как определяющие преимущество лица, ими обладающего (например, молодость, красота, талант, способность). Кроме этого, возможны различные окказиональные осмысления. Например, можно сказать: *Он, правда, не очень умен, но у него есть упорство, которое поможет ему многого добиться*.

По-видимому, в данных условиях следует говорить о реализации особого варианта значения конструкции «У X (*есть*) Y». Ср., например, следующие предложения: *Она молода* и *У нее есть молодость*. Первое из них не содержит информации о том, что свойство «быть молодой» составляет особое преимущество денотата подлежащего. Вследствие этого оно может быть упот-

¹⁴ Возможно, в приведенном примере происходит изменение не только синтаксических связей, но и лексического содержания.

реблено в самых разнообразных контекстах и, в частности, в описательной речи: *В комнату вошла женщина маленького роста, одетая в простое ситцевое платье. Она была молода и довольно миловидна.* В приведенном отрывке не могла бы стоять фраза *У нее была молодость.* Однако употребление конструкции «У X есть Y» соответствовало бы норме в следующем контексте: *Ну, о чем вы расстраиваетесь? Все еще можно начать сначала. У вас есть молодость, здоровье, энергия.*

В данной работе точные условия реализации рассматриваемого варианта не были установлены. Возможно, этот вариант выделяется и в значении глагола *иметь* и объясняет некоторые из синтаксических особенностей его употребления (см. об этом выше). Поставленные вопросы требуют дополнительного исследования.

В-четвертых, анализируемые конструкции используются в предложениях, в которых Y обозначен словами *что-то, нечто, ничего, что, много* плюс прилагательное. Например: *Один из них, щедушный и сгорбленный старичок с седой бородою, не имел в себе ничего замечательного, кроме голубой ленты, надетой через плечо по серому армяку* (Пушкин, Капитанская дочка).

В-пятых, глагол *иметь* употребляется в инфинитивной конструкции: «*иметь* плюс существительное, обозначающее качество плюс инфинитив». Например: *Только графиня Елена Васильевна, сочтя для себя унижительным общество каких-то Бергов, могла иметь жестокость отказаться от такого приглашения* (Толстой, Война и мир). Данная конструкция занимает промежуточное положение между вариантом а₁ и а₃: денотат дополнения является качеством денотата подлежащего, но в то же время он предопределяет действие, выраженное инфинитивом. Поскольку, однако, предложения с данной конструкцией воспринимаются как сообщающие об осуществившемся действии, денотат дополнения скорее надо рассматривать не как условие, а как свойство, проявившееся в действии, обозначенном инфинитивом. Вследствие этого фразы с конструкцией «*иметь* плюс качественное существительное плюс инфинитив» мы относим к случаям реализации варианта а₁. Рассматриваемая конструкция имеет оттенок архаичности. По-видимому, в ее составе могут выступать только такие существительные, денотаты которых связаны с представлением о свойствах, как правило, реализуемых в действиях.

Выше мы уже отметили некоторые расхождения в употреблении конструкций «У X есть Y» и «X имеет Y» (см., например, пятое условие употребления). Рассмотрим их стилистические особенности и отдельные ограничения в сочетаемости. Большая часть предложений с глаголом *иметь* не принадлежит разговорному стилю речи. Стилистически нейтральными являются только те предложения с глаголом *иметь*, в которых: 1) описываемое качество не может быть выражено прилагательным и 2) в функции дополнения выступают слова

способность, талант, а также те слова и выражения, которые не могут употребляться в конструкции с глаголом *быть* (см. о них ниже). Например: *Князь Андрей сказал, что для этого нужно иметь юридическое образование*¹⁵, *которого он не имеет...* (Толстой, *Война и мир*); *Ну хорошо, если хочешь это держать в тайне, держи <...> К делу это прямого отношения не имеет* (Булгаков, *Мастер и Маргарита*).

Однако даже в этих условиях в разговорной речи часто предпочитается конструкция «УХ (*есть*) У», особенно если речь относится к бытовым темам, а также при словах *вид* и *выражение*, когда они используются для описания человека. Например, в разговорной речи скорее будут употреблены предложения: *У него было какое-то странное выражение лица; У него был какой-то испуганный вид*, а не: *Ее лицо имело какое-то странное выражение; Он имел какой-то испуганный вид*¹⁶.

Конструкция «УХ (*есть*) У» не употребляется со словами *значение, отношение, смысл, характер*, а также с сочетаниями типа *три метра в ширину, четыре метра в длину, два метра в высоту*. В этих случаях используется только глагол *иметь*. Например: *Эта комната имеет пять метров в длину и четыре метра в ширину*. (Нельзя сказать: *У этой комнаты пять метров в ширину*); *Вера Сократа имела рациональный характер* (В. Соловьев, *Жизненная драма Платона*). Нельзя сказать: *У его веры был рациональный характер*.

Слово *характер* употребляется в конструкции «УХ (*есть*) У» только в том случае, когда речь идет о человеке. Например: *У него есть характер*. Это же условие необходимо и для использования слова *размер*. Например: *Какой у тебя размер (обуви, одежды)?*

2.7. При описании ситуаций, в которых речь идет о вхождении одного объекта в другой в качестве его составной части, анализируемые конструкции конкурируют с глаголами *состоять (из), входить (в)*, а также с некоторыми другими языковыми средствами. В настоящей работе мы можем указать только некоторые условия, отграничивающие область употребления изучаемых конструкций от других языковых средств, описывающих включение части в целое.

1. Только конструкции «Х *имеет* У» и «УХ (*есть*) У» используются, если речь идет о частях тела человека, а также о частях «тела» предмета (например: *У этого стула изогнутая спинка*).

¹⁵ Сочетания *быть образованным* и *иметь образование* различаются не только грамматически, но и по лексическому содержанию.

¹⁶ В некоторых случаях сочетанию глагола *быть* с существительным *вид* предпочитается глагол *выглядеть*. Мы не устанавливали признаки, разграничивающие область употребления данных языковых средств.

2. Изучаемые модели не употребляются, если Y —элемент химического состава X . Например, нельзя сказать: *Вода имеет кислород*. Эти модели не используются также, если Y —один из пунктов некоторого списка: языковой норме не соответствует, например, предложение типа *Этот список имеет ее фамилию*.

3. Глаголы *начинаться, кончаться, продолжаться, развиваться* иногда могут заменяться выражениями *иметь начало, конец, продолжение, развитие*. Однако мы не устанавливали, когда именно возможна эта взаимозамена и к каким смысловым отличиям она приводит.

Рассмотрим стилистические особенности конструкции с глаголом *иметь*. Эта конструкция обычно употребляется в книжной, официально-деловой и научной речи. Заметим, что к последнему типу речи нам представляется оправданным отнести любое высказывание, которое характеризует класс объектов в целом. Например: *Лисица обыкновенная имеет густой и мягкий мех рыжевато-красного цвета*. Стилистическая окрашенность предложений с глаголом *иметь* особенно резко ощущается, когда речь идет о частях тела человека. Например, предложения *Росту он среднего, лоб имеет плешивый, бороду седую, брюхо толстое* (Пушкин, Борис Годунов); *Так, в первой из них сказано, что человек этот был маленького роста, зубы имел золотые и хромал на правую ногу* (Булгаков, Мастер и Маргарита) воспринимаются как относящиеся к официально-деловому (бюрократическому) или книжному стилю. Конструкция с глаголом *быть* не имеет стилистических ограничений. Например: *Какие у нее темные глаза. Почему я раньше думал, что они серые?* (Казаков, Голубое и зеленое); *У нее были темные жесткие волосы и маленькие колючие глаза; У соболя густой и длинный мех*.

2.8. Значительно реже анализируемые конструкции употребляются с существительными, обозначающими чувства и ощущения. Денотативные отношения между чувством, ощущением и его носителем обычно описываются через другие средства. Среди них прежде всего следует упомянуть глаголы типа *гордиться, бояться, страшиться, наслаждаться*, а также конструкции со словами *чувствовать, испытывать, относиться* плюс существительное со значением чувства, ощущения.

Исследуемые единицы могут употребляться в том случае, когда речь идет о некотором постоянном чувстве X , которое характеризует его отношение к другому лицу или составляет одно из свойств его характера. Например: *Глядя на них, Пьер понял, какое презрение и злобу они имели все против Ростовых* (Толстой, Война и мир); *...он холодно обошелся с нею, избегал ее и во время своего пребывания в Москве исключительно держался общества Наташи, к*

которой имел особенную, почти влюбленную братскую нежность (Там же); *К третьей партии, к которой более всего имел доверия государь, принадлежали придворные делатели сделок между обоими направлениями* (Там же).

Во всех приведенных предложениях речь шла о чувстве, которое характеризует отношение к другому лицу.

Если описываемое чувство не связано с таким отношением, оно воспринимается как психологическое качество *X*, и слово, его обозначающее, ведет себя так же, как и другие слова со значением качества (см. об этом выше). Заметим, что психологическое качество обычно не может выражаться глаголом. Например, сообщение *У него есть гордость* не может быть перефразировано в предложение *Он гордится*, так как последнее обязательно предполагает указание на предмет или лицо, которое вызывает чувство гордости: *Он гордится своим сыном*.

Для описания чувства, характеризующего отношение к другому лицу, используется обычно глагол *иметь* (см. приведенные примеры). Вероятно, это предпочтение связано с тем, что конструкция с глаголом *быть* создавала бы в данных условиях синтаксически «тяжелые» предложения. Мы обнаружили только пять исключений. Это слова — *страсть (к)*, *пристрастие (к)*, *надежда*, *желание*, *любовь (к)*, причем слова *любовь* и *страсть* выступают здесь в значении, близком к означаемому лексемы *пристрастие*. Например: *Я был уже не первой молодости, но вздумал учиться живописи, — у меня всегда была страсть к ней...* (Бунин, Муза); *У меня было только одно желание: поскорее остаться одному; У меня было некоторое пристрастие к этому слову*.

Предложения, имеющие конструкцию с глаголом *быть*, стилистически нейтральны. Напротив, глагол *иметь* относит высказывания к книжному или официально-деловому стилю речи. В разговорной речи используются другие языковые средства. Ср., например: *Он имел к ней доверие* (книж.) и *Он доверял ей* (нейтр.); *Он имел к ней какую-то особенную нежность* (книж.) и *Он испытывал к ней какую-то особенную нежность* или *Он относился к ней с какой-то особенной нежностью*.

До сих пор мы говорили о таких чувствах, которые, характеризуя отношение к другому лицу или предмету, напоминают свойства, качества. Это сходство определяется тем, что они воспринимаются как существующие среди свойств денотата подлежащего даже в том случае, когда иметь пристрастие к музыке — это еще не значит постоянно ощущать это чувство. Точно так же предложения *У меня есть гордость*; *У меня есть сила* не означают, что автор речи испытывает эти чувства или проявляет данные качества в тот момент, когда он говорит. Напротив, сообщения типа *У меня какое-то странное ощущение: мне кажется, что я куда-то падаю* предполагают реализацию денотата дополнения в тот момент, в который произносится речь, т. е. именно в момент

речи воспринимающие рецепторы посылают сигналы о внутреннем состоянии организма или о внешнем на НЕГО воздействии. Таким образом, чувства и ощущения можно подразделить на чувства и ощущения в узком смысле слова и на психологические свойства, которые существуют не только в момент их реализации. Грань между чувствами, ощущениями и психологическими качествами подвижна, и возможны различные окказиональные осмысления чувств и ощущений как психологических качеств. Например, чувство страха в отличие от свойства «быть трусом» воспринимается как существующее лишь в момент реализации. Однако оно также может быть осмыслено как психологическое качество. Например: *У него был какой-то необъяснимый страх перед этим человеком.* При таких переосмыслениях часто добавляется слово *чувство*. Например: *У него было чувство страха перед этим человеком.*

В тех случаях, когда речь идет об ощущениях и чувствах в собственном смысле слова, глагол *иметь* не употребляется. Конструкция «У X {*есть*} Y» используется в этих условиях при отсутствии слова *есть* в настоящем времени. Например: *У меня тоска... — сказала Надежда Федоровна и заплакала и, чтобы скрыть слезу, отвернулась* (Чехов, Дуэль). Конструкция «УXY» также имеет некоторые ограничения: слова *удовольствие, наслаждение, блаженство, удовлетворение* могут употребляться в ней лишь в качестве определения к слову *чувство, ощущение*. Например, можно сказать: *У меня было чувство глубокого удовлетворения.* Однако предложения *У него было глубокое удовлетворение; У него было неизъяснимое блаженство* воспринимаются как неправильные.

К явлениям, существующим лишь в момент их реализации, относится и большинство болезней. Поэтому слова, их обозначающие, встречаются в анализируемых конструкциях при тех же условиях, что и слова со значением чувства, ощущения. Например, можно сказать: *У него грипп; У него тиф; У него воспаление легких.* Напротив, предложения *У него есть грипп; У него есть порок сердца; Он имеет порок сердца* не соответствуют языковой норме. Форма со словом *есть* допускается лишь при описании тех болезней, которые воспринимаются как потенциально существующие. Например: *У тебя есть ревматизм?* Однако и здесь предпочитают конструкции без слова *есть*. Исключение составляют только предложения, в которых речь идет о симптомах болезни. Например, наряду с предложениями *У тебя жар? Что с вами? У вас боли?* Возможны и фразы: *У тебя есть жар? У вас есть боли?*

Предложения типа *У вас есть боли?* Могут относиться не только к моменту речи, но и к состоянию больного вообще. Однако если внимание акцентируется на многократности появления Y, то выбирается форма *бывать*: *У вас бывают боли? У вас бывает тошнота?* Выбор той или иной формы определяется представлением о постоянстве или кратковременности присутствия данного ощущения.

2.9. Исследуемые конструкции могут также говорить о том, что *X*—носитель некоторого представления, понятия, мысли, точки зрения, мнения, веры (как определенного мировоззрения), мировоззрения. Например: *Есть предметы, о которых можно иметь неверное или недостаточно точное понятие— без прямого ущерба для жизни* (В. Соловьев, Судьба Пушкина); *...общение оке с новыми товарищами открыло ей такие интересы в жизни, о которых она не имела понятия* (Толстой, Воскресение).

Слова *понятие, представление, вера* соотносятся с глаголами: *понимать, представлять, верить*. Однако лексические значения глаголов *понимать* и *представлять* не полностью совпадают с лексическим содержанием рассматриваемых существительных. Эти существительные обозначают модели элементов объективного мира, построенные в сознании некоторого лица. Глаголы *понимать, представлять*, по-видимому, не несут информацию о построении такой модели. Например, предложения *Я совсем не понимаю квантовую физику* и *Я не имею понятия о квантовой физике; Я совершенно не представляю себе этого человека* и *Я не имею никакого представления об этом человеке* значат не одно и то же. Другие слова, входящие в данную группу, вообще не имеют соответствующих глаголов. Вследствие этого сочетание типа *иметь понятие, иметь мнение* широко используются.

Конструкции с глаголом *быть* чаще употребляются в разговорной речи. Напротив, предложения с глаголом *иметь* обычно встречаются в книжной, официально-деловой, научной и газетно-публицистической речи. Однако использование глагола *иметь* допустимо и в разговорной речи. Например: *Я имею некоторое представление об этом человеке*.

К рассматриваемой группе слов, кроме перечисленных, можно, по-видимому, отнести существительные *сведения, известия*¹⁷, которые также употребляются в конструкциях «*X имеет Y*» и «*У X есть Y*». Например: *Я имею сведения о передвижении войск противника; Уменя есть для вас одно приятное известие; Война была кончена. Наконец мне можно было ехать к моим родителям. Мысль их обнять, увидеть Марию Ивановну, от которой не имел я никаких известий, одушевляла меня восторгом* (Пушкин, Капитанская дочка).

2.10. Анализируемые конструкции могут использоваться для указания на то, какое именно место в пространстве занимает *X*. Эта возможность реализуется при словах *позиция, местоположение, положение, место*. Например: *У него выгодная позиция; Уменя хорошее место*. Сочетание *иметь положение* не мо-

¹⁷ Слово *известие* может также рассматриваться как сообщающее о результате некоторого действия, направленного на *X* (анализ сочетаний *получить известие, получить донесение*, см. 4.8). Однако в анализируемых условиях оно ведет себя так же, как слово *сведения*. Поэтому мы отнесли сочетание *иметь известие* к варианту *a*₁.

жет использоваться для описания точки, занимаемой в физическом пространстве. Нельзя, например, сказать: *Этот замок имеет красивое положение*. Слово *положение* указывает на место в «пространстве» социально-общественных отношений. Например: *Он имеет положение в обществе*. Слово *место* используется, если речь идет о месте в театре, концерте и т. д., в поезде, машине, самолете, а также в иерархическом «пространстве» служебно-производственных отношений. Например: *У него очень хорошее место. Он работает главным инженером одного экспериментального завода*.

В тех случаях, когда речь идет о месте в театре, концерте, поезде, информация о пространственных отношениях сочетается с информацией об отношении собственности. Например: *Он счастливеец. У него место в третьем ряду партера*. Следует отметить, что предложения типа *У него есть место на «Лебединое озеро»* не соответствуют норме русского языка. В этой сочетаемости употребляется только существительное *билет*.

И конструкция с глаголом *иметь*, и конструкция с глаголом *быть* могут передавать информацию о том, что Y является отрезком временного существования X. Например: *У нее в жизни было несколько счастливых дней* (счастливые дни составляют некоторый временной отрезок существования X); *Наталья с утра этого дня не имела ни минуты свободной и ни разу не успела подумать о том, что предстоит ей* (Толстой, Война и мир).

Обычно эти конструкции используются в том случае, когда Y составляет лишь часть того временного отрезка существования X, о котором идет речь (см. приведенные выше примеры). Однако в диалогической речи возможны и такие предложения, как: *У меня сейчас отпуск; У тебя сейчас счастливое время*.

Таким образом, исследуемые конструкции могут вносить информацию о наличии качества, чувства, ощущения, мысли, представления, понятия X-а. Использование анализируемых конструкций не имеет ограничений при описании тех отношений, которые не могут быть выражены через другие языковые средства. Так, они свободно употребляются с существительными, обозначающими качества, если отсутствуют прилагательные с тождественным лексическим значением, а также при существительных *мнение, понятие, представление, точка зрения, мировоззрение*. Никаких ограничений не обнаруживается в сочетании со словами, обозначающими болезни, несмотря на наличие параллельной конструкции с глаголом *болеть*. В других случаях оказалось необходимым выделить дополнительные правила, определяющие выбор изучаемых единиц. Если речь идет об отношении между качеством и его носителем, исследуемые конструкции — при отсутствии указанного выше условия — используются для передачи информации о том, что описываемое качество составляет особое достоинство X, входит в арсенал средств, которые составляют его преимущества. Во-вторых, данные конструкции используются в книжном

стиле речи (многие сочетания при этом носят ярко выраженный окказиональный характер). В-третьих, выбор этих конструкций обязателен при обозначении *У* через слова *что-то, что, нечто* плюс прилагательное.

При описании чувств и ощущений, фактически представляющих собой психологические качества (т. е. существующих не только в момент их реализации, проявления), действуют те же правила, которые были указаны раньше при условии, что данные качества не есть отношение к другому лицу. В этом последнем случае предложения, содержащие рассматриваемые конструкции, воспринимаются как имеющие четко выраженную принадлежность к книжному стилю речи. Исключение составляют только предложения, в которых *У* обозначен через словосочетание «*чувство (ощущение)* плюс существительное в родительном падеже», показывающее, какое именно чувство или ощущение имеется в виду. При указании на отношение между чувством, ощущением в собственном смысле слова и его носителем устанавливаются некоторые конфигуративные ограничения. Так, слова *удовольствие, наслаждение, блаженство, удовлетворение* не могут употребляться в рассматриваемых конструкциях, если они не выступают в качестве определения к словам *чувство* и *ощущение*.

Мы отметили также некоторые различия между исследуемыми конструкциями. Конструкция с глаголом *иметь* преимущественно используется в разговорном стиле речи. Однако эта стилистическая характеристика не всегда свойственна глаголу *иметь* и может быть выражена более или менее четко. Так, сочетания *иметь смысл, значение, отношение, размер* стилистически нейтральны. Глагол *иметь* может встречаться в любом стиле речи в сочетании со словами, обозначающими качества при отсутствии соответствующего прилагательного, а также в сочетании с такими словами, как *представление, понятие*. Ярко выраженный книжный или официально-деловой стиль характеризует предложения с глаголом *иметь*, описывающие отношение между частью и целым, а также между лицом и его чувством, направленным на некоторое другое лицо или предмет.

Конструкция с глаголом *быть* стилистически нейтральна.

ИНФОРМАЦИЯ О НАЛИЧИИ ДЕЙСТВИЯ
ИЛИ ЕГО РЕЗУЛЬТАТА В СФЕРЕ «СУЩЕСТВОВАНИЯ»
ПРОИЗВОДИТЕЛЯ ЭТОГО ДЕЙСТВИЯ
(ВАРИАНТ А₂)

2.11. Информация об отношении между действием и его производителем обычно передается через конструкцию «существительное в именительном падеже плюс глагол в личной форме».

Данное отношение в русском языке почти никогда не выражается через исследуемые конструкции. В них встречается лишь ограниченное число существительных, лексическое значение которых, хотя и связано с представлением о действии, не составляет информацию о действии в собственном смысле слова. Так, в эти конструкции входят слова *разговор, беседа, совещание, бой*, которые относятся к категории слов, обозначающих скорее события, чем действия.

Первую группу существительных, которые могут входить в рассматриваемые конструкции, составляют слова, говорящие о совместных «действиях» по крайней мере двух лиц: *разговор, беседа, совещание, заседание, бой, собрание, демонстрация, сношение, столкновение*. К этой группе, по-видимому, можно отнести слова *занятия, урок, консультация*.

Вторую группу составляют существительные *влияние, власть, действие, претензия (на), притязание (на)*.

Заметим, что в других языках сфера сочетаемости конструкций, подобных исследуемым, часто бывает более широкой. Например, в английском языке допустимы такие сочетания, как *to have a swim, to have a run, to have a drink*. В русском языке сочетания такого типа не соответствуют языковой норме.

И со словами первой, и со словами второй группы изучаемые конструкции обычно не употребляются, если в предложении указан тот самый момент времени, в который протекало, протекает или будет протекать действие. Они используются чаще, если речь идет о более широком отрезке времени, одну из точек которого занимает описываемое действие или событие. Например, можно сказать: *Вчера президент имел неофициальную беседу с голландским послом; У меня было с ним неприятное столкновение*.

Напротив, если описывается сам момент протекания события, выбираются обычно другие языковые средства. Например, предложения *Когда вы мне позвонили, я имел разговор с Иваном Сергеевичем* или *Когда вы мне позвонили, у меня был разговор с Иваном Сергеевичем* воспринимаются как странные, неправильные или не совсем правильные. Более естественным было бы употребление глагола *говорить*: *Когда вы мне позвонили, я говорил с Иваном Сергеевичем*.

Исключение составляют только слова: *заседание, совещание, собрание*. **Например:** *Директор занят. У него совещание; У вас сейчас заседание?*

Со словами второй группы анализируемые конструкции вообще обычно не употребляются для описания отдельного акта использования влияния, власти или проявления претензий и притязаний на что-то. Например, в предложении *Его слова имели большое влияние на мое решение* было бы более естественно употребить глагол *влиять*: *Его слова повлияли на мое решение*. Ср. также предложения: *Вчера это лекарство имело на него сильное действие* и *Вчера это лекарство на него сильно подействовало*, из которых все информанты отдавали предпочтение второму, хотя первое также считалось возможным. Обычно

рассматриваемые конструкции выбираются, если речь идет фактически о способности оказывать влияние, действие или о желании, стремлении претендовать, притязать на что-то. Например: *Она была добрая девушка и никогда во зло не употребляла влияния, которое, видимо, имела на Кирила Петровича* (Пушкин, Дубровский); *Это лекарство имеет сильное действие; Графиня не имела ни малейшего притязания на красоту, давно увядающую, но сохранила все привычки своей молодости* (Пушкин, Пиковая дама); *Она уже имела над ним власть*.

Таким образом, сочетания типа *иметь действие, иметь влияние* и т. д. обычно используются не для описания отношения между производителем действия и действием, а для описания отношения между лицом (или объектом) и некоторым его свойством и/или элементом программирования его действий (см. варианты **а₁** и **а₃**).

2.12. Рассмотрим теперь условия распределения конструкций «УХ (*есть*) У» и «Х *имеет* У». Со словами первой группы глагол *иметь* употребляется в официально-деловой, книжной или архаической речи. Например, можно сказать: *Вчера президент имел неофициальную беседу с английским послом*. В разговорно-бытовой речи используется конструкция с глаголом *быть*. Например: *Вчера у меня был с ним неприятный разговор; Вчера у меня было с ним неприятное объяснение; Уменя вчера было совещание; У нас вчера было заседание сектора*. Употребление глагола *иметь* в разговорной речи придает высказыванию архаический характер. Например, предложение *Ага! Ты захотел посетить своего приятеля; но ты опоздал, ага, и мы уже имели с ним продолжительную беседу* (Тургенев, Отцы и дети) воспринимается как имеющее оттенок архаичности.

Глагол *иметь* не используется со словами, обозначающими действие, событие, в котором участвует большое число лиц. Нельзя, например, сказать: *Завтра я буду иметь демонстрацию; Вчера я имела собрание*. При этом условии употребляется конструкция с глаголом *быть*, причем Х представляет собой не отдельное лицо, а всю совокупность лиц, участвующих в описываемом событии. Например: *У нас заседание сектора; У нас собрание*.

Если предложение ориентировано только на одного из участников собрания, заседания, демонстрации, употребляются другие языковые средства. Например: *Я был вчера на собрании; Я была вчера на демонстрации*. Со словом *собрание* в разговорно-бытовой речи используется и рассматриваемая конструкция с глаголом *быть*, если речь идет о прошедшем или будущем времени, например: *Я не могла прийти, потому что у меня было собрание*. Ориентированность на отдельного участника допустима и при слове *заседание* при указании на прошлое или будущее: *Я не могу уйти. Уменя сегодня заседание сектора*.

При глаголе *иметь* не может стоять дополнение, выраженное словами *урок, занятие, консультация*.

Со словами второй группы глагол *иметь* употребляется в любом стиле речи. Например: — *Гм! Так вы полагаете, что он имеет большое влияние на Анну Сергеевну* (Тургенев, Отцы и дети); *Это лекарство имеет сильное действие*.

Конструкция «У X (есть) Y» со словами второй группы встречается реже. Слово *действие* вообще не используется в этой конструкции.

Таким образом, глагол *иметь* употребляется со словами, обозначающими совместное действие или событие, в котором участвует несколько лиц, при условии, что участников события немного (ср. денотативную ситуацию слов *разговор, беседа* и *демонстрация, собрание*) или же участники события делятся на две противоположные группы, главой одной из которых является денотат подлежащего (*иметь бой, иметь сражение*). Глагол *иметь* в этой сочетаемости относится к официально-деловой или книжной речи и используется преимущественно в тех предложениях, в которых не описывается сам момент протекания действия.

Глагол *иметь* не употребляется в сочетании со словами *занятие, урок*, которые также можно было бы отнести к категории слов, обозначающих совместное действие.

Анализируемый глагол может сочетаться со словами *влияние, власть, действие, претензия (на), притязание*, если речь идет о способности X воздействовать на Y или о желании, стремлении претендовать, притязать на что-то. Употребление этого глагола для описания отдельного акта использования власти, влияния, проявления притязаний и т. д. создает более или менее неправильные предложения (см. приведенные выше примеры). Поскольку, однако, построение данных предложений не полностью противоречит нормам русского языка (информанты оценивали их баллами 3—4), мы рассмотрели случаи реализации варианта а₂, а не только а₁ или а₃.

Сочетания *иметь влияние, иметь власть* и т. д. относятся к стилистически нейтральным языковым средствам, если существительное, входящее в это сочетание, стилистически нейтрально.

Конструкция с глаголом *быть* может употребляться со словами, обозначающими совместное «действие» или событие, в котором участвует несколько лиц, причем количество участвующих несущественно (оно влияет только на выбор самого X: *У меня был с ним неприятный разговор, но: У нас было заседание сектора*). Рассматриваемая конструкция не встречается со словами *разговор, объяснение, столкновение*, если речь идет о самом моменте протекания действия. Это условие не играет роли для выбора слов *заседание, собрание, совещание, демонстрация*.

Конструкция «У X (есть) Y» в рассматриваемой сочетаемости принадлежит к нейтральным языковым средствам. Особенно часто она встречается в разговорной речи.

Изучаемые конструкции могут описывать отношения между лицом и нематериальным результатом его действий, чувств, направленных на другое лицо или объект. Эта возможность используется лишь в немногих сочетаниях, которые получают характер либо устойчивости, либо, напротив, окказиональности. По-видимому, к рассматриваемому случаю можно отнести следующие сочетания: *иметь победу, иметь поражение, иметь возражения, добавления, иметь претензии (к), иметь что-то против кого-то*.

Первые два сочетания в современном языке принадлежат к пласту архаических средств. Слова *возражение, добавление* чаще выступают в конструкции с глаголом *быть*. Например: *У вас есть какие-нибудь возражения?* Сочетания *иметь претензии (к), иметь что-то против кого-то* могут встречаться в любом стиле речи, хотя в разговорной речи допустима и конструкция с глаголом *быть*.

Исследуемые конструкции могут также выражать отношение между лицом и материальным продуктом его труда. Например, можно сказать: *Он имеет много печатных трудов; У него есть много статей на эту тему*.

В отличие от глаголов группы *делать* изучаемые конструкции не вносят информацию о самом процессе создания Y. Они сообщают только о том, что Y входит в «существование» X-а в качестве продукта его труда. Отсюда можно, конечно, сделать вывод, что X когда-то создавал Y, но эта информация выступает лишь как следствие из тех отношений между X и Y, о которых говорят предложения, построенные по описываемым моделям. Ср., например, приведенные выше предложения со следующими фразами: *В этом месяце он написал три статьи; В прошлом году он написал портрет молодой женщины*.

Мы не рассматривали специально конфигуративные ограничения, накладываемые на использование изучаемых конструкций для выражения отношения между лицом, объектом и продуктом его труда. По-видимому, эти ограничения связаны со стремлением разграничить предложения, в которых речь идет об отношении продукта труда к его создателю и об отношении элемента собственности к собственнику. Действительно, предложение *У него есть много книг* может сообщать и о том, что Y — собственность X, и о том, что Y — продукт труда X. Поэтому исследуемые конструкции выбираются для описания отношения между продуктом труда и его создателем преимущественно в тех случаях, когда контекст показывает, что речь идет именно о продукте труда.

СОЧЕТАНИЯ ТИПА *ИМЕТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ, ИМЕТЬ ОСНОВАНИЕ* (ВАРИАНТ А₃)

2.13. Анализируемые конструкции в сочетании с такими словами, как *приказ, возможность, навык, привычки* и т. д., вносят информацию о том, что Y

входит в «существование» X в качестве одного из условий, предопределяющих возможность осуществления действия X. Например: *...читатель Пушкина имел прежде полное основание представлять себе, если не эту даму, то, во всяком случае, отношение к ней поэта в самом возвышенном идеальном свете* (В. Соловьев, Судьба Пушкина; денотат слова *основание* составляет условие для реализации действия — «представлять описываемое лицо определенным образом»); *Балашов сказал, что имеет приказание лично передать пакет самому императору* (Толстой, Война и мир; наличие приказа программирует действие «передать пакет самому императору»); *Я не имею намерения вредить вам; я пришел умолять вас об одной милости* (Пушкин, Пиковая дама); *Старик, имея много дел, в иные книги не глядел* (Пушкин, Евгений Онегин).

К числу элементов, программирующих возможность осуществления действия, могут относиться самые разнообразные факторы. X может иметь причины, основания для осуществления действия, может иметь навыки, привычки. Действие может быть запрограммированным в результате волеизъявления лица, имеющего право распоряжаться действиями X (*иметь приказ, иметь разрешение, позволение* и т. д.). Возможность осуществления действия может также определяться наличием объекта действия (*иметь много дел, иметь работу*) и т. д.

В русском языке имеется одно ограничение в **заполняемости** анализируемых конструкций. В них могут использоваться только такие слова, обозначающие объекты действий, которые характеризуют свои денотаты именно как объекты действий. К таким словам относятся, например, существительные *забота, дело, работа*¹⁸. Напротив, такие слова, как *книга, перо*, не употребляются в рассматриваемых конструкциях. Нельзя, например, сказать: *У меня есть перо, чтобы писать; Я имею книгу, чтобы читать*. Исключение составляют только предложения, в которых Y выражен относительными местоимениями *кто, что*. Например: *У тебя есть чем писать? У тебя есть с кем посоветоваться?* В утвердительных предложениях данные конструкции встречаются реже. Однако такое употребление также возможно. Например: *На каждую из фраз Наполеона Балашов хотел и имел что возразить...* (Толстой, Война и мир).

В языке XIX в. запрограммированным могло считаться действие целиком. Например: *Денисов, назвав себя, объявил, что имеет сообщить его светлости дело большой важности для блага отечества* (Толстой, Война и мир). В современном языке модель «глагол *иметь* плюс инфинитив» принадлежит к архаическому пласту языковых средств.

Вариант **a₁** может перекрещиваться с вариантом **a₃**. Например, *право* можно рассматривать как некоторое привнесенное извне свойство описываемого лица, а именно такое свойство, которое дается существующими законами (ес-

¹⁸ Рассматриваемые слова берутся в одном из их значений.

тественными или юридическими). Например: *Все имеют одинаковое право на землю и на все преимущества, которые она дает людям* (Толстой, Воскресение). Поскольку, однако, данное свойство, как правило, выступает в качестве условия, создающего возможность для осуществления действия, сочетание *иметь право* следует отнести к случаям реализации варианта а₃. Действительно, очень часто после этого сочетания стоит инфинитив. Например: — *Да это правда, — сказал Нехлюдов, — часто чувствуешь свою не ... чувствуешь, что не имеешь права судить...* (Толстой, Воскресение); *Мне пришло даже в голову, что я не имею нравственного права задавать такие вопросы незнакомому человеку* (Е. Н. Водовозова, На заре жизни).

При разных словах, обозначающих свойства, инфинитив может выступать более или менее регулярно. Так, хотя слова *талант, призвание, способности* могут сочетаться с инфинитивом, чаще они имеют при себе существительное. Например: *Он имел к этому призвание; У него был талант рассказчика*. Инфинитив очень редко встречается при рассмотренных выше словах: *власть, влияние, претензия, притязание*.

Приведем некоторые примеры сочетания слов, обозначающих качества, с инфинитивом: *Имел он счастливый талант Без принужденья в разговоре Коснуться до всего слегка...* (Пушкин, Евгений Онегин); *Здоровый человек обыкновенно мыслит, ощущает и вспоминает о бесчисленном количестве предметов, но имеет власть и силу, избрав один ряд мыслей или явлений, на этом ряде явлений остановить все свое внимание* (Толстой, Война и мир); *Пьер не имел духа отказать ему и присел вместе с ним в зале* (Там же).

О стилистических характеристиках таких сочетаний, как *иметь власть, иметь талант* и т. д., мы уже говорили выше. Предложения с глаголом *иметь*, сообщающие о наличии объекта действия (*иметь дела, иметь работу, иметь заботы, иметь хлопоты*), принадлежат книжной речи. Другие сочетания с этим глаголом могут встречаться и в разговорной речи, если она носит официальный характер. Стилистически нейтральны сочетания *иметь право, возможность*.

Предложения с глаголом *быть* могут встречаться в любом стиле речи.

ИНФОРМАЦИЯ О НАЛИЧИИ ДЕЙСТВИЯ ИЛИ ЕГО РЕЗУЛЬТАТА В СФЕРЕ «СУЩЕСТВОВАНИЯ» АДРЕСАТА ДЕЙСТВИЯ (ВАРИАНТ А,)

2.14. Глагол *иметь* не является типичным средством выражения отношения между лицом или объектом и действием, направленным на него. Действительно, хотя сочетания *иметь распространение, иметь использование, иметь применение, иметь признание, иметь призвание* предполагают действие, кото-

рое было направлено на X (кто-то *использовал, применял, признавал X*), они воспринимаются скорее как говорящие о свойстве X «быть признанным», «быть используемым» и т. д. Это восприятие проявляется в неупотребляемости глагола *иметь* при описании отдельного акта использования, применения X. Нельзя, например, сказать: *Вчера этот прибор имел использование; Вчера этот метод обработки металла имел применение*. В этом случае нужно воспользоваться другими языковыми средствами. Например: *Вчера мы пользовались этим прибором; Вчера этим прибором пользовались; Вчера мы применили этот метод обработки металла*. Сочетания с глаголом *иметь* употребляются безотносительно к отдельному акту признания, применения и т. д. Например: *Этот метод имеет широкое применение в гидродинамике*.

Исключение составляет только сочетание *иметь успех*, которое, по-видимому, также следует отнести к рассматриваемому случаю (успех, вероятно, можно определить как некоторую форму проявления положительной оценки данного лица другими лицами): сочетание *иметь успех* может употребляться и по отношению к отдельному моменту времени. Например: *В этот вечер она имела большой успех*.

Кроме перечисленных существительных, глагол *иметь* может сочетаться со **словами** *решение* (*Эта задача имеет решение*), *объяснение* (*Его поступок имеет объяснение*), *оправдание* (*Враги Пушкина не имеют оправдания*). Все эти сочетания вносят информацию не о действии, направленном на денотат подлежащего, а о возможности такого действия. Так, предложение *Враги Пушкина не имеют оправдания* означает, что денотат подлежащего не может быть оправдан.

Глагол *иметь* в рассматриваемых условиях может встречаться в любом стиле речи, хотя есть некоторая тенденция не использовать его в разговорно-бытовой речи. Наименее «разговорными» являются сочетания *иметь оправдание, иметь объяснение*. В диалогической речи предпочитается использование других средств. Например: *Это лекарство применяется при лечении кожных болезней; Этот поступок легко объяснить* и т. д.

Слова *решение, объяснение, оправдание, признание, призвание* могут быть также членами конструкции с глаголом *быть*.

ИНФОРМАЦИЯ О НАЛИЧИИ ОБЪЕКТА, ОДНО ИЗ СВОЙСТВ КОТОРОГО ЕСТЬ ОТНОШЕНИЕ К ДРУГОМУ ОБЪЕКТУ (ВАРИАНТ А₅)

2.15. В анализируемых конструкциях могут употребляться существительные, характеризующие свои денотаты через такое свойство, которое является отношением к другому объекту. Например: *Врагов имеет в мире всяк. Но от*

друзей спаси нас, Боже! (Пушкин, Евгений Онегин); *...этот порыв откровенности, вместе с другими мелкими событиями, имел для него и всей семьи его огромные последствия* (Толстой, Война и мир).

При других глаголах денотат дополнения, выраженный словами типа *сын, враг, последствие*, необязательно воспринимается как находящийся в отношении «быть сыном», «быть врагом» и т. д. к денотату подлежащего. Ср., например: *Она думала о врагах; Она боялась врагов* и *Она имела врагов*. В первых двух предложениях эта информация возникает лишь как наиболее вероятная: так как принадлежность к классу врагов определяется всегда отношением к некоторому другому лицу и это лицо не указано, то естественнее всего предположить, что им является денотат подлежащего. Однако можно сказать: *Она думала о его врагах; Она боялась его врагов*. Напротив, притяжательное местоимение не может быть добавлено в предложение *Она имела врагов*. Нельзя сказать: *Она имела его врагов*. Обратим внимание еще на одно различие в сообщениях: *Она боялась врагов* и *Она имела врагов*. Первое из них необязательно предполагает существование врагов X; оно может относиться и к потенциальной возможности их появления. Напротив, второе предложение сообщает о наличии Y в классе «лица, связанные с X дружбой, враждой» и т. д.

Свойство Y, определяющее его включение в «существование» X-а, может быть выражено не самим словом, обозначающим Y, а некоторым другим словом. Так, оно может быть обозначено существительным в творительном падеже. Например: *...прежде, когда Пьер находил такою города сомнения, сомнения эти имели источником собственную вину* (Толстой, Война и мир; денотат слова *вина* включается здесь в денотат подлежащего в качестве источника его возникновения).

Мы не устанавливали, какие именно слова могут выступать в форме творительного падежа при глаголе *иметь*. Все рассмотренные сочетания носили окказиональный характер (*иметь причиной, иметь основанием*). Относительной устойчивостью обладает только словосочетание *иметь что-то своей целью*.

Во-вторых, об отношении Y к X может сообщать выражение «иметь что-то, кого-то в качестве чего-то, кого-то». Предложения, построенные по этой модели, в основном также носят окказиональный характер.

В-третьих, свойство, по которому Y включается в X, может быть выражено оборотом типа: *...самое дорогое, что ..., самое важное, что...* Например: *Будь здорова, милый друг. Думаю, что и я потерял в тебе самое дорогое, что имел в жизни* (Бунин, Темные аллеи).

В-четвертых, рассматриваемый тип отношений между X и Y лежит, по-видимому, в основе таких устойчивых идиоматических оборотов, как *иметь под рукой, иметь в виду*. Например: *Другое дело — друзья, очень близкие: люди, — при выборе их, конечно, не следует забывать принципа, который, видимо, вы имеете в виду* (Е. Н. Водовозова, На заре жизни).

В конструкции «У X есть Y» носителем информации об отношении Y к X может быть определение к слову, обозначающему Y. Например: *У тебя есть любимый артист?*

Таким образом, в русском языке информация о включении Y в X через свойство, которое выражено не самим словом, обозначающим Y, реализуется лишь в немногих устойчивых и окказиональных оборотах.

Вернемся теперь к основным условиям реализации варианта а₅, т. е. к тем случаям, когда свойство, по которому Y включается в «существование» X, выражено словом, обозначающим Y. В этих условиях при описании отношений между лицами глагол *иметь* используется в книжной речи. Конструкция с глаголом *быть* стилистически нейтральна. Ср., например: *Жил историк одиноко, не имел нигде родных и почти не имел знакомых* (Булгаков, Мастер и Маргарита) и *У меня нет родных и почти нет знакомых; Я имею сына и У меня есть сын.*

При описании отношений между событиями и явлениями глагол *иметь* чаще используется и в разговорном стиле речи. Однако иногда наблюдаются некоторые частные ограничения, которые мы не анализировали.

ИНФОРМАЦИЯ О НАЛИЧИИ ЭЛЕМЕНТА СОБСТВЕННОСТИ (ВАРИАНТ А₆)

2.16. Рассматриваемые конструкции могут также использоваться для описания отношения между лицом и его временной или постоянной собственностью. В понятие собственности вкладывается здесь очень широкое содержание: Y является собственностью X, если X имеет право и/или возможности передать Y в распоряжение другого лица. Например: *Ферапонтов, тридцать лет тому назад, с легкой руки Алпатыча, купив рошу у князя, начал торговать, и теперь имел дом, постоянный двор и мучную лавку в губернии* (Толстой, Война и мир); — *Хочу, — сказала она, — и прикажите, если у вас есть деньги, купить у Белова яблок ранет, — тут, на Арбате* (Бунин, Муза); *Лизавета Ивановна вышла замуж за очень любезного молодого человека: он где-то служит и имеет порядочное состояние* (Пушкин, Пиковая дама).

Понятие «собственности» часто распространяется и не на материальные объекты, которыми X может пользоваться и отдавать в распоряжение других лиц. Сюда относятся следующие слова: *данные, доказательства, свидетельства, материалы*¹⁹. Например: *У меня есть доказательства его невинности;*

¹⁹ Возможно, в эту же группу следует включить сочетания *иметь сведения, иметь известия* (см. о них 2.9).

Развитие этой драмы, о которой мы отчасти имеем прямые свидетельства, отчасти догадываемся по косвенным указаниям, отразилось и увековечилось в диалогах (В. Соловьев, Жизненная драма Платона).

Представление об отношении «собственности» может также распространяться на такие отношения между лицами, при которых одно лицо может распоряжаться другим, использовать его для выполнения какой-то работы и имеет право или хотя бы возможность передать его в распоряжение некоторого третьего лица. Например, предложение *У меня есть одна хорошая портниха* необязательно означает, что описываемое лицо выступает в роли портнихи по отношению к автору речи (см. вариант а₅). Это предложение может сообщать о существовании такого лица, которое автор речи может предложить другому лицу в качестве портнихи. Показателем реализации варианта а₆ может служить слово *один*. См. приведенный пример, а также: *У меня есть один знакомый врач; У меня есть один прекрасный учитель математики*. Использование этого слова необязательно, и не везде оно является показателем варианта а₆. Иногда лишь из общего контекста можно понять, реализуется вариант а₅ или а₆. Кроме того, очень часто эти варианты могут актуализироваться одновременно.

Конструкция с глаголом *быть* при передаче информации об отношении собственности относится к стилистически нейтральным средствам.

Глагол *иметь* в рассматриваемых условиях не встречается в разговорно-бытовой речи, за исключением сочетаний: *иметь средства, иметь миллион, иметь состояние*.

ИНФОРМАЦИЯ О НАХОЖДЕНИИ В ФИЗИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И В ПРОСТРАНСТВАХ ТИПА «ИНСТИТУТ» (ВАРИАНТЫ А₇ И SA)

2.17. Глагол *иметь* в современном языке не используется для указания на то, что пространственные координаты Y лежат на X или на каком-то объекте W, входящем в «существование» X. Нельзя, например, сказать: *Я имею книгу в руке; Я имею деньги в кармане* и т. д. В языке XIX в. употребление глагола *иметь* для выражения данных отношений было возможно. Например: *На всякий случай я имел в кармане пропуск, выданный мне Пугачевым* (Пушкин, Капитанская дочка).

Анализируемая конструкция с глаголом *быть*, напротив, широко используется при описании наличия Y на, в X (W). Например: *Слезы были у него на глазах и в горле, когда в дверь вошел Лаврушка с какими-то бумагами* (Толстой, Война и мир); *У меня в сумке есть деньги*.

2.18. Только конструкция с глаголом *быть* может служить средством для передачи информации о включении *У* в тот класс или в то пространство, в котором существует *Х*. Например: *Унас в институте много интересных людей; Унего в лаборатории есть хорошие биохимики; Уменя дома есть эта книга.*

Рассматриваемая конструкция с глаголом *быть* употребляется преимущественно в разговорной речи. В других стилях речи словосочетание «предлог *у* плюс имя в родительном падеже» часто опускается. Например: *В его лаборатории есть хорошие биохимики.*

Подведем итоги семантического анализа глагола *иметь*.

Проведенный анализ показал, что конструкция «*Х имеет У*» сообщает о том, что между *Х* и *У* может иметь место одно из шести отношений: 1) *У* есть то, что существует временно или постоянно в составе *Х* (*У* есть свойство *Х*, его составная часть, не являющаяся свойством, *У* есть чувство, мысль, ощущение, а также болезнь или то или иное ее проявление, например, жар, сыпь и т. д.) или же *У* есть точка пространственных или временных координат *Х*; 2) *У* есть действие или результат действия *Х*; 3) *У* есть элемент программирования действий *Х*; 4) *У* — действие или результат действия, направленного на *Х*; 5) *У* включается в «существование» *Х* через одно из своих свойств, а именно через то, о котором говорит слово, обозначающее *У*, или слово, специально вводимое для обозначения этого свойства; 6) *У* — элемент временной или постоянной собственности *Х*. Мы уже говорили выше, что предложенное разбиение на варианты является более или менее произвольным. Для нас важно только, чтобы при этом были охвачены все те типы отношений, которые могут выражаться в рассматриваемой конструкции. Напомним также, что предложенные варианты могут перекрываться. Так, свойство, чувство *Х* может одновременно выступать как элемент программирования его действий. Мы выделяем, однако, последний вариант в особый случай, так как не всякий элемент программирования подпадает под одно из шести других условий.

Слова, обозначающие *У* и *Х*, а также и более широкий контекст, показывают, какое именно из перечисленных отношений актуализируется в каждом отдельном случае. Так, если *У* обозначен словом *книга*, а *Х* — словом *я*, слушатель понимает, что *У* является собственностью или продуктом труда *Х*, так как на основании своего внеязыкового опыта знает, что денотат слова *книга* не может быть составной частью лица; другие возможности отсекаются самим значением данного существительного: оно показывает, что речь не идет о действии, чувстве, ощущении и т. д. В плане логических возможностей денотат слова *книга* мог бы быть элементом программирования действий *Х*. Однако в тексте было выведено особое конфигуративное правило, в соответствии с которым предложения типа: *Я имею книгу, чтобы читать* относятся к категории неотмеченных.

Таким образом, глагол *иметь* не показывает, какое именно из шести перечисленных отношений реализуется в речи. Он сообщает только о наличии *У* в том или ином пространстве, связанном с *Х* одним из рассмотренных отношений. Действительно, несмотря на то, что слово *рука* характеризует свой денотат как часть тела человека, употребление этого слова в функции дополнения еще не предопределяет информацию о том, что это часть тела денотата подлежащего (ср., например: *Он гладит руку; Он целует руку и Он имеет только одну руку*). Следовательно, именно глагол *иметь* показывает, что денотат дополнения входит в множество «части тела» денотата подлежащего.

Хотя для удобства изложения мы ввели термин «существование *Х* (E_{x3})», различные пространства, в которые может входить *У*, не образуют единства. Вследствие этого, значение глагола *иметь* приобретает характер диффузности, что проявляется в известной самостоятельности контекстных вариантов и в установлении тесной связи между глаголом *иметь* и дополнением. Сращение глагола и дополнения часто приводит к образованию различных фразеологических единств. Их образованию способствуют также многочисленные конфигуративные признаки, ограничивающие сочетаемость рассматриваемых слов. Особенно много таких ограничений обнаруживается при сочетании глагола *иметь* со словами, обозначающими качества, чувства, ощущения и действия. Так, глагол *иметь* регулярно употребляется только с такими существительными со значением качества, свойства, с которыми не совпадают по смыслу соотносимые с ними прилагательные. Сочетания с другими существительными этого типа встречаются только в книжной речи и носят окказиональный характер.

В описании значения глагола *иметь* большую роль играют стилистические признаки: этот глагол преимущественно употребляется в книжном, научном и официальном стиле речи. Однако некоторые сочетания этого глагола с существительными принадлежат к стилистически нейтральным языковым средствам.

Рассматриваемая конструкция с глаголом *быть*, кроме перечисленных выше отношений, может сообщать о том, что *Х* или какой-то объект, входящий в «существование» *Х*, является местом нахождения *У*, а также о том, что *У* входит в тот класс или в то пространство, которому принадлежит *Х* или которое является местом нахождения *Х*.

Глава III

ГЛАГОЛ *ПРИНЯТЬ*

3.1. В третьей главе будут изложены результаты семантического анализа глагола *принять*. Кроме того, в этой главе мы кратко остановимся на характеристике глаголов *получить*, *дать*, *взять*, которые подробно будут рассмотрены в следующих главах.

Все указанные глаголы содержат признак «вхождение Y в „существование" X»¹. Справедливость этого утверждения в общем виде будет показана в ходе дальнейшего изложения, а сейчас приведем некоторые примеры, из которых видно, что информация анализируемых глаголов включает по крайней мере некоторые варианты данного признака. См., например, следующие предложения: *У него есть имя; Он принял чужое имя; Он дал ему красивое и звучное имя; После войны эта местность получила новое название*. Во всех этих предложениях сообщается о том, что X является или становится носителем данного имени или названия. Ср. также: *У меня есть деньги; Я получила деньги; Только от вас я приму деньги; Я дал ему деньги; Я взял деньги у сестры* — все приведенные предложения показывают, что Y является или становится элементом собственности X.

Значение выделенных глаголов, однако, не исчерпывается признаком «включение Y в „существование" X». В значение каждого из этих глаголов входят и другие компоненты, которые определяют их отличия от глаголов *иметь* и *быть* (в конструкции «У X {есть} Y»), а также устанавливают их различия по отношению друг к другу.

¹ В лингвистической литературе уже отмечалась связь между глаголами *получить*, *дать*, *взять*, *принять* и глаголом *иметь*. Например, в кн. Ю. Д. Апресяна «Идеи и методы структурной лингвистики» глаголы *брать* и *дать* определяются так: *брать* = «заставить себя иметь», *давать* = «заставлять кого-то иметь» (С. 254).

Глагол *иметь* и конструкция с глаголом *быть* не вносят информацию о том, что Y не входит в «существование» X до описываемого времени. Эта информация включается в значение всех остальных рассматриваемых глаголов. Ср., например, следующие предложения: *Я имел право* и *Я получил право*; *Я имел состояние* и *Я получил состояние*; *У него была книга* и *Я дал ему книгу*; *Его шерсть имеет красивый оттенок* и *Его шерсть приняла красивый ореховый оттенок*. Этот компонент в значении глаголов *дать*, *взять*, *принять*, *получить* мы обозначим буквой b . Другие различия между анализируемыми глаголами, как мы увидим ниже, чаще всего связаны с тем, определяется ли включение действием самого денотата подлежащего или же действием некоторой внешней по отношению к нему силы, а также направленностью включения. Мы будем считать определяющим действие денотата подлежащего, если имеется этап, на котором включение однозначно зависит от его действия (т. е. осуществление этого действия либо достаточно для включения, либо все остальные действия неизбежно и автоматически за ним следуют). Глаголы *взять*, *принять*, *дать* вносят информацию о том, что действие денотата подлежащего определяет включение Y в «существование» X -а. Напротив, глагол *получить* сообщает, что определяющим является действие некоторой внешней по отношению к денотату подлежащего силы. Обозначим эту последнюю информацию знаком c_b . Знак d_b будет служить символом информации об определяющей роли денотата подлежащего. Отсутствие индекса b при буквах c и d будет показывать, что рассматриваемое действие не влияет или во всяком случае недостаточно для включения Y в «существование» X . Буквы cd_b будут служить знаком информации о том, что денотат подлежащего включает Y в «существование» X , причем Y был «направлен» к X . Термин «направлять» требует некоторого пояснения. Мы будем считать, что Y был «направлен» к X , если имеется действие, цель которого включить Y в «существование» X , причем это действие привело бы к желаемому результату, если бы он не зависел также от денотата подлежащего. Таким образом, слово, включающее информацию cd_b , не может обозначать любую ситуацию, в которой создается некоторая предварительная возможность включить Y в «существование» X .

Слово *направленность* будет также использоваться в выражении *направленность включения*, в котором оно будет характеризовать соотношение участников денотативной ситуации с членом предложения, а именно: тождествен ли X (т. е. тот, в «существование» которого включается денотат прямого дополнения) денотату подлежащего или денотату косвенного дополнения. Глаголы *получить*, *принять* сообщают о том, что Y включается в «существование» денотата подлежащего, т. е., иными словами, эти глаголы показывают, что денотат подлежащего выступает как адресат действия. Таковую же информацию обычно (о некоторых исключениях мы скажем ниже) вносит и лексема *взять*. Напротив,

глагол *дать* сообщает, что адресатом действия является денотат косвенного дополнения. Ср., например: *Я получил пощечину* и *Он дал мне пощечину*. Для обозначения информации о включении Y в «существование» денотата косвенного дополнения мы будем использовать индекс $\rightarrow_{\text{дкд}}$ при букве a ($a_{\rightarrow_{\text{дкд}}}$). Отсутствие этого индекса или индекс $\rightarrow_{\text{дп}}$ служит показателем информации о включении Y в «существование» денотата подлежащего.

Соединение компонентов $a_{\rightarrow_{\text{дкд}}}$ и d_b в значении глагола *дать* приводит к появлению информации о том, что включение Y в «существование» X определяется не самим X , а некоторой внешней по отношению к нему силой Z . Точно такая же информация возникает и при соединении компонентов $a_{\rightarrow_{\text{дкд}}}$ и c_b , которые входят в значение глагола *получить*. Таким образом, отношение между глаголами *дать* и *получить* приближается к отношению конверсивности (наличие еще одного различия между этими глаголами, о котором будет сказано ниже, препятствует полной реализации этого отношения).

Хотя представление о том, чье действие, X или Z , определяет включение Y в «существование» X , вытекает из соединения признака направленности и признака $c_b \rightarrow d_b$, иногда важно в явной форме показать, что денотат подлежащего тождествен X или, наоборот, Z . В этом случае мы будем добавлять индекс x или z к букве d ($d_{bx} \rightarrow d_{bz}$).

Переходим теперь к подробному рассмотрению глагола *принять*.

ИНФОРМАЦИЯ О НАЛИЧИИ СВОЙСТВА, ЧУВСТВА, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ (ВАРИАНТ А.)

3.2. Вариант a_1 — информация о наличии Y во множествах: свойства X , чувства, ощущения X , представления, понятия X , а также о наличии такого Y , который представляет собой место, занимаемое X в пространстве, или временной отрезок «существования» X . Следует сказать, что информация a_1 реализуется лишь в ограниченном числе сочетаний, причем преимущественно при нулевом значении компонента c (т. е. при отсутствии информации о том, что некоторая внешняя по отношению к X сила «направляет» Y к X). Это ограничение в основном имеет нелингвистические причины: качества, чувства, ощущения, как правило, не могут быть «направлены» для включения их некоторым лицом.

Информация a_1bcd_b реализуется только в сочетании со словами *месть* и *должность*, которые обозначают точки пространства служебно-иерархических отношений. Например: *Ивану Ильичу предложено было место судебного следователя, и Иван Ильич принял его* (Толстой, Смерть Ивана Ильича).

Слово *место* в функции дополнения при глаголе *принять* не может обозначать точку физического пространства. Нельзя, например, сказать: *Я предложил ему место в своей машине, и он принял его.*

Денотативная ситуация, обозначаемая выражением *принять место* {*должность*}, может быть также описана через глагол *получить*. Интерпретация данной ситуации будет при этом несколько иной: роль согласия, волеизъявления X не будет приниматься во внимание. Таким образом, будет ли представлено действие X определяющим для включения, зависит не только от свойств денотативной ситуации, но и от осмысления ее говорящим.

Сочетания *принять место, должность* принадлежат в основном книжной речи и имеют некоторый оттенок архаичности. В современном разговорном языке предпочтение отдается глаголу *соглашаться*. Например: *Потом ему предложили место следователя в районном отделе милиции, и он согласился.*

В сочетаниях *принять место, принять должность* глагол *принять* сообщает о самом факте, а не о процедуре включения Y в «существование» X. Иными словами, акт включения не представлен как процесс, складывающийся из разнообразных действий и имеющий временное измерение. Вследствие этого сочетания *принять место, принять должность* не употребляются в деепричастном обороте, обозначающем событие, которое предшествует во времени событию главного предложения. Например, предложение *Приняв место судебного следователя, он написал своему бывшему заместителю и попросил его приехать в Орел* не соответствует или во всяком случае не полностью соответствует языковой норме. Обозначим информацию о факте включения Y в «существование» X знаком b_1 . Знак b_2 будет символизировать информацию о процедуре включения. Отсутствие индекса при букве b будет показывать, что глагол *принять* в зависимости от контекста сообщает либо о факте, либо о процедуре включения.

В предложениях типа *Он принял должность судебного следователя* акт включения представлен как зависящий прежде всего от воли, желания денотата подлежащего. Обозначим эту информацию знаком $d_{1в}$. Знак $d_{2в}$ будет показывать, что включение Y было обусловлено установлением его соответствия некоторому идеальному эталону. Например, члены приемной комиссии обязаны зачислить в число студентов тех абитуриентов, которые удовлетворяют требованиям, предъявляемым к поступающим. Вследствие этого мы будем считать, что в предложении *Его приняли в институт* реализуется информация $d_{2в}$. Напротив, X может отказаться от предлагаемого ему места, даже если это место удовлетворяет всем необходимым требованиям. Поэтому мы относим предложение *Он принял место* к условиям реализации варианта $d_{1в}$.

При информации $cd_{1в}$ (Z «направляет» Y X-у и X включает Y по своей воле, желанию) употребления слов, указывающих на время включения, избегают.

Например, предложение *В 1845 г. он принял должность судебного следователя* воспринимается как не совсем правильное. В этом контексте более естественно поставить глагол *получить*: *В 1845 г. он получил место судебного следователя*.

Компонент d_{2b} , как будет показано в дальнейшем, часто сочетается с компонентом b_2 : установление соответствия Y некоторому эталону может быть представлено как процесс, имеющий временные измерения. Хотя обязательной связи между компонентами b_2 и d_2 нет, компонент b_2 всегда показывает, что факт включения зависит прежде всего не от воли, желания X , а от проведения процедуры включения, в чем бы эта процедура ни заключалась. От воли, желания X зависит лишь проведение самой процедуры, а не ее исход. Например, предложение *Я завтра буду принимать дела* сообщает, что от произвольного решения X зависит время проведения процедуры включения, но не то, будут или не будут приняты дела. Таким образом, компонент b_2 частично предсказывает содержание компонента d_b . Вследствие этого при компоненте b_2 компонент d_b не будет иметь числового индекса.

3.3. За исключением рассматриваемого условия употребления, глагол *принять* не имеет компонента с при варианте a_1 , т. е. он не сообщает о том, реализует ли действие денотата подлежащего возможность, предоставленную ему Z . Например, слыша предложение *Он принял звание генералиссимуса*, адресат речи не получает сведений о том, было ли действие денотата подлежащего ответом на сделанное предложение или нет. Отсутствие компонента с подтверждается возможностью употребить глагол *принять* в ситуациях, в которых участие Z исключено.

Информация $a_1 b_1 c_0 d_b$ реализуется при дополнении, обозначающем образ мышления и образ действий—*манеры, приемы, привычки*. Например: *Она приняла его взгляды, привычки, вкусы; Он принял их веру; Она приняла его точку зрения*.

Манеры, привычки, приемы не просто механически берутся одним лицом у другого, но должны быть воспроизведены их новым носителем. Поэтому свойства самих ситуаций, описанных в приведенных предложениях, однозначно не определяют их отнесение к денотативному классу глагола *принять*. Эти ситуации могли бы рассматриваться как принадлежащие к денотативному классу слов группы «заимствовать». Допустимость такой интерпретации проявляется и в русском языке, ограничивая употребление глагола *принять* со словами *манеры, приемы, привычки*. Эти сочетания встречаются преимущественно в стилистически приподнятой, поэтической речи. Например: *Как изменилась Татьяна! Как твердо в роль она вошла! Как утеснительного сана приемы скоро приняла!* (Пушкин, Евгений Онегин). В нейтральном стиле речи употребления глагола *принять* в данной сочетаемости избегают. Например,

предложение *Она быстро усвоила его приемы работы на станке* предпочитается высказыванию со словом *принять*: *Она быстро приняла его приемы работы на станке*. Ср. также предложения: *Она приняла его методы работы* и *Она усвоила {переняла} его методы работы*, первое из которых оценивалось в 3 и 4 балла, а второе — в 5 баллов. Неудачным представляется выбор глагола *принять* и в такой фразе, как *Она приняла его манеру говорить в нос*. Ср.: *Она переняла его манеру говорить в нос*. Однако если речь идет о включении Y в качестве элемента мировоззрения X (*принять веру, принять чьи-то взгляды, принять чью-то точку зрения*), то глагол *принять* употребляется очень широко. Он может встречаться даже в контекстах, в которых нет прямого обозначения Y : указывается только источник, из которого были почерпнуты те или иные мировоззренческие идеалы. Например: *Прочел пять глав Матвея, стали толковать. Все слушали, но принял только один Иван Чуев. И так принял, что стал во всем жить по-божьему* (Толстой, Фальшивый купон). Глагол *принять* в сочетании со словами и выражениями *взгляды, точка зрения, вера, теория, концепция* может употребляться только в том случае, когда речь идет не о создании денотата дополнения, а о его заимствовании. Действительно, можно сказать: *Она приняла его точку зрения; Она приняла его взгляды, вкусы, привычки*, но предложения *Она приняла твердую точку зрения; Она приняла странные взгляды, вкусы, привычки* не соответствуют или во всяком случае не полностью соответствуют языковой норме. Поскольку информация о таком отношении между X и Y , при котором Y — продукт труда, создание X , действие X , обозначается знаком a_2 , отсутствие индекса $_2$ будет свидетельствовать о том, что глагол *принять* в рассматриваемых условиях не передает информацию об отношении продукта действия или действия к его производителю.

Глагол *принять* в сочетании со словами *концепция, теория* теряет компонент b . Например, предложение *Я принимаю его теорию гранулярного пламени* означает, что X имеет Y в качестве элемента своего «видения» процесса горения; когда именно произошло включение Y в научное мировоззрение X , глагол *принять* не сообщает. Информация о моменте включения присуща только форме совершенного вида и принадлежит, таким образом, грамматическому значению. Компонент b является неустойчивым и в сочетаниях *принимать чьи-то взгляды*: хотя эти сочетания необязательно передают информацию о моменте включения, их употребление при компоненте b_0 не полностью соответствует языковой норме. Действительно, фразы *Она приняла его точку зрения; Он принял ее взгляды* предпочитают предложениям *Она принимала его точку зрения; Он принимал ее взгляды* (средний балл 5 и 3 соответственно). Компонент b сохраняет свой лексический статус в выражениях *принять христианство, магометанство, веру*, а также в сочетаниях *принять приемы, манеры, привычки*.

Включение чужих взглядов, чужого видения мира в свое мировоззрение предполагает признание истинности, правильности Y. Поэтому, слыша предложения типа *Она приняла его точку зрения*, адресат речи понимает, что включение Y было следствием того, что X признал истинность Y. Эта информация актуализируется во всех предложениях с глаголом *принять*, говорящих о включении (вхождении) Y в мировоззрение X. Однако информация о признании Y истинным, правильным составляет только часть общего набора сведений, передаваемых через лексику *принять*, и по существу предсказывается другими компонентами его значения, т. е. является коннотативной. Действительно, если бы предложение *Я принимаю его теорию гранулярного пламени* сообщало только о том, что X признает Y правильным, оно было бы тождественно высказыванию *Я признаю, что теория гранулярного пламени правильна*. Однако такого тождества нет. Нетождественность этих высказываний обусловлена прежде всего тем, что глагол *принять* сообщает о включении Y в мировоззрение X. В результате данной информации предложение *Я принимаю его теорию гранулярного пламени* будет естественным только в устах человека, который сам является специалистом в области горения и для которого теория гранулярного пламени определяет «видение» объекта исследования. В ССРЛЯ анализируемые случаи употребления глагола *принять* относятся к 12-му значению, которое формулируется так: «соглашаться с чем-либо, признавать правильным, относиться положительно к чему-либо» (т. XI, с. 625). На основании всего сказанного выше следует признать, что предложенное в словаре определение неполно описывает информацию глагола *принять* в проанализированных условиях употребления.

Следует отметить, что сочетания типа *принять христианство* предполагают не только включение определенного религиозного мировоззрения, но и официальный переход в новую религию. Вследствие этого данные сочетания имеют некоторую степень идиоматичности.

Взгляды, привычки, точка зрения являются некоторыми функциональными свойствами своего носителя, но одновременно они программируют его действия (взгляды определяют будущее поведение X, привычки создают стереотип того, как и какие действия совершает X, и т. д.). Таким образом, в сочетаниях типа *принять взгляды, привычки* реализуется и информация a_1 , и информация a_3 (включение Y в программу действий X). Вследствие этого данные сочетания могли бы быть отнесены к варианту a_3 и рассмотрены наряду с выражениями *принять вызов, приглашение, предложение* и т. д. Однако с равным правом они могут быть включены в вариант a_1 . Такому распределению может быть даже отдано предпочтение, поскольку мировоззрение не всегда прямо программирует поведение и вообще предполагает какие-то действия.

3.4. Информация $a_1b_1c_0d_b$ может реализоваться при дополнении, выраженном словами *вина*, *позор*, *ответственность*². В этой сочетаемости глагол *принять* требует употребления выражения *на себя*. Выражение *на себя* предполагает существование необходимости включить Y; действие X избавляет других от включения Y (эту последнюю информацию мы будем обозначать буквой е). Например: *Я даю тебе развод и приму вину на себя* (Чехов, Супруга); *Весь позор я принимаю на себя: пусть меня судят* (Новиков-Прибой, Цусима); *Всю ответственность я принимаю на себя*.

Глагол *принять* в данной сочетаемости может употребляться в любом речевом стиле. Однако в бытовой, повседневной речи чаще встречается глагол *взять* (*брать*). Например: *Не беспокойтесь, ответственность я беру на себя*.

Информация bc_0d_b может также актуализироваться в модели «X принял имя, звание, сан». Например: *Ну что же, пусть я буду рыцарем Печального Образа—я с гордостью принимаю это наименование* (Булгаков, Дон-Кихот); *Он принял имя своей матери*.

Приведенные предложения показывают, что отношение $Y \times X$ (Y—имяX) есть результат действия самого X (компонент d_{bx}). Ср., напротив: *Эта местность получила название Панония* (т. е. Z назвал X Панонией).

Для употребления глагола *принять* в сочетаниях *принять имя, звание, сан* несущественно, является ли Y созданием X или X становится носителем уже существующего имени, звания, сана. Допустимость отношения a_2 (Y—действие, результат, продукт действия самого X) еще более четко проявляется в сочетаниях *принять цвет, оттенок, форму, образ, позу, вид, выражение* (о лице), *тон* (голоса). Например: *Приняв спокойный тон, он обсудил все дело* (Толстой, Война и мир); *Фома сунул руки глубоко в карманы брюк, а грудь выпятил вперед, отчего вся его фигура сразу приняла явно вызывающий вид* (М. Горький, Фома Гордеев); *Наташа нашла с помощью Сони и горничной положение зеркала; лицо ее приняло серьезное выражение, и она замолчала* (Толстой, Война и мир); *Постепенно работа комиссии по браку приняла форму технической учебы и вместе с тем суда над техническим невежеством*.

Информация о создании Y обычно передается глаголами группы *делать—создавать*. Однако эти глаголы не употребляются в сочетании с перечисленными существительными. Исключения составляют только выражения *сделать вид, сделать (грустное, печальное, веселое) лицо*. Отличие предложений *Она сделала печальное лицо* и *Ее лицо приняло печальное выражение* заклю-

² Нам не вполне ясно, к какому классу слов следует отнести существительные *вина*, *позор*, *ответственность*. Скорее всего эти слова так же, как и слово *заслуга*, говорят о таком качестве человека, которое воплощено в его поступке, деятельности. Вследствие этого мы включили их рассмотрение в анализ варианта a_1 .

чается в следующем: первое предложение сообщает о сознательном действии денотата подлежащего, второе, наоборот, предполагает неконтролирующего субъекта действия. Под таким субъектом мы понимаем лицо, **объект**, который совершает действие бессознательно, помимо своей воли. Обозначим информацию о контролирующем и неконтролирующем субъекте действия знаками d_k и d_x соответственно. Компонент d_k реализуется в следующих сочетаниях: *принять форму, принять цвет, оттенок, принять выражение*. Этот компонент актуализируется также в устойчивом выражении *Дело приняло дурной (неприятный, неожиданный) оборот*.

Сочетание *принять вид* в зависимости от контекста может передавать либо информацию d_k , либо информацию d_x .

Сравним теперь сочетания *принять вид* и *сделать вид*. Приблизительно смысловое различие между этими выражениями можно сформулировать так: первое говорит о некоторой характеристике внешнего облика X, которая, в частности, может служить истинным или ложным средством выражения внутреннего состояния, внутренних свойств (например, *Он принял вид дурачка*); второе, напротив, сообщает о действии, поведении по отношению к чему-то, кому-то несоответственно своего истинному восприятию этого объекта. Данное смысловое различие проявляется и в конструктивных особенностях. Нельзя, например, сказать: *Он сделал вид дурачка; Он сделал вызывающий вид*. После выражения *сделать вид* требуется употребление придаточного дополнительного. Например: *Он сделал вид, что ничего не заметил*.

Большинство денотативных ситуаций, обозначаемых рассматриваемыми выражениями с глаголом *принять*, могут быть также описаны через синтаксическую модель с глаголом *стать*. Ср., например: *Вода приняла необыкновенный ярко-зеленый цвет* и *Вода стала ярко-зеленой*. Предложения с глаголом *стать* не имеют стилистических ограничений. Напротив, анализируемые модели с глаголом *принять* принадлежат книжной речи.

В денотативных ситуациях, в которых X выступает как неконтролирующий субъект действия, включение Y в число свойств, характеристик X почти всегда связано с действием каких-то внешних по отношению к X сил. Однако информация об определяющей роли самого X сохраняется и в анализируемых условиях. Действительно, глагол *принять* преимущественно употребляется тогда, когда появление Y обусловлено внутренними процессами, протекающими в X. Например: *Вошел врач, и лицо больного опять приняло спокойное выражение* (приход врача связан с изменением выражения лица больного лишь опосредствованно, влияя на состояние больного, которое отражается в его внешнем облике); *Его шерсть отросла и приняла красивый ореховый оттенок* (появление нового оттенка есть результат внутреннего изменения, происходящего в X). Напротив, если появление Y не отражает внутреннего изменения X, употребление глагола

принять становится менее естественным. Например, предложения *На окна повесили шторы — икомната вдруг приняла совсем другой вид; Она подвела глаза синей краской, и лицо ее приняло какое-то зловещее выражение* пять человек из семи опрошенных оценили как не совсем правильные (средний балл 3, 8). Признание допустимости приведенных предложений, вероятно, объясняется тем, что контекст не прямо противоречит компоненту d_b : появление Y у X может рассматриваться как результат, возникший под воздействием внешних по отношению к X сил, возникают колебания относительно оправданности выбора глагола *принять*. В этих условиях создается также возможность для выбора глагола *получить*. Например: *На окошке повесили... гардины — икомната вдруг получила совсем другой вид* (Аксаков, Детские годы Багрова внука). Следует, однако, отметить, что в современном языке говорящие избегают употребления глагола *получить* в сочетании со словами *вид, цвет, оттенок* и т. д. Все опрошенные (семь человек) находили предложения, содержащие данные сочетания, не совсем правильными.

Таким образом, информация о том, что X становится носителем Y или о том, что Y — точка пересечения пространственных или временных координат X (a_1), может входить в следующие комбинации³:

- 1) $a_1 b_1 c d_{1b}$ — [Z «направляет» Y к X , и X включает Y в описываемый момент времени]: *принять место* (-должность), *должность пост*;
- 2) $+_3 b_{1\vee 0} c_0 d_b$ — [X становится носителем Y , причем Y может программировать поведение X ; включение Y в указанное отношение к X определяется самим X ; включение либо происходит в описываемый момент времени, либо имело место и раньше]: *принять {его} точку зрения, взгляды* (b_1 ; b_0 — окказионально); *принять концепцию, теорию, формулу* (b_0); \diamond — *принять христианство, магометанство* и т. д. (b_1 ; \diamond — официально перейти в данную религию); *принять манеры, приемы, привычки* (архаично v стилистически приподнято);
- 3) $a_{1\vee 2} b_1 c_0 d_{k\vee \bar{k}}$ — [Y — свойство, характеристика, имя, звание X , причем Y может быть продуктом действия X ; действие X может не контролироваться его сознанием]: *принять имя, сан, звание* ($d_{\bar{k}}$); *принять форму, выражение* (о лице), *цвет, оттенок* (d); *принять вид* ($d_k \vee d_{\bar{k}}$), *принять тон* (d_k ; книж.); *принять звание, сан* — офиц.

Принятые обозначения: \diamond — идиоматичность; \vee — или; a_{1+2} — одновременная реализация вариантов a_1 и a_2 и т. д., предопределяемая свойствами самого денотата. Остальные символы расшифрованы в тексте.

ИНФОРМАЦИЯ О НАЛИЧИИ ДЕЙСТВИЯ
ИЛИ ЕГО РЕЗУЛЬТАТА В СФЕРЕ «СУЩЕСТВОВАНИЯ»
ПРОИЗВОДИТЕЛЯ ДЕЙСТВИЯ
(ВАРИАНТ А₂)

3.5. Глагол *принять* почти никогда не используется для передачи информации об отношении между действием и его производителем, а также между деятелем и продуктом его труда. Это ограничение связано с тем, что глагол *принять* вносит информацию о приложении X усилий для включения Y: если Y — действие или продукт действия X, он по самой своей природе принадлежит к элементам функционального существования X, и, следовательно, со стороны X не требуется никакого действия для включения Y. Правда, информация о приложении усилий денотатом подлежащего могла быть использована для указания на осуществление или создание Y. Эта возможность реализуется только в нескольких устойчивых оборотах: *принять меры, принять участие* (стилистически нейтрально). В приведенных сочетаниях компонент а и компонент d по существу сливаются: действие денотата подлежащего заключается в осуществлении Y, и Y так относится к X, как то действие, которое X осуществляет. Информация о том, что Y есть продукт, создание X, не всегда приводит к слиянию элементов а и d. В сочетаниях *принять решение, принять (следующий) план (программу) действий Y* выступает как продукт действия X, но он относится к X и в качестве элемента, программирующего действия X.

Глагол *принять* может также говорить об участии X в совместном с Z действии, причем инициатива осуществления этого действия (события) принадлежит Z. Эта информация реализуется только в сочетаниях *принять бой, сражение* (книж.). Например: *И она не знала, что обладает правом <...> не вступать в тяжбу с тем, что было самым нетолстовским на свете, — толстовцами, и не принимать карликового боя с этой стороны* (Б. Пастернак, Люди и положения).

В данном разделе мы рассматриваем также сочетания *принять муки, страдания, боль, смерть, горе*, поскольку существительные *горе, смерть* могут, по-видимому, характеризовать свой денотат не только как чувство или состояние, но и как событие. Таким образом, эти сочетания могут сообщать о наличии чувства, ощущения, состояния, события в определенный временной отрезок «существования» X. При этом X выступает как неконтролирующий субъект страдания, муки, боли и т. д., т. е. от воли X не зависит то, что он испытывает, переносит страдания, боль, муки. Однако глагол *принять* может сохранять компонент d_в в анализируемых сочетаниях: он показывает, что X сам ставит себя в такие условия, в которых он претерпевает страдания, муки. Например:

Вы должны принять страдания, чтобы искупить свою вину (т. е. X должен поставить себя в такие условия, в которых ему пришлось бы переносить страдания); *Так ведь и я тебя тожелеблю, — за то и боль приняла* (Горький, Детство; X ставит себя в такие условия, в которых ему приходится переносить боль); *Я за тебя и смерть приму*. Сохранение компонента d_v , однако, не является обязательным. Например, *Много горя приняла Аннушка от ключницы* (Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина); *И примешь ты смерть от коня своего* (Пушкин, Песнь о вещем Олеге); *Он принял мученическую смерть*. В этих примерах нет информации о том, что X сам сознательно (по своей воле) поставил или поставит себя в такие условия, которые должны принести ему страдания, смерть. При отсутствии компонента d_v возникает представление об определяющей роли некоторой внешней по отношению к денотату подлежащего силы: действие Z причиняет X страдания, является причиной смерти и т. д. Таким образом, в данных условиях реализуется компонент c_v . Денотат подлежащего при этом выступает как неконтролирующий, пассивный субъект действия ($c_v d_{\bar{v}}$).

Глагол *принять* не употребляется регулярно в сочетаниях *принять горе, страдания* и т. д. Эти сочетания воспринимаются как архаические или окказиональные. В нейтральной речи рассмотренные ситуации описываются обычно глаголами *причинить, принести* или выражениями *быть причиной, быть согласным, готовым*. Последние два выражения используются в тех случаях, когда речь идет о сознательном желании X пойти на смерть, муки. Например: *Он готов умереть за тебя*. Относительно большую устойчивость имеет сочетание *принять страдание* (см. его употребление в контексте романов Достоевского).

3.6. Компонент d в значении глагола *принять* может составлять информация не о включении Y в «существование» X, а об отношении X к Y, уже включенного в «существование» X или в «существование» некоторой системы S, членом или представителем которой является X. При этом глагол *принять* может сообщать о том, что X эмоционально признает оправданность этого включения (т. е. чувствует, что оно оправданно) вследствие соответствия Y, несмотря на его отрицательные качества, сущности вещей или тому, что заслуживает X за то дурное, что в нем есть. Сущность вещей может определяться идеальным представлением X о том, каким должен быть тот Y, который входит в его «существование» или в «существование» некоторой системы S. Например, предложение *Я не принимаю такого искусства* показывает, что чувства X, руководимые его эстетическими представлениями, не признают соответствия Y тому, каким должно быть искусство (см. 3.20). С другой стороны, эталоном сравнений может быть представление о реальной сущности вещей. При этом признание отрицательных свойств Y естественными, вытекающими из его

природы, определяется их постоянной встречаемостью в реальной действительности. Отсутствие внутреннего протеста, признание оправданности установления отношения a^4 между X и Y обусловлено в данном случае представлением о неизбежности включения Y в «существование» X . Та или иная интерпретация зависит от общего контекста. В 3.12 будет также показано, что в некоторых условиях эталоном сравнения является не представление о сущности вещей, а реальные свойства сложившейся ситуации. Принятие Y в этом случае зависит от его соответствия данной конкретной денотативной ситуации.

Обозначим выделенную информацию знаком $d_{2\text{чот}}$. Знак d_2 показывает, что действие X заключается в установлении соответствия Y некоторому эталону. В рассматриваемом случае эталоном сопоставления является представление о сущности вещей, о том, что X заслуживает наличия Y , или представление о свойствах данной конкретной денотативной ситуации. Поскольку при этом фактическое включение Y не зависит от X , для обозначения анализируемой информации не был введен индекс в . Индекс ч показывает, что установление соответствия Y эталону сравнения определяется чувствами X . Индекс от символизирует информацию о том, что признание отношения « X а Y » как соответствующего сущности вещей или тому, что заслуживает X , имеет место, несмотря на отрицательные качества X , которые могли бы считаться противоречащими идеальной сущности вещей, т. е. прежде всего нравственно отрицательные качества.

Поскольку при информации $d_{2\text{чот}}$ речь идет об эмоциональном отношении X к Y , глагол *принять* должен употребляться для описания таких денотативных ситуаций, в которых реальное включение Y не зависит от X , а также таких денотативных ситуаций, в которых неприятие Y X необязательно означает исключение Y из «существования» X . Действительно, можно сказать: *Она так и не приняла той жизни, которой ей пришлось жить*, т. е. идеальные представления X о том, как нужно жить, не соответствовали жизни, выпавшей на долю X .

Далее, поскольку информация $d_{2\text{чст}}$ предполагает примирение чувств X с отношением « X а Y », а не примирение, определяемое сознательным мышлением X , глагол *принять* должен употребляться и в тех ситуациях, в которых неприятие Y X не означает, что X сознательно отвергает Y , считает, что Y незаслуженно выпадает на его долю. Именно такое употребление глагола *принять* мы находим в следующем отрывке из романа Достоевского «Братья Карамазовы»: — *И вот, что еще хотел тебе сказать, — продолжал каким-то зазвеневшим вдруг голосом Митя, — еслиб и стану дорогой, аль там, то я не дамся, а убью, и меня*

⁴ Отношением a мы называем нахождение Y в том или ином пространстве, связанном с X . Следует отметить, что в тексте при интерпретации признака a и соответствующей ему денотативной ситуации мы для краткости часто говорим просто об отношении Y к X .

расстреляют. И это двадцать ведь лет! Здесь уж «ты» начинают говорить. Сторожа мне «ты» говорят. Я лежал и сегодня всю ночь судил себя: не готов! Не в силах принять! Поскольку информация $d_{2\text{чот}}$ предполагает признание отношения «X а Y» соответствующим реальной или идеальной сущности вещей, несмотря на отрицательные качества Y, которые могли бы служить основанием для противоположного вывода, глагол *принять* должен наиболее часто употребляться при дополнении, денотат которого мог бы рассматриваться как что-то не совсем хорошее, дурное, постыдное, унижительное. Это ограничение не должно быть строго обязательным, поскольку идеальные представления о том, какой должна быть действительность, могут исключать из нее не только все постыдное, унижительное, дурное, но и все трудное, неприятное, мучительное. Однако естественно предположить, что первое место будут занимать слова, денотаты которых оцениваются по шкале «хорошее—дурное». Это следствие информации $d_{2\text{чот}}$, действительно, наблюдается. Все устойчивые употребления глагола *принять* связаны именно с ситуациями, в которых те или иные свойства Y могут считаться нравственно нехорошими, дурными (см. 3.20). Предложения типа *Она так и не приняла той жизни, которой ей пришлось жить* воспринимаются как говорящие скорее всего о том, что жизнь X была в чем-то унижительной, нехорошей. Употребление глагола *принять* в контексте, в котором речь идет о сложностях, трудностях жизни, не связанных с представлением о чем-то дурном, недостойном человека, оцениваются обычно как не совсем естественные, не совсем правильные. Например, предложение *Она не примет такой трудной жизни* получало либо 3, либо 2 балла. Сочетания глагола *принять* со словами, которые связаны с представлением о чем-то трудном, мучительном, воспринимаются как окказиональные и встречаются в основном в речи-общении. Например: *Я принимаю тебя, смерть! Я принимаю тебя, страдание!*⁵

Информация $a_2d_0cd_{2\text{чот}}$ чаще всего реализуется в сочетаниях *принять жизнь, принять это*, когда слово *это* указывает на тот или иной образ жизни. Следует подчеркнуть, что при информации $d_{2\text{чот}}$ глагол *принять* сохраняет компонент a_2 . Действительно, этот глагол не может употребляться для описания, например, такой ситуации, в которой X наблюдает жизнь других людей и хочет сообщить, что их жизнь не согласуется с его представлениями о том, какой должна быть жизнь. Нельзя, например, сказать: *Я не принимаю то, как они живут*. В данной ситуации нужно выбрать другие языковые средства. На-

⁵ Приведенные предложения в отличие от фраз типа *За тебя я смерть приму* не имеют компонента d_b : они не сообщают о том, что X по собственной воле, желанию готов принять смерть, страдания. Эти предложения говорят о внутреннем примирении X с тем, что его ждет.

пример: *Я считаю недопустимым жить так, как они живут; Мне не нравится то, как они живут.*

Глагол *принять* в рассматриваемых условиях имеет компонент b_0 : несовершенная форма этого глагола необязательно сообщает о том, что включение Y в «существование» X не имело места до описываемого момента времени.

Таким образом, определение информации $a_2b_0cd_{2\text{чот}}$ согласуется с интуитивным восприятием предложений с глаголом *принять* и предсказывает различные особенности его употребления. Это определение позволяет также увидеть отличие глагола *принять* от других глаголов, которые говорят о реакции X на включение Y , а именно от глаголов *вынести*, *принести*. Различие заключается именно в том, что глаголы *перенести* и *вынести* говорят об общей реакции организма X , а глагол *принять* — о реакции тех чувств, которыми руководят представления X о хорошем и плохом. Ср., например, следующие предложения: *Она этого не перенесет* (т. е. организм X будет сломлен) и *Она этого никогда не примет* (т. е. чувства X , связанные с представлением о том, что допустимо или недопустимо, восстанут против Y). В ССРЛЯ нет значения, которое бы прямо можно было сопоставить с информацией $d_{2\text{чот}}$. Отдельные предложения, в которых реализуется компонент $d_{2\text{чот}}$, отнесены к 12-му значению: «Соглашаться с чем-либо, признавать правильным, относиться положительно к чему-либо» (т. XI, с. 625). Из перечисленных истолкований 12-го значения выражение «относиться положительно к чему-либо» наиболее близко к рассмотренному содержанию глагола *принять*. Однако полного тождества между определяемым и его определением нет: во-первых, глагол *принять* говорит о реакции X на тот Y , который входит в его «существование», а не на любой объект внешнего мира; во-вторых, глагол *принять* не предполагает обязательно положительного отношения X к Y ; он сообщает, что X признает соответствие отношения « X а Y » тому, что должно быть — с точки зрения сущности вещей или того, что заслуживает X — несмотря на такие качества Y , которые могли бы считаться несогласующимися с данным критерием.

3.7. Остановимся теперь на той разновидности компонента $d_{2\text{ч}}$ (обозначим ее знаком d_3), которая возникает при употреблении глагола *принять* в сочетании с обстоятельством образа действия. Информация d_3 не комбинируется с компонентом a_2 . Однако ее удобно рассмотреть сразу после введения компонента $d_{2\text{ч}}$. Глагол *принять* в сочетании с обстоятельством образа действия не показывает, признает ли X оправданность включения Y в «существование» X . Он сообщает о такой эмоциональной реакции X на наличие Y , в которой выражается, во всяком случае, непризнание того, что Y настолько плох, неприятен, возмутителен, чтобы привести к отрицательному эмоциональному взрыву, открытому бунту чувств X против Y . Понятие «плохое» берется здесь в самом

широком смысле и регулярно относится ко всему, что имеет отрицательные качества и/или может вызвать отрицательные эмоции у X. Вследствие этого глагол *принять* при компоненте d_3 может сочетаться с такими словами, как *доклад, речь, известие*, которые не связаны с какими-либо нравственными оценками, а также с такими словами, как *несчастье, неудача*, денотаты которых сами по себе не могут быть ни хорошими, ни плохими, но могут вызывать отрицательные эмоции у X. Ср. употребление слова *плохо* в предложении *Мне сейчас очень плохо*, когда это предложение описывает душевное состояние X. Следует, однако, отметить, что не все информанты считали естественным употребление глагола *принять* в сочетании с такими словами, как *несчастье, неудача* (см. об этом ниже).

Кроме несколько иного понимания эталона сопоставления, глагол *принять* в анализируемых условиях необязательно предполагает наличие каких-либо отрицательных качеств у Y. Вследствие этого он встречается в сочетаниях типа *принять с восторгом, принять с сочувствием*. Например: *Публика приняла эту пьесу с восторгом*.

Поскольку глагол *принять* говорит не о любой эмоциональной реакции X, а только о такой реакции, которая показывает, что чувства X, связанные с представлением о **хорошем—плохом**, во всяком случае, не восстают против Y в такой степени, чтобы X не мог примириться с Y, этот глагол не должен сочетаться со словами, денотаты которых не могут служить эмоциональным выражением оценки Y по категории «**хорошее—плохое**» или свидетельствовать о наличии сильного внутреннего протеста. Такая сочетаемость действительно не соответствует нормам русского языка. Например, можно сказать: *К его удивлению Анна приняла это известие очень спокойно* (Толстой, Анна Каренина); *Большинство оке братьев, видевшие в этой речи опасные замыслы иллюминатств, к удивлению Пьера с холодностью приняло его речь* (Толстой, Война и мир). Напротив, сочетания *принять с возмущением, принять с отчаянием*, которые показывают, что чувства X восстают против Y, не встречаются в художественной литературе. Информанты также по-разному оценивали предложения с глаголом *принять* в зависимости от значения слов, обозначающих эмоциональную реакцию X. Предложения типа *Она приняла это известие очень спокойно; Публика холодно приняла его выступление; Он спокойно принял возражения оппонента* воспринимались как безусловно правильные (балл 5). Напротив, такие фразы, как *Она с негодованием приняла это известие; Публика с возмущением приняла его выступление; Он с бешенством принял возражения оппонента* оценивались как неправильные или во всяком случае не совсем правильные, логически противоречивые.

Глагол *принять* не сочетается также со словами, обозначающими эмоции, которые не являются выражением оценки положительных и отрицательных

качеств Y . Например, предложение *Публика с волнением приняла его выступление* оценивалось обычно баллами 2 и 3. Следует, однако, отметить, что информанты не считали совершенно недопустимыми сочетания типа *принять с возмущением*. Возможно, это свидетельствует об ослаблении компонента d_2 . Однако сам факт колебаний, сомнения при оценке сочетаний типа *принять с возмущением*, *принять с волнением* говорит о том, что информация d_2 все еще входит в означаемое глагола *принять*.

Поскольку глагол *принять* вносит информацию об эмоциональной реакции X , обстоятельство образа действия, стоящее при этом глаголе, как правило, обозначает эмоции, а не действия. Окаzionaliальные исключения составляют только те случаи, когда действия являются средством выражения эмоционального отношения. Например: *Утром 8 февраля она причастилась гостией, освященной папою Пием V, надела черное платье, с величественным видом подошла к плахе и, громко поручив свою душу Богу, приняла удар палача* (Конский, Мария Стюарт).

Компонент d_3 приблизительно соответствует 10-му значению, выделенному у глагола *принять* в ССРЛЯ: «Воспринимать или реагировать на что-либо тем или иным образом» (т. XI, с. 627). Словарное определение не совсем точно истолковывает информацию глагола *принять*, отождествляя его хотя бы в некоторых условиях с лексемой *воспринимать*. Этот последний глагол сообщает об отражении объектов, явлений и т. д. внеязыковой действительности в сознании X , причем, по-видимому, предполагает такое отображение, в котором участвует интуитивное мышление: восприятие проецирует действительность скорее с помощью чувств, чем ума. Информация об участии чувств сближает глаголы *принять* и *воспринять*. Первый, однако, говорит о том, что чувства X устанавливают соответствие Y некоторому эталону, а второй — об отображении Y с помощью чувств. Ср., например, следующие предложения: *Я не воспринимаю такой музыки и Я не принимаю такой музыки*. Фраза с глаголом *воспринимать* сообщает о том, что нервные рецепторы X не способны довести до сознания X -а Y . Эта фраза может в скрытой форме предполагать осуждение Y , которое, однако, не вытекает прямо из значения глагола *воспринимать*. Напротив, предложение с глаголом *принять* содержит информацию о явном осуждении Y -а X -ом. Оно показывает, что интуитивное представление X о том, какой должна быть музыка, восстает против Y . Глагол *воспринимать* может использоваться также в контексте, в котором речь идет об особенностях осмысления X -ом Y -а, выражающихся в том, что X вкладывает в Y какой-то необычный или неправильный смысл, придает Y какое-то необычное значение. Например, можно сказать: *Она как-то странно восприняла то, что я ей сказала* (баллы 4 и 5). Информация d_2 , напротив, требует, чтобы глагол *принять* имел при себе только такое обстоятельство образа действия, которое сооб-

щает об эмоциональном отношении к Y , а не о том, верно или неверно, полно или неполно отображен Y в сознании X , труден ли для X процесс восприятия Y . Действительно, можно сказать: *Она спокойно приняла это известие; Она спокойно приняла возражения оппонента*, но предложения *Она неправильно приняла это известие; Она неправильно приняла возражения оппонента* не соответствуют языковой норме. Нельзя также сказать: *Она неправильно принимает искусство*, хотя предложение *Она неправильно воспринимает искусство* возможно. Таким образом, значение слов, выступающих в функции обстоятельства образа действия, согласуется с утверждением о том, что глагол *принять* сообщает не о процессе отображения Y в сознании X , а об эмоциональном отношении X к Y . Информация о том, что Y отображен в сознании X , входит и в значение глагола *принять* лишь постольку, поскольку она вытекает из компонента d_3 : можно установить то или иное эмоциональное отношение только к такому объекту, который отображен в сознании.

Вторая часть словарного определения «реагировать на что-либо тем или иным образом» точнее истолковывает смысловое содержание глагола *принять*. Однако это определение неполно. Как было показано выше, глагол *принять* сообщает не о любой реакции X на Y , а о тех эмоциях, в которых выражается признание соответствия Y некоторому эталону или хотя бы какое-то примирение Y с этим эталоном. Признание определяется чувствами X . Принятие Y , кроме того, предполагает установление тех или иных отношений между X и Y по признаку a . Эти отношения будут рассмотрены в дальнейшем.

Перечислим основные результаты, изложенные во втором разделе третьей главы. В этом разделе было показано, что компонент a_2 (информация о таком отношении между X и Y , при котором Y есть действие или продукт действия X ⁶) может вступать в следующие комбинации:

- 1) $a_2b_1c_0d_0$ — *принять меры, принять участие* (нейтр.);
- 2) $a_{2+3}b_1c_0d_{1в}$ — *принять решение, план, программу (действий)*;
- 3) $a_2b_1cd_{1в}$ — *принять бой, сражение* (архаич.);
- 4) $a_1(a_2)b_1c_0d_{в} \vee c_{в}d_{к}$ — *принять смерть, страдание, боль* ($c_0d_{в} \vee c_{в}d_{к}$); *принять горе, муки* ($c_{в}d_{к}$) (архаич. и окказ.);
- 5) $a_1(a_2)b_1cd_{2ч}$ — *принять жизнь* (окказ. *принять смерть, страдание, муки* и т. д.).

Во втором разделе была определена информация $d_{2чот}$ и d_3 .

⁶ Компонент a_2 включает также информацию об отношении между деятелем и объектом его действия. Отношение между X и объектом его действия, за исключением некоторых особых случаев, о которых будет сказано особо, не описывается анализируемыми глаголами.

СОЧЕТАНИЯ ТИПА *ПРИНЯТЬ КОМАНДОВАНИЕ*,
ПРИНЯТЬ СОВЕТ
(ВАРИАНТ А₃)

3.8. Мы уже говорили выше, что включение Y в «существование» X может идти сразу по нескольким линиям. Информация о том, что Y программирует действия X, особенно часто совмещается с указаниями о других типах отношений между X и Y. Рассмотренные ранее выражения *принять приемы, манеры* и т. д. представляют собой случаи реализации вариантов а₁ и а₃: приемы, манеры являются свойствами их обладателя, носителя, но одновременно они программируют его действия. Устойчивое выражение *принять решение* характеризует Y как продукт деятельности X и в то же время предлагает его включение в качестве элемента программирования действий X (варианты а₂ и а₃). Сочетания *принять вызов, принять предложение, принять совет, принять приглашение* показывают, что X включает Y в качестве элемента программирования своих действий, причем Y есть продукт, результат действия, направленного на X (варианты а₃ и а₄). Например: *Пьер не отвечал ему и коротко спросил, будет ли принято его предложение* (Толстой, *Война и мир*); *Принимаю ваш вызов. Извольте прислать ко мне вашего секунданта* (Тургенев, *Бретер*); *Я принимаю ваше приглашение*.

В ССРЛЯ сочетания *принять вызов, принять предложение, принять приглашение, принять совет* отнесены к 12-му значению: «Соглашаться с чем-либо, признавать правильным, положительно относиться к чему-то» (т. XI, с. 625). Если бы глагол *принять* действительно сообщал только о признании правильности Y, его употребление не зависело бы от того, «направлен» Y на X или нет, т. е. относится ли совет, предложение, приглашение именно к X. Однако выбор глагола *принять* требует такой «направленности» Y. Нельзя, например, сказать: *Я принимаю предложение, которое вы сделали Ивану Сергеевичу* или *Я принимаю совет, который вы ей дали*. Кроме того, признание Y правильным необязательно предполагает готовность ему следовать, поступать в соответствии с ним. Действительно, можно, например, сказать: *Я согласен с вашим советом, но, к сожалению, не могу им воспользоваться*. Употребление глагола *принять* в таком контексте не соответствует языковой норме. Определение информации глагола *принять* как комбинации компонентов а₃₊₄ b₁ c_d предсказывает данные особенности употребления: X включает совет, предложение, приглашение, вызов (компонент d) в программу своих действий, следовательно, он собирается действовать в соответствии с Y; компонент а показывает, что совет, предложение и т. д. относятся к X. Из предложенного определения вытекает также информация о признании Y правильным. Действительно, готовность

следовать совету предполагает обычно его положительную оценку. Поскольку последняя информация предсказывается другими компонентами значения, ее можно считать коннотативной и не вводить в определение.

Выражения *принять совет, предложение, приглашение, вызов* регулярно используются для передачи информации $a_{3+4}b_1cd_b$. Кроме этого, в речи отдельных говорящих носителями данной информации могут выступать и другие словосочетания. Например: *Все сбились с ног, готовясь к празднику, отдавая и принимая распоряжения, ругаясь, споря, моя полы, чистя синеющим мелом темное тяжелое серебро икон* (Бунин, Суходол). В современном языке в данной сочетаемости было бы более естественным употреблять глагол *получить*. Среди окказиональных условий употребления глагола *принять* следует также отметить словосочетания: *принять план действий, принять программу действий*. Например: *Я принимаю ваш план действий*. Два последних сочетания могут также передавать информацию $a_{3+2}b_1c_0d_b$ (см. 3.5).

Выражение *принять совет* встречается в книжной, стилистически приподнятой или официальной речи. Остальные рассмотренные сочетания стилистически нейтральны.

3.9. В функции дополнения при глаголе *принять* могут стоять существительные, обозначающие такие действия, которые связаны с отдачей сил (труда) или средств на общепользные или во всяком случае полезные и для других цели. Например: *Задача отряда состояла в том, чтобы <...> принять на себя его [каравана] охрану до Мурманска* (Козакевич, Сердце друга); *Она приняла на себя редактирование всего сборника*.

Глагол *принять* в приведенных предложениях сообщает о включении Y в программу действий X. Отношение между X и Y в этих предложениях могло бы также рассматриваться как отношение между лицом и тем действием, которое оно осуществляет или — точнее — будет осуществлять. Именно вследствие того, что Y выступает скорее как будущее, чем как уже осуществляемое действие X, мы отнесли сочетания типа *принять командование* к случаям реализации варианта a_3 признака а. Включение Y-а X-ом может быть ответом на предложение, сделанное X-у. Однако это условие не является обязательным. Например, можно сказать: *После смерти командира он принял на себя командование полком* (действие денотата подлежащего может быть результатом его личной инициативы). Таким образом, компонент с имеет в анализируемых условиях нулевую форму (нет информации о том, что действие X является ответом на сделанное предложение).

Во всех приведенных примерах глагол *принять* стоял в сочетании с выражением *на себя*. Сочетание *принять на себя* в современном языке обычно используется для указания на то, что X, включая Y в программу своих действий,

избавляет других от необходимости включить Y (компонент е). Данное содержание не было обязательным для рассматриваемого словосочетания в языке XIX в. Например: *Он красил, вставлял стекла, оклеивал стены и даже принимал на себя кровельные работы* (Чехов, *Моя жизнь*). В современном языке такое употребление воспринимается как не совсем правильное, архаичное (сред. балл 3). Ср., напротив: *Мы не должны об этом беспокоиться. Кровельные работы Сергеев примет на себя* (сред. балл 4). Употребление выражения *принять на себя* в контексте, согласующемся с информацией о том, что X избавляет других от необходимости выполнения кровельных работ, создает логически непротиворечивое высказывание. Оценка 4 обусловлена тем, что в разговорной речи глагол *принять* обычно заменяется глаголом *взять*. Например: *Мы не должны об этом беспокоиться. Кровельные работы Сергеев возьмет на себя*. Смысловое содержание глаголов *взять* и *принять* в анализируемых условиях абсолютно тождественно. Они различаются только по своей стилистической окраске; глагол *взять* стилистически нейтрален, глагол *принять* принадлежит книжной и официальной речи и имеет некоторый оттенок архаичности.

Выражение *на себя* иногда может заменяться словосочетанием *на свои руки*. Условия их взаимозамены мы не рассматривали.

Как было указано выше, выражение *принять на себя* употребляется только при таких существительных, которые обозначают действия, предполагающие отдачу сил (труда) или средств ради целей, полезных не только для X. Это ограничение справедливо и для глагола *взять*. Нельзя, например, сказать: *Он взял на себя бег; Он взял на себя катание на коньках*, поскольку трудно себе представить ситуацию, в которой бег или катание на коньках превращались бы в некоторую полезную для других деятельность. Следует, однако, отметить, что если бы такая ситуация возникла, употребление глагола *взять* стало бы возможно.

Наиболее часто глаголы *взять* и *принять* встречаются со словами, обозначающими служебную, профессиональную деятельность. Например: *Он взял {принял} на себя управление именем; Он взял {принял} на себя расследование этого запутанного дела; Она взяла на себя правку корректуры*. Эти глаголы могут также употребляться, когда речь идет о домашних обязанностях. Например: *Он взял на себя покупки; Она взяла на себя стирку белья*. Однако, по мнению некоторых информантов (5 из 12), последние предложения имеют оттенок казенности. Этого стилистического оттенка лишены сочетания *принять {взять} на себя хлопоты, расходы, воспитание, заботы о ком-либо*. Например: *Все хлопоты {расходы} он взял на себя*.

Глаголы *взять* и *принять* сочетаются также со словами *труд* плюс инфинитив (книжное или стилистически приподнятое, подчеркнуто вежливое), *обязанность* плюс инфинитив. Слово *обязанность* может употребляться и без инфинитива. На сочетаемость глаголов *принять* и *взять*, кроме указанных

факторов, влияет широта использования существительного, обозначающего действия рассматриваемого типа. Так, предложение *Она взяла на себя покупки* оценивается выше по сравнению с предложением *Она взяла на себя мойку полов*. Эту разницу в восприятии можно, по-видимому, объяснить значительно большей шириной употребления слова *покупка* по сравнению с выражением *мойка полов*.

3.10. Глагол *взять* обязательно требует добавления выражений *на себя, на свои руки*. Напротив, глагол *принять* может употребляться и без этих выражений при условии, что дополнение обозначает такую деятельность или объект деятельности, которые, как правило, передаются от одного лица к другому (так, командование армией, управление имением обычно переходит из ведения одного лица в ведение другого). Действительно, можно сказать: *Он принял командование над армией; Он принял вахту; Он принял смену*, но предложения *Она приняла редактирование сборника; Он принял расследование этого трудного дела*, денотат дополнения которых не связан с представлением о регулярности перехода от одного лица к другому, воспринимаются как неправильные. Подчеркнем, что фразы *Он принял на себя расследование этого трудного дела; Она приняла на себя редактирование всего сборника* относятся к категории отмеченных.

В рассматриваемых условиях глагол *принять* может использоваться не только со словами, обозначающими деятельность, но и со словами, указывающими на объект деятельности. Так, можно сказать *Он принял командование полком* и *Он принял полк*. Такое употребление, однако, не всегда полностью соответствует языковой норме. Например, предложения *Через неделю он опять принял колхоз; В прошлом году она приняла библиотеку* воспринимались информантами как не совсем правильные (баллы от 2 до 4). Полностью соответствующими языковой норме являются только следующие сочетания: *принять роту, полк, армию, принять дела, принять заказ*.

Сочетаемость глагола *принять* только со словами, обозначающими такую деятельность или объект деятельности, которые передаются от одного лица к другому, объясняется, по-видимому, влиянием компонента с (*Z* «направляет» *Y X*-у), представленного в ослабленной форме. Мы говорим об ослабленной форме компонента с, поскольку предложения типа *Он принял командование армией в 1942 г.* необязательно предполагают непосредственную передачу *Y* от *Z* к *X*. Вследствие этого мы будем считать, что в анализируемых условиях реализуется компонент C_0 , но сочетаемость глагола *принять* связана с рудиментарным проявлением этого компонента.

В анализируемых условиях некоторые изменения претерпевает и компонент **b**, а именно: он содержит информацию не только о самом факте включения,

но и о процедуре включения, т. е. акт включения представлен как процесс, складывающийся из разнообразных типов действий и имеющий временные измерения. Вследствие этого глагол *принять* может употребляться в деепричастном обороте, обозначающем событие, которое предшествует событию главного предложения. Например: *Приняв командование над армиями, Кутузов вспомнил о князе Андрее и послал ему приказание явиться в главную квартиру* (Толстой, *Война и мир*; событие главного предложения следует во времени за событием, описанным в деепричастном обороте); *Приняв управление имением, он решил на несколько дней поехать в Москву*.

При интерпретации включения как некоторой точки, а не набора точек, представляющих собой разнообразные действия, глагол *принять* употребляется только в предложениях с причинно-следственными связями, не предполагающими временную последовательность. Действительно, предложения типа *Он принял на себя командование армией*, которые не могут передавать информацию о процессе включения, не употребляются в деепричастном обороте, связанном с главным предложением отношением предшествования. Ср., например: *Приняв командование, он написал своему бывшему адъютанту* и *Приняв на себя командование, он написал своему бывшему адъютанту*. Вторая фраза оценивается как не совсем правильная.

Однако сочетания типа *принимать командование* не могут иметь при себе выражения, обозначающие период времени (*целый день*, *целый час* и т. д.). Эти выражения регулярно используются только при словосочетании *принимать дела*. Например: *Вчера я целый день принимала дела*; *Завтра я буду принимать дела*. Допустимым представляется также предложение *Она принимает у него заказ уже десять минут*.

Интерпретация сочетаний типа *принять командование*, *принять управление*, предложенная в настоящей работе, близка к тому описанию, которое эти сочетания получили в ССРЛЯ: «4. Перех. Вступать в управление чем-либо, занимать, соглашаться занять *какую-л.* должность» (т. XI, с. 621). Однако существуют и некоторые отличия. Во-первых, мы дали более широкое определение тем словам, которые могут сочетаться с глаголом *принять*. В результате этого к рассматриваемому случаю было естественно отнести сочетания типа *принять на себя редактирование*, *расследование* и т. д., которые по существу исключались предложенной в словаре формулировкой. Во-вторых, мы показали, какую именно роль играет выражение *на себя* в анализируемых условиях и, в частности, как оно влияет на сочетаемость глагола *принять*. В словаре только констатируется возможность употребления этого выражения. Имеются и другие, более мелкие изменения и дополнения.

В заключении рассмотрения варианта a_3 признака a (включение Y в качестве элемента программирования действий X или включение Y в программу дей-

ствий X) перечислим те смысловые комбинации⁷, в которых встречается этот компонент:

- *принять приглашение, принять предложение, принять вызов, принять совет* (чаще— книж.); *принять план {программу} действий; принять распоряжение, приказ* (оказ.);
- 2) $a_{3+2}b_1c_0d_{1в}e$ — со словами, обозначающими такие действия, которые предполагают отдачу сил (труда) или средств на цели, которые должны быть полезны не только для X, плюс выражение *на себя* \vee *на свои руки*; например: *принять на себя редактирование сборника, принять на себя командование армией* (книж. офиц., при употреблении в разговорной речи имеет оттенок архаичности);
- 3) $a_{3+2}b_{1\vee 2}c_0d_{в}$ — со словами, обозначающими такую деятельность или объект деятельности, которые регулярно переходят от одного лица к другому; среди сочетаний, обозначающих объект деятельности, устойчивость получили следующие: *принять полк* (*армию, дивизию* и т. д.); *принять дела, принять заказ*; два последних сочетания могут иметь при себе выражения, обозначающие период времени *{целый день, целый час}*.

Остальные сочетания, в которые входит информация о включении Y в программу действий X, рассмотрены в других разделах.

ИНФОРМАЦИЯ О НАЛИЧИИ ДЕЙСТВИЯ ИЛИ ЕГО РЕЗУЛЬТАТА В СФЕРЕ «СУЩЕСТВОВАНИЯ» АДРЕСАТА ДЕЙСТВИЯ (ВАРИАНТ A_4)

3.11. Глагол *принять* относительно редко употребляется при описании ситуаций, в которых Y есть действие, направленное на X, или результат этого

⁷ Принятые обозначения: a_4 —действие или результат действия, направленного на X; a_2 —действие или продукт действия X; b —включение Y в отношении а происходит в описываемый момент времени; b_1 —включение представлено как не имеющее временных измерений; b_2 —включение представлено как процесс (процедура); c —Z «направляет» Y X-у; c_0 —нет информации об указанном действии Z; $d_{1в}$ —X включает Y в свою программу действий, причем решение Y произвольно, зависит от его желания; $d_{в}$ —нет информации о том, чем руководствуется X, включая Y; e —действие X-а избавляет других от включения Y.

действия. Такому использованию глагола *принять* препятствует компонент d_{bx} — информация о том, что включение Y в «существование» X определяется X , направленность действия на некоторый объект или лицо обычно не зависит от желания, волеизъявления этого объекта или лица. Однако в некоторых денотативных ситуациях рассматриваемого типа существенную роль играет волеизъявление лица, на которого направлено действие. Эти денотативные ситуации описываются сочетаниями: *принять помощь, принять содействие, принять жертву, принять услуги, принять поддержку*. Например: *Если она не хочет принять вашу помощь, пусть примет мою* (Толстой, Воскресение); *Я не хочу принимать его услуг*.

Приведенные предложения показывают, что осуществление действия Z -ОМ зависит от выражения согласия денотата подлежащего. Таким образом, в этих предложениях реализуется информация $a_4b_1cd_{1b}$.

Компонент c не всегда сохраняется в рассматриваемых условиях. Глагол *принять* может сообщать о том, что денотат подлежащего сам направляет на себя действие Z или делает себя объектом воздействия Z . Эта информация актуализируется в сочетаниях: *принимать грязь, облучение, принимать душ, ванну, принимать огонь на себя*. В устойчивых выражениях *принимать душ, ванну* глагол *принять* имеет компонент b_2 (информация о процессе, процедуре включения Y , см. 3.9) и иногда употребляется со словами, обозначающими период времени. Например: *Приняв ванну, она села завтракать; Она принимает ванну уже десять минут*. В словосочетании *принимать грязь, облучение* глагол *принимать* употребляется только в форме несовершенного вида.

3.12. Компонент a_4 в значении глагола *принять* часто сочетается с компонентом d_2 : информация о том, что включение Y определяется признанием его соответствия некоторому эталону. Содержание этого компонента в комбинации a_4b_2 близко к тому содержанию, которое он получает в составе информации d_{2c} (см. 3.6). Действительно, установление отношения a_4 по существу не зависит от X . Например, если Z приносит извинения X -у, при любом отношении X к Y -у Y представляет собой действие, направленное на X , т. е. имеет место отношение a_4 . Однако извинения приносятся с целью получить прощение. Поэтому если X не признает, что Y действительно удовлетворяет тем требованиям, которые позволяют его считать извинением, то действие Z как бы аннулируется. Далее, глагол *принять* необязательно предполагает, что установление соответствия Y эталону определяется чувствами X . Например, предложение *Я принимаю ваше возражение* может показывать, что X умом признает истинность Y . И, наконец, эталоном сопоставления служат не только идеальные представления X о сущности чего-либо, но и соответствие действительности, т. е. признание истинности Y или наличия объективных оснований

для действия Z. Например: *Я поздравил его, и он принял мои поздравления* (т. е. X признает, что существуют основания для того, чтобы его поздравляли). Принятие Y-а может также означать, что X признает за Z право быть субъектом Y. Например: *Я и теперь {он сказал это слово с ударением} готов принять все объяснения, которые вы можете мне дать* (Толстой, *Война и мир*); X признает за Z право давать объяснения и готов признать их оправданными). Те или иные оттенки понимания зависят от общего контекста и значения слова, обозначающего Y. Поэтому мы сохраним за анализируемой информацией введенный ранее символ $d_{2ч}$, но добавим к нему индекс $_{\gamma}$ (признание умом и чувствами). Отметим также, что фактическое включение частично зависит от X.

Информация $a_4b_1cd_{2ч\gamma}$ реализуется в сочетаниях *принять поздравления, возражения, восхищение, соболезнования, извинения, объяснения* (~*извинения*, архаич.), *благодарность*. Некоторые из этих выражений представляют собой стершиеся формулы вежливости (*принять соболезнования, восхищение, благодарность, извинения*). Встречаются также окказиональные употребления глагола *принять*. Например: *Потому что ты опять стала отдаляться от меня, опять желаешь нравиться, принимать мужские восторги* (Бунин, *Лица*).

В ССРЛЯ рассмотренные сочетания отнесены к условиям реализации 9-го значения: «9. Перех. Выслушивать что-либо сообщаемое» (т. XI, с. 622). Такое определение не исчерпывает содержания глагола *принять*. Ср., например, следующие предложения: *Я выслушала его возражения* и *Я приняла его возражения*; *Я выслушала ваши извинения* и *Я приняла ваши извинения*. Информация приведенных примеров не тождественна: предложения с глаголом *принять* сообщают не только о том, что эти извинения, возражения были «направлены» на X и X признал их оправданными. Читатель, владеющий русским языком, легко может проверить справедливость сделанного утверждения. Указанная разница в информации выражается и в особенностях сочетаемости глаголов *принять* и *выслушать*. Можно, например, сказать: *Я выслушал ваши возражения, но, к сожалению, я не могу с ними согласиться*. Напротив, предложение *Я принял ваши возражения, но к сожалению, я не могу с ними согласиться* воспринимается как логически противоречивое. Установленная словарем информация о том, что Y является содержанием устного или — как можно было бы добавить — письменного сообщения, вытекает из знания внеязыковой действительности: в иной форме нельзя «направить» возражения, извинения, поздравления и т. д. тому лицу, которому они адресованы. Вследствие этого данная информация может вообще не выделяться.

К условиям реализации информации $a_4b_1cd_{2ч\gamma}$ следует также отнести сочетание *принять чье-то отношение (поведение)*. В этой сочетаемости требуется специально указать, что Y относится к X. Например: *Почему я должна принимать такое пренебрежительное к себе отношение?* При отсутствии этого

указания глагол *принять* обычно не употребляется, за исключением тех случаев, когда поступки, поведение X обозначены через слово *это* (см. 3.20).

3.13. Компонент a_4 может сочетаться с информацией d_3 (см. 3.7). Компонент d_3 составляет информация об эмоциональной реакции X, которая показывает, что чувства X признают соответствие Y-а представлению о том, что можно считать хорошим, или во всяком случае примиряют Y с этим представлением (т. е. Y не настолько плох, чтобы чувства X бунтовали против него). Напомним, что понятие «плохое» берется здесь в самом широком понимании и относится не только к нравственным категориям, но и к любым отрицательным качествам, а также к тем объектам, действиям, явлениям и т. д., которые могут вызывать отрицательные эмоции у X (см. 3.7). Информация a_4d_3 реализуется в сочетании со словами, обозначающими различные виды сообщения (*известие, сообщение, письмо, слова*). Например: *...но Пьер видел по лицу княжны Марьи, что она была рада и тому, что случилось, и тому как ее брат принял известие об измене невесты* (Толстой, *Война и мир*); *Княжна Марья написала князю Андрею о том, как отец принял его письма* (Там же).

Глагол *принять* может сочетаться не только со словами, обозначающими те или иные виды сообщения. Он встречается также с существительными *насмешки, издевательства (оскорбительные выходки), возражения, удар* (палача). Например: *Все высокомерные насмешки Степана Трофимовича над некоторыми из его мнений он принимал кротко, возражал оне ему иногда очень серьезно и во многом ставил его в тупик* (Достоевский, *Бесы*); *Он совершенно спокойно принял возражения своего оппонента*. Кроме того, глагол *принять* может сочетаться с существительными, обозначающими события. Эти сочетания носят более или менее окказиональный характер. Из них наиболее устойчивыми являются сочетания *принять удар, несчастье, неудачу*. Например: *Она с полным безразличием приняла постигшую ее неудачу; Она мужественно приняла обрушившееся на нее несчастье*.

Поскольку информация d_3 предполагает только такое принятие Y, которое заключается в отсутствии чувства сильного эмоционального протеста против Y, предложение *Он совершенно спокойно принял возражения своего оппонента* не означает, что X признал возражения оппонента правильными. Ср., напротив: *Я принимаю ваши возражения* (3.12).

Глагол *принять* в сочетании с выражением *как должное* встречается также в контекстах, в которых речь идет о положительном отношении Y к X. Например: *Коля Красоткин смотрел на всех свысока. Уважение школьников принимал как должное* (Достоевский, *Братья Карамазовы*); *Все, что она для него делает, он принимает как должное*.

В сочетании со словами, обозначающими отношение Z к X или ту или иную форму поведения (насмешки, издевательства, уважение и т. д.), глагол *принять* обычно используется для описания класса ситуаций. При этом информация о моменте включения отсутствует (компонент b_0).

Употребление глагола *принять* для передачи информации $a_4b_1\vee_0cd_3$ принадлежит в основном книжной речи и имеет в современном языке некоторый оттенок архаичности или стилистической приподнятости. Исключение составляет только выражение *принять как должное* в сочетании с местоимением *все* или *это*.

В заключении данного раздела перечислим основные результаты. Информация об установлении такого отношения между X и Y , при котором Y есть действие или результат действия, направленного на X , или X есть объект воздействия Y , выступает в следующих комбинациях:

- 1) $a_4b_1cd_b$ — [cd_b — Z предлагает Y X -у и X включает Y в отношении a_4 ; b_1 — X включает Y в описываемый момент времени; момент включения представлен как не имеющий временных измерений]: *принять помощь, услуги, жертву* (окказ.— *действие поддержку* и т. д.);
- 2) $a_4b_1\vee_0c_0d_b$ — [b_0c_0 —нет информации о действии Z и о моменте включения]: *принять ванну, душ* (идиом.); *принимать грязи, облучения* (обычно по отношению к классу ситуаций, идиом.); *принять огонь на себя* (b_1 идиом.);
- 3) $a_4b_1cd_{2чу}$ — [$d_{2чу}$ — X признает оправданность включения Y в «существование» X вследствие соответствия Y истине, тому, что должно быть и т. д.]: *принять возражения, извинения, объяснения {-извинения}, благодарность, соболезнование, восхищение, поздравления* (возможны окказиональные сочетания, например, *принимать восторги*);
- 4) $a_4b_1(b_0)cd_3$ — [d_3 —эмоциональная реакция X на включение Y , не связанная с признанием *оправданности*—*неоправданности* этого включения]: 1) *принять* плюс слова, обозначающие различные виды сообщений: *известие, письмо, слова*; 2) *принять* плюс существительные, обозначающие события {*несчастье, неудача, удар*}; 3) *принять* плюс слова, обозначающие тот или иной вид поведения относительно X , отношения к X : *принять {спокойно} возражения, принять {кротко} насмешки; принять {кротко} пренебрежительное отношение, оскорбительное поведение (b_0)* (точный перечень существительных, выступающих в данной

сочетаемости, не устанавливался). Перечисленные сочетания принадлежат книжной речи.

ИНФОРМАЦИЯ О НАЛИЧИИ ОБЪЕКТА, ОДНО
ИЗ СВОЙСТВ КОТОРОГО ЕСТЬ ОТНОШЕНИЕ
К ДРУГОМУ ОБЪЕКТУ
(ВАРИАНТ А₅)

3.14. К случаям реализации варианта а₅ можно отнести такие предложения, как *Я принимаю его таким, как он есть*. Эти предложения показывают, что, несмотря на те или иные отрицательные качества Y, принадлежащего к числу людей, с которыми X лично связан (например, к близким X людям), X эмоционально признает соответствие Y эталону, т. е. в данном контексте тому, какими могут быть люди, достойные любви и уважения. Информация а₅d₂чот.

Глагол *принять* почти не используется для передачи информации о включении Y (компонент d_b) в отношение а₅. Это связано с тем, что компонент d_b не интерпретируется как информация о создании свойства Y-а, определяющего его входение во множество, элементы которого связаны тем или иным отношением с X. Информация о том, что свойство Y «быть другом», «быть помощником» и т. д. определяется действиями X, передается через глагол *делать*. Например: *Я сделала его своим другом; Я сделала его своим помощником; Он сделал его своим заместителем*.

К случаям реализации варианта а₅ можно отнести только два устойчивых выражения: *принять под свое покровительство, принять на свое попечение*. Эти выражения показывают, что Y включается в такое отношение к X, о котором говорят словосочетания *на свое попечение, под свое покровительство*. Например: *Она приняла его под свое покровительство* (т. е., начиная с описываемого момента времени, Y находится под покровительством X, причем действие самого X определило установление данного отношения).

К рассмотренным словосочетаниям близко стоят выражения *принять во внимание, принять в расчет*. Однако эти выражения, по-видимому, следует считать идиоматическими: представляется, что словосочетания *в расчет, во внимание* оказываются более тесно связанными с глаголом и не выражают самостоятельного отношения к денотату подлежащего. Действительно, предложение *Я принял это во внимание* означает скорее не то, что, начиная с описываемого момента времени, Y становится объектом внимания X, а то, что роль Y в существовании, создании чего-то не была забыта.

В сочетаниях *принять под свое покровительство, принять на свое попечение, принять в расчет, принять во внимание* реализуются компоненты а₅b₁c₀d_a.

ИНФОРМАЦИЯ О НАЛИЧИИ ЭЛЕМЕНТА СОБСТВЕННОСТИ
И О НАХОЖДЕНИИ В ФИЗИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(ВАРИАНТЫ А₆ И А₇)

3.15. В семантический объем глагола *принять* входит информация о включении Y в число элементов собственности X. Информация о том, что Y становится временной или постоянной собственностью X, сочетается с компонентами cd_v (Z предлагает Y X-у и X включает Y в свою собственность) и b_1 (включение имеет место в описываемый момент времени). Например: *Я приму эти деньги, но приму их только от вас и ни от кого другого; Я не могу принять такой дорогой подарок; Почему вы не хотите принять эти деньги?*

При описании отношения собственности анализируемые глаголы оказываются связанными с лексемами *купить—продать*, которые также сообщают о включении—исключении Y из собственности X. Как будет показано в дальнейшем, почти все исследуемые глаголы могут соотноситься с денотативными ситуациями, описываемыми словами *купить—продать*. Исключение составляет только глагол *принять*, который показывает, что действие денотата подлежащего сводится к выражению своего согласия. Поэтому этот глагол не может быть употреблен, если X должен оплатить стоимость Y-а. Например, в ситуации «покупка—продажа» нельзя сказать: *Хорошо. Я принимаю этот свитер*, даже если слова автора речи являются ответом на сделанное предложение.

Глагол *принять* имеет также некоторые **конфигуративные** ограничения; он употребляется, как правило, со словами *деньги, подарок, пустячок*. Сочетаемость глагола *принять* с другими словами избегается. Например, предложение: *Хорошо. Я приму эту кофточку* оценивается как не совсем правильное или неправильное (баллы от 2 до 4). Выше оцениваются предложения, в которых дополнение обозначает предмет, часто используемый в качестве подарка. Например: *Вы принесли мне конфеты, и я их приняла; Хорошо. Я приму это кружево* (баллы 3 и 4).

3.16. Глагол *принять* может сообщать о включении Y в физической пространство. Указанные денотативные отношения могут описываться не только глаголами анализируемой группы, но и многими другими: *положить, поставить, поймать* и т. д. Например: *Она поставила корзину себе на колени; Он поймал мяч*. Вероятно, противопоставленность этим глаголам способствовала развитию у слов анализируемой группы дополнительных смысловых компонентов (см. главы 4—6). Такие компоненты обнаруживаются и в значении глагола *принять*. Например, предложение *Она приняла ребенка к себе на руки* сообщает не только о том, что действие денотата подлежащего является ответом

на действие Z , цель которого установить данную пространственную связь между X и Y , но и о том, что эта связь определяется приложением силы X к Y , а также о том, что Y имеет X в качестве опорного тела. Действительно, нельзя сказать: *Она приняла ребенка на плечи*, поскольку в данной денотативной ситуации связь между X и Y не обусловлена тем, что X прикладывает силу к Y . Глагол *принять* не может быть также подставлен в предложение *Она прижала к себе ребенка*, поскольку в ситуации, описываемой этим предложением, X не является той опорой, которая определяет положение Y в пространстве. Обозначим информацию о такой пространственной связи между X и Y , при которой X и Y имеют непосредственный физический контакт, определяемый приложением силы X к Y , и X представляет собой опору, поддерживающую положение Y в пространстве знаком $a_{7\text{соп}}$.

Кроме информации $a_{7\text{соп}}$, глагол *принять* в рассматриваемых условиях получает еще один дополнительный компонент. Он показывает, что Z протянул, передал Y X -у, а не бросил или кинул его. Если бы речь шла об установлении рассматриваемой пространственной связи с летящим объектом, был бы употреблен глагол *поймать*. Таким образом, глагол *принять* вносит информацию о таком действии Z , которое предполагает перемещение Y в результате постоянного приложения к нему внешней силы (Y не перемещается по инерции). Обозначим эту информацию знаком $w_{\text{и}}$ (движение по инерции).

Глагол *принять* теряет компоненты c и $w_{\text{и}}$, если Y сохраняет собственную точку опоры при установлении отношения a_{7c} . Информация $a_{7c}b_1c_0d_v$ реализуется только в сочетании *принять под руку*.

Глагол *принять* не используется в современном языке для передачи информации $a_{7\text{соп}}b_1cd_vw_{\text{и}}$ и $a_{7c}b_1c_0d_v$ в нейтральном стиле речи. Его употребление придает высказыванию либо архаический, либо торжественно приподнятый характер. Например: *Прежде всего он поднял паспорт, подал его Максимилиану Андреевичу, и тот принял книжечку мертвой рукой* (Булгаков, Мастер и Маргарита; в приведенном примере стилистическая приподнятость является средством выражения иронии).

В нейтральном стиле речи глагол *принять* почти полностью вытеснен глаголом *взять (брать)*. Например: *Он взял ребенка на руки; Он взял книгу дрожащей рукой*. Данная стилистическая характеристика глагола *принять* возникла, по-видимому, сравнительно недавно. В языке Толстого, Достоевского, Тургенева ее еще нет. Например: *Разумихин принял их обеих под руки и потащил с лестницы* (Достоевский, Преступление и наказание); *Вот вам ваш богатый. Фенечка приняла ребенка к себе на руки* (Тургенев, Отцы и дети).

Глагол *принять* не всегда сообщает о том, что пространственная связь между X и Y поддерживается приложением силы X к Y . Информация a_c выпадает из означаемого этого глагола тогда, когда он получает компонент $w_{\text{и}}$ (отноше-

ние a_7 устанавливается с объектом, который находился в состоянии свободного движения). Например, предложение *Он принял мяч на грудь* показывает, что пространственный контакт между X и Y возник в результате того, что X поставил себя на пути свободного движения Y. Компонент с имеет в рассматриваемых условиях нулевое значение: нет информации о том, что Z «направляет» Y к X.

Употребление глагола *принять* для передачи информации $a_{7c}b_1c_0d_vw_n$ стилистически ограничено: оно принадлежит архаическому или приподнятому стилю речи. Кроме того, глагол *принять* употребляется в спортивной терминологии.

Информация, передаваемая лексемой *принять* при обозначении пространственных отношений, хорошо описана в существующих словарях. Например, в ССРЛЯ она определяется так: «1. Перех. Брать то, что кто-либо дает; брать, получать из рук в руки» (т. XI, с. 620). У этого значения выделяются два варианта: 1) «брать под руку»; 2) «подхватывать, ловить что-либо брошенное, падающее». Предложенное нами определение отличается от предыдущих только в следующем: 1) в явной форме сформулирован компонент $a_{7соп}$, который, как будет показано ниже, входит и в значение глагола *брать*; 2) установлено, что информации a_c нет в означаемом глаголе *принять*, когда оно содержит компонент w_n , т. е. когда сообщается об установлении непосредственного пространственного контакта с брошенным, падающим объектом; отсутствие информации a_c и отличает глагол *принять* от глаголов *ловить*, *поймать*, которые говорят о том, что пространственный контакт определяется приложением X-ом силы к Y.

3.17. Глагол *принять* может сообщать об установлении отношения $a_{7в}$ («включении Y внутри X»). Эта информация реализуется в устойчивых выражениях *принимать лекарство* (нейтр.), *принимать пищу* (архаич.). Например: *Приняв лекарство, он лег в постель*.

Кроме того, информация о включении Y внутри X передается глаголом *принять* в сочетании с выражением *в себя*, а также с некоторыми другими выражениями подобного типа. Во всех встреченных контекстах употребление этих сочетаний носило образный характер. Мы считаем их употребление образным, поскольку либо денотат подлежащего представлял собой место и, следовательно, не мог производить в действительности какого бы то ни было действия, которое бы могло привести к установлению отношения $a_{7в}$, либо денотат дополнения принадлежал к такому типу, что речь не могла идти о его физическом помещении внутри денотата подлежащего. Например: *Он принимал в себя звуки целого мира, но пифийской расщелины в нем не было* (Соловьев, Особое чествование Пушкина); *Море приняло в себя горные дождевые потоки* (Ляшко, Сердолик на ладони); *Трактир принял Чичикова под свой гостеприимный навес* (Гоголь, Мертвые души).

Идиоматические выражения *принять сигналы*, *принимать {короткие} волны* (о радиоприемниках), *принять краску* (о материи), возможно, возникли на основе указанных образных употреблений глагола *принять*. Однако в этих выражениях произошло переосмысление глагола *принять*, который стал сообщать о способности воспринимающих устройств отображать в себе внешние факторы, воздействующие на X. Вследствие этого глагол *принять* в этих выражениях может употребляться для указания на то, как именно работают воспринимающие устройства X. Например: *Эта материя хорошо принимает краску*; *Мой радиоприемник не принимает короткие волны*. Таким образом, глагол *принять* в сочетаниях *принимать сигналы, волны, краску* имеет некоторый общий компонент с глаголами *понимать, воспринимать, усваивать*.

Устойчивое образное выражение *принять близко к сердцу*, которое, несомненно, было связано с вариантом a_7 , сообщает об эмоциональной реакции X на восприятие Y. Следует подчеркнуть, что в этом выражении не реализуется информация d_3 : эмоциональная реакция не свидетельствует здесь о признании соответствия или примирения Y с представлением X о хорошем—плохом (см. 3.7).

В заключение перечислим те смысловые комбинации, которые могут реализоваться при описании пространственных отношений между X и Y:

- 1) $a_{7\text{сop}}bcd_{1\text{в}}w_{\text{н}}$ — [$a_{7\text{сop}}$ —непосредственный физический контакт между X и Y, который требует приложения X-ом силы к Y; Y имеет X в качестве своей опоры; $cd_{1\text{в}}$ —Z «направляет» Y к X, и X устанавливает указанное пространственное отношение с Y; $w_{\text{н}}$ —Z, направляя Y к X, не приводит его в состояние свободного движения (движения по инерции); b_1 —отношение $a_{7\text{с}}$ не имело места до описываемого момента времени]: *принять ребенка на руки, принять бумагу* и т. д. (архаич. или стил. возв.);
- 2) $a_{7\text{с}}b_1c_0d_{1\text{в}}$ — *принять под руку* (архаич. или стил. возв.);
- 3) $a_{7\text{оп}}b_1c_0d_{1\text{в}}w_{\text{н}}$ — $a_{7\text{в1}}w_{\text{н}}$ —X устанавливает непосредственный физический контакт с Y в результате того, что ставит себя на пути свободного движения Y]: *принять мяч на голову* и т. д. (архаич. или спец. спорт.);
- 4) $a_{7\text{в}}b_1c_0d_{1\text{в}}$ — [$a_{7\text{д1в}}$ —«включение Y внутрь X»]: 1) устойчивые выражения: *принять лекарство* (нейтр.); *принять пищу* (архаич.); 2) различные образные употребления, обычно в сочетании с выражением *в себя*.

В данном разделе рассмотрены также идиоматические обороты *принимать сигналы, волны* (о радиостанции), *принимать краску* (о материи), *принимать близко к сердцу*, которые возникли, по-видимому, на основе варианта a_7 .

ИНФОРМАЦИЯ О НАХОЖДЕНИИ В СИСТЕМЕ
ИЛИ КЛАССЕ, ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ КОТОРОГО
ЯВЛЯЕТСЯ ДЕНОТАТ ПОДЛЕЖАЩЕГО
(ВАРИАНТ SA)

3.18. При анализе конструкции с глаголом *быть* было показано, что эта конструкция может вносить информацию о включении Y не только в «состав» самого X , но и в то физическое или качественное пространство, в котором находится или членом которого является X . Например: *У нас в городе много фабрик* (т. е. среди точек пространства «город», в котором находится X , есть много точек, соответствующих фабрикам); *У нас в группе много хороших инженеров* (т. е. среди членов того класса, которому принадлежит X , много хороших инженеров). Включение Y в то пространство, в котором «существует» X , может описываться и при помощи глагола *принять*, если это пространство не является чисто физическим. Глагол *принять* говорит о включении Y в такую систему, члены которой связаны между собой личными и(или) профессиональными отношениями и функционируют как единое целое. Члены этой системы могут быть также объединены отношением к одному и тому же месту, однако связь по месту не является необходимой и достаточной. Например, можно сказать: *Мы приняли его в партию* (X включает Y в число членов партии); *Я принял его в свою лабораторию* (X делает Y членом некоторой совокупности людей, которые связаны определенными трудовыми отношениями и образуют единую производственную единицу); *Я принял его в свой дом* (X делает Y членом своего дома). Напротив, предложения *Я приняла его в свою палатку*; *Я принял его в свою избу*, в которых речь идет о включении Y в некоторое физическое пространство, не соответствуют языковой норме.

Обозначим информацию о включении Y в число членов системы S знаком s_1 . Эта информация сочетается с компонентом a (отношение к X): X является членом или во всяком случае представителем той системы, в состав которой включается Y . Вследствие этого глагол *принять* не употребляется для описания включения Y в ту систему, в которую не входит X . Так, предложение *Я принял его в группу Матвеева* воспринимается либо как совершенно неправильное, либо не совсем правильное (баллы 2 и 3).

Все информанты предпочитали здесь выбор другого глагола: *Я зачислил (включил) его в группу Матвеева*. Напротив, предложение *Я принял его в свою группу* оценивалось информантами в 5 баллов. Употребление глагола *принять* в предложениях типа *Его статью приняли в журнал «Филологические науки»* можно объяснить тем, что X является представителем той системы (т. е. перио-

дически появляющихся сборников статей и рецензий), включение в которую он осуществляет.

Во всех приведенных предложениях передается информация о том, что действие X является ответом на предложение включить Y (компонент с). Создание предварительной возможности включить Y определяется либо усилиями самого Y {Примите меня в свою группу}, либо усилиями некоторого третьего лица {Коллега, примите больного в свою палату}. В современном языке, однако, глагол *принять* употребляется обычно тогда, когда предполагается, что сам Y хочет, стремится быть включенным в S. Обозначим эту информацию знаком c_y (Y «направляет» X к S). Исключение составляет только сочетание *принять рассказ {статью и т. п.} в журнал*.

В различных стилях речи можно употреблять глагол *принять* не только для указания на сам факт включения Y в число членов данной организации, института (вариант b_1), но и на процесс этого включения (вариант b_2). Например: *Завтра мы будем принимать его в члены нашего общества*.

Использование глагола *принять* для передачи информации $s_1abc_yd_b$ не имеет стилистических ограничений.

В ССРЛЯ рассмотренные случаи употребления глагола *принять* относятся к 8-му значению: «Включать в состав чего-либо, допускать к участию» (т. XI, с. 623). Если опустить последнее пояснение «допускать к участию», то формулировка 8-го значения будет приблизительно соответствовать определению информации $s_1abc_yd_b$. Различие заключается в основном в следующем: информация $s_1abc_yd_b$ предполагает, что: 1) X включает Y только в такую систему, членом или представителем которой он сам является; 2) действие X удовлетворяет стремление Y быть включенным в S (Y «направлен» X-ом к S). Внесенные уточнения объясняют неупотребляемость глагола *принять* в предложениях типа *Я принял его в группу Матвеева*, а также *Его приняли в делегацию; Его приняли в состав делегации*: в делегацию включают обычно не члены делегации, а те люди, которых они представляют, кроме того, действие X не расценивается как ответ на желание, стремление Y добиться избрания.

В языке XIX в. глагол *принять* в рассматриваемых условиях употребления мог иметь и компонент d_{1b} (включение Y зависит от желания, произвольного решения X), и компонент d_{2b} (включение Y определяется соответствием тем требованиям, которые предъявляет система S к своим членам). В современном языке глагол *принять* преимущественно используется для передачи информации d_{2b} : *принять в партию, принять в институт*. Предложения типа *Примите меня в свою компанию* воспринимаются как архаичные.

3.19. Глагол *принять* может вносить информацию не только о том, что X делает Y членом некоторой системы S, но и о том, что X включает Y в качестве

объекта и элемента деятельности системы S, в качестве элемента ее собственности или в каком-то ином качестве, о котором сообщают особые выражения, стоящие при глаголе *принять*. Обозначим информацию о том, что Y не член системы S, знаком s_{2a} . Формальным показателем информации s_{1a} служит употребление или возможность употребления при глаголе *принять* существительного в винительном падеже, вводимого предлогами *в* или *на* и обозначающего некоторую систему, члены которой связаны определенными отношениями и функционируют как единое целое. В соответствии с этим критерием в предложениях *Его приняли в институт; Ее статью приняли в журнал «Вопросы языкознания»* сообщается о включении Y в число системы S. Напротив, в предложении *Я принимаю белье* говорится о включении Y в качестве объекта деятельности «института» прачечной: это предложение не может быть развернуто при помощи существительного в винительном падеже (нельзя сказать: *Я принимаю белье в прачечную*). Введенный формальный критерий не всегда справедлив: он не является показателем информации s_{1a} , если после глагола *принять* стоит выражение *к себе* или отглагольное существительное с предлогом (например, *принять на хранение, принять на учет*).

По своим объективным свойствам многие ситуации, описываемые вариантом s_{1a} , могли быть денотатами глагола *принять* в варианте s_{2a} , и наоборот. Например, абитуриентов, принимаемых в институт, можно рассматривать в качестве объекта деятельности преподавателей, работающих в этом институте. Статью, принимаемую в журнал, можно считать объектом деятельности редакции журнала. Однако в равной степени допустимо и другое понимание: институт можно представлять себе как систему, членами которой являются не только преподаватели, но и учащиеся. Журнал может интерпретироваться не как его редакция, а как книга, существующая в периодически появляющихся частях. В русском языковом сознании принимаются именно эти два последних понимания. Напротив, больные обычно характеризуются как объекты деятельности того лечебного института, в ведение которого они поступают. Действительно, глагол *принять*, как правило, употребляется при отсутствии существительного, обозначающего S. Например: *Мы приняли вчера трех больных с тяжелой формой отравления; Я приняла группу раненых и сразу же вылетела с ними в Москву*. При добавлении словосочетаний *в больницу, в госпиталь* предпочитается употребление глагола *положить*. Например: *Его положили в больницу*. Предложение *Его приняли в больницу* отклоняется от языковой нормы. В процессе изложения мы отмечаем те денотативные ситуации, которые, с общелогической точки зрения, могли бы получить иную интерпретацию.

Информация s_{2a} распадается на варианты s_{2a_2} (Y включается в такое отношение к S, при котором Y есть действие или объект действия S), s_{2a_3} (Y — элемент программирования или программы действий S), s_{2a_4} (Y включается в такое отно-

шение к S, при котором Y есть действие или результат действия, направленного на S), s_{2a5} (Y включается в такое отношение к S, о котором говорит слово, обозначающее Y, или то или иное выражение, стоящее при глаголе *принять*), s_{2a6} (Y — элемент собственности S; слово *собственность* мы употребляем здесь в более широком смысле, чем раньше: оно предполагает такие отношения между Y и S, при которых S имеет право и возможность использовать, эксплуатировать Y). Вариант s_{2a3} реализуется в сочетаниях *принять закон*, *принять резолюцию*, *принять постановление*, а также в сочетаниях с различными существительными, обозначающими объекты будущей деятельности S. Например: *Этот закон был принят в 1944 г.* (закон был включен представителями данного государства в число элементов, программирующих деятельность этого государства); *Посылку у меня не приняли* (денотат дополнения не был включен в качестве объекта деятельности «института» почты).

К случаям актуализации информации s_{2a5} относятся выражения: *принять на хранение*, *принять на учет*, *принять на работу*, *принять к постановке*, *принять к печати*, *принять к себе*. Словосочетания *на хранение*, *на работу* и т. д. указывают на то отношение, в котором Y находится к S, начиная с описываемого момента времени. Например, предложение *Его приняли на работу в Институт славяноведения* сообщает о том, что Y, начиная с описываемого момента времени, является работающим в S. Выражение *принять к себе* говорит о таком отношении между X и Y, при котором Y находится в том месте, где живет X, и становится объектом внимания, заботы X. В современном языке глагол *принять* в сочетании *принять к себе* вытеснен глаголом *взять* (см. 6.18).

О характере отношения Y к S, как правило, можно судить по значению слова, обозначающего Y, или по общему контексту. Поэтому нет необходимости специально указывать, идет ли, например, речь об отношении собственности или об отношении между деятелем и объектом его деятельности. Однако информация о том или ином отношении не всегда вытекает из общего контекста: если Y представляет собой такой объект, который создается в процессе строительства (дом, корабль, цех и т. д.), то глагол *принять* сообщает только о включении его в собственность S, т. е. показывает, что X передает Y в ведение организаций, эксплуатирующих, использующих Y, а не строящих, ремонтирующих Y. Таким образом, предложение *Комиссия приняла дом* не может сообщать о том, что комиссия признала необходимость ремонта и включала Y в ведение строительных организаций.

Особого рассмотрения требуют также предложения типа *Врач примет вас*; *Директор принимает по средам*; *Она приняла его в своем кабинете*. В ССРЛЯ эти предложения относятся к случаям реализации 7-го значения: «Пускать в дом, допускать к себе (гостя, посетителя и т. п.)», (т. XI, с. 622). У 7-го значения выделяются следующие варианты: 1) «*Несов.* Допуская к себе, заниматься с

посетителями, больными и т. п.» (с. 622); 2) «Приглашая к себе в дом, видеться, встречаться» (с. 623). Первый из выделенных вариантов можно было бы распространить на все остальные случаи. Действительно, предложение *Врач принял меня* предполагает не только то, что *У* был допущен к *Х*, но и то, что *Х* выполнил по отношению к *У* какие-то функции, которые входят в обязанности врача. Таким образом, отношения между *Х* и *У* подходят под категорию a_2 (*У* является объектом светской или профессиональной деятельности *Х*), но не сводятся к ней. Глагол *принять* в рассматриваемой сочетаемости показывает, что *Х* осуществляет свои профессиональные или светские функции на своей «территории» (ср. словарную пометку «допускать к себе»). Действительно, приход врача к больному с целью осмотра, обследования больного не может быть описан через глагол *принять*, даже если приход врача был следствием вызова. Таким образом, в анализируемых ситуациях *Х* выступает как представитель определенной системы, состоящей по крайней мере из одного члена (*Х*), взятого в его отношении к месту и тем функциям, которые *Х* должен выполнять в этом месте.

К случаям реализации информации s_2a_4 можно отнести следующие сочетания: *принять исповедь, принять зачет, экзамен, принять донесение*. Слова *исповедь, зачет, экзамен, донесение* при употреблении в сочетании с глаголом *принять* обозначают некоторые действия *Z*, направленные на *Х*, который выступает в качестве официального представителя системы *S* и действует от лица этой системы: исповедь представляет собой такое действие *Z*, которое заключается в том, чтобы сообщить *Х* о своих дурных поступках, мыслях, чувствах с тем, чтобы получить прощение за эти поступки, мысли, чувства; экзамен предполагает ту или иную форму сообщения о своих знаниях с тем, чтобы работа *Z* по получению этих знаний была признана выполненной и т. д. Таким образом, отношение между *Х*, *У* и *Z* в предложениях типа *Я принял у него экзамен* подпадают под категорию a_4 : *Х* есть адресат действия *Z*; в рассматриваемых случаях это действие представляет собой сложное сообщение, цель которого не сводится к передаче информации.

Глагол *принять* при употреблении в сочетаниях *принять исповедь, донесение, экзамен, зачет* имеет компонент d_{2b} : он сообщает, что действие *Х*-а заключается в том, чтобы, выявив соответствие *У* некоторому эталону, устанавливаемому данной системой *S* (религией, учебным заведением, учреждением), включить *У* в класс действий, направленных на *S*, которые соответствуют тому, чем они должны быть. Таким образом, анализируемые сочетания близки к выражениям *принять извинения, принять возражения, принять поздравления* и т. д. (см. 3.12). Их различают компоненты s_2a_4 и a_4 : в сочетаниях *принять исповедь, экзамен* и т. д. *Х* выступает как официальный представитель системы *S*. Кроме этого, существует еще одно различие, связанное со значением компонента *b*:

он содержит информацию о процедуре, процессе включения Y (компонент b_2). Вследствие этого глагол *принять* часто употребляется в деепричастном обороте, связанном с главным предложением отношением временной последовательности. Например: *Приняв экзамен, он поехал в министерство*. Этот глагол в форме несовершенного вида может иметь при себе выражения типа *целый день, целый час* при условии, что Y обозначен существительным множественного числа. Например: *Завтра я буду принимать экзамены целый день*. Предложения типа *Он принимал у меня экзамен минут двадцать* также допустимы. Однако при описании подобных ситуаций предпочитается выбор других глаголов. Например: *Он спрашивал меня минут двадцать*.

Компоненты $d_{2в}$ и b_2 реализуются почти во всех условиях актуализации информации $s_{2а}$. Глагол *принять* имеет компонент $d_{1в}$ только в предложениях типа *Врач примет вас; Директор принял меня*. Выше было сказано (см. 3.2), что при компоненте b_2 компонент d содержит информацию о том, что от желания, волеизъявления X -а зависит только проведение процедуры включения, а не сам факт включения. В предложениях типа *Я приму вас завтра* проведение процедуры включения тождественно самому включению: после приема Y не сохраняет свою связь с X . Ср., напротив, *Завтра я приму дела*: после проведения процедуры включения Y переходит в ведение X -а. Поэтому можно считать, что в предложениях типа *Врач примет вас* реализуется информация $d_{1в}$. Во всех остальных случаях глагол *принять* имеет компонент $d_{2в}$. Он не употребляется в тех контекстах, которые по смыслу предполагают компонент $d_{1в}$. Например, ответом на предложение расширить территорию завода, включив в нее еще одно здание, не может служить фраза: *Хорошо. Мы примем это здание*. В этой ситуации нужно употребить глагол *взять*: *Хорошо. Мы возьмем это здание*. Глагол *принять* употребляется, если от желания X зависит только само проведение процедуры включения. Например: *Вы будете сегодня принимать посуду?*

Компонент b_1 реализуется только в выражениях *принять закон, постановление', принять резолюцию, директивы*.

Информация $s_{2а}$ всегда сочетается с компонентом c : $Z(Y)$ «направляет» Y к X . Несовершенная форма глагола *принять* может использоваться для указания на потенциальную готовность X -а включить Y , если Y будет «направлен» к X . Например: *Врач будет принимать завтра; Завтра я буду принимать членские взносы*.

Глагол *принять* при информации $s_{2а}$ не имеет стилистических ограничений. Исключение составляют только предложения типа *Мы принимаем по средам; Графиня приняла его в своем кабинете*, которые описывают отношения, ушедшие из современной жизни: готовность, согласие выполнить обязанности хозяина дома по отношению к пришедшему в гости лицу считаются

теперь само собой разумеющимся. Поэтому исчезает предпосылка для реализации компонента $d_{1в}$ (от воли, желания X зависит установление отношения s_2a_2). Однако глагол *принять* может использоваться для описания выполнения X своих функций хозяина дома в текстах, относящихся к настоящему времени, вследствие того, что этот глагол может терять компонент d_b . Эта возможность реализуется при употреблении формы совершенного или несовершенного вида в сочетании с обстоятельством образа действия. Компонент b при этом имеет значение b_0 (нет информации о моменте включения). Например: *Она нас очень хорошо принимала*. Это предложение говорит о том, как осуществлял X свои обязанности хозяина дома при реализации отношения s_2a_2 между X и Y. Обозначим эту информацию знаком $d_{п}$. Информация $d_{п}$ реализуется также в идиоматическом обороте *принять в штыки*.

Большая часть предложений, в которых реализуется информация $s_2ab_2cd_{2в}$ отнесена в ССРЛЯ к 3-му значению: «Получать, брать в свое ведение от того, кто сдает» (т. XI, с. 621). У этого значения выделяются два варианта: 1) «Определив готовность чего-либо для эксплуатации, использования, брать в свое ведение»; 2) «Проводить проверку каких-либо знаний» (с. 621). Предложенное в данной работе определение очень близко к словарным толкованиям 7-го значения. Однако существуют некоторые различия, которые в основном связаны с более явным выделением составных частей информации, передаваемой через лексему *принять* в рассматриваемых условиях. Компонент $d_{2в}$ показывает, что включение Y определяется его соответствием предъявляемым требованиям, а не произвольным решением, желанием X-а. Информация $d_{2в}$ принята во внимание при формулировке первого и второго варианта 7-го значения. Однако компонент $d_{2в}$, как было показано выше, реализуется не только в сочетаниях *принять экзамен (зачет)* и не только тогда, когда речь идет о включении Y в собственность той организации, того учреждения, которое будет использовать, эксплуатировать Y.

Далее, компонент b_2 показывает, что включение Y представлено как некоторый процесс, складывающийся из разнообразных действий и имеющий временные измерения. Информация b_2 приводит к возможности употреблять глагол *принять* в деепричастном обороте, связанном с главным предложением отношением предшествования, а также ставить при форме несовершенного вида глагола *принять* выражения типа *целый день, целый час*. Компонент b_2 не отражен, во всяком случае в явной форме, в словарных определениях. И, наконец, необоснованным представляется выделение особого значения глагола *принять* на основании корреляции с глаголом *сдать*. Глагол *сдать* входит, по-видимому, в оппозицию не только с глаголом *принять*, но и с такими словами, как *отдать, выдать, дать*. Оппозиции с этими словами строятся на смысловых признаках, которые не выделяются в значении глагола *принять*.

Вследствие этого употребляемость или неупотребляемость глагола *дать* в тех условиях, в которых встречается глагол *принять*, не может служить критерием изменения информации глагола *принять*. Следуя этому критерию, составители словаря отнесли сочетания типа *принять посылку*, *принять заявление*, *принять заявку* ко 2-му, а не 3-му значению, объединив их таким образом с сочетаниями *принять подарок*, *принять дары*; *принять помощь*, *услуги* и т. д. Легко показать, что такое объединение неоправданно.

3.20. Информация *sa* может сочетаться с компонентом $d_{2\text{чот}}$, который в данных условиях получает следующее содержание: *X* эмоционально признает оправданность наличия *Y* в той системе *S*, представителем которой является *X*, причем это отношение возникает вопреки отрицательным качествам *Y* или таким качествам, которые могли бы считаться отрицательными (о компоненте $d_{2\text{чот}}$ см. 3.6).

Система *S* в анализируемых предложениях может отождествляться с миром в целом. При этом связь между *X* и *Y* по признаку *a* определяется только тем, что *Y* принадлежит к той же системе *S*, в которой «существует» *X*. Однако в тех случаях, когда между *X* и *Y* нет дополнительных связей, кроме принадлежности к одной и той же системе, употребление глагола *принять* имеет окказиональный характер. Иллюстрацией окказионального употребления этого глагола может служить стихотворение А. Блока «О весна, без конца и без краю». Приведем отрывок из этого стихотворения:

О, весна без конца и без краю —
 Без конца и без краю мечта!
 Узнаю тебя жизнь! Принимаю!
 И приветствую звоном щита!
 Принимаю тебя, неудача,
 И, удача, тебе мой привет!
 В заколдованной области плача,
 В тайне смеха — позорного нет!
 Принимаю бессонные споры,
 Утро в завесах темных окна,
 Чтоб мои воспаленные взоры
 Раздражала, пьянила весна!
 Принимаю пустынные веси
 И колодцы земных городов!
 Осветленный простор поднебесий
 И томления рабьих трудов!

И смотрю, и вражду измеряю,
 Ненавидя, кляня и любя.
 За мученья, за гибель — я знаю —
 Все равно: принимаю тебя!

Следует подчеркнуть, что говоря об окказиональности того или иного употребления, мы совсем не хотим сказать, что это употребление не точно, не полностью соответствует значению языкового знака. Окказиональное использование — чаще всего результат какого-то нового, необычного осмысления денотативной ситуации, заставляющей выбирать такие слова, которые обычно не служат обозначением этой ситуации. Именно такое редкое восприятие действительности, при котором все, что происходит в мире, осмысляется как часть собственного существования, и отразилось в стихотворении Блока. При описании этого восприятия выбор глагола *принять* совершенно естествен и позволяет точно выразить мысль автора.

Употребление глагола *принять* теряет характер окказиональности при следующих условиях: 1) Y представляет собой класс явлений и может рассматриваться как элемент потенциально возможной программы действий денотата подлежащего, т. е. такой программы, которая могла бы осуществиться, если бы возникли соответствующие условия; 2) Y имеет какое-то непосредственное отношение к X; 3) Y есть тот или иной вид искусства или класс произведений искусства. Рассмотрим каждое из этих условий. Предложение *Я принимаю самоубийство как выход из безвыходного положения* соответствует языковой норме. Это предложение предполагает потенциальную готовность X лишиться себя жизни при возникновении какой-то трагической, безвыходной ситуации. Если Y не может рассматриваться как элемент потенциально возможной программы действий X, употребление глагола *принять* воспринимается как странное, неестественное. Например, нельзя сказать: *Я принимаю его самоубийство*. Предложение *Я принимаю самоубийство* также оценивается как не совсем правильное. Вероятно, указание на условие, при котором Y принимается X, позволяет осмыслить утверждение автора речи как относящееся к потенциальной возможности, а не к существующим явлениям. Напротив, при отсутствии этого указания предложение скорее понимается как сообщающее о том, что X признает за Y право существовать в этом мире безотносительно к своему собственному существованию. То, что возможность или невозможность осмыслить Y как элемент потенциально допустимой программы действий X влияет на выбор глагола *принять*, видно также из следующего: глагол *принять* сочетается со словами, обозначающими поступки, деятельность людей (*самоубийство, обман, террор*), но не встречается со словами, денотаты которых — явления природы. Например, нельзя сказать *Я принимаю землетрясение как способ зондирования земной коры*.

Глагол *принять* употребляется также в тех случаях, когда можно обнаружить какую-то непосредственную связь между X и Y. Так, в современном языке устойчивость получило сочетание *принять революцию*. Например: *Блок принял революцию*. Связи между X и Y обусловлена не только тем, что революция

произошла в том мире, в котором существует X , но и непосредственным отношением к жизни самого X .

Глагол *принять* употребляется также со словом *это*, когда оно служит для обозначения какого-то безупречного поведения Z . Например, предложение *Я не могу этого принять* может быть использовано в ситуации, в которой речь идет о поведении лица, позволяющего себе те или иные вольности в одежде или разговоре, которые автор речи считает непозволительными и в той или иной степени оскорбительными для себя. Анализируемое сочетание можно было бы отнести к случаям реализации варианта a_4 : денотат дополнения в этих сочетаниях представляет собой некоторую совокупность поступков и действий, направленных на X . Однако, в отличие от предложений типа *Я принимаю ваш совет*, рассматриваемые сочетания необязательно предполагают прямую направленность на X ; поступки Z , которые X может счесть оскорбительными для себя, необязательно адресованы X . Таким образом, данные сочетания принадлежат к периферийным условиям реализации варианта a_4 .

Глагол *принять* встречается также в предложениях, в которых дополнение обозначает класс или вид искусства. Обычно это отрицательные предложения. Например: *Я не принимаю такого искусства* (т. е. чувства автора речи не признают соответствие Y тому, чем должно быть искусство); *Прекрасное просто, оно понятно, этого я не понимаю, не чувствую, не могу принять* (М. Горький, О Стасове).

Фразу *Я не принимаю такого искусства* некоторые информанты считали неполностью соответствующей языковой норме. Они предлагали либо замену слова *искусство* на слово *это*, либо замену формы несовершенного вида на форму совершенного вида. Например: *Он так и не принял импрессионизма*. Таким образом, предпочтение отдается использованию глагола *принять* для передачи информации $sa_b_1c_b_d_2$ чот, а не $sa_b_0c_b_d_2$ чот. Даже при указании на индивидуальный объект искусства употребление глагола *принять* воспринимается как менее неправильное, если этот глагол стоит в форме совершенного вида. Например, предложение *Она не принимает этой пьесы*, как правило, оценивалось в 2 балла. Напротив, предложение *Она так и не приняла этой пьесы* воспринималось как относительно более правильное (средний балл 3, 5). Использование формы совершенного вида предпочитается также в сочетании *принять революцию*. В остальных условиях употребления глагол *принять* имеет компонент b_0 , т. е. в зависимости от контекста может встречаться и в форме совершенного и в форме несовершенного вида, причем последняя не вносит информации о том, что Y не входит в систему S до описываемого момента времени.

Поскольку во всех проанализированных случаях вхождение Y в систему S не зависит от X , мы считаем, что глагол *принять* в этих условиях не имеет

компонента d_b (действие внешних по отношению к X сил определяет включение Y в систему S).

Информация sa может сочетаться с компонентом d_s . При реализации информации $sabcd_s$ Y представляет собой какое-то событие объективного мира, имеющее отношение к X. Например: *Надо принимать строго и серьезно эту страшную необходимость* (Толстой, *Война и мир*; в приведенном предложении речь идет о войне). Сочетания такого типа обычно носят окказиональный характер. Наибольшую устойчивость имеет выражение *легко принимать жизнь*, которое занимает промежуточное положение между вариантами a_2 , a_4 и sa : жизнь складывается из событий, субъектом и объектом которых является X, а также событий, лишь опосредствованно с ним связанных. Кроме того, глагол *принять* употребляется с существительными, денотаты которых могли бы рассматриваться как определенные виды сообщений, адресованных не дельному лицу, а той или иной совокупности лиц или человечеству в целом. К данной группе можно отнести слова *выступление, речь, доклад, книга, поэма, пьеса, балет, постановка*, а также *проект, заявление* (правительства). Сочетания глагола *принять* с этими существительными принадлежат книжной речи и употребляются при подлежащем, обозначающем совокупность лиц или же такое лицо, которое может считаться выразителем мнения зрителей, читателей, публики и т. д. Например: *Публика холодно приняла его новую поэму; Белинский принял этот роман с восторгом; Среднее сословие с восторгом приняло заявление правительства об отмене торговых ограничений*.

В заключение перечислим комбинации смысловых компонентов, сочетающихся с информацией о включении Y в систему S, и условия реализации этих комбинаций:

- 1) $s_1ab_1(b_2)cd_{2b}$ — [X включает Y в число членов той системы S, представителем которой является X; d_2 — включение определяется соответствием Y тем требованиям, которые предъявляет система S; $b_1(b_2)$ — употребление глагола *принять* для указания на процедуру включения не полностью соответствует языковой норме]: *принять в институт, принять в партию, принять в какое-либо общество* и т. д. (стил. нейтр.);
- 2) $s_1ab_1cd_{1b}$ — [d_{1b} — желание, произвольное решение X определяет включение Y в систему S]: *принять в свой дом, принять в компанию, принять в родню* (архаич. или окказ.);
- 3) $s_2ab_{1\vee 2}cd_{2b}$ — [s_2a — Y включается в качестве элемента программирования или элемента программы действий системы S (s_2a_3); Y входит в число элементов собственности S(s_2a_6); Y включается в такое отношение к S, при котором Y есть действие

или результат действия, направленного на S (s_2a_4); реализация того или иного варианта зависит от контекста; исключения оговариваются]: *принять посылку на почте, принять белье, принять платье* и т. д.; *принять закон, постановление, резолюцию, директивы* [$b_1(b_2)$]; *принять что-либо, что представляет собой продукт строительства: принять завод, корабль, цех* и т. д. [s_2a_6]; *принять экзаме́н, исповедь, донесение* [s_2a_4];

- 4) $s_2a_{206}b_2cd_{1B}$ — [s_2a_{206} — Y становится объектом деятельности системы S; система S в данных условиях состоит из одного члена, взятого в его отношении к месту и функции: врач, выполняющий обязанности врача в своем кабинете; хозяин дома, выполняющий свои обязанности по отношению к гостю и т. д.]: *Врач примет его; Директор примет его; Я приму его* (архаич., если X—хозяин или хозяйка дома);
- 5) $s_2a_{206}b_0cd_n$ — [d_n — информация о поведении X, которое показывает отношение X к установлению отношения s_2a_{206}]. Например: *Она нас очень хорошо приняла*;
- 6) $sab_0cd_{2чот}$ — [$d_{2чот}$ — представления X о том, что должно или не должно быть, не восстают против существования Y в системе S]: употребление глагола *принять* в значении $sab_0cd_{2чот}$ имеет окказиональный характер, если связь между X и Y определяется только тем, что Y принадлежит к той же системе S, в которой «существует» X; это употребление получает большую устойчивость, если 1) Y может рассматриваться как элемент потенциально возможной программы действий X: *принимать террор как средство политической борьбы, принимать самоубийство как выход из безвыходного положения* и т. д.; 2) Y представляет собой поведение Z, имеющее какое-то отношение к X, но необязательно специально ему адресованное; Y обозначен словом *это*; 3) глагол *принять* сочетается а) со словом *революция*; б) с выражением *X принимает Y таким, как он есть*, в котором в функции дополнения стоят слова *жизнь, мир, люди*. В выражении *принять революцию* реализуется компонент b_1 ; 4) Y представляет собой вид искусства, дополнение часто выражено словом *это*; предпочтение отдается использованию формы совершенного вида, особенно если в функции дополнения не стоит указанное выше местоимение;

- 7) $sa b_1(b_0)c_0 d_3$ — [d_3 — эмоциональная реакция X, которая показывает, что чувства X не восстают против Y]: реализуется при выполнении, обозначающем событие, которое имеет отношение к X; большинство употреблений окказионально; наиболее распространены сочетания: *принять (с восторгом) пьесу, роман, постановку* и т. д.; приведенные сочетания принадлежат книжной речи.

ИНФОРМАЦИЯ О ВКЛЮЧЕНИИ В СИСТЕМЫ ОТОБРАЖЕНИЯ (ВАРИАНТ А^S)

3.21. При введении признака «включение Y в „существование" X» мы говорили, что отношения внеязыковой действительности, отраженные в данном признаке, не имеют четких пределов. В результате этого граница, которую проводит язык, может быть также подвижна. Наиболее далеко она продвинута в семантическом пространстве глагола *принять*. Как было показано выше, этот глагол может указывать на включение Y в некоторую систему, членом или представителем которой является X, а не только на включение Y в «существование» самого X. Кроме того, глагол *принять* может сообщать о том, что Y при его отображении в сознании X ложно идентифицируется с другим объектом или лицом. По-видимому, сознание X можно рассматривать как пространство, в котором Y получает указанную идентификацию. Обозначим информацию о включении Y в модель отображения внешнего мира в сознании X или в некоторой искусственно построенной им системе знаком a^S . Информация об ошибочной идентификации Y реализуется в конструкции *принять кого-то (что-то) за кого-то (что-то)*. Например: *Что слишком часто разговоры Принять мы рады за дела* (Пушкин, Евгений Онегин; в восприятии денотата подлежащего разговоры и дела ошибочно отождествляются); *Поджоги нельзя принять за причину, так как и без поджогов все было бы то же самое* (Толстой, Война и мир); *Вероятно, он принял меня за кого-то другого*.

Глагол *принять* в конструкциях: 1) *принять, что...*; 2) *принять Y (равным нулю)* сообщает о том, что Y произвольно приписываются те или иные качества. Эта информация наиболее часто реализуется в научной литературе и предполагает включение Y в искусственно построенную систему отображения действительности или того или иного ее отрезка. Например: *При переходе из одной среды в другую могут, вообще говоря, меняться обе эти величины. Френель принял, однако, что упругость остается неизменной и что различные опти-*

ческие среды характеризуются лишь различием плотности (Ландсберг, Оптика); *Примем X равным нулю.*

Обозначим выделенный вариант компонента d знаком $d_{\text{лп}}$ (приписание Y ложных или произвольных качеств в некоторой системе отображения).

При информации $a^s d_{\text{лп}}$ компонент b имеет значение b_0 : форма несовершенного вида глагола *принять* не сообщает о том, что включение Y в систему S не имело места до описываемого момента времени. Например: *Мы принимаем, что T , есть функция давления.* Информация о моменте включения входит только в означаемое формы совершенного вида и является, таким образом, элементом грамматического значения этой формы. Компонент c в анализируемых условиях имеет нулевую форму.

Данное значение имеет следующее толкование в ССРЛЯ: «18 зн. Перех. Признавать, считать кого-, что-либо, кем-, чем-либо (кто таковым не является). Принимать, принять за кого, что» (т. XI, с. 627).

В словарной статье совершенно верно обращается внимание на то, что глагол *принять* сообщает о ложной идентификации Y -а. Предлагаемая здесь интерпретация дополняет словарное определение. Во-первых, указывается, что глагол *принять* вносит информацию не только о ложной идентификации, но и о произвольном приписании Y -у тех или иных свойств (эти свойства необязательно не соответствуют тем, которые Y имеет в действительности). Во-вторых, если пространственная интерпретация данного значения подтвердится, она позволит увидеть его связь с другими значениями и вариантами значения глагола *принять*. В-третьих, следует отметить, что глагол *считать*, через который в словарной статье истолковывается глагол *принять*, не несет информацию о ложной идентификации Y , т. е. о том, что в сознании X -а Y был ошибочно отождествлен с другим индивидуальным объектом или с членом того или иного класса. Конструкция *считать кого-то, что-то, кем-то, чем-то* показывает, что уже идентифицированный Y , например Y , принадлежащий некоторому классу, рассматривается и как член другого класса, причем представление о том, верно или неверно отнесение Y к этому классу, зависит от контекста. Ср., например, следующие предложения: *Разговоры нельзя считать делами (делом)* и *Разговоры нельзя принимать за дела*. Первое из этих предложений сообщает, что действия, принадлежащие к классу «разговоры», не входят в класс «дела». Напротив, вторая фраза передает информацию о том, что не следует ошибочно относить к классу «дела» те действия, которые в действительности являются не чем иным, как разговорами, т. е. здесь речь идет не о том, пересекаются ли классы «разговоры» и «дела», а о том, к какому именно классу принадлежат описываемые действия. Поскольку значение глагола *считать* не тождественно информации об ошибочной идентификации, он не может употребляться, когда сопоставляются два индивидуальных объекта или лица. Например, нельзя сказать: *Я считала его Борисом*. Предложе-

ние *Я считала его твоим другом* не может быть интерпретировано как сообщение о том, что говорящий спутал денотат дополнения с другим лицом. Это предложение показывает, что автор речи приписывал денотату дополнения свойство «быть другом» адресата речи. Напротив, глагол *принять* часто используется для передачи информации о ложной идентификации индивидуальных объектов. В тех случаях, когда речь идет об идентификации Y с членом класса, глагол *принять* широко употребляется в форме совершенного вида. Например: *Эту минуту в комнату вошел какой-то высокий человек, которого я почему-то принял за врача; По внешнему виду его можно было принять за отставного военного*. Глагол *принять* также используется в предложениях, которые в зависимости от контекста могут быть истолкованы как сообщения о ложной идентификации Y либо с индивидуальным объектом, либо с членом класса. Например: *Я принимала его за Вашего брата* (т. е. автор речи либо ошибочно отождествил Y с тем лицом, которое в действительности является братом адресата речи, либо ошибочно идентифицировал его с членом класса «брат адресата речи»). Если первая интерпретация недопустима и если разница в информации о ложной идентификации и ложном приписании идентифицированному Y того или иного свойства не существенна, то обычно выбирается глагол *считать*. Например: *Я считала его умнейшим человеком, а не: Я принимала его за умнейшего человека*.

Подводя итоги семантического анализа глагола *принять*, перечислим основные результаты.

1. Одним из главных результатов работы является выделение признака «включение Y в „существование" X » (компонент а). Отдельные варианты этого признака уже отмечались в словарных статьях. Однако в общем виде он не был выделен. В результате введения признака «включение Y в „существование" X » удалось более адекватно — по сравнению с предшествующими описаниями — определить заключенную в анализируемом глаголе информацию (см. об этом 3.3; 3.6; 3.8; 3.12; 3.18; 3.19; 3.20). Получение таких определений позволило, в свою очередь, более обоснованно расклассифицировать варианты информации, передаваемой через лексику *принять*. Например, в ССРЛЯ сочетания *принять помощь, содействие, поддержку*, а также сочетания *принять на свое попечение, принять под свое покровительство* считаются фразеологическими вариантами второго значения, которое формулируется так: «Брать, получать что-либо в собственность, в свое распоряжение» (т. XI, с. 619). Очевидно, что включение перечисленных выражений в число условий актуализации второго значения является чисто условным. В данной работе сочетания *принять помощь, содействие, поддержку* отнесены к условиям реализации комбинации компонентов $a_4b_1cd_b$ (a_4 — информация об установлении такого отношения между X и Y , при котором Y есть действие или результат

действия, направленного на X), а сочетания *принять под свое покровительство, принять на свое попечение*—к условиям реализации комбинации компонентов $a_5b_1cd_b$ (a_5 —информация о том, что Y включается в такое отношение к X, о котором говорит слово, обозначающее Y, или другое слово или выражение, специально вводимое для указания на это отношение; в приведенных сочетаниях выражения *под свое покровительство, на свое попечение* сообщают о том, в каком именно отношении Y находится к X).

Введение признака «включение Y в „существование" X» позволило также раскрыть то общее, что объединяет глагол *принять* с глаголом *иметь*, а также с конструкцией «У X(есть) Y». Следует подчеркнуть, что признак «включение Y в „существование" X», присутствующий в значении всех трех перечисленных единиц, представлен в них в несколько различающемся наборе вариантов. Так, глагол *иметь* почти никогда не служит средством описания отношений sa (включение Y в число членов, объектов деятельности и т. д. той системы S, представителем которой является X). Напротив, глагол *принять* широко употребляется для обозначения этого типа отношений (см. 3.18; 3.19).

2. Вторым общим результатом исследования является уточнение содержания информации о роли X и Z в установлении отношения a между X и Y. Словарные толкования даже в имплицитной форме не всегда содержат указание на компонент d_b (d_b —информация о том, что включение Y в «существование» X определяется самим X или процессами, протекающими в X). Например, в словаре С. И. Ожегова 8-е и 9-е значения формулируются так: «8. *что*. Стать обладателем какого-н. звания, сана (устар.)» (с. 544); «9. Приобрести какой-н. вид, качество» (с. 544). Подобные пояснения даются и в ССРЛЯ. Например: «14. Перех. Приобретать, получать какой-л. вид, свойство, качество» (т. XI, с. 629). Полагаясь на словарное описание, человек, не знающий русского языка, может заключить, что информация, содержащаяся в глаголах *принять, получить, приобрести*, тождественна. Он может также сделать вывод о допустимости их взаимозамены и строить предложения типа: *Лицо ее приобрело печальное выражение; Мальчик не отвечал ни слова..., получив на себя вид дурачка*. Иногда для толкования глагола *принять* одновременно используется и глагол *получить*, и глагол *взять*. Например: «2 зн. Брать, получать что-либо в собственность, в свое распоряжение» (ССРЛЯ, т. XI, с. 620). Пояснение содержания слова через набор синонимов, принятое во всех существующих словарях, не является достаточным и не удовлетворяет те запросы, которые возникают у человека, желающего правильно употребить в речи слова изучаемого им языка. Если подобные пояснения ставят своей целью указать на возможность взаимозамены описываемого слова словами, употребленными в метаязыке описания, то эта цель не является полностью достигнутой, поскольку взаимозамена допустима лишь в строго определенных условиях, которые остаются невыявлен-

ными. Например, глагол *принять* может быть поставлен на место глагола *взять* в контексте *Нет, нет. Не предлагайте мне этих денег. Я их не возьму.* Напротив, в предложении *Я взяла эти деньги у сестры* такая подстановка невозможна. Приведенное словарное пояснение не позволяет предсказать, в каких именно условиях взаимозамена глаголов *взять* и *принять* допустима. Кроме того, в большинстве случаев замена одного слова на другое приводит к некоторому изменению смысла высказывания. Ср., например: *Я получила подарок—Я приняла подарок.*

Указанная форма словарных толкований может рассматриваться также как средство выразить информацию анализируемого слова через суммарное содержание всех перечисленных в определении слов, причем противоречащие друг другу компоненты значения этих слов взаимоисключаются. Выбор такого пути для установления смыслового содержания описываемого слова представляется неудачным. Во-первых, нужно досконально знать значение слов-определителей, чтобы понять, какие компоненты добавляются в общую сумму каждым из них и какие компоненты нейтрализуются. Такими знаниями, безусловно, не обладает человек, обращающийся к словарю для того, чтобы получить сведения о неродном языке или о словах, которыми он не пользуется активно. Во-вторых, как правило, значение отдельного слова не равно суммарной информации его синонимов. Такого соотношения нет и между глаголом *принять* и глаголами *взять* плюс *получить*: глагол *принять* так же, как глагол *взять*, имеет компонент d_v , но в него не входит — в отличие от глагола *получить* — компонент c_v , т. е. глагол *принять* не сообщает о том, что внешние по отношению к X факторы определяют включение Y в «существование» X. Вместо этого глагол *принять* содержит компонент c (Z «направляет» Y к X, т. е. Z осуществляет такое действие, цель которого включить Y в «существование» X и которое привело бы к желаемому результату, если бы последний не зависел также от X). Произведение компонентов cd_v не эквивалентно сумме $c_v + d_v$ (компоненты c_v и d_v могут либо вычеркивать друг друга, либо создавать немаркированный член оппозиции: нет информации о том, X или Z определяют включение).

В словарных статьях при толковании некоторых значений глагола *принять* отмечается участие внешних и внутренних факторов в установлении отношения а между X и Y (см. 1-е и 3-е значения в ССРЛЯ). Однако подобным же образом определяется и глагол *получить* (см. об этом в главе четвертой). В результате этого различие между глаголами *принять* и *получить* не было четко выявлено. Кроме того, в словарях не всегда правильно установлены условия, в которых реализуется и в которых не реализуется компонент c . Например, как уже указывалось выше, сочетания типа *принять цвет, принять вид, принять выражение* описываются в словарях через глаголы *получить, приобрести*, хотя в этих условиях глагол *принять* вообще не имеет компонента c .

3. Третьим общим результатом исследования является выделение в семантической структуре глагола *принять* компонентов $d_{2чy}$ и d_3 . Компонент $d_{2чy}$ содержит информацию о том, что X (своими чувствами и умом) признает оправданность включения Y в отношение а к X вследствие соответствия Y сущности вещей, тому, что заслуживает X, или сложившейся ситуации. В большинстве условий употребления (в работе они указаны) этот компонент предполагает, что чувства X не восстают против включения Y в «существование» X, несмотря на отрицательные качества Y, вследствие признания их соответствия идеальной или реальной сущности вещей (информация $d_{2чyот}$). Устойчивые употребления глагола *принять* относятся к ситуациям, в которых Y имеет отрицательные качества, лежащие на шкале нравственных оценок: что-то дурное, постыдное, унижительное, недостойное человека и т. д. или то, что могло бы рассматриваться как дурное, недостойное человека и т. д. Однако глагол *принять* может использоваться и тогда, когда отрицательные качества Y относятся ко всему, что может вызвать неприятные эмоции у X, причинить горе, страдание: смерть, муки и т. д. Большинство употреблений такого типа носит окказиональный характер.

Выделение компонентов $ad_{2чy}$ и $ad_{2чyот}$ позволило показать отличие между глаголом *принять* и такими глаголами и глагольными сочетаниями, как *признать правильным, согласиться, положительно относиться к чему-либо, выслушать*, которые обычно используются в словарях для истолкования семантического содержания глагола *принять* в условиях реализации компонентов $ad_{2чyот}$ и $ad_{2чy}$. Кроме того, выделенные компоненты объясняют и предсказывают многие особенности употребления анализируемого глагола, которые не вытекали из его предшествующих описаний.

Компонент d_3 реализуется при сочетании глагола *принять* с обстоятельством образа действия. Этот компонент не содержит информации о том, признает или не признает X наличие Y оправданным, отвечающим сущности вещей или сложившейся ситуации. Глагол *принять* в условиях актуализации компонента d_3 сообщает о той или иной эмоциональной реакции X на наличие Y, которая показывает, что чувства X признают соответствие Y представлению о том, что можно считать хорошим, или не восстают против Y во всяком случае в такой степени, чтобы X терял контроль над своими чувствами: нет настолько сильного внутреннего протеста, чтобы он мог привести к отрицательному эмоциональному взрыву, открытому бунту чувств X против Y. Выделение компонента d_3 позволило установить отличие глагола *принять* от глагола *воспринять*, а также предсказать семантическую характеристику тех слов и выражений, которые могут выступать в функции обстоятельства образа действия при глаголе *принять*.

4. Четвертым результатом исследования является выделение вариантов b_1 и b_2 признака b (b_1 — информация о самом факте включения, который пред-

ставлен как точка, не имеющая временных измерений; b_2 — информация о процессе включения, который складывается из разнообразных типов действий и имеет временные измерения). Выделение этих вариантов признака b и установление условий их реализации объяснило ряд особенностей употребления глагола *принять* и, в частности, допустимость или недопустимость его использования в причастном обороте, обозначающем событие, которое предшествует во времени событию главного предложения.

В работе имеются и другие, более частные результаты исследования, связанные как с уточнением смыслового содержания глагола *принять*, так и с выделением его конфигуративных признаков. Рассмотрены также особенности денотативной соотносительности этого глагола.

Некоторые из полученных результатов требуют дополнительной проверки и уточнения.

При изложении результатов исследования мы не ставили вопроса о том, какие из выделенных **информаций** следует рассматривать как особые, отдельные значения. Мы уже говорили выше, что критерий разграничения варианта значения и особого значения еще не создан в окончательном виде. Поэтому пока можно лишь приблизительно ответить на поставленный вопрос. По-видимому, статус особого значения, представленного в виде нескольких вариантов, можно приписать тем **информациям**, в которые входит компонент $d_{2ч}$. В этом компоненте не содержится указания на то, что действие X -а является определяющим для фактического включения Y в «существование» X . Вместо этого появляется информация об эмоциональной реакции X на установление отношения « X а Y ». Кроме того, глагол *принять* при компоненте $d_{2ч}$ не коррелирует с глаголами *взять*, *получить*, *дать*, и, возможно, вступает в оппозицию с глаголами *относиться*, *воспринимать*. Указанные причины могут служить основанием для выделения в особое значение **информаций**, содержащих компонент d_3 . Возможно, однако, комбинации компонентов, включающих информации d_3 и $d_{2ч}$, следует объединить в одно значение.

Отсутствие компонента c (компонент c_0) может также рассматриваться как предпосылка для выделения особого значения. При отсутствии этого компонента глагол *принять* теряет противопоставленность глаголу *взять* и изменяет, таким образом, свое положение в семантической системе. Статус особого значения, возможно, следует приписать информации, передаваемой через лексему *принять* при описании отношений собственности, а также при описании пространственных отношений.

Другие комбинации компонентов, входящие в семантический объем глагола *принять*, по-видимому, не следует рассматривать в качестве особых значений. Отметим, однако, что степень их расхождения может быть более или менее велика.

Глава IV

ГЛАГОЛ *ПОЛУЧИТЬ*

ИНФОРМАЦИЯ О НАЛИЧИИ СВОЙСТВА, ЧУВСТВА, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ (ВАРИАНТ А.)

В четвертой главе представлены результаты семантического анализа глагола *получить*.

4.1. При общей характеристике глаголов *взять*, *принять*, *получить*, *дать* (см. 3.1) было указано, что лексема *получить*, в отличие от глагола *дать*, сообщает о включении денотата прямого дополнения в «существование» денотата подлежащего [компонент а (или $a_{\rightarrow ду}$)—в отличие от компонента $a_{\rightarrow дкл}$]. Таким образом, при принятом нами обозначении денотат подлежащего в предложениях с глаголом *получить* тождествен X, а денотат прямого дополнения—Y. В разделе 3.1 было также отмечено, что основное различие между глаголами *получить*, *взять* и *принять* описывается признаком d_b — c_b . Глаголы *взять* и *принять* сообщают, что включение Y определяется самим X; напротив, глагол *получить* показывает, что определяющую роль играет некоторая внешняя по отношению к X сила Z (компонент c_b). Употребляя слова *сила*, *действие*, мы не хотим сказать, что Z обязательно делает что-то для включения Y: само существование, свойства Z-а могут служить тем фактором, который обуславливает включение Y в «существование» X.

4.1.1. Рассмотрим более подробно содержание компонента c_b в анализируемых условиях. Компонент c_b предполагает, что наличие или действия X-а недостаточны для включения Y, и условия, необходимые для включения, не диктуются однозначно X-ом. Ср., например, следующие предложения: *Из-за этого он*

получил прозвище Зверобой (возникновение прозвища не определялось желанием, волей X; кто-то другой прозвал его этим именем) и *Он принял кличку Зверобой* (денотат подлежащего сам, по своей воле, желанию, сделал данную кличку своей). При неконтролирующем субъекте действия глагол *принять* предполагает, что внутренние процессы, протекающие в X, непосредственно приводят к возникновению, созданию Y. Эти внутренние (по отношению к X) процессы могут быть стимулированы какими-то внешними обстоятельствами, которые, однако, воспринимаются как причина, а не непосредственная движущая сила процессов, приводящих к появлению Y. Например: *Но, как только она сказала это, он вдруг выпрямился, и лицо его приняло гордое и строгое выражение* (Толстой, Анна Каренина). Напротив, глагол *получить* сообщает, что внешние (по отношению к X) обстоятельства являются непосредственной причиной появления Y. Например, в предложении *На окошке повесили... гардины — и комната вдруг получила совсем другой вид* (Аксаков, Детские годы Багрова внука). Появление гардин представлено как то, что непосредственно вызывает изменение внешнего вида комнаты. Следует, однако, отметить, что денотативная ситуация, описанная в этом предложении, могла бы быть осмыслена иначе: появление Z могло бы рассматриваться как условие, приводящее к каким-то внутренним изменениям X, которые, в свою очередь, вызывают появление Y. Вследствие этого многие информанты предпочитали употреблять в данном контексте глагол *принять* (см. 3.2). Таким образом, признание внешнего или внутреннего фактора определяющим может быть более или менее произвольным и часто зависит от принятого в данном языковом коллективе восприятия денотативной ситуации. Так, в современном языке появилась тенденция вообще избегать употребления глагола *получить* в сочетании с существительными *вид, выражение* (о лице), *цвет, оттенок, тон*. Однако даже в современном языке предложения, содержащие данные сочетания, оцениваются тем выше (баллы 3 и 4), чем ббольшую роль играет внешний фактор. Например: *При вечернем освещении ее волосы получают удивительный орехово-золотистый оттенок*.

Включение Y в число свойств, характеристик X может быть косвенным результатом действия самого X. Например: *Он пробежал эту дистанцию за десять секунд и, таким образом, получил преимущество перед своими соперниками* (возникновение преимущества есть следствие достижений X в беге на указанную дистанцию). Поскольку в ситуации, описанной в приведенном предложении, участие X в установлении отношения & \ опосредствованно, действующим фактором является результат предшествующего поведения X, а не сам X. Мы считаем, что глагол *получить* и здесь имеет компонент *с_в*. Имеется, однако, потенциальная возможность отнести анализируемую ситуацию к классу денотации глагола *брать*: результаты действия X могут рассматриваться как **неотъ-**

емлемая часть самого X, и, следовательно, сам X может считаться действующим фактором. В настоящее время такая интерпретация денотативной ситуации не соответствует речевой норме. Например, предложение *Он пробежал эту дистанцию за 10 секунд и, таким образом, взял преимущество над своими соперниками* воспринимается как неправильное или, во всяком случае, не совсем правильное. Однако в языке XIX в. подобное употребление глагола *взять*, по-видимому, допускалось. Во всяком случае этот глагол часто встречался в сочетании со словом *преимущество*. Если включение Y в число свойств, качеств, характеристик X есть непосредственный результат действия X, глагол *получить*, как указывалось, не употребляется. В этом случае выбираются глаголы *принять*, *выработать* (глагол *выработать* предполагает, что Y — продукт действия X), а также другие глаголы и глагольные конструкции.

Кроме слова *получить*, компонент c_b входит, по-видимому, в значение глагола *приобретать*. Этот глагол имеет также компоненты а и b. Мы не устанавливали, существует ли какое-либо смысловое различие между глаголами *получить* и *приобрести* при употреблении этих глаголов для описания отношения a_1 .

4.1.2. Компоненты c_b и d_b определяют отличие глаголов *получить*, *взять*, *дать*, *принять* от таких глаголов, как *возникнуть*, *зародиться*, *образоваться* и т. д., которые сообщают, что непосредственной причиной появления Y является его внутреннее развитие, самозарождение. Противопоставленность глаголам *возникнуть*, *зародиться*, *образоваться* и т. д. резко ограничивает употребление глагола *получить*. Например, нельзя сказать: *Я получил подозрение; Я получил сомнение; Я получил надежду* и т. д. В этой сочетаемости требуется использовать глагол *возникнуть* или глагол *появиться*: *У меня возникло подозрение; У меня возникло сомнение в истинности его слов; После ее слов у меня опять появилась надежда*.

Представление о том, что Y есть продукт внешней по отношению к Y силы, может быть более или менее произвольным. Например, появление подозрения могло бы восприниматься как непосредственный результат сложившихся обстоятельств, действий Z. В русском языке, однако, ни глагол *получить*, ни глагол *дать* не сочетаются с этим существительным. Поэтому установление смыслового различия между глаголом *получить* и глаголами *возникнуть*, *появиться* и т. д. недостаточно: их описание должно обязательно включать перечисление конфигуративных признаков. Существительные, которые могут выступать в функции дополнения при глаголе *получить*, будут перечислены ниже. Возможно, однако, их перечень неполон.

Следует подчеркнуть, что смысловое отличие слова *получить* от глаголов *возникнуть*, *появиться*, *зародиться* и т. д. не исчерпывается компонентом c_b : эти последние глаголы не имеют также компонента а. Вследствие этого они

оказываются противопоставленными глаголу *получить* только тогда, когда входят в синтаксические модели «УХ появился Y», «УХ возник Y» и т. д., которые предполагают информацию а.

4.1.3. Глагол *дать* так же, как и глагол *получить*, показывает, что внешняя по отношению к X сила определяет включение Y в «существование» X. Однако в отличие от глагола *получить* глагол *дать* сообщает, что Y включается в «существование» денотата косвенного дополнения. Кроме того, между рассматриваемыми глаголами имеется еще одно смысловое отличие. По-видимому, это отличие возникло в результате того, что в предложениях с глаголом *получать* Z обычно не обозначен. Вследствие этого анализируемый глагол часто выбирается в таких ситуациях, в которых трудно указать на какой-то определенный фактор, обуславливающий включение Y в «существование» X. Например, в предложении *...это были те народные изречения, которые кажутся столь незначительными, взятые отдельно, и которые получают вдруг значение глубокой мудрости, когда сказаны кстати* (Толстой, *Война и мир*) значение глубокой мудрости предстает как следствие не только употребления к месту, но и того смысла, который заложен в народных изречениях. Ведущую роль при этом играет именно удачное употребление, поскольку оно однозначно определяет действие других уже имеющихся факторов¹. Недопустимость сочетаний *дать значение*, *дать смысл*, вероятно, объясняется тем, что смысл и значение не считаются следствием только внешних факторов. Например, нельзя сказать: *Удачное употребление дает глубокое значение народным изречениям*. Поскольку, однако, у глаголов *дать* и *получить* есть много произвольных, не связанных с их смысловыми признаками ограничений на сочетаемость, не всегда можно сказать, какие признаки—смысловые или конфигуративные—являются причиной каждой отдельной особенности употребления.

Обозначим информацию о неопределенности, сложности факторов, обуславливающих включение Y в «существование» X, знаком к. Теперь значение глагола *получить* можно записать так: $ab_1c_b \vee c_bk$ (включение Y в «существование» X определяется некоторой внешней по отношению к X силой, причем эта сила может складываться из многих, часто неопределенных составляющих; в число этих составляющих иногда входят и внутренние по отношению к X факторы, если их действие однозначно следует из появления внешних факторов). Поскольку компонент к является возможным, но необязательным, он может исчезать и появляться в зависимости от контекста. Например, слы-

¹ Подчеркнем, что в предложениях типа *Его лицо приняло грустное выражение* действие внешних факторов не воспринимается как однозначно предсказывающее действие внутренних факторов.

ша предложение *Я получил пощечину*, адресат речи понимает, что субъектом действия было какое-то конкретное лицо (контекст исключает реализацию компонента к). Иногда, однако, сама возможность наличия компонента к играет смысловозначительную роль. Ср., например, следующие предложения: *Ну, хорошо. Ты получишь эти деньги* и *Ну, хорошо. Я дам тебе эти деньги*. Второе предложение предполагает, что говорящий является собственником тех денег, о которых идет речь. Напротив, первое предложение необязательно указывает на такое отношение между Z и Y; действие Z при этом может не сводиться к выражению своего волеизъявления, согласия; оно может включать создание каких-то дополнительных условий, которые, в свою очередь, должны привести к становлению отношения a_6 (отношение собственности) между X и Y. Кроме того, в некоторых условиях употребления глагола *получить* компонент к изменяет свой статус и входит в качестве обязательного элемента в означаемое глагола *получить*. Особенно большую роль он играет при описании отношений собственности (см. 4.10). При указании на включение Y в число свойств, качеств, характеристик X информация $a_1b_1c_k$ реализуется только в сочетаниях *получить имя, кличку, прозвище, название*: употребление этих сочетаний в контекстах, предполагающих, что выбор имени, прозвища полностью определяется произвольным действием какого-то лица, создает неправильные или во всяком случае не совсем правильные высказывания. Например: *В 1929 г. у них родилась еще одна дочь. Она получила красивое и редко встречающееся у нас имя— Мариула*. В этом контексте более естественно поставить глагол *дать* или глагол *назвать*. Напротив, употребление глагола *получить* полностью соответствует языковой норме, если субъектом действия не является какое-то определенное лицо или если его действие связано с какими-то условиями, обстоятельствами, в частности, со свойствами, характеристиками X. Например: *За желтую рубаху я получил прозвище «бубнового туза»* (Горький, Как я учился).

Как уже указывалось выше, смысловые признаки глагола *получить* не предсказывают всех ограничений в сочетаемости, которые имеет этот глагол. Поэтому необходимо рассмотреть конфигуративные признаки анализируемого глагола.

4.2. Как и все исследуемые слова, лексема *получить* обычно сочетается с такими существительными, которые не имеют соответствующих прилагательных и глаголов. Например, предложение *После этого она получила к нему доверие* отклоняется языковой нормой, что, по-видимому, связано с существованием глагола *доверять*. Ср. *После этого она стала ему доверять*. Однако это ограничение не всегда соблюдается. Кроме того, существуют и другие конфигуративные признаки, отграничивающие класс сочетаемости глагола *получить* от

глаголов *возникнуть, появиться, приобретать* и т. д. Поэтому перечислим по порядку те группы существительных, с которыми встречается глагол *получить*.

Первую группу образуют существительные, обозначающие качества или составные части X в отличие от чувств, ощущений, состояний. Из членов этой группы следующие существительные могут стоять в функции дополнения при глаголе *получить*: *свойство, качество, преимущество, перевес, первенство, приоритет, признак; компонент; значение, смысл; власть, цвет, оттенок, форма вид, выражение; образование, воспитание; устойчивость* (о языковом выражении); *огласка, известность, авторитет, репутация*. Например: *Никелевые сплавы получают при термической обработке одно интересное свойство; Этот глагол при употреблении в рассмотренных условиях получает следующий дополнительный компонент; Он получил высшее образование.*

Как указывалось выше, в современном языке избегается употребление глагола *получить* в сочетании с существительными *цвет, оттенок, форма, вид, выражение* (о лице). При этом глаголе редко встречаются и существительные *авторитет, репутация* (хорошего специалиста, легкомысленного человека и т. д.). Эти существительные чаще стоят при глаголе *приобретать*.

Кроме перечисленных выражений, возможны различные окказиональные сочетания глагола *получить*. Эти окказиональные сочетания могут быть следствием необычного осмысления денотативной ситуации. Например, существительные *талант, дар, способность* не ставятся обычно при глаголе *получать*: свойства, ими обозначаемые, обычно воспринимаются как заложенные в человеке изначально. Однако можно представить себе такие ситуации, в которых эти свойства могли бы рассматриваться как результат определенных внешних условий, обстоятельств. Например, можно сказать: *После такого припадка он получает способность логически мыслить только через несколько дней*. В этом контексте мог бы быть также употреблен глагол *возвращаться*: *После такого припадка способность логически мыслить возвращается к нему только через несколько дней*. См. также: *Мужик, охающий, как баба, и баба, в великую, внезапно нагрянувшую беду получившая вдруг твердость, — все это в рубищах, в рвани, протягивает к вам свои руки* (Глеб Успенский, Побирушки). Твердость представлена здесь как свойство, которым стал обладать денотат подлежащего в результате сложившихся обстоятельств. Окказиональные употребления могут быть также следствием преодоления конфигуративных ограничений. Так, глагол *получить* обычно не сочетается со словами *вязкость, рыхлость, твердость* (о веществе), *упругость* и т. д., поскольку соответствующие денотативные ситуации обычно описываются конструкцией «*стать* плюс прилагательное», а также глаголом «*приобретать* плюс существительное». Однако иногда говорящие используют в этих условиях глагол *получить*. Например, можно сказать: *При термической обработке никелевые сплавы по-*

*лучают вязкость, хотя выбор конструкции с глаголом *стать* более естествен: Притермической обработки никелевые сплавы становятся вязкими.*

К числу слов, регулярно сочетающихся с глаголом *получить* относятся, кроме указанных выше, следующие существительные: *завершение, развитие, преломление* (об идее, концепции), *выражение* (о мысли, идее), *распространение, применение, использование*. Например: *И я размышлял о том, что все, что сейчас происходит, что тянется так мучительно, все получит свое завершение* (Булгаков, Театральный роман); *Этим, вероятно, объясняется то обстоятельство, что именно фонологии суждено было стать той областью языкознания, в которой идеи структурализма получили сознательное, практическое применение* (сб. «Исследования по общей теории грамматики»).

Отношения, описываемые выражениями *получить завершение {развитие* и т. д.), могут быть включены и в категорию a_1 , и в категорию a_5 : Y может рассматриваться и как свойство или составная часть X («завершенность», «использованность»), и как особое явление, которое обладает тем свойством, что представляет собой завершение, развитие X и т. д. (a_5). По-видимому, предпочтительность той или иной интерпретации зависит от контекста.

В функции дополнения при глаголе *получить* могут стоять также существительные *звание, имя, прозвище, кличка, название*. При четырех последних существительных информация глагола *получить* складывается из компонентов $a_1 b_1 c_b k$.

4.3.1. Глагол *получить* сочетается с существительными *пристрастие, отвращение, склонность*, когда они обозначают не ощущения, испытываемые X в тот или иной момент времени, а психологические качества, программирующие отношение X к классу объектов, который обозначен предложным дополнением. Например: *Именно тогда он получил пристрастие к азартной игре; Под влиянием сложных отношений, сложившихся в семье, мальчик получил склонность к меланхолии; Он получил решительное отвращение к книгам.*

Поскольку глагол *получить* сообщает, что появление рассматриваемых психологических качеств обусловлено главным образом действием внешних по отношению к X сил, этот глагол часто сочетается с такими выражениями, как *под влиянием сложившихся обстоятельств, в результате случившегося, тогда* (т. е. в тот момент времени, когда происходили описываемые события). Если контекст не подчеркивает влияние внешних условий на появление Y , употребления глагола *получить* избегают. Следует отметить, что в современном языке имеется некоторая тенденция заменять глагол *получить* словами других семантических групп {*развиваться, появляться* и т. д.) даже в тех случаях, когда есть условия для реализации компонента c_b . Например, глагол *почувствовать* обычно предпочитается глаголу *получить* в предложении *После этого*

я получила отвращение к азартным играм. Сочетания с глаголом *получить* чаще встречаются в книжной речи.

Кроме слов *пристрастие, отвращение, склонность*, глагол *получить* может встречаться в окказиональных сочетаниях: *получить страх к...*, *получить любовь к...*

Сочетания *получить пристрастие, отвращение, склонность* не могут употребляться, если речь идет об отношении X к отдельному лицу или объекту. Например, нельзя сказать *Я получил к нему склонность; Я получила к нему отвращение.*

Глагол *получить* может сочетаться со словами *удовольствие, наслаждение*, а также *ощущение*, которые обозначают не потенциальное психологическое качество, а чувство, ощущение, испытываемое в определенный момент времени. Например: *Я получила огромное удовольствие от этого спектакля; Я получила истинное наслаждение от ее игры.*

Вследствие того, что глагол *получить* имеет компонент b_1 (включение Y в «существование» X происходит в некоторое время T, с которым соотносится описываемое событие; включение представлено как точка, не имеющая временных изменений), он не употребляется в предложениях, описывающих тот отрезок времени, в течение которого X испытывает чувство удовольствия, наслаждения. Например, использование этого глагола не соответствует или во всяком случае неполностью соответствует языковой норме в следующих предложениях: *Вчера, когда она пела, я получала огромное удовольствие* (ср. *Когда она пела, я испытывала огромное удовольствие*); *Он почувствовал удовольствие, когда она сказала ему об этом*. Вследствие этого глагол *получить* вообще редко употребляется при придаточном времени. Исключения составляют высказывания, описывающие многократное событие. Например: *Я всегда получаю удовольствие, когда она поет; Я всегда получаю удовольствие, когда читаю ее работы.*

4.3.2. Глагол *получить* может иметь дополнение, выраженное словами *свобода, независимость, облегчение*, а также может входить в различные окказиональные сочетания, предполагающие освобождение от чего-то гнетущего, связывающего. Например: *В 1955 г. эта страна получила независимость; Таким образом, он получил свободу передвижения; Он получил большое облегчение, узнав, что она простила ему; И он, сам не думая о том, получил успокоение...* (Толстой, *Война и мир*); *И именно в это самое время он получил то спокойствие и довольство собою, к которым он тщетно стремился прежде* (Там же).

Возможность употребления глагола *получить* в рассматриваемой сочетаемости возникает в результате того, что свобода, независимость некоторого лица или совокупности лиц может быть результатом действия внешних по отноше-

нию к ним сил: свобода, независимость может быть привнесена извне. Но в то же время есть и известный «языковой произвол» в признании соответствия данных сочетаний норме. Так, предложения *И именно в это самое время он получил какое-то странное чувство беспокойства; Он получил недовольство собой* воспринимаются как неправильные, несмотря на то, что возникновение описываемых чувств может происходить независимо от денотата подлежащего под влиянием каких-то внешних условий. Существительные *недовольство, беспокойство* требуют выбора глаголов других семантических групп. Например: *Именно в это самое время в нем возникло какое-то чувство беспокойства.*

4.3.3. Глагол *получить* употребляется для указания на появление того или иного заболевания у X. Он сочетается со словами, обозначающими такие болезни, возникновение которых обычно приписывают влиянию разнообразных факторов, связанных прежде всего с условиями жизни: *чахотка (туберкулез), ревматизм, инфаркт, воспаление легких, простуда, кашель, насморк*. Например, можно сказать: *Тогда-то я и получила ревматизм; В результате этого он получил воспаление легких*. Напротив, если причиной развития болезни считается попавшая в организм инфекция, зараза, глагол *получить* не употребляется. Нельзя, например, сказать: *Тогда-то он и получил тиф; В результате этого он получил оспу*. Следует заметить, что в современном языке есть тенденция избегать употребления глагола *получить* и в сочетании со словом *туберкулез*, поскольку болезнь перестала рассматриваться как следствие прежде всего условий жизни. Ср., например: *Там он получил туберкулез* и *Там он заболел туберкулезом*. Глагол *получить* сочетается также со словами, обозначающими физические повреждения: *синяк, царапина, перелом, вывих, рана; получить пулю*. Эти сочетания могут также входить в условия реализации отношения a_4 (Y — результат действия, направленного на X).

4.4. Глагол *получить* может использоваться для описания наличия у X некоторого понятия, представления, а также тех или иных сведений о чем-то. Например: *Разбирая бумаги, нашел он только первое письмо заседателя и черновой ответ на оно. Из этого не мог он получить ясное понятие о тяжести и решил ожидать последствий, надеясь на правоту самого дела* (Пушкин, Дубровский); *Еще большее, настоящее представление о путешествии получила от поездки всей семьи в 1906 году в Берлин* (Пастернак, Люди и положения); *Прочитав эту книгу, вы получите много интересных сведений об австралийских аборигенах*.

Следует признать, что сочетания *получить сведения, получить доказательства, получить информацию* и т. д. в зависимости от контекста могут относиться к случаям реализации разных вариантов признака а. Ср., например,

следующие предложения: *Вчера я получил новое доказательство его невинности* (в результате сложившихся обстоятельств X стал обладателем каких-то сведений, которые доказывают невинность того лица, о котором идет речь) и *Он получил доказательство теоремы Ферма* (в данном контексте денотат слова *доказательство* воспринимается скорее не как тот набор сведений, который имеет X, начиная с описываемого момента времени, а как продукт его труда. См. 4.6). Поскольку отношение a_1 не исключает отношения a_2 (отношение между продуктом труда и его производителем), компоненты a_1 и a_2 могут реализоваться одновременно. Однако в зависимости от контекста один из этих компонентов выступает на первое место. См. приведенные выше примеры, а также: *Используя этот метод, мы получили полную информацию о механизме химической реакции в газовой фазе* и *Слыша это предложение, адресат речи получает следующую информацию...* В первом предложении ведущую роль скорее играет компонент a_2 , во втором предложении, напротив, — компонент a_1 .

Кроме того, полученные сведения могут быть результатом сделанного сообщения, т. е. результатом действия, направленного на X. Например: *От кого вы получили эти сведения?* Таким образом, в сочетаниях *получить сведения*, *получить информацию* могут реализоваться одновременно компоненты a_1 и a_4 (a_4 — информация о том, что Y является действием или результатом, продуктом действия, направленного на X).

Сочетания *получить сведения*, *получить информацию* принадлежат научной, а также официально-служебной речи; при употреблении в других условиях имеют оттенок «казенности». Сочетания *получить доказательства*, *получить подтверждение* стилистически нейтральны.

4.5. Глагол *получить* включает в свой семантический объем информацию об отношении между X и тем местом, которое X занимает. Обычно глагол *получить* используется, когда Y представляет собой точку в пространстве служебно-иерархических отношений. Например: *Думы же его состояли в припоминании того, что он вчера написал в своих мемуарах по случаю назначения Велянова, а не его, на тот пост, который он уже давно желал получить* (Толстой, Воскресение); *Он покидает меня здесь и Бог знает зачем, тогда как мог бы получить повышение* (Толстой, Война и мир); *Он получил место главного инженера*.

Глагол *получить* обычно не используется, если Y представляет собой точку физического пространства. Например, нельзя сказать: *Они подвинулись, и я получил место рядом с ними*. Выбор этого глагола становится возможным только в том случае, когда на пространственные отношения наслаиваются отношения собственности. Например: *Мне все-таки удалось получить место в мягком вагоне*.

Глагол *получить* может сообщать о наличии такого Y , который представляет собой отрезок временного «существования». Например: *Я получил отпуск, Я получил передышку.*

ИНФОРМАЦИЯ О НАЛИЧИИ ДЕЙСТВИЯ ИЛИ ЕГО РЕЗУЛЬТАТА В СФЕРЕ «СУЩЕСТВОВАНИЯ» ПРОИЗВОДИТЕЛЯ ДЕЙСТВИЯ (ВАРИАНТ A_2)

4.6. Глагол *получить* не сообщает о наличии действия в пространстве времени «существования» X . Однако этот глагол широко используется для передачи информации о нахождении X в множестве «продукт труда» X , если Y зависит не только от вложенного труда, но и от действия внешних по отношению к X сил. Например: *Мы получили прекрасный урожай* (урожай представляет собой продукт труда денотата подлежащего, но его появление определяется также природно-климатическими условиями); *За одну вечернюю смену мы получили 20 тонн руды* (получение руды зависит от содержания ее в разрабатываемых породах); *При подсчетах мы получили очень странную цифру* (получение такой цифры определяется данными, закладываемыми в процедуру счета); *Они получили очень интересные результаты (данные); Смешивая кислоту со щелочью, мы получаем нейтральную жидкость.*

Если появление продукта труда есть прямая функция от лица, производящего труд, глагол *получить* не употребляется. Например, нельзя сказать: *За одну смену они получили 100 деталей* в значении *За одну смену они сделали 100 деталей*. Предложение *Я получил две статьи* также не может считаться синонимичным высказыванию *Я написал две статьи*.

Глагол *получить* может встречаться при словах типа *детали, винты* только тогда, когда внимание акцентируется на тех свойствах их денотатов, которые обусловлены качеством исходного материала или условиями их изготовления. Например: *Из этого материала мы получили прочные стержни*. В тех случаях, когда речь идет о произведениях искусства, ремесла, общих итогах научной работы (статья, книга), глагол *получить* вообще не используется. Например, нельзя сказать *Из этого материала мы получим красивые платья*. Однако и здесь то или иное качество продукта труда может интерпретироваться как действие внешних по отношению к его создателю сил (везения, удачи). Для передачи такой информации служит глагол *получиться*. Например: *У него получилась неплохая статья*.

Таким образом, компонент c_v приводит к тому, что глагол *получить* при описании отношения между продуктом труда и его производителем употреб-

ляется только в том случае, когда появление продукта труда не есть прямая функция от вложенного труда.

СОЧЕТАНИЯ ТИПА *ПОЛУЧИТЬ ПРАВО*,
ПОЛУЧИТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ
(ВАРИАНТ А₃)

4.7. Глагол *получить* широко используется для передачи информации о том, что Y включается в число условий, создающих возможность для осуществления действия X-ом. При реализации варианта а₃ глагол *получить* сохраняет компоненты b₁c_в. Например: *Я получу возможность, наконец, вернуться в Кесарию* (Булгаков, Мастер и Маргарита); *В это время товарищ прокурора <...> попросил позволения сделать еще несколько вопросов и, получив разрешение, склонив над шитым воротником голову, спросил...* (Толстой, Воскресение); *Он получает много заказов.*

При варианте а₃ глагол *получить* может сочетаться со следующими словами: *возможность, право, привилегии, льготы, разрешение, позволение; предложение, приглашение, поощрение, совет; приказ, предписание, назначение; урок* (выражение *получить урок* — идиоматично).

Сочетания *получить разрешение, получить приглашение, получить приказ* и т. д. также предполагают одновременно два типа отношения между X и Y: Y есть действие или результат действия, направленного на X (отношение а₄) и Y есть элемент, программирующий будущее действие X-а (отношение а₃). Следует подчеркнуть, что приведенные сочетания сообщают, что Y предназначен программировать действие X-а, но они не вносят информации о том, что X обязательно готов, согласен поступать в соответствии с Y. Отсутствие этой информации и определяет отличие словосочетаний *получить предложение, получить приглашение, получить совет* от выражений *принять предложение, принять приглашение, принять совет*. Указанное различие является следствием и проявлением компонентов с_в и cd_в соответственно.

Частным случаем компонента а₃ можно считать информацию о таком отношении между X и Y, при котором Y становится объектом или средством деятельности X-а. К условиям реализации этой информации можно, по-видимому, отнести сочетания *получить кафедру, получить институт, получить роту* (полк и т. д.), *получить пополнение*. Например: *В эвакуации кафедру генетики получил профессор Шумский, который отлично поладил с деканом* (Успенская, Наше лето).

Глагол *получить* в сочетании со словами *институт, полк* {армия и т. д.) в современном русском языке предполагает, что Y становится не просто объек-

том будущей деятельности X, а элементом его собственности в широком смысле слова, тем, чем X может распоряжаться для достижения каких-либо целей. Вследствие этого предложения типа *В 1947 году он получил полк* воспринимаются как неправильные. Напротив, в контекстах, в которых может реализоваться информация a_2 и a_6 , глагол *получить* широко употребляется. Например: *8 марта 1429 года Жанна встретилась с Карлом, имела с ним беседу и, получив войско, 8 мая сняла осаду с Орлеана* (Лит. газета, 15.IX.1971); *Для проведения этих исследований он получил целый институт.*

Сочетание *получить полк* {армию} указывает на то, что Y становится объектом деятельности X лишь при добавлении выражения *под свое командование*. Например: *В 1706 г. он получил под свое командование целую армию*. Выражение *под свое командование* позволяет отнести указанное сочетание к условиям реализации компонента a_5 (Y включается в такое отношение к X, о котором говорит слово, обозначающее Y, или то или иное специальное выражение).

Кроме рассмотренных выражений, к условиям реализации компонента a_3 относится сочетание *получить работу*.

ИНФОРМАЦИЯ О НАЛИЧИИ ДЕЙСТВИЯ ИЛИ ЕГО РЕЗУЛЬТАТА В СФЕРЕ «СУЩЕСТВОВАНИЯ» АДРЕСАТА ДЕЙСТВИЯ (ВАРИАНТ А.)

4.8. Поскольку глагол *получить* говорит о том, что включение Y определяется действием некоторой внешней по отношению к X силы, этот глагол очень часто употребляется при дополнении, которое обозначает действие, направленное на X, или результат этого действия. Например: *Главную его слабостью была страсть к прекрасному полу; не редко за свои нежности получал он толчки, от которых охал по целым суткам* (Пушкин, Капитанская дочка); *Шесть лет тому назад я получил пощечину, и враг мой еще жив* (Пушкин, Выстрел).

Вследствие того, что в данных условиях употребления глагол *получить* конкурирует с другими языковыми средствами, он имеет ряд конфигуративных ограничений. Перечислим группы слов, которые могут выступать в функции дополнения при глаголе *получить*:

1) глагол *получить* может встречаться со следующими существительными, обозначающими физические действия или их результаты: *толчок, шлепок, удар, пощечина, трепка, пинок*. Допустимо также сочетание *получить поцелуй*, которое, однако, имеет оттенок архаичности. Анализируемый глагол не может употребляться со словами, которые обозначают другие типы физических действий, направленных на X. Нельзя, например, сказать: *Он получил промывание*

желудка; Он получил пожатие руки; Комната получила побелку; Он получил массаж; Он получил рывок и т. д.;

2) глагол *получить* употребляется со словами, говорящими об оценке деятельности денотата подлежащего; *У* есть действие или результат действия, выражающий эту оценку: *одобрение, осуждение* (при подлежащем, обозначающем поступок), *выговор, замечание, похвала, оценка, упрек, признание, возмездие, благодарность*. Знаком оценки может служить материальный предмет: *приз, грамота, премия, диплом*. Например: *В Тарутине Кутузов получил почти выговор от государя за то, что он отвел армию на Рязанскую дорогу (Толстой, Война и мир); ...и когда, получив одобрение тетки, губернаторша при княжне Марье заговорила о Ростове <...>, княжна Марья испытала нерадостное, но болезненное чувство (Там же); Я получила незаслуженный упрек; Его поступок получил всеобщее осуждение; Он получил похвальную грамоту.*

К рассматриваемой группе относится также устойчивое выражение *получить по заслугам*.

В сочетаниях *получить диплом, получить приз, получить премию, получить грамоту* реализуются одновременно компоненты *a₄* и *a₆*;

3) глагол *получить* может иметь при себе дополнение, которое обозначает ответное действие на просьбу, требование, предложение, претензию денотата подлежащего (причем просьба или требование могут быть имплицитными). Мы относим сюда сочетания глагола *получить* со следующими словами: *отказ, объяснение, извинение, сатисфакция, согласие, обещание, прощение, помощь, консультация, покровительство {защита}, ответ, отповедь, отпор*, а также выражение *получить что-то в ответ*. Например: *Приказчик предложил Нехлюдову остатки обеда, но, получив отказ и извинившись за плохое угощение и убранство, удалился, оставив Нехлюдова одного (Толстой, Воскресение); На неприличный вопрос я получил и соответствующий ответ, причем в голосе Поликсены послышалась какая-то вибрация (Булгаков, Театральный роман); Погостив несколько дней у «сестер» и получив обещание, что одна из них заедет за мною, чтобы отправиться вместе на лекцию Костомарова, я возвратилась в дом моих родственников (Водовозова, На заре жизни);*

4) к условиям реализации компонента *a₄* мы относим также сочетания *получить донесение, сообщение, известие*. Например: *Вчера мы получили неприятное известие: едет ревизор; Несколько дней тому назад он получил какое-то важное донесение.*

По-видимому, перечисленные сочетания употребляются преимущественно² в контекстах, удовлетворяющих или, во всяком случае, не противоречащих ус-

²Подчеркнем, что, используя слова *обычно, преимущественно*, мы не хотим сказать, что существуют еще какие-то невыявленные условия, при которых данное правило нару-

ловиям реализации компонента к (информацию о множественности или неопределенности факторов, определяющих включение Y в «существование» X, см. 4.1). Действительно, предложения, содержащие эти сочетания, либо не несут указания на лицо, передающее сообщение, либо предполагают наличие промежуточного звена между источником и адресатом сообщения. Например, фраза *Я получил его донесение только вчера* будет понята как содержащая информацию о том, что донесение было передано через какую-то промежуточную инстанцию, например, прислано по почте.

Сочетание *получить донесение* может сообщать не только о том, что X стал адресатом некоторой речи, представленной в форме донесения, но и о пространственном перемещении к X того материального предмета, на котором записано донесение. Например, можно сказать: *Я получил его донесение, но еще не прочел.*

Таким образом, глагол *получить* в рассматриваемом варианте употребляется с четырьмя классами слов. В сочетании с этими словами глагол *получить* используется в книжном стиле речи, в разговорной монологической речи, а также при описании денотативных ситуаций, принадлежащих к официальной сфере жизни. В разговорной диалогической речи, обозначающей ситуации, в которых отношение между X и Z неофициальны, выбор анализируемых сочетаний придает словам автора речи несколько шуточный или слегка ироничский характер.

СОЧЕТАНИЯ ТИПА *ПОЛУЧИТЬ ВЫГОДУ*, *ПОЛУЧИТЬ ДЕНЬГИ* (ВАРИАНТЫ A₅ И A₆)

4.9. Глагол *получить* может передавать информацию о наличии у X объекта или лица, одно из свойств которого есть отношение к X. Об этом свойстве сообщает слово, обозначающее Y. Установление данной связи между денотатами подлежащего и дополнения не есть результат действий денотата подлежащего. Информация a₅b₁c_в реализуется в сочетании со словами *выгода*, *польза*. Например: *Получу ли я от этого пользу?* (т. е. будут ли последствия некоторого поступка, действия полезными для автора речи). В сочетании с этими словами употребляется также глагол *принести*. Например: *Принесет ли это мне какую-нибудь пользу?* К условиям реализации компонента a₅ относится также выражение

шается. Эти слова показывают, что правило не является строго обязательным, т. е. предложения, нарушающие его, не воспринимаются как абсолютно неправильные. Однако они встречаются редко и/или считаются несколько отклоняющимися от языковой нормы: эти предложения не получают балл 5 при оценке по пятибалльной системе.

получить кого-то в ком-то. Например: *Да, благородного слушателя получил Иван Николаевич в лице таинственного похитителя ключей* (Булгаков, Мастер и Маргарита). Эта конструкция не употребляется в разговорно-диалогической речи. Кроме этого, выше были отмечены некоторые выражения, в которых компонент a_5 сочетается с другими вариантами признака a .

4.10. Глагол *получить* широко употребляется при описании включения Y во временную или постоянную собственность X . Мы уже говорили, что употребляем слово *собственность* довольно широко, относя к нему все, чем денотат подлежащего имеет право пользоваться и распоряжаться по своему усмотрению, вплоть до возможности и/или права передачи в распоряжение другого лица. Семантическое содержание глагола *получить* при компоненте a_6 имеет ряд особенностей. Эти особенности связаны главным образом с тем, что при описании отношения собственности анализируемые слова получают дополнительные смысловые признаки, отличающие их от других глаголов, также обозначающих отношение собственности. Так, анализируемые глаголы не показывают, что включение Y в собственность X -а определяется выплатой его стоимости (признак $f-f$) или же насилием над Z (признак $l-l$). Однако, как будет показано в дальнейшем, противопоставление по признакам f , l может нарушаться. Кроме того, в рассматриваемых условиях могут изменяться признаки, определяющие различия глаголов *получить—взять* и *получить—дать*. Рассмотрим сначала отношения между глаголами *получить* и *взять*.

В большинстве условий своего употребления глагол *получить* так же, как и глагол *дать*, сообщает, что включение Y в собственность X -а определяется действием Z : действие Z считается определяющим, если имеется этап, на котором включение однозначно зависит от действия Z , т. е. осуществление этого действия либо достаточно для включения, либо все остальные действия неизбежно и автоматически за ним следуют (см. 3.1). Напротив, глагол *взять* вносит информацию о том, что действие X определяет включение. Ср., например, следующие предложения: *Я взяла десять рублей*, *Я получила десять рублей* и *Он дал мне десять рублей*. Слыша первое предложение, адресат речи понимает, что включение было либо полностью обусловлено действиями X , либо, во всяком случае, зависело от его воли. В отличие от этого второе и третье предложения сообщают, что включение есть результат действий Z , а не X или, во всяком случае, действие Z является определяющим. Распределение глаголов *получить* и *взять* по денотативным ситуациям диктуется компонентами c_b и d_b соответственно. Однако многие денотативные ситуации допускают разное осмысление. Вследствие этого возникает возможность одну и ту же денотативную ситуацию описать и через глаголы *дать*, *получить* и через глаголы *взять*, *принять*. Например, можно сказать *Пойду к маме и возьму у нее десять рублей*: при выборе глагола *взять* говорящий игно-

рирует возможность отказа со стороны Z. Напротив, если автор речи принимает во внимание данную возможность, он использует глагол *дать*: *Пойду к маме и попрошу ее дать мне десять рублей*. Ср. также *Я взял за работу 10 рублей* (т. е. количество денег, перешедших к автору речи, определялось им самим: он сам установил данную сумму, что и было основанием для ее перехода в его собственность; согласие работодателя как второе условие, необходимое для перемещения Y в «пространстве» отношений собственности, не принимается во внимание) и *Я запросил 10 рублей, и он мне дал; Я получил 10 рублей за работу*.

Таким образом, несмотря на то, что, с логической точки зрения, в рассмотренных ситуациях можно выделить такой конечный этап, на котором включение определяется действием Z, говорящий может игнорировать этот этап и представить всю ситуацию как зависящую от действий X. С другой стороны, в некоторых случаях не учитывается действие X. Так, для перехода подарка в собственность некоторого лица необходимо согласие этого лица. Однако согласие X может рассматриваться и как нечто само собою разумеющееся и, следовательно, не влияющее на переход Y в его собственность. Вследствие этого рассматриваемая ситуация часто описывается через глагол *получить*. Например: *Я получила подарок; Я получила эту книгу в подарок*; действие Z в этих предложениях представлено как непосредственно приводящее ко включению Y в собственность X. Однако эта же ситуация может быть описана и через глаголы *принять* и *взять* (последний употребляется реже). Например: *Я принимаю ваш подарок*. Это предложение сообщает, что переход Y к X в конечном счете зависел от согласия X. Вследствие этого глаголы *принять*, *взять* используются при официальных отношениях между X и Z, а также если передача Y-а X-у может быть воспринята как жертва со стороны Z.

Та или иная интерпретация ситуации — не всегда плод свободного осмысления этой ситуации говорящим. Так, при выплате зарплаты переход Y в собственность X может быть представлен только как результат действия Z, даже если X предпринимает ряд действий для включения Y. Например: *Пойду получу зарплату*. Предложение *Пойду и возьму зарплату* не соответствует языковой норме³. Заметим, что в других ситуациях, в которых Y до описываемого времени находится в ведении некоторой организации, учреждения, употребляется глагол *получить* и глагол *взять*, хотя последний, по-видимому, используется несколько реже. Например: *Ты получил белье в прачечной?* и *Ты взял белье из прачечной?* Напротив, только глагол *взять* может встречаться в сочетании со словом *напрокат*. Например: *Я взял лыжи напрокат*.

³ Глагол *взять* мог бы быть использован в данной ситуации, если бы речь шла о непосредственном физическом перемещении денег из рук кассира в руки получающего зарплату. Например: *Возьмите деньги*.

4.11. Рассмотрим теперь различие между глаголами *дать* и *получить*. Мы уже говорили выше, что при этих глаголах участники денотативной ситуации по-разному соотносятся с членами предложения. Кроме того, было указано, что в значение глагола *получить* входит компонент к (к—информация о том, что Z является не единственным фактором, необходимым для включения Y в «существование» X). Этот компонент может играть роль обязательного или вероятностного. При описании отношения собственности глагол *получить* обычно (о некоторых исключениях мы скажем ниже) сообщает о том, что Z поступает не по собственному усмотрению, а в соответствии с требованиями закона, действующего правила, постановления, которые дают X-у право на Y. Действительно, как правило, глагол *получить* не может быть употреблен для описания таких ситуаций, в которых Z очевидно поступает по своему усмотрению. Например, нельзя сказать: *Вчера я была у мамы и получила от нее эту книгу*. В этом предложении глагол *получить* должен быть заменен на глагол *дать*: *Вчера я была у мамы, и она дала мне эту книгу*. Напротив, глагол *получить* выступает в качестве регулярного средства описания таких денотативных ситуаций, в которых включение явно не является результатом свободного волеизъявления Z. Так, рассматриваемый глагол употребляется в тех случаях, когда Z—представитель официального учреждения и поступки его полностью продиктованы существующими правилами, установлениями. Например: *Я получила зарплату; Мне нужно получить ботинки в мастерской; Ты получила белье?* Лицо, выдающее зарплату, белье и т. д., поступает так в соответствии с предписанными ему функциями. Глагол *дать* может быть использован для описания подобных ситуаций только в том случае, когда есть какие-то отклонения от общих правил и, следовательно, создается предпосылка для того, чтобы Z поступал по собственному усмотрению. Например, вопрос *Тебе дали зарплату?* будет задан тогда, когда адресат речи хотел получить зарплату в неположенное время или не имел документа, удостоверяющего его личность, и т. п. При отсутствии отклонений лексема *дать* не употребляется. Поэтому, если говорящий хочет описать подобные ситуации под углом зрения Z, он должен использовать другие глаголы. В рассматриваемом контексте он должен выбрать лексему *выдать*. Например: *Кассир выдал мне зарплату*. Таким образом, распределение глаголов *дать* и *получить* по денотативным ситуациям связано с тем, поступает ли Z по собственному усмотрению или он—орудие действия закона, постановления, функционирующего правила.

Некоторые ситуации в зависимости от их осмысления говорящим могут описываться и глаголом *дать* и глаголом *получить*. Например, можно сказать: *Мне дали за эту работу 20 рублей* и *Я получил за эту работу 20 рублей*; указание на возмещение вложенного труда создает предпосылку для употребления глагола *получить* (есть объективное условие, определяющее переход Y к X), но конкретная сумма, выплачиваемая X-у, может устанавливаться по произволу

Z, что приводит к возможности использовать глагол *дать*. Однако речевые нормы не всегда допускают такую двойную интерпретацию денотативной ситуации, даже если объективные свойства денотативной ситуации ее допускают. Так, в современном разговорном языке возвращение денег X-у, взятых у него в долг, или вещей, взятых на время, не описывается через глагол *получить*, хотя действия Z могли бы в данной ситуации рассматриваться как вытекающие из существующего морального закона. Для описания этой ситуации не используется и глагол *дать* (см. об этом ниже). Напротив, если речь идет о выплате денег за пользование, потребление чего-либо или приобретение какого-либо предмета в собственность X-а, тогда глагол *получить* употребляется регулярно. Например, закончив еду, посетитель ресторана обычно обращается к официанту со словами *Получите с меня*. См. также: *Я получила от вас только 30 рублей* (речь идет о выплате денег за что-то сделанное X-ом или приобретенное от X)⁴.

Глагол *получить* используется не только тогда, когда действиями Z руководит обязанность, вытекающая из права X на Y, но и тогда, когда действие Z есть результат уговоров, воздействия на него X или еще какого-то третьего лица. Например: *...вам должно казаться, что все заняты только тем, чтобы получить что-нибудь от богача* (Толстой, *Война и мир*); *Она получила то, что хотела*. При описании подобных ситуаций может употребляться и глагол *дать*. Например: *Он все-таки дал ей ту книгу, которую она хотела {просила}*. Глагол *получить* чаще встречается при словах *что-нибудь* и *то*. Выбор этого глагола в сочетании с другими словами придает речи шутливый или, напротив, стилистически приподнятый, а также архаический характер. Например: *Ну, хорошо. Если вы этого хотите, он получит мое ружье*. Употребление глагола *получить* в указанных стилистических условиях может быть вызвано также тем, что Y не является собственностью Z и включение Y в собственность X зависит не только от Z, но и от каких-то дополнительных факторов, возникновению которых может способствовать Z.

В стилистически окрашенной речи компонент к играет скорее роль вероятностного, а не обязательного элемента значения $a_6b_1c_b \vee c_bk$. Вследствие этого глагол *получить* может относиться и к таким ситуациям, в которых включение Y однозначно зависит от Z. Однако глагол *получить* не сообщает, что это обязательно так. Кроме указанных стилистических условий, анализируемый глагол употребляется для передачи информации $a_6b_1c_bk \vee c$, в «официально-казенной» речи. Например: *...сия последняя, по совету коридорного Картинкина, дала выпить Смелякову в рюмке коньяка белый порошок, полученный ею от Картинкина* (Толстой, *Воскресение*).

⁴ Эта фраза может быть также употреблена для описания ситуации присылки денег по почте (см. об этом ниже).

Глагол *получить* используется также тогда, когда речь идет о способе или времени передачи Y-а X-у (согласие Z дать Y уже имеется). Например, предложения *Как я смогу получить эти книги? Когда я смогу получить эти книги?* могут относиться к такой ситуации, в которой Z уже пообещал дать X-у свои книги. Последнее предложение, однако, встречается обычно в официальной, подчеркнуто вежливой речи или же носит несколько шутливый характер. В разговорной, неофициальной речи чаще употребляется глагол *дать*. Например: *Когда же ты мне дашь эти книги?*

Стилистически нейтрально употребление глагола *получить* в выражениях: *получить в приданое, получить в подарок, получить в наследство, получить в придачу*. Например: *Отец был небогат, но мать получила в приданое 10 тысяч десятин земли* (Толстой, Воскресение); *Я получила эту книгу в подарок*.

Рассмотрим теперь отношения между глаголами *получить*—*купить*. Глагол *получить* не может использоваться для описания ситуации «покупка чего-либо», взятой в целом. Например, нельзя сказать: *Я вчера получила в ГУМе ботинки*, поскольку это предложение содержит информацию о том, что действие Z обусловлено не выплатой денег, а правилом, законом, постановлением, которые определяют права X на Y. Однако глагол *получить* регулярно употребляется, если речь идет об этапе, следующем за выплатой денег. Например: *Получите покупку! Вы получаете?* Такое употребление согласуется с информацией $a_6b_1c_bk$: после выплаты денег X получает право собственности на Y. Кроме того, анализируемый глагол может вносить более широкую информацию: он может сообщать о том, что включение Y в собственность X должно произойти в результате воздействия факторов, стимулированных какими-то действиями X или Z, характер которых не определен, т. е. X или Z могут пытаться украсть, отнять, купить Y, уговорить владельца Y-а отдать Y и т. д. Например: *Мне нужно во что бы то ни стало получить это кольцо*. Мы полагаем, что в рассматриваемых условиях сохраняется компонент c_b (внешние по отношению к X факторы определяют включение): готовность X осуществить любое действие, необходимое для того, чтобы завладеть Y, задана с самого начала; следовательно, недостающим фактором, от которого зависит включение, является возникновение каких-то внешних обстоятельств; действия X могут способствовать появлению этих обстоятельств, но не предсказывают их однозначно.

Развитие у глагола *получить* указанного расширенного варианта сближает этот глагол со словом *иметь*. Ср., например: *Мне во что бы то ни стало нужно иметь это кольцо* и *Мне во что бы то ни стало нужно получить это кольцо*. Разница заключается лишь в том, что глагол *иметь* не связан с представлением о действии. Поэтому он может быть употреблен в контексте, в котором не подразумевается намерение совершать какие-либо действия для включения Y в собственность X. Например: *Мне бы хотелось иметь это кольцо*. Напротив,

глагол *получить* обязательно предполагает стремление X сделать все возможное для того, чтобы завладеть Y.

Указание на готовность X осуществить любое необходимое для включения действие при информации о недостаточности этого условия вызывает представление о необходимости преодолеть трудности. Эта последняя информация сближает предложения с глаголами *получить* и *доставить*. Вероятно, их различие заключается в том, что глагол *доставить* предполагает преодоление трудностей, связанных с местом нахождения Y или, во всяком случае, с местом нахождения X. Напротив, глагол *получить* может быть употреблен, когда Y находится в непосредственной близости от X, т. е. когда трудности вызваны лишь невозможностью применить обычный, общепринятый способ для включения Y в собственность X. Вследствие того, что глагол *получить* служит для описания ситуаций указанного типа, его употребление в рассматриваемом расширенном варианте имеет место чрезвычайно редко и свойственно преимущественно приключенческой и детективной литературе.

Показателем рассмотренной расширенной информации служит выражение *во что бы то ни стало*, а также контекст в целом.

Отношение собственности не имеет четких границ и может распространяться на такие отношения между двумя лицами, при которых одно лицо может распоряжаться другим, использовать его для выполнения нужной для себя работы, но не имеет права или необязательно имеет право передавать его в распоряжение некоторого третьего лица. Для описания таких отношений между X и Y чаще всего употребляются неопределенно-личные предложения с глаголом *дать*. Например: *Наконец-то мне дали шофера (лаборантку, помощника)*. Выбор глагола *получить* наиболее естествен в тех случаях, когда речь идет не о назначении некоторого лица, а об установлении описываемых отношений между X и Y в результате каких-то свойств Y и каких-то внешних обстоятельств, не сводимых, однако, к сознательному действию некоторого третьего лица. Например: *Наконец-то я получил помощника*.

К условиям реализации компонента a_6 можно, по-видимому, также отнести сочетания *получить большинство (меньшинство) голосов*.

ИНФОРМАЦИЯ О НАХОЖДЕНИИ В ФИЗИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ВАРИАНТ A_7)

4.12. В современном языке в нейтральном стиле речи глагол *получить* не употребляется для указания на акт непосредственной физической передачи Y-а X-у. Этот глагол предполагает, что установление отношения a_7 (a_7 — информация

о нахождении Y у X) было следствием того, что Z послал Y X-у. Например: *...Но, получив посланье Тани, Онегин живо тронут был* (Пушкин, Евгений Онегин); *Борис перестал бывать у Элен, ежедневно получал укоризненные записки от нее и все-таки целые дни проводил у Ростовых* (Толстой, Война и мир); *Несколько дней тому назад я получила еще одну посылку*.

Глагол *получить* употребляется также в выражении *получить что-то из чьих-то рук*, в котором речь идет о непосредственной передаче Y от Z к X. Это выражение имеет оттенок архаичности, а также стилистической приподнятости или, напротив, шутливости. Например: *Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомя, что накануне получил ее из ее рук* (Пушкин, Капитанская дочка); *...в самоваре воды было только на шесть стаканов, но тем приятнее было по очереди и старшинству получать свой стакан из пухлых с короткими, не совсем чистыми ногтями, ручек Марьи Генриховны* (Толстой, Война и мир).

Подводя итоги семантического анализа глагола *получить*, перечислим основные результаты и сравним их со словарными описаниями этого глагола.

1. Одним из основных результатов проведенного исследования является введение признака «включение Y в „существование" X» (признак а), который представлен в виде набора вариантов (а₁, а₂, а₃ и т. д.). Отдельные частные проявления этого признака отмечались и раньше. Так, в ССРЛЯ указывается, что глагол *получать* может передавать информацию об отношении свойства, качества к его носителю: «7 зн. Приобретать какой-л. вид, форму, качество, свойство и т. п., становиться каким-либо» (т. X, с. 1123). Однако большинство вариантов признака «включение Y в „существование" X» оставалось нераскрытым, или, во всяком случае, не было использовано в языке описания в явном виде. Введение этого признака позволило установить границы семантической емкости глагола *получить*, более адекватно истолковать семантическое содержание каждого значения или варианта значения, а также применить в метаязыке описания слова наиболее общего значения, не имеющие таких дополнительных смысловых элементов, которые не входили бы в означаемое глагола *получить*. Так, большинство используемых формулировок имеет следующий вид: такой-то класс слов содержит информацию о том, что Y есть действие, направленное на X. Приведем некоторые примеры, показывающие, что признак «включение Y в „существование" X» помогает точнее описать семантическое содержание глагола *получить*. В ССРЛЯ сочетания *получить предписание, получить приглашение, получить разрешение, получить заказ* относятся ко 2-му значению: «Принять для исполнения» (т. X, с. 1121). Предлагаемая в словаре формулировка не совсем точно соответствует содержанию указанных сочетаний. Так, получение приказа необязательно предполагает го-

товность, согласие его исполнить, что должно следовать из выражения *принять к исполнению*. Денотаты таких слов, как *разрешение, позволение*, вообще не могут ни приниматься, ни исполняться. Кроме того, приведенная словарная формулировка стирает различие между сочетаниями *получить заказ — принять заказ; получить приглашение — принять приглашение* и т. д. Введение признака а позволяет описать содержание перечисленных сочетаний следующим образом: они показывают, что Y, начиная с некоторого момента времени, входит в число элементов, которые X может реализовать при осуществлении будущих действий. Так, предложение *Я получил приказ отступить* сообщает о наличии у X приказа, программирующего его действие, которое, однако, обязательно будет осуществлено X-ом. Предложенное истолкование раскрыло то общее, что объединяет сочетания *получить приказ, получить разрешение* с выражениями *получить возможность, получить право*, и позволило объединить их в одну группу. В ССРЛЯ эти последние выражения отнесены к особому фразеологическому варианту 1-го значения, которое формулируется в словаре так: «Брать, принимать что-либо вручаемое, присылаемое, выдаваемое и т. п.» (т. X, с. 1120). Отнесение к нему многочисленных фразеологических употреблений и особых оттенков значения глагола *получить* нередко является чисто условным. В число произвольных включений входят и выражения *получить право, получить возможность*.

Приведем еще один пример уточнения семантического описания в результате введения признака а. Сочетания типа *получить удар, получить пощечину, получить одобрение, получить обещание, получить ответ, получить согласие* и т. д. интерпретируются в данной работе при помощи компонента a_4 (информация о наличии у X-а Y, представляющего собой действие или результат действия, направленного на X⁵). В ССРЛЯ многие сочетания данного типа отнесены к 5-му значению: «Подвергаться какому-либо воздействию со стороны» (т. X, с. 1122). Предложенная в словаре формулировка приблизительно соответствует содержанию сочетаний типа *получить пощечину, получить удар, получить шлепок* и т. д. Однако, вероятно, глагол *подвергаться* имеет и такие компоненты значения, которые отличают его от глагола *получить*. Кроме того, словарная формулировка заставляет исключить из 5-го значения сочетания типа *получить ответ, получить согласие, получить отказ* и т. д. Эти сочетания включены в особый вариант 1-го значения, который формулируется так: «Принимать к сведению, узнавать что-либо сообщаемое; приобретать о ком-, чем-либо представление» (т. X, с. 1121). Предложения типа *Он получил ее согласие; Он получит отказ; Он получил ответ* действительно предполагают,

⁵ Компонент a_4 выделяется также в сочетаниях типа *получить разрешение, получить приказ*, в которых он реализуется одновременно с компонентом a_3 .

что X узнал что-то сообщаемое. Однако эта информация содержится и в предложениях *Он услышал ее ответ; Он слышал, что она отказалась; Он понял, что она согласилась* и т. д., которые не тождественны высказываниям с глаголом *получить*. Таким образом, предложенное в словаре истолкование во всяком случае неполно описывает содержание предложений с глаголом *получить*. Больше того, легко показать, что информация о получении сведений является коннотативной: она предсказывается значением слов *отказ, согласие, обещание* и т. д. плюс рассмотренные компоненты значения глагола *получить* $a_4b_1c_в$.

2. Вторым общим результатом исследования является введение компонента $c_в$ (включение Y в «существование» X определяется внешним по отношению к X фактором), который противопоставлен компоненту $d_{вх}$ (включение Y в «существование» X определяется самим X). Роль X или, напротив, Z считается определяющей, если описывается этап, на котором действие X или Z достаточно для того, чтобы имело место включение (все остальные необходимые факторы уже имеются), или если действие, наличие X или Z однозначно предполагает появление и других факторов, необходимых для включения. В словарных описаниях глагола *получить* отмечается обычно информация об участии внешнего фактора в установлении того или иного отношения между X и Y (см., например, истолкования 1-го, 2-го и 5-го значений в ССРЛЯ). Однако роль и место этого внешнего фактора не были определены. Вследствие этого различие между глаголами *принять* и *получить* было недостаточно четко раскрыто. Ср., например, определение 1-го значения глагола *получить* и 1-го значения глагола *принять* в ССРЛЯ: «Брать, принимать что-либо вручаемое, присылаемое, выдаваемое и т. д.» (т. X, с. 1120) и «Брать то, что кто-либо дает; получать из рук в руки» (т. XI, с. 620). См. также определение 2-го значения глагола *получить*: «Принять для исполнения» (т. X, с. 1121). Таким образом, введение компонента $c_в$ и связанное с ним уточнение содержания информации о роли внешнего фактора позволило установить различие между глаголами *принять* и *получить*. Кроме того, введенное уточнение помогло увидеть, что компонент $c_в$ сохраняется во всех условиях употребления глагола *получить*. Он, в частности, выделяется в сочетаниях типа *получить интересные данные, получить новые результаты, получить хороший урожай* и позволяет предсказать границы употребления глагола *получить* для описания ситуаций, в которых Y может рассматриваться как результат, продукт труда X. В словарных описаниях эта особенность семантического содержания глагола *получить* не отмечается. Например, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова содержание указанных сочетаний поясняется так: «3. Добыть, произвести из чего-н. П. керосин из нефти. П. интересные выводы» (с. 507). Подобная формулировка дается и в ССРЛЯ: «Добывать, вырабатывать, производить» (т. X, с. 1122).

3. Третьим результатом исследования является выделение компонента *к* (*к* — информация о том, что внешний фактор, определяющий включение *У* в «существование» *X*, складывается из многих, часто неопределенных составляющих и/или является не единственным фактором, необходимым для включения). Компонент *к*, наряду с компонентом *a*_{→дп} (*a*_{→дп} — информация о включении *У* в «существование» денотата подлежащего), отличает семантическое содержание глагола *получить* от означаемого глагола *дать*. В некоторых условиях употребления информация *к* может составлять обязательный компонент значения глагола *получить*. В других условиях эта информация является возможной, но необязательной. Компонент *к* в предыдущих описаниях глагола *получить* не выделялся. Возможно, его содержание требует некоторого дальнейшего уточнения.

4. В работе рассмотрены также особенности в денотативной соотносительности глагола *получить*, которые не предсказываются однозначно содержащейся в этом глаголе смысловой информацией. Так, например, показано, в каких случаях глагол *получить* может употребляться для описания ситуации «заболевание чем-либо».

5. В работе были также установлены или хотя бы намечены границы тех фразеологических рядов, члены которых могут сочетаться с глаголом *получить*. Большинство фразеологических рядов было обнаружено в предшествующих исследованиях (см. ССРЛЯ). Однако словарные описания не ставили своей целью дать полный перечень членов фразеологического ряда. Эта задача, вероятно, не до конца выполнена и в данной работе.

Проведенное исследование не исчерпывает семантического анализа глагола *получить*: некоторые результаты требуют дополнительной проверки; почти совсем не рассматривались семантические связи глагола *получить* с глаголами *добиться*, *достать*, *приобрести*, а также с некоторыми другими глаголами.

Глава V

ГЛАГОЛ *ДАТЬ*

5.1. Глагол *дать*, в отличие от рассмотренных ранее глаголов, вносит информацию о том, что денотат подлежащего исключает Y из своего «существования» и/или включает его в сферу отношений другого объекта, который обозначен косвенным дополнением. В большинстве условий употребления лексема *дать* сообщает о том, что денотат подлежащего включает Y в «существование» денотата косвенного дополнения или, во всяком случае, что цель действия денотата подлежащего заключается в том, чтобы осуществить это включение. Таким образом, денотат подлежащего выступает в роли субъекта действия, а денотат косвенного дополнения — в роли адресата действия.

Так как при принятом обозначении X есть то лицо, предмет, явление, в «существовании» которого включается Y, в конструкции с глаголом *дать* X соответствует денотату косвенного дополнения. Напротив, денотат подлежащего может быть обозначен через букву Z, поскольку он осуществляет включение Y в «существование» X. Таким образом, глагол *дать*, так же, как и глагол *получить*, предполагает, что включение Y не зависит от действий того объекта, который его включает, а определяется некоторой внешней по отношению к нему силой. Однако глагол *дать* в отличие от слова *получить* представляет всю описываемую ситуацию, ориентируясь не на X, а на Z. Кроме изменения угла зрения, такой способ описания денотативной ситуации может быть связан и с особенностями этой ситуации: выше мы уже говорили о том, что глагол *получить* чаще выбирается тогда, когда включение Y в «существование» X зависит от многих, часто неопределенных факторов, которые трудно было бы обозначить каким-то одним словом. Напротив, конструкция с глаголом *дать* используются, если можно указать на определенное лицо, объект, выступающий в качестве

действующей силы. Ср., например: *Тогда-то я и получил воспаление легких и Я получил пощечину*. Денотативная ситуация первого предложения не может быть описана при помощи глагола *дать*, поскольку здесь трудно указать истинную действующую силу, которая приводит к возникновению болезни. Напротив, событие, обозначенное вторым предложением, может быть денотатом сообщения с глаголом *дать*: *Он дал мне пощечину*. Указанная особенность употребления способствовала, по-видимому, развитию дополнительного смыслового различия между глаголами *дать* и *получить*: если *Z* представляет собой лицо, лексема *дать* сообщает, что включение *Y* в «существование» *X* зависит от желания, волеизъявления *Z*; напротив, лексема *получить* показывает, что действиями *Z* руководит закон, предписание, имеющееся правило, свойства *X* и т. д. (компонент *k*) (см. 4.1, 5.12). Компонент *k* реализуется, однако, не во всех условиях употребления глагола *получить*.

Даже в тех условиях употребления, в которых глагол *дать* говорит о включении *Y* в «существование» *X*, этот глагол в большинстве случаев (о некоторых исключениях см. ниже) предполагает, что *Z* не только то, что осуществляет включение, но и то, с чем *Y* связан или был связан тем или иным из рассмотренных отношений. Например, предложение *Я дал ему 100 рублей* предполагает, что *Y* был временной или постоянной собственностью *Z*. Ср. *Я передал ему эти деньги*. Отношения между *X* и *Y* и *Z* и *Y* принадлежат либо к одному и тому же типу (см. приведенный выше пример), либо к разным типам. Например, в предложении *Я дал ему пощечину* *Y* находится в отношении a_1 к денотату подлежащего (*Y* есть действие денотата подлежащего) и в отношении a_4 к денотату косвенного дополнения (*Y* есть действие, направленное на денотат косвенного дополнения). При несовпадении отношения между *X* и *Y* и *Z* и *Y* буква *a* будет вводиться дважды в таком виде: $a_{\rightarrow дкд}$ и $a_{дп\rightarrow}$ или $a_{\rightarrow дп}$, $a_{дкд\rightarrow}$. Символ $a_{дп\rightarrow}$ показывает, что *Y* либо исключается из «существования» денотата подлежащего, либо переходит в какое-либо более дальнее отношение к *Z*. Например, *Y* выделяется в отделимый от *Z* продукт его жизнедеятельности, продукт химических процессов, протекающих в *Z*. В последнем случае *Y* обязательно сам первоначально входил в состав *Z*: он может быть видимым результатом изменения внутренних ингредиентов *Z*. Например: *При нагревании эта смесь дает осадок*. Символ $a_{дп\rightarrow}$ будет также означать, что *Z* направляет *Y* к *X*. Таким образом, значение глагола *дать* в предложении *Я дал ему пощечину* можно записать так: $a_{2дп\rightarrow} a_{4\rightarrow дкд} b_1 d_v$. Поскольку глагол *дать* всюду сообщает, что действие денотата подлежащего является определяющим, индекс v при букве *d* мы будем обычно опускать.

Информация об отношении между *Y* и *Z* иногда становится ведущей в значении глагола *дать*. Ведущая роль этой информации выражается, во-первых, в том, что глагол *дать* не всегда предполагает наличие *X* (например, *Хлеб дал*

припек; *Жидкость дала осадок*; нет такого объекта, в «существование» которого включался бы Y: он связан по признаку а только с денотатом подлежащего); во-вторых, существование X иногда подразумевается, но в предложении нет такого члена, который обозначал бы X (например, *Я дал приказ отступить*).

ИНФОРМАЦИЯ О НАЛИЧИИ СВОЙСТВА, ЧУВСТВА, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ (ВАРИАНТ A₁)

5.2. Глагол *дать* относительно редко используется для описания отношения а₁ между Y и X (а₁ — отношение между качеством, свойством, представлением и т. д. и его носителем). Эта ограниченность употребления обусловлена в основном внеязыковой действительностью: Z не имеет в своем распоряжении качества, свойства, чувства, которыми мог бы наделять других. Исключения составляют такие ситуации, в которых Z отождествляется с природой или Богом (см. выражение *Бог дал*: т. III ССРЛЯ). Сочетание *дать жизнь* употребляется также при подлежащем, обозначающем родителей X. Например: *Ты дала мне жизнь*. Однако при описании перехода того или иного качества, свойства по наследству от Z к X обычно выбираются глаголы *наследовать*, *передать*, а не глагол *дать*. Например: *Сын унаследовал от него эту черту характера*; *Это свойство не передается по наследству*. Употребление глагола *дать* окказионально и придает речи стилистически возвышенный, образный характер. Например: *Мать дала ему свою необыкновенную красоту, а отец — исключительную физическую силу*. Представление о том, что Z наделяет X тем, что находится в его распоряжении, чем он владеет, может быть перенесено и на такие ситуации, в которых X — порождение творческой фантазии Z. Например: *Он дал своему герою красивую внешность, благородство и мужество*. Более часто, однако, для описания подобных ситуаций употребляется глагол *наделить*. Особенности распределения глаголов *дать* и *наделить* в данной работе не рассматривались.

Перечислим группы существительных, с которыми может встречаться глагол *дать* в тех случаях, когда Z определяет появление Y у X, не являясь первоначальным обладателем Y.

1. Глагол *дать* может употребляться со словами, обозначающими качества, свойства, если денотат подлежащего является тем фактором, который однозначно определяет появление Y у X. Например: *У всех у нас одна цель. Поймите, какую это дает уверенность и крепость* (Тургенев, Накануне); *Это дает нам веру в победу; Идеи создания органические, — сказал кто-то: их ро-*

ждение дает уже им форму (Лермонтов, Герой нашего времени); *Эти колонны дают зданию устойчивость*.

Многие денотативные ситуации допускают разные осмысления: одно и то же явление может рассматриваться и как фактор, непосредственно определяющий включение Y в «существование» X , и как условие, при котором имеет место действие каких-то сил, приводящих к установлению отношения a между X и Y . Вследствие этого возникает возможность взаимозамены конструкций с глаголом *дать* конструкциями с глаголами *получить*, *становиться*. Например: *Термическая обработка дает металлам исключительную твердость* → *При термической обработке металлы получают исключительную твердость* → *При термической обработке металлы становятся очень твердыми*. В приведенном примере предпочтение обычно отдается описанию денотативной ситуации через конструкцию с глаголом *получить* или *становиться*.

Возможность интерпретации Z как фактора, непосредственно определяющего включение — не единственное условие, влияющее на выбор глагола *дать*. Конструкция с глаголом *дать* используется обычно тогда, когда отсутствует соответствующее прилагательное или когда имеются какие-то синтаксические условия, препятствующие употреблению модели « Z делает X каким-либо». К числу этих условий принадлежит наличие инфинитива, который часто сочетается с такими словами, как *смелость*, *храбрость*, *сила*, *мужество*. Например: *Только это дало мне смелость обратиться к Вам за помощью; Только ее поддержка давала мне силу продолжать эту работу*. Соотношение конструкций « Z дает X -у Y » и « Z делает X каким-либо» требует некоторого дополнительного анализа.

Глагол *дать* не употребляется также тогда, когда Y — продукт труда Z , результат его мыслительной деятельности или вообще действия Z . Нельзя, например, сказать: *Она не дала его словам никакого значения; Мы дали металлу твердость; Она дала своему лицу надменное выражение*. Глагол *дать* показывает, что возникновение Y определяется самим существованием, свойствами Z или является продуктом химических или физических процессов, в нем протекающих. Обозначим выделенную информацию знаком d_d (установление отношения a не определяется действием Z). Поскольку Y в рассматриваемых условиях представляет собой продукт существования, функционирования Z , анализируемые предложения могут быть также отнесены к условиям реализации варианта a_2 (см. 5.6).

Существует еще одно ограничение в употреблении глагола *дать*. В современном языке этот глагол не используется, если Z только добавляет что-то к уже имеющемуся у X свойству, качеству. Например, Z так или иначе изменяет форму, выражение, вид X . При описании подобных ситуаций выбирается глагол *придать*. Например, все информанты оценивали предложение *Приподнятые уголки губ придают его лицу какое-то веселое, добродушное выражение*

в 5 баллов. Напротив, фраза *Приподнятые уголки губ дают его лицу какое-то веселое, добродушное выражение* воспринималось как несколько отклоняющееся от языковой нормы (баллы 3 и 4). Указанное ограничение не было, по-видимому, присуще языку XIX в.

Следует также отметить, что глагол *придать*, в отличие от глагола *дать*, может употребляться для описания ситуаций, в которых Y — продукт труда Z или результат мыслительной деятельности Z. Например: *Она не придала никакого значения моим словам; Он придал вазе какую-то причудливую форму.*

2. Глагол *дать* сочетается со словами *понятие, представление, понимание*. Например: *Даже неточное, строго говоря, упоминание про песню рекрутов... дает нам представление о том, какие разговоры велись в семье Блоков (Турнов, Блок); ...первое страдание дает понятие об удовольствии мучить другого (Лермонтов, Герой нашего времени).*

Лишь некоторые информанты (двое из десяти) считали допустимым употребление сочетания *дать представление* при подлежащем, обозначающем лицо. Например: *Он дал мне некоторое представление о случившемся.*

3. При отдельных условиях, которые остались не до конца выясненными, глагол *дать* сочетается со словами, обозначающими чувства, ощущения, состояния. Например: *Я хочу любви, которая захватила бы меня всего, и эту любовь только вы, Таня, можете мне дать! Я счастлив! Счастлив!* (Чехов, Черный монах); *Только ты можешь дать мне счастье!; Только такое исполнение может дать истинное наслаждение!*

В приведенных примерах возникновение чувства счастья, любви зависит не только от желания, воли Z, но и от заложенных в нем качеств.

Глагол *дать* может употребляться только при словах, обозначающих «положительные» чувства и ощущения: *счастье, любовь, радость, наслаждение, удовлетворение, успокоение, спокойствие, покой*. Нельзя, например, сказать: *Только ты можешь дать мне страдание {горе, ненависть}*. Наиболее регулярно глагол *дать* употребляется со словом *удовлетворение*. Например: *Эта работа дала мне удовлетворение*. Другие сочетания носят более или менее окказиональный характер и принадлежат к стилистически возвышенной речи, причем чаще они встречаются при глаголе *мочь*.

4. В функции дополнения при глаголе *дать* часто употребляются существительные *имя, название, прозвище, кличка*. Например: *Он дал этой местности красивое, звучное название; Ему дали кличку «попугай»; [Варварка] был веселее всех взрослых и всем давал смешные прозвища* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина).

Сочетания *дать имя, название* используются обычно тогда, когда либо дается та или иная качественная характеристика Y, либо отсутствует имя собственное. Например, в предложении *Он дал своей собаке имя Шарик* более естественно

употребить глагол *назвать*. Это ограничение не относится к стилистически приподнятой, а также к книжной речи.

5. Глагол *дать* входит в сочетания *дать волю, дать свободу*. Как и в предыдущем случае, употребление глагола *дать* не зависит от характера денотата подлежащего. Например: *Ну, что же, если хотите жить на свободе, идите, я дам вам волю* (Чехов, Жена); *Хорошо. Я даю тебе полную свободу. Поступай так, как ты считаешь нужным*.

Мы не рассматривали особенности употребления сочетания *дать свободу* по сравнению с выражением *предоставить свободу* и глаголом *освободить*.

6. При глаголе *дать* в функции дополнения могут стоять существительные *воспитание, образование*. Например: *Она дала своему сыну прекрасное образование (воспитание)*. Сочетания *дать воспитание, дать образование* не предполагают обязательно, что Z сам воспитывает, обучает X.

5.3. Глагол *дать* может вносить информацию о том, что действие Z определяет установление связи между X и некоторым пространством Y, которое X может занимать. Эта информация реализуется в сочетаниях: *дать дорогу, дать место, дать пристанище, дать приют* (см. о них ССРЛЯ, т. III, с. 518).

Глагол *дать* может также сообщать об установлении отношения между X и некоторым временным отрезком его существования. Например: *Он дал мне, наконец, передышку; Мне дали отпуск*. В сочетаниях *дать отпуск, дать время, дать передышку, дать отсрочку* Y, представляя собой период временного существования X, одновременно составляет условие для тех или иных действий X. Например: *Он дал мне время кончить работу*. Поэтому данные сочетания могут быть отнесены к варианту $a_3 \rightarrow_{\text{дкд}}$ (a_3 — включение Y в программу действий X, в число элементов, программирующих действия X).

ИНФОРМАЦИЯ О НАЛИЧИИ ДЕЙСТВИЯ ИЛИ ЕГО РЕЗУЛЬТАТА (ВАРИАНТЫ A₂ И A₄)

5.4. Информация о таком отношении между X и Y, при котором Y есть действие X-а, реализуется в инфинитивной конструкции с глаголом *дать*. Эта конструкция в данной работе не рассматривается. Кроме того, данное семантическое отношение выделяется в устойчивом выражении *дать делу ход*. В других условиях компонент a_2 характеризует отношение между Y и Z. Поскольку действие денотата подлежащего может быть направлено на X, информация a_2 часто актуализируется одновременно с компонентом a_4 , который в данном случае указывает на отношении Y к X ($a_4 \rightarrow_{\text{дкд}}$: Y есть действие или ре-

зультат действия, направленного на X). Цель действия Z может заключаться, в частности, в том, чтобы включить Y в программу действий X.

Перечислим те группы существительных, обозначающих действия и их результаты, с которыми может употребляться глагол *дать*. Рассмотрим сначала действия, представляющие собой физические движения.

1. Так же, как и глагол *получить*, глагол *дать* может иметь при себе дополнение, обозначающее результат приложения физической силы к X. Можно, например, сказать: *Я дал ему пощечину; Он дал ему подзатыльник {пинок}*. Однако не все слова данного типа, встречающиеся с глаголом *получить*, могут сочетаться с глаголом *дать*. Например, предложения *Он дал мне толчок; Он дал мне удар* не соответствуют языковой норме. Глагол *дать* не употребляется также со словами, обозначающими «материальные» результаты рассматриваемых действий. Нельзя сказать: *Он дал мне рану {синяк}*. Вместо этого, глагол *дать* получает широкую употребляемость со словами, обозначающими предметы, которые используются как орудия действия. В сочетании с глаголом *дать* они обозначают действия, производимые этими предметами: *дать розги, дать плети, дать шпоры*. Эти сочетания относятся к категории идиоматических выражений.

По-видимому, под влиянием таких выражений, как *дать пощечину, дать розги*, у глагола *дать* в просторечно-вульгарной речи развивается значение «ударить» (см. об этом ССРЛЯ, т. III, с. 519).

2. Глагол *дать* может также сочетаться со словами, обозначающими движение объекта безотносительно к другому объекту: *дать заворот, дать скачок в сторону* и т. д. (см. примеры в ССРЛЯ, т. III, с. 521). Большинство сочетаний данного типа окказионально. Исключение составляет только выражение *дать задний ход* (о машине). Рассматриваемые сочетания не употребляются при подлежащем, обозначающем лицо.

3. Глагол *дать* может иметь при себе дополнение, выраженное словами *голос, звонок, сигнал, знак, гудок*. В сочетании с глаголом *дать* перечисленные слова обозначают сам акт применения соответствующих средств (звонка, голоса и т. д.). См. примеры в ССРЛЯ.

Сочетания *дать голос, дать звонок, дать сигнал* и т. д. не могут иметь при себе косвенного дополнения. При выражении *дать знак* употребление косвенного дополнения допустимо.

Сочетание *дать голос* принадлежит книжной или архаической речи.

По-видимому, все приведенные сочетания следует считать идиоматическими.

5.5. Рассмотрим употребление глагола *дать* с существительными, не описывающими физические движения.

1. В отличие от глагола *получить* анализируемая лексема не сочетается со словами, которые обозначают действия, выражающие оценку поступков другого лица. Нельзя, например, сказать: *Он дал ему одобрение; Он дал ему осуждение; Он дал ему упрёк*. Однако глагол *дать*, так же, как и глагол *получить*, может иметь при себе дополнение, указывающее на то средство, через которое было выражено отношение Z к поступкам, деятельности X. Выражением оценки может служить, в частности, материальный объект. К рассматриваемой группе относятся следующие сочетания: *дать орден, дать премию, дать награду, дать похвальную грамоту, дать повышение, дать отставку, дать чин, дать (7) лет* (о результате приговора); *дать выговор*. Подчеркнем, что слово *выговор* в данной сочетаемости соотносится именно с результатом действия, а не с действием. Например, можно сказать: *Ему дали строгий выговор с занесением в личное дело*. Напротив, предложение *Он молчал, когда ему давали выговор* не соответствует языковой норме. При описании момента осуществления действия используется глагол *делать*. Например: *Гусев не понимает Павла Ивановича; думая, что ему делают выговор, он говорит в свое оправдание...* (Чехов, Гусев). К рассматриваемой группе можно также отнести выражение *дать нагоняй, дать головомойку* (при последнем существительном, однако, обычно стоит глагол *задать*).

Перечисленные сочетания чаще всего встречаются в предложениях, не имеющих подлежащего. Например: *Ему дали орден; Ей дали похвальную грамоту; Ему дали государственную премию*. Таким образом, ведущую роль в информации этих сочетаний играет компонент $a_{4 \rightarrow дкд}$ (Y — действие или результат действия, направленного на X).

В некоторых из перечисленных выражений информация об отношении $a_{4 \rightarrow дкд}$ может сочетаться с указанием на другие типы отношений. Так, выражение *дать премию* предполагает, что Y становится собственностью X.

2. Глагол *дать* может употребляться со словами, обозначающими ответное действие на некоторое требование, просьбу, претензию, вопрос: *дать ответ, дать отпущение грехов, дать отпор, дать отповедь, дать развод, дать согласие, дать сатисфакцию, дать слово, дать клятву, дать присягу, дать обещание*. Например: *Ну что ж, если хотите жить на свободе, идите, я дам вам волю. Идите, можете любить кого вам угодно <...> я и развод дам* (Чехов, Жена); *Вронский при встрече с Голенищевым дал ему тот холодный и гордый отпор, который он умел давать людям* (Толстой, Анна Каренина); *Он так и не дал ответа; Он дал свое согласие*.

По сравнению с глаголом *получить* сочетаемость глагола *дать* в пределах данного круга слов несколько уже. Так, языковой норме не соответствуют сочетания: *дать извинения, дать помощь, дать отказ*. В этих случаях требуется употребление других глаголов, например: *принести извинения, оказать помощь, отказать*. Все перечисленные сочетания могут иметь при себе косвенное

дополнение. Однако выражения *дать согласие*, *дать отповедь*, *дать ответ* обычно употребляются без указания на лицо, по отношению к которому совершается действие. Сочетания *дать ответ*, *дать согласие*, *дать отповедь*, *дать обещание*, *дать отпущение грехов* принадлежат официальной или книжной речи. Выражение *дать сатисфакцию* архаично.

3. В особую группу можно выделить также сочетания *дать урок*, *консультацию*, *дать интервью*; *дать сражение*, *дать бой*.

4. Глагол *дать* употребляется со словами *предписание*, *разрешение*, *позволение*, *совет*, *наставление*, *распоряжение*, *толчок* (к). Например: *Кутузов весьма охотно отпустил его и дал ему поручение к Барклаю де Толлю* (Толстой, *Война и мир*); *Но позвольте на прощанье дать вам один совет* (Чехов, *Жена*).

В сочетании со словами *распоряжение*, *приказ*, *предписание*, *толчок* (к) глагол *дать* употребляется обычно при отсутствии косвенного дополнения. Например: *Он дал приказ отступить*; *Бобров в кругу Брюсова высмеял надпись в таком духе, что я сам дал толчок к зубоскальству* (Пастернак, *Люди и положения*).

Предложения *Он дал ему приказ отступить*; *Он дал ему предписание остаться на месте* воспринимаются как не совсем правильные (баллы от 2 до 4).

Другие сочетания могут иметь при себе косвенное дополнение. Его употребление приводит к реализации варианта $a_{2\text{дп}} \rightarrow a_{4 \rightarrow \text{дкл}} b_1 d_{\text{в}}$. У в рассматриваемой сочетаемости выступает в качестве условия для действия X. Вследствие этого анализируемую информацию можно было бы записать так: $a_{\text{дп}} \rightarrow a_{4+3 \rightarrow \text{дкл}} b_1 d_{\text{в}}$.

Сочетания *дать приказ*, *дать предписание*, *дать разрешение* встречаются в официальной речи, причем преимущественно в ее книжном варианте. Словосочетание *дать совет* стилистически нейтрально.

5. Глагол *дать* может иметь при себе дополнение, выраженное словами *бал*, *обед*, *ужин*, *завтрак*, *вечер*, а также *спектакль*, *концерт*, *представление*. Слова *обед*, *завтрак*, *ужин* в рассматриваемых условиях обозначают не набор блюд, а некоторую форму общения людей. В современном языке глагол *дать* не сочетается со словами, сообщающими о названии спектакля. Так, предложения *Вчера в Малом театре давали «Волки и овцы»* воспринимается как архаичное. Сочетания *дать завтрак*, *обед*, *ужин*, *вечер* употребляются только в официальной и стилистически приподнятой речи.

В современном языке предложения, содержащие перечисленные сочетания, не имеют косвенного дополнения. Адресат действия обычно вводится через выражение *в честь*. Например: *Он дал этот концерт в честь своего учителя*.

6. При глаголе *дать* в функции дополнения могут выступать слова *описание*, *определение*, *отзыв*, *объяснение* (некоторого явления), *характеристика*, *заключение* (по делу), *отчет*, *портрет* (словесный), *аннотация*. Эти слова указывают на письменное или устное сообщение о результатах осмысления некоторым

лицом наблюдаемых или изучаемых явлений и событий. Например: *Я стараюсь дать, насколько могу, общую характеристику этого поэта и времени, в которое он жил; — Он отказывается дать заключение по делу и смертный приговор Синедриона направил на ваше утверждение, — объяснил секретарь* (Булгаков, Мастер и Маргарита); *Кто даст отзыв на эту диссертацию?*

Выражение *дать отчет* может сочетаться со словом *себе*. Например: *— Ну, прощайте, — сказал Нехлюдов, чувствуя неловкость и стыд, в причине которых не давал себе отчета* (Толстой, Воскресение).

Глагол *дать* может также иметь дополнение, выраженное словом *изображение*, которое обозначает графический способ сообщения о наблюдаемом. Например: *На этой схеме дано увеличенное изображение больной клетки*.

Рассматриваемые сочетания, за исключением выражения *дать отчет*, связаны со сферой деловой и научной жизни. Выражение *дать аннотацию* употребляется обычно в разговорной деловой речи.

Глагол *дать* в перечисленных сочетаниях не имеет косвенного дополнения. Исключение составляет только выражение *дать отчет*.

Употребление рассматриваемых сочетаний имеет некоторые ограничения. Например, нельзя сказать: *Вы уже дали отчет?* В приведенном предложении требуется поставить глагол *написать*: *Вы уже написали отчет?* Условия действия подобных ограничений остались невыявленными.

7. К случаям реализации информации $a_{2лп \rightarrow}$ принадлежат также выражения *дать телеграмму*, *дать депешу* и некоторые другие сочетания, не объединяемые в общие группы. Например: *дать занавес*, *дать возжи*, *дать поводок*.

5.6. Глагол *дать* может вносить информацию о том, что *У* есть результат, продукт химических, физических и т. д. процессов, протекающих в денотате подлежащего, т. е. иными словами, *У* есть продукт существования *Z*, а не его сознательной деятельности. Например: *Абрикосовая дала обильную желтую пеплу, и в воздухе запахло парикмахерской* (Булгаков, Мастер и Маргарита); *И все, что дает земля, принадлежит людям* (Толстой, Воскресение); *Зерно не даст всхода, если не умрет*.

Если в результате химических процессов преобразуется сам денотат подлежащего, глагол *дать* не употребляется. Например, нельзя сказать: *При этом молоко дает простоквашу; При нагревании вода дает пар*. В подобных случаях используются другие языковые средства. Например: *При этом из молока получается простокваша; При нагревании вода превращается в пар*.

Подлежащее при глаголе *дать* может быть выражено такими существительными, как *завод*, *предприятие*, *формы ведения хозяйства* и т. д. Такое употребление возможно, если *У* воспринимается не как прямой продукт деятельности работников завода, предприятия, а как результат организации, изменения

производственных процессов или, иными словами, как результат «жизнедеятельности» данного производственного организма. Например: *После преобразования завод стал давать продукции на 12 % больше, чем раньше.* В функции дополнения при глаголе *дать* часто выступают слова *прирост, прибыль, доход*, которые обозначают следствия трудовой деятельности, а не прямой ее продукт.

При описании результата химических процессов глагол *дать* не имеет косвенного дополнения. Нельзя, например, сказать: *Хлеб дает нам прирост.* В остальных случаях употребление косвенного дополнения допустимо, однако чаще оно отсутствует.

К рассмотренным случаям приближаются устойчивые выражения *дать щель, дать трещину, дать течь*, которые говорят о некотором изменении в денотате подлежащего в результате протекающих в нем процессов.

Анализируемую информацию можно записать так: $a_{2дп \rightarrow} (a_{4 \rightarrow дкл}) b d_{д}$; знак $d_{д}$ показывает, что Y есть результат, продукт существования Z , а не его действия.

При компоненте $d_{д}$ глагол *дать* может употребляться для описания ситуаций, в которых Y представляет собой материальный продукт процессов, протекающих в Z . Например: *Эта корова дает 30 литров молока в день.* При компоненте $d_{д}$ глагол *дать* может описывать только такие ситуации, в которых Y представляет собой нематериальный продукт деятельности Z или, во всяком случае, не только материальный продукт (например, *спектакль, представление, концерт, описание, обед* и т. д.). Мы не указывали особо данное ограничение в употреблении глагола *дать*, поскольку оно вытекает из перечисления тех слов, с которыми может сочетаться анализируемый глагол.

Перечисленные в 5.5 и 5.6 результаты в основном представляют собой лишь незначительные уточнения словарных описаний. Так, в ССРЛЯ выделяется значение, соответствующее информации $a_{2дп \rightarrow}$ (информация о том, что Y представляет собой действие денотата подлежащего или продукт, результат его действий). Это значение формулируется так: «4. В сочетании с некоторыми существительными приближается по значению к глаголам: сделать, производить, устраивать, затевать что-либо» (с. 520) и имеет следующий вариант: «Со многими существительными, преимущественно означающими действие, образует сочетания со значением этого или иного действия, смотря по смыслу существительного» (например, *давать, дать клятву, наставление, ответ, совет, распоряжение — клясться, наставлять, отвечать, советовать, распорядиться* и т. п.; с. 521). Однако несмотря на то, что анализируемая информация фиксируется словарем, многие условия ее реализации отнесены к другим значениям. Например, к числу фразеологических употреблений 3-го значения относятся такие сочетания, как *давать, дать плетей, палок* и т. п.; *давать, дать лошади шпоры; давать, дать нагоняй, головомойку* (с. 519). Совершенно очевидно, что приведенные сочетания представляют собой условия реализации 4-го значения

или, во всяком случае, связаны с ним. Напротив, общее определение 3-го значения «Предоставлять что-либо кому-либо; наделять чем-либо» (с. 518) не может служить описанием семантических отношений рассматриваемых сочетаний. Таким образом, одним из отличий полученных результатов является несколько иное разнесение материала по значениям или вариантам значений глагола *дать*.

Во-вторых, в данной работе было отмечено, что анализируемые сочетания передают информацию не только о таком отношении, при котором Y есть действие или результат действия, направленного на денотат косвенного дополнения. Были показаны условия, при которых одно из этих отношений становится ведущим, что приводит к построению предложения без подлежащего или, напротив, без косвенного дополнения. Кроме того, было отмечено, что Y может представлять собой не только действие или результат действия, но и средство действия денотата подлежащего, и, в частности, средство выражения отношения денотата подлежащего к поступкам деятельности X {*дать орден, дать похвальную грамоту, дать (7) лет* и т. д.}.

В-третьих, была сделана попытка перечислить все существительные, с которыми может сочетаться глагол *дать*, и указать их общую семантическую характеристику. Всего было выделено десять семантических групп. Некоторые из полученных результатов требуют дополнительного рассмотрения.

В-четвертых, было показано, что глагол *дать* может иметь компонент c_d : Y есть результат или продукт существования Z и, в частности, физических или химических процессов, в нем протекающих. Только при компоненте d_d глагол *дать* может описывать такие ситуации, в которых Y представляет собой материальный продукт. Вследствие этого классы денотации глаголов *дать* и *производить* почти не пересекаются: глагол *производить* предполагает, что Y есть материальный продукт сознательной деятельности Z . Условия взаимозамены возникают тогда, когда Y может рассматриваться и как результат сознательной деятельности некоторой совокупности людей (например, заводского коллектива), и как продукт существования производственной ячейки, которую составляют не только люди, но и определенные формы организации, орудия труда и т. д. В словаре ССРЛЯ глагол *производить* используется для описания значения глагола *дать* (см. 4-е и 5-е значения. «Производить, приносить что-либо», с. 522); их различие в словаре не показано.

СОЧЕТАНИЯ ТИПА *ДАТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ,* *ДАТЬ НА АНАЛИЗ, ДАТЬ НА РЕЦЕНЗИЮ* (ВАРИАНТЫ A_3 И A_5)

5.7. Информация о наличии объекта действия может реализоваться в конструкциях с отглагольными существительными. Например: *Я хочу дать вам*

*эту жидкость на анализ*¹; *Я решил дать вам дело №126 на исследование; Мне дали эту работу на рецензию (на отзыв)*. В приведенных примерах словосочетания *на анализ, на исследование* указывают на то отношение, которое Z хочет установить между X и Y. Таким образом, в этих предложениях актуализируются одновременно компоненты $a_{3об}$ (Y — потенциальный объект действия X) и a_5 (Y находится в таком отношении к X, о котором говорит слово, обозначающее Y, или какой-либо другой член предложения).

Глагол *дать* может использоваться также в ситуациях, в которых речь идет о включении Y в качестве средства, с помощью которого X должен осуществить действие. Например: *Для проведения этой операции ему дали целую армию; Ему дали целый институт для проведения исследований в области физики низких температур*.

Мы не составляли полного перечня тех словосочетаний, которые могут встречаться при глаголе *дать*.

Кроме рассмотренных выше случаев, информация о включении Y в число условий, программирующих действия X, актуализируется в следующих сочетаниях: *дать возможность, право, привилегии, повод; основание, работу*. Например: *И казалось, что оба они вели медицинский разговор только для того, чтобы дать Ольге Ивановне возможность молчать, т. е. не лгать* (Чехов, Попрыгунья); *Он знал, что находится во власти этих людей, что только власть привела его сюда, что только власть давала им право требовать ответа на вопросы* (Толстой, Война и мир).

Для передачи информации о том, что Z ставит Y в такое отношение к X, о котором говорит слово, обозначающее Y (a_5), глагол *дать* употребляется обычно в стилистически приподнятой речи. Например: *...во-первых, я знаю, что хотя он и редко говорит о покойной жене, но печаль этой потери слишком глубоко вкоренилась в его сердце, чтобы он решился дать ей преемницу и мачеху нашему маленькому ангелу* (Толстой, Война и мир).

В нейтральном стиле речи глагол *дать* описывает отношение a_5 только тогда, когда на него наслаиваются другие типы отношений (отношение между действием и его объектом, отношение собственности). Так, анализируемый глагол регулярно используется, если Y входит в такое отношение к X, при котором X может в той или иной степени его использовать. Например: *Мне дали помощника; Мне дали заместителя; Мне дали шофера; Мне дали лаборантку* и т. д. Напротив, предложения *Мне дали начальника; Нам, наконец, дали заведующего сектором; Нам дали директора* употребляются значительно реже и имеют оттенок шутливости.

¹ Если Y становится объектом деятельности некоторой системы S, а не индивидуального лица, то употребляется глагол *сдать*, например: *Вы сдали кровь на анализ?*

ИНФОРМАЦИЯ О НАЛИЧИИ ЭЛЕМЕНТА СОБСТВЕННОСТИ (ВАРИАНТ А₆)

5.8. Глагол *дать* может вносить информацию о том, что действие *Z* определяет включение *Y* во временную или постоянную собственность *X*, причем *Z* был первоначально обладателем *Y*. Например: *Так она женщина смиренная, но денег вы, пожалуйста, не давайте* (Толстой, Воскресение); *Если бы вы дали мне еще один крючечик... сказал он* (Ю. Нагибин, Ночной гость); *—Так дай мне сто рублей, — робко попросил Самойленко* (Чехов, Дуэль).

Заметим, что включение *Y* в собственность *X* требует согласия со стороны *X*. Поэтому глагол *дать* используется при описании таких ситуаций, в которых это согласие подразумевается.

Семантическое содержание глагола *дать* не исчерпывается информацией $a_{6дп} \rightarrow b_1d$. В него входят также компоненты, возникающие в результате противопоставления глаголам *продать*, *отдать*, а также дополнительного противопоставления с глаголом *получить*.

Рассмотрим отношение между глаголами *отдать* и *дать*. Основное различие между этими глаголами заключается в том, что первый из них акцентирует внимание на исключении *Y* из собственности *его* первоначального владельца, а второй — на включении *Y* в собственность *X*. Вследствие этого глагол *отдать* часто употребляется при отсутствии косвенного дополнения. Например: *Я отдал бы многое для того, чтобы сделать это сегодня; Я обязательно отдам эти деньги*. Напротив, в предложениях с глаголом *дать* всегда есть указание на *X*: даже если при этом глаголе не стоит косвенное дополнение, *X* обозначен другими членами предложения. Например: *Учительница эта обратилась к Нехлюдову с просьбой дать денег для того, чтобы поступить на курсы* (Толстой, Воскресение; Ср. *Она попросила дать ей денег*). Однако глагол *отдать* также может иметь при себе косвенное дополнение, которое обозначает *X*. Например: *Отдай мне деньги*. Поскольку включение *Y* в собственность *X* всегда предполагает его выведение из собственности другого лица, создается потенциальная возможность для почти абсолютной взаимозамены глаголов *дать* и *отдать*. В действительности, однако, этого не происходит. Одной из причин, препятствующих взаимозамене, является наличие дополнительного компонента значения, реализующегося в большинстве контекстов употребления глагола *отдать*, а именно: этот глагол может вносить информацию о том, что *Z* исключает *Y* из своей собственности в результате того, что *Y* по праву входит в собственность *X*. Обозначим эту информацию буквой g^2 . Например, вопрос *Когда вы отдадите мне деньги?* предполагает, что

¹ Этот признак указан в ССРЛЯ. Т. VIII. С. 1321.

Z должен эти деньги X-у. Глагол *дать*, напротив, не сообщает о наличии у X предварительного права собственности на Y. Например: *Не знаю, какой вы краской голову и волосы красите, мне бы дали* (Чехов, Жена). Вследствие указанного различия глагол *отдать* употребляется для описания таких ситуаций, в которых речь идет о возвращении долга, предмета, взятого во временное пользование и отнятого, украденного у X. См. приведенные выше примеры, а также: *...если ты мне во всем признаешься, так я тебя не высеку и дам еще пятак на орехи. Отдай кольцо и ступай* (Пушкин, Дубровский); *Я отдам тебе книги на следующей неделе*. Глагол *отдать* может быть также использован при описании ситуации оплаты труда, который был выполнен для Z. Однако в этом случае рассматриваемый глагол выбирается тогда, когда в центре внимания стоит не оценка стоимости вложенного труда, а вопрос о том, произведен или не произведен расчет, т. е. иными словами, выплатил ли Z долг. Например: *Так ты отдала полותרу деньги?*, но: *Я дала ему 20 рублей за работу*. В разговорной речи в предложениях последнего типа может также встретиться глагол *отдать*, но многие носители русского языка сочтут подобное употребление глагола не совсем правильным.

На границе между классами денотации глаголов *дать* и *отдать* лежат также ситуации, при которых право X на Y определяется тем, что Z обещал дать Y X-у. В этих случаях допустимо употребление и глагола *дать* и глагола *отдать*, хотя первый используется чаще.

Глагол *отдать*, однако, не всегда вносит рассмотренную выше информацию. Он может сообщать также об исключении Y из собственности некоторого лица, несмотря на то, что право собственности на Y принадлежит этому лицу. Например: *Он отдал ему все свое состояние; Я отдала все деньги, которые у меня были*. Эта информация реализуется в контекстах, которые показывают, что X не имеет права собственности на Y. Об отсутствии у X права собственности на Y может говорить определение, стоящее перед словом, обозначающим Y, или контекст в целом. См. приведенные выше примеры, а также: *Отдай мне эту книгу. Зачем она тебе?; Отдай мне твою шляпу; Я отдала ему свое старое пальто*. Напротив, если контекст не сообщает, что X не имеет права собственности на Y, предложение с глаголом *отдать* понимается как сообщающее о возвращении Y-а X-у или вообще о том, что Y переходит к тому, кто уже имеет на него право.

При отсутствии информации g акцентирование внимания на исключении Y из собственности первоначального владельца проявляется в следующем: глагол *отдать* выбирается либо тогда, когда Y переходит в постоянную собственность X, либо тогда, когда существенно отсутствие Y у Z именно в тот момент времени, о котором идет речь. Например: *Вы не можете мне одолжить 10 рублей?— К сожалению, не могу. Вчера у меня была Маша, и я отдала ей все деньги, которые у меня были*. В подобных контекстах глагол *отдать* часто сочетается с выражениями типа *все, что было, все, какие были* и т. д. Если контекст не пока-

зывает, что в центре внимания стоит нахождение Y у Z именно в описываемый момент времени, предложения с глаголом *отдать* понимаются скорее как говорящие о переходе Y в постоянную собственность X . Например: *Я отдала ей свою старую шляпу; Я отдала ему твой свитер* и т. д. В связи с этим следует отметить, что сочетание *отдать взаймы* не соответствует нормам русского языка.

Информация о переходе Y в полную собственность X по свободному волеизъявлению Z делает глагол *отдать* близким к глаголу *подарить*. По-видимому, глагол *подарить*, в отличие от глагола *отдать*, предполагает, что Y есть нечто относительно незначительное для Z (т. е., во всяком случае, его переход к X не меняет существенно положения Z в качестве обладателя собственности), а также что действие Z определяется прежде всего его желанием сделать приятное X . Глагол *отдать*, напротив, используется, во-первых, в тех случаях, когда Y представляет собой нечто значительное, и, в частности, нематериальную ценность. Например: *Он отдал все свое состояние; Он готов отдать за нее жизнь; Он отдал ей свое сердце; Я отдам тебе свою дочь*. Во-вторых, глагол *отдать* выбирается, если главным основанием для действия Z является не просто желание сделать приятное X , а какие-то другие соображения (жалость, понимание того, что Y необходим X , отсутствие потребности в Y и т. д.). Например: *Он — работник, и нужнее вашего Лаевского. Так отдайте ему эти сто рублей* (Чехов, Дуэль). Если денотативная ситуация одновременно допускает разные мотивы действий Z , глаголы *отдать* и *подарить* могут взаимозаменяться. Например: *Отдай мне эту книгу! Зачем она тебе? Подари мне эту книгу! Зачем она тебе?* Однако нельзя, например, сказать: *Он отдал мне эту книгу на день рождения*.

Глагол *дать* не исключает возможности перехода Y в полную собственность X , но и не обязательно предполагает, что это так. Поэтому он используется как в тех условиях, в которых очевидно, что Y переходит лишь во временную собственность X (*дать взаймы, дать почитать* и т. д.), так и в тех условиях, в которых речь идет о переходе Y в полную собственность X . Вследствие этого часто глаголы *дать* и *отдать* взаимозаменяемы. Имеется, однако, одно ограничение на употребление глагола *дать*. Этот глагол не используется, если Y представляет собой нечто существенное, нечто принципиально меняющее положение Z . Например, нельзя сказать *Он дал ему все свое состояние*. Ср. также: *Он дал крестьянам землю* и *Он отдал крестьянам землю*. Первое предложение ничего не говорит о том, в какой степени были затронуты интересы Z в качестве владельца земли. Напротив, второе предложение предполагает, что Z отдал все или существенную часть того, чем он владел сам³. Глагол *дать* не употребляется

³ В зависимости от контекста это предложение может также показывать, что передача земли крестьянам рассматривается как возвращение им их собственности.

также, если речь идет о нематериальных ценностях. Так, нельзя сказать: *Я дам тебе дочь; Я дала тебе свое сердце; Я дам за тебя жизнь* и т. д. Во всех этих случаях требуется употребление глагола *отдать*.

В семантический объем глагола *дать* не входит значение глагола *подарить*. Нельзя, например, сказать: *Я дала ей на рождение коробку конфет*. Лексема *дать* не встречается в сочетаниях *дать подарок* или *дать в подарок*. При существительном *подарок* используется глагол *делать* (например: *Я сделал ей подарок*). Исключение: глагол *дать* может употребляться в разговорной речи вместо глагола *подарить*, если Y представляет собой некоторую сумму денег. Например: *Я дала ей на рождение 20 рублей*.

Остановимся теперь на сравнении глаголов *дать—продать, получить—дать*.

При анализе глагола *получить* было показано, что глагол *дать*, в отличие от глагола *получить*, вносит информацию о том, что Z действует по свободно-волеизъявлению, поступает по своему усмотрению, а не является орудием действия закона, правила, уложения и т. д.

Вне особых контекстов глаголы *дать* и *отдать* сообщают, что действие Z не заключается в выплате стоимости Y и не обусловлено ею (см. приведенные выше примеры). Однако при наличии особых специфических условий оба эти глагола могут использоваться для обозначения акта продажи. Глагол *отдать* употребляется, если есть указание на цену, за которую продан Y. Его выбор показывает, что истинная стоимость Y выше или, во всяком случае, Y мог бы быть оценен выше. Например: *Эта ваза стоит 300 рублей, но я отдам ее за 250 рублей*.

Глагол *дать* в современном разговорном языке употребляется вместо глагола *продать* только в одной специфической ситуации, а именно: если речь идет о продаже в магазине редкого и популярного товара, которая вызывает большое скопление покупателей. В этом случае пришедший в магазин покупатель может, например, спросить: *Что дают?* Однако это употребление глагола *дать*, хотя и распространенное, многими носителями русского языка оценивается как неправильное, вульгарно-просторечное.

В просторечном употреблении глагол *дать* служит также для указания на такое действие Z, которое заключается в выплате стоимости Y, если стоимость Y определялась самим Z. Например: *Сколько вы дадите за эту вазу?*

Сравним полученные результаты с описанием глагола *дать* в ССРЛЯ. Содержание информации $a_{6дп \rightarrow дкд}$ *bd* стоит ближе всего к определению 2-го значения рассматриваемой словарной статьи. Это значение формулируется так: «Предоставить в чье-либо пользование; уделять, снабжать чем» (т. III, с. 517). Перечислим основные дополнения к данному в словаре определению.

Во-первых, были показаны особенности в распределении глаголов *дать* и *отдать* в тех контекстах, в которых глагол *отдать* не сообщает о переходе Y

в пользование, распоряжение того лица, которое уже имеет право собственности на Y , а именно: глагол *дать* не употребляется, если переход Y в собственность X существенно меняет положение Z в качестве владельца собственности вообще или на данный момент времени (весь Y , который был у Z , перешел в собственность X). В этих случаях употребляется глагол *отдать* {*отдать все свои деньги*). При отсутствии слов *все*, *весь* глагол *отдать* предпочитается глаголу *дать*, если отсутствие Y у Z существенно именно для описываемого момента времени (т. е. Y оказался нужен Z в то время, когда Y находился у X). И, наконец, только глагол *отдать* может иметь при себе дополнение, обозначающее предмет нематериальной ценности.

Во-вторых, были установлены условия, при которых глаголы *дать* и *отдать* употребляются для описания тех ситуаций, в которых переход Y к X определяется выплатой его стоимости.

В-третьих, было показано дополнительное смысловое различие между глаголами *дать* и *получить*: глагол *дать* при описании ситуаций, в которых Z выступает как представитель учреждения, организации, не употребляется, если действия Z полностью предусмотрены имеющимися правилами и не диктуются его свободным волеизъявлением. В этих условиях должен использоваться глагол *получить*.

В-четвертых, предложенная формулировка компонентов $a_{бдп \rightarrow дкд} b_1 d_v$ уже словарного определения. Так, из словарного определения не следует, что Y первоначально входит в собственность Z , т. е. не указан признак, отличающий глагол *дать* от глагола *передать*.

Следует также отметить, что в словаре многие условия реализации информации $a_{бдп \rightarrow дкд} b_1 d_v$ выведены из второго значения и включены в число примеров актуализации первого значения, которое формулируется так: «Вручать кому что-либо; передавать из рук в руки» (с. 517). У этого значения выделяется вариант «Платить; отдавать что-либо», а также фразеологическое употребление в сочетаниях *дать взаймы*, *дать в долг*. Отнесение предложений, в которых глагол *дать* имеет информацию $a_{бдп \rightarrow дкд} b_1 d_v$, к условиям реализации первого значения, очевидно, связано со смешением информации и возможных свойств денотативной ситуации. Действительно, слыша предложение *Я дал ему 20 рублей взаймы*, адресат речи не получает сведений о том, кто именно, Z или X , осуществил физическое перемещение Y к X . Глагол *дать* в данном контексте сообщает только о том, что действие Z определило переход Y во временную собственность X , причем это действие заключалось по крайней мере в предоставлении X -у права собственности на Y . Таким образом, приведенное предложение может относиться и к такой ситуации, когда Z осуществил физическую передачу Y -а X -у, и к такой ситуации, в которой X , получив разрешение Z , сам взял деньги. Информация $a_{бдп \rightarrow дкд} b_1 d_v$ актуализируется и в предложении *Я при-*

шел к тебе, дай мне ключ от шкапа, я затерял свой (Чехов, Три сестры), которое в словаре служило иллюстрацией первого значения. Действительно, ответ типа *Возьми. Он лежит в красной шкатулке* не будет свидетельствовать о том, что Z отказался выполнить просьбу X. Напротив, существуют условия, в которых глагол *дать* используется для передачи информации о том, что Z сам осуществляет физическое перемещение Y к X. Условия реализации информации о пространственных отношениях между X и Y в данной работе не рассматривались.

Подведем итоги семантического анализа глагола *дать*. В конце каждого раздела были перечислены основные результаты и проведено их сравнение с предшествующими описаниями этого глагола. Поэтому в заключение охарактеризуем итоги исследования в самом общем виде. Значительная часть полученных результатов была следствием введения признака «включение Y в „существование" X», представленного в виде набора вариантов (Y — свойство X, Y — чувство, ощущение X, Y — действие X, Y — элемент собственности X и т. д.).

Во-первых, введение этого признака позволило избавиться от чрезвычайно нечетких формулировок разных значений глагола *дать*, которые не показывают, в чем именно заключается различие между этими значениями. Ср., например, определения 2-го и 3-го значений в ССРЛЯ: «2. Представлять в чье-либо пользование; уделять снабжать» (с. 517) и «3. Предоставлять что кому-либо; наделять чем-либо» (с. 518), а также — определения 4-го и 5-го значений: «4. В сочетании с некоторыми существительными приближается по значению к глаголам: делать, производить, устраивать, затевать что-либо» (с. 520) и «5. Производить, приносить что-либо» (с. 521).

Во-вторых, введение этого признака позволило получить именно тот метаязык, который описывал бы смысловые отношения, входящие в семантический объем глагола *дать*. Словарные определения разных значений часто служат лишь условным обозначением некоторого множества употреблений глагола *дать*, объединяемых в одну группу. Так, исходя из формулировки 3-го значения в ССРЛЯ: «Предоставлять что кому-либо; наделять чем-либо» (с. 518), нельзя предугадать, что к этому значению будут отнесены сочетания типа *дать представление, дать понятие; дать пощечину, дать подзатыльник; дать имя, дать название; дать (странный) вид; дать плети; дать шпоры* и т. д.

В-третьих, введение признака «включение Y в „существование" X» помогло вычленению и отдельному рассмотрению других компонентов значения глагола *дать*, что, в свою очередь, позволило более точно установить их содержание и условия варьирования.

Вторая значительная часть результатов была следствием введения признаков, выявляющих различие между глаголом *дать* и другими глаголами, которые оказываются синонимичными ему при отдельных вариантах признака «включение Y в „существование" X». Так, при анализе информации об отноше-

нии собственности были выделены признаки, определяющие отличие глагола *дать* от глаголов *отдать*, *передать*, *продать* и т. д. Выделены также условия, в которых проявляются те или иные различия. Некоторые из полученных результатов нуждаются в дополнительном рассмотрении и уточнении.

При анализе материала мы не проводили различия между вариантом значения глагола *дать* и особым значением. В соответствии с пониманием, принятым в данной работе, различие между этими единицами является по существу количественным. Поскольку в настоящее время количественный критерий еще не выработан, можно лишь предположительно говорить о том, какие именно информации, передаваемые через лексему *дать*, следует считать особыми значениями. Вероятно, статус особого значения можно приписать информации, передаваемой через лексему *дать* при описании отношений собственности.

Глава VI

ГЛАГОЛ *ВЗЯТЬ* {*БРАТЬ*}

6.1. Глагол *взять* {*брать*} вносит информацию о том, что денотат дополнения (Y) включается в «существование» денотата подлежащего (X), причем это включение определяется действием самого денотата подлежащего (компонент d_b) и не имеет места до описываемого момента времени (компонента b_1). Таким образом, значение глагола *взять* {*брать*} можно записать символами ab_1d_b . В отличие от глагола *принять*, глагол *взять* не сообщает о действии Z, которое создает предварительную возможность для X включить Y. Однако глагол *взять* не говорит об обязательном отсутствии такого действия.

В конструкциях с глаголом *взять* денотат прямого дополнения часто оказывается вовлеченным и в «существование» денотата подлежащего и в «существование» денотата косвенного дополнения. Наличие такой двойной связи сближает глагол *взять* с глаголом *дать* (ср., например: *Я взял с него обещание* и *Я дал ему обещание*; *Я взял у него деньги* и *Я дал ему деньги*). Их различие при этом определяется тем, что в конструкциях с глаголом *дать* сообщается обычно об исключении Y из «существования» денотата подлежащего и о включении Y в «существование» денотата косвенного дополнения. Конструкции с глаголом *взять* чаще всего служат для выражения отношений, прямо противоположных указанным. Таким образом, можно было бы сказать, что глаголы *дать* и *взять* находятся в отношении конверсивности. Однако это утверждение было бы не совсем точно, поскольку меняется не только направленность включения, но и распределение ролей между X и Z: глагол *взять*, в отличие от глагола *дать*, сообщает о том, что субъект действия совпадает с тем, в «существование» которого включается Y. Таким образом, взаимозамена глаголов *взять* и *дать* возможна только тогда, когда денотативная ситуация допускает разное

осмысление: установление отношения между X и Y может рассматриваться и как результат действия X, и как результат действия Z.

Переходим к подробному рассмотрению вариантов значения глагола *взять*.

ИНФОРМАЦИЯ О НАЛИЧИИ СВОЙСТВА (ВАРИАНТ А.)

6.2. Глагол *взять* чрезвычайно редко используется для описания включения свойства, качества, чувства, ощущения в число свойств, качеств, ощущений денотата подлежащего. Редкость такого употребления связана со следующими причинами: 1) появление свойства, качества и т. д. обычно не зависит от самого X; 2) компонент d_b (d_b — информация о том, что установление отношения а определяется X) почти никогда не интерпретируется (в русском языковом сознании) как информация о создании Y (т. е. глагол *взять* не вторгается в область употребления глаголов группы *делать—создавать*); 3) стремление разграничить область употребления глаголов *взять* и *принять*, а также некоторых других глаголов (например, *добиться*). Так, нельзя сказать: *Она берет теорию гранулярного пламени; Она взяла его точку зрения* (ср. *Она принимает теорию гранулярного пламени; Она приняла его точку зрения*).

В языке XIX в. глагол *взять* более широко использовался для описания отношения a_1 . В современном языке многие из этих употреблений получили оттенок архаичности. Например, так воспринимаются сочетания *взять на себя {равнодушный} вид, взять терпение*.

К пласту нейтральных языковых средств современного русского языка принадлежат выражения *взять власть (в свои руки); взять перевес* (т. е. стать более значимым, весомым по значимости или важности в сравнении с некоторым другим лицом или объектом); *взять на себя вину, взять на себя ответственность*. Например: *Зачем он взял на себя такую ответственность?* (Толстой, *Война и мир*); *Угреков форма соответствовала идее, в новом мире, в искусстве романтическом, идея брала перевес над формой* (Белинский, Учебный курс словесности В. Плаксина); — *Что тебе ясно? — хмуро спросил Батюк. — Ясно, что взял на себя ответственность за это. Сделаем все вовремя, согласно своим расчетам* (Симонов, *Последнее лето*).

Выражение «*взять на себя смелость* плюс инфинитив» употребляется в подчеркнуто вежливой, официальной или стилистически приподнятой речи. Например: — *Поддай рапорт, чтоб сложилось по-другому. Тем более, что принял фамилию — Толстиков. Взял на себя такую смелость. А раз взял — несмей это имя ронять* (Симонов, *Солдатами не рождаются*).

6.3. Кроме некоторых особых случаев, глагол *взять* не употребляется для указания на то, что Y становится тем местом пространства, которое занимает X . Например, денотативную ситуацию предложения *Он сел рядом с ней* нельзя обозначить через выражение *взял место рядом с ней*. Употребление глагола *взять* для выражения пространственной характеристики возможно, если положение X описывается под углом зрения расстояния от некоторого другого лица или предмета. Например: *Это чувствовалось и в поведении самого Ильина, и в поведении подчиненных ему людей, даже и в том, как сейчас коновод, взяв дистанцию двадцать шагов, за всю дорогу так и не нарушил ее* (Симонов, Последнее лето). Однако выражение *взять дистанцию* принадлежит, по видимому, к числу специализированных языковых средств, используемых в речи военных и, возможно, спортсменов. Его употребление в речевом произведении, не связанном с профессиональной тематикой, носит окказиональный характер.

Кроме указанного условия, глагол *взять* используется для обозначения пространственных отношений X , если Y осмысляется не только как точка пространства, но и как элемент собственности X ($a_6 + a_1$). Например: *Я взял место в мягком вагоне*. При этом компонент a может характеризовать отношение Y к денотату косвенного дополнения, а не к денотату подлежащего. Например: *Я взял тебе место в мягком вагоне*. В отличие от глагола *дать* при выборе лексемы *взять* передается информация о том, что Y входил первоначально в собственность некоторого третьего лица или учреждения, организации, а не в собственность денотата подлежащего. Выделенную информацию можно записать символами $a_{дп \rightarrow дкл}$. Таким образом, в некоторых условиях денотат подлежащего конструкций с глаголом *взять* тождествен Z , а не X .

Информация о том, что Y есть место, занимаемое X , легла, по-видимому, в основу идиоматического выражения *взять верх* (т. е. стоять, встать выше чего-то, кого-то по значимости, важности, силе характера и вследствие этого подчинить себе данное лицо или чувство, действие) (см. примеры в ССРЛЯ, т. I, с. 617).

Глагол *взять* употребляется также тогда, когда Y представляет собой не место, а направление движения. Эта информация реализуется в сочетаниях *взять налево, взять направо, взять назад* и т. д. (см. ССРЛЯ, т. I, с. 617).

6.4. Глагол *взять*, так же, как и глаголы *получить, дать*, может описывать такое отношение между X и Y , при котором Y — отрезок временного существования X . Информация об этом отношении между X и Y реализуется в сочетании *взять отпуск*. Таким образом, с существительным *отпуск* сочетаются и глаголы *дать, получить* и глагол *взять*. Ср. *Я взял отпуск* (волеизъявление X определило то, что X находится или будет находиться в отпуске, начиная с

некоторого момента времени); *Мне дали отпуск* (волеизъявление Z определило то, что X находится или будет находиться в отпуске); *Я получил отпуск* (Z определил то, что X находится в отпуске; действия Z диктовались не его свободным волеизъявлением, а существующим правилом, обстоятельствами). Сочетания *взял отпуск, дал отпуск* могут соотноситься и с такими ситуациями, которые предполагают, что X уже находится в отпуске, и с такими ситуациями, в которых речь идет о будущем. Например: *Я взяла отпуск со следующего понедельника*. Таким образом, анализируемые сочетания могут передавать либо информацию a_1 , либо информацию a_{1+3} (Y включается в число элементов, программирующих будущий отрезок «существования» X). Сочетание *получить отпуск* реже используется для передачи информации a_{1+3} . Однако такое употребление также возможно.

Глагол *взять* может сообщать не только о включении Y в «существование» денотата подлежащего, но и об исключении Y из «существования» денотата косвенного дополнения. При Y , представляющем собой отрезок **временного** существования, указанный тип отношения получает следующее содержание: он предполагает использование **временного** отрезка «существования» Z для осуществления действия или работы, которые обозначены подлежащим. Например: *Эта работа взяла у меня три часа*. Однако такое употребление в русском языке не является общепринятым и существует скорее как потенциальная возможность. Оценка подобных предложений информантами не повторялась.

СОЧЕТАНИЯ ТИПА *ВЗЯТЬ СЛОВО* И ТИПА *ВЗЯТЬ НА СЕБЯ ХЛОПОТЫ* (ВАРИАНТЫ A_2 И A_3)

6.5. Глагол *взять*, так же, как и глагол *принять* (см. 3.5), почти никогда не используется для описания отношения между действием и его производителем, а также между деятелем и результатом, продуктом его труда. Среди просмотренного материала было отмечено только три выражения, в которых реализуется информация $a_2b_1d_a$: *брать аккорды, брать ноту, брать слово* [*~выступать (на собрании)*]; идиом.].

Имеется, кроме того, одно особое условие использования глагола *взять* при описании связи между денотатом подлежащего и его действием. Однако при этом условии глагол *взять* получает дополнительное смысловое содержание, а именно: он сообщает, что действие денотата подлежащего имеет случайный, неожиданный характер, совершается по прихоти, произволу. И глагол *взять*, и глагол, обозначающий главное действие, выступают при этом в личной форме. Например: *А бывает еще хуже: только что человек соберется*

съездить в Кисловодск, — тут иностранец прищурился на Берлиоза, — пустяковое, казалось бы, дело, но и этого совершить не может, так как неизвестно, почему вдруг возьмет поскользнется и попадет под трамвай! (Булгаков, Мастер и Маргарита); *А вот я возьму и скажу.*

Рассмотренная информация не выделялась в словарных статьях, посвященных глаголу *взять*. Ее определение, предлагаемое в данной работе, не является окончательным. По-видимому, глагол *взять* сообщает о неожиданном осуществлении действия, неприятного для X или какого-то другого лица, к которому оно имеет то или иное отношение. Об указанной отрицательной характеристике осуществляемого действия не сообщает лексема *дать*, которая также служит для передачи информации о неожиданности действия денотата подлежащего. Например: *Тут-то я и подумал: дай зайду к ним на часочек.* При анализе глагола *дать* мы не рассматривали информацию о неожиданности действия, выраженного сказуемым: она подробно разбирается в ССРЛЯ (т. III, с. 524). Однако в словаре не отграничивается сфера употребления глагола *дать* от глагола *взять*. Особого внимания заслуживает также установление грамматического статуса анализируемых слов: в рассматриваемых условиях проявляется тенденция к переходу этих слов в категорию частиц. Она выражается прежде всего в употреблении после анализируемых слов личной формы глагола. Вследствие этой тенденции информацию о неожиданности осуществляемого действия следует, по-видимому, выделять в особое значение.

Рассмотренное значение глаголов *взять* и *дать* реализуется в разговорной речи.

6.6. Как отмечалось выше (см. 3.8, 3.9), глагол *взять* может вносить информацию о включении того или иного действия, полезного, во всяком случае, не только для самого X в программу действий X. При передаче этой информации глагол *взять* всегда требует добавления выражения *на себя*, которое показывает, что X избавляет кого-то другого от выполнения действия, обозначаемого дополнением. Например: *Все хлопоты я беру на себя; Объяснение с ним я беру на себя; Все расходы он взял на себя.* Глагол *взять*, в отличие от глагола *принять*, преимущественно употребляется в разговорной речи и не встречается в устойчивых оборотах со словами *вахта*, *смена*.

К подчеркнуто вежливой или стилистически приподнятой речи принадлежит выражение «*взять на себя труд* плюс инфинитив». Выражение *взять на себя обязанность* стилистически нейтрально.

Информация $a_3b_1d_v$ реализуется также в сочетании *брать работу* (слово *работа* может здесь обозначать не только процесс деятельности X, но и объект деятельности). Глагол *взять* не встречается с другими словами, которые могут рассматриваться как условия, программирующие действия X. Например, нельзя сказать: *Я взял его предложение.* Фраза *Он взял приглашение* может быть

понята только как говорящая о том, что X взял в руки бумагу, на которой написано приглашение (ср., напротив, сказанное выше о глаголе *принять*, 3.8). Так же, как и глагол *принять*, лексема *взять* не сочетается со словами *возможность, привычка, право*.

СОЧЕТАНИЯ ТИПА *ВЗЯТЬ ОБЕЩАНИЕ*, *ВЗЯТЬ НА ПОРУКИ* (ВАРИАНТЫ A₄ И A₅)

6.7. Вследствие того, что глагол *взять* содержит информацию о том, что включение Y в «существование» X определяется самим X, этот глагол, как правило, не употребляется, если Y представляет собой действие или результат действия, направленного на X. Мы обнаружили только пять сочетаний, в которых глагол *взять* выступает в варианте a₄b₁d_в: *взять с кого-то слово, взять с кого-то обещание, взять с кого-то пример*, а также: *брать уроки, брать консультации*. Например: *Она дала ему три карты, с тем, чтобы он поставил их одну за другой, и взяла с него честное слово впредь уже никогда не играть* (Пушкин, Пиковая дама); *Она взяла с него обещание вернуться к вечеру*.

Глагол *взять* употребляется также в выражениях *взять ванну, взять душ*. В основе этих выражений лежит информация об отношении a_{4об}: 'X делает себя объектом воздействия Y.

6.8. Компонент a₅ (a₅ — информация о том, что Y включается в такое отношение к X, о котором говорит слово, обозначающее Y, или какое-нибудь другое слово или выражение, специально вводимое для обозначения этого отношения) реализуется во многих сочетаниях с глаголом *взять*. К ним относятся сочетания *взять замуж, взять в жены, взять в провожатые, взять в попутчики, взять под свое покровительство, взять на поруки, взять на свою совесть, взять под опеку; взять на заметку; взять на прицел; взять в оборот, взять в переделку*. Например: *Бранивший себя последние дни за то, что взял Синцова в адъютанты, Серпилин был сейчас рад, что этот человек рядом* (Симонов, Последнее лето; X устанавливает такое отношение между собой и Y, при котором Y есть адъютант X); *...а потом добавил, чтобы Свиридов взял на заметку и доложил после операции, как проявит себя в ходе боев помптех этой бригады инженер-майор Булыгин* (Там же).

Выражения *взять замуж, взять в жены, взять в мужья* легли, возможно, в основу употребления глагола *взять* для передачи информации о том, что X делает Y-а своей женой, возлюбленной или же своим мужем, возлюбленным. При отсутствии слов *замуж, в жены, в мужья* глагол *взять* сообщает скорее

не об установлении официального отношения между X и Y, о внутреннем признании Y-а тем, кто достоин быть мужем, женой X-у. Вследствие этого глагол *взять* часто сочетается со словами, указывающими на те или иные свойства Y-а. Например: *Хорошо, после, но непременно скажите. Я не боюсь ничего. Мне нужно все знать. Теперь кончено.— Он досказал: конечно то, что вы возьмете меня, какой бы я ни был... не откажетесь от меня? Да?* (Толстой, Анна Каренина).

При сочетании со словами и выражениями, которые указывают на то свойство, носителем которого становится Y, или на то пространственное положение, которое он занимает в результате действия X, глагол *взять* не всегда сохраняет компонент а: он может не сообщать о том, что рассматриваемое свойство, характеристика Y существует как отношение к X. Компонент а не реализуется в сочетаниях *взять за скобки, взять в скобки, взять в кавычки*. Например: *Этот знак нужно взять за скобки; Он берет это слово в кавычки*. Кроме того, в некоторых оборотах информация об отношении описываемого свойства или информация об отношении описываемого свойства или характеристики к X-у может отступать на задний план. К числу таких оборотов можно, по-видимому, отнести выражения *взять в оборот, взять в переделку (~в оборот), взять на заметку* (ср. сказанное выше о выражениях *принять во внимание, принять в расчет*).

ИНФОРМАЦИОНАЛИЧИИ ЭЛЕМЕНТА СОБСТВЕННОСТИ (ВАРИАНТ А₆)

6.9. Глагол *взять* так же, как и другие глаголы рассматриваемой группы, включает в свою семантическую емкость информацию об отношении собственности. Например: *Я хочу знать, берете ли вы эти деньги; Вы, может быть, думаете, что сумма незначительная? Мы вам десять тысяч рублей даем* (Тургенев, Нахлебник); *Ты зачем чужое взяла?* (Нагибин, Ночной гость); *Хочешь, возьми наш. ножик!* (Там же).

Глагол *взять* не вносит информацию о том, является действие денотата подлежащего ответом на сделанное ему предложение или нет. Поэтому он может употребляться для описания и первой и второй ситуации (см. приведенные примеры). Анализируемый глагол не сообщает также о том, переходит ли Y в постоянную собственность X. Вследствие этого он может быть членом словосочетаний *взять в долг, взять взаймы*.

В предложениях с глаголом *взять* нет информации о том, что Y переходит к X вопреки воле первоначального владельца. Так, предложение *Я взяла у него десять рублей* предполагает, что денотат косвенного дополнения согласился

дать данную сумму или, во всяком случае, никак не препятствовал тому, чтобы деньги были взяты. Приведенное предложение может, правда, соотноситься и с такой ситуацией, при которой X берет деньги в отсутствие их владельца. Однако в этом случае предполагается, что владелец денег скорее всего был бы согласен их дать. В языке XIX в. глагол *взять*, по-видимому, чаще употреблялся для описания таких ситуаций, в которых могло быть оказано сопротивление. Например: *У меня сосед есть, — сказал Троекуров, — мелкопоместный грубиян; я хочу взять у него имение — как ты про это думаешь?* (Пушкин, Дубровский). В современном языке в данном предложении было бы более естественно употребить глагол *отобрать*.

Поскольку глагол *взять* носит информацию о том, что включение Y в собственность X определяется денотатом подлежащего, этот глагол не употребляется в тех ситуациях, в которых включение либо вообще не зависит от денотата подлежащего, либо его желание, согласие является само собой разумеющимся, изначально заданным. Нельзя, например, сказать: *Вы взяли зарплату? Я взяла премию.*

Следует отметить, что анализируемый глагол может описывать ситуации, в которых речь идет о выплате стоимости какого-то предмета, проданного или продаваемого X-ом, или о возмещении стоимости труда X-а. Например, машинистка может сказать: *Я беру за страницу 20 копеек.* См. также: *Сколько вы возьмете за это кружево?* Выбор глагола *взять* показывает, что X сам определяет стоимость своего труда или предмета своей собственностью.

6.10. Рассмотрим теперь соотношение глаголов *взять* и *купить*. Лексема *взять*, в отличие от лексемы *купить*, не сообщает о том, что переход Y в собственность X определяется выплатой стоимости Y-а. Анализируемый глагол может иметь более широкое и более узкое значение признака $h-h$ (h —информация о включении Y в результате выплаты стоимости Y-а). Он может выступать в качестве немаркированного члена оппозиции *купить—взять* (компонент $h \vee h$), а также— в качестве маркированного члена с отрицательным значением (компонент h).

Компонент h ограничивает использование лексемы *взять* для обозначения ситуации «покупка чего-либо». В настоящей работе не были выделены правила отнесения глагола *взять* к денотативному классу глагола *купить*. Приведем только некоторые наблюдения, связанные с распределением этих глаголов по денотативным ситуациям. Глагол *взять*, как правило, не употребляется, если адресату речи заранее неизвестно, что разговор идет именно о покупке Y-а. Например, в ответ на вопрос: *Откуда у вас такая красивая кофточка?* нельзя сказать *Я взяла ее у одной своей знакомой*, если автор речи хочет сообщить о покупке кофты. Нельзя также сказать: *Вчера я взяла в ГУМе шляпу.* В приве-

денных предложениях должен быть поставлен глагол *купить*. Напротив, если уже известно, что речь идет о покупке Y-а, в большинстве случаев допустимо употребление и глагола *взять*, и глагола *купить*. Например: *Так ты все-таки взяла (купила) эту кофточку у Нины?; Ты взяла (купила) две бутылки молока или одну?; Так вы берете этот свитер или нет?*

Глагол *взять* может употребляться для описания ситуации перехода Y во временное пользование X за определенную плату или в соответствии с правом X пользоваться Y. Например: *Я взяла лыжи напрокат; Я взяла в библиотеке книги*. В современном языке глагол *взять* обычно не используется, если Y представляет собой помещение. В этом случае предпочтение отдается глаголу *снять*. Например: *Она сняла две комнаты; Когда вы поедете снимать дачу?*

При описании ситуаций «покупка чего-либо» или «переход Y во временное пользование X за определенную плату или в соответствии с правом X временно пользоваться Y» глагол *взять* может иметь при себе косвенное дополнение, которое обозначает адресат действия денотата подлежащего: Y переходит или должен перейти в собственность денотата косвенного дополнения. Например: *Возьми мне на складе еще одну банку консервов; Она взяла мне эту книгу в библиотеке; Он взял мне билет; Ты взяла мне одну бутылку молока или две?* Таким образом, в анализируемых условиях изменяется информация о направленности включения: глагол *взять*, так же, как и глагол *купить*, необязательно предполагает включение Y в собственность денотата подлежащего. Ср. *Я купила туфли и Я купила ей туфли*. Эту информацию можно символически записать так: $a_{\rightarrow дп} \vee a_{\rightarrow дкд}$. В отличие от глагола *дать*, лексемы *взять* и *купить* сообщают о том, что Y не находился первоначально в собственности денотата подлежащего: денотат подлежащего осуществляет только само «перемещение» Y от старого владельца к новому. Это различие между глаголом *дать* и глаголами *взять*, *купить* можно обозначить так: *дать* — $a_{дп \rightarrow дкд}$ (Y переходит от денотата подлежащего к денотату косвенного дополнения) — *взять*, *купить* — $a_{дп \rightarrow дкд}$ (Y переходит к денотату косвенного дополнения не от денотата подлежащего).

В других условиях глагол *взять* обычно не имеет при себе косвенного дополнения. Например, предложения *Зачем ты взяла чужое?; Зачем ты взяла ему чужую бумагу?; Она взяла мне чужой стакан* оцениваются в 2 балла. Денотативные ситуации приведенных предложений описываются через глагол *дать* (*отдать*) или через сочетание глаголов *взять* плюс *дать* (*отдать*). Например: *Зачем ты взяла чужую бумагу и отдала ему?*

6.11. Как мы уже говорили выше, представление об отношении собственности не имеет четких границ и может распространяться на такие отношения между двумя лицами, при которых одно лицо может распоряжаться другим,

использовать его для выполнения какой-то работы, но не имеет права (или необязательно имеет право) передавать его в распоряжение другого лица. В результате такого расширенного понимания признака собственности глагол *взять* может употребляться при дополнении, обозначающем лицо, которое за определенную плату или по обязанности выполняет ту или иную работу для X. Это употребление анализируемого глагола имеет некоторые дополнительные ограничения. Так, можно сказать: *Я взяла домашнюю работницу*, но предложение *Я взяла врача* не соответствует языковой норме. Отбор допустимой сочетаемости, вероятно, связан с представлением о том, является ли X работодателем или же, напротив, тем, кого Y делает одним из временных объектов своей профессиональной деятельности. То или иное осмысление денотативной ситуации может быть более или менее произвольным. Из представителей тех профессий, которые обслуживают своих пациентов или клиентов на дому, ко второй категории относятся медицинские работники, портные, парикмахеры, массажисты, электрики, водопроводчики, страховые агенты. Поэтому со словами, обозначающими представителей перечисленных профессий, глагол *взять* обычно не употребляется. Его выбор соответствует языковой норме только тогда, когда обслуживание X-а или того лица, ради которого X нанимает Y, исчерпывает или составляет значительную часть профессиональной деятельности Y (Y обязан регулярно в соответствии с выработанной договоренностью отдавать достаточно большое количество рабочих часов X-у). Например: *Она взяла для больного сиделку*. При существительных, обозначающих другие виды профессий, представители которых приходят к нанимателю для выполнения своей работы, глагол *взять* употребляется регулярно. Например: *Вам нужно взять учителя {няню, садовника, уборщицу и т. д.}*.

При описании ситуаций, в которых X пользуется услугами Y на «территории Y-а, глагол *взять* используется тогда, когда обращение к услугам Y-а не составляет цели прихода X (например, взять *носильщика, банщика*). Напротив, клиент парикмахера, массажиста, косметички, пациент медицинского работника приходит специально для того, чтобы воспользоваться их услугами. Как и в предыдущем случае, выбор глагола *взять* при существительных, обозначающих представителей профессий второго типа, возможен только тогда, когда работа с X должна составить существенную часть профессиональной нагрузки Y. Например: *Ты должен взять себе тренера*.

В рассматриваемых условиях глагол *взять* может иметь при себе косвенное дополнение. Например: *Я взяла ей учителя английского языка*.

6.12. Следует также отметить, что глагол *взять* может употребляться при подлежащем, обозначающем пассивный субъект действия. При этом сообщается о том количестве Y-а, которое используется на создание, поддержание

функционирования денотата подлежащего. Подобная информация реализуется и при описании отношения a_1 (см. 6.4). В ССРЛЯ рассматриваемые условия употребления выделены в особое значение, которое формулируется так: «6. Требовать, отнимать у кого-либо (много, мало времени, средств, сил, внимания и т. п.), занимать (много, мало места и т. п.); потреблять» (т. I, с. 617). Приведенное словарное пояснение не является исчерпывающим. Из него не следует, например, недопустимость подстановки глагола *взять* на место глаголов *требовать*, *потреблять* в следующих предложениях: *Строительство этого завода потребует больших затрат; Каждый человек потребляет в день около двух литров воды.*

Необходимые уточнения не были сделаны и в предлагаемой работе.

Остальные случаи употребления глагола *взять* для описания отношений собственности отнесены в ССРЛЯ к 3-му значению. Это значение формулируется так: «Получать что-нибудь в свое обладание, пользование» (т. I, с. 14). Главное отличие предложенного в данной работе определения от словарного истолкования заключается в выделении признака, отличающего глагол *взять* от глагола *получить*: глагол *взять*, в отличие от глагола *получить*, сообщает о том, что включение Y в собственность X однозначно определяется X (другие факторы либо вообще не необходимы для установления отношения a_6 между X и Y , либо изначально заданы в описываемой денотативной ситуации). Выделенная информация (компонент d_b) позволяет описать отличие в содержании таких высказываний, как: *Я взяла за эту работу 10 рублей* и *Я получила за эту работу 10 рублей*. Кроме того, выявление этой информации дает возможность объяснить и предсказать многие особенности в распределении глаголов *взять* и *получить* по денотативным ситуациям. Поскольку, однако, употребление слова зависит не только от заключенной в нем информации, но и от осмысления денотативной ситуации, были особо рассмотрены те ситуации, которые допускают разное понимание, в плане заданности факторов, необходимых для включения.

В предлагаемой работе показано также отличие информации, передаваемой через лексику *брать*, от информации, заключенной в глаголах *принять*, *отнять*, *украсть*.

В ССРЛЯ у 3-го значения глагола *брать* выделяется следующий оттенок: «Покупать, доставать что-либо» (т. I, с. 15). Проведенный анализ показал, что предлагаемое словарное пояснение недостаточно: хотя информация, передаваемая через лексику *взять*, в некоторых контекстах может быть тождественна значению глагола *купить*, выбрать глагол *взять* для описания ситуации «покупка чего-либо» далеко не всегда возможно. Еще большие различия имеются между глаголами *взять* и *доставать*. Соотношение этих глаголов требует дополнительного рассмотрения.

Второй вариант 3-го значения определяется в ССРЛЯ так: «Нанимать кого-, что-либо» (т. I, с. 616). Полученные в данной работе результаты дополняют

словарное описание, показывая, представители каких именно профессий могут выступать в качестве денотата дополнения при глаголах *взять* и *нанять*. Кроме того, полученные результаты свидетельствуют о неупотребляемости глагола *взять* для описания ситуации «нанимать что-либо». Так, использование глагола *взять* в контексте *Наташа, мой Ангел, знаешь ли что?; Я беру таж, занимаемый теперь Вяземским* (Пушкин, Письмо Н. Н. Пушкиной) воспринимается теперь как несколько архаичное. В современном языке временное пользование за определенную плату некоторым помещением описывается обычно глаголом *снять*. Например: *Я хочу снять эту комнату*, а не: *Я хочу взять эту комнату*. Однако если Y не представляет собой помещение, глагол *взять* может обозначать ситуацию перехода X во временное пользование X за определенную плату или бесплатно. Например: *Я взяла лыжи напрокат; Я взяла книги в библиотеке*. Глагол *нанять*, напротив, не может употребляться для описания подобных ситуаций.

ИНФОРМАЦИЯ О НАХОЖДЕНИИ В ФИЗИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ВАРИАНТ А₇)

6.13. Глагол *взять* может сообщать об установлении такой пространственной связи между X и Y, которая определяется приложением X-ом силы, направленной внутрь Y под разными углами (компонент а_{7с}). Устанавливаемый пространственный контакт между X и Y может быть непосредственным и опосредствованным — через тот предмет, который X держит в руках. Например: *Слепой мальчик тянулся за дудкой, брал ее дрожащими руками и прикладывал к губам* (Короленко, Слепой музыкант); *Он взял щипцами раскаленный брусок и перенес его на наковальню*.

В большинстве контекстов не указывается, чем именно X берет Y. Например: *Он взял два куска сахара и положил на блюде*.

Информация глагола *взять* не исчерпывается компонентом а_{7с}. Обычно этот глагол предполагает, что X становится пространственной опорой Y (компонент а_{7оп}). Например: *Я беру холодный стакан и набираю в рот воды, но не могу проглотить* (Ю. Казаков, Голубое и зеленое); *Он встал, медленно, с нарочито-печальным, покаянным лицом надел пальто, взял котомку* (Ю. Казаков, Странник); *Он взял ее руку в свою*.

Следует подчеркнуть, что глагол *взять* не сообщает о том, что X служит единственной пространственной опорой Y. Этот глагол может выбираться и тогда, когда X становится основной, главной пространственной опорой Y. На-

пример: *Лавиния берет трость в зубы и начинает писать, поддерживая ее остатками рук.*

Если при установлении пространственного контакта X не становится опорой Y-а, глагол *взять*, как правило (о некоторых исключениях см. ниже), не употребляется. Вследствие этого анализируемый глагол не может быть поставлен на место глагола *хватать* в тех контекстах, в которых не предполагается перенос тяжести Y-а на X. Так, в высказываниях (1) *Он схватил ее в объятия;* (2) *Бабуся! Что ты? Ступай, ступай с Богом!—закричал он. Но старуха не говорила ни слова и хватала его руками* (Гоголь, Вий) замена глагола *хватать* {схватить} глаголом *брать* {взять} не только лишила бы предложение информации о резкости, порывистости движения, но и сделала бы его неправильным. Недопустимость использования глагола *брать* в контексте второго высказывания связана также с тем, что в нем речь идет о действии, направленном на то, чтобы установить отношение a_{7c} . Такой смысл контекста противоречит значению глагола *брать*, который сообщает об установлении отношений a_{7c} , а не только о попытке, стремлении добиться данной цели.

Информация $a_{7оп}$ не всегда входит в означаемое глагола *взять*. Эта информация выпадает при употреблении анализируемого глагола в конструкциях *взять кого-то за что-то* и *взять кого-то под руку*. Например: *Она взяла его за плечи и начала трясти; Он взял ее за руку и потянул за собой; Она взяла его под руку*. В других условиях использование глагола *взять* по отношению к ситуациям, не соответствующим компоненту $a_{7оп}$, не согласуется с языковой нормой. Например, нельзя сказать: *Он взял за поручень*.

Информация a_{7c} (установленные пространственные отношения между X и Y поддерживаются в результате приложения X-ом силы к Y, направленной внутрь Y-а под разными углами) является обязательным компонентом значения глагола *взять* при его употреблении для описания пространственных отношений между X и Y, если отсутствует специальное слово или выражение, сообщающее о том, какое именно отношение между X и Y имеет место. Выбор этих слов и выражений также обычно диктуется информацией a_{7c} . Так, языковой норме соответствуют следующие сочетания: *взять в руки, взять на руки, взять в зубы, взять под мышку* (отношение «быть в руках», «быть в зубах» и т. д. поддерживается приложением силы X к Y). Напротив, нельзя, например, сказать *Она взяла кувшин на голову*. Идиоматическое выражение *взять на отлет* и сочетание *взять {мешок} на плечо* также предполагают отношение a_{7c} . Однако глагол *взять* может вступать и в такие сочетания, которые, во всяком случае, необязательно описывают отношение a_{7c} . К этим сочетаниям относятся выражения *взять что-то в рот, взять что-то, кого-то к себе на колени, взять что-то за пояс* (оказ.), *взять что-то за пазуху* (оказ.).

Следует отметить, что перечисленные сочетания необязательно сообщают о том, что действие X приводит к установлению отношения a_7 между X и Y. Они могут употребляться и тогда, когда действие X заключается только в изменении пространственного положения Y. Например: *Я снял пальто, под мышку взял пьесу, стукнул в дверь* (Булгаков, Театральный роман; в результате действия X-а Y меняет свое пространственное положение, но не включается в отношение a_7 к X: это отношение было установлено раньше); *Вместо ответа рыжий снял котелок и взял его на отлет* (Булгаков, Мастер и Маргарита). Таким образом, глагол *взять* при употреблении в рассмотренных сочетаниях может терять информацию о включении Y в «существование» X. Он может сообщать о перемещении Y в новое пространственное положение, при котором X держит Y на отлете, в зубах, под мышкой и т. д. Рассмотренную информацию можно записать следующим образом: ($a_{5+7оп}$) b_1d {*взять в руки, взять на руки, взять под мышку; взять за пояс, взять за пазуху; взять на отлет, взять на плечо; взять в рот, взять к себе на колени*).

6.14. Вернемся теперь к анализу семантического содержания глагола *взять* при отсутствии специальных слов или выражений, указывающих на характер установившейся пространственной связи или на характер пространственного положения Y. Как было показано выше, глагол *взять* сообщает о том, что X, начиная с описываемого момента времени, становится пространственной опорой Y. Установление отношения $a_{7оп}$ предполагает разрыв связи с предшествующей пространственной опорой Y, которую мы обозначим буквой А. Вследствие этого глагол *взять* вступает во взаимодействие со словами, сообщающими о перемещении Y из некоторого места А или о разрыве пространственной связи с некоторым предметом или лицом, в котором или на котором находился Y до описываемого момента времени. Наличие компонента $a_{→дп}$ в значении глагола *взять* и стремление отграничить класс его денотации создает предпосылки для неупотребляемости этого глагола в тех случаях, когда X ставит цель разорвать пространственную связь Y с А, а не установить отношение a между собой и Y. Например, нельзя сказать: *Я взял пылинку со шляпы; Я взял нитку с перчатки; Я взял книгу со стола*. В контексте приведенных предложений должны быть употреблены глаголы *снять* и *убрать*: *Я снял пылинку со шляпы; Я снял нитку с перчатки; Я убрал книгу со стола*.

Однако в семантическую структуру глаголов, сообщающих об установлении или сохранении такого отношения, которое обычно предполагает разрыв некоторого другого отношения, очень часто входит значение, которое составляет информация о разрыве этого второго отношения. Например, глагол *оставить* в предложении *Он оставил сына в деревне, а сам уехал в Ленинград* сообщает о сохранении связи между Y и тем местом, в котором он находился, и

о разрыве связи между X и Y. В контексте других предложений глагол *оставить* может сообщать либо только о сохранении отношения «Y а А», либо только о разрыве отношения «X а Y». Например: *Куда мне положить эту книгу? — Да оставь ее в шкафу* (глагол *оставить* сообщает о желании говорящего не изменять первоначальное местонахождение Y); *Он оставил жену* (глагол *оставить* показывает, что X разорвал отношение a_5 между собой и Y). Глагол *взять* также может использоваться для передачи информации о том, что действие X сводится к разрыву связи между Y и А. При описании пространственных отношений это употребление возможно тогда, когда А представляет собой лицо, которое держит Y в руках на руках или несет Y-а. Например: *Офицер повторил конвойному приказание взять девочку* (Толстой, Воскресение; речь идет о ребенке, которого нес на руках арестант); *Возьми у меня корзинку и поставь ее куда-нибудь поблизости; Возьми у меня плед. Мне тяжело его нести.*

Напротив, нельзя, например, сказать: *Возьми с меня шляпу. Она мне мешает; Возьми с меня плед. Мне жарко.* В этих предложениях должен стоять глагол *снять*: *Сними с меня шляпу; Сними с меня плед.* Глагол *взять*, как правило (о некоторых исключениях будет сказано ниже), не употребляется также тогда, когда А представляет собой место или когда есть указание и на лицо и на место. Например, предложения: *Возьми из моего кармана пакет и выброси в окно; Возьми из моего кармана ключ. Он мне мешает* не соответствует языковой норме. В этих предложениях должен стоять глагол *вынуть*: *Вынь из моего кармана пакет и выброси в окно; Вынь у меня из кармана ключ. Он мне мешает.*

6.15. Взаимодействие глагола *взять* с глаголами, описывающими разрыв пространственной связи между X и А, приводит не только к появлению правил, разграничивающих сферы их денотативной соотнесенности, но и к возникновению дополнительных смысловых различий между этими глаголами. Перечислим те признаки, которые актуализируются при употреблении глагола *взять* для описания отношения $a_{7\text{соп}}$.

Во-первых, глагол *взять* предполагает, что для разрыва связи между Y и А либо вообще не требуется приложения усилий (а дает Y X-у), либо требуется преодолеть силу тяжести Y-а. Вследствие этого анализируемый глагол не употребляется, если существуют еще какие-то дополнительные силы прикрепления Y-а к А. Например, нужно сказать: *Я сорвала белый гриб и положила его в корзину*, а не: *Я взяла белый гриб и положила его в корзину* (речь идет о растущем грибе). См. также: *Он снял шляпу с гвоздя*, а не: *Он взял шляпу с гвоздя.*

Во-вторых, глагол *взять* предполагает, что место, из которого перемещается Y, находится приблизительно на уровне туловища X. Действительно, можно сказать: *Наталья Петровна некоторое время остается неподвижной, садится,*

берет со стола книгу, раскрывает ее и роняет на колени (Тургенев, Месяц в деревне). Напротив, предложение *Она взяла с пола записку, развернула ее и стала читать* не соответствует или, во всяком случае, не полностью соответствует языковой норме. Ср. *Она подняла с пола записку, развернула ее и стала читать*. Нельзя также сказать: *Он взял с верхней полки чемодан и поставил его на пол* (Ср. *Он снял с верхней полки чемодан и поставил его на пол*).

В-третьих, глагол *взять* не употребляется, если Y находится внутри чего-либо. Например, нельзя сказать: *Она взяла из сундука небольшой коврик и постелила его перед диваном; Она взяла из сумки деньги и протянула их продавцу; Он взял платок из кармана*. Ср. *Она вынула {достала} из сундука маленький коврик и постелила его перед диваном; Она достала {вынула} из сумки деньги и протянула их продавцу; Он достал {вынул} платок из кармана*. См. также: *Она крепко спала по ночам на тонях за ситцевой занавеской, потому что на рассвете ей надо было вставать вместе с дюжими рыбаками доставать из ловушек рыбу* (Ю. Казаков, Осень в дубовых лесах); *Она все еще не доставала то, что держала в ридикюле* (Толстой, Война и мир). Недопустимость подстановки глагола *брать* на место глагола *доставать* в контекстах двух последних предложений объясняется также тем, что в них речь идет о процессе перемещения Y из A . Глагол *взять* может сообщать только о самом факте разрыва пространственной связи с A , т. е. этот глагол не включает компонент b_2 (см. о нем 3.1).

В-четвертых, употребление глагола *взять* не соответствует языковой норме, если траектория перемещения Y большая (больше одной комнаты). Например, в предложении *Она взяла из кухни корзинку с яблоками и высыпала в мешок все информанты* заменяли глагол *взять* на глагол *принести*. См. также: *Принеси из сада мою кофту. Я оставила ее в беседке*, а не: *Возьми из сада мою кофту. Я оставила ее в беседке*.

Обозначим выделенные четыре признака буквами Q , E , in , sh . Эти признаки определяют не только ограничения в сочетаемости глагола *взять*, но и включаются в его смысловую информацию. Действительно, слыша предложение *Он взял свой складной ножик, разрезал на ладони картошку на две равные части и подал своему спутнику*, адресат речи поймет, что нож лежал где-то поблизости от денотата подлежащего на поверхности A . Напротив, предложение *Он достал опять складной ножик, разрезал на своей ладони картошку на две половины, посыпал соли из тряпочки и поднес Пьеру* (Толстой, Война и мир) сообщает, что Y находился внутри какого-то предмета (например, мешка, котомки) или на какой-то поверхности, расположенной над X .

Существуют денотативные ситуации, занимающие промежуточное положение при оценке их по шкале $Q—Q$, $E—\bar{E}$, $in—\bar{in}$, $sh—sh$. Эти денотативные ситуации могут быть описаны и глаголом *взять*, и глаголами *достать*, *снять*, *вынуть* и т. д. Например, можно сказать: *Она достала с полки кастрюлю и по-*

ставила ее на плиту и *Она взяла с полки кастрюлю и поставила ее на плиту*, если полка не очень высокая и относительно не глубокая. При описании денотативных ситуаций, в которых Y первоначально находится в шкафу, в ящике, глагол *взять* может использоваться, если обозначается этап, следующий во времени за моментом выдвижения ящика, открытия шкафа: Y при этом находится приблизительно на одном уровне с X и лежит на поверхности A (эту поверхность представляет собой полка шкафа, дно ящика, если последний не глубокий). Например, можно сказать: *Он открыл шкаф и взял оттуда два больших полотенца* и *Он открыл шкаф и достал оттуда два больших полотенца*.

6.16. Кроме «двусмысленности» самих денотативных ситуаций, существует еще одна причина, которая, с одной стороны, может создавать условия для взаимозамены глаголов *взять*, *снять*, *достать* и т. д., а с другой стороны, приводит к потере компонентов Q, E, in, sh. Этой причиной служит соединение компонентов a₆ и a₇. При этом обращается внимание на переход Y в собственность X, а не на характер, особенности физического действия и пространственного отношения между X и Y. Действительно, можно, например, сказать: *Вам не на чем спать? Ну, так возьмите из соседней комнаты железную кровать; Возьмите из моего чемодана полотенце; Возьмите из моего стола тезисы докладов*.

Рассмотрим более подробно те связи, которые могут иметь место между A, X, Y и Z.

Во-первых, A и Y могут принадлежать X и быть пространственно с ним не разьединенными. При этом глагол *взять* обычно не употребляется: нет перехода Y из собственности одного «владельца» в собственность или пользование другого. Нельзя, например, сказать: *Я взял из кармана платок и вытер слезы* (речь идет о платке, который лежал, например, в кармане пальто, надетого на X-а); *Я взял из кошелька деньги и подал продавцу*. В подобных контекстах должны быть использованы глаголы *достать*, *вынуть* и т. д. Например: *Я вынул из кармана платок и вытер слезу; Я достал из кошелька деньги и подал продавцу*. Однако говорящий может представить A в качестве самостоятельного «владельца» Y-а. При этом появляется возможность использовать глагол *взять*: Y переходит из «собственности» A в пользование X-а. Такое осмысление A может иметь место, если цель предыдущего высказывания установить первоначального «владельца» Y-а, от которого он перешел к X. Например, глагол *взять* может быть использован в ответах на вопросы следующего типа: *Ну чем же мне перевязать емуруку? — Как чем! Возьми из своего собственного кармана платок и перевяжи емуруку; Откуда у тебя эти деньги? — Я взял их из своего собственного кошелька*. Осмысление A как чего-то независимого от X придает речи шутливый или иронический характер.

Во-вторых, А и Y могут принадлежать X, но быть с ним пространственно разъединенными. При данных денотативных отношениях *взять* встречается более часто, если установление отношения a_7 создает условие для дальнейшего перемещения Y в то место, куда идет X. Например: *Подожди. Я возьму из чемодана кофточку и выйду к тебе*. Обычно, однако, в рассматриваемых условиях А не обозначается. Например: *Пойду домой, возьму теплую кофточку и вернусь сюда*. Эти предложения приближаются к условиям реализации комбинации компонентов $s_{dm}ab_1d_b$ (см. 6.19).

В-третьих, глагол *взять* употребляется тогда, когда речь идет о лишении Z его «незаконной» собственности (т. е. того, что не принадлежит Z по праву или того, чем Z пользуется не так, как следует). Например, можно сказать: *Возьмите у него из кармана мои деньги; Возьмите у него из стола мои книги*. Внимание может также акцентироваться на возвращении Y-а его законному владельцу. Например: *Я взял из его портфеля свои собственные книги*. При этом в разговорной небрежной речи глагол *взять* употребляется даже тогда, когда А не является чьим-либо элементом собственности. Например: *Возьми со стола свои книги*.

В-четвертых, глагол *взять* выбирается, если цель речи — передать информацию о предоставлении X права пользоваться или использовать Y в результате пространственного перемещение Y к X, причем указанное действие совершается не ради Z. Глагол *взять* употребляется также, если цель речи состоит в том, чтобы сообщить, что X сам присвоил себе данные права. Например: *Простите меня, пожалуйста. Я без спросу взял из вашего стола тезисы докладов*. См. также: *Ну что ты мучаешься? Возьми из моего рюкзака коробку с инструментами и прикрепи руль как следует*. В этих примерах глагол *взять* показывает, что Z представляет X право воспользоваться Y. Напротив, если наличие этого права воспринимается как само собой разумеющееся и цель речи — побудить X осуществить физическое перемещение Y, употребляются глаголы *достать*, *вынуть* и т. д. Например: *Ну что ты ленишься? Достань из моего рюкзака коробку с инструментами и прикрепи руль как следует*. Ср. также: *Возьми из моего стола тезисы докладов и дай Ивану Сергеевичу* (Z предоставляет X право дать те тезисы, которые лежат в столе Z-а, указанному лицу) и *Достань из моего стола тезисы докладов и {по} дай Ивану Сергеевичу* (Z просит X осуществить пространственное перемещение Y). Если X устанавливает отношение a_7 между собой и Y для того, чтобы сделать Y объектом такого действия, которое совершается для Z и направлено на него, глагол *взять* обычно не употребляется. Например, при сравнении предложений: *Возьми из моего чемодана плед и накрой меня; Достань из моего чемодана плед и накрой меня; Возьми из моего кошелька деньги и дай мне; Достань из моего кошелька деньги и дай мне* — все информанты отдавали предпочтение глаголу

достать. Напротив, предложения *Возьми из моего чемодана плед и накрой Машу* и *Достань из моего чемодана плед и накрой Машу* оценивались информантами одинаково (5 баллов); выбор того или иного глагола изменяет содержание высказывания, но не влияет на правильность его построения.

Поскольку глагол *взять* сообщает о переходе Y из собственности одного «владельца» в собственность или пользование другого, он не употребляется, если речь идет о приобретении найденного предмета. Например, нельзя сказать: *Откуда у тебя эта записка?—Я взял ее с пола* (Ср. *Я нашел ее на полу; Я поднял ее с пола*). Однако если речь идет о собирании ягод, грибов, глагол *взять* может употребляться, несмотря на то, что здесь нет в собственном смысле первоначального «владельца» Y. Осмысление данных денотативных ситуаций под углом зрения отношений собственности возможно только в том случае, если высказывание обозначает класс ситуаций, а не конкретную индивидуальную ситуацию. Например, можно сказать: *Я беру только белые грибы*, а не: *Я взял белый гриб*.

Отметим некоторые синтаксические особенности глагола *взять*. В предложениях, описывающих отношения собственности, этот глагол может иметь при себе косвенное дополнение, если предполагается выплата стоимости Y-а. При этом он сообщает, что X включает Y в собственность другого лица. Например: *Возьми мне два пирожка и чашку кофе*. При реализации компонентов a_7 и a_{6+7} добавление косвенного дополнения не соответствует языковой норме. Нельзя, например, сказать: *Возьми мне из ее чемодана полотенце* (ср., напротив: *Достань мне из ее чемодана полотенце*).

При описании пространственного перемещение Y предложения с глаголом *взять* не могут иметь обстоятельства места, отвечающего на вопрос *куда?* Нельзя, например, сказать: *Возьми эту книгу в шкаф*. Однако если речь идет и о физическом перемещении Y-а и о перемещении его в «пространстве» отношений собственности, то обстоятельство места может стоять при глаголе *взять*. Например: *Хочешь, я возьму к себе в рюкзак твой спальный мешок*. В этом контексте может также использоваться глагол *положить*.

Рассматривая информацию $a_7b_1d_b$, следует также отметить, что эта информация, по-видимому, легла в основу идиоматических выражений {не} *брать грудь*, {не} *брать в рот*, {не} *брать что-либо в руки*, *брать {о рыбе}*; *брать к сердцу*, *брать за душу*, *брать в штыхы*, *брать за горло* (см. о них ССРЛЯ, т. I, с. 612, 613, 616, 617).

Выше было приведено сравнение полученных результатов со словарными описаниями. В добавление к этому следует отметить, что в словарях не рассматривались семантические отношения между глаголами *взять*, *достать*, *вынуть* и т. д., не устанавливались условия их взаимозамены и те смысловые различия, которые при этом могут возникать.

ИНФОРМАЦИЯ О НАХОЖДЕНИИ
В СИСТЕМЕ, В КОТОРУЮ ВХОДИТ ИЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ
КОТОРОЙ ЯВЛЯЕТСЯ ДЕНОТАТ ПОДЛЕЖАЩЕГО
(ВАРИАНТ SA)

6.17. Глагол *взять* так же, как и глагол *принять* (см. 3.18), может вносить информацию о включении Y в некоторое пространство, в котором находится или которому принадлежит X.

Глагол *взять* может сообщать о включении Y в качестве члена той системы, которой принадлежит X (вариант s_1a). Например: *Я взял его в свою лабораторию; Его взяли в наш институт.* В отличие от глагола *принять* глагол *взять* в данном варианте значения принадлежит разговорной речи. В официальной речи предпочитается глагол *принять*. Этот глагол используется обычно и в разговорной речи, если речь идет о включении Y в такую систему, члены которой не объединены через их отношение к месту. Например: *Его приняли в партию; Его приняли в общество охраны памятников старины.* Предложения типа *Его взяли в общество охраны памятников старины* встречаются преимущественно в небрежной разговорной речи. Их употребление приобретает естественность только тогда, когда описывается ситуация, в которой речь не идет о желании, волеизъявлении Y и, следовательно, нет условия для реализации компонента s , входящего в значение глагола *принять* (sd_v —действие X является ответом на желание, волеизъявление Y). Например: *Его взяли от нас в общество охраны памятников старины; Его взяли в армию.* При словосочетании *в армию* ставится только глагол *взять*.

Глагол *взять* может сообщать не только о включении Y в некоторую систему S, но и об исключении Y из системы S. Эта информация реализуется при сочетании глагола *взять* с предлогом *из*. Например: *Я взяла его из школы; Я взяла его из больницы; Я взяла его из пионерского лагеря.* Приведенные предложения необязательно предполагают установление какого-то нового отношения между денотатом подлежащего и денотатом прямого дополнения. Компонент sa характеризует здесь лишь разрыв связи между Y и S (компонент $sa_{длд\rightarrow}$). Роль денотата подлежащего может сводиться к нарушению отношения «Y а S». Следует также отметить, что приведенные предложения могут сообщать не только о том, что денотат подлежащего делает Y нечленом системы S, но и о чисто пространственном перемещении Y из S. Например: *Я не могу пойти с вами. Мне нужно еще взять дочь из детского сада.* Обозначим информацию о пространственном перемещении Y из некоторой системы S знаком $s_{мадлд\rightarrow}$.

Информация s_1abd_v , $sa_{длд\rightarrow}bd_v$, $s_{мадлд\rightarrow}b_1d_v$ не была выделена в словарях.

6.18. Так же как и глагол *принять*, глагол *взять* может вносить информацию о том, что X включает Y в качестве объекта деятельности системы S (компонента s_{2a_2}), в качестве элемента ее собственности (компонент s_{2a_6}) или в каком-то ином качестве, о котором сообщают особые выражения, стоящие при глаголе *взять* (компонент s_{2a_5}).

Вариант s_{2a_9} реализуется, например, в следующих предложениях: *Она решила взять сына домой; Дедушка, возьми меня, пожалуйста, к себе; Куда же нам пока поселить эту девушку? — Ну, хорошо. Я возьму ее к себе.* В приведенных сочетаниях S символизирует не класс объектов, а место, в котором живет X. Поэтому рассматриваемую информацию можно записать знаками s_{mabd_v} : действие X-а (например, выражение его волеизъявления, согласия) приводит к установлению такого отношения, при котором Y находится у X. В чистом виде информация s_{mabd_v} реализуется только в выражении *взять кого-то, что-то к себе в машину* или *взять кого-то, что-то в свою машину*. В остальных условиях употребления содержание глагола *взять* не сводится к указанию на пространственное отношение между X и Y. Действительно, анализируемый глагол не сочетается со словами, обозначающими чисто физическое пространство. Нельзя, например, сказать: *Я взяла ее в свою комнату*¹ (ср. *Я поселила ее в своей квартире; Я позволила {предложила} ей жить в моей комнате*). Сочетания *взять к себе, взять (к себе) домой* предполагают отношение не только к месту, но и к владельцу этого места: Y становится объектом заботы, попечительства X. Действительно, анализируемый глагол используется лишь в тех ситуациях, когда Y — животное или ребенок, или больной, беспомощный человек, или человек, по отношению к которому выполнение функций хозяина составляет труд для X (см. приведенные выше примеры). Глагол *взять* не употребляется в тех случаях, когда речь идет о приглашении в гости. Его использование в контексте типа *Дорогая Анна Ивановна! Возьмите нас, пожалуйста, к себе дней на десять* придает данному высказыванию шутивную форму.

С информацией об уходе, попечительстве, заботе связано также появление выражений *взять на полный пансион, взять на содержание, взять под покровительство* и т. д., о которых мы говорили выше.

Менее четко рассматриваемая информация выступает в сочетаниях типа: *взять к себе в лабораторию, взять к себе в институт, взять к себе на фронт* и т. д. Эти словосочетания почти полностью синонимичны выражениям *взять в свою лабораторию, взять в свой институт* и т. д. Однако в ослабленном виде и здесь может сохраняться представление о том, что Y становится объектом заботы, попечительства X. См. также: *взять кого-то к себе в палату* (о больном).

¹ Это предложение было бы допустимо, если бы речь шла об отношении s_{dm_a} (см. об этом ниже).

Информация s_2a_2 , реализующаяся в выражениях *взять к себе*, *взять домой* не отмечалась в словарях.

Информация s_2a_5 (Y включается в такое отношение к S, о котором говорит специальное выражение, стоящее при глаголе *взять*) актуализируется в сочетаниях *взять на учет*; *взять на комиссию*; *взять на службу*, *взять на работу*; *взять на хранение*; *взять в плен*; *взять под стражу*, *взять под арест*. Все перечисленные сочетания были выделены в словарных описаниях глагола *взять*. Однако им отводилось иное место в семантической структуре этого глагола. Так, в словаре С. И. Ожегова сочетания *брать на комиссию*, *брать на службу* объединялись в одну группу с выражениями *брать напрокат*, *брать на себя обязательство* (с. 43, значение 3). Напротив, выражение *брать на учет* было отнесено к условиям реализации 8-го значения и объединено с сочетаниями *взять на себя смелость*, *брать начало*.

Выражения *взять под стражу*, *взять под арест*, по-видимому, способствовали развитию у глагола *взять* значения «арестовать». Например:—*Когда меня взяли в первый раз—и взяли ни за что,—продолжала она,—мне было 22 года* (Толстой, Воскресение).

В этом значении глагол *взять* может передавать информацию b_2 (т. е. сообщать о процессе, процедуре, которая должна закончиться арестом). Например: *Завтра будем его брать*.

Информация $s_2a_6b_1d_b$ реализуется в сочетаниях *брать штраф*, *брать налог*, *брать пошлину*. Она может также актуализироваться при любом существительном, обозначающем такой объект, который может быть элементом собственности. При этом общий контекст показывает, что речь идет о включении Y в собственность некоторого учреждения, организации, а не в собственность самого X.

К условиям реализации информации $s_2a_6b_1d_b$ можно отнести и такие сочетания, как *взять город*, *взять крепость*, *взять высоту*² и т. д.: взятие города, крепости может интерпретироваться как переход из собственности одного государства, армии, правящей группы в собственность другой власти. Однако, в отличие от предыдущих случаев, компонент d_a в анализируемых сочетаниях получает более узкое содержание: эти выражения сообщают о включении Y во владения S в результате введения войск. Другие формы перехода Y в собственность S исключаются. Указанную информацию можно обозначить знаком d_{b3} .

Возможно, именно те ассоциации, которые вызывает информация $s_2ab_1d_{b3}$, и легли в основу употребления глагола *взять* в сочетаниях *взять барьер*, *взять высоту* (~преодолеть трудности, которые связаны с перепрыгиванием

Слово *высота* используется здесь в значении 'укрепленный пункт противника, расположенный на возвышенности'.

через барьер, с подъемом на определенную высоту, т. е. преодолеть «сопротивление» траектории движения X); *брать* (о режущем предмете—преодолевать сопротивление разрезаемого объекта); *страх берет, сомнение берет, тоска берет* и т. д. (-находиться под угрозой подчинения, потери способности бороться со страхом, тоской и т. д.), а также: *брать измором, брать на пушку* (т. е. заставить Y сделать то, чего хочет X, действуя измором или каким-либо другим образом). Содержание глагола *взять* в перечисленных сочетаниях требует более точного определения. В частности, интересно было бы сопоставить значение глагола *взять* и глагола *овладеть*.

Следует также отметить, что глагол *взять* может использоваться для описания отношения $s_2a_{длд}$ (действие X заключается в том, чтобы разорвать отношение a_6 между S и Y). Например: *А если б, решив брать их в Сталинграде на измор, еще месяц назад три армии у вас взяли на усиление Юго-Западного и Воронежского, — какие плюсы это могло нам дать, он сам теперь чувствует* (Симонов, Солдатами не рождаются).

6.19. Лексема *взять* в сочетании с выражением *с собой* служит для передачи информации о включении Y в «динамическое местонахождение» X: между X и Y устанавливается такое отношение, при котором Y находится там же, где и X, причем X перемещается в пространстве; установление этого отношения определяется X (в частности, его волеизъявлением, согласием и т. д.). Выражение *с собой* показывает, что цель, направление перемещения X не зависят от Y. Сочетание *взять с собой* предполагает также, что включение Y в отношение «X $s_{дм}a$ Y» не происходит вопреки воле, желанию Y: желание, согласие Y либо задано в денотативной ситуации, либо вопрос о волеизъявлении Y вообще не встает (Y—предмет, животное). Например: *Так вам жаль, что мы вас с собой не взяли сегодня?* (Тургенев, Вечер в Сорренто); *В одно ясное, холодное утро <...> Иван Петрович Берестов выехал прогуляться верхом, на всякий случай взял с собою пары три борзых, стремянного и несколько дворовых мальчишек с трещетками* (Пушкин, Барышня-крестьянка).

Глагол *взять* может иногда употребляться без выражения *с собой*. Например: *Теперь Коля, должно быть, кончил свой урок. Пойдемте, возьмемте его, Верочку, змея—хотите? И вместе все отправимся на луг?* (Тургенев, Месяц в деревне); *—Семен, возьми меня—я...—тянул Леша, и было видно, что страдает он невыносимо* (Ю. Казаков, Ночь).

Глагол *взять* не может использоваться, если цель X заключается в том, чтобы отнести, отвезти куда-то Y. Нельзя, например, сказать: *Я взял кошелек в милицию*, если цель прихода в милицию—отнести найденную вещь. Языковой норме не соответствует и такое предложение, как *Возьми письмо на почту*. Употребление приведенных сочетаний было бы возможно, если бы кон-

текст не противоречил информации о том, что цель X не заключается в том, чтобы отнести Y. Например: *Вы идете на почту? Возьмите, пожалуйста, и мои письма; Идя в милицию, я решил взять с собой этот кошелек*³. Исключения составляют только такие ситуации, в которых то место, куда перемещается Y, является собственностью X. Например: *Пока готовили обед, я взял Машу в свою комнату и стал ей показывать мои любимые книги*. В этих предложениях сочетается информация $s_{дм}ab_1d_b$ с информацией $s_2a_2b_1d_b$ (см. 6.18).

В языке XIX в. глагол *взять*, по-видимому, необязательно предполагал, что желание, согласие Y-а уже имеется. Например: *Отчего же вам это показалось? Оттого, что я Верочке... что я Верочку домой взяла?* (Тургенев, Месяц в деревне). При описании подобной ситуации в современном языке был бы использован другой глагол. Например: *Я сказал, чтобы Верочка шла домой; Я велела Верочке идти домой*.

Компоненты $s_{дм}ab_1d_b$ могут сочетаться с компонентом a_6 . Информация $s_{дм}a_6b_1d_b$ реализуется в сочетаниях *взять такси, взять машину*: X использует, распоряжается Y как средством своего перемещения. Подчеркнем, что в русском языке недопустимы сочетания: *взять автобус, взять трамвай* и т. д. (ср., напротив, английский язык, в котором выражения *to take a tram, to take a bus* соответствуют норме). Такое ограничение, вероятно, связано с тем, что в ситуации «езда на автобусе, трамвае и т. д.» X не определяет направление движения Y.

Информация $s_{дм}ab_1d_b$ отмечена в словаре ССРЛЯ. Она рассматривается как вариант первого значения и получает следующее толкование: «Захватывать, вести, нести, везти кого или что-либо с собой» (т. I, с. 12). Мы дополнили словарное пояснение, определив ту информацию, которую вносит выражение *с собой*.

ИНФОРМАЦИЯ О ВКЛЮЧЕНИИ В СИСТЕМУ ОТОБРАЖЕНИЯ (ВАРИАНТ А⁵)

6.20. Глагол *взять*, так же, как и глагол *принять* (см. 3.21), может вносить информацию о включении Y в систему отображения мира или отдельного его фрагмента, построенную X-ом. При этом он также сообщает об ошибочности

³ Заметим, что рассматриваемое условие не влияет на выбор английского глагола *to take*, приблизительно соответствующего русскому глаголу *взять*. Можно, например, сказать: *Take these letters to the post* 'Отнеси письма на почту'; *Take the dog for a walk* 'Погуляй с собакой'.

или произвольности включения Y -а (компонент $d_{\text{лп}}$). Однако, в отличие от глагола *принять*, глагол *взять* почти никогда не используется в конструкциях, которые показывают, что X , отображая Y в своем сознании или в данной, произвольно построенной системе описания мира, ошибочно отождествляет его с другим объектом или приписывает ему произвольные или не соответствующие действительности качества. Так, глагол *взять* не может быть поставлен на место глагола *принять* в конструкциях *принять кого-то за кого-то, принять, что...* Например, нельзя сказать: *Я взяла его за своего брата; Френель взял, что упругость остается неизменной*. Анализируемый глагол не используется обычно и в конструкции *взять что-то каким-то*. Такое употребление допустимо лишь в небрежной разговорной речи. Например: *Возьмем X равным нулю*. Глагол *взять* почти всегда предполагает произвольность самого включения Y в данную модель отображения или произвольность использования Y в качестве средства отображения, описания мира или того или иного его фрагмента, в частности, его свойств, глубинных качеств. Например: *Лингвист, логик и специалист по поэтике берут средства выражения под разными углами; Если взять по одному качеству от каждого писателя, например, назвать страстность Лермонтова, многосодержательность Тютчева, поэтичность Чехова, ослепительность Гоголя, силу воображения Достоевского, — то что сказать о Толстом, ограничив определение одной чертой?* (Новый мир. 1967. №5).

Если контекст не допускает реализации информации о произвольности включения Y в данную модель отображения или о произвольности использования Y в качестве средства отображения, глагол *взять* не может употребляться. Например, в предложении *Введем переменный параметр и рассмотрим точки пересечения прямой {16} с переменным угловым коэффициентом t* нельзя заменить глагол *рассмотреть* на глагол *взять*. Напротив, в предложении *В качестве примера рассмотрим кривую, заданную уравнением $X^3 + Y^3 - 3axy = 0$* такая подстановка допустима.

Чаще всего глагол *взять* употребляется в контекстах, в которых в явной форме содержится указание на произвольность выбора Y в качестве элемента данной модели отображения или в качестве средства отображения чего-либо. Показателями произвольности выбора служат языковые знаки *например, в качестве примера, хотя бы* и т. д. Глагол *взять* сочетается также с выражениями *за исходное, в качестве исходного, за основание*. Например: *В качестве исходного возьмем предположение о линейности исследуемой функции; За исходное берут некоторую систему высказываний и устанавливают их непротиворечивость*. В приведенных предложениях сообщается о произвольности приписания Y -у той роли, которую он будет играть в данной модели описания. Денотативные ситуации этих предложений могут быть осмыслены как пред-

полагающие произвольное отождествление Y -а с чем-то другим. Вследствие этого они описываются и глаголом *принять*. Однако в сочетании с указанными выражениями предпочтение отдается глаголу *взять*. Следует также отметить, что предложение *В качестве исходного примем предположение о линейности исследуемой функции* будет скорее понято как говорящее о произвольности предположения о линейности исследуемой функции, а не о выборе этого предположения в качестве исходного момента данной модели описания.

При отсутствии выражений *за исходное, в качестве исходного, за основание, в качестве примера, например, хотя бы* употребление глагола *взять* имеет более или менее окказиональный характер.

Информация $a^s b_1 d_{\text{дп}}$ чаще всего реализуется в научном стиле речи. Она актуализируется также во фразе *Откуда кто-то берет что-то?*, которая принадлежит разговорной речи. Например: *Откуда она это взяла?*

В словарных описаниях глагола *взять* информация $a^s b_1 d_{\text{дп}}$ не была выделена.

В заключении семантического анализа глагола *взять* перечислим основные результаты. Одним из главных результатов работы является выделение компонента a (информация о включении Y в «существование» X или информация об исключении Y из «существования» X). Выделение этого компонента помогло увидеть то общее, что объединяет глагол *взять* с глаголами *принять, дать, получить*. Нахождение общего компонента, в свою очередь, облегчило выявление признаков, определяющих их различие. Кроме того, выделение компонента a создало тот язык описания, который позволил фиксировать самые разнообразные отношения между денотатом подлежащего и денотатом прямого дополнения, о которых сообщает глагол *взять*. Так, сочетания типа *брать уроки, брать обещание, брать слово с кого-то* были отнесены к случаям актуализации компонента a_4 : Y есть действие или результат действия, направленного на X . В ССРЛЯ приведенные выражения считаются фразеологическими условиями реализации значения: «3. Получать что-либо в свое обладание, пользование» (т. I, с. 614). Приведенное определение 3-го значения может рассматриваться лишь как условная и образная интерпретация указанных сочетаний. В словарных описаниях не была также отражена информация об отношениях $s_1 a$ (включение Y в число членов системы S , представителем которой является X), a_5 (включение Y в такое отношение к X , о котором говорит слово, обозначающее Y , или специальное выражение, стоящее при глаголе *взять*), $s_2 a_5$ (включение Y в отношении a_5 к системе S) и т. д. В словарях не отмечалось употребление глагола *взять* для передачи информации о разрыве отношения a и $s a$ между денотатом прямого дополнения и денотатом предложного дополнения (компонент $a_{\text{дкл} \rightarrow}$).

Выявление различных отношений, описываемых через глагол *взять*, позволило, в свою очередь, более обоснованно расклассифицировать разные

случаи употребления этого глагола. Например, в ССРЛЯ у глагола *брать* отмечается следующее значение: «4. Принимать кого-либо, что-либо» (т. I, с. 616). Это значение объединяет в основном случаи употребления глагола *взять* в таких сочетаниях, в которых допустима замена этого глагола на глагол *принять*. Возможность взаимозамены, однако, не свидетельствует о том, что информация, заключенная в глаголе *взять*, остается неизменной: семантический объем глагола *принять* включает разные значения и варианты значения, многие из которых могут соотноситься с глаголом *взять*. Действительно, анализируемый глагол в предложениях, рассматриваемых в качестве условий реализации 4-го значения, может выражать самые разнообразные типы отношения между X и Y. Так, к 4-му значению отнесены выражения *брать кого-то к себе* (отношение $s_2a_2b_1d_b$); *брать ванну* ($a_{4об}b_1d_b$); *брать кого-то на поруки* ($a_5b_1d_b$); *брать с кого-либо пример* ($a_{4об}b_1d_b$); *брать под свою защиту* ($a_5b_1d_b$); *брать за основание* ($a^sb_1d_b$); *брать на себя расходы, опеку, труд* ($a_3b_1d_b$); *брать на себя смелость* ($a_1b_1d_b$) и т. д. Следует также отметить, что некоторые выражения, включенные в 4-е значение, не допускают замены глагола *взять* на глагол *принять* (например, *взять с кого-то пример, взять на себя смелость, не брать в рот чего-либо*). Таким образом, отнесение перечисленных выражений к случаям реализации одного значения и их интерпретация через глагол *принять* являются более или менее произвольными.

Вторая группа результатов связана с выделением признаков, отличающих глагол *взять* от глаголов *получить*, *принять*, *купить*, а также: *вынуть*, *достать*, *снять*, *поднять*, *схватить* и некоторых других. В словарных статьях эти признаки либо вообще не рассматривались, либо получали недостаточно адекватное истолкование. Очень часто перечисленные слова использовались в качестве метаязыка описания глагола *взять*.

В работе были также установлены условия, в которых может реализоваться та или иная информация, передаваемая через лексему *взять*.

Четвертую группу результатов составляют правила соотнесения глагола *взять* с денотативными ситуациями.

Некоторые из полученных результатов носят предварительный характер и нуждаются в дальнейшем уточнении.

Рассматривая вопрос о значениях и вариантах значения глагола *взять*, следует сказать, что степень расхождения между различными информациями, передаваемыми через его лексему, довольно велика. Так, в предложениях типа *Тоска меня берет* глагол *брать* не имеет компонента а и теряет корреляцию с глаголами *иметь*, *получить*, *принять*, *дать*. В современном языке его употребление в указанном типе предложений не имеет и явно выраженного образного характера. Вследствие этого реализуемую здесь информацию следует, по-видимому, считать особым значением глагола *взять*.

Тенденция к образованию особого значения проявляется и при употреблении глагола *взять* в предложениях типа: *Ну, уж коса!.. Как есть ничего не берет!* Однако это употребление не имеет, по-видимому, достаточно широкого распространения. Многие фразеологические обороты, включающие глагол *взять*, также потеряли связь с информацией ab_1d_b .

Среди **информаций**, включающих компонент *a*, статус особого значения, по-видимому, следует приписать информации, актуализируемой в сочетаниях *взять город*, *взять крепость*, а также информации о таком действии денотата подлежащего, которое сводится к исключению *Y* из «существования» денотата предложного дополнения. Большое количество дополнительных компонентов входит в содержание глагола *взять* при его использовании для описания пространственного перемещения *Y*.

Заключение

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

I. В работе значение исследованных единиц было определено с помощью признака наличие Y в «существовании» X , который составляет информация о нахождении Y в том или ином пространстве, связанном с X каким-либо отношением (компонент a). Таким образом, рассмотренные единицы не только сообщают об отношении Y к X , как это обычно считалось, но и указывают на нахождение Y в пространстве. Информация о нахождении в пространстве объединяет модели « $У X$ (есть) Y », « X имеет Y » с такими конструкциями, как « $В X$ (есть) Y », « $На X$ (есть) Y », причем ни первые, ни вторые конструкции не сообщают, в добавление к основной информации, о принадлежности Y миру реального, а не миру фикции, фантазии. Вследствие этого модели « $У X$ (есть) Y », « X имеет Y », « $5 X$ (есть) Y » и т. д. могут быть отнесены к категории экзистенциальных только в том случае, если термин «экзистенциальность» будет определен как нахождение в любом типе пространства (Ex_2).

В работе были рассмотрены те виды пространства, о нахождении в которых могут сообщать проанализированные глаголы. Были также выделены классы существительных, которые выступают при них в функции дополнения. В зависимости от класса существительных и, следовательно, в зависимости от характеристики Y , признак наличие Y в «существовании» X был разделен на ряд вариантов: информация о наличии свойства (вариант a_1), действия, события (вариант a_2), информация о наличии элемента собственности (вариант a_6) и т. д. Эти варианты иногда совпадают с подразделениями словарных статей, посвященных исследованным словам. Словари указывают на их способность описывать отношение собственности, отношение части к целому, свойства к его носителю, пространственное отношение между X и Y и, наконец, отмеча-

ют способность сочетаться с отглагольными существительными и обозначать такое действие, о котором говорит данное существительное. Другие варианты рассматриваемого признака не отмечались, и в общем виде этот признак не был выделен. Даже информация о перечисленных выше отношениях не всегда представлена в словарных статьях эксплицитно, а иногда и вообще опущена.

Выделение признака «наличие Y в „существовании" X » (компонент a) позволило, во-первых, объяснить и предсказать многие особенности употребления анализируемых слов, которые не вытекали из их предыдущих описаний.

Во-вторых, введение рассматриваемого признака дало тот метаязык описания, с помощью которого можно было выразить информацию о самых разнообразных отношениях между X и Y , о которых сообщают проанализированные глаголы; словарные определения разных значений или вариантов значений этих глаголов часто служат лишь произвольным обозначением некоторого множества их употреблений, объединенных в одну группу.

В-третьих, введение рассматриваемого признака помогло более обоснованно расклассифицировать различные случаи употребления исследуемых глаголов.

В-четвертых, выделение признака «включение Y в „существование" X » позволило уточнить имеющиеся представления об отношении между глаголами *иметь*—*брать*, *получать*, *принимать*, *давать*. Компонент a входит в значение всех перечисленных глаголов. Однако он представлен в них в несколько различающемся наборе вариантов. Так, например, глагол *иметь* почти никогда не служит средством описания отношения sa (sa —включение Y в число членов, объектов деятельности и т. д. той системы S , представителем которой является X). Напротив, глаголы *принять* и *взять* широко используются для обозначения этого типа отношений. Поэтому, даже если не считать различий по признаку b (b —информация об отношении времени включения к описываемому моменту), значения глаголов *брать*, *получать*, *принимать*, *давать* не равны, строго говоря, произведению семантического содержания глагола *иметь* на признак каузативности и направленности.

В работе также отмечены некоторые случаи реализации информации об исключении Y из «существования» денотата подлежащего или денотата косвенного дополнения. Указанное отрицательное значение не стояло в центре внимания в данной работе, и большинство предложенных формулировок компонентов значения построено под углом зрения установления отношения a , а не его разрыва.

II. В работе был выделен признак d_b — c_b (d_b —информация о том, что включение Y в «существование» X определяется денотатом подлежащего, т. е. действие денотата подлежащего и, в частности, его желание, волеизъявление либо вообще является достаточным для включения, либо является достаточным

в данной денотативной ситуации, т. е. действие всех остальных факторов, необходимых для включения, однозначно вытекает из действия, волеизъявления денотата подлежащего; c_b — информация о том, что некоторая внешняя по отношению к денотату сила Z определяет включение Y в «существование» X).

Выделение этого признака позволило, во-первых, более адекватно описать информацию анализируемых глаголов, предсказать и объяснить многие особенности их употребления, а также установить различие между глаголами *принять* и *получить*. Оба эти глагола сообщают об участии некоторой внешней по отношению к денотату подлежащего силы Z . Различие, однако, заключается в том, что в семантическом содержании глагола *принять* Z не определяет установления отношения a между X и Y : Z только «направляет» Y к X , т. е. совершает такое действие, цель которого включить Y в «существование» X и которое привело бы к ожидаемому результату, если бы он не зависел в конечном счете от желания, согласия денотата подлежащего (компонент cd_b). Напротив, глагол *получить* передает информацию о том, что установление отношения a определяется внешней по отношению к денотату подлежащего силой Z (компонент c_b). В словарных описаниях глаголов *получить*, *принять* иногда отмечается информация об участии некоторой внешней по отношению к денотату подлежащего силы. Однако эта информация не прослеживается последовательно по разным значениям анализируемых глаголов и ее роль в установлении отношения « X а Y » не выявляется: различие между компонентами cd_b — c_b остается не раскрытым.

Следует также отметить, что в лексико-грамматических исследованиях денотат подлежащего при глаголах типа русского глагола *получать* характеризуется обычно как пассивный субъект действия. Содержание глагола *получить* более точно описывается через значение c_b признака c_b — d_b : хотя установление отношения a между денотатом подлежащего и денотатом прямого дополнения не зависит однозначно от денотата подлежащего и не его волеизъявление, желание является определяющим, денотат подлежащего может выступать как активная действующая сила. Например, в предложении *Применив этот метод, они получили очень интересные результаты* денотат дополнения является продуктом труда денотата подлежащего, хотя и не зависит однозначно от его действий.

Во-вторых, выделение признака c_b — d_b помогло выявить внутреннюю организацию выбранной группы слов.

В-третьих, выделение признака d_b — c_b , наряду с признаками a , b , a_{\rightarrow} (a_{\rightarrow} — информация о направленности включения), позволило отказаться от истолкования анализируемых слов друг через друга.

III. В работе было также показано, что соотнесение членов предложения с разными участниками денотативной ситуации не исчерпывает, как правило,

различия между глаголами *получить* и *дать*. В большинстве условий употребления содержание данных глаголов различается и по признаку к: «установление отношения а зависит от желания, волеизъявления Z — установление отношения а не зависит от желания, волеизъявления Z (действия Z диктуются законом, функциями, возложенными на Z, свойствами X и т. д.). Если действующей силой не является лицо, глагол *получить* обычно предполагает, что включение Y определяется действием многих, часто неопределенных факторов. Выделение признака к позволило более адекватно описать информацию глаголов *дать* и *получить*, а также предсказать и объяснить многие особенности их употребления.

В работе был также выделен ряд признаков, определяющих отличие анализируемых слов от глаголов, которые оказываются синонимичными им при отдельных вариантах признака «включения Y в „существование" X». Так, при описании пространственных отношений между X и Y были установлены признаки, дифференцирующие глагол *взять* от глаголов *вынуть*, *достать*, *снять*, *поднять*, а также от глагола *схватить*. При анализе информации об отношении собственности были рассмотрены признаки, описывающие различие между глаголами *дать*—*отдать*, *передать*, *продать*; *взять*—*купить*, *отнять* и т. д.

Некоторые из рассмотренных признаков нуждаются в дальнейшем уточнении.

IV. В данной работе была сделана попытка пополнить и уточнить имеющиеся представления о числе и характере конфигуративных признаков анализируемых слов. В работе установлены также условия реализации отдельных значений или вариантов значений этих глаголов.

V. Наличие в языковом знаке конфигуративных, стилистических и экспрессивных признаков приводит к тому, что смысловая информация не полностью предопределяет денотативную способность знака. Кроме того, существует возможность разного осмысления самих денотативных ситуаций. В работе установлен ряд таких «двусмысленных» ситуаций, которые описываются или, наоборот, не описываются анализируемыми словами, несмотря на то, что с общелогической точки зрения они могли бы служить денотатами этих слов. Например, в ситуации «выплата зарплаты» определяющими могут считаться и действия того, кому причитается зарплата (его приход может в известном смысле рассматриваться как достаточное основание для действия кассира, поскольку кассир обязан выплатить деньги), и действия кассира (выдача зарплаты может быть интерпретирована как результат закона, правил, т. е. сил, непосредственно независимых от X). Носителями русского языка данная ситуация может быть описана только последним образом, т. е. через глагол *получить*. Однако

ситуации, близкие к рассмотренной («получение белья в прачечной», «получение ботинок в мастерской») могут обозначаться и глаголом *взять* и глаголом *получить*: *Ты еще не взял белье из прачечной? Мне нужно получить белье в прачечной.* Глагол *получить*, однако, и в этих ситуациях встречается чаще.

VI. Мы установили также некоторые стилистические особенности анализируемых слов. Однако характеристика этих особенностей нуждается в дополнении и уточнении.

ВЫВОДЫ

I. Определяя характер значения анализируемых слов в общем виде, можно сказать, что эти слова обладают диффузным значением. Диффузность их смыслового содержания обусловлена прежде всего неопределенностью тех семантических признаков, из которых оно строится. Особенно «расплывчатым» является содержание признака «существования» (Ех₃). Этот признак, как было показано, распадается на варианты, имеющие бóльшую или меньшую степень обособленности.

Свойство неопределенности присуще и другим признакам, лежащим в основе значения исследуемых слов. Кроме того, все эти признаки имеют чрезвычайно общий характер. Неопределенность и обобщенность различительных признаков ведет к распадению содержания изучаемых глаголов на большое число частных случаев.

Обособлению частных проявлений общих признаков способствует также возникновение дополнительных противопоставлений со словами, коррелирующими с анализируемыми лишь при некоторых вариантах значения последних.

Отсутствие устойчивого содержания исследуемых глаголов проявляется и в том, что эти глаголы могут терять компоненты, выступающие как значения исходных различительных признаков. Так, глагол *принять* при описании отношения между свойством и его носителем не имеет компонента с. Для анализируемых глаголов вообще характерна способность служить средством передачи более узкой и более общей информации. Эта особенность проявляется не только в изменении числа компонентов, но и в том, что одни и те же компоненты могут получать более узкое и более широкое содержание.

Тенденция к расщеплению выражается также и в том, что многие контекстные варианты анализируемых слов получают особые стилистические характеристики. Иногда эти характеристики не совпадают даже у индивидуальных сочетаний, принадлежащих к одной и той же группе.

Таким образом, содержание анализируемых глаголов не является абсолютно неизменным. Оно представлено в виде набора вариантов, которые, однако, имеют тождественные элементы, а также элементы, которые могут сводиться к некоторому более общему признаку. Количество несовпадающих компонентов у разных вариантов значения и количество несовпадающих противопоставлений может быть различным. В зависимости от числа расхождений мы говорили о собственно вариантах и об особых значениях. Однако предлагаемое в работе деление на варианты и особые значения является предварительным, так как критерий для разграничения этих понятий в окончательном виде еще не выработан.

И. Диффузность и обобщенность содержания приводят не только к полисемантической, но и к возникновению тесной связи между значением анализируемых слов и контекстом. Эта особенность проявляется прежде всего в ориентированности содержания изучаемых слов на значение других членов предложения.

Тесная связь с контекстом может быть также следствием большого количества конфигуративных признаков, которые иногда сводят сочетаемость анализируемых глаголов к небольшому числу лексем. Сочетания с этими лексемами приобретают характер устойчивости, а иногда и идиоматичности.

III. Полученные результаты свидетельствуют о том, что принципы различительности и иерархичности играют важную роль в семантическом построении рассматриваемой группы глаголов. Информации, передаваемые через их лексем, в основном строятся с помощью следующих различительных признаков:

1) признак «включение Y в „существование“ X » (компонент a); этот признак может принимать отрицательное значение, которое составляет информация об исключении Y из «существования» денотата подлежащего ($a_{дп \rightarrow}$) или из «существования» денотата предложного дополнения ($a_{дпд \rightarrow}$) и т. д.;

2) признак, показывающий, имеет ли место включение (исключение) Y из «существования» X в описываемый момент времени T или нет [компонент b («да») — b («нет») — $b \vee b$ (нет информации об отношении времени включения к описываемому моменту)];

3) признак «направленности» (компонент $a_{дп \rightarrow дкд}$ — Y переходит от денотата подлежащего к денотату косвенного дополнения; компонент $a_{дп \rightarrow}$, $a_{дпд \rightarrow}$ — Y исключается из «существования» денотата подлежащего или денотата предложного дополнения соответственно; компонент $a_{дп \rightarrow дкд}$ — Y включается в «существование» денотата косвенного дополнения, причем денотат подлежащего не был первоначально обладателем Y);

4) признак, который составляет информация о том, определяет ли включение денотат подлежащего или нет (компоненты $d_b - c_b$: d_b — денотат подлежащего определяет установление отношения между X и Y; c_b — не денотат подлежащего определяет установление отношения а между X и Y);

5) признак, показывающий, предшествует ли включению действие Z, «направляющего» Y к X (компоненты $cd_b - c_0d_b - cd_b \vee c_0d_b$).

Отношения между перечисленными признаками можно представить в виде схемы (см. схему 1).

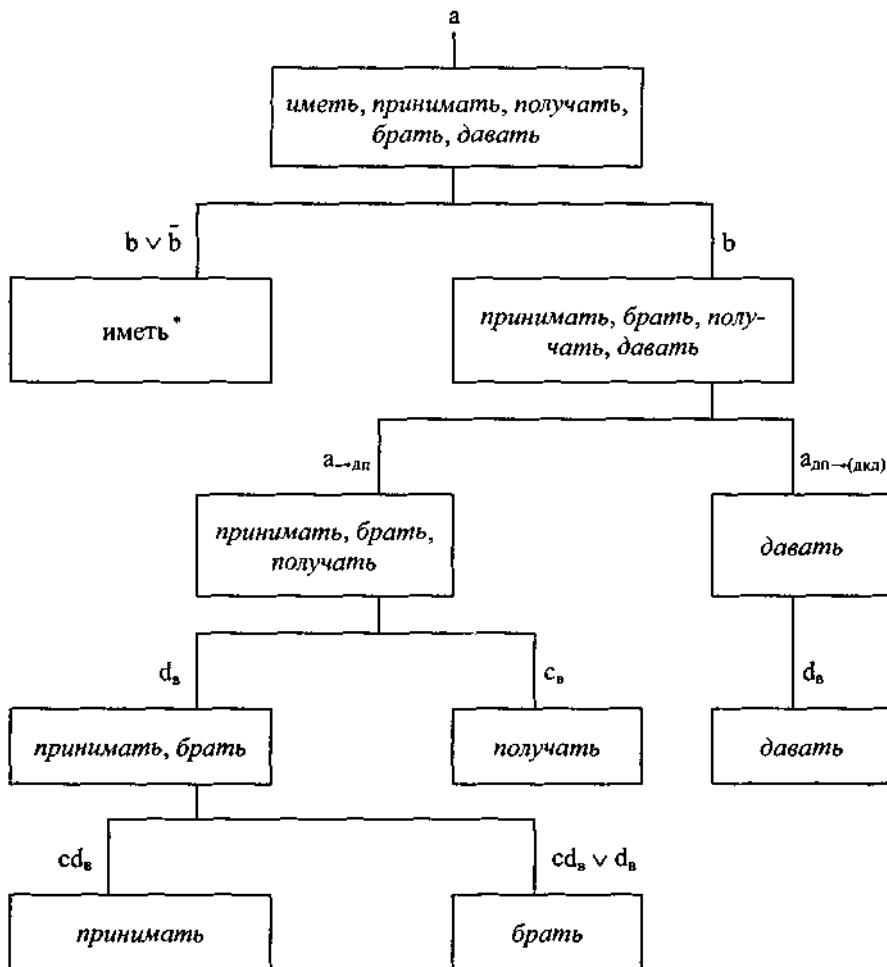
Следует, однако, отметить, что некоторые из выделенных признаков служат для группового, а не индивидуального различия¹. Так, признак *b* отличает глагол *иметь* от глаголов *принимать*, *брать*, *получать*, *давать*, взятых вместе, но не исчерпывает различия между словом *иметь* и каждым из перечисленных глаголов в отдельности. Информация о направленности включения также играет скорее роль группового дифференциального признака: соединение компонентов $a_{дл \rightarrow дкл}$ и d_b предполагает, что включение определяется Z; напротив, из соединения компонентов $a_{\rightarrow дл}$ и d_b следует, что X определяет установление отношения «X а Y». Вследствие этого глагол *взять* отличается от глагола *дать* фактически двумя признаками: а) включение Y в «существование» денотата подлежащего — включение Y в «существование» денотата косвенного дополнения; б) X определяет включение — Z определяет включение.

Таким образом, не для каждого выделенного признака существует такая пара слов, которая различалась бы только по значениям этого признака. Кроме того, появление дополнительных различий или, напротив, сближение слов по информации, вытекающим из различного соединения основных признаков (см. сказанное выше о глаголах *взять*—*дать*, а также *дать*—*получить*), свидетельствует о том, что изображение семантического построения анализируемой группы в виде графа-дерева упрощает действительные отношения, которые существуют между рассматриваемыми словами.

О некоторой ослабленности роли различительных признаков в построении анализируемой группы слов говорит также неполное совпадение их семантического объема по компонентам *a*, *d*, *b*, a_{\rightarrow} . Так, глагол *взять* может сообщать не только о включении Y в «существование» денотата подлежащего ($a_{\rightarrow дл}$), но и об исключении Y из «существования» денотата предложного дополнения ($a_{дл \rightarrow}$), а также о включении Y в «существование» косвенного дополнения. В результате

При описании лексики мы считаем оправданным ввести более широкое понимание различительного признака. См.: О. Н. Селиверстова. Значение слова и информация // Теория речевой деятельности. М., 1968. Ч. III. Гл. II.

Схема 1

* В данную группу следовало бы также отнести глаголы *принадлежать*, *обладать* и, возможно, *владеть*, которые, однако, в настоящей работе не рассматриваются.

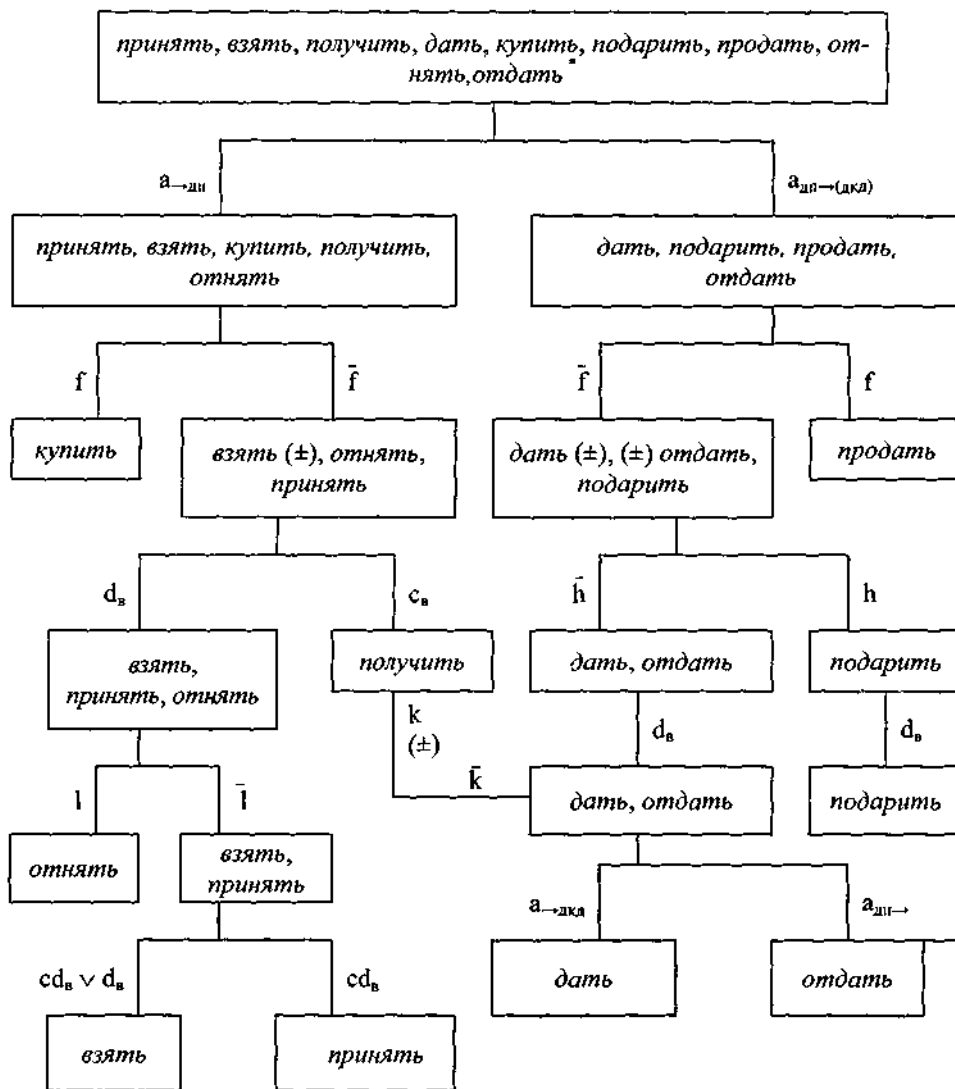
этого глагол *взять* употребляется в контекстах, в которых он не соотносится с глаголами *получить* и *принять*. При этом, однако, он сохраняет свою противопоставленность глаголам *дать*, *отдать*.

Глагол *принять* может иметь признак *b* в значении b_2 (b_2 —информация о процедуре включения). Другие глаголы не сообщают о проведении процедуры включения. В их семантический объем не входит также компонент $d_{2чу}$ ($d_{2чу}$ —информация о признании X-ом соответствия Y некоторому эталону, построенному с точки зрения того, что заслуживает X, или того, что является истинным или постоянно встречающимся в реальной действительности).

При характеристике системных отношений между членами проанализированной группы важно отметить еще одну особенность: контексты употребления рассматриваемых слов довольно часто не совпадают. Это несовпадение может быть вызвано различием в смысловых компонентах. Однако иногда оно определяется расхождениями в конфигуративных ограничениях, а также в вариантах компонента *a*. В результате этого отношения между анализируемыми глаголами оказываются построенными и по принципу дополнительной дистрибуции. Этот тип отношений в некоторых условиях может вытеснять различия по смысловым признакам. Так, в сочетании со словами *вид*, *выражение*, *поза*, *цвет*, *оттенок* и т. д. глагол *принять* теряет компонент *c* и, таким образом, является тождественным по своему смысловому содержанию глаголу *взять*. Глагол *взять*, однако, в современном языке не может иметь при себе дополнение, выраженное указанными существительными. Семантическое содержание глагола *принять* не всегда включает также компонент *b*. При этом различие между глаголами *принимать* и *иметь* может описываться через установление их дистрибуции. Так, глагол *принять* употребляется со словами *взгляды*, *концепция*, *теория* и т. д., если предполагается, что денотат подлежащего не является создателем этой теории, концепции и т. д.: *принимать чью-то взгляды*, *чью-то концепцию*, *какую-то теорию*. Напротив, глагол *иметь*, а также конструкция «У X есть Y» используется, если речь идет о том, **что** создано, выработано самим X: *иметь собственную точку зрения*, *иметь свои взгляды* и т. д. Расхождения по признаку d_b —O в рассмотренных условиях стираются вследствие отсутствия информации о самом акте включения.

Важной характеристикой анализируемой системы является также ее незамкнутость: рассматриваемые слова вступают в дополнительные оппозиции с глаголами, которые описывают отдельные частные варианты отношения *a*. Появление дополнительных компонентов не разрушает основную систему противопоставлений, а наслаивается на нее. В качестве примера приведем ту систему, которая складывается при употреблении анализируемых глаголов для описания отношений собственности (схема 2).

Схема 2

Два последних глагола входят в анализируемую систему и при описании некоторых других типов отношений. В данной работе, однако, они рассматривались лишь в контекстах, описывающих отношение собственности.

Кроме знаков, рассмотренных выше, в приведенной таблице использованы следующие символы:

- 1) знак (\pm) показывает, что слово, которому приписан этот знак, не всегда имеет выделенный признак;
- 2) буква *f* обозначает информацию о том, определяется ли переход *Y* к *X* выплатой стоимости *Y*;
- 3) буква *h* — символ признака, который различает глаголы *дать*, *отдать* — *подарить*; его точное содержание в работе не устанавливалось;
- 4) знак *k* указывает на дополнительное смысловое различие между глаголами *получить* — *дать*, *отдать*: глаголы *дать*, *отдать* вносят информацию о том, что *Z* действует по своему усмотрению, в соответствии со свободным волеизъявлением: напротив, глагол *получить* сообщает, что *Z* выступает как безличное орудие закона, функционирующего правила;
- 5) буква *l* обозначает информацию о том, осуществляется ли переход *Y* к *X* в результате насилия над *Z*.

Следует отметить, что различие между глаголами *дать* и *отдать* представлено в схеме 2 неполно: акцентирование внимания на включении *Y* в собственность денотата косвенного дополнения или, наоборот, на его исключении из собственности денотата подлежащего дополняется другими, более определенными смысловыми различиями. Глагол *отдать*, в отличие от глагола *дать*, может вносить информацию о том, что *X* имеет предварительное право на *Y*, т. е. *Z* возвращает *X* долг или возмещает стоимость его труда. В тех условиях, в которых данная информация не реализуется, глагол *отдать* обычно сообщает о переходе *Y* в постоянную собственность *X* (в работе отмечены некоторые исключения). Глагол *дать* является немаркированным членом противопоставления по признаку «переход в постоянную — временную собственность». Однако он получает некоторые дополнительные ограничения: этот глагол не используется, если *Y* представляет собой нематериальную ценность (нельзя, например, сказать: *Она дала ему свое сердце*), а также вообще нечто значительное, меняющее положение *Z* как владельца собственности. Например: *Я отдал ему все свое состояние*.

Таким образом, проанализированная группа слов представляет собой незамкнутую систему, организованную как по принципу смысловых оппозиций, так и по принципу дополнительной дистрибуции. В построении данной системы большую роль играют не только различительные, но и избыточные компоненты.

IV. Полученные в работе результаты показывают, что отдельные значения и варианты значений часто реализуются одновременно. Эта особенность актуализации значений многозначного слова уже отмечалась в лингвистической

литературе. Так, Д. Н. Шмелев пишет: «Авторы толковых и исторических словарей, основанных на сплошной выборке из различных литературных источников, могли бы подтвердить, что при составлении словарной статьи, посвященной многозначному слову, целый ряд цитат допускает различное толкование и в связи с этим может быть отнесен то к тому, то к другому из выделенных значений слова»².

V. В настоящее время довольно широкое распространение получило представление о том, что метод компонентного анализа не применим к описанию незамкнутых систем. Полученные в работе результаты позволяют сделать общий методологический вывод о том, что сфера применения данного метода не ограничивается замкнутыми системами.

²Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964. С. 86.

4.

КОНСТАНТНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ
В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ
МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ ТИПА *TAKE*

Раздел в сборнике «Семантическое и формальное варьирование». М.: Наука.
С. 27—107.

При исследовании многозначных слов возникает, с одной стороны, задача определения отдельных значений этих слов, а с другой — встает вопрос о том, как соотносятся между собой эти значения. Прежде всего необходимо установить, действительно ли слово многозначно или отдельные значения фактически представляют собой реализацию одного общего значения в разных контекстных условиях. В лингвистике неоднократно указывалось (см., например, [Кашнельсон 1965; Шмелев 1964]) на два разных типа связи между значением языковой единицы и контекстом: 1) значения I_1 и I_2 языковой единицы U реализуются в разных контекстах K_1 и K_2 соответственно, но при этом контекст не несет той информации, которая различает I_1 и I_2 , и эта информация не вытекает из сочетания общих элементов содержания I_1 и I_2 с текстом K_1 и K_2 , таким образом, контекст не предопределяет значений I_1 и I_2 ; напротив, наличие этих двух значений обуславливает возможность использовать единицу U и в контексте K_1 и в контексте K_2 ; 2) различия между информацией I_1 и I_2 , которые возникают при употреблении языковой единицы в контексте K_1 и K_2 соответственно, предопределяются контекстом K_1 и K_2 (т. е. информацию, определяющую различие между I_1 и I_2 , несет какой-то элемент контекста или контекст в целом, или она однозначно вытекает из соединения данного контекста с общей частью информации I_1 и I_2). Таким образом, о наличии одного общего значения можно говорить только в том случае, если обнаруживается второй тип связи между значением слова и контекстом.

Если обнаруживаются разные значения, то возникает вопрос о том, как они объединяются в структуру многозначного слова: устанавливается ли общий компонент (компоненты) или же связь между значениями определяется ассо-

циативными признаками (т. е. признак, который не входит в одно значение, а только ассоциируется с ним, становится компонентом другого значения). Выделение общих компонентов позволяет рассматривать семантическую структуру многозначного слова как состоящую из константных и переменных элементов (подчеркнем, что признаки, которые были названы «переменными», являются такими лишь по отношению к общей структуре многозначного слова, но они постоянны для каждого отдельного значения). При рассмотрении общих компонентов необходимо определить, какое место они занимают в структуре каждого отдельного значения: занимают ли они во всех значениях верхний иерархический уровень или нет. Кроме того, разные информации, передаваемые через одно означающее, могут отличаться друг от друга разным количеством признаков. В связи с этим мы различаем особые значения и неконтекстные варианты одного значения. Мы предлагали [Селиверстова 1975: 27] считать неконтекстными вариантами одного значения единицы U такие две информации I_1 и I_2 , которые отличаются друг от друга только по одному или двум компонентам, причем появление этих компонентов не связано с установлением новой системы оппозиций.

Вопрос о соотношении значения одной языковой единицы со значениями других языковых единиц является одним из обязательных аспектов семантического анализа. При этом необходимо установить, входит ли рассматриваемое значение в иерархически организованную микросистему, которая строится из общих и различительных признаков, или члены микросистемы (само разбиение семантической системы языка на микросистемы, по-видимому, можно считать очевидным), имея некоторый общий признак, далее не подразделяются на более частные подсистемы. Примером подсистемы второго типа может служить семантическая группа с общим признаком 'дерево'. Слова, входящие в эту группу, можно, по-видимому, разделить на две подгруппы, в зависимости от того, сообщают ли они о лиственных или хвойных деревьях. Однако дальнейшее подразделение этих слов на более частные группы вряд ли имеет место. При этом значение каждого слова отличается от другого большим количеством признаков. Таким образом, своеобразие семантических групп такого типа определяется, с одной стороны, отсутствием или почти полным отсутствием иерархичности в организации, а с другой стороны, противопоставленностью слов по большому количеству признаков. Эти две характеристики связаны между собой, но не являются тождественными. Так, теоретически можно представить себе иерархически организованную семантическую группу, члены которой на последней ступени иерархии отличаются по целому ряду признаков [Караулов 1967].

Наличие большого количества признаков, по которым значение одного слова отличается от другого, возможно, свидетельствует о том, что эти при-

знаки в сознании и даже в подсознании говорящих не вычлняются и, следовательно, значение (имеется в виду лексическое значение) выступает как некоторая целостность, не расчлняемая или почти не расчлняемая на части. Вследствие этого применение компонентного анализа к словам такого типа не соответствует реальной организации их значений в языковом коде говорящих [Шмелев 1964]. Действительно, вполне вероятно, что значение таких слов, как *береза*, *осина*, хранятся в языковом коде в форме зрительного образа, а не набора признаков [Мельников 1973]. В этом случае компонентный анализ может быть применен не к описанию самого значения, а только для выделения объективных признаков объекта, совокупность которых определяет возникновение образа.

Различие между рассматриваемыми типами организации семантических микросистем не имеет, по-видимому, абсолютного характера: можно говорить о более или менее структурированных семантических системах. Очень часто различие между языковыми единицами (в частности, между синтаксическими моделями), имеющими ряд общих компонентов, определяется двумя или тремя признаками. Показателем отсутствия слияния этих признаков в единое целое служит возможность выпадения или нейтрализации в определенных условиях одного признака при сохранении другого или двух признаков при сохранении третьего. Очень часто трудно сказать, какой из этих признаков более релевантен. Вследствие этого целесообразно употреблять термин «дифференциальный признак» для обозначения не только единственного признака, служащего для разграничения по крайней мере двух единиц, но также одного из двух или трех признаков.

Возможно, та или иная организация семантических микросистем не является случайной. Создается впечатление, что менее структурированные микросистемы характерны для тех слов, значения которых отражают членение реалий на виды и подвиды (т. е. на основании значения этих слов реалии могут быть объединены в неперекрещивающиеся классы одного иерархического уровня, например, медведи, лисицы, волки и т. д., возможно лишь отношение включения с классами верхнего уровня), причем отображаемое в сознании различие между классами определяется совокупностью признаков. Напротив, более структурированные микросистемы характерны для тех слов, в соответствии со значениями которых нельзя подразделить действительность. Например, нельзя выделить класс предметов, обладающих тем свойством, информация о котором составляет значение английского прилагательного *tall*, в отличие от класса предметов, свойства которых описывались бы словом *high*. Почти любой высокий предмет может быть описан и словом *tall* и словом *high*. Выбор того или иного прилагательного зависит от контекста, речевой ситуации, намерения говорящего. Большая структурированность свойственна также микросистеме-

мам, связанным с реалиями, которые объективно могут быть разделены на классы, различающиеся только по одному признаку (например, высокие и низкие предметы).

Таким образом, при исследовании многозначных слов встает вопрос о том, как соотносятся их значения со значениями других слов, каков характер тех микросистем, которым принадлежат отдельные значения и вообще входят ли эти значения в особые микросистемы; принадлежит ли многозначное слово некоторой микросистеме во всей совокупности своих значений.

Большинство перечисленных проблем уже ставилось по отношению к глаголам *take*, *get*, *receive*, которые были выбраны в качестве объекта нашего исследования. Однако ответы, которые при этом были получены, оказались несовпадающими у разных авторов, а иногда и прямо противоположными. Так, во всех существующих словарях глаголы *take*, *assume*, *accept*, *get*, *receive* представлены как многозначные слова. Например, в кратком Словаре Вебстера [Webster 1958] у глагола *take* выделяется 12 значений, в словаре Хорнби [ALD] этому же глаголу приписывается 18 значений и целый ряд подзначений. Наряду с этим была высказана точка зрения, в соответствии с которой данные глаголы представляют собой не многозначные слова, а слова с широким значением или — в несколько иной терминологии — с широкой понятийной основой. Наиболее четко эта точка зрения была сформулирована в работах Н. Н. Амосовой. Под широким значением она понимала «значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи» [Амосова 1963]. Эта точка зрения получила развитие и в ряде других работ [Соколова 1967; Димова 1972]. О широкой понятийной основе слов типа английского глагола *take* писала А. А. Уфимцева [Уфимцева 1968]. В этих работах слова с широким значением не всегда противопоставляются многозначным (такая противопоставленность была четко проведена лишь в работах Н. Н. Амосовой). Это позволяет думать, что часто речь фактически идет о поисках некоторого общего ядра, которое еще не составляет все содержание значения. Остается, однако, неясным, как понимается соотношение между общей и остальной частью значения. По-видимому, в большинстве случаев предполагается, что эта «остальная часть значения» обусловлена синтагматическими, а не парадигматическими отношениями слова и не задана в языковой системе (см., например, [Димова 1972]). Попытка свести значения таких слов, как *have*, *take*, *keep*, *lose*, если не к одному значению, то во всяком случае к очень немногим значениям была сделана также в работе американского лингвиста Е. Бендикса [Bendix 1966].

Ни первая, ни вторая точка зрения не получили исчерпывающего обоснования. При создании словарных статей вообще не делалось попытки найти то

общее, что, возможно, лежит в основе всех или многих значений таких глаголов, как *take*, *get*, *give*, *receive*, *assume*, *accept* и, кроме того, не всегда четко проводилось различие между значением и контекстным вариантом [Bendix 1966]. При попытке выделить единое широкое значение не рассматривались тщательно отдельные случаи употребления, не было показано, что разница в информации, возникающая при появлении рассматриваемых глаголов в разных контекстах, действительно предопределяется этими контекстами. Кроме того, далеко не всегда определена та информация, которая возникает при употреблении указанных глаголов в разных контекстах. Поэтому первая часть работы посвящена ее выявлению. Во второй части сопоставляются разные информации, которые несут означающие глаголов *take*, *assume*, *accept*, *get*, *receive*, и делается попытка найти константные и переменные признаки.

При проведении исследования применялся метод компонентного анализа в соединении с гипотетико-дедуктивным методом, который позволяет верифицировать семантические гипотезы, построенные с помощью компонентного анализа (об особенностях применения этих методов в работах автора см. [Селиверстова 1975, 1977]).

ГЛАГОЛ *TAKE* В ГРУППЕ ГЛАГОЛОВ МЫШЛЕНИЯ

ГЛАГОЛ *TAKE* И ПРИЗНАК «ФАКТИВНОСТИ/НЕФАКТИВНОСТИ»

Во всех словарях указывается, что глагол *take* входит в группу глаголов мышления. Однако отличие этого глагола от других синонимичных ему слов не устанавливается. Например, в Оксфордском словаре данное значение глагола *take* толкуется с помощью следующей совокупности слов: 7. Apprehend, grasp mentally, infer, conclude, understand, interpret [COD 1956]. В словаре Хорнби [ALD 1958] в качестве слов-толкователей выступают следующие глаголы: assume; presume; conclude; suppose; regard; interpret; understand. На основании этих толкований можно построить самые разные гипотезы о значении глагола *take*. Прежде всего можно предположить, что глагол *take* относится к группе глаголов «понимания». Действительно, глагол *understand* и его синонимы входят во все словарные статьи, описывающие глагол *take*.

Различие между глаголами группы «понимать» и группы «думать» можно частично описать через признак «фактивность/нефактивность», выделенный П. и К. Кипарскими [Kiparsky 1970]. Содержание этого признака они определяют с помощью понятия пропозиции, см. о нем: [Арутюнова 1976]. Нефактивные глаголы—это такие глаголы, при употреблении которых утверждается истинность пропозиции. Фактивные глаголы—это такие глаголы, при выборе которых истинность пропозиции принимается говорящими как данное, как исходный пункт сообщения, т. е. принадлежит пресуппозиции. К нефактивным глаголам они относят такие глаголы, как *предполагать*, *утверждать*, *заклю- чать*, *вообразать*, *думать* и пр. В число фактивных включены глаголы типа *сожалеть*, *принимать во внимание*, *забывать*, *помнить* и др. К этой же группе относится и глагол *понимать*. Действительно, в предложении *Наконец-то я*

понял, что он прав не утверждается как нечто новое тот факт, что описываемое лицо («он») прав. В этом предложении сообщается только о том, что денотат подлежащего в результате определенного умственного процесса довел уже объективно заданную истину до своего сознания. Таким образом, в предложениях с глаголами группы 'понять' истина выступает как исходная точка, и именно она рассматривается здесь как объект познания. Напротив, при выборе глаголов группы 'думать' предполагается, что объектом познания становится не некоторая истина о действительности, а сама действительность, выступающая как аморфная сущность, свойства и отношения которой еще нужно установить. При этом речь идет о формировании субъективного, а не объективного суждения, которое необязательно должно совпасть с последним. Вследствие этого из утверждения *Я думаю, что он прав* не следует, что говорящий мог бы сказать *Он прав*, представить данное суждение как объективную истину. Напротив, из высказывания *Я понял, что он прав* следует, что говорящий готов заявить: *Он прав*. Такое следствие предполагается и в том случае, когда денотат подлежащего главного предложения и говорящий разные лица. Например, из предложения: *Он понимает, что она права* следует, что говорящий готов утверждать: *Она права*. Данная особенность могла бы лечь в основу теста, используемого для разграничения глаголов группы 'понимать' и группы 'думать'. Сложность, однако, заключается в том, что предложения с глаголами группы 'понимать' необязательно сообщают о том, что говорящий познал некоторую уже заданную истину о действительности. Они могут сообщать и о том, что построенное в сознании отображение лишь с известной вероятностью правильно отображает некоторый факт, ставший объектом познания. При этом само отображение факта может быть искаженным. Вследствие этого из высказывания *Насколько я понимаю, он был совершенно прав* не следует, что говорящий готов утверждать, что: *Он был совершенно прав*.

Однако, в отличие от глаголов группы 'думать', при глаголах группы 'понимать' появление информации о возможности искаженного отображения денотата придаточного дополнения обязательно связано с информацией о том, что сам говорящий не уверен, имеет ли место акт понимания или нет. Таким образом, из предложения с конструкцией *понимать, что* не следует истинность пропозиции только в том случае, если сам акт понимания рассматривается как вероятностный. Напротив, из истинности предложения *Я думаю, что он прав* не всегда следует истинность объективизированного суждения *Он прав*. Вследствие этого выводимость или невыводимость объективизированного суждения может служить критерием разграничения фактивных глаголов мышления от нефактивных, хотя его применение оказывается непростым.

Следует, однако, отметить, что употребление глаголов группы 'понимать' не всегда связано с указанными истинностными характеристиками. Они изменяют-

ся при использовании глагола *понимать* в такой конструкции, как *понимать что-то как что-то*. Например, из предложения *Всякое развитие он понимает как явление регрессивное* не следует, что говорящий готов утверждать: *Всякое развитие есть явление регрессивное*. Кроме того, объектом отображения здесь вообще является не истина, а явление. Представляется, что все возможные случаи употребления глаголов 'думать'—'понимать' можно описать с помощью признака «конструируемого-проецируемого отображения». Слово *отображение* мы употребляем для обозначения тех случаев, когда объект не просто является предметом мышления, а когда о нем что-то устанавливается (его присутствие где-то, его свойства, причинно-следственные отношения, его характеризующие). Построение проецируемого отображения предполагает наличие готового объекта отображения (предмета, события, истины), который в результате обработки данных самой ситуации, его содержащей, проецируется в сознании. Напротив, конструируемое отображение не имеет прямого коррелята в денотативной ситуации, оно является результатом синтеза, проведенного в сознании, и, как следствие того, что оно не выводится прямо из объекта отображения, предполагает привлечение либо ранее приобретенных знаний об объекте, либо априорных представлений, либо элементов, созданных мышлением.

При формулировке признака мы акцентировали внимание на способе отображения, поскольку именно способ отображения, как представляется, служит определяющим фактором и из него вытекают рассмотренные выше истинностные характеристики. Так, вследствие того, что проецируемое отображение имеет коррелят в денотативной ситуации, цель высказывания может заключаться в том, чтобы сообщить, что этот коррелят (в заданном наборе его качеств) удалось отобразить в сознании, т. е. построить отображение, соответствующее действительности. Напротив, при описании конструируемого отображения речь может идти только о том, что установило сознание о действительности (см. об этом подробнее с. 329 и сл.).

Если языковая единица или набор единиц служит для передачи информации о том, что некоторый объект удалось отобразить в сознании, то эта единица или набор единиц не могут употребляться в явном или не явном вопросе, цель которого узнать мнение слушателя о правильности построенного отображения. Вследствие этого нельзя, например, сказать **Он прав, я понимаю?* Напротив, фраза *Он прав, я думаю?* отмечена. Если, однако, не утверждается, что понимание достигнуто, или если сообщается о том, как отобразился объект в сознании, употребление глагола *понимать* в вопросах данного типа возможно: *Насколько я понимаю, он прав?* (на эту особенность употребления глагола *понимать* любезно обратил внимание автора Ю. С. Степанов).

Проецируемое отображение строится в результате обработки только тех данных, которые заданы в ситуации, содержащей объект отображения. Поэтому

если анализ денотативной ситуации не позволяет установить с полной вероятностью существование отображаемого факта, то глагол *понимать* либо вообще не будет употребляться, либо высказывания, его содержащие, будут носить вероятностный характер. Ср.: *Насколько я понимаю, он здесь был*, но неправильно: **Я понимаю, что он здесь был* (факт прихода не устанавливается однозначно из самой наблюдаемой ситуации). Напротив, исходя из этой же ситуации может быть построено конструируемое отображение, не имеющее предположительного характера (*Я думаю, что он здесь был*, а не только: *Я предполагаю, что он здесь был*), поскольку его построение не является результатом обнаружения готового факта в действительности и опирается не только на анализ наблюдаемой ситуации, но и на ранее приобретенные сведения.

Рассмотрев различие между глаголами группы 'думать' и группы 'понимать', попытаемся теперь решить вопрос о том, к какой из этих групп принадлежит глагол *take*. Сначала проанализируем две лексико-синтаксические конструкции с этим глаголом: «X takes it that» и «X takes Y to be Z».

Эти конструкции (особенно первая из них) очень часто употребляются в вопросах или в таких утверждениях, после которых ожидается подтверждение со стороны слушателя. В этих случаях первый критерий, разграничивающий рассматриваемые группы, не действует. Однако в утверждениях обычного типа употребление конструкций с глаголом *take* не имплицитно, как показал опрос информантов, готовность сделать объективизированное суждение об описываемом явлении. Например, предложение «One move for the ferry», his companion said. From the phrase I took it that he belonged to British Railways (G Greene, Travels with my aunt), смыслу которого не противоречит и фактивный и нефактивный глагол [‘— Это один переезд для паромов, — сказал его сосед. Из этой фразы я заключил (или 'Из этой фразы я понял'), что он служащий Британской железнодорожной компании'], не воспринимается как обязательно предполагающее готовность говорящего сделать объективизированное утверждение: Он служащий Британской железнодорожной компании. Отсюда следует, что глагол *заклЮчить* точнее передает информацию, которую несет слово *take*. Далее, конструкции с глаголом *take* употребляются в тех случаях, когда отображение действительности в сознании предопределяется скорее не анализом непосредственной ситуации, а ранее приобретенными знаниями. Например: — And you are residing at this address, paying rent of thirty shillings a week? — Right. — What does it entail the use of? A bedroom, a general run of the house, I take it? (J. Osborne, Epitaph for J. Dillon) ‘— Вы живете по этому адресу и платите ренту тридцать шиллингов в неделю? — Правильно. — Что вы при этом получаете? Спальню, право на общее пользование домом, так? (или: я полагаю?)’. Употребление глагола группы понимания в данном контексте представляется не совсем естественным. Это объясняется тем, что предполо-

жение говорящего обусловлено скорее его предыдущим опытом, а не анализом данной ситуации. Ср. также: *Startled out of ill-humour, he said, pleasantly enough: I take it the books are yours?* (O. Manning. *The Spoilt city*) 'Я полагаю, что книги ваши?'. Эта фраза входит в тот отрезок текста, в котором героиня романа говорит своему гостю о том, что они с мужем сняли меблированную квартиру и все вещи, которые он видит, не принадлежат им. После этого гость задает приведенный вопрос. В данном контексте вряд ли был бы задан вопрос типа: *Насколько я понимаю, книги ваши?* Таким образом, мы полагаем, что глагол *take* входит в группу 'думать', а не в группу 'понимать'. Однако он часто встречается в тех контекстах, в которых описываемый мыслительный процесс мог бы быть осмыслен и как референт глагола понимания (см. об этом ниже).

Так же, как и глаголы *think*, *consider*, глагол *take* передает информацию о суждении, которое денотат подлежащего оценивает для себя как абсолютное, а не вероятностное (субъективно-истинное). По этому компоненту данные глаголы противопоставлены глаголам *assume*, *suppose*, которые сообщают о том, что и сам денотат подлежащего рассматривает свое суждение только как вероятностное или во всяком случае как «произвольно» истинное, т. е. просто принимаемое как истинное. Данное различие довольно очевидно, поэтому мы не будем останавливаться на нем более подробно.

ПРИЗНАК «ЛИЧНОСТНО/ НЕЛИЧНОСТНО-ОБУСЛОВЛЕННОГО СУЖДЕНИЯ»

Рассмотрим отношение между глаголами *take* и *think*, *consider*. На основании проведенного исследования мы построили гипотезу, которую можно было бы сформулировать в терминах личностно- и **неличносно-обусловленного** суждения. Под **неличносно-обусловленным** суждением мы понимаем такое суждение, которое сформулировано на основании не собственного восприятия действительности и не собственного осмысления, размышления над действительностью, а на основании **того**, что было сообщено другими или того, что говорящий уже знал о действительности (т. е. того, что было сообщено когда-то раньше), причем это суждение оценивается как почти независимое от самого субъекта: он только инструмент, машина, которая обработала переданные ему сведения. Последнее условие в значительной степени определяется первым. Однако оно все-таки не является полным его следствием, так как обработка полученных сведений может осмысляться по-разному: как чисто логический процесс, не зависящий от собственных взглядов, представлений субъекта и как процесс личностного их осмысления. Личностное суждение, напротив, формируется на основании собственного восприятия действительности или на

основании самостоятельных размышлений, сопоставления полученных сведений с собственными понятиями (например, относительно того, что может считаться плохим или хорошим, красивым—некрасивым, честным—бесчестным и т. д.).

Информацию о неличностно-обусловленном суждении, как мы попытаемся показать, передает глагол *take*, а информацию о личностно-обусловленном — глаголы *think* и *consider*.

Построенная гипотеза не противоречит собранному положительному материалу исследования, т. е. случаям правильного употребления исследуемых слов. Так, глагол *take* часто встречается в контекстах (лингвистических или экстралингвистических), содержащих прямое указание на то, что речь идет о суждении, построенном на основании сведений, полученных от других, или же на основании знаний денотата подлежащего. Например, служащий, прочитавший объявление относительно тех работ, которые должны быть выполнены на следующий день, может сказать: *I take it that we are to come early tomorrow* (пример взят из ALD, условия употребления фразы установлены с помощью информанта). См. также *Am I to take it that this is why you do not choose to employ me?* (O. Manning, *The spoilt city*) 'Должен ли я заключить (из того, что говорилось), что вы поэтому не хотите взять меня на работу?' В других встретившихся случаях употребления контекст не противоречил построенной гипотезе. Так, например, в контексте: *I take it, Pr. Banerstein, that strychnine as a drug, acts quickly.—Yes.—And that you are unable to account for the delay in this case* (A. Christie, *The Mysterious Affair at Styles*) 'Я полагаю, проф. Бейнерштайн, что стрихнин как яд имеет мгновенное действие.—Да.—И Вы не можете объяснить замедленность действия в рассматриваемом случае?' Выбор конструкции «*I take it that*» можно объяснить тем, что говорящий строит свое суждение на основании того, что он знал о действии данного яда. В рассмотренном выше примере *I take it the books are yours?* употребление глагола *take* также согласуется с нашей гипотезой о том, что речь идет о суждении, основанном на предыдущих знаниях: говорящий знает, что меблированные квартиры обычно не сдаются вместе с книгами.

Покажем теперь, что употребление глагола *take* не только не противоречит гипотезе о неличностно-обусловленном суждении, но от реализации данной информации зависит возможность выбора означаемого *take*.

Опрос информантов показал, что конструкция «*X takes it that*» не используется в тех случаях, когда суждение очевидно сформировано в результате непосредственного восприятия действительности. Например, все информанты (в данном тесте участвовало 9 человек) оценивали как неправильные следующие предложения: *When I saw his eyes I took it that he hated me* 'Когда я увидела его глаза, я подумала (поняла), что он меня ненавидит'; *I took it that I desecrated her face behind the curtains* 'Мне показалось, что за занавесками я видел

ее лицо'. Так же оценивалось употребление этого глагола и в тех контекстах, в которых речь шла о результате размышления, раздумья. Например, к категории неправильных информанты относили предложение *After much consideration I took it that he was right* 'После долгих размышлений я решил, что он прав', причем такое восприятие было обусловлено именно добавлением словосочетания *After much (some) consideration*. Заметим, что в контекстах последнего типа речь идет не о готовом суждении, а о результате непосредственного выведения суждения. Поэтому необходимо проверить, какой из двух признаков контекста (указание на процесс размышления и указание на наличие процедуры вывода суждения) определяет неправильное употребление глагола *take*. Рассмотрение других контекстов употребления показывает, что последний признак не релевантен для выбора глагола *take*. Этот глагол очень часто употребляется в контекстах, в которых речь идет о непосредственном результате процедуры вывода. Например: *From what he said I took it that he was right* (пример информанта) 'Из того, что он сказал, я сделал вывод, что он прав'; *From the phrase I took it that he belonged to British Railways (G. Greene, Travels with my aunt)* 'Из этой фразы я заключил, что он служащий Британской железнодорожной компании'. Следовательно, неправильность предложений типа *After much thought I took it that he was right* обусловлена именно тем, что речь идет о суждении, основанном на размышлении.

Существуют, однако, некоторые факты употребления, которые на первый взгляд противоречат построенной гипотезе. Так, например, при переводе следующей текста: *Мы были знакомы всего несколько дней, но у меня сложилось впечатление, что он порядочный человек* информанты (было опрошено четыре человека) считали возможным использовать глагол *take*, несмотря на то, что в данном контексте сообщалось о личном знакомстве и, следовательно, можно было предположить, что суждение строится на основании непосредственного восприятия действительности. Совершенно естественной признавалась и фраза *I take it that everybody is in agreement* 'Итак, все согласны', которую может произнести председатель собрания, опираясь в своем суждении не только на выступления, но, возможно, и на поведение присутствующих.

Более глубокий анализ, однако, показал, что в подобных контекстах речь также не идет о личностно-обусловленном суждении и, в частности, о суждении, основанном на собственном восприятии объекта суждения. Оказалось, что конструкция «*X takes it that*» употребляется в ситуациях, в которых предполагается личное знакомство или личный контакт субъекта суждения с тем лицом (лицами), по отношению к которому строится суждение, только в том случае, если само свойство, приписываемое этому лицу (лицам), не дано в непосредственном наблюдении, т. е. субъект суждения судит о наличии подобного свойства у данного человека только на основании того, что сообщено

субъекту суждения через поведение этого человека. Таким образом, поведение может рассматриваться как определенная форма сообщения. Действительно, конструкция с глаголом *take* используется в указанных ситуациях только тогда, когда речь идет о таких свойствах, как порядочность, благородство, честность и т. д. Напротив, как показал опрос информантов, при суждении о свойствах типа красота, молодость, конструкция с глаголом *take* используется только в ситуациях, предполагающих отсутствие личного контакта между субъектом суждения и лицом или предметом, явлением, к которому относится суждение. Например, информанты считали неправильным употреблять глагол *take* в предложении *I take it that she was still young then* 'Я думаю, что она тогда была еще молода', если им задавалась ситуация, в которой предполагалось, что автор речи был знаком в описываемый момент с тем лицом, к которому относится суждение. Это предложение может быть произнесено только в том случае, если суждение строится на основании того, что слышал автор речи, что ему говорили.

Последний из проанализированных примеров указывает на прямую зависимость выбора конструкции со словом *take* от того, основано или не основано суждение на сведениях, полученных от других. Рассмотренные выше случаи правильного и неправильного употребления глагола *take* обычно отличались друг от друга не только по интересующему нас параметру, но и по некоторым другим параметрам (например, по своему лексическому составу), что оставляло некоторую возможность для предположения о том, что неправильность употребления зависит не от проверяемого параметра, а от некоторого другого, оставшегося не выявленным признака. Приведем еще один тест, подтверждающий зависимость выбора конструкции с глаголом *take* от признака, указывающего на те основания, которые легли в основу суждения. Очень часто при экспериментировании удобно обращаться к искусственным денотативным ситуациям, при описании которых яснее осознается разница между свойствами ситуации и информацией, передаваемой через языковую единицу, которая ее описывает. Такая искусственная ситуация и рассматривалась в приводимом ниже тесте. В предложении *I thought that you would be worrying (anxious)* 'Я подумал, что вы будете беспокоиться' глагол *think* заменялся на конструкцию с глаголом *take*, и оба варианта предложения предлагались для оценки информантам. Вариант с глаголом *think* был признан ими правильным, а вариант с глаголом *take* — **неправильным**. Однако если информантам задавался вопрос «Какой из двух глаголов Вы бы выбрали, если бы Вы хотели передать информацию о том, что Ваше суждение было основано на том, что Вы слышали, что Вам говорили о данном лице?», то все информанты выбирали глагол *take*, но указывали, что в данном контексте появление подобного намерения у говорящего маловероятно.

Приведенные тесты свидетельствуют о зависимости выбора конструкции с глаголом *take* от того, построено ли суждение на основании сведений, полученных от других, или определяется собственным восприятием или размышлениями о действительности. Опираясь на эти результаты, мы определили разницу между глаголом *take* и глаголами *think*, *consider* [Селиверстова 1976] как отображение этого различия. Однако устанавливаемые подобным образом зависимости могут представлять собой лишь частное проявление более общих и более глубоких зависимостей. Такое более глубокое обобщение можно сделать и в рассматриваемом случае: зависимость выбора означающих *take*, *think*, *consider* от того, строится ли суждение на основании сведений, полученных от других, или нет, является частным проявлением зависимости от признака личностно/неличностно-обусловленного суждения.

Основанием для такого обобщения послужил ряд фактов употребления исследуемых слов, которые не могли быть объяснены выделенным ранее признаком. Этот признак не объяснял очевидно ощущаемую и проявляющуюся во многих фактах употребления большую близость глагола *take* к глаголу *understand* по сравнению с глаголами *think*, *consider*. Если же ввести в истолкование глагола *take* компонент неличностно-обусловленного суждения, то такая близость становится понятной. Неличностно-обусловленное суждение зависит только от сведений, поступивших от других, плюс логические возможности человека, обрабатывающего их, которые как бы не зависят от самой личности человека (от его воли, желания, интуитивных представлений). Подобно этому понимание также зависит от внешних данных плюс логические возможности человека, однако в качестве внешних данных здесь уже выступают не сведения о действительности, в которых еще не содержится сам факт (но с помощью которых он должен быть реконструирован), а либо сама действительность в полном наборе своих свойств и отношений (**действительность—факт**), либо некоторое сообщение, уже содержащее готовую истину, которую лишь нужно открыть для себя. Такая чисто формальная функция, выполняемая познающим субъектом, в актах понимания и в актах формирования личностно-необусловленного суждения и сближает глаголы, описывающие эти акты.

Поскольку, кроме того, многие денотативные ситуации могут быть по-разному осмыслены в плане фактивности/нефактивности, то появляется возможность взаимозамены глаголов *take* и *understand*. Возможности взаимозамены способствует также тот факт, что глагол *understand* часто используется в контекстах, в которых утверждается лишь вероятность того, что акт понимания имел место. Например, можно сказать: *I understand that you are going to come and see me to-night* 'Насколько я понял, ты ко мне сегодня придешь', т. е. говорящий в неявной форме спрашивает, верно ли он отобразил в своем сознании некоторый факт (истину) как факт того, что его собеседник собирается прий-

Николай
Александрович
Селиверстов —
отец Ольги Николаевны

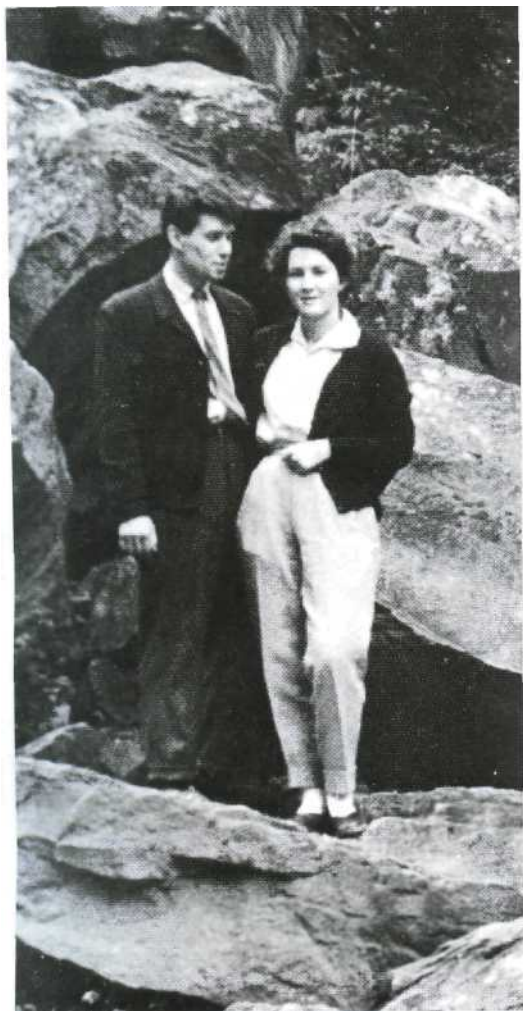

Нина
Николаевна
Скибневская —
мать Ольги Николаевны

Ольга Николаевна
в юности

**Ольга Николаевна с мужем
Анатолием Афанасьевичем Зениным**
(Кавказ, 1960 г.)

1960 г.

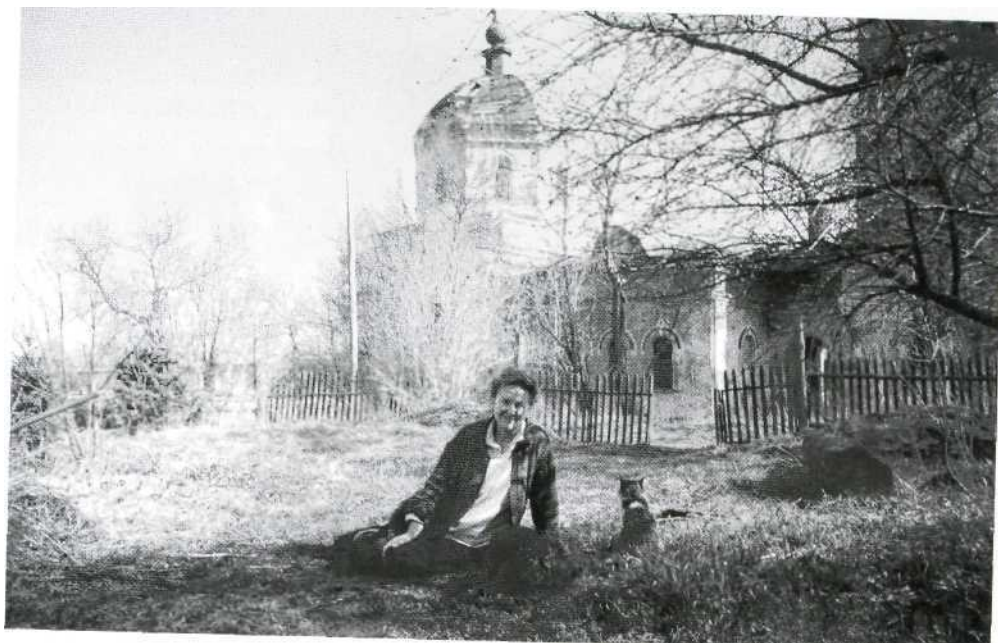

Кавказ, в походе, 1965 г.

1980 г.

1985 г.

На даче

После лекции Ольги Николаевны
в Удмуртском государственном университете (г. Ижевск, май 1986 г.)

Заседание в Институте языкознания РАН

1994 г.

Михайловское, 1975 г.

Ольга Николаевна
и Маргарита Гиро-Вебер, 1998 г.

Сорбонна, 1998 г.

Вильнюс, 1990

ти к нему, и I take it that you are going to come and see me to-night 'Итак, ты придешь ко мне сегодня', т. е. говорящий в неявной форме спрашивает, соответствует ли действительности то суждение (т. е. результат установления истины), которое он сформировал на основании отдельных полученных им сведений, не содержащих еще в себе готовую истину.

Введение признака личностно/неличностно-обусловленного суждения помогает также понять и другие наблюдаемые особенности восприятия предложений с конструкцией «X takes it that». Так, было установлено, что предложения с данной конструкцией, описывающие случаи формирования мнения на основании поведения людей, воспринимаются как содержащие суждение, соединенное с ослабленной формой предписания, которое должно быть выполнено. Так, комментируя различие между предложениями I take it that everybody is in agreement и I think that everybody is in agreement, которые мог бы произнести председатель собрания, один из информантов заметил, что, слыша первое предложение, присутствующие чувствуют себя как бы обязанными согласиться с председателем. Напротив, такое чувство не возникает при восприятии предложения с глаголом think.

Опрос других информантов подтвердил неслучайность сделанного замечания. Введенный признак легко объясняет отмеченную особенность восприятия: выбирая конструкцию с глаголом take, говорящий тем самым подчеркивает, что его суждение основано полностью на том, что было ему сообщено присутствующими через их поведение, т. е. они как бы сами заставили его сделать такой вывод и отсюда возникает ожидание того, что присутствующие примут сделанный вывод. Показательна в рассматриваемом отношении и реакция информантов на замену глагола understand конструкцией «X takes it that» в предложении: I understand that Mr. Smith is going to marry Miss Jones 'Насколько я понимаю, г-н Смит женится на мисс Джоунз'. Полученное предложение четыре из пяти опрошенных человек находили смешным, забавным¹, причем один из них, комментируя свою реакцию, сказал, что, вероятно, существовали весьма серьезные причины для женитьбы. Иными словами, поведение участников описываемой ситуации и, возможно, какие-то другие имеющиеся сведения заставляют сделать вывод о том, что г-н Смит собирается жениться на мисс Джоунз, но при этом не сообщается, что устанавливается сам факт готвящейся женитьбы (в этом случае был бы выбран глагол understand).

Приведем еще некоторые замечания информантов, которые также подтверждают соответствие выделенного признака психологическому восприятию

¹ Оценка данного предложения как смешного, забавного представляет интерес, потому что она помогает увидеть разницу в значении между глаголами take и understand. Однако эта оценка необязательно должна возникать у всех носителей английского языка: реакция в данном случае зависит от отношения к самой описываемой ситуации.

глаголов *take*, *think*: «*think* предполагает личное суждение»², «*think* фокусирует внимание на моральных оценках говорящего, *take* говорит о практическом следствии». Некоторые информанты также отмечали, что глагол *take* передает информацию о довольно неглубоком, поверхностном суждении. Это замечание также согласуется с выделенным признаком: суждение, основанное только на сведениях, полученных от других, не может быть глубоким. Один из информантов высказал предположение, что различие между *take* и *think* связано с тем, основано ли суждение на личном восприятии действительности или на том, что было сообщено другими (на слухах, разговорах и т. д.).

Таким образом, выделенный признак личностно/неличносно-обусловленного суждения объясняет многочисленные факты употребления глаголов *take*, *think*, *consider* и особенности реакции носителей языка на их восприятие. Среди рассмотренных фактов были обнаружены такие случаи, когда правильность/неправильность употребления исследованных глаголов однозначно зависела от выделенного признака.

ГЛАГОЛЫ *TAKE*, *ASSUME* И ГЛАГОЛ *ПОЛАГАТЬ*

Выше в основном рассматривалась конструкция «*X takes it that*». Однако признак неличносно-обусловленного суждения входит, по-видимому, и в значение конструкции «*X takes Y to be*». Это значение, вероятно, реализуется, например, в таких предложениях, как *I take him to be straight-forward in his dealings with other people*. Это предложение можно интерпретировать так: 'У меня сложилось мнение, вытекающее из того, что я слышала об этом человеке или из наблюдения за его поведением, что этот человек ведет свои дела честно и открыто'. Верность данной интерпретации подтвердили пять из семи опро-

² Приведенное толкование почти совпадает по своему словесному выражению с выделенным признаком «личносно/неличносно-обусловленного суждения». Однако не следует думать, что подобные толкования сами по себе уже содержат четкую формулировку семантической гипотезы, с которой можно работать. Дело в том, что выражение *личное суждение* имеет очень неопределенный смысл и может быть истолковано по-разному, и когда информанта спрашивали, в каком именно смысле он употребил это выражение, чем отличается личное суждение от неличного, он не мог дать пояснение и даже готов был отказаться от него, говоря, что *take* в некотором смысле то же личное суждение, хотя и в меньшей степени, в каком-то другом понимании этого слова и т. д. Толкования, предлагаемые информантами, в сложных случаях, как правило, характеризуются настолько большой степенью неопределенности, что они не могут использоваться в качестве готовых семантических гипотез.

шенных информантов; двое информантов нашли заданный вопрос недостаточно четко сформулированным и не ответили на него³. См. также: From what she said I took him to be a generous man — букв. 'Исходя из того, что она говорила, я сделала вывод, что он благородный человек'; Her stockings were of a shade that Clara had never seen in stockings, a strange greyish-yellow, which she took to be the newest colour available (M. Drabble, Jerusalem the Golden). Это предложение, вероятно, можно толковать так: 'Ее чулки были странного серовато-желтого цвета. Клара никогда не видела таких чулок. Она решила, что это самый модный цвет'.

Разница между моделями «X takes it that» и «X takes Y to be Z» заключается прежде всего в том, что вторая модель не встречается с другими глаголами, кроме глагола *to be*. Это резко ограничивает возможность употребления данной модели. Возможно также, что конструкция «X takes it that» при глаголе *to be* в придаточном предложении передает информацию о формировании, а не о наличии суждения, конструкция же «X takes Y to be» выступает в качестве немаркированного члена противопоставления. Так, один из информантов, комментируя разницу между фразами *I always took it that he was a generous man* и *I always took him to be a generous man*, утверждал, что первое предложение он употребил бы в том случае, если бы хотел сказать, что он вновь и вновь приходил к данному выводу во всех тех ситуациях, в которых сталкивался с данным лицом. Напротив, второе предложение, по его утверждению, сообщает о постоянном наличии данного суждения. Правильность предложенной интерпретации в дальнейшем не проверялась.

Трудность анализа конструкции «X takes Y to be Z» связана также с тем, что эта конструкция может также передавать информацию о «внутреннем» восприятии (см. об этом с. 338 и сл.). Пока мы не рассматривали формальные критерии, служащие показателями того или иного значения.

Исходя из того, что в словарях глагол *take* часто интерпретируется через глагол *assume* (на близость данных глаголов указывали также информанты), можно предположить, что глагол *assume* также имеет компонент значения «нелично-обусловленное суждение», по которому он отличается от глагола *suppose*. Если сделанное предположение верно, то, например, отрезок тек-

³ В данном тесте информантам давались три предложения: *I take him to be straightforward in his dealings with other people*; *I think that he is straightforward in his dealings with other people*; *I consider him to be straightforward in his dealings with other people* и просили ответить на вопрос, соответствует ли содержание первого, второго или третьего предложения какой-либо из трех предложенных интерпретаций; эти интерпретации отражали различия, связанные с признаками лично/нелично-обусловленного суждения. Однако в вариантах формулировок были допущены некоторые неточности, что и проявилось при опросе информантов.

ста: She had always assumed that Gabriel was a girl's name, until enlightened by Thomas Hardy, just as she had always as a child assumed that angels were ladies. So beautiful, and with such long hair, what other could they be? (M. Drabble, Jerusalem the Golden) несет следующую информацию 'До тех пор пока она не прочла Томаса Харди, она всегда считала (букв. 'предполагала, причем ее предположение вытекало из самого звучания имени Габриэль'), что Габриэль — это женское имя, подобно тому, как она всегда в детстве думала (букв.: предполагала, причем это предположение вытекало из того, что она знала), что ангелы женщины. Кем еще они могли **быть** — такие красивые и с такими волосами?' Такая интерпретация не противоречит общему смыслу высказывания: то, как представлялись воображению ангелы — красивые с длинными волосами — как бы заставляло сделать предположение, что они женщины. Подобно этому само звучание имени Габриэль заставляло предположить, что это женское имя. См. также: My mother quite understandably assumed that the «they» of my letter referred to Mrs. Maudsley (Hartley, The Go-Between) 'Вполне понятно, что моя мать подумала (в соответствии со сделанным предположением **букв.** 'предположила, причем это предположение естественно вытекало из того, что она знала'), что слово «они» в письме относилось к миссис Модсли'; I was weeding the dahlias., when my telephone began to ring. Being unused to the sound which shattered all the peace of my little garden, I assumed that it was a wrong number (G. Greene, Travels with my aunt) 'Я полон георгины., когда зазвонил мой телефон. Так как я не привык к звуку, нарушившему тишину моего маленького сада, я подумал (**букв.** 'причем мое мнение вытекало из того, что мне обычно не звонили'), что набрали не тот номер'.

Сделанное предположение пока не проверялось.

Признак лично/нелично-обусловленного суждения, по-видимому, входит и в значение русских глаголов. Мы предполагаем, что он лежит в основе различия глаголов *думать*—*полагать*, причем первый из них сообщает о лично-обусловленном суждении, а **второй**—о нелично-обусловленном. Однако глагол *полагать* в отличие от глагола *take* имеет иную стилистическую характеристику: он употребляется только в официальной или книжной речи. Напротив, глагол *take* широко употребляется в разговорно-неофициальной речи, хотя встречается и в книжной. Разница в стилистических условиях употребления может быть связана и с характером смысловых признаков. Такое влияние имеет, по-видимому, место и в рассматриваемом случае. Так, глагол *полагать* сообщает, вероятно, о суждении, основанном не на слухах, разговорах, а на сведениях, связанных с какими-то серьезными фактами и полученными из достаточно достоверных источников. Кроме того, он может сообщать о суждении, которое складывается при соотнесении предмета суждения с нравственными ценностями, при условии, что эти ценности выступают как неличные,

т. е. общепринятые, очевидные. Вследствие этого данный глагол может сочетаться с глаголами долженствования. Например: *Я полагаю, что он должен на ней жениться*. Кроме того, глагол *полагать* сообщает только об уже сформировавшемся суждении, а не о непосредственном результате его выведения. Вследствие этого он не употребляется в контекстах типа: *Из того, что Вы сказали, я полагаю, что он прав*.

Проведенный анализ глагола *take* показал, что этот глагол находится в непосредственной оппозиции с глаголом *think* по признаку «лично-обусловленного суждения», а также с глаголом *understand* по признаку «фактивности/нефактивности» или, как мы предполагаем, по признаку «проецируемого/конструируемого отображения». Возможно, он отличается от глагола *assume* только по признаку «абсолютное/вероятностное суждение». Глагол *take* связан также с глаголами *infer*, *conclude*, которые сообщают о результате выведения суждения. Глагол *take* является немаркированным членом данной оппозиции. Он отличается от глаголов *conclude*, *infer*, которые относятся к книжной и официальной речи, также по своей стилистической характеристике.

Глагол *take* в рассмотренном значении (или варианте значения) не связан с глаголами *give*, *receive*, с которыми он находится в оппозиции, например, при употреблении для описания отношений собственности. Глагол *get*, хотя и входит в группу глаголов понимания, отличается от глагола *take* несколькими признаками: по-видимому, он передает информацию об отображении некоторой истины в результате процесса, независимого от усилий самого субъекта восприятия.

ПОНЯТИЕ ВТОРИЧНОГО ВНУТРЕННЕГО ВОСПРИЯТИЯ

Конструкция «X takes it that» часто объединяется в словарях с такими предложениями, как *How do you take my meaning? Do you take me for a fool?* Иногда, однако, глаголу *take* при его употреблении в контекстах последнего типа приписывается особое значение, которое обычно толкуется через глаголы *understand* 'понять, понимать' и *interpret* 'интерпретировать'. Наряду с этим, в англо-русских и русско-английских словарях значение глагола *take* в указанных условиях отождествляется со значением глагола *воспринимать*.

Таким образом, вопрос о том, какую именно информацию несет глагол *take* в контекстах указанного типа, остается нерешенным.

Прежде чем перейти к его анализу, скажем несколько слов о русском глаголе *воспринимать*. Этот глагол **обычно** рассматривается как член группы так называемых глаголов «восприятия», к которым относятся такие слова, как *увидеть, услышать, осязать, обонять* и т. д., причем значение глагола *воспринимать* интерпретируется обычно как более общее по сравнению с другими членами группы восприятия. Например, Л. М. Васильев пишет: «Общее значение восприятия „воспринимать кого-что-либо тем или иным способом: мыслью, интуицией или посредством органов чувств“ имеют глаголы *воспринимать, принимать* (обычно слухом или с помощью специальной аппаратуры) *улавливать, схватывать* (перен. разг.)» [Васильев 1971]. Все глаголы восприятия при этом он относит к категории глаголов чувств.

Однако называть глаголы *воспринимать, принимать* общими глаголами восприятия не совсем точно, поскольку они не указывают на некоторый родовой признак по сравнению с теми видовыми признаками, о которых сообщают глаголы *видеть, слышать* и т. д. Нельзя, например, сказать: *Я вижу этого не-*

ловека, следовательно, я его воспринимаю. Я слышу эту музыку, следовательно, я ее воспринимаю (ср. *Она моя сестра и, следовательно, моя родственница*). Точнее было бы говорить об особом типе восприятия, и именно о таком, который связан не с органами слуха, зрения, обоняния, осязания, а прежде всего с работой самого мозга. Такое восприятие можно было бы назвать внутренним восприятием. Внутреннее восприятие позволяет отобразить в сознании не только внешние характеристики объекта, но и то содержание, которое они символизируют, или вообще — отображать в сознании чисто содержательные категории. Ср., например: *Я не слышала того, что она говорила* (т. е. органы слуха говорящего не улавливали звука) и *Я так устала, что совершенно не воспринимала того, что она говорила* (т. е. некоторое воспринимающее устройство не отображало то содержание, которое символизируется воспринимаемой звуковой последовательностью). Ср. также: *Он способен воспринимать даже абстрактные идеи*. Из глаголов внутреннего восприятия можно выделить глаголы вторичного восприятия. Под глаголами вторичного восприятия мы понимаем такие глаголы, которые передают информацию о вторичном отображении в сознании уже отображенного объекта или об отображении содержания, внутренней формы, через отображение внешней формы. Именно к этому типу, как мы попытаемся показать ниже, могут быть отнесены глаголы *воспринять* и *принять*.

В философии и психологии понятие восприятия трактуется как результат или процесс узнавания. Представляется, что этот процесс характеризует денотаты всех глаголов, которые относятся к классу восприятия, т. е. они сообщают об отображении объекта, которое строится на его узнавании как индивидуального объекта или члена класса. Используемый здесь термин «узнавание» не полностью совпадает со значением глагола *узнавать*. В предложениях типа *Я узнала его* передается информация о том, что воспринимаемый объект был идентифицирован как определенное лицо, которое говорящий уже знал, т. е. во-первых, здесь описывается этап, следующий за актом первоначального отображения объекта в сознании, этап идентификации исчерпывает содержание глагола; и, во-вторых, речь идет об идентификации воспринимаемого объекта как индивидуального объекта. В более широком смысле термин «узнавание» можно применить и к тем случаям, когда акт идентификации не выделяется из общего процесса отображения и, кроме того, когда речь идет об идентификации объекта как члена класса. Например, предложение *Я вижу мальчика* показывает, что органы зрения говорящего обнаруживают некоторый объект в денотативной ситуации, который узнается как член класса «мальчик». Отображение объекта путем узнавания (верного или неверного) предполагает, что в сознании уже есть какой-то образ или понятие, с которым сопоставляется воспринимаемый объект. Вследствие этого восприятие объекта (и в том числе

внутреннее восприятие) следует, как представляется, отличать от отображения с помощью интуиции, работа которой включает момент угадывания.

Понятие вторичного восприятия таким образом означает, что некоторое содержание (внутренняя форма) узнается через отображение внешней формы, или отображенный объект узнается как член еще некоторого класса. Из характера внутреннего восприятия следует, что оно может быть связано только с проецируемым, а не конструируемым отображением, т. е. даже если даны два объекта, речь идет не о конструировании суждения, а об отображении члена одного класса (например, класса «он») ¹ еще и как члена другого класса (например, «военный»: *Я приняла его за военного*). Поэтому для того чтобы показать, что анализируемые глаголы относятся к выделенному типу, нужно, во-первых, показать, что они сообщают о проецируемом, а не конструируемом отображении; во-вторых, нужно показать, что сообщается именно о результате узнавания, а не синтеза, анализа, умозаключения и, в-третьих, что речь идет не об узнавании объекта как члена первичного класса, а о вторичном восприятии.

Рассмотрим некоторые факты, свидетельствующие в пользу сделанных утверждений. Можно принять как очевидное, что глаголы, сообщающие о конструируемом отображении, не употребляются в тех случаях, когда объект отображения задан в «готовом» виде в акте отображения и, следовательно, речь может идти только о построении его проекции в сознании, а не о конструировании образа. Уже «готовыми» объектами отображения являются прежде всего такие денотаты существительных, наличие которых в денотативной ситуации не ставится под сомнение. Вследствие этого способность глагола умственной деятельности иметь при себе прямое дополнение, выраженное существительным (при условии, что существование его денотата в данное время и в данном месте предполагается), свидетельствует о том, что этот глагол не сообщает о построении конструируемого отображения. Глагол *воспринять*, так же как и глагол *понять*, может употребляться в такой синтаксической модели. Например: *Я не воспринимаю такой музыки; В такие минуты особенно остро воспринимается красота природы; Я не понимаю такой музыки; Я не понимаю его*. Следовательно, эти глаголы не сообщают о построении конструируемого отображения. Напротив, глаголы *думать*, *считать* не могут иметь при себе прямое дополнение, выраженное существительным. Нельзя, например, сказать: *Я думаю его; Я считаю его*. Только глаголы *казаться*, *мерещиться* могут сообщать о конструировании не пропозиции, а образа единичного объекта, но при этом передается информация о том, что этот объект в действительности не существовал в данном месте и в данное время и, следовательно, не был дан

¹ Для удобства изложения индивидуальный объект (*Иван, он*) мы рассматриваем как член класса, состоящего только из одного этого члена.

в восприятии. Например: *Он мне только казался; Эта музыка только мерещилась тебе*. Рассмотрение этого последнего случая показывает, что при выделении информации о конструируемом и проецируемом отображении нельзя опираться на чисто формальный критерий сочетаемости/несочетаемости с прямым дополнением, выраженным существительным. Эта особенность приобретает доказательную силу только в том случае, если уже показано или может быть принято как очевидное, что вообще речь идет о построении отображения, а не, скажем, о реакции на полученное отображение, и, кроме того, наличие отображаемого объекта предполагается.

При глаголах конструируемого отображения отдельный предмет может выступать только в качестве объекта, на который направлена мысль (*Я думаю о нем*), а не соответствовать содержанию полученного отображения.

Сама формальная структура таких конструкций, как *воспринять что-то как что-то, принять что-то за что-то* свидетельствует скорее о том, что речь идет о том, как отобразился в сознании отдельный объект, а не о построении суждения. Однако отсутствие формальных средств, которые обычно служат для выражения суждения (т. е. отсутствие связочного глагола), не всегда показательны. Так, предложение типа *Я считаю его талантливым ученым*, как представляется, сообщает о результате конструируемого отображения, хотя здесь также нет **формального** показателя, свидетельствующего об этом. Поэтому при решении вопроса о том, идет ли речь о конструируемом или проецируемом отображении, необходимо опираться на содержательные критерии. Эти критерии связаны с типами высказываний, в которых встречаются анализируемые глаголы.

ТИПЫ ВЫСКАЗЫВАНИИ

Мы выделяем следующие типы высказываний. К первому типу относятся предложения, цель **которых** — **передать** сведения о действительности через сообщение о том, что отобразилось в сознании (что фиксировало, установило сознание). При этом наличие объекта, если речь идет об отображении объекта, или наличие тех или иных связей, отношений между объектами предполагаются заранее неизвестными: о них становится известно в результате их обнаружения сознанием.

Ко второму и третьему типам принадлежат высказывания, в которых сообщение о том, что и как отображено в сознании, является самоцелью, т. е. в центре внимания стоит субъект мышления или восприятия и его видение мира или какой-то конкретной ситуации, а не действительность. Цель высказываний второго типа — **сообщить**, удалось ли построить отображение. Высказывания

третьего типа имеют своей целью сообщение о том, как отображен объект (факт) в сознании или какое суждение сформировано в сознании.

В высказываниях первого типа должны прежде всего употребляться глаголы конструируемого отображения: понятие конструируемого отображения предполагает, что отношения между объектами не были заданы в денотативной ситуации и, следовательно, не могут рассматриваться как известные. Поэтому конструирующее мышление интересно прежде всего потому, что оно может установить нечто новое о действительности. Например: *Я думаю, что он прав, Я полагаю, что он должен так поступить*. Подобные предложения могут служить как бы смягченной формой объективизированных утверждений: *Я думаю, что он прав* вм. *Он прав*. Вследствие этого результат конструируемого отображения может рассматриваться как основание не только для собственного поведения, но и поведения других людей. Например: *Я считаю его очень талантливым организатором. Поэтому я предлагаю выбрать его начальником партии*. При заданности объекта отображения² могут иметь место две разные ситуации: а) объект задан, но неизвестен; б) объект задан и предполагается известным. Таким образом, принадлежность глагола к классу глаголов проецируемого отображения не исключает возможность его употребления в высказываниях первого типа. В этих высказываниях часто встречаются глаголы *видеть, замечать, чувствовать* (этот последний глагол в таких предложениях, как *Я чувствую, что он прав*, скорее всего также сообщает о проецируемом отображении). Так, предложение *Я вижу Машу* может использоваться не для передачи информации о том, что органы зрения говорящего оказались способными отобразить описываемое лицо, а для того, чтобы сообщить о том, что автор речи обнаруживает указанное лицо в данной денотативной ситуации.

Если употребление глагола в высказываниях первого типа не свидетельствует о том, что это не глагол проецируемого отображения, то неупотребление глагола в этих условиях говорит в пользу того, что он относится к классу глаголов проецируемого отображения: только при этих глаголах сам отображаемый факт может предполагаться известным, и, следовательно, сообщение о его отображении не может представлять интерес как сообщение о действительности. Таким образом, неупотребление глаголов *принимать* и *воспринимать* в рассматриваемых высказываниях (имеются только некоторые особые

² Заметим, что известная неопределенность понятия «заданности объекта отображения» представляется нам объективно неустранимой, и именно эта объективная неопределенность данного понятия приводит к тому, что одну и ту же ситуацию можно представить и как такую, в которой субъекту мышления предоставляется готовый объект отображения, и как такую, в которой субъект мышления имеет дело с отдельными сведениями, данными, из которых он конструирует суждение.

случаи их употребления, о которых будет сказано ниже) свидетельствует о том, что они несут информацию о проецируемом отображении.

В высказываниях второго типа глаголы конструируемого отображения не употребляются: нельзя говорить о том, удалось ли отобразить объект, если нет объекта отображения. Если нет «готового» объекта, проекцию которого можно было бы построить в сознании, можно говорить только о предмете, на который направлена мысль, и о том, что установило сознание о действительности. Напротив, глаголы проецируемого отображения очень часто встречаются в высказываниях, цель которых — сообщить о том, что данный объект удалось отобразить в сознании. Так, предложение *Наконец-то я поняла, почему он так поступил* не раскрывает слушателю причину поступка описываемого лица: оно сообщает только о том, что мыслительный аппарат автора речи раскрывает ему эту причину. Ср. также: *Наконец-то я поняла эту теорему; Я понимаю Машу.*

В этих высказываниях очень часто употребляется глагол *воспринять*. Это показывает, что данный глагол относится к глаголам проецируемого отображения. Ср., например: *Сегодня ты мне кажешься особенно красивой* и *Сегодня я особенно остро воспринимаю твою красоту*. Первое из этих предложений сообщает о том, что в сознании говорящего адресату речи приписывается в данное время свойство 'быть особенно красивой', т. е. это свойство, которое говорящий обнаруживает в действительности. Напротив, второе предложение передает информацию о том, что красота адресата речи (наличие которой принадлежит пресуппозиции высказывания) с особой силой отображается в сознании говорящего.

В высказываниях первого типа глаголы проецируемого отображения также обычно сообщают о том, что некоторая реалья отобразилась в сознании, но при этом интерес представляет не то, что отображение удалось построить, а то, что это позволило узнать о наличии реалии и сообщить о ней. При этом свойства самой реалии принимаются как заданные. Поэтому отобразить реалью — это значит отобразить ее в том наборе свойств и отношений, которые ей присущи. Отсюда и вытекают те истинностные характеристики, которые свойственны глаголам проецируемого отображения. Так, если предложение *Я заметил, что он часто сюда приходит* истинно, то истинна и фраза *Он часто сюда приходит*. Напротив, из истинности сообщения *Я думаю, что он часто сюда приходит* не следует истинность утверждения *Он часто сюда приходит*.

Из характера проецируемого отображения не следует, что глагол, передающий информацию о таком отображении, должен употребляться только в высказываниях, сообщающих о том, что акт отображения имел место. При заданном объекте восприятия может также встать вопрос об особенностях полученного отображения.

Рассмотрим доводы, говорящие в пользу того, что в конструкциях «*воспринять Y как Z*», «*понять Y как Z*», «*принять Y за Z*» сообщается о том, как отображен Y, а не о результате конструирования суждения «*Y есть Z*».

Если в высказывании сообщается об отображении в сознании денотатов двух существительных как некоторого единства, то это высказывание может описывать не конструирование суждения, а проецирование одного объекта либо в том случае, когда речь идет об отображении уже готовой истины, либо в том случае, когда денотат второго существительного представляет собой форму отображения первого. Присутствие этой второй информации в значении рассматриваемых конструкций довольно четко осознается носителями русского языка. Так, утверждение о том, что, например, предложение *Я воспринимаю его как врага* несет информацию о том, что некоторое лицо, уже идентифицированное как «он», отображается в сознании автора речи еще и как член класса «враг», подтверждается при опросе информантов. В пользу данной интерпретации говорит также следующее: если анализируемые модели передают информацию о вторичном отображении объекта, а не о конструировании суждения, то те свойства, которые ему приписываются, не устанавливаются независимо от исходных свойств объекта, от сложившегося в сознании облика этого объекта, т. е. от первичного отображения. Таким образом, сообщение о вторичном отображении некоторого лица как своего врага означает, что говорящий не анализировал ситуации или сведения, на основании которых пришел к выводу, что описываемое лицо его враг. Это отображение является следствием того, что облик данного лица, возникший в результате первичного отображения, узнается³ говорящим как член класса «враг», т. е. сложившееся у говорящего представление о том, каким должен быть враг, соответствует облику описываемого лица. Описанный путь построения отображения делает более вероятным то, что оно будет обусловлено не объективными свойствами отображаемого объекта, а особенностями отображающего устройства. Поэтому лексемы и лексико-синтаксические конст-

³ Ниже мы специально рассмотрим вопрос о том, сообщают ли глаголы *воспринять*, *принять* об отображении, построенном на логическом анализе, синтезе, умозаключении или на узнавании. Анализируемый пример (*воспринять кого-то как врага*) может служить одним из доказательств того, что глагол *воспринять* несет информацию об отображении в результате узнавания: логический анализ свойств лица, без анализа его поступков, поведения не может установить свойство этого лица «быть врагом». Отсюда невозможность построения такого предложения, как *Я понимаю его как врага*. Это предложение может считаться возможным лишь в том случае, если фраза *как врага* выполняет функцию ограничительного определения, т. е. предложение соответствует конструкции «*X понимает (Y как Z)*», а не конструкции «*X понимает Y как Z*». Конструкция «*X понимает (Y как Z)*» представлена, например, в следующем предложении *Я понимаю его как ученого, но не понимаю его как человека*.

рукции, несущие информацию о вторичном отображении, не должны, как правило, употребляться в высказываниях первого типа. Именно такое ограничение в употреблении присуще конструкциям «принять *Y* за *Z*» и «воспринять *Y* как *Z*». Так, предложение *Я принимаю его за порядочного человека и поэтому предлагаю сделать его начальником партии* воспринимается как странное, не вполне естественное. Ср. также: *Я воспринимаю его как героя и поэтому предлагаю представить его к ордену*. Высказывания с глаголом *воспринять* могут иметь своей целью установление объективных свойств объекта лишь в контексте сопоставления разных точек зрения, т. е. то, как отображен объект в сознании, рассматривается как свидетельство его объективных свойств, лишь если отображение совпадает у разных людей. Совпадение отображения предполагается, в частности, при возвратной форме глагола *воспринять*. Вследствие этого фраза *Это предложение воспринимается как странное, не совсем естественное* может употребляться в речи, цель которой — указать на определенные свойства предложения, проявляющиеся при его восприятии. Таким образом, глагол *воспринять* встречается в высказываниях первого типа лишь при особых условиях. Обычно же конструкции «воспринять *Y* как *Z*», так же как конструкция «принять *Y* как *Z*», употребляются в высказываниях третьего типа.

В высказываниях третьего типа могут употребляться и глаголы конструируемого отображения. При этом обычно говорящий не является одновременно субъектом суждения или во всяком случае он как бы смотрит на себя со стороны; очень часто описываемое суждение относится к прошедшему времени. Например: *Он думает, что все люди по природе добры. Эта мысль составляет основу его философских взглядов; Раньше я думала, что он действительно талантливый ученый*. Однако глаголы конструируемого отображения чаще или во всяком случае не менее часто встречаются в высказываниях первого типа.

Таким образом, неупотребляемость глагола в высказываниях первого типа или же ограниченность такого употребления (только контекстом явного или неявного сопоставления различных точек зрения) может служить критерием отнесения глагола к категории глаголов проецируемого вторичного отображения.

Итак, конструкции «воспринять *Y* как *Z*», «принять *Y* за *Z*», так же как и модели «воспринять *Y*», «понять *Z*», акцентируют внимание на том, что имеет место в сознании.

Связь этих конструкций с высказываниями третьего типа обусловлена также следующим: рассматриваемые конструкции чаще всего передают информацию о неверном или во всяком случае в чем-то отличном от оригинала отображении. Появление таких признаков в значении глаголов вторичного отображения неслучайно: оно логически связано с тем, что вторичное отображение с большей вероятностью, чем другие виды отображения, обусловлено особенностями субъекта мышления, восприятия, а не свойствами реалии.

Глагол *принять* не несет информации о том, соответствует или не соответствует отображение действительности, по-видимому, только в сочетании со словами, указывающими на нравственную оценку человека: *принимать кого-то за порядочного {честного, благородного и т. д.} человека*. Например: *Я принимаю его за порядочного человека*. Информация об истинности отображения появляется только при сочетании с выражением *за того, кем он {она, вы и т. д.} и является*: *За кого Вы собственно меня принимаете?— За того, кем Вы и являетесь. За пустого фантазера*. При другом лексическом заполнении предложения с глаголом *принять* понимаются как сообщения о таком отображении, которое не соответствует или во всяком случае скорее всего не соответствует действительности. Эти предложения могут быть разделены на две группы: 1) фразы, которые передают информацию о том, что член одного класса (в том числе класса, состоящего из одного члена) был ошибочно идентифицирован как член другого класса (например: *Я приняла Петра за Ивана*)⁴; 2) фразы, которые сообщают о том, что член одного класса (его принадлежность этому классу известна) ошибочно отождествлен с членом еще одного класса.

Информация о том, что объекту одного класса ошибочно приписаны в сознании еще и свойства другого класса, реализуется либо в тех случаях, когда слово, обозначающее прямое дополнение, дает родовую характеристику, а слово, вводимое предлогом *за*, — видовую (*Он принял мои слова за намек*), либо в тех случаях, когда в функции прямого дополнения употребляется личное местоимение, а предлог *за* вводит существительное, обозначающее класс: *Я приняла его за военного*. В остальных случаях актуализируется информация о том, что при отображении объект, относящийся в действительности к одному классу, был ошибочно идентифицирован как член другого класса: *Я приняла его за тебя. Вы принимаете разговоры за дела* [Селиверстова 1975: 130].

Глагол *воспринять* также обычно используется для передачи информации об отображении, отклоняющемся от оригинала. При этом в отличие от глагола *принять* сообщается скорее не о неверном, а об отличном от оригинала отображении. Такое понимание возникает вследствие того, что отображение, о котором сообщает глагол *воспринять*, может рассматриваться как принадлежащее особой сфере сознания, отличной от интеллектуального сознания. Ее можно было бы назвать эмоциональным сознанием. В рамках этого сознания объекту могут приписываться (или, напротив, не приписываться) те свойства,

⁴ Эти случаи можно было бы также рассматривать как случаи ошибочного первичного восприятия. Однако сама ошибочность восприятия позволяет расщепить объект на какую-то внешнюю форму и ту личность, которая с ним ассоциируется. Вследствие этого данные случаи можно интерпретировать как случаи вторичного восприятия.

которые, как знает сам субъект восприятия, этот объект не имеет (или, напротив, имеет) в действительности. Например, можно сказать: *Я не воспринимаю его как крупного ученого, хотя и знаю, что он крупный ученый. Для меня он только хороший товарищ походам; Я воспринимаю ее только как красивую женщину* (т. е. в действительности она не только красивая женщина, но и, например, хороший конструктор); *Я воспринимаю его как брата* (т. е. в действительности данное лицо не брат говорящего, но таким он дан в эмоциональном сознании последнего). Напротив, акт отображения, описываемый глаголом *принять*, не может иметь места при наличии противоречащих сведений, признаваемых воспринимающим субъектом истинными. Нельзя, например, сказать: *Я не принимаю его за крупного ученого, хотя и знаю, что это так.*

Информацию о принадлежности отображения эмоциональному сознанию, кроме глагола *воспринимать*, может передавать глагол *казаться*. Например: *Мне все время казалось, что гора падает, хотя я и знала, что этого не может быть; Мне все время казалось, что я говорю с тобой.* При этом полученное отображение понимается скорее не только как отличное от действительности, но и как неверное. Это различие определяется, по-видимому, признаком «конструируемого/проецируемого отображения». В самом вопросе о том, как отобразился в сознании предмет действительности, уже предполагается возможность разного его отображения, т. е. наличие отклонений признается закономерным. Напротив, при сообщении о том, какой образ действительности строит сознание, этот образ невольно оценивается под углом зрения его истинности или ложности.

Если эмоциональное сознание не противопоставляется интеллектуальному, предложения с глаголом *воспринять* в зависимости от контекста могут пониматься по-разному: либо как сообщения о неверном отображении, либо как сообщения об отображении, которое не характеризуется под углом зрения его истинности {*Каждое замечание она воспринимает как оскорбление; Он воспринял мои слова как намек; Я воспринимаю его как героя.*}

Итак, было показано, что конструкции «*воспринять Y*», «*понять Y*» сообщают о том, отобразился ли объект (событие, истина) в сознании и, следовательно, глаголы *воспринять*, *понять* в этих конструкциях относятся к классу глаголов проецируемого отображения. Было показано также, что конструкции «*воспринять Y как Z*», «*принять Y за Z*», «*понять Y как Z*» не используются (кроме установленных условий) в высказываниях, цель которых — передать информацию об объективных свойствах Y-а через сообщение обоих отображений в сознании: эти конструкции употребляются для описания того, что имеет место в сознании, а не в действительности. Было показано, что такое ограничение в употреблении обусловлено признаком вторичного отображения.

СПОСОБ ПОСТРОЕНИЯ ОТОБРАЖЕНИЯ

Глаголы *принять*, *воспринять* не несут информацию о том, что отображение объекта в сознании является результатом осознанных процессов умозаключения, синтеза и анализа. Вследствие этого данные глаголы не употребляются с такими существительными, как *теорема*, *загадка*, денотаты которых могут быть отображены в сознании только в результате установления логических связей между элементами, их составляющими. Они не сообщают также, что отображение есть результат, хотя и подсознательных, но умственных усилий, которые, возможно, представляют собой подсознательные акты умозаключений. Такую информацию несет глагол *чувствовать* в предложениях типа: *Я чувствую, что он прав*. Глаголы *воспринять* и *принять*, напротив, указывают на автоматический акт отображения, независимый от усилий самого воспринимающего субъекта: так работает отображающее устройство. Например: *Я воспринимаю его как своего врага*. Такое представление акта отображения естественно связать именно с процессом узнавания.

Отображение через узнавание не исключает некоторого анализа или синтеза, однако они не играют здесь важной роли, носят неглубокий, поверхностный характер и осуществляются автоматически.

Глагол *понять*, напротив, сообщает о таком процессе, который, хотя и может включать этап узнавания объекта как члена класса, в основном складывается из актов сознательного применения анализа, синтеза, умозаключения, которые позволяют установить либо сущность объекта, либо внешние или внутренние причинно-следственные отношения объекта или истины.

Таким образом, способ отображения оказывается связанным с тем, что именно становится объектом отображения: сущность предмета, явления, его причинно-следственная основа или какие-то свойства, которые характеризуют предмет односторонне. О такой односторонней характеристике несут информацию глаголы *принять* и *воспринять*. Вследствие этого можно сказать: *Я принял его за военного*. Предложение **Я понял его как военного* является неотмеченным (человек существует не только как представитель какой-то профессии, но и во многих других ипостасях). Ср. *Он понимает развитие как серию катастроф*. В конструкции «*воспринять Y*» глагол *воспринять* сообщает об отображении содержания внутренней формы непосредственно через отображение внешней формы. Например, предложение *Я не воспринимаю этой музыки* можно истолковать так: это предложение показывает, что в последовательности звуков, которую слышит говорящий, не узнается та структура, форма, которая в сознании говорящего ассоциировалась бы с понятием музыки. Напротив, предложение *Я не понимаю такой музыки* либо означает, что автор речи не устанавливает связей, отношений между отдельными частями или между частями и целым, но при

этом не говорится, что он не узнает последовательность звуков именно как музыку, либо — что говорящий не может установить сущность такой музыки.

Таким образом, можно утверждать, что глаголы *принять*, *воспринять* несут информацию о таком отображении объекта в сознании, которое было построено в основном в результате актов узнавания объекта как члена класса. Такой характер процесса отображения в свою очередь связан с тем, что становится объектом отображения.

Утверждение о том, что сочетания *воспринимать красоту*, *абстрактные идеи* несут информацию об отображении внутренней формы, содержания через те внешние формы, в которых они представлены, может показаться произвольным. Справедливость выделения признака вторичного, а не первичного восприятия подтверждается, как представляется, тем фактом, что сочетаемость глагола *воспринять* ограничивается такими существительными, денотаты которых несомненно разделяются на два класса: внешняя форма и внутренняя или форма и содержание (слова, музыка), и такими существительными, денотаты которых могут быть осмыслены подобным образом. При очевидной невозможности такой интерпретации глагол *воспринять* не употребляется. Нельзя, например, сказать: *Я не воспринимаю этого человека; Я не воспринимаю ненависти; Я воспринял, что он прав; Я не воспринял вашего предложения* (выбор слова *предложение* показывает, что говорящий воспринял то содержание, которое символизировал отображенный в сознании звуковой поток). Глагол *воспринять* может сочетаться с существительным *предложение* лишь при добавлении наречия: *Он скептически (серьезно) воспринял мое предложение*. Эта фраза сообщает о характере отображения объекта (т. е. о том, какая значимость была приписана ему при отображении). Узнавание степени значимости отображенного объекта может также рассматриваться как случай вторичного восприятия.

Различие между глаголами *воспринять* и *принять* заключается в следующем: глагол *принять* не сообщает о том, удалось ли построить отображение. Его значение составляет информация о том, как отображен объект в сознании. Кроме того, глагол *принять* сообщает не об эмоциональном отображении: и вследствие этого построенное отображение не может быть противопоставлено интеллектуальному отображению. Глагол *воспринять*, напротив, передает информацию о построении эмоционального отображения, что позволяет, с одной стороны, противопоставлять построенное отображение интеллектуальному, а, с другой стороны, при отсутствии этого противопоставления ограничивает сочетаемость данного глагола: он встречается с существительными, связанными с эмоциональным характером восприятия: *Он воспринял мое замечание как личное оскорбление; Я воспринял его как героя*, а не: *Я воспринял его как военного* (ср. *Я принял его как военного*). Предложение *Я почему-то воспринимаю его как военного* было бы естественно только в контексте противопоставления эмоционального отображения интеллектуальному.

Информацией об эмоциональности отображения объясняется возможность сочетания глагола *воспринять* с наречиями *остро, болезненно*.

Однако глагол *воспринять* в конструкции «X воспринимает Y» обязательно передает информацию об эмоциональности восприятия. Эта информация появляется при наличии соответствующего контекстного показателя (например, *остро, болезненно*). Она не реализуется также в значении конструкции «воспринять Y как Z» в тех условиях, в которых выбор глагола *принять* привносит информацию о смещении Y и Z. Информацию о смещении Y и Z глагол *воспринять* не несет.

Сочетание *принять Y как Z*, по-видимому, сообщает не только о включении отображения в систему сознания, но и о его включении в число элементов, программирующих действия денотата подлежащего: *Она приняла его слова как намек на то, что он ждет от нее помощи, и решила, что больше не будет иметь с ним дело*.

Глагол *принять* в форме несовершенного вида, так же как глагол *понять*, может нести информацию о наличии отображения в сознании: *Я понимаю, что он прав*. Глагол *воспринимать* сообщает о потенциальном акте отображения (т. е. если/когда предмет становится объектом восприятия, то он отображается в сознании).

Итак, в данном разделе было сформулировано понятие вторичного восприятия. Это понятие складывается из двух компонентов: 1) отображение объекта через другой объект, который является его носителем (отображение внутренней формы, содержания, содержательной идентификации через внешнюю форму, облик), или вторичное отображение уже отображенного объекта; 2) отображение путем автоматического узнавания. Было показано, что глаголы *принять* и *воспринять* относятся к глаголам вторичного восприятия. Рассмотрена связь между признаком вторичного восприятия и признаком проецируемого отображения, а также между этими признаками и типами высказываний, в которых употребляются глаголы *принять, воспринять*.

ГЛАГОЛ TAKE КАК ГЛАГОЛ ВНУТРЕННЕГО ВОСПРИЯТИЯ

Сформулировав понятие «внутреннего вторичного восприятия», посмотрим, соответствует ли оно значению глагола *take* в конструкциях 1) «X takes Y to be Z»; 2) «X takes Y for Z»; 3) «X takes Y as Z»; 4) «X takes Y»⁵.

⁵ При анализе данных моделей мы не всегда имели возможность провести опрос информантов. Кроме того, не анализировались такие глаголы, как *perceive, apprehend*, кото-

На основании тех же доводов, которые были приведены при анализе глаголов *воспринять*, *принять* и *понять*, легко показать, что перечисленные модели передают информацию о проецируемом отображении. Однако модель «X takes Y to be Z», как уже отмечалось выше, многозначна. Фактически она соответствует двум синтаксическим структурам «X takes [(Y) (to be Z)]» и «X takes Y to be Z». В первой из этих структур в функции дополнения выступает сочетание [(Y) (to be Z)]. Эта структура несет информацию о построении личностно-необусловленного конструируемого отображения. Вследствие этого она может употребляться в контекстах, в которых речь идет о построении отображения в результате процесса умозаключения. Например, все информанты-англичане считали правильным следующее предложение *When I heard it I took him to be a generous man* 'Когда я услышал это, я подумал (решил), что он благородный человек'⁶. Условия истинности, характеризующие данную структуру, свидетельствуют о том, что здесь передается информация о конструировании суждения, а не о понимании.

Во второй структуре, напротив, роль дополнения играет только Y; сочетание «to be Z» указывает на способ отображения Y-а.

Контексты употребления моделей «X takes Y to be Z», «X takes Y as Z», «X takes Y for Z» показывают также, что эти модели не несут информацию о процессах, основанных на анализе, синтезе, умозаключении, например: —*Ah, then,—she said.—Then you must have been to Paris before. He did not even query her reasoning, he took it for what it was.—Yes,—he said,—once or twice* (M. Drabble, *Jerusalem the Golden*). '—Ну тогда,— сказала она.— Тогда вы должно быть уже раньше были в Париже. Он даже не спросил, почему она сделала такой вывод; он принял ее слова за данность (букв. 'за то, чем они непосредственно были')'.— Да,— сказал он.— Раз или два'. О том, что модель «X takes Y as Z» не сообщает об анализе, синтезе, умозаключении, свидетельствует также следующий контекст ее употребления в романе А. Хаксли «*Crome Yellow*». В этом контексте в ответ на фразу героини романа *I've always taken things as they come* ее собеседник, противопоставляя ее восприятию мира свое мироощущение, говорит о том, что он, напротив, способен осознать красоту, ощутить наслаждение, только придав объектам восприятия некоторый философский смысл, связав их с понятиями истинности и доброты. Таким образом, само противопоставление показывает, что приведенное предложение с глаголом *take* сообщает об отображении объектов в сознании (или о включении в систему видения мира — см. ниже) такими, какими эти объекты непосредственно даны в чувственном опыте, без их анализа, без размышления. Приведенный пример также показывает, что то или иное отображение связано с особенностями

рые, по-видимому, являются синонимами глагола *take* в рассматриваемом значении. Вследствие этого некоторые утверждения, содержащиеся в данной части работы, носят предварительный характер.

⁶ Информант-американец находил это предложение неправильным.

воспринимающего субъекта. Зависимость отображения от отображающего устройства и, в частности, от сложившихся неосознаваемых эмоциональных представлений (например, представления о том, что может служить причиной того или иного явления, каким должен быть представитель того или иного класса людей, объектов и т. д.), можно проиллюстрировать на следующих примерах: He was sufficiently well-informed to be able to declare that it was a scandal that the town lacked any kind of orchestra, whereas Clara would have taken the lack of it as a simple Act of God (M. Drabble, Jerusalem the Golden) 'Он достаточно много знал, чтобы понимать, что то, что в городе не было ни одного оркестра, было позором. Клара же восприняла бы это просто как данность'; That so many critics who believe themselves to be ardent democrats should take the entirely personal triumph of the hereditary king over the elected minister to be a triumph of autocracy over democracy, and its dramatization an act of political apostasy on the part of the author, convinces that our professed devotion to political principals is only a mask for our idolatry of eminent persons (Предисловие В. Shaw к «The Apple Cart») 'То, что так много критиков, которые считают себя пылкими демократами, восприняли⁷ сугубо личную победу наследственного короля над избранным министром как победу автократии над демократией, а изображение этого события как акт измены со стороны автора, убеждает, что наша прокламируемая преданность политическим принципам лишь маска, скрывающая наше поклонение высокопоставленным особам'. По-видимому, глагол take несет информацию об отображении, основанном не на анализе, а на узнавании содержания через ту форму, в которой она дана, и в предложениях типа: Do you take my meaning? и How do take my meaning? How did you take what he said?, т. е. цель этих **вопросов** — **установить**, узнается ли последовательность слов как передающая определенное содержание или **же** — **установить**, с каким именно содержанием ассоциируется данная последовательность слов в сознании адресата речи. Однако это предположение нам не удалось проверить. Если оно верно, то наблюдаемые расхождения в употреблении русского и английского глаголов в рассматриваемой конструкции объясняются различием в осмыслении денотативных ситуаций. Допустимое употребление слов зависит не только от их значения, но и от того, как в данном языковом коллективе принято описывать некоторую денотативную ситуацию, которая может быть осмыслена по-разному⁸. Так, ото-

⁷ Описываемая ситуация может быть интерпретирована и как результат ошибочной подстановки вместо личного триумфа автократии над демократией и как результат ошибочного приписания личному триумфу еще и свойства быть триумфом автократии над демократией; конструкция «X takes Y to be Z», по-видимому, может передавать обе эти информации. Вследствие этого возможен перевод и с помощью глагола *воспринять* и с помощью глагола *принять*.

⁸ Многие особенности употребления французских и русских слов, связанные с указанной причиной, были рассмотрены в работах В. Г. Гака [Гак 1967].

бражение в сознании намека может быть осмыслено и как понимание сущности, причинно-следственных связей того, что сказано, и как результат вторичного восприятия: некоторая звуковая последовательность, отображенная в сознании как носитель определенного содержания, узнается в сознании еще и как носитель некоторого дополнительного, скрытого содержания. Таким образом, имеется потенциальная возможность описывать отображение в сознании намека и через глагол группы понимания и через глагол группы вторичного восприятия. Говорящие на русском языке отдают предпочтение первому способу описания (*Вы поняли мой намек!*), хотя выбор глагола *воспринять* допустим. Предложение *Он не воспринял мой намек* оценивается обычно как возможное, но не совсем правильное. В английском языке, напротив, в данной сочетаемости часто употребляется глагол *take*: *He did not take my hint*⁹. Большую частоту употребления предложения *How did she take what he said?* по сравнению с русской фразой *Как она восприняла то, что он говорил?* можно объяснить тем, что в русском языке данный вопрос задается обычно с целью установить ту эмоциональную значимость или значимость вообще, которая придается сделанному сообщению, рассказу и т. д., т. е. ожидаются ответы типа: *Спокойно, весьма скептически, совершенно серьезно*. Напротив, в английском языке вопрос *How did she take what he said?* употребляется не менее часто для того, чтобы выявить смысл, вкладываемый в сообщение. В русском языке такое употребление также возможно, но в основном при несколько ироническом отношении к тому лицу, о мнении которого спрашивают. Отметим также, что означаемое слово *meaning*, с которым часто сочетается глагол *take*, не тождественно означаемому слова *значение*, которое не употребляется в смысле «содержание того, что говорится».

Таким образом, можно утверждать, что по крайней мере во многих контекстах анализируемые модели не несут информацию об анализе, синтезе, умозаключении. Не всегда, однако, очевидно, сообщают ли они при этом об отображении объекта в сознании. Анализ некоторых контекстов их употребления позволяет предположить, что некоторые из рассматриваемых моделей могут передавать информацию о реакции на уже построенное отображение, а другие — о включении отображения в систему мироощущения, видения мира. Несомненно, однако, что во многих условиях употребления сообщается об отображении объекта в сознании, а именно, о вторичном восприятии.

Рассмотрим каждую из анализируемых моделей под углом зрения построенных предположений. Модель «X takes Y for Z» несет информацию о вторич-

⁹ По утверждению одного из информантов эта фраза может быть интерпретирована двояко: 1) 'Он не понял моего намека' (в соответствии с нашим предположением букв. 'Он не воспринял моего намека'; 2) 'Он не стал вести себя в соответствии с полученными указаниями'.

ном восприятии. Она может употребляться и в тех случаях, когда речь идет о том, что некоторый индивидуальный объект и, в частности, человек в акте восприятия был ошибочно принят за другого (I took John for Bill 'Я принял Джона за Билла'), и о том, что член одного класса был принят за члена другого класса (I am afraid we are taking words for deeds 'Боюсь, что мы принимаем слова за дела'). Первую информацию может передавать также глагол *mistake* (I mistook John for Bill). Конструкция «X takes Y for Z» может также передавать информацию о восприятии (узнавании) индивидуального объекта или члена некоторого класса как члена еще одного класса. По-видимому, эта информация может передаваться только в том случае, если слово, обозначающее Y, сообщает о родовом понятии, по сравнению со словом, обозначающим Z, или является местоимением. Например: Do you take me for a fool? 'Вы принимаете меня за дурака?' Только в сочетании to take Y for granted 'принять на веру', в котором сочетание for granted имеет уже другую синтаксическую функцию, глагол take не несет информацию об отображении Y-а: это сочетание сообщает о том, что Y включается на веру, без анализа в систему видения мира или какой-то частной ситуации денотатом подлежащего. Возможно, такую же информацию несет и сочетание to take Y for what it is. Это сочетание означает либо 'принять Y за то, чем он был непосредственно' (предполагается, что, кроме прямого значения, Y имел и другой какой-то скрытый смысл), либо 'включить Y в свое видение ситуации, мира в том наборе качеств Y-а, которые даны в непосредственном опыте, не привнося какие-то другие качества в результате анализа умозаключений'.

Модель «X takes Y to be Z» встречается относительно редко. Во всех проанализированных случаях она несла информацию либо о вторичном восприятии, либо о личностно-необусловленном конструируемом отображении. Критерии разграничения этих значений не устанавливались.

Модель «X takes Y» очень часто сочетается с наречиями. При этом не всегда ясно, передается ли информация о характере отображения или о реакции на уже полученное отображение, об отношении к какому-то событию, факту, вошедшему в жизнь X-а (при этом сам факт отображения в сознании принимается как само собой разумеющийся, принадлежащий пресуппозиции). В некоторых контекстах очевидно речь идет о вторичном восприятии. Например: He took my words literally 'Он воспринял мои слова буквально'. Слово *буквально* характеризует то свойство, которое было придано словам в акте отображения, оно не может сообщать ни о реакции денотата подлежащего, ни об отношении. В сочетании со словами my (his) words, what I said глагол take также употребляется, как правило, в значении внутреннего восприятия. Об этом свидетельствует то, что он свободно сочетается только со словами literally 'буквально', seriously 'серьезно', но не с такими выражениями, как with delight 'с восторгом', with indignation 'с возмущени-

ем'. В сочетании с ними выступает глагол *receive*, который передает информацию об эмоциональной реакции на полученное сообщение. Следует, однако, отметить, что разные информанты (было опрошено 9 человек) не всегда одинаково оценивали анализируемые сочетания. Сочетание *take her words (what she said) seriously* все информанты во всех предложенных конструкциях оценивали как правильное (5 баллов). Только один информант признал совершенно правильным сочетание *receive her words seriously* в предложении *He received her words seriously*, но в контексте *He leapt to his feet crying—To arms, to arms!—but no one not even the man himself could receive this call seriously* все информанты заменяли глагол *receive* на *take*, что позволяет перевести данное предложение так 'Он вскочил на ноги и закричал—К оружию, к оружию!—но никто, даже сам старик, не мог воспринять этот призыв серьезно'. Сочетание *receive what he said with delight* получило следующие оценки: балл 5—7 раз, балл 4—2 раза, а сочетание *receive what he said with indignation*: балл 5—6 раз, балл 4—2 раза, балл 3—1 раз. Большие расхождения обнаружились при оценке сочетания *take what he said with indignation, delight*: балл 2—5 раз, балл 3—1 раз, балл 4—1 раз, балл 5—2 раза. Самый большой разброс обнаружился при оценке сочетания глагола *take* с выражением *with disdain*: балл 5—4 раза, балл 3—4 раза, балл 4—1 раз. Почти полное совпадение отрицательных и положительных оценок свидетельствует, по-видимому, о том, что допустимость сочетания *take Y with disdain* логически не очевидна, т. е. не очевидно, можно ли сочетание *with disdain* 'с презрением' интерпретировать как указание на ту значимость, которая придается сообщению при его отображении в сознании (воспринимать сообщение, умаляя его значимость) или же выражение *with disdain* должно интерпретироваться только как указание на эмоциональное отношение. Другие расхождения могли носить случайный характер (быть следствием невнимания, неумения осознать смысл предложения, вырванного из контекста). Однако расхождения в ответах могли быть также вызваны тем, что значения исследуемых слов в языковых кодах разных говорящих не совпадают. Кроме того, причиной несовпадения ответов могла служить многозначность предложенных в тексте фраз: при этом одни информанты могли обратить внимание на одно значение, а другие—на другое. Некоторые информанты прямо указывали на допустимость разного толкования сочетания *to receive his words seriously*, а также сочетания *to take his words with delight/indignation*. Нам не удалось установить, какие именно интерпретации при этом имелись в виду. Пока остались неустановленными и другие причины расхождений. Несмотря на это, полученные результаты позволяют утверждать, что по крайней мере некоторые носители английского языка употребляют глагол *take* в рассмотренной сочетаемости в значении вторичного восприятия. Напротив, в таком контексте, как *Francis took it coolly, I suppose that was the way to take it (I. Murdock, The Black Prince)* скорее речь идет не о характере отображения

случившегося в сознании — ‘воспринять случившееся, не придавая ему большой значимости’, — а о реакции, отношении денотата подлежащего к случившемуся: ‘Фрэнсис отнеслась к этому холодно (сдержанно). Я думаю, что к этому так и нужно было отнестись’. Осталось невыясненным, реализуется ли значение вторичного восприятия в таких контекстах, как *Young people can't take too seriously the feelings of oldies like us* (I. Murdock, *The Black Prince*) ‘Молодые люди не могут слишком серьезно воспринимать чувства таких старых людей, как мы с вами (или: не могут слишком серьезно относиться к...)’; *He took his position as a monitor very seriously* (S. Maugham of *Human Bondage*) ‘Он очень серьезно отнесся к своему положению старосты (или: воспринял)’. Модель «X takes it» может также нести информацию, близкую к значению русских глаголов *вынести*, *снести*. Это создает дополнительные трудности в установлении условий реализации значения вторичного восприятия. Однако не подлежит сомнению, что эта модель может выступать в качестве означающего данного значения.

Модель «X takes Y as Z» фактически соответствует двум моделям: 1) «X takes (Y as Z)», где сочетание *as Z* играет роль ограничительного определения при *Y*-е; 2) «X takes Y as Z», где *Z* указывает на форму отображения *Y*-а. Первая структура представлена, например, приведенным выше предложением: *He took his position as a monitor very seriously*. Она реализуется также в высказывании: *I don't pay attention to what other people say about a man. I take him as I find him, as by how he is to me* (I. Stone. *The Affair*) ‘Я не обращаю внимание на то, что говорят люди. Я воспринимаю человека таким, каким я сама его нахожу, каким он проявляет себя по отношению ко мне’. Маловероятно, чтобы в данном контексте речь шла о том, что человек, отображенный в сознании, затем отображается таким, каким он дан в личном опыте говорящего. Таким образом, если здесь вообще реализуется значение вторичного восприятия, то фраза, вводимая *as*, характеризует ту форму, через которую отображается личность описываемого лица. Напротив, в предложении *He took his failure in the examination as proof that he had chosen the wrong field of study* ‘Он воспринял свой провал на экзамене как доказательство того, что он неверно выбрал область своих занятий’, скорее всего реализуется модель «X takes Y as Z». Сомнения относительно функции словосочетания *as Z* вызваны тем, что осталось невыясненным, действительно ли в подобных контекстах представлено значение вторичного восприятия или здесь реализуется другое значение, а именно: информация о включении уже имеющегося отображения (сам факт отображения может при этом приниматься как самоочевидный) в систему мироощущения, видения мира. Тогда приведенное предложение можно интерпретировать так: ‘Он включил свой провал на экзамене как доказательство того, что он неверно выбрал область своих занятий в систему своего мироощущения (или: видения сложившейся ситуации)’. При такой интерпретации сочетание *as Z* скорее должно рассматриваться как играющее роль

ограничительного определения. Такое предположение, однако, представляется менее вероятным, чем первое: в английском языке есть другой глагол (глагол *accept*), который, как показало проведенное исследование, передает информацию о включении объекта, отображенного в сознании в том или ином наборе качеств, в систему своего мироощущения, видения ситуации. Так, можно сказать: *He accepted his failure in the examination as proof that he had chosen the wrong field of study*. Это предложение, как показал опрос информантов, не является абсолютно синонимичным фразе с глаголом *take*. Однако глагол *take* в некоторых условиях может передавать информацию о включении Y-а в систему мироощущения, видения ситуации X-м. Таковую информацию несет рассмотренная выше фраза: *to take something for granted* 'принять что-то на веру'. Возможно, такое же значение имеет глагол *take* и в приведенном выше примере: *I take him (a man) as I find him, as by how he is to me*. Тогда это предложение значит 'Я включаю человека в систему своего мироощущения таким, каким я его сама нахожу, каким он проявляет себя по отношению ко мне'. Таковую интерпретацию можно приписать и предложениям *I have always taken things as they come* 'Я всегда включаю в свое мироощущение события такими, какими они мне непосредственно даны (не размышляя над ними, не анализируя их)'; *I take people as they are* 'Я включаю людей в свое мироощущение, видение мира такими, какими они являются в действительности (не фантазируя, не приписывая им каких-то идеальных свойств)'. Заметим, что в данных условиях глагол *accept* имеет другое значение: он несет информацию о том, что чувства X-а, идеальные представления о том, каким должен быть Y, не заставляют X-а внутренне протестовать против тех качеств, которыми обладает Y в действительности. Например: *I accept people for what they are* 'Я принимаю людей такими, какие они есть'.

Итак, суммируя рассмотрение вопроса о наличии значения вторичного восприятия в английском языке, можно сказать, что это значение в английском языке несомненно представлено и, в частности, передается глаголом *take* в конструкциях «X takes Y for Z», «X takes Y to be Z» и, вероятно, в конструкциях «X takes Y» и «X takes Y as Z». Однако эти модели многозначны и могут выражать и другие значения. В число этих значений скорее всего не входит информация о понимании. Однако модель «X takes Y» требует еще дополнительного рассмотрения под данным углом зрения.

ИНФОРМАЦИЯ О ВКЛЮЧЕНИИ В МИРООЩУЩЕНИЕ, ВИДЕНИЕ МИРА

Значение 'включение Y-а в систему мировоззрения, мироощущения' представлено и в русском языке. Его выражает глагол *принять*. Однако значение

русского глагола *принять* уже значения глагола ассерт. Русский глагол несет информацию о включении в мировоззрение чужой концепции, теории и сочетается только с такими словами, как *концепция, теория, точка зрения, критерий* [Селиверстова 1975: 76—78]. Напротив, глагол ассерт может употребляться и для передачи информации о включении Y-а в видение отдельной ситуации, отдельного события. Вследствие этого он может сочетаться и с придаточным дополнительным. Например: I do not accept that I was dishonest 'Я не признаю, что я вел себя непорядочно' (букв. 'Я не включаю в свое видение данной ситуации представление, что я вел себя непорядочно'). По-русски нельзя сказать: *Я не принимаю, что я вел себя непорядочно*. Кроме того, английский глагол может употребляться и в тех случаях, когда первоначальное суждение было сформировано самим X-м. Так, предложение I accept that he is right букв. 'Я включаю в свое отношение к данной ситуации мнение, что я прав', по утверждению информантов, может быть употреблено и тогда, когда речь идет об утверждении, сделанном кем-то другим, и тогда, когда речь идет о суждении самого говорящего.

Глагол ассерт в данном значении широко употребляется в научной речи. Например, This fact, which is mentioned only because it is sometimes lost sight of in theoretical discussions of the subject, leads us to accept a weaker formulation of the whorfian hypothesis (J. Lyons, Structural semantics) 'Этот факт, который упоминается здесь только потому, что его часто упускают из вида при теоретических рассуждениях, заставляет нас принять менее строгую формулировку гипотезы Уорфа'; A criterion that is accepted only when it is superfluous can be jettisoned without loss (там же) 'Критерий, который принимается только тогда, когда он избыточен, может быть отброшен без ущерба для описания (теории)'

И глагол ассерт и глагол *принять* несут информацию о том, что включение некоторого представления, суждения в систему мировоззрения, видения какой-то конкретной ситуации определяется признанием этого представления, суждения истинным. Этот компонент значения данных глаголов отмечается во многих словарях (например, в ALD). При этом, однако, не указывается, что эти глаголы несут информацию не только о признании суждения, мнения правильным, но и о включении его в свое мировоззрение, видение ситуации. Именно этот компонент значения отличает глагол ассерт от глаголов admit, acknowledge 'признать'.

Информация о включении Y-а в результате признания его истинным отличает значение глагола ассерт от глагола assume. Однако эти глаголы не находятся в прямой оппозиции друг с другом. Глагол assume сообщает о включении некоторого положения в искусственную систему описания чего-то или в свое видение некоторой ситуации в качестве предпосылки для дальнейшего рассуждения, отношения, причем такой предпосылки, которая либо не проверялась, либо

считается аксиоматической, не требующей проверки, т. е. истинность этой предпосылки не устанавливается в результате специального анализа, размышления над этим вопросом. Например, по утверждению информантов, предложение *I am assuming (I assume) that his theory of migration is true* 'Примем, что его теория миграции правильна' будет употреблено только тогда, когда автор речи затем собирается излагать какие-то положения, которые предполагают принятие данной теории как исходного положения, причем это предложение не показывает, что говорящий убежден в истинности данной теории. Глагол *assert* отличается от глагола *assume* не только по информации об истинности пропозиции; он, кроме того, не несет информацию о том, что принимаемое положение обязательно становится предпосылкой для дальнейших рассуждений. Русский глагол *принять* употребляется и в значении, соответствующем глаголу *assume*. Эти два значения различаются с помощью синтаксических средств: *Я принимаю (=assert) его теорию миграции* и *Примем (=assume), что его теория миграции верна: Френель принял (=assume), что упругость остается неизменной*. При этом в семантическую структуру русского глагола не входит значение 'предполагать', которое имеет глагол *assume* (см. с. 322). В рассматриваемом значении глагол *assume* обычно показывает, что принимаемое положение произвольно, но оно может оцениваться и как предположительное. Вследствие этого глагол *assume* может сочетаться с такими словами, как *correctly* 'правильно', *incorrectly* 'неправильно'. Например: *Frenelle incorrectly assumed that elasticity remained constant* 'Френель неправильно предположил, что упругость остается неизменной'. Нельзя сказать: 'неправильно принял'. Кроме того, глагол *принять* может использоваться только тогда, когда речь идет о приписании объекту каких-то свойств. Глагол *assume* употребляется также в тех случаях, когда речь идет об осуществлении действий. Например: *We will henceforth assume that the appropriate revisions have been made* 'В дальнейшем будем считать, что необходимые изменения произведены'. Глагол *assume* в рассматриваемом значении, по-видимому, встречается не только тогда, когда описываются искусственные системы описания, но и для указания на включение некоторого положения, представления в свое мировоззрение, видение некоторой ситуации. Однако осталось не установленным, при каких именно условиях реализуется это значение.

Глагол *take* также может использоваться для указания о включении Y-а в некоторую искусственную систему отображения мира. При этом в отличие от глагола *assume* он употребляется в моделях: «X takes Y to be Z» или «X takes Y as Z», а не: «He takes that Y is Z». Например: *Let us take Y to be 0* 'Примем X равным нулю'; *A certain system of utterances is taken as a point of departure* 'За исходное берут некоторую систему высказываний'.

Итак, у глагола *take* были выделены значения неличностно-обусловленного суждения, вторичного восприятия и включения в систему мироощущения,

мировоззрения или в какую-либо искусственную систему отображения мира. Несмотря на то, что не были рассмотрены другие значения и, следовательно, не установлено, что именно их объединяет, уже сейчас можно утверждать, что глагол *take* является многозначным глаголом. Даже если все установленные значения имеют некоторые общие элементы, эти общие элементы не могут предопределить то, что в одних контекстах глагол *take* имеет значение неличностно-обусловленного суждения, которое включает в себя признак конструируемого отображения, а в других — вторичного восприятия, составной частью которого является признак проецируемого отображения. Об этом свидетельствует тот факт, что во многих контекстах, в которых при употреблении глагола *take* появляется информация о неличностно-обусловленном суждении, может реализоваться и информация о проецируемом отображении; то или иное понимание зависит от более широкого контекста. Кроме того, глагол *take* в каждом из рассмотренных значений входит в особую систему оппозиций, и большинство выделенных признаков определялось парадигматическими отношениями этого слова в рамках выделенных микросистем. Особое значение составляет и та информация, которая реализуется, например, в таких предложениях, как *He took her hand* 'Он взял ее за руку', где глагол *take* связан парадигматическими отношениями с глаголами *seize* 'схватить', *hold* 'держат' и др. Легко показать, что этот глагол имеет и ряд других значений.

Вычленение особых значений у глагола *take* обусловлено не только различиями в означаемом, но и — в некоторых случаях — различиями в означающем: часто показателем особого значения выступает не сам глагол *take*, а особая лексико-синтаксическая модель с этим глаголом (например, рассмотренная выше лексико-синтаксическая модель «X takes it that») ¹⁰.

Таким образом, можно утверждать, что глагол *take* имеет не одно широкое значение, а много значений. По крайней мере некоторые из этих значений выражаются не самим глаголом *take*, а лексико-синтаксическими моделями с этим глаголом. Сходные результаты получаются при анализе таких глаголов, как *accept*, *assume*, а также *get*, *give*, *receive*. Анализ русских глаголов *принять*, *взять*, *дать*, *получить* также показывает их многозначность [Селиверстова 1975].

¹⁰ Другие значения глагола *take* были рассмотрены также с учетом тех синтаксических моделей, в которых они реализуются. В связи с этим можно предположить, что в качестве означающего отдельных значений всегда выступают лексико-синтаксические модели, а не только сам глагол. Это предположение может быть подтверждено или опровергнуто только в рамках нейрофизиологических исследований. В настоящее время можно утверждать, что означающим служит лексико-синтаксическая модель, если ее значение идиоматично, т. е. ее значение не предопределяется значением глагола в каких-либо других условиях употребления и значением самой модели при других глаголах. Именно такая идиоматичность присуща модели «X takes it, that».

от участников (сколько участников, столько актов действия). Местоимения с *-нибудь* по преимуществу употребляются в высказываниях, имеющих семантическую структуру первого типа. Однако они могут использоваться и в высказываниях второго типа, если отдельные акты реализации события выделяются независимо от актанта, обозначаемого местоимением. Рассмотрены различные частные условия их употребления в рамках данных типов высказываний.

Местоимения с *-то* свободно употребляются при описании многократности. Однако от типа высказывания частично зависит, какое именно значение этих местоимений реализуется. Так, в условиях неупотребления местоимений с *-нибудь* местоимения с *-то* всегда выражают признак «неизвестности».

Употребление местоимений с *-нибудь* в обобщенных высказываниях в основном подводятся под рассмотренные ранее условия. Они используются в контексте будущего, при вероятностных утверждениях, и в предложениях, семантическая структура которых строится по типу многократности (рассматривается множество потенциальных случаев).

В работе показано, что значения возможности и необходимости сами по себе не создают условия для использования местоимений с *-нибудь*. Исключения составляют только те случаи, когда возможность и необходимость представлены в плане их реализации. Особого условия для выбора местоимений с *-нибудь* не создают и высказывания, описывающие отображения мира в сознании, если это отображение рассматривается как недостоверное восприятие, а не вероятностное суждение.

В работе выделены некоторые частные условия употребления местоимений с *-нибудь* (например, отмечается их использование в придаточном цели, функция которого — охарактеризовать событие главного предложения как реализацию лишь одной из возможных альтернатив). Местоимения с *-то* в отличие от местоимений с *-нибудь* в меньшей степени связаны с особыми типами высказываний.

Проведенное исследование подтвердило наличие признака «единственность заполнения актантажной позиции» (фиксированность элемента в множестве — по терминологии М. А. Шелякина) во всех условиях употребления местоимений с *-то* (этот признак, однако, иногда выступает в немаркированном варианте). Пополнено представление об условиях реализации признака неизвестности и о вариантах этого признака. Показана роль местоимений с *-то* для выражения обобщенного понятия индивида.

ОБЩИЕ ПРИЗНАКИ АНАЛИЗИРУЕМЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Анализ разных значений глагола *take*, а также глаголов *assume*, *accept*, *get*, *receive*, *give*, позволил сделать вывод о том, что через многие, а иногда, возможно, и все значения этих глаголов проходят некоторые общие признаки, один из которых играет роль интегрального и объединяет перечисленные глаголы в одну семантическую группу. Такой вывод сближает предлагаемую работу с теми исследованиями, в которых делалась попытка установить общее значение. Разница заключается в том, что общий элемент отдельных значений мы не рассматривали как таковой, который исчерпывает содержание этих значений.

ПРИЗНАК «НАХОЖДЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ, СВЯЗАННОМ С X ТЕМ ИЛИ ИНЫМ ОТНОШЕНИЕМ» (EX₂ SX)

Рассмотрим, что именно считалось общим значением анализируемых глаголов. Н. Н. Амосова дает следующее приблизительное определение общего

значения глагола take: «включать в сферу своего физического, психического либо правового состояния или воздействия, извлекая из окружающего» [Амосова 1963: 115]. Сходное определение получает и глагол give: «Глагол to give также широкозначный, прямо противоположен глаголу to take по направлению обозначаемого им взаимодействия субъекта со средой. Он означает 'отчуждать от себя' с подзначениями 'физически перемещать от себя к другому', 'дарить', 'объективизировать', 'наделять', 'создавать объективную возможность' и мн. др.» [там же, 115]¹. Близкие определения дают и другие исследователи (см., например, [Уфимцева 1968]).

Включение во что-то предполагает наличие некоторого пространства, в которое включается объект. В этом смысле приведенные толкования представляются нам верными, как мы попытаемся показать ниже. Однако термины «состояние» и «воздействие» необходимо заменить более общим термином «пространство». Действительно, многие ситуации, описываемые глаголом take, а также другими языковыми единицами, включающими данный признак, не соответствуют тому, что можно интерпретировать как нахождение в сфере состояния или воздействия. Например, включение некоторого положения в теорию в качестве ее исходного пункта вряд ли подпадает под категорию включение в состояние (I take Y to be 0 'Примем Y равным нулю'). Термины «состояние» и «воздействие» не могут быть отнесены к тем случаям, когда речь идет о включении статьи, доклада в число тех, которые будут напечатаны в данном журнале или прочитаны на данной конференции. Такую информацию передает глагол accept. Например: For organizational reasons only a limited number of papers can be accepted and apart from this only one paper per person 'По организационным причинам только ограниченное число докладов будет принято и, кроме того, один человек может представить только один доклад'. Разнообразные области включения Y-а могут быть названы пространствами, если употреблять этот термин для обозначения не только геометрического пространства, но и действия, ситуации, события, а также совокупности объектов, связанных каким-то общим признаком (например, совокупность свойств данного лица, предметов его собственности и т. д.). Такое широкое значение, вкладываемое в термин пространство, не противоречит особенностям употребления языковых единиц. Так, пространственные предлоги употребляются и тогда, когда речь идет о геометрическом пространстве (*в комнате*), и тогда, когда, например, описывается область знания, науки (*в физике, в его теории*).

¹ Мы уже говорили (с. 310), что слова с широким значением не всегда противопоставляются многозначным словам. При этом, однако, не формулируется четко, в чем заключается различие между просто многозначными словами и широкозначными языковыми единицами.

В математике пространство определяется через понятие множества (см., например, статью «Пространство» в БСЭ, написанную акад. А. Д. Александровым). Такое определение пространства целесообразно использовать в лингвистике только в том случае, если окажется, что те или иные операции теории множеств применимы для описания поведения пространственных предложений. При этом в языке необходимо четко различать два случая: во-первых, множества, элементы которых не составляют единого целого, т. е. не образуют один объект, например множество родственников данного лица (в наших работах термин «множество» используется лишь по отношению к данному частному виду пространств); во-вторых, множества, элементы которых составляют один единый объект. Например, денотатом слова *шкатулка* {*Нитки лежат в шкатулке*} является один объект, а не множество объектов. Однако можно сказать, что этот объект состоит из множества элементов. Поэтому для языка термин пространство можно определить как множество элементов или нечто, состоящее из множества элементов. Более соответствующим языковому представлению пространства является скорее его геометрическое изображение: вероятно, всякое пространство, описываемое в языке, можно представить себе и изобразить в виде множества графических точек, которые могут образовывать ту или иную конфигурацию (именно в этом смысле мы употребляли в своих предыдущих работах выражение «континуум точек»).

Определение понятия пространства было бы неполным, если бы мы не учли ту функцию, которую выполняет пространство — помещать в себя что-то, включать в себя что-то. Эта функция учитывается и при обобщенном математическом определении пространства. Так, акад. А. Д. Александров в указанной выше статье пишет: «Пространство, в математике, логически мыслимая форма (или структура), служащая средой, в которой осуществляются другие формы и те или иные конструкции». Под этим углом зрения понятие пространства, отображенное в языке, можно истолковать как нечто, в рамках чего может находиться объект (элемент) или иметь место действия, события. Мы будем в общем виде употреблять для обозначения обоих случаев термин «нахождение», причем будем использовать его в более широком смысле, чем тот, который этот термин имеет в естественном языке. Отталкиваясь от геометрического представления пространства, мы будем считать, что нахождение некоторого объекта (Y -а) в S означает, что точка, соответствующая Y -у, стоит в рамках той конфигурации, которая образуется точками пространства S . Можно также сказать, что нахождение Y -а в S означает, что положение Y -а может быть определено в системе координат пространства S . Первая формулировка, однако, более соответствует интуитивному представлению о нахождении. Точки пространства могут быть однородны с Y , и тогда Y — элемент множества, образующего пространство S . Если точки пространства неоднородны с Y -м, тогда Y только находится в S , но

не является элементом множества его составляющего. Информация о нахождении в пространстве (мы обозначаем его знаком $E_{x_2}^2$) всегда связана с признаком временной характеристики, которая принимает по крайней мере два значения: t_0 — нет информации о том, что Y не находился в S до какого-то описываемого момента и t_n (t начальное) — информация о том, что Y находится в S начиная с некоторого момента. В значении анализируемых слов может также выделяться информация о действии, содержание которого составляет акт перемещения Y -а в S , причем речь может идти не только о физическом перемещении, но и о перемещении в сфере отношений собственности, переход из числа потенциальных возможностей в реальное свойство, качество предмета и т. д. Для описания этого действия мы будем использовать термин «включение». Мы определим этот термин, исходя из геометрического изображения пространства: включить Y в S — это значит поставить в S точку (или набор точек), которая представляет Y . Выделяемый компонент значения (мы обозначаем его буквой a) несколько отличается от того компонента, который выделяет у анализируемых слов Э. Бендикс. Он обозначает его словом *cause* и определяет так: «Мы употребляем знак *cause* для обозначения описываемого компонента в тех случаях, когда тесты позволяют установить компонент, содержание которого составляет указание на то, что 'A' (или 'B' и т. д.) делает что-то или является чем-то и, кроме того, когда это действие или состояние 'A' приводит к, имеет своим результатом, или другими словами, связано с каким-то другим действием или состоянием таким способом, который можно назвать причинным (каузальным)» [Бендикс 1963: 63]. В отличие от интерпретации, предложенной Э. Бендиксом, мы не думаем, что глаголы типа *take* представляют ситуацию как сумму двух действий или состояний: действие и некоторое другое действие, которое вызвано первым. Интерпретация Э. Бендикса приводит к пониманию фраз типа: «X takes Y», «Z gives X Y» как 'X делает так, что X имеет Y' и как 'Z делает так, что X имеет Y' (там же, 70). Именно так часто интерпретируются и глаголы *брать, получать, давать* в русском языке. Мы полагаем, что значение глаголов *take, give, get* точнее описать несколько иначе. Эти глаголы не расщепляют денотативную ситуацию на два действия или состояния: они сообщают не о каком-то действии, которое приводит к тому, что X имеет Y, а о таком действии, содер-

² Признак E_{x_2} входит и в значение конструкций типа русских моделей «у X есть Y», «X имеет Y», «В X есть Y» и т. д., т. е. в значение экзистенциальных и экзистенциально-посессивных конструкций. По-видимому, впервые языковое понятие экзистенциальности было интерпретировано как понятие нахождения в пространстве в работе Ч. Кана [Канн, 1966]. Такое понимание экзистенциальности получило развитие в работах Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1976], а также в работах автора [Селиверстова 1973, 1975, 1976, 1977].

жание которого заключается в установлении отношения 'X имеет Y. Предлагаемая нами интерпретация позволяет описать разницу между предложениями типа *Я сделал так, что у него теперь много денег* и *Я дал ему много денег*. Таким образом, не стирается различие между каузативными глаголами и глаголами типа *брать, давать*. Неоправданность расщепления ситуации, описываемой глаголом *take* на два действия или состояния, в большинстве случаев очевидна. Например, предложение *She took the vase from the shelf* 'Она взяла вазу с полки' сообщает о таком действии X-а, которое заключается в перемещении Y-а из Z к себе, а не вообще о любом действии, которое приводит к тому, что Y начинает находиться у Z. Сомнения могут возникнуть только в отношении некоторых ситуаций, описываемых анализируемыми глаголами. Например, по-английски можно сказать: *I shall take legal advice*, букв. 'Я хочу взять совет адвоката'. Данную фразу можно интерпретировать как сообщение о том, что X собирается сделать что-то, чтобы получить совет адвоката. Скорее всего, однако, рассматриваемое предложение строится по тому же принципу, что и русская фраза *Он берет уроки русского языка*, которая показывает, что X включает в данный отрезок своего существования направленные на него действия (события)—уроки. Не совсем ясно также, как интерпретировать такие предложения, как *Her acting gave me very much pleasure* 'Ее игра доставила мне большое удовольствие'. Есть основания для выдвижения нескольких предположительных толкований: а) существование игры послужило причиной возникновения чувства удовольствия; б) игра вызвала появление у X-а чувства удовольствия; в) игра осуществила действие, заключающееся в создании чувства удовольствия у X-а. При первой интерпретации связь между игрой и чувством удовольствия может быть косвенной; в анализируемом примере речь, напротив, идет о непосредственном отношении: игра является прямой и единственной причиной удовольствия. Таким образом, первая интерпретация не соответствует содержанию предложения. При втором толковании предполагается наличие двух действий: 1) воздействие на X и 2) появление у X-а чувства удовольствия (т. е. возникновение в X-е каких-то внутренних процессов, которые приводят к появлению данного чувства). Это толкование на первый взгляд представляется наиболее естественным: оно соответствует реальным процессам, протекающим в описываемой ситуации: чувство радости, ощущение удовольствия не привносятся извне, они возникают внутри субъекта под воздействием внешних факторов. Однако в языке эта ситуация может быть представлена иначе: внешний фактор может быть описан как та непосредственная сила, которая сама дает ощущение наслаждения, радости (при этом некоторые этапы реального процесса игнорируются). Нам пока не удалось проверить верность той или иной интерпретации. Очевидно, однако, что эта проверка должна быть связана с рассмотрением разных способов описания в языке проанализиро-

ванной денотативной ситуации. Итак, компонент *cause*, если и присутствует в некоторых значениях анализируемых глаголов, что еще не показано достаточно убедительно, не входит, как нам представляется, в большинство значений этих глаголов³.

Отличие предлагаемой в данной работе интерпретации глаголов *take*, *get*, *give* от описания этих глаголов, предложенного Э. Бендиксом, заключается также во введении признака E_{x_2} . Э. Бендикс не давал глаголу *have* пространственную интерпретацию. Он обращал внимание на установление того или иного типа отношений между *X* и *Y*. При этом он выделил два типа отношений: 1) какое-то любое отношение между *X* и *Y*, которое определяется контекстом, и 2) внутренне присущее (*inherent*) отношение между *X* и *Y*. Мы также включаем информацию об отношении между *X* и *Y* в определение значения рассматриваемых глаголов, но полагаем, что речь идет не о непосредственном отношении между *X* и *Y*, а о включении *Y*-а в пространство, имеющее то или иное отношение к *X*-у. Пространство, имеющее отношение к объекту (*X*-у), мы будем обозначать знаком *SX*, а признак (или — точнее — сумму признаков) 'включение *Y*-а в пространство *S*, имеющее отношение к *X*-у' — знаком $E_{x_2}SX$. Проведенный анализ показывает [Селиверстова 1975: 30—31], что Э. Бендиксу не удалось дать четкого определения понятия «внутренне присущих (*inherent*) отношений», однако сама попытка установить те отношения, о которых сообщают анализируемые глаголы, представляет несомненный интерес. При описании русских глаголов (*иметь*, *брать*, *давать* и т. д.), а также английского глагола *have* мы также не дали общего определения этих отношений, но попытались перечислить виды пространства, типы объектов, включаемых в пространство, и отношения между *X* и *Y*, если эти отношения не вытекали из характеристики пространства, а также типа *X*-а и *Y*-а. В общем виде мы назвали все рассмотренные случаи «информацией о включении *Y*-а в существование *X*-а»⁴.

³ Заметим, что термин каузативный глагол в лингвистике вообще употребляется фактически в двух разных смыслах: 1) глагол, который несет информацию о действии, которое вызывает другое действие или состояние, т. е. денотативная ситуация представлена как состоящая из двух действий или состояний; 2) глагол, который несет информацию о действии, которое заключается в воздействии не на субъект действия, а на какой-то другой объект. Представляется, что глаголы типа *положить*, *поставить* можно назвать каузативными (возможно, лучше здесь говорить об условно каузативных глаголах) только во втором смысле термина: они не представляют денотативную ситуацию как расщепленную на действие и на состояние, возникающее вследствие действия.

⁴ В рецензии на мою книгу «Компонентный анализ многозначных слов» (М, 1975) З. Козловска (Kwartalnik Neoflologiczny. Warszawa, 1976. R. XXIII. Z. 3.) неверно пишет, что Ю. Д. Апресян обратил внимание на признак «включение *Y*-а в существование *X*-а»

Посмотрим теперь, позволяет ли признак $E_{X_2}SX$ интерпретировать содержание предложений с глаголами *take*, *accept*, *assume*, *give*, *get*.

Вхождение этого признака в большинство значений исследуемых слов по существу не требует доказательства. Так, понятно, что выделенная выше информация о проецируемом или конструируемом отображении может рассматриваться как частный случай нахождения в пространстве — нахождение в пространстве сознания. Очевидно также, что предложения типа *He takes everything he can lay his hands on* 'Он берет все, что попадаетея ему под руку' может быть интерпретировано, как сообщение о том, что *X* включает *Y* в число элементов своей собственности.

Менее очевидна справедливость утверждения о том, что предложения типа *He took the man by the throat* 'Он схватил (букв. 'взял') этого человека за горло' передают информацию не просто о приложении физической силы *X*-а к *Y*-у, а о включении *Y*-а (в результате приложения силы) в пространство, которое в данном случае можно назвать пространством сферы физической власти *X*-а (сфера воздействия *X*-а, по терминологии Н. Н. Амосовой). Предлагаемая интерпретация подтверждается следующей особенностью употребления глагола *take*. И глагол *take* и русский глагол *взять* не употребляются тогда, когда *Y* закреплён, и, следовательно, установление физического контакта и приложение силы не даёт *X*-у возможность переместить *Y*. Нельзя, например, сказать: *Я взял перила* (ср. *Я взялся {схватился} за перила*), *Я взял ручку двери*, если ручка установлена на двери, и т. д. Глаголы *take*, *взять* употребляются только тогда, когда *X* «перемещает» *Y* к себе или во всяком случае создается условие, позволяющее ему переместить *Y* к себе или вместе с собой. Ср. *Мальчик взял кувшин и принялся жадно пить* и *Мальчишка схватился за кувшин и жадно принялся пить* (Л. Н. Толстой, Казаки). Второе предложение не сообщает о том, что описываемый предмет изменяет свое «местонахождение».

Глагол *take* может передавать информацию о том, что *Y* включается в число свойств *X*-а, или, точнее говоря, включается в тот или иной из подклассов (подмножеств), на которые распадаются различные существующие или потенциальные свойства *X*-а. Это уточнение необходимо ввести в связи с тем, что свойства объекта не воспринимаются как некоторое единое множество.

как на общий признак глаголов *иметь*, *брать*, *получать*, *давать*. Ю. Д. Апресян, как и отмечалось в книге (с. 71), обращал внимание на общность значения этих глаголов и определял ее через глагол *иметь* {«*брать* = заставлять себя иметь, *давать* = заставлять кого-то иметь»} [Ю. Д. Апресян. Идеи и методы структурной лингвистики. М., 1966. С. 254]. Таким образом глагол *иметь* использовался как неопределяемая единица. Признак $E_{X_2}SX$ служит для определения глагола *иметь* и того общего, что объединяет этот глагол с глаголами *брать*, *получать*, *принимать*, *давать*.

Они скорее рассматриваются⁵ говорящими или во всяком случае могут рассматриваться как распадающиеся на ряд различных подмножеств, причем одно и то же свойство может быть подведено то под более широкий, то под более узкий класс. Например, по-русски можно сказать: *У него есть фантазия*. Это предложение сообщает о наличии фантазии во множестве свойства X-а. Напротив, если мы добавим определение к слову *фантазия*, то все предложение будет восприниматься как сообщающее о наличии Y-а в континууме «фантазия». Например: *У него есть некоторая фантазия*, т. е. некоторый континуум, предназначенный для того, чтобы быть заполненным фантазией, не является пустым, хотя Y и не заполняет его целиком (в данном пространстве могло бы быть и еще некоторое количество Y-а). Подобно этому в предложениях типа *Вошел врач, и лицо больного приняло опять спокойное выражение* сообщается о том, что область качества 'выражение' заполняется спокойным выражением, причем его наличие носит временный характер.

В тех случаях, когда речь идет о приобретении постоянного качества, в русском языке вместо глагола *принять* употребляется глагол *приобрести* (оба эти глагола употребляются в книжной речи). Например: *В результате всех пережитых страданий его лицо приобрело какое-то жесткое выражение*.

В английском языке, напротив, эти два случая не различаются. Так, предложения *Вошел врач, и лицо больного опять приняло спокойное выражение* переводилось на английский язык с помощью выражения *take on* и *assume* (последнее рассматривалось как менее употребительное и встречающееся только в книжной речи): *The doctor came in and the patient's face once more took on (assumed) a peaceful expression*. Эти же два глагола употреблялись также для перевода предложения *Его шерсть отросла и приняла коричневый оттенок*: *His fur filled out and took on (assumed) a brown hue*. Однако выражение *take on* употребляется и в тех случаях, когда речь явно идет о приобретении постоянного свойства. Например: *His suffering was apparent to everyone. That expressive face took on a flayed unhealthy look—the pallor of a church martyr* (L. Durrell, Justine) 'Его страдания были очевидны для всех. Выразительное лицо [Нессима] приобрело какое-то стертое, болезненное выражение—бледность христианского мученика'; *With her going the city took on an unnerving strangeness for him* (там же) 'После ее отъезда город стал для него каким-то угнетающе чужим'. Различие между глаголом *принять* и выражением *take on* заключается также в том, что выражение *take on* может сообщать и о включении Y-а во множество «свойства X-а», а не только в некоторую область, пред-

⁵ Мы не хотим сказать, что говорящие сознательно таким способом интерпретируют действительность. Очень часто это рассмотрение бессознательно и проявляется только в особенностях употребления языковых единиц.

назначенную для заполнения каким-то одним качеством, свойством (выражение, цвет и т. д.). Этим можно объяснить употребление выражения *take on*, например, в следующем контексте: — *Yes, but you never believe what people tell you, do you? You've just said. Well, you're quite right. Mrs. Bantry's voice took on a sudden bitter note* (A. Christie, *The body in the library*) — Да, но Вы никогда не верите тому, что Вам говорят. Не так ли? Вы только что сказали это. И Вы совершенно правы. — В голосе миссис Бэнтри неожиданно зазвучала горькая нотка' (нельзя сказать: 'голос миссис Бэнтли принял горькую нотку').

Таким образом, содержание тех предложений, в которых сообщается о наличии, приобретении качества, также может быть интерпретировано с помощью признака E_{X_2} . Однако может возникнуть вопрос о том, является ли такая интерпретация необходимой. Мы уже писали о том, что информация о приписании X-у некоторого свойства означает, что это свойство служит общей характеристикой X-а. Напротив, включение Y-а в множество «свойства X-а» не означает, что X-у в целом может быть дана характеристика Y [Селиверстова 1975: 42]. Ср. *У него есть талант* (из этой фразы не следует, что «он» вообще талантлив) и *Он талантлив*. Такое же различие проявляется и в рассматриваемых условиях. Так, именно информация о включении Y-а в пространство свойств X-а, содержащаяся в выражении *take on*, делает возможной фразу *Her voice took on a bitter note*. Ср. рус. *В ее голосе появилась горькая нотка*, но: **Ее голос стал горькой ноткой*. Таким образом, введение признака E_{X_2} является необходимым и позволяет установить отличие предложений с глаголами *иметь*, *have*, *брать*, *take*, *принимать* от предложений типа «X {есть} Y».

Одним из видов пространств, о нахождении в котором могут сообщать анализируемые глаголы, является отрезок **временного** существования X-а. Под временным существованием X-а мы понимаем линейную последовательность событий, расположенных на временной оси и составляющих жизнь X-а. О включении Y-а в пространство временного существования X-а могут передавать информацию глаголы *get* и *receive*. При этом они показывают, что Y включается в некоторый отрезок временного существования X-а в качестве действия, направленного на X, и «достигшего» своего адресата. Например: *Suddenly he received a push which nearly overturned him in the road* (J. Galsworthy, *The man of property*) 'Неожиданно он получил такой удар (толчок), который почти сбил его с ног'; *And next day when she awoke she cried out good-morning in a cheerful voice. She got no answer* (English Fairy Tale) 'На следующий день, когда она проснулась, она закричала веселым голосом — Доброе утро. Но она не получила ответа'. Если ситуация осмысливается таким образом, что включение Y-а в качестве точки временного отрезка существования X-а представляется зависимым не только от того, кто производит действие Y или проявляет какое-то свое отношение к X-у, но и от согласия X-а принять Y,

употребляется глагол *accept*. Например: *All this meant poverty, neglect, dirt; it meant accepting charity from the milk man, and having no one to talk* (J. Wain, *Contenders*) 'Все это означало бедность, запустение, грязь; это означало готовность принять благотворительность продавца молока, отсутствие кого-то, с кем можно было бы говорить...'; *Skelton felt that he should tell his host how it had come about that he had been forced to accept a hospitality which he couldn't but feel was grudgingly offered* (S. Maugham, *Stories. Vol. II*) 'Скелтон чувствовал, что он должен объяснить своему хозяину, как случилось так, что он вынужден был принять гостеприимство, которое — он не мог этого не чувствовать — было дано неохотно'; *She had kindly offered to remain on night duty, which offer was gratefully accepted* (A. Christie, *The Mysterious Affair at Styles*) 'Она любезно предложила остаться на ночное дежурство, и ее предложение было с благодарностью принято'. Если Y представляет собой какое-то пожелание, рекомендацию, то согласие принять Y будет означать не только включение его в качестве какого-то факта, события жизни X-а, но и включение его в качестве элемента, программирующего поведение X-а (to *accept advice* 'принять совет', to *accept the invitation* 'принять приглашение', to *accept the proposal* 'принять предложение' и т. д.). Например: *If Mr. Forrester makes any conditions she must accept them* (S. Maugham, *Stories*) 'Если м-р Форрестер поставит какие-либо условия, она должна принять их'.

О включении Y-а в отрезок временного существования X-а может передавать информацию и глагол *take*. При этом если Y представляет собой совет, рекомендацию, то предложения с глаголом *take* несут информацию о включении Y-а в существование X-а в качестве реализованного пожелания, рекомендации. Например, можно сказать: *I received a hint from the man, but I didn't take it* (букв. 'Я получил намек от этого человека, но вел себя в соответствии с полученным намеком'); *I've taken your advice and so I'm here* 'Я воспользовался вашим советом, и вот я здесь'. Глагол *take* может употребляться не только со словами, обозначающими действия, но с такими словами, как *risk* 'риск', *opportunity*. При этом данный глагол показывает, что Y реализуется, имеет место в жизни X-а в результате действия X-а. Например: *I wish to take this opportunity of expressing my appreciation of the encouragement and assistance given me in the course of my work...* (J. Lyons, *Structural Semantics*) 'Я хочу воспользоваться этой возможностью, чтобы выразить то, как я ценю поддержку и помощь, оказанные мне в ходе моей работы...'; *I took a risk by running across the railway line* 'Я рисковала, когда перебежала через железнодорожную линию' (букв. 'брала риск').

Глагол *take* может сочетаться также со словами, обозначающими действия, которые осуществляет сам X (to *take a walk*; to *take a look*, to *take a nap* и т. д.). Сочетаниям типа to *take a walk*, to *give a look*, to *have a swim* посвящено большое

количество работ. Они анализировались в работах Е. Крейзинги, О. Есперсена, стали объектом исследования многих диссертационных работ⁶. В этих работах в основном исследовалась проблема **идиоматичности** и фразеологичности подобных сочетаний. Некоторые лингвисты признавали подобные сочетания аналитическими формами, составными глаголами. Другие исследователи (см., например, [Амосова 1963; Старикова 1966]) пришли к выводу, что сочетания типа *to take a look* не могут быть приравнены к сложным словам. По их мнению, они относятся к категории фразеологических единиц. Результаты проведенного нами исследования подтверждают эту вторую точку зрения. Глаголы *take*, *receive*, *get* имеют лексическое значение в рассматриваемой сочетаемости, что видно из противопоставленности таких пар, как: *to take a hint*—*to receive a hint*, *to take advice*—*to receive advice*—*to accept advice*, *to get an answer*—*to give an answer*. Ниже мы покажем, что признаки, по которым различаются эти сочетания, реализуются и в других условиях употребления анализируемых глаголов. О том, что сочетаемость глаголов *take* и *give* со словами, обозначающими действия, определяется лексическим значением этих слов, писала и Н. Н. Амосова [Амосова 1963: 116]. Отметим также, что глаголы *take* и *give* иногда сочетаются с одними и теми же существительными, причем эти сочетания различаются по значениям глаголов *take* и *give*. Например, *to take a look* и *to give a look*. Сохранение лексического значения в свою очередь означает, как мы и утверждали выше, что анализируемые сочетания не просто приписывают X-у некоторое действие, а сообщают о включении Y-а в некоторый временной отрезок существования X-а в качестве действия, производимого им самим. Такая организация семантической информации приводит и к особым характеристикам того действия, которое представляет Y: это законченное «однократное (если берется один период существования X-а) действие». Таким образом, различие по признаку «однократность/отсутствие информации об однократности», которое устанавливается у таких пар, как *to give an answer*—*to answer*, вытекает из лексического признака E_{x_2} , входящего в значение глагола *give*. Мы не хотим при этом сказать, что сочетания типа *to give a laugh* вообще лишены фразеологичности. Значение, реализуемое в анализируемых сочетаниях, не выпадает из общего круга значений глаголов *take*, *get*, *receive*, *give*, *accept*, что, однако, не исключает их принадлежности к категории устойчивых и даже иногда идиоматических (они могут иметь ограниченную заполняемость, не предопределяемую признаком

⁶ См., например: *Б. И. Роговская*. Аналитическая конструкция типа *to give a laugh* в английском языке: Автореф. канд. дис. Киев, 1947; *А. В. Кулачева*. Английские фразеологические сочетания, имеющие эквивалентом простой глагол: Автореф. канд. дис. М., 1953; *Г. В. Бушева*. Фразовый глагол в современном английском языке: Автореф. канд. дис. Киев, 1954; *Ю. В. Шаламов*. О месте конструкции типа *take a look* в современном английском языке: Автореф. канд. дис. М., 1968.

Ех₂, не допускать перестановки или введения дополнительных членов сочетания, получать дополнительные смысловые признаки, не вытекающие из значения членов словосочетания и т. д.). Мы не рассматривали здесь специально проблему фразеологичности данных сочетаний, но многие доводы, приводимые в пользу их рассмотрения в качестве фразеологических, представляются совершенно справедливыми.

Глаголы *take*, *give*, *get* передают информацию о включении Y-а в некоторый временной период существования X-а также в тех случаях, когда Y представляет собой ощущение X-а. Например: *Her acting gave me very much pleasure* 'Ее игра доставила мне большое удовольствие'; *The naughty boy takes great delight in pulling the dog's tail* 'Проказнику доставляет удовольствие тянуть собаку за хвост' (букв. 'берет удовольствие, когда тянет собаку за хвост'); *Have I done anything to give you offence?* 'Я чем-нибудь обидел вас?' (букв. 'Я сделал что-то, что дало вам обиду?').

Выше было отмечено, что глагол *accept* может передавать информацию о включении Y-а в число элементов, программирующих деятельность X-а или его поведение. Эта информация входит в значение и всех остальных анализируемых глаголов. Такую информацию может передавать, в частности, глагол *assume*. Например: *Poland's foreign minister, Mr. Stephan Olszowsky is to resign, but will assume additional important duties in the Communist Party, it was officially announced in Warsaw, yesterday (Morning star. December 3. 1970)* 'Вчера в Варшаве было официально объявлено, что министр иностранных дел, м-р Стефан Олховски, должен уйти в отставку в связи с переходом на партийную работу' (букв. 'но он возьмет на себя дополнительные важные обязанности в коммунистической партии'); *Mr. Nkomo and Mr. Mugabo have been urging Britain to assume such a role (там же)* 'М-р Нкомо и м-р Мигабо побуждали Англию взять на себя эту роль'. Глагол *assume* в сочетании с придаточным дополнительным может передавать информацию о включении некоторого действия в потенциальную программу поведения, реализация которой будет зависеть от внешних условий. Например: *Although he had a lot of work he assumed that he would go to Paris for the conference* 'Хотя у него было много работы, он решил, что поедет в Париж на конференцию' (если его пригласят, если это окажется возможным).

Рассмотрим еще некоторые значения анализируемых глаголов, в которых также реализуется признак Ех₂. В словарях одно из значений глаголов *rescind* и *resign* толкуется с помощью глагола *accept*. При этом не показывается, в чем же заключается различие между этими глаголами. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что значение глагола *accept* составляет следующая информация — этот глагол сообщает о том, что денотат подлежащего, преодолев внутреннюю эмоциональную борьбу против некоторого факта, случившегося в его жизни, или имеющего отношение к его жизни, переводит

его в число событий, не имеющих действенной силы в его настоящей жизни, т. е. событий, которые либо уже принадлежат прошлому (они не «живы» в настоящем), либо принадлежат периферии жизни: не входят в число событий, волнующих X, постоянно присутствующих в его повседневной жизни. По этому компоненту глагол *accept* оказывается противопоставленным глаголам *reconcile* и *resign*, которые также показывают, что денотат подлежащего прекращает эмоциональную борьбу против случившегося факта, но при этом данный факт остается действенным в его жизни. Например, *Marsh's father is dead, but Marsh refuses to accept 'Отец Марша умер, но Марш не хочет поверить этому'* (букв. 'не хочет включить в число тех фактов, при знании которых нужно продолжать жить'); *It was not easy for him to accept that Dubedat, a mediocrity whom he had employed out of charity, would try to run him out of Athens (O. Manning, The Spoilt City) 'Ему было нелегко примириться с тем* (букв. 'нелегко включить данный факт в число тех, при знании которых можно было спокойно, «нормально» жить, т. е. перестать мысленно возвращаться к этому факту, постоянно думать о нем с возмущением'), *что Дьюбидат, эта посредственность, которого он взял на работу только из жалости, теперь попытается заставить его уехать из Афин'; I shall have friends at last, real friends. I shall go about the world, I shall have you. And Arnold will accept it, he'll have to, he might ever learn humility (I. Murdock, The Black prince) 'Наконец, у меня будут друзья, настоящие друзья. Я буду путешествовать, у меня будешь ты. И Арнольд примирится с этим* (букв. 'включить в число событий, не вызывающих протест возмущение'), *он должен будет, возможно, он даже научится смирению'. О том, что глагол *accept* несет информацию не просто о прекращении эмоциональной борьбы против чего-то случившегося, но сообщает о включении случившегося в число событий, уже не имеющих живой, действенной силы в жизни денотата подлежащего, свидетельствует прежде всего следующее: после высказывания с этим глаголом может следовать сообщение, указывающее, что X собирается сделать что-то, чтобы уничтожить последствия случившегося. Понятно, что прекращение даже эмоциональной борьбы против какого-то факта жизни однозначно предполагает отсутствие каких-либо попыток сделать что-то, чтобы изменить случившееся. Вследствие этого, предложения типа *Он смирился с ее уходом, но решил сделать все, чтобы ее вернуть* логически противоречивы. Точно так же воспринимаются и соответствующие предложения с глаголами *reconcile* и *resign*. Например, информанты считали неправильным следующее предложение: *He reconciled himself to their rejection of him but made up his mind to do something to make them change their opinion of him* 'Он примирился с тем, что они отвергли его, но решил сделать что-нибудь, чтобы заставить их изменить свое мнение о нем'. Напротив, включение случившегося в число событий, которые уже не имеют действенной силы и поэтому больше*

не вызывают эмоционального протеста, не исключает готовность сделать что-то, чтобы изменить сложившуюся ситуацию. Таким образом, возможность употребления глагола *accept* в рассматриваемых контекстах подтверждает правильность выделенного значения. Так, можно сказать: *He accepted their rejection of him but made up his mind to do something to make them change their opinion of him*. Укажем еще одну особенность употребления, подтверждающую правильность выделенного признака. Повторяемость некоторого события в жизни X-а в течение долгого времени не должна влиять на включение этого события в число тех событий, которые уже не имеют действенной, активной силы в жизни X-а, не входят в его повседневную жизнь. Напротив, можно ожидать, что повторяемость некоторого события в жизни повлияет на отсутствие эмоционального протеста против этого события. Поэтому употребление глагола *reconcile* в контексте *She could never reconcile herself to his offhand treatment of her although she had been with him for thirty years* 'Она так и не могла примириться с тем, как он обращался с ней, хотя проработала у него 30 лет' должно восприниматься как естественное, создающее логически согласованное предложение. Напротив, употребление глагола *accept* в данном контексте должно создавать логически противоречивое высказывание. Опрос информантов подтвердил сделанное предположение. Итак, введение признака Ex_2 позволило установить отличие глагола *accept* от глаголов *reconcile*, *resign*.

Введение этого признака позволило уточнить содержание и других значений глагола *accept*. В словарях отмечается, как указывалось выше, что глагол *accept* может передавать информацию о признании Y-а правильным. Например: *I accept his theory of migration*. Однако в действительности этот глагол сообщает не о признании правильности данной теории, а о включении этой теории в свое собственное видение данного объекта. В результате эту фразу может употребить только человек, который сам является специалистом в рассматриваемой области науки. Информация о признании правильности является здесь лишь следствием данного значения.

Мы рассмотрели далеко не все значения глаголов *take*, *accept*, *assume*, *get*, *receive*, *give*. Однако проанализированные случаи позволяют утверждать, что признак включения (нахождения, наличия) Y-а в SX глаголов входит во многие значения этих глаголов и фразеологических единиц, содержащих их. Его выделение позволило уточнить содержание отдельных значений анализируемых слов и найти тот принцип, который должен лечь в основу выделения большинства значений этих слов, а именно: классифицировать значения в зависимости от вида пространства и типа объекта, включаемого в это пространство.

Проведенный анализ показал также, что признак Ex_2 не является единообразным: он расщепляется на ряд вариантов: информация о нахождении (включении) Y-а в число свойств X-а; информация о включении Y-а в некоторый

временной период существования X-а (при этом Y может представлять собой действие, осуществляемое X-ом, или действие, направленное на X, а также событие или ощущение, чувство X-а), информация о включении Y-а в число элементов, программирующих деятельность X-а или его поведение; информация о включении в число элементов собственности, в сферу физической власти X-а и т. д. Реализация того или иного варианта в большинстве случаев предопределяется контекстом и прежде всего значением слова, обозначающего Y, а также содержанием других компонентов значения анализируемых слов. Вследствие этого информация о типе пространства, а также о типе включаемого объекта (Y-а), могла бы считаться контекстной и не вводиться в определение значений исследуемых глаголов. Однако существует ряд таких вариантов признака $E_{X_2}SX$, каждый из которых соединяется по крайней мере с одним таким другим компонентом значения анализируемых слов, который не сочетается с остальными вариантами признака $E_{X_2}SX$. Так, при описании включения Y-а в сферу физической власти X-а глагол *take* оказывается в оппозиции с глаголами типа *to seize* и получает такие компоненты значения, которые он не имеет при других вариантах признака E_{X_2} . Выше мы рассмотрели также информацию о проецируемом и конструируемом отображении, которая возникает при описании нахождения Y-а в пространстве сознания.

Существование различающихся компонентов, соединяющихся с разными вариантами признака $E_{X_2}SX$, способствует обособлению его вариантов. Вследствие этого та частная информация, которая наслаивается на общее значение признака (например, информация о том, что речь идет именно о пространстве сознания, а не о каком-либо другом пространстве), воспринимается не как контекстная флюктуация, а как часть значения. В общем виде отмеченную особенность построения признака E_{X_2} можно представить так: запишем через *a* то общее, что сохраняется во всех случаях реализации рассматриваемого признака; ($a_1, a_2 \dots a_n$ будут обозначать частную информацию, добавляемую к *a* при реализации различных вариантов признака $E_{X_2}SX$), тогда содержание E_{X_2} соответствует дизъюнкции вариантов: ($a \cdot a_1$) или ($a \cdot a_2$) или ($a \cdot a_3$)... или ($a \cdot a_n$), причем для каждого варианта выделяется такой другой компонент значения, который не сочетается с остальными: ($a \cdot a_1$) · *b* или ($a \cdot a_2$) · *c* или ($a \cdot a_3$) · *d*, ... или ($a \cdot a$) · *g*. Такую структуру построения семантических признаков мы назвали расщепленной [Селиверстова 1976].

Необходимость рассмотрения признака $E_{X_2}SX$ в виде набора вариантов связана также с тем, что данный признак существует во многих языках, но варианты, которые он при этом имеет, могут не совпадать. В настоящее время не выделены все варианты признака $E_{X_2}SX$. И в этом направлении предстоит сделать еще очень многое.

ДРУГИЕ ПРИЗНАКИ АНАЛИЗИРУЕМЫХ СЛОВ

Мы не исследовали все слова, в значение которых входит признак «нахождение в пространстве или включение в пространство». Поэтому мы не можем сказать, выделяется ли в языке большая семантическая группа, объединенная указанным признаком, которая на следующем иерархическом уровне расщепляется на две подгруппы в зависимости от того, идет ли речь о пространстве, имеющем некоторое отношение к объекту, или нет (общий элемент значения не всегда выполняет функцию интегрального признака, лежащего на верхнем иерархическом уровне и составляющего то ядро, которое служит основой для образования остальных признаков). В настоящее время мы можем только утверждать, что есть слова и лексико-синтаксические конструкции, которые несут информацию о нахождении (или перемещении) Y -а в пространстве, которое обязательно имеет какое-либо отношение к некоторому другому объекту — X -у. Такую информацию несет, например, конструкция «there is Y ». При сопоставлении этой конструкции с лексико-синтаксической моделью « X has Y » мы обнаружили, что даже в тех контекстах, в которых предложения с конструкцией «there is Y » передают информацию о нахождении Y -а в пространстве, связанном с X -ом (There is a boy in my room 'В моей комнате мальчик'), они выражают более опосредованное отношение между X и Y по сравнению с тем отношением, которое выражают соответствующие предложения с глаголом have. Так, предложение I have a boy in my room, в отличие от предложения There is a boy in my room, показывает, что нахождение мальчика в комнате автора речи определяется волей, желанием автора речи. Таким образом, содержание признака $E_{X_2}SX$ составляет не вообще информацию о нахождении Y -а в пространстве, имеющем какое-либо отношение к X -у, но всегда предполагается некоторое непосредственное отношение и к самому X -у (включение Y -а в существование X -а): включение Y -а в число свойств X -а, в число элементов собственности и т.д.⁷

Одна из особенностей анализируемых английских глаголов по сравнению с соответствующими русскими глаголами состоит в том, что в семантической структуре некоторых английских глаголов, наряду со значениями, объединенными признаком $E_{X_2}SX$, есть значения, в которые этот признак не входит. Так,

⁷ Нам представляется также, что такое сочетание, как *моя страна*, не означает просто 'страна, где я живу', но несет информацию о более глубокой связи. Точно так же, если говорящий опишет дом, в который он идет через выражение *мой дом* (*Вот мой дом*), то он представит рассматриваемую ситуацию как такую, в которой устанавливается какое-то отношение принадлежности между «я» и «домом», что и придает подобному употреблению элемент экспрессивной окрашенности.

глагол *take* может нести информацию о перемещении *Y*-а в пространство *S*, которое не является пространством *X*-а. Например, по-английски можно сказать: *I took the purse to the police-station* 'Я отнес кошелек в полицейский участок'; *Take these letters to the post* 'Отнеси письма на почту'; *Take me to «Anna Karenina»* 'Своди меня на «Анну Каренину»'⁸. Русский глагол *взять* в соответствующих условиях может употребляться только тогда, когда перемещение *Y*-а в *S* не составляет цель *X*-а: *X* направляется в *S* для какой-то своей цели и только захватывает с собой *Y*. Мы назвали этот вариант признака E_{X_2SX} включением *Y*-а в «динамическое местонахождение *X*-а» [Селиверстова 1975: 219—220]. Глагол *take* может также употребляться в тех случаях, когда речь идет о перемещении *Y*-а, уже находящегося у *X*-а. Например, можно сказать: *He took the purse from the pocket* 'Он вынул кошелек из кармана'. По-русски здесь нельзя употребить глагол *взять*. Об условиях употребления этого глагола см. [Селиверстова 1975: 208—214].

Английский глагол *get* может нести информацию о перемещении в пространстве не *Y*-а, а самого *X*-а. Например: *When did get home?* 'Когда ты добрался домой?'. Глагол *get* может также сообщать о становлении некоторого свойства, состояния. Например: *You'll get wet* 'Ты промокнешь'. Таким образом, глагол *get* имеет значение, близкое к значению глагола *be* в модели «*X is Y*» (*He is clever* 'Он умен'). В связи с этим встает вопрос о том, как соотносятся значения моделей типа «*X gets dark (wet)*» со значениями, анализируемыми в данной работе.

Э. Бенвенист, рассматривая соотношение глаголов 'быть' и 'иметь' в разных языках, пришел к выводу о том, что эти глаголы взаимосвязаны во всех языках и сужение семантической области одного глагола всегда приводит к расширению семантической области другого глагола и наоборот. Он объяснил это явление тем, что оба глагола являются глаголами состояния. В работе Э. Бенвениста приведен очень интересный материал о взаимоотношении глаголов 'быть' и 'иметь' в разных языках, обращено внимание на такие аспекты их взаимоотношения, на которых раньше не акцентировалось внимание лингвистов. Однако то решение проблемы, которое было предложено Э. Бенвенистом, не представляется нам вполне убедительным. Прежде всего в работе Бенвениста не был определен сам термин «состояние». Этот термин не имеет

⁸ На эту особенность английских глаголов под несколько иным углом зрения обращено внимание в статье И. П. Тарасовой [Тарасова 1976]. Она различает случаи, когда 1) денотат подлежащего является одновременно актантом-деятелем (субъектом) и актантом-адресатом, 2) денотат подлежащего только субъект, но не адресат, причем «адрес... соответствует месту» (*John took the letters to the post*), 3) денотат подлежащего только субъект, а «адрес совпадает с актантом-объектом».

в лингвистике однозначного толкования и, по-видимому, в работе он употреблен в каком-то особом значении, более широком, чем то, которое обычно в него вкладывается. Так, в соответствии с наиболее распространенным пониманием термина «состояние» только такое предложение, как *Он в отчаянии*, но не предложение типа *Он отчаянный человек*, может быть интерпретировано как выражающее значение состояния. Таким образом, термин «состояние» в его обычном понимании не относится даже ко всем случаям составного именного сказуемого. Возможно, Э. Бенвенист употреблял этот термин просто в значении «недействие». При таком понимании термин «состояние» действительно относится и к значению глагола 'быть' и к значению глагола 'иметь'. Представляется, однако, что компонент «недействие» не составляет той основы, которая определяет тесное взаимодействие глаголов 'быть' и 'иметь'. Этот компонент не объясняет, почему глагол 'иметь' связан прежде всего с экзистенциальным значением глагола 'быть' (E_{x_2}), а не со связочным значением. Этот признак не объясняет также, почему у многих глаголов со значением действия, таких, как английские *go* 'идти', *turn* 'поворачивать', *get* 'получать' развивается значение «становление свойства», близкое к связочному значению глагола *be*. Установление того факта, что глагол 'иметь' сообщает о нахождении в пространстве, причем имеет определенные рематические характеристики, а именно: он сообщает о наличии объекта в заданном пространстве, а не о том, в каком именно пространстве находится объект, делает очевидной ту основу, которая определяет взаимосвязь экзистенциальных конструкций с глаголом 'быть' и конструкций с глаголом 'иметь'. Информация о нахождении в пространствах особого типа, а именно в пространствах, находящихся в том или ином отношении с некоторым объектом X-м (эти отношения при исследовании перечисляются), т. е. соединение признака нахождения в пространстве с признаком посессивности, характеризующее значение глагола 'иметь', может добавляться в значение конструкций с глаголом 'быть' с помощью введения особых предлогов (как и имеет место, например, в русском языке: *У нее есть одно удивительное свойство*) или притяжательных местоимений. Признак E_{x_2} объясняет не только связь глаголов 'иметь' и 'быть', но и связь этих глаголов с такими глаголами, как 'брать', 'получать', 'давать'.

С другой стороны, информация о наличии объекта в пространстве фактически объединяет в себе два разных элемента: 1) информацию о наличии объекта и 2) информацию о том, какой именно объект находится в пространстве (обычно сообщение о том, к какому именно классу относится этот объект). Эта последняя информация иногда составляет все содержание сообщения. Например: *Что у тебя в руке? — Меня в руке книга* (в этом контексте наличие какого-то объекта у X-а предполагается заранее и сообщается о том, какой именно объект у X-а). Информация о том, какой Y у X-а и является звеном,

соединяющим предложения, которые сообщают о наличии объекта, с теми предложениями, в которых объекту приписывается то или иное качество или устанавливается тождество члену класса {*Он красив; Он инженер*), но исчезает информация о включении в пространство. Общее звено обоих значений (информация об отнесенности к классу или об отдельной качественной характеристике) не составляет отдельного компонента первого значения, она просто предполагается информацией о наличии объекта (каждый объект принадлежит какому-то классу, поэтому если сообщается о наличии объекта, то имеется в виду, что этот объект относится к какому-то классу. Вследствие этого в отличие от признака Ex_2SX , который составляет интегральную часть целого ряда значений, экзистенциальное и связочное значения не восходят к одному общему компоненту и образуют ту семантическую структуру, которую описал Д.Н.Шмелев [Шмелев 1964: 83—84]: если изобразить значение графически в виде круга, то экзистенциальное и связочное значения будут представлять собой два соприкасающихся или отчасти наложенных друг на друга круга. Не рассматривая вопрос о том, с каким значением («получать» или «перемещаться в (физическом) пространстве») в семантической структуре глагола *get* непосредственно связано значение «становиться», отметим только, что эти значения образуют также структуру соприкасающихся кругов.

Такую семантическую организацию Д. Н. Шмелев противопоставил структуре, образуемой общим значением. Она может уподобляться кругу, поделенному на секторы, которые представляют собой отдельные варианты общего значения (наличие такой структуры в языке Д. Н. Шмелев считает маловероятным). Рассмотренные в данной главе значения с общим признаком Ex_2SX образуют промежуточную структуру: было показано, что рассматриваемый признак предстает как расчлененный на варианты уже в языке, а не только в речи. Поэтому отдельные значения, связанные с вариантами признака Ex_2SX , лучше представить в виде отдельных кругов, нанизанных на общий стержень. Поскольку, кроме того, каждое из этих значений состоит не только из признака Ex_2SX в том или ином из его вариантов, то эти круги следует дополнить другими кругами, лежащими внутри первых.

Значения глаголов *take, give, get, receive, assume, accept*, объединенные признаком Ex_2SX , имеют еще два общих признака: они сообщают не о наличии Y -а в S , а о включении Y -а в S , т. е. имеют признак t в значении t_n и несут информацию об осуществлении действия; мы обозначим ее знаком F . Имеются, однако, некоторые исключения. Так, предложение *I accept his theory of migration* 'Я принимаю его теорию миграции' имеет признак t в значении t_0 , т. е. здесь не сообщается о том, что данная теория миграции не входила в мировоззрение X -а до некоторого описываемого момента. При этом в данном контексте сохраняется информация о том, что нахождение Y -а в S определяется какой-то

проведенной X-м оценкой Y-а и признания его правильным. Вследствие этого в данном контексте выделяется компонент F, т. е. информация о некотором действии, которое предопределяет вхождение Y-а в S.

И в русском, и в английском языках анализируемые глаголы могут нести информацию не только о включении или нахождении Y-а в S, но и о реакции X-а на наличие Y-а в S или об отношении X-а к данному факту. В русском языке такую информацию чаще всего передает глагол *принять*. Например: *Он спокойно принял известие об измене невесты; Я принимаю его таким, какой он есть*. В английском языке эту информацию может передавать глагол *accept*. Например: *I accept people for what they are* 'Я принимаю людей такими, какие они есть'. Глагол *take* также сообщает не только о включении Y-а в S, но и о том, что X «выдерживает» наличие Y-а, т. е. не пытается сделать так, чтобы Y не имел места, или же, что X не погибает при наличии Y-а, не теряет контроля над собой. Например: *She talked about her boy-friends in a tone of most fraughtful, spine-chilling, whimsy determination and they took it* (M. Drabble, *Jerusalem the Golden*) 'Она говорила о своих приятелях многозначительно-капризным тоном со знанием того, чего она от них хотела, тоном, от которого становилось не по себе, и они сносили это'. Не всегда очевидно, передается ли информация о включении Y-а или о реакции, отношении к его наличию. Например, предложение *It was a risk that we all knew and had accepted—you must accept this type of risk if you go climbing on any Himalayan peak* можно интерпретировать исходя из общего смысла, так: 'Это была та опасность, о которой мы все знали и допускали, что мы можем ей подвергнуться (т. е. включали в свое сознание мысль о возможности подвергнуться опасности как соответствующую действительности)—нужно допускать возможность такой опасности в своей жизни, когда совершаешь восхождение на Гималайские пики'. Однако общему смыслу контекста не противоречит и такая интерпретация: 'Это была та опасность, о которой мы все знали и эмоционально не протестовали против нее (т. е. как бы соглашались на наличие опасности)'. При последней интерпретации собственно также можно говорить об определенной форме включения Y-а в жизнь X-а: X осуществляет некоторое действие, зная, что оно чревато опасностью, и тем самым выражает свое волеизъявление на то, чтобы опасность имела место в его жизни.

Информация о включении Y-а в SX или о процессах, протекающих в X-е при включении Y-а в SF, является основой для формирования дифференциальных признаков, которые в основном определяют различия между глаголами *take, accept, assume—give, get, obtain*⁹. Глаголы *take, accept, assume* во всех или во вся-

⁹ Различие между этими глаголами иногда может быть связано с типом того происшествия, о котором идет речь.

ком случае во многих своих значениях показывают, что X, который представляет собой денотат подлежащего, является источником той силы, которая определяет осуществление действия. По-видимому, если описывается сам акт включения Y-а в SX, глаголы take, assert, assume всегда несут информацию, что X либо осуществляет включение, либо, во всяком случае, его действие является определяющим (о понятии определяющего субъекта см. [Селиверстова 1975: 72]). Например: I took him on my knee 'Я взял его на колени'; He took an appointment as a house physician 'Он принял предложение стать домашним врачом' (букв. 'взял должность домашнего врача'). В некоторых условиях глаголы take, assume используются для обозначения тех денотативных ситуаций, которые в русском языке описываются глаголом *получать*. Например, все информанты при переводе следующего предложения: *Это были те народные изречения, которые получают вдруг значение глубокой мудрости, когда сказаны кстати*¹⁰ употребляли сочетание take on и считали допустимым использовать глагол assume: These were folk sayings which when used at the right moment suddenly took on (assumed) the significance of great wisdom. Возможно, такое употребление свидетельствует не о том, что выражение take on и глагол assume могут употребляться и в тех случаях, когда роль X-а является определяющей, и в тех случаях, когда эту роль играет некоторая внешняя по отношению к X-у сила Z. Скорее всего в английском языке иначе осмысливается денотативная ситуация, а именно: это предложение в английском языке показывает, что народные изречения сами в определенных условиях включают в себя значение глубокой мудрости. В пользу такой интерпретации говорит, во-первых, то, что в английском языке вообще во многих ситуациях, допускающих разное осмысление под углом зрения роли X-а и роли Z, активная роль приписывается именно X-у. Так, русское предложение *Он получает удовольствие, когда мучает других* должно быть переведено с помощью глагола take, поскольку X сам осуществляет то действие, из которого он извлекает удовольствие. Во-вторых, глаголы take и assume не употребляются в тех ситуациях, которые более однозначно предполагают пассивную роль X-а. Например, эти глаголы не употреблялись при переводе таких русских предложений, как *Он получил облегчение, узнав, что она простила ему*. В этих контекстах использовались сочетания feel (get) relieved 'почувствовать облегчение' (букв. 'стать облегченным'). В этих контекстах глагол get в сочетании с существительным также не употребляется, что, по-видимому, связано с конфигуративными особенностями употребления этого слова (т. е. с ограничениями в сочетаемости, не предопределяемыми смысловыми признаками).

¹⁰ Русское предложение показывает, что при удачном употреблении создаются те условия, которые и вызывают появление в значении данных высказываний глубокой мудрости, т. е. включение Y-а в SX определяется не X-м, а Z.

В статье И. П. Тарасовой [Тарасова 1976] подлежащее в предложениях типа *She and her husband both took the fever, and died within a few days of each other* 'И она и ее муж заболели лихорадкой и умерли почти одновременно'; *I took a chill* 'Я простудился' рассматривается как обозначающее актант — объект. Такое употребление воспринимается в настоящее время как архаическое, что затрудняет работу с информантами (в подобных контекстах выбирается обычно глагол *catch* 'схватить'). Однако нам представляется более вероятным, что и в этих предложениях денотат подлежащего выступал в качестве агента (субъекта) действия: хотя здесь сообщается о некотором внешнем воздействии на денотат подлежащего, именно его организм определяет то, начнется ли болезнь или нет, т. е. процессы, протекающие в организме, представлены при выборе глагола *take* как определяющие. Напротив, при употреблении глагола *get* (*She got measles*) денотативная ситуация, по-видимому, изображается иначе: внешние обстоятельства рассматриваются как вызывающие наступление болезни. Ср. рус. *Он получил простуду*". Мы полагаем также, что в предложениях типа *A sponge takes in liquids* 'Губка впитывает в себя жидкости' денотат подлежащего также представлен как субъект, а не объект действия: свойства денотата подлежащего определяют его способность впитывать жидкости.

Глаголы *get*, *receive* в отличие от глаголов *take*, *assume* несут информацию о том, что некоторая внешняя сила *Z* определяет включение *Y*-а в *SX*. При этом *X* выступает либо только как адресат действия¹² (т. е. нет информации о том, что он сам при этом делал, или как он реагировал), либо как тот, чье действие не было определяющим для включения *Y*-а в *SX* (т. е. *X* делал что-то, чтобы стать адресатом действия). Например: *He got an answer* 'Он получил ответ' (*X* только адресат *Y*-а); *Nickel alloys receive (get) heat treatment in this laboratory* 'Никелевые сплавы получают термическую обработку в этой лаборатории'; *I obtained my visa* 'Я получил визу' (это предложение показывает, что *X* должен был преодолеть какие-то препятствия для того, чтобы получить *Y*).

Несколько сложнее провести различие между глаголами *get*, *receive* и глаголом *take* в тех случаях, когда речь идет о том, что мы несколько условно на-

¹¹ К предложениям, в которых денотат подлежащего соответствует актанту-объекту, И. П. Тарасова относит и фразы типа: *She took the vice and misery and cruelty of the world as a matter of course* 'Она воспринимает пороки, нищету, жестокость мира как нечто само собой разумеющееся'. Нам представляется, что при описании восприятия субъектом действия является денотат подлежащего или — точнее — его органы отображения (восприятия): они осуществляют «работу» построения отображения объекта в сознании.

¹² *X* можно также назвать «достигнутым» адресатом действия, так как анализируемые глаголы сообщают не только о том, что *Y* «направлен» к *X*-у, но о том, что он включается в *SX*.

звали реакцией X-а на включение Y-а в SX. И. П. Тарасова [Тарасова 1976] считает, что в предложениях типа *He took the blow without flinching* 'Он принял удар, не дрогнув' денотат подлежащего является актантом-объектом. Денотат подлежащего этого предложения можно рассматривать как объект действия *blow* (причем, поскольку это действие представлено существительным, т. е. получило признак предметности, точнее считать его адресатом, а не объектом действия *blow* 'удар'), но не действия *take*, если не включать в содержание термина «объект действия» понятие «страдательный субъект». Вопрос о том, что считать семантическим субъектом и что считать семантическим объектом является дискуссионным и по-разному решается разными лингвистами. Нам представляется, что эти термины должны быть определены в соответствии с общенаучными представлениями о том, что такое действие, процесс, состояние. Понятия действия, процесса в науке обычно связываются с представлением о силе или энергии, которые определяют их протекание. Поэтому при определении понятия «субъект действия» естественно исходить из представления о том, является ли денотат подлежащего источником силы, энергии, обуславливающим протекание действия или процесса. Под таким углом зрения страдательный субъект должен рассматриваться именно как субъект действия. Так, содержание предложения *Он перенес тяжелую болезнь* можно приблизительно интерпретировать так: организм X-а оказывал сопротивление, вел борьбу с болезнью в течение какого-то времени, т. е. сообщается об определенной деятельности денотата подлежащего. Подобную информацию, как представляется, несет и глагол *take* в сочетаниях типа: *to take punishment*, *to take a blow*. Эта информация и определяет отличие глагола *take* от глагола *get*, который не сообщает о том, как реагирует денотат подлежащего на Y. Ср. рус. *Он получил наказание* и *Он мужественно перенес наказание*. При глаголе *receive*, как указывалось выше, могут встречаться такие выражения, как *with indignation* 'с возмущением', *with delight*, 'с восторгом'. Возможно, это свидетельствует о том, что глагол *receive* при описании ситуации получения сообщения попадает в подгруппу глагола *take*, но отличается от последнего по информации о характере эмоциональной реакции.

По-видимому, во всех своих значениях глагол *accept* несет информацию о некотором вторичном действии, которое может быть подразделено на два подвиды: а) внешняя по отношению к X-у сила «направляет» Y к X-у и X включает Y в свое «существование» (т. е. включает его либо в число элементов, программирующих деятельность X-а, либо в его мировоззрение, либо в число событий, уже не имеющих действительной силы в жизни X-а и т. д.); б) внешняя сила Z включает Y в существование X-а, и X как бы соглашается на это включение. Действие включения или согласия обычно определяется признанием того, что Y соответствует действительности или тому, чем он и должен быть.

Отмеченные общие признаки, так же как и признак $E_{X_2}SX$, членятся на варианты, причем эти варианты не всегда предопределяются контекстом.

Итак, в данном разделе были рассмотрены некоторые значения глаголов *take*, *assume*, *get*, *receive*, *obtain*, *give* и была сделана попытка найти то общее, что объединяет все эти значения. В результате проведенного анализа был сделан вывод о том, что семантическую структуру этих глаголов составляет не одно общее широкое значение, а целое множество значений, т. е. проанализированные глаголы являются многозначными. Средством выражения отдельных значений часто служат не сами анализируемые глаголы, а лексико-синтаксические конструкции с этими глаголами, а также их соединение с частицами типа *on*, *over*.

Было также показано, что через многие значения проанализированных слов проходят некоторые общие признаки. Так, признак «нахождение Y-а в пространстве X-а» ($E_{X_2}SX$) является интегральным признаком для большой группы значений рассмотренных глаголов. Было показано, что во все (или, скорее всего, во все) значения глагола *take* входит информация о том, что денотат подлежащего играет роль определяющего субъекта действия. Такую же информацию несут и глаголы *assume* и *accept*. В отличие от них глаголы *get* и *receive* чаще всего передают информацию о том, что денотат подлежащего либо только адресат действия, либо его действие не является определяющим. Было установлено, что константные признаки не исчерпывают содержание той информации, которую несут анализируемые глаголы. Было показано, что при разных вариантах признака $E_{X_2}SX$ анализируемые глаголы входят в разные частные семантические подгруппы и получают дополнительные различительные признаки, что приводит к расщеплению признака $E_{X_2}SX$ на набор вариантов и заставляет говорить о многозначности анализируемых слов. Некоторые варианты были отмечены и в содержании признаков, общих для отдельных слов. Так, при глаголе *take* денотат подлежащего может играть роль и страдательного, и страдательного субъекта действия.

В работе были проанализированы некоторые частные семантические группы, в которые включаются отдельные значения глаголов *take*, *assume*, *accept*. Были выделены понятия конструируемого и проецируемого отображений (в их основе лежит несколько видоизмененный признак фактивности/нефактивности Кипарских), лично/нелично-обусловленного суждения, а также понятие вторичного внутреннего восприятия. Эти понятия были использованы для описания отличия глаголов *take* и *assume* в качестве глаголов мыслительной деятельности от других глаголов этой же семантической группы.

Библиография

- Амосова Н. Н.* Основы английской фразеологии. Л., 1963.
- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Васильев Л. М.* Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971.
- Гак В. Г.* Проблемы лексико-семантической организации предложения. М, 1967.
- Димова С. Н.* О полифункциональности слова с широким значением: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.
- Кацнельсон С. Д.* Содержание слова, значение. М.; Л., 1965.
- Мельников Г. П.* Типы означаемых языкового знака и детерминанта языка // Проблемы семантики. М., 1974.
- Селиверстова О. Н.* Семантический анализ притяжательных предикативных конструкций с глаголом *быть* II Вопр. языкознания. 1973. № 5.
- Селиверстова О. Н.* Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.
- Селиверстова О. Н.* Об одной модели построения семантической микросистемы и структуры многозначного слова // Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976.
- Селиверстова О. Н.* Семантический анализ экзистенциальных и поссессивных конструкций в английском языке // Категории бытия и обладания в языке. М., 1977.
- Соколова В. М.* К проблеме слов широкой семантики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1967.
- Старикова Е. Н.* Синонимическая соотносительность устойчивого глагольного сочетания и простого глагола в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1966.
- Уфимцева А. А.* Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.
- Шмелев Д. Н.* Очерки по семасиологии русского глагола. М., 1964.
- The Advanced learner's dictionary of current English / Ed. by A. S. Hornby, E. V. Gatenby, H. Wakefield. 1958 (сокр.: ALD).

Bendix E. H. Componential analysis of general vocabulary: the semantic structure of a set of verbs in English, Hindi and Japanese // *International Journal of American Linguistics*. 1966. Vol. 32. № 2.

Concise Oxford dictionary, 1956 (сокр.: COD).

Curme G. O. Syntax. Boston, 1931.

Kahn Ch. H. The Greek verb «to be» and the concept of being // *Foundations of Language*. 1966. Vol. 2. № 3.

Kiparsky P., Kiparsky C. Fact «Progress in linguistics». The Hague; Paris, 1970.

Webster's new world dictionary of the American language. N. Y., 1958.

5.

МЕСТОИМЕННИЯ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

О. Н. Селиверстова. Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988.

Введение

Данная книга посвящена одной из самых своеобразных в семантическом отношении групп слов—местоимениям. Сложность и «трудноуловимость» их семантики привела к существованию принципиально разных концепций местоименного значения. Как известно, местоимения часто рассматривались и рассматриваются как слова семантически опустошенные или во всяком случае как слова, значение которых ситуационно изменчиво. Наряду с этим есть работы, в которых раскрывается многокомпонентная структура местоименного значения, свидетельствующая о семантической насыщенности их содержания. Различия в трактовках часто связаны с акцентированием внимания на разных аспектах значения или функционирования местоимений. Так, широкое распространения получила трактовка местоимений как актуализаторов, т. е. слов, которые в речи определяют тип референции именной группы. Делались также попытки свести значения некоторых местоимений (например, *some*, и *any* в английском языке) к правилам их «синтаксического» употребления. Интерес к прагматическому аспекту языковых знаков способствовал выдвижению точки зрения о прагматическом характере местоименного значения.

В предлагаемой монографии вновь делается попытка ответить на вопрос о том, в чем же именно заключается своеобразие местоименного значения. При раскрытии этой проблемы мы будем защищать следующие тезисы:

1. Значение местоимений—это не правила идентификации денотата, а определенная характеристика, которая дается актанту ситуации.

2. Эта характеристика не зависит от контекста и ситуации речи (она может включать в себя, например, указание на роль актанта ситуации в акте речи, но

при этом не меняется в зависимости от акта речи): другими словами, значение местоимений задано в системе языка и не является ситуационно изменчивым.

3. Центральную часть в семантической структуре местоимений не занимает указание на роль актанта ситуации в акте речи или на его кореферентные (коденотативные) отношения, что и определяет отличие местоимений, например, от таких выражений, как *пишущий эти слова*, *{моя} собеседница* и т. д.

4. Основное своеобразие местоименного значения заключается в его несамодостаточности, что связано с делением местоименного значения на два основных слоя: а) задается способ представления актанта ситуации; б) вводится отсылочная информация — указание на «адрес» получения сведений, необходимых для характеристики актанта ситуации в соответствии с заданным способом представления (подчеркнем, что «объявления себя» несамодостаточным не тождественно ситуативности, изменчивости значения).

5. Само значение местоимений часто предопределяет синтаксические условия их употребления и, больше того, может изменять тип семантической структуры высказывания.

6. В денотативном плане основное своеобразие местоимений состоит лишь в отсутствии постоянного класса денотации, но не в том, что они предопределяют различия в плане референтности/нереферентности или — при несколько иной шкале классификации — в плане конкретности/абстрактности денотата.

При выделении перечисленных положений и при их аргументации мы пользовались гипотетико-дедуктивным методом, включающим эксперимент в качестве своего составного элемента. Метод исследования подробно рассмотрен в нашей предшествующей работе [Селиверстова 1980].

Предлагаемая трактовка местоименного значения в большой степени зависит от принимаемого подхода к языку и от выбираемой цели исследования. В основе нашего исследования лежат те концепции языка, которые получили наиболее полное развитие в работах Ф. де Соссюра, И. А. Бодуэна де Куртене, Л. В. Щербы. Одним из важнейших положений этих концепций является четкое разграничение языка и речи. Сказанное не означает, конечно, что не исследовалось функционирование изучаемых единиц. Напротив, мы исходили из положения Л. В. Щербы относительно того, что значение языковой единицы может быть «выведено» из условий употребления этой единицы.

Отличие от других подходов, опирающихся на функционирование языковых единиц, заключалось только в том, что признавалось важным отделять те факты и аспекты употребления, которые предопределены языковой системой и в которых она непосредственно реализуется, от тех аспектов и явлений, которые связаны только с речью.

Поскольку трактовка местоимений зависит от общего подхода к языку, первая глава работы посвящена общетеоретическим предпосылкам. Во второй главе развивается общая выдвигаемая концепция местоименного значения и рассматриваются личные и некоторые указательные местоимения русского языка. В третьей главе анализируются в основном местоимения с *-то* и *-нибудь*. Рассматриваются также их системные связи с другими местоимениями. В связи с исследованием условий их употребления обсуждается и ряд других проблем, например, изучаются типы многократности. Четвертая глава посвящена английским местоимениям с *-one* и *-body*. В пятой главе дается сопоставительный анализ *любой* и *any*.

В работу включены далеко не все типы местоимений. Поэтому распространение развиваемой нами концепции на местоимения в целом носит предположительный характер. Однако, судя по проведенному предварительному исследованию, выдвигаемые тезисы справедливы по отношению ко всем типам местоимений.

Глава I

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. ЗНАЧЕНИЕ И ДЕНОТАТ

1.1. Одна из главных и сложнейших проблем, стоящих перед современной лингвистикой, заключается в конкретизации ее понятийного аппарата. Существование в лингвистике большого числа неопределенных понятий не случайно. Оно связано с объективной сложностью языка и прежде всего с тем, что лишь немногие его аспекты поддаются количественной оценке. Другие же требуют разработки большого числа «качественных» понятий которые могли бы составить аппарат его описания [Лосев 1983]. Недостаточная конкретизация вводимых понятий связана и с тем, что только в последнее время в лингвистике начинают получать распространение методики, позволяющие проверить предсказательную силу полученных описаний и, следовательно, достаточную степень конкретизованности используемых метатерминов. Среди них ведущее место принадлежит гипотетико-дедуктивному методу, включающему в качестве составной части эксперимент. Именно введение эксперимента позволяет либо окончательно верифицировать выдвигаемые гипотезы, либо повысить степень их обоснованности. Исключительная значимость эксперимента как способа изучения языка четко осознавалась еще И. А. Бодуэном де Куртенэ и Л. В. Щербой. Однако только в последние годы стало появляться достаточно большое количество работ, использующих данный метод исследования. Известный толчок в данном направлении был получен, как нам представляется, и от некоторых логико-философских работ, например, [Vendler 1967]. Хотя в

этих работах сам термин «эксперимент» не употребляется, фактически в них используется экспериментальная методика, что проявляется, в частности, в широком привлечении «отрицательного» материала исследования (т. е. случаев неправильного употребления языковой единицы). Логические и лингвистические работы рассматриваемого направления сближают также акцентирование внимания на «логике» функционирования языковой единицы в речи. В логических работах в связи с этим стал употребляться термин «грамматика» по отношению к описанию употребления отдельного слова, например, [Vendler 1967]. Используется также термин «логика», например, [Ноуэлл-Смит 1985]. В рамках собственно лингвистических работ данная часть исследования обычно не имеет специального обозначения, но при этом обязательно присутствует. Лингвист, выдвигая гипотезу о значении той или иной языковой единицы, далее выводит путем дедукции гипотетические условия употребления/неупотребления, вытекающие из постулируемого значения, а затем устанавливает, соответствует ли предсказываемое «поведение» языковой единицы действительности. В процедуре установления соответствия важную роль играет эксперимент. Даже самые простые контексты и ситуации обычно характеризуются одновременно несколькими параметрами. Эксперимент создает возможность варьировать каждый параметр отдельно при фиксации других, что позволяет выделить те из них, от которых зависит выбор исследуемого языкового знака.

Выделение релевантных параметров контекста и ситуации, однако, не всегда достаточно для доказательства правильности постулируемой семантической гипотезы, поскольку разные семантические признаки могут иметь своим следствием тождественные условия употребления. В результате этого возникает необходимость искать такие условия, которые были бы однозначно связаны с постулируемым признаком, что в свою очередь требует обычно рассмотрения большого числа контекстов и ситуаций. Так, например, мы пытались показать [СТП 1983], что неупотребляемость таких предикатов, как: а) *to be fat*, б) *to be asleep* в) *to work* (в обобщенном значении), в форме *Continuous* определяются разными причинами и вследствие этого не может служить основанием для их объединения в одну группу стативов. Так, процедура верификации семантической гипотезы обычно имеет многоступенчатый характер.

Разные варианты экспериментальной методики исследования получили в настоящее время довольно широкое распространение (см., например: [НЗЛ 1983, вып. 14; Bolinger 1977; Freed 1979; Comrie 1976; Селиверстова 1968, 1975, 1980; Крейдлин 1980]).

Значимость применения этих методик заключается прежде всего в следующем: 1) они позволяют заметить тонкие, трудно поддающиеся определению семантические различия; 2) они дают возможность доказывать выдвигаемые семантические гипотезы.

В предлагаемой книге не всегда приводятся данные опроса информантов. Это связано с тем, что в ней часто обсуждаются ранее полученные результаты. В процессе новых исследований при работе над русским материалом мы опрашивали от 6 до 12 человек—редакторов и научных сотрудников в возрасте от 30 до 60 лет. При тестировании английского материала участвовали 6—8 англичан, преподавателей и студентов в возрасте от 20 до 35 лет.

1.2. Обращение к эксперименту для проверки выдвигаемых гипотез не означает, конечно, что все исследователи, пользующиеся данными методами, получают одинаковые результаты при изучении одних и тех же языковых единиц. Расхождения в результатах описания могут быть обусловлены, во-первых, тем, что применение эксперимента создает лишь потенциальную возможность верификации, но, естественно, не гарантирует, что в каждом отдельном случае лингвист найдет необходимую и достаточную систему тестов. Во-вторых, расхождения в получаемых результатах иногда связаны с постановкой разных целей исследования, что в свою очередь может быть вызвано несопадением развиваемых концепций о природе и структуре языка. Именно поэтому мы считаем важным оговорить принимаемую точку зрения. Мы будем исходить из традиционного представления о языке как о системе двусторонних знаков и будем считать, что наша основная задача заключается в том, чтобы раскрыть означаемое исследуемых языковых знаков, т. е.—в соответствии с наиболее широко распространенной терминологией—его значение. При этом мы полагаем, что информация, содержащаяся в значении языкового знака, представлена не в виде правил его употребления, а в форме тех или иных характеристик, которые в речи при использовании знака приписываются актанту ситуации, его событийному элементу или ситуации в целом (исключение, вероятно, составляют только такие слова, как *здравствуйте*, *прощайте* и т. д.). Такое понимание соответствует традиционной лингвистической трактовке значения—ср. толкование значения как концепта у Ф. де Соссюра [1977], способа представления внеязыкового содержания у А. А. Потебни [1958], «наивного понятия» у Л. В. Щербы [1974], «семантического содержания», закрепленного за единицей выражения языкового знака у А. И. Смирницкого [1956] и т. д. Мы отдаем при этом предпочтение термину «информация», потому что в процессе исследования объектом непосредственного рассмотрения становится языковой знак в условиях его употребления в речи, где означаемое («концепт», «наивное понятие») предстает как та информация, которая передается о денотате, т. е. о том или ином актанте описываемой ситуации или о самом событии, ситуации. Подчеркнем также, что основная наша задача—установление не общей информации, которая может быть передана о денотате в данном контексте употребления языковой единицы, а именно—«вклада» ис-

следуемой единицы в контекст. Что же касается второй задачи — установления общей информации — то она рассматривается как вторичная и ставится лишь в определенных условиях, которые специально оговариваются.

Принимаемая трактовка значения близка и к его интерпретации в ряде философских работ и прежде всего в работе Г. Фреге [1977] (понятию значения у Фреге соответствует термин «смысл»).

Под этим термином понимается способ указания на денотат, т. е., иными словами, то, как будет представлен, охарактеризован денотат при его обозначении данным языковым знаком. Заметим, что, по мнению некоторых исследователей, значение местоимений не подводится под общее определение, предлагаемое Г. Фреге, и на этом основании ставится под сомнение оправданность рассмотрения его концепции как общей теории значения (см., например, [Parret 1979]). В связи с этим поставленный в предлагаемой книге вопрос о том, содержится ли в значении местоимений указание на способ представления или — несколько шире — на характеризацию денотата, важен и для теории значения вообще.

Теоретическая позиция, противоположная Г. Фреге, представлена, с одной стороны, в работах Л. Витгенштейна, с другой, — С. Крипке. Концепция Л. Витгенштейна чрезвычайно сложна и допускает иногда неоднозначное толкование, см. об этом [McGinn 1980]. Тем не менее можно утверждать, что ряд положений, сформулированных Л. Витгенштейном, свидетельствует о том, что в его теории языковой знак как бы непосредственно связан с условиями своего употребления и лишен того промежуточного звена — «концепта», «наивного понятия», — которое в рамках других теорий рассматривается как предопределяющее употребление. Напомним известное сравнение, сделанное Витгенштейном, где значение языковой единицы уподобляется знанию ходов шахматной фигуры. См. также: «Для большого класса случаев использования слова *значение* — хотя и не для всех — это слово можно истолковать так: значение слова есть его употребление в языке. И значение имени иногда объясняют, указывая на его носителя» [Витгенштейн 1985: 97]. Невыделение «промежуточного звена» — концепта сближает концепцию Л. Витгенштейна с «каузальной» теорией С. Крипке [1982], не снимая, однако, ряда существенных различий, см. [McGinn 1984].

Одним из важных аргументов против сведения значения к самим правилам употребления может служить выводимость этих правил из постулируемых «концептов», приписываемых языковым единицам в качестве их означаемых. Поэтому исследования, направленные как на установление закономерностей функционирования языковых единиц, так и на поиски тех «концептов», из которых вытекала бы «логика» их функционирования, помогут решить и общий кардинальный вопрос о природе языкового значения. Как отмечалось выше, в

этом плане особый интерес может представлять изучение местоимений. Еще одним существенным аргументом против теорий Л. Витгенштейна и С. Крипке может служить сама организация высказывания: нам представляется, что существует много данных, свидетельствующих о том, что в основе построения высказывания важную роль играет согласование характеристик, которые получают актанты ситуации через обозначающие их языковые знаки и взаимоориентированность актантов ситуации. Взаимоориентированность определяет, какой актант ситуации, представленный тем или иным образом через обозначающее его слово, далее характеризуется через другой актант ситуации, а какой выступает в функции характеризующего (см. п. 2).

Отметим еще один аргумент, который обычно приводится в пользу существования значения как особого явления. Различные теории, исключая из рассмотрения значение (в частности, каузальная теория С. Крипке), не объясняют, как — из наблюдения за актами номинации — дети, не формируя концепта, узнают о том, какие объекты можно, а какие нельзя обозначать данной языковой единицей. Для того чтобы понять, что некоторый объект является таким же, как другой объект, названный данным словом в предшествующем акте речи, необходимо сформировать соответствующий концепт. Именно концепт позволяет ребенку решить, какие свойства описываемого объекта существенны, а какие не существенны для его включения в экстенционал данной языковой единицы. Неправильно сформулированный концепт будет приводить к тому, что «такими же» будут признаваться объекты, не принадлежащие к области денотации той языковой единицы, которой приписан этот «неверный» концепт (см.: [Потебня 1958: 17], где рассматривается случай употребления ребенком слова *арбуз* для обозначения всех круглых предметов).

Подчеркнем, однако, что языковые знаки не подпадают под единый тип. Права, как нам представляется, Н. Д. Арутюнова, когда она пишет, что разные концепции значения можно соотнести с разными типами знаков [Арутюнова 1982: 19]. Так, вероятно, утверждение, что значение знака и есть его употребление, можно отнести к таким словам, как *здравствуйте*, *прощайте*, *спасибо* и т. д. По-видимому, существуют и промежуточные случаи. Однако, как мы полагаем, для большей части языковых знаков справедливы те концепции, в которых выделяется особое промежуточное звено, стоящее между означающим и условиями его употребления, т. е. «концепт», «ближнее значение», «наивное понятие», или, как мы бы сказали, информация содержащая в себе определенную характеристику способ, представления денотата.

Мы отметили, что расхождения в результатах могут быть обусловлены несовпадением в постановке цели исследования. Так, логические работы в значительной степени ориентированы на идентификацию денотата или референта. Сказанное можно проиллюстрировать на примере типичного для последова-

телей Г. Фреге (см. об этом [Parret 1979]) подхода к рассмотрению демонстративов. В рамках этого подхода понимание значения демонстративов связывается с двумя¹ типами знания: знание пространственно-темпоральной локализации высказывания; например, чтобы знать значение *pow*, говорящий должен знать, когда соответствующее высказывание было произнесено; знание «символического» значения. Именно это последнее и соответствует «лингвистическому значению», т. е. тому, что чаще всего понималось в лингвистике под значением (см. о концепциях Ф. де Соссюра, А. А. Потебни, Л. В. Щербы). Хотя в работах Г. Фреге и его последователей проводится различие между первым и вторым типом значения, все-таки в фокусе внимания оказывается их объединение, которое происходит при идентификации денотата. Перенос внимания со значения на денотат естественно связан с целью логических исследований. Напротив, для лингвиста представляется необходимым более резко разграничивать два отмеченных типа знания², что согласовывалось бы с мыслями Ф. де Соссюра о важности выбора собственно языкового угла зрения. Выбор такого угла зрения, конечно, не означает, что лингвист должен заниматься только языком (*langue*, языковая система), а не его функционированием в речи. Ф. де Соссюр, как известно, писал о важности создания лингвистики речи. Проведение демаркационной линии между отмеченными типами знаний позволит прежде всего уйти от внутренних противоречий. Так, если рассматривать собственно значение местоимений, т. е. ту информацию, которую местоимения передают о своем денотате (референте), то легко обнаружить, что это значение не зависит ни от контекста, ни от ситуации: в «характеристику», которую местоимения дают актанту ситуации, может входить указание, например, на ту роль, которую данный актант играет в акте речи, однако само это указание не меняется в зависимости от контекста или ситуации (это положение развивается во всех главах книги). Напротив, если рассматривать те дополнительные конкретные знания, которые необходимы, чтобы идентифицировать денотат, скажем — установить время, обозначенное наречием *сейчас*, в каком-то отдельном случае его употребления, то исследователь придет к выводу, что местоименное значение меняется в зависимости от контекста и ситуации. Таким образом, если лингвист считает своей задачей исследование не только речи, но и языка (*langue*), он должен четко разграничивать отмеченные явления, так как в противном случае неизбежно столкнется с внутренними противоречиями.

¹ Выделяется и третий тип знания, который, однако, не является обязательным для всех демонстративов. Это последнее знание выражается через сопутствующее высказывание остенсивное указание (например, жест).

² См. другую точку зрения [Падучева 1985].

1.3. Остановимся еще на одном аспекте разграничения области значения и области денотации. Подчеркнем, что с нашей точки зрения это разграничение не определяется тем, что обозначаемые объекты принадлежат действительности, а семантическая система языка—это ее концептуальное отображение. Уже неоднократно отмечалось, что объектом денотации может быть и любой из возможных миров (например, мир, созданный в художественном произведении, система сложившихся научных представлений в той или иной области науки, т. е. в последнем случае—это система концептов). Кроме того, и описание самого реального мира дается через его отображение в сознании говорящего (см. в связи с этим разграничение денотативной ситуации [Лекомцев 1973]). Из сказанного не следует, как мы полагаем, что каждый денотат—это не реальный объект, а наше представление о нем (см. другую точку зрения на этот вопрос: [Бродский 1974]). Поскольку человек может объективно устанавливать существование явлений, то высказывания, описывающие ту или иную протоситуацию, могут действительно иметь ее своим денотатом. Конечно, такое положение не всегда имеет место, как, например, в случае с галлюцинациями.

Следует также сказать, что при рассмотрении акта речи под углом зрения языка (*langue*) вообще существен не реальный характер денотата, а способ его представления. В связи с этим высказывания важно разделить, во-первых, на такие, в которых речь строится как описание объективной действительности (говорящий или тот, от лица которого ведется повествование, оценивает себя как объективный «фиксатор», точный прибор, регистрирующий происходящее) и, во-вторых, на такие, в которых сообщается об отображении действительности в сознании (в этом случае принимается во внимание возможность несоответствия отображения и отображаемого). К первой группе относятся сообщения, не содержащие выражений типа *Я думаю, что*, которые служат знаками высказываний-мнений. Конечно, то, что представлено в речи, как сообщение о факте, может быть в действительности лишь выражением мнения. Поэтому выделение сообщений о фактах и мнениях должно по-разному проводиться в логике и лингвистике.

Точка зрения говорящего важна не только в плане разграничения субъективных и объективных (истинных) суждений, но и в плане оценки того, является ли предметом описания отображение ситуации в сознании или нечто, стоящее вне говорящего. Представляется, что говорящие в своей повседневной речи исходят из презумпции существования некоторого мира, который вслед за Ю. С. Степановым [1985: 87] можно назвать «интенциональным» (Ю. С. Степанов использует данный термин при анализе мировосприятия поэта, писателя, но тот же термин может быть отнесен к описанию общих предпосылок речи). Это позволяет представлять высказывания, содержащие обобщенные суждения и другие формы абстракций, как описывающие действительность

преображенную, но находящуюся вне говорящих. Из сказанного также следует, что обобщенные высказывания имеют не только сигнификат (если под этим термином понимать значение, смысл), но и денотат, в качестве которого в данном случае выступает конструкт, обобщение. Представляется, что обязательное наличие денотата вытекает из самой знаковой природы языка — знак может выполнять свою функцию только в том случае, если он соотносен с чем-то другим.

Таким образом, область денотации — это не обязательно действительность и не просто действительность, она может быть представлена «миром вымысла», а также «пропущенным» через сознание и, следовательно, так или иначе преобразованным действительным миром.

Итак, различие между значением и денотатом заключается не столько в их «материальной» природе, сколько в том, что выступает в качестве объекта описания, а что — в качестве средства, с помощью которого этот объект описывается.

Денотативная предназначенность языкового знака (этот термин заимствован у Падучевой [1985]) производна от значения. Однако сам акт денотации зависит также от осмысления в акте речи описываемого объекта говорящим, а иногда — и от принятого в языковом коллективе осмысления некоторого типа объектов. Например, небо в русском языковом сознании может восприниматься как плоскость (отсюда — на небе), напротив, английский язык требует его представления как объема (in the sky). Конкретный выбор языковой единицы определяется также коммуникативными целями сообщения.

Подчеркнем, что проводимое различие между областью значения и областью денотации чрезвычайно важно в практическом отношении: значительная часть ошибок, имеющих в словарных и грамматических описаниях, определяются тем, что в значение включается указание на те свойства денотата, которые в действительности в нем не отображены (см. [Селиверстова 1975, гл. II, III, IV]). Сказанное относится не только к традиционным семантическим работам, но и к исследованиям, базирующимся на новых методах и подходах к описанию (см. гл. II, п. 3).

Отметим также, что в соответствии с проводимым разграничением области значения и области референции мы не будем говорить о референтных, или в другой терминологии — денотативных элементах значения. В каком-то смысле все компоненты значения денотативны, так как они «предназначены» для того, чтобы сообщать нечто о явлениях, описываемых в высказываниях. Но в то же время все они отличны от этих явлений (см. другое употребление данного термина: [Падучева 1985: 13]).

1.4. Рассмотрим теперь те денотативные типы, которые будут учитываться в данной работе. В настоящее время в логических и лингвистических исследова-

дованиях часто проводится различие между референтным и нереперентным употреблением языкового знака (см., например: [НЗЛ. 1982, вып. 13; Semantics of Determiners 1979]). Как нам представляется, в рамках собственно лингвистических задач данное разграничение нуждается в ряде уточнений. Это частично обусловлено тем, что понятия референтное/нереперентное остаются в известной степени неопределенными, что приводит к постоянным попыткам их пересмотра и переинтерпретации и в собственно логических работах (ср. концепции Б. Рассела, П. Стросона, К. Доннеллана — [НЗЛ. 1982, вып. 13]). Кроме того, эти понятия строятся на признаках, одни из которых при описании языкового употребления важно рассматривать отдельно, а другие иногда вообще не существенны для противопоставления денотативных типов. Так, из двух наиболее распространенных характеристик референтного употребления — существование и единственность — первая может быть присуща и случаям нереперентного использования языкового знака:

- (1) *Иван Иванович Петров. Высокий блондин с бледным, красивым лицом. Носит черный фрак и белый галстук.*
 (2) *Куда бы он ни шел, он всегда надевал джинсовые брюки и клетчатую рубашку.*

В значительном числе случаев противопоставление референтного/нереперентного подводится под традиционную лингвистическую классификацию денотатов на конкретные и абстрактные. Именно это деление мы и будем учитывать в последующем изложении. Об уточнении самого понятия «конкретного» мы скажем несколько слов ниже, а сейчас вернемся ко второму показателю референтности — «единственности» и попытаемся показать, что он должен рассматриваться как основание для другой независимой классификации, учитывающей соотношение заполнителя актантной позиции и самой актантной позиции. В связи с этим важно подчеркнуть, что слово в речи выполняет не только функцию обозначения описываемого предмета, явления или признака. Оно одновременно характеризует актантную позицию, которая, в свою очередь, определяется описываемым событием и синтаксическим представлением соответствующего участника события. Так, в предложении

- (3) *По дороге шла женщина*

слово *женщина* не только обозначает некий индивид, но характеризует актантную позицию субъекта действия как заполненную лицом, относящимся к классу *женщины*. Ср., напротив:

- (4) *В этот день никто не работал;*
 (5) *Я подарю ей какую-нибудь из этих книг*

именная группа *какая-нибудь из этих книг* считается употребленной нереферентно. В данном случае «нереферентность» определяется только тем, что актантная позиция объекта действия 'подарить' еще не заполнена и допускается альтернатива в «выборе» ее заполнителя. Однако здесь задается ограниченное множество, состоящее из «индивидуальных» представлений класса книг, один из которых заполнит актантную позицию. Заполнителя актантной позиции можно при этом назвать неконкретным только в том смысле, что еще не сделан выбор. Это тот или иной элемент множества, но сами эти элементы конкретны. Таким образом, будущий заполнитель актантной позиции по своим свойствам близок к денотату референтно употребленной именной группы. Ср.:

(6) *Я подарю ей эту книгу {эти книги};*

(7) *Этот камень имеет форму книги.*

Здесь слово *книга* обозначает типизированный представитель члена класса (родовое употребление имени), т. е. некоторый конструкт, абстракцию. Признак альтернативности может реализоваться и при абстрактном заполнителе актантной позиции:

(8) *По форме они напоминают каких-нибудь первобытных чудовищ.*

Таким образом, классификация денотатов под углом зрения конкретности³/абстрактности принадлежит иной плоскости, чем характеристика актантной позиции по признаку единственности/альтернативности в «выборе» заполнителя, хотя между этими аспектами рассмотрения и существует определенная корреляция.

При выделении денотативных типов мы будем пользоваться следующей рубрикацией: 1) (конкретный) индивид, который, как будет показано в разных разделах данной работы, может быть представлен по-разному, сохраняя при этом статус индивида; 2) обобщенный денотат, подразделяющийся, на различные подтипы в основном в зависимости от именной группы [Сулейманова 1985]; 3) типизированный конструкт члена класса (что соответствует родовому употреблению имени); 4) конструкт индивида, определенный либо только по его отнесенности к классу, либо по его функции в ситуации, которая может создавать «уникальную» характеристику; 5) набор свойств, отделенный от их носителя (что соответствует предикатному употреблению именной группы). Остановимся на понятии конструкта индивида, которое не используется в других работах. Мы связываем это понятие с обозначаемым именной группы в таких предложениях, как:

Подчеркнем, что в данной работе мы не будем употреблять термин «неконкретность» в значении 'тот или иной'.

(9) *Я хочу купить учебник по физике;*

(10) *Он хочет жениться на француженке.*

В этих предложениях именные группы *учебник по физике*, *француженка* не обозначают какого-то отдельного конкретного индивида. Вместе с тем в отличие от предложения (7), здесь предполагается, что актантная позиция при реализации желания субъекта ситуации, будет заполнена индивидом. Данное употребление именных групп принято описывать через признак «неконкретности» [Dean 1967; Fillmore 1967], или — в другой терминологии — экзистенциальности [Падучева 1985]. Под этими признаками, по-видимому, имеется в виду возможность соотнесения актантной позиции с тем или иным членом класса. Таким образом, данным именным группам приписывается фактически признак альтернативности. Об этом свидетельствует объединение этих именных групп с группами, содержащими местоимения с *-нибудь* [Падучева 1985; Джустини 1985]. Далее (гл. III, п. 2, п. 5) мы попытаемся показать, что *неместоименные* группы не указывают на обязательное наличие альтернативы в «выборе» заполнителя актантной позиции, хотя и не исключают такую возможность. Их информация сводится к следующему: индивид, который в конечном счете заполнит актантную позицию, если событие произойдет, должен соответствовать дескрипции, содержащейся в именной группе. Эта дескрипция отражает только признаки, присущие всем членам класса. Остальные свойства остаются нераскрытыми, но при этом они необязательно должны быть несущественны.

Подчеркнем, что именная группа здесь не просто указывает на набор свойств, но задает абстрагированное понятие их носителя. Иными словами, вносится представление о некотором конструкте индивида, определенном только по его отнесенности к классу. В тех случаях, когда именная группа указывает на «неопредмеченный» набор свойств (предикатное употребление), в предложении всегда имеется и другая именная группа, обозначающая носителя этих свойств:

(11) *Она удивительно милый человек;*

(12) *Такая, как она, не может поступить иначе.*

Именная группа при определенных условиях может иметь своим денотатом конструкт индивида, даже если в действительности уже существует конкретный индивид, выступивший в качестве актанта ситуации. Именно такой тип денотата имеют, как мы полагаем, определенные дескрипции при отмеченном К. Доннелланом [1982] *нереферентном* употреблении. Такое употребление иллюстрируется, например, предложением

(13) *Убийца Смита — сумасшедший.*

Именная группа *убийца Смита* может быть употреблена и референтно, и нереферентно. При референтном употреблении сообщение непосредственно относится к конкретному индивиду, показателем чего, как нам представляется, прежде всего служит возможность для говорящего получить сведения о сумасшествии описываемого лица независимо от участия этого лица в совершении преступления⁴. При нереферентном употреблении говорящий описывает не сам конкретный индивид, а абстрагированную от него роль убийцы в ситуации «убийство Смита». Как следствие этого предложение (13) должно представлять собой вывод, который делается на основании характера убийства.

Приводимое различие становится более очевидным в тех случаях, когда оно связано с различными денотативными ситуациями. Ср. два возможных прочтения предложения:

(14) *Вчера, наконец, встретил того, кого ждал всю свою жизнь.*

При референтном употреблении именной группы *тот, кто...* в (14) сообщается о встрече с тем человеком, о котором автор речи уже давно знал, но по той или иной причине не мог с ним встретиться. При нереферентном употреблении речь идет о встрече с человеком, о существовании которого говорящий узнал лишь в момент самой встречи, но «прототип» которого давно присутствовал в его сознании. Здесь, таким образом, устанавливается соответствие между конкретным индивидом и конструктом индивида. Другие принятые рубрикации денотативных типов более традиционны.

Скажем несколько слов о понятии конкретности и абстрактности. Как известно, научное понятие «абстрагирования» обозначает процессы отвлечения и обобщения, в результате которых мысленно конструируются объекты, не существующие в такой форме в действительности. Не всегда легко решить, является ли денотат («заполнитель» актантажной позиции) конкретным или представляет собой тот или иной тип конструкта. Критерии разграничения, как представляется, могут быть различными в зависимости от области бытия, к которой принадлежит объект. Так, события существуют прежде всего во времени, и поэтому конкретным событием естественно считать в первую очередь такое, которое занимает определенную точку или отрезок времени. Напротив, обобщенное событие лишь соотносится с отрезком времени, но не может быть точно в нем локализовано. В отличие от этого для объектов, которые исходно существуют в физическом пространстве, критерием конкретности может служить потенциальная возможность их точной локализации в каждый

⁴ Что именно служит показателем референтного и нереферентного употребления по-разному оценивается разными исследователями. В работе Доннеллана акцентируется внимание на возможности разного обозначения референта.

данный момент времени в рамках физического пространства⁵. Для дальнейшего изложения в основном важен именно этот тип конкретности. Отметим еще, что мы будем считать денотат (заполнитель актантной позиции) конкретным, даже если он характеризуется в отвлечении от тех или иных свойств, но при этом сохраняется его локализованность в рамках физического пространства. Поясним теперь то содержание, которое будет вкладываться в термин референтное употребление в книге. Мы будем считать, что именная группа имеет референтное употребление, если заполнителем актантной позиции является 1) индивид, что, в свою очередь, предполагает его существование (в рамках некоторого пространства, к которому относится **высказывание** — мир действительности, сказки и т. д.) и соответствие исходной форме существования в том смысле, как это понятие было определено выше; 2) исключается альтернатива в заполнении (и объективно, и субъективно).

Итак, при выделении денотативных типов мы учитываем прежде всего различия в плане конкретности и абстрактности — от индивида до различных форм абстрагирования от него и различных типов обобщений. Наряду с этим выделяются признаки, определяющие соотношение между актантной позицией и ее заполнителем. Понятие «референтное» рассматривается как производное от перечисленных лежащих в его основе признаков. Термин «нереферентное» в рамках нашего употребления соответствует столь разным типам денотатов, что фактически не выражает какого-то определенного понятия, и вследствие этого его точнее было бы записать в форме «не референтное, а...».

2. КОММУНИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА ВЫСКАЗЫВАНИЯ

При рассмотрении проблемы референтного/нереферентного употребления в логической и лингвистической литературе наряду с исследованием собственно денотативных типов затрагивается и еще один аспект, который, как нам представляется, должен быть отделен от остальных. Этот аспект связан со способом представления денотата. Так, например, именно с ним связаны термины прозрачное/непрозрачное употребление, которые были введены еще Б. Расселом (об этом термине см.: [Арутюнова 1982: 22]).

Как будет показано, почти каждый из перечисленных (п. 1) типов денотатов может быть представлен по-разному. Поэтому способ представления мы отделяем от самого типа денотата. Часто форма отображения денотата не предопределяется полностью и значением, а зависит от условий употребления, которые, в свою очередь, могут быть связаны с коммуникативной структурой

⁵ См. подробнее: [Сулейманова 1985, гл. IV].

высказывания. Вследствие этого в данном параграфе мы остановимся на понимании коммуникативной структуры, а затем перейдем к вопросу о способах представления актанта ситуации.

Концепция коммуникативной структуры высказывания, принимаемая в данной книге, была изложена в других работах автора [Селиверстова 1983, 1984]. Там же рассматривалось соотношение выбранной точки зрения с другими концепциями и приводились аргументы, обосновывающие ее выбор. Поэтому здесь мы ограничимся только перечислением основных положений, которые будут существенны для предложенного ниже анализа материала.

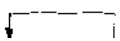
Коммуникативная структура имеет дело с порядком расположения вносимой информации, с ее акцентным выделением, а также с ее компановкой — выделением более тесно спаянных блоков внутри общей информации.

В целом можно было бы сказать, что коммуникативная структура определяет организацию передаваемой информации. Однако в зависимости от того или иного расположения передаваемой информации, от расстановки разных акцентов возникает новая информация. Поэтому коммуникативная структура — это не только структурирование исходного содержания, но и некоторое новое содержание, которое при этом возникает.

Мы выделяем в коммуникативной структуре следующие аспекты: 1) коммуникативную перспективу, которая предопределяется разделением актантов ситуации на характеризуемые (далее: $X^{мыс}$) с характеризующие ($X^{шис}$) и порядком их следования; 2) информативную структуру (соотношения известного/нового); 3) семантику акцентного выделения (АВ); 4) коммуникативную членимость/слитность.

В самом общем виде содержание, вкладываемое в термины $X^{мое}$ и $X^{шее}$, не нуждается в пояснении, так как вытекает из общеязыкового значения этих слов: $X^{шее}$ приписывает некоторую характеристику $X^{мому}$. Обычно содержание этой характеристики определяется тем синтаксическим отношением, которое связывает языковые единицы, обозначающие $X^{мое}$ и $X^{шее}$. Так, если денотатом подлежащего является некоторое лицо и оно представлено в семантической структуре предложения как исходное, то это лицо может быть охарактеризовано как субъект такого-то действия. Напротив, если сначала дается указание на действие, то это действие может быть затем охарактеризовано как осуществляемое таким-то лицом. Ср.:

- (1) $\overbrace{\text{Мальчик пишет}}^{\text{субъект}}$ — мальчик ($X^{мое}$) характеризуется как тот, кто осуществляет действие 'писать' ($X^{шее}$).

(2) *Пишет мальчик — пишет* ($X^{\text{мoe}}$) характеризуется как то действие, которое осуществляется данным мальчиком ($X^{\text{щec}}$).

Таким образом, можно сказать, что функция характеристики заключается в том, чтобы придать векторность (ориентированность) синтаксическим отношениям, связывающим два члена предложения или какие-то более сложные синтаксические объединения.

Как известно, синтаксические отношения еще не полностью изучены и в настоящее время существует ряд «конкурирующих» моделей их описания. Нам представляется удобным описывать синтаксические отношения в терминах ролевых позиций, хотя сами типы ролевых позиций требуют еще уточнения.

Исходное и последующее не всегда связаны между собой синтаксическим отношением. Асинтаксические отношения характеристики не типичны для русского языка. Вынесение на первое место именной группы, указывающей на предмет сообщения, при условии, что ее синтаксические функции не заданы, встречаются только в разговорной речи:

(3) *Петр Иванович, у него характер отвратительный.*

Асинтаксические отношения характеристики могут устанавливаться также между однородными членами предложения.

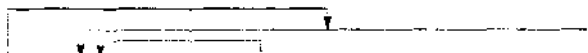
В предложении отношение характеристики может повторяться многократно и, следовательно, может существовать много $X^{\text{мьх}}$ и $X^{\text{щих}}$, причем $X^{\text{щec}}$ часто одновременно выступает в роли $X^{\text{мого}}$, что создает цепочечную связь. Этот вид связи не является единственным. Часто $X^{\text{мьe}}$ и $X^{\text{щic}}$ объединяются в блоки, которые в свою очередь выступают как $X^{\text{мьe}}$ и $X^{\text{щic}}$, т. е. возникают иерархические уровни. Например, в примере (4) можно следующим образом представить данные отношения:

(4) *Она была удивительно мила в своем новом спортивном костюме.*

Стрелки в (4) показывают направленность отношения характеристики. Здесь выделяются два главных блока: первый блок — 'она' ($X^{\text{мoe}}$); второй блок — 'была удивительно мила в такой-то одежде' ($X^{\text{щec}}$). Внутри $X^{\text{щec}}$ также выделяются два блока: $X^{\text{мoe}}$ — 'удивительно мила'; $X^{\text{щec}}$ — 'в своем спортивном костюме'. Свойство 'мила' представлено как имеющее место в зависимости от наличия соответствующей одежды. Таким образом, предикатная группа 'удивительно мила' — одновременно и $X^{\text{щec}}$ и $X^{\text{мoe}}$. Внутри каждого из блоков второго уровня выделяются свои $X^{\text{мьe}}$ и $X^{\text{щic}}$.

Часто в предложении имеют место параллельные отношения характеристики:

(5) *Сегодня она, в новом голубом капоте, была особенно молода*

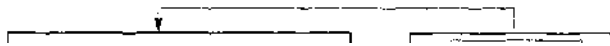
и внушительно красива (Горький).

В отличие от (4) в (5) есть два независимых $X^{\text{ших}}$: 'она' характеризуется, с одной стороны, через указание на определенный вид одежды, а с другой — через свойство 'быть такой-то'. Сама связь между субъектом и его характеристиками определяется как имеющая место 'сегодня'. То, что в (5) не имеет место цепочечная связь между первым и вторым $X^{\text{шим}}$, подтверждается следующим: а) объективные свойства ситуации не позволяют второму $X^{\text{шему}}$ относиться к первому (молодость, красота человека не могут составлять ту или иную характеристику одежды); б) первое $X^{\text{шее}}$ — 'быть в такой-то одежде' здесь также не относится ко второму, о чем свидетельствует не только порядок слов, но и недопустимость перестановки:

(6) **Сегодня она была особенно молода и внушительно красива в новом голубом капоте.*

Таким образом, в примере (5) имеют место отношения параллельной характеристики.

Часто, особенно в диалогической речи, все предложение ориентировано на характеристику актанта, заданного в предшествующем контексте:

(7) — *А тебя-то дома кто ждет? — Никто не ждет, — присмирела она* (Распутин).

Мы полагаем, что слово *никто* характеризует позицию субъекта 'ждать' как незаполненную и одновременно в рамках предложения — ответа, незаполненная субъектная позиция повторно характеризуется как относящаяся к действию 'ждать'. Повторная характеристика может определяться как автоматическим воспроизведением слов, употребленных в вопросе, так и стремлением подтвердить характеристику субъекта именно через данный предикат.

Предлагаемая трактовка $X^{\text{мого}}$ и $X^{\text{шего}}$ близка к толкованию понятий темы и ремы в работах Ф. Данеша [1968] и Е. Бенеша [1968], но в отличие от них мы не ограничиваемся двоичным делением. Это и послужило причиной выбора нового термина, который приблизительно соответствует понятиям модифицируемого и модифицирующего в теории Д. Болинджера [Bolinger 1952].

Подчеркнем также, что понятие характеристики мы связываем не только с отношением между актантами ситуации, но и с отношением языкового знака

к своему денотату. Ср. использование терминов «модифицируемое» и «модифицирующее» [Bolinger 1952].

Основными средствами выражения отношений характеристики служит с одной стороны, порядок слов, с другой — интонационная конструкция. Иногда, возможно, вообще отсутствуют формальные показатели коммуникативной перспективы. Таким образом, при всей значимости порядка слов важно подчеркнуть, что он не является однозначным показателем коммуникативной перспективы (см., например, (5)). Поэтому, говоря об исходном и последующем, мы имеем в виду прежде всего место в семантической структуре, которое обязательно соответствует позиции именной группы в «поверхностной» структуре. Сформулированное положение совпадает с традиционным представлением о способах выражения темы и ремы.

Говоря об особенностях $X^{\text{цего}}$, отметим следующее: в контрастивный (парадигматический) фокус высказывания всегда попадает оно из $X^{\text{ших}}$ (в этом последнем случае положение контрастивного фокуса не жестко фиксировано и допускает смещение). Так, в примере (8) именную группу *человек* нельзя поставить в конечную позицию, так как в этом случае его денотат выступает в функции $X^{\text{цего}}$, а не $X^{\text{мого}}$ и попадает в фокус контраста, создавая логически бессмысленную для данного контекста противопоставленность 'человек, а не животное':

(8a) *Если человек нарушил нравственный долг, он должен за это отвечать;*

(8б) *Если нравственный долг нарушил человек, он должен за это отвечать.*

Контрастивная (парадигматическая) функция может служить одним из критериев выделения $X^{\text{цего}}$. Мы не будем здесь останавливаться на других критериях выделения, а также на анализе соотношения «известное/новое». Отметим только, что основная трудность, связанная с этими последними понятиями, заключается, с одной стороны, в их отграничении от «исходного/последующего», а с другой — с выявлением тех видов «известности», которые существенны для коммуникативной структуры. Разграничение функциональной перспективы (тема-рематического членения) и информативной структуры проводится рядом исследователей [Halliday 1967; Danes 1968; Ковтунова 1976 и др.]. Вместе с тем точное соотношение этих явлений и даже их сущность понимается разными исследователями не полностью одинаково. Так, Данеш считает что «новое», хотя и не тождественно реме, должно входить в рематическую часть высказывания. Второй из отмеченных аспектов — выделение разных видов «известного» — подробно рассматривался, например, в [Firbas 1966; Фирбас 1972; Баранов 1984].

Хотя соотношение «известного (данного)/нового» может оказывать влияние на распределение функции $X^{\text{мого}}$ и $X^{\text{щего}}$, между этими явлениями не существует однозначного соответствия. Как мы пытались показать [Селиверстова 1984], и с $X^{\text{мым}}$, и с $X^{\text{шим}}$ может быть связана новая информация; «известное» $X^{\text{щее}}$ может относиться к «новому» $X^{\text{мому}}$ и т. д. Неоднозначность соответствия и свидетельствует о необходимости выделения двух явлений.

Мы также отделяем, как уже говорилось, признак коммуникативной членности/слитности предложения от его функциональной перспективы, или коммуникативной ориентированности⁶. Под коммуникативно нечленимым (точнее говоря, имеющим ослабленную степень членности⁷) мы понимаем такое предложение, в котором внутренние отношения характеристики подчинены внешнему отношению характеристики, выполняемому всем предложением в целом. Ср.:

(9) *Человек тонет!*;

(10) A man is drowning (in the lake)!

Русское предложение коммуникативно нечленимо: в фокусе контраста стоит либо само наличие события, противопоставленное его отсутствию, либо тип события в целом, иными словами, (9) в целом выступает как $X^{\text{щее}}$ по отношению к денотативной ситуации. Внутреннее отношение характеристики {человек тонет} подчинено этой общей функции. В отличие от (9) предложение (10) при употреблении в рамках заданного контекста коммуникативно членимо. Об этом свидетельствует допустимость смещения фокуса контраста на предикат, что создает возможность противопоставлений типа: 'тонет, а не...'. Коммуникативная членность при «неизвестном» $X^{\text{мом}}$ в свою очередь часто связана с появлением дополнительной экспрессивной информации 'странно, удивительно, что...'. По-видимому, именно эта информация возникает в предложении (10), в заданном контексте употребления, что и объясняет его неотмеченность. Ср. русский:

⁶ В качестве самостоятельного явления коммуникативная членность, по-видимому, выделяется и Д. Н. Шмелевым, хотя в явной форме он не рассматривает соотношение коммуникативной членности с другими явлениями, обычно объединяемыми в рамках теории актуального членения [Шмелев 1976]. Самостоятельный статус придается понятию членности в работе Т. М. Николаевой [1982]. Однако толкуется это понятие (оно обозначается Т. М. Николаевой термином «глобальность») несколько шире, чем в нашей работе.

⁷ Всякое предложение имеет какую-то степень коммуникативной членности. Членность предопределяется уже самим разделением на члены предложения. Кроме того, понятие членности/слитности применимо и к уровню словосочетания, и к соотношению слова и его денотата.

- (11) *Посмотри! Милиционер {девушка} продает цветы около того киоска;*
 (12) *Посмотри! Бону того киоска девушка продает цветы.*

Пример (11) вносит информацию о странности, необычности того, что действие осуществляется тем-то или что вообще осуществляется такое действие. В примере (12) при отсутствии особой интонации такой информации нет.

Примеры типа (12) приблизительно соответствуют английским предложениям, построенным по модели с конструкцией *there is*. Предложения с этой конструкцией коммуникативно членимы, но в фокусе контраста здесь находится сам предикат наличия/отсутствия события. Само же событие представлено как единое целое:

- (13) *There is a man drowning in the lake.*

Группа *a man drowning* коммуникативно нечленима.

Таким образом, за моделью с конструкцией *there is* закреплена функция глобального представления события. В этом отношении они могут также соответствовать русским предложениям с предикатом в первой позиции:

- (14) *Идет бычок качается, вздыхает на ходу...*

Здесь ориентированность на действие (*идет бычок*) оттесняет участника на второй план: он только уточняет характер действия, показывая, кто его осуществляет. Это придает «эпический» характер высказыванию. В английском языке, напротив, субъект действия в примере (13) сохраняет статус одного из «внутренних» $X^{мык}$.

Модель «VN» в русском языке при другой интонационной конструкции коммуникативно членима: в этом случае в фокусе контраста может находиться субъект действия.

Понятие коммуникативной членимости может быть применимо и к словосочетанию [Шмелев 1976]. Так, например, препозитивные определения почти всегда коммуникативно слитны с тем именем, к которому они относятся⁸. Иными словами, их отнесенность к имени устанавливается на некотором этапе, предшествующем речи, и в речь они уже входят как готовые блоки. Подобно этому отнесенность слова к его денотату может быть осуществлена до данной речи, (т. е. до построения некоторого рассматриваемого предложения) или устанавливаться в самой речи. В связи с этим мы вводим понятие свернутой и несвернутой номинации (п. 3.1).

⁸ Именно в этом смысле, как представляется, нужно понимать слова А. И. Смирницкого, который писал, что атрибутивная связь — «как бы заранее данная, готовая» [1957: 174].

Итак, коммуникативная членимость/слитность также играет важную роль в организации высказывания и не связана однозначно с другими отмеченными явлениями.

3. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АКТАНТА СИТУАЦИИ

3.1. Хотя «способ» отображения актанта ситуации часто предопределяется значением языкового знака, между ними не всегда существует однозначное соответствие, что и служит основанием для рассмотрения данного вопроса не только в теории значения, но и в теории референции (денотации).

В рамках предлагаемого исследования оказалось важным учитывать следующие способы характеристики индивида, заполняющего актантную позицию:

1) актант ситуации может быть представлен как личность, индивидуальность или —если речь идет о предмете— как носитель некоторого множества свойств, которые в своей совокупности составляют общий образ данного предмета;

2) актант ситуации может быть охарактеризован через «уникальный», но не равный общему образу предмета, лица признак;

3) актант ситуации может быть представлен только через признак, присущий всему классу, к которому относится заполнитель актантной позиции.

Первый способ представления актанта ситуации может осуществляться именами собственными. Как известно, в философских работах высказываются разные точки зрения на природу имен собственных. Так, Б. Рассел и Г. Фреге приписывают особое значение имени собственному. Напротив, С. Крипке полагает, что имена собственные лишены значения или, точнее, отражают только каузальную цепочку наименования. При рассмотрении повседневного употребления имен собственных становится совершенно очевидно, что в тех случаях, когда и слушатель, и говорящий достаточно хорошо знают референта имени собственного, с употреблением имени связывается образ данного лица. См., например, употребление имен собственных в таком контексте, как:

(1) Марья Кириловна плакала молча.— Свист раздался в третий раз.— Вы губите меня! — закричал Дубровский (Пушкин).

Марья Кириловна, Дубровский служат здесь знаками личности в целом. Понятие «индивидуального образа» данного предмета или лица, вероятно, можно так или иначе формализовать. Возможно, данное понятие можно толковать как множество определенных дескрипций референта, что приближалось бы к трактовке Б. Рассела или как «способ» идентификации индивидуума (Г. Фре-

ге). Однако при описании «наивного» представления ситуации выражения «индивидуальный образ» (короче: образ) достаточно точны для того, чтобы отделить рассматриваемый случай от других. В тех случаях, когда речь идет о человеке, мы несколько условно будем говорить о представлении его как личности, индивидуальности, не вкладывая в эту формулировку оценочного смысла, а имея в виду только тот индивидуальный образ, который связывается с каждым индивидом. Отметим еще, что этот образ необязательно должен быть полным. Поэтому одному и тому же индивиду может принадлежать больше одного образа (гл. II, п. 2). Способность имени собственного служить знаком личности в целом, индивидуального образа предмета, не означает, конечно, что имена собственные имеют такое значение в системе языка. Мы хотели бы здесь обратить внимание только на то, что за именами собственными закреплена способность представлять свой референт указанным способом.

Наряду с этим имена собственные могут характеризовать актанта ситуации и просто как носителя того или иного имени, что соответствует трактовке С. Крипке. Эта характеристика обычно выступает как «уникальная» в рамках ситуации дискурса, но при этом не представляющая актанта как личность в целом. Например: *Это предприятие возглавляет {некто} Иванов*⁹. Существуют и многие другие языковые единицы и выражения, которые в зависимости от условий употребления выступают и как знаки личности, индивидуального образа в целом, и как знаки, указывающие на то или иное отдельное свойство (или набор свойств) референта. Ср., например, употребление слова *брат* в таких контекстах:

(2а) *Брат ушел в театр, и я сижу дома;*

(2б) *Звонил брат Марии Ивановны.*

В примере (2б) сведения говорящего могут ограничиваться только представлением о существовании лица, находящегося в указанных родственных отношениях с референтом имени собственного.

В случаях, когда такие слова, как *брат*, *сестра* и т. д., употребляются как знаки личности в целом, основной признак ('быть братом, сестрой') соответствует только как бы внутренней форме слова и не равен всей информации имени. Происходящий при этом процесс несколько напоминает формирование значения таких слов, как *носорог*, где признак положенный в основу номинации, не исчерпывает всего значения. Проведенное сравнение не предполагает, конечно, тождества рассмотренных случаев. Использование определенной дескрипции для представления актанта как личности есть результат речевой трансформации (в языке заложена лишь ее потенциальная возможность). Кроме

⁹ На возможность разного отображения актанта ситуации при обозначении его именем собственным обращал внимание, например, С. Шиффер [Schiffer 1979].

того, возникающая при этом индивидуализирующая характеристика постоянно изменяется в зависимости от того, какой индивид имеется в виду.

Поскольку одни и те же средства часто используются и для представления актанта ситуации в «ипостаси» личности и для его характеристики через отдельный «уникальный» признак (набор признаков), могут возникать высказывания, не допускающие однозначную трактовку или требующие очень широкого контекста для снятия неоднозначности. Однако в большинстве случаев эти два способа представления достаточно четко разграничены, что проявляется, в частности, в коррелирующих с ними типах местоимений (гл. II, п. 2). В значении некоторых слов различие между первым и вторым способом представления может нейтрализоваться. В этом случае мы будем говорить об отображении индивида как индивида (т. е. не как члена класса), или о представлении индивида в его единственности. Далее, мы будем также употреблять несколько условно термин «обобщенный» индивид, имея в виду такую ситуацию, при которой актантная позиция может быть заполнена или бывает заполнена разными индивидами, но каждый раз они должны быть представлены в своей единственности (гл. III).

Часто одни и те же языковые единицы могут использоваться для отнесения актанта ситуации к некоторому классу и для характеристики его через «уникальный» признак или набор таких признаков. Ср.:

- (3а) *У окна стояла девочка и отчаянно махала рукой* (актант ситуации характеризуется через принадлежность к классу девочек);
(3б) *Девочка опять стояла у окна* (к характеристике добавляется еще дополнительный «уникальный» признак, например, та девочка, которую говорящий видел до этого).

Принимаемое разграничение способов представления актанта ситуации близко к проводимому в ряде работ различию между «глобальным» субъектом, — если воспользоваться выражением Н. Д. Арутюновой, — и субъектом, взятым в определенном его аспекте, роли или функции. Выявление этих типов связывается прежде всего с работами К. Доннеллана и некоторых других исследователей, см. [Арутюнова 1982: 28]. Сопоставляя принимаемое нами разграничение с другими рубрикациями, следует подчеркнуть два момента. Во-первых, в отличие от случаев, рассмотренных К. Доннелланом, в рамках приведенной классификации мы учитываем только способ представления денотата, а не сам тип денотата. Все три отмеченных способа представления могут иметь место при референтном употреблении имени. Наряду с этим они могут быть отнесены и к некоторым случаям нереперентного употребления. Так, класс объектов может, по-видимому, быть представлен через тот набор

признаков, которые в своей совокупности составляют образ данного класса, а может характеризоваться через какой-то набор отдельных признаков:

(4а) *Французы всегда верны себе* и (4б) *Они заключили мир с французами*.

Таким образом, мы проводим две разные и относительно независимые классификации: по типам денотатов и по способам представления денотатов одного и того же типа.

Во-вторых, аспективизированное представление противопоставляется «глобальному» прежде всего не в плане того, как знак характеризует свой денотат, а в плане степени слияния знака со своим денотатом. Иными словами, аспективизированным, «непрозрачным» считается такое представление денотата, которое сквозь приписываемую знаком характеристику не позволяет увидеть денотат как глобальное целое, т. е. как носитель и множества других свойств, см. [Арутюнова 1982: 27—35]. В отличие от этого мы противопоставляем аспективизированное представление не «глобальному» денотату, а «глобальной» характеристике, что имеет место при некоторых условиях употребления, например, имен собственных или определенных дескрипций (см. выше).

Что же касается степени слияния знака и его денотата, то данное различие мы будем описывать в терминах коммуникативной членимости. Различие в степени членимости/слитности знака и его денотата учитывается и в рамках теории референции, но оно недостаточно четко отделено от других, отмеченных выше явлений, которые также связаны с употреблением языкового знака. Так, сравнивая предложения

(5а) *Море {Это море}* и (5б) *Море светило*,

Н. Д. Арутюнова пишет, что море в (5б), где имеет место референтное употребление, выполняет роль знакового заместителя предмета. Напротив, в предложении (5а) «слово *море* указывает только на классификационно значимые черты соответствующей реалии, не идентифицируясь с ней» [Арутюнова 1976: 36]. Различие между примерами (5а) и (5б), как мы бы сказали, идет сразу по нескольким признакам: слитности/членимости знака и соотносимого с ним явления, т. е. собственно отсутствия/наличия предикативной связи. Предикативная связь, которая может быть и скрытой, создает большую степень отделенности между языковым знаком и тем явлением, к которому оно относится. На существование скрытой предикации обращали внимание многие лингвисты и логики. Так, например, в концепции Б. Рассела [1982] предложение типа

(6) *И тут я увидел в окне маленькую девочку*

можно трактовать так: я увидел X, и X была девочка. Именно для такой неявной, ослабленной ступени предикации мы ввели термин «несвернутая номинация».

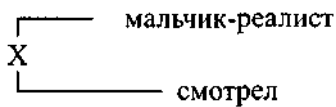
В рамках задач, которые ставятся в данной монографии, различие между свернутой и несвернутой номинацией существенно прежде всего в том отношении, что оно сказывается на сочетаемостных возможностях слова, при условии, что это слово выступает в предложении в функции $X^{\text{мого}}$ (это понятие было введено в п. 2). Так, вследствие общего требования согласования предшествующей характеристики актанта ситуации с последующей при линейном построении семантической структуры (цепочечная связь) аспектуализированное представление, например, субъекта ситуации, выступающего в функции $X^{\text{мого}}$, часто резко сокращает возможность выбора предиката — описываемое действие должно соответствовать той роли, которая предписана субъекту, обозначающей его именной группой. Например:

- (7а) *Я предложил ей помощь, но гордая девушка отказалась* (свойство 'быть гордой' согласуется с действием 'отказываться'), но :
 (7б) *Я предложил стул, и гордая девушка села;*
 (8а) *Чемпион поднялся на пьедестал,* но:
 (8б) *Чемпион съел мороженое;*
 (8в) *Чемпион пошел домой* (последние предложения звучат как слегка иронические, шутливые).

Напротив, при несвернутой номинации уже не требуется согласования с последующим, что можно объяснить установлением параллельных отношений характеристики (ср. п. 2 пример (5)).

- (9) *Мальчик-реалист с остановившимися глазами и испуганным выражением лица, не спуская глаз, смотрел на старика* (Толстой).

Здесь актант ситуации характеризуется, с одной стороны, как тот, кто учится в реальном училище, с другой — как тот, кто осуществляет действие 'смотреть'

- (10) *Молодая красивая девушка сидела у окна вагона и читала какую-то книгу.*

Несвернутая номинация может быть свойственна и определенным дескрипциям. Такой тип номинации имеет место, например, в случае, когда выражения типа *красивая девушка, высокая девушка* приближаются по своей функции к имени собственному и могут быть интерпретированы так: 'та, которая была названа красивой (высокой и т. д.)'. При этом данные выражения служат для идентификации некоторого актанта ситуации в противопоставлении другим актантам ситуации:

(11) *В это время в комнату вошли две девушки. Одна из них была высокая и стройная, а другая совсем маленькая. Высокая девушка быстро прошла вперед, а маленькая села прямо у входа.*

Именная группа *высокая девушка* выполняет роль несвернутой характеристики: актант ситуации здесь можно отобразить в семантической структуре так: 'та, которая была обозначена (названа) высокой'. Вследствие этого не требуется согласования именного обозначения с предикатной характеристикой. Отметим также, что определенные дескрипции могут регулярно или окказионально переходить в «глобальные» характеристики, т. е. становиться знаком личности, общего образа объекта. Например, в литературе XIX в. слово *профессор* часто употреблялось для глобального представления актанта ситуации, что позволяло строить такие предложения, как: *В этот день профессор чувствовал себя не очень хорошо; Профессор решил поехать на дачу к своей сестре.* Для современного языка такое употребление скорее будет носить иронический характер. Ср. употребление слова *чемпион* в (8б) и (8а).

Итак, мы проводим различие между 1) «глобальным» представлением актанта ситуации (при этом он отображен в том индивидуализированном наборе свойств, который составляет его образ) и 2) аспектизированным представлением, основанном либо на уникальном признаке, либо на признаке, определяющем принадлежность к классу, множеству.

Наряду с этим мы учитываем степень слияния знака и его денотата, что связано с наличием/отсутствием «скрытой» предикации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги сказанному в гл. I, перечисляем основные положения, которые здесь развивались.

1. Обосновывалась необходимость введения экспериментальной методики как составного элемента гипотетико-дедуктивного метода: а) для выявления «трудноуловимых» элементов значения; б) для построения верификационной процедуры.

2. Для большинства случаев значение было определено как информация, передаваемая языковым знаком о своем денотате. Содержание этой информации составляет «характеристика», которую языковой знак приписывает своему денотату, частично предопределяя таким образом способ его представления.

3. Поскольку способ представления не всегда однозначно зависит от значения (он может быть связан также с теми или иными условиями употребления

языкового знака), наряду с термином «значение» был введен термин «способ представления», характеристики денотата как более широкий.

4. Приведены аргументы в пользу необходимости разграничения способа представления и денотативного типа.

5. Различие между денотативными типами проводилось по признаку конкретности/абстрактности.

6. Предлагалось учитывать двойственную отнесенность языкового знака: а) к заполнителю актантной позиции и б) к самой актантной позиции.

7. В связи с соотношением актантной позиции и ее заполнителя выделялись следующие признаки: 1) заполненность/незаполненность актантной позиции; 2) единственность/альтернативность в «выборе» заполнителя.

8. Рассмотрен принимаемый в данной работе вариант теории коммуникативной структуры высказывания. В соответствии с этим вариантом в данной теории выделяются следующие аспекты: 1) коммуникативная перспектива, которая определяется векторностью отношений характеристики, связывающих члены предложения (или, точнее, их денотаты); 2) информативная структура (соотношение «известного/нового»); 3) семантика акцентного выделения; 4) коммуникативная членимость/слитность. Понятие членимость/слитность было распространено и на отношение знака и его денотата. Для этих случаев употреблялись термины «свернутая/несвернутая» номинация. Понятие несвернутой номинации связывалось с наличием скрытой предикации.

Глава II

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА МЕСТОИМЕНИЙ

1. ОБЩАЯ ТРАКТОВКА МЕСТОИМЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЯЯ, *ТЫ*

1.1. Семантическое своеобразие местоимений давно осознается лингвистами, но на вопрос о том, в чем именно оно заключается, разные лингвисты отвечали и отвечают по-разному. Почти каждый из предложенных ответов содержит долю истины, освещая тот или иной аспект местоименного значения и вытекающего из него функционирования местоимений в речи.

Различия касаются уже первого самого общего вопроса: имеют ли местоимения значение. На этот вопрос были даны, как известно, три основных ответа: местоимения не имеют значения, что и составляет их специфику; местоимения не имеют постоянного значения, оно меняется в каждом акте речи; местоимения не отличаются от других языковых знаков в плане неустойчивости, непостоянности значения; их своеобразие заключается в том содержании, которое выражает это значение.

Можно еще отметить, что при анализе местоимений большинство лингвистов в явной или неявной форме учитывают многослойность местоименного значения. Вообще говоря, многослойность характерна для всего лексического состава языка, но в семантической структуре местоимений она выступает особенно четко вследствие гетерогенности разных слоев местоименного значения. На эту особенность местоимений обращал внимание еще Л. Блумфилд. В их значении он выделял следующее пласты: 1) элемент значения, совпадающий с классовым зна-

чением тех лингвистических форм (т. е. в соответствии с нашей терминологией — слов), вместо которых выступает (или, как мы бы сказали, с которыми соотносится данное местоимение), а именно: субстантивность, адъективность, число; 2) элемент значения, не присущий соотносимому с местоимением формальному классу и не позволяющий местоимению замещать все лингвистические формы (слова), относящиеся к данному классу (в этом случае, однако, всегда существует другой (или другие) заместитель, противоположный первому по такому признаку, что вместе они покрывают весь класс, например: *he, she, it, they*); 3) элемент значения, который «складывается (состоит) из обычных условий, при которых совершается замена» [Bloomfield 1945]. Этот последний элемент значения Л. Блумфилд считал принадлежащим речи и не составляющим объект лингвистического исследования. В других лингвистических концепциях утверждение об отсутствии у местоимений значения относится обычно также лишь к определенной части семантической структуры — к той части, которую определяют как собственно лексическую.

Оценка местоимений как «пустых» слов обычно связана с переключением внимания на их функции. Первоначально, в соответствии с античной традицией, местоимения определялись как слова-заместители. Эта точка зрения представлена и во многих работах XIX — начала XX вв. Ее выразителем был, в частности, известный английский лингвист Г. Суит. Он писал: «Крест в конце квитанции или какого-то другого документа говорит нам лишь о том, что имеется в виду имя без указания, какое именно. Подобно этому местоимение не имеет своего собственного самостоятельного значения — единственная информация, содержащаяся в нем, — это указание на то существительное, к которому оно относится» [Sweet 1930: 71].

Против трактовки местоимений как слов-заместителей были сделаны принципиальные возражения уже в работах лингвистов XIX в. (см. об этом [Виноградов 1947: 257—259]). Дополнительные аргументы против такого понимания местоимений были найдены при анализе собственно слов-заместителей, таких, как английские *do, one*. Так, например, подводя итоги их рассмотрения, В. Н. Ярцева [1949: 17] писала: «По своему характеру эти слова отчасти напоминают местоимения, но не могут быть к ним приравнены ни семантически, ни функционально...» Существуют два основных аргумента против трактовки местоимений как слов-заместителей. Во-первых, местоимения часто не имеют антецедента, т. е. не соотносены ни с одним существительным предшествующего или последующего текста. Во-вторых, по мнению ряда лингвистов (эта точка зрения будет проводиться и в данной работе), местоимения имеют свое значение, отличное от значения тех существительных, с которыми они могут соотноситься в речи.

Таким образом, как нам представляется, трактовка местоимений как слов-заместителей принадлежит теперь только истории лингвистических учений.

Однако она сыграла положительную роль в развитии лингвистики, так как привлекла внимание к одной из основных функций, выполняемых местоимениями в тексте, а именно к анафорической функции (см. о ней: [Вольф 1974, гл. 1]).

Многие лингвисты, и в частности, Г. Суит, Г. Кэрм, а также — в известной степени — Л. Блумфилд, Л. Теньер обращали внимание прежде всего на связь местоименного слова с предшествующими или последующими словами в тексте, другие, напротив, основную функцию местоименных слов видели в соотношении описываемого события с актом речи. Эта традиция рассмотрения восходит еще к работам Г. Штейнталя, проводившего различие между «качественными» и «указательными» словами (см. об этом: [Виноградов 1947: 257]). Она получила дальнейшее развитие в исследованиях К. Бругмана, К. Бюлера, с именами которых связано введение термина «дейксис»¹, вошедшего в лингвистику как наиболее распространенное название второй основной функции местоимений, наряду с анафорической (дейксис/анафора). В их работах установлены некоторые важнейшие виды местоименных указаний. В отечественной лингвистике трактовка местоимений как указательных слов была впервые представлена в работах А. А. Потевни и развивается в большинстве современных исследований, см., например: [Майтинская 1969; Уфимцева 1975; Вольф 1974; Падучева, Крылов 1983; Крылов 1984]. В настоящее время не вызывает, как представляется, сомнения то, что понятие указательности позволило отразить чрезвычайно важные черты местоименной семантики, но вместе с тем само это понятие еще не получило исчерпывающего определения. Недостаточная конкретизированность этого понятия приводит к возможности возникновения на его основе разных трактовок. Различие прежде всего связано с тем, что в одних работах указательность рассматривается как определенный вид значения, а в других — как функция. Первое понимание представлено в работах Г. Штейнталя, А. А. Потевни и их последователей. Фактически так же толкует местоименное значение, например, А. М. Пешковский, который, однако, не употреблял термина «указательность»:

Местоимения представляют собой такую единственную в языке и совершенно парадоксальную в грамматическом отношении группу слов, в которой неграмматические части слов (корни) имеют именно субъективно-объективное значение, т. е. обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит [Пешковский 1963: 163] .

¹ Этот термин употребляется как для обозначения функции, так и для обозначения определенного типа языковых знаков [Вольф 1974: 6]. Иногда его относят к классу местоимений в целом, а иногда — только к некоторым его разрядам.

² В рамках нашего рассмотрения существенно не то, что А. М. Пешковский называет местоименное значение формальным (это важно для понимания его трактовки грамматического значения), а только то, что он связывает местоименность с обозначением актанта ситуации через отношение к говорящему.

Исследователи, трактующие указательность как определенный вид значения, обращают внимание на то, что местоимения всегда служат знаками определенного концепта, информации, которая независима от контекста и складывается из набора сложно организованных признаков. Например, Е. М. Вольф [1974: 4] пишет:

Иногда отмечается, что местоимения, в ряду других языковых единиц, представляют собой «пустые слова», которые приобретают смысл только во фразе [Tesnière 1959: 86]. Между тем местоимения имеют свое собственное означаемое, причем построенное довольно сложным образом. Его можно представить в виде комбинации дифференциальных признаков, которые отражают разные аспекты функционирования местоимений и находятся в сложных соотношениях друг с другом.

Наличие у местоимений постоянного значения отмечается и в ряде других работ, например: [Селиверстова 1964; 1965: 56—60; Николаева 1985, гл. 11; Падучева 1985].

Достаточно широко распространена и другая точка зрения, в соответствии с которой указательность рассматривается только как функция, причем функция, связанная с отсутствием у местоимений значения. Например, У. Коллинсон [Collinson 1937: 5] пишет:

В речи жесты, изображающие и символизирующие объекты, представлены полными словами, включая существительные (*sup*), глаголы (*inclose*), предлоги (*in*) и т. д., в то время как по самой своей природе жест указания не может сам по себе дать значение, но лишь помогает адресату речи получить это значение... Подобно указательным жестам слова-указатели лишены значения и единственная их функция заключается в том, чтобы привлечь или, наоборот, отвлечь внимание от объекта или объектов.

Высказанные соображения не доказывают отсутствия у местоимений значения. Они только подтверждают мысль Штейнталя, что местоимения не относятся к категории «качественных» слов, т. е. не характеризуют денотат в соответствии с его собственными свойствами.

Наличие у местоимений значения, как нам представляется, однозначно доказывается тем, что каждое из них несет свою информацию, которая не зависит от контекста. Можно спорить, исчерпывается ли значение местоимения *я* указанием на идентичность участника события автору речи, в которой это событие описывается (к данному вопросу мы еще вернемся), но совершенно очевидно, что отмеченная информация есть и что она не изменяется от одного акта речи к другому и не зависит от контекста. Подобно этому каждое из значений местоимения *кто-то* (например, информация об отсутствии сведений у говорящего, кто участник события) не привносится контекстом (см. гл. III).

Возникновение представления об отсутствии у местоимений значения или о его непостоянности, возможно, было вызвано тремя причинами. Об одной

из них мы уже говорили (местоимения не характеризуют объект в соответствии с его «собственными» свойствами). Вторая причина связана с тем, что местоимения не имеют постоянного класса денотации. Именно это дало основание О. Есперсену [1958], а вслед за ним Р. Якобсону [1972], отнести местоимения к классу шифтеров. Собственно, на это же свойство местоимений обращал внимание А. И. Смирницкий:

По самому характеру своей семантики местоимения оказываются как бы лишенными постоянного и закрепленного за ними значения в том смысле, что местоимения не выступают как постоянное обозначение того или иного определенного предмета или признака [Смирницкий 1959: 177]³.

Отсутствие «устойчивой» денотативной отнесенности составляет, несомненно, одно из важнейших следствий, к которому приводит своеобразие местоименного значения, но это следствие не доказывает изменчивости самого значения.

Третьей причиной, вероятно, служит представление о том, что значение местоимений не исчерпывается характеристикой участника события через его отношение к акту речи или через соотношение с элементами предшествующего или последующего контекста, что в их значении есть что-то еще, что при этом не удается определить. Этим можно объяснить частые ссылки на конкретизацию местоименного значения в речи. См., например: «К разряду местоимений относятся такие слова, которые указывают на предметы и на их признаки, но не называют их и не определяют их содержание. Конкретное значение местоимения получают только в условиях связной речи» [ГРЯ, 1952: 387]. Само по себе такое определение не раскрывает специфики местоименного значения, поскольку семантическое содержание всех слов конкретизируется в речи, что проявляется тем сильнее и полнее, чем более абстрактно и обобщенно значение слова. Однако постоянные ссылки на конкретизацию местоименного значения в речи существенны как свидетельства неудовлетворенности лингвистов определением местоимений как слов, указывающих на отношение к акту речи.

Итак, можно утверждать, что в лингвистических работах не приведены доказательства неустойчивости местоименного значения и тем более его отсутствия.

1.2. В настоящее время широкое распространение получила трактовка местоимений и вообще **дейктических** выражений как объекта прагматики (см. об этом: [Арутюнова, Падучева 1985]). В предлагаемой книге мы отказались от употребления данного термина по следующим причинам. Во-первых,

³ Сходные мысли были высказаны в работах Е. В. Гулыги [например, 1964].

несмотря на то, что термин «прагматика» имеет чрезвычайно широкое употребление в современных работах, например, [НЗЛ 1985, вып. 16], он еще не получил достаточно четкой интерпретации и толкуется по-разному различными лингвистами, см.: [Булыгина 1981; Степанов 1981]. Мы берем на себя смелость сказать, что нечеткость, колебания в употреблении термина в значительной степени обусловлены тем, что само деление семиотики, предложенное Ч. Моррисом [1983], на семантику, синтактику и прагматику не полностью соответствует природе и сущности языка прежде всего потому, что в рамках этой классификации не определено место учения о значении (семантика в теории Ч. Морриса — это учение об отношении языковых знаков к объектам действительности, а не о самом значении). Если признавать существование значения — точка зрения, которая, как уже говорилось, разделяется большинством лингвистов и подтверждается достаточно большим эмпирическим материалом, — то такие понятия, как прагматика, денотативная отнесенность, синтактика должны быть определены по отношению к понятию значения, что позволило бы четко их дифференцировать. Итак, мы полагаем, что само понятие прагматики нуждается в уточнении.

Во-вторых, в соответствии с той концепцией, которая будет развиваться в предлагаемой работе, местоимения не подводятся под наиболее широко распространенные толкования прагматики. Так, если принять трактовку прагматики как науки, изучающей «поведение знаков в реальных процессах коммуникации» [Арутюнова, Падучева 1985: 3], то в области ее ведения окажутся все языковые знаки, в условиях их употребления, и местоимения в этом смысле не будут отличаться от других слов. Напротив, если отдать предпочтение более узкой трактовке понятия прагматики и считать, что она имеет дело с теми дополнительными явлениями, которые возникают в условиях употребления языкового знака, и при этом независимы от его значения, см. [Kamp 1979], то местоименная семантика, как мы попытаемся показать в работе, не относится к числу подобных явлений.

Отказываясь от характеристики местоименного значения как прагматического, мы, однако, не хотим сказать, что местоимения не образуют особый тип языкового знака. И мы готовы были бы назвать их прагматическими знаками в смысле, близком к употреблению этого термина в работах Э. Бенвениста (п. 1.3), но в этом случае в содержание данного термина не должны были бы входить другие принятые его трактовки.

1.3. Остановимся на вопросе о том, можно ли определить местоимения как слова, значение которых сводится к указанию на отношение участников события к тому акту речи, в котором это событие описывается. Если бы это было так, то значение «я» было бы тождественно значению таких выражений, как

произносящий данные слова, а местоимений *ты* и *вы* — словосочетаниям типа *{моя} собеседница*. Однако информация, заключенная в подобных словосочетаниях, существенно отличается от значения личных местоимений, что четко ощущается носителями языка. Осознание этого различия проявляется, в частности, в стремлении в рамках некоторых культурных традиций избегать употребления «я» и заменять выражениями типа приведенных. Эта замена выполняет определенную стилистическую функцию, которая строится именно на существовании различия тех языковых средств, между которыми делается выбор.

Еще в работах В. Гумбольдта понятие «я» связывалось с осознанием личности говорящего (см. об этом: [Виноградов 1947: 258]). Хотя философская значимость этого понятия и его роль в формировании языка оценивается теперь лингвистами, как правило, иначе, само представление о том, что местоимения «я», «ты» связаны с выражением личности говорящего и его адресата, сохранило свою значимость. Так, Ю. С. Степанов [1981: 165] пишет: «Субъект „Я“, очевидно, индивидуализирует; собственно, „Я“ — это высшая степень индивидуализации, которая может быть достигнута средствами языка». Мы также полагаем, что характеристика участника события как индивида, личности и составляет главное отличие местоимений «я» и «ты» от таких выражений, как *моя собеседница*. (Аргументы в пользу данной точки зрения, будут рассмотрены ниже.) Если сделанное утверждение верно, то возникает вопрос, как соединяется данная информация с указанием на роль участника события в акте речи. Интересный ответ на этот вопрос был дан Э. Бенвенистом [1974]. Э. Бенвенист считал, что высказывания, содержащие «я», принадлежат прагматическому уровню (или модусу) языка. К этому уровню он относил высказывания, которые наряду со знаками включают тех, кто ими пользуется. Таким образом, лица, на которые указывают местоимения «я» и «ты», как бы становятся элементами высказывания, и их введение в рассмотрение определяет индивидуализацию актанта ситуации. Поскольку, однако, местоимения «я», «ты» в отличие от имени собственного не становятся постоянным обозначением того или иного лица, остается не совсем ясным, почему они выполняют индивидуализирующую функцию, указывая на говорящих или слушающих. Неполная аргументированность вывода, вероятно, ощущалась и самим Бенвенистом, чем и можно объяснить введение следующего дополнения в предложенную им модель описания: он утверждал, что знаки «я» и «ты» не принадлежат языку и каждый раз создаются в актах речи. Таким образом, существует множество «я», каждое из которых имеет свою референцию и соответствует «единственному индивиду, взятому именно в его единственности» (с. 286). Давая обобщающее определение местоимения «я», Э. Бенвенист писал: «Я не обозначает никакой лексической сущности» (с. 295), т. е., следовательно, не имеет лексического значения.

В концепции Э. Бенвениста мы не можем принять положение, в соответствии с которым знаки «я», «ты» не принадлежат языку. Такое утверждение является очевидно произвольным. Мы не отождествляем также языковой знак и индивид, на который этот знак указывает. Однако нам представляется чрезвычайно важным положение Э. Бенвениста о том, что местоимения образуют знаки особого типа и что функция личных местоимений заключается не только в указании на роль в акте речи, но прежде всего в представлении говорящего или слушателя как индивида, взятого в его единственности.

1.4. Мы попытаемся показать, что семантическое своеобразие местоимений заключается не в отсутствии лексического значения и даже не в его изменчивости, а в том, что местоимения задают тот или иной способ (уровень) представления (характеризации) актанта ситуации (об этих понятиях см. гл. I, п. 3), но не содержат в себе информации, соответствующей этому уровню представления. Вместо этого они либо отсылают к тому элементу контекста или ситуации, который может восполнить недостающие сведения, либо указывают на несущественность этих сведений или отсутствие их у говорящего. Восполняемая информация не принадлежит самому значению, и поэтому ее флуктуации в разных актах речи не свидетельствуют о его изменчивости. В значение входят только: 1) указание на уровни характеризации (например, представление актанта ситуации как личности, представление индивида в его единственности, — если воспользоваться выражением Э. Бенвениста, — или, напротив, как члена класса); 2) информация о том, где искать и искать ли недостающие сведения. Эти два «пласта» информации не зависят от контекста и не изменяются в каждом акте речи.

Так, в значении местоимений «я» и «ты» есть информация о том, что актант ситуации характеризуется как индивидуальность, личность, но при этом не раскрываются какие бы то ни было свойства личности. Указывается только, кто получает данную характеристику: в первом случае — это указание на говорящего, во втором — на слушателя. Именно потому, что центральное место в значении занимает информация об индивидуализированном представлении актанта ситуации, информация о его соотнесенности с говорящим или слушающим отесняется на задний план и приобретает характер отсылки.

Еще раз подчеркнем, что слова *личность*, *индивидуальность* не употребляются здесь в оценочном смысле, включающем представление о значительности личности (гл. I, п. 3). Заметим также, что характеристика актанта ситуации как личности, индивидуальности могла бы служить классифицирующим основанием, если бы давалась в обобщенном виде — **наличие/отсутствие** индивидуальности:

(1) *Иван — личность, индивидуальность, а Петя — нет.* В значении же личных местоимений информация о личности относится к пресуппозиционной части. Акцент переносится на установление той конкретной личности, которая имеется в виду в каждом отдельном случае. Рассмотрим некоторые особенности проявления данного признака.

Сформулированное различие позволяет объяснить отмеченную стилистическую значимость замены местоимений на соответствующие существительные. Поскольку выражения типа *моя собеседница, произносящий данные слова* характеризуют актант ситуации только по одному признаку — по его роли в акте речи — и «игнорируют» личность говорящего или слушателя, их употребление создает эффект отстраненности. При таком способе обозначения говорящий или пишущий как бы отказывается от себя. См., например: *Пишущий данные строки берет на себя смелость утверждать, что...* Выбирая выражения типа *моя собеседница*, говорящий также отстраняет от себя собеседника. Он как бы не смеет непосредственно апеллировать к личности слушателя и создает преграду между собой и им.

Справедливость предложенной интерпретации подтверждается также следующим: поскольку выражения типа *{моя} собеседница* дают аспектированное представление актанта ситуации, они могут использоваться только в трех случаях: если событие, обозначенное предикатом, так или иначе связано с ситуацией беседы; если говорится о малознакомом человеке⁴, которого автор речи может идентифицировать для слушателя (читателя) лишь через участие этого человека в ранее состоявшейся беседе с автором речи, о которой уже знает слушатель (читатель); если слово употребляется как кодовое обозначение (такое использование возможно, например, в детективном романе):

(2) *Моя собеседница замолчала {кивнула головой в знак согласия и т. д.};*

(3) *На следующий день я опять встретил мою милую собеседницу;*

{4} *Вчера звонила «собеседница».*

Употребление *ты, вы*, не имеет подобных ограничений, что свидетельствует о том, что эти местоимения не представляют актант ситуации в роли участника беседы. Эти местоимения могут обозначать близких для говорящего людей и использоваться при предикатах, не связанных с ситуацией речевой коммуникации:

(5а) *Но час настал, и ты ушла из дому,*

Я бросил в ночь заветное кольцо.

Ты отдала свою судьбу другому,

И я забыл прекрасное лицо (Блок).

⁴ На это второе условие употребления обратила мое внимание Л. А. Прозорова.

Описывается ситуация, в рамках которой референт местоимения *ты* выступает в функции жены, возлюбленной, что делает невозможным употребление в подобных контекстах выражения *моя собеседница*:

(5б) *Моя собеседница ушла к другому.*

Такое предложение стало бы возможным только в том случае, если бы говорящий связал его с ситуацией участия в беседе. Например, *Моя собеседница ушла к другому, и теперь мне не с кем поговорить* (шутл.). Показателем того, что представление о личности, индивидуальности ассоциируется говорящим со значением *я*, может служить следующая фраза, раскрывающая осознание способа отоображения себя через местоимение *я*:

{в} *Я — это я, единственный, неповторимый, как и каждый живущий на земле человек* (Катаев) [пример из кн.: РГ, 1980, I, с. 532].

Аргументом в пользу того, что местоимение *я* задает представление актанта ситуации как личности, служит также развитие у этого слова особого значения, которое уже неоднократно отмечалось в лингвистических работах (например, РГ, 1980, I, с. 532): *я* может обозначать саму личность как определенный набор свойств в отрыве от его носителя:

(7) *...потребность как-то утвердить свое я, свою личность* (газ.).

Отметим также, что образование нового значения по модели: от А (информация об объекте, которому присущ определенный набор качеств) к В (информация о самом этом наборе качеств) вообще характерна для местоимений. Иногда при этом речь идет не просто о наборе качеств, а об особых исключительных качествах, присущих какому-то единственному объекту. Подобное окказиональное значение развивается и у местоимений *он, она*:

(8) *Но почему ж ты столько огорчен? И кто виной? Супруг, отец, конечно... — Не то, мой друг! — Но что же? — Я ей не он* (Пушкин) [пример взят из кн.: РГ, 1980, I, с. 533] (т. е. говорящий не является тем, кто обладает некоторым уникальным набором свойств, необходимым для того, чтобы оказаться «ее» избранником).

Приведем аргументы в пользу того, что информация о тождественности актанта ситуации говорящему или слушающему действительно носит лишь отсылочный характер.

Вследствие того, что слова типа *собеседница* приписывают актанту ситуации определенное свойство — ‘участвовать в акте речи’, это свойство далее может по-разному уточняться. Например, собеседник может характеризоваться как участник речевого акта, в котором участвует «я». Отсюда: *моя собесед-*

ница в отличие от *его собеседница*. Напротив, нельзя сказать: *моя ты*. Этот запрет можно частично объяснить тем что «ты» — это всегда то лицо, к которому обращается данный говорящий, и, следовательно, не может быть *его ты*. Однако причина запрета заключается не только в этом, о чем свидетельствует неупотребляемость при *я, ты* и определений других типов. Можно сказать: *моя прекрасная собеседница*, но нельзя: *прекрасная ты*. Если *ты*, как мы утверждаем, только как бы «требует» представить актант ситуации и в ипостаси личности, но не приписывает никаких свойств этой личности, а только указывает на «адрес» поиска, т. е. самому слушателю предлагается в момент речи идентифицировать заполнителя актантной позиции, то естественно, что определения должны вводиться лишь после того, как референт *ты, вы* уже идентифицирован слушателем. Следовательно, определения должны стоять в постпозиции:

(9) *Ты, милая, добрая, как ты можешь так говорить.*

Определительные группы могут, правда, вводиться для того, чтобы помочь идентификации референта местоимения. В этом случае по своей семантической функции определения могли бы стоять и в препозиции, если бы они не были представлены предложными группами, требующими постпозиции в соответствии с правилами организации поверхностной структуры предложения. Эти группы обычно обозначают части одежды или тела. Часто такие определительные группы вносят и дополнительный оценочный элемент и, таким образом, участвуют не только в идентификации референта, но и характеризуют его определенным образом:

(10) *Эй, ты в шляпе, подойди сюда!* Ср. этот:

(11) *Уберите этого в кепке.*

Идентифицирующие определительные группы не встречаются в вежливой речи.

Есть только одно условие, при котором определения к *я, ты, вы* стоят в препозиции, а именно, когда контекст строится так, что местоимение получает свой референт не в акте речи, а как бы в «предречи» или во всяком случае до произнесения самого местоимения. Показателем этого часто служит повторное употребление:

(12) *Как будто бы в меня вселилась другая, посторонняя мне женщина, а я, настоящая Я, только с ужасом прислушивалась и приглядывалась к ней* (Рунова);

(13) *...ведь такой Я только один и есть!* (Достоевский) [примеры взяты из кн.: Пешковский 1938: 192].

Подчеркнем, что отмеченные запреты на употребление не обусловлены индивидуализирующей функцией личных местоимений, хотя признак индиви-

дуализации также ограничивает сочетаемость с определениями. Для сравнения рассмотрим имена собственные, которые, как и личные местоимения, дают индивидуализирующее обозначение актанта ситуации. Такой характер обозначения определяет несочетаемость имен собственных с определениями, выполняющими классифицирующую функцию. Вследствие этого, определения типа

(14) *Это был умный Иван Иванович*

обычно воспринимаются как странные, неестественные. Возможны только окказиональные употребления подобных предложений. Например, (14) можно было бы употребить, если бы предполагалось, что в рамках данного круга людей есть два Ивана Ивановича, один из которых обозначается как умный, а другой как глупый. См. также:

(15) *Попроси об этом умного и доброго Ивана Ивановича* (а не этих самоуверенных и глупых людей).

Предложение (15) носит эллиптический характер, поскольку имя собственное выступает вместо выражения — *такого умного и доброго человека, как Иван Иванович*. Кроме того, примеры (15) и (14), строятся на представлении о наличии **ограниченного** круга людей, из которых нужно выбрать участника события. Однако не все определения выполняют такую выделительную функцию (т. е. служат для выделения индивида из множества или подкласса из класса), что частично связано с лексическим значением прилагательного, а частично — с типом предложения (о типах прилагательных см.: [Вольф 1978]). Пресуппозиция о включенности в класс, множество не предполагается при употреблении определений, указывающих на отношение говорящего к описываемому лицу. Вследствие этого словосочетания: *Мой дорогой Иван Иванович, глубокоуважаемый Иван Иванович* и под. воспринимаются как совершенно естественные. Напротив, личные местоимения не могут иметь при себе и определения данного типа. Так, нельзя сказать: **Моя дорогая ты; *Уважаемый Вы*. Таким образом, неупотребляемость определений с личными местоимениями нельзя объяснить только тем, что они, как и имена собственные, служат средствами представления актанта ситуации как личности. Напротив, постулируемая особенность местоимений — не раскрывать того уровня характеристики актанта ситуации, который они сами приписывают участнику события, а только указывать на то, с кем из коммуникантов идентифицировать участника события, — объясняет все перечисленные запреты на сочетаемость.

Поскольку личные местоимения в отличие от имен собственных сами не раскрывают тот индивидуализированный образ, который связан с актантом ситуации, а отсылают референту, что и делает их знаками особого типа, референт оказывается непосредственно вовлеченным в акт речи. Это приводит к

эффекту непосредственного взаимодействия, контакта между говорящим и слушателем, что, правда, необязательно предполагает их нахождение в одном и том же месте. Возникновение этого эффекта особенно значимо, когда личные местоимения употребляются в тех условиях, где обычно используются имена собственные. Так, в дарственной надписи выбор слов *ты, вы (Тебе, Вам)* вместо имени собственного (*Дорогой Наденьке от...*) создает впечатление особой интимности, как бы постоянного живого общения между дарящим и его адресатом и их присутствия в ситуации общения.

Итак, анализ местоимений *я* и *ты* показывает, что их своеобразие заключается не в отсутствии значения или в его изменяемости в зависимости от ситуации, а в том, что оно носит отсылочный характер и тем самым «объявляет» себя не самодостаточным; представляя акт ситуации как индивидуальность, личность, местоимения *я* и *ты* не содержат в своем значении указания на образ данной личности. Вместо этого они отсылают к автору или адресату речи как к тем, кто идентичен индивидуализированно представленному участнику события.

Характер значения местоимений *я, ты* определяет и их референциальные особенности — как правило, они имеют референтное употребление, т. е. относятся к индивиду. Однако они могут — что особенно характерно для местоимения *ты* — иметь обобщенное употребление:

(16) *Что ты тут сделаешь!*

2. МЕСТОИМЕНИЯ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА, МЕСТОИМЕНИЕ ЭТО

Проиллюстрируем теперь отмеченные особенности местоименного значения и характера *его* соотносительности с денотативной сферой на примере местоимений 3-го лица, а также местоимения *это*.

2.1. В настоящее время уже окончательно доказано, что в исследованных в этом плане языках (в частности, в английском и русском) местоимения 3-го лица, по крайней мере, чаще всего не выполняют функцию замены антецедента. Кроме указанных работ (п. 1), см.: [Quine 1961; Geach 1962; Jakobson 1979; Падучева 1985, гл. VII]. Данные местоимения описываются «на базе понятия кореферентности (в противоположность концептуальному тождеству) и ее разновидностей, обусловленных денотативным статусом местоимений» [Падучева 1985: 5]. Опираясь на данное понятие, переформулируем его под углом знания той информации, которую местоимения 3-го лица вносят в речи: местоимения 3-го

лица показывают, что заполнитель, обозначаемый ими актантной позиции (иными словами, участник события в широком смысле этого слова) тождествен либо денотату именной группы, стоящей в предшествующем или — реже — последующем контексте, либо индивиду, который непосредственно присутствует в ситуации речи (в этом случае на него указывает жест говорящего). Далее мы пытаемся показать, что они задают тот или иной статус характеристики актанта ситуации (представление его именно как индивида (личности), как члена класса и т. д.). Эта последняя характеристика, по-видимому, также в большей степени, чем у большинства других местоимений зависит от контекста, но по крайней мере в некоторых условиях она принадлежит значению местоимений 3-го лица и определяет одно из их отличий от местоимения *это* (п. 2.2).

Подчеркнем, что значение местоимений 3-го лица не противоречит развиваемому здесь общему пониманию семантики местоимений: они характеризуют актанта ситуации как индивид или как класс, но при этом отсылают к контексту или ситуации для идентификации данного индивида или класса:

(1) *Наставник изучал Захара Павловича и мучился: «холуй, наверно; где пальцем надо нажать, он, скотина, кувалдой саданет...»* (Платонов). Слово *он* в данном контексте показывает, что имеется в виду индивид, который представлен здесь как личность, и субъект суждения может идентифицировать эту личность; читатель также получает сведения, позволяющие ему осуществить идентификацию: «он — Захар Павлович».

(2) *Что она там делает?* (спрашивающий указывает на лицо, находящееся в поле зрения адресата речи).

(3) *Дни поздней осени бранят обыкновенно. Но мне она мила* (Пушкин) [пример из кн.: Падучева 1985: 157]. Денотат слова *она* тождествен денотату именной группы *дни поздней осени*. В данном случае денотатом является класс, а не индивид. Ср. сходное, хотя и не тождественное употребление местоимения *ты* в обобщенных высказываниях:

(4) *Да спрашивай ты толку у зверей* (Крылов).

Таким образом, тип денотата может изменяться, но информация о денотативном тождестве сохраняется.

Е. В. Падучева [1985: 147] в семантической структуре местоимений 3-го лица выделяет наряду с рассмотренным значением значение повтора, при котором функция местоимения сводится к замене имени. Денотативное тождество при этом не требуется. Нам представляется, однако, что приводимые Е. В. Падучевой примеры не подтверждают наличие этого значения. Некоторые из них не являются нормативными, как показал опрос десяти информантов:

(5) **УМаши дети (уже) взрослые, а у Даши они в детский сад ходят.*

Все опрошенные отметили, что примеры типа (5) могут встретиться только в небрежной речи и создают несколько комическое впечатление.

(6) *Уменя мама на пенсии, а у Нины она работает;

(7) *Я выбросила его подарки, а Ира их оставила.

Появление предложений типа (5) в небрежной разговорной речи, может быть, свидетельствует о некоторой тенденции к развитию нового значения у местоимений 3-го лица, которая, однако, необязательно реализуется в будущем и во всяком случае пока не реализовалась. Приводимые Е. В. Падучевой примеры использования местоимений 3-го лица в особых стилистических условиях также, как нам представляется, не свидетельствуют о нарушении принципа кореферентности (или «коденотативности»). Они скорее говорят о стремлении авторов представить кореферентными те ситуации, которые объективно такими не являются. Это и создает комический эффект:

(8) *Как раз тогда, когда сознание покинуло Степу в Ялте, оно вернулось к Бездомному в Москве* (Булгаков).

Другие примеры, отнесенные Е. В. Падучевой к случаям замены антецедента, как нам представляется, также не нарушают условия кореферентности **или** — точнее — **коденотативности**. Рассмотрим некоторые из них:

(9) *Кто избранница Жана Маре и существует ли она вообще — неизвестно.*

Как и в проанализированном примере К. Донналлана (гл. 1, п. 2.3) денотатом именной группы *избранница Жана Маре* можно считать конструктор индивида, удовлетворяющий данной дескрипции. Местоимение *она* имеет тот же денотат. Таким образом, устанавливается полный параллелизм между первой и второй частью предложения: в первой части ставится вопрос о том, кто соответствует данному конструктору, а во **второй** — **соответствует** ли ему кто-нибудь вообще.

(10) *Правда, в Вентимилге пока нет велосипедной трассы, но уже собираются деньги для ее постройки.*

Здесь отрицается наличие конкретного индивида, который бы соответствовал конструктору индивида, удовлетворяющего дескрипции *велосипедная трасса*, местоимение *ее* относится к тому же денотату, т. е. в данном случае к конструктору члена класса *велосипедная трасса*. Таким образом, денотаты именной группы и местоимения совпадают. См. также:

(11) *Человек, который иногда бьет свою жену, разумнее того, который во всем ей уступает.*

В (11) денотатом именной группы *своя жена* является типизированный конструктор члена класса. Этот же денотат имеет и местоимение. Именно потому, что имя и местоимение относятся к типизированному члену класса, а не к конкретным индивидам, они могут рассматриваться как имеющие один и тот же денотат. То, что в каждом конкретном случае им соответствовали бы разные индивиды, несущественно, поскольку высказывание имеет своим денотатом обобщение, с которым лишь опосредованно связаны конкретные случаи. Ср. также случай, отмеченный А. Н. Барановым [1984]:

(12) *В прошлую войну широко применялись танки этого типа. В эту войну они также использовались.*

Именная группа *танки этого типа* и местоимение *они* коденотативны: они обозначают один тип танков. То, что в первой и во второй войне участвовали разные представители этих типов, не нарушает тождество денотата, так как им является тип, а не его конкретные представители.

Таким образом, нам представляется, что русские местоимения 3-го лица не выполняют функцию замены антецедента.

2.2. Проиллюстрируем признак наличие/отсутствие аспектуализации актанта ситуации (мы включаем в этот признак и информацию о представлении индивида как личности) на примере сопоставления местоимений 3-го лица и местоимения *это* в биноминативных предложениях (БП). Данные местоимения в указанных условиях были проанализированы Падучевой [1985, гл. VII, § 3, гл. VIII, § 3] и Николаевой [1985, гл. II, §3]. Рассмотрим сначала толкование Т. М. Николаевой, которое с некоторыми изменениями будет принято в нашей работе. Николаева выделяет следующие признаки *это*: 1) глобальная — +tot; 2) представленная перед глазами в некий отрезок времени — +limit, т. е. не дуративная; 3) реальная — +exist. Из трех отмеченных признаков мы остановимся только на первом⁵. Николаева считает, что *это* относится ко всей ситуации, вводящей в рассмотрение предмет, что записывается в метаязыке описания с помощью местоимения *tot*. Введение в метаязык описания компонента *tot* (*та* и т. д.) представляется чрезвычайно важным. Мы постулируем в значении *это* по крайней мере два компонента: 1) информация об аспектизированном

⁵ Два других признака, как представляется, характерны лишь для некоторых условий употребления *это*, но не принадлежат его значению. Так, можно сказать: *Она должна была взять помощника. Это должен был быть умный и порядочный человек* (нет презумпции существования). Отметим также, что мы не употребляем для обозначения первого признака термин «глобальный», так как используем его синонимично выражению «представленный как индивидуальность (личность)» (гл. I, п. 3.1).

представлении актанта, соответствующем его роли в ситуации, описанной в предшествующем контексте или непосредственно наблюдаемой — 'тот, кто участвовал', 'тот, кто носил имя' и т. д.; (эта информация может дополняться сведениями, заключенными в кореферентной именной группе — 'тот, кто участвовал в событии и был охарактеризован так-то'); 2) указание на недостаточность этой характеристики и требование ее пополнения через предикат; предикат должен раскрыть дополнительные свойства аспектизированной представленного актанта ситуации, а именно должно устанавливаться либо тождество актанта ситуации индивиду, представленному как индивидуальность (личность), либо указываться на его принадлежность к членам такого-то класса (таксономическая характеристика).

Местоимения же 3-го лица в биноминативных предложениях имеют отрицательное значение признака аспектуализации. Они задают характеристику индивида как индивидуальности и, следовательно, должны употребляться, когда участник события либо достаточно хорошо известен и может быть охарактеризован как личность, либо непосредственно наблюдаем, что также создает возможность для его «глобального» описания, но не обязательно его требует. Прежде чем приводить аргументы в пользу предложенного толкования, рассмотрим, как определялось различие данных местоимений в работе Е. В. Падучевой, из которой мы заимствовали многие установленные там закономерности употребления, придав, однако, иную интерпретацию семантическим признакам, определяющим эти закономерности. «Назначение БП с *это* — в том, чтобы приписать этому объекту (т. е. объекту, введенному антецедентом. — О. С.), взамен прежнего, другой концепт, носителем которого является II компонент БП... Но эта смена концептов возможна благодаря тому, что *это* допускает референцию к объекту в отрыве от концепта, связанного с его прошлым наименованием. Отсюда ясно, в чем различие по смыслу между *это* и местоимениями 3-го лица. Местоимения 3-го лица употребляются в ситуации, когда объект не просто упоминается повторно (как принято считать), а упоминается в презумпции неизменности связанного с ним концепта» [Падучева 1985: 178].

Таким образом, различие между предлагаемыми трактовками заключается в следующем: 1) Е. В. Падучева считает определяющим признак **наличия/отсутствия** отрыва от исходного наименования; в отличие от этого мы придаем значение способу характеристики актанта ситуации, задаваемому самим местоимением (аспективизированное/неаспективизированное отображение актанта ситуации); 2) Е. В. Падучева утверждает, что предикативная характеристика в случае с *это* меняет исходный признак, положенный в основу наименования; мы же полагаем, что местоимение *это* указывает на неполноту исходной характеристики и требует ее пополнения через предикат; презумпция неизменности концепта, вводимого антецедентом, не влияет однозначно на выбор местоимения.

Рассмотрим аргументы в пользу принимаемой точки зрения. Они в основном строятся на данных, содержащихся в работе Е. В. Падучевой. О том, что местоимение *это* дает аспективизированное, а не глобальное представление актанта ситуации говорит «нежелательность» его пояснения через имя собственное, которое в рамках отмеченного контекста скорее воспринимается как знакличности.

(1)5 *это время в комнату вошла Маша. *Это* (т. е. Маша) *была высокая красивая девушка.* Ср., напротив: *Это* (т. е. та, кто вошла и та, которая была названа Машей) *была высокая красивая девушка.*

Аспективизированность представления, однако, необязательно предполагает смену исходного концепта:

(2)2? *это время министром здравоохранения был Петр Иванович Данилов. Это был милый и добрый человек* (определение актанта ситуации как того, кто был назван Даниловым и кто был министром здравоохранения, сохраняется).

О несущественности признака наличия—отсутствия концептуального тождества говорит также употребляемость местоимений 3-го лица в тех контекстах, где происходит смена концептов, что следует из примеров, приводимых самой Е. В. Падучевой:

(3а) *В нашем дворе жила медсестра. Звали ее тетя Соня. Почему-то все мы тогда считали, что она доктор;*

(3б) *Вошла медсестра, а мы подумали, что это доктор* (= что тот, кто вошел, — доктор).

Комментируя эти предложения, Е. В. Падучева пишет: «В (а) расхождение мнения с действительностью касается не существенных признаков объекта, а только вторичных его свойств: данная женщина медсестра или врач; а в (б) ошибка в том, что одно лицо принято за другое» (с. 176). Пример (б), однако, может иметь и другое прочтение. При этом втором прочтении расхождение во мнениях, как и в (а) касается только признаков объекта: данная вошедшая женщина была медсестрой или врачом. Ср. также:

(3в) *В это время в комнату вошел наш новый врач, а мы почему-то все подумали, что это очередной поклонник Маши* ('что он очередной поклонник Маши).

Исходя из принимаемого нами толкования, можно предложить другое объяснение выбора *она* в (а) и *это* в (б). Это «другое» объяснение в известной степени учитывается и Падучевой, но ему отводится второстепенная роль.

Продолжая анализ рассматриваемого примера, она пишет, что отмеченное противопоставление не является минимальным. Оно сопровождается различием в «референциальных свойствах антецедента: «...в (а) ИГ *медсестра* означает объект, который занимает устойчивое положение в общем поле зрения участников акта речи; а в (б)— **объект**, «только что» в него введенный, т. е. новое лицо» (с. 176). Развивая дальше мысль Падучевой, мы бы сказали, что контекст (а) показывает, что говорящий достаточно хорошо знает описываемую женщину, что и создает предпосылку для отображения актанта ситуации как личности, а не только в «ипостаси» субъекта действия *жить в нашем дворе*. Такое отображение актанта ситуации не противоречит (а), но было бы не вполне логично в (б) и особенно (в). Актант ситуации в (б) и (в), хотя и не был заранее известен говорящему, присутствует в поле **его** зрения. Это создает предпосылку для выбора местоимения 3-го лица. Однако общий контекст скорее показывает, что в центре внимания не личность вошедшего, а только его профессиональная принадлежность, что делает более естественной его аспектизированную характеристику — ‘тот, кто вошел’. Ср. (3г):

(3г) *Как раз в эту минуту в комнату вбежала молоденькая девушка. Мы все подумали, что она (это) медсестра, и только потом узнали, что она врач.*

Весь контекст (3г) в большей степени связан с личностью вошедшего. Об известном интересе к личности свидетельствует и характер антецедента, описывающий участника события через свойства, не принадлежащие к понятийной сфере «больные/врачи». Это объясняет возможность употребления местоимения 3-го лица. Однако тот факт, что актант ситуации вводится впервые, делает естественным и выбор местоимения *это*. Таким образом, постулируемое различие объясняет употребление *она* и *это* в (3), (4). Заметим также, что если признать, что *она* в (3), (4) предполагает представление актанта ситуации как индивидуальности, то именно слово *она* меняет его исходное представление: антецеденты *медсестра, молоденькая девушка* характеризуют актанта ситуации только как член класса.

Остановимся теперь на условиях, влияющих на употребление местоимений 3-го лица и местоимения *это* при антецеденте, выраженном именем собственным или определенными дескрипциями.

Употребление имени собственного необязательно строится на пресуппозиции известности его референта слушателю. Вследствие этого денотат имени собственного необязательно должен быть представлен как личность. Он может получить аспектизированную **характеристику** — ‘тот, кто носит данное имя’, — что и создает предпосылку для употребления местоимения *это*. Анализ примеров подтверждает зависимость выбора *это* от сформулированного

условия. Так, употребление *это* в (2) можно объяснить тем, что актант ситуации неизвестен слушателю. Однако здесь может быть употреблено и местоимение *он*, если говорящий будет ориентироваться на свое «видение» актанта ситуации. Если и говорящий скорее всего имеет ограниченные сведения об описываемом лице, использование *это* предпочтительно:

{А) *Промысловой стороной управляет {некто} Ингрид. Это женщина лет пятидесяти.*

Если же при употреблении в качестве антецедента имени собственного или какой-либо определенной дескрипции из общего смысла контекста следует, что актант ситуации хорошо известен говорящему и слушателю, то обычно употребляются местоимения 3-го лица:

(5) *Ты подыграйся к тетушке, она женщина богатая (Островский) (*Это женщина богатая).*

Выбор *это* для обозначения актанта ситуации достаточно хорошо знакомого и говорящему, и слушателю также возможен, но выполняет особую стилистическую функцию. *Это* создает стилистический эффект нарочитого отстранения от личности актанта ситуации.

В данном варианте значения, который реализуется обычно при оценочных предикатах, *это* употребляется, Во-первых, при выражении того или иного отрицательного или во всяком случае неуважительного отношения к актанту ситуации, что создает предпосылку для игнорирования его личности:

(6) *Геккерн на все способен: это человек без чести и совести.*

Во-вторых, *это* в данном варианте значения используется при описании близкого, хорошо известного говорящему и слушателю лица, для того чтобы, «отстранив» актант ситуации, придать своему суждению о нем объективизированный характер. Ср.:

(7) *Во главе предприятия стоит мой дядя. а) Это очень способный и достойный человек; б) Он очень способный и достойный человек;*

(8) *Экспедицию возглавляет мой муж. а) Это очень опытный альпинист; б) Он очень опытный альпинист;*

(9) *Мой брат делает удивительные вещи. а) Это настоящий мастер; б) Он настоящий мастер;*

(10) *Женись на Кате. а) Это умная и добрая девушка; б) Она умная и добрая девушка.*

Проведенный опрос восьми информантов показал, что признак отстраненности осознается достаточно отчетливо, о чем, в частности, свидетельствует

отрицательная оценка тех высказываний (например, 8а), в которых отстраненность от личностного отображения актанта ситуации наименее естественна.

Е. В. Падучева отмечает неупотребляемость *это* в предложениях «само-мнения», где субъект высказывает мнение о самом себе:

- (11) *И вподтверждение того, что она — Красавка, лошадь медленно повернулась в нашу сторону (а не: это — Красавка).*

Это употребление также согласуется с постулируемым нами различием между *это* и местоимениями 3-го лица: субъект суждения, высказывая о себе то или иное мнение, не может не воспринимать себя как личность. Употребление *это* возможно только тогда, когда происходит как бы раздвоение личности субъекта суждения (например, в ситуации, когда он наблюдает свое отражение в зеркале):

- (12) *Я не мог поверить, что этот (ужасный) человек и есть я.*

В пользу постулируемого различия между *это* и местоимениями 3-го лица говорит также зависимость их выбора от соотношения между теми знаниями, которые возникают в момент непосредственного восприятия актанта ситуации и имевшимися ранее или полученными потом. Если для отождествления актанта ситуации с имевшимся ранее в сознании говорящего образом достаточно «мгновенного» взгляда, то употребляется местоимение *это*:

- (13) *Мать взглянула на женщину. Это была Самойлова (*Она была Самойлова).*

В условиях «мгновенного» восприятия более естественно охарактеризовать актант ситуации по совершаемому им действию, например, 'тот, кто вошел'. Такая характеристика тем более естественна, что далее референт идентифицируется через уже имеющийся у говорящего образ. Напротив, если актант ситуации достаточно долго находится в «поле зрения» говорящего (или героя повествования), до того, как был идентифицирован с уже хранящимся в памяти образом, создается предпосылка для представления референта через непосредственно сформировавшийся образ, что и приводит к выбору местоимения 3-го лица. Сообщение при этом строится как указание на соотнесенность двух имеющихся образов с одним и тем же референтом. Предложенная интерпретация объясняет употребление местоимения 3-го лица в предложениях типа *Она-то и была такая-то*. Это условие употребления было отмечено Е. В. Падучевой:

- (14) *(В это время в комнату вошла красивая женщина), и только потом я узнала, что она-то и была Самойлова. Ср., напротив:*

(15) *Кто там? — Это я* (т. е. тот, кто пришел, я).

Е. В. Падучева также выделяет некоторые случаи, где, по ее мнению, субститутом *это* является *тот*. Однако она не распространяет возможность такой интерпретации на все условия употребления *это* в биномативных предложениях. В частности, перефразировка типа 'тот, кто' считается недопустимой при определенной именной группе.

Мы уже говорили выше, что имена собственные и определенные дескрипции могут создавать аспектированное представление актанта ('тот, кто...'), так как характеристика через «уникальный» признак необязательно требует отображения референта как личности, индивидуальности. Так, выражение *муж моей подруги* может в зависимости от контекста представлять референт как — '*тот, кто является мужем моей подруги*'. Рассмотрим следующий пример, приводимый Падучевой:

(16) *Ипполит Матвеевич сразу узнал свой стул. Да! Это был гамбсовский стул, обитый... английским ситцем в цветочках.*

Именная группа *свой стул* здесь не только определена, но и предполагает, что актант ситуации охарактеризован через набор присущих ему индивидуализирующих признаков. Такое представление денотата не позволяет именной группе быть антецедентом слова *это*, если принимаемое нами толкование верно. Действительно, нельзя сказать, что *это* — 'то, что Ипполит Матвеевич сразу узнал'. Однако функция предложения с *это* в данном контексте другая. Она заключается в том, чтобы подтвердить правильность узнавания или, возможно, указать, что послужило основанием для узнавания. Вследствие этого местоимение здесь скорее выполняет дейктическую функцию и, следовательно, — *это* — 'то, что увидел Ипполит Матвеевич'⁶, а не 'то, что узнал'. Таким образом, (16) не составляет контрпримера по отношению к принимаемой трактовке.

Рассмотрим теперь пример, где денотатом именной единицы служит не индивид, а класс:

(17) *Чукчи не любят путешествовать. Они домоседы.*

Слово, обозначающее класс объектов в целом, также может по-разному его представлять. Класс может быть охарактеризован через тот набор свойств, который отличает его от других классов. Такая характеристика непосредственно вытекает из значения имени. В английском языке в этом случае слово, обознача-

⁶ Ср. случаи, промежуточные между дейксисом и анафорой [Bolinger 1973; Gensler 1977].

чающее класс, всегда имеет при себе определенный артикль. Класс может быть охарактеризован и через весь «индивидуальный» набор признаков, который связывается с общим образом данного класса. Противопоставленность другим классам здесь необязательна, хотя она может иметь место. Показателем такого употребления в английском языке может служить отсутствие артикля. В примере (17) существительное *чукчи* представляет субъект по второму из отмеченных способов, приближаясь к имени собственному в его неаспектизированном употреблении. Подобный способ отображения денотата, как и в случае имени собственного, препятствует употреблению *это*. В пользу предложенного толкования говорит следующее: если во второй части примера ввести слово *народ*, которое способствует акцентированию внимания на отличии чукчей от других народов, употребление *это* становится возможным:

(18) *Чукчи не любят путешествовать. Это народ домоседов.*

Подчеркнем, что *это* имеет здесь скорее не анафорическую, а дейктическую функцию (или полудейктическую), т. е. данное местоимение относится непосредственно к предмету сообщения, а не к тому или иному слову или предложению в целом. Иными словами, *это* — 'те_р ком идет речь'.

Мы не будем рассматривать другие употребления *это*, выделенные Е. В. Падучевой. Отметим только, что, как нам представляется, они не противоречат принимаемой нами интерпретации *это* в его противопоставленности местоимениям 3-го лица, а иногда даже почти однозначно ее подтверждают.

Таким образом, анализ рассмотренных местоимений согласуется с постулируемыми нами общими положениями относительно природы местоименного значения и их референциальных свойств.

Мы не останавливались еще на одной особенности местоимений, которая, как указывалось, отмечается во многих **работах** — на отсутствии у них постоянного класса денотации. Подчеркнем, что эта особенность однозначно вытекает из характера местоименного значения. Если местоимения требуют только соблюдения уровня характеристики (например, представления актанта ситуации как члена некоторого подкласса внутри заданного класса), но не показывают сами, какому из возможных вариантов в рамках данного уровня должен соответствовать актант ситуации (например, к какому именно подклассу внутри класса должен принадлежать актант **ситуации**) — они только отсылают к тому элементу контекста или ситуации, который должен внести эту дополнительную **информацию**, — то естественно, что они не могут иметь постоянного класса денотации: элемент контекста или ситуации, к которому имеет место отсылка, каждый раз будет разным.

3. ЯЗЫКОВОЕ ПОНЯТИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ И КВАНТОР СУЩЕСТВОВАНИЯ

Рассмотрим вопрос о соотношении языкового понятия существования и квантора существования. Постановка этого вопроса связана с тем, что квантор существования часто вводится в понятийный аппарат, предназначенный для описания некоторых местоименных групп. Кроме этого, иногда его введение связано с особым направлением в семантических исследованиях, а именно с порождающей семантикой, в рамках которой была сделана попытка описать многие семантические различия через нахождение разного положения соответствующего актанта синтаксической структуре высказывания.

В настоящее время многие лингвисты, например: [Kahn 1966; Lyons 1967; Арутюнова 1976; Селиверстова 1973; 1983] разделяют ту точку зрения, что в семантической структуре языка существование обычно представлено как нахождение в **пространстве**⁷. В более узком **смысле** — в пространствах, которые не входят в качестве частей и другие более общие пространства. К ним относятся, например, «этот» мир и потусторонний мир; мир реальный и мир фантазии, вымысла, сказки; мир, созданный в художественном произведении, область науки и т. д.:

- (1) *На свете счастья нет, но есть покой и воля* (Пушкин);
- (2) *Все говорят: Нет правды на земле. Но правды нет — и выше* (Пушкин);
- (3) *Все это существует только в твоей фантазии;*
изике существует понятие пятимерного пространства.

Понятие существования в языке лишь частично определяется: существовать значит находиться в некотором пространстве. Это определение включает одно неопределяемое понятие — существование самого пространства. Таким образом, утверждения о существовании как бы вторичны. Они строятся на представлении о том, что каким-то образом установлено существование пространства и относятся уже к описанию того, что существует в этом пространстве. Положение, которое при этом складывается, напоминает ситуацию в каузальной цепочке, когда определяется причина явления, но остается не раскрытой причина причины.

Представление о возможности существования в разных мирах объясняет, как представляется, непротиворечивость таких предложений, как *Сократ существовал*, которым уделялось большое внимание в логической литературе.

⁷ Споры чаще всего касаются только некоторых типов экзистенциальных предложений, см. [Панде 1983]. К ним относятся предложения с глаголом *существовать* (*Объективные законы существуют*), а также, например, с такими глаголами, как *длиться*.

Это предложение можно трактовать как строящееся на presupпозиции о том, что где-то Сократ существует — либо только в мире фантазии, легенды, либо в мире действительности — и утверждает его существование и в действительности. Экзистенциальные модели в языке могут указывать не только на нахождение в мире действительности или, напротив, фантазии, сказки, но и сообщать о нахождении в некотором частном пространстве.

(5) *У нас в лесу есть озеро;*

(6) *В комнате женщина;*

(7) *5 комнате Маша.*

В (5), (6), (7) существование в «большом» мире имплицитно предполагает нахождение в частном пространстве или, напротив, относится к presupпозиции. Таким образом, в одном предложении может сообщаться о нахождении в нескольких видах пространства. Среди этих пространств важное место занимают множества. Так, анализ экзистенциальных предложений со словом *есть* [Селиверстова 1973; 1983; Paillard 1984] показывает, что эти предложения, как правило, несут информацию о наличии чего-то в качестве члена имеющегося (или запрограммированного) множества. Так, (5) не просто сообщает о наличии озера в лесу, но и рассматривает его на фоне множества других элементов, которые обычно там находятся; поляны, болота, чащи и т. д. При несоотнесенности с множеством *есть* не употребляется (имеется лишь одно исключение):

(8) *У верблюда есть горб* (горб одна из частей тела верблюда);

(9а) *У Коли есть горб* (горб обычно не рассматривается как часть тела человека и, таким образом, он не соотносится с множеством);

(9б) *У Коли горб;*

(9в) *У горбатого человека есть горб* (горб рассматривается как обязательная составная часть горбатого).

«Наличие в множестве» означает, что описываемый объект не равен множеству: это один или по крайней мере один (но не все) из элементов множества. Ср.:

(10) *У меня есть седые волосы* (т. е. есть седые, но не все волосы седые).

Подобные случаи употребления экзистенциальных моделей сближают их с логическим квантом существования, в понятийное содержание которого входит количественный компонент: по крайней мере один. Однако это сходство не распространяется на все условия употребления экзистенциальных моделей. В большинстве случаев их значение не носит количественного характера, количественный элемент присутствует только в значении самой именной группы, если она указывает на число или другие количественные параметры:

(11) *Сократ существовал*,

(12) *Русалки существуют только в сказках.*

Таким образом, уже сам факт необязательной сопряженности языкового понятия существования с количественными параметрами свидетельствует о необходимости преобразования квантора существования при применении его для описания языка или о суждении области его применения. В его обычном понимании квантор существования фактически соединяет в себе два признака: существование (в мире действительности); количественное значение «по крайней мере один». При создании лингвистического понятия эти два признака должны быть разъединены, так как в значении языковых единиц они необязательно объединяются:

(13) *Среди волшебников есть много добрых.*

Здесь указывается на существование добрых в множестве «волшебников» (т. е. некоторые добрые), но существование множества (в мире действительности) не предполагается.

Необходимость такого расщепления не менее очевидна при использовании квантора существования как метатермина, описывающего значение местоимений типа *кто-нибудь*, *кто-то*, именных групп с неопределенным артиклем. Уже неоднократно отмечалось, что высказывания с местоимениями, которые принято соотносить с квантором общности и квантором существования необязательно различаются по презумпции существования (в мире действительности). Мы пытались показать [Селиверстова 1965], что противопоставленность местоимений с *-нибудь*, *некоторые*, с одной стороны, и местоимений *все*, *каждый* часто строится только на количественном признаке. Вследствие этого квантор общности было бы более естественно противопоставить квантору единичности, включающему и значение 'по крайней мере один':

(14) *Я поговорю с ними со всеми;*

(15) *Я поговорю с одним из них.*

И в (14), и в (15) предполагается существование множества *они* и утверждается, что актантная позиция будет заполнена; различие касается только количества элементов множества, которые будут участвовать в событии.

Так, нам представляется необходимым разграничить в метаязыке описания понятия «существование» и количественное противопоставление «все/по крайней мере один». Понятие существования в свою очередь должно быть представлено в виде набора вариантов, различающихся в зависимости от типа пространства, о нахождении в котором идет речь. Значение 'по крайней мере один' сближается только с одним из этих вариантов — существование в множестве, но полного тождества и в этом случае нет. Отметим также, что такое разграничение фактически уже и происходит в работах, хотя при этом употребляется

один и тот же термин. Так, Э. Бах (цит. по: [Dahl, 1970]) под квантором существования фактически имеет в виду признак существования вне его количественной интерпретации. Напротив, А. Дэвидсон [Davidson 1979], приравнивающая апу к квантору существования, прямо указывает, что апу необязательно предполагает существование соответствующего актанта ситуации.

Во многих современных работах квантор существования и соответственно те детерминативы, для описания которых он используется, трактуются как предикаты. При такой трактовке информация о существовании не рассматривается как пресуппозиционная. Попытаемся показать, что такая интерпретация не соответствует семантической структуре высказываний, содержащих данные детерминативы. Возьмем в качестве примера работу Э. Баха (цит. по: [Dahl 1970]), который связал разные прочтения предложений типа

(16) *She wants to marry a man with a big bank account*

с тем, какое положение в их глубинной структуре занимает квантор существования. Эти два прочтения Э. Бах предлагает записать следующим образом: а) 'существует человек, имеющий большой счет в банке, за которого она хочет выйти замуж'; б) 'она хочет, чтобы существовал человек, имеющий большой счет в банке, за которого бы она вышла замуж'. При отсутствии каких-то особых пояснений к слову *существовать* первую предложенную интерпретацию естественно отнести к таким предложениям, как:

(17) *Есть такой богатый человек, за которого она хочет выйти замуж.*

То, что эти предложения отличны от исходной фразы (16), видно из различия в условиях их употребления. Предложения типа (17) не могут употребляться в контекстах, в которых в фокусе внимания стоит поведение описываемого лица «она», а не существование того, за кого «она» хочет выйти замуж. Эти предложения используются в контекстах, в которых под вопросом стоит существование объекта действия:

(18) Л. *Что-то она все последнее время такая озабоченная? — В. Да она хочет выйти замуж за одного богатого человека, а у нее ничего из этого не получается. Ср. *Есть такой богатый человек, за которого она хочет выйти замуж, а у нее ничего из этого не получается и*

(19) А. *Ей здесь не за кого выйти замуж. Да и не хочет она выходить замуж. — В. Вы ошибаетесь. Есть такой богатый человек, за которого она хочет выйти замуж.*

Предложение (*Вы ошибаетесь. Она хочет выйти замуж за богатого человека*) также допустимо в данном контексте, но могло бы быть употреблено лишь при втором его прочтении. Это предложение служило бы возражением лишь на вторую реплику первого говорящего.

Таким образом, предложенное Э. Бахом толкование первого прочтения (16) меняет его коммуникативную перспективу (см. о ней гл. I, п. 2). При этом толковании исходным в коммуникативной структуре становится указание на существование лица, соответствующего дескрипции, содержащейся в остальной части предложения: данный богатый человек характеризуется как тот, за кого хочет выйти замуж «она». Напротив, в (16) «она» характеризуется как та, кто хочет выйти замуж, причем актантная позиция объекта желаемого события характеризуется как заполненная конкретным индивидом, который описан через свойство «быть богатым человеком».

Подобные же возражения можно привести и против интерпретации второго прочтения предложений типа (16). Предложенная Э. Бахом семантическая структура фактически соответствует предложению типа:

(20) *Она хочет, чтобы нашелся такой богатый человек, который бы взял ее в жены.*

Это предложение отличается от (16) и по коммуникативной структуре и по тому, на что направлено желание. В (16) желание направлено на осуществление действия, в котором актантная позиция объекта должна удовлетворять дескрипции 'быть богатым человеком' (конструкт индивида). В (20) объект желания — существование лица, удовлетворяющего нескольким дескрипциям — 'быть богатым' и 'быть тем, кто возьмет «ее» в жены'. В (17) экзистенциальный предикат может быть интерпретирован как существование в мире действительности; в (20) речь скорее идет о существовании в сфере «ее» жизни, существование вообще при этом только предполагается.

Приведем пример «существования» в множестве и покажем, что при этом также сохраняется различие между экзистенциальными и кванторными предложениями. Ср., например, модели: 1) «Некоторые Y-ки из XP», где Y обозначает элемент множества X, а P — предикат; 2) «Среди X есть Y» или «В X-е есть Y». Различие между этими моделями заключается прежде всего в том, что в первой из них Y-ки характеризуются через принадлежность к X, что составляет свернутое второстепенное отношение характеристики, и параллельно характеризуется через P. Таким образом, P здесь относится только к Y-ам. Напротив, во второй модели X характеризуется через наличие в нем Y-ов. Поэтому всякая характеристика, приписанная Y-ам, затрагивает здесь и X. Вследствие этого в экзистенциальной модели Y должен характеризоваться только через признаки, существенные и для X-а:

(21) *Среди моих студентов есть способные люди* — (наличие некоторого процента способных людей составляет одну из характеристик состава «моих студентов»);

(22) *Среди моих студентов есть такие, которые видели этот фильм;*

((22) возможно только в какой-то особой ситуации, при которой данное событие каким-то образом было бы существенно для характеристики состава студентов: например, на фильм невозможно попасть и нужно обладать какими-то особыми качествами, чтобы вопреки этому все-таки его увидеть);

(23) *Некоторые мои студенты видели этот фильм* (может быть употреблено в самых разных контекстах);

(24a) *Некоторые сотрудники нашего института имеют международное признание;*

(24б) *Среди сотрудников нашего института есть такие, которые имеют международное признание* (наличие ученых с международным признанием характеризует институт);

(25a) *Некоторые сотрудники нашего института отдыхали на юге;*

(25б) *Среди сотрудников нашего института есть такие, которые отдыхали на юге.*

В проанализированных случаях предикат существования вводился в постулируемую семантическую структуру таким образом, что имел областью своего действия не только ту именную группу, с которой он непосредственно связан, и, вследствие этого, изменял коммуникативную структуру высказывания в целом. Но даже если ограничить область действия квантора существования только именной группой, полученное описание не будет полностью соответствовать исходной фразе, так как при этом нарушается порядок характеристики в рамках данного отрезка структуры и его коммуникативная членимость. Так, в (26) утверждается, что актант ситуации будет взят из множества 'вы', причем им может быть тот или иной член множества:

(26) *Вождь хочет поговорить с кем-нибудь из вас.*

Если же описать (26) с помощью квантора существования, ограничив область его действия именной группой, то полученное описание будет скорее соответствовать (27), а не (26):

(27) *Вождь хочет говорить, причем среди вас есть тот, с кем он хочет говорить.*

В (27) актантная позиция должна быть заполнена индивидом, который характеризуется как принадлежащий к множеству «вы». Таким образом, изменяется порядок характеристики и исчезает указание на альтернативность в выборе актанта ситуации.

Итак, есть основания для отказа от квантора существования и замены его двумя метаединицами: признаком существования, представленным в разнооб-

разных, часто одновременно реализующихся вариантах; квантором общности/единичности.

Заметим также, что в содержание квантора существования часто фактически включается признак заполненности/незаполненности актантной позиции, который, как уже говорилось, также должен быть выделен в самостоятельную метаединицу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В гл. II проводилась та точка зрения, в соответствии с которой своеобразие местоименного значения заключается прежде всего в его несамодостаточности, что, однако, не предполагает изменчивости в зависимости от ситуации.

Устойчивость местоименного значения проявляется не только в неизменности того слоя значения, который принято считать лексико-грамматическим (например, указание на одушевленность/неодушевленность актанта ситуации). Она присуща и собственно лексическому значению.

Собственно лексическую часть значения можно разделить на два «пласта». Во-первых, местоимения задают уровень характеристики актанта ситуации, представляют его либо как личность, либо как носителя уникального, но не определяющего личность признака, либо как члена класса и т. д. Во-вторых, местоимения указывают, может ли слушатель получить из контекста или ситуации сведения, раскрывающие заданную характеристику, и при указании на наличие такой возможности содержит отсылку к тому или иному элементу контекста или ситуации, которые восполняют недостающие сведения. Обе эти части значения (и характеризующая, и отсылочная) достаточно устойчивы (при возможности существования варианта). Так, местоимение *я* всегда показывает, что актант ситуации представлен как личность, и эта личность тождественна самому говорящему. Представляя актант ситуации как личность, местоимения *я*, *ты* противопоставлены таким выражениям, как *(моя) собеседница*, *пишущий эти строки*, которые дают аспектизированное отображение актанта ситуации. В местоимениях 3-го лица также выделяются два пласта значения: они показывают, что их денотат тождествен денотату некоторого другого элемента предшествующего или последующего контекста или дают отсылку на экстралингвистическую ситуацию и при этом определенным образом представляют свой денотат. В условия биноминального предложения, где местоимения 3-го лица противопоставлены *это*, они характеризуют актант ситуации через набор индивидуализирующих свойств, составляющих его образ (т. е., если речь идет о человеке, представляют актант ситуации как личность). Напротив, *это* характеризует актант ситуации через «уникальный», но не определяю-

ший личность актанта ситуации признак. Этот признак определяется тем или иным событием, описанным или имплицитным предшествующим контекстом. Так, в зависимости от контекста он может получать следующие варианты 'тот, кто пришел', 'тот, кто был назван так-то' и т. д.

Несамодостаточность и связанная с ним «отсылочность» составляет основное отличие местоимений от неместоименных слов и делает их знаками особого типа. С этим связана и другая особенность местоимений, которая, однако, проявляется не столь последовательно и не столь обязательно: значительная часть информации, содержащейся в местоимениях, относится скорее к самой актантной позиции, а не к ее заполнителю.

При рассмотрении денотативного плана в работе подчеркивалась та уже неоднократно указанная особенность местоимений, которая заключается в отсутствии у них постоянного класса денотации. Приводились также аргументы, свидетельствующие, что трактовка рассмотренных местоимений как слов-актуализаторов может быть принята лишь при следующем условии, а именно: если считать, что актуализатор определяет не тип денотата — индивид — класс индивидов — набор свойств (предикативное употребление) и т. д., а способ представления — индивид в своей индивидуальности, индивид как член класса и т. д.

Были приведены аргументы в пользу отказа от квантора существования в качестве метаязыкового термина и замены его более дробными **метапонятиями** — признаком существования и квантором единичности, непосредственно противопоставленного квантору общности. Было показано, что введение квантора существования (признака существования) в представление семантической структуры неэкзистенциальных кванторных предложений изменяет их коммуникативную перспективу, и, таким образом, приводит к неверному толкованию.

Глава III

МЕСТОИМЕНΙΑ С *-НИБУДЬ* И *-ТО*

1. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Существует довольно большая лингвистическая литература, посвященная местоимениям с частицами *-то* и *-нибудь* (см. обзоры этих работ в кн.: [Růžička 1973; Маловицкий 1971; Янко-Триницкая 1977]). Можно выделить три основных направления исследования: 1) работы, в которых по преимуществу обращается внимание на отдельные условия употребления и на отдельные частные значения или варианты значений; 2) «логические» работы — описание рассматриваемых слов через квантор существования; 3) работы, направленные на поиск общего инвариантного значения, лежащего в основе частных значений и при этом не опирающиеся на понятие квантора существования.

Можно особо выделить также исследования, ориентированные прежде всего на изучение референтных свойств данных местоимений. Проведенное разбиение приблизительно, поскольку в работах всех трех типов обычно устанавливаются условия употребления и частные значения исследуемых **единиц** — различие заключается только в том, является ли этот этап описания конечным. Кроме того, использование квантора существования часто переплетается с введением других метаязыковых единиц, не связанных с логическими понятиями. Таким образом, не всегда имеется четкая грань между указанными типами работ. К работам первого типа можно отнести прежде всего различные грамматики, учебные пособия, а также отдельные статьи (обобщения результатов, полученных различными авторами, полно дано в [Růžička 1973]; там же отмечен ряд новых особенностей употребления рассматриваемых слов). Укажем только некоторые из установленных в различных работах условий

употребления. Давно обращалось внимание на предпочтительность выбора местоимений с *-нибудь* в вопросительных предложениях (например, [Всеволодова, Юдина 1963: 309]), а также вообще в высказываниях, где само существование объекта, соотнесенного с местоимением, ставится под сомнение [Пете 1957]. М. В. Всеволодова и Л. П. Юдина [1963] отмечали противопоставленность *-то* и *-нибудь* по признаку «одни и тот же участник/разные участники» в высказываниях, описывающих многократное событие. Было проанализировано употребление рассматриваемых слов в обобщенных высказываниях [Rybak 1965; Růžička 1973], а также в условиях модальности [Křížkova 1971; Růžička 1973].

1.1. Рассмотрим наиболее распространенные метатермины, используемые для толкования общего значения *-то* и *-нибудь*. Прежде всего отметим описание рассматриваемых местоимений через понятие неопределенности, которое в свою очередь обычно связывается с представлением о неизвестности и/или с информацией «неважно, несущественно, кто (что и т. д.)». Например: «Местоимения неопределенные дают общее, приблизительное указание на предмет или признак и оставляют невыясненным, неизвестным, точно не определенным конкретное представление о предмете, лице, качестве, свойстве, принадлежности предмета или порядковом месте в ряду однородных предметов» [ГРЯ 1952: 406]. В своих предыдущих работах [Селиверстова 1965: 63] мы уже обращали внимание на то, что метатермин «неопределенный» лишь приблизительно отражает семантику местоимений данной группы. Это видно, в частности, из невозможности их регулярной взаимозамены. Например, в предложении *Он дал очень неопределенный ответ* нельзя поставить *какой-нибудь* или *какой-то* на место слова *неопределенный*. См. также: *Она хочет поговорить скаким-нибудь хорошим специалистом (*неопределенным специалистом)*.

В связи с выявлением способа местоименного значения важно обратить внимание на «негативную» часть определения. Отмечается, что неопределенные местоимения оставляют невыявленным конкретное представление о лице, предмете. Эта часть чрезвычайно существенна для понимания местоименного значения. Однако в ней выпущен, как мы попытаемся показать, один важный момент: *кто-то*, *кто-нибудь* и т. д. не раскрывают индивидуальных черт предмета или признака, но они при этом могут показывать, что участник события представлен в высказывании индивидуализированно. И именно это отличает местоимения от таких слов, как *человек*, *вещь*, употребленных с неопределенной референцией.

Понятие неопределенности используется и для разграничения слов группы *-то* и группы *-нибудь*. Так, обобщая различные работы, посвященные местоимениям, М. А. Шелякин [1978:3] пишет: «...стало обычным считать, что место-

имения с *-нибудь* являются самыми неопределенными и семантически самыми широкими». При сопоставлении местоимений с *-нибудь* и *-то* последние иногда даже описываются через термин «определенные». Например, «Местоимения с частицей *-то* обозначают определенный предмет, лицо или признак, но неизвестный либо говорящему и его собеседнику, либо одному из собеседников» [УРЯВ 1960: 537]. О местоимениях с *-нибудь*, напротив, говорится, что они указывают на неопределенный или неизвестный предмет или признак. Можно согласиться с тем, что в ряде контекстов местоимения с *-то* воспринимаются как в некоторой степени более определенные. Однако это восприятие не распространяется на все случаи употребления *-то* и *-нибудь*. Ср., например: *Каждый день его навещал кто-нибудь из нас. Всю ночь металось море, всю ночь гремела прибрежная галька, и в рокоте этом слышалось что-то неуловимое, вечное* (Арсеньев). Вряд ли *кто-нибудь* в приведенном примере связано с представлением о меньшей определенности. Ср. также: *Поговори хоть с кем-то из них* и *Поговори хоть с кем-нибудь из них*. Кроме того, даже в тех контекстах, в которых «большой/меньшей определенности» соответствует интуитивному восприятию исследуемых слов, он может рассматриваться как проявление в отдельных условиях другого общего признака — признака альтернативности/неальтернативности (см. о нем ниже). Не удалось, как нам представляется, показать и логическую выводимость условий употребления *-нибудь* из признака «меньшей определенности». Такая попытка была сделана Л. Я. Маловицким [1977: 85—86]. Автор при этом исходил из неточного представления о дистрибуции *-то* и *-нибудь*. Так, он утверждает, что местоимения с *-нибудь* употребляются только в тех предложениях, где реальность сообщаемого точно не установлена. Очевидно, однако, что к этому типу условий не могут быть отнесены, как справедливо отмечает М. А. Шелякин [1978: 7], предложения, описывающие многократное событие (см., например: *Изредка она взглядывала на кого-нибудь из них*). Кроме того, слова группы *-то* также широко употребляются в высказываниях, в которых предполагается нереальность сообщаемого (см. п. 6, 7).

Как говорилось, понятие «определенности/неопределенности» иногда поясняется, а иногда дополняется другими признаками. Так, в словарях при трактовке местоимений с *-нибудь* обычно выделяется признак «безразлично, кто, что и т. д.» М. А. Шелякин [1978: 5] показал, что эта интерпретация часто не соответствует информации, передаваемой данными местоимениями. Например: *Кто-нибудь из прошлогодних знакомых вспомнил мои именины, сказал Обломов* (Гончаров). В интерпретацию значения *-то* и *-нибудь* во всех работах вводится также признак «неизвестности». Отметим, однако, что было бы точнее говорить не о неизвестности участника события, а о том, что говорящему неизвестно, кто (что и т. д.) заполняет актантную позицию, хотя при

этом «заполнитель» актантной позиции в действительности может быть известен говорящему. Ср. *Я знал, что мне кто-то помогает, и только позже узнал, что это была Маша* и *Я знал, что этот таинственный незнакомец часто мне помогает*. Ср. также: *Незнакомец опять обратился ко мне* [Селиверстова 1965:61]. В настоящее время показано, что признак «неизвестности» принадлежит лишь частным случаям употребления *-то* и *-нибудь* — [O. Dahl 1970¹; Růžička 1973; Шелякин 1978]).

1.2. Следующая группа работ при описании различия *-то* и *-нибудь* опирается на понятие **дизъюнктивности** («или»)/недизъюнктивности. Впервые на близость местоимений с *-нибудь* и *-либо* к союзу *или* обратил внимание Ф. Ф. Буслаев [1869: 351], который объединил высказывания, содержащие их, в класс дистрибутивных (содержание данного понятия при этом не раскрывалось). Попытка уточнить самое понятие дистрибутивности и доказать его соответствие значению местоимений с *-нибудь*, *-либо*, а также слову *любой* была принята в наших работах [Селиверстова 1964; 1965]. Нами обращалось внимание на то, что понятие дизъюнкции может относиться только к множеству с качественно неоднородными элементами. Так, например, говорящий не скажет: *Возьми это перо или вот это*, если думает, что перья абсолютно одинаковы и если предполагает, что слушатель также считает их одинаковыми. Подобно этому нельзя сказать: *Возьми какую-нибудь из этих тетрадей*, если тетради абсолютно одинаковы. Представление о качественной неоднородности элементов множества было введено в определение понятия дизъюнкции, которое в работе интерпретировалось через два признака: качественного и количественного участия. Вероятно, их можно было бы точнее назвать признаками качественного и чисто количественного соответствия. Первый признак составляет информация о том, какая часть элементов множества «пригодна» к участию в событии в зависимости от их качественных характеристик (в работе он сформулирован в несколько иных терминах). Второй признак показывает, какая часть элементов множества участвует или должна (может) участвовать фактически (в событии в целом или в отдельном акте его реализации). Информация о том, что актантной позиции соответствует больше индивидов (каждый

¹ Заметим, что доказывая необязательность значения неизвестности О. Даль приводит один неудачный пример: *Я шел по улице. Вдруг случилось что-то неожиданное. На меня набросился тигр*. Это предложение не полностью соответствует норме вследствие того, что при описании однократного реализовавшегося события местоимения с *-то* обычно как раз несут информацию о «неизвестности» (исключение составляют только некоторые особые стилистически окрашенные употребления, см. п. 2). В контексте, приведенном О. Далем, нужно было бы употребить местоимение *нечто*: *Вдруг случилось нечто совершенно невероятное*.

из которых обладает своим качественным своеобразием), чем то, сколько фактически имеется участников события или сколько их должно, может быть, и лежит в основе дизъюнктивного значения. Таким образом, информацию о качественном различии между членами множества мы рассматривали не просто как пресуппозиционную предпосылку (именно так эта информация интерпретировалась в последующих работах [Шелякин 1978; Падучева 1985; Джустини 1985]), а как то, что участвует в формировании признака. Вычленение в объеме чисто качественного феномена и как бы отделенной от него количественной единицы вообще не противоречит языковой интерпретации мира. Кроме того, введение признака качественного участия (соответствия) позволяет, как мы полагаем, описать одно из важных различий между словом *любой* и группой *-нибудь*: слова группы *-нибудь* несут информацию о том, что качественно актанту соответствуют необязательно все элементы множества, но существенно больше одного, а фактически участвует, должен, будет и т. д. участвовать только один или по крайней мере один (но меньше числа тех, которые потенциально могут участвовать по своей качественной характеристике). Напротив, слово *любой* показывает, что все члены совокупности без исключения по своим качественным характеристикам могут соответствовать актанту ситуации, но количественно должен, может быть и т. д. участвовать один или по крайней мере один. В пользу этой точки зрения² говорит возможность употребления слова *любой* в качестве пояснителя к местоимениям с *-нибудь*. Например: *Дай мне какую-нибудь книгу на эту тему, любую*. Об этом же свидетельствует и возможность постановки вопроса «какой?», «с кем?» и т. д. к высказываниям, содержащим слова с частицей *-нибудь*. Например: *Прочти какое-нибудь стихотворение.—Какое?—Да любое*. Напротив, подобные вопросы обычно не задаются после получения сообщений со словом *любой*. Цель вопроса в этом случае может заключаться только в том, чтобы заставить собеседника более точно оценить преимущество выбора того или иного элемента совокупности. При этом обычно вводятся слова *нет, но все-таки*, которые говорят о том, что автор понимает известную нелогичность своего вопроса. Например: *Ты можешь попросить любого из них.—Нет, ну все-таки кого {лучше}?*

Качественная неоднородность элементов множества обязательна и для слова *некоторые*, а также *кое-кто, -что* и т. д.³ Напротив, местоимения *все* и *каждый* требует этого условия. Они связаны со словами группы *-нибудь* лишь по второму признаку, который можно было бы в общем виде назвать *квантором общности/единичности*. В наших работах в качестве самостоятельного компонента значения был выделен также признак существования (см. о нем гл. II, п. 5).

² О другой точке зрения на различие данных местоимений см. ниже.

³ Признак качественной неоднородности обязателен и для слова *всякий* [Кронгауз 1983].

При установлении объяснительной и предсказательной силы выделенных признаков был рассмотрен целый ряд условий употребления/неупотребления исследуемых единиц. Так, было показано, что признак дизъюнктивности (альтернативности) определяет зависимость употребления местоимений с *-нибудь* от таких параметров, как 1) реализованность/еще не реализованность события, 2) реализованность/возможность, необходимость и т. д. реализации, 3) однократность/многократность (отмечена также зависимость от типа многократности). Кроме того, были установлены условия реализации отдельных вариантов значения, вытекающих из признака дизъюнктивности (альтернативности) в сочетании с тем или иным типом контекста: 1) невыбранность участника события в высказываниях, описывающих еще не осуществившееся событие; 2) смена участников в многократных высказываниях, в которых показателем многократности служат, например, такие слова, как *каждый*; 3) «неизвестность» участника. Были рассмотрены также ограничения в условиях употребления, не вытекающие однозначно из признака дизъюнктивности. Например, было отмечено, что последний вариант значения реализуется лишь в высказываниях, в которых утверждение об осуществлении события носит вероятностный характер. Вместе с тем ряд условий употребления остался нерассмотренным. К ним относятся прежде всего обобщенные высказывания (был выделен только один тип таких высказываний, описывающих «ситуации-примеры» — см. п. 6.3 данной работы). Далее, хотя было показано, что различие между *-то* и *-нибудь* связано с признаком дизъюнктивности/недизъюнктивности, местоимения с *-то* рассматривались только в тех условиях, где одновременно реализуется и признак «неизвестности» (выше отмечалось, что этот признак необязательно входит в значение местоимений с *-то* [Dahl 1970] и др.). Не сопоставлялись также особенности семантической структуры отрицательных высказываний, содержащих местоимения с *-нибудь*, *-то* и *ни-*.

1.3. Трактовка местоимений с *-нибудь* и *-то* через признак дизъюнктивности/недизъюнктивности представлена у М. А. Шелякина [1978]. Мы полагаем, что в этой работе делается важный шаг вперед прежде всего в том отношении, что «понятие» недизъюнктивности (или в другой терминологии — «фиксированности элемента во множестве»⁴) рассматривается как характеризующее все

⁴ Этот признак заимствован у Ю. И. Левина [1973]. В его работе также представлена дизъюнктивная трактовка местоимений с *-нибудь*, см. [Шелякин 1978: 6], хотя термины при этом используются другие. В очень близком значении к рассматриваемому признаку используется и термин «объективно/субъективно идентифицируемый/не идентифицируемый участник события» [Růžička 1973]. Отметим также, что признак дизъюнктивности (альтернативности) был выделен и при описании семантической системы местоимений

условия употребления местоимений с *-то*. В отличие от этого информация о «неизвестности» трактуется как присущая лишь определенным условиям употребления. Важно также, что здесь область расследования распространяется и на обобщенные высказывания. Кроме того, уточняются отдельные формулировки, связанные с самим понятием дизъюнктивности. И, наконец, пополняется представление о вариантах значения и, в частности, о типах «неизвестности» участника события.

Остановимся на некоторых положениях М. А. Шелякина, которые в нашей работе получают несколько иную интерпретацию. Расхождения связаны прежде всего с признаком «неконкретизированности», который Шелякин рассматривает как объединяющий местоимения с *-то* и *-нибудь*. Утверждается, что «признак указания на неконкретизированный элемент множества, выступающий в качестве участника события, или иначе — признак отсутствия индивидуализирующей функции у местоимений *-нибудь*» (с. 9) проявляется в разных контекстных условиях в реализации информации о неизвестности и/или несущественности для говорящего участника события. Подобным же образом толкуются и местоимения группы *-то*. Утверждается, что «...они указывают на отдельный фиксированный, но не конкретизированный для говорящего элемент определенного или неопределенного множества, выступающий в качестве участника события» (с. 15). Признак неконкретизированности выражается в двух типах указания на участников события: 1) на ту или иную степень известности⁵ для говорящего реального участника события и 2) на несущественность для говорящего конкретизации участника события (с. 15).

Таким образом, неконкретизированность отождествляется в работе М. А. Шелякина с отсутствием индивидуализации и считается, что она реализуется в признаках неизвестности и/или несущественности. В отличие от этого мы попытаемся показать, что одна из главных функций местоимений с *-нибудь* и *-то* заключается в обобщенном представлении индивидуализированного участника события (п. 2; 4; 6). Мы попытаемся также показать, что признаки «неизвестности» и «несущественности» независимы от индивидуализированного/неиндивидуализированного представления актанта ситуации. Заметим также, что термин «неконкретность» часто употребляют фактически в смысле «нефиксированности элемента в множестве» или дизъюнктивности. В этом значении данный термин, конечно, мог бы употребляться по отношению к местоимениям с *-нибудь*. Однако вследствие его многозначности удобно выбрать другие термины.

других языков. Так, А. Пилка [1984] показал, что признак лежит в основе противопоставления литовских местоимений типа *kas nors/kažkas*.

⁵ Точнее здесь было бы, как нам представляется, говорить о той или иной степени и форме неизвестности.

Кроме того, важно подчеркнуть, что альтернативность в заполнении актантной позиции не исключает индивидуализации элементов множества. Например: *Кто-нибудь из нас поможет ей* — множество «мы», несомненно, мыслится как состоящее из индивидуализированных элементов, тот или иной из которых станет участником события (п. 2)⁶. Индивидуализация множества связана, хотя и не однозначно, с требованием качественного различия элементов, которое обязательно для выбора местоимений с *-нибудь*. Поэтому в отличие от М. А. Шелякина мы не будем говорить, что данные местоимения выражают дизъюнктивные отношения «между неконкретизированными качественно разнородными элементами множества» (с. 8). Вообще термин «конкретизованность/неконкретизованность» не будет вводиться в общее определение *-то* и *-нибудь* и будет использоваться лишь при разграничении отдельных случаев их употребления.

Мы предпочитаем также не употреблять термин «нефиксированность элемента в множестве» синонимично термину дизъюнктивность. Этот термин будет использован в более широком значении (п. 3.5).

Иначе, чем в работе Шелякина, будет трактоваться и значение слова *любой* как в единично-разделительном значении (*любой₁*), так и генеративном (*любой₂*) (гл. V). По мнению М. А. Шелякина, различие между *какой-нибудь* и *любой₁* лежит в субъективности выбора:

Разница между ними заключается в том, что *любой* подчеркивает субъективность предназначенного выбора элемента из множества, а *-нибудь* — объективную разнородность элементов, предназначенных для выбора и несущественность их для говорящего в качестве отдельных участников события (с. 11).

Это толкование вызывает возражение прежде всего в том отношении, что употребление и *любой*, и *-нибудь* предполагает объективную разнородность элементов множества. Так, произнося предложение *Возьми любую из этих книг*, говорящий исходит из представления, что элементы множества различны. Правда, он может употребить слово *любой* и по отношению к множеству, элементы которого различны лишь в представлении адресата речи. Так, можно сказать: *Хорошо. Бери любую. Они все одинаковы*. Однако в подобном контексте может употребляться и *какой-нибудь*. Например: А.: *Что ты выбираешь? Они все одинаковы*. В.: *Нет, вот эта все-таки лучше*. А.: *Как хочешь. По крайней мере возьми хоть какую-нибудь*. Высказывания, содержащие и *любой*, и *-нибудь*, могут предоставлять адресату речи известную свободу выбора (субъективность выбора). Ср. *Возьми какую-нибудь из этих книг* — *Возьми*

⁶ При описании английских местоимений *some* и *any* также обращалось внимание на возможность их употребления по отношению к множествам, элементы которых конкретизированы [Sahlín 1979].

любую из этих книг. Следовательно, указанные параметры не выполняют различительной функции. Выше приводились аргументы в пользу того, что *любой* подчеркивает, что все без исключений качественно различные элементы множества потенциально могут заполнять актантную позицию, хотя фактически ее заполняет один или по крайней мере один. Напротив, слова группы *-нибудь* допускают возможность исключений. Еще одно различие, связанное, как мы попытаемся показать, с признаком «заполненности/незаполненности» актантных позиций будет рассмотрено (п. 3.4, гл. V).

Некоторые возражения возникают и в связи с установлением условий распределения отдельных коннотативных признаков. Так, например, нельзя согласиться с утверждением о реализации информации о «несущественности для говорящего конкретного участника как основы вопроса» при словах группы *-нибудь*. Хотя вопрос такого типа не относится к какому-то отдельному лицу или предмету и связан прежде всего с установлением самого факта заполненности/незаполненности актантной позиции, для говорящего необязательно, неважно, кто (что и т. д.) заполняет эту позицию. Например, для человека, задающего вопрос: *А мне кто-нибудь звонил?*, может быть важно узнать, кто именно звонил. Поэтому можно утверждать, что для вопросительных предложений данный признак нерелевантен [Падучева 1985: 215].

1.4. В логических работах, а вслед за ними и в лингвистических, широкое распространение получило описание местоимений с *-то*, *-нибудь* через квантор существования, например: [Берка 1961; Исаченко 1965; Dahl 1970]. Подобным же образом описываются и соответствующие местоимения других языков (например, английские *some* и *any*), а также неопределенный артикль в ряде условий употребления или соответствующий ему «нулевой детерминатор» других языков, например: [Vendler 1967; SD 1979].

Широкий круг явлений, для описания которых используется квантор существования, свидетельствует о том, что он во всяком случае недостаточен для того, чтобы раскрыть специфику каждого из них. Больше того, как мы пытались показать (гл. II, п. 5), квантор существования должен быть расщеплен на три признака, чтобы адекватно описывать языковые явления. Первый признак устанавливает количество «участвующих» в событии по отношению к общему количеству членов множества и принимает следующие значения: «все», «по крайней мере один», «только один» и т. д. Второй признак связан с презумпцией «существования» (в мире). Третий признак составляет информация о заполненности/незаполненности актантой позиции. Эти признаки могут между собой по-разному комбинироваться, что и свидетельствует о необходимости их разграничения. Например, в предложении *Я хотел бы найти какого-нибудь хорошего мастера* реализуется значение 'один' (из данного множества), но

при этом существование множества необязательно предполагается. Так, данное предложение можно продолжить: *но разве такие теперь бывают?*

В лингвистической литературе была сделана попытка связать различия между *-то* и *-нибудь* с положением квантора существования в глубинной структуре предложения [Dahl 1970]. Против этого описания могут быть приведены те же возражения, которые были выдвинуты против гипотезы Э. Баха (гл. II, п. 5). Суть этих возражений сводится к тому, что предлагаемые описания соответствуют скорее экзистенциальным предложениям с глаголами *есть*, *существовать*, но не описывают сами местоимения.

Чрезвычайно детальный и в то же время обобщающий анализ местоимения с *-то* и *-нибудь*, *-либо*, а также выражений типа *что бы то ни было*, *что угодно* дан в [Paillard 1984; Markowicz, Paillard 1980]. В самом общем виде можно сказать, что *-то* и *-нибудь* определяются как операторы. Так, Д. Паяр и Л. Маркович связывают со значением *-нибудь* следующие операции: 1) перебор членов класса под углом зрения их качественных характеристик и 2) просмотр соответствия членов класса актантной позиции. В дальнейшем Д. Паяр дополнил предложенные определения, выделив еще операции количественного извлечения и качественного просмотра членов класса. Паяр, стремясь уточнить операцию перебора членов класса, пришел к выводу о значении уступительности как об отличительном признаке рассматриваемой серии местоимений [Paillard 1984, гл. III, п. 1.0]. Соглашаясь со многими как общими, так и частными положениями работы (здесь имеется ряд тонких и точных наблюдений, касающихся условий употребления *-нибудь* и *-то*), мы считали бы более оправданным свести две первые операции к одной, так как «просмотр» членов класса осуществляется именно под углом зрения их «пригодности» для участия в событии; сама же качественная неоднородность членов класса исходно задана. Кроме того, поскольку, как мы попытаемся показать в данной главе, местоимения с *-нибудь* и *-то* задают уровень характеристики актанта ситуации, они не являются «чистыми» операторами.

Проведенный обзор литературы показывает, что описание неопределенных местоимений требует решения ряда дискуссионных проблем, имеющих часто общий характер. К ним относятся прежде всего преобразование квантора существования при его использовании в качестве языкового метатермина и выделение классификационных признаков денотативных типов. Остается не полностью раскрытым различие между неопределенными местоимениями и существительными с общим значением. Далее, хотя частные условия употребления местоимений с *-то* и *-нибудь* в большинстве случаев хорошо описаны, вопрос о наличии и характере общего признака, определяющего их противопоставленность, требует дополнительного рассмотрения. Нет исчерпывающего описания и всех условий употреблений и вариантов значения.

2. «МЕСТОИМЕННОСТЬ» -ТОИ -НИБУДЬ

Своеобразие местоименного значения, как утверждалось в гл. II, п. 1, заключается в указании на свою несамодостаточность. Значение местоимений с *-то* и *-нибудь* не противоречит этому общему утверждению. Так, первые из них относят актант ситуации к классу людей (или предметов, свойств и т. д.), но при этом — в отличие от таких существительных, как *человек*, *предмет*, *место* — показывают, что данная информация недостаточна и что для ситуации важна более индивидуальная характеристика, которую, однако, говорящий не может дать⁷. Неполнота сообщаемой слушателю информации определяется либо недостатком знаний говорящего, либо обобщенным характером высказывания, либо тем, что раскрытие индивидуальной характеристики актантов несущественно для слушателя. Ср., например:

(1а) *За стеной кто-то кашлял;*

(1б) *За стеной кашлял человек.*

Информация слова *человек* исчерпывается указанием на отнесенность актанта ситуации к классу людей. И вследствие того, что это слово стоит здесь в позиции возможного контраста (гл. II, п. 5), предложение может восприниматься как привносящее неуместное в данном контексте противопоставление животным, вещам. Напротив, (1а) указывает не только на то, что актант ситуации принадлежит к классу людей, но и что он характеризуется как индивидуализированный, но «неизвестный» для говорящего представитель этого класса («неизвестный» — в том смысле, что говорящий не знает, кто заполняет актантную позицию). Эта дополнительная информация и снимает контрастивность по линии «именно человек, а не животное, не вещь». Снятие контрастивности часто выступает как ведущая причина употребления местоимений *-то* и *-нибудь*. Ср. также:

(2) *Вот теплятся желтые свечи, Забытые в чем-то окне* (Блок),
(ср.: **забытые в окне человека, *жителя города* и т. п., *забытые в окне*, а не на столе и т. п.).

В высказываниях, описывающих обобщенные ситуации, обычно не реализуется информация о «неизвестности». Однако указание на то, что каждый

Толкование, фактически близкое к предлагаемому, дается А. И. Ефимовым: «Неопределенные местоимения *некто*, *нечто*, *некоторый*, *некий*, *кто-то*, *что-то*, *какой-то* указывают на существующие, но неизвестные, неопределенные лица и предметы, — их качества и свойства. В отличие от других местоимений, конкретизирующихся в определенных контекстах, значение неопределенных местоимений остается нераскрытым» [СРЯ 1952: 249].

раз имеется в виду индивидуализированно охарактеризованный актанта, сохраняется, но при этом нет отсылки к какому-то отдельному лицу. Задается воображаемая «сконструированная» личность, свойства которой не могут быть раскрыты именно в силу того, что в каждом возможном случае они разные, но их наличие всегда учитывается. Ср.:

(3а) *Как это странно! Чья-то рука где-то и что-то написала, чья-то душа выразила малейшую долю своей сокровенной жизни малейшим намеком, — ...и вот вдруг исчезает пространство, время, разность судеб и положений, и Ваши мысли и чувства становятся моими, нашими, общими* (Бунин);

(3б) *Рука человека (*в пространстве) написала книгу, душа человека выразила долю своей сокровенной жизни.*

В (3б) слово *человек* не попадает в контрастную позицию и предложение соответствует норме, если опускается локативный член. Однако характеристика актанта ситуации меняется: он представлен как неиндивидуализированный представитель класса людей. Напротив, слово *чья-то* показывает, что имеется в виду как бы «конструкт» индивида, которому может соответствовать множество реальных индивидов. В каждом конкретном случае «индивидуальность» будет разной. Поэтому в обобщенном виде она не может быть описана «положительно», т. е. не могут быть раскрыты ее качества. Указывается только, что заполнитель актанта в каждом отдельном случае, подводящемся под сделанное обобщение, представлен в своей «ипостаси» индивида, а не только как элемент класса или множества. Вследствие этого выбор слов группы *-то* в тех контекстах, где можно употребить и существительное, устанавливает как бы более непосредственную связь между говорящим и этим «кем-то» — создает эффект обращения личности к личности. Ср. (3а) и (3в):

(3в) *Душа писателя выразила долю своей сокровенной жизни.* Ср. также (4а) и (4б):

(4а) *Разве Ваши произведения не то же самое, что и мои письма к Вам? Ведь и Вы что-то и кому-то высказываете, посылаете свои строки кому-то неведомому и куда-то в пространство* (Бунин);

(4б) *Ведь Вы высказываете что-то читателю, посылаете ему свои строки;*

(5а) *...экслибрис можно считать деликатным указанием на то, что книга является чьей-то собственностью* (газ.); (ср. (5б) *...является собственностью человека*).

Таким образом, в общих высказываниях слова группы *-то* позволяют создать обобщенное представление об индивидуальном заполнителе актанта в позиции.

Представление о личности, индивидуальности возникает только в тех случаях, когда речь идет о человеке. Однако и при отнесенности к предметам, временным или пространственным точкам слова группы *-то* вносят информацию об их индивидуализированном представлении. Ср.:

(6а) *В коробочке лежало что-то белое* и (6б) *В коробочке лежал белый предмет*;

(7а) *Она приходила как-то летом* и (7б) *Она приходила летом*.

Слова группы *-то* могут указывать не только на индивидуального заполнителя актантной позиции, но и на отнесенность актанта ситуации к подклассу внутри класса, причем этот подкласс «неизвестен» говорящему:

(8а) *Он выполнил какой-то чрезвычайно сложный прыжок* (т. е. представляющий собой какой-то тип сложности, который говорящему неизвестен, непонятен);

(8б) *Он выполнил чрезвычайно сложный прыжок*.

Указание на то, что актант ситуации представлен индивидуализированно, хотя его индивидуальные характеристики не раскрываются, входит и в значение слов группы *-нибудь*;

(9а) *Вероятно, я ее обидел каким-нибудь необдуманным глупым словом* (акцентируется внимание на том, какие именно слова говорящего могли вызвать обиду);

(9б) *Вероятно, я ее обидел необдуманным глупым словом* (акцентируется внимание на том классе, к которому относится заполнитель актантной позиции, определенный тип слова, а не, например, поступок);

(10а) *Иногда к ней приходит кто-нибудь из ее друзей* (акцентируется внимание на индивидуальных представителях множества «ее друзья»);

(10б) *Иногда к ней приходят ее друзья* (дается характеристика множества в целом, отсюда возможная противопоставленность 'друзья, а не сослуживцы'). Местоимения группы *-нибудь* (обычно *какой-нибудь*) могут также указывать на отнесенность к тому или иному подклассу.

В гл. II (п. 1.2.2) отмечалось, что ограничения в сочетании с определениями являются закономерным следствием местоименного значения. Неопределенные местоимения, однако, часто имеют при себе определения, стоящие, правда, в большинстве случаев в постпозиции.

(11) *И ей, такой, фортуна посылает до поры только заученные, неуклюжие па, будто дергает за ниточку со стороны кто-то посторонний, глухой и слепой* (газ.);

(12) *Икто-то бедный и печальный*
Мне к сердцуруку приложил (Блок).

Допустимость такой сочетаемости можно объяснить следующим обстоятельством. Как уже отмечалось, большинство местоимений других групп указывает, где можно получить те дополнительные сведения, которые необходимы, чтобы иметь полную—в соответствии с коммуникативным намерением говорящего—характеристику актанта ситуации. Таким образом, здесь характеристика объекта, содержащаяся в самом местоимении, воспринимается как предварительная. Предварительный характер исходной информации и препятствует введению определений—неестественно определять то, что в самом акте речи должно быть существенно дополнено и уточнено. Напротив, характеристика актанта ситуации, содержащаяся в неопределенных местоимениях, хотя и признается недостаточной, в то же время на данном этапе конечна: говорящий не может указать, где найти более детальные сведения. Вследствие этого содержащаяся неполная информация может в какой-то степени уточняться с помощью определений.

Таким образом, местоимения с *-то* и *-нибудь* указывают, что участник события должен быть охарактеризован не только как член класса, но и индивидуализирован (в этом случае он относится к ограниченному, конкретному множеству) или представлен как член некоторого подкласса внутри общего класса. Это дополнительная уточняющая информация только заявлена, но остается нераскрытой. В отличие от этого общие существительные характеризуют актант только через его принадлежность к классу.

3. МЕСТОИМЕНΙΑ С *-ТО* И *-НИБУДЬ* В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ, СООТНОСИМЫХ С ПЛАНОМ БУДУЩЕГО

3.1. Как признает сейчас большинство исследователей, контекст будущего,—одно из основных условий употребления слов группы *-нибудь*. Это полностью согласуется с дизъюнктивной трактовкой значения этих местоимений. В высказываниях о «будущем» имеется возможность рассматривать ситуации, актантные позиции в которых еще не заполнены, но уже соотнесены или могут быть соотнесены с набором альтернатив, лишь одна из которых в конечном счете заполнит, может, должна и т. д. заполнить актантную позицию. Иными словами, еще не реализованные события могут обладать свойствами, точно соответствующими дизъюнктивному значению. В плане будущего альтернативность в заполнении актантной позиции означает, что участник события как бы еще не выбран:

(1) *Она поговорит с кем-нибудь из них* (актантная позиция будет заполнена либо m_1 , либо m_2 , либо m_i множества «они», где m — элемент этого множества, причем необязательно нет такого элемента m_j , который «непригоден» для заполнения актантной позиции; элементы m_1, m_2, \dots, m_i — качественно неоднородны и представлены индивидами).

Заметим, что «невыбранность» участника события предполагает, что он неизвестен. Однако здесь признак неизвестности однозначно вытекает из первого признака и поэтому может и не вводиться.

В отличие от этого слова группы *-то* не несут информацию о наличии альтернативы. В зависимости от контекста, предложения, содержащие эти местоимения, могут быть поняты либо как исключающие альтернативу (актантная позиция заполнена), либо как не указывающие на нее (т. е. скорее ее нет или необязательно есть).

(2) *Она хочет поговорить с кем-то из них* (участник события объективно «выбран», и, следовательно, — если воспользоваться формулировкой Р. Ружички, — объективно идентифицируем, причем в данном случае идентифицируем до уровня индивида, но автор речи не знает, кто заполняет актантную позицию).

3.2. Рассмотрим варианты значения слов группы *-нибудь* и *-то* в контексте будущего. Примеры (1) и (2) описывают такие случаи, когда будущий актанта ситуации относится к ограниченному множеству, существование которого предполагается, и различие в значении соответствует четко разграничиваемым ситуациям — участник события объективно еще не «выбран» и участник события «выбран», но «неизвестен» говорящему. Будем считать высказывания, описывающие подобные ситуации, образующими первый тип. При толковании таких высказываний выражение 'участник события еще не выбран' употребляется почти буквально, и основная функция данных местоимений здесь и заключается в том, чтобы сообщить о невыбранности участника, в отличие от выбранности, но неизвестности. При этом не обязательно возникает представление о несущественности того, кто (что и т. д.) будет участвовать в событии. Так, (1) можно продолжить следующим образом: *Я хочу поговорить с кем-нибудь из них, но не знаю с кем лучше.*

Второй тип высказываний встречается в контекстах, которые с большой степенью вероятности исключают представление о том, что место будущего участника события уже заполнено, но говорящему неизвестно, кто (или что) этот заполнитель актантной позиции. Местоимения *-то* и *-нибудь* в подобных высказываниях чаще всего соотношены с неограниченными множествами и требуют вероятностных утверждений. В этих условиях местоимения с *-то*, не указывая на наличие альтернативы, тем самым акцентируют внимание на «личности»

участника события. Имеется в виду не стремление идентифицировать конкретного индивида, а не безразличие к тому, кем (чем) может быть возможный заполнитель актантной позиции. Напротив, местоимения с *-нибудь*, подчеркивая допустимость альтернативы, привносят представление о том, что говорящему неважно, безразлично, кто (что) будет участвовать в событии и, таким образом, по преимуществу акцентируют внимание на самом факте **заполненности** — или точнее: на вероятности **заполнения** — актантной позиции, ср., например:

(3) *Слушая тебя, кто-нибудь, как и я, будет плакать всю ночь* и

(4) *Кто-то бедная, как я, Ночь прослушает тебя, Не смыкаячи очей, Утопаячи в слезах* (Дельвиг).

Предложение (4) ставит в «фокус» сообщения не только вероятность «существования» участника события, но и его «личность» (кто он). Ср. также:

(5) *Что-то вылепится из глины, Что-то вытешется из камня, Что-то выпишется из сердца* (Самойлов) и

(6) *Из глины что-нибудь да вылепится.*

В (6) важен сам факт возникновения «продукта» труда, в (5), напротив, внимание сосредоточивается и на возможных свойствах того, что вылепится, вытешется и т. д. и допускается его единственность. Постулируемое различие в восприятии подтверждается и опросом информантов (было опрошено семь человек).

Н. Кжижкова [Křížkova 1971] и Р. Ружичка [Růžička 1973: 723] сходным образом формируют различие между местоимениями с *-то* и *-нибудь* при их рассмотрении в контексте «необходимости». Ружичка пишет, что *-то* в этих условиях предполагает большую собирательность. О сохранении признака фиксированности (т. е. неальтернативности) в виртуальных высказываниях пишет М. А. Шелякин [1978: 17]. Отмеченное нами условие пополняет число не «очевидных» случаев реализации признака «неальтернативности».

Местоимения с *-то* могут употребляться для обозначения объективно неидентифицируемого актанта ситуации и при отнесенности к ограниченному множеству. Такое употребление имеет место, если для ситуации особенно важно, кто будет участником события:

(7) *Решено: пойдет кто-то один.*

В рассматриваемом контексте, предполагающем опасность, ответственность, внимание акцентируется на требованиях к выбору. Вследствие этого необходимым требованиям, возможно, удовлетворяет только один член группы.

Промежуточное положение между высказываниями первого и второго типа занимают предложения с такими предикатами, как *надеяться, ждать; манить, влечь; искать*. Их своеобразие заключается в том, что они могут обозначать

событие, которое уже имеет место, но в котором актантная позиция еще не заполнена, или сами участники события не знают, кто (что и т. д.) ее заполняет. Функция местоимений с *-то* в данных условиях сохраняется: они указывают на неизвестность актанта ситуации, но не на его альтернативность:

(8) *Я жду чего-то, и сам не знаю, что это может быть, но жду в полной иясной уверенности, что от этого изменится вся моя жизнь* (Распутин).

Предложение (8) может быть понято как строящееся на презумпции о том, что объект ожидания уже существует. Это условие, однако, необязательно. См. (9), где такой презумпции нет:

(9) *...И неясная боль надежды
На какую-то возвышенную жизнь* (Сельвинский).

Заметим, что в (9) информация о неизвестности ассоциируется скорее не с подтипом возвышенной жизни, а относится к ней в целом, характеризуя ее как нечто непонятное вследствие удаленности, чуждости «лирическому герою». Информация о чуждости, удаленности реализуется и в ряде других контекстов (п. 5.4).

При рассматриваемых предикатах актантная позиция может быть еще не заполнена индивидом, который в конечном счете должен стать участником события. Однако сама ситуация ожидания, поиска, влечения и т. д. предполагает, что либо субъект ситуации знает, но чувствует, надеется, что этот объект существует (это и создает предпосылки для выбора группы *-то*), либо, наконец, он знает область явлений, к которой относится объект. Это последнее условие создает предпосылку для введения представления об альтернативности. Так, можно искать интересное художественное произведение, скажем, для того чтобы преобразовать его в киносценарий, но при этом допускать альтернативу в рамках произведений, удовлетворяющих требованию «быть интересными».

(10а) *Он ищет какую-нибудь интересную пьесу на современную тему, но:*

(10б) **Он ищет что-нибудь;*

(11а) *Он ищет кого-нибудь, кто бы мог ухаживать за его больной матерью,
но:*

(11б) **Он ищет кого-нибудь.*

Предложения типа (10) и (11), однако, могут быть употреблены при введении особого формального приема — паузы или — на письме — многоточия:

(12) *Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь,
Душа ждала ...кого-нибудь* (Пушкин).

Вероятно, пауза акцентирует внимание на наличии необозначенной области ожидания и далее утверждается, что данную «роль» в ситуации может выполнять тот или иной или **третий**—отсутствует единственность соответствия актантной позиции.

Местоимения с *-нибудь* чаще всего подчинены «вторичным» предикатам, входящим в область действия предикатов типа *ожидать, искать*, т. е. иными словами, употребляются в придаточных предложениях или после инфинитивов:

- (13) *Зная, что что-то случилось, но не зная, что именно, Вронский испытывал мучительную тревогу и, надеясь узнать что-нибудь, пошел в ложу брата* (Толстой).

В предложениях с рассматриваемыми глаголами местоимения *-то* и *-нибудь* чаще всего не взаимозаменяемы⁸. Например:

- (14) *Надеясь узнать что-то, он пошел в ложу брата* (можно только: *узнать хоть что-то* — см. об этом ниже);
 (15) **Я ищу какую-то интересную пьесу по современной тематике.*

В этих контекстах данные местоимения обычно коррелируют с существительными:

- (16а) *Я начто-то надеюсь, сам не знаю на что;*
 (16б) *Я надеюсь только на чудо;*
 (17а) *Он пошел к брату, чтобы узнать последние новости;*
 (17б) *Он пошел к брату, чтобы узнать что-нибудь о случившемся.*

Местоимения с *-то* при глаголах *ждать, надеяться* употребляются в тех случаях, когда участник события уже определен, но неизвестен либо только говорящему:

- (18) *Она сегодня кого-то ждет,*

либо он неизвестен и субъекту ситуации, но его существование интуитивно ощущается. Вследствие этого представление об альтернативном заполнении актантной позиции исключается, см. примеры (7), (8), а также:

- (19а) *Не к добру грудь моя
 Тяжеловздыхает,
 Не к добру сердце мне
 Что-то вещает* (Дельвиг);

Возможность взаимозамены необязательно свидетельствует о тождестве значения. Чаще всего она служит показателем допустимости разной интерпретации денотативной ситуации и, следовательно, передачи о ней разной информации.

(196) (*...сердце мне что-нибудь вещает).

Напротив, местоимения с *-нибудь* употребляются в тех контекстах, в которых предполагается, как уже говорилось, что определена только область поисков, надежды, но актантная позиция еще не заполнена и ее «окончательное» заполнение возникает в результате каких-то действий субъекта ситуации. В этих контекстах местоимения группы *-то* употребляются в первом своем значении (или, точнее, в первом варианте значения) — неизвестность говорящему, но не другим участникам события. Взаимозамена становится возможной лишь при наличии частицы *хоть*, а также в тех высказываниях, в которых предикаты типа *надеяться*, *ждать* употребляются в главном предложении при придаточном дополнительном и становятся показателями вероятного суждения (см. п. 5.1). При отсутствии этих условий местоимения с *-нибудь* и *-то* не находятся в непосредственной оппозиции и коррелируют с существительными.

Итак, местоимения с *-то* могут употребляться для обозначения актанта ситуации, который «неизвестен» не только говорящему, но и другим участникам события. При этом не постулируется возможность альтернативного заполнения актантной ситуации и внимание в большей степени акцентируется на том, что может представлять собой участник события. Большинство высказываний данного типа носит вероятностный характер. В таких высказываниях основная функция местоимения с *-нибудь* — подчеркнуть вероятность заполнения актантной позиции. Эта функция вытекает из реализации значения альтернативности в данном типе контекстов. Неупотребляемость местоимений с *-нибудь* при описании ситуаций, актантные позиции в которых заполнены, но «заполнители» их остаются неизвестными даже для других участников события, еще раз свидетельствует о том, что понятие неопределенности недостаточно для выявления семантического своеобразия данной группы слов.

При глаголах *ждать*, *искать* и т. п. местоимения с *-нибудь* употребляются, если заданной является область ожидания, поисков, но говорящий хочет подчеркнуть, что в рамках этой области остается альтернатива в заполнении актантной позиции.

3.3. Р. Ружичка [Růžička 1973: 715] обратил внимание на то, что частица *хоть* расширяет область применения местоимений с *-то*. Так, (1) в отличие от (2) не соответствует норме:

- (1) **Делай что-то*, но:
 (2) *Делай хоть что-то*.

Частица *хоть* показывает, что говорящий считает возможным ограничиться худшим вариантом рассматриваемого события, лишь бы оно имело место.

В этих высказываниях основная функция местоимения с *-то*, как мы попытаемся показать, заключается в том, чтобы подчеркнуть крайнюю желательность, необходимость заполнения актантной позиции. Эту функцию данные местоимения выполняют и в других типах высказываний, при построении которых говорящий исходит из представления о существовании предпосылок к неосуществлению действия или даже о его неосуществлении. В добавлении к этой информации местоимения с *-то* — при описании ситуаций, допускающих участие всех или многих элементов совокупности — включаются в оппозицию: «что-то (кто-то), а не все, не многие». Признак неальтернативности сохраняется, но выступает в немаркированном варианте — «отсутствует указание, что допускается альтернатива». В отличие от этого местоимения с *-нибудь* указывают не только на желательность, необходимость заполнения актантной позиции, но на наличие альтернативы в заполнении актантной позиции. Этот последний признак под воздействием частицы *хоть* трансформируется в представление о готовности удовлетвориться и худшей из альтернатив. Может иметь место также противопоставленность «всем/многим». Ср., например:

- (3а) *Куда уж тебе делать все. Сделай хоть что-то* (важно, чтобы актантная позиция была заполнена, т. е. чтобы хоть часть работы была выполнена; есть опасения, что ничего не будет сделано);
- (3б) *Куда уж тебе делать все. Сделай хоть что-нибудь* (предполагается, что работа состоит из разнородных частей и подчеркивается желательность выполнения хотя бы одной из этих частей, неважно какой по качеству);
- (4а) *Ты хоть кому-то помоги* (можно не всем, но важно, чтобы актантная позиция была заполнена — есть опасения, что действие вообще не будет осуществлено);
- (4б) *Ты хоть кому-нибудь помоги* (необязательно всем и допускается альтернатива).

Различие между высказываниями с *-то* и *-нибудь* в этих условиях трудно «уловимое» и поэтому может не очень четко осознаваться. Однако в пользу его существования говорит употребляемость именно местоимения с *-нибудь* в тех случаях, когда центр внимания почти целиком переносится на «заполнителя» актантной позиции, а не на саму возможность заполнения. Ср.:

- (5а) А.: *Я буду поступать в пищевой.* — В.: *Хорошо. Поступай хоть куда-нибудь.*

Если в этом контексте, как отметили все опрошенные, само желание поступать в институт не стоит под сомнением, местоимение с *-то* не должно использоваться:

- (5б) (? *Хорошо. Поступай хоть куда-то*);

- (6а) А.: *Я не буду говорить с Валей. Я поговорю с Иваном Петровичем.*—
В.: *Хорошо. Поговори хоть с кем-нибудь из них;*
(6б) *(?) Хорошо. Поговори хоть с кем-то из них.*

В пользу сделанного утверждения говорит и сама зависимость употребления местоимений с *-то* при глаголе в повелительном наклонении от «введения» в текст частицы *хоть*: она почти всегда позволяет интерпретировать высказывание как ставящее под сомнение саму возможность реализации события. Напротив, для местоимений с *-нибудь* наличие или отсутствие этого условия нерелевантно.

Приведем пример из другого условия употребления местоимений с *-то*, где однако, они выполняют ту же функцию. Эти местоимения могут употребляться в высказываниях, соотнесенных с контекстом прошлого и описывающих события, которые должны были реализоваться и не реализовались:

- (7) *Должен же ты был о чем-то думать, когда делал такую вещь* (а ты ни о чем не думал);
(8) *Должен же ты был с кем-то поговорить, прежде чем начинать такую работу* (а ты ни с кем не поговорил).

Напротив, высказывания с *-нибудь* в контекстах последнего типа понимаются как указывающие на уверенность говорящего в том, что событие должно было произойти в действительности:

- (9) *Должен же ты был с кем-нибудь поговорить, прежде чем начать работу* (не может быть, чтобы ты не поговорил).

Употребление местоимений с *-то* при втором прочтении также возможно, но требует добавления частицы *хоть*. Напротив, использование местоимений с *-нибудь* при презумпции неосуществления события не совсем естественно:

- (10) *Должен же ты был с кем-нибудь поговорить, прежде чем начать работу* (как могло случиться, что ты ни с кем не поговорил).

Подчеркнем, что сказанное относится только к эмфатическим высказываниям, для которых важна характеристика исходной позиции говорящего. При простой констатации долженствования употребление *-то* и *-нибудь* соответствует обычным правилам их дистрибуции в контексте будущего (в данном случае будущего в прошедшем):

- (11) *Ты должен был поговорить с кем-нибудь из них* (Ты поговорил? или Почему ты не поговорил?).

Выбор *кто-то* здесь может быть обусловлен либо тем, что хотя актанти ситуации объективно «выбран» (объективно идентифицируем), говорящий не знает, кто «выбран»:

(12) *Кто-то должен был пойти туда, но я не знаю кто.*

Слово *кто-то* может здесь также выступать во втором варианте, т. е. служить показателем единственности выбора или во всяком случае, возможно, единственности выбора [Křížkova 1977: 355; Ružička 1973: 723]:

(13) *Кто-то должен взять на себя эту тяжелую обязанность.*

Напротив местоимения с *-нибудь*, как и в других случаях, акцентируют внимание на альтернативности, что особенно наглядно иллюстрируется контекстами, отмеченными Н. Кжижковой:

(14) *Может быть, не мне, а кому-нибудь другому следовало это сказать?*

Заметим, что в зависимости от интонации или при добавлении частицы *же*, *кто-то* в (13) может выполнять и функцию акцентирования внимания на необходимости заполнения актантной позиции.

Итак, и местоимения с *-то*, и местоимения с *-нибудь* несут информацию о желательности, необходимости заполнения актантной позиции. Однако местоимения с *-то* привносят более сильное эмоциональное побуждение к заполнению актантной позиции и, следовательно, к осуществлению действия. Появление большей экспрессии связано с употреблением *-то* в тех условиях, в которых, по мнению говорящего, есть предпосылки к нереализации события. В отличие от этого местоимения с *-нибудь* в большей степени акцентируют внимание на альтернативности. Этот признак в значении местоимения с *-то* в данных условиях не маркирован.

Рассмотрим теперь языковые выражения, которые не вносят информацию о заполненности актантной позиции или о том, что она должна (будет, может и т. д.) быть заполнена.

3.4. Данные, изложенные в предыдущем параграфе, показывают, что признак заполненности актантной позиции может играть особую роль в значении местоимений *-то* и *-нибудь*, несмотря на то, что информация, связанная с ним, может меняться в зависимости от типа высказывания: заполненность позиции может либо ставиться под вопрос, либо отрицаться, либо переноситься в план возможности, долженствования и т. д.

Значимость признака заполненности актантной позиции для неопределенных местоимений обусловлена прежде всего тем, что этот признак может лежать в основе их парадигматических противопоставлений. Так, он лежит в основе оппозиции «неопределенные/отрицательные» местоимения. Данный признак определяет и одно из отличий неопределенных местоимений от слов типа *любой* (о другом различии см. п. 1.2). Остановимся на этом противопос-

тавлении. Слово *любой*, а также выражения *кто угодно*, *что угодно* не содержат в своем значении информации о заполненности актантной позиции как элемента того, что утверждается. Эта информация приобретает здесь статус условия: если актантная позиция будет, должна и т. д. быть заполнена, то ей могут соответствовать — качественно — все члены совокупности, но количественно будет участвовать только один или по крайней мере один [Селиверстова 1964]. Вследствие этого слова, подобные *любой*, употребляются только в тех случаях, когда возможность заполнения актантных позиций уже известна или не обсуждается. Так, *любой* не употребляется в высказываниях, цель которых побуждение к действию. Например, предложение

(1) *Кто-нибудь из вас мог бы пойти туда*

естественно употребить, если говорящий хочет посоветовать слушателям осуществить действие «пойти туда». Напротив, предложение

{2} *Любой из вас мог бы пойти туда*

может служить, например, ответом на вопрос *Кому туда лучше пойти?* или относиться к потенциальной возможности. Показательной в рассматриваемом отношении является также малая употребительность местоимений с *-нибудь* при глаголе несовершенного вида, стоящем в повелительном наклонении. Ср.:

(3а) *Возьми что-нибудь с собой*, но (3б) [?]*Бери что-нибудь с собой*;

(4а) *Возьми какую-нибудь из этих книг*, но: (4б) *Бери какую-нибудь из этих книг*.

Последнее предложение может быть употреблено в двух случаях: при ударе на именной группе, которое показывает, что под вопросом стоит выбор между множествами — ‘эти книги, а не те’ и при побуждении фактически реализовать действие, которое субъект готов осуществить (*Бери какую-нибудь из этих книг и пойдём*). Напротив, для слова *любой* видовая характеристика глагола в повелительных предложениях не существенна. Это свидетельствует о том, что предложения с *-нибудь* в большей степени ориентированы на конечный результат (т. е. на появление актанта ситуации), а не на процесс «отбора» заполнителя актантной позиции.

С постулируемым значением согласуется частая употребляемость слова типа *любой* с предикатом *готов*:

(5а) *Я готов выполнить любую работу*;

(5б) *Я готов жениться на ком угодно, лишь бы только избавить вас от нужды*;

(6) *Я готов поехать куда угодно, лишь бы только доставить вам удовольствие*.

Выражения *кто угодно, что угодно* экспрессивно окрашены. Если они не употребляются в контекстах, в которых речь идет о готовности осуществить действие ради адресата речи, они указывают на отрицательное отношение говорящего к отсутствию избирательности. Например:

(7) *Она готова помогать кому угодно. {Так же нельзя.}*

Эти выражения могут также употребляться с глаголом *мочь* в значении разрешения. В этом случае разрешающий снимает с себя обязанность руководить действиями субъекта ситуации и предоставляет ему право делать выбор по собственному усмотрению. При этом вносится отрицательный оценочный момент:

(8) *Он может жениться на ком угодно, какое мне дело.*

Глагол *мочь* при рассматриваемых выражениях выступает и в значении «возможности осуществить что-то»:

(9) *Он может сделать все, что угодно.*

Все эти предложения могут рассматриваться как имеющие импликационную внутреннюю структуру («если..., то»). Так, (8) можно интерпретировать так: 'если он хочет жениться, то может жениться на ком угодно'. Важно также, что задаваемое условие как бы вневременное, т. е. речь идет не о готовности сделать что-то в данный конкретный момент, а о некотором обобщении, не соотносимом с отдельным моментом времени. В высказываниях, не имеющих такую семантическую структуру, рассматриваемые выражения не употребляются:

(10) **Когда я завтра приду в институт, я поговорю об этом с кем угодно.*

К высказываниям, описывающим будущие ситуации, могут относиться и условные предложения. В этих предложениях информацию о полном отсутствии исключений — по отношению к возможным заполнителям актантной позиции — вносят выражения типа *кто бы ни*:

(11) *Если спросит кто-нибудь..
Ну кто бы ни спросил,
Скажи им, что навyleт в грудь
Я пулей ранен был (Лермонтов).*

Заметим, что в условных предложениях выражения типа *все, что* не употребляются. Они могут иметь областью своего действия только формально простое предложение.

Во всех рассмотренных контекстах могут употребляться местоимения и с *-нибудь*, и с *-то*. Однако для них специфические черты данных условий нерелевантны, существен лишь сам факт отнесенности к плану будущего и плану

возможности. Напротив, выражения типа *все, что угодно* требуют импликационной семантической структуры высказывания («если.., то») и поэтому зависят от рассмотренных контекстов и других контекстов, подобных им (см. подробнее: гл. V). В тех случаях, когда местоимения с *-то* и *-нибудь* употребляются в высказываниях, строящихся на импликационной презумпции, они акцентируют внимание на заполнении актантной позиции, а не на широте возможностей ее заполнения, и вследствие этого соотносены с конкретным моментом во времени. Ср.:

(12) *Ямогу что-нибудь для вас сделать хоть сейчас;*

(12а) *Ямогу сделать для вас все, что угодно, хоть сейчас.*

Таким образом, имплицитное условие в высказываниях с *-нибудь* не имеет обычно обобщенного характера.

Отметим также, что местоимения с *-то* в предложениях с придаточным условным обычно употребляются, когда заполнение актантной позиции воспринимается как неожиданное, т. е. говорящий исходит из представления о том, что незаполнение актантной позиции и, следовательно, неосуществление события более вероятно. При этом часто добавляется слово *вдруг*:

(13) *Если мне вдруг кто-то позвонит, то скажи, что я вернусь в 7 часов.*

Однако в разговорной речи, по-видимому, есть тенденция к более широкому употреблению местоимений с *-то* в условных предложениях.

Итак, выражения типа *все, что угодно, кто, что* и т. д. *угодно* имеют признак заполнения актантной позиции в значении «если будет, должна и т. д. быть заполненной, то...». Кроме того, в отличие от местоимений с *-нибудь* они подчеркивают, что все альтернативы без исключения могут соответствовать актантной позиции.

3.5. По характеру денотативной отнесенности местоимения с *-нибудь* в контексте будущего иногда объединяют с именными группами, имеющими отнесенность к нефиксированному элементу **множества**⁹ (например, [Падучева 1985: 94]). Именные группы данного типа обычно описываются через метатермин — «конкретность» (specific [Fillmore 1968], special [Dean 1968]), который здесь употребляется во втором значении слова *конкретность* (гл. I, п. 2.3). Он показывает, что не имеется в виду какой-то определенный представитель данного класса или множества. Приблизительно в этом же смысле употребляется и термин «экзистенциальная именная группа» [Падучева 1985: 95]. Вы-

⁹ Этот термин заимствован из работы Ю. И. Левина [1973], но употреблен в несколько ином значении.

ше рассматривалось различие между местоименным значением и значением обобщенного существительного типа *человек, вещь*. Попытаемся теперь уточнить характер соотношения существительных и местоимений в рассматриваемых условиях. Ср.:

- (1) *Я хочу посоветоваться с хорошим врачом;*
 (2) *Я хочу посоветоваться с каким-нибудь хорошим врачом;*
 (3) *Я хочу посоветоваться с кем-нибудь из хороших врачей.*

Все эти предложения показывают, что актантная позиция 'тот, с кем хотят посоветоваться' еще не заполнена, участник события еще «не выбран». Они сходны также в том плане, что ожидается «заполнение» актантной позиции индивидом, а не классом, типом объектов. Однако эти предложения различаются по характеру обозначения потенциального заполнителя актантной позиции. Неместоименная именная группа сообщает только о том, что участник события должен соответствовать заданной дескрипции. Отсюда следует, что предложения, содержащие такие именные группы, необязательно строятся на презумпции существования множества, члены которого удовлетворяют данной дескрипции. Так, после предложения (1) может идти фраза: *но разве такие теперь существуют*. Напротив, местоимения сами по себе не описывают «заполнителя» актантной позиции, они просто указывают, из элементов какого множества будет выбираться актант ситуации, причем это множество может быть представлено и как класс, и как набор индивидов. Иллюстрацией последнего случая могут служить примеры (2) и (3). Представление множества как набора индивидов предполагает презумпцию существования. Вследствие этого (2) и (3) неестественно дополнить фразами типа: *но разве такие существуют*.

Таким образом, в каком-то смысле можно сказать, что местоимения в приведенных предложениях выступают как операторы по отношению к референтно употребленным именным группам. Напротив, именные группы, не имеющие в своем составе местоимений, не соотнесены с конкретными множествами. Это различие может объяснить предпочтительность употребления или, наоборот, опущения местоимений в ряде условий:

(4) *Он хочет посоветоваться с каким-нибудь крупным специалистом в этой области.* Добавление местоимения здесь предпочтительно, так как при построении такой фразы говорящий обычно исходит из пресуппозиции о существовании крупных специалистов и о том, что число их ограничено; это создает предпосылку для представления денотата именной группы как ограниченного множества индивидуумов. Ср., напротив:

(5) *Он ищет новую секретаршу, а не: *какую-нибудь новую секретаршу* (не существует уже «готового» множества новых секретарш, из которых «он» мог бы выбирать).

Соотнесенность с «референтным» множеством необязательна для употребления *какой-нибудь*. Оно может служить оператором по отношению к множеству подтипов внутри данного класса. Например, предложение:

(6) *Он готов взять хоть какую-нибудь новую секретаршу* строится на presupпозиции о существовании нескольких типов секретарш и показывает, что претендент, относящийся даже к самому худшему типу удовлетворял бы требованиям автора речи.

Таким образом, употребление *какой-нибудь* связано либо с отсылкой к группе индивидов, из которых будет «выбран» участник события, либо с отсылкой к группе типов, качеств, по крайней мере одному из которых должен соответствовать участник события. Этот последний способ описания потенциального заполнителя актантной позиции ближе к неместоименным именованным группам и не требует presupпозиции существования конкретного множества.

Местоимения группы *-нибудь*, не выступающие в качестве операторов к именной группе, могут в зависимости от контекста соотноситься как с референтным множеством, так и с множеством типов:

(7) *Мне бы хотелось открыться кому-нибудь, но разве здесь есть такие люди, которые бы могли меня понять.*

Кроме способности соотноситься с референтным множеством, местоименные группы отличаются от неместоименных тем, что всегда задают альтернативу. Эта альтернатива касается либо выбора между индивидуальными членами, либо между типами. Поскольку и в первом, и во втором случае члены множества представлены как качественно различные, то возникает представление об известном безразличии к качественным различиям при условии, что описываются желания, намерения субъекта действия. Напротив, неместоименные группы, внося информацию о том, что заполнитель актантной позиции должен удовлетворять соответствующей дескрипции, не показывают, что обязательно допускается альтернатива в заполнении актантной позиции. Возможно, существует один и только один индивид, который мог бы выступить в соответствующей роли. Это различие объясняет неестественность добавления *какой-нибудь* в ряде контекстов. Например:

(8а) *Он в таком восторге от всего, что связано с Францией, что хочет жениться только на французженке;*

(8б) ... **что хочет жениться на какой-нибудь французженке.*

Информация об альтернативности позволяет использовать *какой-нибудь* при предикате *жениться* для выражения отрицательного отношения к возможному актанту ситуации:

(9) *Боюсь, что он женится там на какой-нибудь француженке.*

Этой отрицательной коннотации не возникает только в том случае, если класс определен по какому-то однозначно положительному признаку:

(10) *Он уедет на север, женится там на какой-нибудь северной красавице и будет счастлив.*

Рассмотрим еще некоторые предложения, не допускающие употребления местоимений с *-нибудь*.

(11) *Мальчик мечтал о том, чтобы увидеть (*какого-нибудь) слона.*

Для описываемой ситуации несущественна возможность выделения подклассов. Ср.: *Я мечтаю о том, чтобы иметь хоть какой-нибудь хороший прибор, регистрирующий подобные процессы* — прибор может принадлежать к одному из подтипов, к тому или другому. Ср. также: *Он мечтал увидеть хоть какого-нибудь из этих прославленных слонов* — ограниченное множество индивидов, имеющих индивидуализированные характеристики.

(12) **Я хочу выпить (*какого-нибудь) молока (но: Я хочу выпить какой-нибудь минеральной воды* — есть разные типы минеральной воды).

Итак, в п. 3 было показано, что в контексте будущего противопоставление *-то* и *-нибудь* всегда связано с признаком альтернативности/неальтернативности заполнения актантной позиции.

1. Были выделены три варианта значения местоимений с *-то*: а) указание на то, что участник события «выбран» (объективно идентифицируем, если воспользоваться терминологией Р. Ружички), но не известен говорящему (т. е. говорящий не знает, кто/что и т. д. заполнит актантную позицию); б) информация о том, что актантная позиция еще не заполнена, но предполагается отсутствие альтернативы в ее **заполнении** — «единственность выбора»; в) эмфатическая информация о необходимости, крайней желательности заполнения актантной позиции, вопреки презумпции о вероятности неосуществления события, при этом отсутствует указание на наличие альтернативы в «выборе» участника.

2. Соответствующие три варианта значения были отмечены и у местоимений с *-нибудь*, каждый из которых имеет в своей основе признак **дизъюнктивности** (альтернативности) и признак **заполненности актантной позиции** — различие заключается только в перестановке акцентов: а) в фокусе **сообщения** — **невывбранность** участника (в ситуациях, где участник события мог бы быть выбран; противопоставленность первому варианту значения *-то*); б) в фокусе **сообщения** — **будущая** заполненность или возможность заполнения актантной позиции, причем несущественно, кто (что и т. д.) ее заполняет; в) в фокусе со-

общения — необходимость, желательность заполнения актантной позиции и допустимость альтернативы (побуждение к действию не строится на презумпции о вероятности его неосуществления и поэтому менее экспрессивно по сравнению с высказываниями, содержащими местоимения с *-то*).

3. В отличие от существительных местоимения с *-то* и *-нибудь* не только относят актанта ситуации к определенному классу (людей, предметов), но также указывают, что он должен быть охарактеризован либо как индивид, либо как элемент того или иного подкласса внутри класса. Эта дополнительная характеристика остается нераскрытой. Напротив, существительные дают полную дескрипцию, которой должен соответствовать будущий участник события. Даже если актантная позиция еще не заполнена, существительные не указывают на возможную альтернативность. Содержащаяся в них информация исчерпывается **требованием** — соответствовать заданной дескрипции.

4. Признак заполненности/незаполненности актантной позиции, количественный признак соотношения участвующих с общим числом элементов множества (его можно было бы назвать квантором общности/единичности) и презумпция существования реализуются относительно независимо друг от друга, что свидетельствует об оправданности их разграничения.

4. МЕСТОИМЕНИЯ С *-ТО* И *-НИБУДЬ* В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ, ОПИСЫВАЮЩИХ МНОГОКРАТНОЕ СОБЫТИЕ

4.1. В лингвистической литературе часто отмечается (см. п. 1), что *-нибудь* не употребляется, кроме некоторых особых условий, в высказываниях, описывающих уже осуществившееся или осуществляемое событие. Этот запрет на употребление полностью согласуется с постулируемым утверждением о том, что данная частица вносит информацию об альтернативности в заполнении актантной позиции: если событие произошло, то актантная позиция уже заполнена и, следовательно, отпадает объективная возможность альтернативы. Однако в речи могут описываться не только отдельные конкретные случаи осуществления событий, но и субъективные представления об описываемом, а также различные формы обобщений, конструкторов, которые строятся в результате отвлечения от реальных свойств ситуации. Эти типы речи создают предпосылки для реализации признака альтернативности при описании «реализованной» протоситуации, т. е. реальной ситуации, а не ее представления в языке. Одна из таких возможностей связана с описанием многократного события. Здесь признак альтернативности может относиться к отдельному случаю реализации многократного события, т. е. в отдельно взятом случае участвует тот или иной член совокупности, но в многократном

события в целом участвуют все или почти все члены совокупности. Соединение данных двух признаков—альтернативности (дизъюнкции) по отношению к отдельному случаю и конъюнкции («и...и») по отношению к событию в целом—равнозначно информации о смене участников события. Например:

- (1) *Изредка она взглядывала на кого-нибудь из нас* (Паустовский). (В событии в целом участвовало больше одного члена совокупности «мы», но необязательно все, а в каждом отдельном случае только один);
- (2) *Дверь в гостиную была отворена, и там всегда кто-нибудь играл* (Тургенев);
- (3) *Раза три ездоки выравнивались, но каждый раз высывалась чья-нибудь лошадь, и нужно было заезжать сначала* (Толстой), ср.:
- (4) *Каждый день к ней приходит сестра или мать.*

Как и при описании еще не осуществившегося события, слова группы *-нибудь* показывают, что с событием соотнесено множество качественно разнородных объектов [Селиверстова 1965: 132]. Об этом свидетельствует неупотребляемость *-нибудь* при описании совокупностей, члены которых не различаются по качеству или различаются несущественно.

Например, нельзя сказать:

- (5) **Каждый день он приносил какую-нибудь землянику {охапку хвороста}*.

Слово *какой-нибудь* в рассматриваемых условиях обычно указывает на разнородность классов, типов, к которым относится акт ситуации. Ср.:

- (6) *Каждый день он приносил мне какую-нибудь новую игрушку* (т. е. предметы, относящиеся к разным подклассам внутри класса «игрушки»).

В наших работах [Селиверстова 1964; 1965: 131—140] было проведено различие между двумя типами высказываний со значением многократности¹⁰. Оба типа связаны с представлением о существовании больше одного (обычно даже больше четырех-пяти) случая реализации события, но различаются по тому, что кладется в основу выделения отдельного случая. В высказываниях первого типа отдельные случаи выделяются в зависимости от времени их осуществления, т. е. В них сообщается, когда реализуются события, и случаев реализации будет столько, сколько раз они имели место во времени. Как следствие этого все описываемые случаи могут быть распределены по временному отрезку и будут занимать на нем разные точки. Запишем данную структуру следующим образом: $s_1 \rightarrow t_1, s_2 \rightarrow t_2, \dots, s_n \rightarrow t_n$, t — время реализации, s — акт реали-

¹⁰ При описании этих типов в настоящей работе вносятся некоторые уточнения, особенно в отношении второго типа.

зации. Таким образом, операторы, употребленные в этих высказываниях, относятся к множеству временных точек: они могут показывать, что акты реализации соответствуют всему множеству тех временных точек, о которых идет речь (*каждое воскресенье*); они могут также показывать, что число временных точек, когда имели место акты реализации, невелико (*иногда, изредка*) и т. д. Поскольку высказывания этого типа описывают каждый отдельный случай, который произошел в t_1 или t_2 , или t_i , утверждение, что, например, все члены совокупности участвовали в событии, означает, что в каждом отдельном случае участвовали все. Например:

(7) *Каждое воскресенье мы все навещали его.*

Можно сказать, что показатели многократности имеют здесь временное значение (собственно временное), т. е. область, с которой соотнесен оператор, — множество временных точек. Как известно, ср. [Lewis 1975], время осуществления события может задаваться и через другое событие:

(8) *Когда она играла что-нибудь прекрасное, как любила ее (Бунин).*

Таким образом, вариантом данного значения является случай отнесенности оператора к множеству событий, задающих время осуществления других событий.

В высказываниях второго типа акт реализации отрывается от временного момента его осуществления. Событие характеризуется только по числу актов реализации или по частотности, т. е. по числу и величине «разрыва» во времени между случаями реализации:

(9) *В прошлом году он часто приходил сюда.*

Событие 'его приход сюда' представлено как осуществлявшееся в прошлом году, как имевшее место много раз и как имеющее небольшие временные разрывы между отдельными актами. В семантической структуре не задаются временные точки внутри отрезка 'прошлый год', когда реально реализовались акты действия. Отвлечение от временных точек приводит к возможности распределения случаев реализации по участникам события, независимо от того, участвовали ли они одновременно или нет. Так предложение

(10) *Они все часто у меня бывали*

можно рассматривать как результат обобщения утверждений типа: А. часто бывал, В. часто бывал... При этом не сообщается о том, что в каждый данный момент времени, когда событие осуществлялось, в нем обязательно участвовали все. Мы будем считать, что операторы многократности имеют в этих предложениях значение фреквентативности (точнее было бы говорить: фреквентативности

и суммирования). Поскольку в семантической структуре предложений второго типа отдельные случаи реализации ориентированы на участников, а не на временные моменты, отпадает предпосылка для передачи информации о смене участников (об одном исключении см. ниже). Поэтому слова группы *-ни-будь* не должны в соответствии с характером своего значения употребляться в многократных высказываниях второго типа, что и действительно имеет место. Например:

- (11) *Она много раз обманывала кого-нибудь из своих друзей;*
 (12) **Кто-нибудь из них часто приезжал сюда со своими друзьями.*

Показателями высказываний первого типа служат такие слова и выражения, как: *каждый* плюс существительное, обозначающее время (*каждый день, каждый раз*), *иногда, изредка, время от времени, всегда* (но не во всех условиях употребления — см. ниже), *обычно, в таких случаях, тогда* (если оно синонимично выражению *в таких случаях*), *и опять* и т. п. Выражения *каждый раз, каждый день, обычно* часто опускаются перед словосочетаниями *после чая, после работы* и т. п. Высказывания первого типа могут также строиться по модели сложноподчиненного предложения с союзными словами и выражениями: *когда, как только, после того, как., стоит только, лишь только, если* (близкое к временному):

- (13) *Если знал, что какой-нибудь вечер, на который мы собирались с ней, не принесет мне боли, ни обиды, как празднично собирался* (Бунин).

Показателями высказываний второго типа обычно выступают слова и выражения *часто, много раз, не раз, несколько раз* и многократная форма глагола. Существует, однако, возможность переосмысления данных единиц и их перехода в показатели высказываний первого типа. Например, можно сказать:

- (14) *Здесь часто кто-нибудь занимается.*

В подобных высказываниях слово *часто* указывает на те моменты во времени, когда имеют место акты реализации события. Такое употребление возможно, если слова группы *-ни-будь* соотнесены с второстепенным актантом ситуации, который не может рассматриваться (именно вследствие своей второстепенности) как точка отсчета при выделении отдельных случаев реализации события. Вследствие этого отдельные акты задаются независимо от заполнения тем или иным объектом данной второстепенной актантной позиции, что и создает предпосылку для передачи информации об альтернативности. Например:

- (16) *Он часто (много раз) проводил такие эксперименты вместе с кем-нибудь из своих сотрудников* (выделяются случаи проведения экспери-

ментов данного типа, и в каждом данном отдельном случае мог участвовать тот или иной из сотрудников).

Заметим, что представление о **второстепенности** актантной позиции может определяться целевой установкой высказывания. Например, можно сказать:

(17) *Она часто бывает у кого-нибудь из своих друзей* (в этом случае внимание концентрируется на том, что «она» часто не бывает дома, а не на частотности посещения каждого из друзей).

Употребление местоимений с *-нибудь* не всегда возможно при наречии *всегда*, что частично определяется многозначностью этого наречия. Е. В. Падучева [1985, гл. XI] выделяет три основных значения *всегда*.

1. Непрерывно-временное значение:

(18) *Он всегда сидит в библиотеке;*

(19) *Он всегда в плохом настроении.*

2. Дискретно-временное значение:

(20) *Он всегда читает в автобусе;*

(21) *Когда бы я ни пришел, она всегда спит.*

3. Не **временное** значение:

(22) *Чужие дети всегда растут быстро.*

Уточним отмеченную семантическую структуру наречия *всегда* и остановимся на распределении отдельных случаев его употребления по выделенным значениям. Мы полагаем, что и при реализации непрерывно-временного значения слово *всегда* также выступает в функции квантора и имеет областью своего действия все множество точек, составляющих данный отрезок времени. Отличие от других случаев заключается только в том, что эти точки непрерывно следуют друг за другом. Именно представление временного отрезка как множества точек и позволяет в этих высказываниях употреблять слова группы *-нибудь*:

(23) *У нас всегда дома кто-нибудь есть* (т. е. какой бы момент во времени ни был взят, у нас кто-нибудь дома);

(24) *В библиотеке всегда кто-нибудь сидит.*

В каком-то смысле можно сказать, что у слова *всегда* соединяется здесь и непрерывно-временное значение, и дискретно-временное, т. е. предполагается, что сделанное утверждение относится и к каждому достаточно крупному отрезку времени (например, каждый день), и ко всем точкам каждого из этих

отрезков. Соединение значений становится более очевидным в таких предложениях как *Дома он всегда чем-нибудь занят*. Введение двух рядов временных точек осуществляется и другими языковыми средствами:

(27) *И опять весь вечер мы говорили о чем-нибудь постороннем* (Бунин).

При временных выражениях, обозначающих один временной отрезок, употребление слова *-нибудь* также возможно, но часто, хотя и необязательно, вводится дополнительное указание на альтернативность:

(28) А.: *Ну Вы хоть отдохнули немного?* В.: *Да нет. Вчера весь день что-нибудь делала. То одно, то другое;*

(29) *Вчера все время с кем-нибудь говорила;*

(30) *Графиня Лидия Ивановна давно уже перестала быть влюбленною в мужа, но никогда с тех пор не переставала быть влюбленною в кого-нибудь* (Толстой).

Менее естественно употребление слов группы *-нибудь* со словом *целый*, который обычно не воспринимается как представляющий временной отрезок, разделенный на отдельные точки¹¹:

(31) *Целый день я что-нибудь делала;*

(32) *Я вчера целый день с кем-нибудь говорила;*

(33) *Целый урок они разбирали что-нибудь новое. То одно, то другое.*

В нашей работе [Селиверстова 1965: 137, 145] у наречия *всегда* наряду со значением непрерывности и собственно многократности выделялось значение, которое приблизительно было сформулировано так: 'при всех условиях'. Сходное значение было отмечено у слова *иногда* — 'при некоторых условиях'. Постулируемое значение в известной степени близко к выделяемому Е. В. Падучевой значению *всегда*₃. Однако *всегда*₃ понимается Е. В. Падучевой гораздо более широко. Под данное значение она подводит такие предложения, как:

(34) *Он всегда обедает в ресторане;*

(35) *Он всегда вспоминает о ней с сожалением;*

(36) *Тетя всегда заранее знает о приезде Маши;*

(37) *Цветущая розь всегда напоминает мне о войне.*

Подобные предложения соответствуют выделяемому нами, второму типу многократности, так как не ориентированы на временные моменты. Хотя многие приведенные предложения не имеют структуру типа 'когда имеет место то-то, то...', что типично для *всегда*₃ (например, вряд ли (34) можно интер-

¹¹ О словах *целый* и *весь* см. у О. А. Сулеймановой [1985].

претировать так: 'когда он обедает, он обедает в ресторане'), эти предложения все-таки подводятся под один из вариантов импликационной модели, и следовательно, задают множество актов реализации события. Их семантическую структуру можно представить в форме: 'какой бы акт реализации события «он обедает» ни был взят, этот акт имеет место в ресторане'. В пользу именно такой интерпретации говорит возможность употребления в некоторых из подобных высказываний местоимений с *-нибудь*¹². Например:

(38) *Он всегда обедает с кем-нибудь из своих друзей;*

(39) *Она всегда душитя какими-нибудь необыкновенными духами.*

Напротив, *всегда₃* (в нашем понимании) не имеет областью своего действия пропозицию в целом, т. е. не представляет событие как множество сменяющихся друг друга отдельных случаев. Вследствие этого при *всегда₃* (а также *иногда?*) слова группы *-нибудь* не употребляются (если нет каких-то других условий, которые делают это употребление возможным):

(40а) * *Иногда какой-нибудь человек может так поступить* (ср.: 40б.
Иногда каждый человек может так поступить);

(41а) * *Какой-нибудь человек всегда должен об этом помнить* (ср.: 41б. *Каждый человек всегда должен об этом помнить*).

Высказывания этого типа рассматривают возможности и необходимости и не указывают на акты реализации, поэтому они будут проанализированы отдельно. Здесь отметим только одно условие, которое позволяет выбрать слова группы *-нибудь* в различных типах предложений и в том числе в высказываниях, связанных с условиями возможности и необходимости.

Мы уже говорили, что выделение отдельных случаев реализации события при ориентации их на разных участников (сколько участников, на столько актов делится событие), может создавать предпосылку для выбора слов группы *-нибудь*, если эти слова соотнесены со второстепенной актантной позицией (т. е. ее заполнители не предопределяют разделения на отдельные акты). Выделение такого множества событий, различающихся не по времени, а по участникам, имеет место при употреблении слов *каждый*, *все* при подлежащем. Слова группы *-нибудь*

¹² Возможно, даже такие предложения, как *Сумма двух четных чисел всегда четна* допускают событийную интерпретацию по крайней мере в некоторых контекстах: их семантическую структуру приблизительно можно представить так: 'если, когда проводятся операции с четными числами, то всегда имеет место следующее...'. Однако *всегда* в подобных предложениях часто может быть понято и как выступающее в третьем значении 'при всех условиях'. Ни одна из этих интерпретаций не соответствует таким предложениям, как **Кит всегда млекопитающее*; **Человек всегда смертен*, что и объясняет запреты, отмеченные Е. В. Падучевой.

в этом случае показывают на альтернативность в заполнении некоторой другой актантной позиции [Селиверстова 1965: 149—150]. Например:

(42) *День был полон, и каждый из нас занимался чем-нибудь своим* (т. е. предмет занятий у разных участников не совпадал).

Слово *каждый* выступает как более сильный пропозициональный оператор, т. е., вероятно, он всегда связывает отдельного участника с особым событием и, таким образом, всегда задает множество событий (или актов реализации события). Поэтому в высказываниях с *каждый*, при условии, что актант, соотнесенный с этим оператором, занимает первую позицию в предложении [Падучева 1984: 26], слова группы *-нибудь* употребляются свободно:

(43а) *Каждому из них было дано какое-нибудь задание* (но: 43б. [?]*Какое-нибудь задание было дано каждому из них*).

Отметим также, что условия употребления местоименной группы зависят от того, обязательно ли заполнение объектной позиции при данном глаголе. Если заполнение этой позиции факультативно, местоимения с *-нибудь* употребляются, когда в фокусе внимания стоит объект действия (например, вследствие того, что сам факт осуществления действия данного типа уже известен). Ср.:

(44) *Все они что-нибудь делали* (**Все они делали*);

(45а) *Все они что-нибудь рисовали*;

(45б) *Все они рисовали*.

Широта функционирования предложений типа (45б) ограничивает условия использования таких фраз, как (45а). На употребление местоимений влияет и приобретение глагольно-именной группой устойчивого характера, при котором функция имени приближается в какой-то степени к наречию: *пойти в школу, поступить в институт, на работу*. Вследствие этого местоимения с *-нибудь* употребляются здесь лишь при возвращении имени его обычной функции (*поступи хоть в какой-нибудь институт*). Ср.:

(46) *Все мои друзья поступили в какой-нибудь институт*.

Таким образом, были рассмотрены два основных типа многократных событий: 1) события, в которых выделение актов реализации в основном ориентировано на моменты времени или другие события, как бы задающие время и 2) события, в которых отдельные акты реализации необязательно связаны с различием во времени осуществления и могут распределяться по участникам. Каждый из этих типов имеет варианты.

Была высказана гипотеза, в соответствии с которой значительная часть высказываний, описывающих многократные события, имеет семантическую

структуру, соответствующую сложным предложениям с придаточным временным и условным, даже в тех случаях, когда эта структура не отражена в их поверхностной организации.

Было показано, что местоимения с *-нибудь* употребляются при описании тех многократных событий, отдельные акты реализации которых выделены независимо от актантов ситуации, соотнесенных с данными местоимениями.

4.2. При описании слов группы *-нибудь* часто утверждается, что в многократных высказываниях они имеют значение дистрибуции (см., например, [Шелякин 1978]). Этот термин употреблялся обычно синонимично понятию альтернативности. Укажем на некоторые различия между этими понятиями и попытаемся показать, что значению местоимений с *-нибудь* более точно соответствует представление об альтернативности.

Можно предположить, как уже говорилось, что в высказываниях типа:

(1) *Каждый день к нему кто-нибудь приходит*

семантическая структура должна быть представлена не как сумма случаев (что можно было бы записать так: $(t_1-s_1) + (t_1-s_i)$, t — время, s — акт реализации события, что соответствовало бы дистрибутивной трактовке *-нибудь*), а как структура, включающая в себя элемент динамизма, связанный с движением квантора всеобщности: т. е. какой бы момент времени ни был взят, в этот момент времени имеет место событие¹³. Это создает возможность рассматривать не какой-то определенный случай, а как бы случай произвольный, представляющий другие, взятый как пример других. Актантная позиция в таком произвольно взятом случае-примере может быть заполнена той или иной из возможных альтернатив. При этом включение в число допустимых альтернатив здесь определяется фактическим участием по крайней мере в одном из актов реализации события, но обязательно не во всех. В пользу того, что данные высказывания не представляют свой денотат как простую сумму актов реализации события, говорит то, что чаще всего эти высказывания описывают неопределенное и нечетко ограниченное число случаев. Далее, в языке есть другие возможности для передачи информации о «сумме» случаев:

(2) *Вчера я то мыла, то убирала, то готовила и так целый день.*

О том, что высказывания со словами группы *-нибудь* ориентированы на описание случая-примера, допускающего альтернативное заполнение актантной позиции, говорит соответствие такой интерпретации всем остальным условиям

¹³ Выражение *какой бы ни* указывает на качественное различие членов множества; этого компонента значения нет в слове *каждый* (см. п. 1.2).

употребления слов группы *-нибудь*, во многих из которых наличие признака альтернативности очевидно. Кроме того, в пользу данной интерпретации свидетельствует и противопоставленность *-нибудь* и *-то*: группа *-то* в рассматриваемых условиях может употребляться для акцентирования внимания на том, кто участвовал в отдельно взятом случае, т. е. не на альтернативности заполнения актантной позиции в каждом отдельном акте реализации события. Справедливость сделанного утверждения можно аргументировать следующим образом. Во-первых, в придаточном временном местоимения с *-то* обычно выбираются, если имеется, или подразумевается коденотативная именная группа в главном предложении. Сама повторность обращения к соответствующему актанту ситуации свидетельствует о его значимости для описываемого события, что естественно, может способствовать акцентированию внимания на каждом отдельном заполнителе актантной позиции. Во-вторых, при отсутствии коденотативного члена главного предложения или при использовании местоимений с *-то* в других синтаксических условиях эти местоимения обычно требуют прямого обозначения вариантов заполнения актантной позиции, т. е. требуют введения дизъюнктивной именной группы (N_1 или N_2 , или ... N_j). Перечисление вариантов также способствует акцентированию внимания на каждом отдельном случае¹⁴.

Приведем примеры употребления местоимений с *-то* в придаточном временном при коденотативных группах главного предложения:

- (3) *Когда он делает что-то, он делает это тщательно;*
 (4) *Когда она играла что-нибудь прекрасное ('что-то прекрасное), как я любил ее;*
 (5) *Когда он с кем-то едет в экспедицию, я готовлю для них две разные программы;*
 (6) *Когда он с кем-нибудь едет в экспедицию, я спокойна (*с кем-то);*
 (7) *Его любимым развлечением, отвлекаяшим от работы, были, как и в России, поездки на автомобиле. Хотя он всегда брал с собой кого-нибудь, на случай поломок или возможных недоразумений, но автомобилем он правил сам (газ.) (*Хотя он всегда с собой кого-то брал, на случай поломок...);*
 (8) *Но когда он начинал что-нибудь делать, он совершенно преображался (? ...нокогда он начинал что-то делать, он совершенно преображался);*
 (9) *Но когда не получалось что-то важное, что-то, чем он действительно дорожил, он приходил в полное отчаяние (газ.)* В примерах (3, 5, 9) употребление местоимений с *-нибудь* не создает совершенно неправильного высказывания, но все опрошенные (8 человек) отдавали здесь предпочтение местоимени-

¹⁴ Вводимые пояснения снимают также неопределенность, связанную с возможностью реализации здесь другого значения местоимений с *-то* — 'отсутствие сведений у говорящего о том, кто (что и т. д.) дополняет актантную позицию'.

ям с *-то*. Другую группу примеров составляют высказывания, содержащие дизъюнктивные перечисления:

- (10) *...уже не первый год приходилось им... ссылаться на то, что всюду происходит что-то ужасное: на Ривьере небывалые ливни и бури, в Афинах снег, Этна тоже вся занесена* (Бунин).

Введение таких пояснений в придаточном временном представляет события в последовательности их развертывания во времени при фиксировании каждого отдельного случая, см. (11):

- (11) *Иногда что-то — посторонний звук или неосторожное движение — приводило его в память, он, струдом узнавая, озирался вокруг* (Распутин).

Придаточное временное, включающее в свой состав местоимения с *-то*, по-видимому, произносится по иной интонационной конструкции, чем предложения, содержащие местоимения с *-нибудь*, причем слова группы *-то* сильнее выделяются. Это также свидетельствует в пользу постулируемого различия в их значении. В составе главного или простого предложения слова группы *-то* могут выполнять еще одну функцию: они могут подчеркивать завершенность актантной позиции. Например:

- (12) *Каждый день у меня кто-то бывает: то сестра, то брат, то еще кто-нибудь.*

Кроме этого, слова группы *-то*, как уже неоднократно отмечалось, могут здесь использоваться для передачи информации об отсутствии сведений у говорящего о том, кто (что и т. д.) заполняет актантную позицию:

- (13) *Задумавшись, она порой подолгу смотрела в окно в коридоре, куда-то вверх улицы и домов, и до того ей приятно было что-то там видеть, что лицо ее озарялось уже не краской смущения, а волнением только ей одной лишь доступного чувства* (Распутин).

При реализации признака «неизвестности» слова группы *-то* в зависимости от контекста либо не маркированы по признаку альтернативности/неальтернативности (причем в данном случае этот признак касается всего события в целом), либо скорее предполагают неальтернативность, т. е. отсутствие смены участника события. Итак, в многократных событиях слова группы *-то* могут иметь несколько значений (или, возможно, вариантов значений), но во всех этих значениях они указывают на неальтернативность в заполнении актантной позиции или во всяком случае не маркированы по этому признаку. Информация о неальтернативности может касаться всего события в целом, соединяясь при этом с указанием на «неизвестность». В других случаях значение неальтерна-

тивности относится к отдельному случаю реализации события. Слова группы *-то* здесь используются либо для того, чтобы специально подчеркнуть неальтернативность в каждом отдельном случае, либо для того, чтобы подчеркнуть заполненность актантной позиции. Контекст выполняет функцию разграничения данных значений. Вероятно также, что каждое из этих значений связано с особой интонационной конструкцией.

Слова группы *-нибудь* не имеют здесь признака «неизвестности». Они также не акцентируют внимания на каждом отдельном заполнителе актантной позиции, подчеркивая только альтернативность участия членов совокупности в отдельных актах реализации события и, таким образом, смену участников в событии в целом.

5. МЕСТОИМЕНА С *-ТО* И *-НИБУДЬ* В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ, ОПИСЫВАЮЩИХ ОДНОКРАТНОЕ РЕАЛИЗОВАННОЕ СОБЫТИЕ

5.1. Вероятностные суждения. Говорящий описывает действительность, «пропущенную» через свое сознание (гл. I, п. 1.3). В результате этого предметом сообщения может стать определенным образом преобразованная протоситуация. Так, не имея достаточно сведений, чтобы адекватно отобразить то или иное событие, говорящий может перечислить логические возможности, по крайней мере одна из которых должна соответствовать действительности. Такой способ построения речи создает предпосылку для употребления дизъюнктивных языковых средств при описании уже осуществившегося однократного события. Эта предпосылка действительно реализуется в русском языке. Например:

(1) *Это была либо моя мать, либо сестра; (1б) Вероятно, кто-нибудь из них был здесь.*

Слова группы *-нибудь* могут употребляться для передачи данной информации лишь в вероятностных высказываниях, т. е. в высказываниях, в которых утверждение об осуществлении события, наличии свойства и т. п. носит вероятностный характер. Показателями высказываний данного типа служат такие слова и выражения, как *может быть, должно быть, вероятно, возможно, а вдруг, а может*. Например:

(2) *Я ее тоже, должно быть, обидел каким-нибудь необдуманно глупым словом* (Тургенев) (ср.: *Говорят, что онее чем-то обидел — *чем-нибудь*);
(3) *Вероятно, в Анне было что-нибудь особенное, потому что Бетси тотчас заметила это* (Толстой).

В высказываниях данного типа могут использоваться и выражения, подобные следующим: *несомненно, отсюда следует, что...*, если они произносятся с интонацией сомнения (*Несомненно, здесь кто-нибудь был*).

Часто одна интонация является показателем такого типа высказываний:

(4) *Я, кажется ничего лишнего не плачу, а деньги так и плывут. Что-нибудь мы не так делаем* (Голстой).

В настоящее время дискуссионным является вопрос о том, какие условия употребления местоимений с *-нибудь* и *-то* должны быть объединены, а какие рассмотрены особо. С этим вопросом связано прежде всего выделение вариантов значения. В данной работе, как и в других наших работах [Селиверстова 1964; 1965] предлагается рассматривать в качестве особого условия вероятностные высказывания. Другое разбиение условий употребления дано, например, Е. В. Падучевой [1985: 215]. Приведем некоторые аргументы против такого объединения.

Мы полагаем, что для выбора местоимений с *-нибудь* существенно прежде всего не то, стоит ли существование актанта ситуации под сомнением, а — выделение двух уровней рассмотрения события — **возможного** и **реального** или разных типов возможного (логическая возможность участия тех или иных членов совокупности, различающихся по своим качествам, и возможность, определяемая допустимым количеством участвующих). Для установления двух уровней «возможного» недостаточно, чтобы в высказывании не утверждалось существование явления (как факта). Необходимо еще, чтобы суждение было представлено как вероятностный вывод, из логических рассуждений. Е. С. Яковлева [1983: 43] показала, что именно такой тип суждений и выражают высказывания с вводными словами *возможно, вероятно* и т. п. в отличие, например, от предложений с глаголом *казаться*. Этот глагол сообщает о том, что мнение строится на основании «характерной» для предмета рассмотрения информации, т. е. на основании узнавания (*кажется, это Анна*), воспоминания и т. п. Как мы бы сказали, речь здесь фактически идет о построении мнения путем разных типов «вторичного» восприятия, в том числе и «внутреннего» (об этих понятиях см.: [Селиверстова 1978: 1]). При процессе «узнавания» имеет место не перебор логических возможностей, а идентификация, например, непосредственно воспринимаемого явления с уже имеющимися в сознании образами. Такой характер процесса и объясняет отмеченную Е. В. Падучевой [1985: 215] неупотребляемость местоимений с *-нибудь* при глаголе *казаться*:

(5) *Дождь на улице не прекращался. Старинные зарадужелые стекла в рамах вспыхивали, как живые, и мне все казалось, что там, за окошками, кто-то тихо плачет и скребется* (Абрамов) (**кто-нибудь*);

(6) *Казалось ей, что дом дрожал. Что кто-то слабым дальним криком в степи на помощь призывал* (Бунин).

В примерах (5), (6) сообщается, что доносящиеся звуки неверно отображаются в сознании и отождествляются с несоответствующими им представлениями. На такой же тип мыслительного процесса указывает и выражение *как будто*, что препятствует его употреблению с местоимениями группы *-нибудь*:

- (7) *Он молча посмотрел на нее, как будто что-то взвешивая* (Толстой)
(**что-нибудь*).

Таким образом, вероятностные суждения отличны от высказываний, сообщающих о недостоверном восприятии, и употребление в них местоимений с *-нибудь* определяется разными правилами.

Большинство высказываний, описывающих возможность и необходимость осуществления события, также отлично от вероятностных. Высказывания с глаголами типа *мочь* в рамках тех задач, которые решаются в нашем исследовании, можно было бы разделить на три типа.

К первому типу относятся предложения, в которых сообщается о реализованной возможности, ко второму — о возможности, которая а) может реализоваться в будущем или настоящем; б) могла реализоваться в прошлом, но не реализовалась; в) возможно (вероятно) могла (может) реализоваться; третий тип включает предложения, в которых вообще не рассматривается вопрос о реализации, цель их — описать «возможный мир» сам по себе. Ср., например:

- (8) *Вчера я смогла весь день работать* (т. е. я действительно работала);
(9) *Он может пойти туда с кем-нибудь из них* (допускается реализация в будущем);
(10) *Он мог хоть что-нибудь для нее сделать* (почему он не сделал? — не реализовавшаяся возможность);
(11) *Ему в первый раз пришли вопросы о возможности для его жены любить кого-нибудь* (Толстой) (рассматривается вероятность реализации данной возможности) [пример взят из кн.: Падучева 1985: 215];
(12) *Эта машина может выполнять следующие операции...* (описывается возможность вне рассмотрения ее реализации).

Местоимения с *-нибудь* не употребляются в высказываниях первого и третьего типа, так как в них не может идти речь об объективной альтернативности в заполнении актантной позиции. Значение же субъективной альтернативности не может реализоваться, поскольку — как следует из проанализированного материала — в русском языке оно может иметь место только в вероятностных высказываниях. Так, примеры (13а)—(14а) не соответствуют норме:

- (13а) *Юн имеет возможность что-нибудь там делать* (категорическое заявление), но:

- (13б) *Вероятно, он имеет возможность что-нибудь там делать;*
(13в) *Вероятно, он что-нибудь там делает;*
(14а) **Он может с кем-нибудь общаться* (предложение употреблено не как совет или пожелание, в этом случае оно было бы нормативно), но:
(14б) *Вероятно, он может с кем-нибудь там общаться;*
(14в) *Вероятно, он с кем-нибудь там общается.*

Таким образом, утверждение о возможности в отличие от указания на вероятность само по себе не создает предпосылку для употребления местоимения с *-нибудь*. Исключение составляют только высказывания второго типа, в которых возможность рассматривается под углом зрения ее реализации. Такое рассмотрение позволяет объединить сообщение о потенциальных «претендентах» на роль заполнителей актантной позиции с указанием на то, сколько фактически может (могло) быть участников. Эти высказывания, даже если они не относятся к плану будущего, ближе всего по своей семантической структуре к сообщениям о будущем. В них может реализоваться информация об объективно альтернативной соотнесенности элементов множества с актантной позицией. Так, пример (15) показывает, что из некоторого множества людей (существование множества предполагается) мог быть выбран по крайней мере один, тот или другой, кто стал бы участником события:

- (15) *Он мог (мог бы) там с кем-нибудь познакомиться (Почему он все время был один).*

Подобным образом ведет себя и глагол *должен*:

- (16а) *Он должен был там что-нибудь делать* (констатация необходимости);
(16б) *Должен же он был там что-нибудь делать* (не может быть, чтобы он там ничего не делал).

Напротив, высказывания, описывающие вероятно реализовавшееся прошлое или настоящее событие, сообщают о субъективной альтернативности, которая представляет собой один из способов указания на отсутствие у говорящего сведений о том, кто (что и т. д.) заполняет актантную позицию.

Представляется также неоправданным объединять в одну группу вопросительные предложения и вероятностные утвердительные. Об этом свидетельствует, в частности, возможность введения показателей вероятности в вопрос и независимость употребления местоимений с *-нибудь* от наличия таких показателей:

- (17а) *Там кто-нибудь был?*
(17б) *Вероятно, там кто-нибудь был?*

Введение слов типа *вероятно, возможно* в вопросительные предложения влияет на употребление местоимений с *-то*: эти местоимения, как уже неоднократно отмечалось в лингвистике, используются, если спрашивающий исходит из предположения о том, что событие скорее всего имело место или, возможно, имело место. С такой пресуппозицией и связано употребление слов типа *вероятно, возможно*. Поэтому естественно, что местоимения с *-то* часто встречаются в вопросах, содержащих вводные слова данного типа:

(18) *Вероятно, там кто-то был?*

(19) *Возможно, ты в это время с кем-то говорила по телефону?*

Таким образом, обобщая сказанное, можно утверждать, что указание на вероятность осуществления события составляет особое условие употребления местоимений с *-нибудь*. Это условие также создает предпосылку для выбора местоимений с *-то* в вопросительных предложениях.

5.2. Рассмотрим теперь различие между местоимениями *-нибудь* и *-то* в вероятностных высказываниях и остановимся более подробно на таких моделях, как *Я думаю, что...* Глаголы *думать, надеяться, бояться* (в одном из своих значений) сообщают в отличие от глагола *казаться* о мнении, сформулированном в результате логических рассуждений¹⁵. Это создает предпосылку для употребления в них местоимений с *-нибудь*:

(1) *Я надеюсь, что кто-нибудь из них остался с ней;*

(2) *Я думаю, что эту рукопись взял кто-нибудь из сотрудников;*

(3) *Я боюсь, что это сделал кто-нибудь из них.*

Высказывания с вводными словами *вероятно, возможно* и т. п. принято относить к субъективной модальности. Точнее, как представляется, было бы говорить, что они выражают объективные суждения, имеющие вероятностный характер. Иными словами, мы полагаем, что субъект суждений представлен здесь как обладающий способностью строго логически выводить следствия из имеющихся объективных данных (гл. I, п. 1.3). Напротив, выражения типа *Я думаю, Я полагаю* показывают, что речь идет о мнении говорящего. Мы не будем здесь доказывать высказанную гипотезу. Приведем только некоторые примеры, подтверждающие ее:

¹⁵ Каждое высказывание описывает видение мира или его фрагмента говорящим. Однако говорящий может представить свое суждение как объективно истинное; ср.: *Он прав* (так обстоит дело в действительности) — *Я считаю, что он прав* (делается утверждение о видении действительности говорящим, которое необязательно соответствует действительному положению вещей).

- (4) *Вероятно* (*я думаю), вы читали книгу П. С. Иванова на эту тему (слова профессора на экзамене; вывод делается только на основании ответа студента);
- (5а) *Вероятно*, вы читали книгу П. С. Иванова (суждение, вытекающее из общих соображений о том, что должен читать студент);
- (5б) *Я думаю*, вы читали книгу П. С. Иванова (суждение, обусловленное личным представлением о том, что должен читать студент);
- (6) *Вероятно* (?я думаю), тебе больно идти (говорящий смотрит на человека, который только что упал и идет хромяя);
- (7) *Я думал* (*вероятно), что тебе об этом сказали (сообщение только о мнении говорящего, которое оказалось неверным).

По-видимому, в предложениях, выражающих мнение (а не «объективное суждение») местоимения с *-то* чаще предпочитают местоимениям с *-нибудь*. Это можно объяснить следующим: субъективные суждения иногда могут приближаться к мнению, основанному на восприятии. Кроме того, субъективное суждение чаще предполагает безразличие к тому, кто именно (что именно) выступает в роли актанта ситуации:

- (8) *Я думаю*, что между нами что-то произошло (важно, существенно, что произошло).

Выбор *что-нибудь*, *кто-нибудь* в (8) будет естественным лишь при подчеркнута безразличной интонации. Напротив, в предложении

- (9) *Я думаю*, что книгу взял кто-нибудь из сотрудников

кто-нибудь употребляется даже при эмоциональной «вовлеченности» говорящего, если объективно несущественно, кто именно взял книгу: важно, что сотрудники.

Объективно-вероятностные суждения не указывают на «личную» заинтересованность субъекта суждения. Поэтому они чаще содержат слова группы *-нибудь*. Однако употребление местоимений с *-то* также возможно, что частично зависит от отношения говорящего к событию (показателем этого отношения служит интонация), а частично — от значимости актантной позиции:

- (10) *Вероятно*, с ним что-то произошло (выбор *что-нибудь* также возможен).

Итак, при описании уже осуществившегося однократного события слова с частицей *-нибудь* употребляются только в вероятностных суждениях. Они указывают, так же как и слова группы *-то*, на отсутствие сведений у говорящего, кто (что и т. д.) заполняет актантную позицию. При реализации данной информации слова с частицей *-нибудь* сохраняют признак альтернативности, который

представляет здесь логически возможную альтернативность: в сознании говорящего с данной актантной позицией соотнесено некоторое множество (ограниченное или неограниченное) возможных участников, хотя при этом известно, что фактически участвует, если событие имеет место, только один. Напротив, местоимения с *-то* указывают на единственную возможность заполнения актантной позиции.

Различие по этим признакам приводит к употреблению местоимений с *-нибудь* в тех случаях, когда роль обозначаемого ими актанта в ситуации такова, что объективно несущественно, кто (что и т. д.) из множества возможных «претендентов» действительно соотносится с актантной позицией. Эти слова также употребляются при подчеркивании безразличного отношения говорящего к событию в целом. Напротив, слова группы *-то* акцентируют внимание на «истинном» заполнителе актантной позиции.

К категории вероятностных не относятся сообщения о мире возможностей и необходимости. В этих условиях местоимения с *-нибудь* употребляются, так же как в высказываниях, описывающих события, имеющие место в мире реальности.

Описание возможности, необходимости создает особую предпосылку для употребления местоимений с *-нибудь* только в тех случаях, когда возможность, необходимость рассматриваются под углом зрения их реализации/нереализации. Эти высказывания ближе всего к сообщениям о будущем: они создают предпосылку для актуализации информации об объективной альтернативности.

Данные высказывания могут перекрещиваться с вероятностными при введении в них таких слов, как *возможно* или произнесении их с соответствующей интонацией.

Высказывания, описывающие вероятностные суждения, важно также отличать от сообщений о недостоверном восприятии.

5.3. Реализация альтернативы. Местоимения с *-нибудь* употребляются в высказываниях, в которых событие представлено как реализация одной из имевшихся альтернатив. Такая информация может передаваться в предложениях с придаточным цели:

- (1) *Я сказал это, чтобы сказать что-нибудь;*
- (2) *Я пошла туда, чтобы хоть куда-нибудь пойти;*
- (3) *Я рассказываю о случившемся, чтобы хоть с кем-нибудь поделиться.*

Группа *-то* также может употребляться в высказываниях данного типа. При этом подчеркивается только факт заполненности актантной позиции:

(4) *Я сказал это, чтобы что-то сказать* (т. е. не молчать). *Что-нибудь*, напротив, не только акцентирует внимание на желании заполнить актантную

позицию, но и указывает наличие других альтернатив, которые могли бы стать актантами ситуации¹⁶. Представление участника события как случайно-го, заменимого другими, предполагает несколько пренебрежительное к нему отношение. Вследствие этого предпочтение часто отдается выбору других языковых средств (если они есть) при описании подобных ситуаций. Ср. (5) и (6):

(5) *Я пригласила ее, чтобы пригласить кого-нибудь;*

(6) *Я пригласила ее, чтобы не быть одной.*

К случаям реализовавшейся альтернативы можно отнести и высказывания типа: *Я оскорблен (возмущен, унижен, изумлен и т. п.) тем, что кто-нибудь (что-нибудь и т. д.) смеет {может}...* В подобных предложениях сообщается, что соответствующее чувство вызывается не участием в описываемом событии фактического заполнителя актантной позиции, а самим фактом наличия актанта ситуации, независимо от того, кто (что... и т. д.) выступает в этой роли:

(7) *Я не ревную, но я оскорблен, унижен тем, что кто-нибудь смеет думать, смотреть на тебя такими глазами (Толстой).*

Местоимения с *-то* также могут употребляться в высказываниях данного типа. В отличие от местоимений с *-нибудь* они не акцентируют внимание на несущественности возможных альтернатив и подчеркивают только сам факт заполненности актантной позиции.

Сравнительные обороты также создают предпосылку для реализации признака альтернативности и вследствие этого составляют одно из условий употребления этих местоимений:

(8) *И такие люди более, чем когда-нибудь нужны (Толстой).*

Таким образом, при описании событий, которые имели или имеют место, употребление местоимений *-нибудь* ограничено очень немногими особыми типами синтаксических моделей, которые характеризуют событие как реализацию одной из возможностей или сравнивают его с другими возможностями.

5.4. Гораздо более широко местоимения с *-нибудь* употребляются при описании нереализовавшихся событий. Выше уже рассматривались такие высказывания с глаголами *должен, может* (п. 5.2). См. также:

(1) *Если бы кто-нибудь из них пришел, все было бы иначе;*

(2) *Если бы кто-нибудь из них уехал, мы бы об этом знали.*

В условных предложениях местоимения с *-то* обычно показывают, что говорящий не ожидал осуществления события, считая это маловероятным:

¹⁶ В подобных высказываниях часто употребляется частица *хоть* (см. п. 3.3).

(3) *Если бы (вдруг) кто-то из них пришел, все было бы иначе.*

Такое же различие сохраняется и при отнесенности к плану будущего:

(4) *Если кто-то из них вдруг придет, я буду рада.*

В отличие от местоимений с *-нибудь* местоимения с *-то*, как отмечалось в различных лингвистических работах, широко употребляются при описании однократного уже осуществившегося или осуществляемого события.

(5) *В бору за озером аукается кто-то —
И сладко мне дремать и слушать в полусне... (Бунин)*

В этих контекстах местоимения с *-то* указывают на отсутствие сведений у говорящего о том, кто (что и т. д.) заполняет актантную позицию. В лингвистической литературе отмечались различные варианты признака «неизвестности» [Шелякин 1978; Николаева 1985: 41]. В добавление к этому укажем на стилистическое употребление местоимений с *-то* для обозначения лица, предмета, места, известного говорящему, но воспринимаемого им как нечто чужеродное, психологически далекое и, таким образом, в каком-то смысле неизвестное:

(6) *Мне грустно, что я где-то в чужой стране, на самых западных берегах Европы, на какой-то вилле за городом, среди осенней ночной темноты и тумана с моря, идущего вплоть до Америки (Бунин) (речь идет о вилле, которая принадлежит героине рассказа).*

Местоимения с *-то* и *-нибудь* (реже) могут также использоваться в **СЛОВОСочетаниях** типа *стремление (желание) сделать что-то* в тех случаях, когда заполнитель актантной позиции уже известен, но говорящий хочет представить свою мысль в более обобщенной форме:

(7) *И разве не понятен после этого мой порыв написать Вам, что-то высказать, что-то разделить с Вами, на что-то пожаловаться (Бунин);*

(8) *Разве не естественно ее стремление помочь кому-то?*

6. МЕСТОИМЕНИЯ С *-ТО* И *-НИБУДЬ* В ОБОБЩЕННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ

Местоимения с *-то* и *-нибудь* могут иметь разную денотативную отнесенность. Выше уже отмечалось, что они могут указывать на индивид (*кто-то, что-то*), который заполняет (заполнит) актантную позицию, или на группу индивидов, из которой будет выбран участник. Они могут также указывать на ту дескрипцию, которой будет соответствовать участник события. И, наконец,

они могут выражать понятие «обобщенного индивида», т. е. конструкта, который служит обобщением того или иного множества индивидов, рассмотренных именно как **индивиды**¹⁷, т. е. как носителей специфических, только им присущих черт. Данную функцию местоимения с *-то* и *-нибудь* могут выполнять по крайней мере в трех типах обобщенных высказываний: 1) в «обычных» обобщенных высказываниях (т. е. не принадлежащих ко второму или третьему типу), в основном это сообщения о будущем; 2) в высказываниях, отнесенных к плану прошлого или настоящего и имеющих семантическую структуру типа «когда (если)…, то»; 3) в высказываниях, описывающих ситуации-примеры. Рассмотрим каждый из этих трех типов.

6.1. В обобщенных высказываниях о будущем, содержащих местоимения с *-то*, обычно не предполагается, что актантная позиция уже заполнена. Вследствие этого их противопоставленность местоимениям с *-нибудь* в основном связана с представлением об альтернативности/неальтернативности качественной характеристики будущего актанта ситуации. Это различие особенно четко проявляется, например, в таких высказываниях:

- (1) *Появится кто-то совершенно новый, неведомый, порожденный нынешней ситуацией, ни на что ожидаемое не похожий (газ.) (*кто-нибудь);*
- (2) *Они уйдут, а вместо них появится кто-нибудь {кто-то} новый.*

В примере (1) речь идет о появлении нового типа литературного героя, черты которого еще неизвестны, но уже детерминированы настоящим и вследствие этого не альтернативны. В примере (2), напротив, сообщается об уходе существующего типа литературных героев, но при этом контекст не показывает, что характер нового героя, идущего на смену старому, обязательно полностью определен. Это создает предпосылку для взаимозамены местоимений.

В контексте будущего местоимения с *-то* и *-нибудь* могут использоваться для обозначения не только типов, но и множеств, т. е. могут соответствовать множественному числу существительных. При этом местоимения с *-то* чаще всего употребляются в условиях синтагматического контраста (этот случай употребления был отмечен в [Růžička 1973: 719]):

- (3) *Новый тип поведения сформировал и новый набор душевных качеств. Кому-то он покажется бедным, кто-то, напротив, заметит, что женщина стала самостоятельной в суждениях, более сильной духовно (газ.).*

¹⁷ Индивиды могут выступать и как члены тех или иных классов.

Наличие контраста способствует возникновению впечатления о неальтернативности заполнителей **актантной** позиции в каждом из противопоставляемых случаев. Ср.:

(4) *Тогда появятся новые, более совершенные машины, и кто-нибудь будет иметь счастье работать с ними* (т. е. те или другие).

Контекст будущего обязателен для выбора местоимений с *-нибудь*. Так, (4) не может быть преобразовано в (5):

(5) **В это время появились новые более совершенные машины, и кто-нибудь имел счастье работать с ними*¹⁸.

Употребление местоимений с *-то* также в какой-то степени зависит от контекста будущего. Однако эта зависимость косвенная и обусловлена следующим фактором: данные местоимения при отсутствии условий, которые будут рассмотрены в пп. 6.2 и 6.3, в основном употребляются в значении 'неизвестно, кто/что участвует в событии'. Эта информация при описании обобщенных событий часто более естественно согласуется с контекстом будущего. Однако, по-видимому, есть некоторая тенденция, особенно в газетном стиле, использовать местоимения с *-то* не только для выражения информации о неизвестности участников события, но и для акцентирования внимания на самой заполненности **актантной** позиции. Эту информацию в несколько утрированной форме можно интерпретировать так: 'были, нашлись такие, кто осуществил (осуществлял и т. д.) действие'. Так, большинство опрошенных (8 из 10) считали предложения (6а), (7а) допустимыми, хотя обычно отдавали предпочтение (6б), (7б):

(6а) *?Этот тип человека оказался кому-то бедным. Кто-то, напротив, высоко его оценил;*

(6б) *Одним этот тип человека оказался бедным, другие, напротив, высоко его оценили;*

(7а) *Кто-то продолжал работать по старинке, но кто-то перешел на новые условия труда;*

(7б) *Одни продолжали работать по старинке, а другие перешли на новые условия труда.*

В (6б), (7б) подчеркивается не сам факт заполненности **актантной** позиции, а противопоставленность участников.

6.2. Местоимения с *-нибудь* и *-то* употребляются также в обобщенных высказываниях, которые по своей структуре близки к многократным (п. 3) и от-

¹⁸ Пример (5) соответствовал бы норме лишь при введении показателей вероятности (*возможно, вероятно*).

личаются от последних только тем, что здесь имеются в виду потенциальные случаи реализации событий. Их семантическую структуру часто можно представить в форме: 'если (когда) имеет место то-то, то осуществляется то-то'. Такая семантическая организация может соответствовать и поверхностной организации предложения:

- (1) *Есть минуты, когда не тревожит
Роковая нас жизни гроза —
Кто-то на плечи руки положит,
Кто-то ясно заглянет в глаза* (Блок);
- (2) *Если человек любит кого-то, он не может не разделять интересов любимого человека* (пример взят из: [Шелякин 1978]);
- (3) *Когда человек кого-нибудь любит, он становится совсем другим.*

Высказывания с рассматриваемыми местоимениями могут также строиться по модели «*трудно (легко, приятно)* + инфинитив (+ инфинитив)»:

- (4) *Трудно любить женщину и делать что-нибудь* (Голстой).

Инфинитив, по-видимому, задает то время, когда возникает соответствующее состояние «приятно», «легко»¹⁹. Здесь могут использоваться и другие инфинитивные конструкции:

- (5) *Приступать с такими важными сборами к суду над маленьким поэтом — все равно что описывать жизнь какого-нибудь столоначальника тоном Плутарха* (Белинский).

Вычленение отдельных случаев может быть ориентировано на актант ситуации, имеющий квантор всеобщности. Этот актант может также подразумеваться. Могут опускаться и другие показатели многократности:

- (6) *Воров нужно ловить вне завода. Ведь где-то они сбывают свой товар* (Селюнин) (т. е. каждый раз где-то товар сбывается);
- (7) *Любой человек всегда чем-то лучше кого-то другого* (газ.);
- (8) *Но почему-то вдруг, неожиданно, природа выбрасывает целую труппу, а к ним в придачу и писателя, и режиссера, и все они вместе создают чудо, эпоху театра* (Станиславский) (речь идет о том, что после периодов застоя вдруг, неожиданно наступают периоды, когда появляются талантливые актеры и режиссеры).

Как и в многократных высказываниях, выбор местоимений с *-нибудь* требует, чтобы отдельные случаи реализации событий не вычленились в зависи-

¹⁹ Наречия типа *трудно* (обычно при отсутствии второго инфинитива) могут также играть роль скрытого отрицания (п. 7).

мости от того актанта, который обозначает местоимение (п. 3). Этому требованию не соответствуют такие предложения, как:

- (9) **Какой-нибудь человек поступил бы так при подобных обстоятельствах;*
 (10) **Такой поступок возмутил бы кого-нибудь.*

Подобные предложения не имеют структуры типа 'если бы такие обстоятельства имели место (реализовались), то они бы возмутили кого-нибудь'. Их цель заключается только в том, чтобы ответить на вопрос, кто бы был возможным участником при заданном условии. Вследствие этого здесь должны использоваться слова *каждый, любой*, если высказывание не носит вероятностный характер:

- (Па) *Любой (каждый) человек поступил бы так при подобных обстоятельствах*, но можно:
 (11б) *Вероятно, кто-нибудь так бы поступил при подобных обстоятельствах* (но не я или не все).

В рассматриваемых высказываниях местоимения с *-то* и *-нибудь* обычно не характеризуют актант ситуации по признаку известности/неизвестности, и вследствие этого на первый план выступает функция выражать понятие «обобщенного индивида» (см. п. 2). Ср.:

- (12) *В душе наступает покой, когда рядом с тобой друг* (актант ситуации охарактеризован через принадлежность к классу «друзей»);
 (13) *В душе наступает покой, когда кто-то рядом с тобой* (актант ситуации описан как индивид, свойства которого, однако, не раскрываются, поскольку в каждом отдельном случае они будут разными).

Местоимения с *-то* и *-нибудь* могут также характеризовать актант ситуации как относящийся к тому или иному подклассу внутри данного класса. Например, в предложении (6) могут иметься в виду типы мест, в которых обычно хранится краденое, а не конкретные места.

Выбор местоимений с *-то* и *-нибудь* в тех высказываниях, в которых актант ситуации — в соответствии с общим смыслом сообщения — мог бы быть охарактеризован через существительное, придает высказыванию экспрессивность. Так, в примере (1), где актант ситуации мог бы быть описан через существительное *любимая (возлюбленная)*, употребление *кто-то* привносит элемент таинственности, и в то же время менее отстраненно, более лично характеризует актант ситуации, представляя его как индивидуальность. Иную стилистическую функцию выполняет *кто-то* в (14):

- (14) *Тогда не нужны будут частные регламентации сверху. Более того, не потребуется и единый директивный показатель, по которому кто-то со стороны оценивал бы работу коллектива* (Селюнин).

В этом контексте можно было бы употребить ту или иную неместоименную группу (например, существительное *главк*). Местоимение *кто-то* выполняет здесь оценочную функцию, подчеркивая чужеродность, отдаленность той организации, которая осуществляет контроль. Такая стилистическая функция связана, по-видимому, с тем, что (14) относится к первому типу обобщенных высказываний (п. 6.1), где местоимения с *-то* обычно сохраняют признак «неизвестности». Этот признак, как отмечалось, может трансформироваться в представление о чужеродности, отдаленности.

В обобщенных высказываниях, приближающихся по своей структуре к многократным, местоимения с *-то* подчеркивают неальтернативность заполнения актантной позиции в каждом отдельном случае и тем самым акцентируют на нем внимание, ср. [Шелякин 1978]. Напротив, местоимения с *-нибудь*, указывая на альтернативность заполнения актантной позиции, ставят в фокус сообщения только сам факт реализации события при соответствующих условиях. При этом несущественно, кто (что и т. д.) заполняет актантную позицию. Так, в (2) все опрошенные (6 человек) предпочитали употребление местоимения *кто-то*, что согласуется с постулируемой гипотезой: личность того, кто становится объектом любви, существенна для описываемой ситуации — от характера личности зависит круг разделяемых интересов. Напротив, в (3) предпочтение отдавалось выбору *кто-нибудь*. Здесь личность того, кого любят, несущественна. Важно только само чувство. Выбор *кто-то* в (1) также подтверждает выделяемое различие между *-то* и *-нибудь*: здесь в каждом отдельном случае с актантом ситуации связано представление о «единственно возможной», «той самой». Ср. также (6) и (15):

(15) *Воров нужно ловить вне завода. Ведь где-нибудь они сбывают товар.*

Как показал опрос информантов, (15) фокусирует внимание на самом факте сбыта товаров, несущественно где. (6), напротив, привлекает внимание к вопросу о том, где именно это происходит. См. также:

(16) *Я по себе знал: когда что-то не выходит, все сделаешь для того, чтобы вышло, так просто не отступишься (Распутин).*

Большинство опрошенных (6 из 8) отдавали предпочтение выбору *что-то*, хотя употребление *что-нибудь* также возможно: акцентирование внимания на каждом отдельном «заполнителе» актантной позиции связано здесь с тем, что именно его свойства определяют характер предпринимаемых действий.

Таким образом, различие между *-нибудь* и *-то* в рассматриваемых условиях определяется признаком альтернативности/неальтернативности и вытекающих из него коннотативных признаков.

Местоимения с *-то* могут сочетаться с придаточными определительными предложениями. В этом случае они коррелируют с местоимениями *тот, та, то*:

(17) *Приятно ухаживать за кем-то, кого любишь и уважаешь;*

(18) *Приятно ухаживать за тем, кого любишь и уважаешь.*

Мы полагаем, что различие между (17) и (18) связано с разной семантической структурой. Семантическую структуру (17) можно приблизительно представить так: 'если актант ситуации есть тот, кого любишь и уважаешь, то ухаживать за ним приятно'. Иными словами, (17) представляет свой денотат как некоторое множество потенциальных случаев события: 'если в t_i реализуется событие 'ухаживать', то оно приятно, если...'. Напротив, в семантическую структуру (18) не вводится условие реализации: здесь имеется только одна импликация, которая устанавливает соответствие между свойством события 'быть приятным' и свойством актанта 'быть любимым и уважаемым'. В пользу высказанной гипотезы говорит неупотребляемость местоимений с *-то* в высказываниях, которые не допускают интерпретации 'если (когда) реализуется событие, то...' См.:

(19а) *Можно помогать только кому-то, кто этого достоин;*

(19б) *Можно помогать только тому, кто этого достоин;*

(20а) **Нужно бороться против кого-то, кто сеет зло;*

(20б) *Нужно бороться против тех, кто сеет зло.*

Отметим также, что говорящий, имея в виду отдельный конкретный случай, может абстрагироваться от него и представить его в обобщенной форме:

(21) *Разве можно работать с кем-то, кто с тобой так обращается;*

(22) *Если кто-то звал кого-то*

Сквозь густую рожь

Икого-то обнял кто-то,

Что с того возьмешь (Р. Бернс, пер. С. Маршака).

6.3. Местоимения с *-нибудь* употребляются в высказываниях, денотат которых можно было назвать ситуацией-примером [Селиверстова 1965: 144]. В этих высказываниях описывается некоторая воображаемая ситуация, которая служит примером ряда подобных ситуаций²⁰. В таких ситуациях актант

²⁰ К этому условию употреблений местоимений с *-нибудь* можно отнести и предложения типа: *Лично мне Мизгирь напоминает трудолюбивого муравья из какой-нибудь басни* (Мамин-Сибиряк), которые были отмечены Падучевой [1985: 217]. Их особенность заключается в том, что только отдельный фрагмент ситуации строится по принципу некоторого воображаемого примера.

может быть охарактеризован как соответствующий той или иной из возможных альтернатив:

- (1) *Проснешьсянеторопясь, посредишьсяяначто-нибудь, поворчишь* (Голстой);
- (2) *Отец этого прадеда какой-нибудь Нелюб-Злобин, сын такой-то, был еще нетронутый служака вполне старого покроя* (Ключевский).

Итак, местоимения с *-нибудь* употребляются в обобщенных высказываниях либо относящихся к плану будущего, либо представляющих свой денотат как множество возможных случаев реализации (выделение этих случаев не ориентировано на актанти ситуации, обозначаемых местоимением), либо, наконец, описывающих ситуацию-пример. Все эти условия создают возможность для реализации признака альтернативности (в заполнении актантной позиции).

Местоимения с *-то* также используются в этих условиях (исключение составляют только высказывания третьего типа). Во всех случаях своего употребления они указывают на неальтернативность в заполнении актантной позиции, причем в высказываниях второго типа этот признак относится к отдельному случаю реализации события.

Обобщенные высказывания второго типа с местоимениями *-то* и *-нибудь* обычно имеют семантическую структуру типа 'если, когда.., то', причем задаваемое условие относится к реализации события ('если (когда) событие реализуется и заполняется актантная позиция, то...'). В отличие от этого, высказывания с *тот, та, то* могут иметь семантическую структуру, ориентированную на условие соответствия актанта заданной дескрипции ('если актанти ситуации такой, что.., то'). В обобщенных высказываниях второго типа одна из главных функций местоимений с *-то* и *-нибудь* заключается в выражении понятия «обобщенного индивида».

7. МЕСТОИМЕНЕНИЯ С *-НИБУДЬ* И *НИ-*

В лингвистических и логических работах уделяется большое внимание условиям отрицания и в настоящее время выделено много различных типов отрицательных высказываний (см., например: [Пешковский 1957; Есперсен 1958; Дондуа 1948; Klima 1964; Wierzbicka 1967; Падучева 1969; Lee 1960; Zábol 1972; Bolinger 1977]). В этих работах исследуются и формальные аспекты (место отрицания в предложении), и семантические: выявляется область действия отрицания, его «сила» (категоричность/некатегоричность), связь с пресуппозицией высказывания и т. д. В данном параграфе мы рассмотрим некоторые

из тех типов отрицаний, которые присущи предложениям с местоимениями *-нибудь* и *ни*²¹.

7.1. Местоимения с *-нибудь* употребляются в придаточном предложении, подчиненном тому члену главного предложения, который имеет при себе отрицание и область действия которого распространяется на придаточное:

(1) *Все это делалось не потому, что кто-нибудь желал зла Левину или его хозяйству* (Толстой).

Здесь областью действия отрицания является не все содержание предложения, а только часть его — обстоятельственный актант, но в то же время событие, описанное в придаточном, отрицается в целом и в этом смысле рассматриваемый случай может быть назван *общеотрицательным*²².

Если в (1) поставить отрицание перед предикатом, то существование указанной причины уже не будет отрицаться, и поэтому выбор местоимений с *-нибудь* создает неотмеченное предложение:

(2) **Все это не делалось, потому что кто-нибудь желал зла Левину* (ср.: *потому, что кто-то желал ему зла*), но:

(3) *Все это не делалось не потому что кто-нибудь желал зла Левину.*

В контексте (1,3) допустимо и употребление местоимений с *ни*:

(4) *Все это не делалось не потому, что никто не желал зла Левину.* Отрицание, в область действия которого попадают местоимения с *-нибудь*, показывает, что отрицается заполненность актантной позиции хотя бы одной из задаваемых альтернатив. Напротив, самостоятельные отрицания выполняют функцию отрицания отрицания. И таким образом, (4) показывает, что был кто-то, кто желал Левину зла.

Местоимения с *-нибудь* могут употребляться и в придаточном, стоящем при отрицательном предикате, если придаточное непосредственно подчинено предикату и попадает в область действия отрицания:

(5) *...но нельзя сказать, а еще менее доказать, чтобы он что-нибудь заимствовал от своих учителей и образцов или чтоб где-нибудь и в чем-нибудь он не был неизмеримо выше их* (Белинский).

Местоимения с *-нибудь* употребляются в инфинитивном обороте с *чтобы*, попадающем в область действия скрытого отрицания. Этот случай употребле-

²¹ Многие из описываемых условий употребления были выделены [Селиверстова 1965: 152—163]. В настоящей работе они уточняются и пополняются.

²² Такое понимание термина «общеотрицательное», как кажется, близко к его использованию и в других работах, например, [Падучева 1969].

ния можно проиллюстрировать предложениями с предикатами типа *слишком умна* {*глупа* и т. д.):

- (6) *Он слишком занят, чтобы выполнять еще какую-нибудь работу* (т. е. «он» не выполняет другой работы);
 (7) *Он был слишком честлюбив, чтобы не заниматься никакой другой работой* (т. е. «он» выполнял другую работу).

Местоимения с *-нибудь* употребляются также при сложном глагольном сказуемом, имеющем отрицание, которое может задаваться частицей *не* или входить в семантику финитного глагола:

- (8) *Быть другом Франции — это не значит быть недругом какой-нибудь другой страны;*
 (9) *Она хотела что-то сказать, но голос отказался произносить какие-нибудь звуки* (Толстой). Ср.:
 (10) *Не помогать вам — это не значит не помогать никому.* Заметим, что несинтаксические скрытые отрицания, по-видимому, не составляют достаточного условия для выбора местоимений с *ни-*:

- (11) *?Он отказался никому не помогать.*

Местоимения с *-нибудь* употребляются также в моделях типа *мне тяжело, мне больно* в тех случаях, когда они играют роль скрытого отрицания.

- (12) *Мне было тяжело обращаться к кому-нибудь с такой просьбой, и я решил все сделать сам;*
 (13) *Мне трудно верить кому-нибудь из них.*

То, что данные выражения действительно играют роль отрицаний, видно при замене наречий типа *тяжело, трудно* на их «положительные» антонимы:

- (14) **Мне было приятно обращаться к кому-нибудь с такой просьбой;*
 (15) **Мне было легко верить кому-нибудь из них.*

Предложения (14), (15) приобретают относительно большую естественность лишь при постановке глагола в форме совершенного вида, что позволяет интерпретировать событие как соотнесенное с планом будущего.

Модель типа *мне тяжело* {*неприятно*}... может описывать и реализовавшиеся события, и в этом случае выбор местоимений с *-нибудь* не допускается (если отсутствуют какие-то другие условия, делающие их употребление возможным):

- (16) *Мне было неприятно им помогать* {**кому-нибудь из них*}, *но я все-таки помогал.*

Местоимения с *ни*- также употребляются в рассматриваемой модели при отсутствии указания о реализации события:

- (17) *Мне тяжело ни с кем не общаться* (т. е. нужно, чтобы был кто-то, с кем бы автор речи общался).

Роль скрытого отрицания играет и наречие *редко*:

- (18) *Алексей доволен твоим приездом, как он редко бывает чем-нибудь* (Толстой);
 (19) *Она редко с кем-нибудь видится.*

Мы полагаем, что семантическую структуру, например (19), можно интерпретировать приблизительно так: отрицается, что в событии 'она видится часто' актантная позиция объекта заполнена тем или иным, или третьим и т. д. индивидом. Такая интерпретация подтверждается различием в поведении местоимений с *-нибудь* при наречии *редко* и *часто*: употребление данных местоимений с *часто* гораздо более ограничено и подпадает под правила, рассмотренные в п. 4. Ср.:

- (20а) *Я редко вижу с кем-нибудь из них;*
 (20б) *Я часто вижу с кем-нибудь из них;*
 (21а) *Он редко кому-нибудь помогает;*
 (21б) *Он часто кому-нибудь помогает.*

Отметим также, что местоимения с *-то* не употребляются при наречиях *редко, трудно*. Ср.:

- (22а) *Она часто о чем-то мечтает;*
 (22б) **Она редко о чем-то мечтает;*
 (23а) *Она часто видится с кем-то из них;*
 (23б) *Юна редко видится с кем-то из них.*

Местоимение с *-то* должно быть отделено от наречия *редко*:

- (24) *Она видится с кем-то из них, но очень редко.*

В отличие от этого в большинстве других рассмотренных условий отрицания употребление местоимений с *-то* возможно. Так, (1) может быть преобразовано в (25), (8) — в (26):

- (25) *Все это делалось не потому, что кто-то желал зла Левину;*
 (26) *Быть другом Франции — это не значит быть недругом какой-то другой страны.*

Судя по собранному материалу, местоимения с *-то* не употребляются в рассматриваемых условиях, если отрицание относится к частотности или другим характеристикам события, а не к самому факту его реализации или воз-

можной реализации. Запрет на употребление местоимений с *-то* можно объяснить следующим образом: 1) в высказываниях, описывающих реализацию события и конкретную возможность реализации, одна из главных функций данных местоимений в том, чтобы подчеркнуть, что актантная позиция заполнена, т. е. функция субъекта, объекта действия и т. д. выполнялась кем-то или чем-то, хотя заполнитель актантной позиции остался неизвестен; 2) в высказываниях с *редко* или *тяжело*, *неприятно* акцентируется внимание на случаях незаполненности актантной позиции, хотя допускаются и случаи реализации события. Такая перестановка акцентов приходит в противоречие с первой информацией. Вследствие этого предложения, соединяющие эти две информации, должны строиться по типу примера (24). Напротив, в обобщенных высказываниях, в которых не рассматриваются или вообще даже не предполагаются конкретные случаи реализации, основная функция местоимений с *-то* заключается в том, чтобы подчеркнуть единственность индивида (рассмотренного как носителя определенной индивидуальности) или класса, который мог бы соответствовать актантной позиции, что и приводит к возможности употребления местоимений с *-то* в отрицательных предложениях такого типа.

Функцию скрытого отрицания может выполнять и наречие *мало*.

(27) *И право, так мало делается этим кому-нибудь зла, а себе столько удовольствия (*кому-то).*

При наречии *редко* могут употребляться и местоимения с *ни-*, но чаще при этом они выносятся в придаточное предложение:

(28) *Редко так бывает, чтобы она подолгу никуда не ходила {ни с кем не виделась}.*

Итак, местоимения с *-нибудь* указывают, что ни одна из возможных альтернатив не соответствует актантной позиции (т. е. актантная позиция остается незаполненной) в тех высказываниях, в которых 1) эти местоимения попадают в область действия оператора отрицания, занимающего в семантической структуре высказывания позицию, предшествующую позиции квантора *{-нибудь}*; 2) отрицание относится не непосредственно к этим местоимениям и — в случае эксплицитного отрицания (*не, ни, нельзя*) — даже не к тому члену предложения, за которым они непосредственно следуют. В этих условиях местоимения с *-нибудь* антонимичны местоимениям с *ни-*, которые, попадая здесь в область действия независимого отрицания, указывают на заполненность актантной позиции, т. е. в этом случае происходит отрицание отрицания.

Под это правило не подпадают модальные предикаты, что еще раз свидетельствует о различии между сложным глагольным сказуемым и модальным:

- (29) *Она не могла ничего произнести (*что-нибудь);*
 (30) *Ты ни с кем не должна там общаться (*кем-нибудь).*

Употребление местоимений с *-нибудь* при модальных предикатах становится возможным, если модальные глаголы входят в состав глагольной группы, включающей более двух членов. Это позволяет создать дистанцию между отрицанием и местоименным оператором:

- (31) *Она не могла собраться с духом ответить что-нибудь* (Толстой).

При предикате *хотеть* часто также предпочитается употребление местоимений с *ни-*:

- (32) *Он не хотел ничего делать ('что-нибудь).*

Возможно, это объясняется тем, что инфинитив здесь может относиться не к предикату, а к именной группе. При наличии глагольных распространителей предикаты *хотеть*, *желать* и т. д. подпадают под общее правило:

- (33) *Мне не хотелось спрашивать об этом кого-нибудь из них.*

7.2. Остановимся на употреблении местоимений с *-нибудь* и *-то* в рассмотренных условиях при наличии второго отрицания:

- (1) *Но трудно человеку недовольному не упрекать кого-нибудь другого и того самого, кто ближе всего ему в том, в чем он недоволен* (Толстой);
 (2) *Но трудно человеку недовольному не упрекать кого-то другого.*

Подобные предложения синонимичны высказываниям, содержащим местоимения с *ни-*:

- (3) *Но трудно человеку недовольному не упрекать никого другого.*

Все эти местоимения прежде всего подчеркивают сам факт необходимости, желательности и т. п. заполнения актантной позиции. Однако местоимения с *ни-* акцентируют прежде всего внимание на количественном аспекте: 'необходимо, чтобы актантная позиция не была пустой, но не требуется, чтобы участвовали все или многие (много)'. Так, (3) можно связать со следующей импликацией: 'хотя бы одного «он» будет упрекать'. Напротив, местоимения с *-нибудь* и *-то* характеризуют заполнителя актантной позиции в качественном аспекте: местоимения с *-нибудь* сообщают о допустимости альтернативы в пределах той группы людей, которые соответствуют данной дескрипции в каждом отдельном случае. Местоимения с *-то*, как и в других условиях употребления, не указывают на наличие альтернативы: в каждом отдельном случае актантную позицию может заполнять один и только один индивид (или во всяком случае

не сообщается, что тот или иной). Поскольку местоимения с *-то* и *-нибудь*, давая индивидуализирующую характеристику актанту ситуации, не раскрывают ее, они, как отмечалось, употребляются в условиях, когда отсутствие экспликации обосновано: либо у говорящего нет соответствующих сведений, либо он хочет дать суммарное описание многократного события. Потенциальная многократность предполагается и при выборе местоимений с *-то* и *-нибудь* в рассматриваемых условиях отрицания, причем многократность устанавливается независимо от актанта, на который указывает местоимение. О справедливости сделанного утверждения говорит неупотребляемость данных местоимений в высказываниях, которые по характеру своего содержания наименее естественно поддаются постулируемой интерпретации. Ср., например:

- (4а) *Трудно не делать что-нибудь {что-то}*;
 (4б) *Трудно ничего не делать*;
 (5а) *Трудно не пытаться сделать {хоть} что-нибудь {что-то}, когда ты понимаешь, что от этого зависит вся твоя жизнь*;
 (5б) *Трудно не пытаться ничего не сделать, когда ты понимаешь, что от этого зависит вся твоя жизнь*;
 (6а) *Нельзя не общаться с кем-нибудь*;
 (6б) *Нельзя ни с кем не общаться*;
 (7а) *Нельзя не обратиться к кому-то близкому, когда чувствуешь себя таким несчастным*;
 (7б) **Нельзя не обратиться ни к кому, когда чувствуешь себя таким несчастным*;
 (7в) *Нельзя ни к кому не обращаться, когда ты нуждаешься в помощи*.

Таким образом, в обобщенных утверждениях, не связанных с выделением событийно-временных пластов, местоимения с *-нибудь* и *-то* не употребляются. Напротив, отрицательные местоимения часто не используются в предложениях с *когда*. Однако сам по себе этот фактор не существен для их выбора. Важна лишь возможность противопоставления всем или многим, многому, которая иногда более естественна при обобщенном представлении события, но теряет смысл при разделении его семантической структуры на отдельные потенциальные случаи. В ситуациях, описанных в (5б) и (7б), не возникает вопрос о противопоставленности всем, многим, многому. Напротив, в (7в), где придаточное временное указывает не на отдельный возможный случай, а задает общее условие, противопоставление «всем» допустимо, т. е. предложение может строиться на импликации: 'нужно обратиться хоть к одному, если не ко всем (многим)'

Поскольку местоимения с *-нибудь* и *-то* в рассматриваемых условиях часто имеют при себе придаточное определительное, они оказываются синонимичными местоимениям *тот*, *та*, *то*. Как отмечалось (п. 6.2), высказывания,

содержащие местоимения с *-то* и *-нибудь*, имеют в своей семантической структуре две импликации, одна из которых связана с условием реализации: 'если (когда) имеет место какое-то событие, то оно трудно (тяжело), если...' Напротив, местоимения *тот*, *та*, *то* не требуют введения условия реализации события: высказывание может просто задавать соответствие между свойством события и свойством актанта — 'если актант ситуации удовлетворяет заданной дескрипции, то трудно (нельзя и т.д.) не...' В пользу сделанного утверждения говорит употребляемость местоимений с *-то* и *-нибудь* только в тех контекстах, которые связаны с относительно кратковременным событием главного предложения и/или придаточного определительного. Такая кратковременность способствует акцентированию внимания на моменте их протекания. Так, (1) можно интерпретировать так: 'если (когда) имеет место недовольство, то трудно...' Отметим также широту употребления придаточных временных при местоимениях с *-то* и *-нибудь* (см., например: (5а), (7а)). В высказываниях, описывающих явления более обобщенного характера местоимения с *-то* и *-нибудь* не употребляются:

- (8) *Трудно не ненавидеть того, кто отравил тебе всю жизнь (*кого-нибудь, *кого-то);*
 (9) *Нельзя не любить того, кто обладает такими достоинствами (*кого-нибудь, кого-то);*
 (10) *Нельзя предать того, кто столько для тебя сделал (*кого-нибудь, кого-то).*

Примеры (8), (9), (10) можно интерпретировать приблизительно так: 'трудно не ненавидеть (нельзя не любить) X, если X совершил то-то, характеризуется так-то'. Подчеркнем, что X здесь представляет не индивид, а некоторый обобщенный конструктор, удовлетворяющий заданной дескрипции.

7.3. Местоимения с *-нибудь* могут употребляться при некоторых условиях с модальными предикатами, не удовлетворяющими условию, сформулированному в п. 7.1. В этих условиях они синонимичны местоимениям с *ни-*. Например:

- (1а) *Я не могла тогда сказать ему что-нибудь определенное;*
 (1б) *Я н^и могла тогда сказать ему ничего определенного;*
 (2а) *Могучий гений Державина явился слишком не во-время и не мог найти в народной жизни своего отечества какие-нибудь элементы, какое-нибудь содержание для своей поэзии (Белинский); ср.: (2б) (...не мож^айти никаких элементов, никакого содержания для своей поэзии).*

Попытаемся показать, что различие между *-нибудь* и *-то*, с одной стороны, и *ни-*, с другой, заключается в следующем: первые несут информацию о не-

возможности заполнения актантной позиции членами класса, соответствующими имеющейся дескрипции, или же индивидами, принадлежащими данному подмножеству, но при этом в отличие от *ни-* предполагают возможность заполнения актантной позиции теми членами класса, которые противоположны указанным по упомянутому свойству, или индивидами, относящимися к другому подмножеству внутри некоторого множества. В соответствии с постулируемой гипотезой (1а) от (1б) можно толковать так: в (1а) учитывается возможность сказать что-нибудь неопределенное. (1б), напротив, не имеет такой импликации — эта импликация выпадает из рассмотрения. Если сделанное предположение верно, то выбор местоимений с *-нибудь* должен зависеть от различных средств, сужающих множества или выделяющих подклассы внутри класса. Это создает предпосылку для сопоставления упомянутых в высказывании подмножеств и подклассов с неупомянутыми, но имплицитно учитываемыми. Такая зависимость действительно наблюдается. Так, на выбор местоимений с *-нибудь* может влиять наличие/отсутствие определений, функция которых и заключается обычно в выделении подклассов. Например, опущение определения в (1) делает его неотмеченным. См. также:

- (3а) **Я тогда не могла сказать что-нибудь;*
 (3б) *Я тогда не могла ему ничего сказать;*
 (4а) **Его слова не могли убедить кого-нибудь;*
 (4б) *Его слова никого не могли убедить.*

Заметим, что (2а) не служит контрпримером: в соответствии с общим замыслом высказывания можно утверждать, что здесь имеются имплицитные определения — 'нет элементов, необходимых для поэзии; нет содержания нужного (необходимого) для поэзии'.

Введение таких показателей ограниченности множества, как... *из нас* (*них...*), также может приводить к возможности употребления местоимений с *-нибудь* при условии, что ударение падает на ограничительную группу. Это создает оппозицию какому-то другому неупомянутому множеству:

- (5) *Я тогда не смог переубедить кого-нибудь из них* (но, возможно, переубедил кого-то другого).

При отсутствии такого противопоставления местоимения с *-нибудь* не употребляются.

Выше (гл. II, п. 3, гл. III, п. 1.4) отмечалось, что слова типа местоимений с *-нибудь*, если и могут подводиться под понятие существования, то во всяком случае описывают особый вид экзистенциальности — наличие в множестве, классе, что необязательно предполагает существование в «мире», поскольку сам класс при этом не всегда рассматривается как существующий. Отмечалось

также, что различие связано и с тем, что попадает в область утверждаемого. При местоимениях, вследствие их непредикатного характера, утверждается заполненность соответствующей актантной позиции, задаваемой предикатом высказывания, а не наличие среди членов данного множества того, кто выступает в качестве актанта ситуации. Однако сходство между экзистенциальными моделями и кванторными словами типа местоимений с *-нибудь*, несомненно, обнаруживается и проявляется в различных условиях употребления и, в частности, в анализируемом здесь типе отрицательных предложений. В языковое понятие существования входит представление о том пространстве, в котором существует объект, причем это пространство всегда мыслится как нечто большее по сравнению с объектом. Поэтому утверждение о существовании некоторого объекта — *Y-a* — в множестве, классе предполагает возможность существования и не-*Y-a*, а отрицание наличия *Y-a* не обязательно предполагает отсутствие и не-*Y-a*. Ср.:

(6) *У меня есть седые волосы* (т. е. есть и неседые).

Таким образом, рассмотренный случай употребления местоимений с *-нибудь* типичен для экзистенциальных единиц. Отнесенность отрицания только к подмножеству в рамках множества (класса) не составляет, однако, обязательного условия употребления местоимений с *-нибудь*, поскольку оно может принимать значение 'по крайней мере один'. Отрицание при реализации этого значения равно отрицанию всех (п. 7.1).

Местоимения с *ни-* в зависимости от контекста либо показывают, что все элементы множества не участвуют в событии, либо просто характеризуют актантную позицию как незаполненную вне соотнесенности с каким-то ограниченным множеством:

(7) *Я не смог уговорить никого из них* (ни один элемент множества «они» не стал объектом «успешного» действия 'уговорить');

(8) *Ни в поле, ни в лесу никого не было* (актантная позиция пуста).

7.4. В высказываниях, в которых отрицание непосредственно относится к предикату, подчиняющему местоимение, использование группы *-то* и *-нибудь* может соответствовать правилам их употребления в утвердительных предложениях, если «претендентом» на заполнение актантной позиции является один единственный индивид (или одна единственная группа индивидов), который, однако, неизвестен говорящему:

(1) *Насколько я помню, она тогда не смогла уговорить кого-то из них;*

(2) *Возможно, она не смогла уговорить кого-нибудь из них.* Подобным же образом употребляются данные местоимения в тех высказываниях, в которых

отрицание занимает позицию, следующую за местоимением при условии, что речь идет о некотором уже заданном множестве (например, множестве запланированных участников):

- (3) *Кто-то из них не пришел* (утверждается, что кто-то из них стал неучастником описываемого события);
- (4) *То и дело оттаскивали за руку. Что-то не надо было знать, что-то не следовало слышать* (Пастернак), но:
- (5) **Уверен, что завтра что-нибудь не случится* (не предполагается набор запланированных происшествий), отсюда:
- (6) *Уверен, что завтра ничего не случится.*

В предложениях с *-то* и *-нибудь* утверждается, что один или по крайней мере один элемент множества (но не все) стал (станет) неучастником события (этому элементу может соответствовать один индивид или набор альтернатив).

Местоимения с частицей *-то* и *-нибудь* употребляются и в тех высказываниях, в которых в эксплицитной форме отрицается только участие в событии элементов данного множества или какого-то неизвестного участника, но утверждается участие кого-то или чего-то другого:

- (7) *Она ревновала его не к какой-нибудь женщине, а к уменьшению его любви к ней* (Толстой);
- (8) *Я говорю с тобой не о ком-то, а о твоей жене.*

Итак, употребление местоимений с *-нибудь* и *-то* обусловлено, с одной стороны, формальными запретами на выбор местоимений с *ни-* в некоторых позициях отрицания, с другой — теми семантическими различиями, которые ими привносятся по сравнению с отрицательными местоимениями.

Местоимения с *-нибудь* и *-то* (реже) выражают значение полного отрицания (отрицается заполненность актантной позиции) в тех типах синтаксических моделей, в которых это значение не может быть выражено местоимениями с *ни-* в следствие того, что частица *не* здесь независима от предшествующего отрицания и, таким образом, выполняет функцию отрицания отрицания. В других типах синтаксических моделей выбор между местоимениями с *-нибудь* и *-то* и местоимениями с *ни-* определяется различиями в значении.

Местоимения с *-нибудь* и *-то* могут передавать информацию об отрицании возможности заполнения актантной позиции представителями данного подкласса или элементами данного подмножества при допустимости участия представителей противоположного подкласса (подмножества). Местоимения с *ни-* не привносят такой противопоставленности.

В высказываниях, содержащих местоимения с *-нибудь* и *-то*, может утверждаться неучастие одного или по крайней мере одного (но не всех) элемента

множества. В отличие от этого местоимения с *ни-* указывают на неучастие всех или ни одного (вне противопоставленности всем). В контексте будущего местоимения с *-то* и *-нибудь* выражают данный тип отрицания лишь в тех случаях, когда заранее предполагается участие некоторой группы.

Местоимения с *-нибудь* и *-то* употребляются и в условиях двойного отрицания, выражая при этом то же значение, что и в обычных утвердительных предложениях. Некоторая особенность заключается только в корреляции с группой *ни-*. Местоимения с *ни-* акцентируют внимание на количественном аспекте: 'один или по крайней мере один, а не все (многие)', или 'хотя и не все'. Напротив, местоимения с *-нибудь* и *-то* привносят «качественную» характеристику актанта: один или по крайней мере один, причем тот или иной или какой-то один определенный (противопоставленность всем, многим не-обязательна).

В обобщенных высказываниях с двойным отрицанием выбор местоимений с *-нибудь* и *-то* указывает на наличие семантической структуры, строящейся по тому типу потенциальной многократности, при котором отдельные акты не ориентированы на актант ситуации, обозначаемый местоимением. Если такая ориентация имеет место, выбирается местоимение *тот, та, то*. Выбор между местоимениями *-то* и *-нибудь* в основном связан с признаком альтернативности/неальтернативности. Иногда имеют место различия, связанные с признаком заполнения актантной позиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Было показано, что информация, содержащаяся в местоимениях с *-то* и *-нибудь* не противоречит предложенной общей трактовке местоименного значения: они характеризуют актант ситуации не только как лицо или предмет, или место и т. д., но представляют его как индивида или члена некоторого подкласса (внутри класса людей, предметов и т. д.). При этом индивидуальные свойства и свойства, присущие данному подклассу, не раскрываются. В отличие от большинства других местоимений местоимения с *-то* и *-нибудь* не сообщают, какой элемент контекста или ситуации восполняет «недостающие» сведения. Неопределенные местоимения указывают только, что данные сведения неизвестны говорящему или несущественны.

Неместоименные же имена дают только ту характеристику актанта ситуации, которая содержится в их собственной информации. В предложениях типа *Он хочет посоветоваться с врачом* сообщается только о том, что актант ситуации (причем актантная позиция еще не заполнена) должен соответство-

вать дескрипции, содержащейся в существительном, но при этом не указывается, что обязательно возможна альтернатива.

Своеобразие местоимений с *-то* и *-нибудь* в денотативном плане заключается в том, что значительная часть содержащейся в них информации относится к характеристике актантной позиции (имеется в виду позиция в ситуации, независимо от того, каким членом предложения она выражена), а не к ее «заполнителю». При этом «заполнителем» актантной позиции может быть и конкретный индивид, представленный как индивид, и индивид, охарактеризованный как член подкласса, и тип индивидов, и абстрагированный объект, который должен (в случае реализации) получать индивидуальную характеристику.

Различие между местоимениями *-нибудь* и *-то* определяется прежде всего признаком альтернативности/неальтернативности в заполнении актантной позиции. Альтернативность при этом относится только к «выбору» между элементами множества (эти элементы качественно разнородны), а не к самой возможности заполнения актантной позиции. Местоимения с *-нибудь* всегда показывают, что актантной позиции соответствует некоторый набор альтернатив, создаваемый элементами описываемого множества или членами класса, но при этом актантная позиция будет (должна, может и т. д.) или была бы (если бы событие реализовалось) заполнена только одной (или иногда — по крайней мере одной, но не всеми) из возможных альтернатив. Напротив, местоимения с *-то* указывают на отсутствие альтернативы или — в некоторых условиях (они указываются в работе) — не несут информации о наличии альтернативы. Местоимения с *-нибудь*, в отличие от слова *любой* не показывают (исключение составляют только отрицательные предложения), что обязательно все элементы множества выступают в качестве возможных заполнителей актантной позиции. Местоимения с *-нибудь* и *-то* соединяют в своем значении информацию о заполнении актантной позиции с указанием на то, кто (что и т. д.) ее заполняет. Признак заполненности может выступать в разных вариантах в зависимости от типа предиката и синтаксической модели ('заполнена', 'может', 'должна', 'будет заполнена', 'если заполнена' и т. д.), но в том или ином варианте он обязательно встраивается в информацию местоимения. Рассматриваемый признак важен и для семантической структуры слова *любой* (см. также гл. V), выражений *все, что угодно, кто угодно* и т. п. Их употребление связано со следующим значением признака: 'если актантная позиция заполнена (будет заполнена и т. д.)'. Это значение в свою очередь подразделяется на ряд вариантов (гл. V). Различия в объеме признака заполнения актантной позиции приводят к ряду особенностей в синтаксическом «поведении» местоимений с *-то* и *-нибудь*, с одной стороны, и таких языковых единиц, как *любой, кто угодно*, — с другой. В частности, только местоимения с *-нибудь* и

-*то* могут употребляться в придаточном условном или временном, если в центре внимания реализация зависимости (гл. V).

Признак заполненности актантной позиции в значении местоимений с *-то* и *-нибудь* определяет также одно из их отличий от местоимений *тот, та, то*, которое проявляется при их использовании в некоторых видах обобщенных высказываний. Семантические структуры этих предложений, содержащих местоимения с *-то* и *-нибудь*, ориентированы на акты реализации события, т. е. имеют форму 'если событие реализуется и, следовательно, если заполняется актантная позиция, то...' Напротив, предложения с *тот, та, то* могут иметь семантическую структуру типа: 'если актант ситуации соответствует данной дескрипции, то...'

В некоторых условиях (они отмечаются в работе) местоимения с *-нибудь* и *-то* различаются между собой по признаку заполненности актантной позиции. Высказывания, содержащие местоимения с *-то*, могут строиться на presupпозиции о вероятности неосуществления события и, следовательно, характеризовать заполненность или возможность заполнения актантной позиции как противоречащую ожиданиям, что придает высказыванию экспрессивный характер.

Соединение признака альтернативности с информацией о заполнении актантной позиции в значении местоимений с *-нибудь* определяет большинство условий употребления этих слов. Основную область их применения составляют те денотативные ситуации, в которых актантные позиции еще не заполнены или так и остались не заполненными, хотя могли (должны и т. д.) быть заполненными, а также конструируемые ситуации, задающие не существующие условия. В этом случае рассматривается, что было бы, если бы актантные позиции были заполнены. В ситуациях такого типа актантные позиции могут быть соотнесены с набором альтернатив, лишь одна из которых (или по крайней мере одна, но не все) заполнит (может, могла и т. д. заполнить) или заполнила бы актантную позицию. Таким образом, эти ситуации задают объективное условие для выбора местоимения с *-нибудь*. Они описываются высказываниями с предикатами, выраженными глаголами в будущем времени, и с какими-то другими показателями отнесенности к плану будущего; высказываниями с модальными предикатами, в которых возможность и необходимость представлены под углом зрения ее реализации, а также с глаголами в сослагательном наклонении, если рассматривается условие реализации события.

Ситуации, описываемые в отрицательных предложениях, также могут включать в себе объективную предпосылку для выбора местоимений с *-нибудь*. Использование группы *-нибудь* в условиях отрицания, однако, ограничено «конкуренцией» с отрицательными местоимениями. В работе показано, что местоимения с *-нибудь* «заменяют» местоимения с *ни-* в тех случаях, когда

последние не могут выражать значение полного отрицания. Такое положение имеет место, если частица *не* приобретает самостоятельную значимость и выполняет функцию отрицания отрицания, содержащегося в местоимениях с *ни-*. Рассмотрены условия, при которых данное положение имеет место. Далее, показано, что местоимения с *-нибудь* в условиях отрицания используются, когда они семантически отличны по тем или иным признакам отрицательных местоимений. Эти признаки устанавливаются в работе.

Другие условия употребления местоимений с *-нибудь* обусловлены не объективными свойствами ситуации, а ее представлением в языке.

В работе выделяются два основных условия. Во-первых, эти местоимения используются для выражения значения логически возможной альтернативности. Такое использование связано с ситуациями, в которых говорящий или «герой» повествования, не зная, кто истинный участник события, определяет его приблизительно, указывая на то множество или класс, к которому принадлежит участник, и сообщая, что это тот или иной из членов данного класса (множества). Значение логически возможной альтернативности реализуется только в вероятных высказываниях. «Приблизительность» описания актанта ситуации приводит к употреблению местоимений с *-нибудь* в тех случаях, когда говорящий хочет подчеркнуть 'неважно, несущественно, кто (что) участник события'. Напротив, местоимения с *-то* акцентируют внимание не только на самом факте вероятностного осуществления события, но и на участнике события, который, однако, остается неидентифицированным. Во-вторых, местоимения с *-нибудь* используются в высказываниях, описывающих многократное событие. В этом случае их функция заключается в том, чтобы дать обобщенное обозначение сменяющих друг друга (в разных актах реализации) участников события. Часто речь идет об обобщенном представлении индивидуализированных участников события. В этих условиях местоимения с *-нибудь* не указывают на отсутствие сведений о том, кто (что) участвует в событии. Такое же значение в рассматриваемых условиях могут выражать и местоимения с *-то*, которые, однако, — в зависимости от контекста — могут указывать и на «неизвестного» участника. Местоимения с *-то* в отличие от местоимений с *-нибудь* подчеркивают неальтернативность заполнения актантной позиции в каждом отдельном случае и, таким образом, акцентируют внимание на участнике отдельного акта реализации события. Местоимения с *-нибудь*, напротив, дают его приблизительное описание («тот или иной из данного множества, класса») и акцентируют внимание на смене участников.

В работе выделены два типа семантической структуры многократного события. Первый — семантические структуры, в которых выделение отдельных актов ориентировано на время реализации. Второй — характеризуется иными точками отсчета. Так, отдельные акты могут устанавливаться в зависимости

Глава IV

МЕСТОИМЕННИЯ С -ONE И -BODY ¹

1. КОНЦЕПЦИЯ Д. БОЛИНДЖЕРА

Лексемы с -one и -body, как и все остальные рассмотренные местоимения, могут служить иллюстрацией проводимого здесь положения о несамодостаточности местоименного значения: эти лексемы представляют актанта ситуации не только как член класса 'люди', но задают более частую его характеристику, чаще всего они представляют его как индивид, но не раскрывают индивидуализирующие свойства, присущие этому индивиду. Они сообщают только о том, что данные свойства либо неизвестны говорящему, либо по той или иной причине могут быть не сообщены слушателю. Somebody, а возможно, и someone в особых условиях могут также отображать актанта ситуации как член некоторого подкласса, не указывая на признак, который определяет отнесенность к данному подклассу.

Прежде чем приводить аргументы в пользу данной точки зрения, а также рассматривать различие между -one и -body, остановимся на описании этих единиц в других лингвистических работах. Впервые различие между производными -one и -body было показано в работе Д. Болинджера [Bolinger 1975].

¹ Работа над данной группой местоимений проводилась совместно с А. Г. Елисеевой. При исследовании были опрошены 8 англичан: шесть слушателей русского языка в Лондонском университете (возраст 20—28 л.) и двое преподавателей английского языка (28 л.). Авторы пользуются случаем выразить им глубокую благодарность, особенно М. Фитц Джеральд, ответы которой помогли сформулировать исходные гипотезы. Мы также благодарим А. П. Василевича, который провел опрос информантов в Лондонском университете.

До этого считалось, что их значения тождественны, например, [Jespersen 1933, § 17, 22], хотя и отмечались отдельные расхождения в условиях употребления. Д. Болинджер выдвигает следующую гипотезу:

-one и его производные маркированы по признакам близости к говорящему и индивидуализации, напротив, производные с -body не маркированы по этим признакам. Вследствие этого производные с -body больше похожи на существительные множественного числа с показателем неопределенности; они не показывают, что внимание говорящего/слушателя акцентируется на личности референта [1975: 230].

Сходным образом определяется различие между рассматриваемыми единицами и в более поздней работе Болинджера. Он пишет, что местоимения с -one связаны с представлениями о близости как в пространственном, так и в психологическом плане. Приводится также следующая формулировка одного из информантов, которая рассматривается как соответствующая постулируемой гипотезе: «-one 'близость, определенность, индивидуальность'; -body 'дальность, неопределенная референция, коллективность'» [Bolinger 1977: 15].

Полученные нами результаты очень близки к выводам Д. Болинджера². Однако есть и некоторые различия. Болинджер выдвигает фактически три близких, но не тождественных признака: близость/дальность (пространственная и психологическая), индивидуализация/отсутствие индивидуализации (коллективность); определенность/неопределенность. Мы попытаемся показать, что из трех указанных признаков существен только один: индивидуализация/отсутствие индивидуализации. Этот признак может по-разному реализоваться в зависимости от типа денотата. Представление о психологической или пространственной близости/дальности может ассоциироваться с данным признаком, но не имеет самостоятельной значимости (см. ниже). Различие же по признаку определенности/неопределенности существенно лишь в некоторых условиях употребления производных с -one и -body. В других случаях этот признак не реализуется. Приведем аргументы в пользу сделанного утверждения. В понятие «неопределенности» вкладывается часто весьма различное содержание (см. гл. III). Однако в англистике это понятие прежде всего связывается со значением неопределенного артикля который показывает, что денотат имени характеризуется как член класса. Если исходить из такого понимания признака неопределенности (оно очевидно и имеется в виду в работе Д. Болинджера), то, как мы попытаемся доказать, этот признак существен лишь для некоторых условий употребления производных с -body. В большинстве же случаев данные местоимения характеризуют актанта

² В отличие от Д. Болинджера мы работали с английскими информантами, и, таким образом, полученные результаты свидетельствуют о значимости выделенного семантического противопоставления не только для американского, но и для британского варианта английского языка.

ситуации не как член класса, а именно как индивид³, индивидуальность которого, однако, признается говорящим нерелевантной и «отбрасывается». О представлении актанта ситуации в «ипостаси» индивида говорит прежде всего то, что производные с *-body* могут употребляться в случаях, когда речь идет об ограниченной совокупности людей, каждый из которых хорошо известен говорящему и, следовательно, не должен быть отображен в его сознании только как представитель класса:

- (1) *Where would he be buried? Somebody would know — Francic or Eustace (Galsworthy) '— Где его будут хоронить? Кто-нибудь, наверное, знает — Френсис или Юстас'.*

Ср. также перевод с русского:

- (2) *А Жилину пить хочется, в горле пересохло, думает: хоть бы пришли проведать — 'Ghilin was thinsty — his throat was dry — and he wished somebody would come' (пер. А. Roxburgh) (*a man would come, *a woman would come).*

Далее, производные с *-body* выбираются, если характеристика актанта как члена класса людей либо недостаточна, либо вносит нежелательную для некоторого данного контекста противопоставленность (например, женщина, а не мужчина):

- (3) *In other words, he left the door open, but he came back to find it shut. Why? Because somebody else had already passed out that way (Chesterton) 'Другими словами, он оставил дверь открытой, но когда вернулся, она оказалась запертой. Почему? Потому что здесь прошел еще кто-то'.*

В примере (3) нельзя заменить *somebody* на *то* или иное с общим значением существительное (a person). Если предположить, что здесь *somebody* — $X^{\text{шеc}}$ (о принятых терминах теории актуального членения см. гл. I, п. 4) и стоит в фокусе контраста, то его замена на именную группу *a man* (a person) вносит ненужную для данного контекста противопоставленность (человек, а не животное). Если предположить, что *somebody* составляет основное $X^{\text{моe4}}$ (выявление функциональной перспективы данного предложения требует исследования), то характеристика актанта ситуации только как члена класса 'люди' воспринимается как недостаточная, так как из контекста очевидно, что слова патера Брауна могут относиться только к представителю класса 'люди' и вследствие этого требуется более частная, более индивидуализированная характеристика актанта

³ Подчеркнем, что отображение актанта ситуации именно как индивида не исключает его принадлежности к множеству, например: *С ней говорил один из нас — один* характеризует актант ситуации как индивид. Ср., напротив: *С ней говорил врач.*

⁴ Возможно, та или иная интерпретация зависит от интонации, с которой было бы произнесено это предложение.

ситуации. «Неизвестный» актант ситуации, выбираемый в качестве исходной точки сообщения (X^{moc}), вообще редко обозначается через именную группу с широким значением. Имена типа *мужчина*, *женщина* чаще всего получают определения, конкретизирующие их значение:

- (4)... Soames saw that he was not alone. A woman — age uncertain in the she shaded light — was sitting in a very highbacked chair before the fire... (Galsworthy) '...Сомс заметил, что он не один. Женщина, возраст которой было трудно определить при затененном свете, сидела перед камином на стуле с высокой спинкой'.

Общие имена могут также употребляться в рассматриваемой позиции при наличии нескольких предикативных групп: первая предикативная группа наряду со своей основной функцией выполняет в этом случае как бы роль специализирующего определения.

- (5a) *Look! A woman is walking along the path, но:
 (5б) Look! A woman is walking along the path and she is behaving in a strange manner;
 (5B) Look! Somebody is walking along the path.

В (5б) введение второго предложения 'и как-то странно ведет себя' делает предложение отмеченным. Это можно объяснить тем, что предикативная группа 'идет по тропинке' выполняет не только свою основную функцию, но и в самой речи приобретает функцию уточнителя имени, т. е. в процессе восприятия высказывания возникает представление 'женщина, которая идет по дороге'. При отсутствии «специализаторов» постановка обобщенного имени, обозначающего «неизвестный» актант, в позицию X^{moro} выполняет особую стилистическую или экспрессивную функцию. Такое употребление может иметь место, если говорящий хочет подчеркнуть странность, неожиданность того, что описываемое действие выполняется именно представителем данного класса [Селиверстова, 1983, гл. VI, п. 3]. Выбор обобщенного обозначения может также придавать высказыванию эпический характер. Ср. в русском:

- (6) *Человек шел по дороге. Он был бледен и худ.*

Таким образом, в большинстве условий употребления (см. также примеры ниже) производные с *-body* выполняют в предложении иную функцию чем именны группы с неопределенным артиклем. Они характеризуют актант ситуации не как член класса, а как индивид, который может входить в состав множества, но сохранять при этом индивидуализирующую характеристику. Лишь в некоторых условиях производные с *-body* могут употребляться для обозначения члена того или иного подкласса в рамках класса люди (ср. русские местоимения с *-то* и *-нибудь* гл. II):

(7) He must have been cornered by a mugger or mafioso or somebody, from the way they worked him over 'Судя по тому, как его избили, на него напал профессиональный грабитель или мафиози или еще кто-нибудь в этом роде' (пример взят из [Bolinger 1975]).

Остановимся теперь на признаке пространственной или психологической близости/дальности. О том, что выбор между *-one* и *-body* не зависит однозначно от признака пространственной близости/дальности, свидетельствуют данные, содержащиеся в работе самого Д. Болинджера [Bolinger 1975, тесты 13, 14, 35, 37]. Например, информанты должны были сделать выбор между *everybody* и *everyone* в контексте:

(7) Where is everybody/everyone ? The place looks deserted 'Куда же все подевались? Похоже, что жители ушли из города'.

При этом задавались два разных условия: 1) астрономы, наблюдая через телескоп, обнаруживают на Марсе город со всеми следами «живой» цивилизации, но не видят его жителей; 2) та же картина наблюдается космонавтами, приземлившимися на Марсе и попавшими в данный город. При первом условии большинство опрошенных выбрало *everybody* (10 из 12). При втором условии результаты опроса изменились (5 выбрали *everyone* и 7 *everybody*), но не настолько сильно, чтобы можно было говорить об однозначном влиянии признака близости/дальности. См. также наши примеры в п. 2, показывающие, что *somebody* может употребляться при описании непосредственно наблюдаемого актанта ситуации или такого актанта ситуации, который известен говорящему. Отметим также, что параметр пространственной близости/дальности вообще не ассоциируется с большинством условий употребления местоимений с *-one* и *-body*. Что же касается психологической близости/дальности, то он также не объясняет распределение в текстах производных с *-one* и *-body*. Введение его в толкование не противоречит смыслу высказываний с *-one* и *-body* в тех случаях, когда понятие психологической близости/дальности ассоциируется с признаком индивидуализации. В тех же случаях, когда такой корреляции нет, толкование через данное понятие не раскрывает содержание высказывания. См., например, тесты 33 и 34 Д. Болинджера, см. также предложения (8) и (9):

(8) When a young boy does any damage to someone else's property, it is his father who always has to foot the bill (газ.) 'Когда мальчик приносит ущерб чьей-нибудь собственности, то его отец должен возместить ущерб';

(9) ...and surely wanting to pull someone's nose is a nasty tendency, isn't it, dear boy? (газ.) 'Желание провести человека не очень-то благородно, не так ли, мой дорогой?'

Здесь значение *someone* вряд ли выражает представление о психологической близости.

Покажем теперь зависимость выбора местоимений с *-one* и *-body* от признака ацентирования/неацентирования внимания на личности заполнителя или возможного заполнителя актантной позиции. Рассмотрим также различные варианты их значения. Постановка этой задачи требует классификации диагностирующих контекстов. Рассмотрим также типы денотативной относительности, характерные для анализируемых местоимений⁵.

2. SOMEONE/SOMEBODY ПРИ ОПИСАНИИ ОДНОКРАТНОГО РЕАЛИЗОВАННОГО СОБЫТИЯ

Опишем сначала местоимения *someone/somebody*, а затем коротко остановимся на других производных с *-one* и *-body*.

Значение *somebody* определяется в работе следующим образом: это местоимение несет информацию о том, что: 1) актантная позиция заполнена (или будет, должна была бы быть и т. д. заполнена) и 2) актант ситуации характеризуется чаще всего как индивид или — реже — член подкласса внутри класса людей, но при этом 3) индивидуализирующие свойства данного индивида или признак, объединяющий данный подкласс, не раскрываются: они 4) объявляются неизвестными говорящему или такими, которые по той или иной причине не сообщаются слушателю, и кроме того — 5) индивидуальность актанта ситуации признается несущественной для данного актанта речи и, таким образом, выводится из рассмотрения.

Someone отличается от *somebody* по пятому признаку: оно показывает, что индивидуальность актанта ситуации не отбрасывается, она существенна для данного акта речи, хотя и не раскрывается (точнее, она может быть раскрыта, хотя и не обязательно, в последующем контексте).

Самым общим следствием из постулируемого различия является следующее: *somebody* должно употребляться, когда в центре внимания говорящего стоит само событие или сам факт заполненности «ролевых» позиций, выступающих в качестве ингредиентов описываемого события. Напротив, если внимание сосредоточивается не только на событии в целом, но и на личности участника, то должно выбираться *someone*.

⁵ В работе Д. Болинджера задается только список диагностируемых примеров, которые, однако, не классифицируются по типам. Выделенные условия употребления лишь частично совпадают с установленными нами. Два других вопроса — о вариантах значения и о денотативных типах — в работе Болинджера не ставились.

Рассмотрим различные условия употребления анализируемых единиц, для того чтобы проверить действительно ли данное следствие имеет место⁶.

Одним из проявлений сформулированного следствия является употребление производных с -one в условиях, когда для говорящего (или героя повествования, через восприятие которого описывается денотативная ситуация) важно идентифицировать участника события или когда говорящий в последующей речи собирается осуществить акт идентификации.

Интерес к идентификации, в свою очередь, может зависеть от типа речи. Среди многих градаций актов речи по их цели можно провести и следующее различие: 1) цель речи — просто создать картину, воспринимаемую зрением или какими-либо другими органами чувств (в этом случае **говорящий** — **безличный** «фиксатор» того, что происходит, причем воспроизводится лишь внешняя сторона событий, объективно регистрируемая органами чувств); 2) цель речи — также заключается в том, чтобы сообщить о непосредственно воспринимаемом, но здесь **говорящий** — не безличный «фиксатор», а присутствующее в ситуации лицо, которое может быть так или иначе затронуто событием. Понятно, что при первой цели для говорящего не существенна личность участника события. Поэтому можно ожидать, что в этом типе речи будут употребляться местоимения с -body, что действительно имеет место:

- (1) Somebody was in a hammock, somebody, but in this light they were phantoms only, half guessed, half seen... (Wolf) 'В гамаке кто-то лежал, кто-то, но в этом свете они были только фантомами, о которых можно было скорее догадываться, чем видеть'. Ср. перевод с русского:
 (2) 'Далеко за оврагом, позади сада, кто-то запел звучную песню...' (Лесков): 'Somebody began singing a sweet melody...' (пер. Hanna).

К особому «непоэтическому» варианту описательной речи можно отнести авторские ремарки в пьесах:

- (3) Somebody tries the door with the key (Shaw) 'Кто-то пытается открыть ключом **дверь**'.

Употребление someone во всех приведенных контекстах признавалось опрошенными неправильным (8 человек).

⁶ Заметим, что толкование отдельных примеров информантами иногда прямо соответствовало сформулированному следствию. Так, комментируя предложение Everyday someone (somebody) would come to see her 'Каждый день к ней кто-то/кто-нибудь приходил', двое из информантов отметили, что someone акцентирует внимание на том, кто приходил. Напротив, somebody показывает, что важно только одно, что посетитель был, т. е. посещение состоялось. Другие предложенные толкования (в большинстве случаев информанты оценивают правильность предложений, не комментируя их) относились к более частным проявлениям рассматриваемого следствия.

Напротив, вторая цель речи создает предпосылку для акцентирования внимания на личности актанта ситуации: при восприятии события, которое может иметь то или иное отношение к воспринимаемому, он естественно пытается идентифицировать участников этого события. Таким образом, можно ожидать, что в этом типе речи будет использоваться *someone*, что и подтверждается при анализе примеров. Так, при переводе текста *Слышит — бежит кто-то с горы, легко попрыгивает. Думает, опять Дина* (Пушкин) все опрошенные (4 человека) выбирали *someone*, это же местоимение использовалось и в опубликованных переводах:

- (4) Then he heard someone running lightly down hill and assumed it must be Dina (пер. Roxburdh).

Есть, однако, одно условие, которое заставляет отдавать предпочтение выбору *somebody*. При эмпатической речи (например, когда говорящий считает описываемое событие опасным, трагическим и т. д.) центр внимания переносится с идентификации участника на сам факт осуществления события и заполненности его актантных позиций. Например, все информанты (8 человек) отдали предпочтение выбору *somebody* в следующих контекстах:

- (5) Quick! Somebody's drowning in the lake 'На помощь! Человек тонет'.
 (6) Somebody's running across the road 'Кто-то бежит через дорогу' (говорящий считает описываемое событие опасным), ср., напротив:
 (7) Look! There's someone walking along the road;
 (8) Someone is running along the road (говорящий просто сообщает о том, что он обнаруживает).

В экспрессивной речи *someone* может употребляться, если драматический характер действия зависит от заполнителя актантной позиции:

- (9) Someone just tried the door (Maugham) (в описываемой ситуации для говорящих важно понять, кто пытался открыть дверь).

В ситуации опасности, даже если для говорящего важно идентифицировать личность участника события, иногда выбирается *somebody*; обычно при указании на одновременность события и акта речи. Такой выбор можно объяснить тем, что сообщение отражает первый этап реакции говорящего на описываемое событие, когда внимание еще сосредоточено на событии в целом. Акцентирование внимания на личности актанта ситуации наступает после какого-то, хотя бы даже и очень короткого этапа размышления. В связи со сказанным показательное употребление *someone* при описании восприятия подобных ситуаций детективом, т. е. человеком, который обязан мгновенно анализировать ситуацию. Примером такого описания может служить (10), где повествование ведется от лица известного детектива:

- (10) Someone was fumbling with the lock of the door (Christie) 'Кто-то пытался открыть дверь' (описывается момент восприятия события).

В других стилях речи, не связанных с непосредственным восприятием актанта ситуации, выбор *someone* также часто определяется важностью идентификации актанта ситуации;

- (11) It was here, so plainly it comes from someone who knows of our advertisements (Foweles) 'Письмо было отправлено здесь, и, следовательно, его написал кто-то, кто знал о наших объявлениях'.

Someone также часто употребляется в контекстах, в которых раскрывается «инкогнито» участника. Однако наличие кореферентного имени еще не обязательно требует употребления *someone*:

- (12) Somebody touched him on the shoulder and he looked up. It was Henry Wimbush (Huxley) 'Кто-то дотронулся до его плеча, он поднял голову. Перед ним стоял Генри Уимбуш'.

Здесь допустимо употребление обоих местоимений. При этом *someone*, по утверждению информантов, непосредственно связано с именем собственным (*someone*=Henry). Напротив, *somebody* отрывает первое предложение от второго, и его выбор требует каких-то особых предпосылок (например, может диктоваться желанием автора подчеркнуть, что герой повествования находится в полной изоляции, окружающие не обращают на него никакого внимания, и вдруг некто дотрагивается до его плеча — именно такая ситуация описывается в романе).

Если говорящий уже в момент речи знает, кто актант ситуации и собирается идентифицировать его для слушателя, то в нейтральной речи употребляется только *someone*. Например, в (13) все опрошенные (8 человек) отдавали предпочтение выбору *someone*:

- (13) «I'm not coming alone. There's someone I want you to meet...» «Who?» (Theoux) '— Я приеду не один. Я хочу познакомиться вас с одним человеком. — С кем?'

Выбор *somebody* в (13) оценивался либо как неправильный, либо как допустимый, но обусловленный особой стилистической функцией — придать речи элемент таинственности. Даже если актант ситуации не будет идентифицирован для слушателя, само знание его говорящим создает предпосылку для акцентирования внимания на личности участника события. Поэтому при таком условии часто выбирается *someone*:

- (14) It's a shell. I've seen one like that before. On someone's back wall. A couch he called it (Golding) 'Эта ракушка. Я уже видел такую же раньше. На заборе у одного человека. Только он называл ее рогом';

- (15) I must hang up now, dear. There's someone else waiting to use the phone (Lilliput) 'Я прощаюсь, дорогая. Тут ждут (телефона)'.

Употребление *somebody* также возможно. Его функция заключается в том, чтобы подчеркнуть небрежное или даже пренебрежительное отношение к участнику события:

- (16) Somebody at the reception desk referred me to the manager (газ.) 'Портъе направил меня к управляющему';
 (17) Somebody gave me a bit of pencil (газ.) 'Мне дали кусочек карандаша'.

Различие между *someone* и *somebody* в рассматриваемых условиях можно проиллюстрировать на примере теста, предложенного Д. Болинджером. Были заданы два ответа на вопрос: Для кого этот подарок? При первом ответе подчеркивалось, что речь идет о дорогом для говорящего человеке. Во втором, напротив, указывалось на неважность, несущественность идентификации участника. В первом — все 13 информантов отдали предпочтение выбору *someone*, во втором — *somebody* [Bolinger 1975: 230].

Русские местоимения с *-то* и *-нибудь* в высказываниях, описывающих однократное осуществившееся или осуществляемое событие, передают информацию о том, что говорящий не знает, кто актанта ситуации. Вследствие этого область их употребления в высказываниях данного типа уже, чем соответствующих английских местоимений. В контекстах, в которых реализуется признак «известности» актанта ситуации (говорящему), английские местоимения часто переводятся местоимением *один* плюс существительное или только через существительное. Последний перевод особенно характерен для *somebody*. Употребляются также безличные и неопределенно-личные предложения.

Итак, и *someone* и *somebody* могут употребляться при описании уже осуществившегося или осуществляемого события, когда актанта ситуации неизвестен и говорящему, и слушателю. При этом *someone* в отличие от *somebody* выбирается, если для говорящего важно идентифицировать участника события. Эти местоимения могут также использоваться, когда участник события известен говорящему, но неизвестен слушателю. В этом случае *somebody* используется для того, чтобы подчеркнуть: «неважно, несущественно, кто участник события».

3. SOMEONE/SOMEBODY ПРИ ОПИСАНИИ ДРУГИХ ТИПОВ СОБЫТИЙ

Для местоимений *somebody* и *someone* не существует признак альтернативности/единственности заполнения актанта позиции, т. е. тот признак, который

лежит в основе противопоставления русских местоимений с *-то* и *-нибудь* (гл. III) и который входит также в значение *any* и его производных (гл. V). Информация об альтернативности или единственности привносится контекстом. При описании альтернативного заполнителя актантной позиции основная функция *someone* и *somebody* заключается, как и в других условиях употребления, в представлении актанта ситуации в «ипостаси» индивида или —реже— члена того или иного подкласса. Однако функция такого представления меняется: *someone* и *somebody* дают возможность обобщенного отображения в семантической структуре высказывания некоторого множества индивидов при сохранении за ними статуса индивидов (ср. гл. III, п. 4). Вследствие этого данные местоимения часто употребляются, когда альтернативные заполнители актантной позиции известны, но говорящий хочет представить их «суммарно». При выполнении данной функции выбор *someone*, которое, как и в других условиях употребления, акцентирует внимание на личности заполнителя актантной позиции, не связан с важностью его идентификации. Здесь наличие или отсутствие такого акцента свидетельствует в основном об отношении говорящего к участникам события, что в свою очередь часто связано с размером, или —если воспользоваться математическим термином— мощностью множества, элементы которого составляют альтернативы заполнения актантной позиции. Если участник события принадлежит к некоторой ограниченной совокупности —кто-то (кто-нибудь) из друзей, знакомых, сослуживцев и т. п., то чаще выбирается *someone*:

- (1) I ought to have been told. Someone really ought to have warned me (Maugham)
'Мне должны были сказать. Кто-нибудь обязан был меня предупредить'

Как отмечали все опрошенные, *someone* в этом контексте вызывает представление об ограниченном круге людей. Подобным же образом комментировалось и (2):

- (2) Well, the twins are now five and I'm so thankful I didn't leave them for someone else to raise them (газ.).

При употреблении *someone* сообщается, что воспитание детей было предоставлено кому-нибудь из близких, знакомых. Напротив, *somebody* указывает, что ограничение в выборе участника снимается —кто угодно, первый случайный человек. Болинджер [Bolinger 1975] также указывает на зависимость выбора *someone* и *somebody* от размера множества.

Мощность множества не составляет самостоятельного условия разграничения *someone/somebody*. Это условие лишь следствие признака акцентирования/неакцентирования внимания на личности участника события: при ограниченном числе элементов естественно создается предпосылка для их представления как

индивидуальностей, тем более, что обычно речь идет о совокупностях, члены которых известны говорящему (или герою повествования). Кроме того, данное условие составляет лишь предпосылку, которая, однако, не обязательно определяет выбор между somebody/someone. Так, somebody может подчеркнуть, что личность участника события несущественна. См. примеры (1), (2) в п. 1, а также:

- (3) It didn't occur to you to ask somebody or rather what my name was? (Maugham) 'А вы не подумали о том, чтобы спросить кого-нибудь, как меня зовут?' (имеется в виду круг общих знакомых; слово other подчеркивает, что выбор заполнителя несуществен).

Кроме того, somebody выбирается при описании ограниченного множества, если говорящий хочет акцентировать внимание только на самом факте заполненности, «неизбежности» заполнения актантной позиции и/или подчеркнуть несущественность вопроса о том, кто ее заполняет:

- (4) And hurry up Sydney because you'll keep your mother waiting. Well your granny then!.. Somebody's coming to take you away, aren't they Sydney? (Reader's Digest) — 'Сидней, торопись, а то заставишь ждать свою маму. Ну, бабушку!.. Но ведь кто-то придет за тобой, не так ли?';
- (5) He couldn't bear to be alone for a moment: it was death to him. Somebody had to be with him always (B. Shaw) 'Он ни на минуту не мог оставаться один. Это было подобно смерти для него. Кто-то всегда должен был быть при нем'.

Вообще, не существует логического запрета на употребление слова, представляющего участника события как индивидуальности в высказываниях, цель которых — подчеркнуть саму заполненность актантной позиции. В этом случае может происходить перестановка акцентов внутри компонентов самого слова, в результате чего указание на индивидуализацию участника отступает на задний план (гл. III, п. 3.4). Однако если в языке есть противопоставленность по признаку акцентирование/неакцентирование внимания на личности, предпочтение, естественно, должно отдаваться выбору в рассматриваемых условиях местоимения со вторым значением, что и имеет место в английском языке.

4. ТИПЫ ДЕНОТАЦИИ

Материал, рассмотренный в п. 2 и 3, свидетельствует о том, что местоимения с -one и -body имеют разную денотативную отнесенность: они могут обозначать индивид или — точнее — актантную позицию, заполненную индивидом, который при этом представлен именно как индивид и — реже — как член

того или иного подкласса в рамках класса «люди»; они могут соотноситься с незаполненной или еще не заполненной актантной позицией, которой соответствует то или еще не заполненной актантной позицией, которой соответствует то или иное множество элементов, по крайней мере один или один из которых заполнит (мог бы, должен был бы и т. д. заполнить) актантную позицию (элементы множества и в этом случае отобразены как индивиды и члены различных подклассов).

Рассмотрим еще два типа денотативной отнесенности, присущих *someone* и *somebody*. Данные местоимения употребляются также в высказываниях, описывающих многократные события. Они могут обозначать актантную позицию, заполнители которой при разных актах реализации события сменяются, т. е. в событии участвует то один, то другой элемент ограниченного или неограниченного множества:

(1) *Someone in the household was always remembering that a baby was on the way, and the someone was not always Edita (O'Hara)* 'В доме всегда помнили о скором появлении на свет ребенка, но этим «помнящим» не всегда была Эдита'⁷;

(2) «*Never seem to get peace to get any work done,—said Quiggin.—Always somebody or other butting in*» (Powell) '—Нельзя работать. Нет ни минуты покоя,—сказал Квиггин.—Постоянно кто-то мешает'. Наряду с этим *someone* и *somebody* могут употребляться в обобщенных высказываниях, не соотносённых с конкретным индивидом или группой индивидов. В этих высказываниях, в отличие от существительных, которые могут обозначать либо класс в целом, либо типизированного представителя члена класса, местоимения имеют своим денотатом «обобщенный» индивид (ср. гл. III, п. 4). См. (3) и (4).

(3) *Let your boat of life be light, packed with only what you need—a homely home and simple pleasures, one or two friends worth the name, someone to love and someone to love you...* (Jerome) 'И пусть лодка, в которой вы плывете по жизни, будет легкой, пусть в ней будет только то, что вам необходимо—уютный дом и простые радости, один или два друга, достойные так называться, кто-то, кого бы вы любили, и кто-то, кто любил бы вас'. Замена местоимения на имя с общим значением *woman to love* 'женщина, которую бы вы любили' делает характеристику актанта ситуации более отстраненной, менее личной, что связано с представлением его именно как члена класса, а не как индивида. Это различие особенно четко ощутимо при употреблении *someone*, которое

⁷ При переводе данного предложения могут быть употреблены и местоимения *кто-нибудь* и *кто-то*. Первое, однако, в большей степени, чем *someone* акцентирует внимание на смене участников, а второе—на каждом участнике.

(как и в других условиях употребления) представляет индивид как носитель своей, каждый раз неповторимой индивидуальности. Вследствие этого someone употребляется в случаях, когда характер описываемой ситуативной роли таков, что личность возможного ее «исполнителя» безразлична. См. (3) и (5). Напротив, somebody показывает, что личность участника события несущественна и, вследствие этого, somebody употребляется в высказываниях, в которых описываются соотношения, закономерные связи, независимые от индивидуальности заполнителя актантной позиции. Например, все информанты (8 человек) отдавали предпочтение выбору somebody в (4), где описываются психологические последствия осуществления доброго поступка, независимые от выбора адресата действия:

- (4) «What a pleasure it is», said Denis, «to do somebody a kindness (Huxley) (*someone) '— Приятно оказать человеку услуги, сказал Дени, — приятно сделать человеку что-то хорошее'.

В рассматриваемых высказываниях somebody часто переводится на русский язык через существительное, поскольку *кто-то* в обобщенных высказываниях (см.: гл. III, п. 6), обычно акцентирует внимание на личности актанта ситуации. Эта информация возникает, так как *кто-то* подчеркивает «неальтернативность» заполнителя актантной позиции. Следовательно, *кто-то* в данном типе высказываний оказывается ближе к someone, а не somebody. *Кто-нибудь* также не передает значения somebody, так как, в отличие от последнего, вносит информацию об альтернативности, которая в данном контексте не требуется. Она становится уместна только в том случае, если обсуждается зависимость описываемого соотношения от числа или типа «адресата» действия. Показателем этого служит частица *хоть*: *Приятно помочь хоть кому-нибудь*. При данной частице может употребляться и местоимение *кто-то* (гл. III, п. 3.3), которое меняет здесь свое значение. Существует еще одно различие между английскими и русскими местоимениями. Как указывалось (гл. III, п. 6), *кто-то* и *кто-нибудь* при употреблении в обобщенных высказываниях требуют представления семантической структуры в форме условного предложения: 'если (когда) имеет место событие, то...' Употребление someone и somebody не зависит от такой семантической структуры. Это составляет еще одну причину выбора имени существительного при их переводе на русский язык. Кроме этого, может употребляться местоимение *тот* (*та, то*):

- (5) It is difficult to put the happiness of someone you love before your own (Maugham) 'Трудно жертвовать своим счастьем ради счастья того, кого вы любите'.

Someone может употребляться предикативно. Такое употребление согласуется с постулируемым различием между someone и somebody. Понятно, что

именно слово, акцентирующее внимание на качественной характеристике актанта ситуации (в данном случае на его индивидуальности), должно получить предикативное употребление. Использование *somebody* в этой функции, правда, также возможно, но здесь актуализируется особое его значение, не присущее ему в других употреблениях, оно указывает на исключительную, значительную личность (это значение отмечается в словарях). Если данное значение не реализуется, употребление *somebody* создает неотмеченное высказывание:

(6) Both are bewildered and miserable. Amy probably more so because she tends to see herself the way she thinks Paul sees her, as someone weak, morbid and boring (International Herald Tribune) (*someone). 'Оба растеряны и несчастны. Особенно Эми, потому что она видит себя такой, какой, как она думает, видит ее Пол: слабой, скучной, болезненной'.

(7) You know boy, it does me good to meet someone (*somebody) like you now and then. Makes me realize the value of money (Murdock) 'Знаете, молодой человек, время от времени очень полезно встречать таких, как вы. Это помогает понять цену денег'. В оборотах с *like* местоимение *someone* употребляется в «скрыто» предикативной функции. Их семантическую структуру можно записать так: 'для X-а, если X удовлетворяет (или который удовлетворяет) такой-то дескрипции'. Например, (7) можно интерпретировать следующим образом: время от времени мне полезно встречать «тех», кто соответствует дескрипции '«быть таким, как вы»'. Подобные предложения по своей семантической структуре близки к синтаксическим моделям с местоимениями *that*, *such* в русском языке (гл. III, п. 4.2, 6.2).

В рассматриваемых контекстах *someone* обозначает набор свойств, оторванный от их носителя, которому соответствует отдельный член предложения. Как следствие этого *someone* не может соотноситься с импликацией существования. Так, фразе *for someone not born to money, David...* нельзя приписать следующую семантическую структуру: 'для кого-то, если (когда) он рожден в бедной семье, Дэвид...'. *Somebody* в отличие от *someone* не может употребляться для обозначения «неопредмеченного» набора свойств. Его использование становится возможным только в том случае, если устанавливается тождество между «носителем» одного свойства и «носителем» другого свойства, по отношению к каждому из которых может быть введена независимая импликация существования:

(8) A good loser is somebody who doesn't become annoyed or angry when defeated (Longman's Dictionary) 'Достоинно проигрывает тот, кто не раздражается и не сердится, когда оказывается побежденным'. Семантическую структуру этого предложения можно интерпретировать так: 'если, когда имеет место ситуация борьбы и ситуация победы, то хорошим побежденным является тот бо-

рующийся, кто не раздражается и не сердится, когда побежден'. Таким образом, мы предполагаем, что здесь устанавливается тождество между двумя независимыми актантами 'тот, кто побеждает' и 'тот, кто борется', каждый из которых может «вводить» импликацию существования «если, когда кто-то». Описываемая денотативная ситуация может быть отображена в семантической структуре высказывания и иначе: 'хорошим побежденным является тот, кто не раздражается и не сердится, когда побежден'. Здесь 'тот, кто' обозначает не самостоятельный актанта, а набор свойств денотата подлежащего. Такая семантическая структура должна реализоваться в соответствии с проводимой нами гипотезой при употреблении в (8) *someone*. Употребление *someone* в данном контексте, как показал опрос информантов, действительно может иметь место. Больше того, все опрошенные (8 человек) отдавали предпочтение выбору *someone*, хотя допускали и употребление *somebody*. То, что выбор *someone* и *somebody* зависит от отмеченного различия в семантических структурах, видно из следующего: *someone* не взаимозаменяемо с *somebody* при описании ситуаций, в которых денотат, соотнесенный с *someone*, может быть интерпретирован только как набор свойств. См. (6), (7).

Местоимение *anyone* также может обозначать набор свойств, отделенный от его носителя:

- (9) *Actors lived in a way she would have chosen for herself; they could be anyone and they could persuade others to believe in their masks (Theroux)* 'Она хотела бы жить так, как живут актеры. Они могут надеть любую маску и заставить других поверить ей' (букв. Они могут предстать в каком угодно образе (обличье)).

В подобных контекстах *anybody* не употребляется. Его использование становится возможным лишь при сравнении «опредмеченных» денотатов:

- (10) *There has never been anybody like you* 'Я никогда не встречал никого, похожего на вас'.

Здесь *anybody* соотносится с набором индивидов, среди которых не было такого, что обладал бы свойствами адресата речи и акцентирует внимание на отсутствии исключений.

Таким образом, *someone* и *somebody*, *anyone* и *anybody* могут различаться по типу денотата: только *someone* и *anyone* могут обозначать набор свойств, «отделенный» от своего носителя. Это приводит и к различиям в семантических структурах высказываний, в которых они употребляются. Однако в большинстве случаев *someone* и *somebody* различаются по способу представления актанта ситуации, не изменяя при этом его денотативный тип. Указание на способ представления заложен в самом значении данных местоимений.

5. ДРУГИЕ ПРОИЗВОДНЫЕ С *-ONE* И *-BODY*

Перейдем к рассмотрению местоимений с *every* и *any*. Значение *everyone* показывает, что в событии участвуют все члены описываемой совокупности причем эти члены представлены именно как индивиды⁸, индивидуальность которых принимается во внимание, хотя и не раскрывается. В отличие от этого *everybody*, которое обычно также отображает актанта ситуации как индивид, указывает, что индивидуальность участников события игнорируется, отбрасывается. Это различие в значении приводит к ряду особенностей употребления. В самом общем виде можно сказать, что *everybody* употребляется, если либо для говорящего вообще не важно, кто участвует — в фокусе внимания только то влияние, которое оказывает на характер действия участие всех, а не одного, двух и т. д., либо говорящий хочет подчеркнуть отсутствие исключений. Напротив, при *everyone* коммуникативную значимость имеет не только само событие и количество участвующих членов совокупности, а прежде всего, кто участвует.

Как и в случае с *someone*, *everyone* часто употребляется при описании ограниченных совокупностей, члены которых известны говорящему. Такое употребление имеет место в нейтральном стиле речи и фокусирует внимание на участниках события:

- (1) *Everyone was asleep when they got home (Cheeves) 'Все спали, когда они вернулись домой'.*

Все опрошенные (8 человек) отдавали предпочтение в этом контексте выбору *everyone*. Некоторые отметили, что при замене на *everybody* предложение *Everybody is asleep* воспринималось бы как призыв к молчанию. Такое восприятие вытекает из постулируемого значения. Ср. русское *Тише! Все спят*. Для содержания данного высказывания важна «величина» вовлеченности в событие членов описываемой совокупности — «все, а не некоторые». Ср.: *Все спали, когда я вернулась домой*. Данный контекст дает основание акцентировать внимание на каждом из тех индивидов, которые были участниками события. Это различие, однако, не отражено в системе русского языка.

Приведем другие примеры описания ограниченных совокупностей:

- (2) *Imagine then my excitement at luncheon today. Everyone was talking about you (Waugh) 'Поэтому ты можешь себе представить мое волнение, когда во время завтрака все стали говорить только о тебе'.*

Возможно, они могут описывать актанта ситуации и как члены подклассов внутри некоторого класса.

- (3) «You look well standing there, singing on God's holy house», came the loud, angry female shout. Everybody turned electrified (Lawrence) 'И вдруг послышался женский голос. Он звучал злобно и раздраженно: «Хорош. Стоишь и поешь в Божьем храме, как ни в чем не бывало». Все резко обернулись'.

В примере (3) характер события уже предопределяет его воздействие на присутствующих, независимо от их индивидуальности. Поэтому здесь коммуникативную значимость имеет лишь указание на отсутствие исключений. Напротив, в (2) неожиданным является то, что поведение всех присутствующих, несмотря на их различие, совпало. Таким образом, выбор *everyone* (2) и *somebody* (3) согласуется с предложенным толкованием их значения. Ср. также:

- (4) Good bye everybody! (подчеркивается отсутствие исключений);
 (5) The meal was over. Everybody scraped their chairs back (Wolf) 'Обед закончился. Все со скрипом отодвинули стулья'.

Выбор *everybody* в (5), по словам информантов, фокусирует внимание на самом звуковом эффекте производимых действий, создавая впечатление их единообразия и слияния.

Благодаря тому, что *everybody* не акцентирует внимания на индивидуальности участников события, оно часто употребляется для описания множеств, элементы которых не фиксированы. Это множества, задаваемые по таким признакам, как 'кого бы ни встретил', 'кто бы ни пришел'. Такой характер признака, положенный в основу объединения множества, сам по себе свидетельствует о том, что индивидуальные различия между возможными элементами множества игнорируются. Например, именно с таким множеством информанты связывали употребление *everybody* в (6):

- (6) The clock struck eight. There was no sign of any of the guests; everybody was late at Crome (Huxley) 'Часы пробили восемь. Никто из гостей не появился. Здесь все всегда опаздывали'.

В примере (6), по словам информантов, *everybody* по сравнению с *everyone* создает впечатление большей обобщенности, указывая на каждого, кто бы ни попал в Кроум. Напротив, *everyone* показывает, что речь идет об ограниченной совокупности — 'те, что в данный момент находятся в описываемом месте'. См. также:

- (7) I'm tired. I've quarrelled with everyone these days (Murdock) 'Я так устала. Со всеми перессорилась'.

При выборе *everyone* предложение (7) воспринимается как относящееся к определенному кругу лиц (члены семьи, знакомые). При замене же его на *everybody* область денотации расширяется — 'кто бы ни попался', 'кто бы ни встретился'.

И *everyone*, и *everybody* могут употребляться в обобщенных высказываниях, соотносимых с классами объектов:

- (8) *Everybody (everyone) thinks differently and everybody's (everyone's) got right to their opinion* 'Все думают по-разному, и все имеют на это право'.
 (9) *Everybody (everyone) has to learn such things, the younger, the better* 'Все должны это знать и чем раньше, тем лучше'.

Everyone, акцентируя внимание на том, что при всем индивидуальном различии людей, на каждого из них распространяется сделанное утверждение, придает высказыванию характер аксиоматичности. Напротив, *everybody*, подчеркивая только отсутствие исключений, делает высказывание более эмфатическим.

В других типах обобщенных высказываний особую стилистическую значимость может приобретать само игнорирование личности участников. Так, по утверждению информантов, замена *everyone* на *everybody* в (10) усиливает впечатление монотонности, еще больше акцентируя внимание на скуке провинциальной жизни:

- (10) *That's the trouble with provincial life. Everyone knows everyone and there is no mystery. No romance (Fowles)* 'Вот, что плохо в провинциальной жизни. Все знают всех, нет никакой тайны. Нет романтики'. См. также:
 (11) *I was the world's greatest worrier. I used to worry about everybody and everything. And the war came and I found what really mattered (газ.)* 'Я вечно был обеспокоен. О ком и о чем я только не беспокоился. Затем пришла война, и только тут я понял истинную всему цену'.

Выбор *everybody* подчеркивает, что для говорящего было несущественно, о ком беспокоиться. Ср. также:

- (12) *Does he love anyone just now? — No, only everyone (Galsworthy)* '— Он кого-нибудь любит? — Никого в особенности. Всех';
 (13) *He was a poor man, Mum, he coughed awfully. I... I liked him.— You like everybody, John (idem)* '— Он был бедный человек. Он ужасно кашлял. Мне... мне он понравился.— Ты, Джон, всех любишь (без разбора)'.

Таким образом, приведенный материал подтверждает наличие признака акцентирование/неакцентирование внимания на личности актанта ситуации в значении *everyone* и *everybody*.

Этот же признак лежит в основе противопоставления *no one/nobody* и *anyone/anybody*. *No one* показывает, что ни один из членов совокупности или класса, каждый из которых представлен как индивид, индивидуальность которого, хотя и не раскрывается, остается в фокусе внимания, не заполняет актантную позицию. Напротив, *nobody* либо подчеркивает, что личность «неучастников»

события несущественна, может игнорироваться, либо вообще не соотносит актантную позицию с элементами того или иного множества; указывая только на то, что она пуста. Подобным же образом может быть определено различие между *anyone* и *anybody* в условиях отрицания, а также в вопросительных предложениях. Различие заключается только в том, отрицается ли здесь заполнение актантной позиции или ставится под вопрос. В других условиях местоимения с *anyone* и *anybody* близки к *someone* и *somebody*; имеющиеся между ними различия не касаются противопоставленности *-one* и *-body*.

Как следствие рассматриваемого признака *anyone* и *no one* часто употребляются при описании множеств, элементы которых известны говорящему (никто из присутствующих, никто из знакомых и т. д.). Напротив, *anybody*, *nobody* используются при описании «неопределенных» множеств, элементы которых неизвестны говорящему или вообще отсутствуют — «пустые» множества (например, множество, объединенное по признаку 'кто бы ни находился в таком-то месте, если вообще кто-нибудь находится'):

- (14) Will you ask anybody (anyone) to meet you at the station? 'Вы попросите кого-нибудь встретить вас на станции?';
- (15) «This is real exploring», said Jack. «I bet nobody's been here before» (Golding) '— Настоящая разведка, — сказал Джек. — Тут никто еще не был'. Речь идет о том, что в описываемом месте вообще никто никогда не был; нет соотнесенности с ограниченной группой людей. Ср.:
- (16) My father's a man nobody can fool around with (Mc Cutters) 'Мой отец никому не позволил бы смеяться над ним' (выбор *no one* позволил бы связать данное утверждение с ограниченным кругом людей — близкие, знакомые).

Если характер ситуации ассоциируется скорее с ограниченной группой, выбор *anybody* и *nobody* может иметь место либо если говорящий хочет подчеркнуть отсутствие исключений, либо если характер действия таков, что коммуникативную значимость имеет только то, что актантная позиция не заполнена, а не то, кем она не заполнена:

- (17) ...no one paid any attention to my entry except Dave himself (Murdock) '...кроме Дейва, когда я вошла, никто не обратил внимания' (замена на *nobody* придает речи эмфатический характер);
- (18) Everybody who lived in the place used the kitchen, but it was nobody's job to clean it up (Reader's Digest) 'Все, кто там жил, пользовались кухней, но никто не убирал ее' (подчеркивается отсутствие исключений);
- (19) Nobody on the boat expected to survive (Reader's Digest) 'Никто на корабле не надеялся спастись' (отсутствие исключений).

(20) *There's nobody in the library* 'В библиотеке никого нет'.

Предложение (20) могло бы быть использовано и когда человек попадает в незнакомое место, и когда речь идет о библиотеке, например, в своем доме: в фокусе внимания лишь само отсутствие людей в библиотеке. Ср. также:

(21) *He took nobody by surprise; there was nobody to take* (Huxley) 'Он никого не удивил. Удивлять было некого'; ср.: *He took no one by surprise* (может быть далее дополнено указанием: 'все уже знали, что он приехал');

(22) «*Don't wake anybody up. Come down carefully. Dress. Oh please be quick! I'm...*» (Golding) 'Никого не буди. Осторожно спустись вниз. Одевайся. О, пожалуйста, скорее! Я...'

В этом контексте все опрошенные (5 человек) выбирали *anybody*, что согласуется с постулируемым различием: для описываемой ситуации не существенны те, кто не участвует в событии, важно только, чтобы актантная позиция «разбуженный» не была заполнена.

Известность членов совокупности не является обязательным условием для употребления *anyone* и *no one*. Они могут встречаться и при описании больших классов, если реализация предикативной характеристики гипотетически могла бы зависеть от индивидуальности актанта ситуации и если говорящий не хочет придать своей речи эмфатический характер, подчеркнув отсутствие исключений:

(23) *No one can be perfectly moral till all are moral* 'Ни один человек, независимо от его индивидуальности, не может жить по строгим законам нравственности, до тех пор, пока так не будут жить все';

(24) *No one comes to the Father except through me* 'Никто не может прийти к Богу, минуя меня'.

Акцентирование внимания на отдельных индивидах, рассмотренных в их индивидуальных характеристиках, часто способствует представлению о сужении описываемого класса:

(25) *No one is quite certain why the markets have suddenly come under pressure* (газ.) 'Никто не знает, почему мировые рынки вдруг оказались под давлением'.

Все опрошенные (3 человека) отмечали, что выбор *no one* способствует возникновению представления об относительно ограниченном круге лиц — 'те, кто связан с финансовыми кругами', 'те, кто этим интересуется'. *Nobody*, подчеркивая отсутствия исключений, расширяет область денотативной отнесенности. Ср.:

- (26) Nobody likes to be asked favours (Wilde) 'Никто не любит, чтобы его просили об одолжении' (характер действия предопределяет отсутствие исключений).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, анализ английских местоимений с *-one* и *-body* показывает, что чаще всего эти местоимения представляют актант ситуации как индивид. Местоимения с *-one* акцентируют внимание на личности актанта ситуации, хотя и не раскрывают ее. Напротив, местоимения с *-body* указывают, что личность актанта ситуации игнорируется, отбрасывается. Это различие предопределяет ряд особенностей в их употреблении. Так, местоимения с *-one* часто используются, когда актант ситуации известен говорящему или когда известны все элементы множества, к которому относится участник события (кто-нибудь из родственников, знакомых). В этих условиях местоимения с *-body* выполняют ту или иную стилистическую или эмфатическую функцию: 1) подчеркивают неважность, несущественность того, кто участник события; 2) подчеркивают отсутствие исключений. Они могут использоваться также в стилистически нейтральной речи, если актант ситуации не связывается с ограниченной совокупностью. (Иногда она просто не учитывается говорящим, хотя имеется объективная возможность для введения ее в рассмотрение.)

Местоимения с *-body* часто употребляются при соотнесенности актанта ситуации с множествами, определенными по признакам типа: 'кто бы ни пришел', 'кто бы ни помог'.

И местоимения с *-one*, и местоимения с *-body* могут употребляться при описании классов объектов. Местоимения с *-body* акцентируют внимание на отсутствии исключений и/или на том, что характер события предопределяет «вовлеченность» в него участников события.

Только местоимения с *-one* могут обозначать набор свойств, отделенный от его носителя.

Глава V

ЛЮБОЙ И ANY

1. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ПОСТАНОВКА ЗАДАЧ

Местоимение *any* иногда называют одним из самых загадочных слов, например, [Hirtle 1982]. Ему посвящено большое количество работ, одни из которых связаны с логической традицией описания, а другие с собственно лингвистической (см. лит. [Sahlin 1979; Davidson 1979]). В работах первого направления можно выделить два основных дискуссионных вопроса: 1) соответствует ли *any* в разных условиях своего употребления разным кванторам (квантору общности и квантору существования) или может быть соотнесено только с одним из этих кванторов и с каким именно; 2) отличается ли *any* от других кванторных слов семантически или различие же между ними может быть описано с помощью синтаксических правил. На эти вопросы даются часто прямо противоположные ответы. Многие исследователи приравнивают *any* к квантору общности и видят его своеобразие прежде всего в том, что *any* всегда имеет самую широкую область действия (*widest scope*) (например: [Reichebach 1947; Quine 1960; Horn 1972; Le Grand 1974; 1975]). Эта точка зрения обосновывается правилами логической эквивалентности. Противоположная точка зрения представлена в работе А. Дэвидсон [Davidson 1979], где *any* во всех условиях своего употребления описывается через квантор существования. Из приводимых Дэвидсон данных следует, что описание через квантор общности делает необходимым введение многих произвольных допущений и не объясняет целого ряда особенностей употребления *any*. Автор также показывает, что в случаях, когда возникает информация, соответствующая квантору общности, эта информация не вносится самим *any*, а относится к речевой имплицатуре.

Статья Дэвидсон интересна также в том отношении, что автор высказывает неудовлетворенность традиционными целями логического исследования, направленного по преимуществу на выявление логической эквивалентности. Вместе с тем в данной статье, как нам представляется, не удастся окончательно решить проблему описания *any* прежде всего потому, что автор опирается на понятие квантора существования, которое само, как мы пытались показать (гл. II, п. 3), еще недостаточно точно определено. Даже если уточнить это понятие и придать ему, например, чисто количественную интерпретацию («по крайней мере один»), то полученное описание все-таки будет недостаточным, так как относится и ко многим другим местоимениям, которые отличны от *any*. В лингвистической литературе, правда, высказывалась точка зрения, в соответствии с которой различие между *any* и *some* может быть описано с помощью чисто синтаксических правил их употребления [Lees 1960; Lakoff 1969]. Однако Д. Болинджер [Bolinger 1960; 1977] убедительно показал, что такой подход не согласуется с языковыми данными. Спорным, как нам представляется, остается лишь вопрос о соотношении лексического и синтаксического в значении *any*. Например, У. Лабов [Labov 1972], признавая лексические различия между *any* и *some*, вводит и некоторые синтаксические правила, разграничивающие их употребление (см. также п. 2.3). Существование лексических различий между местоимениями *any* и *some* или между русскими *любой, кто-нибудь, какие-нибудь* и т. д., каждый из которых может указывать на участие в событии одного или по крайней мере одного члена совокупности, свидетельствует о том, что значение данных слов должно быть описано через несколько признаков, на что уже давно обращалось внимание в лингвистических работах. Так, еще Х. Поутсма отмечал:

Any одновременно указывает на качество и количество или число. Чем явственнее выступает указание на качество, тем сильнее ударение, с которым произносится *any* [Poutsma 1928: 1036].

Наряду с этим у *any* выделяется чисто количественное значение (*any*₂), коррелирующее с количественным значением *some* (*some*₂). Существование двух признаков в значении *any*₁ (в дальнейшем будет рассматриваться только оно) отмечал также О. Есперсен:

...*any* указывает на одного или более, неважно кого (что), поэтому *any* часто употребляется в предложениях, предполагающих отрицание или сомнение (вопрос, условное предложение) [Jespersen 1933, § 1.7.9.1].

Данное толкование принимается и Д. Болинджером [Bolinger, 1977: 34]. Мы [Селиверстова 1964; 1965, гл. IV] также выделяем указание на качество и количество: 1) *any* показывает, что по своим свойствам для заполнения актантной позиции «пригодны» все члены совокупности, но 2) количественно

актантная позиция может быть заполнена только одним (по крайней мере одним)¹. Два признака в значении апу в неявной форме фактически учитывались и З. Вендлером, хотя он в общем виде описывал апу через квантор общности. Он отмечал, что апу употребляется в тех случаях, когда остается свобода выбора участника события, сравнивал позицию участника с еще не заполненным бланком [Vendler 1967: 92]. Такое представление вытекает из соединения признаков «качественно — все», количественно — один (по крайней мере один).

В наших работах в значении апу выделялся еще признак «заполнения актантной позиции». Отмечалось, что апу и его производные могут употребляться только в тех условиях, где либо не сообщается о заполнении актантной позиции — «нет указания, что заполнена» (такая информация реализуется, например, во многих типах вопросов), либо указание о заполнении дается в условной форме — «если заполнена, то...», либо, наконец, отрицается. В логических работах, например, [Davidson 1979], где не дается покомпонентное описание значения, данный признак в качестве самостоятельного элемента не выделяется. Однако рассматриваемые в них условия употребления и неупотребления апу согласуются с данным признаком. Мы [Селиверстова 1964; 1965] различие между *любой* и апу определяли только по этому признаку: в значении *любой* у него выделялся один вариант — 'если актантная позиция заполнена, то...'

В данной главе будут приведены дополнительные аргументы в пользу того, что *любой* обязательно требует импликационной семантической структуры высказывания, и будет уточнен характер вводимой импликации. Выделение импликационной структуры подтверждает сохранение значения «количественно — по крайней мере один или один» во всех условиях употребления слова *любой* и таким образом указывает на нетождественность его квантору общности.

Кроме того, мы попытаемся показать, что *любой* чаще всего характеризует актанта ситуации как члена подкласса внутри некоторого класса, а не индивида в «его единственности». В данной главе будет проведено также сопоставление *любой* и апу.

2. ПРИЗНАК ЗАПОЛНЕНИЯ АКТАНТНОЙ ПОЗИЦИИ В ЗНАЧЕНИИ СЛОВА ЛЮБОЙ

Слово *любой*, как мы попытаемся показать, не только не сообщает о заполнении актантной позиции, но и — **требуя** импликационной семантической структуры высказывания «если, то», — не акцентирует внимания на реализа-

¹ В данной работе мы не рассматриваем вопрос об условиях реализации вариантов данного признака.

ции импликационной зависимости. В фокусе внимания оказывается не акт осуществления, а свойства возможных заполнителей актантной позиции. Информация же о том, что первое событие (условие) приводит к реализации второго, в зависимости от контекста может выступать в следующих вариантах:

1. Если задаваемое условие осуществится и актантная позиция будет заполнена — причем неважно, будет ли это иметь место в действительности, — то ее могут заполнить в плане своих «качественных возможностей» все члены совокупности вплоть до тех, свойства которых могли бы считаться наименее «подходящими» для участия в описываемой ситуации, но количественно в событии может участвовать «один» или «по крайней мере один».

2. Когда задаваемое условие осуществляется или осуществлялось, причем говорящий не акцентирует внимания на том, что это условие действительно осуществляется, — его реализация может рассматриваться как само собой разумеющаяся или во всяком случае не стоящая в фокусе внимания, — то актантная позиция могла или может быть заполнена (в плане качественных возможностей) всеми членами совокупности вплоть до наименее подходящих, а количественно — одним или по крайней мере одним. (В последнем случае глагол *мочь* употребляется для указания на реализованную возможность, ср. *Вчера было тихо и я могла спокойно работать* (т. е. могла и работала); *Я смогла ему помочь* (реализовала возможность))

Итак, мы утверждаем, слово *любой* показывает, что в фокусе внимания не заполнение актантной позиции (несущественно, будет ли она заполнена или и так очевидно, что она будет, бывает заполнена), а то, кто (что) может заполнить эту позицию.

Грубо говоря, можно выделить следующие контексты употребления слова *любой*: 1) при глаголе в повелительном наклонении и при глаголе *мочь* в значении разрешения; 2) при предикатных выражениях *готов*, *согласен* и простой форме глагола в будущем времени в контексте, имплицитующем готовность, согласие, обещание; 3) в условных и условно-временных предложениях; 4) в обобщенных высказываниях, в том числе с модальными предикатами; 5) при сравнении.

Мы постулируем импликационную семантическую структуру для всех высказываний со словом *любой*. Однако из сказанного не следует, что все предложения с этим словом могут быть преобразованы в условно-временные. Такое преобразование часто способствует переносу внимания на сам акт реализации условия, что противоречит значению слова *любой*. Мы попытаемся также показать, что импликационная семантическая структура часто привносится словом *любой*, и необязательно присуща исходной синтаксической модели. Рассмотрим каждое из перечисленных условий употребления.

2.1. В гл. III (п. 3.4) уже отмечалось, что слово *любой* употребляется при глаголе в повелительном наклонении, если коммуникативное «задание» высказывания заключается в том, чтобы дать разрешение или совет, касающиеся не самого факта осуществления события, а только вопроса, кем (чем) может быть заполнена актантная позиция. Такая форма сообщения предполагает в неявной форме условие «если адресат речи будет делать что-то», причем реализация этого условия не акцентируется, внимание переносится на широту возможного выбора заполнителя актантной позиции при данном условии:

(1) *Подумай обо всем и выбери любое:*

Быть славным — хорошо, спокойным — лучше вдвое (Пушкин).

В (1) нет побуждения совершить акт выбора. Совет касается только того, что выбрать, и, таким образом, строится на неявном условии: 'если (когда) вы будете выбирать, то можете выбрать любое'. О том, что *любой* не употребляется в высказываниях, служащих побуждением к действию, свидетельствует их неупотребляемость при частице *же* {*же хоть*}, введение которой связано с акцентированием внимания на реализации требования, просьбы:

(2а) **Поговори же хоть с любым из них; ср.:*

(2б) *Поговори же хоть с кем-нибудь из них.*

Показательна также недопустимость интерпретации предложений с *любой* в смысле 'я требую, я настаиваю':

(3) **Возьми любую из этих книг* (Я требую (настаиваю)).

Отметим, что *любой* не просто предоставляет адресату речи свободу выбора, а подчеркивает, что все альтернативы «хороши» («качественно все члены совокупности пригодны занимать актантную позицию»). Вследствие этого *любой* обычно не сочетается с выражением *какое мне дело*, если оно свидетельствует об отрицательном отношении к возможному выбору:

(4а) **Помогай любому. Какое мне дело;*

(4б) *Помогай, кому угодно*². *Какое мне дело.*

Сочетаемость *любой* с модальными глаголами частично также определяется наличием/отсутствием побуждения к осуществлению действия. Так, *любой* не употребляется с глаголами типа *должен, обязан*, когда они используются в контексте побуждения к действию³:

² О выражении *кто угодно* см. [Paillard 1984].

³ Сочетаемость *любой* с модальными глаголами в контекстах, не связанных с непосредственным осуществлением действия, подводится под другие правила (см. 2.3).

(5) **Ты должен взять любую из этих книг.*

Напротив, *любой* часто используется при глаголе *мочь* в значении разрешения:

(6) *Ты можешь взять любую из этих книг* (если ты хочешь взять, то ты можешь взять любую).

Из постулируемого семантического признака слова *любой* вытекает закономерность его употребления в контекстах, свидетельствующих о готовности субъекта осуществить действие:

(7) *Я готов помочь любому из них* (если потребуется, если нужно, то я готов помочь любому из них);

(8) *Можно взять какую-нибудь из этих книг? — Конечно. Какую вы хотите? — Далюбую* (я готов взять любую, если вы разрешите). Ср., напротив:

(9) *Возьмите хоть какую-нибудь из этих книг. — *Хорошо. Я возьму любую.*

Предложение (9) было бы естественно только в контексте, где обсуждался бы не сам факт осуществления события, а только заполнитель актантной позиции, см.:

(10) *Хорошо. Я согласен взять любую.*

2.2. Проанализируем употребления слова *любой* в сложноподчиненном предложении с придаточным условным. В этом типе высказываний важно провести следующие разграничения: 1) относится ли импликация к области чистой возможности или соотнесена со случаями реализации; 2) идет ли речь об отдельном случае или о классе случаев; 3) относится ли *любой* к придаточному или главному.

Остановимся на употреблении слова *любой* в придаточном предложении. Если сообщается, что реализация события А (А — событие, описанное в придаточном) приведет к реализации события, описанного в главном (Б), то, как и в проанализированных ранее условиях, слово *любой* употребляется только тогда, когда в фокусе внимания не стоит вопрос, действительно ли реализуется А. Предложение сообщает, кто или что может заполнить актантную позицию в случае, если событие произойдет, причем несущественно, произойдет ли оно или и так очевидно, что оно произойдет:

(1) *Если ты решишь любую из этих задач, ты получишь право участвовать в конкурсе.*

Мы полагаем, что предложению (1) можно приписать следующую семантическую структуру: 'если ты решишь одну (или по крайней мере одну) из этих задач, причем решенной может быть любая, то будет иметь место указанное

следствие', причем либо предполагается, что адресат речи уже собирается осуществить действие 'решать', либо в семантическую структуру входит 'еще одна импликация если ты будешь решать и если ты решишь'. При такой семантической структуре внимание в большей степени акцентируется не на зависимости следствия от реализации события, а от возможности «отбирать заполнителя актантной позиции из всех членов множества». В отличие от этого в примере (2) в фокусе внимания — само заполнение актантной позиции, причем неважно, кто (что) ее заполняет.

(2) *Если ты решишь хоть какую-нибудь из этих задач, ты получишь право участвовать в конкурсе.*

Таким образом, различие между (1) и (2) прежде всего определяется различием в акцентах: в (1) подчеркивается: 'важно, что в плане качественных характеристик все элементы совокупности могут заполнять актантную позицию'. В (2), напротив, происходит перестановка акцентов: 'важно, чтобы актантная позиция была заполнена, но неважно кем (чем) из элементов данного множества'. Подобным же образом можно интерпретировать различие между другими предложениями с *любой* и местоимениями с *-нибудь*:

(3а) *Если ты воспользуешься любым из этих средств, ты мгновенно поправишься;*

(3б) *Если ты воспользуешься каким-нибудь из этих средств, ты мгновенно поправишься;*

(4а) *Если ты заручишься поддержкой любого из них, успех тебе обеспечен;*

(4б) *Если ты заручишься поддержкой кого-нибудь из них, то успех тебе обеспечен.*

Постулируемое различие в предложениях с *-нибудь* и *любой* достаточно ясно осознается носителями русского языка. Об этом свидетельствует следующий тест: десяти информантам было предложено установить соответствие между сформулированными выше семантическими структурами и высказываниями типа (1) и (2). Полученные ответы совпали с ожидаемыми результатами.

Не каждое импликационное суждение допускает свободный выбор между отмеченными акцентами:

(5а) **Если ты хочешь говорить с любым из них, приходи завтра в 5 часов;*

(5б) *Если ты хочешь говорить с кем-нибудь из них, приходи завтра в пять часов;*

(6а) **Если ты будешь решать любую из этих задач, то пользуйся аналитическими уравнениями;*

(6б) *Если ты будешь решать какую-нибудь из этих задач, то пользуйся аналитическими уравнениями.*

Главные предложения в (5), (6) содержат прямую инструкцию к действию. Поэтому здесь важно, действительно ли реализуется задаваемое условие.

О том, что при слове *любой* внимание не должно акцентироваться на реализации задаваемого условия, говорит также недопустимость употребления слова *действительно, все-таки, даже* (если *даже* является оператором к предикатной, а не именной группе) при слове *любой*:

- (7) **Если ты все-таки решишь любую из этих задач, то поедешь на конференцию* (ср. *какую-нибудь*).
 (8) **Даже если любой из них действительно согласится тебе помочь, ничего это не изменит*.

Таким образом, в тех импликационных суждениях, в которых утверждается, что следствие зависит от реализации события-условия, *любой* в отличие от слов с частицей *-нибудь* акцентирует внимание на том, какие члены совокупности соответствуют по своим качествам актантной позиции. *Любой* не употребляется, если акцент ставится на том, действительно ли реализуется событие-условие.

Слово *любой* употребляется и в тех случаях, когда постулируемое следствие зависит от существования самой возможности, вне рассмотрения ее реализации:

- (9а) *Если он может решить любую из этих задач, то у него выдающиеся математические способности*.

Мы полагаем, что предложения типа (9а) имеют двойную импликацию. Здесь вводится некоторое мысленное действие, как бы мысленный эксперимент, который мог бы осуществить говорящий или кто-то другой и в процессе его проявилась бы способность данного лица решать задачи, относящиеся к заданному набору. Приблизительно семантическую структуру (9а) можно представить так: 'если бы «он» стал решать одну из задач данной группы, то оказалось бы, что этой задачей может быть любая, и «он» может ее решить; и если это так, то у него выдающиеся математические способности'. Если предположить, что в рассматриваемых условиях нет первой импликации, связанной с мыслимым, воображаемым действием, то нужно считать, что здесь реализуется особое значение *любой*, не включающее компонент «один» («по крайней мере один») и тождественное значению слов типа *все, каждый*. Против такого предложения говорит, во-первых, следующее: в контекстах, в которых постулируемое следствие может зависеть от количества возможных участников, *любой* показывает, что следствие имеет место и при одном участнике; см. (9а). Ср., напротив:

- (9б) *Если он может решить все задачи, у него выдающиеся математические способности*.

Предложение (9б) в отличие от (9а) может быть понято двояко: «он» должен уметь решить все, но количественно достаточно уметь решить одну; «его» способность решить должна распространяться на все количество задач, взятых вместе.

Во-вторых, в тех условиях, где количественное противопоставление несущественно для смысла контекста, различие между *все* и *любой*, а также *всякий* сохраняется, что и отражает предложенная модель описания. Так, хотя в (10а) *любой* и *все* могут быть взаимозаменяемы (некоторое предпочтение информанты — было опрошено 10 человек — *обычно* отдают *любой*), в (10б) и (10в) норме соответствует только выбор *любой*:

- (10а) *Если любой из них может {все они могут} это сделать, то зачем беспокоиться. Будет занят один, придет другой.*
- (10б) *Если любой из них может (?все они могут) это сделать, то зачем приглашать какого-то знаменитого специалиста.*
- (10в) *Если любой инженер может (*все инженеры могут) выполнить эту работу, то зачем приглашать...*

Ситуация, описанная в (10а), допускает разную интерпретацию. Говорящего может интересовать только число лиц, способных выполнить работу, что и делает возможным употребление *все*. Наряду с этим говорящий может строить свою речь, исходя из предпосылки о возможном влиянии качественных различий между членами совокупности на их способность к работе. В этом случае выбирается слово *любой*. Конечно, само по себе указание на то, что «качественно» все члены совокупности пригодны для заполнения актантной позиции, еще не обязательно свидетельствует о наличии второй импликации и о компоненте «количественно один (по крайней мере один)». Компонент «качественно все» имеет и слово *всякий*, не требующее импликационной семантической структуры. Для развиваемой концепции существенно, что *любой* в отличие от *всякий* употребляется в контекстах, в которых постулируемое утверждение предстает как явное или неявное возражение против другой, существующей или возможной точки зрения (см. п. 3), что согласуется с высказанной гипотезой о мысленном переборе альтернатив⁴. Именно к такому типу контекстов относится (10б) и (10в), причем в (Юв) речь идет об альтернативности подклассов, а не индивидов.

При анализе (9) и (10) возникает также вопрос, почему в подобных высказываниях *любой* оказывается ближе к *все*, а не к местоимениям с *-нибудь*. Большая

⁴ Ср. мысль Д. Паяра о том, что слова с *-нибудь* могут рассматриваться как операторы, «пробегающие» по членам совокупности или класса [Paillard 1984]. То же можно сказать и о *любой*.

близость к *все* объясняется, как мы полагаем, приоритетным положением в семантической структуре *любой* информации о «качественной пригодности» всех членов совокупности к роли актанта ситуации. Весомость данной информации в значении слова *любой* еще возрастает при перемещении из сферы реализации в сферу возможности. Напротив, компонент «один» («по крайней мере один») в этих условиях наименее важен, так как связан лишь с имплицитным мысленным действием, при осуществлении которого разрешается взять один член совокупности, но в роли этого одного способен выступить любой. Таким образом, компонент «один» существен в основном для подачи информации, но не для постулируемого следствия, если не рассматривать случай совместного участия. Для следствия прежде всего важно указание, что качественно все пригодны к роли актанта ситуации. Напротив, в значении местоимений с *-нибудь* ведущее место занимает компонент «один» («по крайней мере один»). Поэтому при описании сферы возможности сообщается, что только один (или по крайней мере один, хотя бы один) может, способен и т. д. участвовать. Второй же признак — качественной соотнесенности — описывает уже не объективную возможность, а отражение ситуации в сознании говорящего. Иными словами, говорящий не знает, кто именно может (способен и т. д.) участвовать в событии, и в его сознании выделяется набор альтернатив, одна из которых, возможно, соответствует актантной позиции.

Особая семантическая структура условных предложений со словом *любой* согласуется и с их содержанием, и с коммуникативной целью. Большинство таких предложений выполняет функцию обещания, предсказания (например, (3), (4) или оценки ((9), (10)).

Контекст обещания, предсказания может быть связан и с условиями установления зависимости между исследованием, изучением, рассмотрением чего-то и теми следствиями, к которым оно неизбежно привело бы:

- (11) *...но если поглядеть попристальнее на любого уже стареющего холостяка, — а на него стоит уставиться пальцем: найдется и в нем, над чем нахохотаться вдоволь* (Тургенев);
- (12) *...но если начать исследовать любой из этих феноменов, то легко обнаружить, что он удовлетворяет сформулированным требованиям.*

В этих предложениях побуждение к осуществлению действия носит более гипотетический характер и не относится к конкретному адресату.

Любой употребляется и в главном предложении при придаточном условном. Такое употребление имеет место прежде всего в тех случаях, когда говорящий вводит «потенцильное» условие, т. е. такое, которое еще не имеет места, и говорящего вообще не интересует, реализуется ли оно когда-нибудь:

- (13) *Если потребуется, то любой из нас ей поможет.*

Любой в (13) не показывает, что актантная позиция будет заполнена, об этом свидетельствует невозможность преобразования (13) в (14):

- (14а) *Если ты требуешь, то *любой* из нас ей поможет {завтра};
 (14б) Если ты требуешь, то кто-нибудь из нас поможет ей завтра.

В (14) задаваемое условие уже имеет место, следовательно, встает вопрос о непосредственной реализации действия, поэтому в фокусе внимания сам факт заполнения актантной позиции. Местоимения с *-нибудь* употребляются и в предложениях типа (13). При их выборе подчеркивается, что актантная позиция будет заполнена, и, таким образом, событие произойдет при возникновении потребности.

Возможность использования *любой* не зависит от характера условного предложения, если в главном предложении есть слова типа *готов, может*, которые показывают, что в фокусе внимания не реализация события, а только его возможность:

- (15) Если ты настаиваешь, я *готов* помочь любому из них.

Слова типа *готов, может* составляют типичное окружение для *любой* и в формально простом предложении, как уже говорилось.

Итак, при употреблении слова *любой* в сложноподчиненном предложении с придаточным условным в фокусе внимания — не сам факт реализации события главного предложения (Б), при осуществлении события — условия (А), а сохранение связи между А и Б при рассматриваемых альтернативах в заполнении актантной позиции.

Допустимость такого смещения акцента зависит от общей коммуникативной цели высказывания (обычно они выполняют либо функцию предсказания, обещания, либо оценки), от характера задаваемого условия, от наличия таких слов, как *может, готов*.

3. ОБОБЩЕННЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Любой, как мы попытаемся показать, употребляется только в тех обобщенных высказываниях, которые имеют импликационную семантическую структуру рассмотренного типа. В этих предложениях в фокусе внимания — не сам факт реализации события А, а сохранение данной связи между А и Б при альтернативах в заполнении актантной позиции.

В лингвистической литературе неоднократно отмечалось (см., например: [Dahl 1975; Platteau 1979; Шмелев 1984]), что существует много разных типов обобщенных высказываний. Для дальнейшего изложения нам важно различать

прежде всего два типа. Одни высказывания представляют собой обобщения, основанные на наличии соответствующих случаев в определенный период времени и—если речь идет и о будущем—на предположении, что подобные случаи будут иметь место и в дальнейшем. К числу таких высказываний можно отнести:

- (1) *Она ходит на работу пешком;*
 (2) *Он до сих пор встречается со своими школьными друзьями.*

Говорящий обобщает факты прошлого и экстраполирует их на будущее. Другой тип обобщений по преимуществу основан на установлении закономерной связи между объектами, определяемой их свойствами. Хотя такие обобщения могут сформироваться под влиянием существующих фактов, они в большей степени предопределяются априорными представлениями говорящего и ориентированы на предсказание новых фактов или сводятся к выявлению координации свойств. Именно такой характер обобщения, лежащий в основе высказываний второго типа, определяет возможность их импликационной интерпретации. Конечно, наличие возможности еще не обязательно означает, что она в каждом отдельном случае реализуется. Например, неясно, следует ли предложения типа

- (3) *Человек смертен*

рассматривать как импликацию. Такое представление предложений типа (3) характерно для логических работ: 'если X человек, то X смертен'. Однако (3) можно толковать и следующим образом: классу объектов, охарактеризованному через свойство 'человек', присуще свойство 'быть смертным'. В данной работе не решается вопрос, какое из приведенных толкований предпочтительно. Возможно, подобные высказывания объективно неопределенны и в зависимости от условий употребления могут получать либо то, либо другое «прочтение». В рамках поставленной проблемы существенно только, что высказывания второго типа могут иметь импликационную семантическую структуру.

Таким образом, исходя из предложенной гипотезы, можно ожидать, что *любой* будет употребляться только в высказываниях второго типа, что, как показало исследование, действительно имеет место. Приведем некоторые примеры:

- (4) *И даром думают, что память
 Не дорожит сама собой,
 Что ряской времени затянет
 Любую бьль,
 Любую боль (Гвардовский).*

Стихотворный отрывок (4) приблизительно можно интерпретировать так: 'если (когда) имеет место событие ('бьль', 'боль'), то напрасно думают, что это событие может быть любим, чтобы его затянуло ряской времени'.

Основанием для такой интерпретации служит, кроме принадлежности данного стихотворного отрывка к обобщенным высказываниям второго типа, использование здесь событийных имен, которые вообще «предрасположены» к созданию импликационной структуры: «если (когда) что-то имеет место, то...». Этим и можно объяснить их частое употребление со словом *любой*.

Дополнительным аргументом, свидетельствующим о том, что перечисленные предпосылки действительно «работают», т. е. приводят к возникновению импликационной структуры, является следующее: высказывания, не имеющие событийных слов, и, таким образом, менее естественно подпадающие под импликационную интерпретацию, получают при употреблении слова *любой* более или менее сильную полемическую направленность. Выше отмечалось (см. п. 2.2, пример 9), что такой экспрессивный характер высказывания можно объяснить введением в его семантическую структуру мысленного действия перебора альтернатив, которое также привносит импликационную форму: «если взять (рассмотреть)... то...». Это говорит о том, что импликационная семантическая организация обязательна. Для подтверждения сказанного сравним предложения со словами *любой* и *всякий*:

(5а) *Что волки жадны всякий знает* (Крылов);

(5б) *Любой знает, что волки жадны.*

В предложении (5а) констатируется общеизвестный факт. При подстановке *любой* высказывание воспринимается как неявное возражение против возможного иного мнения или предложения. Формальным показателем такой направленности сообщения служит акцентное выделение *любой*.

Если высказывание не может быть интерпретировано по характеру своего содержания как импликация «если, то...», замена *всякий* на *любой* невозможна:

(6) *У него было много всяких дел (*любых).*

Полемическую направленность могут иметь и высказывания с импликацией «если имеет место, то...» (см. пример (4)), но при этом неявное возражение чаще относится к возможности возникновения другого предположения и иногда очень ослаблено, проявляясь в основном в большей экспрессивности высказывания:

(7а) *Чириков весело и добродушно поддерживал всякий разговор* (Толстой);

(7б) *Чириков весело и добродушно поддерживал любой разговор.* *Всякий* в (5а) и (7а) также могут быть акцентно выделены, но в отличие от *любой* (особенно в (5б)) такое выделение необязательно. В (7б) структура «если, то...» ('если имеет место разговор, то...') связана с самим событийным именем и поэтому менее зависит от полемической направленности высказывания.

Соотношение употребления *любой*, *все*, *каждый* также в сильной степени зависит от возможности импликационной интерпретации:

- (8а) *Ты должен помогать любому своему родственнику* (если X родственник, то X может находиться в какой угодно степени родства к «ты», и «ты» должен помогать);
 (8б) *У тебя три брата и две сестры. Они живут в очень тяжелых материальных условиях, и ты должен помогать им всем (*любому из них);*
 (8в) *У тебя три брата и две сестры, и если потребуется, ты должен помогать любому из них (им всем).*

Пример (8б) не может интерпретироваться как имеющий импликационную структуру, так как здесь речь идет уже о сложившейся ситуации, и цель высказывания — прямое побуждение к действию.

Установленные закономерности могут относиться и к короткому периоду времени, например:

- (9) *И только старуха ждала не переставая. Она вздрагивала от любого звука за окном и замирала при каждом шорохе у двери* (Распутин).

Семантическую структуру (9) можно представить так: 'если (когда) имел место звук, то этот звук мог быть любым, и старуха вздрагивала'. В пользу такого толкования говорит прежде всего следующее: если трансформировать (9) таким образом, чтобы оно соотносилось с четко ограниченным числом событий (в данном случае звуков), что исключит возможность импликационной интерпретации, употребление *любой* не будет соответствовать норме. См.:

- (10) *Под окном пять раз раздавались какие-то странные звуки, и при любом звуке (при любом из этих звуков) она вздрагивала* (ср. *при каждом звуке*).

Слово *любой* не может быть употреблено и при таком преобразовании (9), при котором основной акцент падает на факт реализации события-следствия или события-условия:

- (11а) **И каждый раз, когда раздавался любой звук, старуха вздрагивала;*
 (11б) *И каждый раз, когда раздавался какой-нибудь звук, даже самый слабый, старуха вздрагивала.*

Выше отмечалось, что *любой* употребляется только в таком придаточном условном, в котором в фокусе внимания стоит соотнесение события, характеризующегося свойством А (событие-условие), и события, имеющего свойство Б (событие-следствие). Поэтому данные предложения как бы отвечают на вопрос: если реализуется А (причем неважно реализуется ли оно, или и так очевидно, что реализуется), то какими свойствами может обладать Б, чтобы А приводило к Б.

Импликационные высказывания с *если* {*когда*} не всегда, как отмечалось, допускают подобное перемещение акцентов, что и объясняет неупотребляемость *любой* в предложениях типа (11). Именные же фразы с предлогом *при* задают указанный тип импликации. Вследствие того, что сама реализация условия не стоит в фокусе внимания, предложения типа (9), возможно, допускают и следующее толкование: 'если X есть звук, то X может быть любим, и B осуществляется'. Если же отдать предпочтение данному выше толкованию («если имеет место A»), существенно, что и при такой импликации не задается каждый отдельный случай, а берется обобщенное условие. Обратим внимание также на то, что выбор (9), а не (11б) в контексте приведенного отрывка вряд ли случаен: здесь важно не осуществление событий, а наличие закономерности, определяемой состоянием героини.

О том, что при слове *любой* реализация условия не должна акцентироваться, видно и из примера (12):

(12а) *Сейсмограф регистрирует любое колебание земной коры, но:*

(12б) *Сейсмограф регистрирует любое колебание земной коры, когда оно имеет место* (ср.: *каждое колебание, когда оно имеет место*).

Кроме рассмотренных случаев импликаций, обобщенные высказывания с *любой* часто предполагают условие 'если требуется'.

(13) *И сезон для заготовки дров был один — весна, чтобы за лето успели высохнуть, а теперь в любое время пилили разбросанную, где попало, уже готовую кубатуру* (Распутин) ('если, когда возникает желание, потребность пилить, период времени для осуществления этого действия может быть любым');

(14) *От Люси бывали и длинные, подробные письма, в которых она писала что-нибудь вроде: «Скажите маме, что лекарства помогают в любом возрасте» — это когда старуха отказывалась пить таблетки, говоря, что от старости таблетками не спасешься...* (там же) ('если возникает потребность в лекарствах, то возраст может быть любым, и лекарства помогают').

Иногда задаваемое условие можно представить в форме 'если рассмотреть, взять, исследовать и т. д.' Такой тип импликации характерен и для эксплицитно условных предложений со словом *любой*. В некоторых контекстах наиболее соответствует содержанию высказывания следующее толкование импликации 'какой бы ни...', 'куда бы ни...', а также 'если есть...':

(15) *Вуцерб любви к отцу народов — Любая прочая любовь* (Твардовский) ('если есть другая любовь, то она может быть любой, и она будет в ущерб той любви, о которой идет речь');

- (16) *Любой судьбине благодарен, Тверди одно, как он велик* (Твардовский)
(‘какая бы судьбина не выпала на долю, а она может быть любой, будь ей благодарен’).

Итак, можно утверждать, что *любой* употребляется только в обобщенных высказываниях, которые имеют импликационную семантическую структуру. Задаваемое при этом условие носит обобщенный потенциальный характер.

4. СОПОСТАВЛЕНИЕ ANY И ЛЮБОЙ

Условия употребления *any* и его производных получили детальное описание в лингвистической и логической литературе, см., например: [Poutsma 1916; Bolinger 1977; Davidson 1979]. Рассмотрение этих условий подтверждает высказанную нами [Селиверстова 1965] мысль о том, что основное отличие *any* и его производных от слова *любой* определяется признаком заполнения актантной позиции. В семантическую структуру группы *any* входит **БОЛЬШИЙ** диапазон значений этого признака. Так, слова данной группы в отличие от *любой* не требуют, чтобы в фокусе внимания не стоял вопрос о том, заполнена ли актантная позиция или нет. Отсюда *any* широко употребляется в вопросительных предложениях, не имеющих импликационной семантической структуры:

- (1) Have I done anything to annoy you, mother? (Shaw) ‘Я сделал что-нибудь, что вас рассердило, мама?’;
(2) Did any of them remember the dog? (Greene) ‘Кто-нибудь из них запомнил собаку?’ (*любой из них).

Any и его производные часто встречаются в утвердительных предложениях, в которых не сообщается о заполнении актантной позиции, но при этом высказывание не получает импликационную семантическую структуру. Такое употребление часто имеет место при глаголах *to look for*, *to wait for*, *to hope*:

- (3) I looked for any feeling in myself, even resentment at a policeman's suspicion but could find none (Greene) ‘Я искал в себе хоть какое-нибудь чувство, хотя бы чувство возмущения против подозрения полиции, но не находил ничего’.

Any и его производные в отличие от *любой* широко употребляются в условиях полного отрицания⁵:

⁵ Сопоставление *any* и его производных с группой *no-* в условиях отрицания дается Болинджером [Bolinger 1977].

(4) I can't do anything 'Я ничего не могу сделать'.

Группа any встречается во всех типах условных предложений:

(5) If anyone got in his way he'd be utterly ruthless (Braine) 'Если бы кто-нибудь стал на его пути, он был бы беспощаден'.

Придаточные с if обычно приводят как пример перекрещения области реализации экзистенциального и генерического значений any (например, [Horn 1972]). Ср.:

(6) If anyone can do that we can reward that person heavily 'Если кто-нибудь сможет это сделать, мы его богато наградим';

(7) If (just) anyone can do that why should we pay John a huge salary? 'Если любой (кто угодно) может это сделать, зачем мы будем платить Джону такую огромную сумму?'

Нам представляется, что различие в интерпретации anyone не может быть выражено кванторами существования и общности. Права, как мы полагаем, А. Дэвидсон [Davidson 1979], которая утверждает, что допустимость интерпретации через квантор общности обусловлена речевой импликацией, а не значением самого слова any и его производных. Различие между предложениями (6) и (7) мы видим прежде всего в том, что в (6) постулируемое следствие зависит не от потенциальной возможности, а от ее реализации. Напротив, в (7) речь идет только о потенциальной возможности, что, как уже отмечалось выше при анализе *любой* (п. 2.2, пример 9), создает предпосылку для возникновения двойной импликации: 'если взять (рассмотреть) индивид из данного класса, то этим индивидом может быть любой член класса, и окажется, что он способен выполнить данную работу, и если это так, то зачем...' Как и в русском языке, высказывания данного типа имеют полемическую направленность, что создает предпосылку для выбора особой формы сообщения: вместо утверждения о том, что все обладают данной способностью, вводится мысленное действие перебора альтернатив. Это способствует большей экспрессивности высказывания. В предложениях типа (7) компонент «**количественно—один**» («по крайней мере один») существен только для вводимого мысленного действия ('если взять индивид из данного класса, то...'), но для конечного следствия, отображенного в главном предложении, важна только информация о том, какой бы член класса ни был выбран, он «пригоден» для заполнения актантной позиции. Вследствие этого утверждения типа (7) позволяют сделать вывод, что все члены совокупности обладают описанной способностью. Однако эквивалентность возникает только на уровне следствий и не касается общей информации высказывания (ср. с *любой*).

Таким образом, мы полагаем, что any и его производные во всех условиях своего употребления сохраняют значение альтернативности, которое возникает в результате соединения признаков «**количественно—один**» («по крайней

мере один»), «качественно — все». Напротив, признак заполнения актантной позиции может реализовать разные варианты. В результате этого ведущее место в семантической структуре апу может занимать в зависимости от условий и признак «качественно — все» и признак «количественно — один», что придает его структуре более подвижный характер по сравнению с *любой*⁶.

В лингвистической литературе отмечалось, что употребление апу и его производных может зависеть от наличия придаточного определительного, см. [Davidson 1979]. Ср.:

(8) We let in anyone at 4 o'clock ' *Мы впускали любых в 4 часа';

(9) We let in at 4 o'clock anyone who knew the password 'В 4 часа мы впускали всех тех, кто знал пароль' ('любого, знавшего пароль'). Влияние придаточного определительного обусловлено тем, что оно может способствовать превращению высказывания из указания на осуществившийся факт (например, *впустили определенное число лиц*) в сообщение о закономерности, действующей в рамках некоторого периода **времени** — в рамках этой закономерности лежит согласование свойств ('если X знал пароль, то такой X мог быть кем угодно, и он получал разрешение войти'). На связь между придаточным условным и придаточным определительным уже обращалось внимание, например, [Davidson 1979]. Мы хотели бы подчеркнуть, что иногда при этом акцент падает на саму связь между событиями, а не на то, кто именно мог бы **при** этом заполнить актантную позицию:

(10) It was placed so as to cast its full light on anyone approaching from the door (Christie) 'Она (лампа) была поставлена так, чтобы свет падал на входящего (на того, кто входил, но: *на любого (каждого), кто входил).

Придаточные определительные могут задавать и тот тип импликационной структуры, при котором акцент падает не на саму следственную связь между событиями, а на сохранение этой связи при различных заполнителях актантной позиции:

(11) She laughed and sang, she talked to anyone within reach in her babbling, meaningless talk (Golding) 'Она смеялась и пела, она говорила каждому, кто оказывался поблизости, свои бессмысленные слова, напоминающие детский лепет' (т. е. X удовлетворял свойству 'быть поблизости');

(12) And I pity any woman who is married to a man called John (Wilde) 'И мне искренне жаль женщину, которая вышла замуж за человека по имени Джон' (если женщина характеризуется через свойство 'быть замужем за человеком по имени Джон').

⁶Ср. попытку представить динамическое описание апу как движение от значения 'все' к значению 'один' [Hirtle 1982].

Иногда импликационная структура задается независимо от придаточного определительного. Ее показателем могут служить такие выражения, как *then* 'тогда' или общий контекст:

- (13) He would get into childish fits of rage and abuse anybody who came near him (Christie) 'На него иногда нападали ребяческие приступы ярости, и тогда он мог обругать любого, кто попался ему под руку'.

В высказываниях, в которых в фокусе внимания сохранение следственной связи при альтернативе в заполнении актантной позиции, *any* более близко соответствует русскому *любой*, но и здесь нет полного соответствия. Одно из различий связано с тем, что *любой* не имеет производных и поэтому по преимуществу употребляется в функции определения. При отсутствии существительного оно используется лишь для обозначения лица. Кроме того, *любой* обычно представляет актант ситуации в «ипостаси» члена класса, а не индивида. Исключение составляет только выражение *любой из*. Так, естественность употребления *любой* при переводе (13) можно объяснить тем, что в контексте данного предложения могли бы быть существенны различия по возрасту или по социальному положению, т. е. по принадлежности к классу. Напротив, в контексте (11), (12) подобные различия не должны играть роли, что и объясняет предпочтительность выбора слова *каждый*. Для этих контекстов могли бы оказаться существенными скорее индивидуальные различия, а не социальные, возрастные и т. д., которые могут определять принадлежность к классу.

Еще одно различие, возможно, связано с тем, что английский язык допускает импликационную интерпретацию по отношению к более широкому классу высказываний по сравнению с русским. Так, иногда допустимо употребление *any* при совершенной форме глагола, которая чаще относится к ограниченному множеству событий:

- (14) Anyone who is really interested has arrived on time [пример взят из Davidson 1979] 'Все, кто были действительно заинтересованы, приехали вовремя' (*любой человек, который...).

Итак, условия употребления *любой* и группы *any* существенно различаются, что обусловлено признаком заполнения актантной позиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основное различие между *любой* и *any* связано с признаком заполнения актантной позиции. Хотя *any* как и *любой*, не может указывать на то, что актантная позиция заполнена и, следовательно, не может употребляться в высказываниях,

просто констатирующих осуществление события или некоторого множества событий, диапазон значений данного признака в семантической структуре *any* более широк: *any* может употребляться в контекстах, в которых отрицается заполнение актантной позиции, высказывается желательность, возможность заполнения, хотя и не допускается побуждение к заполнению. *Any* может получать значение 'если заполнена' и при этом акцентировать внимание на самом условии заполнения, т. е. на реализации события-условия, а не только на том, кто может заполнить актантную позицию в рамках сохранения причинно-следственной связи.

Производные с *any* часто представляют актант ситуации в «ипостаси» индивида, а не члена класса, что не характерно для *любой*. Вероятно также, в английском языке импликационная семантическая структура может быть присуща более широкому классу высказываний по сравнению с русским.

Сходство между *любой* и группой *any* определяется характеристикой заполнителя актантной позиции: *any* и его производные, как и *любой* показывают, что участник события (актант ситуации) относится к некоторому заданному классу, состоящему из разнородных подклассов, или к множеству, состоящему из качественно различающихся членов. При этом актантная позиция не заполнена каким-то одним членом класса или множества. Вместо этого с ней соотнесен набор альтернатив, каждой из которых участник события потенциально может соответствовать, причем в число этих альтернатив входят все члены множества или представители всех различающихся подклассов (в том числе и те, которые могли бы считаться наименее подходящими для роли участников события, актанта данной ситуации). Кроме того, сообщается, что количественно актантная позиция может быть заполнена «одним» или «по крайней мере одним» из них.

Общие выводы

1. Проведенное исследование подтвердило сформулированную в начале работы гипотезу относительно того, что лексическое значение исследованных местоимений состоит из двух основных частей. **Первую**—**составляет** указание на уровень характеристики актанта ситуации (представление участника события как индивида, рассмотренного как личность, представление его как носителя «уникальной», но не исчерпывающей его «личность» характеристики, представление его как члена класса и т. д.), причем не раскрывается, каким содержанием должен наполниться этот уровень характеристики в каждом отдельном случае. Вместо этого дается отсылка к тому элементу ситуации или контекста, который должен восполнить недостающие сведения. Отсылка может быть также отрицательной, т. е. сообщается о том, что автор речи не имеет необходимых сведений или не считает нужным предоставлять их слушателю. «Положительная» или «отрицательная» отсылка образует вторую часть лексического компонента значения. Такая организация семантики напоминает бланки разных анкет. В одних из этих бланков требуется учитывать личность тех, кто будет заполнять анкету и указывается, куда нужно отослать читателя анкеты, чтобы он получил сведения о личности, в других—**требуется** указать классовую принадлежность, в третьих—**отношения** с окружающими и т. д. Так, *ты* в отличие от выражений типа *моя собеседница* представляет актанта ситуации в «ипостаси» личности, индивидуальности, а не как участника акта речи. Это сближает местоимение *ты* с именами собственными в ряде условий их употребления. Однако в отличие от имен собственных, которые становятся знаками отдельного определенного лица (например, *Уланова*), местоимение не связано с отдельной личностью. Оно только показывает, что каждый раз эта личность будет идентична адресату речи.

Оба компонента (и указание на уровень характеристики, и отсылочные сведения) не зависят от контекста и, таким образом, составляют часть местоименного значения, рассмотренного как элемент семантической системы языка. Мы называем эти элементы значения лексическими, поскольку они противопоставлены собственно грамматическому значению, связанному с выражением падежных отношений и указанием на число и т. д. Признак одушевленность/неодушевленность скорее также носит лексический или лексико-грамматический характер. Спорным является статус значения числа в местоимении *мы*.

2. Наличие двух частей в значении местоимений — характеризующей и отсылочной — делает местоимения знаками особого типа, отличными от всех остальных знаков.

3. Часто семантическая структура местоимений чрезвычайно сложна. Так, местоимения с *-нибудь* показывают, что участник события относится к некоторому множеству, состоящему из качественно различных элементов, или к классу, состоящему из подклассов, и не соотносится внутри этого множества или класса с одним элементом, вместо этого с ним соотнесен набор альтернатив, только одной из которых соответствует (будет, должен и т. д. соответствовать) участник события. (Соотнесенность с набором альтернатив определяется либо тем, что участник события объективно еще не «выбран», либо тем, что такая соотнесенность возникает в сознании говорящего, что может быть обусловлено следующим: а) говорящий не знает, кто истинный участник события; б) говорящий знает, что все или почти все члены совокупности участвуют в многократном событии, но в каждом акте «задействована» лишь часть общего числа участвующих и, таким образом, происходит смена, причем для говорящего неважно, кто участвует в каждом отдельном случае, и поэтому он соотносит с участвующим набор альтернатив.) Местоимения с *-нибудь* показывают также, что в число альтернатив необязательно входят все члены множества, что и отличает их от *любой*. Второе важнейшее отличие от *любой* связано с признаком заполнения актантной позиции: местоимения с *-нибудь* могут показывать, что актантная позиция заполнена (или будет, должна быть заполнена), или же акцентировать внимание на выполнении условия заполнения актантной позиции. *Любой*, напротив, употребляется только в случае, если цель речи — сообщить о том, кто (что) может заполнить актантную позицию, если событие произойдет, причем осуществление события не стоит в центре внимания (несущественно, неважно, не обсуждается, произойдет ли событие-условие).

4. Проанализированные значения русских и английских местоимений в основном описываются через один и тот же набор признаков. Различия прежде

всего связаны с разным разбиением этих признаков на отдельные значения, с значимостью того или иного признака для системы местоимений. Не совпадают также более частные признаки (например, в английском нет противопоставления, представленного русскими местоимениями с *-то* и *-нибудь*).

5. Местоимения с *-нибудь*, *любой*, *все*, *каждый* указывают на осуществление некоторых операций над множествами и в этом смысле их можно было бы назвать операторами [Paillard 1984]. Однако их значение не ограничивается указанием на тип операции, производимой над **МНОЖЕСТВОМ** — они задают также способ представления актанта ситуации.

6. Значение *любой*, *апу* и его производных не тождественно квантору общности: во всех условиях употребления этих слов сохраняется компонент «**КОЛИЧЕСТВО — ОДИН**» или «по крайней мере один». Данный вывод совпадает с утверждением А. Дэвидсон, основанном на других аргументах, о том, что трактовка *апу* в некоторых условиях его употребления как квантора общности определяется речевой импликатурой, а не его значением (т. е. эквивалентность с *все* выводится из общего смысла контекста).

7. Своеобразие многих проанализированных слов заключается в том, что в их значение встроены признаки, определяющие семантическую структуру высказывания в целом. Так, с *любой* связана структура «если, то...» В значение некоторых местоимений может также включаться элемент модальности (ср. [Paillard 1984]). Так, модальность связана с признаками альтернативности.

8. Анализ местоименных значений показывает, что в языковой картине мира, отображенной в семантической системе языка, важное место занимают разные способы представления индивида и, в частности, представления его как личности, индивидуальности. Для русского языкового сознания оказывается существенным также противопоставление альтернативности и единственности, что находит выражение в корреляции местоимений с *-нибудь* и *-то*.

9. Семантические признаки, входящие в значение местоимений, объясняют различные закономерности их употребления. Например, зависимость выбора местоимений с *-нибудь* от типа многократного события (ориентировано ли выделение отдельного события на время реализации и, напротив, на частоту участия в нем того или иного субъекта **ситуации**), — от условий отрицания, модальности и т. д.; зависимость выбора *любой* от вида условного предложения, — от типа обобщенного высказывания и от других рассмотренных характеристик контекста.

Библиография

- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М: Наука, 1976.
- Арутюнова Н. Д.* Лингвистические проблемы референции // НЗЛ. М., 1982. Вып. 13.
- Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // НЗЛ. М., 1985. Вып. 16.
- Баранов А. Н.* Коммуникативно-смысловая оппозиция «данное/новое»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М, 1984.
- Бенвенист Э.* Природа местоимений // Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
- Берка В. К.* Функции глагола *быть* с точки зрения современной формальной логики // Логико-грамматические очерки. М., 1961.
- Бродский И. Н.* Философские и логические аспекты проблемы отрицательного высказывания: Дис.... докт. филол. наук. Л., 1974.
- Булыгина Т. В.* О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. №4.
- Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М: Наука, 1982.
- Буслаев Ф. И.* Учебник русской грамматики... М., 1869.
- Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования // НЗЛ. М., 1985. Вып. 16.
- Вольф Е. М.* Грамматика и семантика местоимений. М: Наука, 1974.
- Вольф Е. М.* Грамматика и семантика прилагательного. М.: Наука, 1978.
- Всеволодова М. В., Юдина Л. П.* Учебник русского языка для поляков. М., 1963. Грамматика русского языка. М., 1952 (ГРЯ).
- Гулыга Е. В.* Автосемантия и синсемантия // 4-я научная сессия по германскому языкознанию ИЯ АН СССР: Тез. докл. М., 1964.
- Демьянков В. З.* «Субъект», «тема», «топик» в американской лингвистике последних лет // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1979. Т. 38. №4.
- Джустуи Ф.* Нереперентные показатели имени нарицательного // НЗЛ. М, 1985. Вып. 15.
- Донеллан К. С.* Референция и определенные дескрипции // НЗЛ. М., 1982. Вып. 13.
- Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
- Исаченко А. В.* О синтаксической природе местоимений // Проблемы современной филологии. М., 1965.

- Ковтунова И. И.* Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Крейдлин Г. Е.* Служебные слова в русском языке: Семантические и синтаксические аспекты их изучения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
- Кринке С.* Тождество и необходимость // НЗЛ. М., 1982. Вып. 13.
- Кронгауз М. А.* Тип референции именных групп с кванторными местоимениями все, всякий и каждый // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности: Тез. докл. М., 1983.
- Крылов С. А., Падучева Е. В.* Дейкис: общетеоретические и прагматические аспекты // Языковая реальность в аспекте лингвистической прагматики. М., 1983.
- Крылов С. А.* Категория детерминации в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика. М., 1984. Вып. 23.
- Левин Ю. И.* О семантике местоимений // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973.
- Лекомцев Ю. К.* Психическая ситуация, предложение, семантический признак: Труды по знаковым системам // Учен. зап. Тартуского ун-та, 1973. Вып. 308. №6.
- Лосев А. Ф.* Языковая структура. М., 1983.
- Майтинская К. Е.* Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969.
- Маковицкий Л. Я.* Вопросы истории предметно-личных местоимений // Учен. зап. ЛГПИ им А. И. Герцена. 1971. Т. 517.
- Маковицкий Л. Я.* Синтаксические условия функционирования неопределенных местоимений в современном русском языке // ФН. 1974.
- Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1969. Вып. 12.
- Моррис Ч.* Основания общей теории знаков // Семиотика. М., 1983.
- Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982.
- Николаева Т. М.* Функции частиц в высказывании. М.: Наука, 1985.
- Новое в зарубежной лингвистике. 1982. Вып. 13.
- Новое в зарубежной лингвистике. 1983. Вып. 14.
- Ноуэлл-Смит П. Х.* Логика прилагательных // НЗЛ. М., 1985. Вып. 16.
- Падучева Е. В.* Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1969. Вып. 12.
- Падучева Е. В.* Коммуникативная структура предложения и понятие коммуникативной парадигмы // Автоматическая обработка текста. 1984.
- Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью М.: Наука, 1985.
- Панде Х. Ч.* К семантике глагола существовать // Russian Linguistics. 1983. №7.
- Пете И.* Употребление неопределенных местоимений в современном русском языке // РЯШ. 1957. №2.
- Пешковский А. Н.* Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938.
- Пилка А. П.* Неопределенные детерминативы литовского языка: в сопоставлении с английским: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1984.
- Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1—2.
- Рассел Б.* Дескрипции // НЗЛ. М., 1982. Вып. 13.
- Розина Р. И.* Принципы классификации в лексической семантике: Имя существительное. М., 1982.
- Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1 (РГ).

- Селиверстова О. Н.* Опыт семантического анализа слов типа «все» и типа «кто-нибудь» // *Вопр. языкознания.* 1964. №4.
- Селиверстова О. Н.* Семантический анализ слов типа «все», «all» и типа «кто-нибудь», «some» в русском и английском языках: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.
- Селиверстова О. Н.* Значение и информация // *Теория речевой деятельности.* М., 1968.
- Селиверстова О. Н.* Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом *быть* II *Вопр. языкознания.* 1973. №5.
- Селиверстова О. Н.* Компонентный анализ многозначных слов. М.: Наука, 1975.
- Селиверстова О. Н.* Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания // *Принципы и методы семантических исследований.* М.: Наука, 1976.
- Селиверстова О. Н.* Константность и вариативность в семантической структуре многозначного глагола take и связанных с ним глаголов // *Семантическое и формальное варьирование.* М., 1979.
- Селиверстова О. Н.* Некоторые типы семантических гипотез и их верификация // *Гипотеза в современной лингвистике.* М., 1980.
- Селиверстова О. Н.* Экзистенциальность и посессивность в языке и речи: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1983.
- Селиверстова О. Н.* К вопросу о коммуникативной структуре предложения // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1984. Т. 43. №5.
- Семантические типы предикатов. М., 1982 (СТП).
- Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М., 1956.
- Смирницкий А. И.* Синтаксис английского языка. М., 1957.
- Смирницкий А. И.* Морфология английского языка. М., 1959.
- Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
- Степанов Ю. С.* Имена. Предикаты. Предложения. М.: Наука, 1981.
- Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка: (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). М.: Наука, 1985.
- Стросон П. Ф.* О референции // *НЗЛ.* М., 1982. Вып. 13.
- Сулейманова О. А.* Некоторые семантические типы субстантивов и их актуализаторы *весь/целый* и *all/whole*: Дис.... канд. филол. наук. М., 1986.
- Уфимцева А. А.* Типы словесных знаков. М.: Наука, 1975.
- Учебник русского языка для студентов-вьетнамцев / Под ред. П. С. Кузнецова. М.: Высшая школа, 1960 (УРЯВ).
- Фирбас Я.* Функция вопроса в процессе коммуникации // *Вопр. языкознания.* 1972. №2.
- Фреге Г.* Смысл и денотат // *Семиотика и информатика.* М., 1977. Вып. 8.
- Шелякин М. А.* О семантике и употреблении неопределенных местоимений в русском языке // *Учен. зап. Тартуского ун-та.* 1972. Вып. 442.
- Шмелев Д. Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.
- Шмелев Д. Н.* К типологии генерических именных групп // *Лингвистические исследования.* Типология, диалектология, этимология, компаративистика. М., 1984.
- Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
- Якобсон Р.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // *Принципы типологического описания языков различного строя.* М.: Наука, 1972.
- Яковлева Е. С.* Значение и употребление модальных слов, относимых к разряду показателей достоверности/недостоверности: Дис.... канд. филол. наук. М., 1983.

- Янко-Триницкая Н. А.* Местоименные слова со значением неопределенности // РЯШ. 1977. № 1.
- Ярцева В. Н.* Слова-заместители в современном английском языке // Учен. зап. ЛГУ. 1949. Вып. 14.
- Aissen J.* Prepositional there insertion: A cyclic root transformation // Papers from the 11th regional meeting. Chicago Linguistic Society. 1975. Vol. 11.
- Beneš E.* On two aspects of FSP // Travaux Linguistiques de Prague. 1968. № 3.
- Bloomfield L.* Language. N. Y., 1945.
- Bolinger D. L.* Linear modification. Publications of the modern language association of America. LXVII. 1952. Vol. 7.
- Bolinger D. L.* Ambient it is meaningful too // Journal of Linguistics. 1973. Vol. 9. № 2.
- Bolinger D. L.* The in-group: one and its compounds // The second Lacus forum. Columbia: Hornbeam, 1975.
- Bolinger D. L.* Meaning and form. L.; N. Y., 1977.
- Collinson W. E.* Indication: A study of demonstratives, articles and other «indicators». Baltimore, 1937.
- Comrie B.* Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems // Cambridge Textbooks in Linguistics. 2. Cambridge, 1976. Vol. 10.
- Dahl O.* Some notes on indefinites // Language. 1970. Vol. 46. № 1.
- Dahl O.* On generics // Formal semantics of natural language / Ed. by E. L. Keenan. Cambridge, 1975.
- Danes F.* Тéma (zaklad) Vychodisko vypovedi // Slovo a slovesnost. 1964. № 25.
- Danes F.* FSP and the text organisation. Papers on FSP. Prague, 1972.
- Davidson A.* Any as universal or existential? // The semantics of determiners. L., 1979.
- Dean J.* Non-specific noun phrases in English // (Report N NSF-20, mathematical linguistics and automatic translation. VII). Cambridge (Mass.), 1968.
- Fillmore C.J.* On the syntax of preverbs // Glossa. 1967. Vol. 1.
- Firbas J.* On defining the theme in functional sentence analysis // Travaux Linguistiques de Prague. 1966. № 1.
- Freed A. F.* The semantics of English aspectual complementation. Dordrecht, 1979.
- Geach P.* Reference and generality. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1962.
- Gensler O. D.* Non-syntactic antecedents and frame semantics // 3rd annual meeting of The Berkeley Linguistic Society. 1977.
- McGinn C.* Wittgenstein on Meaning: An Interpretation and Evaluation. Oxford: Blackwell, 1984.
- Le Grand J. E.* And or Or; some Somes and all Anys II Papers from the 10th Regional Meeting. Chicago Linguistic Society. 1974. Vol. 10.
- Le Grand J. E.* Or and Any. The semantics of two logical operators // Univ. of Chicago dissertation. 1975.
- Halliday M. A. K.* Notes on transitivity and theme in English // Journal of Linguistics. L., 1967. Vol. 3. № 1.
- Hirtle W. H.* Can any express any quality? // The 9th Lacus Forum. Columbia: Hornbeam press, 1982.
- Horn L.* On the semantic properties of logic operators in English // UCLA dissertation, reproduced by the Indiana University Linguistic Club. 1972.
- Jakobson P.* The syntax of crossing coreference sentences // Bloomington. 1979.

- Kahn Ch. H.* The Greek verb «to be» and the concept of being // *Foundations of language*. 1966. Vol. 2. № 3.
- Kamp H.* Semantics versus pragmatics // *Formal semantics and pragmatics for natural languages* / Ed. by F. Guenther, S. Schmidt. L., 1979. Vol. 4.
- Katz J. J., Langendoen D. T.* Pragmatics and presupposition // *Language*. 1976. Vol. 52. № 1.
- Klima E. S.* Negation in English // *The structure of language* / Ed. by J. Fodor, J. J. Katz. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1964.
- Křižkova H.* System neucitych zajmen v soucasnych slovanských jazycích // *Slavia XL*. 1971.
- Labov W.* Negative attraction and negative concord in English grammar // *Language*. 1972. Vol. 48.
- Lakoff R. T.* Some reasons why there can't be a some-any rule // *Language*. 1969. Vol. 45.
- Less R.* Review of **Bolinger**. Interrogative structures of American English // *Word*. 1960. Vol. 16.
- Levis D.* Adverbs of quantification // *Formal semantics of natural language* / Ed. by E. L. Keenan. Cambridge Univ. Press, 1975.
- Lyons J.* A note on possessive existential and locative sentences // *Foundations of Language*. 1967. Vol. 3.
- Markowich D., Paillard D.* A propos de quelques indéfinis en russe // *Opérations de détermination: Théorie et description*. P., 1981. Vol. 1.
- Milsark G. L.* Towards an explanation of certain peculiarities of the existential constructions in English // *Linguistic Analysis*. N. Y., 1977. № 3.
- Paillard D.* Enonciation et Détermination en russe contemporain. P., 1984.
- Parrel H.* Demonstratives and the I-sayer // *The semantics of determiners* / Ed. by J. van der Auwera. L., 1979
- Platteau F.* Definite and indefinite generics // *The semantics of determiners* / Ed. by J. van der Auwera. L., 1979.
- Postal P.* On so-called pronouns in English // *Modern Studies in English*. N. Y., 1966.
- Poutsma H. A.* Grammar of late modern English. **Grøningen**: P. Noordhoff, 1916.
- Quine W.* Word and object. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1960.
- Quine W.* Logic as a source of syntactical insight // *Structure of language and its mathematical aspects*. Providence, 1961.
- Reichenbach H.* Elements of symbolic logic. N. Y: The MacMillan Co., 1947.
- Ross J.* There (there, (there, (there...))) // *Papers from the 10th Regional Meeting*. Chicago Linguistic Society. 1974. Vol. 10.
- Růžička R.* Кто-то und кто-нибудь II *Zeitschrift für Slawistik*. 1973. Bd 18. № 5.
- Rybák I.* Charakter opozicie neucitych zamen typu кто-нибудь/кто-то II *Ceskoslovenska rusistika*. 1965. № 4.
- Sahlin E.* Some and any in spoken and written English. Uppsala: **Studia Anglistica Uppsaliensia**, 1979.
- Schiffer S.* Naming and knowing // *Contemporary perspectives in the philosophy of language*. Minneapolis: Minnesota Univ. Press, 1979.
- Semantics of determiners / Ed. by J. van der Auwera. L., 1979 (SD).
- Stowell T.* What was there before there was there // *Papers from the 14th Regional meeting*. Chicago Linguistic Society. 1978. Vol. 14.
- Sweet H.* A new English grammar. Oxford, 1930.
- Tesniere L.* Eléments de syntaxe structurale. P., 1959.
- Vendler Z.* The grammar of goodness // *Vendler Z.* Linguistics in philosophy. N. Y., 1967.

6.

КОНТРАСТИВНАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ
СЕМАНТИКА.
ОПЫТ ОПИСАНИЯ

О. Н. Селиверстова. Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания.
М.: Наука, 1990.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая книга относится к числу работ по контрастивной (сопоставительной) синтаксической семантике. Непосредственным предметом сопоставления послужили глаголы «быть» и «иметь» в русском и английском языках, а также образованные с помощью этих глаголов различные предикативные типы и синтаксические модели. Среди них важное место занимают экзистенциальные и посессивные модели, которые и стали основным объектом исследования.

Сопоставление языков давно привлекает лингвистов. С этим направлением исследований связаны, в частности, имена таких ученых, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, М. М. Покровский, Л. В. Щерба, Е. Д. Поливанов. Вместе с тем цели и значимость сопоставления языков, а также методы сопоставления часто по-разному оцениваются различными лингвистами, см.: [Sharmood-Smith 1974; Ярцева, 1981]. Так, представители Пражского лингвистического кружка обращали внимание прежде всего на теоретическую значимость сопоставления, полагая, что оно способствует более глубокому осмыслению каждого языка и в том числе родного. Например, В. Скаличка писал: «Все языки—даже самые непохожие—очень близки друг к другу. Своеобразие каждого из них отчетливо проявляется только при сравнении с другими языками» [1967: 131]. Ч. Фриз и Р. Ладо, напротив, ставили перед собой в основном практические задачи, переводческого и лингводидактического характера. В настоящее время чаще всего отмечается необходимость соединения этих направлений. Так, В. Н. Ярцева пишет, что контрастивная лингвистика находится на пересечении теории и практики ([1981: 4]; см. также: [Исаченко 1954; Гак 1983]).

Потенциал как теоретических, так и практических возможностей, заложенный в сопоставлении и противопоставлении языков, и послужил причиной выбора темы исследования.

Сопоставление глаголов «быть» и «иметь» интересно прежде всего под углом зрения того, одинаковы ли языковые концепты категорий экзистенциальности и посессивности в разных языках. В лингвистике уже давно высказывалась гипотеза, что существование представлено в английском языке пространственно и, таким образом, соответствует толкованию этого понятия в древнегреческой философии: «существовать — значит быть где-то». По мнению некоторых лингвистов, к числу которых относится и автор предлагаемой монографии, подобное же «видение» данного явления отразилось в концептуальной системе русского языка. Такая трактовка категории существования в русском и английском языках не является общепринятой. В книге проводится мысль о том, что категория существования в языке неоднородна, но большинство экзистенциальных моделей вносят пространственную интерпретацию. (Другой тип экзистенциальности связан прежде всего с локализацией во времени: «существовать — занимать точку или отрезок на оси времени».) Поскольку предметом дискуссии в лингвистике служит не само сходство между русским языком и английским, а обоснованность пространственной трактовки, в книге акцентируется внимание именно на этом вопросе, и материал русского языка и английского рассматривается вместе (гл. I). Тем не менее совпадение «видения» этой фундаментальной категории в обоих языках не может рассматриваться как исходно предопределенное и, таким образом, оно важно в плане сопоставления. Не менее значимо тождество общего понимания категории посессивности. Основная трудность, однако, заключалась в самом определении данного понятия, что и сказалось на подаче материала.

Необходимость разработки или выбора понятийного аппарата описания и проверки его соответствия языку касалась не только категорий экзистенциальноеTM и посессивности, но и ряда других затрагиваемых явлений. К их числу относится прежде всего область приложения теории актуального членения. В книге аргументируется необходимость разграничения по крайней мере трех явлений: информативной структуры («данное»/«новое», «новое»/«новое» и т. д.); коммуникативной перспективы; коммуникативной членности/нечленности. Уточняются также понятия состояния, результата и ряд других. Рассматривается проблема выделения синтаксических моделей, или — в другой терминологии — структурных схем. Таким образом, параллельно собственно сопоставительному аспекту исследования, разрабатываются и уточняются используемые метапонятия.

Наряду с установлением тождества или различия в представлении семантических категорий, сопоставление языков может быть использовано при дока-

зательстве обоснованности поиска общего значения категории. Данная проблема касается, в частности, категории **посессивности**. Своеобразие этой категории заключается в том, что она распадается на множество частных случаев и, таким образом, возникает вопрос, следует ли их связывать с одной категорией или считать, что здесь наблюдается полисемия. Важным аргументом в пользу оправданности поиска общего значения служит, как нам представляется, тот факт, что в разных языках разнообразные посессивные отношения включаются в семантический объем одной формальной единицы (лексемы, синтаксической модели). Такое совпадение не может быть случайным.

Научный интерес представляет и вопрос о том, как реализуются в разных языках категории, в основе которых лежит одно и то же семантическое понятие. Для ответа на этот вопрос проводилось и различие в наборе семантических признаков, по которым различаются между собой отдельные экзистенциальные, посессивные и экзистенциально-посессивные модели. Рассматривались также некоторые неэкзистенциальные модели, которые в определенных условиях употребления оказываются синонимичными экзистенциальным. Во-вторых выявлялись особенности, связанные с заполнением синтаксических позиций, присущих различным моделям. В-третьих, сравнивались возможности употребления экзистенциальных предложений в зависимости от типа текста (были рассмотрены лишь немногие типы текстов). В-четвертых, сопоставлялись особенности денотативной отнесенности, обусловленные возможностью разного осмысления денотативной ситуации.

При сопоставлении по всем перечисленным параметрам обнаружилось довольно большие различия между русским языком и английским. Это и позволило отнести предлагаемую книгу к числу контрастных исследований.

В книге сделана попытка найти зависимость по крайней мере некоторых из наблюдаемых различий от системы языка в целом (аналитичность, синтетичность) и от отдельных ее фрагментов. В связи с этим объектом частичного рассмотрения стало и поле **аспектуальности** в русском языке и английском. Исследовалось также влияние более жесткого и более свободного порядка слов на употребление экзистенциальных предложений.

Этапу непосредственного сопоставления в большинстве случаев предшествовало независимое исследование изучаемых явлений в каждом из сравниваемых языков, что и отражено в структуре построения книги.

Определяя метод исследования в самом общем виде, можно его назвать — используя философский термин — **гипотетико-дедуктивным**. Этот метод включает все частные лингвистические приемы **анализа** — **контекстный**, **дистрибутивный** и т. д. Как и в других своих исследованиях, автор использовал экспериментальную методику, включающую в себя работу с информантами, см. [Селиверстова 1982].

В книге обобщаются результаты многолетних исследований автора, часть из которых была опубликована раньше. В этих случаях часто не излагаются подробно аргументы в пользу полученных результатов и не анализируется опрос информантов. Однако все результаты были получены с помощью одной и той же методики, хотя при этом число информантов, по независимым от автора причинам, могло варьироваться. Так, в некоторых опросах участвовало от 10 до 12 человек, в других число информантов иногда сводилось к 3—4. Обычно опрашивались научные сотрудники, преподаватели и редакторы в возрасте от 30 до 60 лет. В работе над английским материалом участвовали англичане, в основном преподаватели английского языка и студенты.

Глава I

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОСТЬ, ЛОКАТИВНОСТЬ

И ПОСЕССИВНОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

ТИПЫ ПРЕДИКАТОВ

В гл. I решаются три основные задачи, связанные с выявлением природы экзистенциальных и экзистенциально-посессивных предложений: как в языке представлены понятия экзистенциальности и посессивности; какой тип актуального членения присущ экзистенциальным предложениям; к какому типу предикатов в рамках их классификации на действия, состояния, качества и т. д. относятся связочное и экзистенциальное «быть» и как они соотносятся между собой.

Решение третьей задачи потребовало пересмотра существующих классификаций предикатов. Предлагаемая классификация ближе всего стоит к традиционному делению предикатов на действия, состояния, качества и т. д., но отличается от него прежде всего тем, что в ней в явной форме сформулированы признаки, лежащие в основе классификации. Кроме того, введены новые классификационные ячейки.

Раскрытие содержания понятия «экзистенциальность» важно не только для лингвистики, но и для философии и логики (см. обзоры работ по данной теме: [Берка 1961; Bellert 1972; Целищев 1976; Фромм 1986]). Однако решения, истинные для логики и философии, могут не соответствовать представлению понятия экзистенциальности в системе языка. Поэтому в лингвистике стоит задача проверки соответствия той или иной философской концепции значению языковых единиц. В работе развивается пространственная интерпретация основных типов экзистенциальных предложений, которая представлена и в

других работах: [Allen 1973; Kahn 1966; Бенвенист 1974; Halliday 1967; Lyons 1967; Kimball 1973; Арутюнова 1976; Erdmann 1976 и др.]. Наряду с этим в лингвистике получила широкое распространение и непространственная трактовка понятия экзистенциальности [Есперсен 1950: 155; Clark 1970; Walters 1974; Воронцова 1981; Воейкова 1987]¹.

Проведенное исследование, основанное на использовании экспериментальной методики, позволило выдвинуть новые аргументы, подтверждающие оправданность пространственной интерпретации. Значительная часть этих аргументов приводилась в наших предыдущих публикациях [Селиверстова 1973; 1977; 1983]. Здесь эти аргументы обобщаются и дополняются.

Для удобства дальнейшего изложения запишем исследуемые модели в следующей форме: «*У (быть) нос*», «*нос (быть) У*» («*В X-е (есть) У*», «*В S (есть) У*», «*Перед X-м (есть) У*», «*Среди X-в (есть) У*» и т. п.), «*У X-а (есть) У*», «*Химет У*», «*У существует*». *У* обозначает либо объект, находящийся в том или ином пространстве, либо языковую единицу (*У*), имеющую этот объект своим денотатом; *X* — либо объект, к которому имеет то или иное отношение, описываемое пространство, или само это пространство, если в этой функции выступает человек или животное, либо *X* символизирует языковую единицу, обозначающую указанный объект-пространство; *Loc* — пространство, а также локативный член предложения (*Loc*); символ *S* — либо пространство, либо слово, его обозначающее (*S*); символ *S* будет обычно употребляться в сочетании с предлогом (*в S*; *у S*), а также если речь идет о двойном упоминании пространства (см. гл. V).

1. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОСТЬ И ПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ

1.1. Понятие пространства

Почти все экзистенциальные предложения, рассматриваемые в книге, относятся к классу пространственных.

Слово *пространство* мы употребляем в широком смысле и относим его не только к физическому пространству, но и к пространству множества, пространству ситуации, пространству функциональной системы типа «завод», «институт» и т. д. Включение того или иного слова естественного языка в метаязык описания в какой-то степени произвольно, если оно получает определение в рамках метаязыка. Однако желательно, чтобы терминологическое употребление слова не противоречило бы прямо его обычному значению, а лишь сужало или, наоборот, расширяло бы его объем. Данному требованию,

См. также подробный обзор различных точек зрения: [Breivik 1983].

как нам представляется, удовлетворяет предлагаемое терминологическое употребление слова *пространство*. Это слово чрезвычайно широко употребляется метафорически, а иногда просто в некотором расширительном значении. Поэтому такое употребление, как пространство ситуации, пространство системы не является чем-то совершенно искусственным и понятно без специального толкования. Предлагаемое широкое употребление термина «пространство» близко, хотя и не тождественно его употреблению в других науках и, в частности, в математике.

В математике пространство определяется через понятие множества (см. статью в БСЭ, изд. 3, написанную А. Д. Александровым). Более соответствующим языковому представлению пространства является скорее его геометрическое изображение: всякое пространство, описываемое в языке, можно представить в виде одно-, двух-, или многомерной структуры. Такое представление не противоречит определению пространства через множество (пространство можно изобразить как дискретное или недискретное множество графических точек, образующих ту или иную структуру). Однако в языке термин «множество» более естественно употреблять либо в том случае, когда образующие его элементы не составляют единого объекта (например, множество родственников некоторого лица), либо когда элементы, его составляющие, хотя и образуют единый объект, четко в нем вычленимы, и объект можно мысленно или фактически разделить на эти элементы (например, части тела, части машины и т. д.). Мы будем употреблять термин «множество» только при наличии одного из этих условий. Таким образом, данный термин будет использоваться только по отношению к некоторым видам пространств.

Поскольку в рамках последующего изложения будут постоянно рассматриваться разные виды пространства, нам представляется полезным наметить их классификацию.

Среди видов пространства можно выделить мир действительности. SR и мир вышисла (SR), взятые в противопоставлении друг другу. Мир, созданный мыслью человека, не всегда воспринимается как нечто противоположное действительности. Он может рассматриваться и как ее отображение или, во всяком случае, не противопоставляться ей. В пределах объективного мира и мира, созданного мыслью человека, различаются пространства классов множеств SM), создаваемые набором элементов, объединенных по некоторому общему свойству и только по нему (положение элементов, их дополнительные связи между собой не учитываются), и пространства, не принадлежащие к этому типу (SM).

Пространства, входящие в каждую из перечисленных категорий, весьма разнообразны. В пределах категории SM можно прежде всего выделить собственно множества и классы, т. е. такие множества, в элементах которых учитываются

только свойства, общие для всех элементов, причем их число может быть не фиксировано. Напротив, множества других типов могут состоять из индивидуализированно охарактеризованных элементов, число которых ограничено. Кроме того, классы могут рассматриваться как обобщения более высокого уровня по сравнению с их элементами (членами), и в этом случае они уже не относятся к множествам. Далее, и классы, и собственно множества различаются по типу элементов. Например, в SM выделяются классы, элементами которых являются свойства, чувства, предметы, люди, отрезки времени и т. д. Можно отметить такие множества, элементы которых представляют собой предметы собственности, далее—то, что может, должно быть сделано, или то, что должно учитываться при сложившейся ситуации или под углом зрения рассматриваемой проблемы.

Пространства, относящиеся к категории SM , делятся на пространства, которые, не представляя собой множества, включают их в свою структуру ($SM\ m$), и пространства, в образовании которых не участвуют множества. В пределах пространств вида SM выделяются пространства естественного мира (например, мир макрокосмоса, микрокосмоса, животный, растительный мир, мир физики, химии и т. д.), пространства социального или социально-производственного мира (например, социалистическое общество, завод, институт), а также пространства, представляющие собой продукты общества или отдельного человека (язык, искусство, наука, идеология, культура и отдельные науки, искусства) и т. д. Категорию $S\ SM\ m$ можно разделить на пространства отношений ($SRel$) и пространства, не принадлежащие к этому типу ($SRel$). Пространства типа $SRel$, в свою очередь, подразделяются на пространства, имеющие физические измерения, и пространства, не имеющие этих измерений, например пространство чувств, идей, пространство действий, событий. К последнему подразделению можно по-видимому, отнести и ситуации. В качестве особого пространства может выступать и тот или иной отрезок существования X -а. Здесь слово *существование* мы употребляем в смысле «жизнь, жизнедеятельность».

Все рассмотренные виды пространств могут члениться на **бóльшие** и **меньшие** (например, завод и цех), а также классы пространств и индивидуальные пространства (например, роман как жанр и отдельный роман). Пространство времени обычно воспринимается не просто как тот или иной отрезок объективной оси времени, а как измерение протяженности во времени некоторого события, тех или иных отношений и т. д. Например, предложение *There's no morning after with her* (Barstow) 'Но потом уже не будет утра с ней' сообщает об отсутствии Y -а в пределах **временного** отрезка («будущее автора речи»). Фактор времени часто выступает как дополнительная характеристика пространства отношений, физического пространства, психического или физиологического состояния какого-либо лица и т. д. Приведем примеры других типов

пространств. Предложение *В том лесу есть озеро* сообщает о нахождении в физическом пространстве S (лес) Y-а, относящегося к классу «озера». Фраза *В моей душе сомненья нет* несет информацию об отсутствии Y-а (сомнение) в психическом пространстве. В стихотворном отрывке *Есть в близости людей заветная черта. Ее не перейти влюбленности и страсти* (Ахматова) говорится о наличии «заветной черты» в пространстве человеческих отношений. См. также: *В моей юности не было ни одного значительного события*, где сообщается об отсутствии Y-а (события) в некотором временном отрезке существования автора речи. В других предложениях речь идет о нахождении в пространстве класса или множества: *В моей группе есть много способных девочек*; *У меня есть эта книга* (т. е. в множестве «предметы собственности автора речи» есть данная книга); *У него есть одна слабость* (т. е. в множестве «свойства данного лица» есть некоторая слабость) и т. д.

Денотаты значительной части слов не являются постоянными членами класса «пространства». Они получают данную характеристику лишь в определенных синтаксических или лексико-синтаксических моделях. Кроме того, денотаты одних и тех же слов в зависимости от контекста могут представлять собой разные виды пространства. Например, обозначаемое слово *fairytale* 'сказка' может рассматриваться как нечто, противоположное действительности, т. е. входить в категорию SR и как особый вид искусства (S_{art}). Денотаты слов типа *man*, *woman* могут интерпретироваться и как физические пространства, и как психические, духовные сущности. Представление о виде пространства иногда зависит от характеристики Y-а. Так, если Y есть действие, пространство его нахождения воспринимается как имеющее временные измерения, а не только геометрические.

«Поведение» экзистенциальных моделей при описании разных типов пространств не всегда полностью совпадает. В частности, есть глаголы, использование которых ограничено некоторыми типами пространств. Например, глагол *exist* употребляется, если речь идет о противопоставлении реального нереальному (SR—SR). Кроме того, этот глагол используется для передачи информации о наличии Y-а в пространствах типа «язык», «искусство», «животный мир» и т. д., но не может, например, употребляться, когда описывается нахождение объекта в социально-производственной системе или в каком-то физическом пространстве. Так, нельзя сказать **На нашей фабрике существует доктор*; **Он существует в Киеве*.

Определение понятия «пространство» было бы неполным, если бы мы не учли ту функцию, которую выполняет пространство—помещать в себя что-то, включать в себя что-то. Эта функция учитывается и при обобщенном математическом определении пространства. Так, А. Д. Александров в указанной выше статье пишет: «Пространство, в математике, логически мыслимая

форма (или структура), служащая средой, в которой осуществляются другие формы и те или иные конструкции» (с. 337). Под этим углом зрения понятие «пространство», отображенное в языке, можно истолковать как нечто, в рамках чего может находиться объект (элемент) или иметь место действие или событие. Мы будем в общем виде употреблять для обозначения обоих случаев термин «нахождение», причем будем использовать его в более широком смысле, чем тот, который этот термин имеет в естественном языке. Отталкиваясь от геометрического представления пространства, мы будем считать, что нахождение некоторого объекта (Y -а) в S означает, что точка, соответствующая Y -у, стоит в рамках той конфигурации, которая образуется точками пространства S . Можно также сказать, что нахождение Y -а в S означает, что положение Y -а может быть определено в системе координат пространства S . Первая формулировка, однако, более соответствует интуитивному представлению о нахождении. Точки пространства могут быть однородными с Y -м, И тогда Y — элемент множества, образующего пространство S . Если точки пространства неоднородны с Y -м, тогда Y только находится в S , но не является элементом множества, его составляющего.

1.2. Первое понятие экзистенциальности Ex_1

Данное выше определение не разграничивает собственно нахождение и существование. Понятие существования в той форме, в которой оно отображено в языке, неоднородно. Первое, главное, значение существования, как мы полагаем, отображает представление о «нахождении» в мире действительности или, напротив, в мире вымысла, сказки, фантазии. Запишем это значение через символ Ex_1 .

Такая трактовка существования отлична от философских концепций, в которых данное понятие не имеет пространственной интерпретации и строится на противопоставленности действительного, истинного мнимому, воображаемому, см.: [Фромм 1986: 53]. Исключение составляет только древнегреческая философия, в которой существование связывалось с представлением о нахождении где-то, см.: [Kahn 1966]. Попытаемся показать, что пространственная трактовка существования, которая включает представление о разных формах существования (в том числе и в иллюзорном мире), в большей степени соответствует значению языковых единиц, точнее отражая, таким образом, картину мира, созданную языком.

В логических работах утверждается, что указание на индивид уже предполагает его существование в указанном философском понимании термина. Вследствие этого такие предложения, как *Гомер (не) существовал*, рассматриваются как парадоксальные с логической точки зрения. Имеются разные объяснения

допустимости подобных высказываний. Одна из этих попыток связана с теорией дескрипций. В соответствии с этой теорией предложения существования сообщают не об индивиде, а о свойстве. Например, предложение *Автор Веверлея существовал* показывает, что свойство «быть автором Веверлея» истинно по отношению к одному и только к одному индивиду, или, иначе, это свойство принадлежит данному индивиду. Такое понимание существования восходит к концепциям Г. Фреге, Б. Рассела и др. (о различных логических концепциях существования см.: [Целищев 1976]).

Вряд ли, однако, можно полностью принять данную трактовку. С лингвистической точки зрения представляется очевидным, что именная группа здесь не обозначает свойства. Такую денотативную отнесенность подобные именные группы получают лишь в особых синтаксических условиях и прежде всего при употреблении в функции предиката (*Он у вас прямо Есенин*). В приведенном же случае речь может идти о другом типе нереферентного употребления, который был впервые отмечен К. Доннелланом. При этом, как мы бы сказали, непосредственным денотатом языкового знака служит конструкт индивида, определенный только по его свойствам, но не сводимый к этим свойствам, т. е. предполагающий некоторого абстрагированного носителя свойства. Так, можно предположить, что слово *Гомер* в приведенном высказывании характеризует актанта ситуации, как того, кому приписывается имя Гомер и того, кому приписывается написание Илиады и Одиссеи. Если признать правильной такую интерпретацию, то отмеченный логический парадокс не будет снят. Проведенный опрос информантов показывает, что при такой денотативной отнесенности сохраняется презумпция существования. Так, известный пример Доннеллана *Убийца Смиа сумасшедший воспринимается — независимо от того, имеется ли в виду конкретное лицо или нет — как строящийся на презумпции существования того, кто убил*².

Более того, представляется, что рассматриваемые высказывания чаще воспринимаются как сообщения о «конкретном» индивиде. Именно так, вероятно, представлен денотат слова *Гомер* для человека, который видел бюсты Гомера и читал рассуждения о его личности и т. д. Подобно этому после подробного рассказа о судьбе какого-нибудь легендарного героя фраза *А, между прочим, он действительно существовал* психологически должна быть скорее воспринята как сообщение о «конкретном» индивиде. Предлагаемая пространственная интерпретация снимает рассматриваемый логический парадокс, независимо от типа денотативной отнесенности именной группы [Селиверстова 1983: 57].

² Эта презумпция либо исчезает, либо становится менее очевидной лишь при иной модальной характеристике предиката (*Убийцей Смиа мог быть только сумасшедший; Такое преступление мог совершить только сумасшедший* и т. п.).

В соответствии с такой интерпретацией представление актанта ситуации как индивида предполагает его существование где-то, т. е. либо в мире действительности, либо в мире фантазии, вымысла³. Вследствие этого, предложения типа *Гомер существовал* не являются парадоксальными, так как строятся на презумпции существования Гомера по крайней мере в мире легенды и сообщают о существовании его и в мире действительности. В пользу возможности такой интерпретации говорит прежде всего то, что представление об индивиде не связано только с миром действительности. Так, рассказывая содержание художественного произведения, говорящий изображает персонажи как индивиды (*В это время князь Андрей подошел к Наташе*), несмотря на то что их существование ограничено миром вымысла. Далее, если языковое понятие существования сводилось бы к значению 'быть действительным', такие предложения, как *Этот человек существует только в твоей фантазии* не соответствовали бы норме. Ср. предложение: *Этот человек действительно реальное лицо только в твоей фантазии*, которое либо воспринимается как бессмысленное, либо как неточное выражение мысли. Наконец, в пользу пространственной интерпретации говорит употребление или возможность добавления локативного члена предложения, которое было бы излишне, если бы экзистенциальные предложения несли информацию, например, о соответствии описываемого свойства реальному лицу или предмету. Так, предложение *Автор Веверлея существовал в действительности, а не только в легендах* нельзя интерпретировать как 'свойство быть автором Веверлея соответствует реальному лицу в мире действительности', поскольку это соответствие не может относиться ни к какому другому миру. См. также: *На земле существовало еще одно лицо, к которому Варвара Петровна была привязана не менее, как к Степану Трофимовичу, — единственный сын ее, Николай Всеволодович Ставрогин* (Достоевский. Пример взят из: [Воейкова 1987: 5]⁴). Частое опущение локативного члена в тех случаях, когда речь идет о мире действительности, можно объяснить тем обстоятельством, что существование в рамках данного пространства является основным и поэтому отнесенность именно к нему подразумевается.

Таким образом, мы полагаем, что одно из значений существования, причем это значение можно считать главным по крайней мере для несобытийных явлений, можно интерпретировать так: занимать точку (находиться) в мире действительности (Ex₁) или, напротив, в мире фантазии, вымысла (Ex₁).

³ Ср. рассуждения Дж. Лайонза [Lyons 1978: 449—450] о том, что слова типа *gob-lin* имеют свой денотат, поскольку их существование в каком-то смысле предполагается.

⁴ В приведенном примере предполагается скорее противопоставление земного мира потустороннему, а не противопоставление реальности и фантазии.

Принадлежность к каждому из этих миров предполагает и особые свойства «находящихся» в них объектов. Вследствие этого здесь возникает более глубокая связь между объектом и пространством, чем в случаях простого «нахождения».

1.3. Другие понятия экзистенциальности — E_{x_2} и E_{x_3}

Рассмотрим вопрос о том, оправданно ли относить к категории экзистенциальных и такие предложения, как *В лесу есть озеро*, *there is a book on the table* и т. д. Традиция их отнесения к экзистенциальным была связана с тем, что им приписывалось значение 'быть действительным, быть в действительности', вероятно, обусловлено тем, что информация о нахождении объекта в том или ином конкретном физическом пространстве предполагает существование этого объекта. По-видимому, подобные же соображения послужили основанием для включения в категорию экзистенциальности (E_{x_1}) и предложений, построенных по модели «*X has Y*», см.: [Clark 1970]: обладание предметом предполагает его существование. Рассмотрению данных моделей как экзистенциальных (E_{x_1}) способствовало и то, что в английском языке эти модели чаще всего употребляются лишь в тех случаях, когда *Y* не упоминался в предыдущей речи говорящих.

В русском языке, однако, такого ограничения нет. Так, можно сказать: *В комнате женщина* и *В комнате Маша*.

Более того, даже если бы отмеченное ограничение существовало всюду, оно не давало бы еще основания для вывода о том, что в значение рассматриваемых предложений входит признак E_{x_1} . Говорящий, строящий, например, фразу *На столе книга*, предполагает существование книг заранее известным и сообщает только о том, что объект из класса «книги» обнаруживается в пределах данного пространства («на столе»). Справедливость именно такой интерпретации подобных предложений подтверждается тем, что эти предложения не воспринимаются как тождественные сообщениям типа *Есть такая книга, которая лежит на столе; Существует книга, причем эта книга лежит на столе*. Предложения типа *На столе книга* можно сравнить с такими фразами, как *Девочка пишет письмо*, цель которых не заключается в том, чтобы сообщить о существовании субъекта действия, хотя его существование предполагается. Таким образом, информация о существовании *Y*-а в предложениях, построенных по моделям «в *X*-е {есть} *Y*» и «*X has Y*», выступает как исходная, заданная, т. е. иными словами, относится к пресуппозиции высказывания, или вытекает из сообщаемого.

Сведения, входящие в пресуппозицию высказывания, необязательно принадлежат только контексту. Их можно признать компонентом значения в том случае, когда они определяют отличие данной языковой единицы от некоторых других

языковых единиц. Информация E_{X_1} не играет такую роль в высказываниях, построенных по моделям «У X-a (есть) Y», «В X-e (есть) Y», «There is Y» и т. д.

Пресуппозиционный и, больше того, необязательный характер признака E_{X_1} подтверждается также следующим: если бы говорящий стал описывать некоторый фантастический мир, сознательно желая подчеркнуть, что все в нем иллюзорно, он все-таки мог бы использовать исследуемые модели.

Отметим также, что даже в обычных условиях речи высказывания, построенные по моделям типа «У X-a есть Y» «В X-e(S) есть Y» не всегда предполагают существования Y-a. Например: *Есть что-то успокаивающее в молчании* (т. е., если, когда имеет место S, то в нем есть Y); *Есть какая-то тайная прелесть в осенних вечерах*.

Таким образом, мы полагаем, что большинство так называемых экзистенциальных предложений не включает в свое значение признак E_{X_1} , и их предикат не представляет собой соединений двух предикатов: существует и находится. Вследствие этого есть основание вообще не относить рассматриваемые предложения к категории экзистенциальных и интерпретировать их просто как пространственные, как предлагает Ч. Панде [1983]. Мы, однако, сохраним здесь термин «экзистенциальные», но обозначим его особым символом E_{X_2} . Сохранение данного термина частично связано с нежеланием нарушать традицию, но прежде всего с тем, что в семантической структуре языка значение «нахождение в мире действительности» четко не отделено от многих других случаев «нахождения». Так, не только глагол *быть*, но и глагол *существовать* может использоваться при указании на отнесенность к другим типам пространства; см., например: *В физике существует понятие пятимерного пространства*. Мы отмечали также противопоставленность земного мира потустороннему, который не обязательно отождествляется с миром фантазии. Кроме того, как мы говорили, пространство может быть сложным и включать в себя другие пространства. Сказанное относится и к миру действительности: при реализации значения E_{X_1} , вероятно, может возникнуть представление о вхождении во множество объектов, принадлежащих данному миру. Например, так скорее всего можно толковать предложение: «*Бытие, — говорил Парменид, — есть, а небытия вовсе нет*» (Герцен); здесь сообщается о наличии «бытия» среди явлений действительного мира и об отсутствии небытия (пример взят из кн.: [Воейкова 1987: 5], но интерпретирован иначе).

В лингвистике существует мнение, в соответствии с которым экзистенциальные высказывания отличаются от локативных только по коммуникативной структуре высказывания: экзистенциальные предложения сообщают о наличии объекта (в нашем обозначении — Y-a) в пространстве, а локативные — о том, где находится Y [Kahn 1966]. Эта точка зрения развивается и в наших работах, с тем, однако, отличием, что особый тип ориентированности высказывания мы связываем только со значением E_{X_2} . Значение же E_{X_1} не зависит от

функциональной (коммуникативной) перспективы. Кроме того, как мы попытаемся показать, основные экзистенциальные модели имеют еще некоторые признаки, отличающие их от локативных, в частности, они обычно предполагают более тесную связь между объектом и пространством.

Выделение значения Ex_2 часто самоочевидно и не требует специальной проверки. Однако в некоторых случаях оправданность пространственной интерпретации требует доказательства (см. п. 1.4).

К классу экзистенциальных относят и такие глаголы, как *происходить*, *случаться*, *иметь место*, которые употребляются обычно при именах, обозначающих события. О событиях принято говорить, что они существуют во времени, а **предметы** — в пространстве. Более точно было бы сказать, что и предметы, и события представлены в языке (или во всяком случае во многих языках) как существующие и во времени, и в пространстве. Однако связь событий со временем более тесная, более непосредственная. О предметах можно сказать, что они существуют в некотором пространстве в определенный момент или период времени. Напротив, события существуют во времени, которое само принадлежит некоторому пространству (например, миру действительности или какому-то вымышленному миру, созданному в художественном произведении). Их отнесенность к конкретному, частному пространству необязательна⁵. Такая тесная связь событий со временем определяется формой их существования. В п. 3 мы попытаемся показать, что события представлены в языке как состоящие из набора сменяющих друг друга фаз: каждая фаза появляется и исчезает вместе с соответствующим моментом времени. Вследствие этого можно сказать, что события «локализованы» во времени, т. е. их фазы распределены по **временному** отрезку и сменяют друг друга при его протекании. Именно на такую форму существования указывают, как мы полагаем, глаголы типа *происходить*, *случаться*. Например: *Взрыв произошел вчера в 6.30* (на временной оси есть точка, которую занимает описываемое событие, и в рамках этой точки реализовалось «протекание» события). Указание на отнесенность к миру действительности или, напротив, миру вымысла принадлежит здесь только пресуппозиции. Ср.: *Объяснение Анны Карениной с мужем произошло после скачек*. Добавление локативного члена необязательно, а иногда и невозможно (*Их роман длился три года*). Если относить глаголы типа *происходить* к экзистенциальным, то нужно выделить еще один тип экзистенциальности — Ex_3 (существование во времени). Ex_3 — информация о том, что денотат подлежащего занимает точку или отрезок на оси времени и «протекает» в рамках этого времени. Отметим, что глагол *существовать* также может относиться к событийным существительным, но он не

⁵ На особое место глаголов типа *происходить* в рамках категории экзистенциальности любезно обратил наше внимание А. В. Бондарко.

акцентирует внимания на форме их существования во времени, и поэтому не связан с конкретным моментом времени внутри заданного периода. Например, можно сказать: *В этих странах в XIX веке существовало людоедство* (т. е. людоедство еще входило в число принятых установлений норм поведения) и *В этих странах в XIX веке еще имели место отдельные случаи людоедства*.

В книге предикаты, объединенные значением E_{X_3} , не рассматриваются.

Хотя время представляет собой принципиально иную категорию по сравнению с пространством, в определенных условиях оно может выступать в функции пространства (понятие пространства в языке, как мы говорили, функционально). Так, временной отрезок является пространством по отношению к отдельным точкам этого отрезка. Кроме того, событие, распределенное по временному отрезку (например, жизнь того или иного лица), может также выступать в функции пространства по отношению к более частным событиям, составляющим его.

1.4. Имеет ли модель «УХ-а (есть) Y» пространственное значение?

Рассмотрим теперь вопрос об оправданности пространственной интерпретации экзистенциальных предложение типа E_{X_2} . Ее справедливость наименее очевидна по отношению к экзистенциально-посессивным предложениям. Поэтому мы остановимся именно на них.

Мы не рассматриваем посессивные отношения как обязательно пространственные (см. п. 2). Однако признаки пространственности и посессивности часто соединяются. Как будет видно из дальнейшего изложения, в языковой картине мира объект как бы «окружен» различными пространствами, чаще всего типа множеств, связанных с ним посессивными отношениями. Так, предполагается, что человек имеет или, во всяком случае, может иметь множество элементов собственности, множество родственников и т. д. Это позволяет строить сообщение о посессивном отношении между X-м (посессор) и Y-м (обладаемое) как бы не непосредственно, а через указание о вхождении Y-а в то или иное пространство, связанное посессивным отношением с X-м. Наряду с этим посессивное отношение может быть представлено и как отношение между двумя объектами. Ранее мы попытались показать [Селиверстова 1983], что многие запреты на преобразование конструкции «УХ-а» (« $N_{им.} + N_{род.}$ ») в «УуХ-а» ($N_{им.} + у N_{род.}$) объясняются пространственным значением конструкции с предлогом у⁶. Так, словосочетания *стакан воды, буханка хлеба, килограмм сыра, горы снега* (роди-

⁶ Эти запреты рассмотрены Г. Е. Крейдлиным [1980] и здесь даются в основном по его работе, в которой, однако, они объясняются только различием в актуальном членении и селективными признаками.

тельный количества) не могут быть преобразованы в словосочетания **стакан уводы*, **буханка у хлеба* и **килограмм у сыра*. Пространственная интерпретация объясняет данный запрет: не может быть такого пространства, связанного с X-м, в котором существует его количество. Употребление моделей «У X-а есть Y», «X имеет Y» стало бы возможным только в том случае, если бы речь шла не об измерении количества вещества, а о перечислении характеристик этого вещества: *У этого вещества, как и у всякого другого, есть количественные характеристики*. Рассматриваемый запрет на преобразование распространяется и на все те случаи, в которых имя в именительном падеже обозначает собственно форму существования денотата второго имени, стоящего в родительном падеже: *взрыв смеха (*взрыву смеха)*, *порыв ветра (*порыв у ветра)*, *акт насилия (*акт у насилия)*. Неестественность пространственной интерпретации X-а в данных случаях очевидна. Понятно также, что материал, из которого сделан предмет (мы употребляем здесь слово *материал* и в буквальном, и в переносном смысле), не может рассматриваться как пространство существования предмета. Поэтому нельзя сказать: **свеча у воска ярого*; **писатель у первого сорта*. Из пространственной интерпретации вытекает также недопустимость преобразования словосочетаний с родительным сравнения в словосочетания типа «у X-а Y»: при таком преобразовании Y₁ воспринимается как входящий в число свойств, составных частей и т. д. X-а, что противоречит значению родительного сравнения, показывающего, что Y₁, который соответствует Y-у₂ X-а, принадлежит кому-то другому. Таким образом, здесь имя в родительном падеже характеризует свойство Y-а₁, а не обозначает пространство, в которое включается Y₁. Вследствие этого не допускается преобразование высказываний: *Входит девушка. Лицо мадонны. Фигура Венеры* в **Входит девушка. Лицо у мадонны. Фигура у Венеры*.

Словосочетание «у X-а» сохраняет пространственное значение и в тех случаях, когда оно служит для создания особых, самостоятельных синтаксических моделей предложения. В гл. III будут подробно рассмотрены эти модели со словом *есть* и с нулевой формой глагола *быть*, а здесь мы коротко остановимся на заполнении предикатной позиции другими глаголами.

По-видимому, можно сказать, что модели «У X-а V Y» (V — глагол), «У X-а Y V», «Y у X-а V» показывают, что в посессивном отношении к X-у находится не только Y, но и все событие, субъектом которого является Y. Понятие посессивности будет рассмотрено в п. 2, а сейчас отметим только, что в данном случае мы имеем в виду следующие отношения: описываемое событие либо должно протекать на «территории» X-а и тем самым затрагивать и самого X-а, либо X должен иметь возможность использовать результаты, последствия описываемого события, либо, наконец, X должен выступать в качестве страдательного объекта описываемого события. Перечисленные случаи включают, как представляется, условие «актуальной», т. е. имеющей место в момент речи

неотделимости части от целого, см.: [Крейдлин, Рахлина 1983]. Действительно, неправильность предложений типа **Перед нами лежал зуб у мамонта* (ср. *зуб мамонта*) можно объяснить тем, что описываемое событие (нахождение Y-а «перед нами») не соответствует ни к одному из перечисленных выше трех отношений к X-у. Информация о втором и/или о третьем из этих отношений отличает и такие предложения, как *У меня сын работает на заводе* от высказываний, построенных по модели с посессивным местоимением *Мой сын работает на заводе* [Селиверстова 1977: 49]. Справедливость предложенной интерпретации подтверждается тем, что в предложениях с моделью «У X-а» не допускаются такие преобразования, при которых описываемое событие не может рассматриваться как являющееся «элементом существования» и самого X-а. Так, нельзя сказать: **Вдова у Ивана Ивановича живет в Горьком*⁷, хотя можно: *Вдова Ивана Ивановича живет в Горьком*; ср. также: *Его вдова живет в Горьком*⁸.

Отнесенность предикативной характеристики и к X-у, а не только к Y-у объясняет многие запреты, отмеченные Г. Е. Крейдлиным [1980]; например: *Красота Елены поразила меня с первого взгляда*, а не: **Красота у Елены поразила меня с первого взгляда* — объектом действия *поразить* является говорящий, а не Елена.

Из перечисленных трех типов отношений следует, что описываемое событие должно так или иначе затрагивать X, но необязательно протекать в пространстве «у X-а». Однако иногда, как отмечалось, модель «у X-а» задает то физическое пространство, в рамках которого протекает событие. Обычно это имеет место при описании действия в момент его протекания. Например, предложение (*Где Маша?*) *?Онамоет у меня собаку* может быть понято только в одном смысле: как сообщение о том, что событие 'моет собаку' происходит в каком-то месте, принадлежащем говорящему. Это предложение не может быть использовано, если говорящий хочет передать информацию о том, что описываемое событие имеет место где-то не у говорящего, но затрагивает и говорящего (например, потому что Y принадлежит говорящему).

Отмеченный Г. Е. Крейдлиным запрет на употребление конструкции «у X-а» в экзистенциальных предложениях типа *Послышались звуки скрипки* (нельзя: **Послышались звуки у скрипки*) можно также объяснить тем, что при введении предлога у скрипка воспринимается как то место, где слышались звуки, что абсурдно. Ср.: *В это время у соседей послышался шум*.

При Y-е, представляющем собой часть тела X-а, модель «У X-а V Y» имеет также следующее ограничение: предикатную позицию в ней не могут занимать

⁷ Этот пример любезно подсказан автору Т. В. Булыгиной.

⁸ Предложения с конструкцией «У у X-а» отличаются от предложений с родительным притяжательным «Уу X-а» и по коммуникативному членению (см. гл. II, п. 2).

глаголы, обозначающие действия, направленные на объект: **Пальцы у него нежно гладили переплет книги. Ср.: Руки у него дрожали.* Не вполне нормативно и употребление одновалентных глаголов, денотаты которых имеют агентивный субъект: *Губы у него шевелились, но слов не было слышно. Ср.: Его губы шевелились, но слов не было слышно.* Это ограничение можно объяснить следующим: если действие, в котором участвует часть тела X-а зависит от воли, усилий X-а, то он и является истинным субъектом действия. При таких денотативных предпосылках требуется, чтобы X был либо введен в функции субъекта, либо представлен вне связи с событием. Предложения с моделью «у X-а» не удовлетворяют ни первого, ни второго требования.

Для понимания значения моделей «У X-а Y Y», «У X-а Y V» важно указать и на то, что посессивное отношение между Y-м и X-м представлено здесь как исходное, заданное, см.: [Григалионене 1986: 109—112]. Вследствие этого данные модели не употребляются, если речь идет о таком действии, в результате которого Y стал бы принадлежать X-у. Так, нельзя сказать: **У меня вставили зубы; *Я пришел у куклы голову* и т. д. Употребление становится возможным, если сообщается либо о действии, приводящем к нарушению посессивного отношения (Y «извлекается» из сферы посессивности X-а — *У меня украли часы*), либо о действии, совершаемом как бы на фоне посессивного отношения между X-м и Y-м, причем само это отношение в процессе события не устанавливается и не **разрывается**⁹. О других признаках рассматриваемых моделей и об их отличии от моделей с дательным принадлежностью см.: [Григалионене 1986].

Итак, в п. 2 были рассмотрены три экзистенциальных значения (E_{x1}, E_{x2} и E_{x3}), два из которых, как мы пытались показать, имеют пространственную интерпретацию.

Значение E_{x2} предполагает также особую коммуникативную структуру предложения.

2. ПОНЯТИЕ ПОСЕССИВНОСТИ

В лингвистической литературе существуют две основные тенденции толкования понятия посессивности: с одной стороны, это понятие часто сводят к понятию обладания, собственности, см.: [Hawkins 1981], а с другой стороны, дается чрезвычайно широкое определение, в соответствии с которым посессивность охватывает почти любое отношение между субстанциями, см.: [Seiler 1983], а иногда и отношения между предметом и признаком, см.: [Warren 1984]. Высказывается также мнение, что значения сочетаний с посессивом целиком определяются

⁹ Последнее условие мы сформулировали несколько шире, чем И. И. Григалионене.

семантикой имени и контекстом, а не семантикой посессива (см. об этом: [Вольф 1974: 103—104]). Такое расхождение во взглядах можно объяснить тем обстоятельством, что категория посессивности складывается из ряда частных случаев, сходство между которыми и выводимость из некоторого общего значения не очевидны. Так, объединение даже двух основных посессивных отношений — отношение части к целому и отношение собственности — требует обоснования. Приведем аргументы в пользу широкого понимания категории посессивности.

Во-первых, использование во многих языках одного формального средства для обозначения и отношения собственности, и отношения части к целому, и отношения продукта труда к его производителю и т. д. не может быть случайным. Оно говорит о том, что все эти отношения семантически близки.

Во-вторых, большинство отношений, описываемых «посессивными» языковыми единицами, не связано между собой семантической производностью и, таким образом, здесь не имеет место «цепочечная» многозначность. Отметим также, что на основании предварительных наблюдений, можно утверждать, что структуры значений многозначных языковых единиц вообще обычно не совпадают в разных языках. Сходство обнаруживается в самих типах семантической производности (например, основанные на метонимических, метафорических и т. п. связях), но при этом редко наблюдается регулярность их соотнесения с одной и той же исходной семантикой, особенно в случае множественности отношений производности. Так, типичным может оказаться отдельный способ образования значений от основ сходной семантики (например, как показывает В. В. Иванов [КПСБ 1989], чрезвычайно продуктивным в разных языках и вообще в разных знаковых системах является использование части для обозначения целого). Напротив, сопоставление «средств» посессивности в разных языках позволяет увидеть, что набор отношений, описываемых этими единицами, разнообразен и, несмотря на это, достаточно устойчив, см.: [Категория посессивности 1984; Вольф 1974; Селиверстова 1975; Seiler 1983; КПС 1988]¹⁰.

В-третьих, как мы попытаемся показать, все частные отношения посессивности могут быть сведены к одному чрезвычайно общему отношению, которое при всей своей неопределенности все-таки обладает достаточной предсказательной силой и объясняет многие наблюдаемые запреты на употребление посессивных единиц.

В основе этого общего отношения лежит, как представляется, идея, которую можно было бы образно описать как «распространение» одного объекта (посессора, X-а) на другой или на некоторое множество других (обладаемые, Y-и).

¹⁰ Разные авторы иногда выбирают не полностью совпадающие классификационные сетки, что может создать впечатление о различии в самих типах посессивных отношений. Однако легко показать, что здесь имеет место разное «распределение» одних и тех же основных отношений.

Другими словами, это — «распространение» объекта на мир. Слова *распространение*, *распространять* мы употребляем неагентивно (они могут быть интерпретированы в значении 'быть распространенным на...') и не понимаем их в смысле чисто пространственного наложения одного объекта на другие. Пространственные связи могут лишь сопутствовать посессивным отношениям. Выбранный метатермин можно пояснить через три основных отношения: а) X «распространяет» свое «силовое» поле на Y, т. е. Y находится под властью X-а (физической, юридической, моральной); б) X «распространен» на Y физически или функционально, т. е. Y является частью X-а или частью его «существования» (жизнедеятельности, функционирования); в) Y несет в себе элемент посессора (имеет свойство, существующее как отношение к посессору — *его враг*, *его друг*). Характеризуя три отмеченных отношения, важно обратить внимание на следующее: 1) эти отношения могут перекрещиваться; 2) они строятся на представлении о том, что потенциально Y мог бы иметь независимое существование; 3) отсутствуют четкие критерии для выделения данных отношений. Из последней характеристики следует, что денотативная отнесенность посессивных языковых единиц либо должна сильно различаться у разных говорящих, либо в сильной степени регулироваться узусом, т. е. принятыми в обществе представлениями, например, о том, при каких условиях объект, вовлеченный в деятельность другого объекта, может рассматриваться как часть некоторого отрезка существования последнего.

Данный вывод из постулируемого значения согласуется с использованием посессивных единиц, которое характеризуется и узуальными ограничениями, и широкой окказиональностью. Вместе с тем предлагаемое толкование объясняет многочисленные запреты на употребление посессивных единиц.

Это толкование позволяет объяснить, почему можно, например, сказать *станок Иванова*, но не: **Иванов станка* — здесь нет отношений собственности; далее, лицо не может рассматриваться как часть «существования» предмета, наконец, лицо здесь не представлено как обладающее свойством — отношением к предмету. Однако при выборе слов типа *создатель* возникает предпосылка для посессивной связи последнего типа: *создатель этого станка*, *его создатель*. Описываемое лицо (Y) обладает свойством 'быть создателем' именно по отношению к данному станку (X-у) и, таким образом, вовлечено в сферу посессивности X-а. Ср. также: *Машин друг*, но нельзя: **Маша друга*.

Есть такие денотативные отношения, которые допускают разную интерпретацию в плане посессивности. Так, свойство может быть представлено как часть объекта (X-а). Однако можно считать, что свойство не имеет самостоятельного существования и, следовательно, не может быть отделено от объекта и, следовательно, не может находиться с ним в посессивном отношении.

Сходным образом может быть интерпретировано и действие. С одной стороны, действие — нематериальный продукт деятельности его производителя, с

другой стороны, оно может рассматриваться как не имеющее самостоятельного существования отдельно от X-а, а также как прежде всего затрагивающее объект или адресат действия. Такая неоднозначность самой природы данных сущностей позволяет уже теоретически предсказать, что они будут описываться посессивными языковыми единицами лишь при некоторых особых условиях. К числу этих условий относится опредмечивание свойства или действия, что способствует их представлению в качестве «самостоятельных» явлений. Этот вывод из теоретических соображений действительно согласуется с употреблением посессивных языковых единиц.

Условие «самостоятельности», однако, необязательно связано с опредмечиванием. Другой предпосылкой может служить переход от собственно действия к событию. Слово *событие* мы употребляем здесь в узком смысле и связываем его с представлением о более самостоятельном статусе по сравнению с действием, чему, в свою очередь, может способствовать отсутствие субъекта или наличие комплекса действий с одним и тем же или разными субъектами.

Так, в английском языке модель «*to have N_v*» (где N_v — отглагольное имя) может употребляться в форме Continuous, если N_v обозначает не конкретное действие, а набор действий, концентрирующихся вокруг основного действия, на которое указывает отглагольное имя [Григальонене 1986: 67]. Например, предложение *When you phoned me I was having a talk with my son* 'Когда ты мне позвонил, я говорил с сыном' не показывает, что в описываемый момент времени обязательно говорил сам автор речи.

Для посессивной интерпретации должно быть также существенно «отсечение» связей описываемого действия от других, кроме его субъекта, актантов, для которых могло бы осуществляться действие и на которых прежде всего сказывался бы его результат. Данный теоретический вывод согласуется с наблюдаемыми ограничениями в употреблении посессивных моделей. И. И. Григальонене [1986: 63] показывает, что сочетания типа *to have a talk (a look)* употребляются только в тех случаях, когда денотат *подлежащего* — это не только субъект или один из субъектов действия, но и тот, кого непосредственно касается результат действия, т. е., в частности, тот, кто может использовать результат действия. Данные словосочетания не используются, если в контексте имеется указание, что действие направлено на кого-то другого (не на X) или что оно совершается ради кого-то другого. Так, нельзя сказать: **I had a talk only for you* или **I had a talk to you*; ср. рус.: **Я имел с ним беседу только ради Вас*, хотя соответствующие глаголы допускают такую сочетаемость: *Я говорил с ним только ради Вас*. Актант ситуации, соответствующей непосредственному объекту действия, не может также быть представлен в семантической структуре предложений с предикатами типа *to have a talk (a look)*, если этот актант рассматривается не как уточнитель типа действия, а как тот, на ком прежде всего сказывается результат действия. Нельзя сказать: **to have a wash*

of the baby, *to have a trim of the bushes, *to have a shave of a customer. Напротив, сочетание to have a read of the (an) article, где слово article скорее уточняет характер действия, соответствует норме. Это свидетельствует о том, что здесь имеет место семантический запрет, а не формальный.

Действие может также рассматриваться как принадлежащее сфере посессивности не его производителя, а его адресата или бенефицианта. Именно так действие представлено в значении модели «to have N Part II» (N—имя, Part II—причастие второе), см.: [Григалионене 1986, гл. III]. При этом субъект не может быть введен в описание ситуации. Важно также, чтобы темой текста был сам X (в данном случае—адресат или бенефициант), а не последовательность событий.

Не только событийные, но и многие другие ситуации могут быть осмыслены по-разному, под углом зрения возможности/невозможности их посессивного представления. Сужение или расширение сферы посессивности зависит в большей степени от той значимости, которую говорящий придает посессору. Так, сфера посессивности «я» самая широкая (см. п. 2.1). Сфера посессивное™ лица шире, чем сфера посессивное™ предмета, события. Например, если Y представлен через свойство, определяющее его роль по отношению к X-у, причем X—лицо, то посессивную интерпретацию может получить даже случайная, эпизодическая для Y-а связь с X-м. Можно сказать: *мой редактор, ее редактор* и даже: *мой корректор*, хотя должность редактора, корректора может рассматриваться независимо от связи с авторами. Напротив, если в качестве точки отсчета выбрать книгу, то нельзя сказать: **ее редактор* и тем более **ее корректор* (значение имени в родительном падеже шире семантики посессивного местоимения). Можно только сказать *ее составитель*—свойство быть составителем в большей степени зависит от той функции, которую X выполнил по отношению к данной книге.

2.1. Психологическая концепция посессивности

Сопоставим теперь предлагаемую трактовку категории посессивности в языке с одной из психологических концепций этой категории, представленной в книге Э. Фромма «Иметь или быть?» [1986]. Фромм проводит различие между двумя типами существования—по типу бытия и по типу обладания. Используемое здесь понятие обладания значительно уже соответствующего понятия, отраженного в языковой системе. Грубо говоря, в концепции Э. Фромма понятие обладания связывается с представлением о накопительстве вещей, знания и т. д. и с оценкой личности в зависимости от ее материальной или нематериальной собственности, а не в зависимости от свойств самой этой личности. В это понятие входит также представление о статичности, об оторванности личности от постоянной созидательной деятельности, не связанной с самоутверждением. Напротив, существование по типу бытия предполагает интерес к внешнему миру, деятель-

ность. Как представляется, в этом противопоставлении автору удалось уловить очень интересное различие в ценностных установках личности. Данные понятия, однако, не могут быть перенесены на трактовку языковой системы. Прежде всего отметим, что у Э. Фромма фактически используются три понятия: «существование», «бытие» и «обладание». В языковой же системе соотносимы между собой категории «бытия» и «обладания» (посессивности). Далее, категории бытия и обладания (посессивности) не противопоставлены друг другу по связи с типом деятельности, поведения. Как будет видно из дальнейшего изложения (п. 3), и глаголы *быть*, *be*, и глаголы *иметь*, *have* чаще всего обозначают просто связь между объектом и пространством или между объектами и, таким образом, не обозначают деятельности. Кроме того, именно признак посессивности часто входит в значение глаголов, обозначающих тот или иной род деятельности — *брать*, *давать*, *принимать*, *получать* и т. д. Наконец, языковая категория посессивности не имеет обязательно отрицательных коннотаций. Представление тех или иных элементов внешнего мира как принадлежащих к сфере посессивности X-а может быть вызвано желанием подчеркнуть свое небезразличие к внешнему миру, свою сопричастность ему. Так, в одном из стихотворений А. Блока, как мы пытались показать [Селиверстова 1975: 122—123], в основе необычного употребления глагола *принять* (например: *Принимаю пустынные веси и колодцы земных городов*) лежит рассмотрение всего внешнего мира и всего, что в нем происходит, как того, что имеет непосредственное отношение к поэту, что с ним лично связано.

2.2. Частные случаи отношения посессивности

Поясним теперь предложенное общее понимание категории посессивности через перечисление отдельных частных отношений посессивности.

X может быть представлен как посессор Y-а, если Y — свойство и X — его носитель. Напротив, свойство не может быть охарактеризовано как посессор носителя свойства (*доброта Ивана*, но: **Иван доброты*; *красота Елены*, но **Елена красоты*). Данное отношение подпадает под предложенное общее определение посессивности: *свойство — составная*, хотя и «невещественная» часть X-а, которая, однако, может быть представлена опредмеченно. Кроме того, свойство в каком-то смысле подчинено своему носителю, как всякая часть подчинена целому.

X — посессор Y-а, если Y — часть X-а, причем часть, которой X может как-то управлять, подчинять себе, или, во всяком случае, если X может быть идентифицирован как X и при потере Y-а, и вообще членов того множества, в которое входит Y (т. е. X должен быть X-м и без Y-в). Например: *его рука*, *его голова*, но: **он руки*, а также: **фамилии списка* (список перестает быть списком без фамилий); **кислород воды*; **У этого списка есть твоя фамилия*; **Уводы*

есть кислород). Заметим, что признак посессивности в других языках, по-видимому, чаще распространяется на любое отношение части к целому (см. гл. V).

X может быть представлен как посессор, если Y—чувство, ощущение, состояние и X—носитель его. Чувство, ощущение не могут быть представлены как посессоры X-а (*его страх, его волнение, его тоска*, но: **он волнения, *он страха*). Это отношение также подводится под общее определение: чувства, ощущения—продукты жизнедеятельности X-а, созданы в нем и существуют в нем.

X может быть охарактеризован как посессор Y-а, если Y—представление, понятие, вообще элемент мировоззрения X-а: *его представление, его вера*.

X может рассматриваться как посессор тех действий, которые он осуществляет, или процессов", которые в нем протекают, а также результатов, продуктов этих действий: *его удар, его помощь* (но: **он удара, *он помощи*); *его статья, его книга*.

Объект действия может считаться обладаемым, если при этом он физически оказывается «во власти» X-а, т. е. попадает во временную собственность X-а. Так, словосочетание *моя ручка* в зависимости от контекста может означать: 1) ручка, которая входит в число элементов собственности X-а; 2) ручка, которой X пользуется в данный момент, которая, следовательно, попадает в его «физическую власть» в данный момент времени. Характеристика Y-а, так или иначе вовлеченного в действия, деятельность X-а, через посессивное местоимение всегда сопряжено с информацией о наличии какого-то отношения собственности, хотя бы очень расширенно понимаемого. Вследствие этого представление такого Y-а как обладаемого обычно окказионально и имеет место в высказываниях, которые носят шуточный характер. Так, о комнате, которую говорящий ищет, чтобы увидеться с ее «обитателями», можно сказать: *А вот и моя комната*, вместо: *А вот та комната, которую я ищу*. При восприятии первого предложения возникает впечатление, что говорящий несколько необоснованно расширяет сферу своей посессивности. Так же воспринимаются и словосочетания типа *мой молодой человек, мой итальянец*, употребленные для обозначения человека, с которым говорящий работает.

X выступает также как посессор тех возможностей, которые он может реализовать в своих действиях: *его возможности, его ресурсы*.

X—посессор временных отрезков своего существования (*его счастливое время, у меня есть свободная минута*).

X может также характеризоваться как посессор того места в пространстве, которое он занимает или должен занимать (*мое место, место этого стула*). При этом речь может идти как о физическом пространстве, так и о какой-то социаль-

¹¹ При процессе X может выступать в роли неагентивного субъекта, который, однако, играет определяющую роль в реализации процесса (свойства X-а, его состояние, положение в пространстве являются источниками той силы, которая определяет протекание процесса) [СТП 1982, гл. II, п. 4].

ной и/или производственной системе (*его должность, его место в обществе*). Вероятно, посессив характеризует описываемые отношения не просто как производственные, но и как отношения владения: X имеет или как бы имеет какие-то права на Y и/или власть над ним. Этим можно объяснить то, что сочетание посессива с именем, обозначающим неодушевленный объект, встречается значительно реже и ограничивается теми условиями, которые наиболее естественно могут быть подведены под отношения «владения». Например, можно сказать: *Вот место этого стула*, но: *Рядом с тем местом, где стоял стул, лежал маленький коврик*, а не: **Рядом с местом стула лежал коврик*. При расширении пространства, т. е. если речь идет не о том пространстве, которое непосредственно занимает X, а о пространстве, в котором он находится, работает, посессив вообще не употребляется, если X — неодушевленный. Так, словосочетание **комната вычислительной машины* не соответствует норме; ср. *комната, где стоит вычислительная машина*. Если X относится к классу людей, он чаще может быть представлен как посессор. Однако и здесь имеются ограничения. Эти ограничения снимаются только в том случае, когда X тождествен самому говорящему, а также слушающему (в лингвистике уже обращалось внимание на то, что для языка важную роль играет противопоставление «я» всему остальному [Степанов 1979]). Так, можно сказать: *моя (твоя) улица; мой (твой) город; моя страна; моя (наша) лаборатория; мой (наш) институт*. Напротив, если речь идет о третьем лице, посессив в указанной сочетаемости обычно не употребляется: *?улица (город, страна) Ивана Ивановича; лаборатория (институт) Ивана Ивановича* (последние словосочетания полностью соответствуют норме только, если X — заведующий лабораторией или директор института). Относительно большую естественность подобные сочетания приобретают в тех случаях, когда описывается довольно узкое пространство и когда речь идет о лице, близком говорящему (*дом моего брата* вместо *дом, где живет мой брат*). Сочетание в его городе более естественно, если речь идет о совсем маленьком городке. Ср. также англ. *in his town*, но *?in his city*, рус. *в его деревне*.

X может характеризоваться как посессор членов того класса, принадлежность к которому Y-а определяется его отношением к X-у: например: *мой враг, мой друг, хозяин этой собаки*. Здесь также имеет место определенное распространение «личности» X-а на Y: данное свойство Y-а ('быть врагом, другом, хозяином') обусловлено тем, как Y связан с X-м. Заметим, что Y здесь обязательно должен быть обозначен тем именем, которое указывает на данное отношение: *хозяин этой собаки*, но: **Иван этой собаки*. Это последнее словосочетание было бы понято как сообщение об отношении собственности¹².

¹² Е. М. Вольф обратила внимание на то, что из всех посессивных отношений отношение собственности наименее контекстно обусловлено [Вольф 1976: 103—104].

X—посессор временной или постоянной собственности, вследствие того или иного права, закрепленного за ним или присвоенного им. X может характеризоваться как обладатель духовных ценностей, а также того, что может рассматриваться как его преимущество, достоинство, или вообще как какое-то нематериальное богатство (например: *У него есть Мария; У него есть родина*).

Все рассматриваемые отношения необратимые: из того факта, что X—посессор Y-а не следует, что и Y—посессор X-а. Можно, правда, сказать: *У меня есть Мария, а у нее есть я*. Однако здесь скорее речь идет о двух отношениях, накладываемых друг на друга.

Таким образом, число посессивных отношений ограничено, и они все подводятся под три общих перечисленных случая: нахождение в силовом поле посессора; включение в качестве части посессора или части его существования; связь через свойство, существующее как отношение к посессору.

Как мы отмечали, в лингвистической литературе ставится вопрос о том, целиком ли определены посессивные отношения семантикой слова, обозначающего Y, и контекстом, или посессивные модели имеют свое значение. Мы полагаем, что контекст, в том числе слово, обозначающее Y, предопределяет то, какое из перечисленных основных отношений и их вариантов реализуется (из них наименее контекстно обусловленные—отношения собственности), но значение самой посессивной модели определяет то, что реализуется одно из этих отношений. Об этом свидетельствует существование рассмотренных запретов на употребление посессивных моделей. Ср. также: *Я говорю с адвокатом* и *У меня есть адвокат; Я говорю с Машей* и *У меня есть Маша*. Здесь очевидно, что информацию об отношении посессивности вносит сама модель «УX-а есть Y»; ср. также: *В комнату вошел адвокат* и *В комнату вошел мой адвокат*¹³.

3. ТИПЫ ПРЕДИКАТОВ С ГЛАГОЛАМИ *БЫТЬ* И *ИМЕТЬ* В РАМКАХ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕДИКАТОВ

3.1. Фазовые/нефазовые предикаты

3.1.1. Предикаты могут быть разделены на такие группы, как предикаты мышления, движения, «нахождения в пространстве» и т. д. В рамках этих групп могут быть выделены предикаты со значением действия, процесса состояния и т. д. Например: *Он болеет {хворает}* (процесс) — *Он болен* (состоя-

¹³ На необратимость посессивных отношений обращал внимание Э. Бендикс [Bendix 1966].

ние); *Он часто раздражается* (процесс) — *Он часто бывает раздражен* (состояние). Если деление на предикаты мышления, движения и т. п. назвать первой, или вертикальной классификацией, то классификацию, делящую предикаты на действия, процессы и т. д. и пересекающую первую, можно считать второй, или горизонтальной. Этой второй классификации посвящено большое количество лингвистических работ, и предлагаемые в них классификационные сетки часто существенно различаются между собой. В работе принимается тот вариант классификационной схемы, который предложен нами ранее, см.: [СТП 1982, гл. II].

Для этого варианта важно прежде всего противопоставление, которое проводится между действиями, процессами состояниями с одной стороны, и свойствами, предметами — с другой. Отличительной чертой действий, процессов и состояний является то, что они представлены в языке как существующие пофазно, т. е. в каждый отдельный момент времени существует либо только одна фаза развития действия или процесса, а не действие, процесс в целом, либо их существование ограничено этим мгновением. Таким образом, в каждый следующий момент немгновенное действие, процесс как бы исчезают и тут же создаются вновь. Иными словами, одна фаза непрерывно переходит в другую, т. е. действие и процесс получают свою целостность лишь в рамках всего того отрезка, пока они имеют место. Мы будем называть данную черту действий и процессов «фазовостью» существования¹⁴. По этому признаку они отличаются от предметов и свойств, которые представлены в языке как существующие в каждый момент времени в целом, а не в виде последовательности непрерывно сменяющих друг друга фаз. Сказанное не означает, конечно, что в языке нет форм, которые указывали бы на изменение предметов и их свойств. Есть предикаты, которые несут информацию о процессах становления или изменения свойства: *Он все умнеет и умнеет*. Однако есть предикаты, которые сообщают о приписании объекту свойства или набора свойств, объединенных в предмете. И в этом случае свойство мыслится, даже если его существование ограничено каким-то временным отрезком, не как состоящее из фаз, распределенных по отрезку, а как такое, которое как целое «перемещается» во времени. Многие лингвисты [Vendler 1967; Comrie 1976; Lyons 1978] при описании предикатов действий и процессов говорят о фазовости их денотатов. Однако эта характеристика в их работах отождествляется с изменяемостью во времени. Вследствие этого, с одной стороны, она обычно оттесняется на задний план (исключение, вероятно, составляет только работа Хертла), и в обобщающем определении говорится только о признаке изменяе-

¹⁴ Термин «фазовый» обычно относят к таким предикатам, как *начать*, *кончить*. Мы расширяем сферу применения данного термина, но фактически употребляем его в значении, близком к общепринятому.

мости-неизменяемости. С другой стороны, данное отождествление приводит к тому, что нефазно существующими считаются все предикаты, указывающие на неизменяемость во времени. Так, У. Хертл пишет: «Состояние в отличие от действия представлено как целое в каждый момент своего существования» [Hirtle 1975: 103] Термин «состояние» относится здесь к большой группе разнообразных предикатов и, в том числе, к таким предикатам, как *be hungry*, *be asleep*, чьи денотаты, как мы считаем, см.: [СТП 1983, гл. II], существуют в виде набора абсолютно идентичных фаз, смена которых происходит сама по себе, без приложения силы. Укажем на некоторые типичные особенности употребления, характерные для предикатов со значением нефазовости существования. Своеобразие их семантики приводит к ограничению в сочетаемости с такими выражениями, как *весь день*, *весь год* и т. д.

Действительно, если предикативный денотат характеризуется как последовательно переходящий из одной временной точки в другую, то он не может занимать весь тот отрезок, по которому перемещается, подобно тому, как предмет, который проходит путь от одной точки до другой, не занимает весь этот путь, если длина пути больше его длины. Таким образом, если предложенная модель представления свойства во времени верна, то предикаты со значением свойства не должны сочетаться с выражениями типа *весь день*, *весь год*. Такой запрет на употребление действительно имеет место; можно сказать: *В прошлом году я была толстой, а потом похудела*; а не: **Весь год я была толстой, а потом похудела*; *В молодости она была красивой, а не: *Всю молодость она была красивой*; *В прошлом году дом был желтым, а потом его покрасили в красный цвет*, но не: **Весь прошлый год дом был желтым*; *В прошлом году сквер бы прямоугольным, а потом его сделали круглым*, а не: **Весь прошлый год сквер был прямоугольным*. Существуют, однако, условия, при которых реализация значения свойства может не противоречить сочетаемости с выражениями типа *весь год*. Во-первых, если в каком-нибудь языке связка в рамках предиката со значением свойства может получать относительно независимую характеристику (т. е. если предикат делится на две части: само свойство; пребывание в этом свойстве), то тогда предикат свойства в этом языке получит возможность сочетаться с рассматриваемыми выражениями, причем они будут характеризовать протяженность «пребывания» Y-а в данном наборе качеств, а не протяженность самого свойства. Таковую независимость (во всяком случае во многих языках) связка может получать в рамках «пространственного» предиката.

Во-вторых, предикаты со значением свойства могут сочетаться с рассматриваемыми временными выражениями, если слово *весь* используется не для того, чтобы показать, что описываемое явление заполняет собой весь рассматриваемый отрезок времени, распределено по нему, а для указания на то, что

сделанное утверждение справедливо для любого отрезка внутри данного периода. Такое значение слово *весь* имеет, например, при употреблении в словосочетании *вся жизнь*, что и приводит к возможности построения предложений типа: *Всю жизнь я была толстой*. Кроме того, предикаты с исходным значением свойства могут развивать другие значения, которые допускают рассматриваемую сочетаемость.

В отличие от предикатов со значением свойства предикаты со значением процесса или действия свободно сочетаются с выражениями типа *весь день*, *весь год* (если, конечно, они не характеризуются признаком мгновенности). Признак фазовости существования позволяет объяснить возможность этой сочетаемости: так как в каждый новый момент времени создается следующий этап действия, процесса, а предыдущий этап как бы остается с уходящим моментом времени, действие, процесс оказываются распределенными по временному отрезку, заполняющими его целиком.

Способность сочетаться с выражениями типа *весь день* обнаруживают и такие предикаты, как (X) *is hungry*, (X) *раздражен*, (X) *в отчаянии*. Например: *Весь день он был раздражен*. Это свидетельствует о том, что данные предикаты, которые в основном подпадают под класс предикатов состояния Л. В. Щербы, так же как предикаты действия и процесса, характеризуют свои денотаты как создаваемые во времени и, следовательно, фазовые.

Таким образом, на основании высказанных соображений мы считаем, что признак фазовости/нефазовости противопоставляет предикаты типа (X) *голоден*, (X) *в отчаянии*, т. е. предикаты состояния в нашей терминологии и предикаты свойства (качества).

Следует, однако, отметить, что предикаты с исходным значением качества в некоторых условиях употребления, вероятно, получают значения состояния и вследствие этого начинают сочетаться с выражениями типа *весь год*. Например, можно сказать: *Все лето трава была зеленой*. Отметим, что такое значение предиката *быть зеленым* возникает обычно при сочетании с существительными, обозначающими что-то живое, растущее (ср., напротив, приведенные выше примеры). Именно при этом условии цвет наиболее естественно может быть воспринят как создаваемый во времени.

Выражения типа *весь год*, *весь день* необязательно показывают, что описываемые действия или процессы длятся непрерывно. Они могут также показывать, что в течение всего описываемого отрезка времени имели место акты реализации действия или процесса: *Весь год я ходила туда*. Вследствие возможности такого употребления данные выражения встречаются также с предикатами, которые либо обозначают акты проявления качества, либо указывают на повторность появления самого качества: *Всю войну свет был тусклым* (т. е. когда зажигался свет, то он всегда был тусклым).

Таким образом, предикаты качества могут употребляться с выражениями типа *весь год*, *весь день*, либо при сдвигах в значении (возникает значение состояния или значение актов проявления свойства), либо при описании многократности появления свойства. Существует также отмеченная теоретическая возможность выделения связки в относительно самостоятельный элемент сказуемого, реализация которой привела бы также к допустимости употребления рассматриваемых сочетаний. Оказионально особые осмысления могут также получать сами временные выражения со словами *весь*, *целый*.

Кроме выражений типа *весь год*, *весь день*, существует еще один вид выражений, сочетаемость с которыми не согласуется со значением нефазовости существования. Если свойство не возникает во времени, а только «перемещается» по времени (время проходит через него), то оно не требует приложения силы, которая была бы нужна для существования создаваемого во времени предикативного денотата (если он, конечно, не воспроизводится по инерции как состояние). Вследствие этого предикаты свойства не должны сочетаться с такими выражениями, как *с какой силой*, *с каким усердием*, *с каким упорством*, которые указывают на вклад сил субъекта. Подобная сочетаемость действительно не имеет места. Так, нельзя сказать: *С каким усердием она была уборщицей* (ср.: *С каким увлечением он коллекционировал марки*; **С каким напряжением она была свидетелем этой сцены* (ср.: *С каким напряжением она следила за этой сценой*).

Для предикатов со значением качества или набора качеств, представленных в предмете, характерно также употребление со словом *раньше*, например: *Раньше она была красива*. Слово *раньше* не обозначает первую часть какого-то описываемого временного отрезка, а дает неопределенную временную отнесенность. Поэтому данное слово не может сочетаться с предикатами, обозначающими отдельное действие, процесс, или состояние. Эти предикаты всегда соотнесены с каким-то конкретным временным отрезком: *Сначала я вымыла пол, а потом пошла гулять*, а не: **Раньше я вымыла пол, а потом пошла гулять*; *Сначала она была в каком-то раздраженном состоянии, но потом успокоилась*, а не: **Раньше она была в каком-то раздраженном состоянии, а потом успокоилась*. Такое употребление становится возможным только в том случае, если описывается некоторое множество действий, процессов, состояний (многократность), обобщенное действие или процесс.

Таким образом, рассмотренные предикаты со значением качества, свойства или набора свойств, объединенных в предмете, не только связаны с понятийной категорией качества предмета, но и представляют ее в языке именно как особую категорию¹⁵.

¹⁵ На возможность несоответствия между исходной понятийной характеристикой протоденотативной ситуации и ее представлением в языке обратил внимание еще

Итак, глагол *быть* в русском языке, так же как и соответствующие глаголы в большинстве других языков, используется для образования одного из основных предикативных типов; предикатов со значением качества или набора качеств, объединенных в предмете.

3.1.2. Остановимся подробнее на предикатах типа (*он*) *молодой человек*, которые можно записать в форме «Y (связка) N_k » (N_k — общее имя). И в собственно логической, и в лингвистической литературе имеются три основные точки зрения. Во-первых, данные предикаты включаются в рубрику тождеств (такая трактовка дается, с одной стороны, например, Б. Расселом [Russel 1903], а с другой — А. М. Пешковским [1937]). Во-вторых, они относятся к классу предикаций в терминологии логических работ, см.: [Searle 1969; Арутюнова 1976; Вайс 1985], что близко к их интерпретации как предикатов качества, свойства, см.: [ГРЯ 1954; Смирницкий 1957]. В-третьих, данные предикаты рассматриваются как некоторый промежуточный тип, для описания которого вводится понятие «отождествление», отличное от тождества (см., например, [Лекант 1976]). Эта последняя точка зрения представляется нам наиболее оправданной, хотя и требующей пояснения. Мы полагаем, что именные предикаты вида N_k могут быть описаны через понятие «конструкт члена класса». Под этим понятием имеется в виду еще не заполненная ячейка в предметном ряду членов класса, за которой закреплены свойства общие для всего класса, а также предметная характеристика. Таким образом, модель «Y (связка) N_k » вносит информацию о том, что Y заполняет собой такую ячейку. Информация о включении в класс обусловлена самим характером конструкта, который в данном случае соотносится с членом класса. Однако конструкт может соответствовать и как бы контуру индивидуального предмета, охарактеризованного, например, по выполняемой функции: *Маша—его жена*. Заметим, что способность именной части предиката иметь при себе притяжательное местоимение доказывает предметный характер денотата. Предикат свойства не может быть представлен как находящийся в посессивных отношениях с объектом, не выступающим в качестве носителя этого свойства.

Глагол *быть* или его нулевая форма участвует и в формировании предикатов тождества. Мы полностью разделяем мысль тех лингвистов, которые считают — если воспользоваться четкой формулировкой Д. Вайса, — что «связка может интерпретироваться как знак равенства только тогда, когда по обе ее

Л. В. Щерба. Он писал, что свойство может быть представлено как процесс или действие, действие как состояние и т. д. [Щерба 1974: 90]. Мысль о необходимости четко разграничивать исходную понятийную характеристику описываемого и его представления в языке последовательно проводится А. В. Бондарко [1978: 69—70].

стороны стоят выражения одного и того же референтного статуса...» [1985: 450]. Вместе с тем мы не можем согласиться с утверждением Д. Вайса, что в высказываниях тождества констатируется взаимозаменяемость двух выражений на основе их кореферентности, и, таким образом, имеет место метаязыковая операция [там же: 435]. Если бы это было так, то, например, предложение *Президент США—Картер* выполняло бы роль инструкции, разрешающей обозначать данное лицо и через слово *Картер*, и через выражение *президент США*. Очевидно, однако, что такой функции приведенное предложение не выполняет. Как нам представляется, более правы те лингвисты [Беллерт 1978; Арутюнова 1976: 303], которые считают, что данные высказывания сообщают о денотативном тождестве. Приводимое Д. Вайсом критическое замечание Витгенштейна, касающееся понятия тождества объектов [там же: 436], справедливо по отношению к миру вне его отношения к описываемому этот мир лицу. Объектом в речи служит мир, «пропущенный» через наше восприятие. И в рамках этого преображенного мира объект, взятый в разные периоды его существования, или в разных областях его существования, может быть представлен как разные объекты. И сообщения о тождестве можно интерпретировать так: то, что в некоторой картине мира представлено как разные объекты, есть один и тот же объект.

При описании предложений тождества важно также учитывать их тема-рема-матическую организацию, как было показано Д. Вайсом. Однако в отличие от Вайса мы не считаем, что здесь тема соответствует «неизвестному», а рема «известному». Как нам представляется, «неизвестной» здесь является только сама связь между коммуникативными элементами. Произнося предложение *Президент США—Картер*, говорящий предполагает, что его слушатель знает и о существовании президента США и о некотором лице по имени Картер. О том, что тема «известное», говорит запрет выбора неопределенных местоимений для ее обозначения, что было отмечено самим Д. Вайсом. При изменении порядка слов и/или интонационного рисунка меняется только сама коммуникативная перспектива (мы будем описывать ее в терминах $X^{\text{мого}}$ и $X^{\text{щего}}$, гл. II, п. 2), а не информативная структура.

В работе Вайса выделены критерии, позволяющие отделять предложения тождества от предложений называния и предикации, в состав которых также входит глагол *быть*.

3.1.3. С помощью глагола *быть* строится еще один предикативный тип: предикаты со значением состояния, о которых уже говорилось. Мы выделяем шесть признаков, характеризующих данный предикативный тип: состояние представлено как существующее пофазно; состояние занимает отрезок, а не точку на временной оси; состояние не изменяется во времени (сменяющие

друг друга фазы идентичны); состояние не требует приложения силы для своего поддержания и, следовательно, оно не зависит от субъекта (субъект— «страдательный»), состояние всегда заполняет собой тот временной отрезок, с которым оно соотносится, т. е. состояние имеет место в любой точке этого временного отрезка, см.: [СТП, 1982, гл. II]. Остановимся на последнем из этих признаков.

Мы уже говорили, что предикаты состояния отличаются от предикатов со значением качества прежде всего по первому признаку. Это различие выступает особенно четко вследствие соединения первого и шестого признаков. Состояние не может быть абстрагировано от протекания во времени. Вследствие этого высказывания *Я раздражен; Мне холодно; Я болен* могут быть поняты только как сообщения о том, что реально имеет место в описываемый момент времени¹⁶; ср.: *Я работаю на заводе* (эта фраза может быть произнесена человеком, который в момент речи отдыхает); *Я легко раздражаюсь; Я интересуюсь марками*.

Предикаты обобщенного действия или процесса (класса действий, процессов) стоят ближе к предикатам качества (свойства), чем предикаты, обозначающие отдельные действия, описанные в их протекании во времени. Это связано, во-первых, с тем, что при рассмотрении класса действий или процессов, т. е. при абстрагировании от отдельных действий или процессов, менее четко ощущается фазовость их существования. Во-вторых, для истинности утверждений об обобщенных действиях (процессах) не требуется, чтобы эти действия (процессы) имели место в любой точке описываемого отрезка времени. Многие свойства могут также восприниматься как актуализированные непостоянно. Так, можно сказать: *Вообще-то он добрый, но сегодня в него какой-то бес вселился; Вообще-то вода в этой реке теплая, но сегодня она холодная; ср. Вообще-то я сейчас работаю над проектом, но сегодня я решил немного отвлечься*¹⁷.

Существует еще один тип предикатов, который образуется с помощью глагола быть. Это предикаты со значением пассивного результата, которые обычно объединяют с предикатами состояния, см.: [ТПК 1974]. Мы попытаемся показать, что результаты образуют особый тип, связанный с предикатами состояния лишь деривационными отношениями. Для многих из них характерна способность развивать значение состояния. Об их отличии от предикатов состояния

¹⁶ На это свойство данных предикатов обратила внимание Т. В. Булыгина. Она отметила, что эти предикаты могут иметь значение только актуализированного настоящего [Булыгина 1980].

¹⁷ Судя по предварительным наблюдениям, в английском языке предикаты со значением свойства не употребляются в таких контекстах.

свидетельствуют прежде всего особенности их сочетаемости с временными показателями. Результаты, не соотносимые с мгновенным действием, не могут иметь при себе слова, указывающие на точку во времени. Так, нельзя сказать: **В эту минуту {в шесть тридцать} пирог был испечен (роман прочитан, отчет проверен)*. Можно указать только на ту точку, до которой действие было завершено: *В 6.30 доклад был уже написан; К этому времени пирог был уже испечен*; ср. также: *В 6.30 доклад был закончен* (указание на точку достижения предела).

Денотаты результатов не могут занимать и какой-то определенный отрезок на оси времени, на что обращалось внимание в лингвистической литературе [РГ 1980, § 1444]. Так, нельзя сказать: **Пирог испечен с трех до пяти; Доклад написан с шести до семи*. Эти особенности употребления можно объяснить тем, что результатив сохраняет основные семантические признаки, присущие формам совершенного вида. Нам представляется, что наиболее точное толкование его семантики было предложено Д. Пайяром [1989]. В соответствии с этим толкованием формы совершенного вида (СВ), сообщая об осуществлении действия, процесса, описывают не его протекание во времени, а, как мы бы сказали, следующий за этим этап оценки действия под углом зрения его количества и/или достигнутого им некоторого качественного изменения в нем самом, в его объекте или субъекте. Под количеством действия мы имеем в виду прежде всего количество усилий и времени, затраченных на осуществление действия (*написать* — оценивается как действие, на которое уходит немного усилий и/или времени). В каком-то смысле можно сказать, что количество действия измеряется и величиной охваченного им объекта (*выпить полведра, ведро* и т. д.). Важным достижением предложений трактовки представляется то, что СВ здесь трактуется не просто как описывающий действие (или некоторую выделенную его часть, например, начальную) целиком и, следовательно, как описывающий момент после завершения протекания действия во времени, а как включающий особый мысленный акт соотношения осуществленного действия с той или иной шкалой качественных или количественных измерений или мер¹⁸. Именно такое представление семантической структуры глаголов СВ может объяснить, как мы писали [ПИПК 1989: 260—261], почему их денотат, если он не соответствует мгновенному действию, где момент осуществления действия и момент оценки совпадают, не может занимать определенного положения на оси времени: длительное действие не осуществляется в тот момент, когда имеет место акт его оценки, и не может

¹⁸ Из сказанного следует, что данное толкование СВ не противоречит предшествующим его определениям (см., например, детальный и тонкий анализ СВ и НВ в [ТФГ 1987]), но вносит важное уточнение в понимание структуры значения СВ.

быть соотнесено с тем отрезком времени, когда оно имело место, так как оценка осуществляется после этого (о глаголах типа проспать см.: [ПИПК 1989: 261]. Ср. формы СВ, соотносимые с длительными действиями, и такие описательные выражения, как *начать в t₁* и *кончить {закончить} в t₂*: *начала читать статью в 10 и кончила в 5* и **прочла с 10 до 5*, можно только: *прочла за 5 часов*.

Существенно также, что в рамках предлагаемой концепции оценка действия по отношению к пределу рассматривается как частный случай.

Результативы, как мы полагаем, также представляют действия или процессы, после их оценки по отношению к произведенным качественным или количественным изменениям, причем, как уже неоднократно отмечалось (например, [Буланин 1978]), «воспоминание» об акте протекания во времени здесь может быть наиболее стертым, что и приводит к частым запретам на употребление модификаторов, характеризующих способ «достижения» изменения или испытываемые при этом чувства; ср.: *Я с удовольствием вымыла посуду*; *Я с удовольствием испекла пирог* и **Пирог был с удовольствием испечен*.

Перенос внимания с оценки произведенных действием качественных и количественных изменений на возникшую новую характеристику объекта или субъекта приводит к переходу результативов в класс предикатов состояния или свойства и изменяет их сочетаемость с временными модификаторами: *Уже год стол сломан, и никто не беспокоится о том, чтобы его починить*, хотя результативы не употребляются в подобных условиях: **Доклад написан уже час*; **Он сломлен уже года три*.

Таким образом, денотаты предикатов со значением результата соотносятся с временным периодом («вчера», «в прошлом году» и т. д.), но не занимают внутри него какого-то определенного положения, т. е. какой-то определенной точки или отрезка.

Итак, глагол *быть* употребляется для образования предикатов со значением свойства или набора свойств, объединенных в предмете, со значением состояния и со значением результата. Эти предикативные типы по ряду признаков прямо противоположны друг другу.

3.2. Понятие связки

3.2.1. Во всех рассмотренных видах предикатов глагол *быть* принято называть связкой. Понятие связки в разных работах интерпретируется по-разному. Анализ различных точек зрения на понимание связки (копулы) см.: [Gipper 1963: 135 и сл.; Берка 1961; Lyons 1978]. Мы упоминаем только некоторые точки зрения, которые непосредственно соприкасаются с принимаемым здесь определением понятия связки.

Перечислим наиболее распространенные представления о природе и сущности понятия связки: 1) связка, как правило, присоединяет к подлежащему предикативный член (или выполняет функцию вторичной предикации); 2) связка отделяет связь между предметом и его свойством или какой-либо другой его характеристикой от самой этой характеристики (обычно указание на тип характеристики содержится в самом слове, ее обозначающем); 3) связка обозначает только связь между явлениями; 4) связка указывает не только на связь между явлениями, но само становление, бытие явления; 5) связка имеет только грамматическое значение; 6) связка сохраняет лексическое значение.

Участие первого фактора в формировании понятия связки признается всеми лингвистами, но при этом некоторые лингвисты считают, что связка может присоединять и локативный член. Другие же ограничивают функцию связки присоединением предикативного члена. Иногда это условие считается достаточным. Такая точка зрения высказывается А. И. Смирницким, по мнению которого, функцию связки могут выполнять и служебные, и полнозначные глаголы. Например, он рассматривает полнозначный глагол *rise* в предложении *The moon rose red* как связку, соединяющую существительное *moon* с квалифицирующим его прилагательным *red* [Смирницкий 1957: 126]. Однако большинство лингвистов вводят и другое обязательное условие—опустошенность или ослабленность лексического значения. В их работах сочетания типа *rose red* рассматриваются как соединение предиката с приложением, см.: [Ярцева 1947]. Между предикатами, имеющими приложение, и случаями реализации составного именного сказуемого существует много промежуточных случаев [там же].

Принципиально разные точки зрения высказываются по вопросу о сохранении или несохранении связкой лексического значения, хотя бы и ослабленного. В большинстве работ проводится мысль о том, что связка лишена лексического значения и выполняет только грамматические функции, указывая на время, наклонение и т. д., см.: [Пешковский 1938; Есперсен 1958; Сштпе 1935; Lyons 1978]. Однако в других работах утверждается, что связка частично сохраняет лексическое значение [Ярцева 1947; Смирницкий 1957]. Это утверждение аргументируется противопоставленностью таких пар, как: *Он был врачом — Он стал врачом*.

Обобщая различные точки зрения и опираясь на проведенное исследование предикативных типов, мы пришли к выводу, что при определении природы связки существенны следующие моменты: 1) связки не обозначают явления, представляющие собой тот или иной вид энергии (психической, физической и т. д.), наделенный определенными качественными характеристиками, иными словами, они обозначают либо саму связь между объектом и его свойством, результатом его действия, местом его нахождения и т. д., либо—процесс нарастания формирования какой-то качественной характеристики объекта в отрыве

от самой этой характеристики¹⁹; 2) связки сохраняют лексическое значение, хотя и ослабленное; 3) они выделяют связь или сам процесс, само развитие в отдельный элемент семантической структуры (возможно, третья характеристика связочных предикатов вытекает из второй). Ограничения в синтаксических условиях появления связки вытекают, как мы полагаем, из перечисленных характеристик. Так, связка не может присоединять дополнение, поскольку оно указывает на такой актанти ситуации, который связан с субъектом через действия, т. е. через что-то, что представляет собой тот или иной тип энергии.

Поскольку связки не обозначают такие «самостоятельные» явления, они не могут сочетаться с обстоятельствами образа действия, которые бы характеризовали качественные особенности процесса или пребывания в чем-то или где-то, отличные от продолжительности или скорости изменения. Так, нельзя сказать: **Он мертвенно становится бледным*, можно только: *Он становится мертвенно бледным*, где слово *мертвенно* характеризует не процесс становления, а само свойство (другие примеры см. в п. 3.3).

Связки первого типа, т. е. связки, обозначающие саму связь между субъектом и его свойством, результатом действия и т. д., могут иметь при себе только наречия, указывающие на продолжительность связи. Связки второго типа могут также сочетаться с наречиями, указывающими на скорость изменения: *It is getting dark slowly*. Этот тип связок характерен для английского языка. Напротив, в русском языке он мало представлен, что, вероятно, связано с широтой распространения производных глаголов типа *бледнеть*, *краснеть*, *темнеть*. Подчеркнем, что сочетания типа *становиться бледным*, которые обычно считают абсолютными синонимами таких глаголов, как *бледнеть*, не описывают процесс становления соответствующего свойства. Они несут информацию о том, что денотат подлежащего, начиная с некоторого момента, характеризуется через данное свойство. Даже такое предложение, как *Он становится умным {красивым}* сообщает не о процессе нарастания качества, а о том, что Y-у еще не присуще это качество, но есть признаки того, что Y будет его иметь, т. е. что «связь» между Y-м И описываемым качеством будет установлена. В пользу предложенной интерпретации говорит несочетаемость данного предиката с наречиями, которые модифицируют протекание процесса. Так, норме не соответствует предложение *Юна медленно становится умной*²⁰;

¹⁹ Об этом втором типе связок см.: [Ярцева 1947].

²⁰ Некоторые из опрошенных считали допустимым предложение *Сцена постепенно становится пустой*, хотя обычно предпочтение отдавалось фразе *Сцена постепенно пустеет*. Колебания в оценке первого предложения вызваны, по-видимому, особым значением наречия *постепенно*, которое может восприниматься как указывающее не на сам процесс изменения, а на суммирование нескольких этапов уже про-

ср.: *Он медленно, но несомненно умнеет; Он быстро умнеет*; ср. также: *Она медленно бледнеет*, но нельзя: **Она медленно становится бледной*. Норме не соответствуют и такие предложения, как **Она смотрит на него и становится бледной*; ср. *Она смотрит на него и бледнеет*. Таким образом, информация словосочетаний *становиться бледным, становиться умным* не тождественна значению глаголов *бледнеть, умнеть*, и ее содержание не составляет сообщение о процессе развития свойства.

В лингвистической литературе уже приводилось достаточно много аргументов, подтверждающих наличие у связок лексического значения (см. прежде всего указанные работы В. Н. Ярцевой и А. И. Смирницкого). Одним из главных аргументов служит само существование большого количества связок, различия между которыми не относятся к области грамматики.

По вопросу о том, являются ли копулятивные предложения двусоставными или трехсоставными, существуют различные точки зрения, см.: [Gipfer 1963]. Если признать справедливым сделанное утверждение, что связка имеет свое собственное значение, и содержание этого значения составляет характеристика самой связи (описывается ли она как устанавливаемая в определенный момент или как присущая объекту) или самого процесса изменения в отрыве от его субстанции, то отсюда следует, что связка выделима здесь в отдельную составляющую в семантической структуре предложения с составным именным сказуемым, хотя связка и не образует отдельный член предложения.

Итак, предложение с составным именным сказуемым сообщает, что Y-у приписывается некоторое свойство, состояние и т. д., причем связь между Y-м и приписываемой ему характеристикой обозначается отдельно и не представляет собой какой-то вид энергии.

3.2.2. Как уже говорилось выше, во многих работах указывается на существование постепенного перехода от связочных предикатов к несвязочным, в частности к предикатам, имеющим приложение. Этот последний тип предикатов чрезвычайно распространен в английском языке, вследствие чего ему уделяется большое внимание в англистике, см.: [Есперсен 1958; Routsma 1928; Curme 1935; Ярцева 1947]. Критерием выделения именного сказуемого служит степень ослабленности лексического значения, его отход от своего основного значения. При этом указывается, что наряду с очевидными примерами «отхода» от основного значения выделяется много промежуточных случаев; например: *He went cold (связка) — They go hungry (промежуточный случай, который по-разному интерпретируется разными лингвистами) — Helen had*

изошедших изменений (ср. анализ сочетаний типа *все больше и больше* в кн.: [СТП 1982: 104]).

grown a beautiful young woman (промежуточный случай, приближающийся к предикативному приложению —She lay quiet, The sun rose red (предикативное приложение)²¹.

Сохранение или, напротив, потеря, хотя и неполная, лексического значения, часто обуславливает представление о том, обозначает ли глагол только саму связь между объектом и характеризующим его свойством или нет. Так, в предложении She went very white²² предикат указывает на то, что У в описываемый момент времени характеризовался свойством «бледность», причем это свойство возникло в тот же момент времени. Это восприятие определяется тем, что глагол go не имеет значения, в которое входила бы информация об установлении цвета.

Наряду с предикатами, именная часть которых приближается к приложениям, существуют промежуточные случаи между простым (аналитическим) сказуемым и составным именным. В лингвистической литературе очень подробно рассмотрен вопрос о различии и о переходных случаях между пассивным сказуемым и составным именным, см.: [ИТМ 1977; Буланин 1978; ТПК 1974]. В добавление к этому отметим только следующее: по-видимому, предикаты состояния, указывающие на протекающую во времени характеристику субъекта, стоят ближе всего к аналитическим предикатам. Эта близость более четко (по сравнению с русским) выражена в английском языке, где допускается возможность употребления наречия, характеризующего предикат в целом. Так, можно сказать: He was hard at work. В русском языке могут употребляться только наречия, характеризующие саму связку. Поскольку связка не обозначает какого-то качественного явления, то здесь возможно употребление только наречий, указывающих либо на продолжительность связи, либо на частоту ее установления. Можно сказать: *Он долго был в отчаянии*, но нельзя: **Он полно (страшно) был в отчаянии*; ср. *Он был в полном (страшном) отчаянии*.

3.3. Предикаты «нахождения в пространстве»

Предикаты с этим значением могут рассматриваться как образующие особое «подразделение» наряду с такими группами, как глаголы движения, мышления и т. д. Эта классификация, как мы говорили, пересекает классификацию на действия, процессы и т. д. Значение действия или процесса, возможно, присуще и некоторым пространственным предикатам. Однако большинство из этих предикатов образует особую подгруппу и в рамках второй указанной классификации. Существуют разные точки зрения о статусе глагола *быть* в простран-

²¹ Примеры взяты из: [Ярцева 1947].

²² Сопоставляемые примеры взяты из кн.: [Poutsma 1928: 341].

ственных предикатах. Некоторые лингвисты считают, что этот глагол является полнзначным и, следовательно, не связочным в экзистенциальных предложениях, см.: [Бенвенист 1974; Воронцова 1980]. Другие (например, Л. В. Щерба, А. И. Смирницкий) приписывают ему самостоятельную функцию и в предложениях типа *Он был вчера в банке*, третьи называют этот глагол связкой во всех условиях его употребления, см.: [Lyons 1966]. В нашей работе проводится последняя точка зрения, хотя и показывается, что пространственные предикаты образуют особый подтип в рамках связочных предикатов, находясь на периферии последних. Приведем некоторые аргументы в пользу сделанного утверждения. Глагол *быть* обозначает только связь между объектом и пространством. Если действия, процессы и состояния всегда имеют какую-то качественную характеристику, по которой одно действие отличается от другого, одно состояние отличается от другого, то «нахождения» не отличаются друг от друга по самому характеру нахождения. Вследствие этого предикаты данного типа не могут иметь при себе наречия, указывающие на способ, качество нахождения. Так, можно сказать: *Я хорошо жил в Москве*, но нельзя: **Я хорошо был в Москве*; *На диване удобно устроилась Маша*, но: **На диване удобно Маша* (ср.: *На диване Маша*); *Его рука уверенно лежит на пульте управления*; *Ее рука доверчиво лежит на его плече*, но: **Ее рука доверчиво на его плече*²³.

Предикаты «нахождения в пространстве» не сочетаются и с такими выражениями, как *с радостью*, *с удовольствием*, *с трудом*. Так, нельзя сказать: **Я с трудом был целый день дома*; ср.: *Я с трудом провел целый день дома*; **Весь день он с радостью был в горах*; ср.: *Я с радостью провел весь день в горах*. Данные особенности употребления свидетельствуют о том, что нахождение в пространстве обычно не воспринимается как некоторое качественное явление, «создаваемое» субъектом. Существуют, однако, как мы говорили, предикаты, в значении которых нахождение в пространстве представлено как связанное с той или иной формой деятельности, функционирования в рамках этого пространства. Сюда относятся глаголы: *провести*, *пробыть*, *побыть*, *жить*, *бывать*. Глаголы *быть* и *иметь* также иногда могут получать подобные значения. Так, можно сказать: *Вчера я с удовольствием была весь день дома*.

Несмотря на то что предикаты «нахождения в пространстве» обычно обозначают только саму связь между субъектом и местом, они в некоторых случаях могут приближаться к фазовым предикатам. Такое сближение возникает тогда, когда денотат глагола *быть* получает самостоятельную временную соотнесенность с осью времени, отличную от временной соотнесенности локативного члена. Денотат локативного члена не создается во времени и, как

²³ Такие предложения, по-видимому, могут быть употреблены лишь как эллиптические.

следствие этого, не может занимать временной отрезок. Напротив, само «нахождение в...» может быть представлено как распределенное по временному отрезку. При этом предикат сочетается с такими выражениями, как *весь день*: *Весь день Маша была в комнате (с ним)*; *В комнате весь день была Маша*; *Весь день с ним была Маша*. В этом случае «нахождение в пространстве» характеризуется как непрерывно длящееся в течение описываемого отрезка времени. Разная соотношенность с осью времени денотата глагола быть и денотата именной части свидетельствует о том, что предикаты «нахождения в пространстве» в таких предложениях, как *Я буду завтра в банке*, более четко, чем, например, предикаты со значением свойства (качества) членимы на две составные части: «нахождение в...»; «пространство нахождения». Сделанное утверждение согласуется с представлением Л. В. Щербы о том, что глагол *быть* в предикатах данного типа обозначает отдельный предмет мысли в отличие от его употребления в таких предложениях, как *Он был американец*; *Завтра я буду веселым*. Отсюда Л. В. Щерба делал вывод, что глагол *быть* перед локативным членом — полнозначный. Скорее, однако, здесь следует говорить о некотором переходном случае: несмотря на то что денотат глагол *быть* более четко отделим от локативного члена, связь составляет отдельный элемент семантической структуры и в предложениях с предикатами «качества, результата, состояния». Правда, в пространственных моделях глагол быть, указывающий на эту связь, скорее всего выделяется уже в особый член предложения. Однако и в пространственных моделях денотат глагола быть не имеет собственной качественной характеристики и в этом смысле не может рассматриваться как особая, создаваемая во времени сущность.

Такой характер значения предикатов «нахождения в пространстве» приводит не только к отмеченным особенностям (несочетаемость с наречиями, несочетаемость с выражениями, указывающими на усилия, складываемые в создание денотата — *с трудом*, *с легкостью* и т. д.), но и к своеобразию в статусе субъекта. В большинстве случаев субъект вообще не характеризуется по признакам, связанным с представлением об активности/неактивности: *В комнате Маша*; *У меня есть сестра*. Однако в некоторых случаях субъект может быть отнесен к классу волевых (т. е. от его воли, от его возможностей зависит, быть или не быть где-то): *Я здесь по своей воле*; *Будь дома в три часа*; *Ты можешь быть завтра дома в это время?* Такое же употребление возможно и при глаголе *иметь*: *Ты можешь иметь эту книгу, если хочешь*. При этом и в подобных предложениях субъект не может быть охарактеризован как агент, т. е. как тот, кто создает, производит что-то.

Сочетаемость с выражениями типа *весь день* в основном характерна для тех предикатов «нахождения в пространстве», в которых указывается на реальное физическое пространство (*в комнате*, *в лесу* и т. д.). Если предполагается не

только чисто физическая связь между субъектом и пространством, но и некоторая другая более абстрактная связь, то допускается построение предложений типа: *Вообще-то он в институте, но сейчас он вышел* (ср.: **Вообще-то он в комнате, но сейчас он вышел*); *Вообще-то у него есть эта книга, но сейчас он ее отдал*.

В тех случаях, когда описывается нахождение объекта в пространстве некоторого множества, ситуации и т. д., предикаты «нахождения» сочетаются с выражениями типа *весь год* лишь при особых условиях. Во-первых, если сообщается, что в течение всего описываемого отрезка времени многократно имели место ситуации наличия Y-а у X-а или ситуации реализации этого наличия: *Весь год у нас было парное молоко* (т. е. речь идет о том, что X постоянно получал парное молоко в течение года); *Весь год у меня был помощник* (т. е. внимание акцентируется на том, что когда X работал или когда X-у было нужно, у него был помощник). Напротив, предложение *Весь год у меня был друг (враг)* носит более окказиональный характер, что можно объяснить тем обстоятельством, что в данном случае менее естественно акцентировать внимание не на самом факте наличия друга (ср.: *В то время у меня был друг*), а на том, что в течение всего года были ситуации, в которых проявлялось наличие X-а друга. Во-вторых, если речь идет о наличии представления, мнения, то предикаты «нахождения в пространстве» встречаются с выражениями типа *весь год*, когда говорящий хочет сообщить о том, как долго считалось истинным неверное суждение, мнение (*весь год у меня было совершенно неверное представление о том, что произошло*).

Глаголы *существовать*, *иметь* обнаруживают сходство с глаголом *быть* не только по своей способности передавать пространственное значение, но и по грамматическому типу. Хотя их лексическое значение менее обеднено, они, так же как и глагол *быть* не обозначают какого-то особого качественного явления, а служат только для обозначения самой связи между объектами.

Вследствие этого они также не могут сочетаться с наречиями, модифицирующими характер процесса, действия. Так, можно сказать: *Я с удовольствием (охотно) с ним говорил*, но нельзя **Я с удовольствием (охотно) имел с ним беседу*. Ср. также *Он жил в Москве в 18 веке, и между прочим жил он превесело*, но нельзя: **Он существовал, и между прочим существовал он неплохо*. Глагол *существовать*, правда, имеет и другое значение, которое делает приведенное предложение отмеченным при употреблении его как шутки. Это другое значение реализуется, например в предложении *Я не живу, я существую*.

Перечисленные особенности функционирования говорят, как представляется, против проводимого во многих работах объединения [Бенвенист 1974; Чейф 1975; Вендлер 1967] предикатов «нахождения в пространстве» в одну

группу с предикатами следующих типов: (X) *раздражен*, (X) *любит* (Y) , (X) *думает*, *что* (Y) . Своеобразие предикатов «нахождения в пространстве» заключается в том, что их денотаты не представлены как определенные виды деятельности (энергии). Они указывают только на связь некоторого объекта с тем или иным пространством. Пространственные предикаты могут иметь разную характеристику по признакам активности/неактивности (волевой/неволевой субъект) или вообще не определяться этими признаками. Пространственные связи могут описываться как непрерывно длящиеся во времени или как абстрагированные от непосредственного протекания во времени.

Глагол *быть* в пространственных моделях сохраняет основную характеристику связи. Он обозначает только связь между объектом и пространством. Однако в этих предложениях глагол *быть* выделяется или, скорее, имеет тенденцию к выделению в отдельный член предложения. Бóльшая независимость глагола в пространственных моделях проявляется и в том, что он может иметь самостоятельную соотнесенность с осью времени. Все это заставляет говорить о пространственных предикатах как об особом типе, в рамках которого глагол может быть в большей или в меньшей степени приближен к «чистой» связке.

Глагол *иметь* также приближается к связкам, поскольку его денотат не представляет собой тот или иной вид деятельности или результат деятельности. Однако в отличие от глагола *быть* он наименее лексически обеднен, так как в его значение входит не только информация о связи между пространством и объектом, но и указание на сам тип пространства, в качестве которого выступает сфера посессивности объекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В гл. I развивалась мысль о том, что значение так называемых экзистенциальных единиц (моделей и глаголов) может быть интерпретировано через понятие «локализации» в пространстве и/или времени. Для некоторых типов экзистенциальных предложений существен также характер ориентации высказывания. Проводится различие между тремя типами экзистенциальности.

1. E_{x_1} — существование в мире действительности (E_{x_1})/существование в мире фантазии, сказки, вообще в мире «недействительности» (E_{x_1}).
2. E_{x_2} — наличие в том или ином более частном пространстве в какой-то момент или период времени.
3. E_{x_3} — локализованность в той или иной точке или отрезке времени; указание на принадлежность миру действительности или фикции, фантазии вхо-

дит здесь в пресуппозицию высказывания; указание на частный вид пространства необязательно; Ex_3 реализуется лишь при событийных именах.

В гл. I приведены новые аргументы в пользу пространственной интерпретации таких глаголов, как *существовать*, *быть* в моделях типа «5 S (*есть*) Y », « $У X$ -а *есть* Y » и т. д. Пространственная интерпретация понятия Ex_1 аргументируется прежде всего способностью глаголов типа *существовать*, *быть* сочетаться с локативами (*в фантазии*, *в сказке*), а также тем, что основные глаголы этой группы (*существовать* — в своем главном значении, *быть*) указывают только на саму связь между объектом и пространством, и, следовательно, локативный член не играет здесь роли простого распространителя модели.

Пространственная интерпретация моделей типа « $B S$ (*есть*) Y », « $У X$ -а *есть* Y », подтверждается анализом различных ограничений, накладываемых на условия употребления, а также на заполнение позиций X -а и Y -а. Показывается также, что предложения типа Ex_2 не включают в свое значение компонент Ex_1 .

В гл. I дается определение понятия посессивности через перечисление вариантов (отношение собственности, отношение части к целому, продукта труда к его производителю и т. д.). Высказывается гипотеза, что эти варианты сводятся к трем основным случаям. Объект посессивного отношения это — 1) то, на что распространяется власть посессора (юридическая, физическая, нравственная); 2) то, что является частью посессора или частью его существования; 3) то, что несет в себе элемент посессора (имеет свойство, существующее как отношение к посессору). Эти три случая подводятся под еще более широкое обобщение, при котором объект посессивного отношения может быть представлен как то, на что в той или иной форме «распространяет» себя посессор (слово *распространяет* здесь чаще не предполагает волевой акт; оно может соответствовать и выражению: *быть распространенным на что-то*) и не понимается в смысле физического наложения одного объекта на другой.

Известная неопределенность этого толкования соответствует реальному поведению языковых единиц со значением посессивности. Они могут употребляться и более узко и более широко. Наиболее широко они используются, когда речь идет о «сфере посессивности» самого говорящего и его собеседника.

В работе также приведены аргументы в пользу той точки зрения, что глагол *быть* и в экзистенциальных, и в локативных предложениях приближается к связке. Рассмотрено само понятие связки. Три момента признаются ведущими в определении этого понятия: трехсоставность семантической структуры связочных предложений, т. е. связь между объектом и его свойством, или пространством его нахождения выделяется в особый элемент семантической структуры; наличие лексического значения, обычно обедненного (сохранение этого значения и приводит к вычленимости связи); отсутствие какого-либо

вида энергии, наделенного теми или иными качественными характеристиками, который обозначала бы связка. Она имеет своим денотатом именно саму связь между объектом и другим объектом, или объектом и пространством и т. д.

Глагол *быть* в пространственных предикатах удовлетворяет перечисленным критериям. По сравнению с предикатами качества связка в пространственных предикатах обладает, однако, большей самостоятельностью. Это проявляется, в частности, в том, что здесь она может получать независимую от именной части соотнесенность с осью времени. Данная возможность реализуется не во всех типах пространственных предикатов. Далее будет также показано (гл. III), что в некоторых пространственных предикатах глагол *быть* наименее обеднен лексически.

Глава II

ПОНЯТИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ И АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ

В гл. II рассматриваются две общетеоретические проблемы—выделение структурных схем (моделей предложения), возможные типы структурных схем и их соотношения друг с другом, влияние лексического наполнения и т. д.; разграничение различных явлений, обычно включаемых в теорию актуального членения.

1. СИНТАКСИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

1.1. *Общее представление и проблема выделения*

До сих пор мы не ставили вопрос о том, служит ли глагол *быть* для образования особых синтаксических моделей. В настоящее время, вероятно, значительная часть исследователей разделяет мысль о том, что синтаксис строится не только из свода правил, но и из набора единиц, структурных схем, моделей, имеющих свой план выражения и свое значение [Danes 1964; Шведова 1973; 1969; Шмелев 1961; Белошапкина 1977 и др.]. В работах Н. Ю. Шведовой понятие структурной схемы предложения трактуется следующим образом:

Структурная схема—это абстрактный синтаксический образец, по которому может быть построено отдельное минимальное относительно законченное предложение. Структурные схемы разграничиваются по совокупностям следующих признаков: формальное устройство схемы (входящие в нее формы слов и —в схемах, образуемых

двумя формами, —отношение этих форм друг к другу); семантика схемы; парадигматические свойства построенных по этой схеме предложений; система регулярных реализаций; правила распространения [РГ 1980: 92].

Семантика структурной схемы предложения рассматривается как результат взаимодействия следующих факторов: 1) грамматического значения компонентов в их отношении друг к другу (в однокомпонентных схемах — грамматическим значением этого компонента); 2) специфическими для данной схемы лексико-семантическими характеристиками слов, в конкретных предложениях занимающих позиции ее компонентов [там же: 93].

Наряду с приведенным толкованием в РГ дается и несколько иная трактовка структурной схемы, в соответствии с которой в ее значение, кроме грамматических характеристик компонентов, входят только правила заполнения лексическими элементами позиций [там же: 123]. При этом вводится и еще одно понятие — семантической структуры предложения. Под этим понятием понимается «значение, представляющее собой отношение семантических компонентов, формируемых взаимным действием грамматических и лексических членов предложения» [там же: 124]. Это значение рассматривается как языковое, а не речевое и приписывается не отдельному индивидуальному предложению, а целому классу предложений. Иными словами, здесь утверждается, что есть особый «слой» синтаксического значения, который характеризует структурную схему предложения при ее заполнении различными классами слов. Так, схема « $N_i V_b$ » (где N_i имя в именительном падеже, а V_b спрягаемый глагол), которой приписывается следующее общее значение — «отношение между субъектом и его предикативным признаком — действием или процессуальным состоянием» [там же], выступает в том или ином варианте своего значения в зависимости от лексических заполнителей: *Ученик пишет* — «отношение между субъектом и его конкретным действием»; *Ребенок радуется* — «отношение между субъектом и его эмоциональным состоянием»¹ [там же]. Различные уровни в семантической структуре (мы употребляем этот термин шире, чем в РГ и относим его к конкретному высказыванию) разграничивают и другие лингвисты, см., например: [Danes 1964].

Задача выделения структурных схем (моделей) не является, по существу, принципиально новой — она непосредственно связана со старой проблемой классификации типов предложения. Эта преемственность проявляется и в сохранении старых споров, связанных, например, с вопросом о том, строить ли классификацию и выделять ли структурные схемы, прежде всего опираясь на

¹ Термин «состояние» употребляется в РГ в очень широком значении: он соответствует тому, что в нашей терминологии называется предикатами состояния, предикатами пассивного процесса и предикатами пассивного результата.

формальные критерии, или, напротив, семантические (см. разные решения данного вопроса: [Fries 1967; Robert 1956; Brinkman 1971; Gardner etc. 1983; Золотова 1967; 1973; Шведова 1973а; 1973б]). Далее, старый спор о роли предиката в семантической структуре предложения, см. [Кузнецов 1984, гл. I], сохранил свою значимость при решении вопроса о том, следует ли структурные типы выделять преимущественно в зависимости от типа предиката (о разных подходах к выделению структурной схемы см.: [Шведова 1973а; 1973б]). Вместе с тем современная постановка проблемы связана с изменениями угла зрения, что в значительной степени меняет и сам подход и заставляет вводить более жесткие критерии. Так, возникает необходимость найти критерии, позволяющие решить, представляют ли собой те или иные наблюдаемые высказывания реализацию одной и той же структурной схемы или, напротив, разных схем. Далее, новая постановка проблемы требует и ответа на вопрос, как именно «записаны» в памяти структурные модели.

В настоящее время, как нам представляется, делаются лишь первые шаги в разработке критериев выделения структурных схем. Относительно полное, хотя и не окончательное решение получает вопрос о различии между распространителем структурной схемы и ее обязательными компонентами. В качестве критерия обычно указывают на то, сохраняет ли предложение коммуникативную осмысленность при опущении того или иного члена предложения. Точнее здесь, как представляется, следовало бы говорить о том, сохраняют ли остальные члены предложения исходные семантические отношения друг с другом и сохраняется ли общее содержание информации за вычетом вклада, вносимого опускаемым членом предложения. Так, информацию предложения *На столе книга* нельзя вывести из предложения *Книга* (например: *Книга. Какую огромную роль играет она в жизни человека*) плюс локатив. Вследствие этого локативный член принадлежит к структурной схеме предложения *На столе книга*. Однако если опущение того или иного актанта делает предложение неотмеченным, это еще не обязательно означает, что данный актант относится к структурной схеме. Так, если не считать, что сказуемое обязательно определяет тип структурной схемы, то многие запреты на опущение второстепенных членов предложения могут быть объяснены лексическим типом предиката, а не самой структурной схемой. Еще более сложно найти критерии сведения высказываний к одной структурной схеме, если речь идет не о расширении, а о разных заполнениях одной и той же позиции. Часто принимаемое решение либо чисто интуитивно, либо строится только на формальных критериях, хотя в теории утверждается необходимость учитывать и семантические. Так, в [РГ 1980: 300—305] к структурной схеме « $N_1—N_2$ или Adv» (где N_1 —имя в именительном падеже, а N_2 —имя в косвенном падеже, схема характеризуется отсутствием координации между компонентами) относятся, например, следующие

высказывания: *Отец на работе; Скатерть — необычайной белизны; Сабля — покойного отца; Он — за начальника; Девочка — косичками; Деревья — вду-плах, шрамах (Мохов); Песня — о тебе; Мой младший брат меня сильнее (Шкловский); У нее слезы — рекой; У него фигура — медведя.* Вероятно, объединение этих столь разных, в семантическом отношении предложений определяется только отсутствием координационной связи, что, однако, необязательно является существенным признаком модели. Авторы, правда, выделяют и некоторое общее значение структурной схемы: «Отношение между субъектом и его предикативным признаком — состоянием, свойством или качеством» [там же: 303]. Такое широкое определение значения вряд ли раскрывает специфику данной модели. Тем более, что очень близкие толкования даются и многим другим структурным схемам. Так, предложения типа *Ночь тиха; Ребенок весел; Старик болен; Девочка красива; Закон неумолим* подводятся под структурную схему (N_1 —Adj_{кратк.}) с общим значением «отношение между субъектом и его предикативным признаком — непроцессуальным состоянием» [там же: 295]. В рамках этого общего значения модели « N_1 —Adj_{кратк.}» выделяется и следующий подвид: «субъект — его свойство или качество» [там же]: *Молчание невыносимо; Девочка красива.* Таким образом, поскольку и структурная схема N_2 — N_2 (Adv) не выражает признак процессуальности, толкование значения обеих структурных схем практически совпадает. Далее, даже при том широком и неопределенном значении, в котором употребляются в РГ термины «свойство», «состояние» все-таки непонятно, почему под эти понятия подводятся разные виды пространственных отношений — *Он на работе; Приезжий — из Москвы; Вход — с другого подъезда.* Можно ли также считать, что предикативные выражения в таких предложениях, как *Он — за начальника*, указывают на свойство или состояние? Представляется, что если попытаться более строго определить семантические отношения, выражаемые отдельными предложениями, отнесенными к случаям реализации схемы « N_1 — N_2 (Adv)», то окажется, что их семантика очень разнообразна и не сводится к одному общему значению. В семантическом плане было бы более естественно объединить такие предложения, как *Скатерть белая; Скатерть — удивительной белизны; Эта скатерть белее снега* и т. п. Основанием для отнесения данных предложений к одной синтаксической модели могла бы служить гипотеза о том, что предикатная позиция в этой модели допускает заполнение разными структурными типами.

На примере структуры « N_1 — N_2 (Adv)» мы попытались показать, что оправданность выделения тех или иных структурных схем далеко не очевидна и перед лингвистикой стоит задача поиска объективных критериев их выделения. Вероятнее всего, эти критерии могут быть окончательно разработаны лишь при обращении к исследованию памяти и форм хранения в ней лингвистической информации. Тем не менее сама идея о существовании структурных

схем и о их расщеплении на подвиды при заполнении различными лексическими классами, более соответствует, как нам представляется, интуитивному восприятию, чем трансформационная теория, и хорошо согласуется с языковыми данными.

Отметим также, что проводимое в лингвистике деление на синтаксис предложений и синтаксис словосочетаний (оно, в частности получило развитие в работах В. В. Виноградова) представляется нам чрезвычайно важным для понимания структуры моделей предложения. Очень вероятно, что существуют, с одной стороны, исходные схемы предложений, а с другой — модели словосочетаний, причем термин «словосочетание» мы здесь употребляем не только для обозначения сочетаний знаменательных слов, но и именных групп с предложениями. При построении высказываний, по-видимому, часто происходит сложение структурных схем предложения и моделей словосочетания. Этот процесс может осуществляться непосредственно в акте речи, а может относиться к диахронии. В этом случае в синхронном срезе имеется лишь его результат — производная модель, значение которой уже не предопределяется полностью ее составляющими (см. примеры далее). Одна и та же модель словосочетания может, по-видимому, функционировать свободно и входить в состав производных моделей.

Высказанная нами гипотеза о том, что структурная единица может иметь и самостоятельное существование и входить в состав производной модели в качестве ее обязательной части, не противоречит сложившимся в настоящее время представлениями о формах хранения в памяти информации, в частности о том, что один и тот же элемент информации может принадлежать нескольким узлам памяти, вступая при этом в разные связи, см.: [Аткинсон 1980, гл. II].

Отметим также, что классы глаголов и некоторые отдельные их «представители» задают скорее модели словосочетаний, а не структурные схемы предложений, хотя есть и такие глаголы, которые выполняют эту последнюю функцию (например, *светать*, *холодать*).

Производные модели возникают, вероятно, и в результате объединения структурных схем предложений, что можно проиллюстрировать на таких предложениях, как *The sun rose red* (букв.: 'Солнце встало красным'). Их структурная схема, по-видимому, есть результат соединения двух моделей «N+V» и «N+be+Adj».

Постулируемые пути образования моделей, по существу, близки к процессам словообразования, и в этом смысле их можно было бы назвать динамическими (ср. употребление этого понятия: [Кубрякова 1980: 239 и сл.]). Вероятно также, что наряду с прошлыми моделиобразовательными процессами, результатом которых являются уже готовые модели, существуют и «живые» процессы, позволяющие окказионально создавать модели по определенному типу. Так, многие предложения, построенные по мнению авторов Русской Грамматики

[РГ 1980], по рассмотренной схеме « N_1-N_2 (Adv)», возможно, служат примерами некоторого продуктивного моделиобразовательного процесса, позволяющего преобразовывать определенные модели словосочетаний, как именных, так и глагольных, в модели предложений с предикатом-связкой: *Он — за председателя; Книга — ему; Ткань — в клеточку* и т. п.

1.2. Структурные схемы экзистенциальных и посессивных предложений

Рассмотрим теперь вопрос о том, соответствуют ли экзистенциальным и посессивным предложениям особые структурные схемы.

Представляется очевидным, что в английском языке существует особая структурная схема для построения экзистенциальных предложений, о чем свидетельствует наличие специального «синтаксического» слова *there* — знака данной модели². Эту схему мы представили в виде «*There is Y*», но ее можно также записать в форме «*There V N₁*», где *V* — глагол — предикат, а *N₁* — имя, указывающее на наличествующий объект. Под углом зрения формальной организации — это трехкомпонентная схема, с *there* в качестве формального подлежащего (такая трактовка *there* и соответствующих ему слов других языков принята большинством лингвистов, например: [Есперсен 1951, гл. XI; Breivik 1983; Кузнецов 1984]. В семантическом отношении, однако, основная функция *there* скорее заключается в том, чтобы во-первых, придать предикату пространственную интерпретацию, если он ее не имеет³, во-вторых, задать определенную коммуникативную перспективу: ориентацию на предикатную группу, включающую *there* или на локатив, если он стоит в первой позиции (см. в гл. IV, V). Таким образом, здесь коммуникативная перспектива входит в семантику самой структурной схемы. Своеобразие данной модели заключается,

² Как известно, в трансформационной грамматике предложения с *there* рассматриваются как трансформы. Если считать, что описание в терминах трансформационных правил соответствует реальным лингвистическим процессам, то трактовка предложений с *there* как трансформов представляется крайне маловероятной. Но даже если бы эта гипотеза оказалась верной, то и в этом случае есть основания считать, что по крайней мере на каком-то уровне возникает особая модель, имеющая свою формальную структуру и закрепленное за ней семантическое содержание, отличное от значения других моделей.

³ Кроме аргументов, приводимых в главах IV и V, в пользу пространственной интерпретации данной модели говорит и следующее: как показано в кн. [Bolinger 1977, ch. V], предикатную позицию в рассматриваемой модели могут занимать только те знаменательные глаголы, в значение которых входит — или в которых может возникать окказионально — пространственный признак.

как нам представляется, и в том, что имя, следующее за предикатом, не может быть подведено ни под одну из существующих рубрик, по которым распределяются члены предложения. Возможно, для описания его функции следует ввести понятие «наличествующий объект», который присущ лишь данной синтаксической модели.

В отличие от английского языка, где возник формальный показатель экзистенциальных моделей — *there*, в русском языке труднее обосновать оправданность выделения «бытийной» модели уже на уровне исходных структурных схем. Однако некоторые основания для выделения модели, которую условно можно было бы записать так: «(*Prop. S*) *есть/быть* *Y*» (*Prop.*— предлог; скобки показывают, что этот компонент в формальной структуре может опускаться) имеются и в русском языке. Таким основанием служит, в частности, использование особого «синтаксического» слова *есть*, которое в других условиях употребления имеет иное значение (ср.: *Это и есть Петр Иванович*). Соответственно противопоставленность *есть* и нулевой связки строится здесь на ином признаке, чем в других моделях. В пользу выделения особой модели уже на уровне «ядерных» говорит и несколько необычный синтаксический статус именной группы (N_1), которая не подводится под «классическое» подлежащее.

Возможно, однако, на «ядерном» уровне существуют пространственные модели с предикатами *быть (есть)*, которые лишь на уровне производных расщепляются на бытийные, локативные и т. д. В пользу этого говорит отсутствие четкого различия между бытийным и собственно связочным употреблением глагола *быть (есть)* (см.: гл. I, п. 3.2, гл. III), наличие промежуточных случаев (гл. III) и возможность употребления формы *есть* при ответе на вопрос где?: «*Где умывальник?*» — «*Умывальник есть в вашей комнате*».

Такой ответ, правда, возможен лишь при нереферентном толковании вопроса, и строится как сообщение о том, что среди множества имеющихся в данном месте (например, в доме) умывальников есть такой, который находится в комнате адресата речи⁴.

Даже если гипотеза о единстве пространственных моделей подтвердится, несомненно, что они образуют несколько самостоятельных единиц по крайней мере на уровне производных.

Не только глагол «быть», но и глагол «иметь» может быть причислен к числу синтаксических слов, см.: [Гак 1975; Падучева 1974]. Точнее говоря, он принадлежит не только лексической системе языка, но и синтаксической. Это проявляется, как нам представляется, прежде всего в том, что он создает особую синтаксическую модель, о чем свидетельствует принципиально иной тип семантических отношений в предложениях с глаголом «иметь» по сравнению

⁴ Возможность такого употребления была отмечена Н. Д. Арутюновой [1976: 216].

с другими предложениями с прямым дополнением. Их своеобразие дало основание Э. Бенвенисту [1974] утверждать, что функция имени, стоящего в постпозиции к глаголу, не соответствует прямому дополнению. В гл. V мы показываем, что несмотря на различия в формальном плане, семантическая структура предложений с «иметь» в основном совпадает с русской моделью «УХ-а (есть) 7», в которой У-у можно было бы приписать функцию «наличествующий объект».

Трехкомпонентные модели с глаголом «иметь» могут служить производящей основой для создания производных моделей, что имеет место в английском языке, например при сочетаемости с причастием вторым (гл. V). Здесь происходит сложение структурной схемы предложения и модели словосочетания.

Среди посессивных предложений имеются и такие, модели которых, по-видимому, представляют собой сложение двух структурных схем. Подобная производная модель лежит, вероятно, в основе предложений типа *Глаза у нее сияли*. Именная группа у нее, по-видимому, здесь не является простым расширителем, поскольку она несет в себе некоторые признаки модели с *есть*, которые не характеризуют словосочетание «УХ-а» в отдельности. В гл. III мы покажем, что модель «УХ-а есть У» не только сообщает о наличии У-а, но и (чаще всего) предполагает, что У рассматривается не сам по себе, а как член такого множества, и другие элементы которого может иметь Х, хотя и необязательно их фактически имеет. Вследствие этого утверждение о наличии А У-а (т. е. У-а со свойством А) предполагает возможность «существования» у Х-а и А У-а (т. е. У-а с другим, чем А свойством). Данный компонент значения сохраняется и в предложениях типа *Глаза у нее сияли*, о чем свидетельствует отмеченная А. В. Головачевой [КПСБ 1989] неупотребляемость в этих предложениях определений при подлежащем. Так, нельзя сказать: **Черные глаза у нее сияли*, что полностью объясняется указанным признаком. Из этого признака следует, что в утверждении *Глаза у нее сияли* У рассматривается на фоне других частей тела: *Глаза у нее сияли. На щеках горел румянец* и т. д. Добавление определения сужает то множество, к которому относится денотат подлежащего: делает его членом множества «глаза», что в данном контексте абсурдно. Таким образом, **Темные глаза у нее сияли* требует продолжения типа: *а синие глаза оставались грустными*. Введение притяжательного местоимения снимает данную импликацию: *Ее темные глаза сияли*.

Итак, были высказаны гипотезы о месте экзистенциальных посессивных моделей в рамках деления на исходные («ядерные») и производные. Само это деление рассматривалось с позиций синтаксических традиций московских и пражских лингвистов, которые не совпадают с постулатами и процедурами описания трансформационной грамматики. Создание производных моделей было представлено аналогично словообразовательному процессу.

2. КОММУНИКАТИВНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ВЫСКАЗЫВАНИЯ. АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ

2.1. X^{мыс} и X^{щис}

В гл. I затрагивался вопрос об особенностях построения функциональной (коммуникативной) перспективы экзистенциальных предложений. Остановимся несколько подробнее на самом понятии коммуникативной (в нашей терминологии) перспективы. В предшествующих работах мы излагали свое понимание проблем, традиционно включаемых в теорию актуального членения [Селиверстова 1984; 1987; 1988, гл. I]. Поэтому в данной главе мы ограничимся перечислением основных положений и иллюстрацией некоторых из них на новом материале.

Мы исходим из представления о том, что в теории актуального членения фактически речь идет о нескольких гетерогенных явлениях. Эта мысль высказывается в ряде лингвистических работ, например: [Halliday 1986; Чейф 1982; Николаева 1972], но при этом линия разграничения проводится часто по-разному и не полностью совпадают характеристики постулируемых явлений. Нам представляется важным проводимое в лингвистике разграничение между «информативной структурой», по терминологии М. Халлидея, и функциональной перспективой. Хотя это разграничение получило широкое распространение в лингвистике, оно продолжает оспариваться, см., например: [Szwedek 1990]. Критика фактически касается отдельных нечетких, хотя и широко распространенных определений понятия темы и ремы (см., например, критику А. Шведека трактовки темы как того, о чем сообщается в высказывании), но не затрагивает других более плодотворных подходов к толкованию данных понятий, к числу которых мы отнесли бы прежде всего работы Ф. Данеша и Е. Бенеша (далее). Кроме того, эта критика опирается на ограниченный языковой материал, не позволяющий увидеть необходимость разграничения информативной структуры и коммуникативной перспективы.

Для развиваемой концепции важно также положение о том, что в построении коммуникативной перспективы участвует все множество коммуникативных элементов, причем коммуникативными элементами считаются все члены предложения.

Учет множества коммуникативных элементов в отличие от двоичного деления на тему и рему сближает наш подход с теорией коммуникативного динамизма Я. Фирбаса [Firbas 1987]. Различие, однако, заключается в том, что мы видим иной «механизм» развертывания информации. В основе теории Фирбаса лежит сложное и в то же время недостаточно определенное понятие

коммуникативной значимости⁵ (см. критику этого понятия: [Duzsak 1984; Szwedek 1985]). Предполагается, что развитие информации идет от коммуникативно менее значимых элементов к коммуникативно более значимым и заканчивается на наиболее значимом компоненте — цели высказывания. Таким образом, Я. Фирбас фактически ограничивается понятием информативной структуры, которое, однако, получает более усложненную интерпретацию по сравнению с ее трактовкой в терминах «данное/новое». В отличие от этого мы не пользуемся понятием коммуникативной значимости и процесс развертывания информации видим прежде всего как процесс установления связей между вводимыми коммуникативными элементами.

Акцентирование внимания на связи между коммуникативными элементами возвращает нас к пониманию темы и ремы в работах Е. Бенеша [Venes 1969] и Ф. Данеша, например, [Danes 1974], которое и легло в основу нашей трактовки. Для описания отношения между предшествующим элементом и последующим мы вводим понятия характеризуемого (далее $X^{моё}$) и характеризующего (далее $X^{щес}$)⁶. Эти понятия очень близки к терминам Д. Болинджера — модифицируемое и модифицирующее [Bolinger 1952], хотя полного соответствия между ними нет [Селиверстова 1984; 1988]. Выбранные названия указывают на то, как связаны между собой коммуникативные элементы: $X^{щес}$ приписывает некоторую характеристику $X^{мому}$. Если коммуникативные элементы объединены между собой синтаксически, что и имеет место в большинстве случаев, то содержание приписываемой характеристики определяется прежде всего этим отношением, или, точнее, той суммарной информацией, которая возникает из соединения синтаксического значения и некоторых элементов лексического значения и/или морфологического. Само отношение характеристики непосредственно направлено не на слова, а на их денотаты. Вследствие этого в функции $X^{мого}$ и $X^{щесго}$ выступают языковые знаки вместе со своими денотатами⁷. Так, в предложении *Мальчик пишет*, мальчик характеризуется как тот, кто осуществляет действие 'писать'.

⁵ Значимость коммуникативного элемента определяется его контекстной зависимостью/независимостью; линейной модификацией; семантическим содержанием, вносимым данным коммуникативным элементом, и отношением этого содержания к общему смыслу сообщения [Firbas 1987: 53].

⁶ $X^{моё}$ можно было бы также назвать темой, а $X^{щес}$ ремой, но так как в отличие от Ф. Данеша и Е. Бенеша мы учитываем не только двоичное деление, мы должны были бы выделять множество тем и рем, если предложение не двусоставное. Такое употребление данных терминов, также не противоречит одной из традиций [Svoboda 1987], однако мы предпочли сохранить термины «тема» и «рема» для описания двоичного членения высказывания [Селиверстова 1984].

⁷ Для простоты изложения в некоторых случаях мы будем говорить о $X^{мых}$ и $X^{ших}$ либо как о словах, либо как о денотативных элементах.

Напротив, при изменении порядка слов и сохранении нейтральной интонации (*Пишет мальчик*) действие 'писать' характеризуется как такое, которое осуществляется мальчиком. Таким образом, функция характеристики придает векторность (направленность) той семантической информации⁸, которая указывает на отношение между коммуникативными элементами. Эту информацию нам представляется удобным описывать в терминах ситуационных ролей, которые разрабатывались с несколько разных позиций Л. Теньером [1988], Ч. Филлмором [1981] и рядом других исследователей. Пользуясь понятиями агенса, пациенса и т. д., мы в отличие от Ч. Филлмора не рассматриваем их как единицы глубинного уровня, универсальные для всех языков. Мы видим в них элементы еще не полностью разработанного метаязыка⁹ описания суммарной информации, которая приписывается актанту ситуации в результате соединения синтаксического значения, представляющего его члена предложения, с предикативными и/или предложным значением. Ср. «роль» денотата подлежащего в таких предложениях, как *Он взял книгу* и *Он получил книгу*. Понятно, что подобный понятийный аппарат не должен полностью совпадать при описании разных языков.

Вероятно, семантическая структура предложения создается в результате соединения лексических и грамматических значений его членов.

Коммуникативную перспективу мы рассматриваем как часть семантической структуры, которая может быть задана в самой синтаксической модели, а может возникать на уровне речи. Коммуникативная **перспектива**—это, во-первых, порядок следования элементов семантической структуры, или, точнее, порядок их пространственного расположения (семантическая структура имеет обычно не линейную, а пространственную организацию), который задает векторность связей между элементами; во-вторых, порядок следования связей и область их действия. Возможность изменения векторности синтаксического отношения мы проиллюстрировали на примере предложений: *пишет мальчик* и *мальчик пишет*. В своих предыдущих работах [Селиверстова 1984; 1987] мы приводили аргументы в пользу того, что векторность синтаксических отношений осознается носителями языка, существенна для смысловых связей текста и часто не предопределяется соотношением «данное»—«новое». Ряд тестов, свидетельствующих о возможности ориентации высказывания на «новое» при наличии «данного» в структуре высказывания, был разработан Л. А. Прозоровой [1989: 77].

К семантической информации мы относим не только лексические, но и грамматические значения.

Представляется, что при его разработке может быть, в частности, учтена идея традиционного синтаксиса, связанная с делением на главные и второстепенные члены предложения. Опираясь на нее, можно говорить, например, об агенсе, представленном в качестве главного «персонажа», и об агенсе, переведенном в позицию второстепенного актанта ситуации.

Так, например, она показала, что в определенных условиях (к числу которых относится тип высказывания, интонационная конструкция) локатив в первой позиции воспринимается как место нахождения всех участников события (в том числе и субъекта действия). Такое восприятие исчезает при постановке локатива в последнюю позицию. Ср.: *Когда я вошел в комнату, (а) худенький мальчик, одетый в гимназическую форму, кормил рыб в аквариуме, (*б) в аквариуме худенький мальчик, одетый в гимназическую форму, кормил рыб.*

Различие в области действия локатива в зависимости от позиции можно объяснить тем, что в высказываниях, подобных приведенному, стоящий в начале локатив выступает в функции Осн. $X^{\text{мого}}$ ¹⁰: при этом вся остальная часть высказывания ориентирована на его характеристику и, следовательно, он должен восприниматься как место для события в целом. Напротив, в конечной позиции он выступает в роли $X^{\text{шего}}$ по отношению к предикативной группе и показывает только, где имело место само действие. Таким образом, при варианте (а) высказывание ориентировано не на локатив, хотя он может быть здесь интерпретирован как ситуационно «известный», а на «неизвестный» — субъект события.

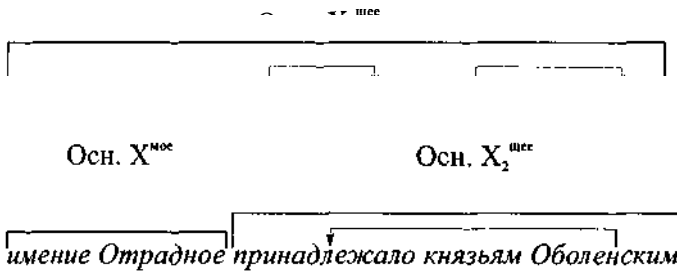
В работе Л. А. Прозоровой [1989, гл. III] показано, что и высказывания типа *Fear gripped him* 'Страх охватил его' ориентированы на «новое», а не на «данное» (известное).

Свидетельством значимости отношений характеристики может служить установленная Д. Болинджером следующая закономерность употребления локативных групп: в экзистенциальных предложениях с конструкцией «there is» постановка локатива в начало предложения тем нормативнее, чем естественнее интерпретировать остальную часть высказывания как выражающую какую-то важную или типичную его характеристику [Bolinger 1977: 100—101]. В русском языке, где препозиция локатива служит основным средством создания экзистенциальных предложений, значимость характеристики обычно не влияет на положение локатива, но в тех случаях, где это допускает смысл вводятся дополнительные актантаы, связь которых с описываемым событием более существенна. Так, фраза *У вас на воротнике клоп* более стандартна по сравнению с предложением *На вашем воротнике клоп*. В английском языке, по утверждению Д. Болинджера, при описании подобной ситуации более характерна постпозиция локатива: *There's a bug on your collar*, а не: *On your collar there's a bug*. Ср., напротив: *In this building there exploded one of the most powerful bombs* 'В этом здании взорвалась одна из самых мощных бомб' (взрыв — важная характеристика данного места).

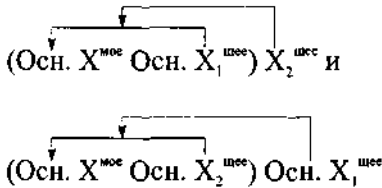
¹⁰ Следует подчеркнуть, что первая позиция необязательно связана с функцией $X^{\text{мого}}$ [Селиверстова 1984].

Рассмотрим роль порядка следования векторных связей на примере: *Расположенное в лесной части Калужской губернии имение Отрадное принадлежало князьям Оболенским*. Подобное предложение могло бы встретиться при перечислении русских имений XIX в.

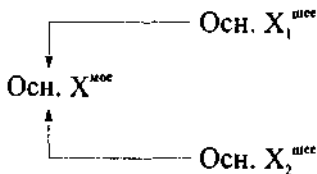
В этом предложении есть Осн. $X^{мос}$ (Осн.—основное)—имение Отрадное и два Осн. $X^{щих}$, первое из которых представлено причастным оборотом, второе—предикативной группой. Внутри этих групп есть свои $X^{мыс}$ и $X^{щис}$, что можно показать на схеме:

Таким образом, существует множество иерархически организованных отношений характеристики. Мы, однако, здесь остановимся только на Осн. $X^{мом}$ и Осн. $X^{щих}$. Теоретически здесь можно было бы представить возможность существования двух последовательных отношений характеристики:

и одного параллельного отношения:

При последовательном отношении характеристики должно иметь место определенное логическое взаимодействие между предшествующим $X^{щис}$ и по-

следующим: предшествующее либо должно составить предпосылку для существования последующего, либо взаимодействовать с ним по принципу противопоставленности, неожиданности их объединения. Напротив, при параллельных отношениях может не быть никаких внутренних связей между $X^{щми}$.

В предложениях рассматриваемого типа, т. е. имеющих причастную группу в препозиции и предикативную группу в постпозиции, может быть и последовательная характеристика, и параллельная. Иллюстрацией параллельности отношения характеристики служит приведенный пример (существование логической связи между положением в указанном месте и принадлежностью кому-то маловероятно). Такой порядок отношений характеристики, как показывает анализ примеров, реализуется лишь в том случае, если денотат именной группы не предполагается заранее известным. Подчеркнем, что здесь существенна именно неизвестность, а не просто контекстная незаданность¹¹. Высказывание при этом произносится, по-видимому, с особой интонацией: пауза делается после Осн. $X^{мого}$ ¹². Если указанные условия (содержательное и формальное) нарушаются, реализуется последовательное отношение характеристики. Вследствие этого предложения, в которых $X_1^{шее}$ и $X_2^{шее}$ логически никак не соотнесены между собой, воспринимаются как неправильные. Для параллельного отношения характеристики здесь требуется постановка $X_1^{шего}$ в постпозицию: *И он опять остановился в Отрадном, куда приезжал не раз и раньше.* (а)* *Расположенное в лесной части Калужской губернии, это именье принадлежало тогда князьям Оболенским;* (б) *Это именье, расположенное в лесной части Калужской губернии, принадлежало тогда князьям Оболенским;* см. также: *Был там и поручик Чижов, с которым я вчера проиграл всю ночь в карты.* (а)* *Три года тому назад переведенный в наш полк этот поручик был очень красив. Его красота...;* (б) *Этот поручик, три года тому назад переведенный в наш полк, был очень красив. Его красота...*

Из восьми опрошенных все отдавали предпочтение варианту (б).

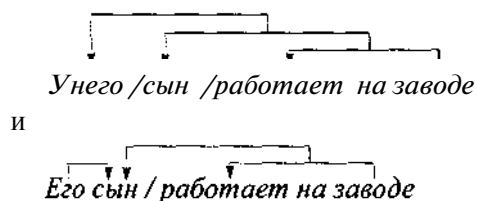
¹¹ Видимо, можно построить тексты, где Осн. $X^{моe}$ предложений рассматриваемого типа вводится в предшествующем предложении, но не предполагается известным из предыдущего опыта адресата сообщения или рассказчика, наблюдателя. Окончательно проверить данное предположение оказалось довольно трудно вследствие того, что рассматриваемый тип предложений создает часто высказывания, неодинаково толкуемые разными информантами, что связано со следующим: 1) одни информанты допускают такую взаимосвязанность фактов, которую исключают другие (например, то или иное месторасположение имения, дома и т. п. может оцениваться как «престижное» и тогда связываться с социальной позицией обладателя); 2) не всегда очевидна и характеристика по параметру известности (неизвестности).

¹² Т. М. Николаева любезно обратила наше внимание на зависимость «правильности» многих высказываний анализируемого типа от места паузы.

При введении взаимосвязанных характеристик отмеченное ограничение снимается: *Расположенный на границе, этот замок часто подвергался нападениям.*

Таким образом, порядок следования отношений характеристики существен для смысла высказывания.

Приведем еще один пример, свидетельствующий о значимости направленности отношений характеристики и порядка их следования. В гл. I п. 14 мы говорили о том, что при замене посессивного местоимения на словосочетание «у X-а», которое вносит пространственное значение, может происходить изменение не только содержания, но и области распространения семантических связей. При этом изменяется построение коммуникативной перспективы высказывания. Данное различие можно графически показать на предложениях, проанализированных выше (см. гл. I).

(Отметим, что Г. Е. Крейдлин [1980] различие между предложениями с посессивными местоимениями и словосочетанием «у X-а» также связывает с разным актуальным членением. Однако само понятие актуального членения он трактует иначе, чем мы.)

2.2. Коммуникативная перспектива и текст

Покажем теперь значимость выбора Осн. $X^{\text{мого}}$ и Осн. $X^{\text{шего}}$ для сохранения единства и связанности текста. Проблема единства, связанности и вычленимости текстового фрагмента анализировалась в рядке лингвистических работ (см., например: [Dijk 1977; Longacre 1979; Beaugrande, Dressier 1983; Brown, Yule 1983; Givón 1984]). Остановимся на текстах, в построении которых используется тематическая прогрессия с производными темами, отмеченная Р. Данешем [Danes 1974]. Коституенты такой тематической прогрессии можно рассматривать как элементы множества, объединенного общим свойством и составляющим в своей совокупности целое. Правильность текстового фрагмента, построенного по этой тематической прогрессии, не зависит от наличия причинно-следственных или каких-либо других логических связей между предложениями. Для единства и связанности текста требуется, однако, не только отнесенность Осн. $X^{\text{мых}}$ к одному множеству. Осн. $X^{\text{шие}}$ также должны либо составлять одно множество, либо разделяться на такие множества (обычно не больше двух), которые объе-

динены по признакам, коррелирующим между собой и с множеством $X^{мых}$ (например, множество $X^{мых}$ могут составлять различные части театрального зала, а множества $X^{щих}$ могут быть представлены, с одной стороны, зрителями, а с другой — билетерами). Отметим также, что одни и те же совокупности (например, пленные и конвоиры) могут рассматриваться то как подмножества одного множества, то как разные множества. По-видимому, это зависит от того, обязательно ли в описываемой ситуации наличие одних предполагает и наличие других. Таким образом, предпосылкой для построения текста по тематической прогрессии служит представление о существовании по крайней мере двух множеств (M_1 и M_2), одно из которых, однако, может исходно задаваться лишь с той или иной степенью вероятности. Цель текста заключается в сообщении о том, как связаны элементы из M_1 с элементами из M_2 . Вследствие презумпции о двух множествах имеется потенциальная возможность ориентировать высказывание и на элементы из M_1 , и на элементы из M_2 . Эта возможность, однако, далеко не всегда реально присутствует. Так, например, могут возникать ограничения, обусловленные нежелательностью или недопустимостью постановки тех или иных коммуникативных элементов в позицию контраста. Ср.: *Некоторые стояли в коридоре, а не: В коридоре стояли некоторые.*

Далее на выбор коммуникативной перспективы влияет степень спаянности элементов множества: чем в большей степени они осознаются в качестве частей единого целого, тем больше вероятность их постановки в позицию Осн. $X^{мых}$. Например, если описывается некоторое помещение (комната, приемная и т. п.) и какое-то множество людей, объединенных лишь самим присутствием здесь и сейчас и, возможно, сходной целью прихода, но не участием в коллективном действии, то в качестве Осн. $X^{мых}$ обычно выступают пространственные элементы (см., например, описание свидания с арестантами в романе Л. Толстого «Воскресение», где почти все предложения начинаются с локативного члена). Обратный порядок слов допустим, но требует дополнительных условий. Так, он возможен, если местонахождение «присутствующих» описывается не только по отношению к той или иной части пространства (*у окна, у стены*), но и по отношению друг к другу (*за ним, перед председателем* и т. п.).

Восприятию присутствующих как некоторого целого способствует их участие в коллективном действии (например, участие в собрании, научной конференции) и рассмотрение при этом не отдельных индивидов, а целых групп. В текстах, описывающих такую денотативную ситуацию, в первой позиции часто ставятся подлежащие, хотя и столь же естествен и обратный порядок слов (могут быть только частные ограничения, о которых говорилось выше). При выборе локативных групп в качестве Осн. $X^{мых}$ текст отвечает на вопрос, что было (что обнаруживается) в s_1, s_2, \dots, s_j , которые символизируют здесь части пространства S . Напротив, при выборе подлежащих и их денотатов в качестве

Осн. $X^{мых}$ текст отвечает на вопрос, где находились m_1, m_2, \dots, m_i , относящиеся к множеству M (информация о местонахождении может дополняться указанием на осуществляемые при этом действия). Для оживления текста, ухода от монотонности можно менять ориентацию высказываний, что не нарушит единство текста, если вводимые актаны ситуации принадлежат к исходно заданным множествам. Создается переплетение двух вариантов одной темы: *Я пришел в перерыв, но зал был почти полон. (1а) Большая группа собралась около президиума и о чем-то оживленно спорила; (1б) Около президиума собралась большая группа и о чем-то оживленно спорила.*

Выбор ориентации может вносить смысловые различия, если он связан с изменением в принадлежности к множеству. По-видимому, можно сформулировать следующее правило выбора Осн. $X^{мог}$: в тех случаях, когда субъект ситуации или локатив не относятся к элементам описываемого в предшествующем контексте множества, они не могут выступить в функции Осн. $X^{мог}$, если сообщение о них не следует за паузой, которая показывала бы, что предшествующая тема завершена и вводится новый сюжет. Нарушение этого условия может привести либо к неправильному толкованию текста (вводимый новый элемент может быть понят как принадлежащий к введенному ранее множеству), либо к его неотмеченности. Так, приведенный текст может быть дополнен фразой: (2а) *Около центрального входа стоял молодой охранник в красной фуражке,* а не: (2б) *Молодой охранник в красной фуражке стоял около центрального входа.* Охранник не может рассматриваться как участник собрания, и таким образом, сообщение о нем не может служить ответом на вопрос, где находились, как размещались участники собрания. Вместе с тем единство темы не разрушается, так как вводимый новый «персонаж» функционально также связан с проведением собрания, и сообщение о нем указывает на одну из «фоновых» характеристик происходящего.

Заменим теперь предложение 2 в анализируемом тексте на предложение 3 в вариантах (а) и (б): (а) *На подоконнике недалеко от двери сидела молодая красивая девушка и курила;* (б) *Молодая красивая девушка сидела на подоконнике недалеко от двери и курила.* Вариант (б) все опрошенные (8 человек) считали допустимым только в качестве зачина описания нового эпизода. Вследствие этого он произносится с особой интонацией зачина, и ему предшествует пауза. Вариант (а) не создает эффекта такого резкого разрыва с предшествующим, и не обязательно требует паузы. Он может рассматриваться как частично продолжающий первоначальную тему (что было в s_1, s_2, \dots, s_j), но одновременно и как вводящий новую линию повествования. Об этом свидетельствует неестественность употребления предложения 3 как завершения абзаца. После него требуется то или иное продолжение. Например: *Я подошел к ней и спросил...* Таким образом, сообщение о присутствии лица, описанного

через признаки, не связанные с его отношением к общему событию (в данном случае к участию в собрании) и никак не соотносящие его с другими присутствующими, воспринимается как неуместное, если это сообщение не вводит новую линию повествования. Другими словами, введение предложений подобных 3 требует в дальнейшем ответа на вопросы типа *И что дальше? К чему это привело?*

2.3. Фокус контраста

В отличие от У. Чейфа [1982] мы не выделяли фокус контраста в качестве отдельного самостоятельного явления, поскольку, как мы полагаем, он возникает в результате взаимодействия информативной структуры и коммуникативной перспективы. Однако как производное явление фокус контраста составляет важную характеристику высказывания. Контрастная функция (противопоставление описываемого положения дел какому-то другому, которое могло бы иметь место, но не имеет), с нашей точки зрения, присуща любому высказыванию [Селиверстова 1987], причем в фокус контраста может попадать либо одно из $X^{ших}$, либо все высказывание в целом, если оно как целое выполняет функцию характеристики по отношению к предшествующему контексту или к денотативной ситуации. В фокусе контраста оказывается именно то $X^{щсе}$, которое несет новую информацию. Таким образом, через позицию контраста происходит взаимодействие информативной структуры и коммуникативной перспективы. Заметим, что поскольку не всегда очевидно, какая именно часть информации представлена как новая, место позиции контраста может быть объективно неопределенным. Проиллюстрируем сказанное на примере, заимствованном у Т.М.Николаевой [1982: 72], где рассматривается случай неудачного построения предложения при переводе одного из романов Бальзака: В 1560 году улица Вьель-Пельтри проходила вдоль левого берега Сены. Николаева обратила внимание, что данное предложение имплицитно предстает о том, что, может быть, теперь эта улица проходит в другом месте, что абсурдно. Такая импликация исчезает при перестановке локативного члена во вторую позицию: В 1560 году вдоль левого берега Сены проходила улица Вьель-Пельтри. Это различие можно объяснить следующим образом. В первом предложении локативная группа играет роль одного из $X^{ших}$, таким образом, она может быть воспринята как находящаяся в позиции контраста, что создает противопоставленность: «раньше улица проходила в таком-то месте, а теперь в другом». Это восприятие не является обязательным, так как в позиции контраста может стоять предикативная группа, также выполняющая функцию характеристики. Таким образом, позиция контраста не определена однозначно, но сама возможность ее соотнесения с локативной группой делает предложение странным.

При постановке локативной группы вперед она становится $X^{м\text{ым}}$ и выпадает из поля контраста.

$X^{\text{мое}}$ может попадать в позицию контраста только в случае, если оно несет новую информацию и является одновременно $X^{\text{щим}}$ по отношению к предшествующему. Именно такую двойную функцию, как мы пытались показать [Селиверстова 1984], часто выполняет слово, стоящее в первой позиции предложения-ответа.

Кто там поет?— Маша поет, а кому же еще нет?

Слово *Маша* характеризует позицию субъекта действия, заданную в вопросе, как «заполненную» данным лицом, а его денотат характеризуется через предикат предложения-ответа. Такая повторная характеристика часто выполняет функцию подтверждения. При этом контекстно «известное» $X^{\text{шее}}$ не стоит в фокусе контраста.

Осн. $X^{\text{мое}}$ может стоять в фокусе синтагматического контраста, который требует прямого указания на противопоставленность (о понятиях синтагматического и парадигматического контраста см.: [Николаева 1982]): *Миша читал, а его жена дремала в кресле*. Субъекты данных предложений находятся в отношении синтагматического контраста.

2.4. Коммуникативная членимость/слитность

В качестве самостоятельного явления мы выделяем коммуникативную членимость/слитность¹³. Под коммуникативно нечленимым (точнее, имеющим ослабленную степень членимости¹⁴) мы понимаем такое предложение, в котором внутренние отношения характеристики подчинены внешнему отношению характеристики, выполняемому всем предложением. При этом либо все предложение в целом попадает в фокус контраста, либо имеет место случай «помещения» фокуса контраста на «внешнем» $X^{\text{шем}}$, выступающем как внутреннее $X^{\text{мое}}$ (см. предложение-ответ в п. 2.3).

Вслед за другими исследователями (в частности, Д. Н. Шмелевым), мы проводим различие между коммуникативно членимыми/нечленимыми слово-

¹³ Рассмотрению коммуникативной членимости посвящена работа Д. Н. Шмелева [1976]. В ней, однако, не ставится вопрос о соотношении этого явления с коммуникативной перспективой и информативной структурой. Самостоятельный статус придает понятию членимости Т. М. Николаева [1982]. Однако толкуется это понятие (автор обозначает его термином «глобальность») несколько шире, чем в нашей работе.

¹⁴ Всякое предложение имеет какую-то степень коммуникативной членимости. Членимость предопределяется уже самим разделением на члены предложения.

сочетаниями. Будем считать, что словосочетание нечленимо, если входящее в его семантическую структуру $X^{\text{ше}}е$ участвует в других отношениях модификации лишь вместе с $X^{\text{мы}}м$, с которым они образуют «комплексное ядро» (воспользуемся терминологией П. Адамец [1966]).

Коммуникативная нечленимость не означает отсутствие коммуникативной перспективы: *Шел дождь, было темно и грязно. Никитин чувствовал на душе неприятный осадок и никак не мог понять, отчего это...* (Чехов); *Смотри! Дождь идет!* И синтагма *шел дождь*, и предложение *дождь идет* коммуникативно нечленимы. Оба они имеют альтернативную противопоставленность отсутствию дождя и, во всяком случае, в первом примере, хорошей погоде. Однако первое ориентировано на предикат, а второе — на субъект. Об этом прежде всего свидетельствует их очевидная стилистическая нетождественность. Ориентация на предикат вообще типична для предложений, денотаты подлежащих которых фактически представляют собой **вещество** — *идет дождь (снег), пошел град, разлилась вода, рассыпался песок* и т. д. Такая ориентация способствует восприятию ситуации как в целом событийной, где имя только уточняет один из параметров события (в приведенных примерах ту субстанцию, которая участвует в создании события). Напротив, в предложениях типа *Дождь идет* предикативная характеристика представлена как один из параметров денотата подлежащего. Предложения с субъектом в препозиции реже выступают в качестве коммуникативно нечленимых. Для придания им данного коммуникативного статуса требуются особые условия. Одним из них служит постановка основного ударения на первое слово, что в свою очередь при особой интонации может быть знаком экспрессивности. Осн. $X^{\text{мо}}е$, соответствующее подлежащему, часто выражает следующее экспрессивное значение: 'важно, драматично или странно, неожиданно, что в качестве субъекта выступает данный денотат'. Например: *Человек тонет!* (важно, драматично, что человек). Экспрессивное значение «неожиданно» реализуется в приведенном выше примере: *Смотри! Дождь идет!* (о других вариантах экспрессивного значения Осн. $X^{\text{мо}}го$ и условиях их реализации см. гл. V).

Другим условием выбора последовательности *дождь (снег) идет* может служить такое построение текста, при котором данное событие фигурирует как причина другого события: *«Пойдем гулять».—«Не пойду».—«Почему?»—«Дождь идет»* (действие автора речи объясняется тем, что «делает» дождь). Здесь, однако, допустим и другой порядок слов.

Постановка в препозицию слов типа *дождь* типична и при таких предикатах, как *А дождь все шел и шел; Дождь наконец перестал*. Подобные предложения коммуникативно членимы, о чем свидетельствует место позиции контраста.

При существительных других типов, денотаты которых представляют собой «полноценные» субъекты действий, напротив, более характерна ориентация

на подлежащее. Ориентация на предикат, делающая субъект одной из характеристик события, придает тексту эпическую окрашенность (при отсутствии других текстовых предпосылок, определяющих данную ориентацию); *Засыпает она не скоро и не сразу, вздрагивает несколько раз* (Казиков).

Здесь синтагма *засыпает она* коммуникативно нечленима. В фокусе контраста *не скоро и не сразу*.

Рассматриваемый стилистический эффект не возникает, если предикат — «известное», а субъект — «новое». В этом случае синтагма коммуникативно членима, а субъект попадает в фокус контраста. Кроме того, соотношение известного/нового создает здесь особую предпосылку для того, чтобы представить субъект как $X^{шце}$.

Итак, критерием коммуникативной членимости служит место фокуса контраста. Однако его определение не всегда очевидно и требует часто рассмотрения построения контекста в целом, его стилистических и смысловых особенностей. Существенно также распределение функций $X^{шего}$ и $X^{мого}$ между «известным» (данным) и «новым». Если $X^{мог}$ — «новое», а $X^{шце}$ — «известно», причем именно контекстно «известно», то их объединение, как правило, коммуникативно нечленимо. Кроме того, возможно, коммуникативно нечленимым предложениям свойственны более короткие паузы между элементами. Возможно также, для этих предложений характерны особые интонационные конструкции.

Термины «тема» и «рема» мы будем употреблять только для обозначения Осн. $X^{мого}$ и Осн. $X^{шего}$ коммуникативно членимых высказываний.

2.5. Коммуникативная перспектива экзистенциальных предложений

Рассмотрим теперь кратко особенности коммуникативной организации экзистенциальных предложений в русском языке и сравним их с локативными.

Экзистенциальные предложения, имеющие локатив в первой позиции, обычно коммуникативно членимы, о чем свидетельствует позиция фокуса контраста: в фокус контраста обычно не попадает локатив.

В нашем лесу есть озеро (наличие озера в отличие от отсутствия). Однако в особых условиях коммуникативная членимость может исчезать: *Вы ошибаетесь. В нашем лесу есть озеро, а не в их*.

Здесь в фокусе контраста локатив, вторая часть несет уже контекстно заданную информацию и потому не создает коммуникативной членимости (ср. предложение-ответ (п. 2.3)).

Иногда и локатив и предикативная группа попадают в фокус контраста (здесь соединяются парадигматический и синтагматический контраст): *В нашем лесу /есть озеро, а в их лесу нет*.

Экзистенциальные предложения, произносимые с нейтральной интонацией, получают коммуникативную нечленимость при постановке слова *есть* в первую позицию, а локатива — во вторую: *Есть в близости людей заветная черта, Ее не перейти влюбленности и страсти* (Ахматова).

Подобные предложения ориентированы на предикат: вводится ситуация наличия, которая уточняется через указание на пространство и затем через наличествующий объект. Их коммуникативную структуру можно представить

так: $\{есть\text{ Loc}\} Y$. В пользу сделанного утверждения говорит тот факт, что данные предложения в отличие от предложений, ориентированных на локатив, не могут быть употреблены изолированно. Так, можно сказать: *Знаете? В нашем доме живет космонавт*, но **Знаете? Живет в нашем доме космонавт*¹⁵. Предложение с предикатом в первой позиции, если все коммуникативные элементы контекстно не заданы, не может быть конечным. Таковую позицию в тексте оно может занимать только в том случае, если связано с предшествующим контекстом: *Есть в этом что-то странное*.

Такое ограничение легко объяснить, учитывая отношения характеристики: цель сообщения может заключаться в том, чтобы охарактеризовать некоторое место через сообщение о том, что в нем находится, но характеристика самого наличия не может составлять единственную цель коммуникации. Ориентация на предикат придает высказыванию эпический характер и/или служит возражением против явного или неявного предположения об отсутствии Y-а в данном пространстве. В этом последнем случае коммуникативные элементы обычно контекстно заданы.

В рассматриваемых высказываниях локатив может также стоять в последней позиции: *Есть упоение в бою, И бездны мрачной на краю* (Пушкин); *Есть какая-то таинственная прелесть в осенних вечерах*.

По-видимому, эти высказывания могут быть интерпретированы как коммуникативно членимые, если локатив контекстно не задан. Во всяком случае, вероятно, здесь фокус контраста не занимает устойчивого положения и может быть воспринят как относящийся к локативу. В пользу этого говорит неестественность постановки в последнюю позицию тех локативов, указания на которые несущественны, делаются как бы попутно. Ср.: *Есть у нас в Покрове одна удивительная женщина* и *Есть одна удивительная женщина у нас в Покрове*.

Рассмотрим теперь, как соотносятся между собой экзистенциальные и локативные модели. Локативными моделями мы называем такие модели, значение которых строится на пресуппозиции о том, что Y где-то находится, но неизвестно,

¹⁵ Даже при ударении на последнем слове (космонавт) данная фраза, по-видимому, не может быть конечной.

где именно, причем речь идет о физическом пространстве. Эти предложения могут быть ориентированы на характеристику лица через указание на то, где

именно это лицо находится (*{Где Маша? / В саду она}*), на характеристику «позиции» пространства, в котором находится Y, через идентификацию пространства (*Где Маша? // Она в саду*) и, наконец, на предикат: *Живет он / в нашем доме*. При первом и третьем порядке слов предложения коммуникативно членимы, о чем свидетельствуют место фокуса контраста и позиция (контекстно) «известного», соответствующая $X^{\text{мому}}$.

Таким образом, экзистенциальные предложения отличаются от локативных как по своей ориентации, так и по информативной структуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В гл. II была высказана гипотеза о том, что в основе экзистенциальных и экзистенциально-посессивных предложений лежат особые синтаксические модели (структурные схемы), по крайней мере многие из которых являются производными. Одни образованы в результате соединения структурных схем предложения с моделями предложных групп (значение целого при этом не вытекает однозначно из составляющих компонентов). Другие возникают при заполнении актантных позиций такими словами, синтаксические потенции которых особенно сильны. К числу этих глаголов и относятся «быть» и «иметь». Третьи строятся по моделям, представляющим собой соединения структурных схем предложений.

В гл. II приводятся аргументы в пользу выделения в рамках коммуникативной организации высказывания следующих различных явлений: 1) коммуникативной перспективы; 2) информативной структуры (соотношение «известного» («данного») — «нового»); 3) коммуникативной членимости/слитности. Утверждается, что фокус контраста возникает на пересечении информативной структуры и коммуникативной перспективы и присущ любому высказыванию. Рассматриваются некоторые связи между коммуникативной структурой и семантикой акцентного выделения.

Показывается, что в построении коммуникативной перспективы участвуют все члены предложения. Их коммуникативная функция описывается в терминах $X^{\text{мое}}$ и $X^{\text{шее}}$. Выполнение этих функций определяет векторность тех отношений, которые связывают как члены предложения, так и их денотаты.

Выделяются особенности информативной структуры и коммуникативной перспективы экзистенциальных, локативных и экзистенциально-посессивных предложений.

Глава III

МОДЕЛИ С *ЕСТЬ* И НУЛЕВОЙ СВЯЗКОЙ

В гл. III рассматривается значение и употребление моделей с *есть* и нулевой связкой («УХ-а есть 7», «УХ-а7», «ВХ-е есть 7», «ВХ-е 7» и т. д.). На материале этих моделей исследуется различие между центральными и периферийными экзистенциальными моделями. Устанавливается роль психологических факторов, влияющих на выбор изучаемых моделей в речи и на возможности их лексического заполнения. Наиболее полно рассматриваются модели «УХ-а есть 7» и «УХ-а У». Однако основные постулируемые закономерности употребления относятся и к другим перечисленным моделям.

1. РАЗЛИЧИЕ ПО ПРИЗНАКУ НАЛИЧИЕ Y-a/КАЧЕСТВЕННАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ Y-a

1.1. *Общее определение признака*

Различие между моделями «УХ-а есть 7» и «УХ-а7» прежде всего определяется тем, что модель с *есть* сообщает, как правило, о наличии Y-a у X-a. Напротив, при выборе модели «УХ-а 7» в коммуникативный центр попадает информация о том, к какому именно классу относится Y, или, если воспользоваться терминологией Н. Д. Арутюновой, акцентируется внимание на классе «бытующего объекта», см.: [Евреинов 1973; Селиверстова 1973; Арутюнова 1976; Панде 1982; Paillard 1984]. Однако в этих работах иногда по-разному определяются условия реализации указанного признака; И. Евреинов [Евреинов 1973] экзистенциальные предложения предлагает делить на четыре типа: собственно экзистенциальные, диспозиционные, посессивные и лока-

тивные, причем различия по рассматриваемому признаку относят только к диспозиционным и посессивным. В отличие от этого мы не связываем реализацию данного признака¹ с типами экзистенциальных предложений, выделяемыми в зависимости от характера описываемого пространства (именно на этом основании строится, как представляется, предложенное Евреиновым подразделение экзистенциальных предложений). Зависимость признака «наличие Y-а/акцентирование внимания на классе Y-а» от типа пространства не отмечается и в других указанных работах. Кроме того, мы считаем важным провести различие между двумя вариантами рассматриваемого противопоставления: 1) наличие Y-а/качественная идентификация Y-а (наличие какого-то Y-а предполагается известным)²; 2) наличие Y-а, при акцентировании внимания именно на наличии/акцентирование внимания на качественной идентификации Y-а, «классе бытующего объекта» (причем его наличие заранее неизвестно).

Рассмотрим следствия, которые предопределяются различием по признаку «наличие — (качественная) идентификация Y-а (информация о том, к какому именно классу относится тот Y, который есть у X-а)». Вследствие различия по данному признаку, как правило, только модель «У X-а 7» употребляется, когда из контекста или из ситуации следует, что наличие у X-а некоторого качественно неидентифицированного Y-а известно заранее. Так, конструкция «У X-а Y» выбирается, если предложение эксплицитно или имплицитно служит ответом на вопрос «Что у X-а?». Например, вопросы типа: *Что у вас в кармане? Что у вас в руках?*, которые предполагают знание того, что у адресата речи есть что-то в руках, кармане, могут быть построены только по модели «У X-а Y». Цель этих вопросов — установить, что именно есть у адресата речи. Напротив, если говорящий вообще не знает о наличии Y-а у X-а, он задает вопрос со словом *есть*: *У вас есть что-нибудь в кармане? У вас есть что-нибудь в руках?* Ср. также: *Кто у вас?* и *У вас кто-нибудь есть?* Та же закономерность распределения данных моделей наблюдается и в других типах высказываний. Например, если говорящий хочет узнать пол ребенка или какие-то его качества (наличие ребенка известно заранее), он построит свой вопрос по модели «У X-а Y»: *У него дочь?; У него хорошая дочь?* и т. д. Напротив, нельзя задать вопрос *У вас дочь?*, если

¹ Он был выделен авторами данных двух работ независимо друг от друга. До этого высказывалась гипотеза о том, что различие между моделями со словом *есть* и без него определяется через признак отторжимости/неотторжимости [Исаченко 1954: 141—145]. В более поздних работах А. В. Исаченко эта гипотеза не упоминается. А. М. Пешковский [1938: 224] рассматривал различие между предложениями типа *У нее были ясные глазки* и *Глазки у нее были такие ясные*, причем первым приписывалось значение существования, а вторым — связочное значение.

² Именно этот вариант рассматривался в нашей работе [1973]. Указанное более широкое определение предложено Н. Д. Арутюновой [1976].

спрашивающий заранее не знает, что у адресата речи есть дети. См. также: *У него «Москвич»? У него хорошая машина?* (наличие машины известно заранее).

Существует, однако, по крайней мере одно исключение. *Есть* употребляется в вопросе со словом *что* и в ответе на этот вопрос, если речь идет об отношении собственности. Так, нужно сказать: *Что у вас есть?*— *У меня есть дом и при доме огород*³. Напротив, если речь идет о заболевании, о деле, о событии, то *есть* опускается: *Что у вас?*— *У меня к вам дело (У меня язва; У нас заседание)*. Употребление слова *есть*, возможно, объясняется стремлением сделать вопрос более однозначным. В вопросах со словом *сколько* и в ответах на эти вопросы также допускается употребление *есть*, причем в ответах оно встречается чаще: *Сколько у вас (есть) денег?*— *У меня (есть) три рубля*⁴. В отличие от первого случая использование здесь *есть* скорее объясняется тем, что вопрос со словом *сколько* не исключает в качестве одного из возможных ответов указание на отсутствие Y-а.

Вследствие того, что конструкция «UX-а есть Y», как правило передает информацию о наличии Y-а, в ней не употребляются определения, обозначающие такие свойства Y-а, о которых обычно сообщают, уже зная о наличии Y-а у X-а. Например, вопрос *У вас есть хорошая дочь?* воспринимается как странный, неестественный, поскольку в соответствии с закономерностями построения речи, отражающими, в частности, существование некоторой иерархии в получении сведений, вопрос о том, хорошая ли дочь у X-а, не будет задан, если говорящему заранее неизвестно, что у X-а есть дочь. Сведения о наличии детей признаются более важными, более существенными, такими, которые должны быть получены первоначально. Иерархичность последовательности вопросов может зависеть, в частности, от отношений между собеседниками, говорящий может задать вопрос о существовании у X-а детей той или иной возрастной группы, не узнав заранее о существовании детей вообще. Например, можно сказать: *У вас есть дети дошкольного возраста?* (в некоторых ситуациях—например при устройстве в детский сад—спрашивающего может интересовать именно существование детей данной возрастной группы, наличие же детей вообще несущественно).

1.2. Употребление моделей в изобразительном стиле речи

Информация о качественной идентификации Y-а, которую могут нести конструкции без слова *есть*, предопределяет их употребление в том стиле речи, который мы называем *изобразительным*⁵. Если пользоваться шкалой признаков,

³ Пример взят из кн.: [Арутюнова 1976: 235].

⁴ Скобки показывают необязательность употребления этого слова.

⁵ Понятие описательного стиля речи, которое используется во многих работах, например: [Sweet 1926], имеет более широкое значение, чем то, которое мы вкладываем в поня-

предложенных Дж. Юа [Ure 1967], то можно сказать, что изобразительный стиль чаще всего относится к непосредственной речи, т. е. место и время речи совпадают с местом и временем описываемого. Однако для общей характеристики данного стиля речи более существенно другое: даже если акт речи происходит в другое время и в другом месте, чем описываемое, говорящий строит свою речь так, как если бы он непосредственно присутствовал в описываемом месте в описываемый момент: он рисует картину, которая открывается его взору (в действительности или в воображении). При этом наличие каких-то вещей, предметов в рамках выделенного пространства предполагается заранее известным, и говорящий просто называет их. Вследствие этого здесь используются модели без слова *есть*. Например: *Большой дом с мезонином и террасой. Перед домом скамья. Около нее стоит молодая женщина.* В приведенном примере нельзя поставить слово *есть*. Его употребление, однако, становится возможным при изменении стиля речи. Например, можно сказать: *Продается большой дом с мезонином и террасой. Перед домом есть пруд* или *За углом вы увидите большой дом с мезонином и террасой. Перед домом есть скамейка. Вы можете на ней посидеть и подождать меня.*

При построении речи говорящий иногда может переходить от одного стиля к другому. Начав изложение как фиксацию того, что предстает перед его глазами, говорящий затем может отказаться от описания непосредственного зрительного образа и сообщить о том, что он обнаружил в описываемом пространстве. Например *Я вижу большой дом с террасой. Между прочим, перед домом есть колодец.* Если стиль речи четко не задан и акт речи непосредственно следует за актом зрительного восприятия, может использоваться и конструкция со словом *есть* и конструкция без этого слова. Например, *О, да у вас есть горный хрусталь!* и *О, да у вас горный хрусталь!*

1.3. Назывные предложения

В русской лингвистической традиции предложения типа *Зима; Вечер; Ночь; Война* принято называть номинативными, т. е. собственно назывными, см.: [Пешковский 1938; Шахматов 1941; Виноградов 1950; ГРЯ 1954 и т. д.].

Вместе с тем некоторые из назывных предложений, большинство из которых обозначают «состояние среды», относят обычно к бытийным, и, вероятно,

тие изобразительного стиля. Некоторые авторы, например, [Jindra 1965] проводят также различие между *descriptive* и *depictive styles*. Мы не нашли, однако, определения этих понятий. То, что мы назвали изобразительным стилем, по-видимому, совпадает с тем стилем речи, который выделяет Дж. Аткинсон [Atkinson 1973] и вслед за ним Д. Болинджер [Bolinger 1977: 94—95]. Д. Болинджер, однако, судя по приведенным примерам, понимает его несколько шире.

вследствие этого их значение часто толкуется как значение «наличия, существования» (см., например: [Золотова 1973: 136; ГРЯ 1980: 358]). Представляется, однако, что предложения типа *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека* (Блок) (пример взят из кн.: [Золотова 1973: 136]) не несут информацию о наличии ночи, улицы, фонаря и т. д. Представление об их существовании относится к пресуппозиции высказывания. Такая интерпретация согласуется с недопустимостью подстановки слова *есть* в номинативные предложения. Так, предложение *Есть фонарь* нельзя ввести в контекст: **Есть фонарь. У фонаря стоит мужчина* (ср. *Фонарь. У фонаря стоит мужчина*). В пользу неэксистенциальной трактовки говорит и то, что номинативные предложения чаще всего (а некоторые всегда) употребляются в изобразительном стиле речи.

Большинство номинативных предложений не только несут информацию о идентификации, а не о наличии, но и не характеризуют описываемое явление или предмет как находящийся внутри некоторого пространства⁶. См., например: *Дачная местность, окутанная ночным мраком. На деревенской колокольне бьет час* (Чехов) (пример взят из [ГРЯ 1954: 66]); *Вечер. Гостиная в квартире Александра Сергеевича Пушкина в Петербурге. Горят две свечи на стареньком фортепиано и свечи в углу возле стоячих часов* (Булгаков). Маловероятно, чтобы данные предложения имели следующую семантическую структуру: 'то, что заключено в описываемом пространстве, есть дачная местность, окутанная туманом, есть вечер и т. д.' Скорее всего, они сами задают пространство. Об этом свидетельствует, кроме интуитивного их восприятия, непереводаемость с помощью конструкции «*There be Y*», которая выражает в английском языке экзистенциальное значение (см. гл. IV). В подобных ситуациях была бы употреблена модель «*it + be*» (*It is winter; It is evening*).

Номинативные предложения служат также для того, чтобы дать определение, название случившемуся или квалифицировать какие-то явления. Например: «*Я должен сказать вам*», — *проговорил он. «Вот оно, объяснение», — подумала она, и ей стало страшно* (Толстой). Могут быть выделены и другие функции номинативных предложений, см.: [Шмелев 1976].

Только некоторые высказывания типа *Тишина. Тоска*. Могут восприниматься как сообщения о наличии. По отношению к ним представляется справедливой точка зрения С.Н.Цейтлин [1972], которая считает, что номинативные предложения бытийного образца представляют собой редукцию двусоставных. *В лесу тишина — Тишина; У меня тоска — Тоска*. Однако формально односоставные предложения, вероятно, никогда не служат однозначными пока-

⁶ Н. Д. Арутюнова также отделяет собственно номинативные предложения от бытийных, указывая на их формальные различия допустимость/недопустимость употребления *быть (есть), нет* [1976: 341].

зателями бытийного типа—в зависимости от контекста они могут получать ту или иную интерпретацию.

Вследствие этого проверка на допустимость введения *быть (есть), нет* должна проводиться в рамках определенных контекстов.

Семантические и формальные различия (для бытийных моделей обязательно хотя бы имплицитная двусоставность) не позволяют как нам представляется, относить бытийные и номинативные предложения к одному типу.

2. НАЛИЧИЕ В МНОЖЕСТВЕ/НАЛИЧИЕ ВНЕ МНОЖЕСТВА

Значение конструкций со словом *есть* не исчерпывается информацией о наличии Y-а. Во многих условиях своего употребления эти конструкции несут информацию не только о наличии Y-а, но и о его принадлежности к некоторому множеству, которое есть или, во всяком случае, запрограммировано быть у X-а [Селиверстова 1973]. Следует подчеркнуть, что содержание, вкладываемое в этот признак, нетождественно значению неопределенного артикля (артикуль a (an) в английском языке). Основная функция артикля заключается в том, чтобы показать, что актанта ситуации охарактеризован именно как член класса в отличие от его индивидуализированного представления. Ср.: *В это время в комнату вошел мальчик* (актанта ситуации охарактеризован только через признак, определяющий его принадлежность к классу 'мальчиков')—*В это время в комнату вошел тот мальчик, с которым я вчера познакомился* (актанта ситуации получает индивидуализирующую характеристику). Принадлежность к множеству, однако, необязательно предполагает неиндивидуализированное представление актанта ситуации [Сулейманова 1986: 67]. Могут существовать множества, члены которых представлены индивидами в их индивидуальной характеристике (например: *В нашу группу входят Петя, Саша и я*). Введенный признак⁷ не связан со способом представления актанта ситуации (как индивида или как члена класса). Этот признак указывает лишь на принадлежность к множеству, что и определяет возможность построения таких предложений, как *Ты счастливее. Утебя есть Мария*. Принадлежность к множеству здесь существенна только в том плане, что учитывается возможность «причастности» к ситуации и других членов множества. Так, в тех контекстах, в которых задано непустое множество, т. е. такое, «позиции» которого заполнены, информация о наличии AY-а (т. е. Y-а со свойством A) означает, что в описываемое множество входят

⁷ Об условиях реализации этого признака см.: [Панде 1984; Paillard 1986]. В последней работе данный признак получает расширительное понимание и применяется к принципиально новому материалу.

и А Y-и (т. е. Y-и имеющие другие свойства, в частности, противоположное А — анти-А), причем все это множество участвует в описываемой ситуации. Реализация рассматриваемого признака в этих контекстах очевидна. Например, в предложении *У него есть седые волосы* сообщается не только о наличии седых волос, но и о том, что они составляют лишь часть волос X-а, причем, скорее всего, меньшую часть (см. п. 3). В других контекстах задается множество, позиции которого могут быть и незаполненными. Запрограммированность множества определяется как бы природой вещей (например, у любого X-а должно быть запланировано множество свойств; если X относится к классу людей, то у него предполагается запрограммированным существование множества родственников, элементов собственности и т. д.). В этих контекстах указание о наличии Y-а или AY-а (т. е. Y-а со свойством А) соединяется с информацией о том, что данный Y или AY является одним из тех Y-в, которые имеет или может иметь X. Реализация этой информации менее очевидна. Основанием для ее выделения служит то, что различные особенности и ограничения в употреблении конструкций со словом *есть* логически из нее выводятся. Как мы попытаемся показать ниже, модели со словом *есть* не употребляются, если наличие данного Y-а исключает наличие других Y-в в рамках описываемого пространства или, во всяком случае, если наличие других Y-в маловероятно. Эти модели также не употребляются, если X вообще не должен иметь Y-и, т. е. наличие Y-а или Y-в — это скорее отклонение от нормы, а не норма. Последнее условие нарушается только в тех случаях, когда в контексте есть прямое указание на то, что X, наряду с данным Y-ом, имеет и другие Y-и (т. е., следовательно, Y является одним из тех Y-в, которые есть у X-а). Рассмотрим различные условия употребления.

2.1. Сочетаемость со словами типа горб, опухоль

Модель «УX-а есть Y» обычно (о некоторых исключениях см. ниже) не может быть употреблена, если утверждается наличие у X-а того или иного новообразования (например, горб, опухоль, бородавка), различных повреждений (рана, царапина, шрам) или результатов каких-либо болезненных процессов (нагноение, воспаление и т. п.). В этих условиях используется модель «У X-а Y», которая в сочетании с данными существительными может иметь два значения: 1) информация о наличии Y-а; 2) информация о том, к какому именно классу относится тот Y, который есть у X-а. Например: *У Коли горб, и это причиняет ему страдание; У нее опухоль; У него на лице шрам*. Наличие горбов, опухолей, шрамов не является чем-то обязательным, обычным для человека, и, больше того, их наличие рассматривается как нежелательное. Кроме того, если человек и имеет горб, опухоль, то их количество обычно равно одному. Особенность таких слов, как царапина, воспаление, заключается также в том,

что их денотаты входят в «существование» X-а лишь временно. Вследствие этого утверждения о их наличии всегда связаны с отдельным моментом «существования» X-а, что делает еще менее вероятной возникновение пресуппозиции о запрограммированности у X-а Y-в именно в данный момент его существования. Ср., напротив: *Уверблюда есть горб*: горб — одна из частей тела животного. Можно также сказать: *Угорбатого человека есть горб*: обязательная составная часть горбатого человека. Кроме того, если при описании наличия Y-а, входящего в класс новообразований, в явной форме указывается, что данный Y — это один из Y-в, то употребление модели со словом *есть* становится возможным. Так, можно сказать: *Утебя еще {есть} синяк под правым глазом; Унего {есть} еще одна опухоль*⁸.

Таким образом, употребление моделей «У X-а есть Y» и «У X-а Y» с существительными типа *горб*, *опухоль* подтверждает сделанное утверждение о том, что модель со словом *есть* передает информацию о наличии Y-а у X-а в рамках некоторого множества, которое есть или, во всяком случае, запрограммировано у X-а.

2.2. Сочетаемость со словами типа болезнь, страсть

Конструкции со словом *есть*, как правило, не употребляются со словами, обозначающими болезни. Например: *Напрасно вы думаете, что вы здоровы. У вас нервное расстройство (катар верхних дыхательных путей, диабет и т. д.)*, а не: **У вас есть нервное расстройство*. Частично данный запрет на употребление может быть вызван тем, что болезни воспринимаются обычно как что-то протекающее во времени (см. об этом п. 5). Однако, по-видимому, определенную роль играет и то, что говорящий не исходит из пресуппозиции о запрограммированности у X-а множества болезней. В пользу того, что отсутствие данной предпосылки существенно и здесь для выбора модели, говорит следующее: если употребляется выражение *одно заболевание (два заболевания и т. д.)*, которое в явной форме подчеркивает принадлежность Y-а к множеству заболеваний, выбор конструкции со словом *есть* становится возможным. Например: *Унего есть только одно серьезное заболевание. Это — невроз*.

Высказывания со словами типа *улыбка*, *гримаса* не оформляются с помощью модели со словом *есть*, когда речь идет не о потенциальном наличии Y-а, а о его фактической реализации в данный момент времени (т. е. X улыбается, гримасничает и т. д.); в этом случае наличие одного Y-а исключает наличие других Y-В (нельзя иметь сразу две улыбки, гримасы). Вследствие этого можно сказать: *Унего на лице улыбка*, а не: **Унего на лице есть улыбка*. Однако эти слова могут

⁸ В этих предложениях употребление слова *есть* не обязательно (см. п. 4).

употребляться в конструкции со словом *есть*, когда речь идет о потенциально существующем Y-е. При этом он рассматривается как один из членов множества. Например: *Уменя есть улыбка одна: Так, движенье чуть видное губ* (Ахматова).

Модель со словом *есть*, как правило, не используется со словами *радость*, *горе*, *несчастье*, если их наличие связывается именно с данным моментом существования X-а. Например: *Уменя радость. Приехал мой сын. Унас несчастье. Прорвало трубы*. Выбор модели «У X-а Y» также можно объяснить исследуемым признаком; хотя наличие какого-то количества радостей, печалей, горестей может рассматриваться как запрограммированное в жизни X-а, существование такого потенциального множества не относится именно к данному моменту в жизни X-а. Если, однако, Y в явной форме охарактеризован как один из ряда других Y-в, то употребление модели со словом *есть* возможно. Например: *Уменя есть еще одна радость. Приехал мой сын*. Эта же модель может быть выбрана, если в качестве исходного пространства берется жизнь X-а. Например: *Уменя в жизни есть только одна радость. Это — моя дочь*.

Сопоставим теперь следующие предложения: 1) *Вскакивая с рундука на рассвете, она сразу вспомнила, что в мире — радость* (Бунин)⁹ (т. е., в данный момент времени мир наполнен радостью и только радостью, или, во всяком случае, не сообщается о том, что *радость* — это только одно из того, что *есть в мире*)¹⁰ и 2) *Она сразу вспомнила, что в мире есть радость* (т. е. не обязательно сейчас, в данную минуту, и, возможно, наряду с чем-то другим, — *горем* и т. п.). Показательным для постулируемого признака является также то, что сочетания типа *любовь к*, *страсть к*, *пристрастие к* обычно употребляются в предложениях, построенных по моделям без слова *есть*. Например: *У него страсть к музыке; У него пристрастие к этому слову. Y (страсть, пристрастие)* исчерпывает отношение X-а к описываемому (музыке, слову), а не составляет одно из отношений. Ср.: *У него есть только одна страсть. Это страсть к музыке* (Y — одна из потенциально возможных страстей X-а)¹¹.

2.3. Сочетаемость со словами типа лекция, занятие

Рассмотрим употребление слов *занятие*, *лекция*, *консультация*, *урок* в моделях со словом *есть* и без него. При описании ситуаций, непосредственно имею-

⁹ Пример взят из кн.: [Арутюнова 1976: 266].

¹⁰ В данном контексте возникает также дополнительная информация о «протекании» Y-а (см. п. 5.2).

¹¹ Предложения типа *У него есть страсть к музыке* иногда оцениваются как допустимые, хотя и менее употребительные. Такое восприятие объясняется тем, что словосочетание *к музыке* может интерпретироваться как определение (*страсть к музыке*, *страсть к живописи* и т. д.). Кроме того, иногда при этом акцентируется внимание на наличии Y-а.

щих место в момент речи, модель «У X-а есть Y» не употребляется с данными словами (см. об этом п. 5). Напротив, если берется какой-то большой временной отрезок, в рамках которого могут иметь место наряду с данным Y-м и другие Y-и, появляется возможность употребить слово *есть*. Например: *У меня сегодня есть занятия по английскому языку*, т. е. занятия по английскому языку — это одно из тех занятий по английскому языку, которые запрограммированы на месяц, семестр. Предложение *У меня сегодня занятия по английскому языку* также соответствует языковой норме: оно может быть выбрано, если в описываемый отрезок времени должно иметь место только одно занятие, а также в тех случаях, когда создаются особые условия речи, препятствующие ассоциации данного Y-а с другими Y-ми (см. п. 2.4 и 4). Далее, если предметом рассмотрения становится вся программа учебного института (вообще или в течение года, семестра), то обязательно должна быть выбрана конструкция со словом *есть*: *У нас в институте есть занятия по английскому языку*, а не: **У нас в институте занятия по английскому языку*. Роль представления о **запланированности** некоторого множества для выбора конструкции со словом *есть* можно также показать на следующем примере: если речь идет не об учебном институте, а о научно-исследовательском, обязательной составляющей жизни которого не являются те или иные лекции, связанные, например, с общими проблемами культуры, то обычно выбираются конструкции без слова *есть*: *У нас в институте бывают лекции по истории кино*. Фразу *У нас в институте есть лекции по истории кино* многие информанты находили неправильной (5 из 8), и все опрошенные отдавали предпочтение предложению с глаголом *бывать*¹². Отметим, что предложения с глаголом *бывать* несут информацию об эпизодичности, случайности лекций, занятий. Поэтому при передаче информации о регулярности лекций выбираются глаголы *устраиваться, проводиться*: *У нас в институте проводятся лекции по истории искусств*. Информация о случайности, эпизодичности в некоторых контекстах воспринимается прежде всего как антонимичная информация о регулярности, а в других контекстах — **запланированности**. Вследствие этого второго понимания глагол *бывать* регулярно сочетается с такими существительными, как *дождь, снег, разговор, происшествие*: *У нас бывают интересные разговоры?*

2.4. Различия в осмыслении объекта наличия {наличествующего объекта}

Разные предложения, сообщающие о наличии одного и того же Y-а, необязательно связывают этот Y с одним и тем же пространством. При этом в рамках

¹² Некоторые колебания в оценке могут быть объяснены тем, что если лекции проводятся регулярно, то они могут быть осмыслены как входящие в общую программу лекций института.

одних видов пространства Y может характеризоваться как один из тех Y -в, которые имеет или может иметь X . Напротив, в рамках других видов пространства тот же Y может не рассматриваться как член запрограммированного у X -а множества. Вследствие этого выбор слова *есть* может зависеть от того, какому пространству приписывается наличие Y -а. Например: *Он неплохой человек, но у него есть мания величия* (Y — одно из свойств X -а) и *Он нездоров. У него мания величия* (Y — болезнь X -а). Ср. также: *У меня есть бабушка* и *Я не могу остаться после уроков. У меня бабушка* (нельзя сказать: **У меня есть бабушка*). Употребление слова *есть* в первом предложении можно объяснить тем, что считается запрограммированным какое-то множество родственников и сообщается о наличии Y -а среди действительных и потенциально возможных членов этого множества. Напротив, во втором предложении сообщается о наличии Y -а в рамках описываемого момента существования X -а, что и служит причиной сложившейся ситуации: невозможность для X -а сделать что-то, принять какое-то предложение и т. д. С отдельным моментом существования X -а не может связываться представление о запрограммированности потенциального множества родственников. Приведем еще некоторые примеры употребления конструкции « UX -а Y » при описании наличия Y -а в рассмотренном типе пространства: — *Я женился на ней из-за вас, с одной целью — быть ближе к вам. Да, я совершил преступление. Бежим — У меня дети* (Булгаков). *Что тридцать рублей, ваше превосходительство. У меня детишки...* (Там же); *Я не могу бежать. У меня чемодан* (Ср.: *У меня есть чемодан, арюкзака нет*); *Зачем мне туда ехать? У меня дача; Я не могу с вами ехать. У меня дача.*

Заметим, что некоторые из приведенных предложений могут быть преобразованы во фразы со словом *есть*. Другие же такого преобразования не допускают. Возможность преобразования в предложения со словом *есть* допускается в тех случаях, когда Y в рамках описываемого момента существования X -а выступает в том же качестве, в какой он входит в число членов того множества, которое запрограммировано «быть» у X -а. В этом случае высказывание может быть переосмыслено как сообщение о наличии Y -а среди членов соответствующего множества. Так, существование детей среди родственников X -а само по себе связано с представлением о невозможности их оставить, о необходимости материальной поддержки. Вследствие этого предложение (*Я не могу с Вами бежать*). *У меня дети* может быть преобразовано в (*Я не могу бежать*.) *У меня есть дети* (хотя предложению, построенному по модели « UX -а Y », все-таки обычно отдается предпочтение в приведенных контекстах). Подобно этому наличие дачи среди элементов собственности приводит к отпадению необходимости ехать отдыхать в какое-то другое место. Вследствие этого можно сказать: *Зачем мне куда-то ехать? У меня есть дача*. Напротив, наличие дачи как элемента собственности само по себе не может препятствовать X -у поехать куда-то,

если X этого хочет. Вследствие этого в контексте *Я не могу ехать. У меня дача дача* выступает в какой-то особой функции, не просто как элемент собственности, а как то, что требует в описываемый момент времени присутствия, вклада сил, труда. Такая характеристика Y-а препятствует употреблению в данном контексте модели «УХ-а есть Y»: *Я не могу ехать. ?У меня есть дача.* Особая характеристика Y-а еще более очевидна в следующем контексте: *Я не могу остаться после уроков. У меня бабушка.* Очевидно, что существование бабушки среди родственников X-а само по себе не может служить причиной того, что X не может остаться после уроков. Вследствие этого в описываемую ситуацию Y входит в каком-то особом качестве, а именно как тот, о ком нужно заботиться, или, напротив, как тот, кто контролирует поведение X-а. См. также: *Я не могу бежать. *У меня есть чемодан:* чемодан здесь не может характеризоваться как элемент собственности, а только как то, что нельзя бросить, нужно нести.

Итак, рассмотренные разнообразные условия употребления и неупотребления модели «УХ-а есть Y» показывают, что ее выбор зависит как правило (о некоторых исключениях см. п. 2.5), от того, может ли быть введена пресуппозиция о запрограммированности у X-а некоторого множества, членом которого и является тот Y, о наличии которого сообщается. Таким образом, можно утверждать, что данная модель сообщает не просто о наличии Y-а у X-а, а о наличии Y-а в рамках множества, которое запрограммировано быть у X-а, и, следовательно, Y здесь характеризуется как один из членов множества, которое имеет или может иметь X.

2.5. Выбор *есть* при описании физического пространства

Модель «УХ-а есть Y» теряет информацию о вхождении Y-а в запрограммированное множество Y-в, если акцентируется внимание на наличии Y-а, т. е. если предложение строится как возражение против предположения о том, что Y не существует или, возможно, не существует, или же как напоминание о существовании Y-а. Например: *У него все-таки есть опухоль; У нее есть не-большоенагноение.*

Модель «УХ-а есть Y» не несет также информации о том, что Y — член множества, которое запрограммировано быть у X-а, если Y выражен местоимениями *кто, что, кто-то, что-то, кто-нибудь*. Например: *У вас есть с кем оставить детей? По-моему, у них кто-то есть* (т. е., например, есть какой-то человек, который помогает им по хозяйству).

Рассмотрим теперь те условия, которые необходимы для выбора конструкций со словом *есть* при описании наличия Y-а в физическом пространстве (комнате, саду и т. д.). Выше отмечалось, что в само понимание пространства входит представление о том, что оно больше того Y-а, который в нем находится. Это

требование практически не ограничивает употребления модели, если описываются пространства-множества, пространства духовного мира, пространства ситуации, т. е. те пространства, границы которых могут почти бесконечно расширяться. Так, например, можно сказать: *У меня есть дом, сад и большое количество денег* (пространство элементов собственности X-а может иметь потенциально неограниченное число членов и поэтому может быть представлено как такое, которое больше любого Y-а). Ср. также: *У него есть родина* (Y входит в число преимуществ, «богатств» X-а).

Напротив, если пространство имеет ограниченные размеры, то рассматриваемая характеристика пространства влияет существенно на употребление модели со словом *есть*. Например: *Туту вас болотце есть, возле осинового роици* (Тургенев); *Перед домом есть пруд* (пространство «перед домом» больше Y-а), но нельзя сказать: **Прямо против двери есть пруд* (Ср.: *Прямо против двери пруд*); **Напротив моего дома есть колокольня* (Ср.: *Напротив моего дома колокольня*; *Напротив моего дома стоит колокольня*; ср. также: *Недалеко от моего дома есть колокольня*). См. также: *Напротив же как раз человека с ведром — дверь. Войдите и подымайтесь по деревянной лестнице. Потом еще дверь. Войдите. Там увидите черный бюст Островского. А напротив беленькие колонны и черная-пречерная печка, возле которой сидит на корточках человек в валенках и топит ее* (Булгаков). Ср.: *В стене есть дверь. Войдите и подымайтесь по деревянной лестнице. Напротив бюста есть небольшое углубление*. Таким образом, если денотат локатива меньше Y-а, он рассматривается не как пространство нахождения Y-а, а как ориентир, по отношению к которому устанавливается местоположение Y-а (*Напротив моего дома колокольня*)¹³. Подчеркнем, что в зависимости от контекста функция одних и тех же предложенных выражений может меняться. Ср.: *Напротив моего дома колокольня* и *Напротив моего дома есть маленькая беседка*.

Наряду с общим требованием о том, что пространство должно быть больше объекта, находящегося в нем, употребление конструкции со словом *есть* зависит еще и от следующего условия: она может быть выбрана только в тех случаях, когда Y как бы «закреплен» за некоторым пространством, т. е. положение Y-а в пространстве обычно не меняется и/или описываемое пространство является местом хранения Y-а, местом его жизни. Так, можно сказать: *Перед домом есть скамья {колодец, беседка и т. п.}*; *В гараже есть машины*, но: **Перед домом есть машина {тачка, девочка и т. д.}*. Ср. напротив: *Перед домом — девочка*; *Перед домом стоит девочка*; *Перед домом {стоит} машина*¹⁴. Исключение: конструкция

¹³ О значении «пространственной отнесенности двух предметов» см., например: [Золотова 1973:43].

¹⁴ Это условие не является обязательным, если на пространственные связи наслаиваются отношения собственности. Так, можно сказать: *У меня в руке есть конфета*,

со словом *есть* всегда выбирается с неопределенными местоимениями. Например: *У вас дома кто-нибудь есть?*; *В доме кто-то есть*; *И не думая, и не замечая того, есть кто в комнате или нет, он обнял ее* (Толстой)¹⁵.

Существует некоторое сходство между признаком «закрепленности» Y -а за некоторым пространством и рассмотренной выше информацией о запрограммированности того множества, в которое входит Y : и в том, и в другом случае связь между Y -м и пространством имеет более глубокие основания, чем просто нахождение Y -а в данном пространстве в данный момент времени. Можно также утверждать, что модель со словом *есть* при описании нахождения в физическом пространстве, так же как и в проанализированных выше пассивных предложениях, вносит в большинстве случаев информацию о том, что наличие Y -а не исключает возможности наличия и не Y -в. В рассматриваемых условиях, в которых границы пространства относительно четко заданы, указанная информация является, скорее, следствием представления о том, что Y меньше того пространства, в котором он находится: следовательно, другая часть пространства может быть занята другим объектом. Таким образом, обе информации здесь сливаются.

3. КВАНТОРНО-ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Рассмотрим теперь вопрос о том, при каких условиях конструкции со словом *есть* несут информацию о том, что количество AY -в меньше общего количества Y -в, которые имеются в описываемом пространстве.

В своей работе 1973 года мы не рассматривали этот вопрос. Однако первое условие непосредственно вытекает из предложенной формулировки данного значения (или, скорее, варианта значения) конструкции со словом *есть*: описываемое пространство должно представлять собой множество элементов

несмотря на то, что рука не может рассматриваться как постоянное местонахождение Y -а, место его хранения.

¹⁵ Пример взят из кн.: [Евреинов 1973]. По мнению Евреинова, выбор слова *есть* определяется в этом предложении антитезой *есть/нет*. Он полагает, что в утвердительных локативных (в его терминологии) предложениях слово *есть*, как правило, не употребляется, если эти предложения не составляют промежуточные случаи между локативным и диспозиционным типами. В работе понятие диспозиционного типа в явной форме не определено. Судя по приведенным примерам, сюда относятся случаи, когда пространство является местом хранения Y -а, местом, где Y должен находиться (*На складе есть товары*). Таким образом, выделение диспозиционного типа строится на признаке, который, вероятно, близок к рассмотренному здесь признаку «закрепленности Y -а за описываемым пространством».

или, по крайней мере, включать в себя множество, если пространство сложное (т. е. если оно складывается из нескольких видов пространств). Об этом условии в эксплицитной форме пишет и Н. Д. Арутюнова, которая описывает данное значение (вариант значения) в терминах неопределенности субъекта суждения. Она отмечает, что рассматриваемое значение реализуется, когда «область бытия представлена множеством предметов» [1976: 277]. Рассмотрим другие необходимые условия.

Условие второе: Y также должен представлять собой множество и, соответственно, быть выражен именем во мн. числе.

Условие третье: предложение должно строиться на предположении о наличии у X -а такого множества, позиции которого заполнены элементами (это условие взаимозаменяемо с шестым).

Условие четвертое: множество должно восприниматься как контрарное¹⁶: его члены должны различаться только по одному свойству: A — анти- A (свойство, противоположное A) — A (промежуточное звено, т. е. не A и не анти- A). Наличие промежуточного звена, однако, необязательно. Например: *У меня есть седые волосы* (противопоставляются седые и неседые волосы). Такая организация множества и делает его более тесно связанным, что способствует более явному, по сравнению с другими случаями, вовлечению в поле рассмотрения и тех членов множества, которые не имеют свойства A . Вследствие этого рассматриваемый вариант значения модели « $Y X$ -а есть Y » обычно (хотя есть некоторые исключения, см. о них ниже) реализуется, когда позицию после слова *есть* занимает именная группа, состоящая из существительного с определением, причем все элементы множества относятся к области денотации данного существительного. Например: *У нас в отделе есть хорошие биохимики* (все члены совокупности относятся к классу биохимиков, и в рамках этого множества выделяются хорошие). Подчеркнем, что наличие именной группы с определением само по себе не означает, что реализуется рассматриваемый вариант значения. Например, предложение *У нее есть золотые кольца* не показывает, что у X -а есть и незолотые кольца: предположение этого высказывания составляет не заданность колец, а заданность какого-то множества элементов собственности. Это множество не построено по принципу контрарности.

Пятое условие носит прагматический характер: говорящих должен интересовать не только факт наличия A Y -в, НО И ИХ соотношение с множеством в целом. Необходимость этого условия можно проиллюстрировать следующим примером: предложение *В этом магазине есть пальто большого размера* не несет информацию о том, что A Y -и составляют лишь меньшую часть Y -в, ХОТЯ можно представить себе ситуацию, в которой предполагалась бы заполненность

¹⁶О контрарных отношениях см.: [Новиков 1973].

позиций множества «пальто» и допускалась бы противопоставленность только по признаку — большой — средний — маленький размер (например, речь могла бы идти о специализированном магазине, где продается только пальто). Отсутствие информации о том, что пальто большого размера составляют лишь меньшую часть от всех пальто, можно объяснить тем обстоятельством, что в большинстве условий речи при описании подобных денотативных ситуаций коммуникативную значимость имеет только сообщение о наличии АУ-в (ДЛЯ говорящих несущественно наличие пальто других размеров).

См. также: *В ее библиотеке есть интересные книги* (само слово *библиотека* предполагает наличие у X-а книг, существенно также, что не все книги интересные); *Здесь есть хорошенькие, а молодому человеку стыдно не танцевать* (Тургенев). (Наличие в городе женщин предполагается заранее известным, причем хорошенькие рассматриваются в соотношении с другими.) См. также: *Есть минуты, когда не тревожит Роковая нас жизни гроза* (Блок).

Ср., напротив: *У меня есть интересные книги. Приходите ко мне вечером. Вместе читаем* (наличие у X-а книг не предполагается заранее известным; АУ-и рассматриваются здесь скорее как члены множества элементов собственности, а не книг и не противопоставляются неинтересным книгам; цель речи вообще не заключается в том, чтобы сообщить о всем множестве книг X-а).

Количественно-экзистенциальное значение реализуется и при отсутствии третьего условия, если Y выражен такими словами, как *способности, слабости, достоинства, недостатки* (шестое условие). Например: *Она любила Анну, но ей приятно было видеть, что и у нее есть слабости* (Толстой).

Здесь сообщается о наличии слабостей и предполагается, что их немного или скорее всего немного; см. также: *У нее есть достоинства*¹⁷.

Если удовлетворяется третье условие, то модель «УX-а есть Y» противопоставлена по кванторной характеристике модели «У X-а АУ», которая показывает, что все, или скорее всего, все Y-и, принадлежащие X-у, имеют свойство А. Ср. например: *У нее есть седые волосы* (меньшая часть волос седая) и *У нее седые волосы* (все или скорее всего, все волосы седые)¹⁸; *У меня есть хорошие студенты* (т. е. не все студенты автора речи хорошие) и *У меня хорошие студенты* (т. е., скорее всего, все студенты автора речи хорошие); *У нее есть ин-*

¹⁷ При ударении на слове *есть* данные предложения могут просто подчеркивать наличие Y-а. В этом случае представление об обязательном наличии и анти-Y-а не обязательно. (Здесь не выполняется пятое из отмеченных условий.)

¹⁸ Это предложение не несет рассматриваемую информацию, если оно употреблено в контексте, предполагающем непосредственное обнаружение АУ-а: *Ой, посмотри! У него седые волосы* (количество АУ-в может быть равно количеству Y-в, а может быть меньше).

интересные книги (т. е. некоторые из имеющихся книг интересные) и *У нее интересные книги* (т. е. скорее всего, все книги интересные); *У него в отделе есть хорошие биохимики* и *У него в отделе хорошие биохимики*. См. также другие конструкции: *Здесь есть прехорошенькие женщины* и *Здесь женщины прехорошенькие*.

Напротив, при словах *недостатки*, *достоинства* и т. д. (шестое условие) модель «УХ-а есть 7» часто противопоставлена модели «7 V». Ср.: *У нее есть недостатки, но она неплохой человек; У нее есть способности, но способным человеком в целом ее не назовешь*¹⁹. Модель «УХ-аУ» с этими словами употребляется лишь при особых условиях, не связанных с кванторным противопоставлением. Так, эта модель выбирается, если наличие недостатков, достоинств и т. д. известно и цель речи заключается в том, чтобы сообщить об их количестве (*У него много достоинств*) или качестве (*У него много разных достоинств*) (п. 1.1). Далее, эта модель может употребляться, если У будет осмыслен говорящим как составляющий особое преимущество X₁ по сравнению с X₂ или если Y₁, принадлежащий X₁, и Y₂, принадлежащий X₂, дополняют друг друга в описываемой ситуации: *У него способности, а у вас что; У него способности, у меня деньги* (п. 4). Модель «УХ-а7» при рассматриваемых словах оказывается противопоставленной модели «УХ-а есть 7» по признаку 'все—не все' лишь при введении выражения *только одни (только)*: *У него только одни достоинства, а недостатков нет*. Такое употребление возможно, если У противопоставлен анти-У-у, а не отсутствию У-а. Так, нельзя сказать: **У него только одни способности*.

Еще один случай противопоставления моделей с *есть* по кванторному признаку непространственным моделям представлен такими предложениями, как *Есть люди, которые не любят правду—Людине любят правду* (нет указания, что не все).

То значение, которое приобретают модели со словом *есть* в рассматриваемых условиях, логически связано с общим экзистенциальным значением. Нахождение чего-то в некотором пространстве по определению предполагает, что это «что-то» меньше того пространства, в которое оно входит. Поэтому сообщение о наличии У-в В контрарном множестве предполагает, что есть и анти-У-и—и/или АУ-и. Однако это значение не полностью обусловлено общим понятием экзистенциальности, поскольку оно не предопределяет, какой именно вид пространства будет учитываться. Ср. модель «УХ-а7», где в качестве пространства выступает общее «поле» посессивности.

¹⁹ Противопоставления типа *У нее есть недостатки/Она дурной человек* не являются, конечно, в собственном смысле кванторными. Здесь можно говорить только об известном сходстве между ними.

Следует подчеркнуть, что предложения со словом *есть*, вносящие информацию «не все», имеют иную семантическую структуру по сравнению с высказываниями, включающими местоимения типа *некоторые*. Ср.: *Некоторые из моих студентов способные* и *Среди моих студентов есть способные*. Их различие прежде всего определяется иной коммуникативной структурой [Селиверстова 1988: 49—50].

Таким образом, информация моделей со словом *есть*, реализуемая в рассматриваемых условиях, представляет собой вариант общего значения, который складывается из следующих компонентов: 1) информация о наличии АУ-в в некотором пространстве; 2) которое представляет собой или включает в себя множество, состоящее из АУ-в, анти-АУ-в и/или АУ-в (промежуточное звено). Из соединения этих компонентов следует, что АУ-и составляют лишь часть от других У-в.

Проанализированный вариант значения интересен в рамках рассмотрения различных типов построения значения. Он может служить примером такой организации семантической информации, при которой импликационный элемент (т. е. элемент значения, вытекающий из других компонентов значения) может приобретать большую значимость, играя иногда определяющую роль в восприятии общей информации и, частично или полностью, предопределяя соотношения данной языковой единицы с другими.

4. КОНТРАСТИВНАЯ ФУНКЦИЯ МОДЕЛИ «У X-aY»

Существует еще одно условие, кроме рассмотренного в п. 2, при котором выбор модели «У X-a Y» не обусловлен пресуппозицией о наличии неидентифицированного У-а. Данная модель используется, если говорящий акцентирует внимание не на наличии «бытующего объекта» (термин Н. Д. Арутюновой), а на его отнесенности именно к данному классу, а не к некому *другому*²⁰ (это признается важным, существенным). Противопоставление при этом строится либо по типу «АУ, а не анти-АУ», либо по типу «именно У, а не Y». Информация «именно У, а не Y» при соответствующей интонации может возникать при различных лексических наполнениях модели «У X-a Y», но при некоторых словах она определяет сам выбор этой модели. К ним относятся существительные *талант, способности*. Информация «АУ, а не анти-АУ» реализуется при употреблении существительного с определением.

²⁰ Н. Д. Арутюнова пишет, что модели без *есть* акцентируют внимание на разряде, типе, свойствах «бытующего предмета» [1976: 277]. Х. Ч. Панде [1982] также подчеркивает, что эти модели показывают, что Y относится именно к данному классу, а не к какому-то другому.

Например: *Кот—неврастеник, я согласен!*—крикнула. *Но у него правильное чутье, и он прекрасно понимает сцену. Он услышал фальшь* (Булгаков). В предложении, построенном по модели «УХ-а У», акцентируется внимание на том, что у Х-а правильное, а не неправильное чутье. Ср., напротив: *У него есть правильное чутье*. Здесь подчеркивается наличие правильного чутья в отличие от его отсутствия. Ср. также: *У него только одно заболевание. Это невроз* (т. е. одно заболевание, а не больше) и *У него есть только одно заболевание. Это невроз* (т. е. не думайте, что заболевания нет, но оно только одно); *У меня только одна радость в жизни* (т. е. не больше одной) и *У меня есть только одна радость в жизни* (т. е. одна все-таки есть); *У нас точные данные, что они знали все это* (т. е. именно проверенные сведения, а не, например, слухи) и *У нас есть точные данные, что они знали все это* (наличие в отличие от отсутствия).

Иногда описываемая ситуация такова, что о ней с равной вероятностью можно передать и информацию о наличии У-а (в отличие от его отсутствия), и информацию о том, что У относится именно к данному классу, а не к другому. В этом случае высказывание не приобретает экспрессивный характер, какая бы из моделей ни была выбрана. Иногда, однако, характер контекста и денотативной ситуации делает выбор одной из них предпочтительным. Употребление в этом случае противоположной модели имеет экспрессивную значимость. Например, в приведенном выше предложении *У него {кота} правильное чутье* выбор модели «УХ-а У» может диктоваться не только желанием подчеркнуть, что у кота именно правильное чутье на фальшь в игре, но и тем, что данный У не рассматривается как член запрограммированного у Х-а множества. Поэтому употребление модели без слова *есть* здесь наиболее вероятно. Напротив, выбор модели со словом *есть* возможен лишь при особом ударении на этом слове, т. е. если говорящий в явной или неявной форме возражает против предположения об отсутствии АУ-а: *У него ёсть правильное чутье*²¹. В отличие от приведенного примера в предложениях, указывающих на цель наличия У-а, обычно вообще выбираются только модели со словом *есть*. Например: *В этой машине есть специальное устройство для того, чтобы регулировать число оборотов*, а не: *В этой машине специальное устройство для того, чтобы регулировать число оборотов*. В других случаях обе интерпретации равновероятны. Например: *У всякого большого человека есть свои фантазии, —примирительно ска-*

²¹ Заметим, что при определении *хорошее* слово *есть* вообще нельзя добавить: *У моего кота хорошее чутье*, а не *У моего кота есть хорошее чутье*. Это можно объяснить изменением денотативной отнесенности слова *чутье*, которое здесь обозначает способность распознавать запахи. Наличие такого чутья обычно предполагается у животных. Следовательно, речь может строиться только как сообщение о том, какой именно АУ у Х-а (наличие какого-то У-а—плохого или хорошего—предполагается).

зал Бомбардов (Булгаков). Это предложение не экспрессивно: здесь просто сообщается о наличии АУ-а (т. е. своих фантазий) у каждого Х-а, причем наличие АУ-а не исключает наличие и АУ-а (т. е. каких-то общих для всех Х-ов фантазий). Наряду с этим, можно сказать: *У всякого большого человека свои фантазии* (акцентируется внимание не на наличии, а на том, что У-и у разных Х-ов не совпадают, т. е., что у одних великих людей одни фантазии, у других другие). И первое, и второе предложение может получить экспрессивный характер, но необязательно его имеет.

Рассмотрим также употребление слов типа *талант*, *способности* в описываемых моделях. Ср., например: *Поймите же, что у нее талант* (т. е. это не что-то Другое, а именно талант)—*Поймите же, что у нее есть талант* (т. е. не думайте, что таланта нет); *У него талант. Как я могу его не взять в труппу*—*У него есть талант. Его следует взять в труппу*.

Постановка в центре внимания информации не о наличии У-а у Х-а, а о том, к какому классу относится У, может иметь место, потому что важно, что У, который есть у Х-а, не тождествен по своим качествам У-у, который имеет Z. Различие У-а и У'-а существенно либо потому, что и У, и У' необходимы для той общей ситуации, в которой участвуют Х и Z, либо, напротив, потому, что необходим, нужен только У, а не У' (или наоборот только У', а не У). Например: *У нее талант, а у вас что?* (т. е. то, что имеет Z, не может конкурировать с тем, что имеет Х); *Надо, чтобы жена принесла свое, а муж—свое. У меня служба—у нее связи и маленькие средства* (Толстой), т. е. существенно, чтобы вклад мужа и жены в общую жизнь был различен. Ср., напротив: *У нее есть талант, а у меня есть деньги* (акцентируется внимание не на различии У и У', а на том, что они есть; У и У' интерпретируются как способные выполнять одну и ту же функциональную роль; например, приносить удовольствие, удовлетворение и т. п., участвовать «на равных» в некоторой ситуации).

В художественной литературе выбор между моделями со словом *есть* и с нулевой формой глагола *быть* часто диктуется одновременно несколькими причинами, которые связаны с рассмотренными компонентами значения этих моделей, а также—иногда—с общей ритмической структурой текста. Возьмем в качестве иллюстрации два примера из М. Булгакова: 1) *Я вижу, что совершилась какая-то беда из-за того, что я говорил с этим юношей из Кириафа. У меня, Игемон, есть предчувствие, что с ним случится несчастье, и мне его очень жаль*; 2) *И тем не менее его зарежут сегодня—упрямоповторил Пилат,—у меня предчувствие, говорю я вам! Не было случая, чтобы оно меня обмануло...* Выбор модели со словом *есть* в речи Иешуа более соответствует общей ее ритмической структуре: замедленной, плавной, нерезкой. Напротив, в более отрывистой речи Пилата предпочтение естественно отдается более краткой форме. Кроме того, речь Иешуа в большей степени отражает результат

размышления, раздумья. При таком характере сообщения более типично ставить данный Y в ряд с другими Y-ми (если, конечно, Y принадлежит какому-то множеству). Напротив, в условиях более непосредственной речи, к которой можно отнести слова Пилата, имеется большая вероятность рассмотрения Y-а вне его отнесенности к множеству однородных с ним элементов (ср. п. 1.2). Кроме того, для Пилата важно указать не только на наличие Y-а, но прежде подчеркнуть, что Y относится именно к данному классу, т. е. именно к предчувствиям, а не к какому-то другому, вследствие особой значимости, которая придается принадлежности к этому классу.

5. ПРИЗНАК «ПРОТЕКАНИЕ/НАЛИЧИЕ»

В гл. I (п. 3) уже рассматривался вопрос о месте пространственных предикатов в рамках «горизонтальной» классификации предикатов, т. е. в делении предикатов на действия, процессы, состояния, свойства, классы (действий, процессов). Мы попытались показать, что ядро пространственных предикатов, которое составляют глаголы *быть* и *иметь*, образует особый тип и в рамках указанной классификации.

Тем не менее пространственные предикаты могут различаться по семантическому содержанию ряда грамматических признаков. Так, пространственные предикаты могут получать разные характеристики по признаку фазовости/нефазовости. Предикаты со словом *есть* могут сообщать о наличии только предметного Y-а. Данное значение вообще считается наиболее характерным для экзистенциальных моделей [Арутюнова 1976: 230]. При этом они не представляют связь между предметом и пространством как непрерывно длящуюся во времени, но могут указывать на акты реализации данной связи. В отличие от них модели без слова *есть*, сообщая о наличии предметного Y-а могут характеризовать саму связь между объектом и пространством как имеющую самостоятельную временную отнесенность и описывать ее как непрерывно длящуюся во времени. Это сближает данные модели с фазовыми предикатами. Кроме того, они могут сообщать о наличии события, представленного не предметно, а как протекающего в описываемый момент времени²².

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие сделанные утверждения.

²² Н. Д. Арутюнова отметила, что бытийные предикаты, наряду с информацией о наличии предмета, что наиболее для них характерно, могут указывать на осуществленность события [Арутюнова 1976: 231]. Сделанное наблюдение мы предлагаем дополнить только в следующем отношении: предложения типа *Влесу тишина* чаще сообщают не об осуществленности события, т. е. собственно факте наличия события, а о его протекании в описываемый момент времени.

5.1. Употребление анализируемых моделей с несобытийными существительными

Модели без слова *есть* могут, как было отмечено, характеризовать связь между объектом и пространством как непрерывно длящуюся, если речь идет о нахождении в «физическом» пространстве. Например: *Весь день Маша была с ним; Весь вечер я дома; Я здесь уже три часа.*

Выражения типа *уже три года* могут употребляться в моделях без слова *есть* также в тех случаях, когда речь идет об отношении собственности. Например: *У него дача уже три года.* Такое употребление обычно имеет место в контекстах, в которых информация о наличии Y-а у X-а относится к пресуппозиции, и коммуникативный центр предложения составляет только сообщение о времени²³. Однако указание на протяженность во времени может иногда сочетаться и с информацией о наличии Y-а. Например, можно сказать: *Он материально вполне обеспечен. Уже три года у него собственная дача, а недавно он купил машину.* В отличие от этого, предложения со словом *есть* почти никогда не сочетаются с временными выражениями, которые указывают на протяженность описываемой ситуации во времени. Так, добавление слова *есть* в предложение *Уже три года у него есть собственная дача, а недавно он купил машину* делает это предложение не вполне естественным. Все опрошенные (10 человек) отдавали предпочтение оформлению приведенного высказывания без слова *есть*. Однако предложение со словом *есть* не воспринималось как совершенно неправильное. Почти все опрошенные оценивали его в три балла в рамках пятибалльной системы. Такая оценка объясняется тем, что при добавлении выражения *уже три года* предложение может быть воспринято как сообщающее не только о наличии Y-а у X-а, но и о каких-то действиях, событиях, в которых реализуется или должно реализоваться наличие Y-а у X-а. В пользу сделанного утверждения говорит то, что рассматриваемые временные выражения наиболее естественно входят в модель со словом *есть*, когда наличие Y-а у X-а связано в большей степени не с внутренними отношениями между X-м и Y-м, а с проявлениями этих отношений в поступках, поведении. Так, все опрошенные (10 человек) оценивали в пять баллов предложение (*Он работает не один. Уже пять лет у него есть помощник*: наличие помощни-

²³ Такие предложения скорее акцентируют внимание не на непосредственном протекании описываемой ситуации во времени, а дают некоторую суммарную характеристику. Иными словами, выражение *уже три года* имеет здесь в качестве своего денотата, по-видимому, не единый временной отрезок, а некоторую сумму временных отрезков, которые не расположены линейно в соответствии с последовательностью их появления. Различие между этими двумя способами описания набора временных точек вообще очень существенно для языка (гл. I, п. 2).

ка должно проявляться в актах оказания помощи. Напротив фраза (*Он живет не один*) ²⁴*Уже три года у него есть жена* воспринималось как странная, смешная (средний балл 3): существование жены не рассматривается обычно как проявляющееся в действиях, поступках²⁴. Правильность фразы *Уже три года у него есть дача* оценивается по-разному в зависимости от контекста. В контекстах, в которых наличие дачи может быть интерпретировано как связанное с изменением образа жизни, с осуществлением или возможностью осуществления определенных поступков, эта фраза оценивается в пять баллов. Например: *Уже три года у них есть собственная дача, а они туда совсем не ездят*. Все информанты (10 человек) оценили предложение в 5 баллов.

Сходное употребление могут получать предикаты со значением «активного» свойства. Они могут не только приписывать X-у некоторое свойство, но и сообщать об актах реализации этого свойства. Так, наряду с предложениями *Он добр; Он добрый*, сообщающими о свойстве X-а, могут быть построены такие фразы, как *Он был добр к нам*, указывающие на акты проявления доброты. При реализации этого последнего значения предикат может сочетаться с выражением типа *весь год*. Например: *Весь год он был очень добр к нам*.

5.2. Употребление анализируемых моделей с событийными существительными

Остановимся теперь на сочетаемости моделей со словом *есть* и без него с событийными существительными, а также с такими существительными, как *зима, лето* и т. п. Денотаты этих существительных или, точнее, протоденотаты — если воспользоваться термином Ю. К. Лекомцева [1973], т. е. ситуации, еще не интерпретированные тем или иным способом в результате обозначения их языковым знаком или знаками, — могут быть описаны и в момент их непосредственного протекания (в этом случае протоситуация представлена как состоящая из фаз, распределенных по временному отрезку) и опредмечено, т. е. как целостность. Именно так характеризуются денотаты событийных существительных при их употреблении в конструкции со словом *есть*. На-

²⁴ В соответствии со всеми остальными признаками здесь требуется употребление именно модели со словом *есть*: информация о наличии Y-а, информация о вхождении Y-а в множество (Y входит в класс родственников), нет контекстных предпосылок для того, чтобы акцентировать внимание не на наличии Y-а (в отличие от его отсутствия), а на том, что Y относится именно к данному классу, а не к какому-то другому. Вследствие этого выбор модели без слова *есть* здесь также не соответствует норме: *Он живет не один. Уже три года у него жена*. Ср. правильное: *Уже три года, как он женат*.

пример: *В нашем институте есть занятия по английскому языку* (т. е. среди тех занятий, которые включены в программу, есть и занятия по английскому языку). Модели со словом *есть* при событийных существительных не могут употребляться при добавлении наречий *редко*, *часто*, которые акцентируют внимание на реализации событий: *У нас редко бывают (проводятся) занятия по истории*, а не **У нас редко есть занятия по истории*. При описании протекания события в описываемый момент времени выбираются модели с нулевой связкой. Например, можно сказать: *Сюда нельзя. У нас сейчас урок; У меня тоска; У меня тошнота*. В подобных предложениях нельзя добавить слово *есть*. Частично данный запрет на употребление можно объяснить тем обстоятельством, что в рассматриваемых условиях наличие данного Y-а в описываемый момент часто исключает возможность наличия и какого-либо другого Y-а. Так, если в описываемый момент времени X имеет урок истории, то он не может в этот же момент иметь и еще какой-то урок. Однако даже если берется ситуация, в рамках которой, наряду с данным Y-м, имеют место в описываемый момент времени и другие Y-и, конструкция со словом *есть* не употребляется. Так, перечисляя занятия, которые идут в момент речи, или указывая на одно из них, говорящий должен сказать: *Сейчас идут занятия по химии, физике*, а не: **Сейчас есть занятия по химии, физике*. См. также: *Сейчас как раз идет одно из занятий по английскому языку*, а не: **Сейчас как раз есть одно из занятий по английскому языку*. Таким образом, модель со словом *есть* не употребляется, если сообщается о наличии—протекании Y-а.

Вследствие того, что конструкции со словом *есть* не могут передавать информацию о том, что Y длится, протекает во времени, эти конструкции при употреблении в них событийных существительных, как правило, не показывают, что Y имеет место в момент речи. Иногда, однако, конструкция со словом *есть* может относиться к событиям, ситуациям в момент их протекания. Так, можно сказать: *А у вас есть дождь?*²⁵; *А у вас есть жар?*²⁶. Нормативность таких предложений, как нам представляется, определяется не тем, что конструкции со словом *есть* в некоторых условиях могут терять выделенный компонент значения и сообщать о протекании описываемого явления, события, а возможностью в определенных условиях пренебречь протяженностью денотата существительного во времени и считать, что в момент речи он представлен не

²⁵ Возможность такого употребления была отмечена Н. Д. Арутюновой [1976: 261].

²⁶ Денотат слова *жар* необязательно воспринимается как длящийся во времени. Поэтому даже в описательном стиле речи можно сказать: *Я сижу у постели больного. У него есть жар. Он бредит*. Однако предпочтение все-таки отдается фразе без слова *есть*: *У него жар* (было опрошено 10 человек). Опускание слова *есть* в этом контексте способствует восприятию денотата существительного как длящегося во времени.

одной из своих фраз, а как целое. В пользу такой интерпретации говорит то, что подобное употребление возможно только в разговорной, диалогической речи, когда говорящему важно установить сам факт наличия *Y*-а. В описательном стиле речи используются только конструкции без слова *есть*. Например: *У нас дождь. Я затопила печку, сижу в угловой комнате и пишу тебе письмо* (все опрошенные — 10 человек — считали недопустимым добавление здесь слова *есть*).

В некоторых контекстах информация о протекании *Y*-а выступает очень четко и играет определяющую роль в выборе конструкции без слова *есть* (*У нас урок; У меня головокружение; У меня тоска*). Иногда, однако, информация о протекании лишь добавляется к другим признакам, привнося еще одну характеристику денотативной ситуации (п. 1.2.2).

Итак, выделяется еще одно различие между конструкциями со словом *есть* и без этого слова. Это различие реализуется при употреблении в данных моделях событийных существительных, а также вообще существительных, протоденотаты которых длятся во времени. Конструкция со словом *есть* сообщает о наличии денотата существительного в рамках описываемого пространства, а конструкция без этого слова — о том, что он длится, протекает в описываемый момент времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В гл. III было показано, что выбор между моделями со словом *есть* и с нулевой связкой определяется четырьмя основными признаками:

1) сообщается ли о пространственном соотношении между предметами, ни один из которых не рассматривается в качестве пространства нахождения другого, или, напротив, один из предметов наделяется данной функцией;

2) передается ли информация о наличии *Y*-а или о качественной идентификации *Y*-а (наличие *Y*-а заранее известно или, во всяком случае, внимание акцентируется не на наличии, в отличие от отсутствия *Y*-а, а на том, что *Y* относится именно к данному классу, а не какому-то другому);

3₁) характеризуется ли *Y* как один из членов такого множества, наличие которого предполагается запрограммированным, или нет;

3₂) характеризуется ли связь *Y*-а с пространством как постоянная, устойчивая или нет (этот признак можно рассматривать как замену признака 3₁) при описании чисто физического пространства;

4) сообщается ли о наличии *Y*-а (*Y* при этом воспринимается предметно) в рамках описываемого пространства или о протекании *Y*-а.

Модели со словом *есть*, как правило, используются для передачи информации о наличии Y -а в описываемом пространстве, а не о качественной идентификации. Было отмечено только одно нарушение этой закономерности (см. п. 1.1). Кроме того, эти модели сообщают именно о наличии Y -а, который воспринимается предметно в широком смысле этого слова, а не о его протекании в описываемый момент времени. И наконец, в большинстве условий употребления информация о наличии соединяется в их значении с информацией о том, что Y характеризуется как один из членов такого множества, существование которого предполагается или запрограммировано. Если из общего контекста следует, что имеется не пустое множество Y -в, то информация о наличии данного Y -а или данных Y -в предполагает, что есть и другие Y -и, причем их, скорее всего, больше. Представление о заполненности позиций в множестве зависит не только от свойств денотативной ситуации, но и от прагматических факторов, определяющих акцентирование внимания и на наличии Y -в, и на их соотношении с множеством в целом. Требуется также контрарное построение множества. При отсутствии этих условий модель с *есть* вносит информацию лишь о возможности наличия у X -а и других Y -в, кроме тех, о которых сообщается.

Модели со словом *есть* теряют признак Z_1 , если говорящий подчеркивает наличие Y -а, возражая против предположения об отсутствии Y -а.

При описании чисто физического пространства модели со словом *есть* передают информацию о постоянной, устойчивой связи Y -а с пространством его нахождения.

Конструкции с нулевой формой имеют более широкое значение. Они могут сообщать о наличии Y -а в пространстве, о пространственном соотношении между двумя предметами, о качественной идентификации Y -а, о наличии Y -а, мыслимого предметно, и о его протекании.

В гл. III также показано, что предложения типа *Ночь. Улица* не относятся к экзистенциальным.

Глава IV

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОСТИ И ПОСЕССИВНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной главе будут рассмотрены конструкции с *there (to be)* и с глаголом *have*, которые для удобства дальнейшего изложения мы запишем в форме «*there is Y(Loc)*» и «*Xhas Y(Loc)*», где *Loc* обозначает локативный член предложения; введение скобок показывает, что его наличие необязательно¹. Будут также рассмотрены некоторые характеристики модели «*У V(Loc)*» (более детально она будет анализироваться в гл. VI).

Главная цель данной главы — показать, что основные черты экзистенциальных и посессивных конструкций совпадают в русском и английском языках. Принципиально тождественным является место глаголов *be* и *have* и соответствующих русских глаголов в системе языка. Они находятся на пересечении грамматики и лексики, что проявляется в ряде особенностей их функционирования.

Наряду со сходством отмечаются и некоторые черты различия между английскими и соответствующими русскими единицами. (Рассмотрение сходства

¹ Большую помощь при работе над материалом IV и V глав оказали автору англичане, любезно согласившиеся выступить в роли информантов. Особенно благодарим А. Кнэпп, Б. Манка, А. Пилкинтона, Р. Понда. Выражаем признательность Кафедре английского языка при курсах повышения квалификации МГУ, возглавляемой П. В. Царевым, на которой нам была предоставлена возможность работы с информантами. Автор глубоко благодарен А. Г. Елисеевой, оказавшей помощь при опросе информантов, при сборе материала и при его обсуждении.

Большинство опрошенных — преподаватели английского языка из Великобритании в возрасте от 28 до 35 лет. В разных видах опроса участвовало разное количество информантов. Число опрошенных отмечается в тексте.

и различия дополняется в дальнейшем в гл. VI.) На материале английского языка дается также более детальный анализ тех фрагментов языковых систем, связанных с признаками пространственности и посессивности, которые отдельно не анализировались на материале русского языка.

В гл. I были приведены основные аргументы в пользу пространственной интерпретации экзистенциальных и экзистенциально-посессивных моделей, к которым относятся конструкции с *there* и с глаголом *have*. В гл. I был также дан общий обзор литературы, посвященный экзистенциальным и посессивным моделям. За пределами рассмотрения остались только многочисленные работы, связанные с трансформационным анализом конструкции с *there*. Эти работы будут проанализированы в гл. V. Поскольку для целей данной работы несущественно, являются ли предложения с *there* трансформами² или относятся к ядерным моделям, мы остановимся только на тех результатах данных работ, которые имеют непосредственное отношение к семантической интерпретации исследуемых моделей.

1. КОНСТРУКЦИЯ С THERE В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ³

Основным средством выражения значения экзистенциальности (E_{x_2}) в английском языке служит модель «*there is Y*». E_{x_2} , так же как и в русском языке, включает информацию о наличии *Y*-а в самых разнообразных видах пространств. Например, если предложения типа *There is a book on the table* указывают на наличие *Y*-а в физическом пространстве, то фраза *And there is music in the sentences of the seventeen-year-old boy who had had only a grammar-school education (Stone)* сообщает о нахождении (наличии) *Y*-а (*Y*—музыка) в пространстве «фразы семнадцатилетнего мальчика». Ср. также: *There must be something in what you say, aunt Dahlia (Wodehouse)* 'В том, что вы говорите, что-то есть, тетя Даля'. Предложение *I believe there were some misunderstandings between them (Bronte)* несет информацию о наличии *Y*-а (*Y*—непонимание) в пространстве 'отношения между описываемыми людьми'. Фраза *There is some difficulty in interpreting a seemingly simple sentence like the following (Kruisinga,*

² В лингвистической литературе уже приводились веские аргументы против этой гипотезы, см.: [Jenkins 1975; Erdmann 1976]. Против этой гипотезы свидетельствует также сложность парадигматических отношений, связывающих модели с *there* и модели типа «*UV(Loc)*» (см. гл. V).

³ Этот раздел содержит материал, представленный в статье [Селиверстова, Швейцер 1987].

A handbook of present-day English) сообщает о наличии Y-а (Y—трудность) в пространстве действия «интерпретация предложения». Ср. также: There is as little truth in these accusations as there is in the heading of the chronicle article «A Discardd Wife» (Stone) 'Правды в этих обвинениях так же мало, как и в заголовке статьи «Покинутая жена»'. О наличии-протекании Y-а в описываемом месте в определенный момент времени передают информацию такие высказывания, как There is a minute or two of quiet while he thinks all this over 'Наступает молчание, которое длится минуты две, пока он обдумывает все сказанное', ...in Europe there was taking place an economic catastrophe... (Fitzgerald) 'В Европе в это время был (букв. 'происходил') экономический кризис'. Не все из приведенных предложений могут быть переведены на русский язык с помощью бытийной модели. Например, предложение *Есть музыка в предложениях семнадцатилетнего мальчика* воспринимается как, хотя и возможное, но несколько искусственное, странное. Перечислим некоторые причины, которые, как мы попытаемся показать ниже, могут определять расхождения в значении и употреблении русских и английских экзистенциальных предложений.

Во-первых, каждая экзистенциальная модель наряду с а) информацией о нахождении в пространстве и б) информацией об ориентированности на пространство или на предикат наличия имеет некоторые дополнительные признаки. Эти дополнительные признаки, как будет показано ниже, могут не совпадать в русском и английском языках.

Во-вторых, пространственная интерпретация ситуации часто не предопределяется однозначно свойствами самой этой ситуации. Вследствие этого, одни и те же ситуации могут по-разному осмысляться и описываться говорящими на разных языках, и в частности на русском и английском.

В-третьих, расхождения связаны с тем, что логика организации текста не всегда однозначно требует какой-то определенной коммуникативной структуры высказывания. Часто потенциально существует возможность альтернативы, которая, однако, может сниматься на уровне речевого узуса.

В-четвертых, несовпадение в функционировании русских и английских моделей обусловлено различиями в лексическом составе сопоставляемых языков, в значении и функционировании грамматических категорий (например, категории модельности, инфинитива и т. д.), что, в свою очередь, часто обусловлено общим строем языка.

В-пятых, различия часто обусловлены тем, что русские и английские модели имеют разные возможности расширения, что частично связано с четвертой причиной расхождений, а частично выступает в качестве самостоятельного фактора.

В-шестых, могут существовать стандартные формы представления ситуации, не совпадающие в разных языках, что касается не только идеи пространствен-

ного/непространственного отображения, но и общего выбора лексического состава. Например, требование уступить место, сформулированное на английском языке в форме следующего высказывания: *Why don't you stand up? There's a pregnant woman wanting to sit down*, по-русски будет выражено иначе: *'Уступите место. Разве Вы не видите, что стоит беременная женщина?'* Ср. также: *Move along the bus. There are more people trying to get on* — *'проходите вперед. Еще не все вошли'* {*Дайте возможность и другим войти*}.

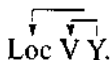
Существование различных расхождений в значении и употреблении русских и английских моделей и в значении слов, способных заполнять актантные позиции в этих моделях, приводит к большому разнообразию в номенклатуре средств перевода. Так, например, русская модель «*Loc V Y*» может переводиться на английский язык по крайней мере с помощью шести разных моделей: 1) «*There V Loc*»; 2) «*7 V Loc*»; 3) «*Loc V Y*»; 4) «*S V*», где *S* часто соответствует «персонифицированному» локативному члену; 5) «*S V Y*», где *V* — глагол *be*, а *Y* — свойство; 6) «*5 V Adv*», где *Adv* — обстоятельство образа действия.

Рассмотрим теперь некоторые общие признаки, различающие русскую модель «*Loc V Y*» и английскую «*There V Y {Loc}*». Выделим условия, в которых эти расхождения приводят к выбору других моделей при их переводе.

1.1. Ограничения в лексическом заполнении синтаксических позиций и перевод

Первое отличие английской модели с *there* от соответствующей модели русского языка связано с заполнениями актантной позиции предиката. Как уже неоднократно отмечалось в лингвистике (см., например: [Aissen 1975; Ross 1974; Stowell 1978]), в модели «*There V Y Loc*» может употребляться относительно небольшое число глаголов: это, прежде всего, глагол *be*, а также такие глаголы, как *come*, *exist*, *live* и некоторые другие. Возможность выбора предиката в модели «*Loc V Y*» в русском языке несколько шире, а именно: в русском языке модель «*Loc V Y*» может использоваться для как бы эллиптического представления ситуации, при котором указание на наличие *Y*-а и на протекающее при этом сопутствующее действие — объединяются. В английском языке такое употребление не допускается. В результате этого предложения, имеющие структуру «*Loc V Y*», часто переводятся на английский язык с помощью модели «*Y V Loc*». Так, *На шейке у нее темным огнем сверкал рубиновый крестик* (Бунин) нельзя перевести с помощью конструкции с *there*: *There glowed darkly a little cross of rubies on her breast*. Это предложение должно быть передано с помощью иной синтаксической модели, первое место в которой занимает сам «наличествующий» объект: *A little cross of rubies glowed darkly on her breast*. Изменение «поверхностной» структуры здесь, по-видимому, не приводит к

изменению ориентированности высказывания, т. е. в качестве Осн. X^{мого} выступает локатив:

Как считает А. Д. Швейцер [1980], относительно жесткий порядок слов, характерный для английского языка, приводит к тому, что одни и те же модели могут выражать в зависимости от контекста, показателей определенности, неопределенности и некоторых других факторов — разную коммуникативную перспективу. Например: *A man entered the room* по свое семантической структуре может соответствовать фразе: *В комнату вошел человек*, а не *Человек вошел в комнату*. Ср.: *The man entered the room*.

На возможность такой ориентации указывают и условия употребления, и восприятие носителей языка, о чем можно судить по интерпретации данной модели лингвистами-носителями языка [Postal 1966]. Подчеркнем, однако, что такая ориентация предложений, построенных по модели «7 VЛос», возникает, вероятно, только в тех условиях, в которых не могут употребляться модели с заданной ориентацией на локативный член⁴. Допустимость разной ориентации, по-видимому, присуща и другим моделям, не имеющим оппозиционной пары: *Senora Sanchez was still plying her needles. A friend had joined her* (G. Greene, *The Honorary consul*) 'Синьора Санше все еще усердно вязала. Но теперь с ней была ее приятельница'.

Другой способ перевода русских предложений, построенных по модели «Лос V Y», связан с возможностью персонифицированного предложения локативного элемента ситуации. Персонификация вообще занимает важное место в семантических потенциях английского языка [Швейцер 1980]. Данный способ преобразования локативных предложений чаще всего имеет место при пассивной или неопределенно-личной форме глагола, а также при субъектно-предикатных группах, синонимичных конструкциям с указанными типами предикатов (например, *растет беспокойство* — *все более и более обеспокоены*). Если не считать возможности полной лексической замены, «техника» перевода в рассматриваемом случае сводится к двум основным операциям: локативный член преобразуется в подлежащее, а глагол получает признак активности. Например:

В Советском Союзе состоялся запуск межконтинентальной баллистической ракеты — *The Soviet Union has launched an intercontinental ballistic missile*.

В седьмой главе рассматривается применение ЭВМ — *Chapter 7 discusses the applications of computers*.

⁴ Л. А. Прозорова [1989] приводит ряд убедительных доказательств того, что постановка локатива в последнюю позицию, а субъекта — «нового» в первую часто изменяет коммуникативную перспективу высказывания в английском языке.

В Европе растет беспокойство по поводу кризиса на Среднем Востоке—
Europe is growing increasingly concerned about the Middle East crisis.

В передовой статье отмечается... —The editorial says...

В доме имеется центральное отопление, водопровод и мусоропровод—
The house has central heating, running water and a garbage chute.

Сегодня в Норвегию прибывает делегация Верховного Совета СССР—
Norway to day is playing host to a delegation of the USSR Supreme Soviet.

Ср. также перевод с английского на русский:

In 1961 an air liner rash in Illinois killed seventy eight persons—В 1961 году в авиационной катастрофе в штате Иллинойс погибло 78 человек.

Первое из приведенных предложений может быть переведено и другим способом—через постановку члена предложения, несущего новую информацию, в первую позицию, т. е. через модель «*7 V Loc*»:

An intercontinental ballistic missile has been sauced in the Soviet Union. В отличие от рассмотренных случаев это предложение, по-видимому, не ориентировано на локативный член (т. е. порядок слов, вероятно, здесь соответствует коммуникативной перспективе; см. об этом в п. 4).

Существует еще один способ перевода экзистенциальных предложений на английский язык, не требующий ориентации высказывания на «неизвестный» актант ситуации. Этот способ связан с введением в семантическую структуру высказывания информации о наблюдателе. Например: *В этом районе строятся новые дома*—We can see new houses going up this distict.

Другой способ перевода возникает вследствие более широкого употребления в английском языке отглагольных существительных, которые близки по своей семантической структуре к «вещественным» (неисчислимым) существительным и соединяются с такими количественными показателями, как a lot of. Существование таких существительных часто позволяет сохранить экзистенциальную модель, преобразовав глагол, соответствующий исходному предикату, в отглагольное существительное и поставив в позицию предиката глагол be. См.:

There has been a lot of building here lately—В последнее время здесь много строят.

There has been a lot of rioting here lately—В последнее время здесь часто вспыхивают волнения. Возможность такого перевода зависит от наличия соответствующего существительного и часто от введения количественной оценки события.

Итак, были отмечены четыре основных способа перевода русской модели «*Loc V Y*» в тех условиях, где характер предиката препятствует ее передаче на английский язык с помощью предложений с конструкцией «*there V Y Loc*».

1.2. Различие по признаку «наличие/протекание» события

Ограничения в заполнении предикатной позиции частично восполняются тремя особенностями модели «*there V Y Loc*»: 1) эта модель значительно чаще, чем соответствующая русская модель с глаголом *быть*, употребляется для указания на протекание события во времени; 2) эта модель может включать в свою структуру вторичный предикат, выраженный причастием; 3) конструкция с причастием, даже в тех случаях, когда оно не играет роль вторичного предиката, часто восполняет информацию, содержащуюся в самом предикате, выраженном глаголом *be*.

Мы рассмотрим здесь только первую особенность употребления конструкции с *there* (об употреблении конструкции «*there is Y*» с причастием см.: гл. V, п. 2).

Можно утверждать (как уже говорилось — гл. I, п. 5), что основная функция пространственно-экзистенциальных предложений и в русском, и в английском языках заключается в том, чтобы сообщать о наличии, а не о протекании и даже не об осуществлении того или иного явления. Однако и в том, и в другом языке рассматриваемые модели могут употребляться для указания на осуществление события, хотя при этом обычно устанавливается ряд ограничений. Так, в русском языке данная информация может актуализироваться в предложениях с глаголом *быть* в форме прошедшего и будущего времени, а также при нулевой форме этого глагола, но не может реализоваться при слове *есть*. Ср.: *У нас сейчас урок (*У нас сейчас есть урок); Не мешай. У нас важный разговор (*У нас есть важный разговор)*. Кроме того, даже в отмеченных условиях чаще всего акцентируется внимание на самом осуществлении события, а не на длительности его протекания во времени. См.: *У нас был важный разговор с пяти до семи*. Встречаются исключения: *У нас были занятия с пяти до шести*. В английском возможность такого употребления шире. В результате этого часто английские предложения с глаголами *to be, to have* переводятся на русский язык с помощью предикатов типа *наступать, происходить* или с помощью замены группы с отглагольным существительным на простой глагол: *My watch says ten fifteen. There's a tap at the door (Barstow) 'Мои часы показывают пятнадцать минут одиннадцатого. Раздается стук в дверь'*; *There was a strange little silence before she replied (Segal) 'Наступила какая-то странная пауза, и только потом она ответила'*; *There is a shout from the top of the line 'Сверху раздается крик'*.

1.3. Ограничения в употреблении именных групп с показателем определенности

В лингвистической литературе последнего времени обычно формулируется правило, в соответствии с которым в предложениях с конструкцией «*there*

to be» именная нелокативная группа не должна иметь показатель определенности. Постулируются лишь некоторые исключения из этого правила, см.: [Bolinger 1977, ch. 5, § 7]. Другая точка зрения высказана Л. Болинджером, который считает, что случаи употребления имени с показателем определенности закономерны и вытекают из значения конструкции «*there to be*». Развивая точку зрения Л. Болинджера, мы, однако, не полностью принимаем его толкование значения анализируемой модели и, таким образом, несколько иначе объясняем наблюдаемые особенности употреблений. Во-первых, соглашаясь с тем, что модель «*there to be*» всегда вносит значение пространственности, которое часто получает очень широкое значение, нам представляется неудачным толкование этого широкого абстрактного значения через слово *awareness* «введение чего-то в сферу осознания» «*to bring something into awareness*» [там же: 93]. Такая трактовка должна означать, что в функции пространства выступает сфера сознания, что очевидно противоречит множеству высказываний с *there*. Фактически формулировка Д. Болинджера соответствует признаку «наличия», но не определяет тип пространства.

Во-вторых, в отличие от Д. Болинджера мы не считаем, что в тех случаях, когда именные группы с показателем определенности не выполняют функции, близкие к неопределенным именным группам, для их употребления достаточно создать контекстные условия, в которых бы могла реализоваться информация о наличии (р. 116—117). Если бы это было так, то в контекстах обнаружения чего-то где-то модель «*there to be*» могла бы всегда употребляться, что, однако, не имеет места: *Look! There is the money in the box; *Look! There is John in the garden. Мы выдвигаем [Селиверстова 1983: 331] другую гипотезу, объясняющую употребление именных групп с показателем определенности, а именно Y может получить индивидуализирующую характеристику, если он представлен как элемент некоторого множества или как часть некоторой ситуации (см. гл. V, п. 1). Приведем примеры.

«Juan will make you a coffin and all of us in the barrio will pay him».—But there is the mass» (Greene)'—«Хуан сделает для тебя гроб, и мы за него заплатим все вместе».—«Но я хочу еще заказать мессу» (букв. 'Но есть еще месса', т. е. в рамки рассматриваемой ситуации — «похороны» — входит в качестве составного компонента месса);

«Now tell me the name of the man who told you to do it and I'll let you go».—«But there was no man. There was only Philip Arnold and Sanny Mountjoy» (Golding) '«А теперь скажи, кто тебе велел так сделать, и я отпущу тебя. Как имя того человека».—«Но там не было никакого человека. Были только Филипп Арнольд и Сэнни Маунтджой» (Y_1 и Y_2 — элементы сложившейся ситуации).

I would not go back to the rectory but walked out of the town instead and along beside the downs. There was the forest here, clinging to the downs between escarp-

ment and the river (там же). 'Я не хотел возвращаться к дому священника. Я вышел из города и пошел вдоль холмистой гряды. К ней примыкал лес, зажатый между спуском и рекой'. (Y (лес) рассматривается как составной элемент общей картины).

Приведенные примеры показывают, что возможность употребления имени с показателями определенности далеко не всегда увеличивает степень корреляции между русской моделью «*Loc VY*» и английской «*there VLoc*», так как обычно реализуется в тех случаях, когда проявляются различия в осмыслении ситуации. Перевод в этих случаях английских предложений может быть самым разнообразным и зависит от общего контекста. Лишь окказионально здесь возникает возможность перевода через русские экзистенциальные или притяжательно-экзистенциальные модели.

Обратим, однако, внимание на определенное глубинное сходство между русскими и английскими моделями: если наша гипотеза верна, в обоих языках при описании не «чисто» физического пространства требуется, чтобы «наличествующий объект» (Y) был связан с пространством какой-то более глубокой связью, чем простое «помещение» в рамки данного пространства: Y может быть частью этого пространства, каким-то его свойством или свойством его свойства и т. д. В русском языке часто требуется даже двойная связь с пространством: модель «*УХ есть Y*» обычно употребляется только тогда, когда сообщается не только о наличии Y-а в некоторой ситуации, но и о вхождении его в множество однородных с ним объектов, запрограммированных «быть» у X-а. (гл. III). При отсутствии таких «глубинных» связей с пространством экзистенциальные и экзистенциально-посессивные модели часто не могут употребляться. Так, нельзя сказать: **В этом дне было много удовольствий (происшествий)*, но можно *В этом дне была какая-то особенная прелесть (прелесть — свойство самого дня)*. И в русском, и в английском языках при отсутствии «внутренней» связи между объектом и пространством употребляются другие средства, например, предикаты типа (*был*) *полон*, хотя условия употребления данных предикатов при этом могут не полностью совпадать: *День был полон удовольствий*. The letter was full, like the voice on the quay had been of pretended hope (Greene)—'Письмо, как и голос на набережной, было полно несбыточных надежд' (пер. Е. Гольшевой и Б. Изасова).

1.4. Расхождения в осмыслении протоденотативных ситуаций

Рассмотрим некоторые случаи расхождений, связанные с пространственным представлением ситуации. И в русском, и в английском языках допускаются интерпретации событий, действий как пространства. Однако в английском языке эта возможность представлена, по-видимому, несколько шире и, кроме

того, в качестве наличествующего объекта могут рассматриваться не только сами свойства, характеристики, но и их возможные последствия для субъекта действия. Так, можно сказать: I always hold that it's hardly ever an answer to anything. But by God, there's pleasure in it sometimes '—Я всегда утверждал, что это ничего не решает (не имеет большого значения), но, несомненно, иногда доставляет удовольствие (*но в этом, несомненно, иногда есть удовольствие)'; There's no future in being a shop assistant — 'Профессия продавца бесперспективна (*в работе продавцом нет будущего)'

Сообщение о чувствах, ощущениях, вызываемых тем или иным действием, может строиться в форме экзистенциального предложения и в русском языке; но обычно при этом вводится указание на количественный аспект {*сколько радости, сколько горя...*): *Сколько радости было в этой встрече; Сколько горя было в этом взгляде*. Без введения квантификатора экзистенциально-пространственная модель употребляется, как правило, в стилистически приподнятой речи для акцентирования внимания на отсутствии других чувств, кроме описываемого⁵: *В этой встрече была только радость; В этом взгляде было только горе*.

Поскольку, как мы говорили, в рассматриваемых условиях связь между пространством и наличествующим объектом не является «чисто локативной» и чаще всего фактически выражает и отношение между свойством и его носителем, экзистенциальные модели оказываются свойством и его носителем, экзистенциальные модели оказываются «конкурирующими» с моделью «X V» при V, представленном предикатом с прилагательным {*Он молод; Он красив*). Эта модель и является основным средством выражения данного отношения. Пространственная же интерпретация (в том числе пространственно-посессивная) соответствует норме лишь при наличии тех или иных дополнительных предпосылок, см.: [Селиверстова 1975, гл. II, п. 2.6]. Одной из предпосылок для употребления экзистенциальных моделей может служить отсутствие прилагательного или неполное соответствие в значениях прилагательного и существительного: *Его слова правдивы* (т. е. он не лжет, искренен) и *В его словах есть правда* (т. е. по крайней мере часть того, что он говорит, соответствует действительности). Эта предпосылка может по-разному реализоваться в русском и английском языках, что, в частности, связано с разными синтаксическими потенциями моделей.

Так, предикат в конструкции с there гораздо чаще, чем соответствующий предикат в русском языке допускает сочетаемость с инфинитивом, см.: *Trouble is, there's just enough truth in what it suggests to make me feel uncomfortable*

⁵ Интересно, что сходным образом, по свидетельству Х. Ч. Панде, употребляется локативный инфинитив в хинди.

(Barstow) 'В письме была доля правды, и это-то и вызывало во мне чувство неловкости'. Русские предложения типа *В этом была доля правды* обычно не допускают расширения их инфинитивной конструкцией (ср.: однако, *В этом письме было достаточно правды, чтобы заставить меня почувствовать себя неловко*). Ср. также: There is a lot to see in Rome 'В Риме можно увидеть много интересного', но '*есть много интересного увидеть в Риме'.

Экзистенциальные модели могут «конкурировать» и с моделью «7 V Ad», где Ad — обстоятельство образа действия или сравнительный оборот. Выбор того или иного способа представления ситуации часто не совпадает в русском и английском языках, что может быть связано с расхождением в значении и употреблении как имен, обозначающих «наличествующий» объект, так и глаголов, способных заполнить предикатную позицию. Могут влиять и другие факторы и прежде всего наличие языковой единицы, которая могла бы использоваться для обозначения пространства. Приведем некоторые примеры возможных расхождений в переводе: There was no friendliness in the way he asked the question 'Не было дружелюбия в том, как он задал вопрос' — 'Вопрос прозвучал не слишком дружелюбно'. There was music in the sentences of the seventeen-year-old boy 'Была музыка в предложениях семнадцатилетнего мальчика' — 'Фразы семнадцатилетнего мальчика были удивительно музыкальны' — 'Фразы семнадцатилетнего мальчика звучали как музыка'.

Приведем теперь пример отказа от пространственного отображения ситуации при переводе на английский язык: *Сколько трепетной нежности было для нас даже в одном этом — в совместных усилиях тащить ее {девочку}, то и дело касаясь рук друг друга* (Бунин). And even this alone — our hands touching as we carried Lidija to the room — was like a tremulous caress, filling us with untold tenderness for one another.

Пока неясно, можно ли свести наблюдаемые случаи расхождений к какому-то относительно ограниченному числу правил. Отметим только, что одна из причин широты употребления конструкции «there is» в английском языке связана с большой продуктивностью образования отглагольных существительных, которые могут быть использованы для обозначения пространства: Nobody knows much about the power position of Mr. Ar., so no one knows quite what to expect but both in the administration's thinking and in the king's action, says one insider, there is movement where there was no movement before (газ.) 'Никто не знает, насколько сильна позиция м-ра А., и, таким образом, никто не знает, чего именно можно ожидать, но, во всяком случае, по свидетельству осведомленного лица, и в отношении к этому вопросу (американского) правительства и в действиях короля произошли изменения'. Созданию пространственной интерпретации способствует существование самой конструкции «there is», которая позволяет не вводить специального слова, обозначающего

пространство: There is no resisting the appeal connected with the subject 'Эта тема не может не вызывать живейшего интереса'.

1.5. Различия в выборе коммуникативной перспективы

Предложения, построенные по модели «*Y V Loc*», как отмечалось, могут быть ориентированы на «наличествующий объект» даже при обозначении его именем с показателем неопределенности:

Y V Loc.

Такая коммуникативная перспектива, по-видимому, обычно представлена в условиях «конкуренции» с моделями, ориентированными на локатив. В гл. V мы попытаемся показать, что различие между моделями «*7 V Loc*» и «*there is Y Loc*» действительно связано с коммуникативной перспективой и отметим те следствия в употреблении, к которым приводит это различие, а сейчас мы хотели бы обратить внимание только на расхождения в условиях функционирования русских и английских моделей.

Одно из условий выбора неизвестного актанта ситуации в качестве отправной точки высказывания (основного $X^{\text{мого}}$ — см. гл. II) обусловлено тем, что сцепление текста может строиться на эксплицитном или имплицитном вопросе, выявляющем логическую связь текста. Этот вопрос, однако, не всегда однозначно задает ориентацию последующего текста: часто логика организации текста допускает несколько альтернатив, выбор между которыми зависит от синтетических моделей, которыми располагает язык, от речевого узуса, от стиля речи. Одно из различий в правилах построения текстов на русском и английском языках связано с рассматриваемыми моделями. В английском языке модель «*7 V Loc*» широко употребляется в газетном стиле при кратком изложении новостей. В русском языке, напротив, обычно предпочитается модель «*Loc V Y*». Это различие четко проявляется в зачине газетно-информационной заметки, где каноны английского газетно-публицистического стиля требуют, чтобы в сообщении на первом месте стояло событие, а за ним указание на место и время, тогда как в русском языке часто встречается обратная последовательность (время—место—событие). Отсюда возникает необходимость перестановки компонентов высказывания (газ. текст) в переводе: The Teamsters Union called a citywide strike in Philadelphia today 'Сегодня в Филадельфии профсоюз водителей грузовых автомашин объявил общегородскую забастовку'; A press conference on the results of the meeting of the Soviet Architects' Union and the US Organization Architects, Designers and Planners for Social Responsibility was held in Moscow yesterday 'Вчера в Москве состоялась

пресс-конференция, посвященная итогам встречи представителей Союза архитекторов СССР и организации США «Архитекторы, дизайнеры и планировщики за социальную ответственность»¹.

Распределение данных моделей в других стилях речи пока не исследовалось.

Различия в заполнении, функционировании, коммуникативной структуре и функционально-стилистическом использовании пространственно-ориентированных моделей в русском и английском языках определяет широкий диапазон переводческих операций, включающих перестановку компонентов высказывания (как в поверхностной, так и в семантической структуре), замену исходного выражения его синтаксическим аналогом (в доме есть X — *There is X in the house*), «персонификацию» локального признака, превращение его в субъекта в сочетании с пассивизацией или конверсивной трансформацией, семантические сдвиги типа «предмет—признак», преобразование конструкции *с there is* в глагольно-адвербиальную, замену *be* инхотативными глаголами типа *раздаться, зазвучать*, глаголами, означающими осуществление события типа *происходить случаться* и др.

В основе этих трансформаций нередко лежат разные способы семантического представления мира в терминах пространственных отношений. Способ отражения денотативной ситуации в сопоставляемых языках задается лишь с той или иной степенью вероятности. В связи с этим между типами межъязыковых различий и типами переводческих трансформаций обнаруживаются не жесткие, а скорее вероятностные связи. Для построения более строгой модели соответствий необходим дифференцированный учет множества факторов, влияющих на репрезентацию пространственных отношений, часть которых уже названы. Впрочем и тогда эти соотношения не будут носить взаимоднозначного характера.

2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОДЕЛИ «*X HAS Y*» И ЕЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ С МОДЕЛЬЮ «*THERE IS Y*»

2.1. Модель «*X has Y*» в сопоставлении с посессивными моделями в русском языке

Модель «*X has Y*», так же как и соответствующие модели в русском языке, обычно несет информацию о наличии, нахождении *Y*-а в описываемом пространстве, т. е. в данном случае в том пространстве, которое может быть обозначено выражением «у *X*-а». Это пространство складывается из ряда частных пространств, которые в основном представляют собой те или иные множества: «предметы собственности *X*-а», «свойства *X*-а», различные множества,

имеющие такие элементы, одно из свойств которых есть отношение к X-у (родственники X-а, враги—друзья X-а и т. д.).

Представление о том, в какое именно множество входит Y, зависит от слова, обозначающего Y, а также от общего контекста. Например, слово *genius* 'дар, талант' в предложении «**He** has a genius for upholstery», said Isabell (James) показывает, что речь идет о наличии Y-а в множестве «свойства X-а». Ср. также: *She always had more courage and strength and honesty than I had* (Priestley) 'У нее всегда было больше храбрости, силы и честности, чем у меня'. Напротив, предложение *You had money* сообщает о наличии Y-а (Y—деньги) в множестве «собственность X-а». Фраза *If you're not happy yourself others have yet a right to be* (James) несет информацию о наличии Y-а (Y—право) в множестве элементов, программирующих действия или состояния X-а.

Глагол *have* служит не только для передачи информации о наличии Y-а в пространстве множества. Этот глагол употребляется и в случаях, когда речь идет о нахождении Y-а в других видах пространства. Так, предложения, построенные по модели «*X has Y*», могут сообщать о нахождении Y-а в том или ином физическом пространстве в определенный момент или отрезок времени: *The mother had her baby on her lap* (Hornby, ALD) 'Ребенок на коленях у матери'; *It was against the rules to have people in our room after nine o'clock at night* (Lessing) 'Посторонним не разрешалось находиться в наших комнатах после девяти часов вечера'; *What a lot of rain we had this autumn, hadn't we?* 'Как много этой осенью было у нас дождей, правда?'

Глагол *have* используется и в тех случаях, когда S представляет собой некоторую систему единиц, связанных между собой определенными отношениями и, в частности, общностью местонахождения (институт, завод, дом и т. д., если они рассматриваются не как физические пространства, а как функциональные системы), например: *I've never said anything to her—and of course I've been glad to have her here—but I've often thought that Lilian's been at home too long* (Priestley) 'Я ей никогда ничего не говорил, и, конечно, я был очень рад, что она здесь со мной, но я часто думал, что ей нужно уехать'; *I have a friend at Oxford* 'У меня в Оксфорде (Оксфордском университете) есть друг'.

Фразы с глаголом *have* могут нести информацию о наличии Y-а в данном отрезке временного существования X-а, например: *I have a terrible headache* 'У меня ужасная головная боль'. Другие предложения сообщают о наличии Y-а в пространстве действия, осуществляемого X-м, например: *He still has some difficulty in walking* 'Он все еще испытывает некоторые затруднения при ходьбе' (букв. 'имеет трудности в ходьбе') и т. д.

Как видно из приведенных предложений и их переводов на русский язык, не существует полного соответствия между русскими и английскими посессивно-экзистенциальными моделями. Одно из различий связано с тем, что модель с

have может в некоторых случаях употребляться в предложениях, которые сообщают о том, где Y, а не о наличии Y-а у X-а (The mother had her baby on her lap; It was against the rules to have people in our rooms; I've been glad to have her here). Такая интерпретация данных предложений подтвердилась при опросе информантов: все опрошенные считали возможным строить ответ на вопрос с where по модели с глаголом have. Так, можно сказать: Where is he?—The mother has him on her lap. Как правило, такое употребление имеет место, когда реализуется особый вариант значения глагола have, отсутствующий у соответствующих русских единиц. Этот глагол может передавать информацию о том, что наличие Y-а в пространстве, связанном посессивным отношением с X-м, определяется волей, желанием X-а. Рассматриваемый глагол может также показывать, что нахождение Y-а, связанного посессивным отношением с X-м (обычно Y—часть тела X-а), в некотором пространстве (необязательно находящемся в посессивном отношении с X-м) определяется волей, желанием X-а (п. 2.2). Здесь сам X и пространство, в которое входит Y, относятся к разным членам актуального членения: X составляет тему, а указание на пространство—рему предложения. В русском языке при описании подобных ситуаций, т. е. когда указание на пространство составляет новую информацию, предложения либо ориентированы на Y (*Ребенок на коленях у матери*), либо имеют предикаты, указывающие на активную роль X-а: *Мать держит ребенка на коленях; Нам было не разрешено принимать посетителей после 6 часов*. В русском языке ответ на вопрос «где» может строиться по модели «у X-а есть Y» только в том случае, если слово, обозначающее Y, употреблено нереперентно (гл. II, п. 2).

Предложения с глаголом have могут также иметь указанное актуальное членение, когда Y является частью X-а или его собственностью: I have my hand on Marcus's shoulder (Hartli) (букв.) 'Я имею руку на плече Маркуса'; She had her feet on the fender (Priestli) (букв.) 'Она имела ноги на каминной решетке'; Where did you have the key last night? (Gardener) (букв.) 'Где вы вчера имели ключ?'. Пространство нахождения Y-а может при этом, как видно из примеров, не быть связано посессивным отношением с X-м. Отметим также, что при реализации рассматриваемого варианта значения (или, возможно, особого значения) глагола have речь может идти о нахождении Y-а в некотором векторном пространстве, т. е. о нахождении в направлении по отношению к чему-то: We had nearly reached it., when suddenly the head and shoulders of a man rose from among the bushes. He had his back to us and did not hear us (Hartley) 'Мы уже почти подошли к этому месту, когда вдруг из кустов показалась голова и верхняя часть туловища какого-то мужчины. Он стоял спиной к нам (букв. 'Он имел спину к нам') и не слыша нас'. Для выбора глагола have здесь существенно не только то, что пространственное положение Y-а определяется X-м, но и то, что оно определяет положение X-а (см. п. 2.2).

Глагол *have* может употребляться и в таких предложениях, как: *She would have the window open wide, summer and winter alike, no matter what the weather* (Barstow) 'У нее всегда окно широко открыто и зимой, и летом, независимо от погоды'; *I had all the papers in a bunch that the broker had given me* (Hemingway) 'Все бумаги, которые мне дал маклер, были у меня сложены в пачку (букв. 'все бумаги я имел в пачке')'. В этих предложениях наличие Y-а у X-а предполагается обычно заранее известным, и цель высказывания сводится к сообщению о том, в каком положении, состоянии был при этом Y, какими свойствами он обладал. Такое употребление глагола *have* возможно, если положение, состояние Y-а определяется действием X-а или по крайней мере его волеизъявлением и/или если характеристики Y-а так или иначе сказываются на данном моменте или периоде существования X-а. В русском языке соответствующие предложения могут также включать информацию о посессивных отношениях, которая вносится словосочетанием «*У X-а*», но они не имеют посессивный предикат и часто ориентированы на Y {*Глаза у нее были широко открыты; Больные у него были хорошо ухожены* и т. д.).

Кроме возможности употребления в предложениях, в которых указание на пространство составляет «новое», особенность глагола *have* заключается в том, что он объединяет в своей семантической структуре и информацию о наличии Y-а, и информацию о том, к какому именно классу относится тот Y, который есть у X-а. Например, цель вопроса *Have you a boat?* 'У вас есть лодка?' — установить наличие Y-а у X-а. Напротив, в вопросе *What animals had you on the farm* (Eckersley) 'Каких животных вы разводили/имели на ферме?' (наличие Y-а предполагается заранее известным). См. также *The book has extremely short chapters* (Segal) 'В этой книге очень короткие главы'. Модель «*X has Y*» может также употребляться в текстах, в которых речь идет о количестве Y-а: *How many daughters has she?* 'Сколько у нее дочерей?'

В семантической системе английского языка нет признака, который бы соответствовал второму различию между моделями «*У X-а есть Y*» (информация о «включенности Y-а в некоторое множество, запрограммированное быть у X-а/отсутствие характеристики Y-а как одного из членов такого множества»). Вследствие этого предложения, построенные по модели «*X has Y*», могут соответствовать и фразам со словом *есть*, и фразам с нулевой формой глагола *быть*. Например, глагол *have* употребляется в контексте: *There's something I can tell you that I can't tell the other two. You can stand it. They can't. You have your profession. You're enjoying life* (Priestley), в котором речь идет о наличии Y-а в числе причин, определяющих преимущества адресата речи по сравнению с другими лицами, и может быть переведен на русский язык с помощью слова *есть*: 'Я хочу тебе сказать то, что я не могу сказать им. Ты сможешь это перенести, а они нет. У тебя есть твоё любимое дело. Ты довольна жизнью'.

Наряду с этим глагол *have* может стоять и в таком контексте: *She has the reputation of carrying on her profession with scrupulous honesty* 'Она имеет репутацию человека, выполняющего свои профессиональные обязанности с безупречной честностью', где денотат слова *reputation* не воспринимается как один из ряда однородных элементов, которые имеет или может иметь *X*. Ср. также: *She has a growth* 'У нее опухоль'.

Еще одной особенностью глагола *have* по сравнению с русскими посессивными моделями является большая регулярность его употребления для описания всего отрезка протекания *Y*-а. Например: *For a moment she has an intense impulse to dash them in his face (Shaw) I've been having a headache for two hours* (ср. сказанное о конструкции с *there* в п. 1.2). В русском языке в таких случаях обычно не употребляются глаголы *быть* и *иметь*: *На мгновение у нее появилось острое желание бросить их ему в лицо* (**На мгновение у нее острое желание бросить их ему в лицо*); *Уже два часа у меня болит голова* ('*Уже два часа у меня головная боль*).

В отличие от русского *иметь* глагол *have* может употребляться, когда *Y* — часть *X*-а и *X* как целое образуется только из элементов того же типа, что и *Y*. Например, можно сказать: *The list has the name you want*. В русском языке здесь должна быть выбрана непосессивная пространственная модель: *В списке есть твоя фамилия*.

Глагол *have* может также использоваться, когда *X* выступает как физическое пространство, в котором находится *Y*, не являясь при этом обладаемым *X*-а. При таком значении требуется добавление предложной группы с местоимением, кореферентным со словом, обозначающим *X*. Предлог указывает на пространственное отношение между *X*-м и *Y*-м: *The road has ice on it*, но: *The road has ice*; *The table has a vase on it*, но: *The table has a vase*.

Существуют и другие различия между русскими и английскими моделями, оставшиеся в данной работе не рассмотренными.

2.2. Сопоставление моделей «*X has Y*» и «*there is Y*»

В лингвистической литературе уже неоднократно отмечалась связь между моделями «*X has Y*» и «*there is Y*», см.: [Bendix 1966; Clark 1970]. Мы попытаемся показать, что различие между данными моделями определяется характером соотношения признаков пространственности и посессивности. Модель «*X has Y*», как правило, сообщает о наличии *Y*-а в таком пространстве, которое связано посессивным отношением с *X*-м (в число этих отношений мы включаем и отношение *X*-а к самому себе — пространство может быть тождественно самому *X*-у). Мы отметили только одно условие, при котором глагол *have* не указывает на посессивную характеристику пространства: эта характе-

ристика необязательна, если Y является частью X-а, и его нахождение в описываемом пространстве определяется волей X-а (см. примеры в п. 2.1). Наряду с посессивной характеристикой пространства выбор модели «*X has Y*» требует, чтобы Y также находился в каком-то непосредственном отношении к X-у, т. е. либо был обладаемым, либо оказывал на X какое-то непосредственное воздействие, либо нахождение Y-а в пространстве S определялось бы волей X-а. Модель «*there is Y*» также может сообщать о нахождении Y-а в таком пространстве, которое связано посессивным отношением с X-м, хотя данная характеристика пространства не является обязательной для предложений с этой конструкцией. Так, предложение *I have a boy in the room* может быть употреблено только в том случае, если речь идет о комнате говорящего. Это условие не ограничивает выбор соответствующего предложение с конструкцией «*there is Y*».

Далее, Y не характеризуется в предложениях с конструкцией «*there is Y*» как обладаемое X-а. Вследствие этого данная конструкция не употребляется, когда Y — часть X-а. Для описания таких ситуаций выбирается глагол *have* (*She has blue eyes; The animal has teeth*). Однако не существует четкой грани между ситуациями, в которых Y есть часть X-а, и в которых Y есть что-то, находящееся на, в X-е. Например, покрывало, лежащее на кровати, может рассматриваться как отдельный предмет, а может интерпретировать как составная часть. Возможностью такой разной интерпретации можно объяснить то, что предложения *The bed had a black cover* (Lessing) (букв.) 'У кровати черное покрывало', *The bed had three pillows* (букв.) 'У кровати есть три подушки'; *The table has a white cloth* (букв.) 'У стола белая скатерть'⁶ оценивались большинством опрошенных как допустимые, хотя и не вполне нормативные (средний балл 3). Чем менее естественно рассматривать Y как часть X-а, тем ниже оценивается предложение с глаголом *have*. Например, нельзя сказать: *The table has a vase. Bring it here* 'У стола есть ваза. Принеси ее сюда'. Здесь возможна только конструкция с *there*. Выбору этой модели отдавалось предпочтение и при описании указанных ситуаций: *There is a black cover on the bed (a white cloth on the table и т. д.)*. Однако могут возникнуть речевые условия, в которых повышается вероятность выбора модели с глаголом *have*. Его употребление соответствует норме, если Y рассматривается как отличительный признак X-а: *How can you tell the difference? — One table has a white cloth and the other has a green cloth; The bed had a black cover and the chairs had green ones*. Подобно этому могут возникнуть речевые ситуации, в которых употребление конструкции «*there is Y*» приобретает естественность, хотя речь идет о таком Y-е, который

⁶ В русском языке употребление модели «У X-а (есть) Y» в подобных ситуациях не соответствует норме. Для ее выбора требуется, чтобы Y был «настоящей» частью X-а: *У стола три ножки*.

скорее должен рассматриваться как часть X-а. Так, например, один из опрошенных предложил следующий пример: «Do you notice anything strange Watson?»—«Good Heavens, Holmes. There's a birth-mark on her cheek» «Вы что-нибудь заметили, Уотсон?»—«О Боже, Холмс (букв.) 'На ее щеке родинка'». (Здесь родинка—независимое свидетельство, подтверждающее какую-то догадку Холмса). В других контекстах предпочтение отдавалось выбору глагола have: She has a birth-mark on her cheek.

Допустимость разного осмысления протоденотативных ситуаций под углом зрения анализируемого признака объясняет и возможность построения таких предложений, как There are 28 days in February 'В феврале 28 дней' и February has 28 days 'Февраль имеет 28 дней'. Дни могут либо интерпретироваться как то, что находится в пределах пространства, образуемого X-м, но имеет отдельное от него существование, либо, напротив, как то, что составляет его часть.

Если Y представляет собой свойство, то чаще всего выбирается модель с have (см. примеры в п. 2.1). Однако выбор модели с there также возможен: There is no responsibility in you 'В Вас нет чувства ответственности'; There's streak of cruelty in her character 'В ее характере есть что-то жестокое'; There's something strange about her 'В ней есть что-то странное'. По-видимому, употребление этой модели имеет место, если Y интерпретируется как что-то самостоятельное, отдельное от X-а, лишь существующее в нем.

В п. 2.1 отмечалось, что глагол have может употребляться для описания ситуаций «простого нахождения» Y-а на, в X-е, если добавляется предложная группа, в которой имя кореферентно с подлежащим или обозначает либо его часть, либо часть его одежды. В этих условиях часто встречается и сочетание have got. Такое употребление становится возможным, если наличие Y-а на/в X-е каким-то образом характеризует и сам X: I'm sure you'll find the bed comfortable. It's got a new mattress on it 'Я думаю, что Вам будет удобно спать. На кровати новый матрас (букв. 'кровать имеет новый матрас на ней)'; The road has ice on it (букв.) 'Дорога имеет лед на себе'. Эти предложения показывают, что наличие Y-а изменяет свойства самого X-а, т. е. является его характеристикой или характеристикой какого-то момента его существования. Таким образом, хотя Y не является объектом обладания X-а, результат и последствия его наличия входят в сферу посессивности X-а. Напротив, предложения с there сообщают о наличии Y-а безотносительно к его воздействию на X. В пользу предложенной интерпретации говорит то, что именно предложения с have информанты связывали с моделью «Y is A», где A—прилагательное, обозначающее свойство. Например: The road is icy.

Сочетание have got употребляется и в следующих предложениях: Look out! You've got a bee behind your ear 'Осторожнее! У Вас за ухом пчела!'; You've

got a piece of cotton on your coat 'У Вас на пальто нитка'. Здесь в отличие от соответствующих предложений с *there* также акцентируется внимание на том, что наличие *Y*-а затрагивает и сам *X*. Ср. следующие контексты употребления рассматриваемых моделей, предложенные одним из информантов: Don't let her in. She's got mud on her shoes 'Не пускайте ее. У нее грязь на ботинках' и «How could you possibly tell that she's just traveled from the country?»—«You will observe Watson. There's fresh mud on her shoes» 'Почему Вы думаете, что она приехала из сельской местности?'—«Обратите внимание, Уотсон. На ее ботинках грязь». Хотя и во втором примере логика построения текста не исключает ориентацию высказывания на субъект—*У* нее на ботинках грязь—выбор в качестве исходной точки сообщения предиката более логичен: Шерлока Холмса интересуют прежде всего доказательства, касающиеся самого события—приезд из сельской местности, а не характеристика «ее». Таким доказательством служит сообщение о наличии *Y*-а на *S*, причем *S* относится к *X*-у. Напротив, ситуация, описанная в первом примере, более однозначно связана с субъектом ситуации «она». Вследствие этого первое предложение должно быть ориентировано на субъект.

Мы отмечали (п. 2.1), что глагол *have* может употребляться для передачи информации о нахождении *Y*-а, не являющегося обладаемым *X*-а, в пространстве, связанном с *X*-м посессивным отношением, если нахождение *Y*-а в этом пространстве, определяется волеизъявлением *X*-а. Сделанное утверждение основано на следующем: все опрошенные (5 человек) оценивали употребление глагола *have* как странное, алогичное в тех контекстах, в которых предполагается, что нахождение *Y*-а в *S* не зависит от воли, желания *X*-а. Например, в контексте *What's all this about? *I have a sick man in my tent. Who put him there? 'Что это значит? У меня в палатке больной. Кто поместил его туда?'* информанты заменяли модель «*X has Y*» на конструкцию «*there is Y*»: *What's all this about? There's a sick man in my tent. Who put him there?*

Итак, основным компонентом значения глагола *have*, так же как и русских моделей «*У X-a (есть) Y*» и «*X имеет Y*», является пространственный признак. В большинстве условий своего употребления этот глагол несет информацию о наличии *Y*-а или о том, какой именно *Y* находится в описываемом пространстве.

Одна из важных особенностей глагола *have* по сравнению с соответствующими русскими единицами, заключается в том, что в предложениях с этим глаголом указание на пространство может также принадлежать реме. Существуют и другие различия, часть из которых была отмечена выше.

Итак, пространственный признак объединяет глагол *have* с конструкцией «*there is Y*». В значении глагола *have* этот признак соединяется с информацией о посессивных отношениях: глагол *have* при сохранении лексического значе-

ния всегда показывает, что либо Y, либо пространство S, в которое входит Y, находится в посессивном отношении к X-у. Чаще всего и Y, и S связаны с X-ом данным отношением. Если характеристика посессивности относится только к Y-у или только к S, то глагол *have* выбирается для передачи информации либо о том, что нахождение Y-а в S определяется волей X-а, либо о том, что наличие Y-а у X-а непосредственно его затрагивает X (изменяет его каким-то образом, составляет его характеристику, как-то угрожает X-у).

Конструкция «*there is Y*» также может передавать информацию о нахождении Y-а в пространстве, связанном посессивным отношением с X-ом, но при этом не сообщается ни о том, что наличие Y-а у X-а как-то непосредственно затрагивает X, ни о том, что нахождение Y-а определяется волей X-а.

2.3. Производные модели с глаголом *have*

Остановимся еще на одной особенности английского языка, которая заключается в гораздо большей широте сочетаемости глагола *to have* с отглагольными существительными, а также с причастием II в рамках модели «*to have N Part. II*». Вероятно, продуктивность моделей «*to have N_v*» (где *N_v* — отглагольное имя) и «*to have N Part. II*» обусловлена двумя главными причинами. Одной из них служит аналитический характер английского языка: хотя данные модели не представляют собой аналитические формы в собственном смысле этого слова, они все-таки в известной степени приближаются к ним. Другая причина связана с потребностью восполнения специальных средств, предназначенных для представления действия в его «целостности», т. е. коррелирующих со значением совершенного вида в русском языке. В англистике данным моделям посвящено большое количество работ см., например: [Григалюнене 1986: 47—55, 100—112]. В основном рассматриваются следующие вопросы: 1) обладают ли эти модели некоторым общим значением, объединяющим все частные словосочетания, построенные по данным моделям; 2) можно ли считать их семантику широкозначной или их можно скорее отнести к особой категории многозначных; 3) какова степень грамматикализации рассматриваемых моделей (в частности, сохраняет ли глагол *to have* лексическое значение, может ли он быть отнесен к связкам, входят ли данные модели в поле аспектуальности); 4) распадаются ли данные модели на особые подтипы. По каждому из этих вопросов существуют различные точки зрения. Мы приводили аргументы в пользу того, что модель «*to have N_v*» не только сама выражает некоторое общее значение, но и что это значение подводится под еще более общее: является вариантом значения посессивности (гл. I, п. 2). Такая трактовка модели «*to have N_v*» близка к ее описанию, предложенному Н. Н. Амосовой [1963: 117].

Сохранение, хотя и в ослабленной форме, признака посессивности⁷ не означает, однако, что рассматриваемые модели имеют одно и то же значение. В лингвистической литературе уже давно обращалось внимание на то, что некоторые предикативные выражения, построенные по модели «*to have N_v*», могут употребляться в форме Continuous, а другие — нет. Отмечалось также, что сочетания, подобные *to have a walk*, развивают особое лексическое значение, соответствующее русскому *иметь прогулку* [Амосова 1963: 117]. В работе И. Григалионене [1986: 65—88] показано, что возникновение особого лексического значения присуще большому числу предикативных выражений. Это значение формулируется так: указание на некоторый комплекс действий, состоящий из центрального элемента, обозначенного отглагольным существительным, и действий, сопутствующих ему, таким образом, что в целом они характеризуются как некоторый вид времяпрепровождения.

И. Григалионене установила, что существует корреляция между данным значением и способностью употребляться в форме Continuous, а также — при Indefinite form — сочетаться с временными выражениями типа: *from 5 till 7*. В русском языке сочетание отглагольного имени с глаголом *иметь* или с другими глаголами также по крайней мере часто обозначает комплекс действий, связанных с центральным событием. Так, *сделать перекур* — это не только курить, но и иметь перерыв в работе, отдохнуть. В отличие от английского число таких сочетаний с глаголом *иметь*, по-видимому, не очень велико, и сама модель менее продуктивна (реже образуются окказиональные сочетания). Кроме того, модель «*иметь + N_v*» обнаруживает больше грамматических ограничений. Так, она не может обозначать действие в момент его развития, что свидетельствует о меньшей размытости признака посессивности. Например, нельзя сказать: *Когда вы мне позвонили, я имел разговор с Иваном Сергеевичем* [Селиверстова 1975: 56]. Кроме того, данная модель стилистически маркирована.

Как показано у Григалионене [1986], другая группа сочетаний, построенных по модели «*to have N_v*», не имеет «регулярных» лексических отличий от соответствующих глаголов, но характеризуется рядом грамматических особенностей, которые позволяют включить эти словосочетания в поле аспектуальности — они представляют действие в его «целостности», что, в свою очередь, связано с отвлечением действия от времени его протекания и как бы стягиванием его в точку. Эта точка не может занимать ни точку, ни отрезок на оси времени. Его продолжительность может измеряться только суммой временных точек, не представленных в порядке их следования. Так, нельзя сказать: *When I opened the door of the bathroom *he had a shave; *he had a shave for ten minutes.*

⁷ О выводимости общего значения модели «*to have N_v*» пишет и А. Вижбицка [Wierzbicka 1982]. Однако она не связывает, по крайней мере в явной форме, это значение с понятием посессивности.

Вместе с тем модель «*to have N_v*» не становится показателем аспектуальности в чистом виде. Как указывалось, в значении этой модели сохраняется признак посессивности. Кроме того, у отдельных словосочетаний выделяются и дополнительные лексические различия по сравнению с соответствующими глаголами. Так, словосочетание *to have a read of smth.* Указывает на «неполноту» действия и приблизительно соответствует русскому глаголу *просмотреть* (газету, статью).

Словосочетания второго типа, образованные по модели «*to have N_v*», не имеют корреляций в русском языке. Русский глагол *иметь* не может также использоваться для образования конструкции, соответствующих английской модели «*to have N Part. II*».

Таким образом, одна из особенностей *to have* по сравнению с *иметь*, а также *быть* в посессивных моделях заключается в том, что английский глагол допускает бóльшую степень грамматикализации. Это выражается не только в том, что он может переходить в разряд вспомогательных глаголов и использоваться для образования перфектных форм, но и в том, что даже сохраняя признак посессивности, может получать аспектуальное значение и служить для образования особых синтаксических моделей.

При сопоставлении русского и английского языков нельзя не учитывать еще одну особенность, которая неоднократно отмечалась в лингвистической литературе и послужила даже основанием для классификации языков: языки группы «быть» и группы «иметь». В русском языке значение посессивности часто, как известно, выражается с помощью глагола *быть*.

Однако, как видно из приведенного материала, данное формальное различие не приводит к существенным семантическим расхождениям. Вероятно, с ним можно связать только некоторые особенности, а именно: способность глагола *have* иметь «активный» субъект, бóльшее число синтаксических валентностей, что в свою очередь влияет на возможность создания производных моделей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В гл. IV рассмотрена реализация пространственного значения английских экзистенциальных и экзистенциально-посессивных моделей в разных условиях употребления.

Показаны различия между русскими и английскими экзистенциальными и посессивно-экзистенциальными моделями.

Большая часть этих различий связана с тем, что значение языковых единиц не полностью предопределяет их денотативную отнесенность вследствие того, что объективные свойства **протоситуаций** часто допускают разное осмысление.

Такое различие в осмыслении протоситуаций и определяет частично несовпадение в употреблении английских и русских анализируемых моделей.

Вторую группу различий в функционировании этих моделей можно, вероятно, объяснить одной из двух причин или, чаще, их взаимодействием: с одной стороны, общей тенденцией английского языка в отличие от русского к аналитизму, с другой стороны, выраженностью/невыраженностью того или иного семантического понятия другими языковыми средствами. Так, широкое распространение сочетаний типа *have a look* (*cough*, *a kiss* и т. д.) может быть обусловлено отсутствием других средств для выражения аспектуальных значений, близких к видовым противопоставлениям славянских языков, а также тем, что, хотя данные сочетания не представляют собой аналитических форм, они по ряду признаков приближаются к ним. Третья группа различий обусловлена несовпадением в характеристиках отдельных языковых единиц или классов языковых единиц, которые заполняют позиции в анализируемых моделях (так, широкое распространение синтагм с вторичными предикатами в английском языке проявляется и в особенностях употребления анализируемых моделей; были также отмечены несовпадения в функционировании отглагольных существительных и различия в использовании инфинитива).

Четвертая группа различий связана с несовпадением в дополнительных признаках, которые наряду с признаками пространственности и посессивности входят в значение анализируемых моделей. Так, было показано, что глагол *have* в определенных условиях употребления может указывать на активную роль субъекта в установлении посессивного отношения. При реализации этой информации предложения с глаголом *have* могут иметь коммуникативную перспективу, обычно не свойственную экзистенциально-посессивным предложениям; они могут сообщать не о наличии Y-а (или о том, какой именно Y у X-а), а о том, где именно или в каком положении, состоянии находится тот Y, который есть у X-а.

Отмечается, что английский глагол *to have* допускает большую степень грамматикализации (даже при сохранении признака посессивности он может включаться в поле аспектуальности, а также играть большую роль в создании особых синтаксических моделей).

Рассмотрены различные способы перевода экзистенциальных и экзистенциально-посессивных предложений с русского языка на английский.

Уточнен характер соотношения между моделями «*there is Y*» и «*X has Y*». Показано, что в большинстве условий употребления в значении модели «*X has Y*» посессивный признак представлен дважды: он характеризует и то пространство, в которое входит Y, и сам Y. Кроме центральных отношений посессивности, выделяются и периферийные. Так, в определенных условиях (они отмечены в работе) направленное на X действие может быть представлено как принадле-

жащее сфере его посессивности. В сферу посессивности X-а может входить и событие, имеющее не только предикат, но и «свой» субъект, а также некоторое положение дел.

Модель «*X has 7*» необязательно сообщает о вхождении Y-а в пространство, связанное посессивным отношением с X-м, если Y — обладаемое X-а и сообщается, что нахождение Y-а в пространстве S определяется действием или волеизъявлением X-а.

Конструкция «*there is 7*» может употребляться, если либо Y, либо X находится в посессивном отношении к X-у, но она не используется, если говорящий хочет сообщить, что и Y, и S связаны с X-м так, как было указано для модели «*X has 7*».

Глава V

КОНСТРУКЦИЯ «*THERE IS Y (LOC)*»

И НЕЛОКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ «*Y V (LOC)*»

В ИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИИ

В английском языке схема «*Y V (Loc)*» может выражать не только локативное значение, т. е. сообщать, где именно (в каком пространстве) находится *Y*, но и передавать различные нелокативные значения, в частности, вводить «неизвестный» *Y*. В данной главе мы попытаемся установить эти «другие» значения модели «*Y V (Loc)*» и показать их соотношение со значением конструкции «*there is Y (Loc)*», которые не учитывались в процессе предшествующего рассмотрения.

Введение этих признаков позволит нам дополнить определение (гл. IV) значения экзистенциальности в английском языке и, в частности, показать, что значение экзистенциальных моделей (E_{X_2}) не сводится к «перевернутому» значению локативности (перестановка местами темы и ремы). Введенные признаки будут использованы для объяснения различных запретов на употребление конструкции «*there is Y*» (неупотребляемость, кроме некоторых особых случаев, имен с показателем определенности, местоимений типа *everyone*, а также *some of* и др.).

В общем плане материал, приведенный в гл. V, может служить иллюстрацией тезиса, что тема-рематическое деление в том смысле, в каком оно было определено в данной работе, не совпадает с расчленением содержащейся информации на известную и новую. Рассматривается также вопрос о взаимодействии этих двух делений и устанавливаются функции тема-рематического членения.

Кроме того, результаты проведенного анализа используются для конкретизации представления о роли системных и, в частности, оппозиционных связей в построении языка.

1. ПРИЗНАК «ВКЛЮЧЕННОСТЬ Y-а В ПРОСТРАНСТВО В КАЧЕСТВЕ ЕГО СОСТАВНОЙ ЧАСТИ»

В трансформационных грамматиках, см.: [Jenkins 1975], предложения типа *A man is in the garden* или, чаще, структуры, которые лежат в их основе, рассматривались как ядерные по отношению к предложениям с конструкцией «*there is* 7». Вероятно, вследствие этого вопрос о семантическом различии между рассматриваемыми типами предложений не был в центре внимания лингвистов, что и отразилось в грамматиках английского языка. Так, в Универсальной грамматике [Quirk 1979] отмечается, что: 1) подлежащее в английском языке тематично и, следовательно, должно обозначать что-то известное; 2) эта характеристика подлежащего не согласуется с постановкой в данной позиции имени с неопределенным артиклем, что и делает такие предложения, как *A book is in the cupboard*, странными, неестественными (§ 14, 19). Причины нормативности таких предложений, как *Was anyone around?* 'Был ли кто-нибудь поблизости?' *A girl is putting a kettle on* 'Девочка ставит чайник', в грамматике не указываются. Утверждается только, что они эквивалентны предложениям с конструкцией «*there to be*»: *Was anyone around? — Was there any one around?*

В последнее время, однако, и в рамках трансформационной грамматики появляются работы, в которых обращается внимание на семантическое различие между предложениями типа *Somebody is in the garden* и *There's somebody in the garden* (см. об этом: [Jenkins 1975; Lumsden 1988]). Исходя из представления о семантическом различии данных моделей, Г. Милзак предложил построить трансформационное правило введения *there*, образующее и семантически неправильные предложения, а затем применить к этим предложениям правило семантической интерпретации, которое позволило бы отбросить неправильные предложения [Milsark 1977]. Оставляя в стороне вопрос, является ли модель с конструкцией «*there is Y*» трансформой, остановимся на предложенном правиле семантической интерпретации. Это правило читается так: «*there Aux (have-en) be NP X*», интерпретируется: 'класс *S*, обозначенный именной группой *NP*, имеет по крайней мере один член с такой, что *P(c)* истинно, где *P* — предикат и *P* — значение (прочтение *X-a*)', цит. по: [Jenkins 1975: 84]. В соответствии с этим правилом предложение *There are cows on the cobblestones* толкуется приблизительно так: 'класс коров имеет по крайней мере один такой член *s*, что *s* находится на мостовой'. Данное правило, как

мы полагаем, нарушает линейную последовательность информации, закрепленной за конструкцией «*there is Y*», ставя класс в качестве исходной точки сообщения. И поверхностной структуре, и интуитивному восприятию более соответствует традиционная трактовка значения модели «*there is Y*» как информации о наличии *Y*-а в *S*. Эта трактовка при отдельных различиях принята большинством лингвистов, и ее предпочтительность по сравнению с интерпретацией Г. Милзака можно легко показать. Возможно, однако, что Г. Милзак рассматривает предлагаемую им интерпретацию как предварительный этап, после которого должны применяться правила, связанные с построением коммуникативной перспективы высказывания. Во всяком случае, рассматривая вопрос об использовании детерминативов в экзистенциальных предложениях, он учитывает в интерпретации примеров и коммуникативную перспективу, хотя акцентирует внимание на различии в типах детерминативов. Остановимся на этом вопросе.

Г. Милзак разбивает различные детерминативы английского языка (под детерминативами понимаются артикли, местоимения *some, any, each, all, every* показатели множественного числа, числительные) на две группы. Первую группу составляют детерминативы, выражающие чисто количественную (числовую) характеристику. Сюда Милзак относит неопределенный артикль, числительные, а также *any, some, many* в тех случаях, когда они употребляются для передачи указанной информации. Вторую группу составляют детерминативы, определяемые как квантификаторы. В эту группу включаются показатель определенности¹, детерминатив множественного числа в универсальном прочтении и местоимения *all, every, each, some of, some (v. s. others), many (v. s. others), most*. Разница в значении между чисто количественными (числовыми) детерминативами и квантификаторами поясняется через сопоставление следующих примеров: (1) *Sm unicorns appeared on the horizon (sm—символизирует чисто количественное some)* и (2) *Some (of the) unicorns appeared on the horizon*. Предлагается следующее толкование значения (2): 'Если мы думаем, что выражение такое, как *unicorns* (единороги), обозначает класс или множество, и если мы далее думаем о *appeared on the horizon* (появились на горизонте) как о предикате по отношению к некоторым из членом множества, мы рассматриваем единицу *some (of the)* как оператор, действие которого распространяется на множество и функция которого заключается в том, чтобы отобрать некоторое количество членов множества, по отношению к которым справедлива предикация [Milsark 1977: 22]. Напротив, предложение (1) представляет собой сообщение «о горизонте, а не о каких-то определенных единорогах, и говорит о том, что акт появления извес-

¹ Выражение «имя с показателем определенности» мы условно относим и к имени с определенным артиклем, и к имени собственному, и к местоимениям типа *he, she* и т. д.

тен, и что в этом акте участвовало неопределенное количество единорогов' [там же: 22]. По мнению Милзака, в этом последнем предложении *sm* не является оператором над множеством, показывающим, какую часть составляют те члены, по отношению к которым справедлива предикация.

Проведенное деление на кванторные и чисто количественные («числовые») квантификаторы позволяет Г. Милзаку объединить различные запреты на употребление детерминаторов в конструкции *«there is Y»*: в этой конструкции употребляются только числовые (количественные) детерминаторы, но не кванторные операторы, что, в свою очередь, связано с тем, что в данной конструкции в качестве темы сообщения выступает описываемое пространство.

Нам представляется важным свидетельство Г. Милзака о том, что предложения с некванторным *some* могут быть ориентированы на пространство. Интересно и само различие между кванторными и некванторными показателями, хотя, как мы попытаемся показать, оно может быть интерпретировано несколько иначе. Так, вряд ли оправданно приравнивать определенный артикль к квантору всеобщности. Такая интерпретация всех случаев употребления этого артикля и вообще имен с показателем определенности представляется далеко не очевидной и, скорее, противоречащей интуитивному восприятию. Например, предложение *John is in the garden* вряд ли воспринимается как сообщающее, что количество участников ситуации равно общему количеству членов совокупности, причем это количество равно одному. Скорее всего, имя собственное не характеризует свой денотат как член класса. Далее, в гипотезе Г. Милзака, неопределенный артикль рассматривается прежде всего как показатель числа. Однако вторая функция, которую выполняет неопределенный артикль, или, как мы бы сказали, второй компонент его значения: указание на то, что именно группа представляет актанта ситуации как член класса, не позволяет, как нам представляется, считать его просто числовым детерминатором и ставит его в прямую оппозицию с определенным артиклем, который показывает, что именная группа дает актantu ситуации индивидуализирующую характеристику (вообще или в рамках учитываемой говорящим ситуации)². Таким образом, мы полагаем, что рассматриваемые единицы не всегда подво-

² В лингвистической литературе до настоящего времени даются разные определения значения и/или функции определенного артикля (см. обзор литературы: [Krůnský 1972; Christophersen 1939; Burton-Roberts 1976; Hawkins 1981]). Нам, однако, представляется, что толкование определенного артикля как показателя того, что именная группа дает индивидуализирующую характеристику, достаточно точно отражает его значение, если иметь в виду, что именная группа может быть представлена в эллиптической форме (как в предложениях типа *the author is unknown*) и что характеристика может становиться индивидуализирующей в рамках некоторой ограниченной ситуации, учитываемой в акте общения.

дятся под противопоставление «кванторные/числовые». Кроме того, как неоднократно отмечалось, имя с показателем определенности, и даже такие местоимения, как *everything*, могут при некоторых условиях употребляться в конструкции «*there is Y*». Все это дает основание для поиска новых гипотез относительно характера признака, определяющего возможность/невозможность для детерминатива употребляться в исследуемой конструкции.

Такая гипотеза рассмотрена в гл. IV. Более полно ее можно сформулировать так: для выбора модели «*there to be*» необходимо, чтобы *Y* либо был представлен как член некоторого класса, отличного от того пространства, о нахождении в котором идет речь, либо был представлен как элемент этого пространства, причем в качестве пространства здесь может выступать и множество, и класс, и ситуация. Таким образом, предполагается, что модель «*there to be*» сообщает не только о наличии *Y*-а, но и требует представления *Y*-а как элемента какого-то класса или множества или ситуации. Вследствие характера информативной структуры отнесенность к классу или множеству входит здесь в состав утверждаемого, т. е. сообщается о включенности, принадлежности к данному классу, множеству, ситуации. В отличие от этого в модели «*YV Loc*» в случаях, когда порядок слов соответствует коммуникативной перспективе и *Y* представлен как член класса или множества, отнесенность к этому классу или множеству выступает как заданная, данная и, таким образом, последующая характеристика *Y*-а через предикат выполняет функцию выделения *Y*-а из множества, класса [Селиверстова 1977]. Этим и можно объяснить ограничения в употреблении кванторов типа *some of* в экзистенциальной модели, что было показано Милзаком. Однако здесь нельзя говорить о полном запрете на употребление. Использование слов, которые Милзак называет кванторными, становится возможным, если денотаты соответствующих именных групп рассматриваются как элементы каких-то более широких множеств или ситуаций. В гл. IV приведены примеры употребления в модели «*there to be*» имен собственных и именных групп с определенным артиклем, денотаты которых были представлены как элементы множеств или как составные части ситуаций. Рассмотрим еще некоторые примеры: «*Besides, it's Dad I'm really thinking about*».—«*Yes, there's Dad*» (J. Priestley) '«Кроме того, я думаю об отце».—«Да, нельзя не думать об отце»' (отец входит в число тех, кого необходимо учитывать в сложившейся ситуации); *Then there was the war. Toby got the V. C. in the Dardanelles and turned respectable* (Waugh) 'Затем наступила война. Тоби получил орден Святой Виктории за участие в военных действиях в Дарданеллах и превратился в уважаемого человека' (в тексте перечисляются события, оказавшие влияние на судьбу героя); *There is this nasty fussiness with the government* 'А тут еще эта шумиха в связи с правительством' (в зависимости от контекста здесь допустимы разные переводы).

Судя по материалу, употребление собственно кванторных выражений также становится возможным, если в качестве пространства выступает не то множество, по отношению к которому эти выражения выполняют свою «кванторную» функцию, а какое-то более широкое пространство, в которое денотат именной группы входит в качестве элемента. Так, предложение *There was everyone asleep* (пример взят из: [Erdmann 1976]), как показал опрос информантов (3 человека), соответствует норме, если тот факт, что все присутствующие спали, рассматривается как часть какой-то более общей ситуации. Подобным образом можно интерпретировать и предложение *There are several of his friends in China* (пример из кн.: [Quirk 1979: 421]. «Нахождение» друзей в Китае — элемент более широкой ситуации, например, ситуации, связанной с возможным переездом в Китай³.

Кроме того, употребление именных групп с показателем определенности соответствует норме в тех контекстах, где значение определенности может соединиться с неиндивидуализированным представлением актанта ситуации, а именно с представлением его как одного из членов класса⁴. Случаи подобного типа рассматривались в работах [Есперсен 1958: 155; Bolinger 1977, ch. V, § 5]:

In Brown's room there was the greatest disorder 'В комнате Брауна был страшный беспорядок'.

The waters had healed me and there was the taste of potatoes in my mouth (Golding) 'Воды помогли мне, и теперь я опять чувствовал вкус картофеля' (букв.) 'Во рту был вкус картофеля'.

В связи с этими случаями употребления определенного артикля Д. Болинджер считает необходимым различать семантическую определенность (известность) и грамматическую определенность. Так как в нашей работе термины «грамматический» и «семантический» не противостоят друг другу, мы говорим о двух семантических значениях определенности: во втором из них объект отнесен к подклассу, противопоставленному другим подклассам.

Вероятно, информация о включенности в класс реализуется и в следующих выделенных Д. Болинджером случаях:

1) *Behold! There stands before you Christ! 'Смотри! Перед тобой стоит Христос'; 2) Behold! There stands before you the Son of God! 'Смотри! Перед тобой стоит Сын Божий!'; 3) [?]Behold! There stands before you the king! 'Смотри! Перед тобой стоит король!'; 4) Behold! There stands before you the king himself! 'Смотри! Перед тобой стоит сам король!'

Д. Болинджер объясняет правильность второго и четвертого предложения скрытой предикацией: 'Тот, кто стоял, был сам король'. Возможно, однако,

³ Сделанные утверждения, однако, требуют более полной проверки.

⁴ Подчеркнем, что члены класса в отличие от элементов множеств других типов не могут быть представлены индивидуализированно.

здесь предполагается и первоначальная идентификация Y-а как члена класса: 'Перед тобой стоит человек, который и есть король'.

Отнесенность к классу может служить и причиной употребления квантовых выражений в конструкции «*there to be*». Так, предложение *There was everything in the box* 'Чего только не было в коробке' можно интерпретировать как сообщение о том, что находящиеся в коробке вещи относились к самым разнообразным классам предметов.

Иногда утверждается, что кванторные слова не употребляются и с глаголом *exist* [Moore 1959: 117]. Так, нельзя сказать: **All tame tigers exist* 'Все ручные тигры существуют'. Представляется, однако, что здесь имеет место прагматический, а не семантический запрет. Цель высказываний, подобных приведенному, заключается в том, чтобы сообщить, может ли в принципе класс объектов с таким-то набором свойств иметь данный предикативный признак, т. е. в фокусе внимания класс как целое. Если же утверждение о существовании имеет смысл и в отношении отдельных членов, глагол *exist* употребляется со словом *all*. Так, можно сказать: *All the members of this group existed*. Ср. рус.: *Все члены этой группы действительно существовали*. См. также: *Некоторые члены этой группы действительно существовали, а остальные придуманы*.

Таким образом, отмеченная особенность присуща именно конструкции «*there is Y*», а не экзистенциальным предложениям вообще.

Итак, рассмотренные данные свидетельствуют в пользу того, что конструкция «*there is Y*» сообщает о наличии Y-а в таком пространстве, частью которого он является, т. е. чаще всего, в пространстве класса, множества. Если не будут найдены какие-то условия, которые влияют на выбор конструкции «*there is Y*» независимо от выделенного признака, то можно утверждать, что случаи неупотребляемости имени с показателем определенности в конструкции «*there is Y*» зависят от признака «включения/невключения» Y-а в множество, класс или в какой-то другой тип пространства в качестве его части.

Исключение составляет только употребление в конструкции «*there is Y*» местоимений *somebody* (-one), *somehthg*; *anybody* (-one), *anything* — в негеперативном значении.

В главе III было показано, что модели со словом *есть* в русском языке также, как правило, несут информацию не только о наличии Y-а, но и о включенности его в множество. Таким образом, как уже указывалось выше, обнаруживается глубинное сходство между английской конструкцией «*there is Y*» и русскими моделями со словом *есть*. Различие, однако, заключается в том, что в русском языке речь идет о включении не в класс, а в множество, которое «запрограммировано быть» в описываемом пространстве. Распространение данного признака на класс, возможно, обусловлено тем, что в английском языке в связи с наличием артиклей более четко выступает идея принадлежно-

сти к классу. Включенность в класс, в множество в свою очередь, по-видимому, является проявлением более общего признака, предполагающего более глубокую, чем простое нахождение, связь объекта с пространством. Это также сближает конструкцию «*there is Y*» с русской моделью «*Лос есть Y*».

2. ФАКТОР ВРЕМЕНИ В ЗНАЧЕНИИ КОНСТРУКЦИИ «*THERE TO BE*»

Характер временной отнесенности предложений с *there* в большой степени зависит от типа описываемого пространства и, таким образом, не полностью совпадает, а иногда и сильно различается при реализации разных вариантов этих предложений.

Модель «*There is Y + Part I*» (*Part I*—причастие первое, выступающее в роли вторичного предиката) сообщает о наличии-протекании события в некоторый момент его обнаружения говорящим или тем или иным персонажем художественного произведения. Наличие события в описываемом пространстве может также рассматриваться в рамках того временного момента, который определяется осуществлением другого события. В пользу сделанного утверждения говорит то, что данная модель не употребляется для описания действия в его продолжительности [Арипшева 1983: 86]. Можно сказать: *There was a girl standing at the corner for ten minutes* ' *На углу стояла девушка десять минут'. Сделанное утверждение подтверждается и следующими ответами информантов: сопоставляя предложения *Did you know there was somebody standing at the corner?* 'Ты заметил, что на углу кто-то стоял?'; *Did you know somebody was standing at the corner?* 'Ты заметил, что кто-то стоял на углу?'; трое опрошенных отметили, что первое предложение более четко «привязано» к моменту обнаружения события (русский перевод не передает этой особенности английских предложений). Далее, предложения, построенные по модели с *there*, не получают обобщенную интерпретацию. Их денотат может быть представлен лишь как простая сумма отдельных случаев. Обозначаемое событие не может быть рассмотрено и с позиций той временной точки, когда оно уже завершено (или будет завершено). Событие всегда описывается во время его протекания⁵. Вследствие этого модель с *there* не может быть поставлена в такой контекст: *She gave a startled cry. «What's the matter?» he asked. «Someone just tried the door» (Maugham)* 'Она испуганно вскрикнула. «Что случилось?»—спросил он. «Кто-то попытался от-

⁵ Здесь имеется в виду не соотнесение события с моментом речи, а выбор точки в рамках настоящего, прошлого или будущего, с позиции которой представлено событие (о двух временных точках, учитываемых при описании события, см.: [Падучева, 1986]).

крыть дверь»'. Нельзя сказать **There was someone trying the door*, или даже при замене глагола **There was someone standing at the door*, если говорящий не описывает момент, когда он увидел (осознал) осуществление события, а сообщает о нем как о завершившемся факте (говорящего волнуют последствия случившегося). Предикат анализируемой модели не может стоять и в перфектной форме, независимо от того, используется ли она для акцентирования внимания на результате или на том, что действие началось в какой-то момент времени и продолжается до настоящего (**There has been a girl standing at the corner for half an hour*).

Другой тип временной соотнесенности реализуется в предложениях, в которых в функции пространства выступает класс, система, множество и т. п.: *There are those who believe it* 'Есть такие люди, которые этому верят'. Эти предложения, не описывая протекания во времени, могут относиться и к какому-то определенному периоду, например, «сейчас, в наше время», и ко всему периоду существования человечества. Напротив, если речь идет о «присутствии» где-то, то высказывание не получает обобщенного характера (п. 2.2).

Общей чертой почти всех анализируемых предложений является неупотребляемость в перфектной форме и неспособность сочетаться с временными выражениями, вводимыми предлогами *for*, *from... till*. Так, нельзя сказать: *There was a man in the garden for two hours* 'В саду был человек в течение двух часов'. Однако есть исключения. Так, глагол *be*, в перфектной форме, может указывать на продолжительность событий при отглагольных существительных: *There has been rioting in Belfast* (пример взят из: [Walter 1974]) 'В Белфасте были волнения последнее время'; *There has been a lot of building here lately* 'В последнее время здесь много строят'.

В работе Г. Милзака [Milsark 1976] показано, что в конструкции с *there* в постпозиции после имени могут выступать предикаты, обозначающие состояния (*sick*, *drunk*, *closed/opened* и т. д.), а не предикаты, обозначающие свойства (*tall*, *intelligent/stupid*, *fat/skinny* и т. д.). Например: *(After the banquet) there were several people sick* 'После банкета несколько человек заболело', но нельзя: *There are linguists intelligent* '*Есть лингвисты умными'. Это ограничение в употреблении Г. Милзак связывает с тем, что предикаты со значением свойства могут относиться только к именованным группам с «сильным» детерминативом (т. е. с детерминативом, указывающим на отношение подобности). Так, он оценивает как неправильные предложения типа *A man is intelligent* 'Человек умен', *People were clever in those days* 'Люди были тогда умны', если имя не получает генеративного прочтения. Таким образом, нетрансформируемость предложений типа *Linguists are intelligent* в *There are linguists intelligent* объясняется, как считает Милзак, общим правилом, в соответствии с которым трансформацию не допускают предложения с квантификаторами. В п. 1.1 мы уже говорили о том, что есть условия, при которых употребление кванторных слов в конструкции «*there to be*» вполне законо-

мерно. Таким образом, даже если рассматривать предложения с *there* как трансформы, что само по себе представляется маловероятным, предложенное правило нельзя считать общим, что заставляет искать возможность и других объяснений наблюдаемого явления. Одно из таких объяснений было предложено М. Ламсденом [Lumsden 1988], который использовал понятие стадии существования объекта для толкования рассматриваемого запрета. По его мнению, при предикате состояния характеризуемый этим состоянием объект представлен в одной из стадий своего существования. Напротив, свойство относится не к стадии существования объекта, а к объекту как целому. Нам представляется, что можно предложить более простое объяснение, учитывающее только свойства самих предикатов. В функции вторичного предиката в английском языке вообще не употребляются предикаты свойства⁶. Можно сказать: *I saw a girl running along the road* 'Я видел, что девочка бежала по дороге', но не: **I saw a girl tall* '*Я видел девочку высокой'. Вероятно, это объясняется тем, что предикат свойства не представляет свой денотат ни как длящийся, развивающийся во времени, ни как результат такого развития (гл. I, п. 3), т. е. не имеет признаков, присущих вторичному предикату в английском языке. Кроме того, вторичный предикат обязательно требует, чтобы время протекания, на которое он указывает, совпадало бы с временной характеристикой основного предиката. Свойства же обычно относятся к более широкому периоду времени, на что также обращали внимание Милзак и Ламсен. Указанные две причины и объясняют как представляется, неправильность предложений типа *There were men tall on the shore* '*На берегу были мужчины высокими', а также *There were men short in the XVI century* 'В XVI веке были мужчины невысокими'. Последнее предложение удовлетворяет принципу временного соответствия, но нарушает первое из перечисленных условий.

Предложения типа *There were men tall enough to play basketball* 'Там были мужчины достаточно высокие для того, чтобы играть в баскетбол', отмеченные Милзаком, не составляют исключения, так как здесь слово *tall* входит в состав определительной группы. Своеобразие этих предложений заключается только в том, что в них возникают условия, позволяющие поставить определительную группу в постпозицию.

3. РАЗЛИЧИЯ В КОММУНИКАТИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Основное различие между моделями «*there V Y (Loc)*» и «*Y V Loc*», если в последней модели формальная структура соответствует семантической, заключается

⁶ В предложениях типа *The sun rose red* прилагательное рассматривается как приложение.

ся в том, что первая модель ориентирована на характеризацию группы «*there V*» (т. е., если ее рассматривать в семантическом плане, — на предикат наличия), а вторая — на *Y*. Локативная группа, не стоящая в препозиции, и в той и в другой модели выполняет функцию $X^{щеро}$ (о понятиях $X^{щес}$ и $X^{мое}$ см.: гл. II, п. 2).

Кроме того, способность модели «*Y V Loc*» выражать чисто локативное значение влияет иногда на построение ее информативной структуры в условиях, где соотношение «известного»/«нового» задано нечетко.

Эти различия связаны с другими более частными особенностями исследуемых моделей, которые и будут частично рассмотрены.

3.1. Представление о наличии потенциальных участников как условие выбора модели «*Y V(Loc)*»

Модель «*Y V(Loc)*» выбирается, если описываемое действие или нахождение кого-то где-то запланировано, ожидается и, следовательно, предполагается заранее известным наличие каких-то потенциальных субъектов ситуации [Селиверстова 1977]. Вероятно, это условие относится только к тем случаям, когда *Y* выражен неопределенным или отрицательным местоимением. Например, все опрошенные (6 человек) отмечали, что они употребили бы модель без конструкции с *there* в следующей ситуации: работающие в саду, среди прочих действий должны полить цветы. Фермер хочет узнать, выполняет ли кто-нибудь данное запланированное действие. Он говорит: *Go and see if anyone is watering the flowers*. Напротив, если говорящего просто почему-то интересует, осуществляется ли в данную минуту указанное действие (это действие не запланировано, или говорящий просто не думает о том, запланировано оно или нет), он выбирает конструкцию с *there*. См. также: *There was no one waiting* (говорящий просто сообщает о том, что он обнаруживает); *No one was waiting* (говорящий хочет сказать, что никто не выполнил данную функцию); *Was any one around?* (предполагается, что кто-то должен был быть, и выясняется, был ли он) и *Was there anyone around?* (было ли место пусто или нет?).

Данное различие в употреблении, установленное в результате варьирования денотативных ситуаций в процессе работы с носителями английского языка, согласуется и с собранным из художественной литературы материалом. Например: *John, Susan, Titty and Roger had been at the window with the parrot as the train came into the little station, thinking that their old Allies, Nancy and Peggy Blackett, would be at the platform to meet them... But no one had been there (A Ransome)* 'Джон, Сузан, Тити и Роджер вместе со своим попугаем стояли у окна, когда поезд подошел к их маленькой станции. Они думали, что их старые союзники Нэнси и Пегги Блэкинг придут их встречать, но там никого не было' (букв. 'но никого не было там').

Если описывается ожидаемое действие, которое должно произойти в некотором заданном пространстве, имеются две логические возможности построения высказывания: ориентировать предложение на пространство, поскольку оно известно, задано; ориентировать предложение на субъект, поскольку пресуппозиция об ожидаемости действия позволяет построить это предложение как ответ на вопрос, кто стал субъектом действия. В русском языке чаще используется первая возможность: *Поезд подошел к станции, но там никого не было*. В английском, напротив, предпочтение отдается второй возможности, как было показано. В предложениях типа *No one was there* новую информацию несет подлежащее, вместе с тем оно выступает как Осн. $X^{мог}$ предложения, а предикат и локативный член выполняют функцию $X^{ших}$

(No one was there).

Таким образом, приведенные примеры говорят о необходимости разграничивать известное и новое, с одной стороны, и отправную точку сообщения (характеризуемое) и характеризующее — с другой. Эти примеры показательны также как свидетельства многократности отношения характеристики. Для понимания специфики данных предложений существенно и то, что они не членимы на тему и рему в том смысле, в каком эти понятия были определены в данной работе (гл. II, п. 2.1). Здесь характеристика субъекта через данный предикативный признак не устанавливается в процессе речи, а берется как заданная (она известна из предшествующего контекста). Таким образом, предложение коммуникативно нечленимо. Оно выступает как сложное характеризующее по отношению к ролевой позиции субъекта ожидаемого действия, указание на которое содержится в лингвистическом или экстралингвистическом контексте.

Пресуппозиция об ожидаемости события относится к числу фактов, определяющих логические связи текста, которые, в свою очередь, влияют на выбор характеризуемого последующего текста. Для иллюстрации других случаев проявления влияния логических связей приведем только один пример. Предложение *Если у вас нет способностей, то никто вам не поможет* нельзя преобразовать в **...то нет никого, кто вам поможет*. Выбор экзистенциальной модели нарушает логическое построение текста, поскольку заставляет понять его как сообщение, что отсутствие способностей у адресата речи приводит к тому, что не существует человека с указанным свойством.

3.2. Роль фокуса контраста

Предложение может быть ориентировано на субъект при описании ситуаций, в которых важно акцентировать внимание на том, кто именно субъект

действия (имеется в виду идентификация до уровня индивида или до уровня класса), а не на самом наличии/отсутствии.

3.2.1. Акцентирование внимания на том, кто осуществил событие, может быть вызвано желанием говорящего противопоставить субъект действия какому-то другому потенциальному субъекту («контрастное парадигматическое выделение со значением X, а не Y» [Николаева 1979: 45]). Для материала, исследованного в данной главе, оказалось важным выделить следующий подтип противопоставления: акцентирование внимания на заполненности актантной позиции, причем именно не идентифицированным Y-м, Т. е. какой-то Y, но не обязательно тот самый Y. Например, один из информантов дал следующий контекст взаимозамены сопоставляемых нами моделей: «Is Mrs. Smith in?» — «I don't know but (a) somebody is in there или (б) but there's somebody in there». '«Дома миссис Смит?» — «Я не знаю, но кто-то там есть»'. Как показало дальнейшее исследование, ответ (а) означает, что говорящий хочет подчеркнуть, что он не может идентифицировать субъект ситуации (кто-то, но обязательно миссис Смит); ответ (б) показывает, что говорящий подчеркивает наличие в отличие от отсутствия. Подчеркнем, что в ответе (а) somebody совмещает в себе функции $X^{\text{мого}}$ по отношению к последующей части ответа и $X^{\text{шего}}$ по отношению к неявно введенной позиции субъекта ситуации 'находиться где-то': учет в построении речи этой позиции виден из ответа, в котором общается не только о миссис Смит, но о заполненности данной позиции тем или иным лицом. Именно выполнение функции $X^{\text{шего}}$ и позволяет somebody стоять в позиции парадигматического контраста. См. также: «Who's going to the races?» — «I don't know. But somebody is going there» '«Кто идет на скачки?» — «Я не знаю, но кто-то идет»' (здесь вообще нельзя сказать *But there is someboding going to the races).

3.2.2. Отметим еще одну особенность конструкции *<there to be>*, которая проявляется при употреблении в придаточном условном или временном, соотносимом с некоторым множеством случаев. При выборе в этих условиях модели *<Y I>*, где Y обозначен именем с неопределенным артиклем, предложение воспринимается, судя по ответам информантов (4 человека), как сообщающее об одном и том же Y-е. Например: If a woman is in one's thought all day one should not have to dream of her at night (G. Greene) 'Если женщина ни на минуту не выходит у тебя из головы весь день, то по крайней мере ночью она могла бы тебе не сниться'. Хотя предложение представлено в обобщенной форме вследствие употребления слова one, фактически оно относится к герою повествования и речь идет о любимой им женщине. Распространение данного утверждения на другие лица не снимает однозначного соответствия между актантами

ситуации (в мыслях каждого мужчины присутствует одна женщина, а не та или иная). Напротив, если употребляется конструкция «*there to be*», предложение показывает, что предмет мысли относится к классу женщин, но не предполагается, что это обязательно должна быть одна и та же женщина. На справедливость данной интерпретации указывает то, что все опрошенные предпочитали заменять местоимение *her* на *them* в приведенном примере: *If there is a woman in one's thought all day one should not have to dream of them at night* 'Если ты целый день думаешь о женщине' (букв. 'Если целый день в твоих мыслях женщина'), то по крайней мере ночью ты мог бы не видеть ее во сне'. В русском языке данное различие проявляется менее четко, как видно из переводов. Однако при постановке «нового» в последнюю позицию усиливается вероятность интерпретации предложения и как допускающей альтернативу (та или другая женщина), что особенно очевидно при буквальном переводе.

Рассмотрим еще пример: *He said this on every week day occasion when she tried to do something about her natural feeling that he at hand to do it (Amis)* 'Он повторял это каждый раз, когда в ней пробуждалось естественное женское чувство, говорившее ей, что мужчина не должен заниматься такими вещами, как например, приготовление чая, когда рядом есть женщина (та или иная женщина)'. Ср.: ...*when woman is at hand to do it* 'когда женщина рядом'.

Рассмотренное различие в восприятии можно объяснить прежде всего тем обстоятельством, что при выборе модели «*Y V*» *Y* (т. е. слово, обозначающее *Y*) не попадает в позицию контраста и, таким образом, не происходит противопоставления членов одного класса членам других классов (например, женщина, а не мужчина). Напротив, вследствие дальнейшей характеристики *Y*-а через предикат происходит выделение его из членов того класса, к которому он относится. В отличие от этого при постановке *Y*-а в последнюю позицию он оказывается в фокусе контраста и, таким образом, противопоставляется только членам других классов. Это и способствует возникновению представления, что учитывается лишь отнесенность к классу, а не выделение отдельного представителя класса.

Другие случаи употребления модели «*Y V (Loc)*», которые могут быть объяснены противопоставительной функцией этой модели, были отмечены Р. С. Арипшевой [1983] при исследовании модальных предложений. Сопоставим, например, предложения: а) *Is there anything else that I can tell you?* и б) *Can I tell you anything else?* Один из опрошенных дал следующую их интерпретацию: а) *Do you want any more information on the subject?* и б) *Is there any other subject you would like me to talk about?* Иными словами, в предложении (а) говорящий хочет установить наличие или отсутствие какой-то дополнительной информации, которая интересует слушателя по теме разговора; напротив, в предложении (б) говорящий противопоставляет новую тему сообщения предыдущей (что-то

другое в отличие от того, что говорилось до сих пор). Такое толкование подтвердилось и при опросе других информантов.

Противопоставительной функцией можно объяснить и особенность распределения моделей в подобных предложениях при *Y*-е, выраженном неопределенным местоимением с определением. Добавление местоимения в модели «*YV(Loc)*» противопоставляет Y_1 , обладающий свойством *A*, Y_2 , имеющему противоположное свойство. Так, например, в контексте: *He's got a bee in his bonnet about the man Kent, but who knows — there may be something useful behind it* 'Он настроен против этого Кента, но кто знает — может быть, в этом что-то есть' (букв. 'есть что-то полезное') всеми опрошенными (3 человека) отдавалось предпочтение конструкции «*there is*», хотя выбор модели «*Y V (Loc)*» также считался допустимым: *something useful may be behind it* (средний балл—3). Предложение без *there*, как мы полагаем, противопоставляет наличие чего-то полезного не его отсутствию, а наличию чего-то бесполезного (внесение такого акцента логически менее естественно в приведенном контексте, чем и можно объяснить оценку в три балла).

3.2.3. В лингвистической литературе обращается внимание на следующую особенность предложений, построенных с *there* и без него [Lunsden 1988: 39]: после глаголов пропозициональной установки предложения с *there* допускают только «непрозрачное» прочтение, т. е. квантор существования входит в область действия глагола пропозициональной установки. Напротив, в этих условиях, предложения, построенные по модели без *there*, допускают варьирование в области действия операторов. Ср.: *John thinks that someone is in the garden* 'Джон думает, что кто-то в саду' и *John thinks that there is someone in the garden* 'Джон думает, что в саду кто-то есть'. Первое предложение допускает две интерпретации: [(Существует *X*) *X*—человек, и Джон думает, что *X* в саду] и [Джон думает, что существует *X* (*X*—человек и *X*—в саду)]. Второе предложение, напротив, имеет только последнее прочтение.

Использование квантора существования в качестве метапонятия не представляется нам вполне удачным: он не полностью адекватен языковым значениям [Селиверстова 1988, гл. II, п. 3]. Квантор существования, в частности, не позволяет раскрыть различие между информацией о наличии в некотором пространстве (Ex_2) и о существовании в собственном смысле слова (Ex_1). Семантическую структуру предложений нам представляется более оправданным интерпретировать через введение «ролевых» позиций, связанных с синтаксической моделью, и указанием на их заполнение. Так, предложение *Кто-то в саду* сообщает о том, что субъект, который остается неидентифицированным, характеризуется как тот, кто находится в саду. Существование и сада, и того, кто в саду, предполагается как очевидное: чтобы находиться где-то, надо су-

ществовать. Тот факт, что ложность утверждения *Кто-то был в саду* необязательно означает ложность того, что «кто-то» выступил в роли субъекта, объясняется, как представляется тем, что и в несобственно локативных контекстах модель «*У V (Loc)*» не исключает локативного прочтения как одного из вариантов. Так, можно сказать: Я думала, что кто-то был в саду, а этот «кто-то» был в доме. Модель с конструкцией «*there to be*» не допускает такой альтернативы.

Остановимся на употреблении модели «*there is Yin S₁*» в тех случаях, когда *Y* представляет собой подмножество множества *M*, наличие которого предполагается в пространстве *S*, частью которого является *S₁*. В этих условиях модель с *there* не употребляется, если *Y* противопоставлен другим подмножествам *M* по месту своего нахождения. Такое противопоставление делает предметом сообщения все множество *M* в целом, в результате чего высказывание строится по локативной модели: 'где был кто'. Например, в предложении *While it was raining some of the passengers were on deck and others were in the cabins* 'Пока шел дождь, некоторые из пассажиров были на палубе, а другие оставались у себя в каютах' нельзя добавить конструкцию «*there is Y*». Напротив, при отсутствии противопоставления выбирается модель с *there*: *There was (were) a number of passengers on deck when it started raining* 'На палубе находилось несколько пассажиров, когда начался дождь'.

3.3. Экспрессивное значение модели «*YV (Loc)*»

3.3.1. Есть некоторые экспрессивные значения, которые связаны с выполнением функции $X^{мог}$. Мы рассмотрели эти значения только в условиях диалогической речи в высказываниях, цель которых — сообщить, что увидел, обнаружил говорящий в некотором месте *S₁* в момент *t₁*. К числу таких экспрессивных значений относится информация «странно, удивительно, что *Y* является субъектом описываемого действия». Так, например, информанты отметили (5 человек), что предложение *Did you know a woman was selling oranges at the Metro station* может быть понято как выражающее удивление говорящего по поводу того, что данное действие — продавать апельсины у метро — осуществляет женщина, и на этом основании отдавали предпочтение фразе *Did you know there was a woman selling oranges at the Metro station*.

Такое экспрессивное употребление обычно имеет место в опосредованной речи (момент речи и время осуществления события не совпадают) и, как правило, не распространяется на предложения, сообщающие о нахождении кого-то где-то, т. е. имеющие глагол *be* в качестве предиката. Так, предложение *?Did you know a black man was in the garden?* (предполагалось, что речь идет о месте, где не живут обычно негры) оценивалось как не вполне правильное и

предпочтение отдавалось фразе: *Did you know there was a black man in the garden?* Возможно, однако, модель «*7 is Loc*» может использоваться для выражения рассматриваемого экспрессивного значения при расширении локативной группы [Прозорова 1989: 93].

В условиях непосредственной речи (т. е. если момент речи и время осуществления события совпадают) модель «*7 V(Loc)*» обычно не употребляется. Предпочтение отдается модели с *there*. Экспрессивное значение при этом выражается интонацией: *Look! There's a black woman selling oranges at the station.* Употребление мн. ч. и особенно числительных при именной группе, по-видимому, расширяет возможности употребления модели «*Y V(Loc)*».

3.3.2. Модель «*7 V(Loc)*» может акцентировать внимание и на характере действия: 'важно, драматично', что имеет место данное действие. В первой позиции здесь часто стоят неопределенные местоимения, существительные во мн. ч. Например: *Somebody's running across the road* 'Кто-то перебегает дорогу'; *Children are playing in the car park* 'Дети играют на проезжей части'. Ср. также: *Look! Somebody's walking along the path* 'Смотри! Кто-то идет по дороге' (это, например, опасно для идущего или говорящего). Ср., напротив: *Look! There's somebody walking along the path* (констатация факта).

Однако объективная значимость для описываемой ситуации того, какое именно действие имеет место, необязательно исключает выбор модели с *there*. Эта модель в данных условиях может быть выбрана, если говорящий хочет подчеркнуть наличие события в отличие от его «отсутствия» (акцентирование внимания на наличии обычно обусловлено тем, что собеседник сомневается в том, что это событие имеет место, или не знает, что оно имеет место, хотя и должен был бы знать, т. е., скорее всего, делает вид, что не знает). Например: «*I don't hear anything*».—«*There's something moving outside*».—«*I still don't hear*» (Golding) '«Я ничего не слышу».—«Снаружи что-то двигается».—«И все же я ничего не слышу»'; *Move along the bus. There are more people trying to get on* 'Проходите. Еще не все сели' (букв. 'Есть и другие, пытающиеся войти').

Предпочтительность выбора модели «*Y V(Loc)*» при акцентировании внимания на информации о действии ('важно, драматично', что имеет место именно данное действие) можно объяснить тем, что здесь существенно охарактеризовать не пространство через осуществляемое в нем действие, а субъект через это действие, поскольку оно прежде всего затрагивает сам субъект.

Модель «*there is 7*» может также использоваться при акцентировании внимания на действии ('важно, драматично'). Эмфатическую функцию при этом выполняет интонация. Выбор конструкции с *there* может диктоваться дополнительными запретами на употребление модели «*7 V(Loc)*», в частности не-

которыми ограничениями, связанными с постановкой в первую позицию именной группы с неопределенным артиклем (точные условия действия этих ограничений в работе не устанавливались).

Только модель «*there V Y*» употребляется, если акцентируется внимание не на важности, значимости действия, а на том, что речь идет именно о таком действии, а не о каком-то другом, т. е. предложение служит возражением против явного или неявного утверждения о другой качественной характеристике действия.

3.4. Модель «*YV (Loc)*» в сложносочиненном предложении

Перечисленные условия употребления модели «*Y V (Loc)*» меняются, если предложение, построенное по этой модели, входит в состав сложного предложения, либо в группу простых или сложных предложений, используемых для описания одновременных или следующих друг за другом событий (поток событий).

3.4.1. Выбор модели «*7 V (Loc)*» становится возможным, даже в условиях непосредственной речи при неопределенной именной группе, если добавляется указание еще на одно действие, совершаемое тем же субъектом. При этом информация об эмфатическом выделении субъекта исчезает, но информация об эмфатическом выделении действия может сохраняться. Так, при сопоставлении предложений *Mummy! There's a woman walking along the path and she's behaving in a strange manner* и *Mummy! A woman's walking along the path and she's behaving in strange manner* 'Мама! По дороге идет какая-то женщина, которая как-то очень странно себя ведет' одна из опрошенных отметила, что второе предложение показывает, что говорящий заинтересован, с напряжением следит за действием, иными словами, придается какая-то значимость тому, что совершает X. Напротив, первое предложение чисто информативно: говорящий просто сообщает о том, что он видит (при нейтральной интонации).

Отметим, что рассмотренное условие не распространяется на предложения, в которых в функции предиката выступает глагол *be*, не имеющий при себе причастной группы. Например, предложение *?Look! A woman's on the roof and she wants to jump off* 'Посмотри! Женщина на крыше. Она хочет прыгнуть' не соответствует норме. Такое предложение было бы нормативным, если бы описывалась не реальная, а воображаемая ситуация. Так, можно сказать: *Look! A monkey is on a roof and it wants to get down. What does it have to do? 'Обезьяна на крыше и хочет спрыгнуть. Что она должна сделать?'* Ситуации, описываемые в данном типе речи, могут быть представлены либо как обобщения, не связанные с конкретным моментом времени, либо как воображаемые, но конкретные случаи, которые могли бы иметь место в какие-то оп-

ределенные моменты времени. При представлении ситуации как обобщения выбирается модель без слова there, так как здесь нет конкретной временной локализации (п. 2). При втором подходе к описанию используется конструкция «there is Y».

3.4.2. Рассмотрим употребление анализируемых моделей при описании потока событий.

Выбор модели «Y V (Loc)» становится предпочтительным при описании событий, непосредственно не протекающих перед глазами в момент речи, если речь идет о серии следующих друг за другом событий, совершаемых одним и тем же или разными субъектами и относящихся к прошедшему времени, причем важен результат, к которому привела эта серия действий. Например: A.— You've had a whole week to do your home work. Why haven't you done it? B.— Yesterday some boys were playing football outside my house and they kicked a ball through the window and it knocked a bottle of ink all over my essay.

При описании событий, непосредственно протекающих перед глазами, правила распределения анализируемых моделей несколько иные. В разговорной речи во всех рассмотренных случаях предпочтение отдавалось модели с конструкцией «there is Y», если не описывались какие-то быстро протекающие события. Например, все опрошенные (5 человек) наиболее естественным считали выбор конструкции с there при переводе следующего текста: *Когда я проснулся, было уже 9 часов. Я подошел к окну и увидел, что оно выходит на маленький дворик. По дорожкам бегали дети. У старой молодой человек пилил дрова. Старая женщина кормила цыплят.* When I woke up it was 9 o'clock. I went over to the window and saw that the window of my room looked out on to a little yard. There were children running along the paths. By the shed there was a young man sawing wood. There was an old woman feeding chicken.

Напротив, при описании быстро протекающих, одновременных или сменяющих друг друга событий только первое предложение вводилось с помощью конструкции «there is Y». Например: There's a woman crossing the road and a man running after her and every one else's stopping to look at them; «What can you see?»—«Now there's a car going towards the market and now a man's crossing the street and a girl is running and jumping».

В изобразительном стиле речи, который строится не на обнаружении наблюдаемых явлений, а на их идентификации (см. гл. III, п. 1.2), все опрошенные отдавали предпочтение выбору модели «Y V (Loc)», хотя употребление модели с конструкцией «there is Y» не оценивалось как совершенно недопустимое. Результаты опроса согласуются и с материалом, собранным из художественной литературы. Например: Beyond was a short stretch of sand and then the edge of the water. A fire burned on the rock and fat dripped from the roasting pig-

meat into the invisible foame (Golding). Постановка в эти контексты предложений, построенных по конструкции «*there is Y*», оценивалась обычно в четыре балла в рамках пятибалльной системы. Напротив, если описание ведется под углом зрения воспринимающего субъекта, который обнаруживает что-то, то выбирается конструкция «*there is Y*»: Sam touched his arm.—«Smoke». There was a tiny smudge of smoke wavering into the air on the other side of the rock (Idem).

Изобразительный стиль чаще всего используется, когда изложение не ведется от лица какого-то рассказчика, а представляет собой как бы «безликую» фиксацию предметов и событий. Однако рассказчик может построить свою речь в форме идентификации наблюдаемых явлений. При этом чаще может иметь место переход от одной формы изложения к другой: I took my car and drove along the edge of the sea, the road pitted with holes. There were very few people about, perhaps they had not realized that the curfew was raised or they feared a trap. On my right hand were a line of wooden huts in little fenced saucers of earth where a few palm trees grew and slithers of water gleamed between, like scrap-iron on a dump. An occasional candle burned over a little group bowed above their rum, like mourners over a coffin. Sometimes there were furtive sounds of music. An old man danced in the middle of the road—I had to brake my car to a standstill (Greene). В приведенном отрывке только два раза употреблена конструкция с *there*. В одном случае (sometimes there were furtive sounds of music) ее замена моделью «*Y V*» не допускается вследствие ограничений в употреблении последней (кроме вообще малой употребительности модели «*7 V*» с *be* в предикативной позиции, ее употребление полностью исключается при существительном, денотат которого представлен как протекающий в описываемый момент времени; см. п. 4). Во втором случае (There were a few people about) выбор модели с конструкцией «*there is Y*», а не фразы A few people were about может быть вызван либо тем, что автор не сразу прибегает к изобразительному стилю, либо тем, что модель «*Y V*» имеет вообще меньшую употребительность, когда глагольная позиция заполнена *be* + наречием, либо взаимодействием этих причин.

Приведенные данные показывают, что и в английском языке, так же как в русском (гл. I, п. 1.2), выделение изобразительного стиля существенно при перечислении факторов, влияющих на условия употребления экзистенциальных конструкций. В отличие от русского языка, однако, где модели со словом *есть* вообще не употребляются в изобразительном стиле, в английском языке конструкция «*there is Y*» встречается, хотя и относительно редко. Такая возможность употребления объясняется тем, что модели с конструкцией «*there is Y*» могут передавать информацию не только о наличии, но и о том, что именно имеет место (см.: гл. I, V, п. 1.3).

4. МОДЕЛЬ «*LOC IS Y*»

Д. Болинджер следующим образом описывает различие между предложениями, построенными по моделям «*there is Y Loc*» и «*Loc is Y*»: «первые вводят объект в наше сознание», а вторые делают его элементом картины, открывающейся нашему взору (в действительности или в воображении) [Bolinger 1977: 64]⁷. Сходным образом различие между данными моделями было определено и нами [Селиверстова 1977: 57—58]. Мы связывали употребление модели «*Loc is Y*» с изобразительным стилем речи [ср. гл. III, п. 1.2]. За данным стилистическим ограничением стоит следующее семантическое различие: модель с *there* сообщает о наличии *Y*-а, а модель «*Loc is Y*» — сего идентификации (т. е. наличие какого-то *Y*-а предполагается заранее известным). Рассмотрим примеры: *By the side of the road was a blue car* и *By the side of the road there was a blue car* 'У обочины дороги стояла голубая машина'. Модель «*Loc is Y*» употребляется только в изобразительном стиле речи. Эта модель встретила, например в следующих контекстах: *At the end was a gate and a man took the tickets (Hemingway)*; *By the side of the road was a thin mound of turf and on it someone had thrown a handful of bluebells (Galsworthy)* 'У дороги был небольшой холмик из дерна; на него кто-то бросил букетик колокольчиков'.

Если приведенные предложения изменялись таким образом, что они переставали принадлежать изобразительному стилю речи, информанты ставили вместо модели «*Loc is Y*» конструкцию с *there*. Например, нужно сказать *By the side of the road there will be a small mound of turf. Turn to the left when you see it*, а не: *By the side of the road will be a small mound of turf*. Нельзя также сказать: *At the end of the garden is a gate. So you don't have to go back to the house*, хотя предложение *At the end of the garden is a gate* оценивается как совершенно правильное в контексте, в котором описывается то, что открывается перед глазами наблюдателя.

Конструкция «*Loc is Y*» употребляется и в недиалогической описательной речи, цель которой — указать на то, что обнаруживает наблюдатель в описываемом пространстве. Например: *He could see one medium farmhouse over on the right, back in the fields, with a track leading to it from the road. There was another larger one beyond it. There was a house surrounded by tall elms that looked as though it might be a Queen Anne, and there were two likely farms away over on the left. Five places in all. That was about the lot in this direction (R. Dall)*. Цель речи в приведенном примере заключается не в том, чтобы нарисовать картину,

⁷ В лингвистической литературе отмечалось также, что модель «*Loc is Y*» употребляется в книжной описательной речи [Jindra 1965].

открывавшуюся перед глазами, а в том, чтобы указать, что обнаруживает героиня рассказа, попав в описываемую местность (он ищет дома, владельцам которых можно было бы предложить картины).

Подчеркнем, что модель «*Loc is Y*», как правило, употребляется только в книжной речи. Так, выявляя различие между предложениями *By the side of the road was a blue car* и *By the side of the road there was a blue car*, информанты указывали, что первое является книжным, а второе — нейтральным. При употреблении разговорных слов в предложениях, построенных по модели «*Loc V Y*», обращалось внимание на смешение стилей. Например, именно так оценивалось предложение *By the oak was a pram and a bit further away some women were sitting on the grass* 'Около дуба стояла детская коляска, а немного подальше на траве сидело несколько женщин', и предлагались следующие замены: *By the oak was a pram and nearly were some women sitting on the grass* (literary); *By the oak there was a pram and a bit furtheraway there were some women sitting on the grass* (non-literary)⁸.

5. МОДЕЛЬ «*YISLOC*»

Особого рассмотрения требуют ограничения в употреблении модели «*Y V Loc*» в тех случаях, когда вторая позиция заполнена глаголом *be*. Значительная часть этих ограничений связана с характером *Y*-а. При их обобщении Дж. Кимбалл [Kimball 1973] пришел к выводу, что только конструкция с *there* употребляется, если между объектом и пространством существует отношение «неотчуждаемой» собственности. Вслед за С. Филлмором [1981], Дж. Кимбалл определяет это отношение так: «*A* является неотчуждаемой собственностью *B*, если *A* не существует вне данного отношения к *B*» [Kimball 264]. Справедливость сделанного утверждения иллюстрируется на следующем примере: *There is fire in his eye* 'В его глазах огонь' и *There is a sty in his eye* (букв.) 'В его глазу ячмень', но **Fire is in his eye* 'Огонь в его глазах' (в русском языке такой вариант допустим в определенных условиях употребления) и *A sty is in his eye* (букв.) 'Ячмень на глазу' (по-русски данный вариант напротив менее неестествен); *There was a thunderstorm yesterday* 'Вчера была гроза'; **A thunderstorm was yesterday* 'Гроза была вчера' (в русском такой порядок слов допустим).

В соответствии с принятым здесь определением отношения посессивности (гл. I, п. 2) в сферу действия этого понятия не включаются такие предложе-

⁸ О других признаках модели «*Loc is Y*» см.: [Jindra 1965; Sack 192; Арипшева 1983; Прозорова 1989].

ния, как *There is fire in his eyes*. Во-первых, *Y* не рассматривается здесь как часть описываемого пространства (огонь — не составная часть глаза, гроза — не составная часть дня). Во-вторых, пространство здесь охарактеризовано именно как пространство (т. е. как то, в чем находится что-то другое), посещен либо вообще не рассматривается как пространство, либо, если *Y* — его часть, он представлен не только как соединение частей, но и как нечто, стоящее над ними и объединяющее их. Вследствие непосессивной интерпретации моделей с *there* мы предлагаем переформировать правило Кимбалла: модель «*Y V Loc*» не употребляется, если *Y* существует только в том пространстве, о котором идет речь (т. е. *Y* не может перемещаться в другое пространство).

Это правило, однако, нуждается и в дальнейшем уточнении, так как в соответствии с ним такие предложения, как *A sty is in his eye* также должны не соответствовать норме: в каком-то смысле можно сказать, что ячмень не существует вне отношения к пространству его возникновения. Вероятно, это правило может быть дополнено следующим образом: модель «*Y is Loc*» не употребляется, если *Y* не существует вне *S* и если *Y* не может быть физически удален из *S*.

Как было отмечено (п. 3.2.2), модель «*Y is Loc*» вообще встречается чрезвычайно редко при *Y*-е, обозначенном именем с неопределенным артиклем, даже если *Y* представляет собой конкретный предмет, животное или человека. Свободно (при учете требований, связанных с направленностью отношения характеристики) модель «*Y is Loc*» употребляется только при обозначении *Y*-а через неопределенное местоимение или сочетание имени с неопределенным местоимением. Употребление модели «*Y is Loc*», первую позицию в которой занимает существительное, признавалось всеми опрошенными (8 человек) естественным лишь при некоторых условиях. Выбор модели «*Y is Loc*» полностью соответствует норме при описании воображаемой ситуации, служащей для иллюстрации некоторой абстрактной возможности (п. 3.4.1). Употребление этой модели допустимо, если предикат расширяется причастным оборотом (в оценке таких предложений, однако, были довольно большие расхождения). По этой модели может строиться ответ на вопрос с *who* (например: *There's a man in the garden.— Who is in the garden?— A man is in the garden*). В лингвистической литературе отмечается также, что модель «*Y V Loc*» употребляется более свободно при расширении группы подлежащего или локативного члена, а также при неисчисляемых существительных (например, *water, mud*), которые не подпадают под отмеченное выше правило (см., например: [Прозорова 1989: 70]). Позицию локатива часто занимают такие выражения, как *every where, all around, all over the place* [там же: 70]. Более точное установление условий употребления модели «*Y is Loc*» требует дальнейшего исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В гл. V было показано, что в значении модели «*there is Y*», кроме информации о наличии Y-а или об идентификации того, что имеется, происходит в описываемом пространстве, выделяются еще два признака: 1) указание на включение Y-а в такое пространство, часть которого он составляет, в частности, информация о включении Y-а в множество или класс однородных с ним объектов (эта информация часто наслаивается на сообщение о наличии Y-а в некотором физическом пространстве); 2) при Y-е, выраженном именной группой со вторичным предикатом — информация о наличии какой-то фазы действия в момент его обнаружения наблюдателем, и — при Y-е, выраженном отглагольным существительным, — о протекании «всего» события в рамках какого-то временного отрезка.

Рассмотрена связь между выделенными признаками и различными ограничениями в использовании модели «*there is Y*»: 1) на употребление имен с показателем определенности; 2) на употребление слов типа *all*, *every*, а также типа *some of*; 3) на употребление глагольных форм со значением факта или результата; 4) на употребление предикативной группы со значением качества.

Было показано, что при отсутствии условий, препятствующих реализации двух последних признаков модели «*there is Y*» («включенность в пространство в качестве его части», «отнесенность к данному конкретному отрезку времени»), эта модель является основным, обычным средством описания ситуаций, в которых и действие, и его субъект заранее неизвестны. При описании таких ситуаций выбор модели «*YV (Loc)*» имеет место лишь при некоторых условиях, по крайней мере часть из которых выделена:

1) при построении предложения под углом зрения того, стал ли кто-либо из потенциальных участников ситуации реальным участником и, следовательно, было ли осуществлено запланированное, ожидаемое, предполагаемое возможным действие (при реализации этого условия Y, по-видимому, всегда выражен неопределенным или отрицательным местоимением);

2) при противопоставлении неидентифицированного субъекта другому потенциальному участнику (по-видимому, это условие реализуется обычно при Y-е, выраженном неопределенным местоимением);

3) при акцентировании внимания на характере субъекта — важно, неожиданно, что субъект относится к данному классу — (это условие не реализуется, если позиция глагола должна быть заполнена глаголом *be*, а также в непосредственной речи, если предложение не входит в контекст описания потока событий);

4) при акцентировании внимания на характере действия — важно (например, потому что опасно, нежелательно), что действие относится именно к

описываемому типу (это условие реализуется, как правило, при Y-е, выраженном неопределенным местоимением, если предложение не входит в сложносочинительное предложение с коррелирующими — обычно совпадающими — субъектами или не входит в описание потока событий);

5) при описании «потока событий» в разговорной речи, если описываются: а) сменяющие друг друга события, причем важно указать на результаты, к которым они привели; б) быстропротекающее действие (в этом случае только первое действие обычно обозначается с помощью модели «*there is Y*»; в) «статичная ситуация» (например, сообщается о том, что нарисовано на картине), если обращается внимание на противопоставление участников ситуации;

б) в «изобразительном» стиле речи (в этом стиле речи также используется модель «*Loc V Y*»).

Модель «*Y V (Loc)*», в которой предикативную позицию занимает глагол *be*, не всегда может употребляться даже при наличии перечисленных условий. Вопрос о запретах на употребление модели «*Y is Loc*» в работе рассмотрен неполно.

В работе была сделана попытка показать, что многие из перечисленных особенностей употребления моделей «*there is Y*» и «*Y V (Loc)*» обусловлены тем, как организована информация, составляющая их значение. В означаемом модели «*there is Y*» информация ориентирована на то «неспециализированное» пространство, (т. е. собственно на предикат наличия), которое задается частицей *there*; напротив в означаемом модели «*Y V (Loc)*» (кроме случаев, отмеченных в первом пункте заключения) информация обычно ориентирована на субъект. Отношения характеристики, которые объединяют элементы информации, составляющей значение анализируемых моделей, распадаются на два, а в некоторых случаях и больше слоев, т. е. в составе характеризующего выделяются свои характеризуемые и характеризующие.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Обследованный в книге материал подтверждает пространственную интерпретацию большинства экзистенциальных и в том числе экзистенциально-посессивных моделей. Таким образом, в русском и английском языках именно пространственное значение определяет близость бытийного *быть* и посессивного *иметь*, к регулярной связи между которыми было привлечено внимание лингвистов прежде всего работами Э. Бенвениста.

В работе приводятся следующие типы доказательств пространственного характера большинства экзистенциальных предложений (к непространственному типу относятся высказывания, несущие информацию о «локализации» денотата подлежащего во времени). Во-первых, показано, что многие запреты на употребление экзистенциальных моделей могут быть объяснены именно пространственной интерпретацией этих моделей; во-вторых, в некоторых случаях пространственная интерпретация однозначно вытекает из характера описываемых объектов; в-третьих, отмечается, что некоторые частные признаки, характерные для отдельных экзистенциальных моделей, строятся как специализация общего пространственного признака и, следовательно, предполагают его.

2. Если исключить случаи локализации во времени за принятым в языкознании термином «экзистенциальность» фактически строят два понятия, которые в данной работе были обозначены символами E_{x_1} и E_{x_2} . E_{x_1} — E_{x_1} —нахождение (наличие) в пространстве реального или нахождение в пространстве нереального; E_{x_2} —наличие в том или ином частном виде пространства. Первое понятие образует одно из значений глаголов *существовать*, *exist*; иногда оно также выражается глаголами *быть*, *be* (обычно при наличии особых условий); второе понятие выражается прежде всего различными синтаксическими моделями и с глаголами *быть*, *be* и связано с определенной функ-

циональной перспективой предложения (локатив или предикат наличия выступает в функции характеризуемого, а находящийся в нем объект—в функции характеризующего); понятие E_{x_2} выражается также глаголами *иметь*, *have*, в значении которых оно сочетается с признаком посессивности, и некоторыми другими глаголами. Понятия E_{x_1} и E_{x_2} в русском и английском языке взаимосвязаны.

3. Существуют центральные и периферийные экзистенциальные модели. Центральные модели несут информацию не только о нахождении объекта в пространстве, но и предполагают какую-то другую более глубокую связь объекта с пространством. Эти связи могут быть различны, но в основном они строятся на вхождении объекта в множество в качестве его члена. Центральные экзистенциальные модели, таким образом, отличаются от локативных не только по признаку, выражающему разную функциональную перспективу предложения.

4. Пространственные предикаты с глаголами *быть* и *иметь* не относятся к классу предикатов состояния (если употреблять этот термин в том значении, которое было ему придано в данной работе). Во всяком случае они не принадлежат к тому же типу, что и такие предикаты, как рус. *(Он) болен*, *(Он) раздражен*. Ближе всего по своей грамматической сущности пространственные предикаты стоят к предикатам качества (или набора качеств, объединенных в предмете). Однако и от них они отличаются по некоторым признакам, образуя особый тип (или во всяком случае подтип) в рамках классификации предикатов на действия, процессы, состояния, качества и т. д.

5. Не существует четкой грани между связочным, локативным и экзистенциальным *быть*¹. Это проявляется, во-первых, в том, что экзистенциальные предложения могут нести информацию не только о наличии объекта в некотором пространстве, но и о том, к какому именно классу относится тот объект, который находится в данном пространстве; во-вторых, глаголы *быть* и *иметь*, *be* и *have* в экзистенциальных предложениях могут считаться связками в том смысле, что они не служат для обозначения какого-либо вида энергии: их денотатом является только связь между объектом и пространством. Однако при этом их значение менее лексически обеднено, чем при других употреблениях связки. Кроме того, в пространственных предикатах глагол *быть* может получать бóльшую самостоятельность по сравнению с его упот-

¹ Опираясь на другие основания и методы исследования, этот же вывод был сделан Я. Хинтиккой [1980: 310—354].

реблением в предикатах качества (в частности, он может предопределять характер соотнесения предиката с осью времени независимо от именной части).

6. В книге уточняется понятие связки и показывается, что нет четкой грани между связочными и несвязочными глаголами. Существуют несобственно связочные глаголы, которые несут информацию о «чистой» связи между объектом и пространством, но при этом сами задают тип пространства, а иногда и некоторые характеристики наличествующего объекта.

7. Приведенный материал подтверждает, что связка имеет лексическое значение, хотя и обедненное.

8. Высказывается гипотеза, в соответствии с которой за разнообразными посессивными отношениями (они рассматриваются в книге) стоят три основных случая. Объект посессивного отношения: 1) то, на что распространяется власть посессора (моральная, юридическая, физическая); 2) то, что является частью посессора или частью его существования; 3) то, что несет в себе элемент самого посессора (имеет свойство, существующее как отношение к посессору — *его враг, его друг*). Предполагается также, что эти случаи могут быть подведены под еще более общее понятие: объект посессивного отношения может быть представлен как то, на что в той или иной форме посессор «распространяет» себя (глагол *распространяет* употреблен здесь и в значении «быть распространенным на...»).

При всей неопределенности предлагаемой общей интерпретации, которая, как мы попытались показать, соответствует природе описываемого явления, эта интерпретация позволяет отграничить посессивность от ряда других понятий и обладает объяснительной силой (в частности, позволяет объяснить многие запреты на сочетаемость глагола *have* с отглагольными существительными, объясняет необратимость посессивного отношения и т. д.).

9. В значение посессивно-экзистенциальных моделей признак посессивности в большинстве случаев входит дважды: он характеризует и объект, и пространство, в котором «находится» этот объект. В некоторых условиях одно из посессивных отношений может характеризовать не объект, а саму ситуацию его наличия где-то, но двойная соотнесенность с посессором и пространства и объекта сохраняется.

10. Приведенный материал позволяет вновь сделать вывод о важной роли принципа системности в организации языка. Так, показано, что пространственный признак в значении экзистенциальных предложений существует в ви-

де набора вариантов, приобретающих известную обособленность. Такому обособлению способствует следующее: анализируемые модели в отдельных своих вариантах могут вступать в такие оппозиции с синонимичными им моделями, в которые они не входят при реализации других вариантов, и получать признаки, связанные с этими оппозициями. В книге рассмотрены некоторые оппозиции и установлены признаки, лежащие в основе противопоставления. Например, одним из условий выбора экзистенциальных моделей в русском языке при описании отношения между свойством и его носителем служит представление о том, что свойство является преимуществом, достоинством его посессора {*Не расстраивайся. У тебя есть молодость, красота, здоровье, но ?У тебя есть уродство.* Ср.: *Она красива, Она уродлива*).

11. В книге аргументировалась необходимость выделения в рамках теории «актуального членения» следующих явлений: 1) «коммуникативной перспективы»; 2) информативной структуры (соотношение «известного»/«нового»); 3) семантики акцентного выделения; 4) коммуникативной членимости/слитности. Понятие коммуникативной перспективы описывалось в терминах двух функций — характеризуемого ($X^{\text{мого}}$) и характеризующего ($X^{\text{щего}}$). Под углом зрения этих функций характеризуется каждый член предложения, и, таким образом, коммуникативный аспект представлен как множество определенным образом организованных $X^{\text{мых}}$ и $X^{\text{щих}}$, которые образуют различные типы структур — цепочечные отношения, параллельные связи и т. д. Введение таких более дробных понятий по сравнению с темой и ремой позволило описать различия в коммуникативной организации тех высказываний, которые считаются коммуникативно нечленимыми, а также описать различия в коммуникативной организации отдельных частей высказывания.

Понятие темы и ремы рассматривается как производное от понятий $X^{\text{мое}}$ и $X^{\text{щес}}$ и связывается только с коммуникативно членимыми высказываниями.

12. Проведенный анализ подтверждает оправданность разбиения структурных схем (моделей) на исходные и производные, хотя непосредственные способы формирования моделей часто не поддаются лингвистической проверке. Высказывается гипотеза о том, что процессы моделирования близки к словообразовательным процессам и могут включать соединения нескольких исходных моделей, соединения моделей предложений и словосочетаний. Производные модели могут возникать и на уровне заполнения классами слов.

13. Сопоставление русского языка с английским показывает, что общее «видение» категорий посессивности и экзистенциальности в этих языках совпадает. Вместе с тем обнаруживаются существенные различия, связанные с

более частными семантическими признаками исследованных моделей, с количеством синтаксических позиций в моделях и с номенклатурой лексических и лексико-морфологических единиц, способных заполнять эти позиции, со степенью грамматикализации предикативных выражений и возможностью их вовлечения в другие категории, в частности в категорию аспектуальности. Наблюдаются и различия в осмыслении протодеготативных ситуаций.

14. В сопоставляемых языках совпадает также общая классификация на предикаты свойства, состояния, результата, действия и т. д.

15. Проведенное исследование показало значимость для сопоставления языков детальной разработки понятийного аппарата семантического описания и необходимость отказа от терминов — «этикеток», содержание которых остается нераскрытым. Например, сам факт обнаружения так называемых экзистенциальных и посессивных моделей мало информативен вне показа того, какие именно концепты посессивности и экзистенциальности сформированы в языке. Совпадение этих концептов в русском и английском языках (если признать, что они действительно совпадают, как мы пытались показать в книге) представляется далеко не тривиальным, учитывая потенциальные логические возможности другого видения данных категорий. Использование терминов — «этикеток», которое еще достаточно часто имеет место как в сопоставительных, так и в типологических работах, не только не позволяет глубоко раскрыть содержание семантической категории, но и не позволяет с уверенностью утверждать, что в сопоставляемых языках эти категории действительно тождественны.

16. Требование детальной разработки понятийного аппарата, естественно включающее в себя условие однозначности понимания вводимых метатерминов, не противоречит проводимой в работе мысли о существовании семантических категорий, в основе которых лежат недостаточно четкие, «размытые» концепты. Существование таких категорий, однако, заставляет рассматривать условие однозначности толкования не как абсолютное, а как относительное и говорить о степени однозначности. При этом существенно, что степень неопределенности языкового концепта не бесконечна, и, таким образом, должны быть установлены границы его допустимых толкований. Кроме того, в подобных случаях может быть достигнута большая точность описания за счет перечисления вариантов.

17. Проведенное исследование еще раз подтверждает мысль тех лингвистов, которые указывают на важность выбора при сопоставлении достаточно больших семантических группировок языковых единиц. С одной стороны, это

позволяет раскрыть разные типы сходств и различий, а с другой — помогает установить обуславливающие их факторы. Следует еще подчеркнуть, что в качестве объекта сопоставления важно брать группу в целом, а не только объединяющий ее семантический признак. Если интегральные (объединяющие) семантические признаки исследуются в отрыве от дифференцирующих компонентов, то резко повышается вероятность неверного их выделения. Так, большие сомнения вызывает оправданность выделения признака стативности/динамичности, по которому, как считают многие лингвисты, проходит деление предикативных типов на две большие группы. Этот признак используется и в сопоставительных работах. Мы уже пытались показать [СТП 1982], что предикаты в моделях типа 1) *X думает, что*; 2) *X любит*; 3) *X болен*; 4) *X сломлен*, которые принято считать стативными, обнаруживают часто больше сходства с предикатами других типов, чем между собой. Нераскрытым остается и само понятие стативности, что позволяет вкладывать в него довольно разное содержание. Вследствие этого мы отказались от принятого деления на стативные и динамические предикаты.

18. В настоящее время существует относительно мало полностью удовлетворительных семантических описаний микро- или макросистем отдельных языков. Вследствие этого при сопоставлении лингвист обычно сталкивается с недостаточно полно и/или точно описанными языковыми данными. Отсюда вытекает еще одно методологическое требование, которое, вероятно, в настоящее время является самым важным и частично включает в себя перечисленные ранее. Это требование — соединить этап сопоставления с самостоятельным исследованием каждого из выбранных языков, что мы и пытались сделать в книге.

19. Проведенное исследование не всегда удалось довести до уровня установления точных условий употребления. Так, при перечислении различных вариантов перевода модели «*Loc (есть) Y*» (т. е. «*BS (есть) Y*», «*YS (есть) Y*» и т. д.) не были выявлены все условия, определяющие возможность того или иного перевода. При исследовании функционирования английской модели «*YV (Loc)*» с «новым» в первой позиции (Somebody is in the garden) не было показано, когда именно это «новое» попадает или, напротив, не попадает в фокус контраста. В большинстве случаев такая неполнота описания характеризует английский материал, что в известной степени связано с труднодоступностью, а иногда и отсутствием английских информантов.

Библиография

- Адамец П.* Порядок слов в современном русском языке. Прага, 1966.
- Александров А. Д.* Пространство (в математике) // БСЭ. 3-е изд. Т. 21.
- Амосова Н. Н.* Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.
- Арипишева Р. С.* Конструкция «there is» и коррелирующие синтаксические модели: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
- Аткинсон Р.* Человеческая память и процесс обучения. М.: Прогресс, 1980.
- Беллерт М.* Об одном условии связанности текста // НЗЛ. М., 1978. Вып. 8.
- Белошапкова В. А.* Современный русский язык: Синтаксис. М.: Высшая школа, 1977.
- Бенвенист Э.* Глаголы «быть» и «иметь» и их функция в языке // Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
- Берт К.* Функции глагола *быть* с точки зрения современной формальной логики // Логико-грамматические очерки. М., 1961.
- Богданов В. В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Наука, 1977.
- Бондарко А. В.* Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978.
- Буланин Л. Л.* К соотношению пассива и статива в русском языке // Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978.
- Булыгина И. В.* Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980.
- Вайс Д.* Высказывания тождества в русском языке; опыт их отграничения от высказываний других типов // НЗЛ. М., 1985. Вып. 15.
- Виноградов В. В.* Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986.
- Войкова М. Д.* Семантическая вариантивность глагольных бытийных конструкций в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.
- Вольф Е. М.* Грамматика и семантика местоимений. М.: Наука, 1974.
- Гак В. Г.* Глаголы Быть и Иметь как центры лексико-грамматической структуры предложения // Rev. rom. linguist. 1975. Vol. 20. № 4.
- Гак В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. М.: Просвещение, 1983.
- Грамматика русского языка. М.: 1954. Т. 2. (ГРЯ).
- Есперсен О.* Философия грамматики. М: Изд-во иностр. лит., 1958.

- Золотова Г. А.* О структуре простого предложения в русском языке // *Вопр. языкознания*. 1967. №6.
- Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.
- Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава. 1954.
- Историко-типологическая морфология. Глагол. М.: Наука, 1977 (ИТМ).
- Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тез. докл. М.: Наука, 1983. (КПСБ).
- Категория посессивности в славянских и балканских языках / Отв. ред. В. В. Иванов. М.: Наука, 1989. (КПСБ).
- Крейдлин Г. Е.* Служебные слова в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
- Крейдлин Г. Е., Рохлина Е. В.* Сопоставительный анализ способов выражения отношения притяжательности в русском языке: (падежные и предложно-падежные формы) // Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тез. докл. М.: Наука, 1983.
- Кубрякова Е. С.* Динамическое представление синхронной системы языка // *Гипотеза в современной лингвистике*. М.: Наука, 1980.
- Кузнецов С. Н.* Теоретическая грамматика датского языка. М.: Наука, 1984.
- Лекант П. А.* Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: Высшая школа, 1976.
- Лекомцев Ю. К.* Психическая ситуация, предложение и семантический признак // *Труды по знаковым системам*. Тарту, 1973. Вып. 6.
- Николаева Т. М.* Актуальное членение — категория грамматики текста // *Вопр. языкознания*. 1972. №2.
- Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1972.
- Новиков Л. А.* Антонимия в русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1973.
- Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974.
- Падучева Е. В.* Семантика вида и точка отсчета // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1986. №5.
- Паяр Д.* Теория перфективизации // *Проблемы интенциональных и прагматических контекстов* / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1989.
- Панде Х. Ч.* К семантике *есть* в локативных и посессивных конструкциях // *Russ. Linguist.* 1982. №5.
- Пешиковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938.
- Проблемы интенсивных и прагматических контекстов / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1989. (ПИПК).
- Прозорова Л. А.* Особенности построения коммуникативной перспективы в художественном тексте: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
- Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1,2. (РГ).
- Селиверстова О. Н.* Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом *быть II* // *Вопр. языкознания*. 1973. №5.
- Селиверстова О. Н.* Компонентный анализ многозначных слов. М.: Наука, 1975.
- Селиверстова О. Н.* Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций в английском языке // Категория бытия и обладания в языке. М.: Наука, 1977.
- Селиверстова О. Н., Швейцер А. Д.* Пространственно-экзистенциальные предложения в русском и английском языках (их соотношение и перевод) // *Текст и перевод*. М.: Наука, 1988.

- Селиверстова О. Н., Сулейманова О. А.* Эксперимент в семантике // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. № 5.
- Скаличка В.* О грамматике венгерского языка // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967.
- Семантические типы предикатов / Отв. ред. О. Н. Селиверстова. М: Наука, 1982. (СТП).
- Смирницкий А. И.* Синтаксис английского языка. М: Изд-во иностр. лит., 1957.
- Степанов Ю. С.* Имена. Предикаты. Предложения. М.: Наука, 1981.
- Типология пассивных конструкций: Диатезы и залоги / Отв. ред. В. П. Неделков. Л.: Наука, 1974. (ТПК).
- Теория функциональной грамматики / Отв. ред. Н. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. (ТФГ).
- Филлмор Ч.* Дело о падеже // НЗЛ. М., 1981. Вып. 10.
- Фромм Э.* Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986.
- Хитика Я.* Связка «есть», семантические игры и семантическая относительность // Логико-эпистемологические исследования. М: Прогресс, 1980.
- Цейтлин С. Н.* Субстантивные предложения в современном русском языке и их темпоральные характеристики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.
- Целищев В. В.* Логика существования. Новосибирск: Наука, 1976.
- Чейф У.* Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // НЗЛ. М., 1982. Вып. 11.
- Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л.: Учпедгиз, 1941.
- Швейцер А. Д.* О взаимоотношении равноуровневых средств выделения темы и ремы в высказывании // Ztschr. Phonetik, Sprachwiss und Kommunikationsforsch. 1980. Bd 33. № 3.
- Швейцер А. Д.* Контрастивная лингвистика и теория перевода. М., 1985.
- Шведова Н. Ю.* О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения» // Мысли о современном русском языке. М.: Наука, 1969.
- Шведова Н. Ю.* Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // Вопр. языкознания. 1973. № 4.
- Шведова Н. Ю.* О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. М.: Наука, 1973.
- Шмелев Д. Н.* Несколько замечаний к построению синтаксической теории // Филол. 1961. № 3.
- Шмелев Д. Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М.: Наука, 1976.
- Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Щерба Л. В.* Очередные проблемы языкознания // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
- Ярцева В. Н.* Составное сказуемое и генезис связочных глаголов в английском языке // Труды ВИИЯ. 1947. № 3.
- Ярцева В. Н.* Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981.
- Aissen G.* Presentational: There insertion: A cycle root transformation // Papers from the 11th Regional meeting Chicago Linguistic society. Chicago, 1975. Vol. 11.
- Allan K.* A note on the source of 'there' in existential sentences // Found. Language. 1971. Vol. 7.
- Allen W. S.* Transitivity and possession // Language. 1964. № 40.
- Beaugraude P. de, Dressier W.* Introduction to text linguistics. L.: Longman, 1981.

- Bellert I.* On the logico-semantic structure of utterances. Wrocław, 1972.
- Bendix E. H.* Componential analysis of general vocabulary // International Journal of American Linguist. 1966. Vol. 32
- Benes E.* On two aspects of FSP // Trav. linguist. Prague. 1968. № 3.
- Bolinger D. L.* Linear modification // Publ. Modern Language Assoc. Amer. 1952. Vol. 67.
- Bolinger D. L.* Meaning and form. L.; N. Y.: Longman, 1977. Ch. 5.
- Breivik Z. E.* Existential there: a synchronic and diachronic study. Bergen, 1983.
- Brinkman H.* Die deutsche Sprache: Gestalt und Leistung. Dusseldorf: Schwann, 1971.
- Brown G, Yule G.* Discourse analysis. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.
- Burton-Roberts N.* On the generic indefinite article // Language. 1976. Vol. 52. № 2.
- Carwright R.* Negative existentials // Philosophy and ordinary language. Urbana, 1963.
- Christophersen P.* The articles: A study of their theory and use in English. Copenhagen; L., 1939.
- Clark E. V.* Locational: A study of the relations between «existential», «locative» and «possessive» constructions // Work. Pap. Language Universals. 1970. № 3.
- Comrie B.* Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems // Cambridge Textbooks Linguist. 1976. Vol. 10. № 2.
- Curme J. O.* Parts of speech and accidence. Boston; N. Y.: Heath, 1935.
- Danes F.* A three level approach to syntax // Trav. Linguist. Prague. 1964. № 1.
- Danes F.* Functional sentence perspective and the text organization // Papers on functional sentence perspective. Prague: Acad. Press, 1974.
- Dijk T. A. van.* Text and context // Explorations of the semantics and pragmatics of discourse. L.; N. Y.: Longman, 1977. Vol. 17.
- Duzsak A.* A note on rhematic subjects in English // Stud. Anglica Posnaniensia. 1984. Vol. 17.
- Erdmann P.* There sentences in English: A relational study based on a corpus of written texts. München: Tuduv, 1976.
- Evreinov I. A.* Die Semantik einer Nullform: Versuch einer neuen Definition der Kopuls im Russischen // Linguistics. 1973. № 98.
- Firbas J.* Thoughts on functional sentence perspective, intonation and emotiveness // Brno Stud. English. 1985. Vol. 15.
- Firbas J.* On some basic issues of the theory of functional sentence perspective // Ibid. 1987. Vol. 17.
- Fries Ch.* The structure of English. L.: Longman, 1967.
- Gardner Sh., Hervey S. J.* Structural sentences types // Linguistique. 1983. Vol. 19. Fasc. 2.
- Halliday W. A. K.* Notes on transitivity and theme in English // J. Linguist. 1968. № 4.
- Hawkins R.* Towards an account of the possessive constructions: NP's N and N of NP // Ibid. 1981. № 2.
- Jenkins L.* The English existential // Linguist. Arbeiten. 1975. № 2.
- Gipper H.* Bausteine zur Sprachinhaltsforschung // Sprache und Gemeinschaft. Studien I. Düsseldorf: Schwann, 1963.
- Givon T.* Syntax: A functional-typological introduction. Amsterdam; Philadelphia: Benjamin's, 1984.
- Kahn Ch. H.* The Greek verb «to be» and the concept of being // Found. Language. 1966. Vol. 2. № 3.
- Kimball J. P.* Grammar of existence // Papers from the 9th Regional meeting Chicago linguistic society. Chicago, 1973. Vol. 9.
- Krůnský J.* The article and the concept of definiteness in language. The Hague; P., 1972.

- Longacre P.* The paragraph as grammatical unit // SAS. 1974. Vol. 12.
- Lumsden M.* Existential sentences, their structure and meaning. L. etc.: Groom Gelm, 1988.
- Lyon J.* Semantics. Cambridge etc.: Cambridge Univ. press, 1978. Vol. 1—2.
- Lyons J.* A note on possessive, existential and locative sentences // Found. Language. 1967. Vol. 3.
- Lyons J.* Existence, location, possession and transitivity // Logic, Methodol. and Philos. Sci. 1968. Vol. 111.
- Milsark C. L.* Toward an explanation of certain peculiarities of the existential construction in English // Linguist. Anal. 1977. № 3.
- Moore G. E.* Is existence a predicate? // Philosophical papers. L. etc., 1959.
- Pailard D.* Enonciation et détermination en russe contemporain // Paris Inst. etudes slave. 1984. Vol. 72.
- Postal P.* On so-called pronouns in English // Modern studies in English / Ed. D. Riebel, S. Schane. Englewood Cliffs (N. J.): Prentice Hall, 1966.
- Postal P.* A few factive facts // Linguist. Inquiry. 1972. Vol 3. № 3.
- Poutsma H.* Grammar of late modern English. Groningen, 1928.
- Quirk R., Greenbaum S.* A university grammar of English. L.: Longman, 1979.
- Roberts P.* Teacher's guide to patterns of English. N. Y.; Chicago: Harcourt, Brace, 1956.
- Ross G.* There (there, (there, (there...))) // Papers from the 10th Regional meeting Chicago linguistic society. Chicago, 1974. Vol. 10.
- Sack F. L.* The structure of English. Cambridge; Bern, 1954.
- Searle J. K.* Speech acts: An essay in the philosophy of language. L. etc.: Cambridge Univ. press, 1969.
- Seiler H.* Possession as an operational dimension of language. Tübingen: Narr, 1983.
- Shanvood-Smith M.* Contrastive studies in two perspectives // Papers and studies in contrastive linguistics. Poznan, 1974. Vol. 2.
- Stowell T.* What was there before there was there // Papers from the 14th Regional meeting Chicago linguistic society. Chicago, 1978. Vol. 14.
- Svoboda A.* Functional perspective of the noun phrase // Brno Stud. English. 1987. Vol. 17.
- Sweet H.* The practical study of languages. L., 1926.
- Szwedek A.* Sex partition versus bipartition // Studia linguistica diachronica et synchronica: Pieper. B. etc.: De Gruyter, 1985.
- Szwedek A.* What is topic? A contrastivist's view // New insight into contrastive linguistics. Amsterdam: Philadelphia: Benjamin's, 1990.
- Ure J.* A Comparative study of registers // Proc. of the Xth Intern. Congr. of linguists. Bucharest, 1967.
- Vendler Z.* Facts and events // Linguistics in philosophy. Ithaca (N. Y): Cornell Univ. press, 1967.
- Walter I. O.* The 'there be' construction // Norw. J. Linguist. 1974. Vol. 28. № 2.
- Warren B.* Classifying adjectives. Goteborg: Minab/ Gotab, Surte, 1984.
- Wierzbicka A.* Why can you have a drink when you can't have an eat // Language. 1982. Vol. 58. № 4.

Summary

The main purpose of the book is to show the similarities and differences in the meaning and functioning («behaviour in speech») between Russian and English existential and possessive constructions (patterns). However, as there are competing theories of existence and possessivity and as the use of the patterns under consideration has not yet been described in full the book is also concerned with the semantic interpretation of patterns and the laws of their use in each of the two languages.

Existence. New evidence is given supporting the «locative» theory of existence. The word пространство 'location, space' is used in a very wide sense close to the corresponding mathematical term. It is argued that there are three main concepts of existence: Ex_1 , Ex_2 and Ex_3 in English and in Russian. Ex_1 has two main meanings: a) to be in the universe (the real world) vs b) to be in the unreal world (the world of fantasy, fairy tales etc.). (So Ex_1 is different from the philosophical concepts of existence. The Greek philosophy seems to be the only exception). Ex_2 means 'to be in some place or within some location' (the existence in the universe or in some invented world is implied). Ex_2 differs from locative constructions proper mainly in FSP (in the book the term «communicative sentence perspective» is used). In many cases however there are other types of differences as well. Existential patterns often imply closer connection between object and place (or some other type of location). For instance, the use of *офесть* may depend on whether or not an object is «naturally supposed to be in the place» (built into the place or normally kept in the place).

Ex_3 means to be «located» at some moment or within some period of time. Ex_3 is represented by such verbs as *occur*, *last*, etc. They are not dealt with in the book. Unlike Ex_{1-2} , Ex_3 symbolizes existence in time.

Possessivity. It is claimed that the general notion of possessivity is very vague. However it can be revealed in all the possessive constructions both in Russian and in English. Figuratively speaking, possessivity presupposes the «extension» of an

object over another object of other objects. The «extension» can take the form of any one of the three relations: X is «extended» over Y 1) if Y is within X's «force-field», i. e. Y is in X's juridical, physical or spiritual power; 2) if Y is part of X or part of X's existence or of an instance of it; 3) if Y is presented through a quality that is a relation to X (for instance the word *aunt* in the noun phrase *my aunt* indicates that its denotatum has a quality that is a relation to the speaker). All the three relations can intersect. The ambiguity of the given interpretation has been partly removed by enumerating individual cases and by additional clarifications (for example, what is meant by «part (element) of 'X's instance of existence»). However it is that a fair degree of ambiguity of the notion introduced follows naturally from the ambiguity of the meaning of possessivity. In respect to many types of situations the idea of possessivity is fuzzy and does not carry any clear criteria showing that certain objects are bound by the relation of possessivity. On the one hand, this leads to a great number of occasional usages. Thus, almost anything can be occasionally viewed as belonging to the sphere of the possessivity of «I». For instance one can say *мой город* 'my town', *моя улица* 'my street', when talking about the town, the street where one lives. A roommate can be referred to as *мой итальянец* {*американец*} 'my Italian (American)', though in this case the usage is not neutral and it can be perceived by the listener as an ungrounded claim for an expansion of one's sphere of possession. The sphere of possession of other people is conceived as being much narrower. Thus, one would usually say *улица, город, где он живет* 'the street (town) where he lives. The noun phrases *в его городе* 'in his town', *на его улице* 'in his street' can normally be used in fiction literature, when the writer tries to describe the situation in terms of its perception by the character.

On the other hand, there are specific rules and conditions restricting the use of the possessive expressions. Thus, the agent of an action can be viewed as its possessor provided other participants of the situation are not presented as beneficiaries of the action or its patients. In other words, the result of an action is seen as being relevant only to the agent. Thus, the sentence *Я имел беседу с твоим другом* 'I had a talk with your friend', which is acceptable, though unlike its English counterpart sounds archaic, cannot be completed by the phrase *только ради тебя* 'only for your sake, only for you'. The direct object of an action can be viewed either as affected by the action or as something specifying the action. If an object is changed by the action it seems to be always regarded as affected by it. In this case the possessive constructions cannot be used. One cannot say: **to have a wash of the baby*, **to have a shave of the customer*, **to have a trim of the bushes*. If no change of the object is brought about it can be presented as the compliment of an action: *to have a read of the artecle*. In Russian there are some additional restrictions connected mainly with registers.

While the general concepts of existence and possessivity are the same in both languages the differences come out on the lower levels of hierarchy.

First, semantic features distinguishing existential patterns as a rule do not coincide in English and in Russian. The set of semantic components of possessive constructions is not quite the same in the contrasted languages either.

Second, the Russian existential and possessive patterns differ from the English ones in type and number of sentence elements.

Third, the sets of words filling the slots for predicates, locatives, etc. differ in Russian and in English.

Fourth, the sets of situations that can be presented as locational or as involving possessive relations do not completely coincide in Russian and in English.

Fifth, there are differences in the laws of use as well. One of the differences is connected with the choice of CSP in contexts in which the logical organisation of a text permits different «strategies». (It is important to note that CSP and the informative structure are treated as different phenomena. CSP is seen as superimposed onto the semantic relations binding sentence elements of different ranges (subjects, predicates, etc., as well as more complex syntactic units) so as to determine the orientation of these relations. Thus, in the sentence *John is sitting there* the quality of being an agent of an action 'to sit there' is attributed to John, whereas in the sentence *Sitting there is John* the quality of having John as an agent is attributed to the action. Different tests are developed to prove that semantic relations can be oriented differently and their orientation strongly affects the usage of the sentences. CSP can influence the scope of semantic relations as well).

Among the indicated aspects of the patterns under consideration the semantic differences and similarities provide the focal point for the book. Besides the notions of existence and possessivity a number of semantic features distinguishing different patterns are considered. Thus, it is argued that one of the semantic distinctions between the patterns «*У X-а есть Y*» «*У X-а Y*» is the following: the pattern «*У X-а есть Y*» carries the information that a) there is Y in the sphere of X's possessivity and 2) Y is a member of the set that X is naturally supposed to have, i. e. it is implied that X has or can have some other member of the same set¹. The pattern «*У X-а Y*» does not have the second component. It can also be used in cases when Y is identified (it is presupposed that X has some unidentified Y). The indicated distinction accounts for many constraints of the use of *есть*. Thus, only pattern «*У X-а Y*» is used in the following situations: *У вас сын или дочь?* 'Have you a son or a daughter?' (the existence of a child is presupposed). *Сколько у вас детей* 'How many children have you?'; *У него была не очень хорошая репутация* 'He didn't have a very good reputation'.

¹ This component is dropped under some special conditions.

The distinctive feature 'inclusion in a set' accounts for the following peculiarities of the usage of the *есть*-pattern: *У верблюда есть горб* (a hump is part of a camel's body and so it is an element of the set) and *У него горб* (a man is not naturally supposed to have a number of humps and a hump is not a part of a man's body). See also: *У него серые глаза* 'He has grey eyes'. The sentence **У него есть серые глаза* would show that the man can have other eyes together with the grey ones which is absurd. Cf. also: *У него седые волосы* 'He has grey hair' (the sentence indicates that the man's hair is grey) and *У него есть седые волосы* (the sentence implies that there is grey hair in his hair, some hair is grey). There are some differences in aspectual characteristics as well. Thus, the *есть*-sentences cannot present possession or being somewhere as a process in its duration.

The English construction «*there is Y*» seems to have a semantic feature similar (though not identical) to that of the pattern «*У X-а есть Y*». It is argued that the pattern presents Y either as 1) a member of a class or 2) an ingredient of a situation. The second component permits to use definite nounphases and proper names in the pattern. For instance, «Juan will make you a coffin and all of us in the barrio will pay him».—«But there in the mass» (the mass is seen as a part of the situation 'funeral').

Another problem raised in the book concerns the semantic types of predicates with «be». In particular the difference between the predicates of state and those of result is shown. The nature of copula is considered too. It is argued that there are intermediate stages between copulas proper and non-copulas. Existential predicates often constitute an intermediate stage. They merely denote a connection between a location and an object but unlike other copulas they often contain some information about the characteristics of location or of the object located as well. This makes their meaning richer in content. Besides copulas in existential and locative sentences often have some peculiarities of time-reference which indicate that «be» in these cases can be considered as a predicate on its own separate from the following noun phrase.

The problem of syntactic pattern («structural scheme») is also discussed.

7.

РУССКИЕ
ПРОСТРАНСТВЕННО-ДИСТАНЦИОННЫЕ
ПРЕДЛОГИ И НАРЕЧИЯ

Часть I монографии *Т. Н. Маляр, О. Н. Селиверстовой* «Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках» // *Slavistische Beiträge*. Bd 362. Munchen: Verlag Otto Sagner, 1998. S. 7—228.

Предисловие

В предлагаемой книге делается попытка построить концептуальную картину дистанционно-пространственных отношений в русском и английском языках.

Рассматриваются такие случаи, когда X, т. е. объект, положение которого в пространстве определяется, занимает позицию либо смежную с Y-ом, Т. е. с объектом, по отношению к которому устанавливается положение X-а, либо расположенную на расстоянии от него. Y в дальнейшем мы будем также называть релятумом. Указанные отношения между X-ом и Y-ом выражаются целым рядом предлогов и наречий. В качестве основного объекта исследования в данной книге были выбраны следующие слова: *у, возле, около, рядом, вблизи, вдали, недалеко; близко, далеко, недалеко*, англ. *near, close, by, nearby, closeby, beside, alongside*. Рассматриваются также наречия и предлоги: *поблизости, близ, а* и некоторые другие.

В настоящее время пространственные предлоги привлекают внимание многих исследователей, в частности, лингвистов, в той или иной степени связанных с когнитивным направлением (Д. Лакофф, Р. Джекендофф, К. Бругман, Б. Хокинс, Л. Талми, К. Ванделуаз и др.). Такой интерес в значительной степени обусловлен тем, что изучение этих единиц позволяет выявить особенности пространственного восприятия, преломленного в языковых значениях, и помогает раскрыть систему понятий, через которые мы осмысляем окружающий мир.

Большой интерес вызывает описание пространственных предлогов и наречий и в рамках различных других лингвистических направлений (Ю. Д. Апресян, М. В. Всеволодова, А. Е. Кибрик, Н. Н. Леонтьева, С. Е. Никитина и др.). Это прежде всего связано с общей проблемой поиска адекватного семантического описания, которое все еще не достигнуто в лингвистике. Кроме того, многие

пространственные предлоги чрезвычайно частотны, что делает их особенно важными для практики преподавания языков.

Само понятие пространства существенно не только при описании значений собственно пространственных слов, но и при описании языковой системы в целом, что разносторонне показано, в частности, в работах Ю. С. Степанова. Значимость концепции пространства в культурологии раскрывается в работах В. Н. Топорова.

Выбор перечисленных выше предлогов и наречий определяется тем, что некоторые из них вообще не были объектом специального лингвистического исследования; другие же еще не получили исчерпывающего описания, объясняющего разнообразные особенности их функционирования в речи, хотя отдельные существенные их характеристики были выделены.

В предлагаемой работе был разработан детализированный понятийный аппарат, с помощью которого, как мы полагаем, удалось выразить различие между исследованными словами и между отдельными их значениями. Выдвинутые гипотезы проверялись с помощью экспериментальной методики.

При описании предлогов предметом дискуссии часто становится вопрос об организации их семантической структуры. В одних работах некоторые предлоги представлены как в высшей степени многозначные слова (иногда выделяется до 20—30 значений). Такая высокая степень многозначности сама по себе уже вызывает сомнения, что здесь практически перечисляются контекстные варианты, а не значения. С другой стороны, делаются попытки представить семантическую структуру предлогов как состоящую обязательно из одного инвариантного значения. Кроме того, в ряде работ многие предлоги довольно долго рассматривались как вообще почти лишенные лексического значения.

Задача раскрыть семантическую структуру описываемых слов ставилась и в предлагаемой работе.

Проведенное исследование позволило свести семантику этих слов к относительно ограниченному числу значений—2, 4 и выделить два основных типа организации значения. Мы попытались также показать те процессы, которые лежат в основе объединения семантической структуры слова. Один из них—преобразование пространств.

Еще одна задача исследования связана с сопоставительным анализом. Как отмечала В. Н. Ярцева, подобное исследование может быть наиболее продуктивным, если сопоставляются семантические микросистемы. Такая единица сопоставления (группа пространственно-дистанционных слов) была выбрана в данной работе. Это позволило выявить существенные сходства и различия в описываемом фрагменте картины мира, сформированном в русском и английском языках. Эти сходства и различия проявляются не только на уровне самих значений слов, но и в выборе способа представления объектов (т. е. ориенти-

ра-релятума и локализуемого объекта), соединенных пространственным отношением. Мы относим такие явления ко второму уровню семантического описания.

Настоящая работа выполнена в русле чисто лингвистических исследований, но полученные результаты могут оказаться существенными для выявления некоторых закономерностей когнитивных процессов.

Исследование и написание глав, посвященных русским предложениям и наречиям, было осуществлено О. Н. Селиверстовой, английским — Т. Н. Маляр. Введение и заключение написаны совместно.

Разделы представленной книги регулярно обсуждались на ежегодных заседаниях русско-французского семинара. Авторы благодарят всех тех членов семинара, которые принимали участие в обсуждении, и, прежде всего, Д. Пайара¹. По материалам проведенного исследования был сделан ряд докладов как в России, так и за границей. В частности, на конференциях «Категоризация мира. Время и пространство» в МГУ (1997), «Языки пространств» (Москва — Дубна, 1997), а также на семинарах проф. М. Гиро-Вебер в университете Экса (Франция, 1996), на совместных заседаниях 7-го Университета Парижа и Института восточных языков (1996), на семинаре Ф. Джусти-Фичи во Флоренции (1995). Авторы благодарят за предоставленную возможность обсуждения полученных результатов, полезные замечания и рекомендации.

Авторы также благодарят В. Н. Ярцеву за ценные советы.

¹ Работа над предложениями, частью которой является представленная книга, частично входит в совместный русско-французский проект, который с 1995 по 1997 год поддерживался грантом ИНТАС № 93-2608. Осуществление компьютерного набора рукописи стало возможным благодаря гранту РГНФ для поддержки ведущих научных школ.

Введение*

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ПОСТАНОВКА ЗАДАЧ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во введении мы рассмотрим, по необходимости кратко, результаты изучения семантики пространственных предлогов и наречий, представленные в других работах, и сформулируем задачи, которые ставились в проведенном исследовании.

Семантика — это, вероятно, основной камень преткновения на пути получения точного описания языка. Поэтому естественно, что ее исследованию уделяется в настоящее время так много внимания. Значительное число работ посвящено и анализу значения пространственных предлогов и наречий разных языков. Эти работы представляют интерес не только благодаря полученным конкретным результатам, но и в связи с разнообразием используемых подходов, в известной степени отражающих общее положение дел в семантике. Это разнообразие мы и попытались представить в предлагаемом обзоре. Отметим, что в некоторых работах соединяются разные аспекты рассмотрения, вследствие чего они включаются в несколько классификационных рубрик¹.

1. СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ/ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

Работы, посвященные семантике предлогов и наречий, можно, прежде всего, противопоставить в зависимости от того, стоят ли в фокусе внимания исследователя отношения между членами группы в системе языка или нет.

Введение написано совместно с Т. Н. Маляр.

¹ Некоторые из принимаемых нами рубрик использовались и в других классификациях. Так, первая рубрика (см. ниже) учитывается в [Шяшкаускене 1995], вторая в [Coventry & Ludwig 1991]. Авторы этих классификаций также отдельно выделяют когнитивную и ситуационную семантику.

В одних работах, например, в работах Ф. Вуда [Wood 1967] и К.-Г. Линдквиста [Lindkvist 1976], подробно рассматриваются значения локативных предлогов в разнообразных контекстах. Основное внимание уделяется фактически «контекстным значениям», возникающим из взаимодействия различных факторов—контекста, определенных конструкций и фраз, которые, по мнению К.-Г. Линдквиста, играют гораздо большую роль в употреблении предлогов, чем «всеохватывающие общие принципы» («comprehensive general principles») [Lindkvist 1976: Introduction]. Работы такого рода представляют обширные и крайне ценные сведения о функционировании языковых единиц, практически не касаясь сущности их значения. Исходное, неконтекстуальное значение или значения языковой единицы и сами пространственные представления, лежащие в их основе, теряются в массе частных случаев употребления. Кроме того, размытыми оказываются и различия между предлогами, выражающими близкие или сходные пространственные отношения. Это связано еще и с тем, что в таких работах, как правило, значения одних предлогов определяются через другие предлоги или их сочетания. Например, одно из значений *near* определяется К.-Г. Линдквистом как 'close to'. Другой предлог, *beside*, либо рассматривается как эквивалент (a substitute to) предлогов *close to* или *next to*, либо же его значение описывается как «сочетание представлений, передаваемых этими двумя предлогами» (a mixture of both these notions) [Lindkvist 1976:117].

Синтагматическому подходу к описанию семантики пространственных предлогов и наречий противопоставлен парадигматический подход, в рамках которого исследователи ставят своей целью определение значений пространственных единиц в языковой системе. При этом значение представляется чаще всего в виде сочетания семантических признаков. В частности, Дж. Лич (Leech 1974: 128—133) описывает через набор контрастивных признаков значения английских предлогов *over*, *under*, *in front of*, *behind*, *on the left*, *on the right*, *beside*, *by*. В своем анализе автор учитывает следующие бинарные противопоставления: горизонтальной и вертикальной плоскостей, направления (*in front of*—*behind*, *over*—*under*), первичной (front-to-back) и вторичной (side-to-side) осей. Такой набор контрастивных признаков значительно сужает возможности анализа. Практически они исчерпываются приведенными выше предложно-наречными словами. И, естественно, подобное описание не позволяет установить семантические различия у единиц, передающих сходные пространственные отношения, например, *over* и *above*, *under*—*below*—*beneath* т. п. Д. Беннет [Bennet 1975] предлагает более широкую схему, которая должна описывать как пространственные, так и временные значения ряда английских предлогов. Для каждого предлога формулируется обобщенное значение, в виде набора признаков, выделенных на основе внутриязыковых семантических противопоставлений и компонентного анализа. Автор использует в своем

описании систему пяти падежей (*cases*), разработанную в работах С. Филлмора [Fillmore 1968] и некоторых других авторов. Значение предлога, таким образом, включает, прежде всего, признак или признаки, указывающие на соответствующий падеж или падежи. Например, значение предлогов *under* и *over* описывается через понятие «местоположение» («locative»), значение *across* представлено через понятие «траектория» («path»), значение *through* — соединяет эти понятия — «траектория» («path») + «местоположение» («locative»). Затем вводятся уточняющие признаки: для *under* и *over* — это соответственно «низший» (*inferior*) и «высший» (*superior*), для *through* — «внутри» («interior»), для *by* выделяется элемент «близость» (*proximity*) и т. д. В целом Д. Беннет предлагает более сложную систему, чем та, что представлена в работе Дж. Лича, но, как показал проведенный анализ (см. гл. V), и эта система недостаточно сложна для того, чтобы обеспечить исчерпывающее описание семантики пространственных слов. Сам автор признает, что многие выделенные признаки не являются неразложимыми и во многих случаях требуют дальнейшего толкования, например, признаки «ниже» («lower») и «выше» («higher»), выделяемые в значениях предлогов *below* и *above*. Добавим, что дальнейший компонентный анализ этих признаков необходим и для того, чтобы установить различия между ними и такими признаками как «низший» («inferior») и «высший» («superior»), входящими в значения предлогов *under* и *over*. Очевидно также, что для описания значений таких английских предложно-наречных слов как *near*, *close (to)*, *nearby*, *closeby*, *by* потребуются введение других семантических элементов кроме признаков «местоположение» и «близость», выделяемых Д. Беннетом в значении *by*, так как на основе только этих двух признаков невозможна семантическая дифференция указанных единиц.

В русле парадигматических исследований выполнены работы Н. Н. Леонтьевой и С. Е. Никитиной [1969], а также А. Е. Кибрик [1970] и А. И. Моисеева [1979]. Н. Н. Леонтьева и С. Е. Никитина, например, определяют значение предлога как набор абстрактных признаков, по которым предлоги противопоставляются друг другу в парадигматической системе [1969: 20]. Авторы стремятся записать значение русских предлогов в виде элементарных смысловых отношений (ЭСО). ЭСО, комбинация которых создает значение предлога в предложении, сгруппированы по темам (их всего 12). Одной из таких тем является пространственная локализация.

Как и во всех исследованиях, охватывающих большое количество языковых единиц, в работе естественно не всегда уделяется достаточно внимания разработке понятийного аппарата для описания частных случаев. Так, в качестве одного из метапонятий пространственной локализации используется модель 'X рядом с Y-ом', через которую описывается значение предлога *у*. Понятно, что такое описание может рассматриваться только как предварительное (см. ниже главы,

посвященные этим предлогам). Основным достоинством работы Н. Н. Леонтьевой и С. Е. Никитиной, кроме выделения самих семантических признаков, является, как нам представляется, то, что здесь была сделана одна из первых попыток расклассифицировать семантические признаки контекста и, в частности, семантические представления денотатов имен, сочетающихся с предлогами, по тем характеристикам, которые оказываются существенными для выбора предлога. Иногда эти характеристики оказываются обусловленными не столько объективными свойствами объекта, сколько их осмыслением носителями языка. Например, темнота осмысляется как некий объем, вместимость. Данная линия исследования получает в настоящее время все более широкое распространение (см. ниже).

А. Е. Кибрик [1970] рассматривает пространственные значения падежей и предлогов в различных языках дагестанской группы. Автор выделяет, прежде всего, два класса значений — ориентирующее и двигательное, которые можно соотнести с падежами Д. Беннета «местонахождение» — «траектория». Для каждого из этих значений строится иерархическая модель семантических оппозиций. Результатом такого исследования является, по мнению автора, универсальная модель пространственных значений, которая не только охватывает 23 языка дагестанской группы, но применима и к другим языкам. Попытка создания универсальной пространственной модели представляет несомненный интерес, но, как отмечает И. Шяшкаускене [1995: 14], такая модель дает крайне обобщенное — «грубое» — описание, лишь приблизительно соответствующее реальной семантике пространственных предлогов. Парадигматические противопоставления и компонентный анализ, безусловно, являются важнейшим инструментом семантического исследования, но, как уже отмечалось, упрощенная система бинарных оппозиций не исчерпывает всей сложности пространственных представлений, передаваемых предлогами и наречиями, и не позволяет выявить индивидуальные пространственные значения отдельных единиц. За рамками такого описания остаются и своеобразные пространственные значения, свойственные разным языкам.

2. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБИНВАРИАНТНОСТИ/ПОЛИСЕМАНТИЧНОСТИ КАК ОТПРАВНАЯ ТОЧКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Характер семантического описания может быть связан с определенным представлением о структуре значения пространственных предлогов и наречий.

Одними исследователями у языковой единицы постулируется одно обобщенное значение, из которого выводятся все возможные семантические варианты,

другие ученые признают многозначность пространственных предлогов и наречий, при которой разные значения являются в определенной степени самостоятельными и не сводятся к одной семантической «схеме». Так, Дж. Лич [Leech 1974], Д. Беннет [Bennet 1975], А.Е.Кибрик [1970] и др. описывают обобщенное значение предлогов. А. Герсковиц [Herskovits 1986] называет такое значение идеальным (*ideal meaning*). Однако, в отличие от перечисленных выше авторов А. Герсковиц рассматривает единое «идеальное» значение как некое геометрическое представление, которое лежит в основе всех употреблений предлога, подвергаясь при этом определенным адаптационным сдвигам [Herskovits 1986: 39]. Это могут быть семантические сдвиги (*sense shifts*). Например, предлог *on* в сочетании *wrinkles on his forehead* ('морщины на его лбу') не передает идеального геометрического значения *on*, но обозначаемые здесь отношения имеют с ним определенное сходство, — отсюда термин «сдвиг по сходству» (*resemblance shift*). Выделяются также «толерантные сдвиги» (*tolerance shifts*), когда идеальное или трансформированное значение лишь приблизительно отражает подлинные денотативные отношения. Например, *The book is on the table* (Книга на столе), где предлог *on* в соответствии со своим идеальным значением указывает на непосредственное соприкосновение объектов, хотя в действительности между ними могут находиться другие объекты (скатерть, другие книги и т. д.). Семантика предлога далее характеризуется через геометрические дескриптивные функции (*geometric description functions*), которые указывают на геометрические и физические характеристики объектов, входящих в локативную конструкцию (например, твердые тела, жидкие и газообразные объекты, геометрические фигуры, отверстия и т. п.), а также определяют другие геометрические представления, связанные с обозначаемыми пространственными отношениями, например, часть объекта или прилегающий к нему сегмент пространства. Сходная классификация объектов по их форме предлагается и в статье [М. Диманцо, Дж. Адорни, Ф. Джункилья 1986]. Сочетание идеального значения и геометрических дескриптивных функций оказывается, однако, недостаточным для описания семантики локативных предлогов во всех случаях их употребления. В некоторых случаях дополнительные семантические элементы могут выводиться из прагматической функции локативной конструкции (ориентация в пространстве, идентификация или описание объекта и т. д.), в других, по мнению автора, мы имеем дело с «традиционным употреблением» (*conventional use*). Для описания традиционного употребления предлога вводится понятие функционального варианта (*use type*). Автор предлагает приводить список таких функциональных вариантов для каждой локативной единицы как его дополнительные смыслы (*additional senses*) или идиоматические формы (*idiomatic forms*).

Идея идеального значения подверглась существенной критике в статье Дж. Тейлора [Taylor 1988]. По его мнению, формулировка идеального значения ставит перед исследователем противоречивую задачу: с одной стороны, это значение должно быть достаточно обобщенным, чтобы «покрывать» все случаи языкового употребления, с другой, — оно должно быть достаточно специфичным, чтобы отличать одну единицу от другой. Добавим, что такая двусмысленность требований ведет к созданию довольно громоздкой системы описания, в которой многие существенные семантические признаки рассматриваются как элементы традиционного употребления и классифицируются как функциональные варианты. При этом выделение функциональных вариантов во многих случаях представляется достаточно произвольным. К. Ковентри и А. Людвиг [Coventry, Ludwig 1991] отмечают, и, как кажется, вполне справедливо, что автор часто различия в денотативной ситуации трактует как различия в семантике предлога. Ниже мы еще вернемся к некоторым спорным положениям А. Герсковиц, но несомненно ее работа вносит большой вклад в понимание функционирования предлогов, определяемого взаимодействием целого ряда различных факторов.

В отличие от А. Герсковиц, Б. Хокинс [Hawkins 1984] считает многозначность неотъемлемым свойством пространственных предлогов. По его мнению, значения английских пространственных предлогов организованы как классическая модель категории с прототипическим членом: разные значения отдельного предлога объединяются в единую семантическую категорию благодаря сходству с ее прототипическим членом. Дж. Лакофф [Lakoff 1987] разделяет эту точку зрения. Он пишет, в частности:

Эти выражения многозначны; они не могут быть представлены через единое стержневое значение (a single core meaning), которое определяло бы все разнообразие их отдельных значений (various senses)... Значения каждой единицы образуют радиально организованную категорию (a radially structured category), с центральным членом и связями, которые определяются трансформацией образной схемы и метафорами (defined by image schema transformation and metaphors) [Lakoff 1987: 455].

С этих позиций и описывается семантика слова *over*, которая представляется как цепочка значений, связанных с двумя центральными значениями — «above — across» и «above» — разными типами трансформаций. Аналогичный подход к описанию значений английских и итальянских предлогов принят и в цитируемой выше статье Дж. Тейлора [1988].

Проблеме построения семантической структуры, соотношению значения и контекста посвящена и статья С. Е. Никитиной, — «О семантическом варьировании русских предлогов» [1979].

3. ОПИСАНИЕ В СИСТЕМЕ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ

Существенной проблемой в изучении семантики пространственных единиц является вопрос о содержании тех концептов, которые могут выражаться их значением. Как можно было заметить, во многих работах [Leech 1974; Bennett 1975; Кибрик 1975] значение пространственных предлогов сводится к передаче базовых геометрических отношений. Л. Герсковиц [1986] приводит перечень элементарных пространственных концептов (*elementary spatial concepts*), т. е. элементарных геометрических представлений, которые составляют идеальное значение различных предлогов. Отношения иного плана, например, функциональные, являются, по ее мнению, принадлежностью идиоматических форм, поскольку такие семантические элементы не могут входить в идеальное значение предлогов. Так, она признает, что сочетание *Maggie is at her desk* предполагает, что один объект — *Maggie* — не просто занимает позицию у другого объекта — *her desk*, но и использует его. Однако, по ее мнению, данный семантический элемент не является принадлежностью значения предлога *at*; это всего лишь одно из типовых употреблений предлога, его функциональный вариант (*use type*), который составляет класс «человек, использующий артефакт» (*person using artifact*) [Herskovits 1986: 18]. Такая модель, в которой значение локативных единиц сводится к выражению чисто геометрических пространственных отношений между предметами, используется также в работах [Cooper 1968; J. Miller, Johnson-Laird 1976; Waltz 1980] и др. В этих работах значение предлога определяется как геометрическое отношение определенного вида между двумя объектами — *X* и *Y*. В дополнение к этому вводятся определенные ограничения (*constraints*) или предварительные условия (*preconditions*). Так, Д. Купер [1968: 78] следующим образом определяет значение *at*: *X at Y* — *X* находится вблизи *Y*-а или внутри *Y*-а, при условии, что *X* может перемещаться относительно *Y*-а и не является геополитическим ареалом.

Условия или ограничения, как мы видим, касаются характера объектов. Сходную, но более сложную модель значений пространственных предлогов предлагают Дж. Миллер и Ф. Джонсон-Лэрд [1976]. Исходя из предположения о том, что цель локативных конструкций — служить указанием для обнаружения объекта *X*, они определяют значение предлога как такое отношение между *X*-ом (референтом) и *Y*-ом (релятумом), которое позволяет наиболее уверенно установить «поисковый район» (*search domain*). Для описания значения предлогов авторы используют сокращения и символы, обозначающие базовые понятия геометрического описания, например, *part* — часть, *incl (z, y)* — включает ζ и т. д. Так, значение предлога *in* описывается следующим образом:

in (X, Y)—Референт X находится в (*in*) релятуме Y,
если i [*part* (χ , ζ) & *incl* (ζ , y)],

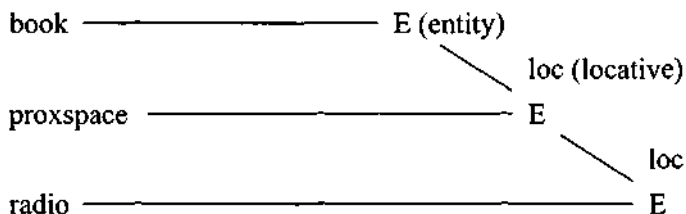
т. е. если Z является частью X-а и Y включает Z.

В определение значения предлога *at* вводится понятие «область релятума»—Region. Область Y-а определяется как такой поисковый район, в котором X может взаимодействовать с Y-ом. Здесь, как мы видим, авторы несколько отступают от чисто геометрического описания отношений между объектами и учитывают возможность их взаимодействия, но эта мысль не получает у них дальнейшего последовательного развития. В основном все упомянутые выше авторы исходят из того, что пространственные предлоги передают простые геометрические отношения между физическими объектами. Такой же подход прослеживается и в работах [Talmy 1983; Jackendoff, Landau 1991] и др. Анализируя недостатки подобного подхода, А. Герсковиц [1986] указывает, что в нем не учитываются отклонения от простых геометрических отношений при описании сцен локативными конструкциями. В качестве примера автор приводит предложения: 1) *The pear is in the bowl* 'Груша в вазе' и 2) *Ulysses is on the desk* 'Книга «Улисс» на письменном столе' в тех случаях, когда груша лежит на других фруктах и находится за пределами вазы, а книга «Улисс» лежит на стопке других книг.

Очевидно, что в этих случаях *in* и *on* не соответствуют—строго—тем геометрическим отношениям, которые описывают традиционные; для этого метода формулировки: *in* (χ , y): Located (x , Interior (y)) и *on* (χ , y): Located (x , Support (y)). Кроме того, по мнению А. Герсковиц, описание значений локативных единиц только через геометрические отношения объектов и перечень определенных «условий» («preconditions», «constraints») не объясняет существующих в языке ограничений в употреблении ряда локативных единиц и трансформаций локативных моделей. В частности, они не объясняют, почему возможно предложение *Joe is in the field* ('Джо в поле') и неприемлемо **Joe is in the football field* ('Джо в футбольном поле'). Почему для описания одних и тех же геометрических отношений невозможно употребление антонимических единиц, так, например: *the house behind the church* 'дом за церковью' не трансформируется в **the church in front of the house* 'церковь перед домом' и т. п. Эта критика вполне справедлива. Более того, можно сказать, что такой подход к описанию значения локативных единиц в целом не объясняет закономерностей выбора того или иного пространственного предлога или наречия для описания сцен, допускающих различные варианты пространственной интерпретации. Тем не менее, как было показано выше, в собственном описании А. Герсковиц не отказывается от чисто геометрической модели значения пространственных предлогов; она лишь вводит целую систему «уточнений»—смысловые сдвиги, геометрические дескриптивные функции, функциональные варианты и т. д.

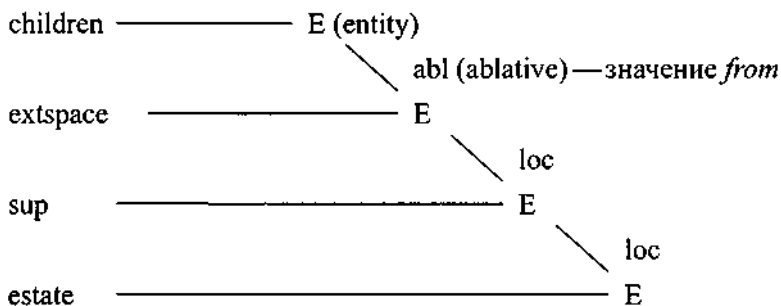
Интересный анализ семантики слов с пространственным значением предлагает Дж. Миллер [1985]. Автор выделяет для всех языковых элементов с пространственным значением две семантические категории, которые он называет *entity* (сущность) и *relator* (релятор). По мнению автора, наречия, предлоги и приставки могут выражать — и большинство из них выражает — не просто пространственные отношения между объектами, а нечто, материально существующее в реальном мире, некую сущность (*entity*). Основными сущностями, по мнению автора, являются: 1) поверхности объектов (*the surfaces of objects*); 2) пространство, прилегающее к поверхностям (*the space adjacent to the surfaces*); 3) внутреннее пространство объектов (*the interior of objects*); 4) внешние очертания объектов (*the exterior of objects*); 5) пространственные сегменты (*areas of space*). В приложении к характеристикам физических объектов перечисленные выше основные 'сущности' конкретизируются и их инвентарь расширяется. Например, поверхности объектов распадаются на «верхние» (*superior*) и «нижние» (*inferior*); пространство, прилегающее к поверхностям, на «надпространство» (*supspace*), прилегающее к верхней поверхности объекта, «околопространство» (*circumspace*), прилегающие ко всем поверхностям объекта и «близьпространство» (*proxspace*) — пространство вблизи объекта и т. д.

Локативные сочетания описываются автором путем выделения набора сущностей и указания на характер отношений между ними. Так, сочетание *The book near the radio* 'Книга около радиоприемника' получает следующую репрезентацию:

Некоторые предлоги могут иметь несколько разных семантических структур. Например, предлог *over*, (а) *the cloth over the table* ('скатерть на столе') и (б) *the lamp over the table* ('лампа над столом'). В примере (а) *over* обозначает одну сущность — *Sup* (*superior*) — верхнюю поверхность объекта, в примере (б) — другую, а именно *Supspace* — пространство, прилегающее к верхней поверхности объекта. При этом автор считает, что значение *above* совпадает со вторым значением *over* — (б) — итакже описывается через семантический элемент 'Supspace', что представляется неоправданным. В пространственных представлениях, передаваемых *over* и *above*, по нашему мнению, прослеживаются весьма существенные различия [Маляр 1994; 1995].

Дж. Миллер, как уже отмечалось, считает, что большинство предлогов соотносится с сущностями, а не с реляторами, т. е. указывают в основном на определенные поверхности и пространственные сегменты. Однако такие предлоги как *from*, *of*, *to* и *at* причисляются им к предлогам, которые соотносятся с реляторами, т. е. указывают не на части пространства и поверхности объектов, а только на пространственные отношения. В качестве примера приводится, в частности, сочетание *Children from the estate* 'Дети из поместья' которое получает следующую репрезентацию:

Предложенная Дж. Миллером модель описания семантики пространственных предлогов в определенной степени ограничена. В частности, она не всегда позволяет выделить индивидуальное значение у семантически близких предлогов — пример с *over* и *above*. Но более существенным является то, что автор не сводит значения всех предлогов только к отношениям: в значении предлогов он выделяет семантический элемент, указывающий на некую часть или сегмент пространства, в которой находится объект, и этот аспект его трактовки подтверждается и на исследованном нами материале (см. ниже).

Попытка ввести функциональные элементы в описание семантики пространственных предлогов была предпринята в работе [Garrod, Sanford 1989]. Авторы берут за исходный пункт своего анализа «идеальное значение» предлогов в понимании А. Герсковиц. Далее они исходят из положения о том, что смысловая сторона языка связана с реальным миром посредством мыслительных моделей (*mental models*). Мыслительные модели состоят из определенных объектов и отношений между ними, которые как бы воссоздают «топографию» сцены и учитывают реальные функциональные связи между объектами. Пространственные модели, таким образом, представляют собой не просто пространственные отношения между объектами, но пространственную среду, в которой объекты взаимодействуют. Авторы называют это функциональной геометрией сцены (*functional geometry of scenes*). Введение представления о функциональных связях в определение значения пространственных предлогов

представляется наиболее важным и продуктивным элементом в данной трактовке. В обобщенных значениях предлогов этот семантический элемент формулируется как функциональное управление (functional control) одного элемента другим. Далее, он уточняется в зависимости от чисто геометрических элементов, передаваемых значением предлога. Например, *on* имеет значение функциональной опоры (functional support). Такая формулировка, по мнению авторов, объясняет не только такие примеры, как *The lamp is on the table* 'Лампа на столе', но и примеры типа *The light on the ceiling* 'Светильник на потолке', и даже переносные значения типа *Stan is on the bottle* 'Стэн пьет' (Ср. рус: *Он держится на кофе и сигаретах*). Понятие «функциональное вместилище» (functional containment) гораздо более логично объясняет многие особенности употребления предлога *in*, чем гипотеза о соответствии значения этого предлога чисто геометрическому представлению о включении референта в одно-, двух- или трехмерный релятум (ориентир). Например, «функциональная» гипотеза позволяет понять причину использования предлога *in* в рассмотренном выше примере А. Герсковиц *The pear is in the vase*.

Трактовка С. Гарро и А. Санфорда, как уже отмечалось, представляется заслуживающей внимания именно в той ее части, в которой делается переход от рассмотрения чисто геометрических отношений как основы смыслового содержания пространственных предлогов и предполагается связь этих семантических элементов с функциональными связями объектов. К сожалению, авторы не развивают этого направления в семантическом анализе и ограничиваются понятием функционального управления, связанного в той или иной степени с причинно-следственными отношениями.

Несколько в ином ключе трактует функциональный подход к анализу семантики пространственных предлогов К. Ванделуаз [Vandeloise 1992]. Критикуя геометрические [Hawkins 1988] и топологические [Herweg 1989] описания семантики пространственных предлогов, в частности, предлога *in*, К. Ванделуаз утверждает, что геометрические характеристики, т. е. трех-, двух-, или одномерность объекта, и топографические отношения типа «включение» являются вторичными по отношению к функциональным признакам. Функциональный признак он определяет как динамическую связь между объектами, один из них (*le cite*)—обозначающее его слово занимает позицию справа от предлога—оказывает определенное воздействие на другой объект (*la cible*)—слово, его обозначающее, занимает позицию слева от предлога. Так, например, в сочетании «*a dans b*» объекты, по определению автора, связывает отношение «содержащее/содержимое» (*le contenant/le contenu*—C/c). Это отношение определяет следующие типы воздействия объекта, обозначаемого знаком **b**, на объект, обозначаемый знаком **a**: 1) если объект **b** находится в движении, то он вызывает аналогичное движение объекта **a**; 2) если **b** обозначает фиксированный

объект, например, комнату или тюрьму, то этот объект ограничивает возможности передвижения объекта *a*; 3) если *b* и *a* — фиксированные объекты, то объект *b* ограничивает доступ внешних подвижных объектов к объекту *a* (с. 32).

Последовательное применение функционального критерия в определении семантики пространственных предлогов, по мнению К. Ванделуаза, позволяет объяснить все случаи их употребления, включая те, в которых реальное соположение объектов не соответствует установленным для определенного предлога геометрическим или топологическим характеристикам. Кроме того, в подтверждение ведущей роли функциональных компонентов К. Ванделуаз ссылается на особенности употребления пространственных предлогов детьми на ранних стадиях овладения языком. В тех случаях, когда характер функциональной связи объектов очевиден, например, когда один объект *b* фиксирует положение другого объекта *a*, дети не колеблясь употребляют предлог *dans*, даже если объект *a* не включен целиком в объект *b* или если объект *b* не является трехмерным, т. е. если нарушаются основные топографические или геометрические условия употребления предлога *dans*.

Несомненно учет функциональных связей важен для семантики пространственных предлогов, но вместе с тем представляется неоправданным считать, что геометрические и топологические характеристики обязательно вторичны. Более того, значение отдельных предлогов и наречий может, по-видимому, исчерпываться этими характеристиками (например *above*, *below* — в английском языке, в значения которых, как мы полагаем, не входит указание на какие-либо функциональные связи между объектами [Маляр 1994]).

4. КОГНИТИВНАЯ/КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Рассматривая различие синтагматического и парадигматического подходов к семантическому описанию, мы касались только той группы исследований, которая подходит к изучению семантики пространственных единиц исключительно с внутриязыковых позиций. Д. Беннет достаточно четко сформулировал принцип, на котором основываются эти исследователи: «В центре семантического исследования должны стоять внутриязыковистические семантические отношения, а не отношения между лингвистическими единицами и миром, в котором мы живем» [1975: 4]. Существуют, однако, работы, которые рассматривают именно отношения между языковой семантикой и миром, а также между языковой семантикой и внеязыковыми представлениями о нем. Если воспользоваться словами Р. Джекендоффа, первая семантика — «о мире, как он есть», вторая — «о том, как мы его воспринимаем (*grasp*)» [1990: 12]. Второе направление представлено работами по когнитивной лингвистике. Их цель заключается,

прежде всего, в том, чтобы установить, как внеязыковые представления и категории и, в более широком плане, общечеловеческие закономерности познания и мышления преломляются в семантике языковых единиц (см., например, об этом направлении в [Кубрякова 1993]).

В изучении пространственных предлогов и наречий работы данного направления исходят, как правило, из тех пространственных параметров, которые могут восприниматься и осознаваться человеком, и для которых затем устанавливаются соответствия в семантической системе языка. Показательна в этом плане статья Р. Джекендоффа и Б. Ландау [1991]. Авторы видят свою исследовательскую задачу в том, чтобы, во-первых, установить, «каким образом язык использует внеязыковые пространственные представления (spatial cognition) для описания того, что мы зрительно воспринимаем», и, во-вторых, показать, «как тем самым язык открывает нам пути для постижения характера наших внеязыковых пространственных представлений» [Jackendoff, Landau: 145]. Интересно проследить ход рассуждений авторов в той части статьи, в которой они пытаются «воссоздать» концептуальные представления о пространственных отношениях объектов, опираясь на семантику языковых единиц, прежде всего, пространственных предлогов. Следует отметить, что сама постановка задачи не предполагает семантического анализа какой-либо группы или групп предлогов. На основе своего когнитивного опыта и языковых знаний авторы стремятся выделить из всех возможных характеристик геометрического расположения объектов те признаки, которые отражаются в семантике пространственных предлогов и, следовательно, закреплены в соответствующих пространственных концептах. Рассуждение строится следующим образом: исходя из нашего пространственного опыта можно выделить разные типы пространственных отношений, например, «протяженность от одного конца сигарообразного объекта до другого»; такое отношение могло бы обозначаться гипотетическим предлогом *sprough*. Например: *The rug extended sprough the airplane*, или *The major axis of an ellipse goes right sprough it*. Другой тип можно описать как «расположение между целым и его выступающей частью», и он мог бы выражаться гипотетическим предлогом *betwaft*. Например: *The bug crawled betwaft my face* — «The bug crawled down the junction between my nose and the main body of my face» или *A stripe extended betwaft the cup* — «A stripe extended along the junction between the cup and the handle». Но таких предлогов — *sprough* и *betwaft* — в английском языке нет, следовательно, не существует и постулируемых для них пространственных концептов. Представленные в этих концептах геометрические признаки — «сигарообразность ориентира», «расположение между целым и его выступающей частью» — оказались нерелевантными для концептуализации пространственных отношений в английском языке. Релевантным для пространственного восприятия и пространст-

венного мышления (*spatial cognition*) оказываются другие характеристики, а именно те, которые присутствуют в семантике пространственных предлогов, например, осевая ориентация и направление (предлоги *in front of, behind, over, above, under, below*), относительное расположение (*in, inside, on, against, near*), количественные характеристики ориентира (*between, among, amidst*) и другие. Эти характеристики тоже выводятся на основе внеязыкового знания о мире, в котором выделяются некие **структуры** — **концепты**, сопоставляемые с языковыми средствами выражения.

Таким образом, здесь не разрабатываются специальные процедуры для выделения языковых значений, что, вероятно, и является причиной несколько упрощенного вывода об особенностях представления пространственных отношений в языке: авторы считают, что семантика пространственных предлогов исключительно бедна по сравнению с теми пространственными характеристиками, которые, по-видимому, могут фиксироваться в восприятии. Авторы, вероятно, правы, считая, что возможности восприятия гораздо шире, чем те, которые отображаются в языке. Однако более глубокое изучение семантики пространственных предлогов показывает, что она намного богаче, чем предполагают авторы, и признаки, ее формирующие, связаны не только с уровнем восприятия, но и с более высокими уровнями мышления (см., например, раздел 2.1, где указывается, в частности, на регулярность переплетения пространственных и непространственных признаков, на возможность разной концептуализации одинаковых денотативных ситуаций). Вместе с тем, несмотря на неполноту описания, существенно, что в анализируемой работе выбирается новый ракурс рассмотрения, углубляющий наши представления о языке и восприятии.

Аналогичный подход представлен в статье Л. Талми [Talmy 1983]. И в данном случае выделение значения конкретных языковых единиц не является самоцелью. Автор стремится описать пространственные категории (*spatial categories*), а также установить их общую базовую природу (*common fundamental character*) и место в более широких лингво-когнитивных системах (*place within larger linguistic-cognitive systems*) [Talmy 1983: 225]. Исходным пунктом исследования здесь также служит общекогнитивное представление о пространстве и его характеристиках, которые считаются, а priori, релевантными для языка, а именно статическое местоположение объекта в пространстве (*its site when stationary*); путь объекта при его передвижении (*its path when moving*), ориентация объекта при его статическом положении или передвижении (*its orientation during either state*) [1983: 229]. Особое внимание уделяется разным возможностям осмысления объекта, прежде всего, вторичного ориентира (*Secondary/Reference Object*), или фона (*Ground*), т. е. того, относительно которого устанавливается положение первичного (*primary*) объекта, или фигуры (*Figure*). Ведущую роль в формировании разных типов пространственной трактовки объекта при

описании сцен именными группами с пространственными предлогами, по мнению автора, играют процессы идеализации, абстракции и топикализации. Практически все эти процессы предполагают выбор одной или нескольких объективных пространственных характеристик объекта и отвлечение от всех остальных параметров. Так, примером идеализации является пространственная трактовка объектов «небоскреб», «человек» и «карандаш» в предложениях: *The outside elevator rose along the skyscraper* / *The snake slithered along the performer* / *An ant crawled along the pencil*. Во всех этих случаях в пространственном представлении об объекте выступает его линейная протяженность, а остальные параметры — высота, относительная величина и т. п. — уходят на второй план. В процессе абстракции также игнорируются и такие свойства объекта как, например, его физический состав или характер поверхности, ср.: *across the river* и *across the tennis court*. Термин *топикализация* в том смысле, как он используется в рамках данного направления, — это абстрагирование от таких базовых свойств объекта, как его форма — *through the water/through the timber* — или размер — *the ant crawled along my palm/the man walked across the field/the bus drove across the country* [Talmy 1983: 262—263]. В более поздней работе [1988] Л. Талми выскажет предположение о том, что в языке вообще не находят выражения классические понятия Евклидовой геометрии — абсолютная величина (размер), абсолютное расстояние, геометрическая форма, а также такие понятия как физический состав, плотность и т. д., т. е. язык, по мнению автора, по своей сути топографичен.

Л. Талми занимается и еще одним аспектом связи между когнитивными процессами восприятия и осмысления пространственной сцены и их языковым оформлением. Он рассматривает те факторы, которые определяют не просто отбор языковых средств, но и то, что можно было бы назвать «ракурсом описания». К этим факторам, по его мнению, относятся, во-первых, внеязыковые пространственные представления (*unexpressed spatial understandings*). Именно они во многих случаях объясняют те запреты на трансформации локативных сочетаний, которые, как указывают многие исследователи (например, [Herskovits 1986] и др.) не получают объяснения при чисто внутриязыковой трактовке пространственных значений. Запрет на трансформацию *The bike is near the house* — **The house is near the bike* определяется не языковыми, а когнитивными законами: в качестве ориентира человеку свойственно выбирать стационарный объект больших размеров. Тот же запрет действует и в русском языке: *Велосипед возле дома* — **Дом возле велосипеда*. Отметим, однако, что хотя в большинстве случаев ориентир действительно должен удовлетворять указанным требованиям, при употреблении некоторых предлогов выбор ориентира оказывается независимым от них (см. анализ *avantlapres* в [Berthonneau 1992]). Снятия ограничений связаны с характером значения этих предлогов.

Еще одним фактором, влияющим на характер описания сцены, является, в формулировке Л. Талми, «лингво-культурный предвыбор». К этому понятию мы вернемся ниже.

Особенно интересным в работах Л. Талми нам представляется, с одной стороны, поиски тех концептов, которые присущи разным языковым пластам, что свидетельствует об их значимости не только для языка, но и для мышления—они соответствуют тем понятиям, в терминах которых «обрабатывается» значительная часть воспринимаемых ситуаций. С другой стороны, обнаружение тех представлений, понятий, которые оказываются неотображенными в языковых системах. Однако сам путь выявления этих общих концептов, который часто носит чисто умозрительный характер, вызывает сомнения. Приведем пример из работы Л. Талми 1988 года. Автор предлагает в ней, в частности, классификацию глаголов в соответствии с признаком «форма распределения действия во времени» (*pattern of distribution of action through time*). В соответствии с этой категорией семантика глаголов *die* и *kill* включает элемент «необратимый переход из одного состояния в другое», а семантика глаголов *fall* и *drop*—«обратимый переход из одного состояния в другое». Хотя можно согласиться с тем, что обратимость и необратимость перехода из одного состояния в другое является частью наших знаний о соответствующих действиях и процессах, вряд ли можно признать, что введенные представления определяют семантическое противопоставление данных глаголов. Предложенная трактовка семантики английских пространственных предлогов [Talmy 1983] вызывает в некоторых случаях такие же сомнения. Например, связан ли запрет на употребление предлога *across* в таком предложении как **He walked across the prairie*, букв. 'Он шел через прерии' с тем, что у объекта *prairie*, по мнению автора, нет ширины, а предлог *across* предполагает поперечное пересечение. Этот запрет можно объяснить и другим семантическим представлением, а именно тем, что предлог *across* предполагает перемещение от одной границы объекта до другой, что не соответствует данному контексту. В любом случае мы считаем, что для доказательного описания пространственной семантики необходим, прежде всего, тщательный анализ языкового материала. Только такой анализ позволяет сделать выводы о характере пространственной концептуализации, представленной в языковой системе.

Смещение фокуса внимания с процедуры выявления сложных семантических концептов никак не вытекает из общетеоретических постулатов когнитивного направления исследований. Но в настоящее время это довольно характерная черта, по которой его можно противопоставить «концептуальному» направлению исследований (этот термин заимствован из работ А. Вежбицкой). Исследования данного направления часто не связаны прямо между собой, но объединяет их, как нам представляется, общая целевая установка—раскрыть своеобразие концептов, выражаемых в семантике различных языков. Вообще говоря, данная

цель является самой традиционной для семантических исследований. Однако, как представляется, только сейчас стала полностью осознаваться большая научная, а не только практическая, значимость ее достижения, а также стали вырисовываться пути, которые могли бы к ней привести. С нашей точки зрения, здесь существенны прежде всего два момента: разработка понятийного аппарата, с помощью которого можно было бы сформулировать семантические гипотезы, не прибегая при этом к словам-синонимам, и разработка системы проверок, позволяющих верифицировать выдвинутые гипотезы, что в свою очередь связано с раскрытием логики «поведения» в тексте вводимого концепта. К данному направлению мы относим и предлагаемое нами исследование. Ниже еще будет кратко охарактеризовано принятое понимание значения и указан метод его описания. Здесь же отметим, что традиционность основной задачи делает нечеткой грань между концептуальной и неконцептуальной семантикой. Кроме того, решение этой задачи переплетается с разными рассмотренными здесь направлениями, на что мы обращали внимание в процессе изложения. Тем не менее, постепенный переход к более глубокому проникновению в семантические концепты, выражаемые языковыми знаками, представляется настолько значимым, что мы считаем оправданным говорить об особом направлении. Рассмотрим теперь еще некоторые работы, ставящие своей целью раскрытие фрагментов языковой картины мира. Отметим, прежде всего, работы Ю. Д. Апресяна [1995, т. 2: 639—644]. В рамках описания пространственных предлогов и наречий в его работах детально разрабатывается семантика, связанная с введением понятия наблюдателя, а также с разными типами ориентации.

Представление сцены, в зависимости от введения/невведения наблюдателя, удачно применяется к новому материалу Е.С.Яковлевой [1990; 1994]. Пространственной семантике посвящена одна часть исследования и ее задача формулируется как описание картины пространства, задаваемой наречиями с семантикой «далеко/близко». В число таких наречий включаются *далеко, близко, вблизи, поблизости, недалеко, рядом, вдали, вдалеке, в отдалении*. Автор выделяет ряд факторов, регулирующих употребление анализируемых слов. Во-первых, это наличие/отсутствие в их семантике указания на точку зрения наблюдателя. К наречиям с семантикой наблюдения причисляются *вдали, невдалеке*; им противопоставлены слова, не отмеченные этим признаком: *далеко, недалеко, неподалеку, рядом, поблизости, близко* [1994: 23]. Еще одним признаком является «абсолютность/относительность» оценки удаленности: наречия *близко, недалеко, далеко, рядом* являются относительными оценками удаленности объекта от говорящего, а наречия *невдалеке, неподалеку, вдали, поблизости, вблизи* выражают абсолютные оценки [1994: 25]. Абсолютные оценки действуют только в пределах некоей условной «окрестности говорящего» (с. 26). В окрестности говорящего выделяются три дистанционных

пояса: ближайший (*вблизи, поблизости*), дальний (*вдалеке, вдали*), промежуточный (*невдалеке, неподалеку*).

Другими признаками, дифференцирующими значения анализируемых наречий, являются: обязательность/необязательность горизонтальной ориентации объектов; место в коммуникативной структуре высказывания; градуируемость/неградуируемость; свобода от связи с физическим пространством.

На основе проведенного анализа автором описываются 4 модели пространства, задаваемые наречиями с семантикой «далеко/близко» в их эгоцентрическом употреблении (т. е. если одна из валентностей явно или неявно заполняется говорящим): 1) относительная, динамическая модель — *Европарядом*; 2) абсолютная, статическая модель — *Школа неподалеку*; 3) бытийное квазипространство — *Когда ты рядом, хочется жить*; 4) пространство инобытия — *Чувствую, что ты далеко* [1994: 61—62]. Как уже отмечалось, в работе удачно вводится понятие наблюдателя, позволяющее, в частности, установить различие между словами *невдалеке/неподалеку*, которые обычно считались абсолютными синонимами. Менее очевидна оправданность выделения признака «абсолютность/относительность» оценки удаленности. Безусловно, можно согласиться с тем, что потенциальная возможность варьирования абсолютных величин расстояния при разных условиях употребления слов *близко/далеко/недалеко* много шире, чем у других слов (в том числе, как нам представляется, и у слова *рядом*). Однако меньшая степень варьирования далеко не всегда может рассматриваться как показатель колебания вокруг единой абсолютной величины, на что указывает и сам автор, говоря о слове *поблизости* [1994: 27]. Создается впечатление, что ограничения по варьированию расстояния являются следствиями других признаков. Так, автор справедливо отмечает, что наречия *вдали, вблизи, невядалеке* в одном из их значений вводят представление о делении пространства, простирающегося от наблюдателя до (обычно) горизонта, на дистанционные полосы². Такой тип деления естественно определяет и приблизительные абсолютные размеры полос. Отметим также, что выделяемый тип пространства, границы которого определяются возможностями восприятия, конкретизирует понятие «окрестность говорящего», используемое автором. В других же случаях, как представляется, это понятие нуждается в разъяснениях.

Важным результатом работы Е. С. Яковлевой является установление ряда особенностей функционирования исследуемых слов (например, отмечено, что только наречия на *-о* могут сочетаться с такими градуальными словами, как *очень, так*).

² Отметим, что судя по нашим наблюдениям в текстах не вводится одновременно три дистанционных пояса — *вблизи/невдалеке/вдали*. Противопоставление идет либо по линии: место нахождения наблюдателя — *вблизи* — *вдали*, либо место нахождения наблюдателя — *невдалеке*.

Интересно также рассмотрение вопроса о разных представлениях пространства в науке, искусстве, мифологии.

Работа Е. С. Яковлевой еще раз подтверждает мысль о том, что языковое представление пространства не сводится к трехмерному геометрическому, а скорее соответствует топологическому представлению. Вопрос об оправданности расширительного понимания пространства уже неоднократно поднимался лингвистами и находит подтверждение, в частности, при исследовании пространственных предлогов (например, [Селиверстова 1973, 1983; Крейдлин 1994]).

Весьма своеобразная система пространственных представлений была установлена при исследовании английских предлогов и наречий *round*, *around* и особенно — *about* [Шяшкаускене 1995]. Этот последний предлог в одном из своих значений показывает, что X-у, т. е. референту, объекту, чье пространственное положение устанавливается, соответствует дискретное или недискретное множество, элементы которого находятся в колебательном движении (например, дрожащий световой нимб).

Языковая картина мира, созданная в том или ином языке, определяется не только теми концептами, которые лежат в основе значения отдельных языковых единиц, но и неким стандартным узуальным представлением некоторых ситуаций, которые по своим объективным свойствам и исходя из общих возможностей человеческого восприятия допускают и другое их представление.

Установление таких случаев привело к выдвижению Л. Талми [1983] понятия «лингво-культурного предвыбора». В работе одного из авторов (например, [Селиверстова 1975: 11]) также обращалось внимание на необходимость выделения особого пласта семантических явлений, которые не закреплены за каким-либо отдельным языковым знаком, но предопределяют то, как должен быть представлен объект при его рассмотрении в рамках ситуации какого-то определенного заданного типа. Так, например, крону дерева можно увидеть как некоторое трехмерное пространство и поэтому описать положение какого-то объекта на ветке дерева как нахождение внутри этого пространства. Этот путь выбирает английский язык и использует здесь предлог *in* (*There is a bird in the tree*, букв. 'В дереве птица'). Можно также обратить внимание на то, что поверхность ветки — это часть общей поверхности дерева, и вследствие этого употребить здесь предлог, соответствующий английскому *on* 'на'. Такое «видение» закреплено в русском языке: 'Птица сидит на дереве'. При этом в обоих языках слово, обозначающее целое (*tree*, дерево), употребляется вместо указания на его часть ('крона', 'ветка'). Случаи подобного типа мы будем относить ко второму уровню семантического описания, который будем называть несобственно языковым.

В работе Л. Талми приводятся следующие примеры «узуальной» концептуализации ситуаций: в английском языке автомобиль осмысливается как вместилище, а автобус — как плоскость.

A passenger is in a car — ~~A~~ passenger is on a bus.

A rider gets into/out of a car — ~~A~~ passenger gets onto/off a bus.

В немецком языке, как отмечает автор, оба эти объекта осмыслиются как вместилища.

И, наконец, третьим фактором, влияющим на ракурс описания сцены, является видение говорящего, т. е. избираемая им концептуализация сцены (the speaker's conceptualization of the scene).

Часто видение ситуации определяется, если воспользоваться выражением Р. Лангакера [1986: 2], традиционной образностью. Так, как показало исследование одного из авторов [Маляр, 1998], для английского языка чрезвычайно характерно описание лица как вертикальной плоскости, разные уровни которой занимают отдельные части лица. Например: *well below, the nose was the tight, thin-lipped mouth...* (P. Thomas) букв.: 'ниже носа на довольно большом расстоянии находился сжатый, с узкими губами рот'; *his black hair... was beginning to go grey just above the ears* (L. Bennet) букв.: 'над ушами'.

Необычная система пространственных концептов и построенная с их помощью необычная географическая картина была установлена Т. Эбнетером [Ebnetter 1984], который исследовал пространственные предлоги и наречия в ретороманском языке южной части Швейцарии (Вац/Обервац).

В семантике пространственных предлогов в исследуемом диалекте имеется особое пространственное представление, которое связано с введением не только горизонтальной и вертикальной осей, но и наклонной оси. Ее центром является место распространения диалекта — Вац. Для обозначения расположения выше и ниже по этой оси существуют особые предлоги, отличные от тех, которые передают расположение по вертикали. Их употребление создает довольно своеобразную географическую картину. Мир представляется гористой местностью с Итальянской Швейцарией в центре, причем все отдаленные материки и страны располагаются на одном уровне с ней, а примыкающие к ней равнинные части Швейцарии и Германии расположены ниже.

Данные исследования Т. Эбнетера показывают, насколько концепты, отраженные в языковой семантике, могут отличаться от общечеловеческих внеязыковых представлениях о пространстве и его организации.

5. СИТУАЦИОННАЯ СЕМАНТИКА

В рамках ситуационной семантики различные предлоги, в том числе и локативные, рассматриваются в работах Ж.-М. Горона [Gawron 1985; 1986]. Автор исходит из того, что значение предложения представляет собой трехместное отношение между речевыми ситуациями (discourse situations), имплицитно

предполагаемыми говорящим связями (*implicit connections*) и реальными ситуациями (*described situations*). Значения языковых элементов задают множество возможных ситуаций; они сопоставляются с типичными речевыми ситуациями и имплицитно предполагаемыми связями. Таким образом определяется реальная ситуация. Представление о реальной ситуации дает возможность дать полную семантическую интерпретацию высказывания (*full semantic interpretation of the utterance*). Эти основы анализа достаточно близки к положениям Дж. Барвайса и Дж. Перри [Барвайс, Перри 1987]. Значения предлогов формулируются автором в так называемом минимальном семантическом наборе (*minimal specification*). Применительно к локативным предлогам это означает минимальный набор семантических признаков, отражающих простые геометрические отношения, аналогично значению предлогов у Д. Беннетта [Bennett 1975] и идеальному значению локативных единиц у А. Герсковиц [Herskovits 1986].

Полную семантическую интерпретацию высказывание и предложная группа как его часть получают, как уже отмечалось, с учетом речевой ситуации, реальной ситуации и имплицитных связей. Особое значение здесь приобретает еще одно понятие ситуационной семантики — тип ситуации. В частности, Ж.-М. Горон считает, что смысловое содержание любой лексической единицы может быть представлено как тип ситуации и предлагает описывать его через такие синтаксические термины как субъект, объект 1, объект 2 и т. д. В анализе предложных сочетаний он связывает семантику предлога прежде всего с описанным подобным образом смысловым содержанием глагола. Выделяются три типа связи между глаголом и предложным сочетанием и, соответственно, три типа предложных сочетаний (PP): PP-аргументы, сопредикативные PP и PP-адьюнкты. Сопредикативные PP вводят по крайней мере еще один новый аргумент к глаголу. Например, глаголы силового воздействия употребляются с разными предлогами в зависимости от того, является ли прямое дополнение объектом, испытывающим или, напротив, оказывающим силовое воздействие: 1) *John hit the fence with the stick* 'Джон ударил палкой по забору' (букв. 'Джон ударил забор палкой'); 2) *John hit the stick against the fence* 'Джон ударил палкой по забору' (букв. 'Джон ударил палку о забор').

Глагол *hit* требует употребления предлога *with* (1) или предлога *against* (2). Следовательно, по мнению автора, вопрос о том, является ли прямое дополнение агенсом или пациенсом, определяется условиями, налагаемыми типом ситуации, составляющим смысловое содержание глагола *hit*, и в частности тем, что это трехместное отношение.

Применительно к пространственным предлогам Ж.-М. Горон делает попытку вывести закономерности, по которым предложные сочетания при глаголах движения получают локативную (*locative*) или дирекционную (*directional*) интерпретацию. Локативная интерпретация имеет место в тех случаях, когда

существуют пространственные отношения между локусом, в котором осуществляется ситуация движения, и локусом, описываемым предложным сочетанием. Такое предложное сочетание будет адьюнктом, т. е. не будет связано с участниками ситуации [Gawron 1980: 340]. Дирекционная интерпретация возникает тогда, когда пространственные отношения связывают субъект движения и локус, вводимый сопредикативным предложным сочетанием. Это положение справедливо для английского языка, но высказываются сомнения относительно возможности его применения к ряду других языков, в частности, к рето-романскому. В целом предложенная Ж.-М. Гороном трактовка предлогов интересна тем, что она показывает, как соотносится семантика глаголов и семантика предлогов. Однако связь пространственных предлогов с семантикой глаголов представляется гораздо более сложной, чем относительно жесткие и однозначные связи, устанавливаемые автором для глаголов механического воздействия, стоящих в центре его анализа. Во-первых, глаголы здесь могут относиться к самым разнообразным семантическим группам; во-вторых, релевантными для выбора предлога могут оказаться не только речевые валентности глагола, но и временные параметры действия и т. п. Неоспоримой, однако, остается необходимость учета семантики глагола в анализе семантики многих предлогов и наречий, включая и пространственные.

Обзор работ, посвященных семантике пространственных предлогов, показывает, что их исследование далеко не исчерпано. К такому выводу приходят также в своей большой обзорной работе К. Ковентри и А. Людвиг [1991]. Завершая анализ существующих в данной области взглядов и трактовок, они подчеркивают, что многие проблемы остаются нерешенными и, прежде всего, это касается характера и объема значения этих языковых единиц. Именно этой проблеме посвящено настоящее исследование.

6. ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Задачи, которые мы ставили перед собой, чисто лингвистические. В отличие от собственно когнитивных исследований не делается попытка раскрыть те или иные общие закономерности восприятия и осознания мира человеком. Наша главная цель — **выявить** те концепты, которые закреплены за означающими языковых знаков. Вместе с тем в отличие от, например, Д. Беннета [1975], нам представляется важным рассмотреть не только отношения между знаками как элементами системы, но и отношения между знаками и теми объектами и ситуациями, которые они способны обозначать в речи. Следует, однако, подчеркнуть, что говоря об этом последнем ракурсе рассмотрения мы имеем в виду не столько объективный мир, сколько его отображение в видении человека. Это

отображение отличается естественно от действительности (различие может быть более или менее значительным). Поскольку, однако, именно познанный, а иногда и сконструированный человеком мир является объектом описания и сообщения в актах речи, он должен рассматриваться в качестве денотата языковых знаков. Его элементами являются наряду с представлениями об индивидуальных предметах и процессах абстракции различного типа и объекты, которые существуют в мирах, созданных человеком (сказки, фантазии и т. п.). Другими словами, денотат — это все то, на что указывает языковой знак, причем денотату необязательно соответствует реально существующий объект. (По-видимому, наше понимание денотативной сферы в какой-то степени приближается к понятию «внутренней» семантики Р. Джекендоффа [1990, гл. I].)

Из того факта, что говорящие описывают мир, пропущенный через их восприятие, не следует, что не может стоять вопрос о том, соответствует ли информация, передаваемая через языковой знак, свойствам его денотата. Одинаковая физиологическая организация людей определяет одинаковость восприятия многих внешних параметров объектов, что в свою очередь часто коррелирует с их объективными свойствами. Так, при нормальном зрении все люди могут регистрировать наличие/отсутствие пульсации в световом излучении в рамках определенных частот, и лишь при очень высокой частоте светового импульса разрешающая способность человеческого глаза не позволяет замечать изменения, т. е. излучение видится как постоянное.

Присутствующая в большинстве случаев корреляция между восприятием объектов и их объективными свойствами, а также общие закономерности в восприятии людей позволяют при исследовании многих языковых единиц опираться на их денотативную отнесенность. Это же определяет совпадение экстенционала многих языковых единиц у разных говорящих. Однако такое положение дел имеет место не всегда, на что уже неоднократно обращалось внимание в лингвистических исследованиях и, в частности, в работах одного из авторов (например, [Селиверстова 1968]). Так, денотативная отнесенность большинства оценочных слов резко различается в речи разных носителей языка. Причина этого — указание на оценку без раскрытия тех свойств, которые должен иметь объект, чтобы соответствовать данной оценке.

Мы не будем останавливаться здесь на многих других проблемах, связанных с денотативной отнесенностью и, в частности, на выделении различных денотативных статусов (см. об этом, например: [Падучева 1985]). Отметим только, что с нашей точки зрения для лингвиста, прежде всего, важно установить не то, чем в действительности является денотат, а то, как сам говорящий его представляет в речи. Поэтому, например, мы считаем, что в предложении *Он прав* говорится не о мнении автора речи, а об объективном положении вещей (при этом данное утверждение может быть верным или неверным). Напротив,

предложение *Я думаю, что он прав* представлено как сообщение об отображении объективного положения в сознании говорящего, т. е. информирует лишь о его мнении.

Поскольку каждый денотат — это объект, «пропущенный» через восприятие говорящего, встает вопрос, как соотносится этот процесс с обозначением объекта соответствующим языковым знаком. Можно ли считать, что в процессе восприятия и происходит подведение воспринимаемого объекта под концепт, закрепленный за языковым знаком, или существует какая-то промежуточная стадия восприятия, которая «записывается» на некотором языке мозга (например, в виде картинки или каким-то другим образом) и при этом может не полностью соответствовать означаемому языковой единицы. (Например, подобное отображение может быть более полным.)

В пользу существования такого промежуточного этапа говорит возможность описания одной и той же денотативной ситуации иногда через целый набор синонимических выражений, к числу которых мы относим и перифразы. Например, предложения *Я нарезал колбасу перочинным ножом* и *Я воспользовался перочинным ножом, чтобы нарезать колбасу* могут относиться к одной и той же ситуации, но передают о ней не полностью идентичную информацию. Так, второе предложение указывает не только на использование ножа в качестве инструмента действия, но и вносит представление о том, что такое использование не соответствует обычному назначению объекта. В первом же предложении просто сообщается, какой объект был инструментом действия.

Возможность перифразирования свидетельствует о том, что говорящий «знает» о денотативной ситуации больше, чем сообщает о ней в каждом отдельном высказывании. С данным утверждением согласуется и замечание Л. Талми (см. выше), обратившего внимание на то, что высказывание обычно строится на абстрагировании от ряда свойств описываемой ситуации.

Другим важным аргументом в пользу существования «промежуточного» этапа восприятия служит следующее: иногда в языке может узуально закрепляться определенное видение некоторого класса объектов или ситуаций, несмотря на то, что общие особенности человеческого восприятия и языковые возможности допускают и другое их представление.

Лишь будущие когнитивные исследования могут дать окончательный ответ на вопрос, как именно происходит процесс восприятия и осмысления ситуации и ее элементов и процесс обозначения их через языковые знаки. Очень возможно, что часто эти процессы сливаются, особенно при описании «стандартных» ситуаций. Однако, как было указано, есть достаточно серьезные основания утверждать, что эти процессы могут быть разграничены.

При чтении работ по когнитивной лингвистике создается впечатление, что эти два процесса часто не разделяются (см., например: [Джекендофф 1990;

Лакофф 1987]). По-видимому, с неразделенностью данных процессов связан и несколько иной подход к описанию значения. Выявляя значение, представители когнитивной лингвистики идут скорее не от языкового знака, т. е. того, как языковой знак или связанный между собой набор знаков представляет денотативную ситуацию, а от самой денотативной ситуации и возможностей ее когнитивной интерпретации. Эти два подхода очень близки, но иногда их различие может приводить к существенным расхождениям в результатах. В рамках развиваемого нами понимания значения (например, [Селиверстова 1968]) мы считаем важным акцентировать внимание на том факте, что концепт, входящий в означаемое языкового знака, составляет содержание той информации, которая передается о денотате³. При этом разрабатывается система тестов, позволяющая отграничить «вклад» описываемой языковой единицы от контекста и от «энциклопедических» знаний. Именно подход к значению как к информации помогает, с нашей точки зрения, увидеть разницу между возможным ментальным отображением денотата и тем, что сообщается о нем через языковой знак. Так например, при анализе самой денотативной ситуации рассмотренных выше предложений с творительным инструментальным и с глаголом *воспользоваться* (*Я разрезал колбасу перочинным ножом/Я воспользовался перочинным ножом, чтобы разрезать колбасу*) можно прийти к выводу, что их семантические представления (глубинные структуры) идентичны. Именно так интерпретирует сходные с ними фразы английского языка Дж. Лакофф [Lakoff 1968]⁴, хотя их информация, по-видимому, не тождественна (вероятно, различие близко к отмененному выше для русского языка). Отметим также, что «адаптационные сдвиги» А. Герсковиц мы видим не как сдвиги в значении (отклонения от «идеального» значения), а как проявление нежесткости требования точного соответствия значения описываемой денотативной ситуации: для построения речи вообще характерна, как представляется, определенная степень неточности. Сказанное, естественно, ни в какой степени не снижает значимость выявления допустимых границ неточности, к установлению которых привлекла внимание работа А. Герсковиц.

С разграничением возможных ментальных представлений и значения связана также проблема «прототипа». Данное понятие было использовано Е. Рош (например, [Rosch 1978]) при выделении принципов категоризации. В ее работе

³ Хотя смысловая информация возникает в сознании самого слушателя при идентификации звуковой или графической цепочки как означающего того или иного языкового знака, можно считать, что она передана через данную звуковую/графическую цепочку, так как именно она стимулирует актуализацию информации и позволяет соотнести ее с описываемой ситуацией.

⁴ Детальный анализ данной статьи, сделанный под другим углом зрения, см. [Апресян 1995, т. 1:21—22].

утверждается, что объединение объектов в одну категорию происходит в основном не через выделение достаточных и необходимых признаков, а через выделение наиболее типичного (по крайней мере для тех условий, в которых находятся реципиенты) подкласса и последующего объединения его с другими сходными с ним подклассами. Такое представление было перенесено и в лингвистику, причем оно относится и к организации отдельного значения, и к организации всей семантической структуры многозначной языковой единицы.

Остановимся сначала на вопросе о том, оправданно ли рассматривать значение как набор некоторых ментальных представлений, объединенных вокруг центрального, наиболее типичного «образца». Окончательно ответить на этот вопрос будет, вероятно, возможно лишь после специальных когнитивных исследований. Однако можно предположить, что по крайней мере в тех случаях, когда преобладающий принцип построения значения определяется отношениями внутри языковой системы, т. е. другими словами, когда значение в основном складывается из общих и различительных признаков, объединяющих членов семантической группы, значению соответствует не набор ментальных репрезентаций, группирующихся вокруг некоторого центрального представления, а единое, возможно, усредненное представление. Если это действительно так, то понятие 'прототипа' скорее можно отнести к денотативной сфере и ее ментальным отображениям. В дальнейшем при описании значения мы будем исходить из сделанного допущения. (О применении термина 'прототип' при описании полисемии мы скажем ниже.)

Итак, как и многие другие лингвисты, мы рассматриваем значение как тот концепт, который составляет означаемое языкового знака. При употреблении знака в речи этот концепт составляет информацию, которую языковой знак передает о своем денотате. Подход к значению, как к информации, передаваемой о денотате языкового знака, помогает, как мы полагаем, отграничить значение от других ментальных представлений описываемого денотата, которые могут быть сформированы в сознании говорящего и слушателя.

Накопленный опыт семантических исследований убеждает нас в том, что в основе языковых значений обычно лежат очень сложные семантические концепты (см., например, [Селиверстова 1988; 1990]). Такой вывод вытекает и из рассмотрения результатов других лингвистов (см., например, [Булыгина 1982; Булыгина, Шмелев 1997; Путеводитель 1993; Объяснительный словарь 1995]). Показательны в этом отношении исследования вида в русском языке, которые постепенно раскрывают все более сложную семантическую структуру этой категории (см. об этом, например, [Барентсен 1995]).

Такое положение дел свидетельствует о том, что именно «открытие» этих концептов, заложенных в языке, и является центральной задачей лингвистической семантики. Как мы полагаем, их выявление требует, прежде всего, раз-

работки понятийного аппарата описания, с помощью которого могут быть сформулированы семантические гипотезы, и верификационных процедур. Оба эти аспекта уже неоднократно рассматривались в работах одного из авторов (например, [Селиверстова 1980; Селиверстова, Сулейманова 1988]). Кроме того, сама методика исследования будет видна из ее применения к конкретному языковому материалу. Поэтому здесь мы ограничимся только несколькими самыми общими замечаниями. Укажем, что в основе исследовательской процедуры лежит гипотетико-дедуктивный метод, включающий в себя использование эксперимента. Эксперимент, о важности введения которого говорилось уже давно рядом ведущих лингвистов разных стран (в России это, прежде всего, Л. В. Щерба), в настоящее время получает все более широкое применение в лингвистике. Методики его применения различаются, прежде всего, в зависимости от общей семантической концепции авторов (см., например, [Leech 1970; Cohen, Wirth 1975]). В предлагаемой книге вводимые в эксперимент предложения обычно оценивались 8—10 информантами. В их число входили научные сотрудники разных специальностей, редакторы, преподаватели в возрасте от 25 до 60 лет.

Следует подчеркнуть, что ставя задачу разработки понятийного аппарата, мы не стремимся к созданию некоторого единого метаязыка описания, как это, например, делается в работах А. Вежицкой или Ю. Д. Апресяна (об их понимании задач построения метаязыка см. [Апресян 1995, т. 2: 466—482]). Под разработкой понятийного аппарата мы понимаем введение таких понятий, которые не имеют специального обозначения в языке (они обычно соответствуют какой-то части значения описываемого языкового знака, и их выделение происходит в процессе самого исследования). Данные понятия получают более или менее условное название, но при этом обязательно раскрывается содержание, закрепляемое за этими названиями. Вводимые пояснения могут даваться с помощью текста на естественном языке. Могут также использоваться какие-то научные термины, применяться графические изображения. Основная цель — добиться однозначного понимания вводимого понятия, что проверяется частично через опрос информантов и прежде всего через возможность выведения следствий, касающихся условий употребления языковой единицы.

Следует также отметить, что при всей сложности современных семантических теорий сами метапонятия, через которые описывается семантика, часто оказываются обедненными (в этом смысле показательно стремление истолковать семантику пространственных слов в чисто геометрических понятиях, о чем уже говорилось выше). Это можно объяснить общей направленностью лингвистических исследований на получение точных описаний, поддающихся формализации, что само по себе составляет важнейшую, положительную черту современной лингвистики. Однако поставленная цель не будет достигнута,

если лингвисты при этом пойдут по пути упрощения реальной семантической системы.

Далее, поскольку значительную часть изучаемых слов составляют синонимические единицы, то в нашу процедуру описания входит и компонентный анализ, который применялся и в предшествующих работах авторов (см., например, [Селиверстова 1975]).

Наше отличие от многих других работ по компонентному анализу заключается, во-первых, в том, что компонент значения мы не связываем с понятием примитива. Это просто некоторая часть значения, которая может соответствовать весьма сложному семантическому представлению; во-вторых, мы не считаем, что различие обязательно должно идти по одному признаку, даже если ему соответствует сложное понятие; в-третьих, вслед за Ю. Д. Апресяном (см. об этом, например, [Апресян 1995, т. 2: 466]) мы не считаем, что компоненты значения должны обязательно находиться в отношении конъюнкции: их могут объединять и другие семантические отношения, могут они также члениться по принципу «пресуппозиции/ассерции». Вследствие этого несмотря на применение компонентного анализа конечная дефиниция значения может быть представлена в той же форме, что и в работах, не использующих данную методику.

В обзоре литературы отмечалось, что в центре внимания лингвистов стоит вопрос, подводятся ли различные употребления предлогов под одно инвариантное значение или они полисемантичны. Понятно, что ответ на этот вопрос по отношению к описываемым словам может быть дан лишь в процессе исследования, и именно применение верификационных процедур и должно показать, можно ли считать наблюдаемые изменения в общей информации вкладом контекста или преобразованием значения самой описываемой языковой единицы. Отметим, однако, опираясь на предшествующий опыт работы, что наличие у слова большого количества значений (иногда выделяется до двадцати и больше значений) представляется крайне маловероятным. И поэтому поиски обобщений, характерные для многих современных исследований, должны быть плодотворными. Вместе с тем нет оснований считать, что слово обязательно должно иметь одно общее значение (см. об этом [Шмелев 1977]). Исходя из нашего опыта, мы также полагаем, что структура многозначного слова необязательно имеет некоторое прототипическое значение (см., например, [Селиверстова 1975], где рассматривался и другой тип многозначности). Однако прототипическая организация, вероятно, широко распространена. Заметим также, что введение представления о подобной организации полисемантического слова не является новым для лингвистики, хотя сам по себе термин «прототип», насколько нам известно, не употреблялся в указанном выше смысле (см., например, [Шмелев 1977; Апресян 1995, т. 1, гл. III]).

Разбираемая проблема может быть рассмотрена еще в одном ракурсе — как соотносится языковое значение и случаи его актуализации в речи. Происходит ли при этом видоизменение значения в зависимости от конкретных свойств описываемой ситуации (фактически такой взгляд представлен в работах А. Герсковиц, о которых говорилось выше) или же само по себе значение остается неизменным, а возникающее понимание особенностей каждой отдельной ситуации обусловлено взаимодействием по крайней мере двух когнитивных уровней — уровня значения языковых форм и уровня «концептуальных структур»⁵. Это последнее решение представляется нам наиболее обоснованным. Так, предлог *в*, употребленный в контекстах *цветы в вазе* или *трещина в стене*, описывают весьма различные пространственные положения объектов, но при этом вряд ли можно говорить о различии в значении. При столкновении с подобными случаями мы будем говорить о тех типах ориентиров (релятумов) и референтов, которые создают контекстные варианты.

Вместе с тем нет четкой границы между чисто контекстными вариантами, возникающими, по-видимому, в результате взаимодействия двух отмеченных семантических уровней, и разными значениями. Есть основания считать, что существуют промежуточные случаи. Так, контекстные варианты одного слова могут приобретать системную значимость, если они коррелируют с особыми значениями других членов одной и той же микросистемы. Кроме того, семантические изменения, не предопределяемые полностью контекстом и исходным значением, могут быть очень незначительными. Для всех подобных случаев мы будем употреблять термин «модификация», предложенный Д. Пайяром (термин используется, например, в [Путеводитель 1993]). Иногда будет использоваться также термин «подзначение». Оправданность разграничения этих понятий (см. раздел 2.3) носит предположительный характер. Термины «модификация» и «подзначение» употребляются нами фактически в том же смысле, в каком в предшествующих работах одного из авторов (например, [Селиверстова 1990]) использовался термин «неконтекстный вариант значения». В настоящее время мы не можем предложить четкие критерии, разграничивающие особое значение и модификацию значения, подзначение. Поэтому все предлагаемые решения, связанные с данными терминами, носят предварительный характер. Вместе с тем нам представлялось важным акцентировать внимание на градуальном характере перехода от контекстного варианта к отдельному значению.

Таким образом, вторая задача нашего исследования заключается в том, чтобы раскрыть построение общей семантической структуры. Однако в дан-

⁵ Мы воспользовались здесь терминами М. Бирвиша (например, [Bierwisch 1983]).

ной работе эта задача будет решаться не полностью, так как мы ограничиваемся рассмотрением только пространственных значений.

Третья задача связана с выявлением семантических представлений, относящихся к «несобственно языковому уровню», в нашей терминологии, или, в терминологии Л. Талми, определяемых «лингво-культурным предвыбором».

В четвертую задачу входят поиски прагматических фактов, сказывающихся на условиях употребления изучаемых единиц.

Пятую задачу составляет вопрос о корреляции между типом высказывания и семантикой пространственного предлога или наречия.

Глава I

ПОДГРУППЫ ПРОСТРАНСТВЕННО-ДИСТАНЦИОННЫХ ПРЕДЛОГОВ И НАРЕЧИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. СЕМАНТИКА ДИСТАНЦИОННЫХ НАРЕЧИЙ *БЛИЗКО/ДАЛЕКО*

В настоящей работе, как уже указывалось выше, исследуются предлоги и наречия, соответствующие следующей ситуации: X, т. е. локализуемый объект, либо непосредственно примыкает к Y-у, либо находится от него на некотором расстоянии (Y — ориентир-релятум). Мы берем оба принятые в лингвистике термина — «ориентир» и «релятум», для того чтобы подчеркнуть, что рассматриваемые слова далеко не всегда употребляются в тех высказываниях, цель которых — установить место нахождения X-а, используя для этого Y в качестве ориентира. Очень часто, как будет показано, X и Y связывают и непространственные отношения. В основном рассматривается расположение объектов в горизонтальной плоскости.

Можно утверждать, что фактически в семантику всех слов, соотносимых с указанной ситуацией, входит представление о расстоянии: нахождение в смежных позициях фактически также предполагает расположение на определенном расстоянии, равном или приближающемся к нулю. Вследствие этого существует теоретическая возможность описывать введенную ситуацию через чисто дистанционные слова. В действительности, однако, языки (во всяком случае, исследуемые) вырабатывают различные пространственные концепты, которые используются для ее описания наряду с понятием расстояния. В зависимости от места этих понятий в семантической структуре изучаемые слова можно разде-

лить на две группы — собственно дистанционные и пространственно-дистанционные. К первой группе относятся наречия *близко, далеко, недалеко, далековато*. Ко второй — все остальные: *у, около, возле, рядом, поблизости, вблизи, вдали, поодаль*. Слова первой группы вносят информацию о том, на каком расстоянии от Y-а находится X. Речь может также идти о местоположении X-а, т. е. о расстоянии местонахождения X-а, местожительства X-а от Y-а. В русском языке эти случаи не различаются четко и обычно определяются контекстом. Слова второй группы показывают, где, в каком пространстве находится X или какую позицию (локус) он занимает. Под позицией и локусом мы понимаем тот участок пространства, который непосредственно занимает X (различие между локусом и позицией будет уточнено ниже)¹. Само пространство, которое становится местонахождением X-а, может быть при этом определено через понятие расстояния. Например, семантика слова *даль* связана с представлением об удаленности от чего-то, т. е. расстоянии. Это представление лежит в основе номинации самого пространства. Поэтому информация, передаваемая предложением *Вдали сверкнул огонек*, строится не как ответ на вопрос, на каком расстоянии от «наблюдателя» сверкнул огонек, а как сообщение о том, где это было. Представление о расстоянии лишь выводится из способа номинации пространства, но оно не входит в ассерцию (т. е. в то, что непосредственно утверждается). Вследствие того, что для семантики пространственно-дистанционных слов существенно указание не только на сами сопоставляемые объекты, но и на пространства или локусы их нахождения, мы будем пользоваться, кроме введенных выше, еще следующими символами: локус, позиция или пространство нахождения X-а — S_1 , локус, позиция или пространство нахождения Y-а — S_2 ; общее пространство, включающее X, Y, S_1 , S_2 , — S . Следует также отметить, что X, а — реже — и Y, не всегда соответствуют объектам, они могут символизировать и события. В этом последнем случае мы иногда будем использовать символ E_x или E_y , т. е. событие, в котором участвует X или Y. Однако в общем виде будут употребляться символы X и Y, независимо от того, к какому типу они относятся. Для простоты записи мы также часто будем прибегать только к знакам X и Y, если по ходу изложения не требуется противопоставления их месту, локусу их нахождения.

Указанное различие в семантике дистанционных и пространственно-дистанционных слов приводит к ряду особенностей в употреблении. Только слова *близко/далеко* могут сочетаться с частицами *очень, так, относительно*. Данное ограничение в сочетаемости было отмечено Е. С. Яковлевой [1990; 1994: 41]. Однако она связала его с понятием «абсолютности/относительности» дистанционных оценок, под которым в статье [1990] имелось в виду, по-видимому, изменяемость/неизменяемость представления о близости/дальности в зависимости

¹ Термин *локус* заимствован из [Всеволодова, Владимирский 1982].

от ситуации (в частности, типа X-а и Y-а) и от субъективного «чувства» расстояния отдельных говорящих². В статье [Маляр, Селиверстова 1993], где вводилось различие между дистанционными и дистанционно-пространственными словами, отмечалось, что изменяемость данного представления характерна для большинства слов исследуемой группы и не служит отличительным признаком наречий на *-о*. Ср., например:

(1) *Он сидел около меня.*

(2) *Город, около которого я жил.*

Абсолютное расстояние между X-ом и Y-ом В примерах (1,2) весьма различно. Субъективные расхождения в оценке расстояния также характерны не только для наречий на *-о*. Так, все опрошенные (8 человек) считали, что и вариант (а) *Он живет близко от меня*, и вариант (б) *Он живет поблизости от меня* логически не противоречат следующей за ними реплике типа: *Нечего сказать близко (поблизости). Нужно идти минут сорок*.

В целом можно утверждать, что для большинства рассматриваемых слов и представление о величине маленького или большого расстояния, и представление о размерах связанного с Y-ом пространства зависит прежде всего от понятия «нормы», связанной с данным типом X-а и Y-а. В самом общем виде можно сказать, что чем больше Y, тем больше абсолютная величина приписывается понятию 'близко', а также размерам «окрестности» Y-а. Определенную роль играют и субъективные представления говорящих, а также общая ситуация.

Значимость абсолютного размера существенна для семантики лишь некоторых пространственно-дистанционных наречий, в частности, для наречия *вдали* (см. ниже).

Вернемся к выделенному Е. С. Яковлевой ограничению на сочетаемость со словами *очень, так, относительно*. Его можно объяснить понятием 'нахождение в пространстве (S)'. Различие по данному понятийному признаку можно свести к трем случаям: 1) «не быть в S», 2) «быть в пред-S», 3) «быть в S». Понятие «пред-S» можно разделить на два подслучая: а) X частично находится в S, а частично — нет (например: *Он влезает в грузовик*) (но еще не влез); 2) пред-S — соответствует такому пространству, часть свойств которого соответствует S, а часть — не-S. Выделение такой пограничной 'области'³ составляет необходимую предпосылку для употребления слов *почти/совсем* (см. о них [Путеводитель

² Хотя смысловая информация возникает в сознании самого слушателя при идентификации звуковой или графической цепочки как означающего того или иного языкового знака, можно считать, что она передана через данную звуковую/графическую цепочку, так как именно она стимулирует актуализацию информации и позволяет соотнести ее с описываемой ситуацией.

³ Это понятие подробно рассматривается в статье А. Кюльоли [1981].

1993]) и важно не только для описания пространственных слов. Так, предложение *Я совсем здоров* указывает не на высокую степень здоровья, а на то, что X не несет в себе элементов «нездоровья». Вследствие этого, разрешая выздоровевшему человеку начать работать, врач обычно говорит: *Вы уже совсем здоровы*, а не: *Вы уже очень здоровы*. Такой характер значения слов *совсем/почти* делает возможным их употребление с теми пространственно-дистанционными словами, которые допускают существование пред-области («пограничной» области): *Это — совсем рядом {поблизости}*; *Я живу почти рядом с Вами*. Но ни одно слово этой группы не может сочетаться с *очень, так, относительно, довольно*, так как если X уже находится в S, то при этом не может быть разной степени нахождения. Поэтому нельзя сказать: *Он живет очень рядом со мной {очень поблизости}*; **Они стояли довольно рядом*; *Он рисовал, а она стояла так возле и следила за тем, что он делал*. Напротив, уже находясь близко или далеко от чего-то, можно менять степень этой близости/дальности, что и объясняет допустимость сочетаний: *очень, довольно, относительно, так близко/далеко*. Заметим, что наречие *далековато* не сочетается со словами *так, очень* вследствие того, что в его семантике уже содержится указание на не очень высокую степень удаленности. Однако оно может сочетаться со словами *несколько, довольно*: *Это несколько далековато*.

Таким образом, сочетаемость/несочетаемость со словами типа *очень, так, довольно* служит важным критерием для разграничения чисто дистанционных и дистанционно-пространственных наречий. Другой характерной чертой пространственно-дистанционных наречий и предлогов является то, что они обычно более четко определены по параметрам, связанным со «статичностью/динамичностью». На это уже обращалось внимание в [Маляр, Селиверстова 1993] и — более детально — в [Яковлева 1994: 35—37]. Так, исследуемые в данной работе пространственно-дистанционные слова, как правило, либо указывают, что X находится в S, либо что X занял позицию в S. Дистанционные же наречия могут употребляться и в контекстах, в которых речь идет 1) о перемещении (распространении) на определенное расстояние: а) на большие расстояния — *далеко {Свет распространяется далеко; Лес тянется далеко}* и б) на такое расстояние, что X оказывается близко от Y-а *{Он подошел близко ко мне}*; 2) о движении по траектории, отстоящей на малое/большое расстояние от Y-а *{Он прошел близко/далеко от меня}*; 3) о нахождении на близком/далеком расстоянии от Y-а и о том, что X занял позицию, отстоящую от Y-а на какое-то расстояние *{Он встал совсем близко от меня; Он стоял совсем близко от меня}*.

Приведем еще некоторые примеры, чтобы проиллюстрировать сказанное:

(3)... хата ... далеко видна среди окрестных хравнин (Бунин).

(4) Он близко наклоняется к ней и сулыбкой говорит ей что-то (Ю. Казаков).

(5а) Туда идти далеко {недалеко}.

(56) *Туда идти было неподалеку {поблизости}.

(6) Все, бывало, с ней через забор разговариваю и под конец, чтобы недалеко было ходить, сделал в заборе калиточку (Чехов).

... поблизости было ходить ...

... неподалеку было ходить ...

(7) Я слышал вой и лай собак и радовался, воображая, что город недалеко (Пушкин) (т. е. что ехать уже недалеко, нельзя: *ехать неподалеку).

Ср. (8):

(8) Неподалеку от нас был родник.

Рассмотрим теперь вопрос о целевой направленности дистанционных наречий. Теоретически можно было бы предположить, что они всегда могут употребляться для локализации объекта (т. е. для установления того, где находится объект). В действительности оказалось, что локализация объекта через его расстояние от другого используется в относительно ограниченном числе случаев, что, вероятно, можно объяснить когнитивными причинами — указание на пространство нахождения психологически воспринимается как главный способ локализации объекта.

Наречия *близко/далеко/недалеко*⁴ используются для локализации, если X (т. е. локализуемый объект) сам соответствует пространству (сквер, улица, площадь и т. п.) или какому-то крупному объекту, который обычно выступает в функции пространства, т. е. является местом нахождения чего-то или кого-то (например, институт, завод и т. п.).

(9) Раменье недалеко от Москвы, всего несколько часов (Пришвин).

(10) Я живу недалеко от метро «Калужская» (т. е. место, где живет говорящий, находится недалеко от Y-a).

(11) Этот институт находится близко от метро «Академическая».

Далее, дистанционные наречия употребляются для локализации, если вводится и другая локативная группа, указывающая на пространство. Например:

(12) Он живет недалеко возле каменной церкви (Гоголь).

(13) Недалеко от меня возле избушки человек копал канаву (Пришвин).

(14) Он сидел недалеко от меня в большом мягком кресле.

(15) Пулю нашли почти сразу — она пролетела над столом и ударилась в стену недалеко от кресла Супрунова, на высоте груди стоящего человека (жур.).

⁴ Различия в функциональном использовании слов *близко/далеко/недалеко* нами почти не затрагиваются.

Иногда пространственный локатив не вводится эксплицитно, но подразумевается или относится к пресуппозиции. Здесь дистанционное слово только уточняет местоположение события. Например:

- (16) *Крушение произошло совсем близко от берега* (газ.). (В общем виде место крушения было уже указано раньше.)

Дистанционные наречия употребляются также, если текст имеет целью показать распределение некоторого множества объектов в пространстве. В этом случае наречие стоит в первой позиции, выполняя тематическую функцию. В контекстах подобного типа обычно употребляется слово *недалеко* или словосочетание *совсем близко*. Например:

- (17) *Недалеко {совсем близко} от него сидит молоденькая девушка и читает какую-то книгу.*

Но:

- (18) *?Близко от него сидит молоденькая девушка и читает какую-то книгу.*

Вероятно, это различие объясняется тем, что наречие *близко* обычно не употребляется для указания на локус X-а, а связывает непосредственно два объекта.

При отсутствии указанных трех условий слово *близко* (а, по-видимому, также и слово *недалеко*) не выполняет чисто локативную функцию. Они употребляются, если величина расстояния представлена как условие, создающее возможность для осуществления некоторого действия или, напротив, аннулирующее такую возможность.

- (19) *Он сидел близко от меня, и я видел, что он все время что-то писал.*
 (20) *Она стояла так близко от меня, что ее волосы почти касались моего лица.*

Указание на условие (положительное или отрицательное) для чего-то служит также предпосылкой для употребления наречий *далековато*, *далеко*.

- (21) *Она {лисица} выскочила на поляну из частого сланика далековато*
 (Пришвин)

(т. е. недостаточно близко для тех целей, которые были поставлены).

- (22) *Она сидела так далеко от меня, что я не видел, когда она ушла.*

Предложения, не удовлетворяющие данному условию, не соответствуют норме.

- (23) **Он сидел близко от меня и плакал*

(близость расстояния к Y-у не может составлять условия для осуществления действия 'плакать').

(24) **Она сидела далеко от меня и читала.*

Ср.:

(25) *Он сидел неподалеку от нас и читал.*

(26) *Она сидела рядом со мной и горько плакала.*

Далее, наречия *близко*, реже *недалеко*, *далеко* употребляются, если говорящему представляется важным сообщить именно о расстоянии между объектами, например, потому что его величина рассматривается как нарушение социальной нормы, или не соответствует ситуации, или волнует Y, служит причиной его переживания. Например:

(27) *Ты сидела слишком близко от него* (это неприлично).

(28) *Ты сидишь слишком далеко* (пример Е. С. Яковлевой).

(29) *Я близко вижу ее глаза. Я впервые так близко вижу ее глаза* (Ю. Казаков).

Если ни одно из перечисленных условий не имеет места, наречия *близко* и *недалеко* не употребляются. Так, например, нельзя сказать:

(30) **Он много путешествовал, участвовав в морских сражениях, плавал близко от берегов Африки, Азии, Америки* (ср. *около*, *у*).

(31) **Он стоял близко от окна и смотрел на улицу* (ср. *у*, *около*).

Наречие *далеко* употребляется несколько более широко в контекстах, в которых предполагается очень большая удаленность X-а от Y-а. Например:

(32) *Он много путешествовал, плавал далеко от родных берегов.*

В этих контекстах основная функция наречия *далеко* — указать, что X не там, где Y⁵.

Наречие *близко* имеет еще некоторые ограничения в употреблении, которые не связаны прямо с различием по признакам дистанционности/пространственности. В русском языке близость расстояния, как уже указывалось, рассматривается как предпосылка (т. е. причина) для возможных действий Y-а или X-а. Цель высказывания может также заключаться в том, чтобы сообщить об ощущении Y-ом близости X-а (*Ее глаза были так близко*). Но в русском языке само указание на близость расстояния не может использоваться для сообщения о том, что ощущение этой близости создает особое состояние X-а.

⁵ Эта функция слова *далеко* рассматривается Е. С. Яковлевой, но связывается, прежде всего, с указанием на пространство «инобытия» [1994: 48—50].

Поэтому название английской песни *Close to you* (см. о *close* раздел 4.1.2. части II монографии) нельзя перевести на русский язык через наречие близко (**Близко к тебе*). Здесь наиболее естественно пространственно-дистанционное слово *рядом*: *Рядом с тобой* (см. о нем раздел 3.1). При этом в английском языке ощущение близости Y-а может рассматриваться просто как условие, при котором осуществляются какие-то действия X-а, причинно не связанные с этим условием. Так, можно сказать: *She sat close to me and cried*, что невозможно в русском: **Она сидела близко от меня и плакала*. Ср. правильное: *Она сидела рядом со мной и плакала*.

Подобная импликационная структура понятия близости в русском языке не допускается и в контекстах, в которых X или Y не относится к классу «люди». Другими словами, сообщение о том, что X близко от Y, не может прямо предполагать такое воздействие Y-а на X, на «фоне» которого осуществляются какие-то другие действия X-а или которое само могло бы стать предметом специального рассмотрения. Так, русское *близко* не может употребляться, если близость X-а и Y-а дает основание для их сопоставления, которое влияет на то, как видится X. Так, нельзя, например, сказать: **Близко от нее звезды казались особенно и как-то неестественно яркими* (ср., напротив, английское *close*, раздел 4.1.2 части II монографии). В подобных контекстах в русском языке может употребляться слово *рядом* (см. раздел 3.1).

Далее, многие ограничения на употребление слова *близко*, вероятно, связаны с тем, что это слово может употребляться и в тех контекстах, в которых речь идет о расстоянии между локусами X-а и Y-а. Поэтому иногда в контекстах, в которых «идея локуса» исключается, предпочитают другие языковые средства. Так, слово *близко* обычно (но имеются исключения, которые нуждаются в дополнительном рассмотрении) не используется, когда X и Y — части тела. В этих контекстах часто выбирается словосочетание *почти соприкасаются*.

(33) *Они вместе читали книгу, и их головы почти соприкасались* (а не: *были очень близко*).

Слово *близко* также не употребляется, если вводится некоторое целое (например, *дерево, волосы*), частями которого являются X и Y. Странно, например, сказать:

(34) *Дерево было срублено близко от корней* (ср. *у самых корней*).

Слово *близко* нельзя также употребить, если Y соответствует поверхности, по которой перемещается X (например, ползущий по земле человек). В этих контекстах слово *близко* могло бы характеризовать расстояние тела (вернее большей его части от земли). Ср. англ. *close* (гл. IV части II монографии).

Итак, в разделе 1.1 было проведено различие между собственно дистанционными и пространственно-дистанционными словами. Первые описывают расположение X-а по отношению к Y-у (т. е. к релятуму, ориентиру) в терминах расстояния: как далеко от Y-а находится X. Представление о нахождении в том или ином пространстве при этом относится либо к пресуппозиции, либо вытекает из общего контекста. Такая информация, однако, всегда лишь имплицитируется.

Пространственно-дистанционные слова, напротив, сообщают о том, в каком пространстве, где находится X или какую позицию, локус он занимает. Представление о расстоянии входит здесь лишь в «номинацию» самого пространства или позиции.

Рассмотрен ряд особенностей функционирования в речи дистанционных слов.

1.2. СЕМАНТИКА ПРОСТРАНСТВЕННО-ДИСТАНЦИОННЫХ НАРЕЧИЙ *ВДАЛИ, ВБЛИЗИ, НЕВДАЛЕКЕ*

Существуют разные способы вычленения пространств. Некоторые из них отражены в семантике наречий *вблизи, вдали, вдалеке, невдалеке*. Мы попытаемся показать, что в большинстве условий употребления слов *вблизи/вдали* сохраняются следующие инвариантные представления: пространство (или локус) нахождения X-а S_1 выделяется прежде всего по отношению к другому пространству или локусу, а не объекту. Часто при этом пространственное положение S_1 определяется и по отношению к другому пространству или локусу S_3 ⁶, и по отношению к наблюдателю Y-у, который выведен за пределы общего описываемого пространства.

1.2.1. *Вдали₁/вблизи₁, невдалеке₁/вдалеке₁ — дистанционные полосы перцептивно воспринимаемого пространства; наблюдатель как точка отсчета*

Первое значение наречий *вдали/вблизи, вдалеке/невдалеке* достаточно хорошо описано. В семантику этих слов входит представление о делении, как бы мы сказали, пространства, данного в перцептивном восприятии⁷, на дистанционные

⁶ Знаком S_2 мы обозначаем место нахождения Y-а; S_3 — локус или пространство, связанные еще с одним элементом ситуации.

⁷ Обычно говорится о пространстве, простирающемся от наблюдателя до горизонта. Однако при употреблении рассматриваемых слов часто речь идет о пространстве, границы которого определяются возможностями не только зрительного, но и слухового восприятия.

пояса—ближайший к наблюдателю и дальний, примыкающий к горизонту. Выделяется также «промежуточная» средняя дистанционная полоса, с которой связывается семантика слова *невдалеке*. На значимость понятия «наблюдателя» для семантики рассматриваемых слов обратил внимание Ю. Д. Апресян [1995, т. II: 640]. Введение этого понятия позволило показать важное различие между словами *вдали*, *вдалеке*, *вблизи*, *невдалеке*, с одной стороны, и *неподалеку*, *поблизости*, *близко/далеко*, с другой [Яковлева 1990; 1994: 32]. Выбор наблюдателя в качестве точки отсчета несуществен для слов *недалеко*, *неподалеку*, *поблизости*. Так, на вопрос *Где Вы?* нельзя ответить: **Мы здесь вблизи*; **Мы здесь невыедалеке*; **Мы вдали*, но можно: *Мы здесь неподалеку*; *Мы недалеко от вас*.

Е. С. Яковлева справедливо отметила также, что слова с семантикой «наблюдения» употребляются, как правило, в «изобразительном» стиле речи [Золотова 1982].

В данном разделе мы попытаемся раскрыть различие между словами *вдали* {*вблизи*}/*вдалеке* {*невдалеке*}; остановимся также на некоторых представлениях, связанных с ближайшим к наблюдателю и наиболее удаленном от него дистанционных поясах.

Сначала, однако, сделаем одно общее замечание. Хотя есть основание говорить о выделении трех дистанционных поясов, в текстах никогда не дается сопоставление трех планов. Речь либо идет о противопоставленности *вдали/вблизи*, либо о противопоставленности какой-то полосы или места в пределах простирающегося до горизонта пространства и места, позиции наблюдателя. Другими словами, в отдельных актах наблюдения учитывается выделение двух планов, а не трех. К этому вопросу мы вернемся при сопоставлении с английским языком (см. раздел 4.2.3 части II монографии).

Понятие местонахождения, как уже отмечалось выше, имеет два разных смысла: оно может связываться (1) с той частью пространства, которую непосредственно занимает объект, явление (например, часть пола, на которой стоит человек) и (2) с тем пространством, какую-то часть которого занимает объект, явление (в комнате, в доме). Границы этого последнего пространства могут расширяться в зависимости от ситуации (в комнате—в городе). Данное различие, как мы попытаемся показать, отражено в семантике наречий *вдали*₁/*вдалеке*₁.

Наречие *вдали* указывает на всю ту пространственную полосу, которая примыкает к внешней границе доступного восприятию пространства. Таким образом, семантика этого слова соответствует его внутренней форме «в+даль». Напротив, *вдалеке* несет информацию о той части этого пространства, которую занимает или может занимать объект, т. е. о локусе X-а, причем его локус не должен быть равен всей полосе пространства, примыкающей к внешней границе.

Сходное различие может существовать, как мы попытаемся показать, и между наречиями *вблизи*₁ — *невдалеке*₁: *вблизи* обозначает все «ближайшее» пространство по крайней мере в одном направлении от наблюдателя, а *невдалеке*₁ — точку или отдельный участок этого пространства. Таким образом, мы утверждаем, что наречия *вдалеке*, *невдалеке* обозначают «участок» пространства, занимаемый объектом или событием, при условии, что этот «участок» небольшой по сравнению со всем пространственным поясом. Напротив, *вдали*\, *вблизи* указывают на весь дистанционный пространственный пояс. Лишь по отношению к тем явлениям, которые занимают всю дистанционную область, слова *вдали*₁, *вблизи* служат для обозначения непосредственного местонахождения X-а (его локуса).

В пользу сделанного утверждения говорит, во-первых, то, что только наречия *вдали*, *вблизи* употребляются при предикатах типа *светло*, *темно*, *разъяснилось*, *заволокло туманом*. Например:

- (1) *Хотя лагерь еще был окутан туманом, вдали (*вдалеке) совсем просветлело.*
 (2) *...вдали (*вдалеке) было совсем светло.*

Из десяти опрошенных только один допускал употребление наречия *вдалеке* в приведенных предложениях. Остальные оценивали выбор этого слова либо в 1—2 балла (по пятибалльной системе), либо в 3 балла (1 человек).

Во-вторых, наречия *вдали*, *вблизи* выбираются, если речь идет о множестве объектов, фактически покрывающих все описываемое пространство.

- (3) *...и вблизи, и вдали, — а далеко было видно, хотя глаз многого не понимал из того, что видел, — все покоилось* (Тургенев). Ср. **...и вдалеке ...все покоилось.*
 (4) *И смотришь — тучи вдали встают.*
И слушаешь песни далеких сел (Блок).

Ср. *Вдалеке встают тучи.*

Некоторые из опрошенных прямо отмечали, что выбор *вдалеке* неудачен, так как X здесь скорее всего занимают большую часть пространства над горизонтом. Заметим, допустимость предложений типа *Вдалеке сверкала река* не противоречит сделанному утверждению. В таких предложениях речь может идти о какой-то видимой части реки, озера, которая не заполняет собой все пространство.

В-третьих, *вдали* выбирается при предикатах, описывающих перемещение, траектория которого занимает достаточно большую часть пространства.

- {5} *Я уже хотел было наклониться к земле, чтобы взять себе одно из этих больших прекрасных яиц, как вдруг заметил, что вдали по болоту, пря-*

мо на меня, шел человек (Пришвин) (*...вдалеке по болоту, прямо на меня, шел человек; ср. *Вдалеке появился человек*).

(в) *Вдали по Рейну бежал и дымился пароход. Мы принялись глядеть на него* (Тургенев).

(7) *И, чертя круги, ночные птицы
Реяли вдали* (Блок).

Читая стихотворение А. Блока, видишь много больших птиц, очерчивающих широкие круги на небе. Такое восприятие подтвердил опрос 8 человек. Ср.: *Вдалеке кружила маленькая птичка*.

В-четвертых, наречия *вдали*₁, *вблизи*₁ чаще встречаются при указании на незаполненность субъектной позиции, так как в поле наблюдения здесь попадает все пространство.

(8) *Ни неба, ни облаков, ни людей вдали не было. Было что-то черное, туманное* (Казаков).

(9) *Ни вдали, ни вблизи никого не было*.

Однако выбор наречия *вдалеке* при отрицании не исключается. Такой выбор наиболее естествен, когда наблюдатель ищет какой-то определенный объект. При этом он как бы пересматривает различные объекты, имеющиеся в пространстве, и пытается их идентифицировать с искомым или пересматривает отдельные «куски» пространства, обнаруживая их незаполненность.

(10) *Сколько я ни старался различить вдалеке что-нибудь наподобие лодки, но безуспешно* (Лермонтов).

Некоторые из опрошенных допускали также предложения типа

(11) *Но и вдалеке никого не было видно*.

В-пятых, наречия *вдали* и *вблизи* не могут употребляться при других локативах, которые были бы представлены в тексте как полностью кореферентные с ними, а не уточняющими положение X-а внутри большего пространства, и при этом обозначающие небольшой «кусочек» общего пространства. Так, нельзя сказать:

(12) **Но тут вдали и вверху замигал огонек какой-то лампадки*.

Напротив, подобные сочетания допустимы при наречии *вдалеке*.

(13) *Но тут вдалеке и вверху замигал огонек какой-то лампадки и начал приближаться* (Булгаков).

(14) *Окна квартиры Честновой выходили поверх окрестных московских крыши, и вдалеке — на ослабевшем, умирающем конце пространства*

видны были какие-то дремучие леса и загадочные вышки (А. Платонов; пример взят из: [Яковлева 1994: 27]).

«Ослабевший умирающий конец пространства», выделяемый в примере (14), не равен той общей полосе пространства, которая расположена у горизонта.

Следует, однако, отметить, что некоторые информанты считали такую сочетаемость не вполне нормативной и для наречия *вдалеке*, но оценили ее выше, чем для наречий *вдали*, *вблизи*.

При сообщении или обнаружении относительно небольших объектов и «событий», занимающих маленькую часть пространства, могут употребляться все рассматриваемые наречия. Так, можно сказать:

(15) *Вдали (вдалеке) сверкнул огонек.*

(16) *Вдали (вдалеке) слышалась песнь соловья.*

Однако денотативные ситуации при этом представлены по-разному. Наречие *вдали*₁ «помещает» описываемое явление в рамки большого пространства, и, таким образом, читатель (слушающий) воспринимает его на фоне этого большого пространства. Напротив, *вдалеке*₁ показывает только, что место, которое занимает «обнаруженное» событие, находится где-то близко к горизонту. Эти различия в создаваемых «картинках» определяют условия предпочтительности выбора исследуемых слов. Наречие *вдалеке* более употребительно в тех случаях, где важен сам факт обнаружения события, а не описание общей картины окружающего пейзажа (например, потому что это событие может привести к каким-то последствиям).

(17) *Постоянно вдалеке хлопали выстрелы. Кучки взволнованных людей толпились у ворот* (Ю. Олеша) (*...вдали хлопали выстрелы*).

Большинство опрошенных (8 из 10) отдавали здесь предпочтение выбору слова *вдалеке*. Некоторые при этом отмечали, что выбор наречия *вдали* создал бы слишком спокойный, эпический тон повествования.

В условиях «чистого» описания (т. е. там, где обнаружение события не рассматривается под углом зрения его возможного влияния на последующие события) наречие *вдалеке* часто употребляется при глаголах совершенного вида со значением мгновенности, хотя выбор наречия *вдали* здесь также возможен.

(18) *Когда я подошла к окну, вдалеке сверкнула молния (вдали).*

(19) *Первый огонек блеснул вдали, на противоположной горе, в одиноком домике близ шламбаума* (Бунин).

Выбору слова *вдали* в примере (19) способствует, по-видимому, детальное описание фона.

Наречие *вдали* часто предпочитается при описания продолжительного акта восприятия.

(20) *...где-то вдали, почему-то очень волнуя сердце, шумели поезда* (Булгаков).

Употребление наречия *вдалеке*, однако, также соответствует норме.

Итак, *вдали* \ вносит информацию о полосе пространства, расположенной у границы, которая определяется перцептивной возможностью восприятия.

Напротив, наречие *вдалеке* указывает на непосредственное местонахождение (локус) относительно маленького по сравнению со всем дистанционным поясом объекта. Локус при этом расположен близко от указанной пространственной границы.

В заключение обратим внимание еще на одну особенность слов *вдали* и *вдалеке*: вследствие того, что они выделяют какую-то часть перцептивно воспринимаемого пространства, они чаще всего соответствуют «теме», которую мы не отождествляем с «данным», а связываем с организацией информации в высказывании (например, [Селиверстова, Прозорова 1992]). При этом имеется в виду, что при выборе слов *вдали*, *вдалеке* за исходное берется соответствующая часть пространства, и она характеризуется через наличие/отсутствие в ней каких-либо объектов или какие-либо свойства (см. примеры 1—6 и др.). Однако при исследуемых словах возможно и другое построение информации: исходной точкой служит обнаруживаемый объект и он характеризуется как находящийся в соответствующей части пространства (примеры 7—9). Особого рассмотрения требуют примеры типа 4, 8.

Наречие *невдалеке* также, по крайней мере обычно, употребляется для обозначения непосредственного местонахождения относительно маленького по сравнению с общим пространством объекта.

(21) *5 этот момент, когда глухой занавес окончательно готов был отделить от меня весь этот прекрасный мир, я увидел: невдалеке, размахивая розовыми руками-крыльями, над зеркалом мостовой скользила знакомая, громадная голова* (Замятин).

См. также:

(22) *Владимир увидел невдалеке дереушку, состоящую из четырех или пяти домов* (Пушкин, пример взят из ССРЛЯ).

(23) *Он видел невдалеке большую деревню, раскинувшуюся по обеим сторонам озера.*

Ср. (24):

(24) *Он увидел прямо перед собой большую деревню.*

(25) *Где-то невдалеке и вверху замигал огонек.*

При описании открытого пространства наречие *вдали*₁ может употребляться не только в высказываниях, сообщающих об обнаружении объекта в пространстве, но и при указании на то, каким видится объект, когда находится в этом пространстве. Например:

(26) *Цепи грозных гор, лес, а иногда*

Странные вдали чьи-то города (Гумилев).

(27) *Вдали он подобен цветным парусам корабля,*

И бег его плавен, как радостный птичий полет (Гумилев).

В подобных контекстах может употребляться и наречие *вблизи*, которое будет рассмотрено ниже. Использование наречия *вдали* в данных условиях более ограничено. Оно связано именно с открытым пространством и не встречается в высказываниях, в которых сопоставляются разные моменты наблюдения. Так, нельзя сказать:

(28) **Вдали грузинские деревни казались прекрасными садами, а вблизи я увидел несколько бедных саклей.*

Рассмотрим теперь более подробно различие между наречиями *вдали* и *вблизи* при описании открытого пространства, представленного в восприятии наблюдателя.

Наречия *вдали* и *вблизи*₁ различаются не только по признаку расстояния. Пространство, расположенное у горизонта, естественно видится как расположенное не только в горизонтальной плоскости, но и как имеющее вертикальное измерение. Можно сказать, что это — сегмент полусферы, создаваемый горизонтальной и вертикальной плоскостями, соединяющимися у линии горизонта. Вертикальный размер пространства приводит к возможности использования наречия *вдали* для указания на пространство нахождения таких объектов, как тучи, птицы и т. п. Денотат слова *вблизи* также может быть представлен как имеющий вертикальное измерение, но обычно высота этого пространства не превышает размеры объектов, стоящих на земле. Например:

(29) *Вблизи перед нами серебряной нитью взвивалась почти бесшумная фонтанная струя* (Солженицын).

«Порождение» предложений типа *Вблизи клубились облака* представляется естественным, только если описание дается с позиции человека, стоящего в горах. В этом случае облака находятся в горизонтальной плоскости.

Различие в расстоянии от наблюдателя приводит также к расхождениям в сочетаемости с типами существительных. Наречие *вдали* встречается с существительными, обозначающими либо достаточно крупные объекты (размера человека и больше), либо яркие (*огни*). Напротив, наречие *вблизи* плохо сочетается со словами, обозначающими крупные объекты (здание, гора). Например, не совсем естественно сказать: **Вблизи стоял большой каменный дом*; **Вблизи поднималась гора*. Это ограничение можно объяснить тем, что крупный объект с близкого расстояния нельзя увидеть на фоне окружающего пространства или мысленно соотнести с этим фоном. Напротив, относительно маленький объект легче вписывается в окружающее пространство.

(30) *Вблизи где-то была лужа, и, вероятно, это туда с высоты огромных деревьев поочередно сучья роняли капли* (Пришвин).

Есть еще одна особенность употребления наречия *вблизи*. Кроме тех случаев, когда наречия *вблизи* и *вдали* стоят в тексте вместе (*и вблизи, и вдали*), предложения со словом *вблизи* оценивались информантами (8 человек) как более естественные, нормативные, если добавляется второй локатив, конкретизирующий положение объекта в пространстве. Ср. приведенный выше пример (29) и предложение с опущенным «уточнителем» места:

(31) *Вблизи серебряной нитью взвивалась почти бесшумная фонтанная струя* (средний балл 4—3).

Ср. также:

(32) а) *Вблизи слышалась песнь соловья* (средний балл 4—3) и
б) *Вблизи у самых кустов слышалась песнь соловья* (средний балл 5).

По-видимому, это связано с общей тенденцией к реализации двух пространственных валентностей: пространственное положение X-а должно определяться не только по отношению к ближайшей к Y-у пространственной полосе, но и по отношению к какому-то другому пространству или ориентиру.

Различие в информации о расстоянии, с которой связана противопоставленность наречий *вдали* и *вблизи*, влияет и на характер предикативной сочетаемости, на что уже обращала внимание Е. С. Яковлева [1994: 32]. Так, *вдали*, а также *вдалеке* часто сочетаются с глаголами *виднеться*, *выситься*, *показываться*. Напротив, для наречия *вблизи* выбор этих предикатов маловероятен:

(33) ¹ *Вблизи виднеется золотой купол церкви.*

(34) ² *Вблизи показалась маленькая церковь.*

Глагол *показаться* предполагает, что наблюдатель находится в движении, и соответственно, денотативная отнесенность наречий *вдали* и *вблизи* меняется.

Это условие не накладывает запрет на употребление рассматриваемых слов. Например:

(35) *Она остановилась, когда вдали показалась рига* (Ю. Казаков).

При употреблении слова *вблизи* в этих ситуациях обычно предполагается, что наблюдатель уже видел издали описываемый объект. Семантическая структура подобных предложений приобретает следующую внутреннюю форму «У видит X теперь, когда Y находится вблизи».

(36) *Проплыв около получаса по теплой серебристой воде, он увидел вблизи лес — сплошной и черный* (Ю. Казаков).

С этим условием употребления связано особое значение наречия *вблизи*, которое обозначим знаком *вблизи*₁. Оно будет рассмотрено ниже.

1.2.2.

Укак «источник» качественных характеристик S₁

Один из главных способов образования отдельных значений в семантической структуре пространственно-дистанционных слов — это преобразование пространств. Если первое значение наречий *вдали/вблизи* связано с выделением дистанционных областей перцептивно воспринимаемого пространства, то второе значение вводит в рассмотрение пространства других типов.

Так, слово *вдали*₂ указывает на такое удаленное от некоторой точки отсчета пространство S_1 , свойство которого определяются этой удаленностью (см., [ССРЛЯ], а также: [Всеволодова, Владимирский 1982; Яковлева 1994]). В это значение входит представление о том, что точка отсчета, *релятум* — это некий центр, большой город, вообще место, где кипит какая-то бурная жизнь, место, где описываемое лицо должно было бы быть, хотя и находится вне его (родина, там, где любимые и т. п.). Наиболее устойчиво употребление наречия *вдали* в тех случаях, когда *релятум* не идентифицируются с каким-то определенным местом, а характеризуется через такие параметры, как шум, суета, там, где родился, рос, где любимые люди. Например:

(1) *Боже мой! Как здесь хорошо... Вдали от суеты, вдали от этой мелочной жизни* (Гончаров).

(2) *Вордсворт его орудием избрал.
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал* (Пушкин).

(3) *Но в тайне думала она
Вдали от милого, в неволе
Зачем мне жить на свете боле?* (Пушкин).

Поскольку при рассматриваемом значении релятум часто связывается с представлением об определенном образе жизни, нахождение вне его ассоциируется с противоположным жизненным укладом. Поэтому в высказываниях этого типа употребляется глагол *жить* и его синонимы или существительное *жизнь* и его синонимы. При этом речь не всегда идет о положительной или отрицательной оценке. Иногда предполагается особая, другая жизнь. Например:

(4) *У него все было готово для жизни вдали от дома* (Казаков).

Сочетание с предикатами нахождения также допустимо, причем оно будет восприниматься как более естественное, если вторая локативная группа (точка отсчета) будет употребляться нереферентно, например:

(5) *Это поселок лежал вдали от больших городов {вдали от больших рек}*.

Встречаются также отдельные примеры употребления *вдали* при конкретной точке отсчета (например, Москва). При этом сохраняется представление об особом образе жизни. Например:

(6) *Наша дивизия была довольно глухая, стоявшая вдали и от Петербурга и от Москвы* (Гаршин).

Такое употребление, однако, оценивается большинством информантов как архаическое. Ср.:

(7) *Наш полк стоял вдали от Москвы*.

Ср. также:

(8)а) *Поселок расположен {лежал} вдали от железных дорог;*

б) *Поселок находился вдали от железной дороги*.

Вариант (б) оценивается информантами обычно ниже, что можно объяснить референтным употреблением именной группы *железная дорога* (точнее, возможностью такой интерпретации).

При описании отдельного здания или функционально связанной группы зданий употребляется также наречие *вдалеке*. Например:

(9) *Хутор лежал вдалеке от железной дороги* (Эртель, пример взят из ССРЛЯ).

Если же речь идет о поселке, городе, употребление наречия *вдалеке* обычно оценивается информантами ниже. Ср.:

(10)а) *Наш город расположен вдалеке от железной дороги* (средний балл 3—4).

б) *Наш город расположен вдалеке от железных дорог* (средний балл 4).

При нереферентном употреблении именной группы с предлогом *от* выбору этого слова отдается предпочтение. Наречие *вдалеке* может также употребляться в поэтической речи при одушевленном субъекте.

(11) *Я в тишине святой Философом ленивым. От шума вдалеке, Живу я в городке. Безвестностью счастливым* (Пушкин).

При референтном употреблении именной группы с предлогом *от* используется наречие *далеко*, которое не вносит информацию об особом образе жизни и не связано таким образом обязательно с поэтическим стилем речи (в широком и узком смысле этого термина):

(12) *Наш поселок расположен далеко от железной дороги (железных дорог)⁸.*

(13) *Хутор находится далеко от леса (*вдали от леса, *вдалеке от леса).*

(14) *Поселок расположен далеко от реки (вдали реки, *вдалеке от реки).*

Таким образом, в высказываниях с наречиями *вдали*, *вдалеке* сообщается о нахождении в таком пространстве (S_1), свойства которого определяются удаленностью от Y -а, что предполагает отсутствие свойств, которые характеризуют Y или вызываются «присутствием» Y -а.

Сходное значение имеет и наречие *вблизи (вблизи₂)*. Оно указывает на такое пространство S_1 , свойства которого определяются близостью Y -а. Однако близость нахождения Y -а от S_1 , уже не может рассматриваться как условие формирования в S_1 свойств, противоположных Y -у. Напротив, близость Y -а предполагает возможность распространения каких-то свойств Y -а на S_1 , или какого-то взаимодействия Y -а и X -а или воздействия одного из них на другой. Вместе с тем важно подчеркнуть, что речь может идти только о таких свойствах Y -а, которые могут сказываться на расстоянии, и о таком воздействии Y -а на X или, наоборот, X -а на Y , которые не требуют прямого контакта X -а и Y -а. Например:

(15а) *Специалисты Центра электромагнитной безопасности провели замеры уровня электромагнитного излучения в квартирах домов, расположенных вблизи Останкинской телебашни (газ).*

В контексте примера (15) могли бы быть употреблены и предлоги *около* или *возле*, которые, как будет показано ниже (разделы 2.2, 2.3), указывают на пространство, непосредственно примыкающее к Y -у, не отделенное от него:

(15б) *... провели замеры ... излучения в квартирах домов, расположенных около Останкинской телебашни.*

⁸ Употребление имени во множественном числе в контексте со словом *далеко* скорее также воспринимается как референтное.

Пример (15а) показывает, что обследуемые дома расположены в более широкой пространственной полосе (S_1), находящейся на некотором, хотя и маленьком, расстоянии от Y -а. Эта отделенность S_1 от Y -а приводит к тому, что употребление *вблизи*₁ исключается, если предполагается использование излучения, идущего от Y -а. Так, нельзя сказать: *Они грелись вблизи костров*. В этом контексте требуется употребление предлогов *около*, *возле* или *у*, который принадлежит к той же группе, что и первые два предлога (см. раздел 2.1).

(16) *Они грелись у {около, возле} костров*.

Запрет на выбор *вблизи*₂ можно объяснить тем, что хотя тепловое излучение распространяется на достаточно большое расстояние, сам акт обогривания должен происходить в непосредственной близости к Y -у (прежде всего потому, что здесь излучение наиболее сильно и, кроме того, допускается почти прямой контакт с Y -ОМ).

Подобно этому трудно себе представить ситуацию, которой бы соответствовала фраза *Сцена вблизи фонтана*. Данное ограничение в употреблении также можно объяснить постулируемым значением. Y здесь должен был бы выступать не только как ориентир, но и как объект, близость которого сказывается на тех или иных характеристиках расположенного на некотором расстоянии от него пространства. Эта информация не отражает те представления, которые связываются с данной ситуацией. Фонтан ассоциируется в нашем сознании с представлением об особой поэтической «атмосфере», которая формируется в окружающем его пространстве и частью которой является его непосредственное присутствие. Поэтому естественно сказать: *Сцена у фонтана, а не вблизи фонтана* (см. гл. II).

В контекстах же, в которых важно не присутствие самого Y -а, а то, что он является источником какого-то или каких-то сил, излучения, распространяемых на пространства, непосредственно не примыкающие к нему, употребление слова *вблизи* становится нормативным. Например:

(17) *Вблизи монастыря богатый отобрал у нищего свинью* (Б. Зайцев).

Выбор слова *вблизи*₂ вносит представление о возможном влиянии места осуществления события (т. е. его близости к монастырю) на само это событие (усиливается ощущение его греховности) и/или на его последствия. Именно о таких последствиях и идет речь в дальнейшем тексте. См. также (18):

(18) *В нежданной встрече сын Гасуба*

Рукой завистника убит

Вблизи развалин Тартуба (Пушкин, пример взят из ССРЛЯ).

И сама фонетическая характеристика слова *Татартуба*, и принадлежность Y-а к такому классу объектов, которые могут ассоциироваться с эмоциональными характеристиками, способствует возникновению представления о чем-то зловещем, мрачном, как бы содержащем в себе злые силы. Подобные объекты могут восприниматься как отбрасывающие зловещую тень не только на примыкающее пространство, но и на более отдаленные области. Поэтому введение в текст словосочетания *вблизи развалин Татартуба* усиливает общий зловещий колорит сцены. Стремление создать подобное восприятие ситуации свойственно по преимуществу поэтической речи. Поэтому маловероятно, чтобы следователь охарактеризовал место убийства, используя слово *вблизи*₂, даже если Y ассоциируется с чем-то мрачным и зловещим. Например:

(19) *Его убили недалеко от {около} «Трех утопленников»* (а не: **вблизи «Трех утопленников»*).

Таких стилистических ограничений нет при описании других типов влияния близости Y-а на местонахождение X-а.

(20) *Они селились вблизи больших рек* (жур.).

Здесь близость больших рек выступает как причина выбора места поселения и как условие, которое должно сказываться на образе жизни. При этом информация о том, что S₁ не примыкает к Y-у, а находится на некотором расстоянии от него сохраняется, как и во всех остальных случаях употребления *вблизи*₂. По этому последнему признаку пример (20) противопоставлен примеру (21).

(21) *Они селились у больших рек.*

В примере (20) Y соответствует классу объектов. См. также:

(22) *Там на поляне, вблизи которой можно было ожидать тетеревиных выводков, я отпустил Верного* (Пришвин).

В контексте примера (22) также предполагается принадлежность Y-а к особому подклассу полей, вблизи которых и может ожидать появление X-а. Поэтому при отсутствии придаточного предложения более естественно задать Y, соответствующий классу.

(23) *Вблизи таких полей можно ожидать появления тетеревиных выводков.*

Однако в целом, как видно из приведенных выше примеров, такая характеристика Y-а необязательна для употребления слова *вблизи*₂.

Отметим также особый тип связи между элементами ситуации, который задается в примерах (22, 23)—наличие Y-а здесь скорее не причина возможности

появления X-а в близлежащем пространстве S], а только знак — поляны типа Y-а часто расположены вблизи тех мест (S_1), в которых может появляться X.

В контекстах употребления слова *вблизи*₂ в качестве источника воздействия может выступать не только Y, но и X. Выбор Y-а в качестве релятума при этом определяется его значимостью в общем тексте — он соответствует теме текста. Например:

(24) *И тут прорвало магистральный водопровод под землей вблизи памятника Преминину. Трубу латали почти два месяца. За это время у подножия холма, на склоне которого десять лет стоял этот памятник, образовалась гигантская промоина, и склон начал обрушиваться (газ).*

Пример (24) хорошо иллюстрирует и другие отмеченные характеристики *вблизи*₂ — здесь отделенность пространства S_1 , т. е. пространства, в котором произошел прорыв трубы, от места нахождения памятника, самоочевидна. Существенно в этом отношении и то, что X имел место под землей, т. е. в другом горизонтальном уровне. Представление о разделенности S_1 и S_2 (места нахождения Y-а) усиливается также указанием на опосредованность влияния X-а на Y.

Общий размер пространства, включающего в себя и S_1 и S_2 (Y-а), может быть разным в зависимости от типа Y-а. Соответственно меняется и расстояние между S_1 и S_2 . В общем виде можно сказать, что оно заключено в интервале от нескольких метров (примеры 15, 22, 24) до нескольких километров. Наибольший размер расстояния наблюдается при таком Y-е, как город, населенный пункт. X при этом соответствует промышленным областям, связанным с Y-ом, поселениям или каким-то сохранившимся свидетельствам этих поселений. Например:

(25) *Китай также считает необходимым привлекать иностранных инвесторов — прежде всего в так называемые специальные экономические зоны, расположенные на юго-восточном побережье страны вблизи Гонконга (газ).*

(26) *...нахождение древнего кладбища здесь, далеко от Новгорода, но вблизи Торговища ... много говорило историку местного края (Пришвин).*

Общее пространство S, включающее S_1 и S_2 , может быть и закрытым, если оно достаточно большое (концертный зал, зал ресторана и т. п.). Например:

(27) *Оркестр расположен вблизи сцены (газ).*

Подчеркнем, что и в примерах (25—27) сохраняется информация о том, что пространственное положение X-а характеризуется не только по расстоянию от Y-а, но и по наличию каких-то каузальных отношений, делающих их

пространственное положение неслучайным. Рассматривая контексты, в которых *X* соответствует хозяйственному объекту, важно еще обратить внимание на тип каузальности: при выборе слова *вблизи* близость пространственного положения *X*-а не рассматривается как условие, определяющее удобство использования *X*-а *Y*-ом (точнее теми людьми, которые живут, работают в *Y*-е). Поэтому пример (28) ненормативен.

(28) **Колодец уж конечно вырыли вблизи дома председателя (ср. совсем рядом с домом, поблизости от дома, совсем близко с домом).*

Представление *X*-а как элемента общего с *Y*-ом хозяйственного или промышленного комплекса, а не как объекта, который создается из-за близости к *Y*-у, делает предпочтительным сочетать слово *вблизи* с предикатами *имеется, расположен, находится*, а не *был построен*. Например:

(29) **Вблизи него был построен и перерабатывающий завод (ср. поблизости от него).*

Присущее фактически всем значениям слова *вблизи* представление о том, что пространство нахождения *X*-а S_1 является частью общего пространства S , в которое входит и S_2 (обычно пространство нахождения *Y*-а), приводит к тому, что и в рассматриваемом случае S_1 —*X* и S_2 —*Y* рассматриваются как взаимосвязанные части общего пространственного комплекса. При этом в примерах 25, 27 *X* и *Y* заполняют все пространство S_1 и S_2 , что приводит к слиянию пространства и объекта.

Вхождение информации о непространственных отношениях в семантику самого слова *вблизи* подтверждается также тем, что это слово не может употребляться, если — исходя из общего смысла контекста — такие отношения между *X*-ом и *Y*-ом или S_1 и *Y*-ом не имеют места. Например:

(30) **Конференция происходила в маленьком городке вблизи Нью-Йорка (ср. близ Нью-Йорка, недалеко от Нью-Йорка).*

(31) **Его убили вблизи гостиницы «Метрополь» (ср. недалеко от...).*

Представление о том, что близость *Y*-а сказывается на свойствах пространства S_1 , служит основой переносных употреблений *вблизиг*. Например, название книги *Вблизи Толстого* показывает, что речь идет о нахождении в таком физико-духовном пространстве, на которое накладывает отпечаток присутствие Толстого, но которое при этом отделено от духовного мира Толстого, не поднимается до него, а лишь окрашено какими-то отблесками этого мира.

Разнообразие тех зависимостей и воздействий, которые связываются в семантике слова *вблизи* с пространственной близостью, вероятно, способствуют, с одной стороны, тому, что вступающими в эти зависимости и взаимосвязи может оказываться и само пространство S_1 , в котором находится X , и сам X , а, с другой стороны, часто наблюдаемая множественность X -ов (эффект матрешки). Так, в примере (15а) в качестве X -а фактически выступают и дома, расположенные вблизи телецентра, и квартиры в этих домах, и проводимые внутри них измерения, и устанавливаемое при измерениях присутствие электромагнитных излучений. В примерах (17, 18, 20) близость Y -а, прежде всего, влияет на характеристики самого пространства S_1 , и уже через него может сказываться и на X -е. Наряду с этим речь может идти о воздействии расстояния на свойства X -а. Например:

- (32) *О нет! Не может быть для дружбы расстоянья:
Вдали, как и вблизи, я буду Вам родной* (Жуковский, пример взят из ССРЛЯ).

Правда, примеры типа (32) относятся только к поэтической речи и, возможно даже, представляют собой случаи переносного употребления первого значения слов *вдали/вблизи*. При втором значении S_1 соответствует пространству нахождения самого Y -а или совпадает с Y -ом, когда он представляет собой пространство.

В прозаических текстах расположенность вблизи может предполагать зависимость изменений в S_2 от изменений в S_1 (пример 24) или наличие каких-то причин, определяющих существование в едином комплексе S_1 и S_2 или X -а и Y -а (примеры 22, 25—27).

Итак, в разделе 2.2 было рассмотрено второе значение слов *вдали* и *вблизи*, первое из которых представлено здесь и сочетается с предлогом *от*, образуя с ним сложный предлог *вдали от*, а второе само приобретает предложные функции.

Во втором значении слово *вдали* (*от*) указывает на пространство, расположенное далеко от места нахождения Y -а и вследствие этого имеющее свойства, противоположные тем, которые придает месту своего нахождения наличие (присутствие) Y -а (например, S_2 — там, где шум, суета; S_1 — там, где их нет). Y часто при этом соответствует свойствам пространства S_2 .

Слово *вблизи* во втором значении указывает на пространство S_1 (т. е. пространство нахождения X -а), расположенное близко от места нахождения Y -а — S_2 , что либо обусловлено входжением S_1 и S_2 или X -а и Y -а в единый комплекс (например, хозяйственный или природный), либо, напротив, приводит к наличию у S_1 общего с Y -ом свойства (такое свойство должно обладать способностью распространяться на расстояние — обычно излучение, добрые (злые) силы); либо приводит к зависимости тех или иных изменений в S_2 (или

наоборот S_1) от изменений в S_1 (или S_2), что в свою очередь влияет на Y (или X). Y может заполнять полностью пространство своего нахождения при условии, что Y занимает большую пространственную площадь (например, Y — город, завод и т. п.). В этом случае S_2 и Y фактически отождествляются.

Проведенный анализ позволяет, как представляется, утверждать, что в структуре второго значения слов *вдали/вблизи* сохраняются некоторые общие черты с первым — в обоих случаях S_1 выступает как часть более широкого пространства, включающего в себя и другую пространственную часть — S_2 .

1.2.3. *Вблизи₃/невдалеке₂ — слова, обозначающие части перцептивно воспринимаемого пространства; точка отсчета не соответствует наблюдателю*

Всемантике слова *вблизи* выделяется еще одно значение, которое связано с представлением о наблюдаемом пространстве, но при этом членение не зависит от позиции наблюдателя. Для толкования этого значения введем понятие — конструктивного элемента ландшафта⁹. Мы будем употреблять этот термин для указания на то, что X и Y рассматриваются как части ландшафта и, таким образом, определяют или во всяком случае влияют на то, как «выглядит» S .

Вблизи₃ показывает, что пространство S_1 , находящееся на близком расстоянии от S_2 , где расположен Y , заполнено или частично заполнено X -ом так, что X и Y организуют то общее пространство, которое складывается из S_1 и S_2 , т. е. образуют конструктивные элементы общего ландшафта. X и Y , если они сами представляют собой пространства, совпадают с S_1 и S_2 . Семантика *вблизи₃* предполагает наличие некоторого реального или потенциального наблюдателя (см. рис. 1).

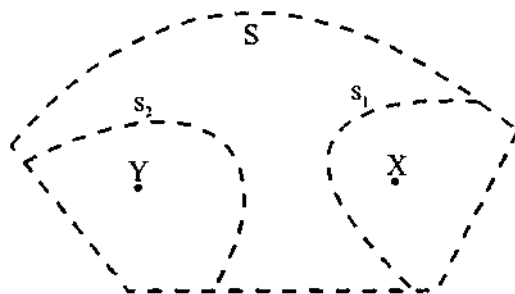

Рис. 1

Сходное значение выделяется и у слова *невдалеке*, которое при этом указывает на несколько большее расстояние между пространствами. Например:

⁹ Более детально этот термин будет определяться при описании предлога *у*, глава II.

- (1) *Невдалеке от оврага начиналась тайга, и на опушке ее спрятались охотники с молодыми лайками* (пример взят из ССРЛЯ).

Место, где расположен овраг, и участок тайги могут рассматриваться как составные элементы общего пространства.

Конструктивные части пространства могут составлять и объекты, расположенные в этом пространстве, если они занимают достаточную его часть и внутренне между собой связаны, создавая таким образом единую картину. Например:

- (2) *У конюшни стояла крытая ямская повозка, вблизи нее, на лужку, ходили три спутанных лошади* (Салтыков).

Ямская повозка и три спутанных лошади, занимая часть пространств «у конюшни» и «на лужку», одновременно организуют эти пространства, составляя единую картину.

- (3) *Затаборомневдалеке
Волы усталые пасутся* (Кольцов).

Если же объекты не составляют части некоторого функционального целого (как повозка и лошади, табор и волы), а также если не вводится указание на S_1 и S_2 и если X и Y не являются достаточно крупными объектами, соизмеримыми между собой, рассматриваемые слова не используются. См.:

- (4) [?]*Вблизи дороги стоял трактор* (ср. *близ дороги, около дороги*) (трактор и дорога не могут рассматриваться как части единого целого).
 (5) **Первый огонек блеснул вдали, на противоположной горе, в одиноком домике* [?]*вблизи шлагбаума* (ср. *близ шлагбаума, около шлагбаума, недалеко от шлагбаума*).

См. также:

- (6) *У дома стоял грузовик, вблизи него прямо на тротуаре сидел человек* (ср. *около него...*).
 (7) *У конюшни стояла крытая ямская повозка; вблизи нее, на лужку, сидела женщина* (ср. *недалеко от нее, на лужку, сидела женщина; неподалеку от нее, на лужку, сидела женщина*); ср. также: *вблизи нее, на лужку сидело несколько женщин*.

Даже если X и Y соизмеримы и могли бы считаться связанными между собой, предлог *вблизи* не выбирается, если эти объекты относительно малы, чтобы составлять конструктивные части достаточно большого пространства. Так, нельзя сказать:

- (8) ** Вблизи него сидела молодая девушка.*

(9) * *Вблизи лошади стояла собака.*

Употребление слова *невдалеке* в подобных контекстах также обычно рассматривается как не вполне нормальное, хотя при этом часто дается более высокая оценка.

(10) *Невдалеке от дороги стоял трактор* (средний балл 4).

(11) *Невдалеке от нее (повозки) сидел человек* (средний балл 4).

(12) *Дом невдалеке от шлагбаума* (средний балл 4).

Более высокую оценку частично можно объяснить тем, что слово *невдалеке* указывает на бóльшую удаленность друг от друга объектов, при которой они могут быть одновременно увидены наблюдателем с достаточно большого расстояния. При этом разница в размерах менее ясно ощущается. Возможны также, слово *невдалеке* начинает смешиваться в сознании носителей языка с наречием и предлогом *неподалеку*. В тех случаях, когда несоизмеримость объектов очевидна, слово *невдалеке* не используется. Так, нельзя сказать:

(13) **Невдалеке от горы стояла сакля.*

(14) **Вблизи от горы стояла сакля.*

В качестве объекта описания могут выступать части закрытого пространства. Например:

(15) *Оркестр расположился вблизи от сцены.*

Итак, *вдали*₃ указывает на пространство S_1 (S_1 — там, где находится X), которое, так же как и S_2 (S_2 — там, где находится Y), принадлежит общему перцептивно воспринимаемому пространству, причем 1) S_1 и S_2 приблизительно равны между собой и соответствуют вместе всему или значительной части перцептивно воспринимаемого пространства, рассматриваемого обычно вширь, а не вглубь; 2) само объединение S_1 и S_2 в общей визуальной картине определяется и возможными функциональными связями X-а и Y-а и их значимостью в S_1 и S_2 — X и Y должны занимать достаточно большое место в S_1 и S_2 и быть соизмеримы между собой. *Невдалеке*₂ отличается от *вдали*₃ по признаку расстояния S_1 от S_2 — *невдалеке* предполагает их несколько бóльшую удаленность друг от друга.

1.2.4. Вблизи₄ — S_2 — элемент множества.

Наречия издалека, издали

*Вблизи*₄ указывает на такую позицию объекта, которая является ближайшей или одной из ближайших к Y-у по сравнению с другими позициями, которые до

этого занимал или мог бы занимать X в рамках описываемого события¹⁰. Чаще всего это значение слова *вблизи* реализуется при глаголах зрения: *видеть, разглядывать, рассматривать, посмотреть, глянуть* и т. п. В соответствии с постулируемым значением мы утверждаем, что слово *вблизи* при этом показывает, что X становится объектом зрительного восприятия Y-а теперь, когда X занимает некоторую ближайшую по отношению к Y-у позицию. Например:

- (1) *Теперь рассмотрел его Шухов вблизи* (Солженицын) (т. е. теперь, когда «он» находился вблизи).
- (2) — *И не утверждайте, а то ошибетесь. — Шулубин повернул-таки голову и вблизи посмотрел на Олега слишком выразительными круглыми глазами с кровоизлияниями на белку* (Солженицын).

Глаголы зрительного восприятия регулярно сочетаются с *вблизи₄*. Однако допустимо употребление *вблизи₄* и при описании траектории перемещения человека или животного, а также какого-то транспортного средства. Возможно также употребление *вблизиц* при описании таких протяженных объектов как дорога, река. Они воспринимаются как находящиеся в состоянии застывшего или реального движения (см. также гл. II, раздел 2.1.4).

- (3) *Амагу течет сначала на северо-восток, потом принимает широтное направление и только вблизи моря немного склоняется к югу* (Арсеньев) (т. е. и только когда оказывается вблизи). См. также:
- (4) *И только вблизи деревни он повернул вправо.*

В четвертом значении слово *вблизи* коррелирует с наречиями *изблизи, издалека, издали*¹¹ в тех контекстах, где Y соответствует субъекту, а X — объекту действия. Наиболее близка семантика *вблизиц* к наречию *изблизи*. Однако это слово употребляется настолько редко, что мы будем сопоставлять наречия *вблизи/издалека*. Мы полагаем, что различие между словами *изблизи* и *вблизи* определяется тем, что первое, так же как и наречие *издалека*, обозначает позицию субъекта действия, из которой он начинает движение (*Он шел издалека*) или из которой он направляет свое действие на другой объект (*Он помахал мне рукой издалека*). Напротив, *вблизиц* указывает, как уже говорилось, на позицию объекта действия, т. е. позицию, которую занимает тот, кто становится объектом наблюдения.

¹⁰ Это значение соответствует второму значению слова *вблизи* в классификации Е. С. Яковлевой. Оно формируется так: *вблизиц* передает взгляд на предмет с короткого расстояния, указывая одновременно, что до этого на него смотрели с более дальней дистанции [1994: 34].

¹¹ Наречие *издали* в отличие от наречия *издалека*, по-видимому, обозначает пространство нахождения чего-то, а не локус (позицию), т. е. тот «кусочек» пространства, который непосредственно занимает объект.

(5) *И тотчас загоготал надо мною Кир, глядел на меня странно как-то, будто издалека, и хохотал* (Казаков).

Сочетание со словом *странно* показывает, что *издалека* здесь характеризует именно способ осуществления действия субъектом и, таким образом, указывает на его позицию (ср. *...*гляделстранно как-то, будто вблизи...*). Также ср.:

(6а) *Она с любопытством поглядывала на меня издалека.*

(6б) **Она с любопытством поглядывала на меня вблизи.*

Кроме глаголов зрительного восприятия, наречия *издалека*, *издали* сочетаются с другими группами глаголов. Они встречаются с глаголами, показывающими, что субъект действия перемещается из некоторой удаленной позиции, пространства в пространство, в котором находится наблюдатель (он может быть также представлен как ориентир направления движения). Это, во-первых, глаголы *приходить*, *приплывать*, *приезжать*, *прилететь*.

(7) *Он пришел издалека.*

(8) *Письма приходили издалека.*

Наречия *издалека*, *издали* характеризует, таким образом, первоначальный пункт движения. Вероятно, так могло бы употребляться и наречие *изблизи*, если бы стало достаточно широко использоваться. Наречие *вблизи*, напротив, характеризует изменение маршрута на некотором участке пути {*повернул вблизи деревни*}.

Заметим, что наречия *издалека*, *издали* при глаголах перемещения связываются с представлением о достаточно большом расстоянии (из другого города, местности). Поэтому не вполне естественно сказать ?*Он прибежал издалека*. Представление о большом расстоянии проявляется также в том, что глагол *приплыть* понимается скорее как указывающий на передвижение на лодке, пароходе. Ситуация же, при которой исходная точка движения расположена близко от У-а, практически не отражена в системе языка (вследствие неупотребляемости слова *изблизи*). Интересно, однако, отметить, что предложение *Он пришел откуда-то изблизи* воспринимается как понятное в отличие от фраз типа **Он пришел вблизи*.

Наречия *издали*, *издалека* сочетаются также с глаголами, обозначающими траекторию распространения звука: *долететь*, *доносится* и их синонимы.

(9) *И чужие миру звуки*

Издалека набегают,

И незримый бисер руки,

Задрожав, перебирают (Гумилев).

- (10) *По мокрой земле не был слышен топот собачьих лап, но зато издали донесся до меня треск кустов* (Пришвин).

Допустимая удаленность источника (исходной позиции) определяется возможностями распространения звука.

Далее, наречия *издалека*, *издали* могут употребляться, если указывается на акт коммуникации, который становится объектом зрительного или слухового восприятия. В функции предиката при этом встречаются глаголы *кричать*, *махать*, *подмигивать* и т. п.

- (11) *Когда кто-нибудь чихал, о. дьякон издалека кричал веселым голосом: — Исполнения желаний!* (Л. Андреев).
 (12) *Она помахала мне рукой издалека.*
 (13) *Настоящее было прекрасно, а на смену ему приближалась весна, уже улыбающаяся издали и обещавшая тысячу радостей* (Чехов).

Со всеми подобными глаголами наречие *вблизи* не сочетается (**Он крикнул вблизи*; **Он улыбнулся мне вблизи*).

Наречия *вблизи*, *изблизи*, *издали*, *издалека* могут употребляться в высказываниях, цель которых — сообщить, как выглядел объект. При этом *издали*, *издалека*, *изблизи* показывают, какие качества приписываются объекту, когда на него направляется взгляд из некоторой позиции или пространства, расположенных на большом расстоянии от объекта. Напротив, *вблизи* скорее показывает, в каком наборе свойств предстает объект, когда он занимает позицию, расстояние которой от наблюдателя мало. Следует, однако, отметить, что противопоставление по данному признаку не всегда осознается четко, что, как нам представляется, во многом связано с редким употреблением наречия *изблизи*. В результате этого денотативная сфера наречия *вблизи* часто включает ситуации, которые скорее должны были бы относиться к области применения наречия *изблизи*. Например:

- (14) *Издали все ведь кажется или хуже или лучше, но во всяком случае иначе, нежели вблизи* (Гончаров, пример взят из ССРЛЯ).

Несомненно, однако, что *вблизи* употребляется и в тех случаях, когда речь идет именно о проявлении свойств объекта. Напротив, *издали*, *издалека* в таких контекстах не встречаются. Здесь наречие *вблизи* коррелирует с выражением *в отдалении*, а не с наречиями *вдали*, *издалека*, *издали*. Ср. такие примеры, как:

- (15) — *Заметили ли вы, — прибавил он оборотясь ко мне, — вблизи иной вальс никуда не годится.., а в отдаленье чудо!* (Тургенев).
 (? *а издали, чудо!*).

Большинство опрошенных (8 из 10) считали, что положение 'вблизи' здесь было бы не совсем точно противопоставить положению 'издали', 'издалека'. Исходя из предложенной гипотезы, это можно объяснить тем, что в данном предложении речь идет скорее не об особенностях слухового восприятия, создающего разные отображения объекта, а о свойствах самой музыки, которая определенным образом трансформируется при разной степени удаленности от слушателя.

Итак в разделе 1.2.4 было рассмотрено четвертое значение слова *вблизи*. Оно показывает, что X занимает в некоторый описываемый момент времени позицию, находящуюся на близком расстоянии от Y-а. X при этом может соответствовать либо объекту зрительного восприятия Y-а, либо тому 'участку' траектории движения¹² или вытянутого в линию объекта типа дороги, реки, который лежит близко от Y-а¹³. При этом предполагается существование других позиций, которые раньше занимал X или которые соответствуют другим «участкам» маршрута или протяженного объекта. В тех контекстах, в которых Y представлен как субъект действия (субъект зрительного восприятия) *вблизи* в отличие от наречий *издалека*, *издали*, *изблизи* указывает на позицию X-а, т. е. объекта действия, а не Y-а. Это определяет многие ограничения в употреблении *вблизи*₄.

Таким образом, в разделе 1.2 были уточнены значения слов *вдали/вблизи*, которые уже отмечались в предшествующих работах и, в частности, в ССРЛЯ.

*Вдали*₁/*вблизи*₁ — указание на дальнюю или ближайшую к наблюдателю полосу перцептивно воспринимаемого им пространства. При этом может сообщаться о нахождении (наличии) X-а в этом пространстве или — реже — каким видится X наблюдателю при нахождении в этом пространстве (обычно наречие *вдали*).

*Вдали*₂/*вблизи*₂ — указание на пространство, качественная характеристика которого зависит от удаленности/близости к пространству нахождения Y-а или самому Y-у, который сам при этом представляет собой пространство. Выделены разные типы задаваемых Y-ом качественных характеристик S₁ (X-а).

*Вблизи*₃ — указание на одну из полос перцептивно воспринимаемого пространства, которая при этом выделяется не по отношению к наблюдателю, а только по отношению к пространству нахождения Y-а.

¹² В этих контекстах фактически в функции X-а выступает и сам перемещающийся объект и тот участок траектории движения, который проходим вблизи Y-а, т. е. точнее здесь говорить о двух X-ах — X' и X".

¹³ Два последних случая употребления *вблизи* коррелируют с четвертым значением предлога у (см. гл. И). Различие заключается в том, что *вблизи*₄ указывает на большее расстояние X-а от Y-а.

Вблизи₄ — указание на позицию X-а. При реализации этого значения слово *вблизи* частично коррелирует со словами *издали*, *издалека*. Уточнен характер их соотношения.

В разделе также установлено различие между *вдали₁* и *вдалеке*. Показано, что оно связано с тем, определяется ли пространственное положение X-а через соотнесенность со всей дистанционной полосой или внимание акцентируется только на непосредственном маленьком локусе X-а. Вероятно, с этим связано и различие между *вблизи₁* и *невдалеке*.

Установлены различные особенности функционирования исследуемых слов в речи.

1.3. СЕМАНТИКА ПРЕДЛОГА БЛИЗ

Предлог *близ* может употребляться при описании как визуально наблюдаемых ситуаций, так и ненаблюдаемых.

1.3.1. *Близ₁* при перцептивно воспринимаемых пространствах

При описании визуально наблюдаемых ситуаций модель «X близ₁ Y-а» показывает, что X расположен в пространстве S_1 , находящемся на маленьком расстоянии от Y-а, причем X (S_1) и Y принадлежат общему перцептивно воспринимаемому пространству S («открытому» или «закрытому»); Y при этом не вводит «свое» пространство, которое соизмерялось бы с пространством S_1 . Другими словами, здесь не предполагаются два соизмеримых пространства S_1 (X) и S_2 (Y). Y выполняет только функцию ориентира, который помогает вписать X (S_1) в S.

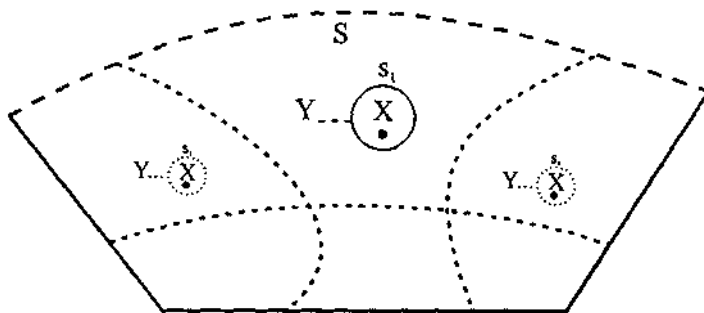

Рис. 1

S — общее перцептивно воспринимаемое пространство;

S_1 — пространство нахождения X-а.

Мелким шрифтом отмечены другие потенциально возможные позиции X и Y.

Рассмотрим примеры:

- (1) *Намеже, близ дороги, стоял трактор* (Ю. Казаков).
- (2) *Наконец вот и колодезь... На площадке близ него построен домик с красной крышей...* (Лермонтов).
- (3) *Первый огонек блеснул вдали на противоположной горе, в отдаленном домике близ шламбаума...* (Бунин).
- (4) *Вера Корнильевна вышла и увидела, что прямо на полу около запертой каморки старшей сестры, близ большой лестницы, вытянулся долговязый мужчина в сапогах* (Солженицын).

Во всех приведенных примерах $X (S_1)$ и Y воспринимаются (10 информантов) как «видимые» на фоне общего наблюдаемого пространства, причем в примерах (1, 2) $X (S_1) + Y$ составляют только незначительную часть S , что вообще довольно типично для употребления предлога *близ*. Кроме того, во всех примерах не выделяется то пространство, в котором находится Y и которое вместе с S_1 могло бы составлять две примерно одинаковые части общего пространства S . Именно отсутствие пространства Y -а и определяет недопустимость замены предлога *близ* на слово *вблизи*, о чем уже говорилось выше (раздел 1.1). Употребление слова *вблизи* стало бы возможно при следующем преобразовании примера (1):

- (5) *На меже, около дороги стоял трактор, вблизи него, на лугу, сидело человек пять трактористов.*

Важно отметить, что в примерах (1, 2, 4) вводится специальное обозначение S_1 (*на меже, на площадке, на полу около запертой каморки старшей сестры*). Даже в примере (3), в котором такого обозначения нет, существенно, что X сам выполняет локативную функцию по отношению к событию «блеснул огонек». Введение только «непространственного» X -а и Y -а делает предложения стилистически «шероховатыми».

- (6) *Вера Корнильевна вышла и увидела, что близ большой лестницы вытянулся долговязый мужчина.*
- (7) *Наконец вот и колодец... Близ него построен домик с красной крышей.*
- (8) *Близ шламбаума стоит деревянный домик (ср. На небольшой площадке близ шламбаума стоит деревянный домик).*

Стилистическую шероховатость примеров (6)—(8) можно объяснить тем, что S_1 помогает «увидеть» X и Y на фоне более широкого пространства S (вписать их в это пространство). Такую же функцию может выполнять и введение пространства, включающего локус и X -а и Y -а, но составляющего при этом лишь часть общего пространства S . Например:

(9) *Вдали близ шлагбаума виднелся маленький красный домик.*

Слово *вдали* выделяет лишь часть данного в наблюдении пространства.

Хотя примеры типа (6)—(8) не получают обычно высший балл (4—3 при оценке по пятибалльной системе), они не рассматриваются как недопустимые. Это можно объяснить тем, что и Y, и X (а в примере 6—Y) относятся к классу крупных предметов, которые к тому же занимают постоянное место в S и фактически составляют части общего ландшафта. См. также (9):

(10) *Близ дороги стоял трактор.*

Здесь Y—это в собственном смысле слова часть пространства S.

Напротив, если и Y и X относятся к классу людей или животных, употребление слова *близ* становится ненормативным.

(11) **Близ него стояла молодая женщина в черном платье (ср. **неподалеку от него, рядом с ним, около него**).*

(12) **Она упала близ своей лошади.*

Предлог *близ* нельзя подставить на место слова *поблизости* и в примере (13):

(13) *И на всех проходящих мимо напал такой страх, и все, кто был **поблизости** меня... пустились бежать (Ремизов) (***близ** меня).*

Даже если Y относится к классу объектов, организующих структуру S, или во всяком случае является весьма крупным объектом, но X относится к классу 'люди/животные', предложение оценивается довольно низко (в среднем 3 балла). Например:

(14) *Удома стоял грузовик. Близ него сидела женщина.*

Предложение (6) также обычно оценивалось ниже, чем предложения (7), (8) и особенно (9).

Характеристика пространства нахождения X-а (S_1) не только по его расстоянию от Y-а, но и по отношению к другим объектам пространства S или по его внутренним качествам (лужок, площадка и т. п.), по-видимому, существенна не только потому, что она помогает «вписать» X в общее пространство S, но и—шире—потому что позволяет более «содержательно» определить S_1 . Выше уже говорилось о том, что дистанционные слова очень ограниченно употребляются для «чистой» локализации (раздел 1). В связи с этим можно предположить, что хотя слово *близ* вводит представление о пространстве, характеристика этого пространства только по степени близости к Y-у не оценивается в нашем сознании как достаточная, и вследствие этого возникает потребность в более содержательных его определениях. Отметим также, что даже слово *вблизи*, кото-

рое в отличие от предлога *близ*, более точно определяет положение пространства S_1 в общем пространстве S , в определенных условиях также требует, хотя и менее жестко, дополнительных ориентиров в определении места пространства S_1 (см. раздел 1.2.1).

Представление пространства S_1 как отстоящего от Y -а на некоторое, хотя и небольшое, расстояние, определяет основное отличие предлога *близ* от слов *около*, *возле*, *у*, рассматриваемых в их пространственных значениях (см. о них гл. II). Эти слова вводят «область» Y -а, т. е. пространство непосредственно примыкающее к Y -у и представленное как связанное с ним тем или иным possessивным отношением. Указанное семантическое различие, которое касается не только слова *близ*, но и ряда других слов, не связанных с понятием «область», приводит к разнообразным расхождениям в условиях употребления. По отношению к слову *близ* важно отметить, прежде всего, следующее: слова *у*, *около*, *возле* не требуют, чтобы пространственное положение X -а описывалось бы на фоне рассмотрения общего пространства S . Однако они могут употребляться в контекстах, в которых вводится это общее пространство. Кроме того, они могут встречаться в контекстах, в которых пространство нахождения X -а характеризуется не только по отношению к Y -у (как его «область»), но и по отношению к другим имеющимся в ситуации объектам или по своим собственным внутренним качествам, что, однако, для них не является обязательным.

Наличие указанных двух контекстных условий—введение в рассмотрение S или особое обозначение S_1 —создают предпосылку для корреляции слов *у*, *около*, *возле* и предлога *близ*. При этом наибольшую роль начинает играть различие в расстоянии между X -ом и Y -ом, которое вытекает из представления о том, непосредственно ли примыкает к Y -у S_1 (пространство нахождения X -а) или отделено от него некоторым расстоянием.

Во всех тех контекстах, где предлог *близ* взаимозаменяем с предлогами *у*, *около* или *возле*, он воспринимается как допускающий большее расстояние между X -ом и Y -ом. См., например:

- (15) а) *Намеже, близ дороги, стоял трактор.*
 б) *Намеже, около дороги, стоял трактор.*

Далее, при наличии двух ориентиров предлог *близ* будет указывать на тот из них, который находится на большем расстоянии от X -а, чем тот, который вводится предлогами *у*, *около*, *возле* (см. пример 4).

Кроме того, в семантике предлога *близ*, так же как и в трех первых значениях слова *вблизи*, есть ограничение на величину абсолютного расстояния.

Предлог *близ* не употребляется, если общее пространство нахождения X -а и Y -а относительно небольшое (например, размера обычной комнаты и меньше).

В этих условиях область «близкого» гораздо меньше, чем при описании больших пространств, что, возможно, и определило, хотя бы частично, отмеченное ограничение—здесь труднее выделить пространства, которые бы были на расстоянии от Y-а, и все же объекты, находящиеся в них, считались бы расположенными близко от Y-а. Такие «маленькие» пространства обслуживаются словами *у, около, возле, рядом*¹⁴. Например:

- (16) *Около стола (*близ стола) стояло большое кресло.*
 (17) *Около кресла (*близ кресла) на небольшом коврикe лежала кошка.*

1.3.2. Близ₁ при описании перцептивно не воспринимаемых пространств

Предлог *близ* может также употребляться при описании пространств, которые не даны в актах непосредственного наблюдения. Например:

- (18) *В ясные летние ночи поднимались они на один из холмов близ Флоренции Поджио аль-Пино, покрытый вереском, пахучим можжевельником и смолистыми черными соснами...* (Мережковский).
 (19) *В Пелопонесе, близ пустынных развалин Лакедемона, в окрестностях города Мисты, встретил девушку, похожую на изваяние древней богини...* (Мережковский).
 (20) *...чтобы переждать опасное время войны и бунта на его уединенной вилле Ваприо близ Милана* (Мережковский).
 (21) *У Леонардо был виноградник близ Флоренции, на холме Фаезоле* (Мережковский).

Условия выбора предлога *близ* совпадают с теми, которые были рассмотрены выше.

Местонахождение X-а здесь также либо устанавливается не только по отношению к Y-у, вводимому предлогом *близ*, но и по отношению к другим Y-ам, вводимым такими предлогами, как *на, в, около* {на холме Фаезоле, в Пелопонесе и т. д.}, либо сам X выступает как локатив по отношению к некоторому другому X-у (примеры 18, 20). При опущении этих дополнительных пространственных характеристик информанты (8 человек) не дают этим предложениям высшую оценку (средний балл 3, 5 при оценке по пятибалльной системе).

- (22) *В ясные летние ночи гуляли они близ Флоренции.*

¹⁴ Слово *рядом* не указывает на «область» Y-а, но в отличие от предлога *близ* оно вводит (по крайней мере в большинстве условий своего употребления) не пространство, а позицию, расстояние которой от Y-а может быть очень маленьким.

- 23) ' *Поджио аль-Пино — это холм близ Флоренции (это один из холмов близ Флоренции).*

Ср.:

- (24) *Поджио аль-Пино — это один из холмов, расположенных поблизости (неподалеку) от Флоренции.*
 (25) *...чтобы переждать опасное время войны близ Милана.*

Выше оцениваются предложения типа (26).

- (26) *УЛеонардо был виноградник близ Флоренции.*

Это можно объяснить тем, что само восприятие X-а связано с представлением о его достаточно большой пространственной протяженности. Так, при замене слова *виноградник* на слово *дом* оценка обычно снижается, но сохраняется при подстановке слов типа *поместье*.

Достаточно высоко оценивается и предложение (27).

- (27) *Близ пустынных развалин Лакедемона встретил девушку, похожую на изваяние древней богини.*

Это можно объяснить частично общим поэтическим стилем изложения, который помогает «увидеть» непосредственное место встречи как часть общего пространства (обычно оно воспринимается как какая-то равнина), тянущегося от развалин Лакедемона. Этому же восприятию способствует и характер описания самого Y-а, создающий образ протяженного в пространстве объекта.

Слово *близ* встречается не только в поэтической, художественной речи, но и в чисто информационных статьях. Например:

- (28) *Конференция происходила в небольшом городке близ Вашингтона (газ.).*

Особенно часто это слово употребляется в туристических заметках.

- (29) *Мне довелось немало поколесить по Испании. Был в Барселоне..., отдыхал на побережье близ Валенсии (жур.).*

Выше уже отмечалось, что введение множества пространств в пределах общего пространства S, включающего и X, и Y, способствует вовлечению в рассмотрение не только X-а и Y-а, но и S. В пользу того, что слово *близ* «вписывает» пространство нахождения X-а (S_1) в более широкое пространство S, говорит также следующее: слово *близ* употребляется, когда автор речи (персонифицированный или неперсонифицированный) как бы мысленно «видит» и X, и Y со стороны, причем может предполагаться и пространственное, и временное разъединение.

Именно такой «взгляд со стороны» и позволяет видеть X и Y одновременно, иногда просто как точки на карте (пример 28), иногда более конкретизированно. В пользу справедливости сделанного утверждения говорит неупотребляемость предлога *близ* в контекстах, в которых Y-у и X-у соответствует город, в котором живет говорящий, или который находится относительно близко от того места, где он живет. Так, житель Москвы не скажет: **Она живет в маленьком городе близ Москвы*. Подобно этому житель Курска скажет *Она живет в маленьком городе поблизости от Курска (недалеко от Курска)*, а не: *Она живет в маленьком городе близ Курска*. Скорее словосочетание *близ Курска* не употребит и житель Москвы (по крайней мере вне какого-то особого контекста или особых стилистических целей) — Курск воспринимается как что-то знакомое, близкое и поэтому он не рассматривается как одна из точек на карте. Чаше всего слово *близ* встречается при описании расположения городов в других странах. Однако, если речь идет не о таких крупных пространственных единицах как области, города, взгляд со стороны возможен и по отношению к гораздо менее удаленным от места акта речи пространствам. Например:

- (30) *Но в одно из таких отвязываний он побывал на собачей свадьбе близ дома Кадминых, что-то почувствовал душевное в их дворе — и стал сюда бегать, хотя его не кормили (Солженицын)*¹⁵.
- (31) *Но ему пришлось еще раз встретиться с людьми. Он шел своей иноходью близ берега реки (Ю. Казаков).*
- (32) *Теплым осенним вечером я сидел в одном старинном московском дворике близ Чистых прудов (жур.).*
- (33) *Найми квартиру рядом; мы будем жить в большом доме близ источника, в мезонине (Лермонтов).*

При указании на пространственное положение в таких более мелких пространствах предлог *близ* в современном языке обычно выбирается либо в изобразительном стиле речи, при котором описание дается с позиций того момента, когда событие имело место (пример 31, 14, примеры раздела 1.3.1), либо в описательном (пример 30). Употребление слова *близ* в таких чисто информационных сообщениях, как пример (33) воспринимается как несколько архаичное, см. также:

- (34) [?]*Мы будем жить в доме близ Елисейевского магазина.*
- (35) **Я купила мясо в магазине близ метро «Юго-Западная».*

¹⁵ Заметим, что в примерах (30, 31) пространство нахождения X-а (S_1), определяется только через указание на близость к Y-у, что, однако, не приводит к «шероховатости». Это можно объяснить тем, что здесь другие более «содержательные» характеристики S_1 четко имплицитуются. Например, известно, что собачья свадьба имеет в качестве места действия весьма широкое пространство.

Для семантики предлога близ существенно не только рассмотрение пространства нахождения X -а (S_1) на фоне общего пространства S , но и представление этого пространства как отделенного от Y -а, расположенного на некотором расстоянии от него, о чем уже говорилось в разделе 1.3.1. Эта характеристика сохраняет свою значимость и для анализируемых случаев употребления. Так, именно она позволяет объяснить возможность соотносить с Y -ом, идентичным крупному пространственному объекту (например, городу), такие X -ы, которые представляют собой мелкие события ('гулять где-то', 'сидеть где-то' и т. п.). Действительно, в соответствии с постулируемым значением описываемое событие не должно иметь никакой прямой связи с Y -ом — введение Y -а только помогает установить то более широкое пространство, в котором находится место реализации события. Напротив, если бы предлог близ указывал на непосредственно примыкающее к Y -у пространство, которое воспринималось бы как «его» пространство, то находящийся в нем объект должен был бы как-то соответствовать Y -у. Под соответствием мы имеем в виду отсутствие слишком большой разницы в размере и/или наличие функциональных связей. Если в описываемой ситуации выделяются два X -а — событие и место его нахождения, то не только место, но само событие должно было бы иметь какое-то отношение к Y -у. Например:

(36) *Она живет в небольшом городе около Москвы*¹⁶.

Жизнь в городе около Москвы предполагает возможность связи с Москвой.

Напротив, прогулка в каком-то месте, какая-то встреча, которые произошли в той или иной маленькой части огромного пространства, составляющего «область» города, не могут быть соотнесены с самим городом.

(37) **В теплые летние ночи они поднимались на один из холмов около Курска.*

(38) **Вечерами мы купались в озере около Москвы.*

Ср. также такое предложение, как **Челнок движется в станке на заводе*. Таким образом, предложения типа (37), (38) воспринимаются как ненормативные, так как противоречат когнитивному запрету.

1.3.3. Близ₂ — Укак определяющий качественные характеристики S_1

Предлог *близ* имеет еще одно значение (*близ₂*). Он может указывать на пространство, формируемое на маленьком расстоянии от Y -а, на свойствах которого

¹⁶ В этом контексте также употребляется предлог *под*, который в данной работе не рассматривается.

сказывается близкое присутствие Y -а. Это значение *близ* коррелирует с *вблизи*₂ и *вдали*₂. Предлог *близ*₂ употребляется, однако, гораздо более редко и, по-видимому, он используется при относительно маленьком Y -е, что в свою очередь предполагает маленький абсолютный размер расстояния до Y -а и маленький размер пространства S . С этим значением связано выражение — *и умереть близ милого порога*. Однако *близ*₂ может употребляться и в «свободных» контекстах. Например:

- (1) *2? оврагах любили рыть сложные норы барсуки и лисы, и тут же, близ ручьев, селились в логовах волки* (Ю. Казаков).

Местность, находящаяся близко от ручьев, определенным образом «окрашена» их присутствием. Напомним, что в сходных контекстах употребляется слово *вблизи*, но Y в этом случае соответствует более крупному объекту (*вблизи больших рек*). Отметим, что предлог *близ* в отличие от слова *вблизи* не употребляется, если речь идет о событиях в S_1 (или напротив, в S_2), которые приводят к изменениям в S_2 (или, соответственно S_1). Например:

- (2) **Близ памятника под землей прорвало водопровод. В результате этого размыло участок земли под памятником*.

Но так же как и слово *вблизи* предлог *близ* может, как мы полагаем, указывать на такое физико-духовное пространство, которое формируется благодаря физическому присутствию Y -а, но от которого X все-таки духовно отделен. Слово *отделен* здесь не означает, что отсутствует какое-либо духовное, интеллектуальное или эмоциональное взаимодействие с Y -ом. Оно показывает лишь, что Y остается в своем духовном мире, который в значительной степени недоступен для окружающих. Например:

- (3) *Близ Вадима Вера Корнильевна задержалась надолго* (Солженицын).
 (4) *И одиночество Вадима пульсировало, трепыхалось не оттого, что не было близ него мамы и Гали, никто не навещал, а оттого, что не знали ни окружающие, ни лечащие, ни держащие в руках спасение, насколько было ему важнее выжить, чем всем другим!* (Солженицын).

В обоих примерах было бы возможно поставить предлог *около*. Однако передаваемая информация при этом изменилась бы. Предлог *около* представляет пространственное положение X -а как условие, позволяющее совершить действия, которые в широком смысле можно определить как «обслуживание Y -а» (физическое и духовное — *забота*, уход за больным, осмотр больного и т. п.) (см. раздел о предлоге *около*). Выбор предлога *близ* показывает, что пространственная позиция создает предпосылки не только для осуществления подобных действий, но и для взаимодействия с личностью Y -а. Иными словами, пред-

лог *близ* создает представление не только о физическом, но и духовном пространстве, которое формируется под влиянием контакта с *Y*-ом, НО при этом отделено от него (от его духовного мира)¹⁷. При предлагаемом толковании значение *близ*, как было отмечено выше, коррелирует с такими употреблениями предлога *вблизи* как «Вблизи Толстого» (см. выше). Различие, однако, заключается в том, что *вблизи* может быть использовано лишь по отношению к обобщенной ситуации, относящейся к достаточно продолжительному периоду времени. Напротив, предлог *близ* может относиться к отдельной конкретной ситуации (например, осмотр больного в некоторый определенный момент времени), либо к ситуации, относящейся к довольно короткому отрезку времени (например, нахождение в больнице).

Приведенные случаи употребления предлога *близ* скорее носят окказиональный характер, но при этом точно соответствуют заложенным в семантике этого слова возможностям развития.

Итак, предлог *близ* \ входит в ту же семантическую подгруппу, что и слова *вблизи*, *вдали*. Для его семантики также важна прежде всего идея «вложения» пространств S_1 в S , т. е. пространство нахождения X -а представлено как сегмент общего пространства S , включающего X и Y . С таким представлением согласуется отмеченное в работе требование к употреблению слова *близ*₁ — уточнять положение S_1 внутри S , определяя его не только по отношению к Y -у, связанному с предлогом *близ*, но и по отношению к другим независимым от него ориентирам, также находящимся в S . Это требование снимается только, когда X и/или Y фактически соответствуют пространствам. X при этом часто сам выступает в функции локатива по отношению к другому X -у (X_2), который в этом случае обычно символизирует событие.

При употреблении слова *близ* \ для описания перцептивно не воспринимаемых объектов представление S_1 на фоне общего пространства S приводит к требованию употреблять слово *близ* только в тех случаях, когда автор речи (персонафицированный или нет) мысленно представляет себе описываемую ситуацию со стороны. Другими словами, автор речи 'удален' и от X -а и от Y -а и, таким образом, получает возможность «видеть» каждый из них. Эта «удаленность» может быть в пространстве и во времени. При этом чем больше X и Y , тем большим должно быть расстояние, отделяющее их от автора речи.

Другой характерной чертой семантики предлога *близ*, также объединяющей его со словами *вблизи*/*вдали*, служит представление S_1 (пространства на-

¹⁷ Заметим, что предлагаемое толкование согласуется с тем контекстом, в котором использовано это слово А. И. Солженицыным. В обоих примерах оно соответствует тому персонажу романа, который представляет ощущение себя выше других.

хождения X-а) как расположенного на расстоянии от Y-а. Вследствие этого при употреблении данного предлога в тех же контекстах, что и предлогов *около*, *возле*, *у*, создается впечатление о большем расстоянии между X-ом и Y-ОМ, чем при употреблении этих последних предлогов.

Кроме того, указание на нахождение Y-а в пространстве, связь которого с Y-ом определяется только близостью расстояния, делает возможным определять по отношению к Y-у (хотя и опосредованно — через S_1) пространственное положение таких X-ов, которые при других условиях должны были бы считаться несоотносимыми с ним — они несоизмеримы с ним по величине (например, Y — город, а X — холм, где совершается прогулка) и функционально никак с Y-ом не связаны.

В отличие от слова *вблизи* предлог *близ* определяет положение S_1 (X) в S по отношению к Y-у, а не S_2 (Y). С этим связано также представление о том, что S_1 (X) + Y не заполняют собой все пространство S.

Во втором значении предлог *близ* показывает, что близость Y-а сказывается на тех или иных свойствах пространства S_1 или даже — при переносных употреблениях — формирует S_1 .

В отличие от слова *вблизи* предлог *близ* обычно предполагает меньший размер Y-а (ср. *селиться близ ручьев/вблизи больших рек*). При переносных употреблениях, при которых речь идет о нахождении X-а в физико-духовном пространстве, формируемом физическим присутствием Y-а, речь идет либо об отдельном временном моменте, либо об обобщении, связанном с довольно коротким периодом времени.

1.4. СЕМАНТИКА СЛОВА *ПООДАЛЬ* (ОТ) И ПРЕДЛОЖНОЙ ГРУППЫ В *ОТДАЛЕНИИ* {-НЬЕ}

Семантика наречия *поодаль* и предложной группы в *отдалении* (-нью), как мы попытаемся показать, строится на совсем ином концепте, чем те, которые были рассмотрены выше при описании слов *вдали*, *вдалеке*, *вблизи*. В отличие от них в основе семантики *поодаль*, в *отдалении* не лежит представление о членении какого-то большого пространства на подпространства, в пределах которых помешаются объекты или переходят из одной части пространства в другую. В качестве исходного, напротив, выступает представление о множестве объектов, объединенных между собой на том или ином основании, и указывается, как они распределены в «момент наблюдения» в каком-то общем пространстве друг по отношению к другу. Рассмотрим материал и приведем аргументы в пользу выдвинутой гипотезы.

1.4.1. Семантика наречия *поодаль*¹⁸1.4.1.1. Наречие *поодаль* и событийный фрейм

Наиболее часто слово *поодаль* употребляется в контекстах, в которых описывается расположение в пространстве участников какого-то событийного фрейма, имеющего иерархическую организацию. Под фреймом данного типа понимается ряд связанных между собой событий, которые реализуются одновременно или в непосредственном следовании друг за другом в рамках одного и того же пространства, причем одно из этих событий рассматривается как центральное, а его агент — как главный персонаж и точка отсчета (Y), по отношению к которой устанавливается пространственное положение участников (X-ов) других событий, входящих в фрейм. Так, во фрейме «рассказ и его слушание» центральным будет акт рассказывания, положение слушателей при этом будет описываться по отношению к рассказчику.

Из тех различных параметров, по которым может определяться пространственное положение участника фрейма по отношению к центральному персонажу, для семантики наречия *поодаль* важен только один параметр — расстояние. Слово *поодаль* показывает, что X занимает «удаленную» от Y-а позицию, причем представление об удаленности обусловлено типичным, нормативным положением участников для данного фрейма. Так, для ситуации «рассказ—слушание» удаленная позиция находится приблизительно на расстоянии трех-четырех метров. Именно так в среднем оценивалось информантами (8 человек) расстояние позиции *поодаль* в примере (1).

{\} *Когда стемнело.., Матвей Саввич стал рассказывать, откуда у него взялся Кузька. Афанасьевна и Софья стояли поодаль и слушали, а Кузьма пошел к воротам (Чехов).*

Такое же расстояние предполагает и ситуация примера (2). Заметим, что в этом примере центральный персонаж (он не упоминается в пределах приведенного контекста) определяется порядком следования событий — описывается отдых во время пути и Y — это тот, кто садится отдыхать первым.

(2) *Пелагея садится поодаль на припеке... Минуты две проходят в молчании (Чехов).*

В примере (3) допускается большее расстояние X-а от Y-а. Оно может соответствовать метрам пяти.

¹⁸ Наречие *поодаль* в сочетании с предлогом *от* может, вероятно, рассматриваться как сложный предлог. Упоминание о нем не было вынесено в заглавие, так как слово *поодаль*, по-видимому, чаще употребляется в наречной функции.

(3) *Коляска Чебоксаровых остановилась, кругом нее толпа молодежи. Они обе разговаривали с кем-то, уж не знаю; а он стоит поодаль, так и впился глазами* (А. Н. Островский).

См. также (4):

(4) *Мисс Норкот была в саду с братом; на мой истошный рев прибежала, шурша, мама, и где-то поодаль, на той же или смежной террасе, мой дед в двухколесном кресле бил концом трости по звонким плитам. Ей приходилось с ним нелегко* (Набоков).

Пример (4) служит, кроме того, иллюстрацией особой актантной роли X-а — «несостоявшегося» участника ситуации, т. е. того, кто, исходя из своего пространственного положения, мог бы реагировать на случившееся и кто должен был реагировать, но не реагировал.

Пример (4) интересен также под углом зрения того, что здесь выступает в функции референта. В разделе 2 уже говорилось о том, что референту может соответствовать не объект, а событие. Мы, как уже отмечалось, обозначаем такое событие особым знаком E_x , если по той или иной причине важно рассматривать и само событие, и его агенса отдельно. X в этом случае символизирует агенса события E_x ¹⁹. В контекстах употребления слова *поодаль* при описании событийных фреймов представление о локализации события, а не его агенса, возникает при опущении глаголов местонахождения или местоположения. Такое опущение нехарактерно для данных контекстов и, по-видимому, может иметь место только при введении «несостоявшегося» участника. Так, нельзя сказать: **Пелагея и Афанасьевна слушали поодаль*.

Итак, приведенные примеры свидетельствуют о том, что наречие *поодаль* употребляется в контекстах, в которых X представлен как участник некоторого событийного фрейма, и его пространственное положение, охарактеризованное как «удаленное», определяется по отношению к главному персонажу (Y-у), который является агенсом центрального действия фрейма. Расстояние между X-ом и Y-ом в зависимости от типа фрейма может колебаться от приблизительно трех метров до пяти-шести-семи метров. В каждом случае это расстояние не должно препятствовать участию в событийном фрейме.

Расположение участников событийного фрейма в пространстве представлено как данное в акте непосредственного наблюдения. Наблюдатель может быть как персонифицирован (при этом он обычно соответствует Y-у), так и не персонифицирован (это — **выведенный** за рамки повествования автор).

¹⁹ Напомним, однако, что в общем виде мы употребляем знак X независимо от того, соответствует ли он объекту или событию.

Во всех рассмотренных случаях X и Y принадлежат классу «люди» или, редко, «персонифицированные объекты», а сами событийные фреймы подводятся под класс, предполагающий «общение» участников фрейма. Слово «общение» мы употребляем здесь в широком смысле и относим не только к случаям прямого участия в коммуникативных актах (примеры 1, 2), но и эмоциональное, одностороннее общение X-а с Y-ом {смотреть с ненавистью, любовью, не отрывать взгляда и т. п.}, а также общение при различных актах взаимодействия X-а и Y-а (например, акт оказания помощи пострадавшему и реакция на случившееся других присутствующих) и, наконец, несостоявшееся общение, которое, однако, могло и должно было иметь место (по характеру ситуации и пространственному положению ее участников).

Покажем теперь, что все перечисленные условия являются необходимыми для употребления наречия *поодаль*, если нет других, не событийных предпосылок для объединения X-а и Y-а в одно множество (об этих «других» предпосылках см. раздел 4.1.2). Для этого сравним сначала условия употребления наречия *поодаль* с наречием *вблизи*, а также с предложно-наречными словами *около*, *возле*, *рядом*, а затем в разделе 4.2 — с предложной группой *в отдалении* (-*нье*).

Сравним условия употребления наречий *поодаль* и *вблизи*. Наречие *вблизи*, как указывалось в разделе 2, обозначает ближнюю к наблюдателю полосу пространства, размер которого определяется возможностями перцептивного восприятия человека. В масштабах такого пространства точки ближней полосы могут находиться на весьма большом расстоянии от наблюдателя. Как уже отмечалось, эта полоса начинается примерно метрах в **трех-четыре**х от наблюдателя и кончается метрах в ста. Таким образом, самые ближайшие точки данной полосы соответствуют тем позициям, которые наречие *поодаль* представляет как «удаленные» в рамках пространства расположения участников событийного фрейма. Сопоставление наречий *вблизи* и *поодаль* в контекстах, в которых между ними нет различий в величине расстояния X-а от Y-а, позволяют четче показать зависимость их употребления от участия/неучастия X-а и Y-а в событийном фрейме указанного выше типа. Анализ материала показывает, что наречие *вблизи* не может заменяться на наречие *поодаль*, если X и Y не являются участниками определенного событийного фрейма. Так, предложения (5, б) ненормативны:

(5) **Поодаль где-то была лужа, и, вероятно, это туда с высоты огромных деревьев поочередно сучья роняли капли* (ср. *Вблизи где-то была лужа...*).

(6) **Поодаль прямо перед нами поднималась фонтанная струя* (ср. *Вблизи прямо перед нами...*).

Примеры (5), (6) отличаются от примеров (1)–(4), конечно, не только по параметру принадлежности/непринадлежности Y-а и X-а к участникам общего

событийного фрейма, и, таким образом, не могут служить прямым доказательством постулируемого значения наречия *поодаль*. Однако ниже будут приведены и другие примеры, в которых не допускается употребление наречия *поодаль* (в частности, (11б), (12б), (16), см. также раздел 3.2). При всем разнообразии этих примеров каждый раз оказывается, что если X и Y не могут быть представлены как участники одного событийного фрейма, это наречие не употребляется. Показательно также то, что событийные фреймы, предполагающие непосредственное взаимообщение X-а и Y-а, не могут быть описаны словами, которые бы указывали, что X находится в другой пространственной области, чем Y. Так, предложения (7, 8) ненормативны:

- (7) **Афанасьевна и Софья стояли вблизи и слушали (*стояли недалеко и слушали).*
 (8) **Пелагея садится вблизи на припеке (*недалеке на припеке).*

Частично данный запрет можно объяснить тем, что наречие *вблизи* указывает на нахождение X-а в пределах достаточно широкой полосы пространства и, таким образом, не исключаются позиции, расположенные на таком расстоянии от Y-а, при котором X не мог бы выступать в роли слушателя или собеседника. Но более существенно, по-видимому, то, что представление о нахождении в разных пространствах психологически несовместимо с представлением об участии в таком тесно спаянном событийном фрейме, как рассказ и его слушание. Здесь, возможно, либо указание на общее пространство {*Они сидели в гостиной и слушали рассказ Петра Ивановича*), либо на позиции, занимаемые участниками ситуации, в пределах общего пространства, что и соответствует постулируемому значению наречия *поодаль*.

Семантическое различие, связанное с указанием на дистанционные полосы и с указанием на охарактеризованные по расстоянию от Y-а позиции участников событийного фрейма, влияет и на особенности построения структуры фразы, и, в частности, на его тема-рематическую структуру. Так, как уже отмечалось выше, слова *вблизи*, *вдали* чаще всего выступают в роли темы²⁰ высказывания. Напротив, наречие *поодаль* обычно входит в рематическую группу. Однако жесткой связи между семантикой наречия *поодаль* и рематической функцией нет. Если в высказывании переплетаются две задачи — указать на распределение участников ситуации по отношению к главному персонажу и описать их расположение по отношению к разным пространственным центрам, слово *поодаль* (в большинстве случаев в соединении с наречием *немного*) часто занимает тематическую позицию. Например:

²⁰ Как уже отмечалось в разделе 1.2.1, понятие *темы* мы не отождествляем с понятием «данного».

(9) *Матвей Саввич, сидя на скамейке около дома, рассказывал, откуда у него взялся Кузька. Немного поодаль, у забора, стояли Афанасьевна и Софья и тоже слушали.*

Итак, постулируемые нами семантические различия между наречиями *вблизи/вдали*, *невдалеке* и *поодаль* проявляются в несовпадении условий их употребления. Расхождения настолько значительны, что практически эти слова не коррелируют в речи, несмотря на то, что в их семантике все-таки есть некоторое сходство — «номинация» местонахождения X-а по расстоянию от Y-а и описание перцептивно воспринимаемой ситуации.

Сопоставим теперь наречие *поодаль* и слова *около*, *возле*, *рядом*.

В отличие от наречий *вдали/вблизи/невдалеке* слова *около*, *возле*, *рядом* регулярно употребляются при описании расположения участников ситуации в пространстве, указывая при этом, что X занимает какую-то ближайшую к Y-у позицию. Таким образом, они могут непосредственно коррелировать и быть противопоставленными наречию *поодаль*. Например:

(10) *Когда стемнело, Матвей Саввич стал рассказывать, откуда у него взялся Кузька. Анна сидела рядом с ним (около него) и иногда дополняла что-нибудь. Афанасьевна и Софья стояли поодаль и слушали.*

В семантику слов *около*, *рядом*, *возле*, однако, не входит указание на то, что X и Y обязательно должны быть участниками общего событийного фрейма. Данное представление не принадлежит их значению. Оно вносится контекстом. В результате этого употребление слов *около*, *рядом*, *возле* в отличие от наречия *поодаль* не зависит от того, объединены ли X и Y участием в общем событийном фрейме²¹. Например:

(11a) *Ашот лежал около меня, спал* (Домбровский).

(11б) **Ашот лежал поодаль от меня, спал.*

(12a) *Маша сидела рядом с мужем и читала.*

(12б) **Маша сидела поодаль от мужа и читала.*

При описании ситуаций, в которых присутствующие не объединены участием в общем фрейме и находятся на достаточно большом расстоянии, их

²¹ Употребление в каких-то условиях, не соответствующих постулируемому семантическому компоненту, конечно, необязательно означает, что этот компонент не входит в семантическую структуру слова. Такое употребление может быть и следствием полисемии. Однако в этом случае необходимо установить и такие условия, в которых выбор языковой единицы зависел бы от проверяемого семантического компонента. Такой зависимости употребления слов *около*, *возле*, *рядом* от рассматриваемого семантического компонента не было обнаружено.

пространственное положение не описывается непосредственно друг по отношению к другу²². Например:

(13) *Ашот лежал на своей койке и спал, а я сидел у окна.*

Слова *около*, *возле* употребляются также в контекстах, в которых Y соответствует зданию, части дома, предмету мебели и т. п., выполняющим функцию «чистого» ориентира. Например:

(14) а) *Около тополя стояла Даша и смотрела на него* (Домбровский).

б) **Поодаль от тополя стояла Даша и смотрела на него.*

Следует также подчеркнуть, что слова типа *рядом*, *около* употребляются и в тех случаях, когда пространственное положение X-а и сам тип центрального события обуславливают участие X-а в общем событийном фрейме, и когда это участие случайно и как бы необязательно. Например:

(15) *Я стоял около него и случайно слышал, что он сказал своему адъютанту.*

Напротив, слово *поодаль* не может сочетаться с наречием *случайно*, так как X здесь исходно характеризуется как участник событийного фрейма (если, конечно, X и Y не объединены в множество по другим параметрам; см. об этом ниже). Так, пример (16) ненормативен.

(16) **Я случайно стоял поодаль и слышал, что он сказал.*

Таким образом, в русском языке указание на то, какую дистанционную позицию занимает участник фрейма по отношению к главному персонажу, выделено в особую семантическую единицу в системе языка только для дальней дистанционной позиции. Описание же ближней позиции «обслуживается» языковыми средствами с более широкой семантикой. Вероятно, это можно объяснить тем, что нахождение в непосредственной близости легко ассоциируется с возможностью участия в общем событийном фрейме. Напротив, участие в событийном фрейме при большей степени удаленности X-а от Y-а более необычно и, вероятно, поэтому выделяется особо.

1.4.1.2. Наречие *поодаль*

при описании несобытийных фреймов

Объединение X-а и Y-а по линии участия в одном событийном фрейме — это не единственное условие употребления наречия *поодаль*. Наречие *поодаль*

²² Подобные ситуации описываются через указание на расстояние X-а от Y-а, если расстояние является условием для наблюдения Y-а за X-ом (см. гл. I, раздел I).

может также указывать, что X занимает удаленную от Y-а позицию, причем X и Y объединены принадлежностью к одному и тому же несобытийному фрейму.

При этом сохраняется рассмотренное выше общее условие—X и Y занимают позиции в пространстве, которые доступны непосредственному наблюдению и описываются, как правило, в момент наблюдения (об одном исключении— см. ниже).

Рассмотрим типы фреймов.

Первый. X и Y представляют собой элементы одного и того же комплекса. Мы смогли обнаружить только один случай, который можно отнести к данному типу фрейма. X и Y—это здания, входящие в какой-то функциональный комплекс (здания больницы, поместья, института и т. д.). Например:

(17) *Немного поодаль стоял небольшой флигель* (пример взят из ССРЛЯ).

Расстояние между Y-ом (т. е. центральным зданием, выступающим в качестве точки отсчета) и X-ом здесь может быть значительно большим, чем в ситуациях, описанных в разделе 1.4.1.1. Большее абсолютное расстояние определяется большими размерами X-а и Y-а. Отметим также, что при данном типе X-а и Y-а описываемая ситуация необязательно представлена как объект непосредственного наблюдения.

Второй. В основе объединения X-а и Y-а может лежать представление об их участии в некотором предшествующем событии, в результате которого они и занимают описываемые пространственные позиции. Так, речь может идти о расположении в пространстве объектов после произошедшей катастрофы, драки и т. д. Например:

(18) *Немного поодаль лежал еще один раненый.*

Третий. Слово *поодаль* может быть также употреблено, если Y—это какой-то объект, частью или актуальной принадлежностью которого является X, оказавшийся в описываемой ситуации отделенным от Y-а. Под «актуальной» принадлежностью мы имеем в виду то, что X обычно находится при Y-е. При этом X и Y представляют собой достаточно крупные объекты, что в свою очередь предполагает и соответствующие размеры пространства. Как и во всех случаях, связанных с количественными ограничениями, нет четкой границы между допустимыми и недопустимыми размерами расстояний. Полностью исключено употребление слова *поодаль*, если речь идет о положении в пространствах, приблизительно равных по своим размерам поверхности стола. Нельзя, например, сказать: **Поодаль от сломанной коробочки лежала ее крышка*. Существен здесь не только размер пространства, но величина X-а и Y-а. Так, если бы коробочка и ее крышка лежали на полу, употребление слова *поодаль* также было бы ненормативно. При оценке предложений, описывающих рас-

положение предметов мебели и их отделенных частей, наблюдается разброс в ответах информантов, но в среднем они не воспринимаются как полностью нормативные. См., например:

(19) *Посередине комнаты лежал сломанный стол. ?Немного поодаль валялась одна из его ножек.*

Средняя оценка 3, 5 балла (8 опрошенных).

При описании подобных ситуаций обычно предпочитают такие выражения, как *на некотором расстоянии от* или *тут же* (*тут же валялась одна из его ножек*). При описании более крупных объектов и при достаточно большом расстоянии между X-ом и Y-ом употребление слова *поодаль* оценивается как нормативное. Например:

(20) *На обочине дороги стояла разбитая машина, а немного поодаль, в кювете, лежало отвалившееся колесо.*

Если Y — человек, а X — достаточно крупный предмет, который до момента описания был при Y-е, то выбор слова *поодаль* полностью соответствует норме, если речь идет о целой группе людей и сложенных вместе предметов. Например:

(21) а) *Солдаты сидели у костра, а немного поодаль стояли составленные вместе ружья.*

Ср. (21б):

(21) б) *Солдат сидел у костра. Немного поодаль лежало его ружье (или: Его ружье лежало поодаль).*

Ср.:

(22) *Ружье лежало довольно далеко от него (...на некотором расстоянии от него).*

Если пространство S_1 , которому принадлежит позиция, занимаемая X-ом, достаточно большое, так что S_1 и S_2 (пространство, в котором находится Y) образуют две части пространства, границы которого приблизительно соответствуют возможностям зрительного восприятия наблюдателя, появляется возможность взаимозаменять наречия *вблизи*₂, а также *невдалеке* и *поодаль*. Так, слово *поодаль* можно подставить в примеры типа (2, 3 разд. 2.3). См. (23):

(23) *У конюшни стояла телега. Немного поодаль, на лугу, паслись выпряженные лошади.*

При выборе слова *вблизи* в большей степени акцентируется внимание на объединении пространств S_1 и S_2 через связь между X-ом и Y-ом. Напротив, при употреблении слова *поодаль* в фокусе внимания расположение X-а по от-

ношению к Y-у, хотя их место в общем пространстве S также уточняется благодаря введению дополнительных локативных групп (*на лугу, у конюшни*). Эта разница в акцентах, ощущаемая носителями языка, согласуется с постулируемым значением: слово *поодаль* само по себе не указывает на членение перцептуально воспринимаемого пространства на части и задает именно позицию X-а, а не «широкое» пространство нахождения X-а.

Эта последняя характеристика слова *поодаль* подтверждается и сочетаемостью с модификатором *немного*. Его использование свидетельствует о том, что наречию *поодаль* могут соответствовать несколько позиций, в той или иной степени отличающихся по величине удаленности от Y-а: крупные пространственные области не могут различаться между собой по небольшой величине расстояния от Y-а.

Четвертый. Слово *поодаль* употребляется, если цель **высказывания** — описать расположение объектов (по-видимому, при этом речь может идти только о людях) в рамках некоторой картины. Это может быть действительная картина или фотография, а может быть «кусок» пространства, который воспринят наблюдателем как «живая» картина. **Объединенность** объектов в картине дает основание акцентировать внимание на их расположении друг по отношению к другу, независимо от того, связаны ли они между собой функционально или нет, — сама принадлежность картине придает их взаимоположению композиционную значимость. Например:

(24) *В центре картины сидит старик, продающий фрукты. Немного поодаль от него стоит молодая женщина с ребенком на руках (газ).*

Если в тексте описывается «живая» картина, наблюдатель должен быть обязательно персонифицирован.

Пятый. Существует еще по крайней мере одно условие употребления слова *поодаль*. При этом условии X и Y представлены как точки перемещения взгляда наблюдателя, который в момент описания находится в какой-то другой точке пространства Z. Y соответствует промежуточной точке движения взгляда, от которой взгляд перемещается к X-у. Обычно такое представление ситуации связано с выбором пути реального будущего перемещения наблюдателя. Например:

(25) *Немного поодаль от дороги стояла большая развесистая береза, и мы решили расположиться под ней на отдых (жур).*

Итак, проведенный анализ показывает, что условия употребления согласуются с постулируемым значением наречия *поодаль* — **указание** на такую позицию элемента событийного или несобытийного фрейма (X-а), которая характеризует-

ся по ее расстоянию от центрального элемента этого фрейма (Y-а). Вводимая позиция определяется как «удаленная» по сравнению с другими позициями, которые могут занимать элементы описываемого фрейма. Положение X-а и Y-а при этом описывается в рамках наблюдаемого пространства. Наблюдатель может быть как персонифицирован, так и не персонифицирован.

Типы фреймов, при описании которых используется наречие *поодаль*, имеют ограничения по допустимой величине расстояния между Y-ом и X-ОМ. В общем виде можно сказать, что абсолютная величина расстояния между X-ом и Y-ом не должна быть меньше двух-трех метров и не должна быть больше, вероятно, метров 60—100. Интервал допустимых расстояний в известной степени коррелирует с размерами X-а и Y-а. Эти объекты не должны быть слишком маленькими. Обычно это люди или довольно крупные объекты (здания, машины и их части, деревья).

Отмеченные ограничения на величину расстояния позиции X-а от Y-а и на их собственные параметры коррелируют с теми типами фреймов, при описании которых используется наречие *поодаль*, но в то же время, по-видимому, не полностью их предопределяют.

Поэтому было предложено перечисление типов фреймов. Всего было выделено, кроме собственно событийного, пять типов. Семантика наречия *поодаль* в контексте описания каждого из этих фреймов соответствует сформулированному общему значению, но при этом могут привноситься отдельные дополнительные характеристики, которые не полностью из него вытекают. Так, ограниченность употребления наречия *поодаль* только такими событийными фреймами, которые предполагают акт «общения» X-а с Y-ом, не вытекает однозначно из ограничения на расстояние (слово «общение» употреблено в широком смысле—оно относится и к таким случаям, как *смотреть с нежностью*, *ненавистью* и т. п., а также включает случаи «нереализованного общения»).

Существование тех или иных дополнительных характеристик значения, а также принадлежность рассмотренных фреймов к разным понятийным областям, позволяет говорить, что значение наречия *поодаль* не монолитно, что оно существует в виде набора вариантов, или, в другой терминологии, в виде ряда модификаций (о термине модификация см. введение, раздел б).

1.4.2. Предложная группа в отдалении (-ные)

Предложную группу *в отдалении (-ные)* мы относим к тому же семантическому типу, что и наречие *поодаль*, в соответствии с выдвигаемой гипотезой эта группа употребляется при описании расположения в перцептивно воспринимаемом пространстве S связанных между собой элементов, которым могут соответствовать отдельные объекты или события. Хотя пространство S может

иметь какие-то внутренние членения, выражение *в отдалении*, так же как и наречие *поодаль*, само по себе не вносит представления о таком членении. Оно показывает, что X (или E_x) занимает позицию (подчеркнем, именно позицию, локус, а не широкое пространство), удаленную от Y-а, в рамках общего пространства S. При этом в отличие от наречия *поодаль* выражение *в отдалении* указывает на значительно большее абсолютное расстояние между X-ом и Y-ом: так, если Y представлен и как релятум и как наблюдатель, позиция X-а может находиться в самой отдаленной от Y-а полосе пространства, доступной перцептивному восприятию, хотя такое положение X-а не является обязательным (см. ниже).

Рассмотрим аргументы в пользу постулируемого значения.

1. Если предложенное толкование верно, то выражение *в отдалении* не должно употребляться, когда просто устанавливается наличие какого-то объекта X-а или события E_x в полосе пространства, например, примыкающей к горизонту, причем в рассмотрение не вводится существование каких-то других объектов, с которыми был бы связан X и которые были бы расположены в других частях пространства S. Y при этом выступает только в функции наблюдателя и точки отсчета для выделения дистанционных полос пространства. Действительно, при таком представлении денотативной ситуации выражение *в отдалении* (*-нье*) не употребляется. Здесь используются наречия *вдали*, *вдалеке*.

Так, предложная группа *в отдалении* (*-нье*) не может быть поставлена на место наречия *вдали* в примерах (1)—(3).

(1)а. *Вдали сверкал огонек.*

б. **В отдалении сверкал огонек.*

(2)а. *Вдали показался человек.*

б. **В отдалении показался человек.*

(3)а. *Ни неба, ни облаков, ни людей вдали не было. Было что-то черное, туманное* (Ю. Казаков).

б. **Ни неба, ни облаков, ни людей в отдалении не было. Было что-то черное, туманное.*

2. Употребление выражения *в отдалении* (*-нье*) становится нормативным, если имеются основания для представления X-а или E_x как элементов событийного фрейма, к которому относятся и другие события, также локализованные в пространстве S. Так, E_x может входить в событийный фрейм, который объединяет различные события, связанные с ожидаемым наблюдателем началом, например, какого-то праздника или военного наступления. При этом события, входящие в фрейм, могут происходить в разных частях пространства S. Например:

(4) *Вдруг {где-то} в отдалении сверкнул огонек. Потом еще один. Потом еще. Огоньки стои приближаться и вскоре вся долина засверкала огнями (жур.)*

(5) *Вдруг где-то в отдалении промелькнула фигура человека. Потом, совсем рядом, раздалась какие-то странные звуки (жур.)*

Таким образом, обнаруживается зависимость между возможностью употребления выражения *в отдалении* и вхождением E_x в некоторый фрейм взаимосвязанных событий, развертывающихся в описываемый момент наблюдения в рамках пространства, доступного перцептивному восприятию.

Прежде чем переходить к более детальному рассмотрению типов связей между событиями и между X -ом и Y -ом, отметим, что взаимосвязь событий не исключает употребления и наречия *вдали*, если все эти события заключены в наиболее удаленной дистанционной полосе пространства. Само по себе наличие/отсутствие взаимосвязи несущественно для его выбора. Так, в примере (4) можно заменить выражение *в отдалении* на наречие *вдали*. Напротив, если события одного фрейма реализуются в разных частях пространства S (пример 5), но говорящий хочет подчеркнуть их взаимосвязь, предпочтение отдается выражению *в отдалении (-нье)*. Указание на нахождение в разных дистанционных полосах, т. е. фактически в разных пространствах дает скорее основание для восприятия событий «появление человека», «появление каких-то странных звуков» как не связанных между собой. Поэтому выбор наречия *вдали* противоречил бы коммуникативной цели высказывания.

Рассмотрим теперь более подробно, с чем может идентифицироваться Y при употреблении предложной группы *в отдалении (-нье)*.

В контекстах ее употребления наблюдатель может не быть персонифицирован. В этом случае точке отсчета — Y -у или E_y — соответствует центральный персонаж фрейма, или центральное событие, или его локус. Так, в примере (6), в котором описывается ситуация приема больных, центр — это та часть квартиры, где находится главное действующее лицо — профессор, принимающий больных (в тексте примера прямого указания на центральное событие фрейма нет, но оно предполагается):

(6) *Мягкие дробные звоночки сыпались в это время по всей квартире, а в отдалении из передней то и дело слышались голоса, звенел телефон (Булгаков).*

В тех же случаях, когда наблюдатель персонифицирован, он выступает либо и как главное действующее лицо, а иногда одновременно и как рассказчик

(пример 7), либо не только как наблюдатель, но и как экспериенцер. В последнем случае центральное событие определяется по месту нахождения **наблюдателя** — это событие, которое происходит там, где наблюдатель (пример 5, 8).

(7) *За мной увязался Арктур. Несколько раз я прогонял его. Он садился в отдалении, немного пережидал и снова бежал за мной* (Ю. Казаков).

(8) *Дождь уже почти кончился. Все успокоилось, и лишь где-то в отдалении время от времени все еще раздавались удары грома* (жур.).

В примере (8) локус центрального события — прекращение дождя — совпадает с тем местом, где находится экспериенцер. Подчеркнем, что в функции Y-а здесь выступает не сам наблюдатель-экспериенцер, а событие, происходящее в том месте, где он находится (т. е. прекращение дождя). Если с местом нахождения наблюдателя-экспериенциера не связано какое-то событие, не сводимое к самому факту нахождения здесь наблюдателя, выбор предложной группы *в отдалении* воспринимается как странный, не вполне естественный. Так, замена наречия *вдали* на выражение *в отдалении* в примере (9) не нормативна.

(9) *Где-то вдали, почему-то очень волнуя сердце, шумели поезда* (? *Где-то в отдалении, почему-то очень волнуя сердце, шумели поезда*).

Напротив, предложение (10) где объединяются два события — тишина и слабый шум поездов в отдаленной части пространства — полностью нормативно.

(10) *Все было тихо, и только где-то в отдалении шумели поезда.*

Отметим, что денотативные ситуации примеров (8) и (10) могут быть по-разному интерпретированы. Так, денотативную ситуацию примера (8) можно увидеть как одно явление — постепенное прекращение грозы, которое происходит с разной степенью интенсивности в различных частях пространства его распространения (более полное в выделенной центральной части и ослабленное по краям). Именно так данная денотативная ситуация представлена в контексте примера (8). Наряду с этим упоминаемые события — прекращение дождя и погромыхивание грома — можно осмыслить не как части одного общего фрейма, а как «самостоятельные» явления. Такому представлению будет способствовать локализация каждого из этих явлений в «своем» пространстве: «здесь имеет место то-то, а там — нечто другое». Поэтому денотативную ситуацию примера (8) можно описать и через наречия *вдали*, *вдалеке*. Такой выбор будет особенно удачен, если усилится противопоставленность событий. См. (11):

(11) *Дождь уже совсем кончился. Все успокоилось, и лишь где-то вдалеке все еще гремел гром.*

Подобным же образом можно интерпретировать и ситуацию примера (10). Ср. (12):

(12) *Все было тихо, и только где-то вдали (вдалеке) шумели поезда.*

В примере (12) тишина здесь и шум вдали — это два разделенных явления. Напротив, в примере (10) описываемые явления объединяются, создавая впечатление единого звукового поля с нулевой интенсивностью в центре.

Элементами одного событийного фрейма часто выступают однородные сущности (звуки, огни и т. п.), но могут объединяться и довольно разные события, если они входят в один фрейм (см. пример 4).

Персонажами одного фрейма могут оказаться даже люди и окружающие элементы ландшафта, которые при этом в известной степени персонифицируются. Например:

(13) *Скоро настала ночь. Чистое небо усеялось миллионами звезд: я ехал берегом Подкумка. Здесь бывало сиживал со мною А. Р., прислушиваясь к мелодии вод. Величавый Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении, окруженный горами, своими вассалами, и наконец, исчез во мраке... (Пушкин).*

Текст примера (13) построен как сообщение о том, что же заполнило то пространство, в котором оказался герой повествования после наступления ночи. Это — и он сам, едущий вдоль берега реки, и всплывающие картины воспоминаний прошлого, и журчание воды, и величественная гора, очертания которой вырисовываются все чернее и чернее, и которая затем исчезает из виду. Все вместе они образуют единую сцену. Эта же денотативная ситуация могла бы быть описана и иначе, если бы герой повествования был представлен только как наблюдатель окружающего его пространства: *Вдали (вдалеке) окруженный горами виднелся величавый Бешту. Употребление предикативной группы рисовался чернее и чернее в этом контексте было бы менее удачно, хотя и допустимо.*

Сопоставим теперь наречие *поодаль* и выражение *в отдалении (-нье)*. Анализ материала показал, что основное отличие в семантике данных языковых единиц определяется допустимой величиной расстояния между X-ом и Y-ОМ, что в свою очередь связано и с допустимой величиной общего пространства S. Выражение *в отдалении (-нье)* указывает на большую величину расстояния между X-ом и Y-ом. Так, это выражение может употребляться, когда X занимает позицию в пограничной полосе перцептивно воспринимаемого пространства (см. примеры 4, 8, 13 и др.). Вероятно, наименьший предел расстояния при выборе данного выражения не должен быть меньшим приблизительно метров десяти. Напротив, при выборе наречия *поодаль* он, по-видимому, равен трем-четырем метрам. Характерно и различие в самих типах событийных фреймов. Слово *поодаль* употребляется, когда X и Y относятся к классу людей (или персонифицированных объектов), осуществляющих такие действия,

которые устанавливают между X-ом и Y-ом отношения взаимообщения или во всяком случае одностороннего общения X-а с Y-ОМ (X слушает, всматривается с любовью, ненавистью, интересом²³ и т. п.). Напротив, употребление выражения *в отдалении (-нье)* при отмеченном условии не допускается. Так, нельзя сказать:

(15) *Матвей Саввич рассказывал, откуда у него взялся Кузька. *Афанасьевна и Софья стояли в отдалении и слушали.*

В приведенном выше примере (7) употребление выражения *в отдалении (-нье)* возможно только потому, что пространственное положение X-а не соответствует «нормативной» позиции участника совместной прогулки. Ср. пример 2 раздела 1.4.1.1.

Как видно из приведенных примеров, выражение *в отдалении (-нье)* обычно используется, когда описываемые события связаны между собой не прямо, а только через общий фрейм, в который они входят, — например, служат показателями начала военных действий, составляют элементы звукового фона описываемого пространства, относятся к различным явлениям, связанным с началом (концом) грозы, бури и т. д. См. также:

(16) *5 центре стояла египетская пехота, дальше — конница и где-то в отдалении колыхались знамена нубийцев (жур.).*

Представление о большей удаленности X-а от Y-а, входящее в семантику выражения *в отдалении (-нье)*, приводит к тому, что оно обычно не употребляется, если речь идет о расположении в пространстве группы зданий, функционально между собой связанных, т. е. входящих в единый комплекс. Например:

(17) *В центре усадьбы находился большой барский дом. (Немного) в отдалении от него стоял флигель (ср. Немного поодаль от него стоял флигель).*

В рассматриваемых контекстах вследствие величины X-а и Y-а абсолютное расстояние между ними должно быть значительно больше, чем при X-е и Y-е, относящихся к классу «люди», чтобы восприниматься как создающее высокую степень их удаленности. Функционально же связанные между собой здания, как правило, не находятся на слишком большом расстоянии друг от друга. Это и объясняет неупотребляемость выражения *в отдалении (-нье)* при описании подобных ситуаций. Кроме того, выражение *в отдалении (-нье)* более жестко, по сравнению с наречием *поодаль*, связано с контекстом непосредственного наблюдения. Такой контекст необязательно предполагается в примере (17).

²³ Выше мы назвали случаи типа *Он стоял поодаль и не сводил с нее глаз* перцептивно-эмоциональным общением.

Введение подобного контекста при персонифицированном наблюдателе делает более естественным употребление выражения *в отдалении* {-н^{ые}). Например:

(18) *Прямо перед нами мы увидели центральное здание усадьбы. Немного в отдалении стоял (виднелся) небольшой флигель.*

При проведенном преобразовании изменилась точка отсчета: У здесь соответствует автору речи—наблюдателю. Таким образом, положение флигеля описывается не только по отношению к центральному зданию, но и, прежде всего, по отношению к наблюдателю, расстояние от которого может соответствовать величине перцептивно воспринимаемого пространства.

В качестве особой модификации семантики выражения *в отдалении* {-н^{ые}) можно выделить те случаи его употребления, когда оно показывает, что свойства объекта, данные в слуховом восприятии, меняются, если этот объект занимает некоторую удаленную от наблюдателя позицию. Например:

(19) — *Заметили ли вы,— прибавил он, оборотясь ко мне,— вблизи иной вальс никуда не годится.., а в отдаленье, чудо!* (Тургенев).

В подобных контекстах выбор наречия *издали* оценивается как менее удачный. Это можно объяснить тем, что выражение *в отдалении* {-н^{ые}), так же как и наречие *вблизи*, скорее указывает не на изменение восприятия в зависимости от расстояния, а не изменение самих свойств объекта в зависимости от его удаленности от наблюдателя (см. также раздел 1.2).

Итак, проведенный анализ позволяет утверждать, что выбор предложной группы *в отдалении* {-н^{ые}) возможен только в том случае, если положение X-а и Y-а или E_x и E_y в каком-то едином пространстве, размеры которого лежат в пределах возможностей перцептивного восприятия человека, определяется их взаимосвязанностью: X и Y или — чаще — E_x и E_y могут входить в один событийный фрейм или быть связаны между собой композиционно как элементы одной картины.

Наблюдатель при употреблении выражения *в отдалении* {-н^{ые}) может быть как не персонифицирован, так и персонифицирован. При персонификации он включается в событийный фрейм, приобретая функцию релятума (Y-а). При этом он может быть либо непосредственным агенсом центрального события, либо служить маркером места его реализации — центральное событие происходит там, где находится наблюдатель.

Выражение *в отдалении* {-н^{ые}) не показывает, что X обязательно занимает позицию в пограничной полосе пространства, доступного перцептивному наблюдению, и что вообще границы пространства S совпадают с границами

перцептивного восприятия. Границы S зависят прежде всего от того, какую пространственную область занимают события, входящие в описываемый фрейм, но при этом данная область не должна выходить за пределы возможностей перцептуального восприятия. Другими словами, доступность перцептуальному восприятию определяет наибольший из потенциально возможных размеров пространства S. Наряду с этим существует и наименьший предел пространства S и расстояния между Y-ом и X-ом. Если X и Y относятся к классу «люди», то предположительно наименьший предел должен равняться метрам десяти. При X-е и Y-е, имеющих больший размер, это расстояние, естественно, больше.

Представление о большей удаленности X-а от Y-а по сравнению с расстоянием, задаваемым словом *поодаль*, предполагает и другой характер событийных фреймов: выражение *в отдалении (-нье)* не употребляется, если осуществляемые действия предполагают взаимообщение X-а и Y-а или одностороннее общение X-а с Y-ом (*не отрывать взгляда от Y-а, любоваться* и т. д.). Чаще всего это выражение встречается, когда описываются явления природы (начало или конец грозы, бури), размещение в пространстве больших групп людей, связанных участием в некотором едином событии (празднество, битва и т. п.), размещение в пространстве крупных объектов. В этих последних случаях выражение *в отдалении (-нье)* обычно предполагает нахождение X-а на границах перцептивно воспринимаемого пространства.

Допустимость такой пространственной позиции X-а сближает выражение *в отдалении (-нье)* и наречие *вдали*. При ее реализации их взаимозамена становится возможной, если, с одной стороны, Y может рассматриваться не только как наблюдатель (и, возможно, экспериенцер), но и как тот, местонахождение которого определяет местонахождение центрального события фрейма (это условие необходимо для выбора выражения *в отдалении*), а с другой стороны, если Y не является прямым участником этого центрального события и, таким образом, событие и Y могут быть разделены. При этом Y может быть воспринят только как наблюдатель и, возможно, экспериенцер X-а (это условие необходимо для выбора наречия *вдали*).

Выражения *в отдалении (-нье)* в отличие от наречий *вдали* и *поодаль* может употребляться, если пространство S, в котором расположены X и Y, не относится к классу открытых пространств и доступно только акустическому, а не зрительному восприятию (см. пример б).

Выражение *в отдалении (-нье)* может использоваться для передачи информации об изменении качественной характеристики X-а, доступной слуховому восприятию, при изменении его пространственного положения — нахождение в некоторой удаленной от наблюдателя позиции в отличие от ближней позиции. В этих условиях выражение *в отдалении (-нье)* является антонимом наречия *вблизи*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В главе I было проведено различие между чисто дистанционными и пространственно-дистанционными наречиями. Первые из них {*близко/далеко*} указывают, на каком расстоянии от Y-а находится X. Представление о нахождении X-а и Y-а в каком-то пространстве (одном и том же или в разных) относится либо к пресуппозиции, либо вытекает из контекста, но никогда не входит в ассерцию.

Установлен ряд особенностей «поведения» этих слов, предопределенных указанным типом значения.

Пространственно-дистанционные слова, напротив, непосредственно указывают на то пространство S_1 , в котором находится X. Информация о расстоянии S_1 от Y-а входит лишь в саму номинацию S . Таким образом, место понятий 'пространство' и 'расстояние' в семантической структуре данных групп разное.

В гл. I рассмотрены также некоторые типы членения пространств, отраженные в семантической структуре слов *вдали*, *вдалеке*, *невдалеке*, *вблизи*, *близ*, а также именной группы *в отдалении*.

Инвариантной частью всех значений этих языковых единиц является то, что пространство нахождения X-а или позиция, которую он занимает, выделяется не только по отношению к Y-у, но и по отношению к какому-то другому пространству или к каким-то другим позициям. Это приводит к тому, что пространственное положение X-а выделяется на фоне членения какого-то большого пространства (обычно это пространство, границы которого определяются перцептивными возможностями человека) или распределения позиций в рамках заданного пространства (его границы часто определяются местом действия событийного фрейма).

Так, *вдали*₁/*вблизи*₁ указывают на одну из дистанционных полос, являющихся частями перцептивно воспринимаемого пространства. Чаще всего это пространство, начинающееся от наблюдателя и кончающееся у линии горизонта. *Вдали*₁ указывает при этом на последнюю, наиболее удаленную от наблюдателя полосу пространства, а *вблизи*₁ — на ближайшую. Каждая полоса, таким образом, входит в общее более широкое пространство, которое, следовательно, вводится в общую картину описания.

*Вблизи*₃/*невдалеке* также указывают на выделение двух частей пространства, открываемых взгляду наблюдателя, но выделяемых не по отношению к нему. S_1 , т. е. пространство нахождения X-а, выделяется здесь по отношению к пространству Y-а (S_2), причем S_1 и S_2 представляют крупные части наблюдаемого пространства, расположенные скорее параллельно линии горизонта (т. е. $S_1 + S_2$ простирается вширь, а не вглубь) и приблизительно равны по размеру. Про-

странство S_2 может эксплицитно не выделяться, но в этом случае Y представляет собой такой объект, который распределен по значительной части наблюдаемого пространства (табор, участок покрытый лесом), т. е. имплицитно вводится определенная пространственная область. Таким образом, здесь также выделяются две крупные пространственные части, которые объединяются в единое пространство.

При реализации значения *вдали₂/вблизи₂* также фактически вводятся два значительных по размеру пространства, объединенных внутренними связями.

В тех значениях, в которых выделяется позиция X -а, эта позиция также представлена на фоне рассмотрения некоторого общего пространства, включающего и другие позиции.

Другой инвариантной характеристикой семантики рассматриваемых групп служит отделенность места нахождения X -а от Y -а (X не находится в «куске» пространства, непосредственно примыкающем к Y -у). Он занимает либо особую, отдельную часть пространства, либо отдельно выделяемую позицию.

Для описания семантики проанализированной группы оказалось важным противопоставление по признаку «локус (позиция), т. е. тот участок пространства, который непосредственно занимает объект, и пространство нахождения, т. е. более широкое пространство, которое включает локус».

Так, как показало проведенное исследование, *вдалеке₁*, *невдалеке* соотносят X именно с его локусом, причем таким, который не занимает всю ту пространственную полосу, в которую входит. Напротив, *вдали₁/вблизи₁* указывают на широкое пространство.

Среди процессов, лежащих в основе формирования разных значений, выделяются, прежде всего, следующие: преобразование 1) точки отсчета членения пространства (делается выбор другой точки); 2) типа пространства.

Первый процесс определяет переход от *вблизи₁* к *вблизи₃*: представление о пространственных полосах, идущих от наблюдателя к горизонту, т. е. вглубь «сцены», преобразуются в расположение пространственных «полос» скорее вширь 'сцены', причем точкой отсчета становится одна из этих полос. Наблюдатель здесь уже не выступает в качестве точки отсчета.

Второй процесс определяет переход от *вдали₁/вблизи₁* к *вдали₂/вблизи₂*, переход от наблюдаемых пространств к непосредственно ненаблюдаемым, которые в свою очередь делятся на разные типы. Для семантики *вдали₂* характерно выделение пространств по психофизическим параметрам (например: там, где шум, суета/там, где этого нет).

Преобразованию могут подвергаться не только пространства, но и типы движения. Переходы к разным типам движений (перемещений) представлены в семантике *вблизи₄*, *издалека*: перемещение самого субъекта действия, пере-

мещение взгляда, распределение частей объекта по вытянутой линии («застывшее» движение).

Системные связи. Пространственные языковые единицы, объединенные в первой главе, хотя и имеют отмеченное сходство, не образуют единую микросистему. Они разделяются на две группы: 1) слова *вдали*, *вдалеке*, *невдалеке*, *вблизи*, *близ*, которые характеризуют пространственное положение X-а не только по отношению к Y-у, но и по отношению к тому более широкому пространству, которое включает в себя и X, и Y; 2) языковые единицы *поодаль*, *в отдалении*, которые описывают расположение в пространстве членов одного фрейма.

Отдельную группу образуют и дистанционные слова.

Глава II

ПРОСТРАНСТВЕННО-ПОСЕССИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

ПОНЯТИЕ «ОБЛАСТИ» ОРИЕНТИРА (РЕЛЯТУМА)

В главе II будут рассмотрены предлоги *у, около, возле*. Два последние слова могут выступать и в функции наречия, хотя такое употребление в современном языке имеет место довольно редко.

Семантика указанных слов связана, как мы попытаемся показать, с понятием «области» *У-а* (т. е. ориентира-релятума). Под термином «область» будет пониматься пространство, непосредственно примыкающее к *У-у* и связанное с ним тем или иным посессивным отношением. Другими словами, *У* здесь представлен как посессор пространства нахождения *Х-а*.

2.1. СЕМАНТИКА ПРЕДЛОГА *У*

Предлог *у* в лингвистической литературе чаще всего рассматривается как член посессивной модели «*у У-а (есть) Х*». Посессивное *у* исследовалось и автором (например, [Селиверстова 1973; 1983; 1990] в этих публикациях содержится также обзор работ по данной теме). Гораздо меньше внимание уделяется так называемому «пространственному» *у*, которое составляет предмет данного исследования. В словарях «пространственное *у*» регулярно трактуется через синонимы, от которых, как будет показано ниже, отличается по ряду признаков. Например, в словаре С. И. Ожегова оно определяется так: «1. Возле, совсем около».

Мы поставили здесь термины «посессивное» и «пространственное» в кавычках, так как, с нашей точки зрения, «посессивное» у включает в свое значение и признак «пространственности» (см. указ. выше работы), если употреблять этот термин широко и связывать его не только с пространствами, измеряемыми по параметрам длины, широты и высоты, но и с различными топологическими пространствами, к которым относятся, в частности, и множества. Например, в семантику предложения *Уменя есть сестра* входит, как мы полагаем, невыраженное эксплицитно понятие 'множество родственников Y-а' и предложение может толковаться так: в множестве 'родственники Y-а' есть элемент, относящийся к классу 'сестра'.

Представление о том, что связь между X-ом и Y-ом устанавливается не прямо, а через пространство, в котором находится или элементом которого является X, позволило объяснить многие ограничения на употребление модели «У Y-а (есть) X» (см. указ. выше работы¹).

Вхождение понятия пространства в семантику «пространственного» у интуитивно более очевидно. Однако важно подчеркнуть, что предлог у задает не соположение Y-а и X-а в некотором общем пространстве, а вводит особое пространство, в котором находится X, но не Y (этот вопрос уже частично рассматривался в гл. I). В данной главе будет сделана попытка показать, что в семантике «пространственного» у признак посессивности сохраняется, Y же представлен как посессор пространства нахождения X-а, а иногда и самого X-а. Таким образом, деление на «пространственное» и «посессивное» у условно. Тем не менее использовать эти термины удобно, так как в какой-то мере они отражают разную значимость данных признаков в семантической структуре предлога у.

Основное отличие «посессивного» у заключается в том, что оно либо вообще не указывает на местоположение пространства нахождения X-а, либо им является сам Y или какая-то его часть. Напротив, «пространственное» у², как и все остальные исследуемые в данной главе слова, показывает, что X находится в пространстве, непосредственно примыкающем к Y-у.

При описании такого пространства будет употребляться, как уже говорилось, термин «область». Этот термин заимствован нами из работы Дж. Миллера и Ф. Джонсона-Лэрда [1976], где он имеет очень широкое значение. Так, при описании семантики предлога *at* он трактуется следующим образом: «сказать X *at* Y означает, что X включен в область Y-а, т. е. X находится там, где он может взаимодействовать с Y-ом социально, физически или каким-либо другим образом, конвенционально связанным с Y-ом» (С. 38). Кратко отношения между

¹ В указанных работах была принята другая нотация — «У X-а (есть) Y».

² Далее мы будем просто говорить «предлог у».

Y-ом и областью записывается и интерпретируется так: $\text{Reg}(w, y)$; w — область возможного взаимодействия с Y-ом. Нам представляется маловероятным, что при таком широком толковании термин «область» будет удобен для выявления специфики отдельных языковых единиц. Определенное взаимодействие между X-ом и Y-ом предполагается и в тех случаях, в которых положение X-а по отношению к Y-у определяется через расстояние, а не через указание на пространство нахождения X-а (см. гл. I). Далее, в последующих главах будет показано, что взаимодействие X-а и Y-а часто вводится в рассмотрение при описании очень разных типов пространств. Вследствие этого, сохраняя термин «область», мы определяем его иначе.

Под «областью» Y-а будет пониматься такое непосредственно примыкающее к Y-у пространство, которое находится с ним в том или ином посессивном отношении. Обозначим область Y-а знаком R. Тогда отношение между Y-ом и R МОЖНО записать так: $\text{Poss}(Y R)$, что означает: Y — посессор R.

Мы не будем здесь останавливаться на понятии посессивности. Оно подробно рассматривалось в ряде работ автора (например, [Селиверстова 1990]). Отметим только, пока в самом общем виде, те особенности, которые это понятие приобретает в рассматриваемых условиях. Прежде всего укажем, что оно переплетается здесь с понятием «непосредственного примыкания», под которым мы понимаем фактически следующее: если представить Y и R как некоторый набор точек, их составляющих, то существуют такие точки, причем их мало, которые одновременно принадлежат и Y-у, и R. Так, например, сторона Y-а, к которой примыкает R, может одновременно выступать как граница R (см. об этом 2.1.1).

Такое частичное вхождение R в Y создает предпосылку для трактовки Y-а как 'посессора' R. Данная функция Y-а определяется и дополнительными отношениями между Y-ом и R, которые при этом устанавливаются. Сейчас отметим только одно из них.

Типичным посессивным отношением служит отношение между «создателем» и «создаваемым им» (*автор и его книга, изобретатель и его изобретение*). Это отношение, хотя и в ослабленном виде, представлено, как мы попытаемся показать ниже, и в семантике предлога *у*. Y выступает здесь как тот, кто создает те или иные свойства R. Так, если Y является источником тепла, он формирует тепловую среду в R. Поскольку Y не полностью создает R, а лишь формирует некоторые его свойства, представляется оправданным говорить о посессивных отношениях только в тех случаях, когда R и Y не разделены (ср. *вблизи*₂). Но даже и в этом случае устанавливаемые посессивные отношения можно считать ослабленными (периферийными).

Понятие «области» Y-а, как будет показано ниже (разд. 2.2, 2.3), входит не только в семантику предлога *у*, но и слов *около*, *возле*. Именно это понятие ле-

жит в основе их отграничения от других пространственных микрогрупп: 1) *вдали, вблизи* и т. д.; 2) *рядом, поблизости, неподалеку* и т. п.

Отметим одно условие употребления, характерное для слов, указывающих на «область» Y-а, и отличающее их от других групп.

Если в языке допускается опущение глагола местонахождения и вводится только глагол, обозначающий действие, которое осуществляет X в R, то это действие обязательно воспринимается как связанное с Y-ом. Y при этом выступает в качестве предмета оборудования, в качестве объекта действия, локуса объекта действия, источника излучения, воздействующего на X, источника «переживаний» X-а, определяющих его поведение в R. Напротив, если пространство нахождения X-а не представлено как «область» Y-а, хотя расстояние между X-ом и Y-ом может быть таким же, как и в ситуациях первого типа, такого восприятия не возникает. В результате этого замена слов *около, возле*, у на слова других групп обычно делает подобные предложения бессмысленными.

Ср. например:

- (1) *Солдаты грелись у {около, возле} костров (*рядом с кострами, *вблизи костров, *поблизости от костров).*
- (2) *Никогда не знавшая семейного уюта Алена пригласилась возле Нины Карповны, как бездомный котенок (газ.) (*рядом с Ниной Карповной).*
- (3) *Они попели песни у {около, возле} костров *рядом с кострами, *поблизости от костров, *вблизи костров).*

Мы не будем здесь подробно разяснять механизм взаимодействия семантики предлогов с данным контекстом (см. об этом ниже). Скажем только, что он связан с отмеченным выше отсутствием границы, разделяющей Y и R. Например, в примере (1) поток тепла (т. е. множество квантов) принадлежит одновременно и Y-у и R.

В гл. II мы покажем, что понятие «области» составляет инвариантную часть всех значений «пространственного» у. Инвариантным является также представление о том, что «область» R примыкает только с одной, обычно (но не всегда) боковой стороны, к Y-у или во всяком случае не со всех сторон.

Эти два представления не исчерпывают семантику отдельных значений. Мы выделяем пять значений «пространственного» у. Будут также показаны связи между этими значениями и предположительно указаны процессы, приводящие к их формированию. В заключение будет намечена общая семантическая структура предлога у, объединяющая все случаи его употребления как «посессивные», так и «пространственные».

Ограничение: пространственные значения предлога у не реализуются при Y-е, соответствующем одушевленному объекту. Но Y при этом может обозначать часть такого объекта. Эти значения не реализуются также при местоимениях

третьего лица даже в тех случаях, когда они соответствуют неодушевленному объекту, а также относительном местоимении *который*. Так, нельзя сказать: **Она стояла у брата* (ср. *около брата*).

2.1.1. Первое значение предлога *у* — «геометрическая область» *У-а* (*у,*)

Наблюдая многие случаи употребления предлога *у*, можно легко сформулировать первое предварительное его толкование: этот предлог показывает, что *X* находится в пространстве, непосредственно или, возможно, почти непосредственно примыкающем к *У-у*, причем в самой ближайшей части этого пространства. Например:

- (1) *Снизу, у фундамента, густо выбивался чертополох: пахло сыростью и известкой* (Б. Зайцев).
- (2) *Он входит в темный коридор, задевает за что-то железное, сваленное у стены, нашаривает и открывает дверь* (Ю. Казаков).
- (3) *Там стоял Ахмаков, спиной к нему, у колонны* (Б. Зайцев).
- (4) *...а пес Шарик, привалившись, лежал на ковре у кожаного дивана* (Булгаков).

Однако расширение материала исследования показывает, что такое толкование недостаточно. Оно не объясняет, например, неестественность предложений (5)—(10). Информанты (10 человек) оценивали данные предложения как неправильные или во всяком случае странные, неестественные.

Например:

- (5) **Утарелки лежал нож*: (Ср. *Около тарелки лежал нож*).
- (6) **У красивой фарфоровой чашки лежала маленькая серебряная ложка* (норм.: *около, рядом*).
- (7) **Сахарница стояла у чайника* (норм.: *около, рядом*).
- (8) **Я поставил фонарь у ведра* (норм.: *рядом с ведром, около ведра*).
- (9) **Очки лежали у книги* (норм.: *около, рядом*).

Предложенное толкование не объясняет также неупотребляемость предлога *у* в предложениях типа:

- (10) **Она живет в маленьком городе у Москвы*.

Представляется, что значительную часть наблюдаемых запретов можно объяснить через понятие «геометрической области» *У-а*.

Под «геометрической» областью *У-а* мы понимаем такое непосредственно примыкающее к *У-у* пространство, форму которого частично задает *У* в том

смысле, что его сторона, к которой примыкает пространство нахождения X -а является одновременно стороной R (см. рис. 1).

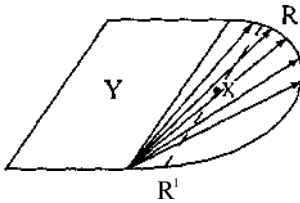

Рис. 1

R - «область» Y -а
 R' - ближайшая часть «области» Y -а

размер, то стороной R является линия пересечения Y -а и плоскости опоры. При этом в формировании R может участвовать и вертикальная плоскость Y -а, создавая вместе с плоскостью опоры как бы объемную нишу, в которую помещается X (см. рис. 2).

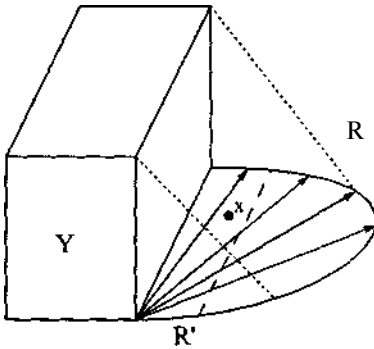

Рис. 2

R — «область» Y -а
 R' — ближайшая часть «области» Y -а

указание на включенность пространства S в пределы окоема человека существенно лишь для определения размера S . Только в рамках пространств такого типа можно говорить о геометрических характеристиках Y -а (т. е. о его очертаниях), так как в этих условиях они могут стать объектом непосредственного наблюдения.

Понятие «геометрической области» позволяет объяснить и другие ограничения на тип Y -а. Так, при употреблении предлога y_1 требуется, чтобы Y выступал в функции конструктивного элемента (КЭ) того пространства S , в котором он находится.

При плоском Y -е его внешний край часто служит началом другого субстанционального пространства. Так, кромка воды определяет начало береговой линии. Таким образом, Y может определять и субстанциональные характеристики примыкающего пространства.

Если Y имеет вертикальный

Понятие «геометрической области» объясняет прежде всего ограничения на тип пространства, в котором должны быть расположены X и Y . Это должно быть относительно небольшое пространство, а именно такое, которое может попадать в пределы окоема человека. Следует подчеркнуть, что в отличие от слов *вдали*₁/*вблизи*₁ семантика предлога y не связана с актом наблюдения (наличие или отсутствие наблюдателя определяется контекстом). Введенное

Под конструктивным элементом (КЭ) мы будем понимать такой объект, который участвует в организации пространства S , т. е. либо задает его границы, либо выделяет из него отдельные части. Участие Y -а в непосредственном построении структуры S способствует акцентированию внимания на форме и субстанции примыкающего к нему «куска» пространства.

Между КЭ пространства S и просто объектами, находящимися в нем, не существует четкой границы. Поэтому одни и те же объекты в зависимости от общей цели речи часто могут рассматриваться по-разному (например, предметы мебели). Однако можно выделить некоторые условия, способствующие интерпретации объекта как КЭ.

Первое условие (относится к наиболее типичным КЭ, но не является обязательным): объект Y не поставлен, помещен в пространство S , а либо встроен в него, либо образуется в нем естественно или в результате определенной обработки части S (например, асфальтирование участка земли). Таким образом, это — а) стены, колонны, двери и т. п.; б) естественные выпуклости — горы; холмы; в) впадины — незаполненные — пропасти, обрывы; заполненные водой — реки, озера и т. п.; г) площадки (теннисная и т. п.); д) повороты, подъемы, расширения, сужения; е) объекты соответствующие выезду и въезду.

Второе условие связано с размером объекта (Y -а); Y не должен быть слишком большим и слишком маленьким. Представление о «слишком большом» определяется самим типом рассматриваемого пространства — возможностью его визуального восприятия. Поэтому, как уже указывалось выше, предлог y не употребляется при существительных, обозначающих города, реки и т. п., рассмотренные как целое.

Здесь, однако, важно указать на одну особенность номинации. Как известно, одно и то же слово часто используется для обозначения как целого, так и его частей. Так, слово *река* может фактически служить для указания на какой-либо небольшой «кусочек» реки. Подобным образом могут использоваться и слова *деревня*, а иногда и *город* (особенно если речь идет о маленьком городе). Это создает предпосылку для употребления y_1 с данными словами.

Итак, КЭ не могут быть объекты, которые настолько велики, что недоступны зрительному восприятию. Наряду с этим КЭ не должны быть слишком малы, а именно нормативно они должны приближаться к размерам человека или быть больше его (например, предметы мебели, станки и т. п.). Это условие становится менее важным, если объект удовлетворяет первому требованию или третьему.

Третье условие: постоянность местоположения. Это условие не является обязательным и достаточным, но постоянность положения может влиять на отнесение объекта к КЭ в тех случаях, когда размер объекта недостаточно велик.

Так, лампа, телефон, ваза, стоящие на столе, могут рассматриваться как конструктивные части этого пространства.

Два последних условия соответствуют обычным требованиям, предъявляемым к ориентиру. Нами они были рассмотрены еще в одном ракурсе — по отношению к возможности быть конструктивным элементом пространства. При таком рассмотрении могут изменяться требования к абсолютной величине Y -а. В целом, можно утверждать, что всякий КЭ может выступать в роли ориентира, но не всякий ориентир соответствует КЭ. Так, чашка может служить ориентиром по отношению к ложке, так как все-таки существенно больше ее. Однако чашку неестественно увидеть, во всяком случае вне каких-то особых контекстных предпосылок, как создающую вместе с примыкающим к ней пространством особую структурную единицу поверхности стола.

Все рассмотренные выше случаи употребления и неупотребления согласуются с данным понятием. Приведем еще некоторые примеры.

- (11) *У самовара стоял чайник* (самовар достаточно велик и занимает особое место на столе, чтобы увидеть его как формирующего свою «область»).
- (12) *У лампы стояла красивая малахитовая шкатулка* (лампа также имеет свое постоянное место на столе и может рассматриваться как один из тех элементов, которые формируют особые подпространства).
- (13) *У телефона лежала записная книжка*.

Предлог *у* может употребляться также перед словами, обозначающими площадки (футбольное поле, теннисный корт и т. д.), полосы (дорога, тропинка и т. д.), впадины, заполненные или незаполненные: часть реки, озера и т. п.; обрыв, расщелина и т. п.).

- (14) *Иван не купается. Просто сидит на берегу, у самой воды, любит море это и солнечный свет* (Б. Зайцев).
- (15) *Стоял он (дом) во главе двора, у самого сада* (Бунин).
- (16) *Мы живем у самой Волги*.
- (17) *Они стояли у обрыва и смотрели вниз*.

Рассмотрим более подробно пример (16). Подобное предложение не может быть произнесено, если автор речи хочет сказать, что его местожительство принадлежит бассейну реки Волги. В этом случае он должен употребить предлог *на*:

- (18) *Он живет в небольшом городке на Волге (на Оке, на Каспийском море и т. д.; ср. *в небольшом городке у Волги, у Оки и т. д.)*.

См. также:

- (19) *В этом году я отдыхала на Волге (а не *у Волги)*.

Употребление предложения (16) будет соответствовать норме в контексте, в котором заранее известно, что автор речи живет поблизости от какого-то определенного участка Волги и уточняется только степень близости к реке.

При определенных условиях слова, обозначающие населенные пункты, также могут сочетаться с предлогом $у_1$. Так, относительно маленькие населенные пункты с большого расстояния могут быть увидены как целое на фоне окружающего их пространства. В этих условиях появляется возможность употребить предлог $у$. Например, летящие в самолете могут сказать:

(20) *У деревни пасется стадо коров.*

Предложение (20) возможно также, если слово *деревня* используется для указания на какую-то часть деревни. Употребление слова *город* для указания на какую-то его часть мало распространено. Так, более естественно употребить предложение (21а), а не (21б):

(21а) *У звезда в город стояла разбитая машина.*

(21б) *У города стояла разбитая машина.*

Изменение общих геометрических характеристик пространства (расширение, сужение, поворот) также позволяют разделить его по линии, соединяющей точки, которые служат началом изменения кривизны внешних границ. Данная линия в свою очередь способствует выделению зоны, предшествующей изменению, т. е. «геометрической области» Y -а (см. рис. 3).

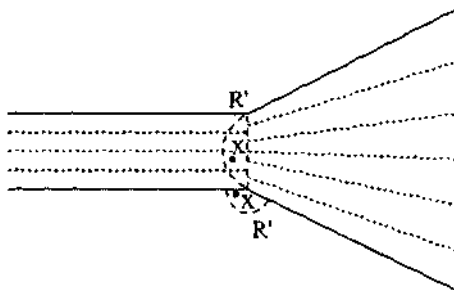

Рис. 3

R — ближайшая часть «области» Y -а

Поэтому употребление предлога $у$ со словами, обозначающими такие объекты, согласуется спостулируемым значением.

(22) *В назначенный день автомобиль виден из-под наших каштанов, нерешительно он останавливается у поворота с большой дороги, наконец к нам, на скромную дорожку сворачивает (Б. Зайцев).*

(23) *Рюхин поднял голову и увидел, что ...грузовик его стоит, застрявший в колонне других машин у поворота на бульвар (Булгаков).*

(24) *В третий раз, я позвал их обоих (на тот же родной и роковой Страстной бульвар, все на ту же любимую новомирскую аллею его у расширения) — и сразу же предложил им хранение страшнейших моих вещей, и в большом объеме (Солженицын).*

Заметим, что X при этом может находиться как в той части дороги, аллеи, которая предшествует повороту, спуску и т. д. (см. приведенные выше примеры), так и сбоку от Y -а (последняя ситуация менее типична):

(25) *Она ждала нас у поворота дороги.*

В пользу того, что предлог $у$ действительно представляет Y как формирующий очертания примыкающей к нему части пространства, говорит также следующее: предлог $у$ употребляется только в том случае, если Y имеет четкие внешние границы (горизонтальные и/или вертикальные), которые и могут задавать начало примыкающей к Y -у области R . Так, можно сказать (было опрошено 10 человек):

(26) *Она села отдохнуть у теннисного корта.*

Но:

(27) **Она села отдохнуть у красивой поляны.*

Приведем еще некоторые примеры употребления предлога $у$ со словами, обозначающими границы разных типов.

(28) *Матвея, которого толкали в толпе у самой цепи, осенила простая и гениальная мысль* (Булгаков) (цепь солдат разделяет два пространства).

(29) *Мы стояли у самой границы.*

(30) *Солнце было уже у горизонта.*

При Y -е, имеющем вертикальное измерение, наличие четкого края уже не так существенно, так как в этом случае в формировании пространства R участвует вертикальная плоскость Y -а:

(31) *Мы разбили палатку у подножия горы.*

Итак, рассмотренные условия сочетаемости предлога $у$ подтверждают оправданность введения понятия «геометрической области» для трактовки первого «пространственного» значения предлога (y_1). Этот предлог в данном значении показывает, что X находится в «геометрической области» Y -а, т. е. в пространстве, примыкающем к Y -у и имеющем с ним по крайней мере одну общую сторону.

Понятие «геометрической области» (R) мы связываем 1) только с таким более широким пространством S , включающим X , Y и R , которое доступно визуальному наблюдению, т. е. попадает в пределы окоема человека, и 2) только с таким Y -ом, который является КЭ (конструктивным элементом) пространства S .

Подчеркнем, что для семантики предлога *у*, в отличие от таких слов как *вдали/вблизи/близ*, важна лишь сама способность *У*-а выступать в качестве КЭ пространства и задавать хотя бы частично структуру примыкающего к нему «куска» пространства, а не устанавливать место пространства нахождения *Х*-а (*R*) в общем пространстве *S*, соотносить *R* с другими пространственными сегментами *S*.

Критерии установления размеров «области» *R* еще нуждаются в уточнении. Отметим, однако, некоторые наиболее общие условия.

В гл. I уже отмечалось, что относительными (т. е., прежде всего, зависящими от размеров *У*-а и *Х*-а) являются не только представления о дальности/близости, но и о величине пространства. Так, если *У* очень маленький (например, (1)), то мала и его «область». Напротив, если *У* велик (дом, стена, шкаф), то велика и «область» *R*. Такая зависимость характерна для большинства случаев выделения пространства в зависимости от *У*-а. Однако характер и степень этой зависимости могут быть разными, что связано с типом вводимого пространства (см. об этом ниже). Так, в семантике слова *около* (см. раздел 2.3) эта зависимость несколько менее прямолинейная, чем в семантике предлогов *у* и *возле* (см. раздел 2.2). Для предлогов *у*₁ и *возле*₁ отмечается следующая закономерность: протяженность области *R* от *У*-а во вне приблизительно соответствует той горизонтальной стороне *У*-а, которая соприкасается с полом, землей и т. п. и является общей для *У*-а и *R*. Так, протяженность от *У*-а во вне «геометрической области» стены, дома, больше, чем колонны, даже если их вертикальные размеры одинаковые. Поэтому *стоять у колонны* — это значит находиться приблизительно на расстоянии протянутой руки от колонны или касаться ее. Фраза же *стоять у дома* допускает нахождение приблизительно в двух-трех метрах от дома, а иногда и *дальше*, — если дом большой. Значимость именно горизонтального размера *У*-а очевидна для тех случаев, когда *У* вообще не имеет вертикального измерения или когда это измерение настолько мало по сравнению с *Х*-ом, что им вообще можно пренебрегать. В этом случае «область» *У*-а — это просто горизонтальная плоскость, лежащая у основания *У*-а. При этом для того, чтобы *Х* считался находящимся в *R*, достаточно чтобы *R* служил плоскостью опоры *Х*-а. Вертикальный размер *Х*-а не существен (см. примеры 14, 17 и др.) Однако если *У* имеет четко выраженный вертикальный размер, он также играет роль в формировании *R*, придавая ему объемность (важность этой характеристики будет особенно очевидна при описании семантики предлога *возле*). Сказанное, однако, не означает, что *Х* должен быть обязательно ниже *У*-а. См., например, *ширма у (возле) кровати; Он стоял у калитки (стола, стула)*.

Различие между *у*₁ и *возле* определяется тем, учитывается ли вся «геометрическая область» или нет. Предлог *у* указывает на нахождение *Х*-а в ближайшей к

Y-у части области R. Напротив, предлог *возле* вводит в рассмотрение всю «область» R (см. раздел 2.2).

В пользу сделанного утверждения говорит следующее: предлог *у* употребляется только в том случае, если «горизонтальные» размеры X-а существенно меньше «области» R (определенной по «горизонтальной» стороне Y-а, общей с R).

Ср. например:

(32) *У дивана стоял огромный стол красного дерева* (ср. нормативное: *возле, около*).

(33) *Удивана стоял маленький журнальный столик*.

(34) **У большой черной «Волги» стоял красный «Москвич»* (ср. *возле, около*).

Ср. правильные предложения:

(35) *Растерянно ухмыльнувшись, Никанор Иванович и сам не заметил, как оказался у письменного стола покойного* (Булгаков).

(36) *Паскудный воробушек ...приплясывал фокстрот под звуки патефона как пьяный у стойки* (Булгаков).

Подчеркнем, что представление о размере «области» нахождения X-а может изменяться, если X и Y связаны между собой функционально (см. ниже).

Итак, y_1 показывает, что X находится в «геометрической области» Y-а, причем в ближайшей к Y-у ее части.

2.1.2. Второе значение предлога *у* — «актантная область» Y-а (y_2)

Предлог *у* во втором значении показывает, что X, который в данном случае чаще всего является одушевленным объектом, находится в ближайшей части непосредственно примыкающего к Y-у пространства (так что он может касаться Y-а), причем занимаемая X-ом позиция связана с выполнением некоторого действия, направленного на Y или конвенционально связанного с его использованием (*стоять у руля, у штурвала; стоять у плиты, насоса, компьютера, доски, рояля* и т. п.). В функции Y-а здесь чаще всего выступают объекты, которые либо в собственном смысле слова, либо несколько расширительно можно назвать предметами оборудования — станок, компьютер, доска, руль, штурвал. Несколько условно сюда можно отнести и такие объекты, как рояль. Y может также соответствовать локусу объекта действия. Например, касса служит местом нахождения денег, чеков, которые непосредственно вовлечены в действия X-а, например:

{\}...а как стала у кассы платить, туфли у нее с ног исчезли и она осталась в одних чулках (Булгаков).

Из предлагаемого толкования следует, что для семантики предлога *у* важно не только указание на позицию агенса, но и представление о том, что эта позиция входит в пространство, примыкающее к *У*-у и не совпадающее с самим *У*-ом ИЛИ с непосредственным местом его нахождения. Поэтому нельзя сказать: **Он сидел у руля*, если речь идет о том, кто ведет машину, здесь нужно употребить предлог *за*: *Он сидел за рулем* (и обобщенно: *я сегодня за рулем*). Напротив, если говорящий указывает на руль корабля, комбайна, где позиция рулевого отделена от места нахождения самого руля, такое употребление нормативно.

Другими словами, можно сказать, что пространство *Р* начинается от *У*-а, а не находится хотя бы частично под ним. Это же условие определяет и употребление предлога *у* (*у пианино*, *у рояля*) при описании позиции певца, но не позиции пианиста.

(2) *Она стояла у рояля, слегка опираясь рукой о спинку кресла,*

но:

(3) *Он сидел за роялем и разучивал новую пьесу.*

См. также:

(4) *Он стоял у письменного стола и перебирал бумаги.*

Но:

(5) *Он сидел за своим письменным столом и работал.*

(6) *2? это время мы сидели за столом и обедали* (а не: **у стола*).

Предложения типа *Графиня сидела у стола и разливала чай*, встречающиеся в текстах XIX века и начала XX, по-видимому, объясняются тем, что самовар часто ставился на отдельный стол и разливающий чай действительно сидел у стола, а не за столом.

При реализации значения *у*₂ в функции *У*-а могут выступать объекты, которые существенно меньше *Х*-а, если, конечно, они задают в примыкающем к ним пространстве позицию «агенса».

(7) *Там и звери, и птицы, и крокодилы, и разные киты-рыбы несут в зубах голых человек, а Господь сидит у золотых весов, со всеми ангелами, и зеленые злые духи с вилами держат записи всех грехов* (И. Шмелев).

(8) *Мы стоим с зажигальником у нитки...*

— *В-вали!* — *вскрикивает Горкин, и четыре ракеты враз с шипеньем рванулись в небо...* (И. Шмелев).

Могут возникать также отдельные устойчивые предложные группы, если в семантике словосочетания ведущим становится указание на выполняемую *Х*-ом

функцию. Обнаружено только одно такое сочетание: у *телефона*, употребляемое обычно во фразе: *Дежурный у телефона*.

Кроме рассмотренного выше различия, конкуренция с предлогом *за* возникает также в тех ситуациях, участником которых, кроме X-а и Y-а, считается или может считаться и еще один персонаж (например, наблюдатель, с позиций которого представлена ситуация). Так, положение продавца по отношению к прилавку чаще описывается предлогом *за*, что, вероятно, можно объяснить тем, как видит его покупатель. Употребление предлога *у* в этом случае, однако, также не исключено.

(9) *За прилавком стоял продавец {у прилавка}*.

По отношению к покупателю допустимо употребление только предлога *у*.

(10) *Он топчется у прилавка, смотрит на селедку и грязные рюмки, ломтики ситного* (Б. Зайцев).

Выбор того или иного угла зрения на описываемую ситуацию иногда чисто конвенционален (т. е. имеется теоретическая возможность и другого представления ситуации). Так, говоря о позиции певца по отношению к рампе, можно употребить только предлог *у*, а не *за* (*Он стоял у рампы*). Однако если бы ситуация описывалась с позиций зрителя, теоретически можно было бы выбрать предлог *за*. Эта возможность не используется в русском языке.

Положение зрителя по отношению к барьеру ложи также описывается через предлог *у*:

(11) *Христофоров, явившийся в ложу первым и одиноко сидевший у ее красно-бархатного барьера, чувствовал себя затерянным в огромной, разодетой толпе* (Б. Зайцев; **за барьером*).

Таким образом, для функционирования предлога *у* во втором значении существенна не только семантика самого предлога, но и «стандартное» осмысление ситуации (второй уровень семантического описания — в нашем понимании).

Из предложенного определения следует также, что предлог *у* указывает на ближайшую часть примыкающего к Y-у пространства. Справедливость этого утверждения следует из того факта, что предлог *у* не употребляется, если осуществляемое действие связано с челночным движением от Y-а и назад к нему. Например, все опрошенные отмечали, что предлог *возле* не может быть заменен на предлог *у* в примере (12). При этом они указывали, что предлог *у* вводит представление о недостаточно большом пространстве, что не соответствует ситуации, описанной в (12).

(12) *Возле них (бассейнов) металась негры в алых повязках, серебряными черпаками наполняя из бассейна плоские чаши* (Булгаков) (**У бассейнов металась негры...*).

Исключение составляют те случаи, когда X-у соответствует некоторое множество людей (например, X—очередь). В этом случае величина пространства, занимаемого X-ом, не влияет на выбор предлога у.

(13) *Укассы стояла длинная очередь.*

(14) *Умагазина толпилось много народу. Видно, что-то привезли.*

В примерах (13)—(14) предлог у взаимозаменяем со словами *около, возле* без какого-либо изменения смысла.

Рассмотрим теперь вопрос о том, насколько справедливо в рассматриваемом случае говорить об особом значении предлога у. В лингвистической литературе отмечалось (например, [Улуханов 1970]), что особые значения часто возникают в результате обособления контекстных вариантов: слово впитывает в себя информацию контекста и начинает использоваться для передачи комплексной информации в других контекстах, которые сами по себе не несут этой информации. Именно таким образом сформировалось, по-видимому, рассматриваемое второе значение предлога у—нахождение в «геометрической области» Y-а очень часто связано с выполнением той или иной деятельности, связанной с Y-ом. Например:

(15) *У камина маленький, рыжий, с ножом за поясом, на длинной стальной шпате жарил куски мяса, и сок капал в огонь, и в дымоход уходил дым* (Булгаков).

Если бы все случаи «агентивного» употребления у сводились к подобным примерам, нужно было бы говорить о чисто контекстном варианте первого значения. Однако это не относится ко всем рассматриваемым случаям.

Четыре особенности употребления предлога у в «агентивной» функции дают основание для выделения особого значения.

1. Снимаются ограничения на размер Y-а по отношению к X-у; достаточно, чтобы Y вводил актантную позицию («рабочую позицию») в примыкающем к нему пространстве (см. примеры 7, 8).

2. Вхождение указания на «агентивную» функцию X-а в значение предлога у проявляется в употреблении этого предлога при X-е, представляющем собой неодушевленный объект: выбор предлога у заставляет воспринимать действие, процесс, субъектом которого является X, как имеющее своей целью обслуживание Y-а.

(16) *У большого особняка на Садовой сиял молочный электрический фонарь. Подкатывали извозчики. Вылезали закутанные дамы, мужчины, хлопала дверь* (Б. Зайцев).

Предлог *у* в данном контексте показывает, что фонарь не просто является источником света, но выполняет функцию освещения площадки перед домом, что и связано логически с ситуацией приезда гостей. Замена предлога *у* на *около*, *возле* делает текст логически несвязанным.

(Подобная функция неодушевленного X-а была отмечена только при глаголах, указывающих на излучение света.)

3. Словосочетания, связанные с представлением о том, что X занимает «рабочую позицию», часто приобретают устойчивость, и представление о «физическом пространстве» может при этом затушевываться (*у телефона*). Часто такие устойчивые сочетания начинают употребляться переносно (*у руля*; *у штурвала*).

4. В условиях, в которых информация о пространственном положении X-а, соединяется с представлением о выполнении им того или иного действия, направленного на Y или связанного с его использованием, несколько меняется характер противопоставленности *у*, *около*, *возле*. В первом значении, как указывалось выше, *у* отличается от *около* и *возле* прежде всего (но не только) по размеру области R: *у* показывает, что R составляет самую ближайшую к Y-у часть пространства. Напротив, *около* и *возле* допускают больший размер этой области (см. дальше в разделе об этих предлогах). Однако они не показывают, в какой части R находится X. Поэтому нахождение X-а в самой ближайшей части R не исключается. В контекстах же, связанных с агентивной функцией, употребление предлогов *около* и *возле* для описания такой позиции либо вообще признается неправильным, либо во всяком случае предпочтение отдается предлогу *у*³. Так, можно сказать:

(17) *Весь день я простоял у станка и очень устал.*

Но нельзя:

(18) **Весь день я простоял около (возле) станка*

(это предложение было бы правильно только в том случае, если бы станок был только пространственным ориентиром, а не «участником» события).

В примере (17) допустима также подстановка *предиката работать*, хотя чаще при этом предикате употребляются другие предлоги (*на*, *за*).

Итак, предлог *у* может указывать на «актантную область X-а», т. е. вносит представление о таком примыкающем к Y-у пространстве, в котором задана «рабочая позиция», предопределенная использованием Y-а (в качестве пред-

В текстах встретился один пример употребления *около* в рассматриваемых типах контекстов.

мета оборудования или локуса объекта действия). При этом X находится в ближайшей к Y-у части пространства R (на расстоянии приблизительно равном протянутой руке).

Если X соответствует множеству людей, образующих некое единство (очередь, толпа), достаточно, чтобы первая часть X-а находилась в ближайшей к Y-у части R. Указание на «актантную область» может наслаиваться на информацию о «геометрической области». Однако соединение этих значений не всегда имеет место, что и позволяет рассматривать «актантную область Y-а» в качестве особого значения предлога у.

Значение «актантной области» отличается от значения «актантной позиции», на которую указывает, например, предлог за. Для некоторых условий употребления предлога у оказывается важным положение X-а не только по отношению к Y-у, но и к потенциальному наблюдателю.

2.1.3. Третье значение предлога у — «психофизическая или психосоциальная» среда (уз)

В лингвистической литературе уже неоднократно отмечалось, что одни и те же объекты могут быть представлены по-разному: так, человек может быть увиден прежде всего как телесная или, напротив, как духовная сущность. Возможность разного представления объекта существенна и для реализации разных значений предлога у. Так, Y может быть интерпретирован как геометрическое тело, имеющее определенную форму, поверхности, границы (печка, фонтан, дерево, дом и т. д.— это определенные геометрические тела). Наряду с этим подобные объекты могут быть увиденны как в первую очередь источники тепла, света, влаги, запахов или как функциональные объекты, задающие вокруг себя определенную обстановку, конвенциональную деятельность, тип времяпрепровождения (например, рождественская елка, костер в туристических походах и т. д.). Такое «видение» объекта можно связать с понятием нереферентности. Как известно, это понятие трактуется не совсем одинаково разными исследователями (см. [НЗЛ, т. XIII, 1982]). Мы под нереферентным понимаем такое употребление, когда языковой знак соотнесен с абстрагированным денотатом, т. е. с некоторым конструктом. Среди разных форм абстрагирования в рассматриваемых здесь случаях важно отвлечение от значительной части «геометрических» характеристик индивидуального объекта и представление его прежде всего как носителя того набора свойств, которые традиционно связываются с объектами данного типа или с данным индивидуальным объектом и влияют на создание качественных характеристик окружающей среды. Такое понимание нереферентного употребления, как мы полагаем, близко или, возможно, совпадает с его толкованием К. Доннеланом [1982]. Так, в анализируемом

К. Доннеланом предложении *Убийца Смита сумасшедший* денотатом именной группы *убийца Смита* может быть конкретное лицо (например, тот, кого знает говорящий), а может быть некоторая абстракция, соотношенная с тем конкретным лицом, которое совершило преступление, но не тождественная ему, а представляющая собой некий конструкт, создаваемый лишь через его отношение к событию убийства: «тот, кто убил».

Заметим, что нет резкой границы между референтным и нереферентным употреблением: существует много промежуточных случаев (см. ниже). Как будет видно из дальнейшего изложения, понятие нереферентного употребления чрезвычайно важно для понимания условий реализации третьего значения предлога *у*⁴. Сформулируем это значение: *у*₃ указывает на ту среду, которая формируется *У*-ом *В* непосредственно примыкающем к нему пространстве и определяется либо каким-то типом излучения, исходящего от *У*-а (светового, теплового), либо идущим от *У*-а потоком вещества (запахи, влага), либо функциональной предназначенностью *У*-а, что в свою очередь задает конвенциональное поведение в примыкающем к нему пространстве. Понятие «среды» здесь мы связываем не только с физическими характеристиками (теплота, влага), но и с потенциальным восприятием попадающего в эту среду человека. Таким образом, имеется в виду нахождение в определенной психофизической или психосоциальной среде, что в свою очередь предполагает создание определенного психического настроения (например, ощущение уюта).

Представление об особой среде, возникающей вокруг *У*-а, в русском языке обычно связывается либо с водными «пространствами», либо с объектами других типов, которые также являются источниками излучения тепла, света и т. п., либо с локусами, имеющими четко определенные функции (*у министерства, у театра, у музея; у парадного подъезда* и т. д.), либо с объектами, устойчиво связанными с поэтическими ассоциациями (*у фонтана; у римских развалин* и т. д.).

Видение подобных объектов как формирующих вокруг себя определенную среду в свою очередь наиболее четко выступает при их нереферентном представлении в том смысле, как это понятие было истолковано выше. Нереферентное употребление характерно, в частности, для заглавий, названий отдельных сцен. Например: *У озера; У парадного подъезда; У рояля* (название передачи); *Сцена у фонтана*. Имена *озеро, фонтан* и т. д. воспринимаются здесь как обозначения некоторого типизированного денотата, за которым может стоять и отдельный конкретный объект, абстрагированный от своей «вещности» и выступающий как воплощение определенного набора свойств, характерных

⁴ Нереферентное употребление довольно характерно и для второго значения предлога *у*, но не имеет существенной значимости для его выделения. Поэтому в разделе 2.1.2 мы не акцентировали внимания на случаях нереферентного употребления.

для данного класса объектов. Такое видение денотата имени в свою очередь связывается с типизированным представлением о характере окружающей его среды и/или о характере жизнедеятельности, протекающей в ней. Например, *У парадного подъезда* (название стихотворения Некрасова) задает представление об особой психосоциальной среде, которая определяется отношениями между обитателями дома и приходящими туда просителями, принадлежащими к иной социальной группе. Таким образом, нереперентное употребление имени семантически согласуется с третьим значением предлога *у* и препятствует реализации первого значения.

Заметим, что в заглавии могут употребляться и имена собственные: *У Волги*; *У Оки*; *У Черного моря*. В этих случаях имена собственные выступают прежде всего не как пространственные ориентиры, а как носители определенных качественных характеристик, которые и определяют свойства окружающей их среды.

Способность создавать психологическую среду не приписывается объектам любых типов. В частности, она обычно не ассоциируется с населенными пунктами, городами. Поэтому нельзя сказать: **У Москвы*; **У Петербурга*; **У Волгограда*⁵.

Нереперентное употребление имени при предлоге *у* характерно не только для заглавий. Например:

- (1) *Я тебя увезу на край света, будем жить у моря, солнца, путешествовать* (Б. Зайцев).
- (2) *Зимними холодными вечерами они сидели у камина, читали или разговаривали.*
- (3) *Они проводят вечера у телевизора*⁶.

Однако сама функциональная предназначенность заглавия создает предпосылку для значения *уз*, что расширяет его реализацию в этом типе текста.

Так, как указывалось выше, даже при именах собственных, денотаты которых обычно не ассоциируются с созданием какой-то особой среды, названия типа *У Волги*; *У Оки* способствует такому восприятию. В текстах других типов денотаты имен собственных обычно не интерпретируются подобным образом.

⁵ Мы говорим «обычно», так как в контексте какого-то художественного или публицистического произведения может быть создана предпосылка для такого осмысления. Более вероятна реализация такой возможности по отношению к маленькому городу, селению.

⁶ Интересно отметить, что сочетание *у радио* не употребляется (*По вечерам я слушаю радио*, а не: **Я провожу вечера у радио*). Это можно объяснить тем, что радио не ассоциируется с представлением об особой среде: здесь нет полутемного пространства со светом, идущим в основном от *У*-а, который становится центром этого пространства.

Это приводит, с одной стороны, к возможности другой интерпретации предлога *у* (о чем уже частично говорилось выше: *Я живу у самой Волги*), а с другой стороны, к замене этого предлога на другой:

(4) *Я люблю отдыхать на Волге* (а не: *у Волги*).

Но если *У* устойчиво ассоциируется с особой средой (например, связывается с представлением о курортной зоне), то употребление предлога *у* в третьем значении становится возможным.

(5) *Я люблю отдыхать у Черного моря*.

Однако выбор предлога *на* и здесь более стандартен:

(6) *Я люблю отдыхать на Черном море*.

Имена нарицательные свободнее употребляются для представления своего денотата, прежде всего не как пространственного ориентира, а как объекта, ассоциируемого с особой средой, формируемой вокруг него. Представление об особых качественных характеристиках среды может преобразовываться в представления об особых качественных характеристиках объектов, находящихся в этой среде. Например: *Город уморя* (название радиопередачи).

(7) *Оказалось, что он жил с матерью в подмосковной деревне у канала (Солженицын)*.

(8) *Они жили в деревне у большой северной реки*.

В этих контекстах положение деревни у канала, северной реки связывается со своеобразием самой деревни, а также, возможно, и с укладом жизни в ней.

В тех контекстах, в которых слова типа *река*, *озеро* и т. п. обозначают какую-то их небольшую конкретную часть (ситуация связана с наблюдаемым пространством), третье значение предлога *у* реализуется, если сам текст дает некоторое поэтизированное описание, с которым и согласуется третье значение. Например:

(9) *Яблочный сад тянулся за ним, но казалось, что тут же рядом, среди этих же мест идут прежние тени, бывшие люди, все как бы и отошедшее, но живое. И он сам тут проходит — иным шагом, с иной душой, но все же он, студент Петя Ковалев; там, у пруда, внизу встретит он свою даму (Б. Зайцев)*.

(10) *На другой день утром мы похоронили ее за крепостью, у реки, возле того места, где она в последний раз сидела (Лермонтов)*.

В подобных контекстах могут употребляться и имена собственные:

(11) *Ее похоронили у Оки, возле того места, где она сидела в последний раз.*

Напомним, что при описании конкретного «куска» пространства, примыкающего к реке, озеру и т. д., предлог *у* в первом значении используется обычно, когда нужно подчеркнуть нахождение в самой ближайшей к *У*-у части (см. об этом выше — *у самой воды; у самой Волги* и т. д.). В других случаях чаще используется предлог *около*, что будет рассмотрено ниже. Здесь же приведем только один пример:

(12) *Около пруда он сел. Луга шли впереди, со стогами кой-где; мельница невысоко поднималась над ними* (Б. Зайцев).

Поэтическое, лирическое описание — регулярное условие, создающее предпосылку для реализации значения *у*₃. Иногда при этом в функции *X*-а выступает «невещественный» объект — запахи, звуки. Например:

(13) *Влагой и весенней прелостью пахло у ручейка* (Б. Зайцев).

(14) *Они садились на пригорке над водою тихого и темного канала, недалеко от запруды, у полуразвалившейся стены монастыря св. Редегонды, и беседовали подолгу* (Мережковский).

Очень часто в роли *У*-а при реализации значения *у*₃ выступают объекты, с которыми связано конвенциональное времяпрепровождение, иногда принимающее ритуальный характер. Это такие сочетания, как *у елки* (если имеется в виду рождественская елка), *у костра* (в контекстах, в которых речь идет о традиционном времяпрепровождении, например, в туристическом походе); *у самовара* (с самоваром ассоциируется особый ритуал чаепития); *у телевизора*.

(15) *Три месяца, еще с зимы, проработали они далеко в болотах в партии, потом сроки их кончились, они собрались быстро, выпили накануне у костра, спели свои песни — и пошли* (Ю. Казаков).

(16) *Шесть человек в плотных синих комбинезонах парашютистов встали у елки и, склонив головы, строго слушали, как один из них, бойкий Макс Адам, читал протестантскую рождественскую молитву (Солженицын)* (в данном контексте в функции рождественской елки выступают еловые ветки).

(17) *У самовара я и моя Маша* (слова песни).

Отметим, что среди предметов, используемых во время еды, только самовар ассоциируется с созданием особой атмосферы уюта, тепла.

Значение *у*₃ не реализуется при любом *У*-е, выступающем в качестве источника излучения. Так, если из контекста следует, что *У* очевидно используется как «предмет оборудования» (мы употребляем это выражение в широком

смысле) при осуществлении X-ом некоторого действия, то реализуется значение y_2 . Например:

(18) *Потом она достала книжку, села у лампы, подождала около часу и, наконец, сама легла в постель* (Тургенев).

Значение y_3 не всегда четко отделимо от значения y_1 . Есть контексты, которые допускают разную интерпретацию. Например:

(19) *Припомнилось даже, как нанимали этот таксомотор у «Метрополя», был еще при этом какой-то актер не актер ...с патефоном в чемоданчике* (Булгаков).

В зависимости от более широкого контекста приведенный текст может быть понят просто как сообщение о том, что таксомотор был взят в пространстве, прилежащем к «Метрополю» и как бы относящемся к нему (y_1), и как сообщение о том, что событие происходило в той особой обстановке, атмосфере, которая создается «Метрополем». В общем контексте отрезка, связанного с булгаковским Степой Лиходеевым, который, несколько протрезвев, пытается вспомнить вчерашние события, естественнее приписать y_1 первое значение. Напротив, в лирических воспоминаниях о прошлом в подобном контексте могло бы реализоваться и третье значение. См. также:

(20) *Там, у дома, Никаша, наверно, играет в мяч* (Б. Зайцев).

Приведенное предложение употреблено в контексте, в котором описывается страшный сон героя рассказа: ему снится, что поезд мчится прямо на его дом. В рамках этого контекста могут реализоваться одновременно и первое и третье значение предлога y : с одной стороны, событие 'играть' связано с конкретным «геометрическим» пространством, в котором оно происходит; с другой стороны, здесь дом выступает не просто как физический объект, но и как функциональная единица (возможно, функционально-духовная), предопределяющая некоторые формы жизнедеятельности вокруг себя (в частности, прогулки, игры детей) и в то же время как бы создающая зону безопасности, защищенности. Возможность такой интерпретации допускает реализацию в этом контексте и значения y_3 . Ср. также:

(21) *Но хотя Иннокентий был безусловно идеен, и гуманен, и предан, и целеустремлен..., а сидя на низкой скамеечке у этих шкафов, он почувствовал как наступает что-то из нехватавшего ему* (Солженицын).

Здесь Y (шкафы), с одной стороны, выступает как определенный «геометрический» объект, формирующий примыкающее к нему геометрическое про-

странство, а с другой—как хранитель нематериальных ценностей, создающих особую духовную атмосферу.

Существование таких контекстов не противоречит вообще полисемантичности и особенно естественно в рассматриваемых случаях: значение y_3 вырастает из контекстных вариантов.

В пользу оправданности выделения особого значения y_3 говорит, прежде всего, следующее: y_3 составляет информация не просто о тепловом или каком-то ином воздействии Y -а на R , а сообщает о создании особой психофизической или психосоциальной среды⁷. Данная информация не вносится контекстом, что особенно четко осознается при употреблении предлога y в заглавиях. Здесь нет контекста, который бы мог дублировать информацию y_3 . В этих условиях замена предлога y на *около* и *возле* либо вообще невозможна, либо, во всяком случае, резко меняет смысл. Ср. *Сцена у фонтана*—**Сцена около (возле) фонтана*; *У озера* (название фильма) — **Около (возле) озера*.

Далее, в отличие от двух первых значений в y_3 не входит информация о ближайшей части области R : y_3 указывает на всю ту область, которая связывается с формируемой психофизической или психосоциальной средой.

О том, что информация о создании особой среды обособляется в отдельное значение, говорит также ее реализация в окказиональных условиях.

Объект, который обычно не рассматривается как создающий вокруг себя психофизическую среду, но встречается в условиях, которые ассоциируются с какой-то определенной обстановкой, может стать символом этой обстановки, среды, если в примыкающем к нему пространстве помещается объект, связанный с прямо противоположной областью использования.

(22) *Вынул я из кармана тяжелую набитую алюминиевую капсулу, чуть побольше пингпонговского мяча,— приоткрыл, показал им скрутки — положил на чайный столик, у печенья, у варенья (Солженицын) (*около печенья, *около варенья).*

Речь здесь идет о пленках с записанными на них произведениями А. И. Солженицына, которые нужно было переправить за границу. Выбор предлога y способствует ощущению драматической противопоставленности Y -а как чего-то мирного, домашнего тому страшному, опасному, что было связано с X -ом.

Об обособлении рассматриваемой информации говорит и создание устойчивых сочетаний (например: *У самовара*).

⁷ Как будет отмечено при описании *около* и *возле*, их употребление возможно в контекстах, в которых содержится информация о том, что X оказывается под воздействием теплового или какого-то другого излучения, но здесь речь идет о прямом воздействии Y -а, а не о создании среды (*Солдаты грелись около костра*).

В заключение подчеркнем, что при реализации значения u_3 пространство нахождения X -а полностью подводится под понятие «области» Y -а— R : Y формирует качественные характеристики R и нет грани, отделяющей создаваемую в R среду от Y -а (например, тепловой поток, идущий от Y -а, принадлежит одновременно и Y -у и R).

При описании условий реализации значений u важно учитывать второй уровень семантического описания, т. е. возможные «произвольные» ограничения в восприятии Y -а как создающего или не создающего особую психофизическую или психосоциальную среду (ср. *у самовара*, но **у чайника*; *у телевизора*, но **у радио*).

Важно также учитывать возможность создания окказиональных употреблений.

2.1.4. Четвертое значение предлога u — Укак элемент множества (u_4)

Еще одно значение предлога u связано с представлением Y -а как элемента множества. При его реализации почти не учитываются форма Y -а (сохраняется только необходимость принимать во внимание некоторую соразмерность X -а и Y -а по величине—см. ниже), его качественные характеристики (например, способность служить источником излучения), его способность задавать актантные позиции в примыкающем к нему пространстве. Y -у при данном значении соответствуют разнообразные типы объектов, в том числе такие крупные, как города, реки.

Могут существовать разные предпосылки для рассмотрения Y -а как элемента множества. Объединение в множество может определяться вовлеченностью ряда объектов в некоторую более широкую ситуацию, лишь частью которой служит описываемое событие. Так, танковый прорыв, сражение, имеющие место около какого-то населенного пункта, могут быть «увидены» как реализация одной из военных операций, осуществляемых в рамках общего наступления. Это способствует представлению Y -а как элемента множества населенных пунктов, расположенных по линии фронта. Например:

(1) *Танки прорвались у города Клин.*

(2) *Решающее сражение произошло у города Клин.*

Ср.:

(3)' *Танки прорвались у нашей деревни.*

Выбор местоимения *наши* показывает, что описание ведется либо человеком, находящимся в деревне, и в этом случае было бы естественно употребить предложения типа: *Около нашей деревни—танки* или *К нашей деревне*

прорвались танки, либо жителем этой деревни, находящимся вне ее. Однако даже в этом последнем случае рассмотрение Y-а как одного из элементов множества было бы психологически неестественно, что и объясняет ненормативность примера (3).

Следует подчеркнуть, что если объединение в множество идет скорее по линии X-ов, а не Y-ов, предлог *у* не употребляется.

(4) *Сражение под городом Клин было решающим* (а не: **у города Клин*).

X здесь выступает в качестве элемента множества 'сражение'. См. также (5):

(5) *5 сражении при Гастингсе англичане потерпели поражение* (а не: **у Гастингса*)⁸.

Есть также примеры, в которых допускается взаимозамена предлогов *у* и *под*. Например:

(6) *И под селом Вязовое атаковали отряд антоновцев — сабель в 250, ни одного пулемета, огонь их винтовочный* (Солженицын).

Выбор предлога *у* способствовал бы восприятию события, описанного в примере (6), как одного из этапов на пути перемещения эскадрона Жукова. Напротив, при выборе предлога *под* атака представлена скорее как исходная и конечная цель.

Предлог *у* может быть также выбран, когда описываемая ситуация является частью экономических преобразований.

(7) *Кирпичный завод был построен у деревни «Малые Вяземы»*.

Значимость рассмотрения Y-а как элемента множества видна из сопоставления примеров (1)—(3), (6) с примерами (8)—(9).

(8) **Он работал на кирпичном заводе у деревни «Малые Вяземы»*.

(9) **У нашего города обнаружили остатки древних поселений*.

Еще одну предпосылку для представления Y-а как элемента множества составляет следующее: пространство R служит одним из пунктов на пути движения, перемещения X-а. Это позволяет увидеть R Y-а на фоне предшествующих и/или последующих позиций на пути перемещения X-а. Данный случай можно проиллюстрировать примерами типа:

(10) *Колонна машин остановилась у села Покров*.

⁸ В данной работе не рассматриваются условия выбора предлогов *под*, *при*. По-видимому, при их выборе существенную роль играет «второй уровень» семантического описания. Отметим также возможность выбора прилагательных: *Бородинское сражение*.

- (11) *Мы разбили лагерь у деревни Татия.*
(12) *Их машина останавливалась на несколько минут у села Покров и затем двинулась в юго-западном направлении.*

Выбор предикатов *остановиться, разбить* (лагерь) способствует рассмотрению нахождения в R Y-а как этапа пути. Ср.:

- (13) *Наша машина испортилась у села Покров.*
(14) *Бензин кончился у села Покров.*
(15) *Мотор {в машине} вдруг заглох у села Покров.*

Ср.:

- (16) *Около села Покров наша машина вдруг испортилась.*

События типа 'испортиться' не являются в собственном смысле этапами движения (хотя они приводят к его по крайней мере временному прекращению). Некоторые информанты считали примеры типа (5)—(7) нормативными при постановке локатива в первую позицию. Это можно объяснить следующим: тематическая позиция, существенная для организации текста, способствует восприятию Y-а как одного из маркеров участков пути. См. (17):

- (17) *У села Покров — кончился бензин.*

Представление Y-а как элемента множества существенно потому, что позволяет увидеть Y просто как одну из точек (например, точку на карте). Такому восприятию способствует и характерное для рассматриваемых случаев добавление слов *город, деревня* при описании малоизвестных населенных пунктов. Данное представление позволяет отвлечься от реальных очертаний Y-а и снимает требование четкости границ, которое существенно при реализации первого значения у. При этом, однако, требование определенной соразмерности X-а и Y-а сохраняется.

Например, неестественно или не вполне естественно сказать:

- (18) *Их машина остановилась у города Клин, а затем двинулась дальше (*у города Харьков). Ср.:*
(19) *Большая танковая колонна стояла некоторое время у города Клин, а затем двинулась на юго-восток.*

Заметим, что представление R Y-а как части траектории движения X-а при описании пространств, доступных непосредственному наблюдению, не создает особого значения и составляет чисто контекстный вариант первого значения. Например:

- (20) *Ковалев вылез у крыльца с клеенчатой дверью и небольшим навесом (Б. Зайцев).*

Рассмотрим еще одно условие, позволяющее представить Y как пункт пути. Такое условие возникает при объектах типа дорога, река. Присущая им форма полосы, вытянутой на большое расстояние, предназначенность или возможность служить средством перемещения способствует их видению как существующих в форме «застывшего» движения. Отсюда: *Дорога идет на север; Дорога начинается {кончается, продолжается}; Река течет на северо-восток* (в последнем случае выбор глагола *течет* соответствует реальному положению дел). Такое восприятие X -а позволяет увидеть и Y как один из пунктов, мимо которых проходит X . Например:

(21) *У Самары Волга поворачивает на запад.*

Вместе с тем, поскольку в рассматриваемых случаях X в собственном смысле слова не перемещается, а просто разные его части примыкают к разным Y -ам, X здесь точнее представить в виде суммы X -ов и записать знаком ΣX ⁹. Этот знак обозначает сумму частей, образующих единство. К Y -у здесь примыкает только одна из частей ΣX . Ее можно обозначить знаком X .

При соотношении той или иной части ΣX с Y -ом могут употребляться не только предикаты типа *повернуть, изменить направление*, но предикаты, характеризующие свойства X -а. Например:

(22) *У Нижнего Новгорода Волга достаточно широка.*

Семантическую структуру примера (22), вероятно, можно интерпретировать следующим образом: 'Волга в той своей части, которая примыкает к Нижнему Новгороду, широкая'. X соответствует здесь той части ΣX , которая находится у Y -а.

⁹ Заметим, что знак Σ указывает не на простое суммирование, а на определенное взаимодействие соединяемых частей. Вследствие этого в лингвистике он мог бы соответствовать такому соединению частей, при котором они занимают соответствующие места в структуре целого, т. е., таким образом, не разрушается единство целого. Данному разбиению можно противопоставить другое, при котором объект представлен или был бы в разобранном виде. Например, при описании посессивно-экзистенциальных отношений оказывается важным не прямо связывать «посессора» и принадлежащий ему объект, а вводить некоторое промежуточное звено — различные типы пространств, в частности, множеств, которые находятся в том или ином посессивном отношении с посессором. Вводимый при этом основной объект оказывается связанным с посессором не прямо, а через вхождение в соответствующее ему множество. Например: *У слона есть хобот*, т. е. в множестве частей тела Y -а есть X [Селиверстова 1973; 1983]. Если предлагаемая интерпретация верна, то наряду с объектом может отдельно вводиться множество частей его тела. Заметим, что такое представление характерно не только для языка. Т. Н. Свешникова обратила внимание автора на то, что оно отражено и в церковной живописи, и в некоторых формах народных поверий.

В примерах типа (22) исчезает представление о расположении ΣX как о «застывшем» движении. Это свидетельствует о том, что для выбора предлога у существен не сам по себе данный образ, а лишь включенность Y -а в множество.

Эта характеристика Y -а сохраняется и в тех случаях, когда ΣX соответствует отдельной пространственной области, имеющей форму, близкую к кругу, квадрату или прямоугольнику. Например:

(23) *Двор у сарая зарос крапивой.*

(24) *Озеро у берегов заросло водорослями.*

Особенность примеров (23), (24) по сравнению с рассмотренными выше заключается также в относительно маленьком размере общего пространства и в соответствии Y -а тем требованиям, при которых может реализоваться значение y . Поэтому в данных примерах одновременно реализуются значения $y_1 + y_4$.

Предлог у может употребляться и при описании объектов, вытянутых по вертикали. К ним относятся предметы одежды, отдельные части которых располагаются вдоль тела человека; волосы, борода.

(25) *Платье у бедер слегка расширяется.*

(26) *Борода у губ слегка курчавится.*

(27) *Платье у ворота скреплено булавкой.*

(28) *Иван оборвал пуговицы с кальсон там, где те застегивались у щиколотки...* (Булгаков).

Ср.:

(29) *Волосы у затылка собраны в пучок.*

(30) **Брюки у пояса (у бедер) мне узки.*

Колебания в оценке отмеченности примера (29) можно объяснить тем, что «собранность в пучок» не воспринимается вне каких-то дополнительных указаний как характеристика одного из «этапов» протяженности X -а в пространстве. Подобное предложение становится нормативным, если вводится продолжение типа: *а затем опускаются легкими прядями на плечи*. В предложении (30) введение экспериенцера исключает восприятие ΣX -а под углом зрения расположения его частей вдоль тела человека.

Представление о протяженности функциональной единицы ΣX , соответствующей тому или иному виду одежды, не всегда связывается именно с вертикальной осью (вдоль тела человека). ΣX может располагаться и по окружности вокруг какой-то части тела человека. Например:

(31) *Ее трясло. Она стягивала рукой ворот у горла, думала, полегчает, но не легало* (Ю. Казаков).

Различные части ΣX -а здесь также располагаются у разных Y -ов (у затылка, у плеч).

К числу объектов, вытянутых по вертикали, относятся также деревья, столбы, колонны, башни, дома и т. п. Они также могут быть представлены как сумма частей, их образующих, — ΣX . Особенность связанных с ними ситуаций заключается в том, что подобные объекты не располагаются вдоль какого-то другого объекта или по какому-то другому объекту. Это приводит к тому, что в качестве Y -а здесь выступает та или иная часть самого объекта ΣX . В функции же «собственно» X -а выступает событие $E_{\Sigma X}$, которое хотя и имеет место в какой-то части ΣX , затрагивает ΣX в целом (заметим, что примеры, соответствующие рассматриваемому случаю, отмечены в ССРЛЯ, но характер значения при этом не раскрыт).

(32) *Дерево у корней заросло мхом.*

(33) *Дерево было срублено у самых корней.*

(34) *Дом у фундамента выложен красным кирпичом.*

Пример (32) можно интерпретировать так: 'дерево в той его части, которая находится над корнями, заросло мхом'. Отметим, что в подобных случаях не употребляются предлоги, описывающие расположение по вертикали. Так, нельзя сказать:

(35) **Дерево над корнями было срублено.*

Предложение (36) имеет несколько более высокую степень допустимости, но также ненормативно:

(36) *Дерево над корнями заросло мхом.*

Важно также подчеркнуть, что предлог *у* указывает на часть ΣX , расположенную именно над Y -ом, а не под Y -ом. Поэтому нельзя сказать: *Гора у вершины заросла соснами, была безлесной.*

Итак, четвертое значение составляет информация о том, что X расположен в «области» такого Y -а, который является элементом множества, объединенного по следующим основаниям:

1) представление X -а, соответствующего событию, как части более крупного события, реализация которого связана с разными пространственными точками; это делает Y одной из точек реализации общего события;

2) представление Y -а как одной из точек маршрута X -а;

3) представление Y -а как одной из точек, с которыми соотнесено пространственное положение разных частей вытянутого тела;

4) представление Y -а как той части вертикального объекта, в области которой локализовано какое-то событие, затрагивающее весь объект.

2.1.5. Пятое значение предлога у—X и Y как элементы одного комплекса (y₃)

Предлог у может также употребляться в тех контекстах, в которых X, находящийся в примыкающем к Y-у пространстве R, является составной частью некоторого комплекса, центральным элементом которого является Y. При этом X и Y могут быть объединены общей функциональной предназначенностью. В таких контекстах X часто расположен на вертикальной плоскости, причем обычно — скорее выше Y-а, а не сбоку от него. Например:

(1) *У кассы горит одна лампочка, и снег на платформе блестит, как соль* (Ю. Казаков).

(2) *У кровати висели фотографии ее родителей.*

В обоих примерах X скорее расположен над Y-ом. Выбор предлога у способствует восприятию X-а как элемента либо конвенционально находящегося в R данного Y-а (над кассой пригородной платформы обычно висит лампочка, освещающая ее), либо характерного для данного Y-а (или для человека, которому принадлежит Y): *фотографии у постели, образ {икона} у постели*. Здесь важно не конкретное расположение X-а и Y-а, а их внутренняя связь. X и Y образуют ту материально-духовную среду, в которой происходит какая-то часть жизни Z (т. е. «владельца» X-а и Y-а).

При Y-е, относящемся к классу «здания», X может представлять собой отдельную часть общего архитектурного комплекса. Например:

(3) *Они встречались в сквере у Большого театра.*

(4) *Герцог у то же приснился странный сон: будто бы гуляет он по зеленой лужайке у фонтана в Парадизо и видит — вдалеке, в одинаковых белых одеждах три женщины сидят, обнявшись, как сестры...* (Мережковский).

{5} *Я это знал в тот же день уже, через час, когда мы оказались, не замечая города, у Кремлевской стены на набережной* (Булгаков)¹⁰.

¹⁰ Словосочетания типа *сквер у Большого театра* рассматривались в ряде работ, например, [Молошная 1975: 69]. В этих работах устанавливались разные семантические связи между членами словосочетания. Важен также вопрос о том, выполняет ли локатив с предлогом у определительную функцию по отношению к первому локативу или выступает в качестве независимого отдельного локатива, непосредственно относящегося к событию. В пользу определительной функции говорит, в частности, то, что при опущении первого локатива представление о величине пространства, вводимого в рассмотрение вторым локативом, *меняется*: *Они встречались у Большого театра* скорее показывает, что встречи имели место гораздо ближе к входу в Большой театр (у колонны, на ступеньках и т. п.), что соответствовало бы первому значению,

Восприятие X-а как чего-то типичного, характерного для Y-а и в какой-то степени обусловленного Y-ом, может переплетаться с представлением Y-а как одного из элементов множества. Среди встретившихся примеров к рассматриваемому случаю относились высказывания, в которых Y составляет ту или иную часть лица. Сочетания *морщинки у губ*, *морщинки у глаз* оценивались всеми опрошенными (10 человек) не только как нормативные, но и как устойчивые. См.:

(6) *Морщины у глаз не старили его.*

(7) *Горькая складка обозначилась у губ гостя* (Булгаков).

«Принадлежность» X-а Y-у может определяться также распределением ΣX по разным центрам. Например:

(8) *Кожа у виска была желтой.*

Приведем аргументы в пользу того, что рассмотренные случаи употребления можно выделить в особое значение.

Во-первых, если X и Y трудно представить себе как образующие единство, связанное функционально или создающее некоторую материально-духовную среду, то предлог *у* не употребляется. Например, в отличие от примера (2) в контексте примера (8) все опрошенные (9 человек) выбирали предлог *над*.

(8) *Над столом висели фотографии {висела картина} (*у стола висели фотографии, у стола висела картина).*

Предпочтение также отдается выбору предлога *около*, а не *у* в контексте примера (9). Ср. (3).

(9) *Они встречались в сквере около его завода (в сквере у его завода).*

Во-вторых, характерным для данных условий является употребление предложного сочетания *у* Y-а в определительной функции (*складка у носа*, *морщинки у губ*; *звонок у входной двери*, *сторожка у ворот* и т. д.). Такое употребление способствует сращиванию X-а и Y-а.

В-третьих, общим усилением непространственных элементов (под словом *пространство* здесь понимается физическое пространство) в семантике предлога *у* в рассматриваемых условиях можно также объяснить то, что иногда он понимается в собственно посессивном значении. Такое понимание возникает в тех случаях, когда X по своему характеру мог бы быть собственностью Y-а

предлога *у*. Подобным же образом можно интерпретировать и пример (4). Менее очевиден выбор интерпретации примера (5).

или его частью. Поскольку собственно посессивная интерпретация не соответствует здесь смыслу контекста, предложение становится бессмысленным. Например:

(10) **В лесу у нашей деревни много грибов.*

Этот пример, по-видимому, понимается по типу таких предложений, как:

(11) *В лесу у нас много грибов.*

Здесь денотат второго локатива (*в лесу*) воспринимается как находящийся в посессивном отношении к Y-у, и отмеченная его особенность (наличие грибов) представлена как имеющая отношение к Y-у, т. е. Y может этим пользоваться.

Для снятия такой интерпретации, которая бессмысленна по отношению к примеру (10), здесь употребляется предлог *около*.

(12) *В лесу около нашей деревни много грибов*¹¹.

См. также:

(13) *Около носа была большая бородавка (*у носа была большая бородавка).*

Выбор предлога *у* вызывает ассоциации с предложениями типа *У него была большая бородавка.*

(14) *От лба, свободно развернутого от уха куху, лицо косыми линиями сужалось и смягчалось к небольшому нежному рту. Около рта было много мягкости, даже беспомощности (Солженицын) (*у рта).*

Выбор предлога *у* также позволил бы интерпретировать X {много мягкости} как характеристику самого рта.

Итак, в семантике предлога *у* выделяется особое значение, при котором X и Y представлены как элементы одного комплекса. Это значение не вполне монолитно, так как типы связей, образующих комплекс, определяются характером X-а и Y-а.

Проведенный анализ показал, что во всех условиях употребления «пространственного» *у* (точнее модели: «X у Y-а») сохраняется инвариантная часть («ядро»), которую составляет следующая информация: X находится в «области» Y-а (R), причем R примыкает к Y-у с одной стороны (во всяком случае не окружает Y со всех сторон).

Эта информация не исчерпывает вклада предлога *у* в разные типы контекста. Информация, дополняющая инвариантную часть в разных условиях употреб-

Заметим, что предлог *около* может служить показателем посессивных отношений между X-ом и Y-ом, но в контекстах другого типа (см. раздел 2.3.2.3).

ления, не всегда совпадает, что позволяет говорить о полисемантической «пространственного» *у*. Было выделено пять значений, в основе которых лежит, прежде всего, преобразование «области» нахождения *X*-а.

Первое значение связано с понятием «геометрической области», т. е. таким непосредственно примыкающим к *Y*-у пространством, которое имеет с *Y*-ом общую сторону (горизонтальная сторона *Y*-а, к которой примыкает *R*, является одновременно стороной *R*); протяженность *R* вонне от *Y*-а приблизительно соответствует размеру общей стороны; если *Y* имеет вертикальный размер, то его вертикальная плоскость также участвует в формировании *R*, что придает *R* объемность. Таким образом, при реализации первого значения *Y* представлен как создающий очертания *R* через свое частичное «вхождение» в *R*. Это значение реализуется только в изобразительном стиле речи и связано с особым типом пространства *S*, которому принадлежат *X*, *Y* и *R*; размеры *S* должны быть в пределах окоема человека. Важна также функция *Y*-а в *S*, а именно *Y* должен выполнять роль конструктивного элемента (КЭ) *S*, т. е. формировать его внутреннюю структуру (например, создавать впадины, выпуклости или задавать границы *S*). В данное значение входит также информация о той части *R*, которая вводится в рассмотрение — это самая ближайшая к *Y*-у часть. Поэтому если область *R* небольшая, предлог *у* показывает, что *X* соприкасается или почти соприкасается с *Y*-ОМ.

Второе значение строится на понятии «актантной» области, т. е. такого непосредственно примыкающего к *Y*-у пространства, в котором *Y* в соответствии со своей функциональной предназначенностью задает позицию агенса действия («рабочая позиция»), которая связана с той или иной формой использования *Y*-а (*Y* может быть предметом оборудования в собственном или широком смысле этого слова, локусом объекта действия). Второе значение часто просто накладывается на первое, но оно может от него обособляться. Это проявляется прежде всего в том, что при реализации u_2 геометрические параметры *Y*-а часто почти совершенно не учитываются. Меняется характер противопоставленности предлога *у* словам *возле*, *около*: различие определяется не только и не всегда по размерам того пространства, которое служит местом нахождения *X*-а, но и по типу действия (см. об этом подробнее разделы 2.2 и 2.3). Далее, представление о нахождении в «рабочей позиции» лежит в основе образования некоторых устойчивых выражений, часто используемых метафорически (*у руля*, *у штурвала*). Значимость понятия «рабочей позиции» в семантике предлога *у* проявляется также в окказиональных употреблениях, строящихся на этом понятии. Все это заставляет считать информацию, указывающую на «актантную область», не контекстным вариантом *у*, а особым значением.

Третье значение предлога *у* (u_3) вводит представление о психофизической и/или психосоциальной функциональной среде, формируемой в при-

мыкающем к Y -у пространстве. В контекстах, в которых указание на такую среду имеет существенную коммуникативную значимость, предлог $у$ не может быть заменен другими предлогами (*сцена у фонтана* — *около, возле).

В первых значениях «пространственного» $у$ предполагается созидательная роль Y -а — Y формирует те или иные свойства примыкающего к нему пространства R . Созидательная роль здесь не связана с приложением усилий со стороны Y -а: он оказывает воздействие на R просто в силу своих свойств — потому что является источником излучения, потому что он предназначен для использования в той или иной деятельности и т. д. При реализации четвертого значения предлог $у$ представляет Y как элемент некоторого множества. Установлено четыре типа таких множеств (например, Y может представлять собой одну из точек, мимо которых проходит маршрут X -а или одну из точек, с которыми соотнесено пространственное положение разных частей вытянутого объекта). В четвертом значении предлог $у$ может относиться к названиям городов, рек, что не допускается при остальных значениях этого предлога, за исключением особых случаев употребления $у_3$, (*город у моря*). Предлог $у$ может употребляться также в тех контекстах, в которых Y является фактически частью ΣX -а (т. е. того объекта, частью которого является X), что не допускается при других значениях. Для $у_4$ характерно также употребление в контекстах, описывающих расположение объектов в вертикальной, а не только горизонтальной плоскости. При других значениях предполагается расположение X -а и Y -а в горизонтальной плоскости.

Пятое значение представляет X как объект, расположенный в «области» Y -а и составляющий вместе с ним единый комплекс. Отмечены три основных типа таких комплексов.

Семантика «пространственного» $у$ не полностью предсказывает условия его употребления. Довольно важную роль в употреблении предлога $у$ играют и те явления, которые мы отнесли ко второму уровню семантического описания. Эти явления предопределяются конвенциональным выбором представления ситуации при допустимости — под углом зрения объективных свойств ситуации — и другого ее осмысления. Например, среди объектов, используемых во время принятия пищи, только самовар связывается со способностью создавать особую психофизическую и психосоциальную среду, предполагающую и особую значимость ритуала чаепития, и определяемый этим особый душевный настрой ($у_3$): Теоретически и многие другие объекты могли бы связываться с подобными представлениями.

Сопоставим теперь «пространственное» и «посессивное» $у$. Как уже отмечалось в начале данной главы, в исследованиях автора [Селиверстова 1973; 1983; 1990] доказывалось, что в семантику «посессивного» $у$ также входит понятие пространства, которое здесь чаще всего относится к классу мно-

жеств¹². Если предлагаемое в этих работах толкование справедливо, то можно утверждать, что все значения *у* имеют инвариантную часть: указание на вхождение *X*-а в пространство, связанное тем или иным посессивным отношением с *Y*-ОМ.

2.2. СЕМАНТИКА СЛОВА *ВОЗЛЕ*¹³

Основная трудность описания слова *возле* заключается в том, что в языковых кодах разных носителей языка семантический объем и употребление слов *возле* и *около* (по отношению друг к другу) существенно различаются. Так, некоторые из опрошенных утверждали, что употребляют только этот последний предлог, слово же *возле* знают лишь пассивно. Вместе с тем в речи других носителей языка слово *возле* встречается достаточно часто. Такой разброс наблюдается и в литературных текстах. Так, Л. Толстой почти не пользуется предлогом *возле*. В его произведениях встречаются предлоги *у*, *около*, *подле*, последний из которых практически выпал из современного русского языка. Напротив, в языке Лермонтова, Тургенева, Бунина предлоги *у* и *возле* имеют наибольшую частотность. В просмотренных текстах Лермонтова предлог *около* не был вообще обнаружен. Сходная ситуация наблюдается и в современном языке. Например, М. Булгаков и Ю. Казаков почти всегда выбирают предлоги *у* и *возле*. Исключительно часто предлог *возле* используется в газетных текстах, например в «Известиях». Таким образом, есть некоторая тенденция к вытеснению одного из «конкурирующих» слов другим. Однако есть и другая тенденция — к их дифференциации. Например, в текстах А. И. Солженицына встречаются оба предлога (*возле* и *около*), и семантика их явно разграничена.

Мы попытаемся выделить как те тенденции к разграничению слов *около* и *возле*, которые осознаются наиболее четко всеми или многими опрошенными, так и тенденции менее очевидные.¹⁴

¹² В математике понятие множества рассматривается как более широкое и используется для определения пространства. В системе тех наивных понятий, которые представлены в языке, пространство скорее выступает в качестве той центральной категории, лишь некоторый подвид которой составляют множества.

Слово *возле*, как и слово *около*, очень редко употребляется в функции наречий. Поэтому в дальнейшем для простоты мы будем называть их просто предлогами.

При неустойчивости места предлогов *возле* и *около* в семантической системе языка требуется гораздо более широкий опрос информантов, чем тот, который провели мы (всего, в разных типах эксперимента, участвовало около 20 человек). Широкий опрос и статистическая обработка результатов опроса и материала, собранного из литературы, позволили бы представить, насколько распространены те или иные указанные

В семантике слова *возле*, как и в семантике предлогов *у* и *около*, выделяются и такие случаи, когда X и Y связаны чисто пространственно, и такие случаи, когда на пространственные отношения наслаиваются другие, непространственные, информация о которых далеко не всегда вытекает из контекста.

Рассмотрим сначала, как представлены чисто пространственные отношения в семантике слова *возле*.

2.2.1. Первое значение слова *возле* — «геометрическая область» (*возле*₁)

Попытаемся показать, что слово *возле*, так же как и предлог *у*, может представлять «кусочек» пространства, примыкающий к Y -у как его «геометрическая область». Напомним, что под «областью» Y -а (см. раздел 2.1) понимается такая его «окрестность», которая находится с ним в тех или иных посессивных отношениях (в частности, Y может формировать свойства своей области и, таким образом, выступать в роли ее «создателя»). Для обозначения понятия «области» выше был введен символ R . Частным видом R является «геометрическая область». Мы определяем ее как такую его окрестность, очертания и границы которой определяются Y -ом, а именно — одна из внешних сторон Y -а является одновременно стороной пространства R , а протяженность R во вне от Y -а приблизительно равна линии пересечения Y -а с плоскостью опоры или с примыкающим к нему пространством. Если Y имеет четко выраженный вертикальный размер, то его «геометрическая область» формируется и вертикальной плоскостью Y -а, создавая при этом некоторую объемную нишу. Графически «геометрическую область» «вертикального» и плоского Y -а можно представить на рис. 1 и 2.

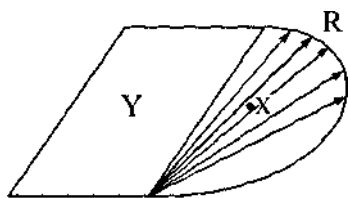

Рис. 1

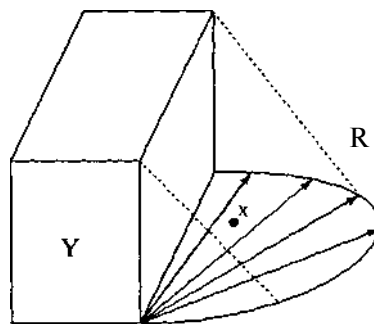

Рис. 2

R — «область» Y -а

нами тенденции. В данной работе мы ставили своей целью лишь установить их существование.

При описании «геометрической области» Y -а (раздел 2.1.1), было введено понятие «конструктивного элемента» (КЭ), которые характеризует роль Y -а в пространстве S (т. е. в пространстве, в которое входят X , Y , R , a , возможно, также и какие-то другие объекты). Напомним, что Y считается КЭ пространства S , если он воспринимается не просто как находящийся в S , а как часть S , формирующая его внутренние очертания (например, как бы создающая впадины, выпуклости) или определяющая его границы (см. подробнее раздел 2.1). Именно КЭ могут формировать свои «геометрические пространства», которые вместе с КЭ и образуют особую пространственную «ячейку» внутри S . «Геометрическая область» в нашем описании противопоставлена такой «области» Y -а, которая приписывается ему просто как «центру», но Y при этом «физически» не вовлечен в организацию структуры R (Y и R не имеют общих сторон). Это последнее представление, как мы попытаемся показать ниже, входит в семантику слова *около* (см. раздел 2.3.1). Напомним, что понятие «конструктивного элемента» (КЭ) мы связываем только с таким S , размеры которого допускают его визуальное наблюдение (т. е. находятся в пределах озома человека). Именно такой тип пространства может описываться изобразительным стилем речи (раздел 2.1.1), для которого особенно важно понятие «геометрической области».

Итак, мы выдвигаем гипотезу о том, что первое значение предлога *возле* составляет информация о нахождении X -а в «геометрической области» Y -а. Рассмотрим аргументы в пользу сделанного утверждения.

При подстановке предлога *возле* на место других предлогов при существительных, денотаты которых было неестественно представить как конструктивные элементы (КЭ) пространства S , наблюдается большой разброс в ответах информантов. Такие результаты были получены, в частности, при употреблении слова *возле* со словами, обозначающими мелкие предметы (посуда, книги, тетради и т. п.). Например:

- (1) *Возле флакона духов стояла пудреница.*
- (2) *Я вошел в комнату. Там никого не было. Видно было, что хозяйева ушли совсем недавно. На столе стояли три стакана, сахарница, большая фаянсовая тарелка. Возле тарелки лежал кухонный нож.*
- (3) *Очки лежали возле книги.*
- (4) [?]*Возле каждой чашки я положил по шоколадке.*
- (5) *Я поставил фонарь, пошел к родничку, зачерпнул воды, напился и утерся рукавом. Потом поставил мокрое ведро возле фонаря и стал смотреть в сторону далекой пристани.*
- (6) [']*Я поставил чайник возле конфет.*

Во всех подобных предложениях примерно половина информантов (всего опрошено 12 человек) отдавала предпочтение выбору предлогов *около* и/или

рядом с. Предложения с *возле* оценивались ими в три-два балла по пятибалльной системе. Примерно одна треть опрошенных считала выбор предлога *возле* наиболее удачным, остальные колебались в оценке. Частично расхождения в оценках можно объяснить тем, что, как уже отмечалось выше (раздел 2.1), нет четкой грани между КЭ пространства и не КЭ. Кроме того, как будет отмечено ниже, имеется тенденция использовать предлог *возле* для указания на то, что X и Y образуют единый комплекс, элементы которого визуально дополняют друг друга. Так, пример (7) часто получает более высокую оценку, причем некоторые из информантов подчеркивали, что эта оценка определяется эстетическим соответствием X-а и Y-а друг другу.

(7) *На белой скатерти стояла сахарница, красивая фарфоровая чашка, маленькая тарелка. Возле чашки лежала серебряная ложка.*

Напротив, если Y относится к тем объектам, которые очевидно могут быть отнесены к КЭ пространства, то выбор предлога *возле* оценивается как полностью нормативный. Эта оценка согласуется и с материалом художественной литературы и газетными текстами. См., например:

(9) — *Свези, Вася! — совсем тихо говорила Акулина и садилась на пол возле стены...* (Ю. Казаков).

(10) *Возле городского вала народу было больше, чем всегда* (Ю. Олеша).

(11) *Сила эта — ветер и волны, которые захлестывают узкое пространство берега возле гор* (Ю. Казаков).

Другим важным аргументом в пользу утверждения о том, что предлог *возле* может указывать на нахождение X-а в «геометрической» области Y-а, служит представление о размере этой «области».

Так, предложение *Я встретил ее возле нашего дома* не может быть употреблено, если встреча произошла в «районе» дома автора речи, но при этом непосредственно имела место у какого-то соседнего с ним дома. Употребление же предлога *около* в этих условиях было бы возможно (см. раздел 2.3). Разница в возможной протяженности «области» R при выборе предлогов *около* и *возле* осознается носителями языка довольно четко. Можно было бы предположить, что это различие имеет самостоятельную значимость. Однако сопоставление с другими особенностями употребления предлогов *возле* и *около* (некоторые из них мы уже рассмотрели выше, а другие будут проанализированы ниже) свидетельствует о том, что различие в размере «области» R является проявлением более общего признака, характеризующего тип R, а именно, относится ли «область» Y-а к «геометрическим» или нет. Уже сам факт непосредственной зависимости — в семантике слова *возле* — протяженности вовне «области» R

от величины общей стороны Y-а и R, дает основание предположить, что эта сторона Y-а непосредственно участвует в формировании «области» R.

Приведем еще некоторые примеры, в которых употребление предлога *возле* оценивается как неправильное, странное.

- (12) ?...*сначала, далеко впереди, где небосходило с землею, возле курганчиков и ветряной мельницы, которая издали похожа на маленького человека, размахивающего руками, поползла по земле широкая ярко-желтая полоса.*
- (13) ?...*и в потемках по дороге возле возов побежала тень от креста.*

В оригинальном тексте Чехова, которому принадлежат данные примеры, был употреблен предлог *около*. Неестественность выбора предлога *возле* можно объяснить незамкнутостью «области» R. Световые полосы, тени, движущиеся от Y-а вовне, уходят здесь за пределы «геометрической области» Y-а.

Вводимое нами понятие «геометрической области» предполагает, что эта область формируется «перекрещением» вертикальной плоскости Y, если Y имеет вертикальный размер, и примыкающей к Y-у поверхности земли (пола и т. п.) — см. рис. 1.

Вследствие этого предлог *возле* \ не должен употребляться, если X соотносен с верхней частью Y-а или если Y не имеет плоскости опоры¹⁵. Такое ограничение действительно имеет место. В просмотренной литературе не встретились примеры подобного типа и большинство опрошенных оценивали примеры типа (14), (15) как странные, ненормативные, например:

- (14) ...*вероятно, возле самой черной тучи летали перекати-поле.*
- (15) *Резко чернели профили узкой колокольни и маленького купола церкви. Возле светились два огонька и отражались в воде.*

В оригинальных текстах здесь был употреблен предлог *около*.

С представлением о «геометрическом пространстве», создаваемом стороной Y-а и примыкающим пространством земли (при Y-е, имеющем вертикальное измерение, R — объемно), связаны и различные «изобразительные» эффекты, которые могут создаваться с помощью использования слова *возле* \.

Так, если Y значительно больше X-а и, следовательно, должен формировать пространство, которое существенно больше X-а, выбор слова *возле* \ будет приводить к созданию стереоскопической картины: возникает ощущение объемности пространства, окружающего X со всех сторон, и, в частности, оно отделяет его от Y-а. См. например:

¹⁵ На эту особенность неупотребления слова *возле* любезно обратил внимание автора И. А. Шаронов.

- (16) *Возле старого голландского здания с аркадами в нижнем этаже остановились* (Бунин).
- (17) *Вдруг вдалеке, возле белых оград бунгалов, испещренных светотенью, показался человек в белом* (Бунин).
- (18) *Впереди, возле багажного вагона, кто-то машет фонарем* (Ю. Казаков).

При употреблении предлога *около* ощущение объемности изображения уменьшается или исчезает (оно, конечно, может возникать у слушателя, исходя из общего представления о характере ситуации, но уже не является обязательным). Ср. (19):

- (19) *Впереди, около багажного вагона, кто-то машет фонарем.*

Показательно также, что большинство опрошенных связывали предложения типа (19) не с речевой установкой создания визуальной картины, а со стремлением акцентировать внимание на самом факте осуществления события. При этом *У* может восприниматься как один из центров более широкого пространства *S* (например, *У* — багажный вагон, *Z* — паровоз, *W* — какая-то часть станции и т. д.).

Эффект стереоскопичности возникает и в тех случаях, когда *X* достаточно велик, но все-таки значительно меньше пространства *R*. Например:

- (20) *Катер уже стоял возле пристани, слабо были видны его красный и зеленый огни по бортам* (Ю. Казаков).
- (21) *...а как горели клены возле нашего дома, какие громадные багряные листья собирали мы с тобой* (Ю. Казаков).

При относительно небольшом вертикальном размере *У*-а, употребление слова *возле* способствует ощущению протяженности горизонтальной поверхности *R*.

- (22) *Опять, уже в другом месте, ударила щука, и тотчас возле берега испуганно сверкнула плотвичка* (Ю. Казаков).

Далее, сама заключенность *R* между вертикальной плоскостью *R* и примыкающей горизонтальной плоскостью пола (земли и т. п.) способствует отграничению *R* от остального пространства. Именно этим можно объяснить предпочтительность употребления предлога *возле* в контекстах, в которых событие, происходящее в *R*, драматично, волнует говорящего или героя повествования, что определяет концентрацию всего его внимания именно на этом замкнутом «куске» пространства, например:

- (23) *Я был отрезан от мира — вдвоем с ней, I была где-то там, у меня за спиной, возле шкафа. Юнифа шуршала, падала — я слушал — весь слушал* (Е. Замятин).

(24) *А возле печи, в темноте, там, где должен был спать Никита, за занавеской — послышалось вдруг кряхтение...* (Ю. Казаков).

Замена предлога *возле* на предлог *около* уменьшает ощущение драматичности, напряженности повествования (этот эффект отмечался всеми опрошенными — 10 человек).

Далее, естественно предположить, что объемное пространство, имеющее в качестве своих сторон вертикальную плоскость Y -а и горизонтальную плоскость земли (пола и т. п.), может ассоциироваться с представлением о каком-то удобном уютном месте, некоем укрытии, в котором помещается X . Именно такое представление может ассоциироваться со словом *возле*. Например:

(25) *...и потом все они — человек восемь, — дружно пили возле глухой стены клуба разведенный спирт...* (Ю. Казаков).

Рассмотрим теперь различие между первым значением предлога y (y_1) и предлога *возле* (*возле*). Как уже указывалось выше, оба эти слова вводят представление о «геометрической» области Y -а. Различие, как показал проведенный анализ, заключается в том, что y_1 указывает на ближайшую к Y -у часть этой «области». Так, если Y мал и, следовательно, мала «область» R , X должен быть расположен совсем близко к пересечению вертикальной плоскости Y -а и горизонтальной плоскости (см. раздел 2.1.1). Предлог же *возле* представляет в качестве пространства местонахождения X -а всю «геометрическую область» Y -а. Вследствие этого предлог *возле* часто употребляются в контекстах, в которых X -у соответствует крупный объект, иногда приближающийся к размеру Y -а. Например:

(26) *Я вошел в хату: две лавки и стол, да огромный сундук возле печи составляли всю ее мебель* (Лермонтов).

(27) *...и внезапно схватив за ножку тяжелый стол, стоявший возле дивана, потряс ею и сдвинул с места...* (Тургенев).

Употребление предлога y при таком соотношении в размерах X -а и Y -а оценивается как неправильное. Нормативным считается такое употребление, когда X существенно меньше Y -а. Например:

(28) *Удивана стоял маленький журнальный столик.*

(29) *' Удивана стоял огромный стол красного дерева.*

Если X существенно меньше задаваемой Y -ом «области», при употреблении предлога y возникает представление о том, что X занимает позицию, совсем близкую к Y -у, и отмеченного выше «стереоскопического» эффекта не возникает, ср. примеры (19) и (30):

(30) *Впереди, у багажного вагона, кто-то машет фонарем.*

Если X достаточно велик и, соответственно, его «локус» имеет большую абсолютную величину, но при этом R больше «локуса» X-а, то такое положение дел может описываться и предлогом у, и предлогом *возле*. Например:

(31) *...а через час институт пылал, возле него валялись трупы, оцепленные шеренгой вооруженных электрическими револьверами* (Булгаков).

(32) *У института валялись трупы.*

(33) *Возле дома была кутерьма. По асфальтированному тротуару, усыянному битым стеклом, бегали и что-то выкрикивали люди* (Булгаков).

Многие опрошенные допускают здесь и употребление предлога у (*У дома была кутерьма*).

Предлог у часто предпочитается, если главная цель речи не 'изображение' наблюдаемого, а просто сообщение о наличии X-а в R.

(34) *Умагазина было много народу.*

Ср. (35), где главная цель — создание словесной картины:

(35) *Не прошло и трех часов с восхода солнца и уже казалось, что близок полдень — так жарко, светло было всюду и так многолюдно возле лавок в конце улицы* (Бунин).

Ср. также:

(36) *Он спустился в нижний этаж, увидел длиннейшую очередь возле кассы* (Булгаков).

Напротив, в разговорной речи здесь чаще употребляется предлогу.

(37) *Укассy — большая очередь.*

Итак, в первом разделе мы попытались показать, что несмотря на размытость границ между предлогами *возле* и *около*, все-таки обнаруживается достаточно большая устойчивость в употреблении слова *возле* для указания на нахождение X-а в «геометрической области» Y-а, т. е. в пространстве, которое формируется одной из сторон Y-а и примыкающей к нему горизонтальной поверхностью земли (пола и т. п.). Если данная сторона Y-а имеет достаточно большое вертикальное измерение, то его вертикальная плоскость также участвует в формировании «геометрической области», придавая ей объемность. В отличие от предлога *возле* предлог у указывает не на всю «геометрическую область» Y-а, а только на ее ближайшую часть. Различие по данному признаку может стираться в разговорной речи, где часто преобладает употребление предлога у.

2.2.2. Второе значение предлога *возле* — функция агенса действия (*возле₂*)

Нахождение X-а в «области» Y-а, как уже отмечалось при описании предлога *у*, может связываться с представлением о выполнении агентивной функции. Предлог *у* является главным средством выражения данных отношений. Однако предлог *возле* также используется для описания некоторых особых видов таких отношений.

Так, этот предлог употребляется в контекстах, в которых Y-у соответствует какой-то предмет оборудования (станок, вакуумная установка), если X при этом перемещается в пределах «области» R, причем в основном не по окружности Y-а, а от Y-а к краям R. Y-у может также соответствовать locus, содержащий объект действия (например, Y — бассейн, из которого берут воду).

- (1) *Троевакуумщиков, действительно, ходили как пленные звери возле своих насосов — у них был срочный заказ, и их вторые сутки не пускали спать* (Солженицын).
- (2) *Возле них (бассейнов) метались негры в алых повязках, серебряными черпаками наполняя из бассейнов плоские чаши* (Булгаков).

Выше уже были рассмотрены эти примеры при сопоставлении предлогов *у* и *возле* по отношению к размеру «области» R. При этом отмечалось, что предлог *у* указывает на ближайшую к Y-у часть пространства, вследствие чего его употребление в контексте примеров (1, 2) воспринимается как неудачное (см. раздел 2.1.1).

Допустимость подстановки предлога *около* в приведенные контексты оценивалась по-разному. Большая часть опрошенных считала, что выбор предлога *возле* здесь наиболее удачный (всего 8 человек). По их мнению, предлог *около* в данных контекстах неуместен, так как при этом возникает представление о несоприкосновении X-а и Y-а¹⁶. Другие информанты, однако, допускали такую замену.

Примеров такого употребления мало и они подводятся под условия употребления первого значения: Y здесь достаточно велик, чтобы рассматриваться как формирующий «геометрическую область» Y-а. Однако если различие в употреблении предлогов *около* и *возле* будет достаточно устойчивым, то этот случай важно выделить особо. Отметим, что и предложение (3), указывающее

¹⁶ Представление о том, что X не достигает Y-а (в разных смыслах слова *достигать*) играет важную роль в семантике предлога *около* (см. раздел 2.3.), но не относится ко всем условиям его употребления.

на «нерабочую» деятельность, также воспринимается большинством информантов как предполагающее прямой контакт X-а с Y-ОМ.

(3) *Укотов, шнырявших в озле веранды, был утренний вид* (Булгаков).

Предлог *возле* может употребляться в высказываниях с глаголом *проводить*, обобщающих времяпрепровождение на какой-то временной период. Например:

(4) *Весь день я провела возле плиты.*

Здесь предлог *возле* почти абсолютный синоним предлога *около*. Остаются, однако, стилистические различия: предлог *возле*, по крайней мере для многих говорящих, ассоциируется с относительно более низменной деятельностью. Так, странно сказать: *Весь день мы провели возле роля.*

Существует еще одно условие, при котором регулярно употребляется предлог *возле*: в отличие от предлога *у*, в семантику которого, как мы отмечали выше, входит понятие 'рабочей позиции', предлог *возле* может вводить позицию «ожидания». Иными словами, нахождение в «области» Y-а связано с ожиданием каких-либо сигналов, которые должны или могут поступать от Y-а, при которых X станет действовать, используя Y (обычно как предмет оборудования). При таком употреблении предлога *возле* Y может быть существенно меньше X-а, что позволяет выделять данные случаи употребления особо. Например:

(5) *Серенький день. Аметистов грустный сидит в гостиной возле телефона* (Булгаков).

Пример (5) в отличие от сходных предложений с предлогом *у* понимается именно как нахождение в ситуации ожидания тех сигналов, которые могут поступить от Y-а (опрошено 8 человек). Подтверждением реализации именно такой информации служит неупотребляемость *возле* в таком контексте, как «*Дежурный у (*возле) телефона*», — *сказал он, взяв трубку*, а также в контекстах, связанных с осуществлением какого-либо действия, направленного на Y (*сидит у телефона и набирает номер*, а не **возле*). Ср.:

(6) *Он сидел возле аппарата и что-то писал в журнале.*

Информация о нахождении в позиции «ожидания» может реализоваться и при Y-е, представленном такими словами, как *плитка, примус, керосинка* и т. д., когда речь идет о ситуациях приготовления пищи, нагревания воды и т. п.

В рассматриваемых ситуациях нет четкого различия между позицией «ожидания» и «рабочей позицией», что приводит к относительно свободной взаимозамене предлогов *возле* и *у*. Например:

(7) *Вячеслав стоял у (возле) примуса и по обыкновению зубрил что-то.*

Обязательность употребления *возле* определяется общими сочетаемостными ограничениями в употреблении предлога *у* — неупотребляемость с личными и относительными местоимениями.

(8) *Два примуса ревели на плите, возле них (*у них) стояли две женщины и переругивались* (Булгаков).

Почти во всех рассмотренных контекстах предлог *возле* может быть также заменен на предлог *около*. Между ними, однако, по-видимому, есть одно не-большое различие: предлог *около* указывает скорее на «рабочую позицию», связанную с такой деятельностью, которая заключается, прежде всего, в том, чтобы присутствовать где-то (см. раздел 2.3). Поэтому предлогу *около* по крайней мере некоторые информанты отдают предпочтение в ситуациях охраны, слежки.

Сравним также употребление предлогов *возле* и *около* в контекстах, где X-у соответствует какое-то транспортное средство (машина, такси). При этом человек может выступать в качестве релятума по отношению к такому типу X-а только в том случае, если X перед этим находился в состоянии движения. Например:

(9) *Возле меня остановилось такси.*

(10) **Возле меня стояло такси.*

Предложение (9) может быть понято как сообщение о том, что такси остановилось в том месте, где был Y, но независимо от Y-а, и как сообщение о том, что такси остановилось, ожидая, что Y возьмет его. По-видимому, есть некоторая тенденция понимать предложения типа (9) во втором смысле. Напротив, при подстановке предлога *около* некоторое предпочтение отдается первой интерпретации. В пользу этого говорит то, что предлоги *около* или *против* обычно используются, когда речь идет о вагонах, троллейбусе. Например:

(11) *Пятый вагон остановился прямо около нас (прямо против нас).*

Употребление предлога *возле* в подобных контекстах также встречается, но по крайней мере для некоторых читателей такое употребление создает особый художественный эффект — вагон как бы специально останавливается, предлагая Y-у войти. Например:

(12) *Потом все медленней и медленней пошли усталые вагоны: один, другой, третий...*

— Вот десятый! — быстросказала девушка. — Подождем!

Вагон мягко остановился возле них (Ю. Казаков).

Таким образом, в контекстах, в которых Y принадлежит к предметам оборуования (в широком смысле этого слова) или является локусом объекта деятельности X-а, предлог *возле* употребляется, если 1) X, выступающий в качестве агенса действия, находится в состоянии движения, перемещаясь в пределах «области» R (в основном, от Y-а к краям «области»); 2) если X занимает позицию потенциального агенса («позиция ожидания»). В последнем случае семантика *возле* почти не отличается от семантики предлога *около*. В речи некоторых информантов их отождествление относится и к первому случаю.

2.2.3. Третье значение предлога *возле* — нахождение в психосоциальной или функциональной области Y-а (возле₃)

Выбранная номинация данного значения может считаться предварительной, так как не раскрывает учитываемый здесь характер функциональности. К третьему значению мы относим прежде всего те случаи, когда Y-у соответствуют объекты типа зданий, которые при этом характеризуются по своей функциональной предназначенности (например, женское или мужское общежитие, завод, дом, в котором живет то или иное определенное лицо или группа лиц, полицейский участок и т. п.). Такая функциональная предназначенность Y-а при этом представлена как накладывающая отпечаток на примыкающее к нему пространство, т. е. нахождение в этом пространстве воспринимается как каузированное функциональной предназначенностью Y-а и предполагает тот или иной вид взаимодействия с Y-ом ИЛИ его обитателями. В зависимости от типа контекста на первый план могут выступать либо каузальные связи, либо возможности контакта с Y-ом. Иногда оба эти момента совмещаются. Приведем примеры.

- (1) *Захоронения были обнаружены и возле полицейских участков* (газ).
- (2) *А теперь он продает возле дома* (разг.) (предложение употреблено в контексте, в котором подчеркивалось, что в новых условиях гораздо легче осуществлять данную работу).
- (3) *На закате ходит парень*
Возле дома моего (частушка).
- (4) *Город полон военных, и возле нашего здания всегда толпятся моряки — ждут* (Г. Вишневецкая; речь идет о женском общежитии).
- (5) *Все три дня она провела возле Белого дома* (газ.).
- (6) *Кто-то бродит по ночам возле нашего дома* (Толстой).

При реализации третьего значения в функции Y-а может также выступать и транспортное средство (машина, вагон и т. п.). Например:

(7) *Его застрелили возле его машины (газ.)*.

К случаям реализации третьего значения мы относим высказывания, в которых У может быть воспринят как определяющий физические характеристики примыкающего к нему пространства. В функции Y-а при этом могут выступать такие объекты как озеро, река, например:

(8) *...в долине лежало озеро, возле которого находилось жилище Антония, окруженное двенадцатью березами, белыми как снег (Д. С. Лихачев)*.

В отличие от случаев реализации первого значения в рассматриваемых контекстах геометрические характеристики Y-а менее существенны. Это очевидно по отношению к примерам типа (1), (5). Однако в контекстах, наиболее близких к изобразительному стилю речи, часто трудно сказать, какое значение — *возле*₁ или *возле*₃ — реализуется. Здесь можно говорить о совмещении этих значений (например, (3), (8))¹⁷.

Второй вопрос, который встает при анализе третьего значения, связан с соотношением предлогов *возле* и *около*. При употреблении в рассматриваемых условиях разница между этими предлогами ощущается наименее четко, поэтому можно предположить, что, так же как и в семантике слова *около* (см. раздел 2.3), здесь основанием для выделения «области» Y-а служит просто непосредственное примыкание некоторой части пространства к Y-у, причем внешние границы определяются представлением о незначительной удаленности от Y-а. Различные же каузальные и другие отношения предопределяются контекстом. Это предположение справедливо для части носителей русского языка, о чем свидетельствуют и многие литературные примеры:

(9) *Влуже возле него зеленовато отражалась неполная луна (Бунин)*.

(10) *До станции всего двадцать верст, поезд отходил в семь, а выехали в два. Можно было отстать. Сева отстал возле хутора Лукьяна Степанова (Бунин)*.

Отметим, что в контексте примера (10) описываемое событие происходит на довольно большом расстоянии от хутора — так что до него нужно еще ехать. В современном языке требование к небольшой величине расстояния, по крайней мере для большинства носителей русского языка, более жесткое.

Возможно, однако, этот пример следует выделить особо. Здесь Y выступает в качестве одного из пунктов, мимо которого проходит путь X-а. Как уже отмечалось, в рамках рассматриваемой микрогруппы имеется тенденция выделять подобные случаи в отдельные значения (см. *вблизи*₄, *у*₄).

¹⁷ На существование контекстов, в которых совмещаются несколько значений слова, неоднократно обращал внимание Д. Н. Шмелев (например, [Шмелев 1977]).

В речи другой группы говорящих можно отметить явные тенденции к разграничению *возле*₃ и *около*. Эти говорящие допускают употребление предлога *возле* только в контекстах, в которых на пространственные связи между X-ом и Y-ом наслаиваются и другие типы отношений.

Так, в ответе на вопрос о месте встречи в их речи, как правило, будет употреблен предлог *около*, а не *возле*. Например:

(11) — *Где мы встретимся?* — *Около метро «Университет»* (а не *возле*).

Кажется, такое употребление характерно для большинства москвичей¹⁸.

Что же касается приведенных выше примеров (1)–(8), то хотя в них возможна замена на предлог *около*, по мнению многих из опрошенных (7 из 11), при выборе предлога *возле* в большей степени акцентируется внимание на условиях, в которых имеет место событие или находится, обнаруживается X. Так, в частности, указывалось, что выбор предлога *возле* в контексте примера (4) усиливает трагизм сообщаемого: убийство произошло возле объекта, связанного с жизнью X-а, объекта, который, возможно, мог бы оказаться спасением, если бы X уже был в нем. Выбор предлога *около* был бы более естествен в речи следователя, просто локализирующего место трагедии.

Скажем теперь несколько слов о сопоставлении предлогов *у* и *возле* в рамках рассматриваемых контекстов. В этих контекстах предлог *у* будет понят как употребленный либо в первом, либо в четвертом значении (пример 1). При предикатах *ходить*, и особенно *бродить* (примеры 3, 6) его выбор признается не вполне удачным или даже неудачным, так как семантика *у* связана с самой ближайшей к Y-у частью пространства (см. раздел 2.1.1). Значение *у*₃ (нахождение в психосоциальной среде) здесь не реализуется, так как ни сам характер представления Y-а, ни контекст не позволяют «увидеть» его как формирующий вокруг себя определенную психофизическую атмосферу. Как указывалось в разделе 2.1.3, для этого требуется абстрагированное представление Y-а (*у парадного подъезда, у театра*) или введение в контекст, описывающий «атмосферу», связанную с Y-ом. В рассматриваемых же случаях речь идет только о том, что Y каузирует возможность присутствия X-а в R и определяет характер взаимодействия X-а и тех, кто находится в Y-е, или X-а и Y-а. Эта неспособность к абстрагированию (о некоторых исключениях см. ниже) приводит к тому, что *возле*₃ не может употребляться при описании обобщенных ситуаций, в которых не учитывается разделение на конкретные случаи реализации. Например:

¹⁸ Заметим, что в описательном стиле речи употребление слова *возле* значительно более распространено. Например: *Они встречались возле метро и шли к ней* (Токарева). При этом многие информанты (7 из 11) отмечали, что в сознании всплывает некоторая картинка, что связано с реализацией первого значения слова *возле*.

(12) *У «Белого дома» были и русские, и евреи, и армяне* (Е. Боннер).

Это предложение не означает, что представители всех трех наций обязательно были одновременно, более того, сами существительные здесь обозначают абстрагированного представителя класса. Подобное употребление, по мнению всех опрошенных (6 человек), не свойственно предлогу *возле*.

(13) *Возле «Белого дома» были и русские, и евреи, и армяне.*

Ср.:

(14) *Возле дома толпились русские, евреи, армяне.*

Одним из типичных условий реализации значения $у_3$ служат такие контексты, в которых Y выступает как источник какого-то, обычно теплового, излучения. В подобных контекстах может употребляться и предлог *возле*, но при этом он не вносит представления о нахождении в особой «психофизической» среде. В подобных контекстах речь идет о непосредственном воздействии Y -а на X , которое связано с нахождением в данном «геометрическом» (физическом) пространстве. Представление о характере воздействия целиком определяется контекстом, причем Y здесь предстает во всей полноте своих физических свойств. Например:

(15) *Печка разгорелась и начала гудеть, постреливать искрами в раскрытую дверцу. Возле нее становилось жарко сидеть, Елагин отодвинулся, слегка отодвинулся со своими вальдинепами и Смолин* (Ю. Казаков).

При таком конкретизированном представлении Y -а предлог $у$ может быть употреблен либо в своем первом значении, либо при указании на агентивную функцию.

(16) *Он сидел у печки и подбрасывал в нее дрова.*

Приведем еще некоторые примеры:

(17) *Мы всех их (котят) собрали в одну высокую корзинку и оставили ночевать в теплой кухне возле плиты* (Пришвин).

В других контекстах может предполагаться если не прямое воздействие идущего от Y -а излучения, то во всяком случае формирование определенных условий:

(18) *Возле костра на раскинутом ряднище собрали вечерять* (Шолохов).

Речь может также идти о влиянии эмоциональной характеристики Y -а на R .

(19) *На другой день рано утром мы ее похоронили за крепостью, у реки, возле того места, где она в последний раз сидела* (Лермонтов).

Таким образом, при Y-е, являющемся источником излучения, не меняется представление о «геометрическом» (физическом) характере самой «области» R, не изменяется и требования к размеру Y-а (должен быть достаточно большим), что позволяет считать рассматриваемые условия употребления чисто контекстной модификацией первого или второго значения. Однако окказионально предлог *возле* употребляется в контекстах, в которых R воспринимается как «психофизическая» или «психосоциальная» среда, локализованная в «области» Y-а. Мы встретили только два случая такого употребления. См. (20) и (21):

(20) *Солидняк никогда не показывался возле комисионок* (газ.).

Выбор предлога *возле*, как представляется, усиливает общий тон «брезгливого» отношения автора заметки к описываемому. Употребление предлогов *у*, *около* было бы более нейтральным. При этом *около* в большей степени акцентировало бы внимание на существовании различных центров, которые служат местом «появления» преступного мира.

(21) *По вечерам они сидят возле своих телевизоров* (газ.).

Выбор предлога *возле* вместо традиционного здесь предлога *у*, вероятно, также свидетельствует о стремлении дать отрицательную характеристику описываемому явлению. Такая 'сниженная' характеристика психосоциальной или психофизической «атмосферы», возможно, связана с типичной для предлога *возле* «телесностью», «вещностью» изображения Y-а, которое может ассоциироваться с представлением о чем-то сниженном, грубом.

Есть еще одно условие, при котором *возле* указывает на ту особую в данном случае — духовную среду, которая формируется Y-ом. Такое представление возникает при Y-е, соответствующем классу «люди», к этому же классу относится и X. В функции предиката здесь выступают глаголы и глагольные сочетания {*побыть, быть, провести время* и т. п.). Такое употребление в основном характерно для языка дореволюционного периода. Например:

(22) *Остальную часть вечера я провел возле Веры и досыта наговорился с ней о старине* (Лермонтов).

В современном языке чаще выбираются другие средства для описания подобных ситуаций. Например:

(23) *Остальную часть вечера я не отходил от Веры и досыта с ней наговорился.*

Однако иногда используется и предлог *возле*. Например:

(24) *Мы разошлись. Я пошла к бабушке, и возле нее время незаметно протекло до 11 часов* (К. Боратынская).

Пример (24), однако, обычно воспринимается как несколько архаичный. Такого ощущения не возникает при описании «метафорических» пространств.

(25) *Она никого не хотела иметь возле себя, даже животных* (М. Цветаева).

Предложение (25) понимается как сообщение не только о совместной жизни (предполагающей нахождение в пространстве Y-а), но и о чувствах — нежелание иметь кого-то, с кем Y был бы связан чувством любви, привязанности. Ср. (26):

(26) *Она никого не хотела иметь около себя.*

Предложение (26) либо не столько акцентирует внимание на чувствах, сколько на деятельном участии X-а в жизни Y-а (возможно, в оказании помощи), либо предполагает менее непосредственное вхождение в жизнь Y-а (например, речь может идти о поклонниках).

Предлог *возле* употребляется также в современном языке при описании событий прошлых времен. Например:

(27) *Я пришел побывать возле вас. А на госпожу Мольер, если бы я остался жить, я не взгляну ни разу* (Булгаков).

Предлог *возле* в примере (27) указывает не только на нахождение в физическом пространстве Y-а, но и на те чувства, которые при этом испытывал бы X по отношению к Y-у — любовь, уважение. (Ср. *около вас* — может быть, для того чтобы помогать, может быть, и просто потому, что X-у приятно, но при выборе слово *возле* — акцент на чувствах X-а — сильнее.) Ср. также: *побывать с вами*; здесь уже не вводится представление о том, что X находится в «пространстве» Y-а, и вследствие этого акцентируется внимание на «прямом» взаимодействии X-а и Y-а, делая их при этом «равными».

Употребление предлога *возле* в этих контекстах (вероятно) объясняется тем, что здесь не может употребляться предлог *у*. Как уже отмечалось, при существительных, обозначающих лицо, предлог *у* используется в собственно посессивном значении (*Провести весь день у Веры* означает 'Провести время в доме Веры', при этом Y может и не присутствовать). Отметим также, что представление о формировании духовной среды при существительных, обозначающих лицо, не требует их нереферентного употребления. Указание на духовную среду, которая формируется благодаря присутствию Y-а и общению с ним, сближает *возле* с одним из значений предлога *близ* (см. раздел 1.4). При

этом в семантике предлога *возле* также предполагается, что Y занимает в ситуации иерархически более высокое положение. Однако в отличие от предлога *близ* слово *возле* не показывает, что существует какая-то граница, отделяющая духовный мир Y-а от X-а и не позволяющая X-у войти в этот мир.

Итак, в третьем значении были объединены три подзначения. Первое подзначение реализуется при словах, обозначающих такие объекты, которые создают в окружающем их пространстве определенные условия, и/или каузируют присутствие X-а, а не только выполняют функцию ориентиров. Это — здания, имеющие четкую функциональную предназначенность, природные объекты, влияющие на окружающую среду (реки, озера), источники тепла, света (костер и т. п.). При этом в отличие от предлога *у* слово *возле* не указывает на формирование психофизической или психосоциальной «атмосферы».

Данное подзначение наименее четко выделено. Для какой-то части (возможно, значительной) носителей русского языка оно соответствует просто контекстному варианту более широкого чисто пространственного значения этого слова. Не всегда оно также четко отделено от первого значения.

Второе подзначение обычно также реализуется при Y-е, который имеет четкую функциональную предназначенность. Как правило, он относится к классу зданий. Это подзначение близко к третьему значению предлога *у* — «область Y-а, связанная с особой психосоциальной средой». При этом, как представляется, предлог *возле* задает сниженную характеристику среды. Данное подзначение, по-видимому, также нельзя считать устойчивым.

Третье подзначение реализуется при X-е и Y-е, которые принадлежат классу «люди». Это подзначение также подводится под понятие психосоциальной среды, но является другой его разновидностью. Здесь слово *возле* показывает, что X попадает в ту особую духовную атмосферу, которая создается и самим присутствием Y-а и обычно актами общения с ним. Слово *возле* в этом подзначении, кроме случаев, когда речь идет о «присутствии X-а в жизни Y-а», практически не употребляется в современном языке, но входит в пассивный словарный запас.

2.2.4. Четвертое значение слова *возле* — позиция экспериенцера (*возле₄*)

Случаи, включенные в четвертое значение, так же как и объединенные в третье, разбиваются на несколько модификаций. Выбор термина «модификация» в отличие от термина «подзначение» определяется тем, что общая характеристика четвертого значения выделяется более четко. Это позволяет рассматривать отдельные случаи как модификации. Выделяемая общая характеристика

следующая: 1) Y здесь скорее воспринимается не как формирующий свойства своей области — она выделяется из окружающего пространства просто по своему положению, т. е. как примыкающий к Y-у «пространственный кусок»; 2) при этом, однако, связь между X-ом и Y-ом не представлена как чисто пространственная (по крайней мере в речи значительной части носителей русского языка). В современном языке, как правило, связь между X-ом и Y-ом определяется выполняемой одним из них функцией экспериенцера¹⁹.

Прежде чем перейти к анализу отдельных случаев, сделаем еще одно замечание. При описании, например, второго значения предлога у утверждалось, что здесь Y представлен как тот, кто определяет «актантные» свойства примыкающего к нему пространства. В связи с этим может встать вопрос, почему в рассматриваемом случае не считается, что Y задает такое пространство, которое должно содержать позицию экспериенцера. Различие в интерпретации y_2 и $возле_4$ было вызвано следующими соображениями: во-первых, сама функциональная предназначенность объектов, обозначаемых словами типа *станок*, *руль* и т. п. (при словах этого типа реализуется значение y_2), предполагает функциональную характеристику примыкающего к ним пространства, в котором конвенционально должен находиться тот, кто использует в своей работе Y. Напротив, с пространством, окружающим человека, конвенционально не связана позиция того, кто, например, испытывает к нему чувство сострадания, любви, жалости. Во-вторых, как будет показано ниже, в функции экспериенцера может выступать не только X, но и Y. Это, как представляется, отделяет задаваемый тип отношений между X-ом и Y-ом ОТ характеристики самого пространства.

2.2.4.1. Предлог *возле* при X-е в функции экспериенцера

В литературе XIX века предлог *возле* широко употреблялся при X-е и Y-е, относящимся к классу «люди», и показывал, что X занимает или занял (глагол *занять* употребляется в последнем случае для указания на действие, которое было осуществлено в описываемый момент времени) позицию в примыкающем к Y-у пространстве. Во всех встреченных контекстах пространственное положение X-а представлено как условие для какого-либо «положительного» взаимодействия X-а и Y-а (X присоединяется к Y-у, чтобы идти вместе, начать разговор, а не, скажем, сделать выговор). Например:

¹⁹ Понятие экспериенцера не имеет четкого определения в лингвистической литературе, и это дает нам основание употреблять его несколько более широко, чем это обычно имеет место. Мы будем употреблять его и при указании на определенные чувства, переживания X-а или Y-а, и в тех контекстах, где речь идет просто о восприятии.

- (1) *Он сел возле нее и взял ее за руку* (Лермонтов).
- (2) *Грушницкий стоял возле княжны и что-то говорил с большим жаром...*
(Лермонтов).
- (3) *Я обернулся и увидел Максим Максимовича, бегущего что было мочи. Через несколько минут он был возле нас* (Лермонтов).
- (4) *Павел Петрович восседал между Катей и Фенечкой; мужья пристроились возле своих жен* (Тургенев).
- (5) *Варвара Павловна села за фортепьяно. Панишин стал возле нее* (Тургенев).

В сходных условиях в текстах Толстого употребляется предлог *подле*, если X и Y занимают смежные позиции, или предлог *около* — обычно при большем расстоянии между X-ом и Y-ОМ.

- (6) *Он сел подле своей жены* (Толстой).

Предлог *подле* употребляется и при описании официальных отношений между X-ом и Y-ОМ.

- (7) *Подле Кутузова сидел австрийский генерал в странном, среди черных русских, белом мундире* (Толстой).

Возможно, такое же «нейтральное» употребление мог иметь и предлог *возле*.

Во всех приведенных контекстах предлоги *возле* и *подле* в современном языке, как правило, не употребляются. Чаще всего в подобных условиях встречается предлог *рядом с*, особенно если позиции X-а и Y-а могут рассматриваться как смежные ячейки единого ряда, имеющего одинаковую направленность.

- (8) *Он сел рядом с ней и стал ей что-то оживленно говорить.*
- (9) *Он сел рядом с ней и поцеловал ей руку.*
- (10) *Она сидела рядом с мужем, слегка прижимаясь к нему.*
- (11) *Она шла рядом с мужем, гордо оглядываясь по сторонам.*

Может также использоваться предлог *около* (см. раздел 2.3).

Однако есть условия, при которых предлог *возле* употребляется регулярно. Прежде всего, он используется в контекстах, в которых пространственное положение X-а определяется эмоциональной силой притяжения X-а к Y-у, в основе которого лежит чувство «любви-жалости-сострадания». Подчеркнем, что эмоциональное притяжение X-а к Y-у может строиться и на нескольких иных чувствах (см. разд. 2.3.2.4). Для семантики слова *возле* характерно именно указанное комплексное чувство «любви-жалости-сострадания», причем ведущими являются два последние компонента. Например:

- (12) *После пролета боя лежит убитый головой в ручье. А лошадь — печально стоит, часы, возле мертвого хозяина. А по травам перескакивает трясогузка* (Солженицын).
- (13) *А вот сидит возле Ирочки, будто сам парализованный* (Токарева).
- (14) *Опять настала немая тишина, Агеев потоптался возле Вики, потом отошел, поднялся на берег* (Ю. Казаков).

Указанное понимание, конечно, в сильной степени определяется общим смыслом контекста. Важно, однако, что выбор данного предлога оценивался как наиболее предпочтительный всеми опрошенными. Кроме того, замена его на другие предлоги приводит к тем или иным изменениям в понимании. Ср., например:

- (15) *После пролета боя лежит убитый головой в ручье. А лошадь — печально стоит, часы, около мертвого хозяина.*

При выборе предлога *около* предложение (12) может быть интерпретировано как сообщающее о том, что пространственное положение X-а определяется иерархическими отношениями между X-ом и Y-ом (ХОЗЯИН И привыкшее подчиняться ему, слушаться его животное). Заметим в связи с этим, что в контекстах, связанных с официальными и/или профессиональными отношениями между X-ом и Y-ом, выбирается всегда предлог *около*: *На конференции около Сталина сидели Молотов и Вышинский — возле Сталина; врач села около больного* — см. раздел 2.3.

Еще сильнее изменяет смысл сообщаемого подстановка предлога *рядом с*. Так, в примере (12) испытываемое X-ом чувство уже не воспринимается как обязательно относящееся к Y-у. Его введение в контекст примера (14) вообще невозможно: предлог *рядом с* не показывает, что X находится в «области» Y-а (см. гл. III), вследствие чего действия, которые совершает X, воспринимаются как не имеющие никакого отношения к Y-у. Это делает предложение *Он потоптался рядом с Викой* бессмысленным.

Типичным является употребление предлога *возле* и в контекстах, в которых в функции Y-а выступает объект, служащий пространством местонахождения Z, т. е. того человека, с которым связаны чувства X-а. Например:

- (16) *Она стояла на коленях возле постели умирающего сына. Сестра стояла рядом с ней* (газ.).
- (17) *Арина Васильевна сидела на низенькой скамеечке возле двери и только по временам уходила молиться* (Тургенев; за дверью лежит ее умирающий сын).

В отличие от рассмотренных выше примеров подстановка в этих контекстах предлогов *у* и *около* менее существенна для общей информации. Это

можно объяснить тем, что ведущую роль здесь играют чисто пространственные отношения между X-ом и Y-ом. Однако регулярность употребления предлога *возле* в подобных контекстах показательна.

В современном языке предлог *возле* очень редко употребляется для описания чисто пространственного положения X-а (X занимает смежную с Y-ом ПОЗИЦИЮ). Встретился всего один пример такого типа:

(18) *Вокруг все спали, и большое количество спящих мужчин напоминало картину «Поле после битвы».*

Возле нее сидел молодой человек, по виду баскетболист, на полторы головы выше довольно высокой Наташи (Токарева).

Возможно, данное употребление вызвано тем, что в языке В. Токаревой в соотношении 'возле—около' предлогу *возле* отводится ведущее место. Интересно, однако, отметить, что, как следует из дальнейшего изложения, случайные попутчики оказываются связаны между собой какой-то, почти мистической, душевной близостью. Возможно, выбор *возле* связан именно с таким типом контекста.

Предлог *возле* может использоваться для указания на «эмоциональные связи» в случаях, когда X относится к классу 'люди' или 'животные', а Y—к предметам, которые вызывают у X-а какие-то приятные ощущения, чаще связанные с представлением об их вкусовых качествах. Например:

(19) *Я стоял возле пирога с капустой и облизывался (разг.).*

Y может ассоциироваться также с приятными тактильными ощущениями. Например:

(20) *А кот Матвей мурлыкал в креслах возле клубка с чулком (Тургенев).*

Информацию об эмоциональных связях между X-ом и Y-ом В приведенных контекстах нельзя рассматривать как чисто контекстную, так как именно от ее реализации зависит выбор слова *возле*: чисто пространственную функцию релятума (Y-а) не может выполнять объект, который гораздо меньше референта (X-а). Так, нельзя сказать: **Я стояла возле тарелки, книги* и т. д.

Хотя требования к размеру X-а здесь практически снимаются, сохраняются некоторые ограничения, связанные с формой Y-а: как и в других случаях предпочтительно выбирать в качестве релятума Y, имеющий определенную геометрическую форму. Так, предложение *Я стоял возле варенья и облизывался* оценивается обычно ниже, чем пример (19). При всей нечеткости разграничения предлогов *около* и *возле** в рассматриваемых примерах явное предпочтение отдавалось предлогу *возле*. Предлог *около*, напротив, предпочитался в контек-

стах, в которых пространственная позиция X-а приводит к выполнению агентивной функции. Например:

(21) *Я сел около пирога с капустой, и мне пришлось раскладывать его по тарелкам.*

Такое употребление слова *около* возможно в тех случаях, когда связанные с занятой позицией действия приходится осуществлять лишь время от времени (см. раздел 2.3). Ср.:

(22) *Я сел у пирога с капустой и приготовился его резать.*

В примере (22) пространственное положение X-а есть лишь предпосылка для агентивной функции, выполнение которой и заполняет временной период нахождения в R.

Совершенно недопустима в приведенных контекстах замена предлога *возле* на предлог *рядом с*: вводимое этим последним предлогом представление о том, что X находится в другом, независимом от Y-а пространстве, приводит к тому, что описываемые действия ('облизываться', 'мурлыкать') воспринимаются как несвязанные с Y-ом, ЧТО делает предложение бессмысленным.

2.2.4.2. Предлог *возле* при Y-е в функции экспериенцера

Предлог *возле* широко используется в контекстах, где Y-у можно приписать роль «воспринимающего устройства», фиксирующего появление или наличие X-а в своей «области», что в свою очередь может вызывать эмоциональную реакцию в Y-е. В таких контекстах Y-у соответствуют глаза, уши, голова, **реже — лицо человека или — реже — животного.**

В одной группе контекстов в фокусе внимания оказывается именно «появление» X-а. В R и его фиксация Y-ом. В подобных же контекстах употребляется и предлог *около*. Например:

(1) *Возле (около) самого его лица блестели два огромных глаза, и эти глаза пугали и притягивали его.*

(2) *Два больших глаза блеснули около {возле} его лица. И он уже не видел ее, только эти два глаза.*

(3) *Санитар рывкнул около (возле) самого ее уха, что такого-то раненого следует немедленно доставить в операционную.*

(4) *Ему казалось, что возле (около) самого его уха непрерывно ревет сирена, и этот звук был для него непереносим.*

Мы предполагаем, что есть некоторая тенденция употреблять предлог *возле* в контекстах, где Y не только фиксирует наличие X-а в R, но и эмоционально на

это реагирует. Например, в примере (5) некоторое предпочтение отдается предлогу *около* (6 информантов).

(5) — *Живо! Живо! — слышались около него голоса* (Толстой).

Если в приведенных контекстах зависимость выбора предлога *возле* от указания на эмоциональную реакцию Y-а предположительна, то в других условиях — эта зависимость очевидна. Так, предлог *возле* может использоваться, если X — некоторое пространство (водная поверхность, поле, засеянное какими-то растениями), которое находится либо в том или ином состоянии (бурлит, шумит и т. д.), либо является источником потока запахов, тепла и т. д.), что пробуждает те или иные чувства в Y-е. Представление о самом восприятии здесь скорее предполагается, а внимание акцентируется на эмоциональном воздействии близости X-а на Y. Например:

(6) *...лучше лежать и внизу, в каюте, за тончайшей стеной которой, возле самой твоей головы, всю ночь шумит, кипит эта бездонная хлябь* (Бунин).

В примере (6) предложная группа «возле Y-а» представляет Y, прежде всего, как экспериенцера. Такому восприятию Y-а способствует введение второй локативной группы (*...за тончайшей стеной каюты*). Без введения этой второй локативной группы предложение воспринимается как странное, не вполне естественное.

(7) *...не лучше лежать и в каюте, где возле самой твоей головы всю ночь шумит, кипит бездонная хлябь.*

(8) *Прямо возле моей головы начиналось гречишное поле, и просыпаясь ночью я постоянно ощущал легкий, сладковатый запах гречихи.*

Преобразованное предложение (8), в которое вводится второй локатив, оценивается как нормативное (6 информантов).

(9) *За легкой стеной палатки, прямо возле моей головы, начиналось гречишное поле...*

Необходимость введения второго локатива можно объяснить тем, что он берет на себя основную локативную функцию, создавая предпосылку для восприятия Y-а как экспериенцера, «чистым» же локализатором Y здесь не может быть, так как слишком мал не только по отношению ко всему водному пространству (пример 10) или полю, но даже и по отношению к ближайшей к Y-у части этих пространств, о которых идет речь в приведенных контекстах (6, 9). Примеры же типа (10) не соответствуют норме даже при введении второго локатива:

- (10) **За легкой стеной палатки, прямо возле моей головы, лежало гречишное поле.*

О том, что именная группа с предлогом *возле* выполняет, прежде всего, функцию указания на экспериенцера, видно из неестественности ее введения в контексты, в которых X трудно представить себя как объект эмоционального восприятия. Например:

- (11) ?*Застеной палатки, возле самой моей головы, начиналось футбольное поле {картофельное поле}.*

Об этом же свидетельствует недопустимость употребления группы с *возле* при оценочных высказываниях, где эмоциональное отношение выражается основной частью высказывания, а предложная группа выполняет чисто локативную функцию.

- (12) **Как красиво было гречишное поле, начинавшееся за тонкой стеной палатки, прямо возле моей головы.*
 (13) **Как шумела, kloкотала вода за тонкой стеной каюты, прямо возле моей головы.*

Предлог *возле* используется также в контекстах, в которых X представлен такими объектами, как стрела, пуля, копье, камень и т. п. и речь идет о попадании X-а в пространство, примыкающее к Y-у. В этих контекстах также предполагается второй локатив, даже если он формально не вводится.

- (14) *Копье вонзилось в дерево возле самой его головы.*
 (15) *Пуля попала в стену возле самого его плеча.*

В пользу того, что здесь информация об эмоциональной реакции Z (т. е. человека, частью которого является Y) обязательна, говорит неупотребляемость предлога *возле* в контекстах, в которых Y относится к классу предметов.

- (16) **Копье вонзилось в дерево возле дупла.*
 (17) **Пуля попала в стену возле самого кресла.*

В подобных контекстах выбирается наречие *близко*.

- (18) *Копье вонзилось в стену совсем близко от его кресла.*

Во всех рассмотренных контекстах предлог *возле* может быть заменен на предлог *около*, что не приводит к очевидным изменениям информации. Возможно, однако, употребление предлога *возле* здесь более устойчиво.

Итак, рассмотренные примеры со словом *возле* показывают, что этот предлог, а не только контекст, вносит свой вклад в информацию не только о простран-

венном положении X-а, но и о тех чувствах или ощущениях, вызываемых Y-ОМ, которые X при этом испытывает. В пользу этого говорит и регулярность употребления предлога *возле* в соответствующих контекстах, неоднозначная зависимость рассматриваемой информации от контекста, что видно при замене предлога *возле* на другие предлоги. О вхождении рассмотренной информации в семантику самого слова *возле* говорит также снятие требования к размеру Y-а, которое существенно при «чисто» пространственном значении (Y должен быть больше X-а).

2.2.5. Пятое значение предлога *возле* — семантика комплекса (*возле*_s)

По-видимому, имеется также тенденция к выделению и еще одного значения в семантике предлога *возле*, а именно он часто употребляется в контекстах, в которых X и Y могут рассматриваться как образующие некоторый комплекс. Понятие комплекса может быть связано и с «изобразительным» стилем речи. В этом случае X и Y воспринимаются как образующие единую группу, выделяемую из общего фона, вследствие их соответствия друг другу (в основе соответствия обычно лежат эстетические критерии). Например:

(19) *Возле серого «Москвича» стояла красивая вишневая «Волга».*

В контексте примера (19) не может реализоваться первое значение *возле* — X здесь больше Y-а. Поэтому правильность данного предложения, которая признавалась всеми опрошенными (6 человек), можно объяснить либо тем, что семантика *возле* тождественна слову *около* (как уже отмечалось выше, Y при предлоге *около* может иметь «область» R, существенно превышающую его собственные размеры), либо здесь реализуется особое значение предлога *возле* — X находится в «области» Y-а, образуя с ним «визуальный» комплекс. В этом случае требование к величине «области» R понижается, так как в фокусе внимания оказывается отношение корреляции X-а и Y-а. В пользу последнего предположения говорит восприятие подобных примеров информантами (см., например, комментарии к примеру (7) в разделе 2.2.1). Возможно также, что представление о вхождении в единый комплекс согласуется и с употреблением предлога *возле* в не «изобразительном» стиле речи. Так, основанием для объединения X-а и Y-а может служить их отнесенность к какому-то прошлому историческому периоду, что в свою очередь может ассоциироваться с чем-то привлекательным, волнующим. Например:

(20) *...даже в замке пришлось пожить, в самом настоящем замке — средневековом, далеко, во Франции, возле Сан-Рафаэля (Ю. Казаков).*

(21) *Он живет в двухэтажном доме на тихой лондонской улице возле Риджент-парка (газ).*

Речь идет о вхождении X-а и Y-а в какую-то относительно единую часть города (тихая, зеленая).

По мнению некоторых из опрошенных, замена предлога *возле* на предлог *около* несколько снижает поэтичность текста, акцентируя внимание на «чистой локализации».

Некоторые из опрошенных видят также разницу в вариантах (а) и (б) примера (22).

(22) *Он жил в одном из переулков а) возле Арбата б) около Арбата.*

По их мнению, выбор предлога *возле* усиливает представление о той особой «атмосфере», которая связана с Арбатом и окружающими его переулками.

В контекстах, в которых нет оснований рассматривать Y ни как создающий особые условия, ни как образующий единый комплекс с X-ом, некоторые из опрошенных не считают правильным употребление предлога *возле*. Например, предложения (23), (24) чаще, чем (20)—(22) получали «отрицательную» оценку.

(23) *Он жил в одном из монастырей возле Москвы.*

(24) *Самое сильное впечатление этих лет — древний Херсонес, возле которого мы жили.*

Вместе с тем некоторые из опрошенных считали выбор предлога *возле* в примерах (23, 24) вполне нормативным. Характерны также колебания в оценке.

Предлог *возле* может употребляться в контекстах, в которых Y-у соответствуют части лица человека (*морщинки возле губ*). Здесь X скорее воспринимается как внешняя часть Y-а. В отличие от сочетаний типа *морщинки у губ* предлог *возле*, как представляется, сильнее актуализирует представление о расположении в пространстве X-а и Y-а, а не только о характере их связи.

(25) *Но лучше всего было лицо — аскетически худое, со страдальческими морщинками возле губ, со втянутыми щеками, запавшими висками, очень трагический профиль... (Ю. Казаков).*

В речи некоторых носителей языка предлог *возле* употребляется также, когда X является независимым от Y-а объектом, по отношению к которому Y играет роль только ориентира.

(26) *Аксинья рукавом размазала желтую пахучую пыль...*

— *Ишо вот тут, возле глаза (Шолохов).*

Многими носителями языка подобное употребление воспринимается как диалектное или архаическое.

Таким образом, можно говорить об определенной тенденции использовать предлог *возле* для указания на вхождение X-а и Y-а в единый комплекс.

По-видимому, кроме отмеченных, могут выделяться и еще некоторые виды комплексов, которые пока остались не рассмотренными.

Проведенный анализ показал существование довольно больших расхождений в семантическом объеме и условиях употребления предлога *возле*.

Несколько условно мы выделили две группы говорящих (этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании). Одни говорящие в своей речи употребляют только или по преимуществу предлог *около*, но признают нормативность употребления предлога *возле* в особых стилистических условиях, а также в контекстах, в которых на пространственные отношения между X-ом и Y-ОМ наслаиваются некоторые типы непространственных отношений. Языковые коды этих говорящих близки к языку тех писателей, которые разграничивают значения предлогов *около* и *возле*. Проведенное нами исследование в основном ориентировалось на эту группу носителей языка.

Вторую группу составляют говорящие, которые, по-видимому, почти не разграничивают предлоги *около* и *возле* и часто отдают предпочтение этому последнему предлогу.

В семантической структуре предлога *возле* в языке первой группы говорящих можно выделить несколько (условно пять) значений.

При употреблении в «изобразительном» стиле предлог *возле* показывает, что X находится в «геометрической области» Y-а, т. е. В таком примыкающем к Y-у пространстве, с которым он имеет одну общую сторону и размер которой приблизительно определяет протяженность «области» от Y-а во вне. В отличие от первого значения предлога *у*, который также представляет примыкающее к Y-у пространство как его «геометрическую область», предлог *возле* связывает позицию X-а со всей этой «областью», предлог же *у* — с ближайшей к Y-у частью.

Рассмотрены различные особенности употребления, вытекающие из понятия «геометрической области» (неупотребляемость предлога *возле*, если пространственное положение X-а «отсчитывается» от верхней части Y-а; «стереоскопический» эффект восприятия пространственного положения X-а, если X существенно меньше R, т. е. области Y-а; меньший размер «области» R и более четкое представление о ее границах, чем в семантике предлога *около*, в которой «область» R не представлена как «геометрическая» и т. д.).

Второе значение предлога *возле* составляет информация об актантном пространстве Y-а, т. е. о таком примыкающем к Y-у пространстве, нахождение в котором предполагает выполнение действий, обычно связанных с использованием Y-а в качестве предмета «оборудования» в широком смысле этого слова. Y может также представлять собой локус объекта действия X-а или, наконец, средство передвижения (машина, такси), которое может быть

использовано X-ом. В отличие от предлога у предлог *возле* предполагает при этом либо перемещение X-а от Y-а к краям «области», либо выполнение функций «потенциального» агенса. Последняя функция реализуется, во-первых, при таких типах предметов «оборудования», «работа» с которыми может быть связана с периодами ожидания каких-то сигналов, поступающих от них (*сидеть возле телефона, сидеть возле прибора* и т. п.). Во-вторых, функция «потенциального» агенса актуализируется при Y-е, соответствующем средствам передвижения. Здесь потенциальность агентивной функции определяется принятием или непринятием решения использовать Y.

Третье значение предлога *возле* близко к третьему значению предлога у («психофизическая или психосоциальная среда»). В отличие от предлога у слово *возле* может употребляться при Y-е, соответствующем классу «человек», при этом оно показывает, что X попадает в ту духовную среду, которая формируется присутствием X-а и общением с ним (*побыть возле кого-то, провести время возле кого-то*). Такое употребление не характерно для современного языка. Третье значение может также реализовываться при словах, обозначающих здания, но при этом, как представляется, оно приобретает негативный оттенок. Однако чаще при словах, указывающих на объекты, имеющие четкую функциональную предназначенность, слово *возле* показывает на связь нахождения X-а в «области» Y-а с его функциональной предназначенностью, но не вводит прямого указания на особую психологическую атмосферу.

Слово *возле* в четвертом значении показывает, что пространственное положение X-а в «области» Y-а связано или приводит к выполнению одним из них функции экспериенцера. Указание на выполнение других функций, например, участника коммуникации, для современного языка не характерно. В работе выделены те типы X-ов и Y-ов, при которых может реализоваться данное значение.

Пятое значение представляет X и Y как элементы одного и того же комплекса. Выделены некоторые типы таких комплексов (в основании некоторых из них лежит представление об эстетическом соответствии X-а и Y-а друг другу). Это значение не является устойчивым.

2.3. СЕМАНТИКА СЛОВА *ОКОЛО*

В данном разделе мы попытаемся показать, что в рамках пространственного употребления предложно-наречное слово *около*, так же как и слова *у* и *возле*, имеет следующие компоненты, **являющиеся**—с некоторыми оговорками (см. ниже)—**инвариантными**: 1) пространство R, в котором находится X (т. е. объект, пространственные координаты которого устанавливаются), непо-

средственно примыкает к Y-у (т. е. релятуму, ориентиру); 2) тот сегмент пространства, в котором находится X, меньше или, во всяком случае, необязательно равен всей окружности (т. е. пространству, примыкающему к Y-у со всех сторон); 3) пространство, в котором находится X, связано с Y-ом, хотя и ослабленным, но посессивным отношением, т. е. является «областью Y-а».

Слово *около* чаще всего употребляется в функции предлога. Поэтому обычно мы будем называть его предлогом.

Та часть семантической структуры слова *около*, в которой отображены пространственные отношения, как будет видно из дальнейшего изложения, несколько более однородна по сравнению с семантическими структурами предлогов *у* и *возле*. Однако и здесь можно говорить по крайней мере о нескольких «модификациях» исходного значения (о понятии «модификации» см. Введение, с. 752). В семантике слова *около* модификации возникают по преимуществу в результате приращения той или иной контекстной информации к значению слова, что в свою очередь частично обусловлено корреляцией с соответствующими компонентами других членов семантической группы, т. е. *су* и *возле*.

Основные отличия семантики слова *около* от предлога *у* и — в какой-то степени — от предлога *возле* связаны с типом посессивности также с характером других непространственных отношений между X-ом и Y-ом. Этим в свою очередь обусловлены и некоторые различия в представлении о допустимой величине области R (см. ниже).

В семантике слова *около* понятие посессивности, как мы попытаемся показать ниже, не строится обычно на «творческой» роли Y-а — он не формирует геометрические, а также — во многих случаях — и другие характеристики окружающего его пространства. Y выступает как посессор R только в том смысле, что он выбирается в качестве центра, по отношению к которому из общего пространства выделяется примыкающая к Y-у часть и, таким образом, как бы приписывается ему, хотя при этом не предполагаются в собственном смысле отношения владения, собственности.

Выше (см. раздел 2.2) мы уже отмечали, что предлоги *около* и *возле* не всегда четко семантически разграничены и не совсем одинаково используются разными носителями языка. Поэтому частотность употребления слова *около* в речи разных носителей языка может различаться. Кроме того, не для всех говорящих существенны все те различия между словами *около* и *возле*, которые отмечены в работе.

2.3.1. Исходное значение слова *около*

Исходное значение слова *около* (мы рассматриваем его в модели «X около Y-а») составляет, как мы попытаемся показать, следующая информация: 1) X нахо-

дится в одном из сегментов пространства, примыкающего к Y -у; причем 2) это пространство (R) представлено как «область» Y -а, т. е. связано с ним посесивным отношением; 3) Y выступает как посессор R только в том смысле, что Y выбирается в качестве центра, по отношению к которому из общего пространства выделяется примыкающая к Y -у часть и, таким образом, как бы приписывается ему, хотя при этом не предполагаются в собственном смысле слова отношения владения, собственности.

При реализации немодифицированного исходного значения наиболее четко выступает связь с этимологией предлога *около*, восходящая к понятию колеса. В современном языке слово *около* представляет R как часть фигуры, близкой к кругу, опоясывающей Y . Размер пространства, которое воспринимается как «область» Y -а, как и в семантике предлогов *у* и *возле*, зависит от размера Y -а. Однако, в отличие от этих предлогов, в семантике слова *около* линия пересечения Y -а и плоскости опоры не выступает как формирующее пространство R : эта линия не принимается во внимание и ее величина не определяет протяженность R во вне. Неучет линии пересечения в семантике слова *около* делает более неопределенным место внешней границы «области» R и допускает существенное увеличение ее радиуса. Так, предложение *Я встретила ее около своего дома* можно употребить, даже если встреча произошла реально у какого-то другого дома, который говорящий относит как бы к району своего дома (вообще для предлога *около* характерно употребление в контекстах, в которых предполагается деление общего широкого пространства на подпространства, соотнесенные с разными центрами, одним из которых является Y — см. об этом ниже). В таких условиях употребить предлог *возле* было бы нельзя (сказанное во

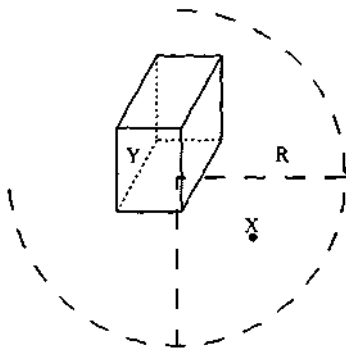

Рис. 1
R — «область» Y -а

всяком случае справедливо для носителей языка, разграничивающих *около* и *возле*). Кроме того, если Y имеет довольно большой вертикальный размер, при употреблении слова *возле* область R может восприниматься как некоторая пространственная ниша, создаваемая вертикальной плоскостью Y -а и примыкающей горизонтальной плоскостью земли (пола и т. п.). Такого представления при употреблении слова *около*, как мы покажем ниже, не возникает. Графически семантику слова *около* можно представить рис. 1.

То, что слово *около* в рассматриваемых условиях допускает больший размер «области» R , довольно четко осознается носителями языка. Так, при

просьбе проинтерпретировать разницу между предложениями с предлогами *около* и *возле*, информанты часто указывают именно на это (8 информантов). Об этом же свидетельствует возможность употребления предлога *около* в контекстах, где X по своему размеру превышает (или, во всяком случае, скорее всего, превышает) размер проекции вертикальной плоскости Y-а на примыкающую горизонтальную поверхность земли (пола и т. п.): Например:

(1) *...Сначала, далеко впереди, где небо сходится с землей, около курганчиков и ветряной мельницы, которая издали похожа на маленького человека, размахивающего руками, поползла по земле широкая ярко-желтая полоса* (Чехов).

(2) *...и в потемках по дороге около возов побежала тень от креста* (Чехов).

В этих примерах важен не только размер X-а, но возможность его перемещения, что делает границы R размытыми. Данные характеристики X-а определяют выбор *около* (а не *возле*). См. также:

(3) *...Егорушка подошел к столу и сел на скамью около чьей-то головы* (Чехов) (*у, ? *возле*).

Заметим, что в примере (3) Y существенно меньше X-а, хотя, как правило, Y должен быть больше X-а. В разделах 2.1, 2.2 уже были отмечены некоторые условия, позволяющие нарушить данное требование к выбору ориентира. В примере (3) выбор ориентира связан с его значимостью (Y [голова] как бы олицетворяет самого человека). Значимость Y-а может определяться также тем, что он фактически олицетворяет какое-то более широкое пространство, в котором находится (например: *Я села около вазы с цветами*, т. е. X сел за стол там, где стоит ваза с цветами) или же с Y-ом может быть связана необходимость каких-то действий X-а (например: *Я села около пирога с капустой, и мне пришлось раскладывать его по тарелкам*).

Допуская наибольший из возможных размеров области R для данного Y-а, предлог *около* при этом необязательно показывает, что X занимает всю эту «область» или занимает позицию, близкую к внешнему краю R. Поэтому во многих контекстах предлог *около* относится к таким ситуациям, которые могли бы описываться и предлогами *у* и *возле*. Например:

(4) *Около крайней избы поселка стояла баба в короткой исподнице...* (Чехов) (у *крайней избы*, *возле крайней избы*).

{5) *...стоит ...большой дом, а около дома кучка народу, все суетятся и о чем-то спорят* (у *дома*, *возле дома*) (жур.).

(6) *Встретимся около метро* (у *метро*).

Рассмотрим еще один аргумент в пользу того, что в семантике предлога *около* Y характеризуется только как центр, а не геометрическая фигура, участвующая в формировании очертаний R. Другими словами, «область» R не представлена как создаваемая линией пересечения Y-а с горизонтальной поверхностью земли, пола и т. п. Это утверждение согласуется с регулярностью употребления предлога *около* при описании ситуаций, в которых X перемещается или как бы висит в воздухе, а также в которых плоскости опоры X-а и Y-а находятся на разных уровнях.

(7) *Вечерние сумерки. Крупный мокрый снег лениво кружится около только что зажженных фонарей* (Чехов, пример взят из ССРЛЯ).

(8) *...вероятно, около самой черной тучи летали перекасти-поле* (Чехов).

(9) *Резко чернели профили узкой колокольни и маленького купола церкви. Около светились два огонька и отражались в воде* (Вересаев, пример взят из ССРЛЯ).

Представлением Y-а как просто центра «области» R можно объяснить и употребление предлога *около* при Y-е, соответствующем мелким предметам (например, тарелка, чашка), которые трудно увидеть как создающие особые пространственные 'ниши', образующие местонахождение X-а.

(10) *Около красивой фарфоровой чашки лежала маленькая серебряная ложка* (`у, возле).

(11) *Около флакона духов стояла пудреница.*

Рассматриваемая особенность семантики предлога *около* объясняет и некоторые стилистические эффекты, которые возникают при замене *возле* на *около*. См., например:

(12) *Я был отрезан от мира — вдвоем с ней, I была где-то там, у меня за спиной, возле шкафа. Юнифа шуришала, падала — я слушал — весь слушал* (Е. Замятин).

Подстановка в данный контекст предлога *около* (*I была где-то там, у меня за спиной, около шкафа*) резко снижает напряженность, интенсивность повествования. Это можно объяснить тем, что предлог *возле* задает некоторое ограниченное замкнутое объемное пространство (пространственная ниша, формируемая пересечением вертикальной плоскости шкафа и пола). Такой образ помогает читателю, вслед за героем повествования, сосредоточить все внимание на одном маленьком участке пространства, где находится X. Напротив, выбор слова *около* расширяет и размывает границы этого пространства, чему еще способствует характерное для предлога *около* представление области R

как части более широкого пространства (в данном случае комнаты). Это способствует рассредоточиванию внимания.

См. также употребление предлогов *около* и *возле* в примерах (13 и 14):

(13) *...точно в уголке ада, пылает около шалаша багровое пламя, окруженное мраком* (Бунин).

(14) *Начинает он суетиться, начинает говорить без умолку, ...покрикивает на Аленку, разводит возле сторожки большой яркий костер* (Ю. Казаков).

Употребление предлога *у* в обоих примерах исключено, так как *X* не может быть расположен в самой ближайшей к *Y*-у части примыкающего пространства. Что же касается предлогов *около* и *возле*, то их распределение по примерам (13) и (14) согласуется с постулируемыми значениями. В примере (13) *Y* не воспринимается как формирующий пространство, в котором помещен *X*. Это только центр, по отношению к которому выделяется некоторая часть пространства поля, в которой и находится *X* (заметим, что Бунин регулярно употребляет предлог *возле*, поэтому выбор здесь предлога *около* можно считать неслучайным). Напротив, в контексте примера (14) рассматривается замкнутая часть пространства, создаваемая шалашом и примыкающей частью земли, где костер разводится специально, чтобы создать уютную атмосферу.

Часто характеристика *Y*-а как «центра» *R* возникает на фоне эксплицитного или имплицитного представления о разбиении общего широкого пространства *S* на подобласти с разными центрами, одним из которых является *Y*.

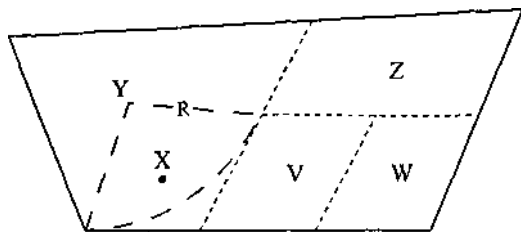

Рис. 2

Y, Z, V, W — центры пространств внутри общего пространства *S*

Первый тип разбиения можно проиллюстрировать примерами, в которых рассматривается ограниченное, замкнутое пространство. См. (15):

(15) *Вера Корнильевна вышла и увидела, что прямо на полу около запертой каморки старшей сестры, близ большой лестницы, вытянулся долговязый мужчина...* (Солженицын).

При этом необязательно предполагается, что все пространство *S* подразделено на подпространства. Иными словами, употребление слова *около* необязательно соответствует картинке, изображенной на рис. 2.

Описываемые ситуации могут быть изображены и следующим образом — см. рис. 3.

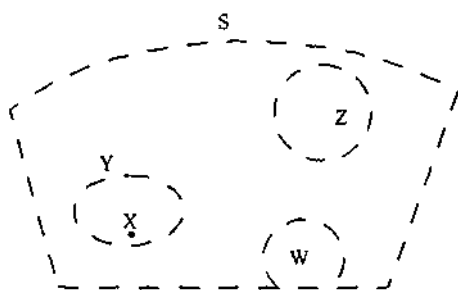

Рис. 3

Y, Z, V, W — центры пространств внутри
общего пространства S

центров, по отношению к которому разделяется общее пространство.

(16) *Там, около швейцара, стояла, надевая перчатки, молодая девушка с длинными косами (жур.).*

Рассматриваемое условие (Y — один из центров деления общего пространства) не является обязательным. Y может выбираться в качестве ориентира для установления местонахождения X-а вне сопоставления с другими потенциальными ориентирами. Например: *Где она? — Давон там, около высокого молодого человека.* Нельзя также сказать, что в контексте деления общего пространства на подпространства не могут употребляться предлоги *у* и *возле*. Можно только утверждать, что вследствие представления Y-а просто как центра R рассмотренное условие приобретает большую значимость для функционирования предлога *около*.

Таким образом, особенности употребления предлога *около* согласуются с выдвинутой гипотезой о том, что в семантике этого слова Y выступает только как центр, по отношению к которому выделяется примыкающая к нему часть пространства.

Поскольку в семантике слова *около* реальная геометрическая форма Y-а не принимается во внимание, нет оснований проводить различие между ситуациями, которые доступны или недоступны непосредственному визуальному наблюдению (т. е. могут или не могут попасть в пределы окоема человека). Напомним, что это различие было существенным для выявления условий употребления предлогов *у* и *возле*: при описании ситуаций, недоступных визуальному наблюдению, эти предлоги либо вообще не употребляются (**Он живет в маленьком городе у Москвы*), либо используются в особых значениях (*Волга поворачивает на запад у Саратова*). Напротив, семантика слова *около*, по-видимому, не претерпевает никаких изменений при употреблении со словами, обозначающими города, улицы и т. д. Например:

Второй тип выделения центров характерен для больших пространств, в рамках которых учитываются лишь немногие подпространства, потенциально способные выступить в качестве места действия (например, места встречи — см. (6)). В функции Y-а при актуализации немодифицированного значения *около* может выступать и человек. Обычно при этом он рассматривается как один из

(17) *Самое сильное впечатление тех лет — древний Херсонес, около которого мы жили* (Ахматова).

(18) *Он жил в одном из переулков около Арбата.*

Правда, при У-е, входящем в класс 'город', 'село', возникает «конкуренция» в употреблении предлогов *около* и *под*. Последний предлог нами не рассматривался.

Приведем теперь некоторые аргументы в пользу сделанного выше утверждения о том, что предлог *около* представляет R именно как «область» У-а. При рассмотрении этих аргументов мы часто будем прибегать к сопоставлению предлогов *около* и *рядом с*. Такое сопоставление связано с тем, что они противопоставлены друг другу прежде всего по признаку представления пространства нахождения X-а как «области» или напротив, не «области» У-а, т. е. В данном случае — пространства, находящегося на ближайшем расстоянии к У-у, но при этом отдельного, независимого от него, не имеющего У в качестве своего центра (см. гл. III).

Первый аргумент связан с характером взаимодействия X-а и У-а. Если X и У представлены как отделенные друг от друга какой-то границей, т. е. как находящиеся в разных пространствах, то возможность их взаимодействия видится как требующая какого-то движения, т. е. перемещения самого X-а или хотя бы партитивного движения — движущейся при этом является лишь часть X-а. Представление о движении может также распространяться на некоторые типы восприятия — перцептивное движение (отмеченные типы движения подробно рассматриваются со ссылками на С. Линдер, Бругман, Дж. Лакоффа и Р. Лангакера в статье В. А. Плунгяна и Е. В. Рахилиной [1997]). Другими словами, при разделенности пространств взаимодействие X-а и У-а представлено как результат пересечения границы, разделяющей X и У. Напротив, само нахождение в «области» У-а уже предполагает возможность воздействия У-а на X или X-а на У (характер учитываемого воздействия может быть разным в зависимости от частного значения). Поэтому одним из доказательств вхождения в семантическую структуру слова понятия «области», как уже указывалось в разделе 2.1, служит употребление в контекстах, предполагающих непосредственное взаимодействие X-а и У-а, установление которого не зависит от перемещения X-а или У-а в другое пространство. Представление о характере взаимодействия X-а и У-а может полностью предопределяться контекстом, но часто оно обособляется в особое значение, как это было показано при анализе предлогов *у* и *возле*, или во всяком случае лежит в основе модификации исходного значения. Именно этот последний статус данная информация получает, как мы полагаем, в семантике предлога *около*. Ниже (в разделе 2.3.2) будут рассмотрены различные типы взаимодействия X-а и У-а, а сейчас просто проиллюстрируем сказанное на некоторых примерах.

Предлог *около* встречается в контекстах, в которых Y представлен как источник какого-то излучения, которое X , находясь в R , может использовать. Например:

- (19) *Солдаты грелись около костров* (Солженицын) (ср. неправильное: *...рядом с кострами*).

Предлог *около* может также употребляться, если осуществляемая X -ом деятельность имеет своим объектом какие-то предметы, расположенные на, в Y -е. Например:

- (20) *Проходите, — сказала женщина, хлопотавшая около стола* (ср. неправильное: *...рядом со столом*).

Подробнее типы связей между X -ом и Y -ом будут рассмотрены ниже.

Рассмотрим теперь еще один аргумент в пользу того, что предлог *около* представляет R как «область» Y -а. Если X является частью «границ» независимого от Y -а пространства Z (скажем, X — дверь комнаты Z , а Y — какая-то другая отдельная часть квартиры), то предлог *около*, так же как и все остальные предлоги, указывающие на «область» Y -а, употребляться не может. Например:

- (21) **Тут он взглянул на дверь в кабинет Берлиоза, бывшую около передней, и тут, как говорится, остолбенел* (ср. также **у передней, *возле передней*).

При выборе этих предлогов создается впечатление, что дверь отделена от кабинета и перемещена в переднюю. Этот запрет полностью согласуется с постулируемым нами значением предлога *около*: объект, составляющий часть границ другого независимого от Y -а пространства Z , не может восприниматься как входящий в пространство, относящееся к Y -у, а не к Z . Нормативным в этих условиях будет употребление предлога *рядом с*, которое и показывает, что X находится в независимом от Y -а пространстве (см. гл. III).

Рассмотрим еще один аргумент. По определению, понятие «области» предполагает, что R начинается прямо от Y -а. X же может занимать разные позиции в пределах R , в том числе и позицию непосредственного примыкания. В тех случаях, когда сам X представляет собой пространство, часто возникает впечатление, что X (точнее ΣX , т. е. X , состоящий из суммы частей) занимает именно позицию непосредственного примыкания к Y -у. Например:

- (22) *Высокий баллон с кислородом стоял в отдельном запертом сейчас коридоре — в том коридоре около рентгеновских кабинетов, где когда-то Гангарт впервые уложила промокшего умирающего Костоглова* (Солженицын).

Допустимость непосредственного примыкания X-а к Y-у, которое само по себе уже ассоциируется с посессивными отношениями, позволяет выделить из общего пространства, соответствующего ΣX , какую-то часть, которая непосредственно примыкает к Y-у. Например:

(23) Двор *около* дома засыпан был гравием (Ю. Казаков).

Такой способностью вычленять из целого его часть слова типа *рядом* не обладают. При их употреблении для указания на то, что X является частью некоторого большего пространства, нужно ввести другие специальные языковые средства (например: *та часть дороги, которая проходит рядом с нашим домом*).

Противопоставленность 'около Y-а/в Y-е'. Предложенная трактовка исходного значения слова *около* согласуется с тем, как может интерпретироваться противопоставленность 'быть около Y-а, но не в Y-е' в условиях, где Y представляет собой пространство. Нахождение в «области» Y-а естественно означает, что локусом X-а не является сам Y. Это справедливо по отношению ко всем рассмотренным выше словам. Но именно предлог *около* обычно употребляется в контекстах, в которых R воспринимается лишь как 'подступ' к Y-у, представляющему собой то место, где X хотел бы находиться. Например:

(24) Я был *около* ее дома, но *внутри* меня не пустили.

Ср.:

(25) Я был *близко от* ее дома, но *внутри* меня не пустили.

(26) Я был *рядом с* ее домом, но *внутри* меня не пустили.

(27) Я был *у* ее дома, но *внутри* меня не пустили.

(28) Я был *возле* ее дома, но *внутри* меня не пустили.

См. также:

(29) Ваш корреспондент ведет передачу из телефонной будки *около* Центризбиркома (радиопередача; в последующем тексте указывается, что корреспондент не был допущен в здание Центризбиркома).

Неупотребляемость в таких текстах слов *близко*, *рядом* логически легко объяснима: они сообщают о нахождении X-а на некотором расстоянии от Y-а, и, таким образом, предполагают противопоставленность не нахождению внутри, а нахождению в позиции непосредственного примыкания к Y-у.

(30) Я был *близко от* ее дома, но *подойти к самому дому* не смог.

(31) Я был *совсем рядом с* ее домом, но *к самому дому* меня не пропустили.

Противопоставленность 'быть близко от Y-а, рядом с Y-ом, НО не попасть в Y' естественна в контекстах, в которых сообщается, что близость расстояния не

7. Русские пространственно-дистанционные предлоги и наречия

послужила основанием для того, чтобы X пришел, зашел в Y (т. е. сам X не мог или не захотел).

(32) *Я был рядом с вашим домом, но к сожалению не смог зайти к вам.*

Колебания в оценках примеров с предлогами *у* и *возле* при противопоставленности 'подступ/желаемое местонахождение' можно объяснить тем, что эти предлоги вносят представление не просто о пространстве, примыкающем к Y-у, а о пространстве, обладающем своими особыми характеристиками (физическими, геометрическими и т. д.). Вследствие этого данные предлоги более естественно употребляются не при противопоставлении R и Y-а как двух пространств, различающихся по принципу 'подступ/желаемое местонахождение', а как обладателей разных физических характеристик. Например:

(33) *Я долго сидел у дома, но входить внутрь мне не хотелось.*

Противопоставленность 'X в R, но не в Y-е' важна и для переносных употреблений слова *около*. Например:

(34) *Мы упали около прибоа.
Мы упали около любви (Евтушенко).*

Ср. также такие употребления, как *около ста рублей, около тридцати лет*.

Итак, проведенный анализ позволяет утверждать, что, в отличие от предлогов *у*, а также *возле* (во всяком случае, в индивидуальных «языках» тех говорящих, которые разграничивают *около* и *возле*), слово *около* не показывает, что Y формирует геометрические очертания примыкающего к нему пространства, т. е. примыкающая к R сторона Y-а не является стороной пространства R. Поэтому геометрическая форма Y-а здесь не существенна, важна только величина размера, и некоторую роль играет представление о том, что Y имеет какую-то определенную форму. Вместе с тем есть основания считать, что примыкающее к Y-у пространство воспринимается именно как «область», а не пространство, находящееся очень близко от него, но независимое, отдельное от него. Аргументы в пользу данного утверждения будут рассматриваться и ниже.

2.3.2. *Непространственные отношения между Y-ом и X-ОМ в семантике пространственного слова около*

Во втором разделе будут рассмотрены различные непространственные отношения между X-ом и Y-ом, которые наслаиваются на их пространственные связи. Как будет видно из дальнейшего изложения, характер этих отношений часто определяется контекстом и, следовательно, они могли бы не учитываться в семантическом описании. Однако некоторые из контекстных вариантов предлога *около*

коррелируют с особыми значениями других членов микросистемы (у и *возле*), приобретая, таким образом, системную значимость. Для обозначения таких контекстных вариантов мы используем термин «модификация». Как уже говорилось, грань между особым значением и контекстным вариантом часто размыта. Термин «модификация» удобен для таких промежуточных случаев. При этом зависимость от контекста оказывается не полной и выделяются отдельные признаки, которые наслаиваются на исходное значение слова. Такая ситуация имеет место в семантике слова *около*. Важно, однако, подчеркнуть, что рассмотрение некоторых выделяемых ниже модификаций именно как модификаций, а не особых значений, носит предположительный характер. Так, например, к числу модификаций будут отнесены случаи выражения агентивных отношений, хотя в семантике слова *возле* сходные отношения были выделены в особое значение. Принятое решение определялось тем, что в семантической структуре слова *около* указание на агентивную функцию скорее добавляется к исходному (прототипическому), собственно пространственному значению. Напротив, в семантике слова *возле* выделение такого обобщенного исходного значения менее очевидно (по крайней мере в речи тех говорящих, которые не отождествляют *около* и *возле*). Вследствие этого, отдельные семантические различия приобретают, как кажется, большую значимость.

2.3.2.1. У как источник физических характеристик «области» R (модификация первого значения)

Предлог *около* может употребляться, так же как и предлог у и *возле*, в контекстах, в которых У выступает в качестве источника излучения, чаще всего теплового, и определяет таким образом соответствующие характеристики, примыкающего к нему пространства (см. об этом также выше). Например:

(1) *Замерзшие дети грелись около теплой печки.*

Сопоставим данное употребление предлога *около* с предлогами у и *возле*. Семантика предлога *около* в рассматриваемых условиях полностью предопределяется его инвариантными признаками и контекстом. Однако подобные случаи можно выделить в особую модификацию, поскольку они коррелируют с третьим значением предлога у. В отличие от этого последнего предлог *около* не связан с представлением о создании особой «психофизической среды», которая может ассоциироваться с отдыхом, успокоением, а иногда также осуществлением «ритуальных» действий {*попели песни у костра и ушли*). Поэтому замена *около* на у далеко не всегда несущественна для передачи характера ситуации. Так, в довольно динамическом контексте, к которому относится пример (19), раздел 2.3.1, подстановка предлога у вряд ли была бы удачна: описывается не отдых после боя, а временное, полное тревожного ожидания затишье.

В контекстах примеров типа (19) (раздел 2.3.1) X относится к классу 'люди' и представлен как тот, кто «помещает себя» в такую пространственную позицию, что становится объектом непосредственного воздействия Y-а. Рассматриваемая модификация значения предлога *около* может также реализовываться в высказываниях, в которых описывается состояние окружающей среды, а воспринимающий субъект не обозначен. Например:

(2) *Около горящей избы стало жарко и так светло, что видна была каждая травинка.*

По мнению большинства опрошенных (8 человек), выбор предлога *у* был бы здесь неудачен. В этом контексте реализовалось бы первое значение предлога *у*, которое указывает на самую ближайшую к Y-у часть пространства. Такая информация не соответствует характеру ситуации—вовлекаемая в рассмотрение «область» несомненно более широкая. Значение же *у*, здесь не может актуализироваться, так как общий контекст не соответствует представлению о том, что мы назвали выше 'психофизической' средой, которая в случае, если Y—источник тепла, ассоциируется с ощущением уюта, успокоения.

В приведенном контексте предпочтение отдается предлогу *около* и по сравнению со словом *возле* (хотя в отношении этого выбора были большие колебания). Это можно объяснить следующим: предлог *возле* вносит представление о пространстве, заключенном между вертикальной плоскостью Y-а и примыкающей к нему горизонтальной поверхностью; в контексте же данного примера разрушающийся Y уже не воспринимается как задающий одну из плоскостей пространства, здесь существенно только «состояние» примыкающего к Y-у пространства. Y же выступает только как причина этого состояния (ср. напротив: *Возле печки стало жарко сидеть, и он отодвинулся*). Важно также, что в примере (3) внимание акцентируется не только на прямом воздействии Y-а, но и на том, как выглядит сама поверхность пространства R {видна была каждая травинка}. Подобные же причины определяют несомненную предпочтительность выбора именно предлога *около*, который и употреблен в оригинальном тексте, в следующем стихотворном отрывке:

(3) *Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор* (Некрасов).

В примере (3) акцент перенесен на свойства пространства (R), которые скорее всего не предопределяются однозначно Y-ОМ.

2.3.2.2. Y — объект действий X-а или предмет оборудования

Рассмотрим теперь употребление предлога *около* в следующих контекстах: X—человек, а Y—какой-то относительно крупный объект, на который непо-

средственно направлено действие X-а или который используется в качестве предмета оборудования в широком смысле этого понятия, что позволяет подвести под него и такие понятия, как рояль, пианино и т. д. Y может выступать также в роли локуса, содержащего объект действия X-а.

Отметим, что требования к величине Y-а не очень жесткие. Более существенна его функциональная значимость (как предмета оборудования), а также представление о том, что именно Y определяет местонахождение X-а, так как пространственное положение Y-а воспринимается как относительно постоянное. Как уже отмечалось, постоянность местоположения характерно для «идеального» релятума и может в известной степени компенсировать неточность размера Y-а. Относительно большой размер Y-а и/или постоянность пространственного положения и позволяют видеть Y как того, кто определяет пространственное положение агенса действия. В функции Y-а здесь обычно выступают такие объекты, как станок, пианино, плита, керосинка, т. е. объекты, с которыми конвенционально связано осуществление какого-то рода деятельности. В разделе 2.1.2 отмечалось, что, как правило, в этих условиях используется предлог *у*. Употребление же предлога *около*, как будет показано ниже, имеет место относительно редко. Это можно частично объяснить тем, что данный предлог задает максимально большую «область» для каждого данного релятума. Поэтому положение X-а необязательно связывается с самой ближайшей к Y-у частью пространства, в которой обычно должно помещаться место агенса действия. Тем не менее есть условия, при которых предлог *около* регулярно употребляется в контекстах рассматриваемого типа. Предлог *около* используется, если функция X-а заключается главным образом в том, чтобы следить за Y-ом ИЛИ за чем-то, что находится в, на Y-е, и ждать, не произойдет ли что-либо или когда что-то произойдет, закончится, начнется. Например:

- (1) *Две женщины, стоя около своих керосинок, переругивались.*
- (2) *Стоявшая около дверей стража насторожилась.*

В этих ситуациях точное положение X-а по отношению к Y-у несущественно.

Есть также контексты, в которых важно именно показать, что X не занимает ближайшую к Y-у позицию. Например:

- (3) *Около нашей дачи, ни от кого не таясь и не прячась, КГБ установил дежурство — черная Волга, а в ней несколько человек (Г. Вишневская).*

(Хотя в последнем примере X соответствует самой осуществляемой деятельности, мы объединили его с примерами типа (1), (2), так как здесь предполагаются те же самые элементы ситуации, хотя и по-разному сгруппированные в описании.)

В примерах (1), (2) можно употребить и предлоги *у* и *возле*. Напротив, в примере (3), в котором важно, что предлог *около* допускает положение X-а на довольно большом расстоянии от Y-а, замена предлогов существенно изменяет смысл. Так, при подстановке предлога *у* создается впечатление, что машина стояла в самой непосредственной близости к дому. Представление о большей близости к дому возникает и при выборе предлога *возле*. Это, в свою очередь, приводит к тому, что предложение скорее понимается как сообщение о слежке не за обитателями дома — R Y-а лишь место, из которого ведется слежка за кем-то другим. Другая интерпретация, в соответствии с которой действия X-а направлены против Y-а (точнее, обитателей дома), менее вероятна. Напротив, эта интерпретация — наиболее естественна для примера (3).

Приведенные случаи употребления слова *около* относятся, как уже было сказано выше, к такому роду деятельности, в рамках которой период «ожидания» занимает довольно большое место, и сами действия не связаны с «работой» в собственном смысле. См. также:

(4) *...ия, как в детстве, сажусь на корточки около вороха соломы, резко пахнувшей уже зимней свежестью...* (Бунин) (в последующем контексте указывается, что X должен подбрасывать солому в печь).

Кроме того, предлог *около* регулярно употребляется, если характер описываемого действия предполагает постоянные перемещения X-а, траектория движения которого приближается к линии окружности, опоясывающей Y.

(5) *Тут он отвернулся, чтоб скрыть свое волнение, и пошел ходить по двору около своей повозки, показывая, будто осматривает колеса* (Лермонтов).

{6} *«Рада тебя видеть!» — воскликнула женщина, хлопотавшая около стола...*

Употребление предлога *у* в этих контекстах оценивается как не совсем удачное — по мнению всех опрошенных, предлог *у* задает здесь слишком маленькую пространственную область.

В контекстах, в которых траектория перемещения X-а скорее проходит от Y-а к внешним границам области R и назад, обычно предпочтение отдается предлогу *возле* (см. раздел 2.2.1). Однако некоторые информанты используют в этих случаях и предлог *около*.

В особую подгруппу можно выделить высказывания со словом *около*, в которых как бы подводится итог времяпрепровождения в рамках какого-то периода, в течение которого достаточно большое место могли занимать и перемещения, близкие к движению по окружности или ее части.

(7) *Весь вечер мы провели около пианино.*

(8) *Весь день я провела около плиты.*

В отличие от примеров (5), (6), в предложениях (7), (8) можно было бы употребить и предлог *у*. Предлог *около*, в отличие от предлога *у*, несколько усиливает акцент на том, что времяпрепровождение было связано с какими-то перемещениями вдоль окружности *У*-а. Неуместность такого акцента объясняет неудачность замены предлога *у* на предлог *около* в названии радиопередачи «У рояля» (8 информантов).

В современных текстах предлог *около* не встречается при глаголах, указывающих непосредственно на само действие, объектом которого является *У*. Примеры типа (9) оцениваются как архаичные.

(9) — *Будет готов, мое серденько, после праздника будет готов. Если бы ты знала, сколько возилса около него (сундука) (Гоголь).*

В современном языке здесь был бы употреблен предлог *с* (...*сколько с ним возилса*).

При отсутствии перечисленных выше условий предлог *около* не употребляется. Так, нельзя заменить предлог *у* на *около* в контекстах:

(10) *Елена {урояля, берет один и тот оке аккорд}. Уехал, как уехал... (Булгаков) (ср.: *около рояля, берет один и тот же аккорд).*

(11) *...а как стала платить у кассы, туфли у нее исчезли (Булгаков) (ср.: *а как стала платить около кассы, туфли у нее исчезли).*

Употребление предлога *около* в рассмотренных условиях можно считать особым вариантом (или модификацией) первого значения. По-видимому, можно считать, что здесь центральную роль играет именно представление о том, где находится *X*; указание же на то, что он при этом делает, несколько отодвинуто на задний план. В пользу сделанного утверждения говорит то, что сам характер описываемых действий либо прежде всего и состоит из самого нахождения в *R* («следить», «сторожить» и т. п.), либо связан с перемещением в *R* по траектории, соответствующей очертаниям *R* (движение по окружности).

2.3.2.3. Посессивные отношения между *X*-ом и *У*-ОМ (*X* — предмет, *У* — человек)

Предлог *около* употребляется в контекстах, в которых *У* относится к классу «люди» или соответствует месту, где находятся люди (*У* — место, где человек лежит, сидит, живет). *X же* — предмет, предназначенный для того или иного использования *У*-ом. *X*-у может также соответствовать та или иная часть территории, строений, относящихся к *У*-у. Мы выделяем эти случаи употребления в

особый вариант значения, так как здесь, как попытаемся показать ниже, вводится представление о посессивных отношениях между X-ом и Y-ом, которые не вытекают однозначно из понятия «области» Y-а, хотя и связаны с ним. При этом чаще всего речь идет о периферийных посессивных отношениях. Информация о посессивных отношениях не приводит к преобразованию пространственных отношений между X-ом и Y-ом, которые были рассмотрены выше. Вследствие этого мы говорим здесь о модификации, а не об особом значении. Напомним, что при Y-е, входящем в класс 'люди', предлог *у* употребляться не может, что расширяет сферу употребления предлога *около*. В рассматриваемых условиях предлог *около* чаще всего употребляется в высказываниях, главная цель которых — указать, какими предметами, входящими или попадающими в 'поле' его посессивности, оказывается окружен Y. Так, этот предлог выбирается, если X относится к предметам, находящимся в «области» R, именно в силу того, что они конвенционально должны быть при Y-е. Например, если Y — больной, X может входить в число предметов, предназначенных для ухода за ним и лечения:

(1) *Около больного лежали градусник и коробочка с лекарствами.*

X может быть также предметом «личной» собственности Y-а.

(2) *Около больного стояла ваза с цветами.*

Предлог *около* используется также, если окружающие Y предметы дополняют как бы общий визуальный образ, связанный с Y-ом. Например:

(3) *Он сидел в мягком кресле. Около него на небольшом столике стояли старинные часы, похожие на те, которые я видел в Михайловском.*

Часто при этом в функции Y-а выступает не сам человек, а предмет мебели, на котором он сидит или лежит.

(4) *Около постели стояла зажженная свеча.*

Предлог *около* выбирается также в тех случаях, когда X сам по себе не является принадлежностью Y-а, но само пространственное положение X-а создает возможность сделать его хотя бы временным элементом собственности, т. е. взять его и использовать тем или иным образом. Например:

(5) *Во время вчерашней болтовни лежала на столе около них большая и довольно тяжелая линейка для расчерчивания ведомостей — не фанерная линейка, а из струганой досочки. И весь вечер у Костоглотова был соблазн — взять эту линейку и положить на полочку ее груди — проверить: соскользнет или не соскользнет (Солженицын).*

Предлог *около* встречается и в контекстах, в которых речь идет о помещении X-а в «область» Y-а для какого-то воздействия на Y. Во всех найденных примерах X являлся источником излучения. Например:

{6) *После полудня она начала томиться жаждой. Мы отворили окна — на дворе было жарче, чем в комнате; поставили льду около кровати — ничего не помогло* (Лермонтов).

Употребляется предлог *около* и в контекстах, в которых речь идет о помещении X-а, уже связанного с Y-ом тем или иным посессивным отношением, в пространство, примыкающее к Y-у, с тем, чтобы Y имел его при себе. При этом необязательно предполагается, что цель такого помещения связана именно с его использованием. Цели могут быть разные, например, для того, чтобы охранять X, не потерять и т. п. Например:

(7) *Яположил ружье около себя* (боясь, что его украдут).

(8) *Япоставил чемодан около себя*.

В контекстах, сходных с рассматриваемыми, регулярно употребляется также предлог *рядом с*. Их различие, как нам представляется, можно определить следующим образом: предлог *около* акцентирует внимание именно на принадлежности X-а Y-у, а не на его вовлеченности в действия Y-а, а предлог *рядом с* — на использовании. Поэтому, например, предложение (4) будет соответствовать норме, независимо от того, будет ли в последующем контексте сообщаться об использовании X-а Y-ом или нет. В отличие от этого предлог *рядом с* требует, чтобы последующий контекст содержал сообщение типа: *Она взяла ее и пошла к двери*. Обычно информанты (8 человек из 10) считали неудачной подстановку предлога *рядом с* в примере (2)—предположение о дальнейшем использовании X-а здесь наименее вероятно. В контекстах потенциальной возможности применить X в каком-то действии, предлог *рядом с* предпочитается, если X специально помещается в R с тем, чтобы его можно было использовать. Например:

(9) *Яположил ружье рядом с собой* (на случай нападения).

Напротив, в тех контекстах, в которых X лишь случайно оказывается в пределах досягаемости Y-а и речь идет лишь о потенциальной возможности использовать X, предпочтение отдается предлогу *около*. См. пример (5).

При объективной равнозначности для контекста отношений посессивности и актов использования предлоги *рядом с* и *около* оказываются взаимозаменяемыми. Например:

(10) *На столике, рядом с кроватью (около кровати), стояла зажженная свеча. Она взяла ее и пошла открывать дверь*.

Эти предлоги оказываются взаимозаменяемы и в контекстах примеров (5), (6). В обоих примерах важна идея использования X-а. Но все же выбор предлога *около* скорее не является случайным. В примере (5) ведущую роль играет нахождение X-а в «области» Y-а, что и наводит Y на мысль о возможности использования X-а, причем эта возможность связана не с преодолением расстояния, а с тем, что X оказывается «во власти» Y-а. Ср. напротив:

(11) *Во время взрыва я оказался рядом с камином, и это спасло мне жизнь (около).*

В примере же (6) само использование не предполагает какие-либо изменения, а определяется воздействием X-а на Y при нахождении в «области» Y-а. Таким образом, несмотря на то, что различие между *рядом с* и *около* в рассматриваемых условиях очень тонкое, оно все-таки влияет на особенности употребления данных слов.

Остановимся теперь на описании ситуаций, включающих следующие актанты: Z—**субъект** действия, X—**некоторый** объект, являющийся внешней частью Y-а, но расположенный от него на некотором расстоянии (т. е. не его внутренняя часть), V—**действие**, объектом которого является X. В контекстах подобного типа регулярно употребляется предлог *около*, например:

(12) *Сам еще тогда здравствовавший сотник Л... ко вызывал его нарочно в Полтаву выкрасить дощатый забор около его дома (Гоголь).*

(13) *Я попросил его постричь газон около нашего дома.*

Описываемое действие может также относиться к классу 'создавать'. X при этом может быть представлен хотя и непредметным существительным, но таким, что его денотат должен включать в себя набор предметов. Например:

(14) *В поредевшем саду далеко видна дорога к большому шалашу, усыпанная соломой, и самый шалаш, около которого мещане обзавелись за лето целым хозяйством (Бунин).*

При этом, однако, важно, чтобы X в принципе мог относиться к классу 'посессивных' объектов (например, не относиться к объектам типа ров, яма) и чтобы не было указания на принадлежность X-а какому-то другому лицу или предмету (не Y-у). При замене предлога *около* на предлог *рядом с* в данной синтаксической модели возникает представление, что X не принадлежит Y-у, а просто расположен на близком расстоянии от него, см. (15):

(15) *Я попросила его постричь газон рядом с нашим домом.*

Итак, в контекстах, в которых Y относится к классу «человек» или место, где лежит, сидит человек (S_Y), а X соответствует такому классу объектов, ко-

торые могут быть предметом собственности (в рамках заданной ситуации, т. е. при нахождении в пространстве, примыкающем к человеку, занимающему определенную пространственную позицию—**сидящий**, лежащий или стоящий), предлог *около* показывает, что Y выступает как посессор (по крайней мере, потенциальный) X-а. При этом может предполагаться акт непосредственного использования X-а Y-ом, **НО ЭТО** условие определяется лишь контекстом и от него не зависит выбор предлога *около*.

В контекстах, в которых Y-у соответствует место «жительства» (дом, шалаш), а X может потенциально рассматриваться как отдельная его часть, при описании действий, производимых над X-ом, предлог *около* показывает, что X—**часть** общего целого.

2.3.2.4. Характер отношений между X-ом и Y-ОМ, когда X и Y относятся к классу «люди»

В тех контекстах, в которых X и Y относятся к классу «люди» или—**шире**—одушевленные существа, они чаще всего представлены как связанные между собой не чисто пространственными отношениями (контексты, в которых Y выступает в роли 'чистого' ориентира, были рассмотрены выше, раздел 2.3.1). Характер этих отношений не одинаков и зависит, с одной стороны, от предиката, а с **другой**—от целевой направленности высказывания, что в свою очередь связано с характером общего контекста или описываемой ситуации.

Некоторые из этих отношений близки к тем, которые были рассмотрены при описании употребления предлога *около* с именами, обозначающими предметы. Так, предлог *около* может использоваться в контекстах, в которых речь идет о том, какие позиции друг по отношению к другу занимают члены собравшейся в одном месте группы людей, связанных между собой объединяющими их отношениями (например, члены совещания, группа собравшихся где-то знакомых и т. п.). Функция предлога *около* здесь близка к той, которую он выполняет при описании, например, расположения предметов мебели. Разница, однако, заключается в том, что релятум здесь выбирается не по размеру, а по другим критериям. Одним из них служит иерархическое положение Y-а в рамках той или иной классификации, существенной для данного отдельного контекста. Так, если один из присутствующих занимает более высокий пост в государстве или в каком-то отдельном учреждении **и—особенно—если** занимаемый пост воспринимается не как временная должность, а как внешнее проявление особой его значимости, то именно он должен выступить в функции Y-а (по крайней мере, в контекстах, в которых Y воспринимается в рамках данной иерархии). Например:

(1) *Около Сталина сидел Молотов* (а не: **Около Молотова сидел Сталин*).

Другой тип иерархии может быть связан с характером личных отношений между X-ом и Y-ом. (Например, X — поклонник Y-а.)

(2) *Ее поклонник, как всегда, сидел около нее (а не: *Она, как всегда, сидела около своего поклонника).*

При сопоставлении по линии 'хозяин' и 'гости' хозяин обычно воспринимается как 'главная фигура', хотя в подобных ситуациях возможен выбор релятума и в зависимости от других оценок (например, социальная значимость, возрастные деления). В рамках цепочки 'герой повествования — «незнакомец» («какой-то человек»)', 'я — «незнакомец» («кто-то»)' функция Y-а обычно приписывается говорящему или герою повествования.

(3) *5 театре около меня сидел какой-то странный молодой человек, который непрерывно шуришал бумажками и мешал мне слушать.*

Однако новый вводимый персонаж также может выступить в функции релятума (Y-а). Это возможно в контекстах, в которых он уже занимал место до появления говорящего или уже известного персонажа повествования. Например:

(4) *Меня посадили около какого-то молодого человека, удивительно похожего на Блока.*

При отсутствии первенства во времени выбор «незнакомца» в качестве релятума возможен, если говорящий хочет представить свое пространственное положение около Y-а как счастливую или несчастливую случайность. Такое представление ситуации делает X подчиненным обстоятельствам и в этом смысле также занимающим более низкую иерархическую позицию. Например:

(5) *Представляете, в театре я сидела около молодого человека, который был удивительно похож на Блока.*

Представление Y-а как занимающего иерархически более высокий статус по сравнению с X-ом, несомненно, связано с понятием посессивности, но не вытекает прямо из этого последнего понятия. Так, в семантику «посессивных» предлогов *у*, *возле* такая информация не входит. Например, странно было бы сказать: *Молотов сидел возле Сталина*. Поэтому указание на иерархические отношения между Y-ом и X-ом можно рассматривать как особый неконтекстный вариант значения предлога *около*.

Иерархические отношения между X-ом и Y-ом могут перекрещиваться с такими отношениями, когда Y выступает как источник той силы, которая заставляет X быть около Y-а. При этом Y может либо прикладывать усилия, либо в силу своих каких-то качеств, привлекательных для X-а, притягивать его к себе. Данные случаи употребления вытекают почти однозначно из посессив-

ных отношений и представления Y-а именно как центра. Они распространяются не только на отношения между X-ом и Y-ом, относящимся к классу 'люди'. В функции X-а в этих контекстах могут выступать также животные, птицы. Например:

- (6) *Целый рой пчел кружился около куста роз.*
 (7) *...он увидел стаю птиц, вьющихся около Павла: одних он кормил из рук, другие сидели у него на голове и на плечах* (Д. С. Лихачев).

Подобные примеры можно было бы рассматривать как простые контекстные варианты первого значения. Однако есть две причины, по которым употребление в рассматриваемых условиях следует выделять в качестве особой модификации. Во-первых, они служат основой для устойчивых образных выражений и для употребления слова *около* при описании «метафорических» пространств.

- (8) *Жениховоколо нее вилось словно пчел около майского розана* (Бестужев-Марлинский).
 (9) *Ты считаешь меня ничтожеством, я в твоих глазах влюбленный студент, которого приятно держать около себя...* (Б. Зайцев).

Во-вторых, в подобных контекстах несколько меняется характер соотношения слов *около* и *возле*, так как предлог *возле* употребляется здесь уже не в своем первом значении. Так, предлог *возле* может употребляться в контекстах, близких к примеру (7). При этом его выбор предпочитается, если Y выступает не столько как центр притяжения, сколько как объект, на который направлено действие X-а (ср. раздел 2.2.2). Например, выбор слова *возле* в среднем более высоко оценивается в таком контексте, как:

- (10) *Птицы вились возле Павла, садились ему на плечи, руки и, казалось, что они рассказывают ему что-то.*

Предлог *около* может также употребляться при описании событийных фреймов. В частности, он встречается в контекстах, в которых X выполняет функцию слушателя или наблюдателя. В отличие от слова *поодаль* (см. раздел 1.4) при этом указывается на ближайшую к Y-у позицию. Например:

- (11) *Николай Иванович говорил возбужденным и бархатным голосом. Екатерина Дмитриевна стояла около, держась за спинку кресла* (А. Толстой, пример взят из ССРЛЯ).

Общий контекст показывает, что речь идет не просто о расположении участников ситуации в пространстве, а о том, что пространственное положение X-а определяется тем, что X выступает в качестве слушателя.

Выше уже отмечалось, что в подобных же контекстах употребляется и предлог *возле*. Разница однако заключается в том, что при употреблении предлога *возле* возникает (во всяком случае у многих говорящих) представление о том, что X слушает, наблюдает с сочувствием. Такой ассоциации нет при выборе предлога *около*. Этот предлог задает только «подчиненную» роль X-а: X — только слушатель, а не равноправный участник разговора. Такой информации не возникает при выборе предлога *рядом с* (см. гл. III). Подчеркнем, что данное условие важно для употребления предлога *около* только в том случае, если его выбор определяется именно ролью в «коммуникативной ситуации», а не какими-то другими иерархическими отношениями между X-ом и Y-ОМ. Так, естественно сказать:

(12) *Ее поклонник, как всегда, сидел около нее, и они о чем-то оживленно беседовали.*

В языке XIX в. предлог *около* употреблялся также в контекстах, в которых нахождение X-а в «области» Y-а определяется «враждебными» действиями X-а по отношению к Y-у. Например:

(13) *Лебедь около плавает, Злого коршуна клюет* (Пушкин, пример взят из ССРЛЯ).

В современном языке употребление предлога *около* в контекстах типа (13) избегается. Так, пример (14) все опрошенные (10 человек) оценивали как странный, не соответствующий норме.

(14) *?Он встал около меня и начал выговаривать за опоздание.*

Ср. нормативное:

(15) *Он подошел ко мне и начал выговаривать за опоздание.*

Наиболее естественно предлог *около* воспринимается в контекстах, в которых действия X-а связаны с той или иной формой обслуживания X-а. Например:

(16) *Весь тот ряд был сегодня лучевой, и они медленно продвигались, Вера Корнильевна садилась около каждого, смотрела, разговаривала* (Солженицын).

(17) *Он сидел около нее и постоянно поправляя плед на ее ногах.*

(18) *Он шел около нее и держал над ней зонт.*

При этом в функции Y-а может выступать не человек, а предмет, на котором сидит, лежит человек.

(19) *Она хотела провести около его постели всю ночь.*

Вероятно, такая тенденция к употреблению *около* связана с влиянием тех контекстов, в которых *У* представлен как занимающий иерархически более высокий уровень. Следует однако подчеркнуть, что отмеченная тенденция не распространяется на те случаи, когда описываемое действие не определяет пространственное положение *Х*-а, а как бы просто сопутствует ему. Например:

(20) *Он сидел в театре около Бори и все время толкал его в бок (щипал его и т. п.).*

Грань между контекстами первого и второго типа часто бывает размыта. Например:

(21) *Он шел около пленного и время от времени бил его.*

Действие 'бить' может быть как сопутствующим, так и определяющим пространственное положение *Х*-а. Ср.:

(22) *Он шел около пленного и подталкивал его прикладом.*

Предложение (22) воспринимается как нормативное. Это можно объяснить тем, что действие «подталкивать» как бы помогает основному действию — идти вперед.

Итак, в контекстах, в которых *Х* и *У* принадлежат классу «люди», выбор релятума связан с иерархически более высокой ролью *У*-а в ситуации. Рассмотрены различные типы ситуационной иерархичности. Такой статус *У*-а существен при описании собственно пространственных отношений.

Если позиция *Х*-а обусловлена непространственными отношениями между *Х*-ом и *У*-ом, предлог *около* в современном языке обычно выбирается, когда действия *Х*-а связаны с той или иной формой «обслуживания» *У*-а, а также способствуют осуществлению действия *У*-а или препятствуют этому, если действие оценивается как вредное.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В главе II было показано, что слова *у*, *около*, *возле* связаны с понятием «области». Все эти слова можно считать полисемантическими, хотя степень вычленности отдельных значений, их ограниченность от контекстных вариантов бывает разной.

Характерной чертой их семантической структуры является сохраняемость понятия «области», что определяет наличие общего инвариантного ядра. Основной способ формирования полисемантической — преобразование отдельных контекстных вариантов в особые значения.

При сопоставлении текстов XIX и XX вв. можно наблюдать процесс отбора тех непространственных отношений, которые закрепляются в семантической системе языка. Критерии отбора, по-видимому, частично обусловлены общекогнитивными представлениями. Так, например, предметы «оборудования» в широком смысле слова наиболее естественно «увидеть» как имеющие свою примыкающую к ним часть пространства: они чаще всего являются крупными объектами, занимающими постоянное место. Наоборот, объекты действия чаще имеют относительно маленький размер и непостоянное пространственное положение. Поэтому понятно, что особое значение у всех рассматриваемых слов связано с агентивной функцией X-а при Y-е, являющемся предметом оборудования. При этом после того как значение сформировано, размер Y-а в каждом отдельном случае уже не существует.

Другая причина отбора связана с тенденцией к разграничению семантики членов рассматриваемой микросистемы как друг по отношению к другу, так и от других пространственных групп (например, от предлога *с*). Эта тенденция приводит не только к формированию или выпадению отдельных значений, но и к выпадению отдельных членов микросистемы. Так, вероятно, неразграниченность предлогов *возле*, *около* и *подле* привела к выпадению предлога *подле*²⁰. В настоящее время в таком «подвижном» состоянии находятся предлоги *около* и *возле*. Однако семантические основания для их разграничения сформировались уже достаточно четко.

Еще одной причиной выпадения отдельных значений служит, как представляется, изменение в сфере психосоциальных отношений между людьми. Например, та особая почтительность, которая связана с употреблением словосочетаний типа *провести время возле кого-то*, не соответствует характеру современных отношений или во всяком случае тому, как их хотят представить говорящие.

²⁰ Возвращение этого слова, возможно, однако, не полностью исключено, вследствие общего интереса к прошлому и, в частности, к языку прошлого.

Глава III

ПОНЯТИЯ «РЯДНОСТИ» И «ОКРЕСТНОСТИ»

В данной главе будут рассмотрены слова, которые показывают, что X занимает ближайшую (в частности, смежную с Y -ом) ИЛИ близкую к Y -у позицию, но при этом не относящуюся к «области» Y -а. Для обозначения той части пространства, которая выделяется из общего пространства, в зависимости от близости ее положения к Y -у, но при этом отделена от него, не примыкает к нему непосредственно, будет употребляться термин «окрестность». Этот термин иногда используется нами и в более широком смысле, включающем как частный случай понятие «области». Такое употребление допускается только в тех случаях, когда контекст явно указывает на обобщенное понимание термина. Термин *окрестность* употребляется в книге Е. С. Яковлевой [1994: 32], но в другом смысле, чем он используется здесь.

В главе III будут также рассмотрены такие способы членения пространства, которые не зависят от самого Y -а, а определяются некой заданной геометрической структурой.

3.1. СЕМАНТИКА СЛОВА *РЯДОМ*

В семантической структуре слова *рядом*, как мы попытаемся показать, есть по крайней мере два, а скорее всего три инвариантных признака.

Первое. Это слово, как уже отмечалось выше, не является чисто дистанционным, т. е. указывает не только на расстояние между Y -ом (релятумом, ориентиром) и X -ом (референтом, объектом, пространственное положение которого устанавливается), но и вводит третий элемент ситуации, а именно пространство,

причем может учитываться только пространство нахождения X-а (S_1) и/или пространство нахождения Y-а (S_2).

Второе. Пространство нахождения X-а не представлено как «область» Y-а, т. е. пространство, непосредственно примыкающее к Y-у и находящееся с ним в том или ином посессивном отношении. Именно этот признак определяет основное отличие слова *рядом* от слов *у, около, возле*.

Третье. Вероятно, слово *рядом* всегда указывает на то пространство, которое непосредственно занимает X, а не на более широкое пространство, включающее в себя буквальное местонахождение X-а. Мы, как указывалось, называем такое пространство «локусом» и считаем «позицию» его частным вариантом.

Три перечисленные признака не исчерпывают всей информации, передаваемой через слово *рядом* в разных контекстах его употребления. Поэтому есть основания говорить о полисемантической природе этого слова. Ниже мы попытаемся раскрыть характер семантических связей между разными значениями.

3.1.1. Первое значение слова рядом

Первое значение слова *рядом* (*рядом₁*)¹ непосредственно связано с семантикой существительного *ряд*, который указывает на множество объектов, выстроенных в линию и обычно обращенных друг к другу боковыми сторонами, причем эти объекты относительно однородны (например, ряд лавок, домов и т. п.). Слово *рядом* обозначает уже не сами объекты, а позиции, которые они могут занимать. При этом учитываются чаще только две позиции. Таким образом, мы утверждаем, что в семантику слова *рядом* входит представление о вычленении из общего пространства какой-то его части, заключенной между двумя параллельными линиями и разделенной по крайней мере на две позиции. X и Y размещены в этих позициях таким образом, что обращены друг к другу боковыми сторонами, причем X и Y характеризуются определенной степенью однородности (о понятии *однородности* — см. ниже). Графически расположение X-а и Y-а можно представить конфигурацией А, а не, например, Б — см. рис. 1.

Расположение X-а и Y-а в зависимости от положения «фасада» и боковых сторон, естественно, существенно только для тех объектов, которые их имеют. В других же случаях важна лишь направленность развертывания цепочки «XY» (или «YX») по отношению к некоторой линии отсчета. В качестве такой линии чаще всего выступает траектория движения взгляда наблюдателя слева направо (или наоборот), а не *вперед/назад*. Иными словами, «ряд» должен разворачиваться по отношению к наблюдателю *вширь*, а не *вглубь* — см. рис. 2.

¹ Запись (*рядом₁*), (*рядом₂*), (*рядом₃*) будет соответствовать словосочетанию «слово *рядом*, употребленное в первом, втором и т. д. значении».

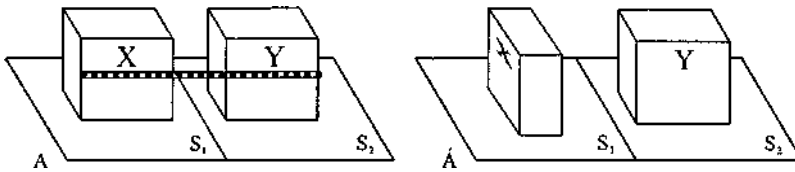

Рис. 1

Рассмотрим примеры.

(1) *Она сидела в первом ряду, а рядом с ней сидел какой-то высокий молодой человек.*

В примере (1) пространственные позиции заданы материально (примыкающие друг к другу боковой стороной стулья или кресла). Выбор предлога *рядом* с показывает, что X занимает позицию смежную с Y-ом, причем X и Y сидят боком друг к другу.

Наличие специальных объектов (например, стульев), которые бы задавали ячейки пространства, занимаемые X-ом и Y-ом, не является, конечно, обязательным условием выбора слова *рядом*. Например:

(2) *На верхней палубе стоял матрос и уже открывал бортик, чтобы сойти вниз и перекинуть на берег трап. А рядом с ним в чем-то светлом стояла она (Ю. Казаков).*

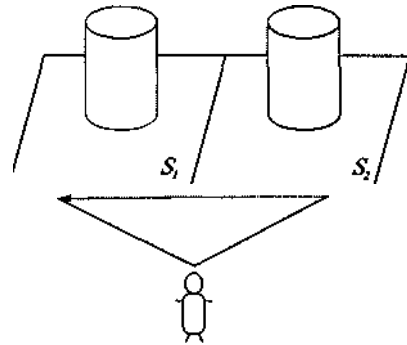

Рис. 2

Как показал опрос информантов (8 человек), предлагаемая интерпретация примеров (1), (2) не противоречит их восприятию. Это, конечно, не означает, что она может считаться верной без дополнительной проверки. Прежде всего, может возникнуть предположение, что приведенное понимание примеров (1), (2) предопределено контекстом. Так, при замене слова *рядом* на предлог *около* их интерпретация почти не меняется. Действительно, исходя из общего смысла высказываний, наиболее естественно считать, что X занимал позицию, примыкающую к Y-у по его левую или правую сторону. Однако предлог *около* в отличие от слова *рядом* сам по себе не указывает обязательно на такую позицию. Это видно из ненормативности его подстановки на место слова *рядом* в контексте противопоставленности наречиям *сзади*, *вперед*.

(3а) *Брат сидел рядом со мной, а муж — сзади.*

(3б) **Брат сидел около меня, а муж — сзади.*

(4а) *Рядом с ней бежала молодая женщина в темно-синем пальто, а сзади — высокий мужчина в полушубке.*

(4б) **Около нее бежала молодая женщина ...а сзади — высокий мужчина в полушубке.*

Далее, в примере (1) позиции X-а и Y-а объективно разделены (два разных кресла). Но сохраняется ли в других контекстах представление об их разделенности? Другими словами, действительно ли пространство членится не в зависимости от Y-а, а в соответствии с общей «геометрической идеей» о пространстве, заключенном между двумя параллельными линиями и разделенном по крайней мере на две «ячейки»? В пользу сделанного утверждения говорит, прежде всего, то, что пространственное положение X-а и Y-а может устанавливаться одновременно, причем введение выражения *друг по отношению к другу* ненормативно.

(5) *И мы просто встали рядом, прикрываясь руками от света, и, напряженно улыбаясь, стали смотреть на катер (Ю. Казаков).*

(6) *...мы поставили рядом чайник и конфеты (Ю. Казаков).*

Это свидетельствует о том, что релятумом, т. е. тем, по отношению к чему устанавливается пространственное положение X-а и Y-а, здесь служат сами выделенные позиции. Сказанное не надо понимать в том смысле, что пространство обязательно уже заранее структурировано, как это имеет место в примере (1). Точкой отсчета в описании ситуации служит тот временной момент, когда Y и X уже «заняли» свои места. Вследствие этого говорящий только оценивает, соответствует ли расположение X-а и Y-а указанной «геометрической идее». Обратим внимание на то, что ни слово *около*, ни слово *сбоку*, которые часто могут использоваться при описании тех же денотативных ситуаций, что и лексема *рядом* (при этом они выделяют в них другие характеристики), не могут употребляться для одновременного установления пространственного положения X-а и Y-а. Например:

(7) **Жених и невеста сидели около.*

(8) **Президент и охранник сидели сбоку.*

В пользу оправданности проверяемой гипотезы говорит также то, что выбор слова *рядом* требует, чтобы от «фасада» X-а к «фасаду» Y-а по горизонтали можно было бы мысленно провести линию, которая приближалась бы к прямой и была бы приблизительно параллельна «внешним» границам позиций (подчеркнем, однако, что именно приблизительно). Эти внешние границы

часто задаются тем объектом, по которому размещаются «ячейки» ряда. См. (9), а также (1).

(9) *Она сидела на диване рядом с мужем.*

В отличие от этого для употребления слова *сбоку* важно лишь положение X-а по отношению к «боковой стороне» Y-а. Поэтому позиция X-а под углом к «передней части» Y-а допускается и, более того, она является наиболее характерной. Например:

(10) *Охранник стоял сбоку от президента.*

Графически положение X-а и Y-а можно изобразить на рисунке так—см. рис. 3.

Еще одним аргументом в пользу того, что при употреблении слова *рядом* X представлен как занимающий свою, отдельную от Y-а, пространственную ячейку, служит характер тех непространственных отношений, которые связываются с позицией 'рядом'.

Слово *рядом* при его употреблении в исходном значении указывает на чисто пространственное положение X-а и Y-а и не вносит информации о том, что оно обусловлено каким-то особым отношением X-а к Y-у. Например:

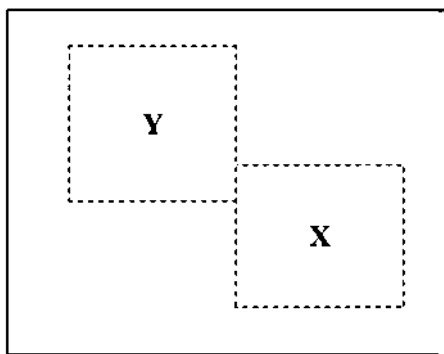

Рис. 3

(11) *На скамейке рядом со мной сидел какой-то военный.*

(12) *Нет, не это, вот что: лежишь в палате, идешь по коридору, гуляешь по садику — рядом с тобой, навстречу тебе человек как человек, и ни ему, ни тебе не приходит в голову остановиться, сказать: «А ну-ка, лацкан отверни!» (Солженицын).*

Информация о связи пространственного положения с эмоциональными отношениями может вноситься лишь контекстом.

(13) *И Дотти с чуткостью, гибкостью, послушностью сразу села рядом с мужем, прильнула к нему ровно настолько, чтобы это оставалось приличным, но всем было бы видно, как она любит мужа и как ей с ним хорошо (Солженицын).*

Однако если говорящий хочет подчеркнуть разницу в иерархическом положении X-а и Y-а, то предлог *рядом* не употребляется. При описании ситуации «неравноправности» предпочтение отдается предлогу *около*:

(14) *Около Сталина сидел Молотов (газ).*

Иерархичность может быть связана не только с официальным статусом, но и с личными отношениями.

(15) *Ее поклонник как всегда сидел около нее.*

Такое употребление согласуется с представлением о том, что X находится в «области» Y-а, т. е. либо пространство нахождения X-а, либо сам X связан с Y-ом каким-либо посессивным отношением (см. раздел об *около*). Напротив, нахождение X-а и Y-а в независимых «ячейках» пространства, входящих в один ряд, естественно ассоциируется с идеей равнозначности X-а и Y-а, которая и лежит в основе переносных употреблений слова *рядом*. При этом геометрическое представление о ряде преобразуется в понятие иерархического уровня. См. (16):

(16) *Бунин никого не хотел поставить рядом с собой.*

Уточним теперь требование однородности X-а и Y-а. Прежде всего, это требование касается общих качественных характеристик X-а и Y-а, таких, как одушевленность/неодушевленность. Слово *рядом* в рассматриваемом значении не употребляется, если Y, например, — предмет мебели или некоторая часть дома (окно, дверь), а X — человек. Так, предложение *Он стоял рядом с окном* не показывает, что X стоял боковой стороной к боковой стороне окна. В подобных предложениях реализуется третье значение слова *рядом* (см. ниже). Приравнивание одушевленных и неодушевленных объектов, вписывание их в один ряд возможно лишь для определенных стилистических целей. Например:

(17) *Он (собака) уже лежал рядом с корзинкой угля и смотрел, как работает Дарья Петровна (Булгаков).*

Выбор слова *рядом* вместо предлогов *около* или *возле*, которые были бы более обычны в данном контексте, вероятно, связан со стремлением Булгакова подчеркнуть, что подобранная собака уже вошла в число «предметов домашнего обихода», стала одной из них.

Кроме отмеченного условия, понятие однородности требует приблизительного равенства в размерах X-а и Y-а. В идеальном случае любая прямая, которая мысленно была бы проведена из той или иной точки Y-а к X-у и была бы параллельна прямому, определяющим внешние границы ряда, должна была бы проходить через X. В общем случае, однако, достаточно, чтобы большинство таких прямых соединяло точки X-а и Y-а (см. рис. 4).

Вследствие этого размеры X-а и Y-а могут в той или иной степени различаться.

Например:

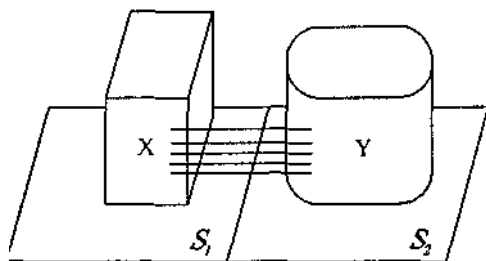

Рис. 4

(18) ...кроме того, была в кабине небольших размеров потасканная, облупленная несгораемая касса, по левую руку Римского, рядом с письменным столом (Булгаков).

(19) Рядом с тарелкой лежали серебряный нож и маленькая вилка.

(20) — Вот эту? — спросил врач, указывая на изломанную

свечку, лежащую на столе рядом с конкой перед женщиной (Булгаков).

(21) Потом поставил мокрое ведро рядом с фонарем и стал смотреть в сторону далекой пристани (Ю. Казаков).

Как и можно было ожидать, строго определенные количественные представления о допустимой степени расхождения в размерах X-а и Y-а отсутствуют. Вследствие этого встречаются контексты, в которых создается объективная неопределенность в интерпретации слов *рядом*₁ или *рядом*₃). Например:

(22) ...оживал вновь и хватался то за нож:, спрятанный ...на груди, то за кусок пергамента, лежащий перед ним на камне рядом с палочкой и пузырьком с тушью (Булгаков).

Если же различия в размерах очевидно велики, то значение *рядом*₁ не может реализоваться (например *Дерево рядом с домом*).

Обратим внимание также на то, что в приведенных примерах X и Y не всегда имеют фасадную и боковые стороны — см. (21) и др. В этом случае ведущую роль начинает играть представление о развернутости ряда вширь по отношению к некоторой линии отсчета. Так, в примерах (19), (20) в качестве линии отсчета выступает траектория движения взгляда слева направо (или наоборот) того человека, перед которым расположены предметы. Следует, однако, отметить, что позиция самого «наблюдателя» не всегда четко фиксирована; см. (21). Вероятнее всего, здесь предполагается, что описываемые предметы выстраиваются в ряд параллельно берегу реки. Поскольку, однако, герой повествования в тот момент времени, когда он принес ведро, мог стоять боком к реке, то не исключается и другая векторность ряда.

Несмотря на то, что возникают колебания, касающиеся направления линии, по которой располагаются предметы, общее представление о том, что X и Y занимают позиции, принадлежащие некоторому «куску» пространства,

заключенному между двумя параллельными линиями, сохраняется. Сохраняется и представление о том, что эти линии должны быть параллельны по крайней мере значительной части линий, которые могли бы быть проведены от Y-а к X-у (см. рис. 4).

Отметим теперь те особенности употребления *рядом*₁, которые, как представляется, послужили предпосылкой для создания других значений этого слова.

Термин *прототип* употребляется в лингвистике в несколько разных смыслах (см. об этом, например, [Лакофф 1996]). Мы будем использовать его не по отношению к самому значению, а по отношению к денотату. Под прототипическим мы будем понимать такие объекты или ситуации, в которых признаки, соответствующие значению, представлены наиболее однозначно. Наряду с ними существуют объекты и ситуации, в которых данные признаки более или менее размыты. Например, есть много промежуточных позиций между расположением объектов боком друг к другу и положением друг против друга. Так, два человека, сидящие на одной скамье и разговаривающие, могут в значительной степени менять свое положение таким образом, что их позиция может приближаться к нахождению друг против друга. Тем не менее поскольку при этом в основном изменяется только положение верхней части туловища, то идентификация с прототипом сохраняется. Напротив, если бы изменялось, например, и положение стульев, на которых сидят говорящие, от расположения в ряд, до положения против, то стало бы другим и общее виденье ситуации; см. (23):

(23) *Они сидели друг против друга.*

Далее, объекты, занимающие разные «ячейки» одного ряда, могут различаться по размерам (см. примеры 19, 20). Поэтому «фасады» X-а и Y-а не всегда располагаются вдоль одной мысленно проведенной прямой. Достаточным условием, как уже отмечалось, является возможность соединить большую часть точек X-а и Y-а прямыми (см. рис. 4).

Далее, при отсутствии объективно выраженного деления пространства утверждение о том, что X и Y занимают смежные позиции, может носить более или менее условный характер. Во всяком случае при этом расстояние между X-ом и Y-ом может быть четко различимым. Например:

(24) *Наташа положила цветы и села рядом* (Б. Зайцев).

Предложение (24) может описывать и такую ситуацию, когда между X-ом и Y-ом остается пространство, достаточное для того, чтобы создать место еще для одного человека. Выбор наречия *рядом* требует, однако, чтобы это пространство было свободно.

Регулярность отклонения от прототипа может привести к расшатыванию самого прототипа, а вследствие этого и к сдвигу в значении.

Подытожим отмеченные отклонения от прототипического денотата первого значения слова *рядом*, которые могут служить основанием для расшатывания самого значения.

Во-первых, нечеткость представления о допустимой величине расстояния между X-ом и Y-ом может привести к потере признака смежности позиций.

Во-вторых, возможность отклонения от прототипического положения «бок-ом друг к другу» (обращенности друг к другу боковой стороной), а также отсутствие четких пределов в допустимой величине разброса размеров различных членов одного ряда, может в конечном счете разрушить представления о «ряде» (в том смысле как это понятие было сформулировано выше).

3.1.2. Второе значение слова рядом

В первом значении слова *рядом* позиции X-а и Y-а объединены в рамках одной полосы пространства m_1 (рис. 5), хотя относятся при этом к разным ее ячейкам. Однако каждую такую ячейку можно еще увидеть как начало отдельных полос пространства m_2 и m_3 , перпендикулярных m_1 — см. рис. 5.

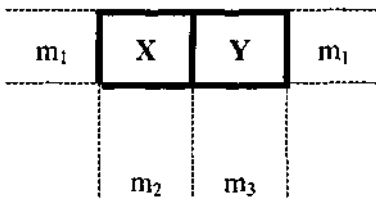

Рис. 5

Такое переосмысление и лежит в основе образования второго значения слова *рядом* (*рядом₂*). Возможно, его возникновение связано также с тем, что даже при реализации первого значения допускаются довольно большие различия в размерах X-а и Y-а, что может способствовать разрушению представления о принадлежности одному «ряду». Второе значение реализуется только в тех случаях,

когда X и Y находятся в движении. Если X и Y однородны, то только широкий контекст может показать, реализуется ли первое или второе значение. Напротив, если Y — это некоторое вытянутое тело (поезд, колонна), значительно превышающее по размерам X (X обычно человек или машина), то может реализоваться только второе значение. При этом траектория движения X-а и Y-а лишь временно оказываются параллельными, но потом расходятся.

- (1) *Иливынырнет откуда-то автомашина, бежит рядом с поездом, перед ней прыгает светлое пятно от фар* (Ю. Казаков).
- (2) *Надя бежала рядом с колонной и выкрикивала имя мужа — но он не слышал разговором и залившим лаем охранных собак* (Солженицын).

Поскольку X в рассматриваемых условиях движется вдоль одной из сторон Y-а, то может возникнуть предположение, что именно это представление лежит в основе значения *рядом₂*. В пользу того, что это не так, говорит неупот-

ребляемость слова *рядом* при «неподвижном» Y-е. Например, предложение (3) оценивается информантами (8 человек) как неправильное.

(3) **Она долго бежала рядом с забором, а потом повернула налево. (Ср.: вдоль забора).*

Итак, *рядом*₂ показывает, что X и Y движутся в параллельных рядах, причем перемещение по крайней мере одного из них (а именно Y-а) не связано с перемещением другого, и обычно их движение по параллельным линиям лишь временно. При однородности X-а и Y-а основанием для актуализации второго значения может служить представление о случайности временного перемещения X-а и Y-а по параллельным траекториям, имеющим одну и ту же направленность.

По-видимому, второе значение влияет и на семантику некоторых переносных употреблений, хотя их трудно отграничить от случаев, связанных с третьим значением (см. ниже). Тем не менее некоторую связь со вторым значением можно увидеть в тех контекстах, в которых речь идет о принадлежности X-а и Y-а разным мирам, существующим, движущимся по разным законам. Например:

(4) *И рядом со мной шла какая-то непонятная, сложная, чужая жизнь.*

{5} *Птицы рядом с нами* (название радиопередачи).

3.1.3. Третье значение слова *рядом*

При анализе первого значения слова *рядом* было показано, что в самих условиях его употребления заложены некоторые предпосылки для расшатывания представления позиций X-а и Y-а как ячеек одного ряда, т. е. одной полосы пространства. Возникновение третьего значения и обусловлено тем, что пространственное положение X-а уже не связывается с позицией в ряду. Потеря «концепции» ряда приводит к тому, что Y становится только релятивом, ориентиром и его пространственное положение не описывается. Вместе с тем сохраняется по крайней мере один, а скорее всего два важных признака первого значения. Во-первых, слово *рядом*, как мы будем утверждать, сообщает, что пространственная ячейка, занимаемая X-ом, не рассматривается как принадлежащая «области» Y-а (в том смысле как это понятие было определено выше). X находится в пространстве, очень близко расположенном от Y-а, возможно, даже почти примыкающем к нему, но отделенном от него («независимом»). Во-вторых, *рядом*₃, по-видимому, указывает на непосредственный локус X-а («малое пространство»), а не на широкое пространство, в котором находится X.

Остановимся сначала на вопросе о том, как может быть расположен X по отношению к Y-у. В третьем значении слова *рядом* уже нет указания на то, как

именно расположена позиция X-а по отношению к «сторонам» объекта Y (т. е. находится ли X перед Y-ом ИЛИ сбоку от него). Такой вопрос в большинстве случаев вообще не встает вследствие характера X-а и Y-а (например, X-у и Y-у могут соответствовать населенные пункты) или вследствие достаточно большого расстояния между X-ом и Y-ом. Например:

- (1) *Но ведь это — чушь! Коммерческая чушь! — Да ведь в корпусе, рядом!* (Солженицын).
 (2) *Тут рядом с нами есть деревушка Глебово, вот туда мы и будем ходить, там такие хорошие горки* (Ю. Казаков).

Высказывание с *рядом* может также локализовать событие E_x, (т. е. событие, в котором участвует X). Например:

- (3) *Это значит — рядом прыгает Тобик и уже на подходе Николай Иванович* (Солженицын).

Вопрос о расположении X-а по отношению к «сторонам» Y-а возникает лишь в тех контекстах, в которых допустима реализация и первого значения. Чаще всего допустимость разного понимания возникает в тех случаях, когда и X и Y относятся к классу «люди». Так, если описывается ситуация разговора между X-ом и Y-ом и не заданы какие-то внешние указатели позиций (например, диван, соединенные стулья, на которых бы сидели говорящие), то не исключается возможность положения X-а против Y-а. Например:

- (4) *И тут она увидела своего мужа. Рядом с ним стоял какой-то высокий молодой человек, и они о чем-то очень оживленно разговаривали.*
 (5) *Рядом с ним стояла девушка с припухшими глазами и выбившейся из-под платка прядью волос* (Ю. Казаков).

Предложение (5) также употреблено в контексте, в котором автор рассказа становится свидетелем разговора между молодыми людьми. Ситуация разговора позволяет предположить, что здесь допускаются разные позиции X-а.

Важным показателем реализации именно третьего значения служит возможность добавления частицы *совсем*, которая не сочетается со словом *рядом* в других значениях. Например:

- (6) *Вдруг он видит рядом съезжившуюся фигурку и вздрагивает от неожиданности* (Ю. Казаков; можно сказать: *совсем рядом*).
 (7) *Но Шухов не стал прямо просить, а остановился совсем рядом с Цезарем и вполоборота глядел мимо него* (Солженицын).

Ср. несочетаемость слов *рядом* и *совсем* при реализации первого значения:
 **совсем рядом с ним на скамейке сидела Маша*; **она сидела совсем рядом с мужем, слегка прижавшись к нему*.

Нахождения в смежных «ячейках» одного ряда или в смежных параллельных рядах исключает вопрос о расстоянии между ячейками или рядами. Напротив, нахождение в некоторой пространственной ячейке, не включенной в структурированную организацию, позволяет оценивать ее положение под углом зрения расстояния от Y-а. Как уже говорилось выше, *рядом*₃ характеризует позицию X-а как «очень близкую» (об относительности этого понятия см. ниже). Между классом «очень близких» позиций (класс А) и «не очень близких» (класс не-А) существуют промежуточные случаи, свойства которых приближаются к членам класса А, но не соответствуют им полностью. Существование такого промежуточного класса и создает предпосылку для употребления слова *совсем*. Оно показывает, что описываемый случай относится именно к классу А (о частице *совсем* см. [Путеводитель 1993]).

Информация о том, что позиция X-а находится на некотором, хотя и маленьком расстоянии от Y-а, сближает *рядом*₃ с наречиями *близко/далеко* (см. об этом также ниже). Тем не менее между ними существует и важное различие. Наречия *близко/далеко* (см. гл. I) указывают лишь на величину расстояния. Напротив, слово *рядом* задает пространственную позицию, которая выделена по признаку нахождения на определенном расстоянии от Y-а. Иными словами, ее характеристика по расстоянию относится к пресуппозиции. Ассерцию же составляет утверждение, что X занимает позицию, удовлетворяющую данной характеристике. Это приводит ко многим различиям в употреблении слов *рядом* и *близко/далеко*.

Во-первых, поскольку пространственная позиция выделяется по заданной величине расстояния, никакие градации в пределах этой величины не могут учитываться. Вследствие этого слово *рядом*, как и всякое пространственное слово, не может употребляться с частицами *так* и *очень*, которые легко сочетаются с наречиями *близко/далеко*. Например:

- (8) *Она стояла так близко, что я ощущала запах ее духов* (но: **так рядом*)
(Ср. также: **так вблизи*, **так поблизости*).

Можно говорить только о том, занимает ли X позицию 'рядом' или какую-то промежуточную позицию между 'рядом' и 'нерядом'. Отсюда следует отмеченная выше возможность употребления слова *совсем*. Ср. словосочетания *совсем здоров* и *очень здоров*. Первое из них, в отличие от второго, указывает не на высшую степень здоровья, а на то, что X не находится в полубольном состоянии.

Во-вторых, слово *рядом* не может указывать на уменьшение величины расстояния X-а от Y-а в результате перемещения X-а. Например:

- (9) **Он подошел рядом со мной* (Ср.: *Он подошел совсем близко ко мне*).

Можно только сказать, что X занимает или занял позицию, расположенную очень близко от Y-а. См. (7).

В-третьих, слово *рядом* не употребляется, если речь идет о расстоянии, на котором разминулись X и Y. См.:

(10) *Они прошли совсем близко друг от друга* (но: *они прошли совсем рядом {друг от друга}).

В-четвертых, «пространственность» семантики слова *рядом* и «чистая» дистанционность семантики наречий *близко/далеко* влияет и на те условия их употребления, которые связаны с целевой направленностью высказывания. Так, если цель высказывания — просто указать на эмоциональное воздействие, которое оказывает на героя повествования (Y-а) осознание близости нахождения от него X-а, то выбирается именно наречие *близко*.

(11) *Ее лицо было так близко. Оно еще никогда не было так близко* (Ю. Казаков).

Ср. неестественность употребления в подобном контексте слова *рядом* (*Ее лицо было совсем рядом*).

Слово *рядом* используется, при некоторых условиях (см. об этом ниже), в высказываниях — цель которых сообщить, что пространственное положение, занимаемое X-ом, позволяет Y-у осуществить какие-то действия, направленные на X.

(12) *Она стояла совсем рядом сомной, и я смог внимательно ее разглядеть.*

Наречие *близко* также может употребляться в подобных высказываниях, которые при этом воспринимаются как допускающие несколько большее расстояние между X-ом и Y-ом, чем слово *рядом*. Кроме того, наречие *близко* предпочитается в тех контекстах, в которых речь идет о «неконтролируемом» дистанционном восприятии (см. пример (8)).

Остановимся кратко на абсолютной величине расстояния, связанной в разных контекстах с семантикой слова *рядом*. Как и при употреблении наречий *близко/далеко* представление об абсолютной величине в сильной степени зависит от величины X-а и Y-а. Так, при описании расположения деревень опрашиваемые обычно называли расстояние в пределах получаса ходьбы. По отношению к городам часто говорилось о получасе езды. Что же касается расстояний до тех или иных мест в пределах населенных пунктов, то обычно упоминались расстояния в нескольких минутах ходьбы или езды. Представления о расстоянии между предметами, между людьми при употреблении слова *рядом* в большей степени зависят от общей ситуации и требуют более детального исследования. Отметим только, что обычно слово *рядом* допускает боль-

шее расстояние между X-ом и Y-ом, чем слово *около*. Например, предложение (3) предполагает скорее всего, что X находится вне поля зрения Y-а. Слово *около* в подобном контексте не приводило бы к такой интерпретации. Следует также отметить, что величина расстояния вообще воспринимается разными информантами довольно субъективно.

Приведем теперь аргументы в пользу утверждения о том, что слово *рядом* указывает на нахождение X-а в некоторой ячейке пространства, которая обладает свойством 'быть очень близко' к Y-у, но при этом не входит в его «область».

Если постулируемое нами значение верно, то можно утверждать, что *рядом*₃ не создает четкую локализацию X-а. Действительно, если *рядом*₃ указывает на 'широкое' пространство нахождения X-а, а выделяет непосредственно занимаемую им ячейку пространства, и при этом (в отличие от первого и второго значения) положение данной ячейки определено лишь по расстоянию от Y-а, то можно ожидать, что будут обнаружены сходства в закономерностях употребления чисто дистанционных слов (*близко*, *далеко*) и *рядом*₃. Наблюдаемое употребление соответствует ожидаемому. Так, при анализе наречий типа *близко/далеко* (см. раздел, посвященный этим словам) было обнаружено, что они могут употребляться лишь при некоторых ограниченных условиях в высказываниях, цель которых — просто локализовать X. То же самое обнаруживается и при употреблении *рядом*₃. Например, предлог *около* нельзя заменить на предлог *рядом* (*с*) в предложениях (13), (14).

(13) *Он много путешествовал, участвовал в морских сражениях, плавал около берегов Африки, Азии, Америки (жур.) (*плавал рядом с берегами Африки, Азии, Америки).*

(14) *Собака уже несколько часов стояла около облупившейся грязной стены, ожидая своего хозяина (*рядом облупившейся, грязной стеной...).*

Нельзя также заменить предлог у на слово *рядом* в примере (15).

(15) *Он сидел у камина и вспоминал о том, что с ним произошло (*сидел рядом с камином и вспоминал о том, что с ним произошло).*

Данный запрет относится не только к литературному стилю, но и к разговорной речи. Так, нельзя сказать: **Встретимся рядом с метро*. Здесь требуется выбор предлогов *у*, *около*.

Однако если X или событие E_x, в котором он участвует, локализуются по отношению к какому-то выделенному пространству (например, через прямое его обозначение — *рынок*, *сквер* и т. п. — или через какую-то предложную группу — *около магазина*, *около памятника* и т. п.), то положение самого этого пространства (обозначим его знаком L), может определяться через предложную именную группу, включающую слово *рядом*.

- (16) *Встретимся в сквере рядом с метро «Университет».*
 (17) *Встретимся около рыбного магазина рядом с метро «Университет».*
 (18) *Я купил ее на рынке рядом с метро «Университет».*

Отметим, что пространство L может соответствовать отдельному предмету. Например:

- (19) *Рядом с Воландом на постели, на тяжелом постаменте, стоял странный, как будто живой и освещенный с одного бока солнцем глобус (Булгаков).*

Далее, употребление слова *рядом* возможно, если сам X представляет собой пространство (сквер, парк) или вообще какой-то объект, который по своим характеристикам мог бы служить «классическим» ориентиром (большой, занимающий постоянное положение в пространстве, имеющий какие-либо особые приметы, выделяющие его из окружения, например, памятник, ростральная колонна и т. п.)

- (20) *Памятник Пушкину рядом с метро.*

Отметим также употребление местоимения *это* для обозначения места.

- (21) *Это совсем рядом* (т. е. то место, куда надо идти, совсем рядом).

В высказываниях, в которых речь идет о месте проживания, работы, вследствие метонимического переноса может указываться то лицо, которое там живет, работает.

- (22) *Я живу рядом с метро «Юго-Западная».*

Далее, именная группа «рядом с Y-ом» употребляется в высказываниях, цель которых — уточнить локализацию X-а в рамках более широкого пространства, нахождение в котором либо относится к пресуппозиции, либо предполагается. Так, в примере (6) границы пространства L определяются окоёмом Y-а (т. е. тем, что попадает в поле его зрения). Слово *рядом*₃ может также употребляться, когда речь идет о взаиморасположении предметов в ограниченном пространстве, например, в комнате. Иногда выделяемое, более широкое пространство входит в пресуппозицию высказывания. Так, в примерах (23), (24) нахождение X-а в «окрестности» Y-а относится к пресуппозиции. Введение именной группы *прямо рядом с* только уточняет позицию.

- (23) *Я стою (в телефонной будке) прямо рядом с вашим домом.*
 (24) *Я стою прямо рядом с метро. Ты меня легко найдешь.*

Во всех просмотренных примерах описывались ситуации, предполагающие наличие «наблюдателя» в широком смысле этого термина. В контексте

описания наблюдателю часто соответствует герой повествования (пример 6). В контексте диалога эта функция приписывается и адресату речи. При этом предполагается, что адресат речи может либо мысленно увидеть X, зная положение Y-а в L, либо найти, попав в L.

Все перечисленные случаи можно подвести под одно условие — введение еще одного пространства, которое либо служит вторым, кроме Y-а, ориентиром, либо соответствует X-у.

Большинство же контекстов употребления *рядом*₃ не связано с простой локализацией X-а. Так, слово *рядом*, как уже указывалось выше, часто встречается в высказываниях, цель которых — показать, что пространственная близость X-а к Y-у дает X-у или, напротив, Y-у возможность осуществлять действие, направленное соответственно на Y или на X или связанное с их использованием (об ограничениях подобного употребления — см. ниже).

(25) *Я стою сейчас рядом с Центризбиркомом и могу наблюдать за тем, что происходит перед входом (газ.).*

(26) *Во время взрыва я оказался рядом с камином, и это спасло мне жизнь.*

(27) *Рядом с больным стояла чашка с бульоном.*

Еще одно условие употребления *рядом*₃ предполагает сопоставление объектов (X-а и Y-а), занимающих смежные или просто близко друг к другу расположенные позиции, по их сходству/различию или по способности дополнять друг друга, создавая некоторую общую картину (например, беспорядка или, напротив картину, создающую ощущения гармонии, упорядоченности и т. п.). В этом употреблении *рядом*₃ очень близок к *рядом*₁; так как учитывается расположение позиций и X-а и Y-а. Вследствие этого часто трудно определить, какое из этих значений реализуется. Чем больше позиции X-а и Y-а приближаются к смежным ячейкам ряда, тем больше оснований говорить о первом значении (см. пример 7 в разделе 3.1.1). В других случаях возможность такой интерпретации исключается.) Например:

(28) *Пусть бы и не две, а одна (комната), но вот с этим мирным снегом за окном, с вороной на дворе, смешно прыгающей около корки, с кустиком запушенным белым... Благовест церкви рядом — знаменитой, приютской Дурновского переулка — тоже особенный (Б. Зайцев).*

Здесь фактически и в функции Y-а и в функции X-а выступает целый набор объектов и связанных с ними событий (Y — комната, снег за окном, прыгающая ворона; X — церковь и звуки благовеста). Соединение Y-а и X-а и создает ту картину, которая служит олицетворением счастья.

К случаям реализации скорее третьего значения можно отнести и пример (29): X и Y слишком различны по своему размеру, чтобы их считать членами одного ряда.

(29) *На кровати на одеяле лежали сорочки, чулки и белье, скомканное же белье валялось просто на полу рядом с раздавленной в волнении коробкой папирос* (Булгаков).

Отметим, что в русском языке в отличие от английского, как уже отмечалось, не было обнаружено случаев употребления чисто дистанционных слов при указании на тот или иной тип воздействия близости Y-а на X и на осознание, ощущение этой близости X-ом. Вследствие этого, наречие *close*, встречающееся в подобных контекстах, часто переводится через слово *рядом* (см. раздел 4.1.2 части II монографии); например, *Close to you* (название песни) 'Рядом с тобой'.

Итак, *рядом*₃ лишь при особых условиях употребляется в высказываниях, цель которых сводится только к локализации X-а. Такие ограничения вообще характерны для предлогов, в семантике которых ведущим является указание на величину расстояния X-а от Y-а. Это говорит в пользу того, что *рядом*₃ представляет позицию X-а как отдельную от Y-а и определенную через величину расстояния от него. При этом местоположение самой позиции оказывается не четко установленным, что и объясняет ограничения в использовании слова *рядом* в контекстах «чистой» локализации.

Рассмотрим еще один аргумент в пользу того, что слово *рядом* не представляет позицию X-а как относящуюся к «области» Y-а, т. е. к пространству, непосредственно примыкающему к Y-у и связанному с ним тем или иным possessивным отношением. В контекстах, в которых X является частью некоторого пространства Z (скажем, X—дверь комнаты Z, а Y—какая-то другая комната), обязательно требуется употребление слова *рядом*, а не слов, указывающих на «область» Y-а (*около, у, возле*).

(30а) *Лавка была уже заперта. Гость вошел в калитку, находившуюся рядом со входом в лавку, и попал в квадратный небольшой дворик...* (Булгаков).

(30б) *...находившуюся около входа в лавку...

При выборе слова *около* возникает представление, что калитка отделена от забора и перемещена к лавке. См. также пример (21) раздела 2.3.1.

Важным аргументом в пользу утверждения о том, что слово *рядом*₃ указывает на нахождение X-а в отделенном от Y-а локусе служит его неупотребляемость в контекстах, в которых предполагается, что само пространственное положение делает его объектом непосредственного воздействия Y-а. Так, нельзя сказать: **Она грела руки рядом с батареей*. Запрет на такое употребле-

ние, правда, еще не доказывает, что локус X-а не является «областью» Y-а, но он, как уже отмечалось, обязателен для всех слов, не связанных с понятием «области» (**Она грела руки вблизи батареи, поблизости от батареи, близко от батареи*). Далее, слово *рядом*_з, как правило, не употребляется, если имеется в виду непосредственный контакт X-а и Y-а. Например, слово *возле* нельзя заменить на слово *рядом* в следующем контексте:

(31) *Трое вакуумщиков действительно ходили как пленные звери возле своих насосов (*рядом со своими насосами) — у них был срочный заказ, и их уже вторые сутки не пускали спать* (Солженицын).

При выборе слова *рядом* здесь не возникало бы представление о том, что вакуумщики работали на своих вакуумных установках.

Таким образом, отмеченная выше возможность употребления слова *рядом*_з в контекстах, в которых пространственное положение X-а рассматривается как условие для осуществления каких-то действий X-а по отношению к Y-у или, наоборот, Y-а по отношению к X-у (см. примеры 12, 25—27), имеет существенные ограничения. Эта возможность реализуется либо если действие осуществляется на расстоянии (например, *разглядеть, наблюдать* и т. п.), либо если предполагается перемещение X-а из исходного пространства в пространство Y-а, в результате чего может устанавливаться прямой контакт между X-ом и Y-ом. Обычно при этом перемещающимся объектом является сам X. Так, например, можно интерпретировать предложение (26).

Однако употребление слова *рядом* допускается при Y-е, относящемся к классу 'человек', и в тех случаях, когда установление контакта связано только с движением руки Y-а. Данная возможность реализуется также, если Y является предметом мебели, на котором сидит, лежит человек (Z). X при этом представлен предметом, который занимает такую пространственную позицию, что Z его может взять и как-то использовать (т. е. X находится приблизительно на расстоянии протянутой руки). Например:

(32) *Он сидел в кресле, а рядом с ним стояла недопитая бутылка вина.*

Выделенное условие употребления сближает слово *рядом* (с) со словом *около* (см. о нем раздел 2.3). Как указывалось выше, в семантике предлога *около* примыкающее к Y-у пространство представлено как его «область» (R), т. е. связано с ним тем или иным посессивным отношением. При этом в некоторых случаях допускается перенесение посессивного отношения на объект, находящийся в этом пространстве, т. е. на X. При рассматриваемом здесь условии употребления слова *рядом* любой X (независимо от исходного значения предлога или наречия) может быть воспринят как попадающий в сферу посессивных отношений Y-а: возможность взять и использовать X уже предпо-

лагает определенную власть Y-а над X-ом. Это объясняет регулярную допустимость взаимозамены здесь слов *рядом* и *около*. Тем не менее нельзя сказать, что различие между ними полностью стирается. Для слова *рядом* ведущим является представление о возможности непосредственного или предполагаемого использования, что, в свою очередь, связано хотя бы с партитивным перемещением Y-а (движением руки). Другими словами, акцент здесь переносится с представления о владении на сами акты использования². Поэтому, чаще всего, при употреблении слова *рядом* в последующем тексте указывается на те действия, которые осуществляются Y-ом ПО отношению к X-у. Например:

(33) *Тетрадь, исковерканная огнем, лежала перед нею, а рядом возвышалась стопка нетронутых тетрадей... Наплакавшись, Маргарита взялась за нетронутые тетради...* (Булгаков).

Даже если такого указания в ближайшей части текста нет, выбор слова *рядом* усилит представление о том, что местоположение X-а предполагает акты его использования. Поэтому если характер X-а таков, что он не ассоциируется прежде всего с использованием, слову, *рядом* предпочитается предлог *около*. Например:

(34) *На фотографии он сидит в большом кресле и читает книгу. Около него на столе лежит африканская маска, которую он привез из своей последней экспедиции (?рядом с ним...).*

В большинстве же случаев взаимозамена возможна, но смысловые акценты расставляются несколько по-разному. Например, можно сказать *Записку и веточку она положила около него* и *Записку и веточку она положила рядом с ним*. В первом предложении большее внимание привлекается к тому, в какое пространство помещен X, а именно, что записка и веточка находятся в «области» Y-а и, таким образом, находятся при нем. Во втором предложении — на том, что Y может их теперь легко взять (X специально так помещен).

Отметим, что взаимозамена слов *около* и *рядом* возможна и в некоторых других, описанных выше, условиях. Наиболее часто такая взаимозамена возможна, когда слово *рядом* употребляется в контекстах чистой локализации X-а или в определительных оборотах (например, *рынок рядом с метро* ↔ *рынок около метро*). Слово *около*, однако, обычно не употребляется, если Y — конечная цель движения: **Это здесь, около*.

Выше уже был приведен один аргумент, подтверждающий сделанное утверждение о том, что слово *рядом* указывает не на широкое пространство, внутри которого находится X, а на ту непосредственную ячейку пространства,

² Предлагаемая здесь трактовка уточняет толкование различия между *около* и *рядом* в данных условиях, предложенное в [Селиверстова 1997].

которую он занимает. Укажем еще одну особенность употребления слова *рядом* также свидетельствующую в пользу сказанного. В контекстах, в которых Y -у соответствует какое-то большое пространство, например, город, а X —какое-то событие, место действия которого несоразмерно с Y -ом (например, отдельный холм в окрестностях города), слово *рядом* не употребляется. См. (35а):

(35а) **В ясные летние ночи поднимались они на один из холмов рядом с Флоренцией.*

Если бы *рядом*₃ вводило представление о широком пространстве S , внутри которого находится место действия X -а, то сопоставление Y -а и S стало бы возможно. См. (35б):

(35б) *В ясные летние ночи поднимались они на один из холмов близ Флоренции.*

Итак, в данном разделе были выделены три значения слова *рядом*.

*Рядом*₁ показывает, что X занимает смежную с Y -ом ячейку такого пространства, которое заключено между двумя параллельными линиями и разделено по крайней мере на две позиции (ячейки), которые и занимают X и Y (одна позиция может быть и пустой). При этом X и Y расположены так, что большинство прямых, мысленно проведенных от Y -а к X -у, должны быть параллельны внешним границам позиций (см. рис. 4). Если X и Y не имеют «фасада», то направление разворачивания ряда должно быть параллельно некоторой внешней линии отсчета. Часто эту линию задает направление движения взгляда наблюдателя слева направо или наоборот (но не вперед/назад).

*Рядом*₂ показывает, что X и Y перемещаются в смежных параллельных рядах пространства, причем по крайней мере один из них (а именно Y) перемещается независимо от другого. Предполагается, что их «совместное» движение лишь временно.

*Рядом*₃ показывает, что X или E_x (т. е. событие, участником которого является X) занимает некоторую близкую к Y -у 'ячейку' пространства, которая не представлена как позиция в пределах ряда. Ее положение по отношению к Y -у определено только по величине расстояния. По-видимому, она не соответствует «широкому» пространству, лишь частью которого было бы пространство, непосредственно занимаемое X -ом или E_x -ом. Позиция 'рядом' характеризуется высокой степенью близости к Y -у.

3.2. СЕМАНТИКА СЛОВА ПОБЛИЗОСТИ

Семантика слова *поблизости*, которое чаще всего выступает как наречие, но может функционировать и как предлог, близка к третьему значению слова

рядом. Как мы полагаем, оно также чаще обозначает не пространство, а позицию (локус), которая устанавливается по степени близости к Y-у. Это — близкая к Y-у позиция, причем сама близость определяется по отношению к возможности легко (быстро) перемещаться на расстояние, разделяющее X и Y³.

- (1) *Ещеравшие у лося побывали волки, — Тэдди узнал это по следам, оставленным ими, и поэтому никуда не ушел и уснул поблизости* (Ю. Казаков) (т. е. на таком расстоянии, чтобы сразу можно было услышать, если кто-то подойдет к лосю, и подбежать).
- (2) *...и где-нибудь поблизости у столбика или дерева оставляет зачетку* (Пришвин) (т. е. так, чтобы не отойти далеко от хозяина, не потерять его из виду и легко вернуться к нему).
- (3) *Поблизости от лесопилки построили деревоперерабатывающий завод* (газ.) (т. е. так, что можно легко взаимодействовать).
- (4) *Поблизости от нас нет ни одного кинотеатра* (т. е. в пространстве, которое расположено на таком расстоянии от Y-а, что до него легко пойти, доехать).
- (5) *Врачи посоветовали мне жить поблизости от Москвы, на даче* (т. е. так, чтобы можно было быстро доехать до Москвы, связаться с Москвой).

В примерах (1)–(5) выбор самого пространственного положения X-а обусловлен возможностью быстро пойти/доехать до Y-а или от S (Y-а), т. е. пространства нахождения Y-а к X-у. Употребление слова *поблизости* в таких условиях можно считать «прототипическим», если употреблять это слово для указания на такие денотативные ситуации, которые наиболее однозначно соответствуют значению. Информанты (8 человек) считали возможным употребить слово *поблизости* и в таких контекстах, как в примерах (6), (7), (8).

(6а) *Вчера я встретил медведя поблизости от лагеря.*

Здесь выбор слова *поблизости* может быть связан с желанием подчеркнуть, что место встречи свидетельствует о возможности X-а попасть в лагерь. Ср. (6б):

(6б) *Поблизости от нашего лагеря поселился медведь и стал время от времени наведываться к нам.*

Выбор слова *поблизости* {от} в примере (6б) получает наивысшую оценку. В примере же (6а) некоторое предпочтение отдается употреблению слова *не-*

³ Е. С. Яковлева также обращает внимание на функциональный характер семантики слова *поблизости* [1994: 34 и сл.], но не раскрывает это понятие более конкретизированно.

далеко, что можно объяснить необязательностью для данного контекста постулируемой выше интерпретации. Слово *недалеко*, семантика которого не противоречит весьма разнообразному типу связей между X-ом и Y-ом, нормативно и в контексте примера (6б). Выбору этого слова отдается предпочтение в контексте примера (7а), если цель высказывания — просто установить локализацию описываемого события:

(7а) *Его тело нашли недалеко от деревни Сосенки.*

Однако если место убийства связывается с его расположением на близком расстоянии от данной деревни (т. е. с возможностью прийти туда для тех, кто находился в деревне), употребление слова *поблизости* становится нормативным.

(7б) *Напомню, что его тело нашли поблизости от вашей деревни.*

Выбор слова *поблизости* может быть также связан с желанием подчеркнуть, что для обнаружения X-а не потребовалось уходить куда-то далеко — достаточно было отойти на небольшое расстояние.

(8) *Я нашла медвежонка поблизости от нашего лагеря.*

Как видно из приведенных примеров, слово *поблизости* обычно употребляется в тех случаях, когда возможность быстро дойти, доехать служит не только мерой величины расстояния X-а от Y-а, но и представлена как то, что реализуется или требуется для осуществления запланированного действия. Однако иногда слово *поблизости* употребляется, когда задаваемая величина расстояния X-а от Y-а является условием для осуществления акта перцептивного восприятия, не связанного с перемещением X-а. Так, можно сказать:

(9) *Как раз в это время я оказалась поблизости от их дома и видела, что оттуда кто-то выходил.*

(10) *В театре я сидела поблизости от их ложи.*

В контекстах подобного типа предполагается возможность или реализация перцептивного движения (т. е. движения взгляда). Употребление в таких контекстах нормативно для слова *поблизости*, только если речь идет о случайном акте наблюдения и определяется довольно большой абсолютной величиной расстояния, которая ассоциируется с семантикой этого слова (см. также ниже). Так, данное слово не используется, когда речь идет о позиции, которую специально занял X, чтобы наблюдать за Y-ом. Например:

(11) **Я стою поблизости от Центризбиркома и наблюдаю за тем, что происходит у входа.*

Расстояние, которое можно быстро (легко) преодолеть (пройти, пробежать) может также рассматриваться как условие, делающее положение X-а опас-

ным, если есть что-то угрожающее в самом Y -е или в том месте, где находится Y . Например:

(12) *Люди, стоящие поблизости от меня, бросились бежать (газ.).*

В контексте данного примера речь идет о том, что в руках у героя повествования был предмет, напоминающий бомбу.

Итак, не во всех контекстах употребления слова *поблизости* предполагается перемещение X -а к Y -у (или Y -а, к X -у), но при этом всегда речь идет не просто о расположении друг по отношению к другу пространственных областей, а о возможности указанных типов взаимодействия тех, кто находится в этих пространственных областях (или позициях). Если указывается просто на положение S_1 (т. е. локуса или пространства нахождения X -а) по отношению к S_2 (т. е. пространству, локусу Y в рамках некоторого общего пространства S), то слово *поблизости* не употребляется. Так, примеры (13), (14) ненормативны.

(13) *Первый огонек блеснул вдали, на противоположной горе, в одиноком домике *поблизости от шламбаума (ср. близ).*

(14) *Вясные летние ночи поднимались они на один из холмов, *поблизости от Флоренции (ср. близ).*

Странно также сказать *На меже поблизости от дороги стоял трактор*, если цель речи — просто описать картину, открывающуюся перед взглядом наблюдателя (ср. *На меже близ дороги стоял трактор*). Употребление слова *поблизости* станет естественным, если пространственное положение X -а связывается как-то с его будущим или предшествующим использованием (т. е., например, можно подойти к X -у и сесть в него). Ср. также (15), (16), (17):

(15) *Мне дали квартиру поблизости от Филевского парка {поблизости от Москвы-реки; поблизости от Новодевичьего монастыря; от завода, на котором я работаю}.*

(16) **Мне давали квартиру поблизости от химического завода, но я отказался (ср. Мне давали квартиру совсем близко от химического завода, и я отказался).*

(17) **И тут прорвало магистральный водопровод под землей поблизости от этого памятника (ср. вблизи этого памятника).*

В контексте примера (17) речь идет о том, что разрыв труб в конечном счете привел к разрушению памятника.

Примеры типа (16, 17), в которых предполагается определенное воздействие характеристик Y -а (в примере (16) Y — это химический завод) на S_1 (место, где должен жить X) или, наоборот, того, что происходит в S_1 (разрыв труб — в примере 17) на Y (памятник), иногда оцениваются выше, чем приме-

ры типа (13), (14). Однако и здесь употребление слова *поблизости* обычно не признается полностью нормативным, а иногда считается недопустимым.

Таким образом, при наличии некоторых колебаний в оценке границ допустимых взаимодействий $X (S_1)$ и $Y (S_2)$, можно утверждать, что слово *поблизости* употребляется, когда небольшая величина расстояния определила или определяет возможность установления прямого контакта X -а с Y -ом ИЛИ Y -а с X -ом обычно в результате перемещения X -а или Y -а из S_1 в S_2 (или из S_2 в S_1) или—реже— в результате перцептивного движения (взгляда, а иногда и звука) или, например, движения взрывной волны и не может использоваться для указания просто на расположение пространственных областей друг по отношению к другу.

Различие в семантике слов *поблизости* и *рядом* (взятом в его третьем значении) связано прежде всего с представлением об абсолютной величине расстояния, разделяющего Y и позицию или пространство нахождения X -а.

Даже минимальное расстояние, допускаемое семантикой слова *поблизости*, предполагает, что для того, чтобы X (или Y) достиг Y -а (или X -а), он должен пройти некоторый путь (об отдельных исключениях см. ниже). Понятие пути, который нужно пройти, не связывается в нашем повседневном сознании с несколькими шагами. Обычно при этом предполагается такое расстояние, что при этом теряется возможность непосредственного общения (в момент, когда X и Y занимают исходные пространственные позиции). Поэтому слово *поблизости* не может употребляться, если контакт достигается при партитивном перемещении (т. е. просто при движении руки) или если позиции X -а и Y -а соответствуют расположению в ситуации общения. См. примеры (18, 19):

(18) *Он сидел в кресле. *Поблизости от него стояла недопитая бутылка вина.*

Ср.:

(19) *Он сидел в кресле. Рядом с ним стояла недопитая бутылка вина.*

(20) *Юна сидела поблизости от Маши и постоянно к ней обращалась*
(ср.: *Она сидела близко от Маши и постоянно к ней обращалась*)⁴.

Однако в тех контекстах, в которых X и Y относятся к классу 'люди', важна не только абсолютная величина расстояния, но и «выведенность» X -а из фрейма 'общение $Y-Z$ '. Поэтому пример (20) нормативен, хотя расстояние X -а от разговаривающих может быть относительно небольшим.

(20) *«Но папа... ведь тот был блондином», — сказал стоявший поблизости мальчик (жур.).*

⁴ В этом контексте слово *рядом* было бы скорее понятно как употребленное в его первом значении, т. е. как указывающее на смежную позицию.

Мальчик стоит в группе людей, присутствующих при разговоре его отца со следователем. Разговор происходит на опушке леса, что и определяет возможность достаточно большого расстояния от X-а до Y-а. Таким образом, и здесь величина расстояния сохраняет значимость.

При подстановке слова *рядом* в примеры (3), (4), (5), (6а) возникает представление о меньшем расстоянии между X-ом и Y-ом. Так, в примере (3) слово *рядом* часто воспринимается как показывающее, что X и Y попадают в пределы окоема человека одновременно. Напротив, слово *поблизости* скорее показывает, что находясь в Y-е (или в X-е), нельзя видеть X (Y) или он уже нечетко различим.

В каждом отдельном случае величина допустимого расстояния зависит от величины X-а и Y-а и общего характера ситуации. Но во всех случаях выбор слова *поблизости* допускает возможность большего расстояния между X-ом и Y-ОМ. Если X и Y — крупные объекты (например, относятся к классу «населенные пункты»), слово *рядом* может играть роль уточнителя степени близости X-а к Y-у. См., например (15).

(21) *Вы тут поблизости? — Да, в соседней деревне, — показал Чоховрукой в направлении барского поместья* (Казакевич, пример взят из ССРЛЯ).

В ответе на вопрос примера (21) мог бы быть дан ответ: *Да, совсем рядом.*

Разница в допустимых расстояниях между X-ом и Y-ОМ при выборе слов *поблизости* и *рядом* коррелирует и с их сочетаемостью: *поблизости* сочетается с предлогом *от*, который связан с представлением об удалении, разъединении, *а рядом* требует предлога *с*, который ассоциируется с идеей объединения.

Проиллюстрируем различие в допустимой величине удаленности еще на двух примерах. В контексте примера (22), в котором рассказывается, что к герою повествования приходит его друг вместе со своими собаками, было бы неестественно употребить слово *поблизости* (допустимое расстояние было бы слишком велико для совместной прогулки).

(22) *Это значит — рядом прыгает Тобик — и уже на подходе Николай Иванович* (Солженицын) (*?поблизости прыгает Тобик*).

Напротив, в контексте примера (23) употребление слова *поблизости* точно соответствует характеру ситуации:

(23) *Ивана Ивановича нет поблизости?* (спрашивающий по телефону хочет узнать, не находится ли Иван Иванович в той же аудитории, где и его собеседник, или в одной из соседних).

Вопрос типа *Рядом с Вами нет Ивана Ивановича?* показывал бы, что спрашивающий предполагает, что Иван Иванович в той же комнате или той же части зала, аудитории (если речь идет о большом зале, аудитории).

В семантике слова *поблизости* есть и ограничение по наибольшей абсолютной величине расстояния. Так, это слово не употребляется, если речь идет о расстоянии между городами. Возможно, данное ограничение определяется не только абсолютной величиной расстояния, но и принятым способом передвижения. По-видимому, семантика слова *поблизости*, во всяком случае первоначально, была связана с возможностью именно дойти до Y-а. Этот способ перемещения и был основным для жителей деревень.

Кроме отличия по признаку величины расстояния, слово *поблизости*, по-видимому, чаще, чем слово *рядом*, может употребляться для обозначения пространства, а не локуса. Вероятно, именно с этим связано употребление этого слова в примерах типа (24а).

(24а) *Он разыскал поблизости ручей, набрал воды в чайник, развел костер из плавника* (Ю. Казаков).

В этом контексте было бы неестественно употребить слово *рядом*. См. (24б):

(24б) * *Он разыскал рядом ручей*.

Наиболее естественно предложение (24а) интерпретировать как сообщение о том, что X был обнаружен в пределах некоторого достаточно широкого пространства, которое находится на небольшом расстоянии от S_2 Y-а (т. е. постоянного или временного местонахождения Y-а).

Однако это предложение, по-видимому, не полностью исключает и такую интерпретацию: 'Я разыскал (в каком-то широком пространстве) ручей, местонахождение которого (локус которого) расположен на таком расстоянии от S_2 , что до него можно быстро дойти'.

Через понятие пространства, а не локуса наиболее естественно интерпретировать и предложение типа (4), хотя их интерпретация через понятие локуса так же, как представляется, не полностью исключена. Так, предложению (4) можно, вероятно, приписать и следующую семантическую структуру: среди потенциальных локусов, расположенных поблизости, нет ни одного, который был бы местом нахождения X-а данного типа.

Даже если предложения типа (24) и типа (4) более оправданно интерпретировать через понятие пространства (а не локуса), то все-таки для большинства условий употребления слова *поблизости* скорее следует говорить именно о локусе (позиции), а не «широком» пространстве.

В пользу этого свидетельствует прежде всего то, что при употреблении слова *поблизости* в фокусе внимания всегда стоит возможность связи X-а и Y-а, а не расположение сегментов пространства друг по отношению к другу (ср. *вблизи*, *вдали*, *близ*).

Кроме различия по абсолютной величине расстояния между S_1 (X) и S_2 (Y), которое связывается с семантикой слов *рядом* и *поблизости*, эти слова отличаются также друг от друга по самому характеру установления близости. Слово *поблизости* показывает, что близость определяется возможностью перемещения. В семантике же слова *рядом* такой способ оценки расстояния существен только для контекстов, связанных либо с партитивным перемещением (движением руки), либо если речь идет о расстоянии между населенными пунктами или их частями.

В других же случаях расстояние не оценивается в зависимости от возможности быстро, легко переместиться к Y-у (или X-у). Это определяет более широкие функции употребления слова *рядом*. Так, оно может использоваться в контекстах чистой локализации (уточнять пространственное положение X-а в пределах заданного пространства), определять положение участников событийного фрейма (например, разговаривающих) и т. д.

Итак, слово *поблизости* входит в группу тех лексем, которые показывают, что локус X-а находится на расстоянии от Y-а, причем это расстояние оценивается как маленькое. Особенность слова *поблизости* заключается в том, что это расстояние определяется через возможность быстро, легко переместиться от места нахождения Y-а (S_2) до места нахождения X-а (S_1) или наоборот. В результате этого в паре X—Y по крайней мере один должен относиться к классу люди/животные или представлять собой сложный объект S_1 (X) или S_2 (Y)—т. е. соответствовать функциональному пространству, которое является местом нахождения, местом деятельности людей (например, завод, лагерь).

Слово *поблизости* наиболее близко по своей семантике к третьему значению слова *рядом*. Оба эти слова не требуют, чтобы пространственное положение X-а определялось как сегмент общего пространства, включающего и X, и Y, и, по крайней мере чаще, указывают на локус X-а (т. е. непосредственно занимаемое им пространство), а не на пространство его нахождения.

В отличие от слова *рядом* слово *поблизости* вводит представление о большей абсолютной величине расстояния между X-ом и Y-ом, которое при этом может быть разным в зависимости от размеров X-а и Y-а. В результате этого различия слово *поблизости* не употребляется в ситуациях, предполагающих только партитивное перемещение (т. е. движение руки). Обычно предполагается возможность быстро, легко пройти или даже проехать заданное расстояние. Семантика слова *рядом* не связана только с таким способом измерения расстояния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В главе III было показано, что значение слов *поблизости* и *рядом*₃ составляет информация о том, что X занимает позицию или, возможно, находится в пространстве, которые отделены от Y-а и расположены от него на *некотором* — минимальном или *маленьком* — расстоянии. Эта семантическая характеристика приводит ко многим особенностям «поведения» в речи данных языковых единиц. Так, они почти не встречаются в контекстах «чистой» локализации, т. е. в высказываниях, цель которых — просто установить местонахождение X-а. В большинстве случаев они употребляются, когда пространственное положение X-а рассматривается под углом зрения возможности установления «контакта» X-а с Y-ом, ЧТО при этом требует перемещения X-а к Y-у. Иногда допускается также партитивное движение (например, движение руки) или перцептивное движение (движение взгляда).

Основное отличие *рядом*₃ от *поблизости* связано с градациями в пределах близкого расстояния. При этом слово *поблизости* имеет ограничения по минимальному и максимальному абсолютному расстоянию. Данное семантическое противопоставление близко к тому, которое разграничивает значения слова *поодаль* и предложной группы *в отдалении*, относящихся к иной семантической подгруппе (см. раздел 1.4). Однако в семантике слова *поблизости* само ограничение в абсолютном размере является, по-видимому, следствием заданного способа измерения степени близости — «так, что можно легко, быстро или — для больших X-ов и Y-ов (например, деревень) — во всяком случае, можно пойти пешком».

Слово *рядом* полисеманлично. При этом путь формирования отдельных значений совсем иной, чем в семантике слов *у*, *около*, *возле*. В семантике слова *рядом* переход от одного значения к другому предполагает прежде всего преобразование исходной геометрической структуры, указание на которую составляет первое значение.

Заключение *

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Полученные результаты существенно дополняют имевшиеся в лингвистике представления о наборе тех понятий, которые необходимы для описания семантики пространственных предлогов и наречий. Наряду с используемыми в лингвистике концептами, например, поверхности (передней, боковой, задней и т. п.), пространства, примыкающего к ориентиру, введен ряд новых метапонятий. Прежде всего, установлены разные способы вычленения учитываемого в описании пространства. Проведено различие между собственно дистанционными (*близко, далеко, close (to)*) и пространственно-дистанционными (*у, около, рядом, близ, closeby* и т. д.) словами, определяемое местом понятий 'пространство' и 'расстояние' в их семантической структуре. Показано, что в семантике большинства исследуемых слов пространственные отношения регулярно переплетаются с непространственными: посессивными, актантными (X—агнс действия/У—предмет оборудования; X—экспериенцер/У—объект восприятия, переживания и т. д.).

Установлены два основных типа многозначности в рамках исследованной группы. Выделены некоторые узуальные представления ряда пространственных ситуаций, объективные свойства которых допускают и другое их описание (второй семантический уровень).

Выявлены сходства и различия в исследованных семантических группах русского и английского языков.

Перечислим полученные результаты более подробно.

Написано совместно с Т. Н. Маляр.

1. Показано, что в семантике дистанционных слов, т. е. слов, описывающих пространственное положение X-а в «терминах» расстояния («как далеко отстоит X от Y-а»), представление о пространстве местонахождения относится к пресуппозиции или имплицитруется. Такое построение значения определяет ряд закономерностей их функционирования в текстах: сочетаемость со словами типа *так, очень, very, so*; неупотребляемость при нулевом X-е ("*далеко никого не было*): преимущественное использование в текстах, цель которых — указать на расстояние как условие для реализации или, напротив, нереализации какого-то действия, а также в высказываниях, акцентирующих внимание на расстоянии между X-ом и Y-ом, а не на местонахождении (например, несоответствие наблюдаемого расстояния ситуации, социальной норме и т. д.); ограниченность употребления для «чистой» локализации X-а и т. д.

Пространственно-дистанционные слова, напротив, указывают, где, в каком пространстве находится X. Представление о расстоянии входит лишь в «номинацию» самого пространства. Вследствие этого слова данного типа не могут сочетаться с показателями *градуальности*¹. К этой группе относится большинство исследованных слов.

Различие между дистанционными и пространственно-дистанционными словами присуще и русскому, и английскому языкам, однако дистанционные представления оказываются более распространенными в английском языке. Так, в английском языке есть два слова, соответствующих рус. *близко*: *close* и *near* (*to*), первое из которых, как показало исследование, сообщает о расстоянии между X-ом и Y-ом, а *второе* — о расстоянии между их *локусами*. Сходным образом различаются и лексемы *far* и *far away*. В русском языке данное различие не имеет специального выражения.

Далее, был выделен ряд ситуаций, включающих пространственные отношения, которые описываются в английском языке под углом зрения расстояния X-а от Y-а, в русском же языке эти ситуации «увидены» иначе (например, *her hair was cropped close to her head* — *букв. волосы были острижены близко к голове*, ср. рус. *коротко остриженные волосы*).

2. В русском и английском языках оценка расстояния как близкого или далекого зависит от нормы, связанной с типом ситуации, и в известной степени носит субъективный характер (ср. слова, указывающие на размеры: *высокий, низкий* и т. п.). Если размеры пространства специально не заданы, представление о величине вовлекаемого в рассмотрение пространства зависит прежде всего от типа Y-а (ср. *сидеть около кого-то* и *жить около какого-то города*).

¹ Слово *совсем* не является, как было отмечено в работе, в точном смысле градуальным словом. Поэтому оно может сочетаться с некоторыми наречиями исследованной группы.

3. Проведенное исследование подтвердило уже неоднократно отмечавшуюся в лингвистике значимость понятия наблюдателя для описания семантики предлогов и наречий. Оно показало, что введенность в ситуацию наблюдателя важна не только в тех случаях, когда он выступает в роли одного из ориентиров: сама потенциальная возможность зрительного или слухового восприятия пространства выделяет его из других типов пространств, что проявляется в создании специальных средств для его описания. Так, наряду с языковыми единицами, указывающими на деление всего этого пространства на дистанционные полосы, что уже отмечалось в лингвистике (*вдали*, *вблизи* и др.), или же, огрубленно говоря, на две части по ширине пространства (*вблизи₃*, *не-вдалеке₂*), выделяются языковые единицы, которые описывают расположение объектов внутри отдельных «кусков» такого пространства. При этом соотнесенность данных «кусков» с общим пространством существенна для семантики одних слов (*близ*) и несущественна для других (*у*, *возле*, *около*).

В отличие от русского в английском языке, как показало проведенное исследование, нет специальных средств для описания общего деления доступного восприятию пространства. Есть языковые средства, описывающие ближайшие к ориентиру части такого пространства, но в их семантике нет указания на отношение к общему пространству (такие представления могут вводиться лишь в контексте). Что же касается «дальних» пространств, то для их обозначения используются описательные обороты типа *in the (far) distance*, *distant (sound)* и т. д.

4. Выделение отдельных пространств из общего пространства вне выявления их места внутри этого общего пространства, как показало проведенное исследование, лежит в основе большинства значений исследованных слов².

Установлены два основных способа выделения пространств: первый способ связан с тем или иным видом их структурирования, что и позволяет отделить их от окружающего, второй — строится на выделении пространства в зависимости от расстояния от Y-а, а часто и каких-либо функциональных связей с Y-ОМ (Y-зависимое и Y-независимое членение).

Оба способа представлены в семантике и русского, и английского языков. В данной книге был рассмотрен только один способ структурирования пространства, который связан с геометрической «фигурой», соответствующей ряду или близкой ему³. В русском языке указание на такой тип пространства входит в

² Такой способ вычленения подпространств определяется тем, что в большинстве случаев эти общие пространства не осмысляются как имеющие четкие границы. Имеется только представление о том, что каждое пространство входит в какое-то другое (эффект «матрешки»).

Как показало исследование одного из авторов [Маляр 1995], другой способ структурирования пространства представлен в английском языке при описании вертикальной плоскости, которая не рассматривается в данной книге.

значение слова *рядом*, в английском — *beside*₁, *next to*, *alongside*. Различие между русским и английским определяется, во-первых, разными «внутренними формами», что проявляется и в характере самих значений. Так, образ ряда, лежащий в основе русского слова, задает более четкую исходную структуру: 'полоса пространства, заключенная между двумя параллельными линиями и разделенная по крайней мере на две смежные позиции, обращенные друг к другу боковыми сторонами'. Значение же английского слова *beside* строится на представлении о том, что позиции X-а и Y-а расположены таким образом, что обращены друг к другу боковой стороной (и между ними нет некоей третьей позиции). Таким образом, создается структура, близкая к ряду, но не тождественная ему. Так, может учитываться существование некоторого расстояния между позициями (вследствие этого можно сказать: *close beside each other*), меньшие требования предъявляются к однородности X-а и Y-а, чем в контекстах употребления русского слова. Второе различие связано с тем, что в английском языке общая идея последовательного расположения позиций более детализирована. Так, и в русском, и в английском языке есть представление о нахождении в смежных рядах (*рядом*₂, *alongside*). Поскольку, однако, это значение в русском языке представлено той же лексемой, что и первое, область его реализации очень ограничена (раздел 3.1) (В противном случае возникло бы смешение первого и второго значений.) Напротив, в английском языке слово *alongside* употребляется достаточно широко. Кроме того, в русском языке отсутствует предлог, который указывал бы только на порядок следования объектов, не характеризуя их позиций в пространстве, как это свойственно английскому предлогу *next to*. В связи с этим английское предложение *She sat next to the teacher but a little behind him* не может быть адекватно переведено при помощи предложной конструкции — ?*Она села рядом с учителем, но несколько позади него*.

5. Проведенное исследование показало, что в семантическую систему и русского, и английского языков входит понятие «области Y-а» (*R*), которому соответствует представление о непосредственно примыкающем к Y-у пространстве (т. е. о пространстве, не отделенном от него границей) и находящемся в том или ином (правда, ослабленном) посессивном отношении к Y-у (это первый тип Y-зависимого выделения пространства). В русском языке понятие «области Y-а», как было показано, входит в семантику слов *у*, *около*, *возле* и при этом распадается на несколько вариантов, лежащих в основе формирования отдельных значений этих слов. Отдельным значениям соответствуют разные варианты отношений посессивности, что в свою очередь может сопровождаться выделением и особого типа пространства, а иногда и изменением других дополнительных признаков. Так, три значения предлога *у* связа-

ны с представлением о том, что Y формирует свойства примыкающего к нему пространства. Прежде всего, Y может частично создавать геометрические характеристики примыкающего к нему пространства (в том смысле, что одна из его внешних сторон одновременно является стороной R и определяет протяженность R во вне)—значение u_1 ; далее Y, обычно выступающий в функции предмета оборудования, задает в примыкающем к нему пространстве позицию агенса действия—«рабочая позиция» (*у станка, у штурвала*)—значение u_2 и, наконец, с Y-ом может быть связано создание особой психофизической и психосоциальной среды (*сцена у фонтана, у парадного подъезда*—название стихотворения)—значение u_3 . Четвертое значение предлога у строится на тех вариантах посессивного отношения, которые ближе всего соответствуют отношениям собственности, а также части и целого. Так, пространство R, примыкающее к Y-у, может как бы приписываться ему в результате деления общего пространства по нескольким центрам. В этом случае Y рассматривается как один из элементов множества (например, R Y-а может представлять собой часть маршрута перемещения X-а, что предполагает существование других отрезков маршрута, проходящих мимо других центров). Далее, X и Y могут входить в некий комплекс, в котором Y выступает в качестве главной части, а X—это, говоря несколько упрощенно, некоторое добавление к нему, функционально с ним связанное (*звонок у двери, лампа у кассы; фотография у кровати* и т. д.).

Различия между *у, около, возле* чаще всего связаны с «задействованными» в их семантике посессивными отношениями, а также с размерами «области» R; с вариантами актантных отношений (например, предлог *около* при Y-е, соответствующем предмету оборудования в широком смысле слова, может представлять X в качестве агенса действия, если само действие складывается прежде всего из нахождения в R и наблюдения за Y-ом ИЛИ за чем-то, что помещено в Y-е, на Y-е: например, *стоять около (у, возле) керосинки, примуса*, но нельзя: *около станка* в значении 'быть в активной рабочей позиции').

В английском языке понятие «области Y-а» представлено менее широко. Оно входит в значение предлога *by* (например, *by the fire*—'у камина'; *a cottage by the sea*—'домику моря') и имеет меньшее число вариантов. Например, этот предлог не употребляется для указания на 'психосоциальную среду' (так, информацию словосочетаний *у театра, у парадного подъезда* нельзя передать именной группой с предлогом *by*). Актантные отношения могут вводиться предлогом *at*, который в отличие от русских слов указывает именно на позицию, а не на пространственную область. Поэтому этот предлог используется, например, для обозначения и позиции певца, стоящего у рояля, и позиции пианиста, сидящего за роялем.

В то же время *by* может указывать на актантные отношения, но только в том случае, если они относятся к прошлому или будущему, а не к моменту описания, например, *to stay by the phone*—«сидеть у телефона» (но не звонить); ср. рус. *сидеть возле телефона*.

Другой вариант Y-зависимого выделения пространства представлен словами *рядом*₃, *поблизости*, *близ*, *near*, *nearby*, *closeby*. Как показало проведенное исследование, эти слова вносят информацию о таком пространстве нахождения X-а, которое расположено близко от Y-а, иногда почти примыкает к нему, но при этом отделено от него и не связано с ним посессивным отношением (R). Такой характер значения определяет многие особенности функционирования данных слов, которые при этом могут по-разному преломляться в зависимости от других признаков, входящих в значение. Так, по-видимому, важно различать слова, указывающие на локус X-а, и слова, вводящие более широкое пространство. Слова, указывающие на локус, который при этом сам не рассматривается по отношению к более широкому пространству, как правило, не могут использоваться в высказываниях, цель которых—просто локализовать X (исключение составляют случаи, когда сам X соответствует пространству, и некоторые другие). Чаще всего подобные слова встречаются в высказываниях, цель которых—не только локализовать X по отношению к Y-у, но и показать, что маленькое расстояние между X-ом и Y-ом дает возможность осуществить какие-то действия. Таким образом, их поведение в речи похоже на чисто дистанционные слова, хотя полного сходства при этом нет. Такой тип функционирования в речи свойствен словам *рядом*₃, *nearby*, *closeby*. Напротив, слова *близ*, *near* регулярно употребляются в чисто локативной функции.

6. Значение «рабочая позиция», не включенная в более широкое пространство, в русском языке не передается ни одним из рассмотренных в проведенном исследовании предлогов. Как представляется, этот концепт входит в одно из значений предлога *за*, например, *сидеть за пишущей машинкой* или *за рулем автомобиля*. Но и предлог *за*, так же как и предлог *у*, нельзя считать семантическим эквивалентом английского предлога *at* в этом значении; они лишь частично пересекаются. *At* определяет положение X-а как позицию, в которой X совершает действия или осуществляет деятельность, связанную с функциональным использованием Y-а, при этом Y может быть как артефактом, например, *to sit at the computer display*—«сидеть у терминала ЭВМ», так и функциональным пространством, например, *to be at the supermarket*—«находиться в магазине», т. е. делать покупки (в отличие от *to be in the supermarket*—«находиться в помещении магазина»). Такое «комплексное» представление агентивной роли X-а, объединяющее разные виды деятельности и, соот-

ветственно, разные типы Y-а, не свойственно ни одному из русских пространственных предлогов.

Существенно также то, что в семантике английского предлога *at* снимается противопоставление «автономного» расположения и пространственного вложения одного объекта в другой, т. е. противопоставление «X вне Y-а/ X внутри Y-а». Русские предлоги и абсолютное большинство английских предлогов могут выражать только один из этих двух пространственных концептов: автономное расположение объектов — *X около, рядом, by, beside etc.* Y и расположение одного объекта в пределах другого — *X в, внутри, in, within, inside Y*. Семантика предлога *at* включает обе возможности — X может занимать позицию как в непосредственной близости к Y-у, так и внутри его, в зависимости от пространственных и функциональных особенностей релятума.

7. В семантической системе английского языка более значительную роль, чем в русском языке, играет представление о принадлежности объекта и, в частности, релятума, закрытому множеству. Этот семантический компонент сочетается с пространственными концептами в одном из значений предлога *at* — *at*₂. В русском языке аналогичное значение представлено в семантической структуре предлога *у* — *у*₄. Однако в английском языке гораздо разнообразнее набор критериев, на основании которых объекты могут объединяться в множество. Так, основанием для включения Y-а в закрытое множество может служить не только его восприятие как части некоторого целого или его расположение на траектории движения, но и другие характеристики. Большая широта возможностей объединения объектов во множество определяется тем, что могут учитываться и такие Y-и, которые сами выступают в качестве пространств нахождения X-а — *our reserve squadron at Longford*, где Лонгфорд рассматривается на фоне закрытого множества населенных пунктов, в которых расквартированы войска.

8. В русском языке более широко представлены средства описания расположения X-а в пространствах и позициях, удаленных от Y-а. Так, наречие *поодаль* и предложное сочетание *в отдалении* указывают на удаленные позиции элементов одного общего фрейма (выделяется несколько типов таких фреймов). В английском языке слова с подобным значением отсутствуют. Но, как показало исследование одного из авторов [Маляр 1997], не вошедшее в настоящую книгу, в английском языке указание на расстояние выраженное в метрических единицах — *a few feet away, only inches away from*, может служить средством объединения лиц, присутствующих в некотором месте, в качестве участников единой сцены.

9. И в русском, и в английском языках существуют слова, которые указывают на расположение X-а в таком пространстве S_1 или в такой позиции S_2 , которые находятся на незначительном расстоянии от Y-а. Некоторые из них указывают на нахождение именно в пространстве, причем величина расстояния от Y-а в их семантике не связана с какими-либо возможностями функциональной связи X-а и Y-а. В английском языке это слово *near*, в русском — *близ*, *вблизи*. Напротив, в семантике слов *поблизости*, *nearby*, *closeby* не всегда четко различается нахождение в пространстве или в позиции. Сама же близость расстояния определяется по отношению к возможности установить какие-либо связи X-а с Y-ом, в основе которых лежит тот или иной тип использования X-а Y-ом. Поэтому в паре X и Y по крайней мере один из них должен относиться к классу людей или представлять собой функциональное пространство, связанное с пребыванием или деятельностью людей.

Набор учитываемых отношений в русском и английском языках совпадает не полностью.

10. Различие между русскими словами в рамках исследуемой группы слов может быть связано с разной абсолютной величиной расстояния, оцениваемого как близкое или, наоборот, дальнейшее при сходном типе описываемых отношений. Так, слово *поодаль* и выражение *в отдалении*, хотя и связаны с описанием событийного фрейма в рамках общего пространства, различаются и по минимальному и по максимальному расстоянию, которое при этом допускается между X-ом и Y-ом (в слове *поодаль* подразумевается меньшее расстояние и что в свою очередь коррелирует с типами тех событийных фреймов, в описании которых оно участвует). Подобно этому слово *рядом*, которое так же как и слово *поблизости* часто описывает функциональную позицию, отличается от него по допустимой минимальной величине расстояния между X-ом и Y-ом. Подобных различий между английскими словами не наблюдается.

11. Получены результаты, связанные с возможностями когнитивного представления различных объектов, выполняющих функцию релятума (Y-а) или референта (X-а). Например, показана возможность в обоих языках интерпретации реки, дороги, ниспадающих волос, бороды, ниспадающей одежды как находящихся в состоянии действительного (река) или как бы застывшего движения вдоль некоторого другого объекта. С такой интерпретацией связывается одно из условий употребления предлога *у* (y_4) и *at*, а также — более ограничено — предлога *вблизи от*. Отмечаются также разные способы представления в русском и английском языках ситуаций, связанных с частями целого. Например, расположение X-а (родинка, шрам и т. д.) по отношению к отдельным частям лица в русском языке чаще описывается с помощью «горизонтальных»

предлогов (*кожа у висков была желтой*), в английском здесь чаще используются предлоги, описывающие расположение объектов по вертикали.

12. Проведенное исследование показывает, что выбранная группа пространственных предлогов и наречий не образует жесткую систему и не может быть описана графом дерева. Эта группа распадается на микросистемы, относительно слабо между собой связанные. Семантика членов микросистем также не описывается полностью, как правило, только через набор различительных признаков. Сложность отношений между членами группы определяется еще тем, что большинство из них имеют несколько значений даже в рамках описываемых микросистем. Вместе с тем интегрально-различительные и чисто различительные признаки играют достаточно важную роль в семантической организации исследованной группы: деление, обусловленное понятием «области» (R)—«необласти» Y -а (не R); признаки, связанные с величиной области R , с типом агентивного отношения и т. д.

13. Выделены два основных типа многозначности, свойственные исследованным словам. В основе первого типа лежит некоторая инвариантная часть, которая, однако, не полностью предопределяет частные значения. Так, ядро всех значений предлога y составляет следующая структура: 'X находится в пространстве (или является элементом пространства-множества), посессор которого— Y . При этом X также может находиться в посессивном отношении с Y -ОМ'.

В основе образования отдельных значений лежат следующие процессы: 1) преобразование пространств (т. е. переход от описания одного вида пространства к другим: например, наблюдаемое пространство \rightarrow пространство-множество —* метафорическое пространство и т. д. ; 2) преобразование посессивных отношений; 3) втягивание контекстной информации в семантику самого предлога—переход контекстных вариантов в значения; 4) разграничение отдельных членов микросистем друг от друга (при этом различительные признаки могут меняться при описании разных пространств и посессивных отношений).

Этот тип значения не подводится под понятие «идеального значения» и типовых употреблений А. Герсковиц [1988].

Второй тип значения, характерный для исследованных слов, строится на видоизменениях исконной геометрической «фигуры». Так, представление о смежных позициях, связанное с идеей ряда, преобразуется в представление о смежных рядах—рус. *рядом₁/рядом₂*. Представление о позициях, обращенных друг к другу боковыми сторонами, трансформируется в 'образ' двух примыкающих друг к другу пространств, образующих единство, определяемое теми или иными признаками (например, полоса воды и примыкающий к ней участок берега)—англ. *beside₁/beside₂*.

Вместе с тем в работе не во всех случаях удалось установить «когнитивные» основания перехода от одного значения к другому. Например, русский предлог *у*, как было показано, имеет значение, при котором *У* (релятум-ориентир) должен обязательно быть представлен как элемент некоторого множества (например, множества пунктов, мимо которых проходит траектория движения *X*-а). Сходное значение имеется и у английского предлога *at*. Однако почему именно у данных слов развилось это значение и как оно связано с их другими значениями, остается неясным.

14. Между русским и английским языками существуют еще различия, связанные с допустимостью опущения в высказывании тех или иных компонентов описываемой ситуации. Так, в английском языке чаще, чем в русском, разрешается опущение глагола местонахождения. Этот вопрос требует дальнейшего исследования. Нуждаются в уточнении и дополнении и выделенные расхождения в особенностях функционирования в речи русских и английских исследованных слов.

15. Проведенное исследование еще раз подтвердило мысль В. Н. Ярцевой [1981] о важности выбора микросистемы в качестве единицы сопоставления. С одной стороны, она доступна полному и верифицированному описанию, позволяющему выделить многие неочевидные понятия, входящие в семантику языковых единиц. С другой стороны, только взяв всю микросистему, можно судить о сходстве и различии того фрагмента картины мира, связанного с определенной понятийной областью, который построен в каждом из сопоставляемых языков.

Сопоставление русского и английского языков показало, что пространственно-дистанционные и дистанционные отношения описываются в них в основном с помощью одного и того же набора понятий. Однако семантические объемы отдельных слов обычно не совпадают. Например, рус. *у* включает и значение «рабочей позиции» (y_2), и значение психофизической или психосоциальной среды. В системе английского языка эти значения распределены между *at* и *by*. Неполностью обычно совпадает объем отдельного значения (ср. рус. *у* при описании «рабочей позиции» и англ. *at*), что связано с существованием дополнительных частных признаков. Различаются русский и английский язык и по степени детализированности описания отдельных фрагментов пространственно-дистанционных отношений. Например, в русском языке более разработаны градации при описании «дальних» пространств, а в английском языке выделяется больше типов членения, связанных с понятием рядности, порядка следования объектов.

16. Полученные результаты могут представлять интерес и для когнитивных исследований. Так, установлены определенные логически не обязательные закономерности функционирования в речи чисто дистанционных слов в отличие от пространственно-дистанционных. Если эти закономерности окажутся справедливыми не только для русского и английского языков, а и для остальных языков, то они должны рассматриваться как предопределенные особенностями мышления.

Если некоторые из выделенных понятий (например, понятие «области» ориентира, переплетение пространственных и посессивных отношений, пространственных и актантных связей) будут обнаружены в семантических системах других языков, то они также могут рассматриваться как проявление общих особенностей восприятия и мышления.

Библиография

- Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: Избранные труды. Т. 1. М., 1995.
- Апресян Ю. Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография: Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
- Апресян Ю. Д., Богуславская О. Б., Левонтина И. Б., Урысон Е. В.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1995.
- Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
- Барентсен А.* Семантика и структура славянского вида в русском языке. Krakow, 1991. 1. С. 1—26.
- Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7—85.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира. М., 1997.
- Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982.
- Диманцо М., Адорни Дж., Джункилья Ф.* О проблеме описания сцен // Труды ии-та инженерии по электротехнике и радиоэлектронике. Т. 74. №7. С. 131—149.
- Доннеллан К. С.* Референция и определенные дескрипции // НЗЛ. М., 1982. Вып. 13. С. 134—160.
- Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Кибрик А. Е.* К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. М.: Изд. МГУ, 1970. С. 110—156.
- Крейдлин Г. Е.* Метафора семантических пространств и значение предлога *среди* // Вопр. языкознания. 1994. № 5. С. 19—21.
- Кубрякова Е. С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопр. языкознания. 1994. №4. С. 17—33.
- Лакофф Дж.* Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М., 1996. С. 143—184.
- Леонтьева Н. Н., Никитина С. Е.* Смысловые отношения, передаваемые русскими предлогами // Slavica IX. Debrecen, 1969. P. 15—63.
- Маляр Т. Н., Селиверстова О. Н.* Семантика некоторых пространственных предлогов в русском и английском языках // Съпоставително езиковознание / Сопоставительное языкознание / Contrastive Linguistics Т. XVII. №3. София, 1992. С. 118—123.

- Маляр Т. Н., Селиверстова О. Н.* Понятия «пространства» и «расстояния» в семантике некоторых русских и английских предлогов и наречий // Типологические и сравнительные методы в славянском языкознании: Сб. статей. М., 1993. С. 166—181.
- Маляр Т. Н.* Концептуализация пространства и семантика пространственных предлогов и наречий // Сб. научн. трудов МГЛУ. 1994. Вып. 427. С. 62—76.
- Маляр Т. Н.* Некоторые особенности выражения пространственных отношений английскими предлогами *below, under, beneath* и русским предлогом *под* // Сб. науч. трудов МГЛУ «Английский лексикон и структура представления знаний». 1994. Вып. 429. С. 27—39.
- Маляр Т. Н.* О семантике предлога *over* // Сб. научн. трудов МГЛУ. 1995. Вып. 430. С. 3—14.
- Маляр Т. Н.* Интеграция лингвистических и нелингвистических знаний в семантических исследованиях // Сб. научн. трудов МГЛУ «Интеграция лингвистических и экстралингвистических знаний». 1996. Вып. 434. С. 3—11.
- Молошная Т. Н.* Субстантивные словосочетания в славянских языках. М., 1975.
- Никитина С. Е.* О семантическом варьировании русских предлогов // Семантическое и формальное варьирование. М., 1979. С. 108—147.
- Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика. М., 1982.
- Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
- Плунзян В. А., Рахилина Е. В.* Полисемия служебных слов: предлоги через и сквозь // Русистика сегодня. 1996. №3. С. 1—17.
- Селиверстова О. Н.* Значение слова и информация // Теория речевой деятельности. М., 1968. С. 130—153.
- Селиверстова О. Н.* Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом *быть* // Вопр. языкознания. 1973. №5. С. 95—105.
- Селиверстова О. Н.* Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.
- Селиверстова О. Н.* Некоторые типы семантических гипотез и их верификация // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980. С. 262—319.
- Селиверстова О. Н.* Понятия «множество» и «пространство» в семантике синтаксиса // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 43. С. 142—150.
- Селиверстова О. Н.* Контрастивная синтаксическая семантика. М., 1990.
- Селиверстова О. Н.* К вопросу о семантической структуре языковой единицы (на примере слов *у* и *рядом*) // Облик слова: Сборник памяти Д. Н. Шмелева. М., 1997. С. 92—104.
- Селиверстова О. Н., Сулейманова О. А.* Эксперимент в семантике // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47. №5.
- Селиверстова О. Н., Прозорова Л. А.* Коммуникативная перспектива высказывания // Теория функциональной грамматики. Субъектность, объектность, коммуникативная перспектива и определенность/неопределенность. СПб., 1992. Т. 2. С. 189—231.
- Шяйкаускаене И.* Сопоставительный анализ некоторых пространственных предлогов в английском и литовском языках: Канд. дис. Вильнюс, 1995.
- Шмелев Д. Н.* Современный русский язык: Лексика. М., 1977.
- Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Яковлева Е. С.* Языковая картина пространства, задаваемая наречиями с семантикой «далеко»/«близко» // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. Ин-т языкознания. М., 1990. С. 205—217.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира. М., 1994. Гл. I. С. 8—72.
Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. М., 1981.

- Bennet D. C.* Spatial and Temporal Uses of English Prepositions. London, 1975.
Berthonneau A. M. De l'espace au temps // Lexique 11. Presse Universitaire de Lille, 1992.
Blok P., Eberle K. What is the alternative? // Journal of Semantics, IBM, Wissenschaftliches Zentrum. Heidelberg, 1994. S. 11—16.
Cohen D., Wirth J. P. (eds.). Testing Linguistic Hypotheses. Washington, D. C: Hemisphere Publishing Corporation, 1975.
Cooper G. S. A semantic analysis of English locative prepositions // Bolt, Beranek and Newman Report, 1587, Universals in linguistic theory. Holt Reinhart and Winston, 1968. P. 1—88.
Coventry K., Ludwig A. Semantics of Prepositions. A Literature Survey and Proposed Framework for Future Treatment. Research Paper. EUCCS/RP-45. Edinburgh; Scotland, 1991.
Cresswell M. J. Prepositions and Points of View // Linguistics and Philosophy. Vol. 2. № 1. 1978. P. 1—41.
Davy D., Quirk R. An Acceptability Experiment with Spoken Output // Journal of Linguistics. Vol. 1. № 5. 1969. P. 109—120.
Dirven R., Taylor J. R. The Conceptualization of Vertical Space in English: the Case of Tall / Rudzka-Ostyn B (ed.). Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamin's Publishing Company, 1988. P. 370—401.
Ebnetter Th. Die Adverbien und Präpositionen des Ortes und der Richtung im Romanischen von Vaz // Obervaz / Zeitschrift für Romanische Philologie 100, 3/4, 1984. S. 387—407.
Garrod S. C., Sanford A. J. Discourse Models as Interfaces between Language and the Spatial World // Journal of Semantics 6, 1989. P. 147—160.
Gawron J. M. A Parsimonious Semantics for Prepositions und CAUSE. CSL 21. 1985.
Gawron J. M. Situations and Prepositions // Linguistics and Philosophy. 9. 1986. P. 327—382.
Gawron J. M. Types, Contents and Semantic Objects // Linguistics and Philosophy. 9. 1986. p. 427—476.
Greenbaum S. The Linguist as Experimenter / F. R. Echman (ed.). Current Themes in Linguistics. Bilingualism, Experimental Linguistics and Language Typologies. A Halsted Press Book. № 4.
Hawkins B. W. The Semantic of English Spatial Prepositions // Dissertation Abstracts International (ISSN Pt 0412-42-09). 1984.
Hawkins B. W. Category Medium: an Alternative to Selection Restrictions and Similar Constructs / B. Rudzka-Ostyn (ed.). Topics of Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 1988. P. 231—270.
Herskovits A. Language and Spatial Cognition. An Interdisciplinary Study of the Prepositions in English. Cambridge University Press, 1986.
Herskovits A. Spatial Expressions and the Plasticity of Meaning / B. Rudzka-Ostyn (ed.). Topics of Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 1988. P. 271—298.
Herweg M. Ansätze zu einer semantischen Beschreibung topologischer Präpositionen / Habel C, Herweg M. & Rehkamper K. hrsg. 1989. S. 99—127.
Hill L. A. Prepositions and Adverbial Particles. An Interim Classification: Semantics, Structural and Graded. L.: Oxford University Press, 1968.

- Jacobson B.* Adverbs, Prepositions and Conjunctions in English: A Study in Gradience // *Studia Linguistica*. 31. 1977. № 1. P. 38—64
- Jackendoff R.* Semantic Structures. Cambridge, 1990.
- Jackendoff R., Landau B.* Spatial Language and Spatial Cognition / Napoli D. (ed.) Bridges between Psychology and Linguistics: A Swarthmore Festschrift for Lila Gleitman, Hellsdale, New Jersey, 1991. P. 145—169.
- Lakoff G.* Instrumental adverbs and the concepts of deep structure // *Foundations of language* International journal of language and philosophy. 1968. Vol. 4. № 1.
- Lakoff G.* Women, Fire and Dangerous Things. Chicago; London, 1987.
- Langacker R. W.* Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Stanford; California, 1988.
- LDCE—Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Group Ltd., 1986.
- Leech G N.* On the Theory and Practice of Semantic Testing // *Lingua*. 1970. Vol. 24. № 4. P. 343—364.
- Lindkvist K. G.* A Comprehensive Study of Conceptions of Locality in which English Prepositions Occur. Stockholm, 1976.
- Miller G, Johnson-Laird P. N.* Language and Perception. Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, 1976.
- Morris W, Morris M.* Harper Dictionary of Contemporary Usage. N. Y.: Harper and Row Publishers, 1975.
- Rosch E.* Principles of categorization // *Cognition and categorization*. Hillsdale, 1978. P. 27—48.
- Rudzka-Ostyn B.* (ed.). Topics of Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
- Talmy L.* How Language Structures Space // *Spatial Orientation. Theory, Research and Application*. N. Y., 1983. P. 225—281.
- Taylor J. R.* Contrasting Prepositional Categories: English and Italian / B. Rudzka-Ostyn (ed.). Topics of Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 1988. P. 299—326.
- Vandeloise C.* Les analyses de la preposition dans: faits linguistiques et effets methodologiques // *Lexique* 11. Les prépositions: méthodes d'analyse. Presse universitaires de Lille, 1992. P. 15—40.
- Waltz D. D.* Generating and Understanding Scene Descriptions / A. X. Joshi et al (ed.). Elements of Discourse and Understanding. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1981. P. 266—281.
- Wierbicka A.* In Search of a Semantic Model of Time and Space // *Generative Grammar in Europe*. Dordrecht, 1973. P. 616—628.
- Wierbicka A.* *Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Language*. Sydney; N. Y. etc., 1980.
- Wood F. T.* English Prepositional Idioms. London: Macmillan, 1967.

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

О. Н. СЕЛИВЕРСТОВОЙ

ДИССЕРТАЦИИ

- Опыт семантического анализа слов типа 'все', 'all' и типа 'кто-нибудь', 'some' в русском и английском языках: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.
- Экзистенциальность и посессивность в языке и речи: Дис.... докт. филол. наук. М., 1983.

МОНОГРАФИИ

1. Компонентный анализ многозначных слов (на материале некоторых русских глаголов). М.: Наука, 1975.
2. Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988.
3. Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания. М.: Наука, 1990.
4. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках // Т. Н. Маляр, О. Н. Селиверстова. Slavistische Beitrage. Bd 362. Ч. I. Русские пространственно-дистанционные предлоги и наречия. Мюнхен: Ферлаг Отто Загнер, 1998.

ГЛАВЫ (РАЗДЕЛЫ) В КОЛЛЕКТИВНЫХ МОНОГРАФИЯХ (СБОРНИКАХ)

1. Значение слова и информация // Проблемы речевой деятельности. М., 1968. С. 130—153.

2. Опыт семантического анализа группы русских и английских глаголов с общим компонентом «излучать свет» // Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. М.: Изд. МГУ. 1970. С. 98—116.
3. Об одной модели построения семантической микросистемы и структуры многозначного слова // Теория языка. Англистика. Кельтология. М.: Наука, 1976. С. 89—96.
4. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 119—146.
5. Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций в английском языке // Категории бытия и обладания в языке. М.: Наука, 1977. С. 59—67.
6. Константность и вариативность в семантической структуре многозначных слов типа take // Семантическое и формальное варьирование. М.: Наука, 1979. С. 27—107.
7. Некоторые типы семантических гипотез и их верификация // Гипотеза в современной лингвистике. М.: Наука. 1980. С. 262—318.
8. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86—157.
9. Семантические типы предикатов в английском языке. М.: Наука, 1982. С. 158—216 (в соавторстве с А. Г. Елисеевой).
10. Коммуникативная структура предложения и текст // Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. М.: Наука, 1987. С. 78—90.
11. Пространственно-экзистенциальные предложения в русском и английском языках (их соотношение и перевод) // Текст и перевод. М.: Наука, 1988. С. 130—144.
12. Communicative Sentence Perspective and Style in Russian and English // Soviet Contributions to Some Linguistic Issues: Сб. статей (на англ. яз.). Ин-т языкознания АН СССР. М., 1990. С. 23—50 (в соавторстве с Л. А. Прозоровой).
13. Коммуникативная перспектива высказывания // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/Неопределенность. СПб., 1992. Т. 2. С. 189—231 (в соавторстве с Л. А. Прозоровой).
14. Понятие 'пространства' и 'расстояния' в семантике некоторых русских и английских предлогов и наречий // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании: Сб. статей. Ин-т славяноведения и балканистики РАН. М., 1993. С. 166—181 (в соавторстве с Т. Н. Маляр).
15. Коммуникативная перспектива и позиция локатива // Ин-т языкознания РАН. 1997. С. 183—205 (в соавторстве с Нго Тхе Винь).
16. К вопросу о семантической структуре языковой единицы (на примере слов 'у' и 'рядом') // Облик слова: Сб. статей памяти Д. Н. Шмелева. М.: Ин-т языкозн.— Ин-т. Рус. яз. РАН. М., 1997. С. 92—104.
17. Контрастивный анализ микросистемы дистанционно-пространственных предлогов и наречий в русском и английском языках // Проблемы этносемантики. РАН—ИНИОН. М., 1998. С. 143—167 (в соавторстве с Т. Н. Маляр).
18. Некоторые «относительные» и «абсолютные» достижения лингвистической семантики XX века // Языковая относительность: английский лексикон и текст: Сб. научн. трудов МГЛУ. 1998. Вып. 441. С. 3—16.
19. О некоторых общих проблемах семантического описания и о семантике предложно-наречного слова 'рядом' // Актуальные проблемы семантики, лингвистической типологии и лингводидактики: Материалы научн. конф. МГПУ. М., 1998. С. 3—16.

20. Макросистема как единица контрастивного анализа (на примере дистанционно-пространственных предлогов и наречий в русском и английском языках) // Язык: теория, история, типология. Памяти В. Н. Ярцевой. РАН, Ин-т языкознания. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 229—237 (в соавторстве с Т. Н. Маляр).
21. Семантическая структура предлога 'на' // Исследования по семантике предлогов: Сб. статей / Отв. ред. Д. Пайяр, О. Н. Селиверстова. М.: Русские словари, 2000. С. 189—242.
22. «Когнитивная» и «концептуальная» лингвистика: их соотношение // Язык и культура. Факты и ценности: К 70-летию Ю. С. Степанова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 293—307.
23. Значение предлогов и некоторые общие проблемы семантики // Русский язык: пересекая границы. Ун-т Прованса, Ун-т Дубна. Изд. Дубна, 2001. С. 220—232.
24. Взаимодействие лексической и синтаксической семантики в значении предлогов (на материале предлога 'на') // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. РАН, Ин-т рус. яз. / Ред. Н. К. Ониненко. М.: УРСС, 2002. С. 109—119.

СТАТЬИ

1. Опыт семантического анализа слов типа 'все' и типа 'кто-нибудь' // Вопр. языкознания. 1964. № 4.
2. Семантический анализ английских слов 'some', 'any' и их производных и правила перевода этих слов на русский язык // Вестн. МГУ. Сер. VII. Филология, журналистика. 1965. № 1. С. 53—64.
3. Dictionaries and Semantic Analysis // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Т. 18 (3—4). Budapest: Изд. А. Н. Венгрии. 1968. P. 273—278.
4. О роли исследования свойств денотатов при выделении семантических компонентов // Материалы 11 Симпозиума по психолингвистике. М.: Наука, 1968.
5. Опыт семантического анализа группы русских и английских глаголов с общим компонентом «излучать свет» // Актуальные проблемы обучения языку. М.: Изд. МГУ, 1970. С. 98—116.
6. Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом 'быть' // Вопр. языкознания. 1973. № 5. С. 95—105.
7. Понятия 'множество' и 'пространство' в семантике синтаксиса // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 2. С. 142—150.
8. К вопросу о коммуникативной структуре предложения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43. № 5. С. 443—456.
9. Семантическая структура местоименного значения // Вопр. языкознания. 1987. № 1. С. 79—92 (в соавторстве с А. Г. Елисейевой).
10. Эксперимент в семантике // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47. № 5 (в соавторстве с О. А. Сулеймановой).
11. Местоименное значение // Linguistique et Slavistique. Travaux publiés par l'Institut d'études slaves-XXXVI. Publications de l'Université de Provence, Paris Institut d'Etudes Slaves. 1992. P. 83—91 (в соавторстве с М. А. Тонян).

12. Семантика некоторых пространственных предлогов в русском и английском языках // Сопоставительное языкознание. София: Софийский Ун-т им. К. Охридского. 1992. Кн. 3. С. 118—124 (в соавторстве с Т. Н. Маляр).
13. *Ordre des mots et exclamation (a propos du russe moderne)* // *Faits de langues*. 1995. Paris. P. 199—209 (в соавторстве с Ch. Bonnot).
14. Семантика СВ и понятие «работы» // Труды аспектологического семинара филол. фак-та МГУ. М.: Изд. МГУ, 1997. Т. 2. С. 99—114.
15. Имеют ли предлоги и лексическое значение? // Вопросы филологии. 1998. № 3.
16. *Enoncés a accent non final en russe et enonces au mediatif en arménien occidental: une convergence fortuite?* // *Proceedings of the XVI Internat. Congress of linguistics*. Paris. 1998 (в соавторстве с Ch. Bonnot и A. Donabedian—INALCO, Paris).
17. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // *Вопр. языкознания*. 2002. № 6.

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Обзор семантических работ по компонентному анализу // *Научные доклады высшей школы «Филологические науки»*. 1967. № 5. С. 125—132.

О книге Дж. Лайонза «Структурная семантика» (*J. Lyons. Structural Semantics*. Oxford, 1963) // *Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования*. М.: Наука, 1971. С. 195—207.

Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1970—1973 гг. // *Лексическая семантика. Фразеология / Ин-т рус. яз. АН СССР*. Под ред. В. В. Иванова. М.: Наука, 1982. С. 12—50.

Семантика пространственных предлогов и наречий (научно-аналитический обзор) // *Социальные и гуманитарные науки. Сер. 6. Языкознание*. № 4. М.: ИНИОН РАН, 1997. С. 15—44 (в соавторстве с Т. Н. Маляр).

ДИССЕРТАЦИИ, ВЫПОЛНЕННЫЕ
ПОД РУКОВОДСТВОМ
О. Н. СЕЛИВЕРСТОВОЙ

КАНДИДАТСКИЕ

1. *Ишевская Н. А.* Опыт структурно-семантического исследования (на материале английских конструкций, указывающих на положение объекта в пространстве). М., 1978.
2. *Исмаилов К. А.* Семантический анализ пространственных прилагательных в английском языке (с привлечением материала каракалпакского языка). М., 1980.
3. *Аритшева Р. С.* Конструкция 'there is' и коррелирующие синтаксические модели. М., 1983.
4. *Усонене А. М.* Семантика предикатов с глаголами типа 'see', 'look'. М., 1983.
5. *Григалионене И. И.* Синтаксический посессив и коррелирующие с ним модели в современном английском языке. М., 1986.
6. *Кириленко Е. И.* Глаголы со значением окончания действия и их именные производные в английском языке. М., 1986.
7. *Сулейманова О. А.* Некоторые семантические типы субстантивов и их актуализаторы 'весь/целый' и 'all/whole'. М., 1986.
8. *Загорулько Б. А.* Логико-семантические закономерности порядка следования предикатов в сочинительных конструкциях с союзом 'and'. М., 1988.
9. *Прозорова Л. А.* Особенности построения коммуникативной перспективы в художественном тексте (на материале английского языка). М., 1989.
10. *Сазонова Т. А.* Сложное слово в функционально-стилевом аспекте (опыт статистического анализа). М., 1990.
11. *Ильчук Е. В.* Некоторые типы эпистемической модальности в английском языке. М., 1991.
12. *Мухамеджанова Ф. Я.* Понятия фактивности и семантика некоторых глаголов мышления в английском языке. М., 1992.

13. *Нго Тхе Винь*. Порядок слов и коммуникативная перспектива предложения во вьетнамском языке (на материале некоторых типов предложений). М., 1993.
14. *Кравцова М. Ю.* Способы представления индивида в русском языке (имя нарицательное). М., 1994.
15. *Шяшкаускаене И.* Сопоставительный анализ некоторых пространственных предлогов в английском и литовском языках. Вильнюс, 1995.
16. *Нгуен Тхи Линь Иен.* Пространственно-дистанционные слова во вьетнамском языке. М., 2000.
17. *Баринова И. В.* Семантика предлогов, выражающих временные отношения в современном английском языке. М., 2000.
18. *Кириченко А. С.* Сопоставительная семантика русских предлогов 'среди', 'между' и их английских эквивалентов 'among', 'between', М., 2002.

ДОКТОРСКИЕ

1. *Шабанова Т. Д.* Семантическая модель глаголов зрения в английском языке (теоретико-экспериментальные исследования). М., 1998.
2. *Маляр Т. Н.* Концептуализация пространства и семантика английских пространственных предлогов и наречий. М., 2000.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

- (а) вдруг* 476
(а) может 476
блестеть 98, 99
близ 785—795, 813—816, 931, 938
близко 754—762, 813—816, 931
брат 40, 265—292, 353, 366
бродить 863
бывать 599
быть 168, 169, 365, 366, 559, 560, 563, 564—568, 591, 603, 604, 611, 612, 627, 704, 705
в 752
в отдалении 795—801, 805—813, 813—816, 930, 938
в таких случаях 468
вблизи (от) 762—785, 813—816, 933, 938
вдалеке 762—785, 813—816, 933
вероятно 476
весь/целый 470, 589, 600, 601
взять 168—219, 265—292, 365
видеть 330
виднеться 769
возле 788, 800, 850—878, 901, 902, 930, 932
возможно 476
воспринимать 326—330, 331—338, 340
время от времени 468
все 431, 441, 471, 536, 542
всегда 469, 470
все-таки 536
все, что 460
все, что угодно 461, 503
- всякий* 441, 541
выситься 769
высокий/низкий 86, 90—91
готов 459, 539
- далеко* 754—762, 813—816, 931
далековато 754
даль 755
дать 40, 168—219, 223, 237, 238, 245—264, 353, 366
действительно 536
длинный/короткий 86, 90—91
довольно 755—757, 932
должен 479, 483
должен быть 476
думать 313, 324, 328
есть 139—141, 564, 574—577, 628—653, 709
же 458, 533
желать 496
жить, жизнь 599, 771, 936
замечать 330
издалека 780—785, 814
издали 780—785
изредка 468
или 440
иметь 40, 134—169, 559, 560, 564, 611, 612, 627, 704, 705
иногда 470
искать 452
казаться 328, 329, 335, 472, 488, 536, 542, 547
каждый 431, 441, 471, 472, 488, 536, 542, 547
какой бы ни 473
какие-нибудь 530
какой-нибудь 463, 466
кое-кто 441
кое-что 441
- кто бы ни* 460
кто (что)-либо 440
кто-нибудь 431, 438, 481, 519, 530
кто-то 431, 438, 488, 519
кто угодно 459, 460, 503
любой 440, 459, 488, 503, 529
530, 531, 533, 534, 537—539, 541, 542, 547
любой из 547
мало 495
манить, влечь 452
мерещиться 328, 329
мерцать 98—99, 103
местоимения с -ни 442, 491, 493—495, 498, 501, 502
местоимения с -нибудь 437, 452, 454, 463—465, 473, 474, 476, 480, 484, 486, 491, 498, 501, 502, 535, 539
местоимения с то- 437, 452, 453, 456, 464, 465, 474, 476, 480, 484, 486, 498, 501, 502
мигать 98, 99, 103
модель «У Х есть Y»/ «У Х У» 40, 85
может 483, 539
может быть 476
мочь 460, 478, 534
мы 550
надеяться, ждать 452
наличие 140, 165
не (ни) 495, 501
невдалеке 762—785, 813—816, 933
некоторые 431, 441
нелзя 495
неприятно 415
несомненно 477
обычно 468

около 788, **793**, 800, 878—902, 930—932, 937
 он 425
 они **431**
 опять 468
 относительно 755—757
 очень 755—757, 932
 поблизости 922—930, 936, 938
 подле 850, 869, 901, 902
 показываться 769
 полагать 324—325
 получать 40, 168—219, 220—244, 366, 369
 понимать 313—315, 320, 328, 331, 332, 335, 336, 338
 поодаль 795—805, 930, 937, 938
 почти/совсем 756, 757
 при 543
 принимать 40, 168—219, 326, 327, 329—332, 332—338, 345—347, 356, 358
 принять кого-либо за кого-либо 40, 326—327, 329—332, 334—338, 345, 346
 приобрести 356
 провести (побыть, пробыть) 599
 происходить (случаться, иметь место) 573
 редко 494
 рядом 761, 800, 902—922, 930, 931, 934, 936—939
 сверкать 98, 99
 стать 176
 существовать 564, 572, 603
 считать 328
 та 421, 490, 498, 502
 так 755, 756, 757, 932
 то 490, 498, 502
 тогда 468
 тот 421, 427, 490, 498, 502
 трудно 494
 ты 435, 549
 тяжело 495

у 816—850, **901**, 902, 930—932, 934—936, 938, 940
 узнавать 327
 чернь 76—78
 что-нибудь 489
 что-то 459
 что угодно 459, 460
 чувствовать 330, 336
 ходить 863
 хотеть 496
 хоть 455, 483, 520
 целый 470
 часто 468, 494
 что-нибудь 481
 это 418, 421—428
 я 435
 accept 309, 345—346, 348—349, 355, 357—362, 367—369, 371
 acknowledge 346
 admit 346
 alongside 934
 any 432, 445, 523, 529, 530, 531, 545, 548
 anybody 522, 526, 527
 anyone 522, 527, 545
 anyone/anybody 525
 местоимения с -body 507
 assume 309, 316, 323, 346—349, 355—356, 360, 362, 367—370, 372
 avoir 34—167
 at 935, 936, 937, 938, 940
 be (to be) 134—167
 beside 934, 937, 939
 by 935, 937, 940
 close (to) 931, 932
 closeby 931, 936, 938
 conclude 324
 consider 101, 104, 316—317, 320
 every 523
 everybody 511, 523, 524
 everyone 511, 523, 524
 far 932

far away 932
 get 309, 324, 348—349, 352—355, 357, 359—360, 362, 365, 367, 369—372
 give 348—349, 352—355, 358—360, 362, 367, 372
 have (to have) 67—68, 86—87, 134—167, 364, 580—581, 654—678, 679—703
 high 309
 infer 324
 in the (far) distance 933
 near 932, 936, 938
 nearby 936, 938
 next (to) 934
 nobody 526, 527
 no one 527
 no one/nobody 525
 obtain 372
 receive 309, 343, 348—349, 357, 359, 362, 367, 370—372
 местоимения с -one 507
 reconcile 360—362
 resign 360—361
 so 932
 some 445, 530
 somebody 507, 511, 512, 514, 515, 517, 519, 522
 someone 507, 512, 513, 514, 515, 517, 519, 522, 523
 suppose 316, 323
 take 347—349, 352—353, 354—360, 362—363, 365, 367—372
 take (как глагол мышления) 97—101, 103—104, 309, 312, 315—326, 339, 342
 take (как глагол восприятия) 338—345, 347, 349
 tall 309
 there (to be) 67—68, 364, 610, 654—678, 679—703, 705
 think 101, 104, 316—317, 320—322
 understand 320—321
 very 932

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- абстракция 738
агенс: 615
— действия 891, 931, 935
— потенциальный 861, 878
— события 797, 811
адекватные словари 115
адекватность описания значения 87
адресат действия (семантическая роль) 370, 371
акт реализации 446
акт речи 117, 337, 385, 408, 411, 414, 415, 417, 513
актант 570, 580, 615, 633
актант ситуации 377, 382, 384, 390, 393, 395, 399, 400, 403, 404, 413, 414, 415, 417, 421, 422, 424, 425, 432, 512, 548
актантная позиция 388, 390, 399, 401, 433, 434, 440, 462, 474, 512, 547
актуальное членение 397
актуализатор 377
акцентное выделение 393, 541
анафора 408
анафорическая функция 408, 428
антецедент 418, 421, 424
асинтаксические отношения (характеризации) 394
ассерция 751, 755, 813
артиклъ 602
аспектизированное/неаспектизированное отображение 428
аспективизированное представление 402, 403
аспектизированная характеристика 424
аспектуализация 421
- атмосфера:
— духовная 867
— психологическая 878
— психосоциальная 867
— психофизическая 867
векторность (ориентированность) 394
векторные связи 617
верификационные процедуры 750
вероятностные высказывания 476
взаимодействие 925, 926
включение 168, 352
вместилище: 742, 743
— функциональное 734
восприятие: 326, 327, 370, 941
— как результат или процесс узнавания 327, 332, 336
— внутреннее 327, 328
— вторичное внутреннее 326—328, 337, 338
— пространственное 721
временной отрезок 466
время реализации 446
второй уровень семантического описания 723, 829, 839, 931
гипотезы лингвистические и семантические: 722, 740, 750
— классификация 60—62
— возможности и способы верификации 60, 101, 105
— не проверяемые в рамках лингвистики 62—70
— не связанные с экспериментальной проверкой 71—80
- гипотетико-дедуктивный метод 48, 92, 561, 750
глаголы:
— фактивные/нефактивные 312
градация 914, 930, 940
градуальность (показатель) 932
грамматическое значение 118
грамматическая система 121
движение:
— партитивное 930
— перцептивное 926, 930
дейксис 408
действие 577, 579—581
денотат(ы) 33, 94, 116—120, 128, 129, 378, 381—383, 387, 391, 392, 396, 401, 402, 405, 419, 421, 462, 567, 569, 573, 746—749, 835, 910
— «двусмысленные» 45
— предикативные 587, 588, 594, 599—602
прототипические 910, 911
— результативов 593
— речевого сообщения 28, 29
— типизированные 833
денотативная отнесенность 45, 94, 120, 125, 126, 128, 130, 569, 570, 579, 746
денотативная ситуация 102, 106, 246, 340, 386, 391, 729, 737, 747, 748
денотативное тождество 419, 590, 591
денотативные классы 89, 103
денотативные отношения 150, 577
денотативный:
— статус 746

- тип 391, 392, 405
- денотация 378, 386, 387, 428, 518
- денотация **истинная—ложная** 120
- описание 390, 399, 403, 420, 424, 433, 462
- детерминативы 432, 681
- дизъюнктивная именная группа 474
- дизъюнктивность/недизъюнктивность 440, 442
- дизъюнкция 440, 442, 466
- дизъюнктивные перечисления 475
- дискурс 400
- диспозиционные предложения 528, 529
- дистанционно-пространственный пояс 763, 764
- дистрибутивность 440
- диффузность содержания 298
- заданность объекта отображения 330
- заполнитель актантной позиции 391, 392, 416, 419, 452, 462
- знак (языковой) 116—118, 127, 402
- знания о внеязыковой действительности 32
- значение: 35, 36, 39, 42, 47, 72, 73, 76, 89, 730, 748, 749
- языковой единицы 115—119, 126, 380
- двигательное 727
- идеальное 728—730, 733, 744, 748, 939
- инвариантное 751
- контекстное/неконтекстное 725, 752, 830, 867, 888, 889, 901
- лексическое 722
- неконтекстуальное 725
- обобщенное 727
- ориентирующее 727
- прототипическое 751
- функциональное 728—731
- языковое 752 значения:
- вариант значения 132, 133, 147, 437, 477, 727, 730, 894
- инвариантная часть 813, 819, 847, 939
- инвариантное ядро 901
- модификации 752, 805, 865, 867, 879, 885, 889, 890
- структура 39, 40, 42
- значение и денотат 37—38, 71, 76, 78, 79, 115
- значение и контекст 307
- значение и контекстный вариант 135, 311
- значение и неконтекстный вариант 308
- значение и понятие 35, 38, 66, 72
- значение и речевая информация 36, 38, 39
- значение и речевые флуктуации 76
- значение как знаковая информация 35—37, 54, 78—80
- значение существования 570
- значение (условия выявления) 94, 102
- значение (форма «записи» в сознании) 63—65, 309**
- идеализация 758
- идиоматические формы 728, 730
- иерархичность ситуационная 897, 901, 907
- изобразительный стиль 698
- именная группа 377, 390, 391, 403, 419, 421, 434, 462
- импликация 544
- импликационная модель 471
- инвариант семантический 139
- индивид 422, 434, 440, 452, 462
- индивидуализация 417
- индивидуализация/отсутствие индивидуализации 508
- интерпретация:
 - дирекционная 744, 745
 - локативная 744
 - полная семантическая 744
- интонационная конструкция 396
- интонационный рисунок текста 591
- инфинитив 121
- информанты: 49—97, 382, 419, 425
- количество 51, 97
- расхождения в ответах 50
- требования к ним 97
- информативная структура высказывания (известное/новое) 393, 396, 591, 613, 622, 627
- информация о включении в мироощущение, видение мира 342, 345
- информация о включении Y-а в качестве элемента программирования действия X-а 191
- информация о том, что:
 - X становится носителем Y 177
 - Y есть действие или продукт действия X 185
 - Y есть действие или результат действия, направленного на X 195, 196
- искусственная денотативная ситуация (экспериментирование) 319
- истинность:
 - отображения 334, 335
 - пропозиции 313, 331
- исходное/последующее 396
- картина мира: 722
- языковая 740, 742, 940
- каузативный глагол (термин) 354
- качественная идентификация 630, 631, 652, 653
- квантор: 683**
- единичности 431, 435, 441
- общности 431, 435, 441
- существования 429, 432, 434, 529
- кванторные предложения 433
- когнитивные исследования 745, 941
- коденотативная именная группа 474
- количественно (кванторно)-экзистенциальное значение 641—645
- комбинация смысловых элементов, сочетающихся с информацией о «включении Y в систему S» 211—213
- коммуникативная ориентированность 397
- коммуникативная перспектива — см. теория коммуникативной перспективы высказывания
- коммуникативные:
 - слитность/членимость 393, 402, 434, 623—625
 - структура высказывания 392, 433, 434
- элементы 591, 613;
- компонентный анализ: 42, 51, 81—91, 107, 304, 309, 725—727, 751,
- обособление 81—91, 107
- общие недостатки 88—90
- компоненты значения 42, 43, 126, 441, 751, 878
- конкретность/абстрактность 389, 391
- конкуренция конструкций 149, 154
- конкуренция языковых единиц 121
- коннотация 464
- конструкт: 387, 391, 569
- индивида 389, 390, 391, 420, 433
- типизированный 421
- члена класса 590
- контекстная информация 133, 751
- контрастивная (парадигматическая) функция 396**

- контрастный (парадигматический) фокус высказывания 396
- конфигуративные:
— признаки 120, 121, 130
— ограничения 155—159, 369
- концепт: 384, 423, 743, 745, 747, 749, 931
- пространственный 730, 736, 754
- семантический 739, 740
- концептуализация:**
— пространственных отношений 736
- сцены 743
- «концептуальное» тождество 423
- «концептуальные» определения значения 45
- конъюнкция 466, 751
- конъюнктивные связи (в структуре значения) 43
- корелативность (коденотативность)** 420
- корелативные (коденотативные)** отношения 377
- коституент** 619
- лексема 116
- лексико-синтаксическая модель (как показатель особого значения) 348
- лексические:
— оппозиции 132
- статус 173
- лингвистика:
— когнитивная 735
- концептуальная 735
- современное состояние 59
- основные задачи 60, 61
- лингвистический контекст 128—130
- лингво-культурный предвыбор 739, 742, 753
- локализация, локализация **ванность** 391, 392, 602
- локатив 616, 621, 658
- локативная группа 873
- локативный 572, 658, 730
- локализация объекта 758, 929, 930
- локус: 745, 755, 761, 807, 814, 904, 912, 923, 926, 936
- потенциальный 928
- местоимения 377, 378, 406
- местоименное значение 377, 378, 385, 406, 410, 428, 435, 550
- местоположение 725, 727
- метатермины 438, 750, 931
- метафора 729
- метаязык семантического описания 52, 750
- методика семантического исследования, описания 45, 46—51, 60, 92—95, 126—131
- многократность (многократное событие) 439, 446
- многозначность: 307, 310, 722, 728, 729, 931
- типы 751, 939
- многозначные слова: 349, 350
- структура 363
- множество: 351, 389, 430, 434, 462, 565, 574
- дискретное/идискретное 742
- закрытое 937
- запрограммированное 638, 639, 641, 646, 652, 653
- объектов 795
- однородных элементов 144, 145
- модель:
— геометрическая 731
- локативная 572, 573, 611, 627
- мыслительная 733
- посессивная 560, 561, 612, 816
- производная 612
- пространственная 602, 611, 741, 743
- речевого акта 64
- синтаксическая 29—33, 38, 69, 67, 575, 602—612, 628—652
- словосочетания 609, 612
- экзистенциальная (бытийная) 430, 560, 561, 602, 611, 676, 677
- экзистенциально-посессивная 560, 561, 574—577, 676, 677
- мышление (термин) 63
- наблюдатель 740, 741, 755, 763, 778, 797, 806, 808, 811—814, 821, 904, 909, 917, 922, 933
- наблюдатель-экспериментер 808, 812, 868, 872, 874, 878, 931
- набор признаков 401, 402
- назывные (номинативные) предложения 631—633
- направленность целевая 758
- наречия:
— дистанционно-пространственные 757, 813
- дистанционные 754, 757, 758, 813
- незнаковая информация 116
- неопределенность 438
- нереферентное употребление 390, 569
- номинация: 821, 932
- свернутая/несвернутая 402, 403
- носитель свойства 569
- область: 817, 886, 888, 901
- актантная 827, 831, 832, 848
- геометрическая 820, 825, 830, 832, 848, 851, 854, 858, 877
- ориентира (релятума) (Y-a) 734, 816, 819, 885, 920, 930,
- пограничная 756, 757
- образ 426
- объект:
— лингвистики 28, 35
- локализуемый 754
- невещественный 836
- отображения 336—338
- персонафицированный 798
- «посессивный» 896
- семантический 371
- тождественный 591
- ограничения (сочетаемости) 730, 121
- однократное реализованное событие 476
- однократность/многократность 442
- однородность 908
- означаемое 117, 383, 384, 747—749
- означающее 116, 118
- окказиональное употребление 208, 209
- окрестность:
— говорящего 740, 741, 756
- объекта 851, 903
- операционное определение значения 52
- оператор 467
- опозиция семантическая:
— бинарная 727
- дополнительная 135
- ориентация:
— осевая 737
- типы 740
- ориентир: 738, 754, 823, 933
- вторичный 737
- «классический» 917
- количественные характеристики 737
- отношения:
— **агентивные** 889, 935, 939
- актантные 931, 936,
- геометрические 731, 734, 744
- дистанционно-пространственные 721
- дистанционные 940
- каузальные 775
- конверсивности 170, 265
- непространственные 879, 888, 901, 902, 931
- посессивные 578, 788, 816, 818, 851, 879, 880, 887, 894, 904, 920, 931, 935, 936, 939, 941

- пространственно-посессивные **816**
 - пространственные 733, 776, 877, 897, 931, 940, 941
 - психосоциальные 902
 - собственности 154, 164, 165
 - топографические 734
 - **характеризации** 614, 617—619
 - эмоциональные 907
 - отображение: **314**
 - абстрактное, конкретное, образное 64—66
 - «конструируемое» **314**, 327—330, 332
 - «проецируемое» **314**, **315**, 327, 329—332, 335, 339
 - первичное/вторичное 332—335
 - способ построения **314**, 336
 - эмоциональное 337, 338
 - «отрицательный» материал исследования 49, 97, **115**, 131
 - перемещение: 925, **926**, 929, 930
 - партитивное **921**, 926, 929
 - план выражения **118**
 - подзначение **136**, **752**, 867
 - подпространство 883, 884
 - подчинительные связи (в структуре **значения**) **42**
 - подход парадигматический/синтагматический 724, 725
 - позиция: 904, 923, 935, 937
 - агенса 828, 848, 934, 935
 - одного ряда **912**, 922
 - ожидания 859, **861**
 - парадигматического контраста **691**
 - пространственная 914
 - рабочая 848, 859, 935, 936, 940
 - рематическая 799
 - ролевая 394
 - смежная **721**, 754, 755, 905, 911, 939
 - функциональная 938
 - полисемантичесность (многовариантность) 131—133, 901
 - понятийный аппарат 722, 750
 - порядок слов **396**
 - посессив **582—584**
 - посессивность **143**, **561**, 577—585, 602, 603, 879, 898
 - посессивные:
 - единицы 578, 579
 - модели 580, 585, 666—670
 - отношения 560, **561**, 574, 575, 577—585, 676—678
 - посессор 579, 581, 582—585, 602, 816—818, 879, 880, 939
 - психологическое качество 151, 152, 155
 - правила сочетаемости 134
 - правильность постулата 114
 - прагматика **411**
 - прагматические знаки **411**
 - предварительные условия 730, 731
 - предикаты:
 - действия 585—594
 - качества 588, 589
 - наличия 689
 - пассивного результата 592
 - пространственные 598—602
 - процесса **585—594**
 - свойства 585—594, 687, 688
 - связочные/несвязочные 597
 - состояния **585—594**, 687, 688
 - тождества 591
 - фазовые/нефазовые **585—594**
 - предикативный тип **591**
 - предсказание поведения единицы в речи **115**
 - представление(я): 64
 - внеязыковые пространственные 734, 738
 - геометрическое 728
 - концептуальные 734
 - ментальные 749
 - общекогнитивные 902
 - топологическое 742
 - презумпция существования 569
 - преобразование посессивных отношений 939
 - предсуппозиция 40, 41, 417, 424, 462, 571—573, 603, 690, 751, 759, 813, 914, 932
 - признаки семантические:
 - ассоциативный 40, 307, 308
 - денотативный **103—105**
 - дифференциальный (разграничительный) **39**, **40**, 82, 83, 85—87, **118**, 125, 309, 741, 749, 939
 - дополнительный 934
 - интегральный (избыточный) 40, 82—87, 349, 364
 - интегрально-различительный 939
 - категориальный 135
 - конфигуративный 44, 45, 91, 105, 135, 136, 146
 - неосознаваемый 103
 - неустойчивый 103
 - константные и переменные **308**, **311**
 - смысловой 105
 - стилистический 120, 135, **136**, 146
 - экспрессивный 105, 120, 124
 - экспрессивно-содержательный 44
 - вариант признака **133**
 - признаки семантические, выделяемые при семантическом описании:
 - абсолютного/вероятностного суждения 32
 - **акцентирования/неакцентирования** внимания **518**, 525
 - **альтернативности/единственности** **517**
 - альтернативности/неальтернативности 389, 439, 464, 475, 502
 - включения Y-а в существование X-а 354, 358
 - включения Y-а в число элементов, программирующих деятельность X-а 360
 - временной характеристики 352
 - входящая Y в «существование» X **168—219**
 - качественного и количественного участия 440
 - коммуникативной членности/слитности 397
 - **конструируемого/проецируемого** отображения **314**
 - лично/нелично-обусловленного суждения 104, 304, 316, 317, 320—332
 - нахождения в пространстве E_xSX 349—363, 364, 367, 372
 - основания, положенного в основу суждения **319**, 320
 - отстраненности **425**
 - пространственной близости/дальности **511**
 - расстояния 768
 - **реализованности/возможности**, необходимости реализации 442
 - реализованности/еще не реализованности 442
 - существования **441**
 - **фактивности/нефактивности** **312**
 - экзистенциальности **139—145**, 390
- примитив **751**
- «промежуточный» уровень существования значения 64
- пространственная интерпретация 568, **569**, 573, 574, 602, 603, 632
- пространственные конструкции 142
- пространство: **140—142**, 143, **350—352**, 357, 366, 429, 564—568, 574, 632, 655,

- 656, 722, 737, 813, 814, 928, 931, 935, 937, 938
- актантное 877
 - геометрическое 852, 854, 964
 - «дальнее» 933
 - данное в перцептивном восприятии 762
 - закрытое 785
 - наблюдаемое 778, 814
 - нахождения 904, 929, 932
 - «свое» 785
 - субстанциональное 821
 - топологическое 817
 - физико-духовное 795
 - физическое 831, 864
 - функциональное 936, 938
 - «широкое» 922
- пространства:
- преобразование 770, 939
 - способы вычленения 931
 - типы 357, 366, 741, 814
- противопоставление(я):
- бинарные 725
 - парадигматические 727
 - семантическое 739
- протоситуация 386, 476
- прототип 748, 749, 751, 910
- процессы когнитивные 723
- равнозначность 908
- различия:
- стилистические 859
 - трансформационные 138
- распространение 578, 584, 603
- расстояние 721, 454, 755, 760, 762, 796, 813, 915, 919, 922, 924, 926, 928—932, 938
- расщепленная структура семантических признаков 363
- релеатор 732, 733
- релятум 721, 730, 754, 891, 937, 938
- референт 384, 399, 417, 426, 730, 797, 938
- референтное употребление 392, 418
- референтный/нереферентный (понятие) 388, 392
- референция 377, 438
- речевая деятельность 28, 29, 73
- речевая информация 36
- ритмический рисунок текста 147
- ряд(ы): 904, 911, 914, 933
- параллельные 922
 - смежные 934
- рядность 940
- свойство 579, 582
- связка (копула) 590, 594—598, 603, 604
- связь(и):
- актантные 941
 - имплицитно предполагаемые 744
 - пространственные 888, 941
 - функциональные 733, 734, 933
- сдвиги:
- адаптационные 728, 748
 - по сходству 728
 - семантические 728
 - смысловые 731
 - толерантные 728
- сегмент пространства 733
- семантика: 724, 730
- акцентного выделения 393
 - глаголов 745
 - концептуальная/неконцептуальная 740
 - лингвистическая 34, 743
 - предлога 744, 745
 - пространственная 735, 740
 - ситуационная 743, 744
- семантические:
- группа 40, 349
 - категория 729
 - микросистема 309, 722, 815, 902, 939, 940
 - описание (научная значимость) 46—48
 - определенность 684
 - производность 578
 - структура 117, 632
 - структура слова 307, 308, 367
 - структура соприкасающихся кругов 367
 - толкование 51, 740
 - семасиология частная 54
 - сигнификат 387
- синтагматические:
- ось 121
 - сочетаемость 130
 - контраст 485
 - синтаксис 29, 31, 33
- синтаксические:
- отношения 394
 - значение 30, 33
 - семантика 33
 - слова 70
- система:
- парадигматическая 726
 - пространственных предлогов 734
 - семантическая 902, 934
 - языковых единиц 734
- ситуации:
- визуально наблюдаемые 785
 - «двусмысленные» 296
 - реальная 744
 - речевая 377, 743, 744
 - типы 744
- ситуационная роль 615
- скрытая предикация 402
- следствия из гипотезы 53
- слова:
- дистанционно-пространственные 756, 762, 815, 931, 932, 941
 - дистанционные 756, 762, 815, 931, 932, 936, 941
 - с широким значением 310, 349, 350
 - смысл контекста 116
 - смыслы дополнительные 728
 - событие 573, 574, 580, 581, 686, 697, 698
 - событийные существительные 573, 650—652
 - событийный элемент 382
 - совокупность 456, 466
 - соотношение значений языковых единиц 308
 - состояние 366
 - способ представления денотата 405
 - среда: 833, 835
 - духовная 865, 866
 - психологическая 834
 - психосоциальная 833, 834, 838, 848, 849, 865, 878, 935, 940
 - психофизическая 833, 838, 848, 849, 865, 878, 889, 935, 940
- стилистические градации 122
- стиль речи 122
- структура:
- близкая к ряду 934
 - геометрическая 903
 - глубинная 748
 - семантическая 722, 749, 901, 931
- структурная схема предложения 605—612
- субъект:
- определяющий 369, 372
 - семантический 371
 - ситуации 390, 403, 454
- страдательный/нестрадательный 372
- суждения 426
- субъективная модальность 480
- суммирование 468
- существование 140, 143, 429
- схема:
- образная 729
 - семантическая 728
- текст (определение) 62**
- тема/рема 591, 613, 614, 767, 799**
- тематическая прогрессия 619
- теории:
- дескрипций 569
 - референции 402
- теория коммуникативной перспективы 393, 396, 433, 560, 591, 610, 613—627, 665

- типы информации, составляющей значение: **35—37, 54, 78—80**
 — смысловая 43
 — стилистическая 43
 — экспрессивная 43, 44, 105
 — конфигуративная **43—45**
 типы высказываний в зависимости от коммуникативной цели 329—335
 трансформа **31**
 тождество значений **106**
 топикализация 738
 топография сцены 733
 точка отсчета 762, **814**
 траектория 726, 727
 трансформация локативных моделей **731**
 узус 579
 указательность 408
 употребление:
 — референтное/ нереферентное 309, **314, 772, 832, 833**
 — «прототипическое» 923
 — типовое 939
 — эгоцентрическое **741**
 уровень:
 — значения языковых форм 752
 — когнитивный 752
 — концептуальных структур 752
 — семантический 752
 условия употребления 378, 381, 384, 392, 432, 437
 устойчивость словосочетаний 163, 164
 участник события **410, 411, 417, 419, 422, 441, 452, 462**
 фазовость существования 573, 586
 «фигура» и «фон» (понятия) 737
 фигура геометрическая 933, 939
 фокус контраста 396, 397, 509, 622, 623, 625—627, 690—694
 фокус сообщения 464
 фразеологический ряд 121
 фрейм: 815
 — взаимосвязанных событий 807
 — несобытийный 802, 804
 — общий 810, 937
 — событийный 796—801, 804—806, 809, 813, 929
 фреквентативность (термин) 467
 функция(и):
 — агентивная 830, **831, 889, 902**
 — геометрические дескриптивные 728, 731
 — локативная 873, 936
 — прагматические 728
 — рематическая 799
 — тематическая 759
 функциональные:
 — опора 734
 — перспектива 396, 509
 — управление 734
 характеристика: 378, 383, 394, 396, 397, 399, 403, 413, 417, 427, 433, 434, 549
 — свернутая/несвернутая 398, **402—404**
 характеризуемое/характеризирующее (понятия) **393—399, 613—622, 689—691**
 характеристика(и):
 — геометрические 735, 879, 935
 — инвариантная 814
 — субстанциональные **821**
 — топологические 735
 — функциональная 868
 центральный:
 — персонаж фрейма 807
 — событие фрейма **812**
 член класса 632
 экзистенциальность (категория существования, бытийность) 390, **559—561, 563, 564, 568—571, 571—574, 602, 603, 655—657**
 экзистенциальные (бытийные) предложения 430, 433, 563, 564, 602, 603, 628, 629, 631, 632, 633, 660
 экзистенциальные и экзистенциально-посессивные конструкции 352
 эксперимент в семантике: 48—50, 60, 92, 93, 95—98, 114—126, 126—131, 380, **382, 750**
 — метод варьирования одного параметра 48, 49
 — особенности **95—98**
 — проверка достоверности гипотезы 52, 53, **60, 92—93, 126—131**
 — теоретические основы **94, 95**
 — условия выявления значения 102—105
 — установление контекстных и денотативных зависимостей **53, 98—102**
 экстенционал 746
 элемент:
 — конструктивный 778, 822, 823, 848, 851
 — множества 389, **431, 440, 839, 846, 849, 935, 940**
 «эмоциональное» сознание **334, 335**
 эмфатические высказывания 457
 «эмфатическое положение» глагола 143
 ядерное предложение **31**
 язык и мышление 63
 язык и речевая деятельность 32, 33, 71—74
 язык как система знаков **27—29, 32, 34, 54, 71, 74**
 — как система правил 29
 — разнородность языка 72, 73
 языковые:
 — код 29, 30, 65—67, 74, 75
 — единица 378, 381, 382
 — знак 37, 62, 381, **384, 395, 399**
 языкознание (основная задача) 34, 53

Ольга Николаевна Селиверстова

ТРУДЫ ПО СЕМАНТИКЕ

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление переплета
С. Жигалкина и Ю. Саевича

Корректор М. Тимофеева
Верстка И. Кулаковой

Подписано в печать 18.07.2004. Формат 70x100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура **Таймс**.
Усл. печ. л. 52,89. Тираж 800. Заказ № 4224.

Издательство «Языки славянской культуры».
ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: Lrc@comtv.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел.: (095)247-17-57, e-mail: gnosis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.

(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication

by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

Ольга Николаевна Селиверстова, (1934—2001), выдающийся лингвист, доктор филологических наук, профессор, 35 лет работавшая в Институте языкознания Российской академии наук в области семантических исследований. Ею опубликовано свыше 70 работ, ряд из них — за рубежом. Избранные труды О. Н. Селиверстовой включают наиболее значительные монографии и статьи, посвященные фундаментальным проблемам семантики, комплексному описанию различных микросистем языка и углубленному анализу коммуникативной структуры высказывания. Особое внимание автор уделяет методам семантических исследований, рассматривая лингвистический анализ как естественнонаучную методику познания. Собранные в настоящей книге работы отражают теоретические взгляды автора и представляют результаты тонкого семантического анализа разнообразного языкового материала. Большинство из этих публикаций являются в настоящее время практически недоступными для широкого читателя. В частности, монографии «Компонентный анализ многозначных слов», «Местоимения в языке и речи», а также монография «Русские пространственно-дистанционные предлоги и наречия», опубликованная в Германии.

